Г. Ф. МИЛЛЕР

ИСТОРИЯ СИБИРИ

ИЗДАТЕЛЬСТВО АКАДЕМИИ НАУК СССР
МОСКВА 1937 ЛЕНИНГРАД

ОТВЕТСТВЕННЫЙ РЕДАКТОР
ДИРЕКТОР ИНСТИТУТА ЭТНОГРАФИИ
И. Н. ВИННИКОВ

РЕДАКТОР ТОМА
ПРОФ. А. И. АНДРЕЕВ

СОДЕРЖАНИЕ

ПРЕДИСЛОВИЕ

Во второй том «Истории Сибири» Г. Ф. Миллера, издаваемый Институтом этнографии Академии Наук СССР совместно с Институтом народов Севера имени П. Г. Смидовича и Архивом Академии Наук СССР, вошел перевод глав 6—9. Как известно, главы 6—9 были напечатаны на немецком языке самим автором в 1763 г. в восьмом томе «Sammlung Russischer Geschichte», стр. 1—366, причем 6-я, 7-я и 8-я появились затем в русском переводе в «Ежемесячных сочинениях» за 1764 г., редактором которых был Г. Ф. Миллер; был приготовлен также перевод гл. 9, но за прекращением издания «Ежемесячных сочинений» перевод этот не был напечатан.

По своему содержанию печатаемые главы имеют некоторые особенности. Материал распределен в них по географическому принципу и расположен до известной степени тематически. В них выделяются две основные темы. Первая тема — русская колонизация; здесь Миллер собрал обширные и очень точные данные о построении слобод в Сибири; в связи с вопросом о колонизации стоят и многочисленные известия о строении монастырей и церквей. Вторая тема — о взаимоотношениях между московскими властями и калмыками — имела в первой половине XVIII в. совершенно актуальное значение, поскольку джунгарские хун-тайчжи продолжали предъявлять свои права на сбор албана (дани) с барабинских татар. Одной из задач исторического исследования Миллера и являлось доказать необоснованность этих претензий.

В основу печатного текста на немецком языке, вышедшего в 1763 г., Г. Ф. Миллер положил тот первоначальный текст «Истории Сибири», который был написан им в 1750—1752 гг. Сличение печатного текста с сохранившимся в рукописях[1] показывает, что первоначальный такст подвергся в 1763 г. значительной переработке: так, сохранившиеся отрывки немецкого текста гл. 6 — §§ 1—15, 60—73 — представляют теперь §§ 1—14, 36—44 печатного текста гл. 6; гл. 7 первоначальной редакции вошла в большей своей части в гл. 6 печатной редакции (§§ 54—91); бывшие в конце гл. 7 первоначальной редакции §§ 44—60 составили содержание особой работы автора «О первых путешествиях русских в Китай». Глава 8 первоначальной редакции составила содержание гл. 7 печатной редакции, последние параграфы которой (75—87) оказались заимствованными из гл. 17 первоначальной редакции. Глава 9 первоначальной редакции вошла в гл. 8

---

[1] ГАФКЭ, портфели Миллера, № 516, II, и 503, II.

печатного издания; но для начала этой последней использованы некоторые из первых 13 параграфов гл. 13, а для конца гл. 8 печатного издания (с § 57) были переработаны §§ 14—21, 24—27, 33, 41—44, 50—52, 60—68 той же гл. 13 первоначальной редакции. Глава 10 первоначального текста составила содержание гл. 9 печатного текста, но имевшиеся в той же гл. 10 §§ 53—65 (о сношениях с китайцами и манчжурами) не вошли в новую редакцию и будут напечатаны в приложении к статье «О первых путешествиях русских в Китай»; для второй половины гл. 9 печатной редакции (§§ 54—94) были взяты §§ 1—42 гл. 14 первоначальной редакции.

Помимо иного распределения материала по главам, печатный текст глав 6—9 отличается от первоначального текста глав 6—10, 13, 14 и 17, которые вошли в него целиком или частично, также иным распределением текста по параграфам, более краткой редакцией отдельных параграфов и большей обработкой в стилистическом отношении. Рукописи переработанного текста не сохранилось, но во многих случаях изменения и исправления отмечены на рукописи первоначальной редакции.

Для глав 6—8 первоначальной редакции, составивших гл. 6 и часть гл. 7 печатной редакции, Г. Ф. Миллером были приготовлены копии документов, на которые он ссылается в этих главах; они сохранились в ААН.[1] Но когда канцелярия Академии Наук поставила автору требование ограничиваться в ссылках только указанием «архива» и номера документа (под «архивом» разумеются те копийные книги, которые были составлены под руководством Миллера в разных сибирских архивах),[2] то дальнейшая работа по снятию копий — приложений к тексту — не производилась. В немецком тексте, изданном в 1763 г., никаких указаний на «архивы» нет, и их пришлось устанавливать по авторским указаниям, имеющимся в рукописях первоначального текста. Но в виду его переработки и иного расположения текста по главам и параграфам в нескольких случаях (главным образом в начале гл. 8) не удалось отыскать те документы, которыми Г. Ф. Миллер подтверждал свой рассказ. Кроме ссылок на копийные книги, Г. Ф. Миллер в нескольких случаях ссылается на свои «annotata», сделанные им в разных сибирских архивах; эти «annotata», кажется, могут быть отысканы в портфелях 521, I — II, среди многочисленных заметок Миллера, сделанных в Сибири. При отсутствии документов Миллером были использованы также найденные в тобольском архиве подробные архивные описи XVII в. «столпов» тобольских дел. Ссылки на «annotata» и описи столпов отмечены в примечаниях к тексту соответствующих параграфов. Наконец, в ряде случаев Миллер ссылается на тот «Экстракт из ясачных книг Мангазеи», который был составлен в июле 1739 г. по его поручению одним из сопровождавших его студентов. В мангазейском архиве, находившемся тогда в Туруханске, хранились ясачные книги более раннего периода, чем те, которые имеются в настоящее время в архиве Сибирского приказа; в виду этого «Экстракт» в части своей (до 1625 г.), за гибелью самих книг, из которых сделано это извлечение, представляет несомненную ценность; хотя «Экстракт» этот не является документом в том смысле, какой

[1] ААН, фонд 21, оп. 4, № 36.
[2] О них см. „Историю Сибири", I, стр. 565, 566.

имеют прочие документы, на которые ссылается Миллер, все же он будет напечатан в одном из следующих томов.

Некоторые из приложений, на которые ссылается Миллер, сохранились, кроме копийных книг, хранящихся в ААН, также в сборниках и тетрадях некоторых портфелей Миллера в ГАФКЭ,[1] но последние в большинстве случаев являются лишь более поздними копиями копий ААН СССР, в виду этого на них не делались ссылки при указании источников.

Кроме этих копий XVIII в., некоторые из печатаемых в приложениях документов, несомненно, сохранились в копиях XVII в. в ГАФКЭ среди «калмыцких», «монгольских» и других подобных дел; эти копии XVII в. не могли быть использованы для издания, так же как «переписка тобольских воевод с калмыцкими тайшами» 1636—1637 гг.,[2] входившая в XVIII в. в состав портфелей Миллера.[3] Оказавшиеся в архиве Института истории и в ГАФКЭ[4] подлинники некоторых документов, печатаемых в приложениях, отмечены в легендах. За немногими исключениями, все приложения печатаются по копиям 1736—1742 гг.. хранящимся в ААН СССР; в легенде отмечается книга ф. 21, по описи 4, из которой извлечен документ, а также листы и (для № 22) страницы книги.

Что касается правил передачи текста документов, составления заголовков и пр., то при подготовке второго тома были учтены те указания, которые имеются в правилах Института истории 1936 г. Те изменения правил 1936 г., которые были внесены при подготовке в Институте истории в 1937 г. сборника новгородских и псковских актов до XV в., приняты также во внимание при подготовке текста приложений второго тома.

Для примечаний ко второму тому использованы, кроме копийных книг ААН, также архивные материалы, хранящиеся в фонде Сибирского приказа, в особенности те, которые имеются в первых книгах этого фонда.[6] Эти книги были составлены в Сургуте, Тобольске, Таре, Томске и других городах после московского пожара 1626 г., когда погиб архив Казанского дворца и вместе с ним все «Сибирские дела» за период 1613 — 1626 гг.; тогда, по распоряжению из Москвы, в сибирских городах были сняты копии с некоторых документов и книг, которые и составили содержание отправленных в приказ книг.[7] Таким образом эти копийные книги, по происхождению имеющихся в них документов и по характеру своих данных, особенно близки к тем документам, которые для того же периода (до 1626 г.) имеются в копийных книгах документов тех же местных архивов, использованных Г. Ф. Миллером. В некоторых случаях они дают такие материалы, которые ко времени Миллера уже не сохранились в местных архивах. В приложе-

[1] Портфели Миллера, №№ 133, 184, 477 и др.

[2] Пуцилло. Указатель делам и рукописям, относящимся к Сибири. М., 1879 стр. 25.

[3] Голицын. Портфели Г. Ф. Миллера. М., 1899, стр. 33 (№ 313).

[4] Портфели Миллера, № 478, I—II.

[5] ААН, ф. 21, оп. 4, кн. №№ 2, 5, 6, 8, 10, 11, 16, 17, 21, 22, 27 и 30.

[6] Кн. I—8, 11 и др.

[7] О том, с каких книг и документов снимались копии, можно найти указания например, в грамоте 1620 г. (АИ, III, № 90) по аналогичному поводу, когда Казанский дворец захотел восстановить потерянные верхотурские грамоты и книги 1606—1613 гг

ниях включены две грамоты из книги № 6, как особенно ценные для пояснения того текста, к которому они приложены.

В виду того, что количество приложений оказалось весьма большим по объему, пришлось отказаться от напечатания во втором томе глав 10 и 11 «Истории» статьи Г. Ф. Миллера «О первых путешествиях в Китай» и продолжения описания рукописей Г. Ф. Миллера и его сотрудников по второй Камчатской экспедиции; они будут напечатаны в следующих томах.

Перевод немецкого текста глав 6—9 выполнен Г. Л. Гейермансом и проредактирован А. И. Андреевым и С. В. Бахрушиным.

Приложения к тексту — документы 1596—1661 гг. — подготовлены к изданию А. И. Андреевым.

Примечания к тексту и документам составлены С. В. Бахрушиным и А. И. Андреевым; принадлежащие каждому из них примечания подписаны начальной буквой их фамилий. Примечания, подписанные «Б—й», составлены С. К. Богоявленским. Перед параграфами текста, к которым даны примечания, поставлена звездочка.

Историко-географическая карта Сибири первой половины XVII в. приготовлена К. Н. Сербиной, которой составлены также замечания к карте.

Указатели ко второму тому составлены А. Я. Андреевой.

Общая редакция второго тома принадлежит С. В. Бахрушину.

Редакция

Г. Ф. МИЛЛЕР

ИСТОРИЯ СИБИРИ

Глава шестая

РАЗНЫЕ СОБЫТИЯ. ПОСТРОЕНИЕ ЦЕРКВЕЙ И МОНАСТЫРЕЙ. УСТРОЙСТВО СОЛЯНОЙ ВАРНИЦЫ. НАЧАЛО НЕКОТОРЫХ СЛОБОД. ОБДОРСКИЙ ГОРОДОК И ТУРУХАНСКОЕ ЗИМОВЬЕ. ДРЕВНЕЙШИЕ ОТКРЫТИЯ НА РЕКЕ ЕНИСЕЕ И НА ЛЕДОВИТОМ МОРЕ. ВОССТАНИЯ И ВОЕННЫЕ ДЕЙСТВИЯ

§ 1. До сих пор руководящей нитью нашего рассказа была история завоевания Сибири и приобретения новых земель. Иначе и не могло быть, так как в первое время расширение границ было если не единственной, то, во всяком случае, важнейшей задачей. Но с течением времени такое положение изменилось. Стало ясно, что вновь основанные города необходимо украсить и укрепить. Стали заселять завоеванные области; нужно было удерживать в повиновении покоренные народы, неоднократно пытавшиеся снова освободиться; надо было защищать от нападения врагов то, что уже было приобретено. Итак, было бы недостаточно, если бы я стал продолжать описание дальнейшего завоевания Сибири, не упоминая о выдающихся событиях, происходивших в уже завоеванных местностях. Настолько же неудачной явилась бы попытка описывать эти события в хронологическом порядке. Поэтому мы будем иногда возвращаться к местностям, уже завоеванным, и рассказывать о событиях, в них происходивших. Обширные пределы, которых постепенно достигла Сибирь, укажут нам порядок дальнейшего повествования.

* § 2. Сначала мы упомянем о некоторых обстоятельствах и событиях в уже знакомой нам части Сибири и начнем с города Тюмени, самого старого из сибирских городов, тем более, что известие, о котором будем говорить, появилось раньше всех других. Оно относится к 7103 (1595) г.[1] и касается царского жалования жителям Тюмени на постройку острога. Следует ли из этого заключить, что речь идет здесь о постройке, начатой на Тюмени воеводой Василием Сукиным еще в 1586 г.[2] и законченной только в 1595 г.? В таком случае нам пришлось бы признать большую медленность в ходе этого дела. Будет более правильным, если мы предположим, что первоначальный острог, вследствие наспех произведенной работы, оказался недолговечным и что вскоре пришлось построить другой, более крепкий и прочный, за что и были розданы награды в 7103 г.

§ 3. Такое жалованье в старину называлось «послужными деньгами». Оно, правда, было невелико, но особенно ценилось, потому что раздавалось в соответствии с царским указом, как бы непосредственно от его царского величества. Обычно послужные деньги выдавались после столкновений с неприятелем участникам их, причем распределялись в соответствии с «послужными списками», в кото-

---

[1] Приложение № 1.
[2] История Сибири, I, стр. 272.

рых сообщалось с мест о происшедшем и обычно упоминались заслуги каждого из участников в отдельности.[1]

В упомянутом указе как раз имеем подобный пример: в нем говорится о тюменских казаках, участвовавших в барабинском походе 1595 г.[2]

* § 4. В 1595 г.[3] с Тюмени ушли 50 человек служилых татар с женами и детьми; они направились в область, лежащую по верхнему течению Тобола, и захватили с собою еще 30 человек ясашных татар, живших в уезде. Ясашные татары названы башкирцами и кинырцами; эти народы теперь в Тюменском уезде более не встречаются. Башкиры никогда не принадлежали к коренным жителям Тюменского уезда, а появлялись там иногда, как перебежчики из Уфимского уезда, и, таким образом, они возвращались теперь к себе на родину. Кинырцы же — первоначальные обитатели местности выше Тюмени по реке Туре, на северном берегу которой, в 13 верстах ниже устья реки Ницы, у них было укрепленное местечко, называвшееся Кинырским городком, который в позднейшее время совершенно исчез.

§ 5. С Тюмени немедленно послали им вслед отряд русских и татар, чтобы уговорить их возвратиться. Посланные встретили этих людей на острове на реке Исети, но все усилия вернуть их были напрасны. Вину за свой уход беглецы сваливали на толмача, будто бы сказавшего, что в Сибирь едут новые воеводы и везут царский указ о том, чтобы 12 самых знатных и богатых татар убить, других же с женами и детьми сослать на Тару, а всех остальных заставить пахать пашню. С таким ответом посланные возвратились 26 июня 1595 г. на Тюмень. Эта посылка была, конечно, не единственной, и возможно, что и следующая отправка имела целью возвращение этих татар, хотя в следующем году они могли дойти до Уфимского уезда.

§ 6. Летом 7104 (1596) г.[4] с Тюмени был предпринят поход против башкир Уфимского уезда, во время которого многие из них были побиты, а жены и дети их были взяты в плен и приведены на Тюмень. Уфимский воевода Михаил Александров сын Нагой сообщил об этом деле в Москву, откуда тюменскому воеводе князю Владимиру Бахтеярову-Ростовскому был отправлен указ об отпуске и возвращении башкирских пленников их родственникам. Но воевода уклонился от исполнения этого указа под тем предлогом, что многие пленники уже померли, а иные де многие распроданы по другим сибирским городам или казнены. В 7106 (1598) г. в Уфу возвратилось единственное башкирское семейство. Впоследствии на Тюмени отрицали все события, связанные с совершенным походом и с уводом в полон башкир.

* § 7. В 7104 (1596) г. из Москвы было послано в Сибирь распоряжение,[5] которое оказалось очень полезным для постепенного развития в новых русских поселениях торговли с бухарцами,[6] возникшей ранее, но еще недостаточно окрепшей. Кажется, нет народа, более способного к торговле, чем бухарцы. Их караваны пересекают всю Азию, и этому не препятствуют ни громадные и безводные пустыни, ни почти неизбежный в таких дальних путешествиях недостаток в продовольствии, ни опасность подвергнуться столь обычным здесь нападениям разбойничьих народов. С целью привлечения бухарцев в Сибирь было приказано, в случае их приезда, сразу же освобождать их от платежа таможенных пошлин и оказывать им почет и дружбу, ни в коем случае не допуская жалоб и исков с их стороны. Города Тобольск, Тюмень, Тара, а в последующие годы и Томск, благодаря удобству их расположения для торговли с этими народами, стали не только часто посещаться боль-

[1] История Сибири, I, стр. 296.
[2] Ibid., стр. 297.
[3] Приложение № 2.
[4] Приложения №№ 14 и 15.
[5] Приложение № 4.
[6] История Сибири, I, стр. 293.

шими торговыми караванами бухарцев, но многие жители Большой и Малой Бухары стали селиться в названных городах.

§ 8. В 7108 (1600) и 7109 (1601) гг. было решено построить на Тюмени, население которой к тому времени значительно увеличилось, две новые церкви. С основанием одной из них дело происходило следующим образом.[1]

Построенная при основании города соборная церковь во имя Рождества богородицы была с самого начала мала, и хотя была еще другая церковь — во имя Николая с приделом во имя Федора Стратилата, но она предназначалась для службы только в зимнее время. Поэтому было решено построить вместо первой церкви — новую, под тем же названием, но несколько больших размеров. Что же касается второй,[2] то жители Тюмени испросили разрешение построить для своих нужд приходскую церковь и поставили ее за острогом, среди жилых дворов; она освящена была во имя Бориса и Глеба.

* § 9. 7109 (1601) год замечателен для Тюмени тем, что в этом году в городе возникла слобода русских ямщиков, тогда как до этого времени обязанность давать подводы лежала на татарах. Мы уже упоминали[3] о жалобах на подводную повинность, поступавших от народов, живших около большой дороги. Теперь в Москву обратились с челобитной тюменские татары[4] и тем легче получили просимое освобождение от этой повинности, что до них уже многие татары добились того же самого. Вместе с тем в Москве было доказано, что новая слобода будет способствовать дальнейшему росту города. Сначала ямских охотников поселили в остроге, вместе с остальными жителями. Но в виду того, что под пашню им была отведена земля за речкою Тюменкой до небольшой речки Барымки, они стали впоследствии просить, чтобы им позволили жить неподалеку от их пашни.[5] Таковы причины и обстоятельства возникновения в 7113 (1605) г. около Тюмени ямской слободы.

§ 10. В 7111, 7112 и 7113 (1603—1605) гг. в Тюменском уезде был скотский падеж,[6] вследствие чего все русское население — казаки, ямщики и пашенные крестьяне — потеряло почти всех своих лошадей и не могло продолжать обрабатывать свои пашни. Об этом было донесено в Москву, откуда последовал указ о закупке в Казани и отсылке на Тюмень 300 волов для пашни. Кроме того, было разрешено татарам и черемисам вести с Сибирью беспошлинный торг всякой животиной, а тюменскому воеводе было приказано сверх присланных купить еще больше волов и раздать их крестьянам. Другим указом беспошлинный торг животиной с Сибирью был разрешен не только татарам и черемисам, но также чувашам.

* § 11. В 7124[7] (1616) г. на Тюмени была построена церковь во имя Федора Стратилата, а в 7124 (1616) г. неподалеку от города был основан мужской монастырь, названный Преображенским.[8] О постройке первой мы узнаем из отписки тюменского воеводы, в которой он требовал присылки с Верхотурья дьякона для освящения церкви.[9] Хотя в этой отписке не указан год, однако тот факт, что она подклеена, по старому обычаю, к столпу, содержащему отписки указанного года, является достаточным свидетельством о времени постройки церкви. Одно только является непонятным, почему позднее нигде не упоминается об отдельной церкви во имя Федора; в настоящее время такой церкви на Тюмени не существует. Как ска-

---

[1] Приложение № 11.
[2] Приложение № 22.
[3] История Сибири, I, стр. 307.
[4] Приложение № 21.
[5] Приложение № 46.
[6] Приложение № 41.
[7] Приложение № 44.
[8] Приложение № 41.
[9] Приложение № 89.

зано выше, на Тюмени существовала церковь Николая чудотворца[1] с приделом во имя Федора Стратилата. Эта церковь сгорела в 7128 (1620) г.[2]

§ 12. Основание Преображенского монастыря на Тюмени связывается с именем некоего старца Нифонта из Казани,[3] который собирал среди жителей деньги на его постройку и на них осуществил ее в 1616 г. на краю ямской слободы. Это было сделано без всякого указа. Поэтому вначале монастырь не имел никаких земельных владений и угодий, и старцы не получали на свое пропитание обычной ежегодной руги. Первые старцы несколько походили на древних подвижников тем, что сами распахивали для себя немного пашни; кроме того, некоторое количество обработанной пашенной земли монастырь получил как вклад от жителей. Этот монастырь, под названием Троицкого, сделался впоследствии одним из самых знаменитых и богатых монастырей в Сибири.

* § 13. Указ об увеличении в Туринском уезде числа пашенных крестьян касался одновременно Пелыма и Тары.[4] Из этих городов было сообщено в Москву, что земледелие в их уездах развивается слабо, так как в Пелыме мало удобной пашенной земли, а на Таре ежегодно бывает падеж лошадей, что препятствует тамошним крестьянам пахать пашню. Поэтому было приказано находящихся в Пелыме и на Таре крестьян и посаженных на пашню ссыльных перевести в Туринск и наделить в удобных местах пашенной землей. Среди пелымских крестьян названо 30 человек угличан; без сомнения, это — те угличане, которых царь Борис Годунов отправил в ссылку для сокрытия совершенного по его велению убийства царевича Димитрия Ивановича.[5]

В 7112 г. в Тобольск был сослан стрелец Степан Качалов, о вине которого сказано только, что он ссылается «в нашей опале». Известно, что одним из тех людей, которых Борис привлек к совершению убийства царевича, был Никита Качалов. Кроме того, в Сибири широко распространено мнение, что Качаловы, достигшие впоследствии в Тобольске видного положения и занимавшие важные должности, происходили от убийцы царевича — Никиты Качалова. Род их в конце концов пресекся, но более ста лет Качаловы должны были терпеть упреки в ужасном злодеянии, совершенном их предком.

§ 14. Равным образом в последующие годы Пелым должен был увеличить гарнизон Туринска на 50 человек стрельцов.[6] Вначале в Туринск посылались попеременно тюменские казаки. Однако это не могло помочь городу, так как в степи беспрерывно множились неприятели, от нападения которых Пелым был защищен Тюменью, Туринском и Верхотурьем. Поэтому стрельцов из Пелыма перевели в Туринск.

* § 15. К этому времени относится также основание Покровского туринского монастыря, год постройки которого[7] нельзя, однако, указать точно. Можно только сделать предположение, что он возник одновременно с церковью, от которой получил свое название; церковь же эта была построена в 7112 (1604) г. Когда архиепископ Киприан в 7129 (1621) г. ехал в Сибирь, этот монастырь не был уже новым, так как в одной из своих отписок в Москву он его назвал «старым монастырем». В те времена на монастыри смотрели как на необходимую принадлежность всякого города, потому что, кроме своего прямого назначения, они служили также убежищем старым и немощным людям, неспособным к самостоятельному существованию или

[1] См. гл. 6, § 8.
[2] Приложение № 168.
[3] Приложение № 169.
[4] Приложение № 32.
[5] Опыт новой истории России в т. 5 „Sammlung Russ. Gesch.", стр. 56.
[6] Приложение № 113.
[7] Приложение № 171.

просто утомленным мирской жизнью и желавшим провести в покое и без забот остаток своих дней. Поэтому-то в Сибири было очень мало городов, в которых рано или поздно не были бы построены монастыри.

* § 16. Возвращаясь к верхотурским событиям, остановимся на известии о монастыре, основанном в 7112 (1604) г. Я не знаю, можно ли его назвать старейшим монастырем в Сибири, но, во всяком случае, ни о каком другом монастыре не имеется письменных свидетельств, которые позволили бы отнести эти монастыри к тому же времени. Я говорю о Никольском монастыре, находящемся на Верхотурье, между городом и ямской слободой. Основателем его был некий старец Иона из Пошехонья.[1] Хотя построение в Верхотурском уезде двух других монастырей, на реках Тагиле и Нейве, одного в честь Рождества христова, а другого — Введения богородицы, относится также к этому времени,[2] об этом мы имеем только неясные указания; так как эти монастыри вскоре исчезли или были превращены в приходские церкви, то нет надобности более о них говорить.

§ 17. Верхотурский острог был первоначально построен очень небольшой. В 7114 (1606) г., по просьбе жителей, решено было его увеличить, о чем мы имеем царский указ,[3] особенно примечательный тем, что он написан после смерти царя Бориса Годунова от имени его вдовы царицы Марии Григорьевны и молодого царя Федора Борисовича. Таких указов, конечно, не могло сохраниться много. Равным образом заслуживает внимания указ Лжедимитрия[4] о церкви, которую жители Верхотурья в 1606 г. просили разрешения построить из леса, оставшегося с прошлого года от городского и острожного дела. Церковь была создана во имя Воскресения; после того как она неоднократно горела и снова возобновлялась, она была поставлена, наконец, на одном из углов каменного гостиного двора, построенного в начале настоящего века. Неизвестно, была ли на самом деле построена другая церковь, которую предполагалось поставить в остроге в 1607 г. для отправления в ней богослужения в зимнее время.[5] Если эта зимняя церковь была поставлена впоследствии, при одной из перестроек, вследствие частых пожаров, которым подвергался город, она была соединена с названной выше летней церковью.

* § 18. От живших в верховьях реки Виперы в Югорских горах вогулов, зависевших раньше от Лозвинского городка, а после запустения его подчиненных Верхотурью, поступали жалобы на обиды и насилия, причиняемые им верхотурскими ясачными сборщиками.[6] В 7115 (1607) г. они были отписаны поэтому от Верхотурского уезда с тем, чтобы свой обычный ясак они платили впредь в Чердынь. Жившие на реке Сылве татары старались в 7114 (1606) г.[7] добиться того же, представляя, что и они искогда принадлежали к Чердынскому уезду и только при царе Борисе Годунове попали в зависимость от Верхотурья. Они обвиняли верхотурских ясачных сборщиков в тех же обидах и насилиях, как и вогулы, но они добились своего другим способом. Указ Лжедимитрия[8] содержал распоряжение верхотурским воеводам, чтобы они более мягко обращались с татарами, не посылали к ним ясачных сборщиков и дозволяли им самим привозить ясак в Верхотурье. Так и происходило в дальнейшем, пока, наконец, татары не достигли своей цели следующим образом. Чердынцы всячески старались вернуть себе право сбирать ясак с сылвинских татар, а так как во время междуцарствия в Москве все пришло в полное не-

[1] Приложения №№ 39 и 40.
[2] Приложение № 172.
[3] Приложение № 49.
[4] Приложение № 53.
[5] Приложение № 58.
[6] Приложение № 66.
[7] Приложение № 110.
[8] Приложение № 51.

строение, то им было нетрудно выхлопотать это важное для татар постановление.[1] Когда при царе Михаиле Федоровиче снова наступили спокойные времена, тогда Верхотурье выступило со своими встречными требованиями. Зависимость от разных приказов — Верхотурье, наравне со всею Сибирью, находилось в ведении Казанского дворца, а Чердынью ведала Новгородская Четверть, — была причиной того, что иногда один указ противоречил другому. Наконец, в 7134 (1626) г. последовало окончательное решение по делу сылвинских татар; хотя сами татары пожелали снова перейти в ведение Верхотурья, Чердынь все же доказала свое преимущественное право на сбор ясака с этих татар, которое и было сохранено за ней.

* § 19. В 7121 (1613) г. в Верхотурском уезде стали селить деревни и слободы, для чего самой подходящей была признана местность по Тагилу, в особенности же там, где впадает в нее река Мугай или, как называют ее вогулы, Мулгай.[2]

Это происходило во время правления бояр, после освобождения Москвы от поляков. Тогда-то возникли Тагильская слобода и Мугайский погост, населенные преимущественно ямщиками. Постройку Невьянской слободы на реке Нейве в 7127 (1619) г. нужно также приписать Верхотурью, хотя в заселении тамошних мест немалое участие принимал также Тобольск.

§ 20. В это же время случились разные бедствия и несчастия, от которых не мало пострадало также Верхотурье и его уезд.[3] Три года подряд был хлебный недород. В 7122 (1614) г. были сильные морозы, неблагоприятно отразившиеся на яровых хлебах. К этому нужно еще прибавить, что весь город сгорел от удара молнии. Ни один город не подвержен в такой мере этому несчастью, как Верхотурье. Кажется, что причину этого надо видеть в том, что город расположен неподалеку от Югорских гор, в которых грозы, град и бури часто оставляют глубокие следы своей ярости. Пожары являются также большой опасностью для города, и жители заметили, что редко проходят 30 лет без того, чтобы большая часть города не погорела хотя бы один раз.

* § 21. Необходимо еще упомянуть о бывшей некогда в Верхотурском уезде соляной варнице; об этом следует сказать хотя бы для того, чтобы показать, что те или иные меры к пользе страны принимались во все времена, хотя не всегда достигали желаемой цели. В 7108 (1600) г. по соседству с городом Пелымом был найден соляной ключ.[4] Об этом тамошний воевода Тихон Иванов сын Траханистов и письменный голова Петр Григорьев сын Вердеревский отписали в Тобольск, откуда окольничий и воевода Семен Федорович Сабуров послал в Пелым человека, умеющего варить соль, чтобы он произвел необходимые испытания соляного рассола. Место, где находился соляной ключ, было на речке Покчинке, в 10 верстах от города Пелыма. Правда, здесь не было обнаружено годной для выработки соли, но тот же солевар, узнав от одного вогула, что у него на родине, вверх по реке Сосве, там, где в нее впадает речка Награ, ныне Негла, имеется также соляной ключ, отправился туда и произвел там разведки, давшие благоприятные результаты. После этого начались приготовления к постройке там солеварни, которые происходили под смотрением сына боярского Василия Албычева.[5] Необходимые железные цасти были отправлены туда из Тобольска, и предполагалось, что к весне 7109 (1601) г. соляная варница будет готова.

* § 22. Все известия сходятся на том, что по окончании постройки варницы польза от нее оказалась меньше того, что первоначально предполагалось. Солевар Ерошка Власьев хотел поэтому уже летом 7109 (1601) г. возвратиться в Пе-

---

[1] Приложение № 236.
[2] Приложение № 105.
[3] Приложение № 112.
[4] Приложение № 13.
[5] Приложения №№ 16—19.

лым, чтобы начать новые разведки на речке Покчипке. Но указом из Москвы[1] на Верхотурье было предписано, чтобы добыча соли на реке Негле продолжалась и впредь. Главный недостаток был здесь в людях для подготовки больших запасов дров, требовавшихся для солеварения.[2] К этому прибавилась еще нехватка железа для починки поврежденных цренов, а также угрозы со стороны окрестных вогулов.[3] В отправленной об этом отписке в Москву и последовавшем на нее царском указе[4] говорилось, что издержки на варницу превосходят получаемую от нее выгоду. В 7113 (1605) г. было приказано прекратить варение соли, и все находящиеся у варницы соляные запасы и снасти перевезти в Верхотурье, что и было исполнено в том же году. Описанное место лежит на большой дороге, ведущей с Верхотурья в Пелым. Ныне там находится Копайский погост, название которого происходит от имени вогула, жившего здесь и сообщившего впервые о соляном ключе. Около него видны остатки соляной варницы, устройство которой местные жители относят, однако, к более позднему времени. Действительно, в начале текущего столетия этот соляной источник был снова исследован, и там построена новая варница. Хотя тогда, вероятно, уже не было недостатка ни в людях, ни в снастях, однако и на этот раз работы были вскоре прекращены. Оказалось, что рассол давал мало соли, да и самая соль была не белая, а серая и грязная. В наше время один соликамский житель, имеющий много соляных варниц, в надежде получить лучший рассол, велел исследовать источник на 25 саженей в глубину и поставить трубы. Но и он не добыл рассола с достаточным содержанием соли; градирование же в России не применяется.

§ 23. Продолжением истории Пелыма может служить следующее. Табаринские татары, пахавшие, по примеру русских крестьян, пашню на государя,[5] жаловались в 7104 (1596) г.[6] на высокие размеры обложения. Их было всего только 60 человек, и в предыдущем году они высеяли 138 четвертей всякого хлеба. Они просили о снижении оклада, и им было разрешено высевать не более 40 четвертей ржи и 80 четвертей яровых. Однако и это было им слишком тяжело. Посланная ими в 7106 (1598) г. в Москву челобитная[7] содержала подробное описание их нужд: во-первых, пашня мешала их домашним занятиям, почему они предпочитали, чтобы их обложили ясаком; далее, они должны были ставить много подвод на большую дорогу, шедшую в то время из России через Пелым на Тобольск, из-за чего многие татары и вогулы, жившие раньше около этой дороги, перешли жить дальше от дороги, и, наконец, они жаловались на недостаток топоров и ножей, которые были очень нужны им, но покупать которые у торговых людей им было запрещено.

* § 24. В то же время и ясачные вогулы обратились с челобитьем,[8] в котором просили об уменьшении ясака и так же, как и табаринские татары, о разрешении свободной торговли топорами, ножами и другим железным товаром. Они упоминали также о Таутее и Учете, сыне и внуке пелымского князя Аблегирима, содержавшихся в Москве[9] в тюрьме, которых просили освободить на их поруки. На это последовал царский указ,[10] удовлетворивший просьбу пелымских вогулов в отноше-

---

[1] Приложение № 27.
[2] Приложение № 29.
[3] Приложения №№ 43 и 47.
[4] Приложение № 52.
[5] История Сибири, I, стр. 283.
[6] Приложение № 3.
[7] Приложение № 6.
[8] Приложение № 7.
[9] История Сибири, I, стр. 290.
[10] Приложение № 8.

нии ясака и разрешения торговать железным товаром. Старики, больные и увечные освобождались от уплаты ясака, а торговым людям позволялось продавать вогулам в розницу железные товары. Причиной запрещения продажи железных товаров было опасение дать в руки сибирским народам средства для восстания, которого следовало опасаться, если бы они стали готовить себе из этих железных изделий оружие и обратили его против русских, немногочисленных еще в то время в Сибири. Это запрещение, однако, понемногу перестало соблюдаться, тем более, что среди сибирских народов оказались такие, которые умели сами выплавлять из руды железо и изготовлять из него разные изделия.[1] До сих пор существует запрещение продавать сибирским и другим сопредельным народам огнестрельное оружие, порох и свинец. К сохранению этого запрета имеются основания и теперь, особенно потому, что людская корысть часто побуждает нарушать это запрещение.

* § 25. Значительное количество собиравшегося в то время в Пелыме ясака [в 7106 (1598) г., например, оттуда было отправлено в Москву почти 68 сороков соболей[2]] является доказательством того, что эти, редкие в настоящее время, зверьки часто встречались в тамошней местности. Табаринские татары имели в те времена своих князьков, которые избирались народом в это достоинство. Сделавшись князьком, Воча мурза, в знак своей радости, ударил государю челом 40 соболями. Женившись потом на жене другого князька, он ударил челом еще 30 соболями. В описании народов Сибири будет показано, что у них вообще нередко мужчина уступает другому свою жену. Но то, что приведенный случай послужил поводом для поднесения подарков, можно объяснить существующим в Сибири обычаем, по которому новобрачные, в первый день после свадьбы, ходят к воеводе на поклон, что, конечно, не может не сопровождаться поднесением подарков.

* § 26. Пелым был в 1599 и 1600 гг. местопребыванием двух братьев Ивана и Василия Никитичей, принадлежавших к знатной фамилии Романовых, во время жестокого преследования, постигшего эту семью и всех ее членов со стороны царя Бориса Годунова. Василий Никитич Романов умер в Пелыме в заточении 15 февраля 1601 г.; существует подозрение, что он погиб насильственной смертью. Иван же Никитич в том же году был снова освобожден и занимал после того до самой своей смерти, последовавшей в 1640 г., самые высокие государственные должности. Известно, что Лжедимитрий осыпал милостями всех тех, кого перед тем преследовал царь Борис. Кроме того, он желал, чтобы Романовых считали его родственниками, потому что они были двоюродными братьями царя Федора Ивановича, за брата которого он себя выдавал. Тело умершего Василия Никитича было поэтому в 1606 г. перевезено в Москву и положено в Новоспасском монастыре, где обычно погребались члены этой знатной фамилии.[3]

§ 27. В 7116 (1608) г. ясачные вогулы Пелымского уезда подали челобитную,[4] в которой жаловались на то, что оклад, по которому с них берут ясак, им не по силам: с тех пор, как в Сибири появились русские поселения, зверя стало меньше

---

[1] История Сибири, I, стр. 318.

[2] Приложение № 5.

[3] Перенесение тела было совершено согласно указу, с которого я снял в Пелыме копию. О погребении же его в Новоспасском монастыре находим известие в рукописи библиотеки Академии Наук под названием: „Описание царских пресветлых прародителей, в которыя лета и месяцы и числа бысть преселение их от здешняго благороднаго их жития к оному небесному царствию, по их же повелению благородныи их телеса положены суть в царском их здании в обители всемилостиваго Спаса на Новом, и в те месяцы и числа и память сных творится". В ней под № 47 читаем: „Лета 7109 (1601) февраля в 15 день преставися раб божий Василий Никитич Романов, молитвенное имя ему Никифор, в заточении от царя Бориса в сибирском городе на Пелыме."

[4] Приложение № 14.

и невозможно было наловить его в количестве, потребном для уплаты ясака. Они просили уменьшить оклад, составлявший от 10 до 12 соболей с человека, которые собирались всегда с большим недобором. Оклад был уменьшен до 7 соболей, по примеру города Тобольска, где оклад в 7 соболей был введен еще раньше. Вогулам было предоставлено самим верстаться по статьям, смотря по людям, животам и промыслам, если кто-нибудь из них не был в состоянии выплатить весь оклад. Цена за 7 соболей была установлена в 2 руб. 10 коп. и более или менее отвечала тогдашней стоимости и низкому качеству зверя в тех местах. Не нужно только представлять себе, что вместо соболей принималась также их стоимость деньгами; этого в те времена никогда не бывало. Цена эта означала только, что при уплате ясака соболя должны были быть стоимостью не ниже указанной. Если же кто-нибудь не имел для уплаты нужного количества соболей, то, исходя из той же оценки, принимались взамен другие меха.

§ 28. В следующем 7117 (1609) г., по разверстке самих вогулов, насчитывавших в Пелымском уезде 555 человек, было собрано всего 66 сороков и 39 соболей. Но в Москве остались этим недовольны и было приказано [1] в следующие годы собирать не менее 75 сороков и 12 соболей, потому что столько собиралось с Пелымского уезда в предыдущие годы. Сомнительно, чтобы этого удалось достичь. По общему наблюдению, сбор ясака в сибирских городах уменьшался из года в год. Только изредка можно найти примеры, что он увеличивался в местностях, уже получивших окончательное устройство.

* § 29. Наконец, по вторичному челобитью табаринских татар [2] о тяжести для них земленашества, они получили благоприятный ответ: [3] татары были освобождены от пашни и, согласно их просьбе, должны были платить ясак, как только будет «прибрано» достаточное число русских крестьян, которых можно было бы поселить на их пашню. В указе говорилось о поселении от 50 до 100 крестьян из охочих нетяглых людей. Чтобы «прибрать» охотников, посылали в Чердынь и в Соликамск. [4] Так как в то время дорога из России в Сибирь шла уже не через Пелым, а через Верхотурье, то охочие люди, которые попадали на Верхотурье, слышали столько хорошего о Туринском и Тюменском уездах, что у них не было никакой охоты избирать себе для жительства Пелымский уезд. Наконец, в 7126 (1618) г. [5] было решено перевести в Табары тех немногих крестьян, которые еще оставались около Пелыма. Таким образом возникла Табаринская слобода — небольшое местечко на правом или южном берегу реки Тавды, в 180 верстах от Пелыма вниз по реке. В 7129 (1621) г. постройка слободы была закончена, и в слободе даже была поставлена церковь. [6]

* § 30. Теперь мы обратимся к Тобольску. В виду полного отсутствия в тобольском архиве материалов за это время, к тому, что нам дают летописи и архивы других городов, мы ничего прибавить не можем. Царь Борис Федорович Годунов придавал Тобольскому воеводству такое значение, что вначале не хотел поручить его никому другому, как только своему родственнику. Таким был окольничий Семен Федорович Сабуров, занимавший должность тобольского воеводы в 7107 и 7108 (1599 и 1600) гг. Он умер в Тобольске в начале 7109 г. Его преемником был воевода Федор Иванович Шереметев, смененный в 7111 (1603) г. князем Андреем Васильевичем Голицыным. Последний оставался в Тобольске до тех пор, пока, после смерти царя Бориса, Лжедимитрий не прислал в Сибирь нового воеводу князя

---

[1] Приложение № 86.
[2] Приложение № 136.
[3] Приложение № 74.
[4] Приложение № 85.
[5] Приложения №№ 134 и 135.
[6] Приложение № 166.

Романа Федоровича Троекурова. На его место в 7116 (1608) г. царем Василием Ивановичем Шуйским был назначен первым воеводою окольничий Михайло Михайлович Салтыков, который, однако, скончался в пути на Верхотурье. После этого, в следующем 1609 г. был назначен князь Иван Михайлович Катырев-Ростовский. Смуты, охватившие на несколько лет все государство, были причиною того, что смена Катыреву последовала только в 7121 (1613) г., когда усилиями воевод князя Дмитрия Тимофеевича Трубецкого и князя Дмитрия Михайловича Пожарского Москва была освобождена от врагов отечества. В то время бояре назначили в Тобольск воеводою кравчего князя Ивана Петровича Буйносова-Ростовского, который и оставался там до 7126 (1618) г., когда, по приказу царя Михаила Федоровича, туда был послан на смену ему боярин князь Иван Семенович Куракин. Выше названы только главные тобольские воеводы, имен же их товарищей я не привожу, так как эти вторые воеводы имели не больше значения, чем воеводы в других городах.

* § 31. В одной грамоте 7108 (1600) г. на Тюмень упоминается о двух антиминсах, предназначенных для Тобольска. Это значит, что там были построены две новые церкви; так как в то время Сибирь еще не имела своего отдельного епископа, антиминсы нужно было испрашивать из Москвы. В туринском архиве сохранился документ, содержащий известие о построении в 7109 (1601) г. в Тобольске церкви Вознесения. В то время в Тобольске еще не было дьякона, который мог бы служить при освящении церкви. Так как незадолго перед тем по царскому указу был послан из Перми в Туринск для освящения церкви дьякон,[1] то он и был отправлен в Тобольск. Однако в настоящее время в Тобольске не существует церкви под указанным названием, и поэтому можно думать, что эта церковь тогда же при освящении, или спустя некоторое время, при перестройке, получила другое название. Возможно, что это и есть современная соборная Успенская церковь. До этого времени, повидимому, там была только одна церковь, и в Тобольске считают, что небольшая соборная церковь Троицы является старейшей, с чем сходятся также и свидетельства Ремезовской летописи.[2] Обе церкви стоят внутри города. Вне его старейшей является церковь Николая чудотворца на горе, построенная, согласно известиям сибирских летописей, в 7110 (1602) г.

§ 32. Ничего достойного внимания в отношении города Тобольска за это время больше не известно. Однако сюда можно отнести еще два общих распоряжения, известия о которых хотя и были найдены в другом архиве, все же больше касаются главного города, так как вся Сибирь должна была ими руководствоваться. Согласно первому[3] под страхом строгого наказания всем служилым людям было запрещено производить торговлю мехами. Второе[4] содержало описание злоупотреблений при сборе ясака с сибирских народов и излагало жалобы служилых людей на то, что их обделяют при раздаче хлебного жалованья; грамота предписывала тщательнейшим образом избегать того и другого.

* § 33. Полезным было также распоряжение, сделанное в 7115 (1607) г.[5] и касавшееся посылки в три города — Тобольск, Верхотурье и Березов — городовых печатей с запрещением воеводам употреблять в дальнейшем, во всех публичных делах, свои личные печати, как это делалось до того. Это было тем более необходимо, что в то время печати заменяли подписи. Если же спросить, почему именно названные три города получили печати прежде других сибирских городов, то в отношении Тобольска, являвшегося главным городом Сибири, объяснения не потребуется. Что же касается Верхотурья и Березова, то эти города получили печати

[1] История Сибири, I, стр. 388.
[2] История Сибири, I, стр. 275.
[3] Приложение № 24.
[4] Приложение № 26.
[5] Приложения №№ 59, 60 и 65.

вследствие своего положения, как конечные пункты на обеих тогдашних больши дорогах, соединявших Россию с Сибирью; в них больше, чем в любом другом месте нужно было следить за взиманием пошлин и за печатанием товаров у торговых людей. Между тем они не всегда пользовались этим своим преимуществом. Несколько позднее во все другие города Сибири были также посланы городовые печати.

* § 34. Отправившись в 7107 (1599) г. на Москву, мать князя Игичея один из его сыновей, принадлежавшие к фамилии Алачевых и жившие в Коде приняли христианство и получили соответственно имена Анастасии и Петра. Он решили построить у себя на родине церковь,[1] которая послужила основанием для монастыря, сооруженного там впоследствии. Они еще не успели возвратиться в Сибирь, как князь Игичей тоже захотел принять христианство. Когда он с этой целью собрался ехать в Москву, то решил воспользоваться этой поездкой, чтобы посетить пожалованные ему или его брату земли, лежавшие на реке Вымн.[2]

* § 35. В 7111 (1603) г. еще один из его сыновей пожелал принять христианство и получил разрешение прибыть для этой цели в Москву,[3] так как в то время крещение видного лица, желавшего перейти из язычества или магометанства в христианство, производилось только в Москве. В виду особого положения Березова, для проезда прямой дорогой через Камень на Вымь требовалось особое царское разрешение. Для того, чтобы не было необходимости в устройстве более одной таможенной заставы, все должны были ездить через Верхотурье. Этот кружной путь был однако, неудобен не только для жителей Березовского уезда; многие русские торговые люди, главным образом из поморских городов Архангелогородской губернии торговавшие в Сибири, считали самым удобным путь, идущий по реке Вымн и через Березов. Наконец, было дано общее разрешение ездить этим путем, и тогда в Березовском уезде были устроены две таможенные заставы: одна Кыртасская застава, на реке Сосве, в вогульской деревне, в 70 верстах от Березова; другая — Собская, на реке Соби, в 5 верстах от Оби, называвшаяся по тамошней местности также Обдорскою. Эти таможенные заставы, однако, впоследствии были уничтожены, потому что в начале текущего столетия все пути из Березовского уезда через Югорские горы были закрыты.

§ 36. Обдорь — название, данное с давних пор зырянами местности, лежащей по нижнему течению реки Оби, и обозначает на их языке устье этой реки. Они говорят: «Вымдорь» и обозначают этим устье реки Выми. Поэтому-то жившие в низовьях Оби остяков назвали Обдорской волостью, а их городок на реке Пелуе — Обдорским городком. Это объяснение необходимо привести потому, что оно совершенно неизвестно в Сибири. Я бы никогда не узнал его, если бы не расспрашивал зырян о значении сибирских названий.

§ 37. Другое, относящееся сюда, пояснение касается названия Обдорского городка, который, как известно из архивных документов, в старину назывался Обдорским Носовым городком.[4] Теперь такого названия нет. Но происхождение его объясняется без труда положением городка, отчасти же тем, как называют это место остяки и самоеды. Обдорский городок лежит на возвышенности, которая одним своим краем, по-русски называемым «мысом» или «носом», по-остяцки «ават», по-самоедски «салия», простирается до самой Оби. Это обстоятельство послужило основанием для остяцкого и самоедского названий, из коих первое — Пулиng-ават-ваш а второе Салия-гарден, а оба переведены на русский язык, как «Носовой».

§ 38. Несмотря на то, что Обдорский городок не был основан русскими, а был старинным остяцким городком, тем не менее со времени постройки Березова и

[1] Приложение № 9.
[2] Приложение № 10.
[3] Приложение № 30.
[4] Приложения №№ 28 и 69.

пользовались, чтобы держать в нем, особенно в зимнее время, небольшое число служилых людей для сбора с тамошних остяков и самоедов ясака, а также чтобы разрешать там их споры. До устройства Собской заставы там же взимались таможенные пошлины. Если бы самоеды задумали произвести нападение на других самоедов или на остяков (а это в прошлые времена не представляло ничего необычайного), то служилые люди из Обдорского городка должны были удерживать их. Теперь этот городок называется Обдорским острогом, так как в недавнее время он был укреплен палисадом.

§ 39. В 7115 (1607) г. [1] в Березов поступили жалобы на пустозерцев о том, что они приезжают в начале зимы в Березовский уезд и ведут торговлю с тамошними самоедами до того, как те уплатят свой ясак. Подобная торговля до сдачи ясака была всегда строжайше воспрещена торговым людям, потому что иначе самые лучшие соболя и другие меха попадали бы в руки торговых людей, вместо того чтобы быть сданными в качестве ясака. В это время пустозерцы основали в верховьях реки Усы, у подножия Югорских гор, новый городок, названный ими Роговым городком. К осени они доходили водою до этого места, где ожидали установления зимнего пути, когда знакомые им пустозерские самоеды доставляли им перевозочные средства, на которых они совершали остальной путь до реки Оби. Тут они вели торговлю с обдорскими самоедами, из которых некоторые выезжали для торговли навстречу им даже до Рогового городка. Так как Роговой городок был основан без указа из Москвы, то не только пустозерский воевода получил за это выговор, но и самый городок было запрещено впредь посещать ради торговли, и он опять запустел.

* § 40. В 7113 (1605) г. в Березове за острогом был построен храм во имя Воскресения и при нем несколько дворов. В 7115 (1607) г. березовские служилые люди били челом о включении храма и дворов в острог и получили на это разрешение, [2] но, кажется, оно не было использовано, [3] так как храм до сих пор стоит отдельно, вне города; около него несколько позже был устроен мужской монастырь. Монастырь этот более не существует. Кельи его служили иногда местом заключения важных государственных преступников.

* § 41. Под 7118 (1610) г. в архивных документах находится упоминание об остяцком Муалымском городке на устье реки Иртыша, [4] который уплачивал ясак в Березове. Но так как остякам было удобнее и ближе вносить свой ясак в Сургут, то городок этот был тогда же, по их челобитью, передан в Сургутский уезд. Позднее, когда остяцкие волости, начиная от устья реки Иртыша и почти до самого Березова, были отписаны к Тобольскому уезду, городок также был приписан к этому уезду.

* § 42. Из наказа, данного 25 января 7111 (1603) г. [5] вновь назначенным в Мангазею воеводе Федору Юрьеву сыну Булгакову и голове Никифору Григорьеву сыну Ельчанинову, видно, что в городе Мангазее был в то время построен первый храм, так как с новым воеводой и головой была отправлена из Москвы разная церковная утварь, состоявшая из икон и книг, и им было велено взять с собою в Березове священника. В дополнение к наказу предписывалось не допускать, чтобы приезжие из России торговые люди вели с самоедами торговлю по волостям, как это было до сих пор, а велено было построить для этой цели в Мангазее гостиный двор, в котором и сосредоточить всю торговлю русских с самоедами. Это

[1] Приложение № 69.
[2] Приложение № 61.
[3] Приложение № 93.
[4] История Сибири, I, стр. 431, 432.
[5] Приложение № 31.

предполагалось сделать главным образом для того, чтобы можно было удобнее взимать таможенные пошлины со всех проданных и закупленных товаров.

* § 43. Как видно из мангазейских ясачных книг 7115 (1607) г., в Мангазею платили ясак не только самоеды, жившие по реке Тазу, но и многие самоеды и остяки по реке Енисею, а также и некоторые тунгусы на реке Нижней Тунгуске. Инбацкое зимовье на реке Енисее, в которое часть тамошних остяков еще и по сей день платит свой ясак, было построено в те годы. Название его происходит от одного, принадлежащего к этому зимовью, остяцкого рода, по свидетельству ясачных книг именовавшегося инбаками; другие роды, платившие ясак в это же зимовье, назывались зешаки и богденцы. Из Мангазеи служилые люди ходили еще дальше вверх по Енисею и даже обложили ясаком несколько остяцких родов, живших по ту сторону гор, образующих теперь границу между Енисейским и Мангазейским уездами.

§ 44. Сым и Кас — две реки, впадающие с западной стороны в Енисей; верховья Каса находятся недалеко от реки Сочура, впадающей в Кеть. Близость этих рек всегда способствовала сношениям кетских остяков с остяками, жившими по рекам Сыму и Касу. Уже в 7113 (1605) г.[1] служилые люди из Кетского острога прошли по Кети и по Сочуру на реку Кас, а оттуда на реку Сым и собрали с живших на этих реках остяков ясак. В 7118 (1610) г. пришли туда же по реке Енисею мангазейские служилые люди и также потребовали с тех же остяков ясак, который те и уплатили. Когда же в последующие годы они повторили то же самое, то в Кетском остроге не могли отнестись к этому равнодушно. Последовала жалоба, которую мангазейский воевода и служилые люди пытались отвести от себя тем, что составили и отправили в Москву челобитную от имени сымских и касовских остяков, в которой эти последние жаловались на то, что платить в Кетский острог ясак им не по силам, что им слишком далеко и тяжело возить его в Кетский острог, куда с реки Сыма нужно ехать два месяца, и хотя кетские служилые люди и сами приезжают к ним для сбора ясака, однако они все же должны сопровождать их до Кети на своих подводах и в этой трудной дороге некоторые из них уже умерли от голода и холода. Они просили, чтобы тяжелый ясак, который они платили в Кетский острог, был уменьшен и чтобы было разрешено платить его впредь в Мангазею. Известно, что ясак в Кетском остроге всегда был более тяжелым, чем в Мангазее: в Кетском остроге первоначально взимали по 12 соболей с человека, тогда как в Мангазее никогда не требовали больше 5 или 6 соболей; поэтому у сымских и касовских остяков могло возникнуть желание перейти из ведения Кетского острога в подчинение Мангазеи. Что же касается жалоб на отдаленность места платежа от кочевий, то необоснованность их при взгляде на карту сразу бросается в глаза. Однако они испытывали еще одно затруднение, не указанное в посланном из Мангазеи челобитье: независимо от уплаты ясака мангазейским служилым людям, приезжавшие из Кетского острога также требовали обычный ясак.

§ 45. Из Кетского острога от имени тех же остяков отправили, с своей стороны, в Москву челобитную, в которой указывалось все то, что служило к пользе Кетского острога, а в особенности отмечалась разница в расстоянии от рек Сыма и Каса до Мангазеи, по сравнению с Кетским острогом. Указ 1611 г.,[2] последовавший на эту челобитную, был написан от имени польского королевича Владислава Сигизмундовича; воеводы в Мангазее и в Кетском остроге должны были притти к соглашению о том, чтобы те из сымских и касовских остяков, которые живут ближе к Кетскому острогу и которые сами пожелают давать свой ясак в Кетский

[1] Приложения №№ 90 и 91.
[2] Приложение № 96.

острог, платили его попрежнему в этот острог, а живущие ближе к Мангазее пользовались такой же свободой, и чтобы впредь с них не требовали двойного ясака. Но так как спор этим разрешен не был, а мангазейские сборщики ясака дали повод для новых жалоб, то в начале 1612 г. воевода Кетского острога обратился снова в Москву[1] к князю Дмитрию Тимофеевичу Трубецкому и казачьему атаману Ивану Заруцкому, осаждавшим в это время поляков в Москве. В своей отписке воевода яркими красками описывал образ действия мангазейского воеводы. Но в Москве не могли в это время думать о мелочах, когда не были еще разрешены вопросы первостепенной важности, касавшиеся избрания главы государства.

§ 46. После этого в течение нескольких лет об упомянутом споре больше не вспоминали, и казалось, что служилые люди обоих острогов поделили между собою сбор ясака с остяков. Однако в 7122 (1614) г. сбор этот оказался для Мангазеи настолько незначительным, что, согласно ясачным книгам, выходило, что мангазейским ясачным сборщикам уплатили свой ясак сполна не более 5 человек. Мангазейский воевода обратился по этому делу с жалобами в Тобольск и сослался на указ 1611 г.,[2] по которому будто бы только мангазейские воеводы имели право собирать ясак с сымских и касовских остяков. Это вынудило тобольских воевод, которые никогда не видали этого указа, послать в Кетский острог и на реку Енисей тобольских служилых людей для сыска по этому делу на месте. Можно думать после этого, что посылка сыщиков в Кетский острог не лишила его прежних прав: хотя указ 1611 г. исходил от власти, вызывавшей ненависть, он предоставлял Кетскому острогу по меньшей мере одинаковые с Мангазеей права. Наконец, в 7125 (1617) г.[3] енисейские, сымские и касовские остяки Кетского острога подали новую челобитную, в которой жаловались на мангазейских ясачных сборщиков, что они продолжают ездить к ним и в этом году даже поставили ясачное зимовье в устье реки Сыма; так как остяки обычно полностью уплачивают ясак в Кетский острог, они не могут платить его вторично в Мангазею. Вскоре после этого был основан город Енисейск, которому сымские и касовские остяки, как жившие по соседству с ним, и были подчинены; в этом подчинении они с тех пор и остались.

§ 47. Тунгусы впервые были объясачены в 7115 (1607) г. посланным из Мангазеи на реку Нижнюю Тунгуску березовским казаком Михайлом Кашмыловым, собравшим тогда с 19 человек по 2 соболя с каждого. В 7122 (1614) г. уже были объясачены восемь тунгусских родов, но все они состояли всего лишь из 45 человек, и названия этих родов так мало похожи на теперешние названия тамошних тунгусов, что по ним совершенно невозможно судить о местах по Нижней Тунгуске, до которых тогда удалось дойти. Размер ясака был очень непостоянный и колебался от 1 до 11 соболей. Кажется, что в то время тунгусы еще не были в полной мере объясачены, но лишь приносили посланным к ним казакам, в зависимости от своего состояния и во избежание дальнейших притеснений, добровольные поминки. Это предположение подтверждается также тем, что в последующие годы, от 7123 до 7126 (1615—1618), число ясачных тунгусов, плативших в Мангазею, не только не увеличилось, а, наоборот, уменьшилось. Так, в последний из указанных годов в ясачных книгах значилось не более двух родов, а в них только 17 человек, и только в 7128 г., после постройки нескольких ясачных зимовий, начался настоящий сбор ясака на Нижней Тунгуске.

§ 48. Местность, где Енисей впадает в Ледовитый океан, русские промышленные люди посетили впервые в 7118 (1610) г., а в 7122 (1614) г. уже начали

[1] Приложение № 101.
[2] Приложение № 114.
[3] Приложение № 129.

собирать ясак с тамошних самоедов. Область по нижнему течению Енисея называлась встарину Пясидой; это название сохранилось теперь только в наименовании реки, впадающей в Ледовитый океан к востоку от Енисея. На языке енисейских самоедов Пясида означает плоскую местность, лишенную леса, какою является вся страна на севере вдоль Ледовитого океана, где до известного расстояния от моря действительно нет лесов, как это будет указано в особом географическом описании, и где почва торфяниста. Такие местности по-русски называются «чистой тундрой». В 7126 (1618) г. упоминается 26 человек пясидских самоедов, из которых каждый уплатил по одному, по два или по три соболя. 14 августа 1619 г. в Мангазею возвратился отряд казаков во главе с Никифором Стародубцем, посланный за два года перед тем в Пясиду; они собрали 68 соболей и 16 пупков. Возвратившийся в том же году 19 августа другой отряд во главе с Смирным Ивановым, посланный в предшествующем году, доставил только 7 соболей, полученных, по их словам, в самоедском Орловом городке. Где находился этот городок, — неизвестно, так как в настоящее время от него не сохранилось никаких следов.

§ 49. Впрочем, и река Пясида была уже в то время известна промышленным людям, посещавшим ее ради промыслов. В 7118 (1610) г.[1] в Мангазее образовалась компания промышленных и торговых людей, отправившихся сухим путем в Туруханское зимовье. Зимовье это, получившее свое название от реки Турухана, впадающей в Енисей, и превратившееся впоследствии в город, тогда еще было совершенно новое: основание его следует отнести к 7115 (1607) г., когда были объясачены первые тунгусы на р. Нижней Тунгуске. Там промышленные люди построили кочи[2] и продолжали оттуда свой путь дальше водою до устья Енисея, которого достигли через 4 недели. Когда они дошли до устья, был уже, кажется, конец июня, но они увидали перед собою так много льда, что им пришлось ожидать еще пять недель, пока можно было выйти в море. Губа, в которую впадает Енисей, была вследствие северных ветров совершенно забита льдом; в ней находились льдины толщиною в 30 и более сажен. Наконец, полуденный ветер отогнал этот лед в море, и промышленники могли продолжать свой путь. Они пошли к реке Пясиде. О дальнейшем плавании их мы не имеем известий, так как человек, сообщивший об этом в 1616 г. в Тобольске, хотел рассказать только об Енисее и об его впадении в Студеное море; он добавил только, что при полуденных ветрах, когда у берегов нет препятствий от льда, в устье Енисея могут входить и выходить большие морские суда. По берегам реки, по его словам, много лесов и пригодных для пашни земель.[3] В ней много рыбы разного рода, как в Волге, и по ней живут многие ясачные народы и русские промышленные люди.

* § 50. Находившийся в то время в Тобольске один француз добавил к этому рассказу, что за 7 лет до того (а именно в 1609 г.) голландцы пытались найти морской путь в Мангазею и к реке Енисею. Но так как в то лето дули сильные северные ветры, то они не прошли из-за льдов и возвратились обратно к себе на родину, что им не пришлось бы делать, если бы они дождались полуденного ветра. Известны неоднократные, но безуспешные попытки голландцев и англичан, предпринятые ими в конце XVI и в начале XVII столетий к открытию пути в Китай и Индию через Студеное море. Здесь же, повидимому, подразумевается плавание знаменитого англичанина Генриха Гудзона,[4] который в 1609 г., как и в предыдущем, хотел обойти вокруг Новой Земли, но оба раза был принужден из-за сплошных льдов возвращаться обратно.

---

[1] Приложение № 116.

[2] Род судов, о которых см. „Историю Сибири", I, стр. 309.

[3] В Мангазейском уезде нет землепашества; следовательно, известие надо относить к местности по верхнему течению реки.

[4] Recueil des voyages de la Compagnie des Indes Orientales, t. I, p. 173.

* § 51. Приведенное известие содержит, кроме того, сообщение о существовавшем в первые годы XVII в. водном пути между Архангельском и Мангазеей. Из Архангельска шли тогда на кочах две недели вдоль берегов мимо Мезени и Пустозерска до Карской губы, морского залива, получившего свое название от впадающей в него речки Кары. С восточной стороны в эту губу впадает речка Мутная. По ней подымались в течение пяти дней до места, где по близости протекает речка Зеленая, впадающая в Обскую губу. Здесь из одной речки в другую суда тащили волоком полторы версты, и в 4 дня спускались по реке Зеленой до ее устья. Добравшись до Обской губы, дальнейший путь в Мангазею ничем не отличался от совершаемого туда ежегодно плавания из Березова.

§ 52. Если в рассказах некоторых промышленных людей мы находим сообщения о том, что голландцы и англичане старались в Архангельске привлечь к себе на службу людей, знакомых с морским путем в Мангазею и, вообще, с Сибирью, чтобы использовать их как проводников в предполагавшихся морских путешествиях в северо-восточные края, то в этом нет ничего невероятного, и нельзя ставить им в вину стремление использовать все возможные средства к достижению такой благодарной цели, как открытие судоходства по Ледовитому океану.

* § 53. Наконец, в 7128 (1620) г. морской путь из Архангельска в Мангазею был окончательно запрещен,[1] причину чего можно легко себе уяснить, приняв во внимание, что обложение пошлинами товаров торговых людей было всегда одной из основных задач, разрешением которой пытались увеличить доходы государства. При морских же поездках можно было ожидать частых сокрытий товаров. Несмотря на то, что тогдашний мангазейский воевода, желая услужить торговым людям, которым этот путь был удобен, представлял как раз противоположное, все же остались при том, как было уже однажды решено. С тех пор ни о каких поездках по морю из Архангельска в Мангазею больше не слышно.

§ 54. Когда таким образом старались всячески открывать новые земли и распространять русскую власть в Сибири, не было недостатка во внутренних и внешних врагах, защищать от которых ранее приобретенное нужно было быть всегда наготове. Важнейшими врагами были сыновья изгнанного хана Кучума. Сами по себе они не были сильны, однако представляли опасность, потому что татары и другие сибирские народы смотрели на них, как на законных владетелей страны. После изгнания их из города Сибири, они жили, беспрестанно кочуя с места на место. Местопребыванием их служила преимущественно обширная степь в верховьях рек Ишима, Иртыша и Тобола, но иногда они доходили и до Яика и даже до Уфимского уезда. Все недовольные и скрывавшиеся от властей, вследствие совершенных ими преступлений, бежали к ним. Они жили со своими людьми в юртах, питались, как и все степные народы, от скотоводства, охоты и грабежей, причем грабили по большей части на русских границах.

* § 55. В 7108 (1600) г.[2] четыре сына хана Кучума — Алей, Канай, Азим и Кубей-Мурат — находились в верховьях Ишима и при них было 250 человек сырянцев и табынцев, сбежавших из Тюменского и Уфимского уездов татар и башкир.[3] Против царевичей должны были быть отправлены из Тобольска и с Тюмени служилые люди, чтобы наказать их за набеги, совершенные на эти два города. В виду того, что 24 июня указанного выше года от них прибыло посольство, это намерение было оставлено. Через своих посланцев Алей заявил в Тобольске, что он и его братья решили совсем покориться русским. По словам тех же посланцев,

---

[1] Приложение № 160.
[2] Приложение № 12.
[3] О сырянцах см. „Историю Сибири", I, стр. 288. Табынцы очень многочисленны среди башкир и разделяются на много родов.

Алей перекочевал с Ишима на верховья реки Тобола, к Пестрому озеру, где и собирался дожидаться государевых указов.

§ 56. Конечно, нельзя отрицать, что подобные предложения бывали часто притворными: в случаях, грозивших опасностью, царевичи коварно пытались выиграть таким способом время, чтобы во всяком случае отсрочить выполнение намеченных против них мер. Но на этот раз они, кажется, на самом деле решились подчиниться русским. Вскоре после этого они послали в Тобольск своего младшего брата Кубей-Мурата,[1] чтобы посмотреть, как его там встретят и на каких условиях согласятся принять их в подданство. Но Кубей-Мурат был отослан в Москву;[2] одновременно с ним был отпущен в Москву и царевич Ишим, который отдался в Уфе под высокую царскую руку.

§ 57. В исходе 1600 г. к царевичам в степь на реке Тоболе были отправлены с Тюмени посланцы,[3] чтобы звать их в этот город для принесения шерти. Царевич Алей должен был приехать со своими братьями на Тюмень, чтобы удостоиться ожидавшей их высокой царской милости; если же он не мог приехать, то должен был прибыть его брат Канай; если и ему что-нибудь помешает, то от имени их всех должен был шертовать один царевич Азим. Но посланцы не нашли царевичей в указанной местности. Они возвратились 19 января 1601 г. на Тюмень с донесением, что в 18 дней прошли с Тюмени до места впадения реки Обаги (ныне Абуги) в Тобол и дальше вверх по этой реке, откуда старый след привел их в два дня на реку Уй. Так как они нигде не встретили царевичей, то возвратились обратно.

§ 58. Между реками Абугой и Тоболом, примерно против устья реки Уй, находится соленое озеро, называющееся Чебаркул, что по-русски означает «Пестрое озеро». Это и было то самое озеро, к которому царевичи хотели прикочевать с реки Ишима. Но так как тюменские посланцы, будучи в той местности, не могли найти царевичей, то весьма возможно, что царевичи сознательно избегали того места, которое было указано их посланцами в Тобольске.

§ 59. По прибытии в Уфу царевича Ишима были получены несколько более подробные сведения об его братьях, оставшихся в степи. Ишим привел с собою в качестве провожатых несколько татар, которых он отправил обратно к своим братьям. Он был в Уфе хорошо принят и устроен прилично своему званию. Об этом он написал своим братьям и уговаривал их, чтобы они также приехали в Уфу. Тамошний воевода Михаил Александров сын Нагой отправил с своей стороны с этой же целью посланцев. Они нашли царевичей Каная и Азима в дубраве между реками Абугой и Ишимом, в трех днях конного пути от устья первой из названных рек, где они для себя и для своих людей, числом не более 150 человек, построили для защиты от зимних морозов рубленые избы и окружили их, в защиту от возможных нападений, телегами. О царевиче же Алее им сообщили, что он, вместе с младшими братьями, находится в 5 днях пути от стоянки, вблизи Тобольского уезда (предположительно, на реке Ишиме, где раньше они все находились), и имеет при себе более 300 человек. Разделение кочевьев было сделано для того, чтобы удобнее было находить корм, которого нехватило бы, если бы они все находились в одном месте.

* § 60. Послы, отправленные к царевичам для того, чтобы уговорить их ехать в государево имя, привезли одни только обещания, которые должны были быть исполнены следующею весною, когда сделалась бы известной судьба отправленных в Москву братьев. Алей, как старший среди них, принял титул хана, вероятно, по-

[1] Приложение № 23.
[2] Приложение № 20.
[3] Приложение № 23.

тому, что весть о смерти Кучума около этого времени дошла сюда, или же потому, что самая смерть Кучума последовала только в этом (1601) году. Одна из жен Кучума, оставленная им по старости уже много лет назад, жила в бухарском городе Шавране и прислала оттуда, с согласия жителей этого города, своему сыну царевичу Канаю предложение принять правление над названным городом. Но Канай отказался от этой чести из опасения, что ему от этого также не поздоровится, как и его отцу, которого, как он говорил, таким же образом «учинили» князем, пригласили приехать в землю калмыков и коварным образом убили там сразу же по его прибытии. Это известие, привезенное уфимскими посланцами, является дополнением к тому, что рассказано в гл. 4 этой «Истории»[1] о смерти хана Кучума.

§ 61. Подчинение царевичей, во всяком случае, не состоялось, повидимому, потому, что от них потребовали безусловной покорности, на которую они не могли согласиться, или же потому, что они настаивали на освобождении своих братьев, отправленных ранее в Москву, что с русской стороны, возможно, не считали желательным. В 7109 (1601) г. несколько татар царевича Алея отправились в сопровождении тарских казаков в Москву. О других посылках, состоявшихся по той же причине, мы ничего не знаем. Однако известно, что вскоре после этого царевичи открыто выступили против русских и причинили сибирским поселениям много вреда, в чем им помогали ногайские татары и калмыки, почти одновременно появившиеся в тамошней степи.

§ 62. Ногайские татары кочевали тогда в степях по реке Яику и, подчиняясь двум мурзам, Урусу и Кази, враждовали между собою. Летом 7109 (1601) г.[2] сыновья Уруса — Алта Улишаим и Ян Раслан — собирались воевать со своим дядей. Предварительно они хотели укрыть в безопасном месте жен и детей и прочих неспособных к войне, для чего им казалось наиболее подходящей местность по реке Исети. По окончании же войны, со всеми своими людьми, насчитывавшими до 7000 человек, они хотели кочевать между реками Исетью и Миясом. Когда об этом стало известно тюменским и туринским татарам, они почти все захотели присоединиться к ним, особенно, когда еще распространился слух, что Кучумовы царевичи со всеми своими людьми решили откочевать к ногаям. Это намерение, однако, не осуществилось, причиной чему были, вероятно, возникшие среди царевичей несогласия.

§ 63. Царевич Алей был рожден от матери незнатного рода,[3] а потому некоторые знатные люди его орды не хотели признавать его своим ханом. Канай, мать которого происходила из княжеского бухарского рода и, как уже упоминалось выше, жила в Шавране, пользовался поэтому большей любовью. Из-за этого между братьями произошел разрыв. Весною 7111 (1603) г. на Тюмени было получено известие, что Алей кочует в семи днях от Тюмени на так называемых боровых пяти озерах и с ним одни только зыряныцы, все же его лучшие люди и все табынцы перешли на сторону Каная, который, вместе с братом своим Азимом, имеет свой стан в пяти днях конной езды далее, на озере Нарыме. Этот разрыв продолжался, однако, недолго.

§ 64. Хотя ногайцы не подошли к русским пределам так близко, как опасались, все же стало известно,[4] что 300 человек их, во главе с мурзою Урусом, стоят на реках Абуге и Уе и своими враждебными действиями и убийством русских людей ясно показали, чего можно от них ожидать, когда настанет подходящий момент. Урус перезимовал на Абуге, неподалеку от ставки царевича Алея, а весною

[1] История Сибири, I, стр. 299, 300.
[2] Приложение № 25.
[3] Приложение № 33.
[4] Приложение № 34.

ушел за реку Ую и остановился на реке Тогузаке. Здесь всегда охотились татары, жившие по реке Исети и находившиеся под русскою властью. В это время 20 человек из них звероваль по реке Тогузаку. Внезапно на них, в их стане, напали погайцы и перебили их всех, кроме одного, который успел бежать на Тюмень.[1]

§ 65. После этого Урус соединился с царевичем Алеем[2] и привел к нему своих людей, а также татар или башкир Уфимского уезда, всего до 700 человек, вследствие чего силы Алея, у которого число собственных людей тоже увеличилось до 400 человек, состояли уже из 1100 человек. С ними можно было предпринять что-нибудь серьезное, и слух шел,[3] что осенью 1603 г. Алей произведет нападение на Тюменский уезд. Но его удержало от этого известие, что некоторые его родственники находились в то время на обратном пути из Москвы в Сибирь.[4]

§ 66. Дело в том, что царь Борис признал возможным отправить обратно в Сибирь некоторых из жен бывшего хана Кучума и сына его Канчувара, взятых в плен во время предыдущих походов. Об этом узнал Алей. Опасаясь, что их могут задержать в дороге, если он преждевременно начнет беспокоить русские пределы, он отложил военные действия до приезда к нему жен его покойного отца и своего брата Канчувара. Один тюменский казак, провожавший на обратном пути посланца царевича Алея и возвратившийся 11 октября 1603 г. обратно на Тюмень, говорил,[5] что он встретил царевича с его братьями по ту сторону реки Тобола, около озера Емесбулак, где все его люди были заняты охотой, и хотя не было заметно каких-либо приготовлений к войне, но, тем не менее, как ему доверительно сообщил один татарин, имеются все основания для того, чтобы опасаться царевича.

§ 67. Что царевич Канчувар действительно возвратился в это время в Сибирь, видно из того, что в последующие годы его имя часто упоминается вместе с именами его братьев. Но какие набеги совершил после его возвращения царевич Алей, об этом мы не находим никаких определенных известий. Известно только, что в 1603, 1604, 1605 и 1606 гг. его нападений очень опасались.[6] В 1605 г. царевич Азим стоял с 300 человек при впадении речки Сусри в Тобол, в 60 верстах от Тюмени. Сын царевича Алея — Араслан — был послан в это время в Москву. Алей, стоявший около Щучьего озера, ожидал его возвращения.

§ 68. В 1606 г. в этих местах показались калмыки, которые за несколько лет до того появились в приобских степях.[7] Внимание русских воевод в Сибири должно было поэтому разделиться, так как они должны были думать теперь также и о принятии мер против этих новых врагов. Хотя имеется известие,[8] что уже при тюменском воеводе Алексее Ивановe сыне Безобразове, воеводствовавшем в этом городе с 1603 по 1605 г., был предпринят поход против калмыков, во время которого был убит калмыцкий предводитель (тайша), однако это известие записано лишь 12 лет спустя после самого события, поэтому в рассказе о походе, может быть, произошла ошибка и перепутаны имена тюменских воевод. На самом деле поход против калмыков был предпринят при боярине Матвее Михайловиче Годунове,[9] который в 1606 г. сменил предыдущего воеводу Безобразова.

§ 69. Первая весть о приближении калмыков была получена через Тару в посланной в Тобольск тарским воеводой князем Силой Гагариным отписке, выписка из

[1] Приложение № 38.
[2] Приложение № 35.
[3] Приложение № 36.
[4] Приложение № 37.
[5] Приложение № 37.
[6] Приложения №№ 48, 50 и 54.
[7] История Сибири, I, стр. 317.
[8] Приложение № 131.
[9] Приложения №№ 56 и 57.

которой была получена на Тюмени 20 сентября 1606 г. В ней говорилось, что в ясачные волости Тарского уезда пришли калмыки, со стороны которых следует ожидать враждебных действий и быть против них наготове. Отсюда видно, насколько необоснованы утверждения зенгорских калмыков (собственно джунгарских), будто барабинские и другие татары Тарского уезда с незапамятных времен были их людьми, с которых они имели право брать дань, как они и делали на самом деле; в действительности же, когда калмыки пришли в эту область, татары уже несколько лет были объясачены русскими. Время, когда калмыки впервые начали брать дань с барабинских татар, будет указано далее в продолжении этой «Истории».

§ 70. Оказать вооруженное противодействие калмыкам и держать их на известном расстоянии от русских пределов было приказано из Москвы тобольскому, тюменскому и тарскому воеводам. Было собрано войско из казаков и татар (не только служилых, но и ясачных) и из русских охочих людей. Весною 1607 г. войско двинулось навстречу калмыкам и имело успех, так как калмыкам был нанесен значительный урон, хотя и не такой, который заставил бы их уйти подальше от близкого соседства с русскими.

* § 71. Должно быть, уже в то время Кучумовы царевичи действовали сообща с калмыками и пытались использовать их помощь против русских. Имеется известие, что одновременно с походом против калмыков был также поход против царевича Алея, причем оба предприятия следует считать одним походом, сделанным одновременно против обоих противников. В одном архивном документе[1] рассказывается, что при воеводе Матвее Михайловиче Годунове тобольскими и тюменскими казаками и татарами был совершен поход против царевича Алея, во время которого была взята в плен его мать. Согласно другому документу[2] сам Алей, названный в этом документе царем, попал в руки русских вместе со своими женами и детьми. Наконец, третий документ[3] говорит только о жене и детях царевича Алея, попавших в плен. Так как имя Алея впоследствии еще много раз встречается среди находившихся в степи врагов, то из этого ясно, что сам он не был в числе лиц, захваченных в плен.

§ 72. Вскоре после этого, как на местопребывание царевича, указывали озеро Чигирлы,[4] откуда он будто бы все еще угрожал войною Тобольскому, Тюменскому, Туринскому и Уфимскому уездам. В мае следующего года[5] три брата его — Азим, Ишим и Канчувар вместе с калмыками действительно напали на Тюменский уезд, захватили врасплох татарский городок, называвшийся Кипырским, и взяли в плен жен и детей кипырских татар. Так как здесь упоминается царевич Ишим, который, как нам уже известно, был увезен из Уфы в Москву, то из этого видно, как мало пользы получилось от милости, оказанной этому царевичу царским правительством, отпустившим его на свободу: как только царевичи снова возвращались к себе на родину, они сразу же забывали свои обещания. Кипырский городок, как уже было сказано, находился в верховьях реки Туры. В этой местности мы знаем две речки под названием Кипырки, которые обе впадают в Туру с северной стороны. К этому нужно прибавить, что в этом же известии упоминается также царевич Алей, который стоял между Кипырским городком и урочищем Кабычаем, на речке Липкиной. Это, без сомнения, речка Липка, которая впадает с южной стороны в Туру, в 5 верстах ниже Кипырского городка. О царевиче Канае сообщается при

[1] Приложение № 131.
[2] Ibid.
[3] Приложение № 465.
[4] Приложения №№ 62, 64.
[5] Приложение № 63.

этом, что он вместе с одним ногайским мурзой и двумя стами людей отправился воевать тобольские волости.

§ 73. Меры, принятые против этого неприятельского нападения, заключались в том, что с Тюмени для преследования трех царевичей, которые разорили Кипырской городок, был послан в поле казачий атаман Дружина Юрьев с столькими русскими и татарами, сколько можно было вскоре собрать. [1] После этого, 5 июля, голова Назарий Михайлов сын Изъединов, бывший на Тюмени товарищем воеводы Годунова, предпринял поход против Кучумовых царевичей. [2] Об этом походе сообщают следующие подробности. [3] Изъединов направился к реке Ишиму, где 24 июля, около бора Шамши, еще и ныне известного под этим названием, он нашел кочевье жен и детей царевичей в то время, как сами царевичи ушли воевать город Тару. Жена царевича Алея с двумя сыновьями, две жены Азима с двумя дочерьми и сестра Алея были здесь взяты в плен и 6 августа доставлены на Тюмень. Царевичи возвратились из набега сразу после ухода Изъединова. Они бросились в погоню за русскими, чтобы отбить у них захваченную ими добычу. Но, несмотря на то, что они догнали их около озера Кибырлы и бились с ними два дня с утра до вечера и после того шли еще три дня следом за русскими, все же все их усилия оказались напрасными.

§ 74. Из сопоставления этих известий с приведенными выше следует, что воевода Матвей Михайлович Годунов предпринял против Кучумовых царевичей два похода: один — в марте и второй — в июне 1607 г., причем во время первого похода была, может быть, взята в плен мать царевича Алея, все же остальные пленники были приведены после второго похода. На Тюмени ожидали царского указа, что делать с этими знатными пленниками. После получения такого указа они 13 декабря 7117 (1608) г. [4] были отправлены в Москву. Так как в то время все дороги в столицу были заняты поляками и сторонниками второго Самозванца, то тюменские посланцы, прибыв со своими пленниками в Вологду, не решились продолжать свой путь прямо к Москве, а отправились в Новгород к боярину князю Михаилу Васильевичу Скопину-Шуйскому, который вел к царю войско, состоявшее из шведов и русских; под его защитой они, наконец, добрались до Москвы. [5]

§ 75. Не представляет большого значения то, что русские владения усилились несколькими перебежчиками со стороны врагов. Но известие об этом, [6] которое мы приведем далее, замечательно тем, что оно дополняет родословную Кучума, так как в нем упоминаются еще два царевича — Чувак и Алтанай, о которых сказано, что Чувак был братом Азима, т. е. происходил от одной с ним матери. Тесть царевича Чувака, Евлубай, пришел с женой и детьми и с 11 семьями татар 15 ноября 7116 (1607) г. на Тюмень и сказал, что он покинул царевича Азима на реке Кобуче. Царевич Алтанай впоследствии тоже явился в Тюмень и 20 июля 7116 (1608) г. был отправлен в Москву. [7] Следовательно, указание на стр. 18-й «Staat von Siberien», что царевич Алтанай был взят в плен при взятии города Сибири, неверно.

* § 76. В том же 1608 г. ногайские татары под предводительством мурзы Уруса совершили набег на Тюменский уезд и 26 августа подошли к реке Пышме, в 20 верстах от города, где и разорили все русские и татарские жилища. [8] Весть об их

---

[1] Приложение № 92.
[2] Приложение № 67.
[3] Приложение № 68.
[4] Приложение № 78.
[5] Приложение № 465.
[6] Приложение № 71.
[7] Приложение № 75.
[8] Приложение № 77.

приближении была получена еще 6 августа[1] от одного уфимского сына боярского, находившегося у башкир. Так как войско Уруса было описано, как очень сильное, то жители Тюмени побоялись выйти ему навстречу и решили только защищаться в своем городе. Когда после нападения истинные силы врага стали известны тюменцам, они устыдились своего страха. Ошибку нужно было исправить смелым преследованием врага. Это и было сделано атаманом Дружиной Юрьевым и служилыми людьми, которых только можно было спешно собрать на Тюмени. Он настиг ногайцев за рекою Исетью, разбил их и отбил у них полон, захваченный на Тюмени.[2]

* § 77. При господствовавшей в то время в Московском государстве смуте такое большое количество внешних врагов могло легко повести к общему восстанию сибирских народов, если бы своевременно не принимались против этого меры. В 1604 г. верхотурские и пелымские вогулы намеревались восстать против русских, причем их внимание было обращено, главным образом, на вновь построенную соляную варницу на р. Негле, которую они хотели разорить, а находившихся при ней деловых людей побить.[3] В 1606 г. были волнения среди вогулов на р. Конде.[4] Они собрались в количестве до 300 человек и хотели итти в Коду войной против остяцких князей Ивана и Михаила Игичеевых детей Алачева за то, что они будто бы жестоко притесняли их при сборе ясака. Известно, что князья Алачевы не имели никакого права собирать на свое имя ясак с кондинских вогулов, так как по царскому указу им были отведены с правом сбора ясака только волостки Вас-Пукол (Ас-Пугль) и Кол-Пукол (Кул-Пугль) на р. Оби.[5] Точно так же нельзя предполагать, что им был поручен сбор ясака для государевой казны, так как кондинские вогулы принадлежали к Пелымскому уезду, а князья Алачевы зависели от Березова. На основании этого можно думать, что приведенные жалобы следует отнести за счет прежних раздоров, уже описанных нами ранее;[6] жалобы были вызваны тем, что князья Алачевы все еще продолжали притеснять кондинских вогулов, которые по недоразумению называли ясаком то, что те от них вымогали вопреки всякому праву. В рассказе об этом в источниках назван остяцкий князец Оксеит Бояров, который, кажется, был сыном демьянского князца Бояра, упомянутого в томе первом.[7]

* § 78. В 1607 г. городу Березову угрожала опасность разорения со стороны березовских остяков и вогулов, к которым хотели присоединиться пелымские и сургутские вогулы и остяки, а также самоеды. Собралось до 2000 человек. Общий съезд восставших был назначен за неделю до Петрова дня в протоке реки Оби, называемой Пэъяпала, в 15 верстах выше Березова. Тогда от остяцкой женщины, находившейся на службе у одного из зачинщиков, было получено известие об измене вогулов и остяков.[8] Воевода князь Петр Ахаманукович Черкаский принял все меры предосторожности: он не только вновь укрепил город рвами и во рву острогом и палисадами, но и «переимал» понемногу главнейших изменников и подверг их заслуженному наказанию, и, таким образом, угрожавшее городу несчастье было заблаговременно предотвращено. Среди казненных находилась остяцкая женщина, повешенная за ее волшебство, и два остяцких шайтанщика, принимавшие немалое участие в подготовке восстания: они заверяли остяков в удачном исходе задуманного ими дела. Тогда же понесли давно заслуженное наказание князь Ва-

---

[1] Приложение № 76.
[2] Приложение № 77.
[3] Приложения №№ 42, 45.
[4] Приложение № 55.
[5] История Сибири, I, стр. 284, 285.
[6] История Сибири, I, стр. 285.
[7] История Сибири, I, стр. 233, 242.
[8] Приложения №№ 70, 72.

силий Обдорский, о котором уже упомянуто в т. I,[1] и Шатров Лугуев, так как оба они стояли во главе этого восстания. Первый из них, по его собственному признанию, принимал, кроме того, участие в погроме самоедами мангазейского воеводы князя Мирона Шаховского и его служилых людей,[2] а второй был виновником измены березовских остяков в 7103 (1595) г.[3]

* § 79. В 7117 (1609) г. подготовлялось новое восстание тобольских, тюменских, туринских, верхотурских, пелымских, березовских и сургутских татар, вогулов и остяков, причем тюменские особенно надеялись на помощь калмыков, рассчитывая вместе с ними захватить город Тюмень и перебить в нем всех русских.[4] Однако их намерение и на этот раз было раскрыто прежде, чем восстание успело вспыхнуть. Зачинщики его поплатились жизнью. Несколько пелымских вогулов, пришедших к соляной варнице на реке Негле за вестями, дали понять, что они уже были осведомлены о событиях, происходивших в то время в Москве. Из этого следует заключить, что они были ободрены этими известиями и поэтому ожидали успеха от задуманного ими дела.

* § 80. При этом следует отметить одно обстоятельство, относящееся к тогдашним обычаям сибирских народов. Я говорю о том условном знаке, при помощи которого жившие в разных местах оповещались о предполагаемых восстаниях. Всякий, кому этот знак попадался на глаза, знал, что ему надо делать, и вооружался для борьбы за восстановление былой свободы. Вдова князца Игичея Алачева, принявшая при крещении имя Анны,[5] отправилась на реку Вах в Сургутском уезде, чтобы потребовать ясак со своих людей, бежавших туда. На обратном пути она присутствовала в устье реки Иртыша на совещаниях тамошних остяков и обещала склонить к восстанию березовских остяков и вогулов. Ей была дана стрела, на которой было вырезано поперек 11 шайтанов, а железный наконечник был затуплен. Стрела должна была пересылаться от одного остяцкого или вогульского жилища до другого, и каждому без дальнейших пояснений было понятно, что это означало. Несколько березовских казаков, ехавших за ясаком по реке Сосве, нашли эту стрелу и привезли ее в Березов, где учиненный розыск[6] привел к тому, что описанное выше сделалось известным. При предыдущих восстаниях по всей стране ходили такие же стрелы.

§ 81. Между тем в Сибири все время происходили волнения зарубежных и местных народов, и редко проходил год без того, чтобы не было слышно о подобных печальных случаях. В 1610 г. на башкиров, живших по реке Миясу, напали ногайцы,[7] направившиеся затем далее к реке Исети и наведшие снова ужас на Тюменский уезд. Несколько татар Тарского уезда сбежали оттуда и перешли на сторону калмыков, с которыми они, в числе до 200 человек, делали набеги под самый город Тару, нанося ему большой ущерб грабежами и убийствами.[8] В виду этого тарский воевода князь Иван Мосальский послал в 1610 г. к калмыкам требование выдать перебежчиков и приглашение тайшам стать под высокую государеву руку, уплатить ясак и приехать в город для шерти. Но тайши отказались выполнить это, ссылаясь на то, что им ничего неизвестно о каких-либо перебежчиках. Этим отказом был вызван государев указ на имя тобольского, тарского и тюменского воевод, в котором говорилось, что так как калмыки отказались признать над собою госу-

---

[1] История Сибири, I, стр. 396, 400.
[2] Ibid., стр. 309.
[3] Ibid., стр., 286.
[4] Приложения №№ 80—82.
[5] См гл 6, § 35.
[6] Приложение № 81.
[7] Приложение № 94.
[8] Приложение № 98.

цареву власть и не пожелали платить ясак и что, следовательно, нельзя ожидать от них никакой пользы, тогда как сами они стали самовольно селиться на государевой земле, то из названных трех городов следует предпринять поход против калмыков и воевать с ними до тех пор, пока они не будут изгнаны за пределы русских владений.

§ 82. Этот указ был получен на Тюмени 24 мая 1611 г. Сроком для выступления в поход против калмыков был назначен Петров день. О результатах этого похода архивных известий не сохранилось, но, на основании других примеров подобного рода, можно думать, что он не только состоялся, но и имел счастливый исход. В прежние времена простой человек весьма охотно участвовал в таких походах. Обязанные по своей службе к участию в походах никогда не уклонялись от них, но, наоборот, многие, не считавшие военное дело своим занятием, добровольно предлагали свои услуги, чтобы при этом случае принести пользу своему отечеству. Оружие врага, состоявшее всего только из стрел и луков, не было опасным; над ним привыкли одерживать легкие победы и, кроме того, с походом было связано еще одно особое преимущество, заключавшееся в том, что обычно при этом захватывалась большая добыча, состоявшая, главным образом, из пленников и скота, т. е. из того, в чем в Сибири ощущалась особая нужда.

§ 83. До этого времени Тара беспрепятственно снабжала Тобольск и другие сибирские города солью из лежавших по соседству с нею соляных озер. Хотя тогда казенная торговля солью не была еще введена, все же известное количество ее требовалось для выдачи жалованья служилым людям. Воеводы в городах должны были заботиться о том, чтобы у них во всякое время были достаточные запасы соли. В 1610 г. калмыки захватили эти соляные озера[1] и не допускали посланных из Тары казаков брать из них соль. В 1611 г. казакам на Тюмени, в Тобольске и других городах могла быть выдана только половина причитавшейся им соли. Тогда стали изыскивать решительные меры помочь этому горю и поставить себя вне опасности снова оказаться в затруднительном положении. Из всех городов было вызвано известное количество служилых людей и служилых татар. Они должны были весною, как только вскроется лед, собраться на Таре и вооруженной силой выполнить то, что не удавалось тарским жителям сделать мирным путем. Когда намеченное было выполнено успешно, так же поступали до тех пор, пока, наконец, опасность сопротивления с чьей-либо стороны совсем миновала.

* § 84. Этому как будто противоречит известие одного архивного документа тобольского архива,[2] в котором сказано, что в 7121 (1613) г. литовский ротмистр Бартош Станиславов был отправлен с служилыми людьми из Тобольска вверх по Иртышу для проведывания соляного озера; озеро это он нашел и доставил из него в Тобольск соль. Можно думать, что здесь идет речь об открытии соляного озера Ямыша, которое в последующее время, действительно, снабжало солью значительную часть Сибири и снабжает ее еще и по сей день, вместо других озер, которые хотя и лежали ближе к Таре по сухому пути, но были более удалены от Иртыша и из которых жители Тары добывали соль до тех пор. Озеро Ямыш нужно было, во всяком случае, предпочесть этим озерам, не только вследствие его более близкого положения от Иртыша, но также и потому, что добытая из него соль превосходила своим качеством всякую другую соль, которая добывалась в Сибири.

§ 85. Слух, распространившийся среди вишерских, верхотурских и пелымских вогулов во время московской смуты, когда страна оставалась без государя, будто их хотят заставить нести воинскую службу и отправить на Русь, вызвал в 7120 (1612) г. среди них новое восстание,[3] угрожавшее главным образом городу Пе-

[1] Приложение № 100.
[2] Приложение № 147.
[3] Приложения №№ 102—104, 107, 109.

лыму. Отовсюду приходили вогулы и собирались около этого небольшого города. В виду малочисленности находившихся в нем служилых людей Пелым не представлял для восставших угрозы, и они намерены были зажечь его, перебить русских, а затем перейти через Камень и итти воевать Пермь и пермские волости. Однако они скоро убедились, что этот маленький городок, в котором никогда не было более 40 или 50 домов, был достаточно силен, чтобы оказать им сопротивление. Нужно было только, чтобы своевременно стало известно намерение вогулов; замысел раскрыл один вогул, похвалявшийся тем, как они намереваются расправиться с русскими. В распоряжении пелымского воеводы Петра Исленьева было не более 65 служилых людей, а число всех жителей вместе с их людьми не превышало 100 человек. В случае общего приступа этими силами он не мог защитить внешний острог, окружавший жилые дома. Поэтому он велел разрушить часть дворов и уменьшить острог. Вогулы говорили: «Ныне государя на Москве нет; ныне воеводы одни в Сибири, а людей русских мало во всех сибирских городах. Нам будет не трудно расправиться с ними со всеми по очереди». Но их надежды не оправдались, и вогулы понесли за свою безрассудную смелость заслуженную кару.

§ 86. О походе, предпринятом в 7121 (1613) г. с Тюмени против калмыков,[1] мы не находим никаких других сведений, кроме того, что поход, как и обычно, оказался успешным для русских. По случаю другого похода против калмыков,[2] совершенного в то же самое время с Тары, тарские служилые люди получили большие награды, присланные им по царскому указу с Верхотурья.

§ 87. Без сомнения, строгость, проявленная по отношению к калмыкам, имела хорошие последствия. Некультурные народы не умеют различать причины мягкого с ними обращения; они не знают, происходит ли оно от великодушия или от страха. Они скорее склонны предполагать последнее, и их нельзя держать в повиновении иначе, как справедливым принуждением. Поэтому 3 мая 7123 (1615) г.[3] на Таре увидели послов, прибывших от трех калмыцких тайш — Баатыра, Тургена и Урлюка. Хотя поручение, по которому они прибыли, нам не известно, можно все же предположить, что оно состояло в обещании признать над собою власть русских. После 13-дневного пребывания на Таре они были отпущены обратно. Такие посольства очень часто повторялись с калмыцкой стороны. Это давало основание думать, что русским удалось окончательно расположить в свою пользу калмыцких тайш и считать их своими верными людьми. Такие мирные отношения никогда долго не продолжались, хотя заверения в верности и подтверждались шертью. В следующем 1616 г.[4] в присутствии двух присланных из Тобольска служилых людей принесли шерть тайша Баатыр и некоторые другие калмыцкие тайши: Кузен, Чигир и Урлюк. Тарский казак Влас Калашников привел к шерти трех тайш — Тургена, Табутая и Малдишера. Тайша Баатыр или Батур был главою джунгарских калмыков и предком правящей династии, только недавно уничтоженной китайцами. Из этого видна необоснованность претензий его потомков, предъявлявшихся ими на некоторую часть южной Сибири. Потомки Урлюка впоследствии перешли вместе со своим народом — торгоутами и другими калмыцкими родами на Волгу, и Урлюк сделался родоначальником ханов Аюки, Черен Дондука, Дондук Омбо, Дондук Даши и теперешнего наместника Убаши.

* § 88. Что касается Кучумовых царевичей, то в том же 1616 г. было получено известие,[5] что царевич Ишим с двумя калмыцкими тайшами Салбаром

---

[1] Приложение № 131.
[2] Приложение № 111.
[3] Приложение № 115.
[4] Приложение № 119.
[5] Приложения №№ 118, 120.

и Кошуром кочует по верхнему течению Иртыша, около Семи Палат, и собирается с помощью калмыков воевать сибирские города и Уфу. Об этом сообщил тайша Турген через казака, который приводил его к шерти. Но на самом деле ничего дурного не произошло. Осенью пришли от царевича послы, которые говорили, что этой же зимой царевич хочет выехать на царское имя.[1] В одном архивном документе того времени царевич Ишим назван царем. По всей вероятности, это объясняется тем, что умер его старший брат Алей, после которого наступил его черед выступить претендентом на звание сибирского хана. К этому же времени относится наименование «Семи Палат» «Каменными Мечетями».[2] Что речь идет здесь об одном и том же, подтверждается местоположением «Каменных Мечетей»: в одном архивном документе[3] сказано, что они находятся «за полтора днища до соляного озера Ямыша», а в тех местах нет никаких других строений, расположенных ближе, чем Каменные Мечети.

§ 89. В то время на Тюмени находился один знатный калмыцкий пленник, за которого калмыки предлагали дать выкуп в 50 лошадей. Он назван бакша (вернее было бы бакши), что у калмыков и монголов то же самое, что у индийцев «бараман» или «брахман». Оба названия обозначают ученого или учителя, так как эти люди посвящают себя в особенности наукам и обучают им других. Они не принадлежит к духовенству, которое называют ламами, так как имеют право вступать в брак. Однако бакши может сделаться ламой, если разведется со своей женой, что они обычно и делают с наступлением старости. Тюменский воевода князь Федор Семенович Коркодинов,[4] кажется, согласился принять предложенный выкуп, но тобольский воевода князь Иван Семенович Куракин держался другого мнения и приказал беречь и не отпускать пленника. Он надеялся таким образом привлечь калмыков на русскую сторону, так как этот бакши был у них в большом почете. Распоряжение И. С. Куракина было одобрено Москвой.

* § 90. К событиям 1616 г. принадлежат, кроме того, нападения сургутских остяков[5] не только на других остяков, но и на проезжих русских, сопровождавшиеся убийствами. Их было не более 30 человек из волости князца Бардака, который уже упоминался однажды в рассказе о построении города Сургута.[6] Сургутские остяки перебили до 30 русских и умели так хорошо скрываться, что, несмотря на тщательные розыски, предпринятые по распоряжению сургутских воевод Гаврилы Вельяминова и Ивана Зубатого, их все же не могли найти. К этому воровству их понудили будто бы обиды и насилия, учиненные сургутскими служилыми людьми и проезжавшими в Томск воеводами.

§ 91. В 7126 (1618) г. был предпринят из Тобольска, под начальством Алексея Вельяминова, поход против царевича Ишима и калмыков, кочевавших в степи по берегам Иртыша и Тобола. В источнике, содержащем рассказ об этом походе,[7] Вельяминов назван стряпчим, но это название не следует понимать в современном смысле — ходатая по делам. Жильцы, стряпчие, стольники, окольничие, бояре были должности или чины; их постепенно достигали дворяне, которые имели заслуги и которым сопутствовало счастье. Следовательно, дворянин мог быть стряпчим, и во главе подобного похода мог быть поставлен кто-либо из стряпчих. Поход был удачным. Ишим и находившиеся с ним калмыцкие тайши понесли тяжелое поражение. Большое число их улусных людей было убито, и очень

---

[1] Приложение № 122.
[2] De scriptis tanguticis in Sibiria repertis. Comment. Acad. Scient., t. X, p. 443.
[3] Приложение № 118.
[4] Приложение № 121.
[5] Приложения №№ 117, 138.
[6] История Сибири, I, стр. 287.
[7] Приложение № 147.

многие попали в плен. В добычу достались также верблюды,[1] которые представляли большую ценность у всех восточных народов, в особенности же у степных кочевников, для которых они представляют необычайное удобство во время их переездов и кочеваний. В Тобольск было приведено 17 и на Тару 58 верблюдов, которые были отправлены затем в Москву.

§ 92. К событиям этих лет относятся также несколько посольских отправлений, совершенных в 1608, 1616 и 1619 гг. из Томска и из Тобольска в Китай и к Алтыну хану, но о них уже отчасти говорилось в моем сочинении о первых путешествиях русских в Китай.[2] При описании переговоров с упомянутым монгольским ханом о них будет сказано несколько подробнее. Коснуться истории сопредельных азиатских народов и устройства их земель, насколько это необходимо, является в сущности задачей сочинителя русской истории, в особенности потому, что в Сибири о них было тогда мало известно.

---

[1] Приложение № 142.
[2] Sammlung Russischer Geschichte, Bd. IV, S. 473.

Глава седьмая

ДАЛЬНЕЙШИЕ ОТКРЫТИЯ И ЗАВОЕВАНИЯ НА РЕКЕ ЕНИСЕЕ. ПОСТРОЕНИЕ ОСТРОГОВ И ГОРОДОВ: МАКОВСКОГО, ЕНИСЕЙСКОГО, МЕЛЕССКОГО И КРАСНОЯРСКОГО. КИРГИЗСКИЕ СОБЫТИЯ

* § 1. Имеется печатное «Описание Сибири и тамошних первых открытий»,[1] которое нами еще не было указано и которым мы до сего времени не могли воспользоваться вследствие многих содержащихся в нем ошибок. Но здесь оно нам может быть полезным, потому что в нем упоминается об одной посылке, которая является первым отправлением на Енисей, предпринятым из Кетского острога. Однако в этом описании отсутствует название «Кетский острог», а имеется «Комгофский», но оно означает то же самое и должно читаться «Кунгопский», потому что так именно первоначально назывался Кетский острог. Название «Кунгопский острог» имеется в одном архивном документе, приложенном к т. I этой «Истории».[2] Откуда произошло название Кунгопский, с достоверностью сказать нельзя. Можно только предполагать, что, подобно Мангазее, этот острог был вначале назван по остяцкой волости, в которой он был построен, но что вскоре предпочтение получило название, заимствованное от реки Кети.

* § 2. Прежде всего следует определить время этой посылки, которое в печатном «Описании» ясно не отмечено. «Описание» содержит, правда, некоторые указания на то, к какому времени относится известие об этой посылке; так как в нем говорится, что посылка на Енисей состоялась за 7 лет до опубликования известия о нем. Витзен пишет, что известие было напечатано Исааком Массой в 1609 г. одновременно с известием об открытии Сибири, которое мы использовали в начале этой «Истории».[3] Однако из того, что в «Описании» упоминается о только что состоявшемся путешествии Исаака Лемэра для открытия северного прохода, которое имело место не ранее 1615 г.,[4] следует, что относить это «Описание» к 1609 г. невозможно. Кроме того, в нем сказано, что город Томск, о котором мы точно знаем, что его основание относится к 1604 г., был построен за 10 лет до того. Следовательно, «Описание» должны были начать печатать в 1614 г. и закончить в 1615 г.; эта дата подтверждается также и тем, что известия, относящиеся к открытию реки Енисея, начинаются в кетском архиве с 1608 г.

§ 3. Отправленные на Енисей русские и тамошние остяки[5] провели 3 недели в дороге, идя прямо на восток, пока не увидели на открытом месте несколько юрт

---

[1] Voyages aux Indes Orientales, t. I, p. 169 и сл. — Witsen. Noord en Oost Tartarye, изд. 2-е, стр. 829 и сл. и выдержка из него в „Staat von Siberien“, стр. 20 и сл.
[2] Стр. 402.
[3] См. гл. 2, стр. 206.
[4] Voyages aux Indes Orientales, t. I, p. 179.
[5] В печатном „Описании“ говорится о самоедах и татарах, что является ошибкой, потому что до них было очень далеко.

и около них людей, которые по прибытии русских не выказали ни малейшего страха, так как увидели их в сопровождении остяков, с которыми уже и раньше имели сношения. С ними старались обходиться приветливо, однако разница в языке мешала тому, чтобы обращаться с ними так, как того хотелось, чтобы получить от них все нужные сведения. В печатном «Описании» говорится, что от них узнали только, будто бы они называют себя тунгусами и живут на большой реке Енисее, что они пришли из страны, лежащей к юго-востоку, но что это за страна, того никто сказать не умел. Все они имели большой подбородок или зоб, а язык их был похож на крик индейских петухов. Только самоеды (вернее, кетские остяки) будто бы могли с ними немного объясниться, так как язык их родствен тунгусскому языку.

§ 4. Этот рассказ похож на рассказы людей, которые только слегка познакомились с прежде неизвестным народом и которым пришлось разговаривать при помощи переводчиков, вероятно, мало знакомых с языком, у которых нехватило остроумия или которые недостаточно отчетливо составили свои вопросы применительно к понятию тех, к кому или через посредство кого они обращались, которые судили по первому впечатлению, не проверяя другими свидетельствами того, что они сами видели и слышали — словом, это рассказ людей, обладавших свойствами, присущими, к сожалению, большинству авторов описаний путешествий, что справедливо заставляет читателя относиться к ним осторожно. Что тунгусы будто бы так называют сами себя, также неправильно, как неверно и то, что иные[1] производят это название от татарского «тонгус» (свинья). Скорее всего это название возникло у живущих на реке Кети пумпокольских остяков, которые являлись ближайшими соседями тунгусов: именно они так называют их на своем языке. По всей видимости, они служили русским переводчиками, из чего было сделано заключение о родстве их языка с тунгусским, чего, однако, при изучении не обнаружено. Но что же можно сказать о басне про большие подбородки или зобы и о сравнении тунгусского языка с криком индейских петухов? Мне никогда не встречалось ничего подобного и никогда не приходило в голову такое сравнение, хотя я много раз слышал речь тунгусов. В свою очередь, название реки Енисей было правильно приписано тунгусам, хотя в произношении его наблюдается у них небольшое отличие. Что же касается страны, лежащей к юго-востоку, то, вероятнее всего, здесь говорится о Верхней Тунгуске и о других реках, впадающих в Енисей с юга.

* § 5. В печатном известии говорится далее, как отправленные из Кетского острога русские и остяки, взяв с собою в проводники несколько тунгусов, перешли через реку Енисей и держали все время путь на восток, боясь переменить это направление на юг. Насколько можно было понять тунгусов, далее к югу будто бы жили различные неведомые народы, из которых каждый имел своего князя и которые часто воевали друг с другом. Страна, по которой они шли, была будто бы совсем необитаема. Поэтому они вскоре отправились обратно, предварительно подарками склонив на свою сторону тунгусов и велев им производить дальнейшие разыскания, причем они оставили там несколько русских и остяков. В следующем году они будто бы пришли вторично на Енисей и, на основании полученных от тунгусов известий, могли пройти значительно дальше, чем прежде. Большая река, правда, несколько меньшая, чем Енисей, но почти такая же быстрая, в течение нескольких дней указывала им путь; при этом они повстречали людей, язык которых им был непонятен. Только по некоторым знакам и по тому, что они слышали, что те беспрестанно произносили слова «ом, ом», они заключили, что в земле этих людей часто бывает гром. Далее они решили, что эти люди проис-

[1] Histoire généalogique des Tatars в примечаниях к стр. 344.

ходят из густонаселенной страны, а так как, когда им указывали на реку, они произносили слово «Песида», то русские решили, что это и есть название самой реки. Иные же из русских толковали слово «ом, ом» так: эти люди хотели дать понять о колокольном звоне, который, вероятно, был у них в употреблении. На обратном пути русские взяли с собою нескольких из этих людей, которые, однако, все умерли от страха или от перемены воздуха. Это были будто бы крепкие и большого роста люди, с небольшими глазами и плоскими смуглыми лицами.

* § 6. В этом известии под рекою, по которой поднимались русские и остяки, следует, кажется, подразумевать Верхнюю Тунгуску. Они могли повстречать монголов, которые были там также для открытия новых земель; монголы могли часто читать молитву, имевшуюся у исповедующих далайламскую веру, «ом ма ни пад ме хом». При них мог быть один из монгольских лам, которые часто отправляются в отдаленнейшие места, особенно, если им надо искупить какой-нибудь грех или когда они надеются распространить там свое безбожное учение. Язык кетских остяков имеет так много общего с самоедским языком, что слово «Песида»[1] может быть объяснено из самоедского без всякой необходимости искать его в каком-нибудь другом языке. При пользовании переводчиками подобные ошибки легко могут произойти.

§ 7. Кетские архивные документы самую раннюю посылку служилых людей в эти края относят к 7116 (1608) г.,[2] когда Владимир Молчанов послал из Кетского острога служилых людей в Тюлькину землицу, чтобы объясачить тамошних людей. Ранее того были объясачены некоторые остяки по реке Енисею, которым, по их кузнечной работе, было присвоено название Кузнецкой волости. Они жили под властью своего князца Тюметки в той местности, где впоследствии был построен город Енисейск. Идя отсюда вверх по Енисею, русские встретили людей, князец которых назывался Тюлькой. Отсюда и всю местность стали называть Тюлькиной землицей; название это было в употреблении в течение многих лет, до построения в этой землице города Красноярска. Под Тюлькиной землицей следует понимать землю аринцев и качинских татар, ибо, хотя в одном архивном документе и встречается аринский князец Татуш, который в другом месте назван князцом Тюлькиной землицы, но едва ли вначале настолько точно различали эти народы, чтобы не могла произойти путаница в их названиях. Качинские татары впервые упоминаются много времени спустя, но кажется невероятным, чтобы они могли остаться свободными во время завоевания Тюлькиной землицы, причем эта землица описывается так, что надо подразумевать в этом описании также юрты качинских татар. Страленберг[3] привел устный рассказ о покорении аринцев, не имеющий никакого основания. При появлении русских аринцев было уже очень мало. Верно лишь то, что в первый раз подчинить их не удалось. Аринцы надеялись на помощь соседних с ними киргизов, которым они были подчинены и платили ясак. Они дали русским в поминок только несколько худых соболей, которых упомянутый выше Молчанов не счел возможным отослать в Москву.

§ 8. Урнук и Намак были князцами остяцкой волости на реке Кети, которые и советами и делами помогали русским во время открытия и покорения народов, живших по реке Енисею. До сих пор можно видеть место, где жил первый из этих князцов, хотя память об его имени почти совсем исчезла, так как вместо Урнуково городище, вследствие неправильного произношения, стали называть его Урлюковым или Урликовым, из чего произошло теперешнее название этого места Орликово, как будто бы оно возникло от русского слова «орел» или «орлик». Второй из князцов

[1] См. гл. 6, § 48.
[2] Приложение № 79.
[3] Das Nord- und Ostliche Theil von Europa und Asia, S. 85.

владел тою местностью, где теперь находится Маковский острог. 25 декабря 7117 (1608) г. Урнук пришел в Кетский острог с полученным им от князца Намака известием,[1] что тунгусы под предводительством князца Дапула произвели нападение на Кузнецкую волость на реке Енисее и хотели побить всех русских, если они станут требовать от них уплаты ясака, оставив в живых только одного служилого человека и переводчика, чтобы использовать их в качестве проводников в задуманном ими нападении на Кетский острог; они надеялись заставить остяков платить ясак себе, а не русским.

§ 9. Это известие было, с одной стороны, предупреждением, чтобы впредь к тунгусам посылать только большие отряды служилых, с другой же стороны, стало ясно, что кузнецким остякам с реки Енисея, как подчинившимся уже русским, следует оказывать всевозможную защиту против врагов. Это было выполнено отрядом русских служилых, зырян и остяков, посланных в мае 1609 г. из Кетского острога. Произошло сражение с тунгусами, в котором многие из них пали, те же, которые попали в плен, умерли от ран в руках победителей. Несмотря на поражение, тунгусы сразу же после этого произвели нападение на остяков, живших на реке Сыме. Победа, одержанная над тунгусами, навела такой страх на людей Тюлькиной землицы, что они перестали уклоняться от подчинения русским; князец их Кобыта, Тюлькин сын, сам прибыл к русским и двумя сороками соболей положил начало платежу ясака.

* § 10. От 1610 и 1611 гг. имеются многочисленные известия о том, что тунгусы воюют остяков, зависевших от Кетского острога, и оказывают сопротивление русским.[2] У князца Дапула на Верхней Тунгуске, по слухам, было 300 человек. Он не мог допустить, чтобы остяки зависели от русских и платили им ясак. Он разорял поэтому остяцкие юрты, а так как ближайшей к нему была Кузнецкая волость на реке Енисее, то она чаще всего подвергалась нападению с его стороны. В 1612 г. как будто бы дело стало меняться к лучшему. 23 декабря в Кетский острог пришел князец Намак с известием,[3] что тунгусы хотят покориться русским, а жители Тюлькиной землицы согласны впредь давать ясак. В виду этого в начале 1613 г. были посланы из Кетского острога служилые люди и остяки, которые должны были привести эти народы к шерти и собрать с них ясак. Однако удалось осуществить только незначительную часть того, что надеялись выполнить.[4] Тунгусы отреклись от своего обещания, а у пришедшего к ним за ясаком князца Намака они отняли все, что у него было. Жители же Тюлькиной землицы незадолго до этого подверглись нападению братских или бурятов и были вынуждены отдать им меха, приготовленные для уплаты русским ясака. Всего они уплатили 73 соболя, которыми на этот раз и была пополнена ясачная казна в Кетском остроге, состоявшая до того более, чем из 49 сороков соболей. Позднее, в 1617 г., с Тюлькиной землицы поступило в Кетский острог 2 сорока соболей, в 1618 г. 50 соболей.[5] Из-за незначительного числа служилых людей, находившихся в Кетском остроге, приходилось довольствоваться тем, что каждый добровольно давал, и не принимать более решительных мер.

§ 11. Чтобы обеспечить больше успеха в распространении русской власти на реке Енисее и среди тунгусов, было необходимо увеличить число служилых людей Кетского острога или произвести из Тобольска особую посылку достаточного числа людей, которые на реке Енисее или среди тунгусов поставили бы новый острог. Было сделано и то, и другое. Сначала было избрано первое средство, как наиболее

[1] Приложения №№ 79 и 83.
[2] Приложения №№ 87, 88, 95 и 99.
[3] Приложение № 106.
[4] Приложение № 108.
[5] Приложение № 133.

легкое, и с этою целью был послан в Сургут указ[1] отправить в Кетский острог 30 человек тамошних служилых людей и «сколько пригоже» промышленных людей. Вместе с тем начали готовиться к построению острога на Енисее. Летом 1617 г. двое служилых людей и один промышленник были посланы из Тобольска,[2] чтобы описать обстоятельно все удобства и неудобства дороги на Енисей и далее до земли тунгусов. Воеводе Кетского острога было приказано также[3] расспросить тамошних служилых людей, знающих места по реке Енисею, о путях туда и отписать о них в Тобольск.

§ 12. Ответ воеводы[4] был составлен довольно подробно и в известной мере заслуживает внимания. Чеботай Челищев — так звали воеводу — сообщал тобольскому боярину и воеводе князю Ивану Семеновичу Куракину, что он расспросил о путях на Енисей двух служилых людей, ходивших в 1609 г. в поход против тунгусов с десятником Иваном Кайдаловым, и узнал от них следующее: от Кетского острога до князца Намака езды на легких крытых лодках (каюках), какие употребляются у зырян, 2½ недели. Далее путь идет от реки Кети до речки Томи через волок, который летом пеший человек, неся на себе 2 пуда хлебных и иных запасов, может пройти в 2 дня, а зимою его можно пройти в такое же время на партах. На речке Томи обычно строят струги или такие же зырянские каюки, какие употреблялись и на реке Кети, в которых в полдня доходят до реки Кеми и по ней в один день попадают в Енисей. Чтобы проехать по Енисею вверх до впадения в него Верхней Тунгуски, нужно итти без перерыва целый день. Около устья Тунгуски в своих обычных юртах жили[5] 12 тунгусских семей, которые, по впадающей в Тунгуску с южной стороны речке Кипану, называются кипанцами. Далее вверх по Енисею надо итти на дощанике 3 дня до порога. Перейдя порог, который длиною 2 версты, нужно итти еще 3 дня до Тюлькиных людей. К этому описанию прибавлено, что произвести посылку людей для постройки острога на Енисее или на Верхней Тунгуске в течение того же лета было уже поздно, так как посланные туда служилые люди едва ли успеют пройти всю реку Кеть, не говоря уже о том, чтобы дойти до реки Енисея.

§ 13. На самом деле, посылка состоялась не ранее весны 1618 (7126) г. В самом Тобольске был недостаток в служилых людях, а потому людей, которые должны были принять участие в этой посылке, собирали в разных сибирских городах. Город Пелым доставил начальника этих служилых людей, тамошнего сына боярского Петра Албычева.[6] В Тобольске был придан ему помощник по имени Черкас Рукин, и оба они были строителями двух новых острогов,[7] благополучно завершенных в течение 1618 и 1619 гг.

§ 14. Когда Петр Албычев и Черкас Рукин со своими людьми прибыли в то место на реке Кети, где обычно оставляют суда и продолжают далее путь к Енисею волоком, им пришлось принять во внимание, что здесь может быть придется оставаться некоторое время до тех пор, пока не будет приготовлено все необходимое для выполнения их задачи на реке Енисее. Суда и судовые припасы, а также и часть привезенных ими хлебных запасов нельзя было оставить там без всякого присмотра и охраны, а, следовательно, было необходимо известным образом укрепить место их пребывания и обезопасить его от неприятельских нападений. В этом-то

[1] Приложение № 125.
[2] Приложение № 126.
[3] Приложение № 127.
[4] Приложение № 128.
[5] Здесь упущено из виду, что тунгусы не имеют постоянных жилищ, а почти ежедневно переносят их с места на место.
[6] Приложение № 137.
[7] Приложение № 132.

заключалась причина и непосредственный повод постройки Маковского острога, который был основан не по приказу из Москвы, а просто по усмотрению строителей Енисейска. Албычев и Рукин оставались в Маковском остроге до июня 1619 г. Они скоро увидели, что принятые ими меры предосторожности не были напрасны.

§ 15. Весною 1619 г. появились здесь в большом числе тунгусы,[1] чтобы воспрепятствовать дальнейшему продвижению русских к реке Енисею. Но их нечего было бояться. Простого частокола было вполне достаточно, чтобы удержать их от нападения; ружейная же стрельба обратила их скоро в бегство и произвела среди них полное расстройство. Воевода Кетского острога Чеботай Челищев был обвинен в том, что это нападение тунгусов будто бы было ему крайне желательным, в виду чего он не только не послал осажденным никакой помощи, но даже задержал их посланца, отправленного с этим известием в Тобольск, чтобы и оттуда не могла вскоре притти помощь. Если это обвинение справедливо, то надо думать, что Челищев надеялся, в случае изгнания Албычева и Рукина, сохранить неразделенным весь уезд Кетского острога, тогда как ему было приказано передать находившиеся на Енисее и по соседству с этою рекою волости в ведение нового острога.[2]

§ 16. В первое время название Маковского острога писалось по-разному. Петр Албычев и Черкас Рукин называли его Макыцким острогом, как это видно из отписок, отправленных ими оттуда в Кетский острог;[3] в тобольском наказе 7128 (1620) г.,[4] когда, в связи с нападением тунгусов, было приказано учинить сыск о действиях кетского воеводы, было написано «Намацкой острог»; в других документах писали Макуцкой, Макоцкой и т. д. Очевидно, что острог был назван по имени жившего там прежде князца Намака, первый слог имени которого был отброшен, от чего со временем произошло название «Маковский».

* § 17. В Тобольске еще не знали, чем закончилось дело, порученное Петру Албычеву, когда летом 1619 г. ему на смену был послан с новыми людьми другой сын боярский Максим Трубчанинов.[5] Трубчанинов должен был действовать решительно и выполнить то, в чем Албычеву, может быть, воспрепятствовали. Однако, придя на место, Трубчанинов нашел, что все уже исполнено, так как все известия сходятся на том, что первый острог на реке Енисее, являющийся началом нынешнего города Енисейска, был построен летом 1619 г. Петром Албычевым и Черкасом Рукиным.

* § 18. Нельзя оставить без внимания устное предание жителей деревни Марково Городище, лежащей в 26 верстах от Енисейска вверх по реке, на ее восточном берегу. Они говорят, что основатели города избрали для него три места, не долго не могли притти к соглашению относительно того, на котором из трех мест построить город. Первое место было намечено при впадении реки Кеми в Енисей; второе там, где на самом деле был построен город, и третье там, где теперь находится деревня Марково Городище. Решение вопроса было достигнуто будто бы жребием, и так как жеребьевка для Маркова Городища оказалась неблагоприятной, то в память об этом оно получило название «городища». Но такое значение слова «городище» является совершенно необычным, так как этим словом обозначают то место, на котором прежде в самом деле стоял город или острог. Что же касается сомнений при выборе места для будущего города и о разрешении их при помощи жребия, то, может быть, рассказ об этом является правдой, в особенности, если предположить, что еще до построения Енисейска в Марковом Городище находился небольшой острог, поставленный на-время для защиты первыми служилыми людьми,

---

[1] Приложения №№ 140, 143 и 150.
[2] Приложение № 133.
[3] Приложения №№ 140, 143.
[4] Приложение № 150.
[5] Приложение № 141.

присланными сюда для разведывания этой местности, и потом снова оставленный ими. Возможно также, что Албычев и Рукин начали строить город в Марковом Городище, но опасность или страх перед тунгусами могли помешать или удержать их от продолжения этого дела на восточном берегу Енисея; в этом случае также могло произойти название «городище».

* § 19. Но как бы то ни было, природное положение местности, в которой на самом деле был построен Енисейск, имеет также свои преимущества. Город расположен в красивой и плодородной долине, на западном берегу реки Енисея, в 7 верстах выше впадения реки Кеми. Он имеет то удобство, что, кроме водного пути, которым вначале пользовались, из Маковского острога туда можно попасть также сухим путем. К этому нужно еще прибавить, что враждебные русским тунгусы жили на другом берегу реки Енисея и не могли внезапно напасть на город. Эти преимущества, вероятно, способствовали принятию решения при выборе места для города. Единственное его неудобство заключается в том, что он расположен на низком берегу, от чего иногда, при особо высокой полой воде, некоторые части города затопляются; в этом отношении Марково Городище находится в лучшем положении. Однако такие наводнения бывают редко. Известие, имеющееся в не раз упоминавшемся в печатном «Описании Сибири» [1] о том, что ежегодно весной Енисей подобно Нилу в Египте разливается на 70 верст, относится к басням, которые в прежнее время авторы описаний путешествий сообщали своим читателям об отдаленных странах мира.

§ 20. До 1623 г. Енисейск управлялся детьми боярскими, присылавшимися ежегодно друг другу на смену из Тобольска, из числа тамошних детей боярских. Из них Максим Трубчанинов прибыл осенью 1619 г. и отправлял свои обязанности до прибытия осенью 1620 г. его преемника. Михаил Ушаков и Михаил Байкашев управляли городом и уездом каждый в течение целого года, Павел же Хмелевский всего только несколько месяцев, потому что вскоре после того в Енисейск прибыл отправленный из Москвы воевода Яков Игнатьев сын Хрипунов. Этот перечень составлен нами на основании древнейших енисейских ясачных книг. [2] Если же изучать по ним постепенный рост и ежегодное увеличение числа енисейских ясачных людей, то из тех же книг можно узнать нечто большее.

* § 21. Сначала, при Петре Албычеве, Енисейску были переданы [3] принадлежавшие к Кетскому острогу две остяцкие волости, во главе которых стояли князцы Урнук и Намак. Одна из них называлась Пумпокольской, другая — Кадыпской или Нацкой; эти два названия, так же как и самые волости, впоследствии были соединены в одно, так что в настоящее время имеется только одна волость, называющаяся Нацкой Пумпокольской. Кроме них к Енисейску же были приписаны две другие остяцкие волости, расположенные на впадающих в Енисей реках Касе и Сыме, которые впоследствии также были слиты в одну волость под названием Касовской и Сымской. Далее упоминается волость, лежавшая в верховьях реки Кеми, [4] волость Макуцкая и волость Ямышская, состоявшие всего из нескольких ясачных, со временем совершенно вымерших. Наконец, Енисейску же была отдана Тюлькина волость, насчитывавшая 250 человек.

* § 22. К этому следует сделать два примечания: во-первых, повидимому, по ошибке, пропущена здесь Кузнецкая остяцкая волость на реке Енисее, которая

[1] Recueil des Voyages de la Compagnie des Indes Orientales, т. I, стр. 178.
[2] Приложения №№ 158, 175 и 195.
[3] Приложение № 133.
[4] К ней принадлежали также часто упоминаемые в первых ясачных книгах весловские остяки, названные так по имени их князца Веслы. Они жили у истоков Малой Кеми, перешли в 1630 г. на сторону киргизов и вскоре после того соединились с красноярскими аринцами.

также перешла к Енисейску и которая, конечно, находилась в числе указанных выше, так как она упоминается в последующих ясачных книгах.[1] Но волость эта просуществовала недолго: жителям ее пришлось уступить свое место русским для устройства новых деревень по соседству с Енисейском, и кузнецкие остяки вымерли или были приписаны к другим волостям. Во-вторых, следует отметить полное отсутствие упоминаний о тунгусах, так как до основания Енисейска ни один тунгус в этой местности не платил ясака русским. Петр Албычев и Черкас Рукин писали 6 июня 1619 г. из Макыцкого острога кетскому воеводе Чеботаю Челищеву,[2] что они отправили несколько человек служилых людей к тунгусам уговаривать их давать ясак. Тогда к русским на суда пришли два тунгусских князца Харичей и Тасина и заявили, что сами они согласны платить ясак, но их люди с этим не соглашаются и не хотят их слушать и грозят сильным сопротивлением и враждебными действиями.

§ 23. В памяти, отправленной 16 декабря 7128 (1619) г. из Тобольска енисейскому приказному Максиму Трубчанинову,[3] заключается много сведений, полученных от бывших при построении Енисейска русских служилых и промышленных людей, которые ходили вверх по реке Тунгуске, а иное слышали от живших у впадения этой реки тунгусов Кипанской землицы. По рассказам этих людей, по реке Тунгуске расположены Верх-Тунгусская землица, а за ней землица Аплинская, а дальше впадает в Тунгуску река Лимля, по которой живет народ, называемый сучикиреи. Эти три землицы богаты лучшими соболями. От нового Тунгусского острога, поставленного Петром Албычевым и Черкасом Рукиным (т. е. от Енисейска), в 2 недели можно дойти до того места, от которого волоком в 2 дня приходят к большой реке, про которую князец Кипанской землицы Илтик говорил в Енисейске, что по ней ходят большие суда, и на тех судах великие имеются колокола, звон которых часто бывает слышен, и что с тех судов стреляют из пушек. Но как называется эта река, какие люди плавают по ней, откуда и куда они ходят, торговые ли у них суда или военные, все это оставалось неизвестным, потому что никто из лиц, от которых получены эти сведения, никогда там не бывал. Вода в той реке, по их словам, соленая на вкус, и что в нее ни кинешь, то она выбрасывает вон на берег, и т. д.

§ 24. Мы находим здесь хотя несовершенное, но ценное старинное описание Верхней Тунгуски. Князец Кипанской землицы Илтик упоминается также в других документах. Землица на Верхней Тунгуске, примерно в 500[1] верстах от ее устья, носила еще много времени спустя название Аплинской землицы; под названием Аплинского на Тунгуске известен также порог. Около 300 верст выше впадает в Тунгуску река Илим, которую, по всей вероятности, и нужно подразумевать под названием Лимля. Все же остальное в рассказе является басней, неосновательность которой была достаточно подтверждена последующими открытиями. Но при всей необоснованности этой части рассказа все же в отношении колокольного звона она заслужила доверие со стороны иностранного автора, которого мы использовали при описании первой тунгусской посылки.[4]

§ 25. Князец Кипанской волости Илтик был первым из тунгусов, подчинившимся со своим, правда, немногочисленным, народом русской власти и обязавшимся ежегодно платить ясак за каждого человека. В 7129 г. 23 декабря и 17 июня (т. е. в 1620 и 1621 гг.) он значится в ясачных книгах[5] не как новик, а как такой, с которого брали уже обычный ясак. Шесть человек уплатили в один

[1] Приложения №№ 158, 175 и 195.
[2] Приложение № 143.
[3] Приложение № 144.
[4] См. гл. 7, § 5.
[5] Приложение № 175.

год 45 соболей. В 7130 (1622) г. 9 человек заплатили 2 сорока и 14 соболей.[1] В отношении же к остальным тунгусам при Максиме Трубчанинове все еще жили в страхе и потому из Тобольска был дан приказ, чтобы число служилых людей в Енисейске было увеличено из Томска на 40 человек.[2] Однако мы не находим никаких известий о том, чтобы против Енисейска были предприняты тогда какие-нибудь враждебные действия.

§ 26. Между тем, отправляя часто служилых людей к тунгусам, пытались уговорами воздействовать на нежелавших подчиниться, и в случаях, когда добром ничего нельзя было добиться, применяли крутые меры. То обстоятельство, что тунгусы обычно живут семьями и редко встречаются вместе в большом числе, много способствовало их покорению. Тунгус нежно относится к своим родственникам; имея одного члена семьи в качестве аманата или заложника, можно рассчитывать на верность всех остальных. Совершенно иначе относятся семьи друг к другу: оскорбление, нанесенное одному тунгусу, заставляет вооружиться весь род. Таким образом, тунгусы очень часто вели между собою кровавые войны, и это-то препятствовало, вообще говоря, воинственному народу действовать сообща против русских. В 7129 (1621) г.,[3] 15 мая и 6 июня, в Енисейск приходили два князца — Ялым и Иркиней — и принесли один — 30, другой — 40 поминочных соболей. 23 июля того же года из дальней поездки, совершенной вверх по реке Тунгуске, возвратился один служилый и привез с собою 73 соболя и 8 недособолей (т. е. пойманных летом соболей, не имеющих полного волоса) с князца Югани с товарищами. В следующем 1622 г.[4] ясачные книги сообщают, что 24 мая от тунгусского князца Тасея получено 45 соболей; от его брата, князца Ялыма, 10 соболей, да с 5 человек тунгусов — 21 соболь; 7 июня от князца Иркинея 10 соболей, да с трех тунгусов — 30 соболей; 19 сентября с тунгусских дальних людей с князца Теря и с ним 4 человек — 30 соболей, одна шуба соболья и одна подволока лыжная соболья. Под 7131 (1623) г.[5] при воеводе Хрипунове записано следующее: 28 мая от князцов Тасея, Ялыма и Иркинея 92 соболя, от тунгусов, живших на реке Питу, от князца Таена «с товарищи», с 12 человек, 3 сорока соболей; 3 июня с аплинских тунгусов, с князца Улуса да с 2 человек, 28 соболей; от князца Иркинея 10 соболей; с тунгусских дальних людей, с князца Мунти «с товарищи», 78 соболей и 12 шубенок тунгусских собольих; с аплинского князца Куюнки «с товарищи» 20 соболей, 2 собольих шубы, 11 лоскутов собольих и 2 подволоки лыжных — одна соболья, другая бобровая; со Средней или Подкаменной Тунгуски с князца Конделя 21 соболь и 4 росомахи.

§ 27. Какое же количество драгоценного меха должно было быть в те времена в Сибири, если здешние народы носили собольи шубы и даже для лыжных подволок употребляли соболий мех.[6] Выше упомянуты два князца — Тасей и Иркиней, по имени которых названы впадающие в Тунгуску реки Тасеева и Иркинеева, потому что эти князцы жили на берегах этих рек. Из тех же книг мы видим, что власть русских распространялась одновременно во все стороны, и русские двигались не только вниз по Енисею, чтобы объясачить тунгусов, живших на реках Питу и Подкаменной Тунгуске, но покорили также аплинских тунгусов[7] на Верхней Тунгуске.

---

[1] Приложение № 195.
[2] Приложение № 152.
[3] Приложение № 158.
[4] Приложение № 175.
[5] Приложение № 195.
[6] Подбивают лыжи для того, чтобы они не скользили при подъеме на гору и при спуске с нее. В настоящее время их подбивают кожами лосиными, оленьими и даже бобровыми или выдряными.
[7] См. гл. 7, § 22.

Насколько в те первые времена сбор ясака был значительным, видно из того, что даже простые тунгусы платили по большей части по 10 соболей с человека. Русские подчиняли не только тунгусов, но также татар, живших выше по течению реки Енисея, причем дела среди них шли не менее успешно.

§ 28. В этом киргизы иногда чинили русским препятствия, так как они считали всех татар своими людьми. Частью из корысти, чтобы им не помешали насильничать над татарами, частью же вследствие своего прирожденного неспокойного характера, киргизы постоянно подстрекали другие народы и уговаривали объединиться с ними против русских. Однако они не всегда имели успех, на который надеялись. Так, когда в 7127 (1619) г. [1] они обратились с призывом такого рода к татарам Тюлькиной землицы, то получили отрицательный ответ. При этом случае упоминаются два народа — ассаны и жители землицы Бохты, которых киргизы также старались привлечь на свою сторону. Первый из них — особый народ, живущий рассеянно под разными названиями в Енисейском и Красноярском уездах.[2] Второй же — отдельный татарский род, живущий в верховьях Енисея.

§ 29. Чтобы препятствовать отдаленным народам сообщаться с киргизами и одновременно оттеснить этих последних и оберечь от их набегов народы Томского уезда, в начале 7128 (1620) г. возникло предположение [3] поставить в верхнем течении Июса среди кызылских и басагарских татар [4] острог, поместив в нем достаточное число служилых. Это — местность, где проходит большая дорога из Томска в Красноярск и на верховья реки Енисея. Но в те времена ездили обычно водою по Чулыму и Июсу, а потому было полезно иметь там на пути укрепленное место, чтобы продолжать начатые из Томска завоевания по реке Енисею. [5] Однако, после постройки Енисейска, устройство здесь острога было излишним, а потому предположение это и не было исполнено; к тому же осуществление его было бы не безопасно из-за вероломных киргизов.

* § 30. Вместо того с целью взимания ясака с чулымских татар и для оберегания их от набегов киргизов вскоре построили другой острог. Это был Мелесский острог — небольшое укрепленное место в Мелесской волости на реке Чулыме, постройка которого происходила в 7129 (1621) г. под смотрением присланного из Томска казачьего головы Молчана Лаврова. Об этом имеются различные письменные свидетельства. [6] Таким образом устные предания томских жителей, утверждающих, что Мелесский острог был построен раньше Томска, неосновательны. Ошибка произошла от того, что река Чулым, вследствие своей близости, сделалась известна сургутским служилым людям раньше, чем река Томь, и, следовательно, жившие по Чулыму татары начали раньше томских татар платить ясак. Но в то время еще не было острога, да и надобности в нем не было никакой, поскольку ясак вносился без всякого сопротивления, и со стороны киргизов не встречалось никаких препятствий. Мелесский острог стоит на северном берегу реки Чулыма, в 370 верстах от Томска, на большой дороге, ведущей в Енисейск. Местность там такова, что на ней вполне удобно можно бы устроить значительное русское поселение. Но всей землею владеют там татары, а из русских со времени основания живет в остроге только небольшое число служилых людей, которых ежегодно сменяют из Томска.

* § 31. Скажу несколько слов о сборе ясака в Енисейске и о покорении татар, живших вверху по Енисею, насколько о том известно из древнейших ясачных книг. В 7129 г. из Тюлькиной землицы было получено 80 соболей и 19 недособолей;

[1] Приложение № 143.
[2] К ним принадлежат аринцы, котовцы, пумпокольские и инбацкие остяки.
[3] Приложение № 145.
[4] Татарские роды или волости, платившие ясак в Томск.
[5] История Сибири, I, стр. 316.
[6] Приложения №№ 154, 159, 185 и 190.

из новой Онпальской землицы от князца Байтерека 10 соболей; с новой Вазанской землицы 3 худых соболя и 7 недособолей. В 7130 г. из Тюлькиной землицы от князца Татуша с товарищи 100 соболей, от князца Байтерека 5 соболей и еще с 4 человек из Тюлькиной землицы 24 соболя. В 7131 г. из Тюлькиной землицы от князца Татуша и др. 100 соболей, из новой Вазанской землицы 20 соболей, от князца Байтерека 15 соболей. Вазанская землица не может быть не чем иным, как только землей ассанов, о которых упоминалось выше.[1] Хотя следовало бы аринцев на реке Енисее и котовцев на реке Кане, по их языку, считать одним народом с ассанами, но название «ассаны» употреблялось только о тех из них, которые жили в верховьях речки Усолки, впадающей в Тасееву, по соседству с котовцами, жившими по реке Кану. Эти-то асаны и стали в это время подчиняться русской власти, а аринцы и, может быть, часть котовцев причислялись к Тюлькиной землице. Название «Онпальская землица» совершенно неизвестно, и оно встречается всего только один раз, хотя князец Байтерек часто упоминается в позднейших ясачных книгах.

* § 32. К этому прибавим еще несколько томских известий[2] о народах, живших по Енисею, недалеко от реки Июса, составлявшей границу Томского уезда. Мы находим здесь следующие названия: качи, милисиары (может быть, милисы и ары), браты и маты. Качи или качинцы — это татары, живущие по реке Каче, впадающей в Енисей; они являются самым многочисленным и важным народом во всей той местности. Слово «милисы» объяснить не могу; ары — это аринцы; маты, кажется, то же самое, что существующие до сих пор маторцы, хотя в другом месте[3] между ними было отмечено различие. Браты — это буряты, обычно называемые братскими, из коих ближайшие живут около реки Уды, которая называется далее Чуной и, наконец, Тасеевой. Они прославились своими многократными набегами на Енисей. В одном архивном документе[4] говорится, что браты и маты — многочисленные народы, которые не платят ясак государю, а собирают его с государевых ясачных людей. Осенью 1622 г. из Мелесского острога сообщили в Томск,[5] что аринский князец Татуш дал знать чулымским и июсским татарам о приближении бурятов с 3000 войском, не считая кыштымов. Кыштымами же по-татарски называются такие народы, которые обязаны другому народу покорностью и платежом дани.

§ 33. Когда об этом узнали в Енисейске, воевода Хрипунов послал служилого человека Ждана Козлова с товарищами к бурятам,[6] чтобы уговорить их покориться русским. Ему же поручено было проведывать обо всех обстоятельствах, касающихся бурятов: живут ли они постоянно в одном месте или кочуют с места на место, какие у них крепости и какое оружие они употребляют, сколько конных воинов они могут выставить в случае войны, какова вообще численность этого народа, как зовут владетелей и князцов, которым они повинуются, чем они промышляют, какой имеют скот, какими товарами торгуют, водятся ли у них добрые соболя и иной какой зверь есть ли, и можно ли от них ожидать великому государю пользы. Далее, надо было расспросить бурятских князцов и иных их знатных людей и всячески пытаться дознаться, почему они предпочитают своей собственной родине места на реке Кане, где некоторые из них после упомянутого выше нападения уже стали жить. Не затевают ли они войны против кого-нибудь, не собираются ли выступить против Енисейска или, может быть, они хотят притти туда, чтобы под-

[1] См. гл. 7, § 28.
[2] Приложения №№ 145, 190.
[3] История Сибири, I, стр. 323.
[4] Приложение № 145.
[5] Приложение № 190.
[6] Приложение № 210.

чиниться русской власти. Предписывалось призывать бурятов в Енисейск, где они получили бы государево жалованье, заключавшееся обычно в богатом угощении и подарках.

§ 34. О последовавших событиях известий в архивах не сохранилось. Однако из сказанного очевидно, что это была первая посылка к бурятам. Приглашение народов в города и остроги приносило часто большую пользу: их угощали обильной пищей и крепкими напитками, дотоле этим людям по большей части совсем неизвестными; их одаривали разной домашней и кухонной посудой и охотничьей снастью, что было им гораздо полезнее и приятнее, чем если бы их осыпали сокровищами, употребление которых им было незнакомо; старались обрадовать их разными украшениями, которые не только служили для роскоши, но были на их платье отличительными среди их соплеменников знаками оказанной им милости, что опять-таки служило приманкой для других. Эти меры много способствовали тому, что все новые народы подчинялись русским и платили им ясак.

§ 35. Когда в 7131 (1623) г. посылали из Москвы в Енисейск воеводу Хрипунова, то признано было нужным отправить вместе с ним Андрея Дубенского, чтобы Хрипунов мог употреблять его в дальние посылки для основательного разведывания и подчинения русской власти новых народов. В 7132 (1624) г. Хрипунов послал Дубенского с служилыми людьми вверх по Енисею [1] для подробного обследования Тюлькиной землицы, для укрепления покоренных народов под русской властью, для объясачения новых и, что было самым главным, для отыскания в центре этой землицы удобного места, где бы можно было поставить острог для защиты новых русских поселенцев, для оберегания тамошних новых подданных, а также для лучшего сбора ясака. Когда это было, по мере возможности, выполнено, и Дубенский, возвратясь, привез с собою даже чертеж той местности, в которой, по его мнению, следовало поставить острог, Хрипунов отправил его в 7133 (1625) г. в Москву с собранной за тот же год ясачной казной.

§ 36. В том же 1625 г. из Енисейска был послан в Тюлькину землицу для сбора ясака атаман Василий Алексеев, [2] который возвратился с 99 соболями. Должно быть, Дубенский вновь объясачил тубинцев, которые прежде платили ясак в Томск. [3] Для сбора ясака с них и дальнейшего распространения русских владений одновременно с атаманом Алексеевым был послан также стрелецкий десятник Михаил Шорин. Но в Тюлькиной землице никто не хотел вести его к тубинцам, потому что, как говорили тюлькинские люди, тубинцы покинули свои прежние кочевья и присоединились к киргизам.

* § 37. Место, выбранное Дубенским для постройки нового острога, находилось в земле качинских татар, [4] на левом или западном берегу реки Енисея, около устья реки Качи. Родовое название этих татар, которым они отличались от других родов своего народа, было «кашкар, каштар или кашкалар». От этого произошли русские слова «качи» и «качинцы», а также русское название реки Качи, тогда как татары называют ее Изыр-су. Когда татарам приходится переводить на свой язык слово «качинцы», они говорят «изыр-кичи», что означает людей, живущих на реке Изыр. Ниже устья этой реки поднимается высокий яр или круто обрывающийся берег реки Енисея, состоящий из красноватой земли или глины. Повыше устья подходит к Енисею красивая равнина, которая и предназначалась Дубенским под острог и на которой он впоследствии действительно был построен. Красивая местность, удобное местоположение, равно как и высокий красноватый берег вполне

---

[1] Приложение № 257.
[2] Приложение № 224.
[3] История Сибири, I, стр. 325.
[4] Приложение № 257.

оправдывали название Красный яр, которое было дано Дубенским тому месту, где предположено было построить острог. Впоследствии это название было принято также татарами или, вернее говоря, переведено ими на свой язык, так как город Красноярск они называют Кизыл-яр-тура.

§ 38. Предложение Дубенского было найдено в Москве приемлемым, и он получил указ приступить к постройке и оборудованию острога, если другие лица, также бывавшие в тамошних местах, одобрят это дело. В виду этого боярину и воеводе тобольскому, кн. Дмитрию Тимофеевичу Трубецкому, было приказано расспросить местных жителей, бывавших в Енисейске, обо всех обстоятельствах, касавшихся намеченного для острога места, и если окажется, что оно имеет удобное расположение, что там есть хорошие пашенные земли, что оно может способствовать распространению царской власти и что оно безопасно для посылаемых туда служилых людей, то дело следовало продолжать, и в таком случае выполнение его, согласно царскому указу, поручалось упомянутому боярину и воеводе с тем, чтобы от него зависело все, в частности, с каким количеством людей, пушек, воинских и хлебных запасов отправить туда Дубенского и откуда все это взять.

* § 39. Тем временем кн. Трубецкой скончался в Тобольске, а сменивший его воевода, кн. Андрей Андреевич Хованский, еще не прибыл. Дело перешло ко второму воеводе, Мирону Андреевичу, сыну Вельяминову, который и расспросил всех бывавших в Енисейске о состоянии и выгодах того места, которое Дубенский описал под именем Красного яра. Дети боярские — Павел Хмелевский, Михаил Байкашин, Максим Трубчанинов и Михаил Ушаков — сказали, что они не знают места, называемого Красным яром, так как никогда не слышали о нем от ясачников, которых они посылали из Енисейска в Тюлькину землицу, но им известно, что в составе Тюлькиной землицы имеется землица Качинская, жители которой кочуют со своим скотом, пашут землю, сеют ячмень и кырлык (вид гречихи), а зимою живут в глухих лесах, опасаясь калмыков и бурятов. Калмыки же[1] и буряты требуют от них ясак и насильно берут его от них.

Во всяком случае, там имеются удобные места, где бы можно было поставить острог и завести большую пашню. Но на это потребовалось бы до 500 человек, для которых в Енисейске необходимо заготовить хлебные запасы на 2 или 3 года. В таком случае можно вполне надеяться, что новый острог принесет государству значительную пользу и не только потому, что буряты и киргизы будут принуждены тогда прекратить свои набеги на живущие там народы и требовать от них ясак, но и потому, что сами буряты и киргизы, а также многие другие народы, может быть, станут платить ясак в новый острог. Все это вполне согласовалось с описанием Дубенского, так как его Красный Яр был именно в центре Качинской землицы, о которой тобольские дети боярские слышали так много хорошего.

* § 40. Но в Тобольске был недостаток в людях, оружии, деньгах и хлебных запасах; поэтому посылка не могла состояться в 1626 г. По указу из Москвы велено было[2] «прибрать» в сибирских городах в государеву службу в казаки 500 человек охочих людей, снабдить их оружием, порохом и свинцом и выдать денежное и хлебное жалованье на 2 года вперед. Тобольский воевода кн. Андрей Андреевич Хованский писал о том по всем сибирским городам. Но так как та-

[1] Сомнительно, чтобы калмыки когда-либо брали ясак с качинских татар, так как последние жили от них слишком далеко. Скорее это можно думать о монгольском Алтын хане, так как им были объясачены и другие народы этого края, однако и его власть не распространялась так далеко. Следовательно, в показаниях тобольских жителей здесь имеется ошибка. Так как вскоре после этого киргизы упоминаются вместе с бурятами, как самозванные владетели тамошних народов, то кажется, что их-то и надо подразумевать здесь вместо калмыков.

[2] Приложение № 234.

кого количества людей «прибрать» не могли, то число их было уменьшено до 400 и, наконец, до 300 человек, которые были набраны в Тобольске, на Тюмени и Верхотурье и, по получении всяких воинских запасов и особенно денежного и хлебного жалованья на 2 года вперед, летом 1627 г. были отправлены из Тобольска.

§ 41. Так как начальник этих служилых людей находился в полном подчинении у тобольского воеводы, то и наказ свой он получил от него же. Наказ этот сохранился до сих пор в Красноярске и проливает свет как на время действительной посылки, так и на другие, относящиеся к ней обстоятельства.[1] Начинается он так: «Лета 7135-го июня в 1-й день, по государеву царю и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии указу, воеводы князь Андрей Андреевич Хованской, Иван Васильевич Волынской да дьяки Иван Федоров, Степан Угодцкой велели Андрею Онофреевичу Дубенскому ехати на государеву службу в Качинскую землицу, вверх по Енисею реке, на Красный Яр для того...» и т. д. Далее повторяется царский указ о посылке Дубенского в Красный Яр и говорится, что во исполнение этого указа уже «прибрано» 300 казаков и выдано им жалованье. Дубенскому предписывается итти реками Обью и Кетью «с великим поспешением, денно и нощно», чтобы еще летним путем прибыть в Маковский острог. В течение зимы он должен был перевезти в Енисейск весь отпущенный с ним наряд — зелейный, свинец и всякие пушечные и хлебные запасы — и построить там кочи, на которых сразу, как только вскроется лед, по первой же полой воде итти дальше к Красному Яру, где прежде всего построить острог и необходимые дома и амбары, по углам острога поставить башни, обнести его снаружи валом и рвом и поделать надолбы. Затем в наказе даются указания, как обращаться с местными народами, как с теми, которые уже приведены к повиновению, так и с теми, которых еще следовало объясачить. Приказывалось действовать всюду ласкою и дружескими уговорами, раздавая угощение и подарки; но там, где это оказалось бы недействительным, чтобы достичь намеченной цели, предписывалось применять строгость. Отдельно говорилось о киргизах, каким образом надлежит их привести к безусловной покорности его царскому величеству, и, в случае отказа их, итти на них войною, в чем Томск и Красноярск должны оказывать друг другу поддержку; если бы отпущенных с Дубенским служилых людей оказалось для этого предприятия недостаточно, то Дубенский должен был требовать себе людей из Тобольска, Енисейска и Томска, которые в таком случае должны ему оказать помощь. Остальное содержание наказа состоит из общих напоминаний Дубенскому об его обязанностях по отношению к служилым людям во время пути и на месте, во всех случаях заботиться о безопасности острога, приискивать удобные для пашни места и обо всем случившемся почасту отписывать в Тобольск.

§ 42. Первая отписка Дубенского поступила от него в Тобольск 15 октября 1628 г.[2] и содержала сообщение, что постройка острога, согласно данным указаниям, во всех частях выполнена. Были сделаны всякие укрепления и построены съезжая изба, амбары для хранения воинских и хлебных запасов и дворы. Тогда же начали пахать пашню около острога, так как было найдено, что земля для этого удобна и что качинские татары с успехом сеют ячмень и кырлык (вид гречихи). Такая быстрота поразительна, ибо где же видано, чтобы города строились в несколько месяцев. Первоначальный острог был, возможно, небольшой и непрочный, но для обороны от тамошних врагов достаточный. Удобная для земледелия и скотоводства земля является важнейшим преимуществом, которым природа наделила места около Красноярска; имеются там и все возможности для торговли, так как кругом довольно много пушнины. Несмотря на это, город Красноярск никогда не

[1] Приложение № 237.
[2] Приложение № 257.

достиг большого развития. Причиной этого была отчасти его удаленность от большой дороги, которая в прежние времена всегда, сухим путем или водою, проходила через Енисейск, отчасти же то, что тамошние дети боярские и служилые люди не принимали в свою среду настоящих торговых людей. Красноярск отличается тем, что в нем почти все посадские, которые, собственно говоря, должны бы быть купцами, живут по деревням и кормятся только пашней.

§ 43. Пока происходила постройка острога, качинские татары и аринцы пытались помешать работе или даже прогнать русских обратно; их, по всей вероятности, подстрекали киргизы, восставшие в то время против Томска. 26 июля 1628 г.[1] они в большом количестве приблизились к острогу. Постройка его подвинулась уже настолько, что не было причины их бояться, однако излишняя храбрость побудила многих служилых людей выйти в поле, где они были окружены неприятелем и по большей части побиты. Качинцы и аринцы приступали к острогу, но для взятия его силы их оказались недостаточны, и они вынуждены были отступить, не добившись своей цели. Когда после этого они бежали к киргизам, то воевода Дубенский выслал против них 17 августа того же года 140 служилых людей под начальством атамана Ивана Кольцова, которые жестоко отомстили им: многие киргизы, качинцы и аринцы были побиты, а их жены и дети взяты в полон.

* § 44. В числе пленников была престарелая киргизская княгиня, по имени Кулера, ради которой, как надеялся Дубенский, киргизы воздержатся от враждебных действий и снова признают над собою царскую власть. Он велел через посланцев обещать им государево жалованье и уговаривать их князцов приехать в Красноярск и принести повинную в совершенных ими проступках. Однако киргизы не обращали внимания на милости и на обещания. Они не могли понять, что от неокончательно покоренных или почему-либо опасных народов русские обычно брали в залог их верности аманатов и содержали их в городах. Киргизский князец Кора умер в Томске, будучи там аманатом. Киргизы негодовали на это и тем объясняли свое восстание. Они опасались приехать в новый русский острог, чтобы их также не оставили там в качестве аманатов. Таким образом сношения с ними не имели успеха. С качинскими же татарами и с аринцами, напротив того, дело шло совсем иначе.

§ 45. Аринский князец Татуш[2] тою же осенью пришел обратно в Красноярск, признал свою вину и дал в аманаты одного из своих сыновей. Он также начал платить ясак, внеся его за 1629 г.; это был первый ясак, полученный в Красноярске. В течение зимы понемногу стали появляться качинцы; те же из них, которые еще оставались у киргизов, просили об отсрочке до весны, когда на полях у Красноярска они могут найти корм для своих лошадей. Они убедились, что у киргизов им не лучше и что лучше подчиняться русским, чем своим соплеменникам. Кроме того, любовь к родным местам имела также в этом случае свое обычное действие.

* § 46. Одно обстоятельство, сообщенное об этих народах в Тобольск воеводой Дубенским,[3] кажется нам сомнительным. Князец Татуш будто бы сказал Дубенскому, что аринцы и качинцы в прошлые годы платили ясак Алтын хану и что им придется делать это и впредь, но Дубенский им это запретил, «угрожая всею государскою грозою» тем, кто осмелится, будучи русским подданным, уплачивать хотя бы небольшой ясак кому-либо другому. По словам Татуша, тогда никто от Алтын хана еще не приходил за ясаком. Здесь возникают те же самые сомнения, о которых говорилось выше,[4] в связи с рассказом об обязанности качинских татар

[1] Приложение № 245.
[2] Приложение № 249.
[3] Приложение № 250.
[4] См. гл. 7, § 39.

уплачивать ясак калмыкам. Эти народы были бы крайне стеснены, если бы действительно должны были платить ясак как русским, так и Алтын хану. Как уже было сказано выше, они немалое время, под названием людей Тюлькиной землицы, платили ясак русским, пришедшим к ним из Енисейска, следовательно с севера. К западу от них жили киргизы, которые своими требованиями ясака отягощали все соседние народы; а к востоку находились буряты, о которых точно известно, что они брали ясак с качинских татар. Недоставало только, чтобы еще с юга пришли монголы и потребовали себе такого же ясака. Почему же, однако, об этом не было раньше ничего известно, тогда как о владычестве Алтын хана над другими народами Сибири еще до того ходили слухи, [1] и почему эти народы не жаловались в прошлые годы русским, что их так сильно притесняют со всех сторон?

§ 47. Известие об основании города Красноярска было настолько приятно Москве, что, когда участвовавшие в этом деле служилые люди описали в челобитной понесенные ими чрезвычайные труды и лишения, то было признано справедливым выдать каждому из них, сверх их обычного жалованья, еще половину их денежных окладов, а также возместить расходы по перевозке грузов из Маковского острога в Енисейск и на покупку судов, сделанных ими якобы из своих собственных средств. Кроме того, они освобождались на 5 лет от всяких пошлин с купли и продажи. Таково было содержание царского указа от апреля 1629 г.; [2] это была честь, которою не мог похвалиться никакой другой город в Сибири.

§ 48. За построением Красноярска последовало основание небольшого острога или зимовья на реке Кане [3] с целью покорения живших на этой реке котовцев. Чтобы понять, что такое «зимовье», необходимо знать, что для сбора ясака в местах пребывания сибирских народов не всегда строились остроги и что в менее важных случаях их заменяли всего лишь одной или двумя избами, в которых ясачники могли бы прожить безопасно зимою. Так же как и остроги, эти избы обносились частоколом. Жилища этого рода называются в Сибири острожками или зимовьями, летние же жилья, в которых зимою не живут, называются летовьями. Основание острога на Кане было поручено атаману Ермолаю Остафьеву, который с 50 служилыми людьми 28 августе 1628 г. отправился из Красноярска. [4]

§ 49. Он поехал на 2 дощаниках и провел в пути 3 недели, пока, наконец, не прибыл к тому месту, где решил поставить зимовье. Несколько порогов, которых Остафьев насчитал семь, задержали его в пути. Боясь вражеского нападения в незнакомой ему стране, он укреплял, как только мог, все те места, в которых останавливался днем или на ночлег. Наконец, он пришел к очень большому порогу, который послужил для определения места зимовья.

* § 50. Что касается порогов на реке Кане, то во время моего путешествия я подробно о них осведомлялся, однако из числа более значительных мне было указано только три. Первый, в 20 верстах от устья, называется Нижний или Поливной, другой — Косой — находится приблизительно в 40 верстах выше по течению, и третий — Араксеев — отстоит от предыдущего примерно в 80 верстах, т. е. всего около 150 верст от впадения реки Кана в Енисей. Сам я не ездил по этой реке. Возможно поэтому, что мне не упомянули о нескольких порогах, или же Остафьев причислял к порогам мелкие места с быстрым течением, которые обычно по-русски называются шиверами; в таком случае расхождения никакого не оказалось бы. Зимовье же было поставлено у порога Араксеева.

§ 51. Пока это происходило, в руки русских попали два канских «мужика», от которых были получены сведения о том, где именно кочует их народ. Одного из

---

[1] История Сибири, I, стр. 323.
[2] Приложение № 262.
[3] Приложения №№ 254 и 255.
[4] Приложение № 253.

них звали Пыркеем, другого — Печенеском. Они сказали, что их князцы находятся в 2 или 3 днях пути вверх по реке Кану, около большого озера, т. е., вероятно, там или несколько дальше того места, где впоследствии был построен на реке Кане большой острог, известный и теперь под именем Канского. Остафьев отпустил одного из этих людей с двумя служилыми людьми и с переводчиком-аринцем к упомянутому большому озеру для уведомления князцов, что ему поручено привести их под государеву высокую руку. Он предлагал им без всякой боязни какой-либо обиды приехать к нему в зимовье, признать над собою русскую власть и уплатой ясака заслужить себе государево жалованье. 5 октября служилые люди возвратились и сказали, что они были у большого озера и нашли там князца Тесеника (в некоторых документах он называется также Темсенеком), который ясака не заплатил, отговорившись отсутствием у него теперь соболей, и обещая в будущем притти в зимовье и принести ясак.

§ 52. 22 ноября Тесеник в самом деле пришел в зимовье вместе с другим князцом Тымаком и принес 54 соболя ясаку. Тымака отпустили опять обратно с условием переписать всех своих людей и уплатить с каждого из них ясак. Для этого с ним поехали несколько служилых людей, среди них подъячий и толмач, Тесеник же принужден был до их возвращения остаться в зимовье. По мнению служилых людей, такая предосторожность должна была побудить канских людей быстрее выполнить предъявленные к ним требования. Однако получилось как раз обратное: никто не хотел называть свое имя, а Тымак отказался продолжать сбор ясака до тех пор, пока не будет освобожден князец Тесеник. Таким образом служилые люди возвратились в зимовье, не выполнив данного им поручения.

§ 53. Атаман послал тогда с тем же делом к канским князцам других служилых людей, но они привезли с собою только десять соболей, и никто из князцов не захотел притти в зимовье. Третья посылка, состоявшая из 7 служилых людей и одного толмача, имела еще меньше успеха, так как канские люди продолжали настаивать на освобождении князца Тесеника и не хотели слышать о каких-нибудь других предложениях. Они даже задержали у себя 4 русских до тех пор, пока их требование не будет удовлетворено. После этого атаман послал к ним еще одного служилого человека с толмачом, чтобы объяснить им неправильность их поступков, но они задержали у себя этого служилого человека, отпустив, однако, обратно одного из предыдущих, говоря, что как только Тесеник будет отпущен на свободу, они тотчас же соберут ясак, по соболю с человека, и доставят его в зимовье.

§ 54. При таких условиях Остафьев был вынужден согласиться на требования канских людей. Когда Тесеник, вместе с служилым, отпущенным с ним Остафьевым, прибыл к своим, то канские люди на радостях тотчас же собрали 34 соболя и отдали их служилым людям с заверениями в неизменной верности и готовности платить ежегодно без недобору ясак, которым их обложат.

§ 55. Когда князцы Тымак и Тесеник были в зимовье у Остафьева, они рассказали следующее о Братской земле и о пути, ведущем туда: от зимовья до «Братского перевозу» на реке Кане вверх по реке большими судами ходу 5 дней, оттуда 1½ дня конного ходу до Бирь-реки (ныне Бирюсы), а от нее еще 1½ дня до реки Уды. На ней живут бурятские первые кыштымы, или подданные. До собственных же бурятских жилищ от зимовья конного ходу 6 дней. Далее они говорили, что их люди враждебно относятся к бурятам, так как последние неоднократно чинили им большие насилия, и что канские люди охотно помогут русским, если те захотят наказать и покорить себе общего врага. Однако для Красноярска было еще слишком рано распространяться так далеко, потому что было достаточно хлопот с народами, жившими поблизости.

§ 56. После этого Остафьев получил от воеводы Дубенского приказ оставить в зимовье несколько служилых людей для бережения судов и судовых запасов, а

самому с остальными людьми возвратиться обратно в Красноярск, что он исполнил. Оставшиеся 17 служилых людей пробыли там до вскрытия реки, после чего и они возвратились с судами в Красноярск. Зимовье запустело. В 1629 г. Дубенский писал в Тобольск,[1] что вследствие недостатка провианта он не может послать служилых людей в Канский острог (это и было Канское зимовье). Тем не менее продолжали объясачивать народы, жившие по реке Кану, а уже объясаченных — держать в повиновении.

§ 57. Весною 1629 г. Дубенский отправил вверх по реке Кану, насколько можно дальше, четырех служилых,[2] которые, если бы им удалось найти новые неизвестные народы, должны были уговорить их платить ясак. Тогда были открыты камашинцы, народ самоедского происхождения, который живет в лесах, в верховьях Кана и по реке Мане, впадающей в Енисей. Князец камашинцев Байга сразу же изъявил покорность и для начала дал 40 соболей ясаку.

* § 58. Хотели итти еще дальше и попытаться объясачить бурятов, особенно потому, что воевода Дубенский в том же 1629 г. получил определенный указ об этом.[3] Однако в этом деле его, с одной стороны, опередил енисейский воевода Василий Алексеев сын Аргамаков, который послал туда своих служилых, с другой же стороны, возникли препятствия со стороны котовских князьцов,[4] которые боялись сопровождать красноярских служилых, ссылаясь на опасность, угрожавшую служилым от бурятов, и на то, что, в случае несчастия, вина за него была бы возложена на них, котовцев. Вместо этого в том же году была сделана не совсем бесплодная посылка к тубинцам и маторцам, которые уже прежде платили ясак в Томск и которые впредь, вследствие близости к Красноярску, должны были платить ясак в Красноярск. Тубинцы дали 37 соболей, а маторцы просили отсрочки до осени.[5]

§ 59. Таким образом, в Красноярске стало жить спокойнее, и полагали уже, что впредь никто из соседних народов не осмелится противиться русской власти. Однако очень скоро обнаружилось вероломство тубинцев,[6] примеров которого было так много в последующие времена. Стало ясно, как мало можно полагаться на самые сильные их уверения, если нет в руках средств жестоко наказать за нарушение обещанной покорности. Посланные 10 декабря 1629 г. из Красноярска к саянским татарам два служилых и с ними один толмач, чтобы уговорить их давать с себя ясак, должны были итти через землю тубинцев, все трое были ими убиты. Об этом привез весть в Красноярск один человек из Буклинской землицы.[7]

§ 60. В это время в особенности прославился тубинский князец Каян или Коян, который при всяком случае старался оказать сопротивление русским. Он был не только виновником гибели посланных к саянцам служилых, но вскоре после того появился с большим числом своих людей на реке Кане,[8] чтобы воспрепятствовать русским взимать там ясак, который он сам требовал для Алтын хана, для калмыков и для себя самого, причем с ним были монголы и калмыки, посланные, по их словам, с тою же целью своими владетелями. Котовцы не могли им противиться и были сильно разорены, так как Коян взял от них не только имевшийся запас мяг-

---

[1] Приложение № 264.
[2] Приложение № 264.
[3] Приложение № 258.
[4] Приложение № 260.
[5] Приложение № 263.
[6] Приложение № 283.
[7] Необходимо исправить предположение, которое я высказал в конце гл. 5 „Истории Сибири", на стр. 325, о том, что Буклинская землица находилась в той местности, где позднее был построен Енисейск. Из приведенного известия скорее следует заключить, что буклинцы жили где-то по соседству с тубинцами.
[8] Приложение № 277.

кой рухляди, но и пограбил у них всю домашнюю, охотничью и кухонную утварь, так что у них не осталось даже железных кирок, которыми они для своего пропитания выкапывали из земли корни сараны, употребляемые в пищу почти всеми сибирскими народами. Когда котовцы прибыли в Красноярск с жалобой, то было отправлено прежде всего несколько служилых, чтобы уговаривать Кояна и других тубинских князцов быть попрежнему под государевою высокою рукою и вместо того, чтобы грабить котовцев, итти к государевой милости и к жалованью в Красноярск. Но эта посылка осталась совершенно бесплодной, равно как и другая, когда было отправлено также несколько служилых звать в Красноярск находившихся среди котовцев монголов и калмыков, так как князец Коян всеми силами этому противился и не отпустил их. Также он запретил котовцам платить впредь русским ясак.

§ 61. После этого 10 февраля 1630 г. был отправлен более сильный отряд служилых людей во главе с атаманом Дементием Злобиным, чтобы силою взять Кояна и его лучших улусных людей. От князца Тымака, которого Злобин повстречал неподалеку от зимовья на реке Кане, он узнал, что Коян кочует в пяти днях пути вверх по реке. Он послал вперед одного служилого и с ним Тымака звать Кояна сойтись с ним, атаманом, для мирных переговоров и принятия приготовленного для него угощения. Истинное же намерение, конечно, заключалось в том, чтобы без труда схватить Кояна, если бы он согласился приехать и отдалился от своих спутников. Коян долго не соглашался на это, но, наконец, дал себя уговорить и поехал с 60 воинами в куяках и с лучным боем, готовыми до последней капли крови защищать своего предводителя. Когда оба отряда съехались, Коян не захотел никого подпускать к себе больше, чем на 50 шагов. Злобин согласился сначала послать гостю приготовленные для него еду и питье, но вскоре, против воли Кояна, стал приближаться к нему, а так как люди Кояна стали противиться этому, то и произошел бой. Коян бежал, но некоторые другие были взяты в плен. В Красноярск были доставлены: Менделей, князец мунгатов, татарского народа, жившего по соседству с монголами, Кускеш, брат маторского князца Шижеляка, Орло, сын Шижеляка, и с ними еще несколько лучших маторских людей. Во время боя было опасно ранено несколько служилых людей.

§ 62. Вскоре после этого в те же самые места были отправлены служилые люди из Енисейска.[1] Повод для этого подал князец Сот или Сойт, плативший прежде ясак в Енисейск и изменивший теперь. Атаман Иван Галкин и с ним 40 человек стрельцов шли пять недель на нартах и лыжах до кочевья Сойта,[2] однако там его не застали, так как князец только что покинул это место, чтобы соединиться на Кане с князцом Кояном. Они шли по его следам 10 дней и были недалеко от кочевий Кояна, когда наехали на двух его людей. Толмач не мог понять их язык. Но из того, что эти люди хватали себя за волосы, служилые заключили, что они хотят сообщить о большом количестве людей у своих князцов. Галкин оставил кош и хлебные запасы под охраной 5 служилых людей и продолжал путь с 35 служилыми. Он нашел Кояна и Сойта вместе со всеми людьми и стал их уговаривать покориться, давать ясак и возвратиться в прежнюю зависимость. Но никакие уговоры не помогли. Коян и Сойт начали стрелять из луков, на что русские усиленно отвечали. Бой был необычайно ожесточенный. 10 человек стрельцов получили тяжелые ранения, но несмотря на это, побив множество врагов и захватив много пленных, русские одержали победу и могли возвратиться к своему стану, где оставили свои запасы.

---

[1] Приложение № 273.

[2] На основании этого, а также дальнейшего описания пути можно сделать вывод, что князец Сойт кочевал по реке Усолке, впадающей в Тасееву.

§ 63. Тем временем Коян и Сойт, собрав много людей, пустились преследовать русских. Галкин, отправившийся уже в обратный путь, не ожидал нападения со стороны тех, которых, как ему казалось, он уже достаточно смирил. Тем не менее он вдруг увидел двигающееся на него столь большое число врагов, что противостоять им в открытом бою при незначительности своих сил не решился. Из лыж и нарт был сделан круг, из-за которого Галкин в течение 5 дней защищался от врагов, производивших беспрестанные приступы. Встретив такой мужественный отпор и потеряв за это время много людей, враги оставили, наконец, надежду одолеть в этом месте русских. Они решили действовать иначе: они зашли вперед, в лес, чрез который должны были пройти русские. Однако и здесь Галкину удалось избежать их. Самым трудным при этом было то, что здоровые должны были везти в нартах своих раненых товарищей и, кроме того, охранять пленных. К каждым из саней, в которых лежал раненый, они устроили щиты для прикрытия на случай нового нападения. Но до этого не дошло, так как русским удалось обойти стороною то место, где их поджидали враги. Они возвратились с большой славой в Енисейск, претерпев в пути много опасностей и выдержав дважды горячий бой, но не потеряв и не бросив при этом ни одного человека.

§ 64. Только что описанный поход, кажется, был тем же самым, по поводу которого в то же время котовские князцы Темсеник, Магай и Тымак били челом в Красноярске.[1] По их словам, к князцу Темсенику пришел служилый Михаил Шорин для торгу соболей, но так как соболей у Темсеника в запасе не было, то Шорин должен был ни с чем возвратиться обратно. Два месяца спустя пришел будто бы атаман Иван Галкин с тем же самым Шориным и с большим числом служилых людей, напал в ночное время на Темсеника, побил у него 20 человек, захватил в полон его жен и детей и многих улусных людей и пограбил их жилища. Между прочим пропало у него тогда 5 сороков соболей, предназначенных в уплату ясака. Таково содержание челобитной котовских князцов, среди которых жили тогда Коян с Сойтом. В Красноярске взяли котовцов под свою защиту, причем смотрели на поход енисейцев, как на вмешательство в чужие дела, и толковали его как грабеж, учиненный мирным ясачным. Однако енисейцы не хотели даже вести какие-либо переговоры о возврате взятого ими. Так как об этих ссорах имеется только свидетельство одной стороны, то, может быть, князец Темсеник без основания преувеличил свою жалобу.

§ 65. Как бы то ни было, но гораздо важнее то, что из-за описанного выше похода атамана Дементия Злобина Красноярск подвергся опасности. Приведенные Злобиным пленники, в числе которых был также сын князца Кояна, сумели уйти из-под стражи. Однако неподалеку от города они были пойманы подгородными качинцами и аринцами и снова переданы русским. Этот побег в связи, возможно, с признаниями, сделанными беглецами после своего возвращения, под пыткою на допросе, привели к тому, что воевода Архип Федоров сын Акинфов приговорил их всех к смертной казни, которая по тогдашнему обычаю, когда городовые воеводы пользовались неограниченной властью, была приведена в исполнение. Как только слух об этом распространился среди киргизов, они решили вступиться за своих собратьев тубинцев и жестоко отомстить городу Красноярску и его уезду. Они говорили, что тубинцы и киргизы составляют один народ и что оскорбление, нанесенное одним, должно быть отомщено другими. Красноярск был для них бельмом на глазу, и они ожидали от него еще много зла. К счастью для русских, горячность киргизов помешала им серьезно подготовиться к нападению. Собранных наспех 60 человек было недостаточно, чтобы причинить вред городу. Их гнев на этот раз обратился лишь против качинцев и аринцев, а у городского населения они угнали

[1] Приложение № 286.

только лошадей и коров, застигнутых на пастбище. Это произошло в августе 1630 г.[1]

* § 66. Теперь следует упомянуть еще о некоторых других событиях, связанных с киргизами, говорить о которых по ходу нашего рассказа нам до сих пор не пришлось. Покоренные впервые и приведенные к шерти на верность и службу, как уже сказано,[2] в 1616 г. томскими служилыми людьми, они подчинялись им до 1620 г., когда перешли на сторону монгольского Алтын хана и не желали более платить ясак русским. По соседству с ними, в верховьях реки Июса и Абакана, кочевали сагайские татары, покоренные за несколько лет до того кузнецкими служилыми людьми. Они тоже решили не давать ясак русским,[3] к чему без сомнения их побудили киргизы.

§ 67. Защита, обещанная киргизам Алтын ханом, и ожидавшееся нападение со стороны калмыков сделали этот народ очень дерзким. Они возбуждали против русских все большее количество народов, так что весною 1621 г., кроме них, в числе народов, враждебных русским, числились также басагары, кизылы, кучегуты, браты, маты, саяны и аринцы.[4] В том же году отпали тубинцы и маторцы,[5] но против этого ничего нельзя было предпринять, так как в Томске было тогда мало служилых людей; число их равнялось 280, из которых более 50 находились в постоянных посылках.

* § 68. В июле следующего (1622) года киргизы совершили нападение на Кузнецкий уезд и опустошили Абинскую волость,[6] в которой в то время находился для вестей о киргизах один толмач из Кузнецка. Киргизы захватили его в плен и в течение трех дней возили его с собою, после чего отпустили, сказав, что если не отпустят на свободу их князца Кору, то калмыки вступятся за них и станут воевать Томский и Кузнецкий уезды. Кора жил в Томске в качестве аманата за верность киргизов и, следовательно, не мог быть отпущен на свободу до тех пор, пока киргизы были в измене и не давали вместо него другого знатного человека.

§ 69. Со стороны киргизов поступали тоже различные жалобы на томских воевод и служилых людей. Они были недовольны тем, что их князцов заманили в Томск под предлогом царского жалованья и там задержали в качестве аманатов, несмотря на то, что в Томске уже были их аманаты; сами они не предпринимали никаких враждебных действий, но на них все же напали томские служилые люди, разорили их улусы и увели в полон их жен и детей; они хотели выкупить своих жен и детей, но воеводы увезли их с собою «на Русь» и т. п.[7] В Томске оправдывались и говорили, что все это произошло после 1620 г., когда киргизы уже перешли на сторону монголов и калмыков и когда, следовательно, на них смотрели, как на явных врагов, которым можно вредить всеми доступными средствами.

* § 70. О совершенном киргизами в 1624 г. нападении на Томский уезд, которым они хотели отомстить за перечисленные выше обиды, мы знаем только то,[8] что оно действительно произошло, но нам неизвестны подробности этого нападения. Несколько бухарцев, приехавших в Томск по торговым делам, еще до нападения были отпущены по их челобитью к киргизам, где их задержали до окончания похода. Они возвратились в Томск 7 ноября 1624 г. Через них стали известны описанные выше жалобы киргизов. Киргизы будто бы заявляли, что они готовы испол-

[1] Приложения №№ 283 и 349.
[2] История Сибири, I, стр. 325.
[3] Приложение № 157.
[4] Приложения №№ 156 и 161.
[5] Приложение № 162.
[6] Приложение № 186.
[7] Приложение № 222.
[8] Приложение № 222.

нить волю его царского величества, если только будут отпущены на свободу содержавшиеся в Томске аманаты. Однако эти обещания не произвели никакого впечатления, так как было известно, как мало можно полагаться на подобные уверения киргизов.

§ 71. В таком положении оставались дела до построения Красноярска. Нам уже известно, какие раздоры возбуждали при этом киргизы. Этот город внушал им страх, потому что находился к ним ближе и вначале в нем было больше служилых людей, чем в Томске. Поэтому в январе 1629 г., когда у киргизов вторично появились красноярские служилые люди, они послали в Красноярск 100 соболей ясака [1] и предложили, если хотят получить от них еще большую прибыль, защитить их от Алтын хана. Для этого они советовали построить острог на русской стороне реки Кемчик, впадающей в Енисей и образующей границу с монголами. Но так как среди присланных соболей оказалось много худых, каких на реке Енисее от других народов не принимали, и так как, кроме того, хотели получить от них ясак также за прошлый (1628) год, то в марте следующего года была произведена новая посылка к киргизам, о которой мы можем привести более подробные известия. [2]

* § 72. Эту поездку, по приказанию воеводы Дубенского, совершил атаман Иван Бабушкин с тремя казаками. Они были посланы по следующему делу. Киргизские князцы Ишей, Табун и Ишенек и с ними другие лучшие люди этого народа уже уплатили за текущий год 100 соболей ясаку, однако почти половина этих соболей оказалась очень худой, поэтому Бабушкину было поручено потребовать хороших соболей взамен плохих и, кроме того, собрать ясак за прошлый (1628) год и звать самих князцов приехать в Красноярск с ясаком для шертования и выкупа взятого у них в прошлом году ясыря. [3] Это требование они считали тем более законным, что Ишей обычно сам отвозил ясак к Алтын хану. Вместе с тем Бабушкин должен был сказать, что на реке Кане кочует «мужик» Сойт, называющий себя тубинским князцом; он держит у себя в плену четырех русских [4] и запрещает своим людям уплачивать ясак русским. Бабушкин должен был запросить киргизов, не по их ли наущенью все это делает Сойт. По поводу же построения острога на реке Кемчике киргизы должны бить челом государю, чтобы он их пожаловал, велел поставить острог, необходимый для их защиты, и просьба их, без сомнения, будет удовлетворена. Бабушкин должен был также учинить киргизам выговор за то, что они все еще держат у себя нескольких качинских татар; что у них скрылись алтырцы, побившие нескольких кузнецких казаков; что у них нашел защиту совершивший подобное же преступление татарин Курчейко [5] и т. д.

§ 73. Киргизский князец Ишей отвечал, что на требование переменить соболей киргизы согласны (и, действительно, тотчас же вместо прежних они дали лучших соболей), но что больше ясака ни за прошлый, ни за будущие годы они платить не могут, так как сами они соболей не ловят, а берут их за долг у своих кыштымов. Далее он говорил, что киргизы будут бить челом великому государю, чтобы он их пожаловал и ясаку с них брать не велел, а велел бы им служить, как служат тобольские и томские татары, и что тогда государю будет от них великая прибыль: они будут тогда помогать красноярским казакам, служить вместе с ними

---

[1] Приложение № 256.

[2] Приложение № 259.

[3] См. гл. 6, §§ 43, 44.

[4] Здесь имеется в виду то, что говорилось в гл. 6 § 56 о котовцах, у которых, вероятно, уже в то время находился князец Сойт.

[5] Курчейко жил у реки Кии в Томском уезде. По некоторым известиям, он был князцом тамошней татарской волости. Его вина заключалась в том, что он убил несколько служилых людей, ехавших из Томска в Енисейск. Река Кия течет вдоль большой дороги и впадает в Чулым.

в поле и подводить под государеву высокую руку тубинцев и маторцов и многие другие народы. Выкупать ясырь у них де нет никакого желания, пусть его выкупает, кто хочет, а притти самим в Красноярск они боятся, потому что их там посадят в тюрьму, а жаловаться государю в Москву слишком далеко (до государя де далеко, воеводы нас не допустят). Киргизы попрекали русских тем, что произошло в Томске: по их словам, к ним приходили оттуда посланцы, привели их к шерти и потребовали от них присылки в Томск посла, которого, по прибытии, засадили в тюрьму, после чего пришли на них войною, побрали в полон их жен и детей и захватили их князца Кору, который умер в Томске, будучи в аманатах. Если воеводы не станут с ними обращаться справедливее, они и впредь не будут приходить в русские города; но если воеводы переменят свое к ним отношение, то он, князец Ишей, или князец Табун придут в город, дадут аманатов в знак своей верности и будут во всем послушны; если их захотят послать куда-нибудь на государеву службу, в таком случае они дадут своих лошадей тем из казаков, которые будут в том нуждаться. Что Ишей ездил к Алтын хану сам, это — правда, но он делал это тогда, когда стан Алтын хана находился поблизости. Качинские татары приезжали к ним, киргизам, без их зову, но теперь отпустить их они не могут, потому что опасаются, что красноярские служилые люди воспользуются их указаниями и помощью, чтобы напасть на них, киргизов, но как только эта опасность минет, они немедленно отпустят их обратно. Князец же Сойт на реке Кану от них не зависит; он имеет до 300 человек своих собственных людей, и, следовательно, они ему приказывать не могут. Будут ли строить острог на Кемчике или нет, для них безразлично: от Алтын хана их этим защитить нельзя, так как Алтын хан, если захочет воевать их, может использовать разные другие пути через горы. Алтырцев, которые побили кузнецких служилых людей, уже отослали в Кузнецк, а Курчей живет не у них, а у их кыштымов, и у него всего только два человека, а как он приедет к ним, они возьмут с него ясак и пришлют в Красноярск. Таков был ответ киргизского князца Ишея на сделанное ему из Красноярска предложение.

* § 74. Между тем, путем частых посылок к киргизам служилых людей из Томска и Красноярска, продолжали напоминать им об их обязанностях. В начале 1630 г.[1] томскому пятидесятнику Дмитрию Копылову удалось получить с них ясак, вместе с заверениями, что они и впредь будут продолжать производить платежи. Это возбудило в Красноярске большое недовольство. Красноярские служилые люди угрожали киргизам огнем и мечом, если они не станут платить ясак в Красноярск.[2] Однако незадолго до этого город Томск был объявлен разрядом, в ведении которого должны были находиться: Красноярск, Енисейск, Кузнецк, Нарым и Кетск. Следовательно, можно было не только запретить красноярским воеводам требовать ясак от киргизов, но и привлечь к ответственности служилых людей, которые будут угрожать киргизам.

§ 75. При всем том никак нельзя было добиться, чтобы киргизские князцы, по зову Дмитрия Копылова, пришли в Томск повиниться в своих прошлых винах и вновь шертовать на верность и службу. Сколько к ним ни посылали людей, они всегда находили отговорки. То они опасались красноярских служилых людей, угрожавших разорить в их отсутствии их улусы, то их удерживали ссоры красноярцев с их собратьями тубинцами и маторцами на реке Кане,[3] за которых они де должны были заступаться, то, наконец, опять у них появлялось недоверие, что их оставят в Томске в аманатах. Последняя причина была, пожалуй, самой главной из всех.

[1] Приложение № 282.
[2] Приложение № 272.
[3] См. гл. 6, § 61 и сл.

За этим последовало уже описанное выше нападение киргизов на Красноярский уезд,[1] которое привело к еще большему озлоблению между ними и красноярцами.

§ 76. Чтобы получить хоть некоторое удовлетворение за это нападение, в том же 1630 (или в следующем) г. был предпринят из Красноярска против киргизов поход, во главе которого был поставлен атаман Дементий Злобин. Он напал на князца Иженея, которого мы выше, по другим источникам, назвали Ишенеком. После разорения улусов этого изменника Злобину удалось привести с собою в качестве пленных жен и детей Иженея.[2] В свою очередь и киргизы произвели в 1632 г. небольшой набег водою по Енисею до самого Красноярска и побили нескольких татар, живших около города.[3]

§ 77. Более важным делом было прибытие к Красноярску 10 августа 1634 г.,[4] водою и сухим путем, около 1000 киргизов, которые в течение 4 дней так настойчиво приступали к городу, что служилым людям, которых, вследствие посылки значительной части их в Енисейск за хлебными запасами, оставалось всего лишь 120 человек, было очень трудно защищаться от киргизов. Однако город продержался, и среди убитых оказалось только 12 служилых людей и 4 ссыльных; больше пострадали пашенные крестьяне, занятые как раз в то время уборкой урожая. Пропало все сено и весь хлеб, как уже сложенный в скирды, так и стоявший еще на корню; несколько деревень было сожжено, 30 человек пашенных крестьян и 40 человек татар были побиты, а многие другие были уведены в плен. Во время приступа к городу и вылазок осажденных киргизы также потеряли значительное количество людей.

* § 78. При таких обстоятельствах неудивительно, что и некоторые татары, верные русским, начали колебаться и стали переходить на сторону киргизов, боясь, что в случае победы последних, казавшейся вполне вероятной, их ожидала бы тяжелая участь. В середине сентября были посланы в погоню за такими перебежчиками красноярские служилые люди и качинские татары,[5] которые, однако, не могли уже настичь их. На обратном пути они получили предупреждение о том, что ездившие с ними в погоню качинские татары, Мунгат [6] с товарищами, задумали их убить. Будучи настороже, красноярцы сами овладели этим опасным человеком и привезли его с собою в Красноярск, откуда он, однако, вскоре нашел случай бежать и с несколькими другими татарами перешел на сторону киргизов.

§ 79. Месяц спустя киргизы снова пришли под Красноярск,[7] и, хотя они ничего не предпринимали против самого города, но причинили в окрестностях не меньше вреда, чем в свой прошлый приход. Последние из оставшихся лошадей и коров были угнаны ими в то время, как служилые люди не посмели оказать им никакого сопротивления. Это случилось 16 октября. Позднее рассказывали, что это нападение было сделано по замыслу князца Бехтенея. В то же время два других князца, Диал и Табун, бродили с вооруженными людьми по принадлежавшим к Томску мелесским волостям около Чулыма и Июса и причиняли там значительный вред.[8] Кузнецк также не был оставлен ими в покое:[9] 14 сентября 1633 г. алтысары — киргизское племя, кочевавшее у реки Абакана — произвели на него столь неожиданное нападение, что жители потеряли все: и находившихся на пастбище лошадей и сложенный в скирды хлеб.

---

[1] См. гл. 6, § 65.
[2] Приложение № 479.
[3] Приложение № 348.
[4] Приложения №№ 330, 333 и 348.
[5] Приложение № 333.
[6] По его имени до сих пор у качинских татар называется Мунгатков улус.
[7] Приложения №№ 330, 333 и 359.
[8] Приложение № 335.
[9] Приложения №№ 315, 320, 321 и 341.

§ 80. Видя, что такая дерзость киргизов остается безнаказанной, живущие на реке Кане котовцы, народ совершенно не воинственный, тоже задумали восстать против русских.[1] Посланные к ним в разные места для сбора ясака 9 служилых людей были все до одного одновременно перебиты. Но когда из Красноярска к ним послали нескольких людей, чтобы привести этот народ опять к повиновению, они свалили всю вину на тубинцев, которые будто бы крайне притесняли их самих.[2]

§ 81. Весною 1635 г. из Красноярска под предводительством атамана Дементия Злобина был предпринят поход против кизыльских татар,[3] чтобы наказать их за набег, произведенный ими прошедшею осенью на аринцев. Несколько аринцев было тогда ими побито, иные уведены в плен, а все лошади угнаны. Кизылы были вместе с киргизами, когда те напали на Красноярск. Среди их лошадей узнавали отогнанных из Красноярского уезда; у них находили также пищали и сабли, снятые ими с убитых под Красноярском казаков. Несмотря на это, кизылы жаловались в Томске и в Мелесском остроге на учиненное над ними насилие. Они не хотели, чтобы на них смотрели, как на союзников киргизов, и уверяли, что из-за постоянных набегов киргизов они сами потеряли все добытые на охоте меха, которые собирались отдать в Мелесский острог в уплату ясака. Киргизы же использовали поход красноярских служилых людей против кизылов как повод для того, чтобы окончательно уклониться от подчинения русским, так как они тоже пострадали от этого похода, и некоторые из них, находившиеся в это время среди кизылов, были взяты в плен красноярскими служилыми людьми. Из Томска был за это сделан выговор Красноярску, по ему не представило большого труда оправдаться.

§ 82. В те времена к монгольскому Алтын хану часто отправлялись посольства из Томска, Тобольска и Москвы; в конце концов он признал себя подданным русского царя и торжественно шертовал на этом. Подробнее об этом мы будем говорить ниже, теперь же, в связи с киргизами, необходимо лишь указать, что при этом случае хану было представлено, насколько необходимо ему, употребить и все его влияние и всю его власть, чтобы укрепить этот непостоянный народ в покорности русским и удерживать его от дальнейших враждебных действий. Хан отправил поэтому к киргизам ламу Даппа Мерген Ланзу, чтобы он уговорил их возвратиться под власть русских. Из Томска же 10 мая 1635 г. был послан атаман Дмитрий Копылов, чтобы снова приводить киргизов под государеву высокую руку.[4]

§ 83. Русские требовали, чтобы лама приехал в Томск с четырьмя виднейшими киргизскими князцами — Ишеем, Табуном, Бехтенеем и Бугачеем. Однако они на это не хотели согласиться. 9 июня Копылов возвратился обратно в Томск, а с ним пришли и ханские послы, которые принесли с собою отписку от ламы, составленную вполне в интересах киргизов. В ней снова причина упорства киргизов приписывалась красноярскому походу против кизылов, так как во время его будто бы погибло много киргизских людей, а жен и детей их побрали в плен, и только возвращение ясыря могло бы удовлетворить киргизов.

§ 84. Лама сделал такое же представление в Красноярск, одновременно отправив туда для продажи 100 лошадей,[5] которые были там крайне нужны. Но красноярский воевода ответил ему, что киргизы должны сначала выдать качинских татар, увезенных ими в 1630 г. из Красноярского уезда, и пленных, захваченных ими в 1634 г. под Красноярском, а также возместить все причиненные их набегами убытки в скоте и хлебе, что тогда будут возвращены им их пленники. На это лама ответил, что никаких затруднений по вопросу о качинских татарах не будет, хан

[1] Приложение № 342.
[2] Приложения № 358 и 365.
[3] Приложения №№ 329, 343 и 346.
[4] Приложение № 350.
[5] Приложения №№ 348, 349 и 426.

настоит на их выдаче; что же касается русских пленных, находящихся у киргизов, и возмещения убытков, то об этом лама ничего не мог сказать. Таким образом переговоры прервались, и лама возвратился к своему хану. Киргизы же продолжали упорствовать.

* § 85. Несколько аринцов изменили уже раньше;[1] теперь же опять некоторые из них перешли к киргизам; поэтому становится понятным, почему этот народ, и без того немногочисленный, в конце концов совершенно исчез. В одном документе говорится о походе против киргизов, предпринятом в 1635 г. из Томска. Начальствовал в этом походе московский дворянин Андрей Просовецкий,[2] но подробностей этого похода не встречается нигде, а так как о нем упоминается только случайно, то можно думать, что в источнике нашем имеется ошибка относительно времени похода и имени его начальника.

§ 86. Более достоверно то, что около середины сентября того же (1635) года Красноярск и Кузнецк подверглись новым нападениям со стороны киргизов. К Красноярску они приходили 14, а к Кузнецку 17 сентября;[3] во главе последнего отряда упоминается князец Ишей. Хотя способ ведения войны оставался прежним и, по обыкновению, заключался в разграблении и избиении всего, что попадалось беззащитного в открытом незащищенном месте, а также в сожжении хлебных запасов и сена, но все же ясно, что жителям Красноярска, еще не успевшим оправиться от предыдущего нападения, потери, понесенные вторично, были особенно чувствительны. Не успели они обзавестись лошадьми, как их снова отогнали. Должно быть особо отмечено, что на этот раз у городских жителей и у пашенных крестьян не осталось ни одной лошади. Вне пределов города ни один человек не мог быть уверен в безопасности и тем не менее нужно было пахать пашню; это знали киргизы; поэтому они обычно избирали для своих набегов осеннюю пору, когда большинство людей было занято в поле.

§ 87. Красноярские служилые люди впали поэтому почти в полное отчаяние. Число служилых людей в городе было определено в 300 человек, в действительности же их никогда не было более 250 человек, из коих третья часть почти постоянно находилась в посылках. В виду этого не было возможности оборонять пашенных крестьян или работающих в полях служилых людей и вступать в бой с многочисленным противником. В своей челобитной[4] служилые люди писали, что если невозможно увеличить число их соответственно с местными обстоятельствами, то чтобы велено было им покинуть город совсем. Однако помочь в этом деле было не легко. Помощь попавшим в затруднительное положение красноярцам должна была притти из Томска, но там также был недостаток в людях. В виду этого потребовалось время, чтобы Красноярск стал достаточно силен и мог внушать к себе уважение и страх киргизам.

---

[1] Приложение № 365.
[2] Приложение № 426.
[3] Приложения №№ 359 и 366.
[4] Приложение № 359.

Глава восьмая

СОБЫТИЯ, КАСАЮЩИЕСЯ РУССКИХ ЖИТЕЛЕЙ, ИМЕВШИЕ МЕСТО В УЖЕ ИЗВЕСТНЫХ ОБЛАСТЯХ СИБИРИ. ПЕРЕМЕНЫ В ГОРОДАХ. УЧРЕЖДЕНИЕ ТОБОЛЬСКОЙ ЕПАРХИИ. ОСНОВАНИЕ МОНАСТЫРЕЙ И СЛОБОД

§ 1. Мы переходим теперь на реку Енисей, т. е. в самую середину Сибири. В естественном характере местности заметно сильное отличие одного берега этой реки от другого,[1] вследствие чего можно разделить Сибирь на части — Западную и Восточную — и считать Енисей границей между ними. В нашей Истории нам придется также придерживаться этого разделения. Поэтому, прежде чем говорить о дальнейших открытиях и заселениях Восточной Сибири, мы остановимся еще немного на Западной Сибири и опишем события, относящиеся к улучшению и дальнейшему распространению русских поселений, а также к тамошним ясачным и иным соседним народам. Содержание настоящей главы составит описание событий, относящихся к русским поселениям Западной Сибири. Мы будем рассматривать их в обратном порядке, с востока на запад.

* § 2. Сибирские летописи сообщают, что при воеводе Даниле Полтеве Кетск был уничтожен пожаром. Из тех же летописей узнаем, что Данила Полтев воеводствовал в Кетске с 7133 (1625) до 7136 (1628) г.

* § 3. В 7127 (1619) г. такое же бедствие постигло город Нарым,[2] в котором сгорели не только городские учреждения, церкви и другие публичные здания, но также дома обывательские. В 1639 г. (30 сентября) новый пожар опять уничтожил большую часть города.[3] Здесь необходимо исправить то, что было сказано в гл. 5 этой «Истории»[4] о перенесении в 1613 или 1614 гг. города Нарыма в другое место. Начиная с 1619 г., возобновились жалобы на неудобное местоположение города, вполне совпадавшие с жалобами по поводу первого Нарымского острога. Указывалось, что острог построен в неподходящем месте, что избранная для него местность не защищена естественными условиями, очень низко расположена и подвержена наводнениям: так, расстояние от Оби до острога первоначально равнялось 70 саженям, но берег понемногу ополз настолько, что в конце концов даже часть острога оказалась смытой, и обывательские дома ежегодно сильно страдали от этих оползней, а выгнанный на пастбища скот не находился в безопасности от воды. Особенно усилились жалобы, когда во время небывалого большого подъема воды в 7138 (1630) г.[5] почти весь острог был снесен водою, и жители вследствие по-

---

[1] В Западной Сибири поверхность, например, по большей части плоская и ровная; напротив, в Восточной — более гористая и скалистая. Звери, рыбы, птицы и растения сильно разнятся в обеих частях. Это отмечено Гмелиным в предисловии к части I его „Florae Sibiricae“, стр. 43, 44.

[2] Приложение № 285.

[3] Приложение № 377.

[4] История Сибири, I, стр. 304.

[5] Приложения №№ 279 и 280.

тери домов и имущества оказались в крайне тяжелом положении. К этому присоединилась еще эпидемия оспы, до тех пор совсем неизвестной в Сибири, от которой умирали почти все заболевшие. За отсутствием свободного места жители не могли хоронить своих покойников около церкви, внутри острога, и были вынуждены вывозить их в поле, где дикие звери их опять выкапывали. Все это было причиной перенесения города Нарыма на новое место, которое было произведено в 1631 г. воеводою Иваном Никифоровым сыном Бестужевым.[1]

Об этом перенесении можно говорить с бо́льшей уверенностью, чем о первом: оно было если не единственным, то во всяком случае последним. Нарым занял то место, где он находится и по настоящее время.

§ 4. Собственно говоря, Нарым лежит не на самой Оби, а в расстоянии полуверсты от нее, на речке, впадающей в Обь с восточной стороны и вытекающей из небольшого озера в 3—4 верстах от города. На северном берегу речки местность, по сравнению с окрестностью, несколько возвышается, и это послужило причиной выбора здесь места для города. Во время весеннего половодья нагруженные дощаники могут приставать против города, при низкой же воде пристань находится около устья речки, где в позднейшее время было построено несколько принадлежащих городу дворов, которые, более в шутку, чем всерьез, носят название Камчатки.

* § 5. В виду ожидавшихся нападений калмыков и киргизов, в 7129 (1621) г. в Томске был получен из Москвы царский указ [2] о том, чтобы сделать на горе новый город, так как старый весь развалился. Тобольский воевода должен был выслать в Томск на помощь и для обороны от врагов 200 человек служилых людей. В Томске думали, что эти же люди помогут при постройке города. Но никто из них не явился. К работам так и не приступали до 1647 г., когда, по повторному приказанию из Москвы, воевода кн. Осип Иванович Щербатой принялся за дело и закончил его в следующем (1648) году.[3] Это и есть тот город, который до сих пор стоит в Томске на горе. Гостиный двор находился тогда тоже на горе, но был впоследствии перенесен в нижний город. Подгорный посад, как наиболее подверженный вражеским нападениям, воевода кн. Петр Иванович Пронской приказал в 1630 г. обнести новым острогом.[4]

§ 6. Железо, необходимое для постройки города в Томске, покупали в Енисейске.[5] Выше уже сообщалось, что енисейские остяки добывали железо и делали из него различные кузнечные изделия.[6] От них этому вскоре научились русские, которые и заняли место остяков, когда последние ушли из этих мест. До сих пор еще существуют около Енисейска деревни, в которых железо выплавляется в небольших печах. Тамошняя железная руда совсем особого рода. Она похожа на белую глину, растворяется в воде и только ее тяжесть дает основание предполагать в ней наличие металлических частиц. Остяки, вероятно, выделывали из глины посуду и, при чрезмерно сильном обжиге, железные частицы плавились и выступали наружу, что и было замечено ими.

* § 7. В 1642 г. были совершенно уничтожены пожарами Березов[7] и Мангазея,[8] в последней не осталось ничего, кроме части острога. Отдаленное положение этих городов и относительная безопасность от неприятельских нападений не застав-

[1] Приложения №№ 300 и 301.
[2] Приложение № 185.
[3] Приложение № 471.
[4] Приложение № 281.
[5] Приложение № 455.
[6] См. гл. 7, § 7.
[7] Приложения №№ 414 и 456.
[8] Приложение № 464.

ляли заботиться о восстановлении их укреплений. Оставшимся от пожара лесом кое-как починили их, а в местах, совершенно уничтоженных пожаром, поставили палисады.

* § 8. В 1629 г. сгорела в Тобольске приказная изба. Это является причиной полного отсутствия всяких известий за это время не только о Тобольске, но и о других городах, где недостаточно заботливо относились к хранению документов, так как, получая все указы из Тобольска, они должны были туда же направлять свои отписки. Следовательно, если бы не было этого пожара, можно было бы найти все материалы собранными в Тобольске, как в общем архиве, и по этой причине об этом пожаре приходится особенно сожалеть. До 1643 г. стоял острог, построенный еще в 1587 г. Данилой Чулковым.[1] В ночь с 13 на 14 августа 1643 г. вспыхнул пожар, уничтоживший его. На его месте был построен деревянный город, вроде тех, которые называются по-русски рубленными.[2] Город этот простоял до постройки каменного города в начале XVIII столетия. Новый деревянный собор, который строился 3 года, был окончен в 1649 г. и освящен в память «Софии премудрости божией». По собору архиерейский дом был назван Софийским домом. Это название сохранилось за ним и позже, несмотря на то, что при позднейшей перестройке новый каменный собор был назван в честь Успения.

* § 9. Город Тара чаще других сибирских городов подвергался вражеским нападениям, а поэтому об его укреплении больше всего заботились. В 1638 г. велено было возобновить внутренний острог и обнести его стеной и рвом. Это было сделано под руководством воеводы кн. Федора Афанасьева сына Барятинского.

* § 10. Между 1640 и 1642 гг. кн. Григорий Петров сын Барятинский возобновил на Тюмени деревянный город, который был в то время значительным по размерам и имел правильную форму. Но в 1658 г. стену, обращенную в сторону реки, вследствие размыва берега водой, перенесли дальше.[3] То же приходилось делать позднее еще несколько раз.[4] Город имеет поэтому в настоящее время форму удлиненного четыреугольника. В то же время была обнесена острогом татарская слобода Тюмени.

§ 11. Город Пелым находился в 1619 г. в плохом состоянии. Воевода Иван Яковлев сын Вельяминов сообщал в Москву,[5] что городовые стены и башни почти совсем сгнили и частично обвалились. Вогулы, жившие в волостях Пелымского уезда, приходили в город для уплаты ясака и в поисках суда по спорным делам. Таким образом в случае их возмущения в уезде не было безопасного места. Строить новый город было невозможно вследствие недостатка людей. В городе было всего 90 человек служилых людей, пушкарей и оброчников, но из этого числа 13 человек (с сыном боярским Петром Албычевым) были посланы «в Тунгусы» для постройки города Енисейска. Некоторые служилые люди предпочли землепашество своему прежнему занятию, а жившие ранее в Пелыме крестьяне были переведены в Табары.[6] В виду плохого состояния укреплений города, пожару, постигшему его 2 года спустя, можно не придавать большого значения.

§ 12. Пожар возник 8 июня 1621 г.[7] перед самым полуднем в одном дворе от разведенного курева, дымом которого, по распространенному в Сибири обы-

---

[1] История Сибири, I, стр. 275.

[2] Рубить избу значит строить дом. Деревянный город строился так же, как и дома: бревна клались горизонтально, а концы их и углы пригонялись друг к другу или соединялись зарубинами.

[3] Приложение № 482.

[4] Приложение № 483.

[5] Приложение № 139.

[6] См. гл. 6, § 29.

[7] Приложение № 167.

чаю, прогоняют комаров. Эти насекомые являются поистине народным бедствием, так как в болотистых местностях, которые преобладают около Пелыма, от них чрезвычайно страдают как люди, так и скот. День был необычайно жаркий, огонь распространился очень быстро, и легкий ветер помог ему охватить вдруг весь город. Некоторые люди чуть не сгорели в своих домах. Женщины и дети бросились к воде, чтобы спастись в ней от пламени. О тушении огня никто и не думал. Ничто не уцелело от пожара, сгорел без остатка и весь острог, и при этом погибли все съестные запасы и прочее добро жителей. Благодаря предусмотрительности нескольких вогулов, поливавших водою пороховой погреб, удалось избегнуть еще худших несчастий.

* § 13. Если уже раньше жители не были в состоянии построить вновь или исправить обвалившиеся стены и башни города, то теперь, когда все погорело дотла и они должны были заботиться о собственном жилье, это было совершенно невозможно. Им была оказана помощь из других мест. Царским указом поручалось воеводе Петру Никитину сыну Вельяминову [1] заставить всех вогулов Пелымского уезда рубить в нужном количестве лес и сплавлять его водою к городу. Тобольскому воеводе было приказано прислать из Тобольска и других близлежащих городов 100 или сколько пригоже стрельцов и казаков, чтобы облегчить жителям Пелыма работы по постройке. Но еще до их прибытия в Пелыме не бездействовали; так как вогулы доставили в изобилии лес, то на старом городище поставили небольшой острог, построили дворы и воздвигли церковь, в чем помогали также проезжие торговые люди. [2] Но к постройке большого острога было приступлено только в 1623 г., [3] при воеводе Иване Матвееве сыне Вельяминове; все дворы на посаде были обнесены острогом, который в основном сохранился также впоследствии. В 1646 г. вновь была выстроена церковь во имя Рождества Христова с двумя приделами во имя Алексея и Николая.

§ 14. Острог на Верхотурье тоже пришлось поставить заново в 1624 г. [4] Длиною он был равен 630 саженям и имел 8 башен. Заготовить лес для острога и доставлять его на место приказано было всему русскому населению Верхотурского уезда — служилым и посадским людям, ямщикам и пашенным крестьянам. Плотников для постройки острога разрешено было нанять. Работа их оплачивалась весьма дешево: за поставку одной сажени стены плотники спрашивали не более 20 коп., а за постройку башни 1 рубль. Но привлечь к работам все население такого обширного уезда было очень затруднительно. 1624 и 1625 гг. прошли, а к работам еще не приступали, [5] и только в 1626 г. работа была, наконец, начата. От 1642 г. сохранилось известие, [6] что Верхотурский острог почти развалился, почему предполагалось построить его вновь, расширив и укрепив его. В ночь с 8 на 9 октября 1657 г. пожар уничтожил на Верхотурье гостиный двор, Спасскую церковь и более 40 дворов. [7]

* § 15. Важнейшим событием, касающимся всей Сибири и имевшим много хороших последствий, было учреждение архиепископской кафедры в Тобольске, по словам летописи, главным образом благодаря ревности и благочестивому попечению патриарха и отца государева Филарета Никитича. До этого времени Сибирь принадлежала непосредственно к Московской епархии, теперь же она получила отдельного архи-

---

[1] Приложение № 181.
[2] Приложение № 183.
[3] Приложения №№ 184, 202 и 207.
[4] Приложение № 221.
[5] Приложение № 231.
[6] Приложение № 405.
[7] Приложение № 481.

епископа, в сан которого был посвящен Киприан, архимандрит Хутынского монастыря, находившегося вблизи Новгорода. Назначение такого ревностного и примерного пастыря было совершенно необходимо: облеченный властью, он своими поучениями и мудрыми распоряжениями, при поддержке патриарха, искоренил все царившее в Сибири непорядки и злоупотребления и как в церковном чине, так и в миру, завел во всем благочиние.

§ 16. Сибирские летописи относят его прибытие в Тобольск к 30 мая 7129 (1621) г. Они говорят о его заслугах в деле написания истории Сибири, о том, как он велел расспросить нескольких оставшихся в живых казаков из отряда Ермака Тимофеевича о всех подробностях прибытия их в Сибирь; как он особенно старался узнать, где у них «с погаными были бои и на тех боях кого именем из них поганили побиша на бранех». Казаки принесли ему списки, в которых рассказали о своих делах и перечислили своих товарищей, убитых за отечество. Чтобы сохранить эти имена в памяти потомков, архиепископ приказал вписать их в синодик соборной церкви в Тобольске. Летописи сообщают также об отъезде архиепископа из Сибири, последовавшем в том же году, когда был получен из Москвы указ от 5 февраля 7131 (1623) г., после двухлетнего управления епархией. Ниже к этому будет сделана поправка. По возвращении в Москву Киприан был назначен Крутицким митрополитом, а затем переведен митрополитом же в Новгород, где скончался 17 декабря 1634 г.[1]

* § 17. Из изложенного ясно, как возникли сибирские летописи, о которых часто говорилось в начале этой «Истории». Знакомство с временем и обстоятельствами, при которых их начали составлять, и, в особенности, наша уверенность в том, что люди, давшие первые материалы для них, были живыми свидетелями происшедших событий, увеличивают их достоверность. «Написание», поданное казаками архиепископу, следует рассматривать поэтому как основу, от которой исходили другие составители летописей. Списки с летописей находятся повсюду в Сибири. Некоторые из них продолжены до конца прошлого столетия, хотя содержат только перечни воевод. Но в отношении основного содержания все они согласны между собою и разнятся только в незначительных подробностях. Один из самых старых списков и, если не считать Ремезовскую летопись, самый полный в части, касающейся ранних событий, имеет в конце приписку составителя, из которой явствует, что его звали Саввой Есиповым. В приписке также указано время окончания этой летописи, а именно 1 сентября 7145 (1636) г.; из нее видно также, что сам Савва Есипов участвовал в походах Ермака Тимофеевича и был очевидцем всего того, что он описал. Таким же образом устанавливается достоверность синодика Тобольской соборной церкви, почему я с полной уверенностью мог на него ссылаться, как на подлинный исторический документ.[2]

§ 18. По приезде в Верхотурье — первый сибирский город — Киприан сразу же начал осмотр церквей и монастырей, в которых стал утверждать то, что признавал хорошим, и тщательно устранять все, требовавшее исправления. В Никольский монастырь, об основании которого уже говорилось, были им назначены новый игумен, по имени Герман, и черный поп Феодосий; из них первый был постриженником Иосифова Волоколамского монастыря и прибыл вместе с архиепископом, а второй был им посвящен вновь. Он нашел на Верхотурье стариц, живших на посаде с мирскими людьми не по монашескому чину, собрал их в одно место, устроил для них за острогом монастырь,[3] названный Покровским по церкви, построенной тогда же,

---

[1] См. «Историю Новгорода» в «Samml. Russ. Gesch.», т. 5, стр. 540.
[2] История Сибири, I, стр. 230, 235, 255, 258.
[3] См. гл. 6, § 15.

и определил в него попа и церковнослужителей, чтобы старицы могли беспрепятственно во всякое время отправлять службу.

§ 19. Узнав, что в Верхотурском уезде, на реке Невье,[1] недавно поселились крестьяне, у которых еще не было церкви, он послал туда старца Соловецкого монастыря Серапиона, которому поручил не только построить церковь, но и основать монастырь, для чего отправил вместе с ним также черного попа Никольского верхотурского монастыря Христофора и одного простого старца. Упомянутое крестьянское селение дало начало Невьянской слободе. Тогда же было положено основание Невьянскому монастырю, но последний был построен не около самой слободы, как полагал архиепископ, а в 13 верстах от нее вверх по реке, на северном ее берегу. Церковь во вновь строящемся монастыре должна была быть освящена во имя Преображения и соловецких чудотворцев Зосимы и Савватия; однако и в этом отношении произошло изменение, и теперешняя главная монастырская церковь освящена во имя Богоявления, хотя и сохранила приделы во имя Зосимы и Савватия. Самый монастырь называется поэтому Невьянским богоявленским, а не преображенским, как предполагалось при его основании.

§ 20. Архиепископ обратил внимание также на два монастыря, которые впоследствии совершенно исчезли, так что даже память о них не сохранилась, и никто не может точно указать, где они собственно находились.[2] Один из них во имя Рождества Христова лежал на реке Тагиле; туда архиепископ послал игумена Авраамия и строителя Варлаама. Про другой монастырь говорится, что он находился на реке Невье, «не доезжая до Верхотурья в дву днищах», и назывался Введенским. Если бы можно было допустить, что архиепископ ехал в Сибирь по теперешней большой Кунгурской и Екатеринбургской дорогам, то приведенное в отношении реки Невьи указание было бы правильным, но так как этой дорогой в то время еще никто не ездил, то является совершенно непонятным, как архиепископ мог попасть на реку Невью прежде, чем он побывал на Верхотурье. Повидимому, название реки, на которой стоял монастырь, показано ошибочно. Но в чем бы ни заключалась ошибка, все-таки нигде нет другого монастыря, который можно было бы отождествить с Введенским. Архиепископ послал в этот монастырь строителем старца Юрьева новгородского монастыря Стахея и черного попа Феопемпта из Горицкого переславского монастыря. Даже в Москве не знали точно, где расположен Введенский монастырь, и поэтому было приказано отписать, находится ли он в Верхотурском или Соликамском уезде.

* § 21. Во время пребывания на Верхотурье архиепископ поставил в Никольский монастырь нового игумена Авраамия и строителя старца Макария, которые в следующем году обратились в Москву с челобитьем[3] о разрешении городским жителям и крестьянам передавать монастырю земельные вклады. Несмотря на то, что давать землю в монастыри было тогда запрещено, все же ради бедности монастыря и в виду избытка в Сибири пашенных земель разрешение последовало. После этого во владение монастыря стали переходить угодья, граничившие с Невьянской слободой. Нашлись также «новоприборные» пашенные крестьяне, готовые итти в половники к монастырю. Но монастырь не мог считать их своими людьми до тех пор, пока во власти воеводы было отнять их у монастыря и привлечь к своему суду. Подобный случай, имевший место в 7134 (1626) г.,[4] и разные другие затруднения заставили монастырь хлопотать в Москве о пожаловании ему крестьян в полную собственность, что было сделано указом 25 октября 7136 (1627) г.

---

[1] Ее называют также Нейва. Настоящее вогульское название этой реки Невья; поэтому производные прилагательные имеют форму: Невьянский, Невьянская.
[2] См. гл. 6, § 3.
[3] Приложение № 189.
[4] Приложение № 239.

* § 22. Сохранился государев указ от 2 декабря 7131 (1622) г., относящийся к Покровскому девичьему монастырю.[1] В нем говорится, что игуменья Анисья с 10 старицами подала челобитье о том, что архиепископ Киприан в 7129 г. велел выстроить для них церковь и кельи, но что они не имеют никаких доходов, чтобы содержать себя и привести в полную исправность монастырь. Государь велел отвести для содержания монастыря пашенные земли и рыбные ловли.

§ 23. Архиепископ позаботился также о Покровском монастыре в Туринске.[2] Еще на Верхотурье узнал он, что монастырь, неизвестно как возникший за несколько лет перед тем, не имеет надлежащего устройства, что в нем живут не только старцы, но и старицы и что в главе его нет ни игумена, ни игуменьи, а определен туда всего лишь один белый поп для отправления церковных треб. Архиепископ поставил в монастырь[3] игуменом черного попа Макария и послал с ним еще двух старцев, чтобы они устранили в монастыре все непорядки и завели все по настоящему монастырскому чину. Однако требуемые перемены наступили не сразу, так как Макарий, будучи уже несколько лет игуменом, все еще продолжал постригать у себя в монастыре как мужчин, так и женщин. Позднее, однако, старцы были отделены от стариц, и для них построен в верхнем конце города или, вернее, около принадлежащей к городу ямской слободы, отдельный монастырь во имя Николая, Покровский же монастырь оставлен одним старицам. Царским указом было предписано наделить монастырь пашенными землями.[4] Это вновь свидетельствует о заботах архиепископа Киприана, подробно сообщавшего патриарху в Москву о всех своих начинаниях и доносившего ему о нуждах порученной ему епархии.

§ 24. Равным образом из числа лиц, прибывших из Москвы вместе с Киприаном или вслед за ним, архиепископ поставил игумена и других монастырских властей в Преображенский тюменский монастырь.[5] Игумена звали Авраамий, строителя — Иона Лихарев, а келаря — Онуфрий. Первый был вскоре заменен игуменом Сергием, который в следующем 7130 (1622) г. выхлопотал[6] для себя, строителя и келаря денежное жалованье, а для монастыря две рыбных ловли. Произведенные впоследствии переделки в главной монастырской церкви, при которых главный престол был освящен во имя Троицы, были причиной переименования монастыря из Преображенского в Троицкий.

* § 25. О тюменском девичьем монастыре, называвшемся прежде Ильинским, а ныне Успенским, нет известий ранее 7131 (1623) г., когда игуменья этого монастыря Каптелина была обвинена в нарушении своего монашеского обета.[7] На основании этого известия можно полагать, что и этот монастырь обязан архиепископу Киприану, если не своим основанием, то, во всяком случае, своим окончательным устройством.

* § 26. Тобольские монастыри Знаменский мужской и Рождественский девичий существовали также в то время, только носили другие названия. Первый назывался Успенским, а второй — Никольским. Царский указ от 7129 (1621) г.[8] содержал распоряжение устроить церковнослужителей Покровского верхотурского девичья монастыря такой же ругой, какую получали в Никольском тобольском. Под этим названием не мог подразумеваться никакой другой монастырь, кроме того, который ныне называется Рождественским на горе, тем более, что прежний главный престол в этом

---

[1] Приложение № 193.
[2] См. гл. 6, § 15.
[3] Приложение № 171.
[4] Приложение № 182.
[5] См. гл. 6, § 12.
[6] Приложение № 177.
[7] Приложение № 178.
[8] Приложение № 40.

монастыре во имя Николая существует также в теперешней монастырской церкви, но уже в виде придела. Что же касается находящегося в нижнем городе Знаменского монастыря, то в нем самом мы не находим никаких следов того, что он прежде назывался Успенским, но что это было действительно так, доказывает царский указ от 7130 (1622) г.[1] В указе говорится, что архимандрит этого монастыря Мефодий бил челом в Москве о жалованье на церковное и монастырское строение и получил от царя пожертвование. Мы не ошибемся, если скажем, что это строение было начато по распоряжению достохвального архиепископа, так как оно произошло во время его управления епархией. Вероятно, Мефодий был назначен им первым архимандритом этого монастыря, тогда как до него там были, как будто, только игумены. 23 мая 1660 г. Знаменский монастырь загорелся от молнии и сгорел весь до самого основания, но был впоследствии еще лучше и богаче отстроен вновь.

* § 27. Остаются еще два монастыря, основание которых, со всею вероятностью, следует приписать архиепископу Киприану, хотя, за отсутствием данных, нельзя установить, когда именно это произошло. Первый из них — это Спасский монастырь на Таре, о котором известно, что в 7132 (1624) г. он получил[2] пашенные земли для пропитания старцев. Второй из них — это монастырь, находившийся в Томске и называвшийся Успенским, о котором имеется только известие,[3] что в 7133 (1625) г. преемник Киприана, архиепископ Макарий, поставил туда нового игумена Феодосия вместо прежнего игумена Евстратия. Повидимому, он послал его туда, чтобы принять большее число вкладчиков[4] и проверить действия прежнего игумена в отношении таких вкладчиков, а также, чтобы собрать сведения о том, сколько монастырь имел доходу от вкладов и пострижений. Неизвестно, было ли это расследование причиной того, что старцы и монастырские служки снова разбрелись, или что-нибудь другое дало к этому повод, но мы знаем только, что монастырь просуществовал недолго, и 20 лет спустя нужно было снова начинать дело устройства монастыря в Томске, о чем речь будет в своем месте.

* § 28. Архиепископ хотел устроить также монастырь в Туруханске и назвать его Преображенским. Об этом сохранились две его грамоты[5] из Тобольска к тогдашним мангазейским воеводам Дмитрию Семенову сыну Погожеву и Ивану Федорову сыну Тонееву, в которых он сообщал, что с этой целью им отправлен туда игумен, по имени Тимофей, со всем нужным церковным и монастырским обиходом. Однако этот монастырь так и не был основан, а была построена лишь церковь во имя Преображения. Если бы, как утверждают некоторые, в Туруханске уже до того была церковь во имя Николы, то было бы непонятно, как она могла исчезнуть, не оставив о себе памяти, как это бывает обычно, в названии придела новой церкви. Возможно, что это была только часовня, и церковь Преображения была все же первой в Туруханске, от которой началось процветание города.

§ 29. Общие усилия патриарха Филарета Никитича и архиепископа Киприана были направлены к распространению в Сибири религиозных обрядов и христиан-

---

[1] Приложение № 180.

[2] Это основано на сибирских писцовых книгах стольника Льва Поскочина и на одном известии об этом монастыре, сообщенном мне из тобольской архиепископской канцелярии. Писцовыми книгами назывались досмотровые книги, составлявшиеся прежде от времени до времени, в которых помещались сведения о числе крестьян или, вернее, их дворов, о размерах принадлежавших каждому земель для определения размера обложения в пользу казны. Писцовые книги стольника Льва Поскочина относятся к 1688 г. Вместо писцовых книг Петром I для сбора подушных денег были введены ревизские сказки.

[3] Приложение № 229.

[4] Люди, завещавшие свое имущество монастырю и получавшие за это от монастыря пропитание.

[5] Приложения №№ 161 и 165.

ских обычаев и к искоренению противных им обычаев, господствовавших там. Архиепископ доносил патриарху обо всех непорядках, замеченных им как во время своего путешествия, так и Тобольске, но патриарх уже знал обо всем этом из расспросов возвращавшихся из Сибири воевод и приказных людей.

Получив донесения архиепископа, он 11 февраля 7130 (1622) г. отправил ему пастырское послание,[1] в котором осуждал непорядки и злоупотребления, поощрял архиепископа бороться за их искоренение и приказывал всюду огласить свое послание и, читать его во всех церквах. Жалобы архиепископа отчасти превосходили то, что было уже известно патриарху из устных рассказов. О них мы знаем из царских указов:[2] последние были разосланы по всем городам Сибири и повсеместно оглашены.

§ 30. Мы не будем говорить о всем том, о чем можно бы вести речь на основании этих грамот. Общие напоминания о грехах, которые и в настоящее время еще раздаются с церковного амвона, не являются задачей нашего рассказа, но мы поступили бы все же неправильно, не затронув одного обстоятельства, имевшего какое-то влияние на сибирское население и таким образом не чуждого предмету нашей «Истории»; оно относится к истории нравов, являющейся главным предметом историка, пишущего с целью исправления человечества, и касается понятия о браке и об его приложении к жизни казаками, впервые попавшими в Сибирь.

* § 31. Согласно с прежними грубыми обычаями казаков на Дону и по примеру турок и татар, с которыми они находились в постоянных сношениях и обычаям которых они подражали, они смотрели на брак, как на житейский договор, имеющий силу только до тех пор, пока этого хотят обе договаривающиеся стороны или пока повелевающая сторона, т. е. мужчина, находит его удобным. Они, как татары, покупали и продавали жен; когда они нуждались в деньгах, они закладывали их на определенный срок. Они не знали ни ревности, ни той нежности, которую внушает нам женщина, являющаяся нашей и связанная только с нами; наоборот, в их понимании, собственность на женщину ничем не отличалась от собственности на всякое другое имущество, которым они могли располагать по своему усмотрению. Когда казак уезжал в Москву, он обычно закладывал свою жену до своего возвращения, и тот, кто давал ему за нее 10, 20 или более рублей, пользовался до срока ее услугами. Если же по истечении срока ее не выкупали, то заимодавец мог либо оставить ее себе, либо выдать замуж за другого, либо продать.

§ 32. Возвращаясь из Москвы, сибирские казаки подговаривали по дороге в городах и селах молодых женщин и девушек ехать вместе с ними, обещая им жениться на них самим, или найти им хороших мужей. Таким образом они привозили с собою в Сибирь целые партии в 50 и более человек; большинство женщин, по приезде в Сибирь, оказывалось обманутыми и проданными тому, кто за них больше заплатил. Казаки ссылались при этом на какую-то царскую грамоту, которою им разрешалось это делать, но которую они предъявить не могли. Может быть, это была та грамота, о которой упоминает Витзен и о которой я говорил в т. I.[3] По этой грамоте первым казакам, прибывшим из Сибири в Москву, разрешалось на обратном пути забирать с собою охочих русских людей с их семьями; этим, однако, им еще не было разрешено соблазнять женщин и девушек и открыто торговать ими, как рабынями.

* § 33. Многоженство было распространенным пороком в Сибири; оно не только удовлетворяло похоти зажиточных казаков, но и льстило их самолюбию, так как, по татарскому обычаю, повелевавший многими женами и наложницами приобретал тем самым больше почета. Архиепископ обвинял казаков особенно в том, что они

---

[1] Приложение № 179.
[2] Приложение № 197.
[3] История Сибири, I, стр. 238.

во время своих поездок смешивались с татарскими, калмыцкими, остяцкими, вогульскими женщинами и приживали с ними детей, не заботясь о том, чтобы крестить тех и других. Как бухарец имеет жен в разных местах, где ему приходится бывать по торговым делам, так и многие казаки, кроме жены в городе, имели еще других жен в волостях, острогах и зимовьях, куда их посылали для сбора ясака. Они не боялись вступать в браки со своими ближайшими кровными родственницами, от чего их не мог удержать даже отказ архиепископа в выдаче разрешения на брак, так как они умели в таких случаях получать указ от светского начальства в лице воевод. Таковы были тогдашние нравы. Повидимому, патриаршее послание и меры, принятые архиепископом и духовными властями, произвели свое действие, так как позднее ничего более не слышно о подобных беззаконниях.

§ 34. Если летописи, как мы видели выше,[1] относят возвращение архиепископа в Москву к 1623 (7131) г., то эту дату мы можем исправить на основании некоторых архивных документов,[2] из которых видно, что Киприан провел в Тобольске почти весь 1624 г. и при этом все время исполнял свои обязанности. 1 февраля 1624 г. он послал сына боярского Василия Строгова в Мангазею, а когда царь Михаил Федорович 19 сентября того же года решил вступить в первый брак с кн. Марьей Владимировной Долгорукой, то указы из Москвы в Тобольск о бракосочетании и о служении по этому случаю молебнов были обращены к архиепископу Киприану, а он рассылал их дальше по другим городам Сибири. На этом основании мы можем исправить указание сибирских летописей о том, что преемник его архиепископ Макарий прибыл 1 апреля 7132 г.: оставляя, по недостатку известий, без изменения месяц и день, мы можем смело принять здесь не 7132, а 7133 (1625) г.

* § 35. К заслугам архиепископа Киприана нужно отнести и то, что он положил основание доходам тобольской архиепископской кафедры и старался завести в пустынных местах пашни, благодаря чему впредь архиепископы могли существовать без посторонней помощи. При его отъезде из Москвы было приказано [3] отвести ему 50 десятин пашенной земли около Тобольска, под горою, за речкой Курдюмкой, так как нижний город в то время еще не был построен, а сенные покосы, на 400 копен сена, ему были даны на другом берегу реки Иртыша, против города. Но по прибытии своем в Тобольск Киприан узнал, что все сенные покосы по близости от города уже заняты жителями и что отведенные ему пашенные земли находятся от города слишком близко, чтобы ими можно было надлежащим образом пользоваться, так как жители пасут на них свой скот. Во время же своего проезда в Тобольск, при впадении реки Ницы в реку Туру, он заметил хорошие и плодородные места, еще никем не распаханные, где и посадил немедленно 8 крестьянских семейств, следовавших вместе с ним с Руси, имея намерение в дальнейшем просить о пожаловании этой земли. По этому случаю он отправил в Москву челобитье об отводе ему местности в устье реки Ницы вместо пашенных земель и сенных покосов около Тобольска.

§ 36. Однако уже в 7125 (1617) г. некоторые тюменские жители били челом об отводе им той же самой земли и получили в Москве соответствующий указ,[4] но так как до приезда архиепископа они еще не приступили к распашке, то без всякого ущерба для себя могли уступить свои права в пользу архиепископской кафедры. Первым указом из Москвы, последовавшим 20 января 7130 (1622) г.,[5] по челобитью архиепископа, отводилось 100 десятин пашни и сенных покосов на 400 копен сена. Но так как число новых крестьян переселенцев все увеличивалось, то за этим

[1] См. гл. 8, § 16.
[2] Приложения №№ 198 и 213.
[3] Приложение № 176.
[4] Приложения №№ 124 и 130.
[5] Приложение № 176.

указом последовал другой от 20 ноября 7131 (1622) г., [1] которым удваивались размеры пашни и сенных покосов. Так как уже тогда было в обычае в целях севооборота иметь пашни в трех полях, архиепископу же для его крестьян на Усть-Нице пашня была отведена только в одном поле, то он подал в 7132 г. третью челобитную, [2] на которую последовал милостивый указ о прирезке ему в двух полях по 200 десятин в каждом. Так как недостатка в земле тогда не было, то это распоряжение могло быть немедленно исполнено. С Руси приходили туда и селились в большом числе крестьяне; там, на южном берегу реки Ницы, недалеко от ее устья, возникла слобода, названная Усть-Ницынской, в которой уже в 7131 г. имелась церковь. Число деревень также умножалось, и образованная из них волость занимала больше десяти верст в окружности. Все указывали, что архиепископ поступил неплохо, избрав именно эту местность под владение архиепископской кафедры.

§ 37. Другая архиепископская слобода известна под названием Тавдинской и основана почти одновременно с Усть-Ницынской, так как в 7138 (1630) г. о ней уже упоминается, как о существовавшей до того. Однако по отсутствию сведений остается неизвестным, основана ли она архиепископом Киприаном или его преемником Макарием. Как показывает ее название, она лежит на реке Тавде и находится на ее левом берегу, в 75 верстах от устья. Она не богата пашенной землей, которая редко встречается по всей реке Тавде, но зато река и несколько расположенных поблизости от слободы озер очень богаты рыбой, а вся местность изобилует дичью, что доставляет жителям хорошую пищу.

§ 38. Это было вообще время, когда начали заселять Сибирь новыми слободами и стали обращать особенное внимание на земледелие, тогда как раньше при постройке сибирских городов и острогов ставили задачей, главным образом, покорение тамошних народов и сбор ясака. Эта забота о развитии земледелия была вызвана все увеличивающимся числом служилых людей в Сибири, доставлять запасы для которых с Руси становилось все затруднительнее. Охочих людей было тогда вообще достаточно, так как каждый черный крестьянин был волен в то время переселиться с Руси в Сибирь. Местности по рекам Двине, Вычегде, Югу и Сухоне теряли для местных жителей интерес, как только они узнавали о счастливом состоянии и плодородии земли в Сибири. Нужно отметить, что большая часть населения Сибири происходила именно из этих частей Руси.

§ 39. Чтобы представить историю этих слобод в связи с предшествующим, следует повторить то, что уже было сказано [3] о старейшей из них — Тагильской слободе. Она была основана в 7121 (1613) г. Следующей была Табаринская слобода в Пелымском уезде, [4] о котором также было уже сказано, по какому случаю и каким способом она возникла в 7126 (1618) г. Третьей была Невьянская слобода, первое основание которой следует отнести, как указано выше, [5] к 7127 (1619) г. [6] Жителей для нее по указу из верхотурской съезжей избы «называл» известный Артемий Бабинов, тот самый, который показал дорогу из Соликамска на Верхотурье. [7] Этим указом для слободы отводились земли от устья речки Режи вверх по реке Невье на 10 верст и на столько же вглубь, а вновь поселенные жители слободы получали на 5 лет льготу по уплате податей.

§ 40. Правда, против этого туринские татары подали челобитную, в которой они писали, что места по реке Невье исстари принадлежали им, что они всегда там

---

[1] Приложения №№ 192 и 203.
[2] Приложение № 214.
[3] См. гл. 6, § 19.
[4] Ibid., § 29.
[5] Ibid., § 19.
[6] Приложения №№ 146, 149, 151, 174, 390 и 440.
[7] История Сибири, I, стр. 305.

охотились, ловили рыбу и владели бобровыми гонами, однако их челобитье не имело успеха. Слобода, поставленная Бабиновым на южном берегу реки Невьи, в одной версте вверх от устья речки Режи, не только продолжала существовать, но количество жителей ее в 1621, 1624 и 1626 гг. все увеличивалось, пока, наконец, при ней не был основан монастырь.[1]

§ 41. Распространившийся в 7133 (1625) г. в Верхотурском уезде слух о приближении калмыков,[2] намеревавшихся будто бы напасть на русских жителей, побудил местных воевод для безопасности населения открытой местности построить в Тагильской слободе острог, а для защиты от первого нападения обнести Невьянскую слободу надолбами. Через год последовал из Москвы указ построить в обеих слободах настоящие остроги, в которых в приход воинских людей могло бы укрыться все население. По этому образцу позднее были укреплены все остальные слободы, которым могла угрожать подобная опасность; отсюда до сих пор можно видеть во многих слободах подобные же деревянные остроги, какие обычно бывали только в городах.

* § 42. Возникновение Гаринской слободы в Пелымском уезде нужно отнести ко времени первых осмотров тех мест, о чем до нас дошел наказ, данный пелымским воеводой Петром Никитиным сыном Вельяминовым подьячему Путиле Степанову 15 сентября 7131 (1622) г.[3] Путила Степанов должен был отправиться вверх по Тавде реке в урочище Гари, чтобы осмотреть и переписать пашенные земли. Вначале в этой слободе было только 10 крестьян.[4] Но уже в 7132 г. последовал приказ из Тобольска увеличить население ее еще на 20 крестьян. Об этом пелымские воеводы стали усердно стараться, привлекая охочих людей денежной и хлебной подмогой, благодаря чему нужное число крестьян скоро было «прибрано». Для объяснения происхождения названия этой слободы нужно знать, что гарями называют места, где прежде находился лес, выжженный с целью сделать землю пригодной для пашни. Слобода расположена на правом или южном берегу реки Сосвы, которая, после слияния своего с рекой Лозвой, называется Тавдой, в 14—15 верстах выше места слияния обеих рек и в 60 верстах от города Пелыма. Там находится возвышенность, простирающаяся довольно далеко вглубь. Она-то и была признана пригодной под пашню, тогда как в Пелымском уезде, с его низкой и болотистой почвой, вообще мало земель, удобных для пашни.

* § 43. В 7132 (1624) г. по приказу тобольского воеводы кн. Юрия Яншеевича Сулешова-Черкаского были построены на реке Нице две новых слободы — Чубарова и Красная.[5] Они были очень быстро населены, потому что, с одной стороны, эти места имеют большие природные преимущества, а с другой — переезд охочих людей облегчался выдачами из казны ссуд деньгами и хлебом. На месте первой слободы, находившейся на возвышенности южного берега реки Ницы, в 68 верстах от ее устья, стояла встарину татарская крепость, называвшаяся Чубар-тура. Это название было переделано на русский лад в Чубарово городище; под таким названием это место было известно еще до того, как было решено построить здесь слободу.

§ 44. Впервые предложение о построении этой слободы сделал письменный голова Никита Беглецов, но ее устройство было поручено туринскому сыну боярскому Максиму Егонскому. Каждый крестьянин получал 5 рублей денег, двух лошадей, корову, двух овец, десять кур, свинью и ежемесячно, до первого урожая, по пол-

---

[1] См. гл. 8, § 19.
[2] Приложение № 233.
[3] Приложение № 187.
[4] Приложение № 223.
[5] Приложения №№ 211, 216, 218.

осьмины (2 четверика) ржи и полосмины овса. Для посева было выдано каждому по одной четверти (8 четвериков) ржи и 2 четверти овса. Пашенные люди должны были за это каждый распахать на государя две десятины под рожь и столько же под яровое, семена для чего также были выданы из казны. В 7133 (1625) г. в Чубаровой слободе впервые посеяно было 20 четвертей ржи, а в Красной, в том же году, — 60 четвертей.

§ 45. Про место, где собирались построить Красную слободу, при основании ее говорили, что оно лежало между двумя впадающими в Ницу речками — Кандабой и Блуком.[1] Это обстоятельство не подтверждается современными данными, а разнообразие названий, которые эта слобода имела в последующее время, могут вызвать сомнения в том, не относится ли наш рассказ о Красной слободе к какому-нибудь другому месту. Но совокупность всех известий, отчасти сохранившихся в этой слободе, убедили меня в том, что известие об основании слободы между вышеназванными двумя речками, независимо от того, были ли они там на самом деле, должно быть отнесено к основанию именно Красной слободы.

* § 46. Начало этого поселения было печальным, так как основатель его — тюменский сын боярский Степан Молчанов — был убит тамошними крестьянами еще до полного окончания постройки слободы.[2] Об этом местные жители знают по рассказам своих предков. Некоторые хотят даже отсюда произвести название «Красная», но это неверно: так как этим словом означается также то, что красиво, то, без сомнения, это название произошло от красоты окружающей слободу местности.

§ 47. Название Красной слободы долгое время было употребительно только в просторечии и только редко можно найти его в документах.[3] Напротив того, в старинных грамотах вплоть до начала текущего столетия слобода постоянно называлась Ницынской или Нижней Ницынской. Построена она была под названием Ницынской,[4] но когда, несколько лет спустя, между нею и Чубаровой прибавилась еще одна слобода, которая была названа Верхней Ницынской, то, для отличия от нее, первую было принято называть Нижней Ницынской.[5]

Это название оставалось до тех пор, пока название «Красная» не заменило его в официальных документах. Местоположение слободы чрезвычайно красиво и приятно: нельзя представить себе более плодородного места. Оно и считается таким во всей Сибири. Благодаря этим преимуществам слобода стала местом пребывания прикащика, которому были подчинены также некоторые другие слободы. Она расположена на южном берегу реки Ницы, в 14 верстах от Усть-Ницынской слободы, и называется ныне в документах Краснослободским острогом.

§ 48. Вначале в Красной слободе не предполагалось устраивать какие-либо укрепления, но угроза, заставившая в 7133 (1625) г. укрепить Тагильскую и Невьянскую слободы, вызвала и здесь такое же действие. 20 июля означенного года в новую слободу пришел татарин и сообщил, что калмыки грозят нападением и что, если своевременно не будет построен острог, в котором всем можно было бы укрыться, то жизни русских и татар грозит величайшая опасность. Тамошний приказчик тобольский сын боярский Борис Толбузин отписал об этом в Тобольск и просил об указе, как ему дальше поступать.[6] Хотя мы не располагаем дальнейшими сведениями по этому делу, однако видим, что в 7137 (1629) г.[7] в Красной слободе уже был острог, в котором при военных обстоятельствах укрывались жи-

[1] Приложение № 217.
[2] Приложение № 235.
[3] Приложения №№ 238 и 305.
[4] Приложение № 226.
[5] Приложение № 317.
[6] Приложение № 230.
[7] Приложение № 266.

тели окрестных деревень. Относительно укрепления Чубаровой слободы известно, что в 7136 (1628) г. было сделано предложение[1] об устройстве в слободе острога; нельзя думать, чтобы оно было отвергнуто в Тобольске или что работа в существовавшей трудной обстановке, когда враги беспрестанно усиливались на границах, была отложена на долгое время.

§ 49. Быстрое заселение местностей по рекам Нице и Невье было причиной, что по дороге вдоль этих рек вскоре стали ездить торговые и промышленные люди; это еще более оживляло жизнь и торговлю края и способствовало устройству и заселению новых слобод.[2] Но в виду этого город Туринск оставался в стороне. По той же причине стали предпочитать более длинную дорогу на Красную слободу и Чубарово более короткой, идущей вдоль реки Туры. Тогда туринские таможенные целовальники стали жаловаться на уменьшение таможенных доходов, и хотя из Тобольска и последовал указ,[3] запрещавший ездить по новой дороге, однако скоро стало ясно, что запретить этого нельзя, а потому было признано более выгодным поставить в Чубаровой слободе заставу для сбора таможенных пошлин; как видно из наказов,[4] таможенные целовальники посылались туда из Туринска. Здесь следует упомянуть, что предположение об укреплении Чубаровой слободы также исходило из Туринска, а потому кажется, что в первые годы Чубарова слобода находилась в ведении Туринска.

* § 50. В 7135 (1627) г. возникла новая слобода, поставленная между Чубаровой и Красной, названная для отличия от последней Верхней Ницынской.[5] Место, где она расположена, представляет возвышенность и подмыто рекой Ницей, отчего образовался обрывистый берег. Так как, кроме того, слобода расположена в очень красивой местности, она сначала называлась новой слободой на Красном яру, но название это сохранялось за нею недолго. В 7154 (1646) г. тюменский сын боярский Илья Бакшеев писал в своей челобитной,[6] что он в 7136 (1628) г. «прибрал» в Верхнюю Ницынскую слободу 45 человек крестьян. Возможно, что он был основателем этой слободы.

§ 51. В 7140 (1632) г. было приказано[7] принять меры к увеличению населения слободы на Красной елани на Иванчинском займище; выполнение этого было поручено тобольскому сыну боярскому Михаилу Байкашину. Известие относится именно к Верхней Ницынской слободе, потому что высокий берег, на котором построена слобода, как видно из некоторых архивных документов последующего времени, назывался тогда Иванчинским или Ахтабановым мысом. В свою очередь название «Красная елань» указывает на плодородную и чрезвычайно удобную для пашни почву. Насколько слово «елань» общеупотребительно в Сибири, настолько редко его можно услышать в России. По происхождению оно — татарское. Кроме отмеченных уже свойств, для понятия елани необходимо, чтобы местность была кое-где пересечена редкими березовыми перелесками. Такой была когда-то местность, где расположена Верхняя Ницынская слобода; поэтому в просторечии она иногда еще называется Еланской. Она лежит в 42 верстах от Красной и в 12 верстах от Чубаровой.

§ 52. В то же время у реки Ницы была впервые обнаружена железная руда,[8] что дало возможность построить там железоделательный завод; с этого времени не

[1] Приложение № 241.
[2] Приложение № 238.
[3] Приложение № 287.
[4] Приложение № 240.
[5] См. гл. 8, § 47.
[6] Приложение № 440.
[7] Приложение № 287.
[8] Приложение № 242.

нужно было, как было до того,[1] возить в Сибирь с большими затратами труда и средств этот необходимый металл из России. Из Тобольска был послан туда сын боярский Иван Шульгин,[2] который должен был осмотреть места выхода руды и привезти с собою в Тобольск ее образцы.

§ 53. В Туринске об этом еще ничего не знали, когда 1 июня 7136 (1628) г. туда пришел один татарин, живший поблизости от места нахождения руды, и сообщил об ее находке (несомненно, с целью получить за то жалованье). По его словам, местность, где находилась руда, болотистая и поросла камышом — признаки, редкие для рудоносных мест, но подтвердившиеся на деле. Тогдашний туринский воевода Воин Лукьянов сын Корсаков велел доставить себе образцы руды, но в Туринске не оказалось никого, кто бы мог ее выплавить. Тамошние кузнецы говорили, что они слышали о том, как можно узнать о присутствии скрытой в болоте железной руды: для этого надо взять сырой бересты и окунуть ее в болото; тогда содержащая железо вода съест верхний слой коры, оставив только внутреннюю гладкую кожицу. Действия туринского воеводы возбудили недовольство тобольского воеводы, который боялся, что в Туринске хотят присвоить себе честь сделанного им открытия; однако туринский воевода извинился и объяснил свои действия неведением того, что было уже сделано в Тобольске.

* § 54. Несколько лет еще было потрачено на переписку, на испытания руды и подробное исследование местности, на добычу достаточного запаса руды и на приготовления к постройке плавильной печи, пока в 7139 (1631) г. не было приступлено к выплавке. Производство было признано выгодным, и работу стали усердно продолжать. В 1637 г. печь сгорела, но в том же году была выстроена новая. Так возникла Рудная слобода на северном берегу реки Ницы, в 21 версте от Невьянской. Ее плавильная печь, остатки которой можно видеть до сих пор, в течение многих лет снабжала всю Сибирь железом, пока в начале нынешнего столетия все горное дело в тех краях не получило другой характер. Руду добывали в 3 верстах от слободы вниз по реке и в 1 версте от берега на южной стороне реки Ницы, где местность и теперь еще так же болотиста и заросла камышом, какой она, судя по описаниям, была и прежде.

* § 55. Выгодность хлебопашества была доказана на примере всех слобод; поэтому почти не проходило года, чтобы не было положено основание какой-нибудь новой слободе. Арамашевская слобода на правом или западном берегу реки Режи, в 30 или, по другим источникам, в 55 верстах от Невьянской, была построена около 7138 или 7139 гг., так как я нашел известие, что в последнем году жившие по реке Нице татары Тюменского уезда жаловались на то, что они со всех сторон окружены русскими слободами, и при этом упоминали о слободе на реке Реже. Название этой слободы происходит от ручья Арамаша, впадающего в реку Режу с восточной стороны, в 15 верстах выше слободы.

§ 56. Киргинская слобода упоминается впервые в 7141 (1633) г., когда был издан указ об ее основании;[3] следующий за этим год прошел в приборе для нее поселенцев. 16 января 7142 г. тобольский воевода князь Андрей Андреевич Голицын писал туринскому воеводе Лукьяну Андрееву сыну Полтеву о том, что сын боярский Андрей Перхуров послан им, чтобы набрать на Тюмени, в Туринске и на Верхотурье охочих людей на пахоту в новую Киргинскую слободу. Эта слобода была расположена в 14 верстах от Чубаровой, вверх по Нице реке, на южном ее берегу, и получила свое название от речки Кирги, впадающей несколькими верстами ниже в реку Ницу.

[1] Приложение № 92.
[2] Приложение № 244.
[3] Приложение № 319.

* § 57. Следующей была Ирбитская слобода, построенная в 1635 г. под названием Ирбеевской. Жившие по реке Нице татары жаловались теперь больше прежнего на то, что жители новых слобод вытесняют их из их вотчин, и при этом указывали, что Киргинская и Ирбеевская слободы основаны в 7143 (1635) г.[1] Название свое Ирбеевская слобода получила от того, что реку Ирбит, на которой она лежит в 1 версте от впадения ее в реку Ницу, татары называют Ирбеем.

* § 58. Здесь следует избегать ошибки, которую можно легко сделать, узнав из архивных документов, что в 7151 и 7153 (1643 и 1645) гг. возникла еще одна слобода под названием Усть-Ирбитской.[2] Легко смешать обе слободы и считать их за одну, если думать, что существует только одна река Ирбит, и что Ирбитская слобода, расположенная недалеко от ее устья, может быть названа и Усть-Ирбитской. Их надо различать друг от друга. Усть-Ирбитскую слободу хотели построить на северном берегу реки Ницы, в 8 или 9 верстах ниже впадения в нее реки Ирбита, и так как поблизости не было реки, по имени которой можно бы дать ей наименование, то решили назвать ее по реке Ирбиту, от которой она отстояла, однако, довольно далеко. Чтобы отличить ее от слободы, лежащей в самом деле на реке Ирбите, ее назвали Усть-Ирбитской. Впрочем, следует заметить, что Усть-Ирбитская слобода никогда не была достроена до конца, и со временем она потеряла свое первоначальное название, о котором теперь нет больше и помину. Ирбитская же слобода, напротив того, развивалась все больше и больше и перетянула к себе даже известную часть сибирской торговли: в ней устраивается ежегодно в январе большая ярмарка, на которую съезжаются купцы отовсюду из России и Сибири. Строителя этой слободы звали Иваном Шипицыным. От Киргинской слободы до Ирбитской считают 14 верст, а от Ирбитской до Ницынской — 27 верст.

* § 59. Мы будем далее продолжать рассказ об основании новых слобод, хотя придется выйти за хронологические рамки, которыми мы доселе ограничивали свое изложение. Следует заметить однако, что враждебные нападения, о которых речь будет впереди, не позволяли в течение нескольких лет даже думать о построении новых слобод. Благовещенская слобода на речке Сусатке, впадающей с юга в реку Туру, в 44 верстах от Туринска по Верхотурской дороге, была основана в 7147 (1639) г. стрельцом Еремеем Кондратьевым по распоряжению туринского воеводы Никиты Васильева сына Кафтырева.[3] Эта слобода первоначально называлась описательно «новым усадищем на Высоком поле на речке Сусатке». Только через три года она получила название Благовещенской, когда там была построена церковь во имя Благовещения.[4]

* § 60. Проезжавший в то время через Верхотурье вновь назначенный тобольский воевода кн. Петр Иванович Пронской услышал так много рассказов о плодородии верховьев реки Невьи, что решил построить там новые слободы и тем самым увеличить доходы государевой казны.[5] Верхотурский сын боярский Андрей Бужанинов, принимавший большое участие в устройстве Невьянской и Ницынской слобод, особенно хвалил земли по речке Алышайке (ныне Алапаихе) и урочище, называвшееся в то время Мурзинской еланью. Князь поручил ему устройство там новых поселений, и Бужанинов очень быстро справился с этим делом, так как ему было разрешено воеводой принимать также старых крестьян из уже существующих слобод, которые надеялись поправиться на новом месте. Тогда именно, в 1639 или 1640 гг., возникла Мурзинская слобода на реке Нейве, о происхождении названия

---

[1] Приложение № 357.
[2] См. гл. 8, § 64.
[3] Приложение № 384.
[4] Приложение № 392.
[5] Приложения №№ 380 и 386.

которой уже было сказано в т. I.[1] На Алымайке была построена тогда только деревня, находившаяся в зависимости от Мурзинской слободы, и только в позднейшее время, в связи с открытием там железной и медной руды, она получила название слободы.

§ 61. Один крестьянин из Ницынской слободы поставил свой двор у родника, в 5 верстах от слободы вниз по реке Нице, на южном ее берегу, где находились татарские мольбища и где происходили у них съезды. Татары стали жаловаться в Туринск.[2] Туринский воевода охотно стал на их защиту, потому что и без того ему не нравилось распространение верхотурских поселений в таких местностях, которые, по его мнению, принадлежали к Туринскому уезду. Он полагал, что если татары платят свой ясак в Туринск, то и места, где они живут, также принадлежат к Туринску.[3] Он был, конечно, прав, так как другие города придерживались этого же правила. Но когда он захотел применить это положение к Ирбитской и Ницынской слободам, желая, чтобы они зависели не от Верхотурья, а от Туринска, то встретил такое сильное сопротивление со стороны верхотурских воевод,[4] что принужден был отказаться от своих притязаний. Между тем жалобы татар достигли Москвы.[5] В них татары писали, что крестьяне согнали их с мольбища, которое находилось недалеко от деревни Ключевской. Это место называется также Зырянским ключом, по имени крестьянина Михайлы Зырянина, который там поселился.

§ 62. Действительно странно, что местность, о которой мы говорили, не была передана Туринску, от которого она находится в расстоянии всего только одного дня пути, тогда как от Верхотурья до нее от 5 до 6 дней.[6] К тому же нужно прибавить, что между туринскими татарами и верхотурскими крестьянами происходили постоянные ссоры, приводившие к частым жалобам в обоих городах, по которым, вследствие различной подсудности, не могло быть вынесено решение. Если Ирбитская слобода до сих пор зависит от Верхотурья, то это объясняется сбором таможенных пошлин на тамошней ярмарке, что гораздо удобнее купцам, чем если бы пошлины собирались на Верхотурье. Кроме того, в настоящее время в той местности больше нет татар.

§ 63. В 1640—1641 гг.[7] в Москве были изданы два указа, очень благоприятные для Туринска, по которым все слободы, построенные в Туринском уезде по реке Нице, отходили к городу Туринску. Однако с Верхотурья на них последовали отписки, в которых указывалось, что туринские воеводы должны были бы заявить о своем несогласии при самом основании слобод, они же тогда молчали, предоставив верхотурским воеводам полную свободу в заселении местности, а теперь, когда все сделано, они хотят лишить Верхотурье плодов его трудов, что является явной несправедливостью. Вышеупомянутые указы не получили поэтому исполнения.

§ 64. Во время этих споров в Туринске возникло предположение построить между Ирбитской и Ницынской слободами, в удобном для пашни месте, новую слободу, которая, как уже сказано выше,[8] должна была быть названа Усть-Ирбитской.[9] Но было трудно найти охочих людей для поселения в Туринском уезде, потому что приезжающим из России на Верхотурье давались такие соблазнительные обе-

---

[1] История Сибири, I, стр. 220.
[2] Приложение № 381.
[3] Приложения №№ 390, 396, 397 и 400.
[4] Приложение № 389.
[5] Приложение № 390.
[6] Приложение № 389.
[7] Приложения №№ 389 и 397.
[8] См. гл. 8, § 58.
[9] Приложение № 415.

шания, что в Туринск уже никто не хотел итти. Верхотурский воевода, узнав о намерении туринского воеводы, опередил последнего и послал в 1643 г. слободчика.[1] Пятуньку Ощепкова, уже поставившего раньше Ницынскую слободу, и с ним 5 крестьянских семейств, чтобы они положили начало новому поселению.[2] В 1645 г. Ощепков сообщал, что им приняты еще два крестьянина, из которых один был уроженцем Пинеги. Это дает нам указание о месте, где находилась Усть-Ирбитская слобода. Имеется до сих пор деревня Пинеская, получившая свое название от упомянутого крестьянина, название же слободы давно уже исчезло из памяти. В Туринске это урочище называли Большой еланью или Красным полем, и слобода, если бы она была устроена из Туринска, называлась бы Краснопольской.

§ 65. Туринская слобода, лежащая на южном берегу реки Туры, в расстоянии 14 верст от Ницынской слободы и 66 верст от Туринска, должна была быть построена по распоряжению тобольского воеводы князя Петра Ивановича Пронского в 7151 (1643) г., для чего был назначен слободчик Давыд Андреев, получивший приказ набрать охочих людей и поселить их в указанном месте.[3] Но так как в этом указе не было сделано оговорки о льготных годах для «новоприбранных» крестьян, как это было повсюду, то дело с устройством слободы затянулось, пока в 7153 (1645) г. тобольский воевода князь Григорий Семенович Куракин не сделал соответствующего распоряжения. Следовательно, годом основания Туринской слободы следует считать 7154 (1646) г. В то время по имени своего слободчика слобода называлась также Давыдковой.

* § 66. Белослудская слобода была построена в верховьях реки Ирбита в 7152 (1644) г. по данному с Верхотурья распоряжению сыном боярским Василием Муравьевым и зависела вначале от Ирбитской слободы, где Муравьев был прикащиком.[4] Позднее прикащики Ирбитской слободы чинили суд одновременно и в новой слободе. Со временем она, однако, получила отдельных прикащиков. Ко времени ее основания туринский воевода кн. Петр Романович Барятинский велел набрать в Устюге партию крестьян, чтобы посадить их с их семьями на пашню в Туринском уезде. Но так как в то время ссоры с Верхотурьем, о которых рассказано выше, были еще в полном разгаре, и верхотурский воевода предполагал, что эти люди предназначались для поселения в спорном пункте на реке Нице, то он задержал их на Верхотурье и отправил в новую слободу на реку Ирбит.[5] Это дало повод к новым жалобам и неудовольствиям. Постоянные старания тобольского воеводы кн. Григорья Семеновича Куракина восстановить права обиженной стороны оставались безрезультатными. Об этом деле с Верхотурья написали в Москву и должны были теперь ждать указа. Когда, наконец, пришел указ с выговором верхотурскому воеводе,[6] то крестьяне уже были поселены в Белослудской слободе, и было бы несправедливо переводить их снова в другое место, да и в указе было сказано, что в таком случае их следует оставить там, где они находятся. Слобода лежит на высоком восточном берегу реки Ирбита. Почва здесь состоит из белых глин, сверкающих блестками слюды, отчего и произошло название Белослудская. В 7157 (1649) г., для укрытия жителей, в случае неприятельских нападений, в слободе был построен острог с башнями и надолбами.[7] Расстояние этой слободы от Ирбитской обычно считается равным 40 верстам, но думается, что было бы достаточным принять его равным 32 верстам.

[1] Слободчиками называли людей, руководивших строением новых слобод.
[2] Приложения №№ 415, 418, 419 и 441.
[3] Приложения №№ 437 и 446.
[4] Приложения №№ 423, 425, 428 и 439.
[5] Приложение № 429.
[6] Приложения №№ 423 и 428.
[7] Приложение № 468.

§ 67. Краснопольская слобода в верховьях реки Невьи получила свое начало в 7153 (1645) г. и строилась не так успешно, как того желали.[1] Дело в том, что местность там не такая удобная, так как она уже начинает переходить в гористую, и возможно, что это было причиной, почему не сразу нашлись охочие люди для поселения там. Сын боярский Андрей Буженинов, бывший тогда прикащиком в Невьянской слободе, «прибрал» туда крестьян и дал название слободе по ее красивому местоположению. Может быть, название должно было способствовать привлечению новых крестьян. Межа с Мурзинской слободой была установлена по впадающей в Невью речке Беляковке. Эта межа была нарушена Мурзинской слободой в 7161 (1653) г. постройкой несколько выше, на речке Бродовой, деревни, но снова восстановлена уступкой этой деревни.[2] После этого в 7162 (1654) г. вновь принялись за строение слободы, для чего послали казачьего десятника Томилу Серебреникова в Соликамск, Чердынь, Кайгородок и Вятку, чтобы он набрал там пашенных крестьян из охочих людей.[3] В данном ему наказе, правда, говорилось, что решено поставить «новую слободу на Красном поле», но на самом деле эта была все та же слобода, и слово «новая» должно было служить только для лучшей приманки, так как было всегда легче привлечь желающих в совсем новое поселение, чем на такое, куда уже в течение нескольких лет безуспешно набирали людей. Но, как бы там ни было, крестьяне этой слободы никогда не имели причины раскаиваться в своем выборе. Если пашенной земли там не очень много, то она высокого качества. Дело заключалось в том, чтобы не называть в слободу больше людей, чем сколько могло в ней хорошо прокормиться. Краснопольская слобода лежит на речке Вилюе, впадающей в Невью с западной стороны, в 1½ верстах от ее устья. От Мурзинской слободы до нее считают 36 верст.

* § 68. Удобно расположенная на реке Пышме в Тюменском уезде Беляковская слобода возникла позже, после Белослудской и Краснопольской; ее основание нужно отнести к 7154 (1646) г., когда Максим Васильев и Сила Гаврилов получили в качестве слободчиков, по их челобитью, от тобольского воеводы Ивана Ивановича Салтыкова разрешение устроить на избранном ими месте слободу. Но не успели они приступить к делу, как угрозы некоторых тюменских жителей, смотревших с неудовольствием на поселение чужих людей в столь близком от себя месте, вынудили их, прежде чем продолжать свое дело, обеспечить себя сильной защитой. Царский указ от 11 ноября 7157 (1648) г.[4] подтверждал права слободчиков, предписывая оберегать их всячески от тюменских русских и татар. После этого, в 7158 (1650) г.,[5] тобольский воевода Василий Иванович Шереметев дал слободчикам новое разрешение призывать в Беляковскую слободу из соседних уездов пашенных крестьян. Хотя все источники согласно говорят о строении слободы около устья речки Беляковки, она все же была поставлена на 8 верст выше, на р. Пышме, в 83 верстах от Тюмени.

* 69. Рассказ о дальнейшем заселении реки Пышмы и устройстве слобод по рекам Исети и Тоболу мы отложим до продолжения этой «Истории». Необходимо добавить только, что под городом Верхотурьем в это самое время появилась слобода. Это те дворы, которые стоят напротив города на южном берегу реки Туры и носят название Заречной слободы, т. е. лежащей на другом берегу реки. Но эта слобода не была похожа на те, о которых говорилось выше, так как жители ее занимались городскими промыслами и находились в непосредственном ведении городских властей. Слобода возникла около церкви богородицы Одигитрии с двумя приделами во имя Георгия и Димитрия, построенной жителями города на противоположном берегу

[1] Приложение № 421.
[2] Приложения №№ 474, 476 и 478.
[3] Приложение № 477.
[4] Приложения №№ 442 и 463.
[5] Приложения №№ 469 и 470.

реки. В 1649 г. посадские люди, ямщики и крестьяне Верхотурского уезда отправили в Москву челобитную,[1] в которой писали, что в этой церкви нехватает необходимых церковных сосудов, колоколов и книг и просили прислать все это из Москвы, а также назначить ругу церковнослужителям. Верхотурский воевода предложил тогда переселить на новое место живших около города ямщиков, но это предложение было на серьезном основании отвергнуто в Москве, о чем сохранился царский указ от 15 ноября 7158 (1649) г.[2] Хотя нам и недостает некоторых известий о Заречной слободе, мы все же именно к этому времени можем относить ее возникновение.

* 70. Прежде чем мы вернемся на реку Енисей, скажу несколько слов о других населенных пунктах Западной Сибири, основание которых относится к этому же времени. Каурдацкий, Тебендинский, Ишимский, Вагайский и Тарханский остроги уже существовали в 1631 г.; в них имели пребывание служилые люди, присылавшиеся из Тобольска и ежегодно сменявшиеся; они должны были наблюдать за движением калмыков и Кучумовых царевичей и почасту доносить о них в Тобольск. Положение первого, второго и последнего острогов уже известно из предыдущего рассказа.[3] Ишимский острог лежит на реке Иртыше, немного ниже устья реки Ишима. О Вагайском остроге, как говорит само его название, известно, что он лежал на реке Вагае, но где именно, в точности неизвестно. В 1637 г. он был перенесен на то место, на берегу реки Вагая, где был холм, исстари называвшийся татарами Ат-баш, т. е. Лошадиная голова. По имени этого холма острог получил название Атбашского. Впоследствии острог был еще один раз перенесен на 26 верст выше по реке Вагаю, к устью речки Черной, но и здесь он сохранил свое прежнее название, и только в просторечии его иногда называют по речке, у которой он лежит, Черной слободой. Расстояние до него от Тобольска по большой дороге, идущей на Тару, равняется 97 верстам.

* § 71. По другую сторону Тобольска на нижнем течении реки Иртыша также появились новые поселенцы, потому что жившие там и по реке Оби остяки жаловались на трудности ямской гоньбы между Тобольском, Березовом и Сургутом и просили поставить у них русскую ямскую слободу.[4] Поэтому на восточном берегу реки Иртыша были устроены две ямские слободы — Демьянский и Самаровский ямы, а московский дворянин Иван Погожей, по царскому указу, «прибрал» для них в 7145 (1637) г. у Соли Вычегодской, на Чердыни и у Соли Камской охочих людей и переселил их в эти слободы.

§ 72. Вначале препятствием для постройки этих слобод явилась местность, где находились эти слободы, мало пригодная для развития хлебопашества, являвшегося необходимым условием для поселения ямщиков. На основании указа 24 декабря 7148 (1639) г. предполагалось ямщиков обеих слобод, вместе с их семьями, отправить в Томск пахать пашню, а остяков заставить опять гонять подводы, за что уменьшить им наполовину оклад ясака. Но остяки били челом и добились того, что все осталось попрежнему. Они отвели ямщикам Демьянского яма необходимое количество пашенной земли. Ямщики же Самаровского яма, хотя не были полностью удовлетворены землей, скоро нашли в этой же местности другие средства существования — в находившихся здесь в изобилии рыбе и дичи, и это возместило им недостающую пашню. Местоположение обеих слобод и происхождение их названий нам уже известно из предыдущего изложения.[5]

---

[1] Приложение № 467.
[2] Приложение № 466.
[3] О Каурдацком остроге см. «Историю Сибири», I, стр. 259; о Тебендинском — ibid. стр. 259; о Тарханском остроге — ibid., стр. 198, 222.
[4] Приложения №№ 383, 424 и 484.
[5] История Сибири, I, стр. 242, 243, 246.

* § 73. Точно так же продолжали основываться новые поселения и в более отдаленных местностях. Так, например, в том месте, где из слияния Бии и Катуни[1] образуется великая Обь, уже в 1633 г. существовало предположение поставить острог.[2] Этим хотели не только несколько смирить живущие там поблизости народы, но думали подчинить некоторые из них. На этот раз поставить острог не удалось вследствие недостаточности принятых мер для подавления вражеского сопротивления. 20 июля 7141 (1633) г. томский воевода кн. Иван Федорович Татев приказал томскому сыну боярскому Федору Пущину с 60 казаками итти вверх по Оби на реку Бию ставить острог. Пущин отправился в путь водою, но дошел только до реки Чумыша, откуда, в виду враждебного нападения телеигутов и калмыков, он принужден был после 5-дневного боя повернуть обратно. После этого в 1651 г. один знатный калмык,[3] прибывший в Кузнецк под русскую защиту, предложил, в качестве лучшего средства для обеспечения безопасности русских границ и для дальнейшего их расширения, построить в указанном месте острог. Но острог все же не был тогда построен. Заселение этой местности осталось на долю нынешнего века, и при этом здесь произошли большие перемены, о которых будет сказано дальше.

* § 74. Успешно пошло дело с постройкой в 1641 г. острога в Томском уезде; этот острог должен был держать в повиновении киргизов. Для построения его был отправлен воевода Яков Тухачевский,[4] который выбрал для острога место в Ачинской волости на реке Июсе. Это был Ачинский острог, который был построен тогда у озера Сызырима, к востоку от реки Июса, примерно в 60 верстах к северу от большой Красноярской дороги и перевоза на этой реке. Нападение киргизов в 1682 г., во время которого Ачинский острог был полностью разрушен и сожжен, было причиной того, что новый острог был поставлен уже ниже по течению Июса, на его восточном берегу, в расстоянии приблизительно 100 верст от Мелесского острога.

§ 75. Другой острог в Томском уезде, названный Сосновским, был основан в 1656 г. и в следующем году укреплен.[5] Он был построен исключительно в целях увеличения здесь государевой десятинной пашни; почва оказалась здесь настолько плодородной, что в первый же год дала урожай сам 13. Сосновский острог находится в 58 верстах от Томска, вверх по реке Томи, около устья реки Сосновки, впадающей в Томь с восточной стороны.

* § 76. На реке Енисее мы должны упомянуть сперва о двух таможенных заставах, которые в настоящее время больше не существуют, но тем не менее должны быть отмечены из-за путей, на которых они были поставлены. Одна такая застава находилась в 1631 г. у впадения в реку Енисей реки Сыма,[6] по которой шел обычный путь водою к реке Тыму и далее в реку Обь. Обе реки — Тым и Сым — вытекают из большого болота, в котором было достаточно воды, чтобы лодки, на которых совершалось плавание, без большого труда можно было перетащить через него. Этот путь был более короткий, чем путь по реке Кети, и им стали пользоваться раньше, чем последним.

* § 77. Около 1642 г. упоминается другой путь,[7] который по реке Вах, впадающей в Обь, подходил к реке Елогую, впадающему в Енисей, и был удобнее первого: между Вахом и Елогуем, вернее, между двумя речками — Волочанкой и Черной, впадающими в Вах и Елогуй, имеется только небольшой волок, через который

[1] Следовало бы говорить Катунь, так как это слово означает — женщина, знатная повелевающая женщина. Би означает — господин.
[2] Приложения №№ 304, 306 и 314.
[3] Приложение № 472.
[4] Приложение № 416.
[5] Приложение № 480.
[6] Приложение № 288.
[7] Приложение № 410.

грузы и суда можно было перетащить посуху. Этим путем пользуются иногда и теперь, особенно торговые люди, едущие из Тобольска в Туруханск, так как при этом выигрывается много времени. Но в те времена оба эти пути были запрещены с тем, чтобы торговые и промышленные люди не могли проезжать мимо таможни в Енисейске и чтобы ими не могли пользоваться беглые. Если же торговые люди все же прибывали с Оби на Енисей по этим путям, то они должны были платить за свои товары пошлины на имевшихся здесь заставах.

* § 78. Между тем Туруханск приобретал все больше значения, так как удобное положение этого зимовья поблизости от реки способствовало новым открытиям и завоеваниям и заставляло предпочесть его городу, тесно замкнутому в своих границах, каким была Мангазея. Кроме того, подвоз продовольственных запасов по Енисею был гораздо удобнее подвоза через Тазовскую губу.[1] В Мангазее не меньше, чем в других местах, принимались меры к объединению под российским скипетром новых земель и народов. Река Нижняя Тунгузка открывала мангазейским служилым людям путь на реку Лену, где они впервые обложили ясаком якутов. Реки, впадающие в Студеное море между Енисеем и Леной, были открыты мангазейскими служилыми людьми. Благодаря этому Туруханск становился центром Мангазейского уезда и имел больше возможности получать продовольствие, что, в свою очередь, привлекало к поселению там охочих людей. Соболи «испромыслились» на реке Тазу, тогда как по Енисею и по рекам, впадающим в него с востока, они водились в изобилии. Подвоз продовольствия в Мангазею из Тобольска через морскую губу, именовавшуюся по впадающим в нее рекам Оби и Тазу, был крайне труден: не одно судно погибло в ней вместе с людьми и грузами или, будучи выброшено на берег, было разграблено самоедами. Путь от Березова на Мангазею по суше, которым также иногда приходилось пользоваться, был труден и продолжителен. Все это делало вполне естественным, что Мангазея стала понемногу приходить в упадок, а Туруханск, где встречались служилые люди из всех ясачных зимовий и промышленные люди, возвращавшиеся с соболиных промыслов, и где каждое лето была непрерывная ярмарка, стал все более процветать.

* § 79. При таких благоприятных условиях мангазейские воеводы и таможенные головы отправлялись обычно в весеннее время из Мангазеи в Туруханск, производили там закупки для государевой казны и осенью возвращались обратно в Мангазею. Воевода Григорий Никитин сын Орлов жил в 1634 и 1635 гг. все время в Туруханске, оставив в Мангазее для ведения всех дел дьяка Василья Атарского. Воевода Федор Исаков сын Байков жил в 1650 г. в Туруханске, несмотря на то, что при нем не было дьяка, которому он мог бы поручить Мангазею. Таможенные головы имели теперь постоянное пребывание в Туруханске. Но Туруханск все еще назывался зимовьем. Он получил права города только в 1672 г., когда царским указом было велено воеводе и всем жителям Мангазеи оставить старый город и переселиться в Туруханск, где должна была быть построена новая Мангазея. Кроме своего старого названия Туруханск также стал называться Мангазеей; это название в настоящее время чаще всего употребляется в документах.

* § 80. Трудно предположить, что Мангазея и Туруханск сделали что-либо для распространения земледелия, так как этому совершенно не благоприятствовало их северное положение. В то время граница между Мангазейским и Енисейским уездами, проходящая вдоль горной цепи, пересекающей Енисей, у северного подножия которой течет река Подкаменная Тунгузка, не была еще точно определена, как это сделано теперь, и жители Мангазеи думали, что не нарушат прав Енисейска, если поставят на южном склоне этих гор слободу и заведут там пашню. Это была основанная в 1637 г. Дубческая слобода, принадлежащая ныне к Енисейскому уезду. По одному

[1] Приложения №№ 445 и 447.

из первых поселенцев, промышленному человеку Ивану Ворогову, эта слобода обычно называется Вороговой. Хотя при основании было указано, что поселение должно находиться между реками Дубчесом и Тынгиламом (ныне Тунгулан) и островом Анбетовым, но под слободу было выбрано место в 14 верстах ниже реки Дубчеса, на западном берегу р. Енисея, откуда до Енисейска считается 316 с половиною верст.

* § 81. Заселение других, хотя и более удобных для земледелия местностей по р. Енисею происходило еще медленнее. В 1650 г., когда енисейский и красноярский воеводы стали одновременно заводить поселения на реке Енисее в том месте, где сходятся оба уезда, между ними возник спор.[1] Красноярские воеводы жаловались на захваты енисейских воевод и енисейских служилых и крестьян, но сами причислили к Красноярскому уезду более 40 верст берега Енисея, который после размежевания оказался включенным в Енисейский уезд. Граница была сначала проведена выше имеющегося в этом месте на реке Енисее порога, там, где в Енисей впадает речка Караульная. Между прочим к этому же времени относится возникновение Надпорожской слободы и погоста Казачий луг — двух поселений, принадлежащих к разным уездам, о землях которых шел тогда спор. Оба лежат на западном берегу р. Енисея, один в 190 верстах от Красноярска, другой — в 150 верстах от Енисейска. Расстояние между обоими равняется приблизительно 50 верстам.

§ 82. В 1637 г. предполагалось поставить острог в Красноярском уезде, близ устья реки Тубы или Упсы, впадающей в реку Енисей, а затем такой же острог хотели построить на реке Кан.[2] Но первое предположение не было тогда выполнено и было осуществлено только в 1653 г.,[3] когда, в виду нападения монголов, тубинцы сами просили об устройстве в их земле острога. Второе предположение было осуществлено в 1640 г. Напомню, что уже в 1628 г. на реке Кан было основано ясачное зимовье.[4] Вместо него теперь построили Канский острог, который был довольно сильно укреплен и в него «прибраны люди» на житье; основание острогу по распоряжению красноярского воеводы Федора Михайлова сына Мякинина было положено атаманом Никифором Кольцовым. Канский острог находится на юго-западном или левом берегу реки Кана, в 190 верстах от его впадения в Енисей, и на большой дороге, в 162 верстах от Красноярска. Благодаря острогу, можно было с большим успехом держать в повиновении котовцев и камасинцев и удерживать бурят от набегов на эту сторону Кана, так как здесь они обычно переправлялись через Кан, почему это место прежде называлось Братским перевозом.

§ 83. Как для умножения земледелия необходимо было переселять из России крестьян, точно так же, если хотели продолжать завоевывать новые земли и объясачивать все новые народы, все время нужно было увеличивать в Сибири число служилых людей, ставить новые города и остроги и защищать их от врагов. Главные военные силы находились в Тобольске. Оттуда отправляли служилых людей в дальние места, и редко кто-либо из них возвращался обратно. Было необходимо как-то их заменять. Правда, в Тобольске и в иных местах принимали на службу охочих людей всех чинов, но главных пополнений совершенно основательно ожидали из России. В виду этого, например, в 1630 г. дворянину Григорию Шестакову было приказано набрать в Вологде, Тотьме, Устюге и Соли Вычегодской 500 человек служилых людей и отправить их в Сибирь.[5]

* § 84. С другой стороны, в Сибири были трудности с обеспечением молодого поколения женами, так как ни военная добыча, ни то, что отряды служилых людей при открытии новых земель и покорении новых народов завладевали прежде всего

---

[1] Приложение № 473.
[2] Приложение № 365.
[3] Приложение № 475.
[4] См. гл. 7, § 50.
[5] Приложение № 284.

женщинами и девушками, не могли всех удовлетворить. Если раньше архиепископ Киприан обвинял служилых людей в том, что они во время своих поездок в Москву соблазняли женщин и девушек и увозили их с собой в Сибирь,[1] то теперь названному выше Шестакову царским указом было поручено «прибрать» в тех же городах, кроме указанного числа служилых людей, по их доброй воле еще 50 женщин и девушек, которые предназначались, главным образом, для Енисейского острога.[2] О дальнейшей судьбе этого необычайного сватовства мы не имеем сведений.

§ 85. Таким образом всячески заботились о заселении Сибири и для этого пользовались всевозможными средствами. Нельзя отрицать, что военные беспокойства иногда препятствовали этим благим начинаниям, но препятствия эти никогда не имели серьезного значения. Столкновения с Кучумовыми царевичами и с калмыками продолжались непрерывно, но они приносили больше пользы русским, чем врагам, как мы это увидим из следующей главы. Можно думать, что в отдаленных походах многие служилые люди должны были погибать от недостатка продовольствия, так как редко кто мог знать наперед, как далеко предстоит ему итти и на сколько времени нужно взять ему запасов. Но такие случаи все же бывали исключением. Перемена воздуха, пищи и воды никому не приносила вреда. Вся Сибирь как в своей южной, так и в северной частях является вообще одним из наиболее здоровых краев во всем мире. Бывали примеры того, что тамошние жители, будучи переселены в Россию, скоро умирали; это нужно отнести главным образом за счет перемены в пище и в питье; но не было слышно, чтобы сибирский воздух или образ жизни повредил русскому человеку. Наоборот, утверждают, что люди излечивались от лихорадки тем, что переезжали на короткое время с юга на север. Это особенно подтверждается опытом жителей Енисейска, предпринимавших в таких случаях поездки в Туруханск.

* § 86. В отдаленных восточных местностях Сибири оспа является бесспорно новой, привезенной уже в русские времена, болезнью. Отсюда можно с вероятностью заключить, что и в западных местностях Сибири ее прежде почти не знали, поскольку живущие там народы вели с восточными одинаковый образ жизни и, вследствие отсутствия сношений с живущими далее на западе, имели прежде меньше возможности получить эту болезнь. У нас нет более ранних известий об оспе в Сибири, чем о бывшей в Нарыме в 1630 г. Оспа могла свирепствовать среди русского населения Тобольска и других городов и не получить отражения в переписке, но о туземных народах, вследствие особых, связанных с ними обстоятельств, нельзя было бы умолчать. Эта заразная болезнь причиняет остяку, тунгусу, якуту и др. тем больше вреда, что они правильной диэтой и умеренным теплом не в состоянии избежать дурных последствий этой болезни. Отсюда происходит, что редко кому-нибудь из них удается выздороветь. Поэтому люди, как только услышат о появлении ее в городе, разбегаются по тайге. Это обычно приводит к значительному уменьшению ясачного сбора. Местные власти, для оправдания себя, должны были доносить своему начальству о причинах уменьшения сбора. От более раннего времени такой переписки мы не находим. В октябре и декабре 1631 г. из Туруханского зимовья сообщали,[3] что оспа нанесла там большой урон среди остяков и самоедов. Это можно рассматривать как продолжение эпидемии, бывшей в Нарыме в предыдущем году. Она появилась в Нарыме вторично в 1664 г. и от нее умерло особенно много кетских остяков. Якуты впервые узнали про эту заразную болезнь в 1652 г. В 1681, 1691 и 1695 гг. эпидемия повторялась. Эпидемия 1691 г. из всех прежде бывших имела самые печальные последствия, так как, кроме якутов и тунгусов этой области, от нее умерло также много русских. В том же году эпидемия распространилась до р. Колымы. а в 1714 г. —

[1] См. гл. 8, § 32.
[2] Приложение № 284.
[3] Приложения № 289, 296, 297 и 313.

и до Анадыря. На Камчатке до нашего времени оспы еще не бывало, но зато было замечено, что если камчадал попадал в Сибирь или в Россию, он легко заражался оспой и обычно умирал от нее. Может быть, это подтверждает мнение, что оспа не есть болезнь, свойственная самой природе человека. Но в таком случае необходимо выяснить, почему же, при известных свойствах воздуха, пище и образе жизни, человек так долго не знал этой болезни, а затем, при неизменившихся условиях, она все же появилась также в тех отдаленных областях.

§ 87. Мне хотелось бы сказать еще несколько слов о высшем управлении сибирскими делами в Москве. Издавна для всех главных частей государства имелись в Москве главные приказы, называвшиеся четвертными. Так, например, существовала Новгородская четверть, Устюжская четверть, Малороссийский приказ, Казанский дворец и т. д. Туда направлялись отписки из тех областей, по которым получили свое название эти приказы, и из этих приказов эти области получали указы. В приказе сидел боярин, имевший иногда при себе товарища; ему был подчинен один или несколько дьяков. Дьяки имели гораздо больше значения, чем наши теперешние секретари; они иногда стояли даже во главе приказа. Что касается Сибири, то тщательное изучение относящихся к этому архивных материалов позволяет сказать следующее.

* § 88. Когда завоевание Сибири было еще делом новым и на эту область смотрели, как на что-то чужеземное, тогда высший надзор за тамошними делами принадлежал Посольскому приказу, в котором писал государевы указы и принимал отписки сначала дьяк Андрей Щелкалов, а после него дьяк Василий Щелкалов. Первый из них упоминается в документах о построении Пелыма и Тары в 7101 и 7102 (1593—1594) гг., но без указания, что он дьяк Посольского приказа. Второй встречается в разных документах 7103 (1595) г. с точным указанием именно этого приказа. С 7104 по 7107 (1596—1599) г. находим подписи дьяка Ивана Вахрамеева, приказ которого назывался по его имени — четью дьяка Ивана Вахрамеева. Это было при царе Федоре Ивановиче.

* § 89. Царь Борис Федорович Годунов в 1599 г. приказал ведать Сибирь тому приказу, который управлял также Казанью и Астраханью. Он назывался Казанским и Мещерским дворцом, а иногда и просто Казанским дворцом. Название Мещерский происходит от мещерских татар, живших в местностях, входящих в теперешнюю Нижегородскую губернию, а тогда бывших также в подчинении у этого приказа. Дворцом же этот приказ назывался потому, что в прежние времена, когда Казань была еще не окончательно покорена, в доме этого приказа жили во время своего пребывания в Москве некоторые казанские ханы, и всякие правительственные распоряжения делались от их имени, хотя соответствующие указы и писались по повелению русского великого князя русскими приказными людьми. С 7107 по 7112 (1599—1604) г. в Казанском дворце были дьяки Афанасий Власьев и Нечай Федоров; за время же с 7112 по 7114 (1604—1606) г. мы встречаем одного Нечая Федорова; когда умер царь Борис, в Казанском дворце сидели бояре кн. Дмитрий Иванович Шуйский и кн. Василий Казикарданукович Черкаский и дьяки Алексей Шапилов и Андрей Иванов. После того, во время Лжедмитрия и при царе Василии Ивановиче Шуйском, в приказе был кн. Дмитрий Иванович Шуйский с названными выше дьяками. Как брат царя, он пользовался тем преимуществом, что упоминался в приказах один, без дьяков; имена последних мы находим только в подписях под грамотами.

§ 90. Во время междуцарствия, когда поляки сделались хозяевами в Москве, с 1610 по 1613 г., в Казанском дворце как будто бы не было ни бояр, ни дьяков, так как в указах того времени, из которых до нас дошли только немногие, не называется боярин, сидевший в приказе, и не имеется подписи дьяка. Может быть, это делалось из нежелания объявлять свое имя в такое смутное время, или же, может быть, польские магнаты забрали власть и там, где не смели себя даже назвать.

Возможно и то и другое. Но так как Алексей Шапилов в 1613 г. снова появляется в Казанском дворце в качестве думного дьяка, то можно думать, что и во время междуцарствия он находился в том же приказе. В то же самое время в Сибирь приходили указы от воевод кн. Димитрия Тимофеевича Трубецкого и кн. Димитрия Михайловича Пожарского, как от защитников отечества, объединившихся против поляков и осадивших их в Москве, и к ним же отправлялись отписки из Сибири.

§ 91. Когда в 1613 г. на престол вступил царь Михаил Федорович, Казанский дворец опять получил свое прежнее устройство. В этом и в следующем 1614 г. в нем сидел думный дьяк Алексей Шапилов. Имена других дьяков мы для краткости упоминать не будем. В 1619 г. в Казанский дворец был назначен главным судьей боярин князь Алексей Юрьевич Сицкой, который оставался там до 1624 г. После него с 1624 по 1632 г. был боярин кн. Дмитрий Мамстрюкович Черкаский, на место которого в 1635 г. вступил боярин кн. Борис Михайлович Лыков.

§ 92. В 1637 (7145) г., вследствие умножения дел и для продажи сибирских товаров, поступавших частью в виде таможенных сборов, признано было необходимым создать в Москве особый приказ, названный Сибирским приказом. Боярин кн. Борис Михайлович Лыков сохранил в нем за собою то место, которое он занимал в Казанском дворце, и оставался в нем до 1643 г. С 1643 по 1646 г. начальником Сибирского приказа был боярин кн. Никита Иванович Одоевский.

§ 93. В правление царя Алексея Михайловича в Сибирском приказе были следующие начальники: боярин кн. Алексей Никитич Трубецкой вступил в июне 1646 г. и оставался до 1662 г., с 1663 по 1680 г. был окольничий Родион Матвеевич Стрешнев, которому в 1678 г. был придан в товарищи стольник Богдан Федоров сын Палибин.

§ 94. В 1676 г. на престол вступил царь Федор Алексеевич, и при нем в 1680 (7188) г. место Стрешнева заступил боярин кн. Иван Борисович Репнин со своим товарищем стольником Кириллом Аристарховым сыном Яковлевым. Царь умер в 1682 г., князь же Репнин оставался в этой же должности также в правление царей Иоанна и Петра Алексеевичей до 1697 г. В этом году вступил его преемник думный дьяк Андрей Андреевич Виниус, обрусевший иноземец, соединявший в себе большое умение с ревностью и усердием на пользу общую. Чтобы ближе ознакомиться с положением дел в Сибири, он в 1702 г. предпринял туда путешествие. С 15 октября по 20 ноября он находился в Тобольске. Ему Сибирь обязана многими хорошими учреждениями, в особенности по части горного дела и китайского торга. Указы этого времени, насколько это было совместимо с приказными обычаями, написаны прекрасным языком. С 1704 по 1705 г. Сибирским приказом управлял кн. Федор Юрьевич Ромодановский, хотя в указах он нигде не упоминался. Его главное присутствие было в Преображенском приказе, куда и отправлялись с докладами дьяки Сибирского приказа.

§ 95. Наконец, в начале 1706 г. главным судьей в Сибирском приказе сделался кн. Матвей Петрович Гагарин, проведший много лет в Сибири воеводою и хорошо поэтому знавший все тамошние дела. Он сумел завоевать себе особое доверие Петра I и кн. Меншикова. Его деятельность была во многом плодотворна для Сибири, хотя позднее он за нее и был привлечен к ответственности. В 1707 г. кн. Гагарин получил чин генерала-президента. В 1708 г. он назывался генерал-президентом и губернатором Московским, после чего в 1711 г. получил наместничество в Сибири. Последующие годы он провел преимущественно в Тобольске. Тем не менее и Сибирский приказ оставался в его ведении. От 1711 г. имеются указы из Сибирского приказа, подписанные комиссаром Данилой Никитиным. Сибирский приказ в это время, значит, надо рассматривать, как экспедицию Тобольской губернской канцелярии; так продолжалось до падения князя Гагарина в 1718 г.

§ 96. После этого Сибирский приказ получил одинаковое устройство со всеми государственными коллегиями. Хотя он был подчинен Правительствующему сенату, но, как и прежде, ведал высшим управлением Сибири. Образование этого промежуточного управления нужно объяснить тем, что если бы его не было, как не было подобных учреждений над другими губерниями, то Сенат оказался бы перегружен сибирскими делами.

Глава девятая

ПРОДОЛЖЕНИЕ ИСТОРИИ ЗАПАДНОЙ СИБИРИ. СОБЫТИЯ, КАСАЮЩИЕС МЕСТНЫХ И ПОГРАНИЧНЫХ НАРОДОВ. СНОШЕНИЯ И ВОЙНЫ С КУЧУМОВЫМІ ЦАРЕВИЧАМИ И С КАЛМЫКАМИ

§ 1. Увеличение и уменьшение численности сибирских пародов, их верност и неверность, бесконечные возмущения в тех случаях, когда они могли рассчиты вать на успех; препятствия, чинимые ими русским, вследствие которых многие на чинания последних не имели успеха; гибель русских людей и потеря имущества – вот события, которые будут описаны в этой главе. Калмыки и находившиеся с ним в союзе царевичи из рода последнего сибирского хана имели слишком много связе с сибирскими народами, чтобы можно было не коснуться их истории. Начало этом сделано в гл. 6; настоящая является ее продолжением.

§ 2. В те времена в Томском уезде были населенные татарами укрепленны места, или так называемые городки, которые должны были служить защитой от на бегов калмыков, но все же не всегда могли удержать их от попыток нападений. Не подалеку от города Томска, на острове на реке Томи, лежал Тоянов городок. Ниж по той же реке, неизвестно, однако, в каком расстоянии от города, лежал Евагин го родок. В устье реки Томи был Ишкеиеев городок, и еще один, не имевший наим нования, находился на реке Оби, в так называемой Кривой луке. Эти городки упс минаются в наказе, данном в 7119 (1611) г. атаману Ивану Павлову,[1] послан пому после происшедшего в Москве переворота для приведения татар к шерти в верность и службу. Чатский городок, тогдашнее главное поселение чатских тата лежащий на западном берегу Оби, на большой дороге между Томском и Тарой, вы держал в 7125 (1617) г. тяжелую осаду,[2] во время которой в течение 3 недел два тайши Пегын и Абак с 1000 калмыков упорно приступали к нему, но все ж не могли причинить ему значительного вреда. Чатские мурзы, среди которых самы видным был Тарлав, всегда имели при себе для оберегания нескольких казаков и города. Благодаря им городок удалось отстоять, и чатские татары, кроме немного убитых и раненых, не понесли больших потерь.

§ 3. Под именем тайши Абака следует разуметь телеутского князца Абак: о подчинении которого было рассказано в гл. 5 настоящей «Истории».[3] Он снов отпал от России. В 1621 г. были посланы к нему из Томска сын боярский Баже Карташев и чатский мурза Тарлав, чтобы привести его к подчинению.[4] Абак да шерть на верность. Но не было ничего более непостоянного и более неверного, чс обещания и торжественные шерти на верность народов, подобных телеутам. Он

[1] Приложение № 97.
[2] Приложение № 123.
[3] История Сибири, I, стр. 317.
[4] Приложение № 162.

жили в степи, кочуя с места на место, и знали, что до них не легко добраться. Они только тогда показывали покорность, когда, под давлением других врагов своих, были вынуждены приближаться к русским пределам или когда могли опасаться нападения со стороны русских. Но как только проходила опасность, данная ими шерть переставала беспокоить их совесть. Единственным побуждением к действию была их собственная польза: если они могли рассчитывать на безнаказанность, то никакие рассуждения не могли удержать их от грабежа, а потому и теленгуты оставались верными до тех пор, пока это казалось им выгодным.

§ 4. 16 мая 7132 (1624) г. теленгуты неожиданно появились под Томском.[1] Русские, застигнутые в поле, были перебиты, а лошади их угнаны с пастбищ. Правда, говорили, что нападение произошло без ведома Абака, но это была только отговорка. Тогда к теленгутам были отправлены послы выговаривать им за учиненную ими обиду. Одного из послов они убили, а другого ограбили и отослали обратно. В следующем (1625) г. один казанский татарин привез заверения Абака, что он раскаялся в своем вероломстве и изъявляет готовность подчиниться русской власти и даже лично явиться в Томск, как только возвратится из поездки к калмыцкому тайше Каракуле.

* § 5. Тайша Каракула был в то время самым знатным среди калмыцких князцов. От него происходили по прямой линии калмыцкие владельцы джунгарского поколения, которые кочевали по реке Или, и с него начинается, по их собственному признанию, родословие этих калмыцких князцов.[2] Первое известие о нем относится к 7127 (1619) г.,[3] когда один пленный литвин, служивший в Тобольске, был отправлен к нему послом, чтобы уговорить стать под высокую царскую руку. Каракула обещал это сделать и прислал с литвином в Тобольск своих послов, которым было разрешено отправиться в Москву. О дальности ставки Каракулы и о нахождении ее по ту сторону гор, отделяющих Сибирь от страны калмыков, можно заключить по тому, что поездка Яна Кучи — так звали литвина — потребовала целых шесть месяцев.

§ 6. О послах Каракулы, бывших в Москве, известно, что их было трое; самого знатного из них звали Айнучай или Айнучак;[4] 22 июня 7128 (1620) г. они были отпущены из Москвы, причем их провожал томский атаман Иван Белоголов. 13 октября 7129 (1620) г. они прибыли на Тару и оттуда отправились прямо в обратный путь к Каракуле, вместо того чтобы ехать, как раньше, через Томск. Об их посольской деятельности нет никаких известий в сибирских архивах. Может быть, их удастся найти в архиве бывшего Посольского приказа, ныне Коллегии иностранных дел.

§ 7. В это время калмыки опять вели кровопролитную войну с монголами, имевшую такие же последствия, как и предыдущая.[5] Еще большее число калмыков было принуждено оставить свои кочевья по ту сторону Алтайских гор и переселиться в Сибирь. Начал эту войну тайша Каракула. Его набеги заставили взяться за оружие Алтын-хана. Так как одновременно и Казахская орда напала на калмыков, то калмыки оказались окруженными двумя врагами и, по всей вероятности, были бы разбиты, если бы дорога через горы к русским пределам не дала им возможности спастись. Тайши Талай, Курачалай и Мерген пришли на реку Обь. Из Томска был послан евштинский князец Тоян к теленгутам,[6] чтобы через них узнать о про-

---

[1] Приложение № 227.
[2] См. «Известия Унковского» в т. I «Sammlung Russischer Geschichte», стр. 123.
[3] Приложение № 147.
[4] Приложения №№ 148 и 153.
[5] История Сибири, I, стр. 317.
[6] Приложение № 173.

исшедшем. По его возвращении, 21 августа 1621 г., в Томске стало известно, что калмыки, все еще опасаясь нападений со стороны монголов и Казахской орды, поставили для своей защиты городок на устье реки Чумыша, в Кузнецком уезде. О тайше Каракуле, названном здесь Карагулой, сообщалось, что его жены и дети попали в плен к Алтын-хану. Но нас сейчас должны интересовать не те события, которые произошли с главным поколением калмыков, а связанные с мелкими калмыцкими князцами, постоянно тревожившими сибирские пределы.

§ 8. Недостаток соли в Томске из-за прекращения подвоза из Тобольска вызвал необходимость поисков в приобских степях новых соляных озер, что и привело к более близкому знакомству с калмыками. Для проведывания соляных озер весною 1621 г. был отправлен сын боярский Остафей Харламов.[1] Вскоре было найдено соляное озеро. Но так как в тамошних местах существует несколько соляных озер,[2] где летом от солнечного зноя соль в виде кристаллов осаждается на дно, то неизвестно, которое именно озеро было открыто тогда. Харламов повстречал калмыцкого тайшу Мангута, который, казалось, был склонен стать под высокую царскую руку и даже отправил послов в Томск объявить о своей готовности. Вследствие этого к Мангуту был отправлен польский шляхтич Мартын Боржевицкий, служивший в Томске, чтобы укрепить тайшу в его намерении принять русское подданство и привести его к шерти. Как раз в это время в степи появились калмыцкие князцы, прогнанные Алтын-ханом и Казахской ордой, причем некоторые из них, как тайши Талай, Бабаган, Мерген, Шокур и Саун, поставили свои юрты около новооткрытого соляного озера. Таким образом путь к соли был ими закрыт.

§ 9. Даже местности по реке Тоболу не были пощажены от калмыцких набегов. В октябре 7129 (1620) г. к озеру Щучьему, в 4 днях пути от Тюмени, прибыл тайша Сайчак с царевичем Ишимом, сыном хана Кучума, и принес весть о том,[3] что калмыки, разбитые Алтын-ханом, вынуждены были спасаться в русские пределы. Значительное число калмыков стало также по ту сторону Тары, к западу от реки Иртыша, по речке Камышлову.

* § 10. В том же 1621 г., как обычно, послали за солью к Ямышеву озеру. При этом не обошлось, вероятно, без столкновений с калмыками, так как некоторые черкасы, служившие у русских на соляных судах, перебежали к калмыкам.[4]

* § 11. Бухарский посол Чабак Балыков, государь которого Имамкули[5] был царем или ханом в Бухарии, приехал 23 октября 7131 (1622) г. на Тюмень, имея при себе караван бухарских купцов,[6] с которым он хотел продолжать свой путь в Тобольск. Посла отпустили, а купцы должны были продавать свои товары на Тюмени.[7] В Тобольске, от тамошнего бухарца, ездившего с посольством к калмыцкому тайше Чогуру или Чокуру, сыну Каракулы, узнали несколько подробностей о войне между калмыками и монголами.[8] Тайша Каракула неожиданно напал с 4000 своих людей на Алтын-хана в его стан. Последний должен был бросить все и едва спасся бегством. Богатая добыча и множество пленных были наградой за смелое предприятие. Но Алтын-хан с 7000 человек погнался за Каракулой. При этом он прибегнул к хитрости: он разделил своих людей на две части, из которых одна в 4000 человек была направлена окольной дорогой для нападения на калмыков спе-

[1] Приложение № 170.
[2] Кулундинское, Бурлинское и Карассунское.
[3] Приложение № 155.
[4] Приложение № 209.
[5] Об Имамкулихане см. Абулгази «Histoire généalogique des tatares», стр. 720, 761.
[6] Приложение № 183.
[7] Приложение № 205.
[8] Приложение № 191.

реди, в то время как другая ударила сзади. Вследствие этого только самому Каракуле с одним из его сыновей удалось спастись бегством.

* § 12. Среди калмыцких тайш, кочевавших по берегам Тобола, был Зенгул или Изенгул, который осенью 1621 г. напал на Уфимский уезд и нанес сильное поражение башкирам.[1] Калмыки, впрочем, показали свойственное им в тогдашних условиях миролюбие. Какой-то башкир застрелил на охоте калмыцкого мальчика, неспособного еще носить оружие. Тогда тайша Куралай, находившийся с 40 человеками в Хама Карагае, в верховьях Тобола, взял за этого убитого 2 лошадей, 10 лисиц и 2 стрелы, которыми мальчик был застрелен, и отдал их отцу в возмещение потери сына и в знак того, что калмыки желают и впредь подобные столкновения разрешать по обычаю, не пользуясь ими, как поводом к открытым враждебным действиям.

* § 13. Тогда же стало известно, что многие калмыцкие князцы отправились со своими людьми на войну против ногайских татар, что царевич Ишим взял в жены дочь калмыцкого тайши Урлюка и кочует вместе со своим тестем. Ишим будто бы был сильно раздражен продолжительной задержкой его посла, в то время как калмыцкие послы уже возвратились оттуда. Калмыки, однако, заверяли, что они не станут помогать Ишиму, если он, как предполагалось, будет беспокоить своими набегами русские пределы. Об одном из знатнейших калмыцких тайш, Байбагише, сообщали, что он пришел со всеми своими людьми к Тоболу, и в местности, где когда-то останавливался (во время своего бегства) хан Кучум, в двух днях пути от принадлежащей к Уфе Ера-Табынской волости, раскинул свой стан. Монголы преследовали калмыков до самых прииртышских степей. Передовые монгольские отряды, состоявшие из народа чагаров, и несколько меньших калмыцких тайшей находились в постоянных столкновениях друг с другом.

§ 14. Еще больше известий было получено на Тюмени, когда 5 декабря 7131 (1622) г. возвратился с охоты из степи один местный татарин,[2] встретивший в 4 днях пути от Тюмени, на реке Середнем Юртяке (ныне Утяк), калмыцкого тайшу Талая. Вероятно, это был тот самый Талай, о пребывании которого в приобских степях упоминалось за год до этого.[3] При нем находилось несколько людей царевича Ишима, и казалось, что он держит сторону тайши Урлюка, так как Талай давал понять, что Урлюку было бы приятно, если бы с Тюмени отправили к нему посольство. Царевич Ишим кочевал в то время около Хам-Карагая, на Тоболе, в 7 днях пути от Тюмени. С Тюмени были посланы тогда казаки проведать о калмыках. Некоторые из них дошли вверх по Тоболу до места, называемого «Царево кочевье», другие направились к реке Ишиму. По своем возвращении они сообщили о множестве калмыцких следов, шедших в различных направлениях, которые они заметили в степи.

* § 15. Известия об этом не успели еще дойти до Тобольска, когда тобольский воевода боярин Матвей Михайлович Годунов решил отправить к тайше Талаю посольство,[4] выбрав для этой цели тобольского сына боярского Дмитрия Черкасова и тобольского татарина Кельмамет Якшигильдеева, которые в феврале 1623 г. отправились в путь через Тюмень, вверх по Тоболу. Они получили известия, что встретят тайшу Талая на реке Верхний Юртяк. Но, придя к этому месту, они не застали никого и должны были отправиться еще дальше вверх по Тоболу. Наконец, около устья реки Абуги они заметили след проходивших там калмыков. Три недели шли они по следу вверх по Абуге, пока не встретили 30 человек людей тайши Зенгула, от которых узнали, что в этой местности кочуют только мелкие тайши,

---

[1] Приложение № 200.
[2] Приложение № 199.
[3] См. гл. 9, § 7.
[4] Приложения №№ 194 и 201.

а тайша Талай находится в земле Казахской орды, около Пеґих гор.[1] Так как ехать туда было слишком далеко, Черкасов решил выполнить порученное ему дело у меньших тайш, до кочевий которых в верховьях реки Абуги оставалось всего 10 дней пути.

§ 16. Этих тайш звали: Бобуга, Кузенек и Канасар. Тобольские послы сделали все, что могли, чтобы уговорить их принять русское подданство. Они говорили, что тайши не должны без царского разрешения кочевать на русской земле, не должны беспокоить своими набегами русские пределы или чинить обиды русским при встрече с ними на охоте, наконец, они потребовали, чтобы тайши дали перед ними шерть на этих условиях. Но тайши не хотели согласиться, и сын боярский Дмитрий Черкасов едва не был ими убит.

§ 17. К счастью, прослышав о приезде русских послов, прибыл туда тайша Зенгул и выказал более миролюбивое настроение. Правда, он слышать не хотел о подданстве, но торжественно обещал ни в чем не чинить обид русским. Большие тайши Богатырь и Чугур, или Чокур, сыновья Каракулы, велели предупредить меньших — Зенгула и ему подобных, чтобы они воздерживались от враждебных действий по отношению к русским, так как и без того у калмыков достаточно дела с монголами, бухарцами и ногайскими татарами. Зенгул оправдывал свой недавний набег на Уфимский уезд тем, что он принял башкирцев за ногайских татар. Он рассказал, как принужден был бежать из степи между Обью и Иртышом оттого, что воевал барабинских татар. Не только тарские казаки напали на него тогда и убили его брата, но также Богатырь и другие лучшие тайши не хотели после этого оставить его по соседству с собою. Из-за этих ссор с барабинцами другой большой тайша, Кагай, был изгнан тайшей Богатырем, а брат его убит; ныне он кочует вверху реки Тобола.

§ 18. С такими известиями возвратился на Тюмень 2 апреля того же года сын боярский Дмитрий Черкасов и привез с собою послов от тайши Зенгула, которые вскоре возвратились к себе.[2]

Было излишне, конечно, пересылаться с такими незначительными людьми. В Тобольске было решено поэтому не отправлять к ним больше посольств. Опасались, что бедность может побудить их к грабежу и что русские могут потерять все привезенное с собою даже в том случае, если калмыки намерены будут сохранять мирные отношения.

* § 19. Другой малый калмыцкий князь Уруслан-тайша, кочевавший в Илеть Карагае[3] у реки Тобола, решил в это время требовать ясак с башкир. Его притязания основывались на том, что башкиры когда-то платили ясак ногайцам, поэтому они могут платить его теперь ему, в противном случае царевич Ишим пойдет на них войною; он стоит около устья реки Уй и пришел в Уфимский уезд, чтобы сыскать бежавших от него его людей — табынцев. С другой стороны, тайша Зенгул был оскорблен тем, что русские не желают сноситься с ним, и угрожал напасть на Тюменский уезд, если решение это не будет изменено.[4] Но ни того, ни другого не произошло.

§ 20. Тайши имели все основания готовиться к войне с монголами, стоявшими уже около Ямышевского озера. Они собрались поэтому в июне на реке Ишиме. Богатырь, Кузеняк, Зенгул, Бабуга, Кагай и царевич Ишим находились в одном месте; немного выше на той же реке кочевали Урлюк и Чокур. Оттуда они хотели

[1] Может быть, Пегке горы. Говорят, что в Казахской орде существуют такие горы, называемые калмыками Алакнула.

[2] Приложение № 204.

[3] Знаменитый черный лес на западном берегу Тобола, между Тебеняцкой и Салтысарайской слободами, давший название прекрасному меху «илетской белке». См. «Известие сибирских торгах» в т. III «Samml. Russ. Gesch.».

[4] Приложение № 206.

отправиться к реке Камышлову, между Иртышом и Ишимом, оставить там скот и остальное имущество и итти против монголов.

§ 21. Они, кажется, не имели успеха, так как еще в следующем (1624) году были слышны с их стороны жалобы на притеснения со стороны монголов и погайцев, из-за чего тайша Бокботроша в июне обращался на Тюмень через своих посланцев с просьбою о царской защите.[1] Война против Казахской орды была, вероятно, удачнее, потому что калмыки привели оттуда много трухменских рабов, которых Богатырь-тайша в июне 1624 г. отправил на Тюмень для обмена на них калмыцких пленников.

* § 22. В это время на Уфу и в сибирские пограничные города очень часто приходили калмыцкие посольства, из которых некоторые даже требовали пропуска в Москву, но когда узнавали, о чем они просят, оказывалось, что едва ли стоило даже давать им какой-либо ответ. Так, 8 октября 7132 (1623) г. прибыли в Москву через Уфу три посла от тайши Мангита,[2] они-то и были причиной издания указа от 30 октября того же года,[3] чтобы ни от калмыков, ни от монголов впредь никаких послов в Москву не пропускать, но чтобы в городах, куда они прибудут, выслушивали их, давали им ответ и потом отписывали о них в Москву.

* § 23. В то время, как по реке Тоболу дела у русских шли довольно хорошо, в Кузнецке и Томске было много оснований жаловаться на враждебные действия калмыков в этих местах, а в будущем следовало ожидать еще больших осложнений. Кузнецкий воевода Евдоким Иванов сын Баскаков писал в 1624 г. в Томск[4] воеводам князю Афанасию Федорову сыну Гагарину и Семену Васильеву сыну Дивову, что ему приказано принять под высокую государеву руку орицких калмыков и привести их к шерти, а также защищать от нападений прочих калмыков, уже плативших ясак. Однако даже среди кузнецких татар многие проявили непослушание и оказали сопротивление. Они не только не уплатили ясак за 1624 г., но ссылались между собою, и было слышно, что они хотят выступить против русских. Сохранивших же верность русским и уплативших ясак калмыки нещадно высекли и, отняв у них жен и детей, частью увели в плен, частью обложили вторично ясаком, состоявшим из готового железа, которое кузнецкие татары выплавляют,[5] а также из разной мягкой рухляди.

§ 24. Здесь начало того права брать албан с татар Кузнецкого уезда, которое присвоили себе калмыки. Равным образом, как мы это видели выше, они брали албан с барабинских татар. Об этом в прошлые времена было много споров с джунгарскими калмыками, продолжавшими брать этот албан, и их никогда нельзя было окончательно убедить в неправоте, потому что не было известно, когда именно они впервые посягнули на русские верховные права, а сами они утверждали, что пользовались этим правом с древнейших времен. Кузнецкий воевода был слишком слаб, чтобы воспрепятствовать этим незаконным требованиям ясака. Он писал в Томск, но оттуда не могли ему дать своевременно достаточно помощи. Незначительное число русских в тех краях, непринятие своевременных мер для защиты границ и пренебрежение, проявленное вначале к калмыцкому народу, разделенному между мелкими князьями, содействовали росту калмыцкой силы. Все же, при желании и если бы были применены соответствующие средства, можно было в то время подчинить всех калмыков.

§ 25. В Томске были настороже, и в феврале 1624 г. послали служилых людей к татарам в Чатском городке на р. Оби, который служил заслоном Томскому

---

[1] Приложение № 219.
[2] Вероятно, Мангут; о нем см. гл. 9, § 8.
[3] Приложение № 208.
[4] Приложение № 212.
[5] История Сибири, I, стр. 318.

уезду против калмыков. Позже оттуда сообщали,[1] что городок снова укреплен, окружен валом и рвом, что выставлены крепкие караулы и не упущено ни одной меры к тому, чтобы враг, приближение которого ежедневно ожидается, не мог произвести нечаянного нападения. Известий о враждебных действиях не имеется. Тогда, повидимому, больше опасались тех малых тайш, которые в поисках пропитания кочевали вблизи русских пределов, чем находившихся в степи больших тайш, боровшихся со своими врагами. Этих последних калмыки прогоняли и преследовали, и им удавалось иногда хорошей добычей возместить понесенные потери. Так, осенью 7133 (1624) г.[2] ими были отправлены в Уфу для продажи 200 лошадей, которые из-за глубокого снега не могли туда дойти и должны были зазимовать у башкиров.

* § 26. После этого в течение нескольких лет о калмыках ничего не было слышно; с сибирскими же народами за это время не произошло ничего существенного. Да и какое значение могло иметь, например, сборище вогулов, живших по Невье и Режу, отправившихся в 7133 (1625) г. с женами и детьми, под предводительством беглого тюменского татарина, к озеру Ояти, из которого вытекает Реж; они замышляли какие-то враждебные действия против Невьянской слободы,[3] но эти замыслы ни в чем не проявились. В 1626 г. татары и вогулы, жившие по берегам рек Сылвы и Ирени, отписанные в свое время от Верхотурского уезда к Чердынскому, били челом, чтобы их попрежнему присоединили к Верхотурскому уезду, в чем им, однако, было отказано в Москве. Из этого видно, что в 1626 г. город Кунгур еще не был построен, так как основание его давало этим народам более близкую и более удобную власть.

§ 27. С 1628 г. начинается ряд восстаний, поднятых тарскими и томскими татарами при поддержке калмыков и царевичей Кучумова рода, причем не только многие люди погибли, но и некоторым сибирским городам угрожала опасность полного разорения или перехода в руки врагов России. Эта опасность была отвращена только благодаря провидению: русские не могли бы справиться с таким большим числом врагов. Наступление, в конце концов, полного спокойствия нельзя также объяснить принятием каких-нибудь чрезвычайных мер. Единственное преимущество русских заключалось в том, что их враги не знали своих собственных сил и были недостаточно объединены. В противном случае всеобщее восстание, почва для которого была уже подготовлена, при поддержке упоминавшихся уже много раз внешних врагов, могло бы повлечь за собою самые печальные последствия.

* § 28. Первое восстание произошло в Барабинской степи,[4] где в то время для оказания помощи татарам на случай набегов калмыков находился сын боярский Еремей Пружинин с 18 тарскими служилыми людьми. Они все были одновременно перебиты изменниками во главе с князцом Когутайкой. Последние знали, что после подобного преступления они не будут в безопасности на своих обычных кочевьях; они бежали поэтому к кочевавшим на верховьях р. Оби теленгутам и калмыкам, откуда их уже нельзя было достать даже силой. Сначала попробовали склонить их лаской и добрыми обещаниями к возвращению на русскую сторону. Казалось, что отправленное к ним из Тобольска посольство как будто имело некоторый успех: князец Когутайко отправил послов в Тобольск бить челом о прощении его вины за учиненное злодеяние. Но этим дело не было улажено.

* § 29. Сын боярский Богдан Байкачев, посланный к изменникам с Тары 5 ноября 7137 (1628) г., получил в дороге от оставшихся в Барабинской степи

[1] Приложение № 215.
[2] Приложение № 225.
[3] Приложение № 228.
[4] Приложения №№ 251, 252, 298 и 3.1.

татар такие угрожающие известия, что побоялся продолжать путь и поспешил возвратиться на Тару.[1] Остается неизвестным, что произошло в дороге с тобольским сыном боярским Дмитрием Черкасовым, который должен был привести изменивших татар к шерти на верность. Из последующих событий ясно, что у Когутайки и его людей не было необходимости добровольно и без принуждения признавать вновь зависимость от русских.

§ 30. Следующей весною восстание распространилось дальше и захватило татар, живших неподалеку от Тары, и оттуда вверх по р. Иртышу.[2] Они жгли, грабили и убивали в русских деревнях, незадолго до того построенных около Тары. Самый город находился под угрозой захвата. Повидимому, они действовали по наущению барабинских изменников, в особенности когда те увидели, что их прежнее воровство осталось безнаказанным. Первые известия о новом восстании были получены на Таре 12 апреля 7137 (1629) г. и тогда же переданы в Тобольск, откуда немедленно была послана помощь угрожаемому городу.

* § 31. На Тару были назначены тобольские головы Федор Елагин и Богдан Аршинский с тобольскими служилыми людьми и татарами.[3] По прибытии туда они должны были собрать всех людей, без которых можно было обойтись в городе, и выйти с ними в открытое поле для встречи с врагом. Все это было выполнено, но восставших поблизости от Иртыша не оказалось. Нужно было итти до озера Чана в Барабинской степи, где был обнаружен стан мятежников, не ожидавших ни с какой стороны опасности. У них была богатая добыча: лошади, рогатый скот и разные запасы, захваченные в Тарском уезде; взятые ими в плен русские исполняли у них работу рабов. Русские произвели смелое и удачное нападение. Были отбиты не только пленники и отнята добыча, но и большинство изменников были при этом убито. 150 человек спаслись бегством и присоединились к барабинскому князцу Когутайке.

* § 32. Вскоре после этого, в июле 1629 г., от одного перебежчика на Таре были получены известия,[3] что Кучумовы царевичи и калмыки также ввязались в дело, будучи призваны на помощь влиятельным татарином из числа бежавших, по имени Неврусом Евгаштиным, который привел их к озеру Чану. Здесь обычно находились главный стан и место сбора этих народов, когда они собирались воевать Тарский и Томский уезды. По этим известиям, первым выступил Аблайгирим, сын царевича Ишима и внук хана Кучума, с 60 калмыками и их тайшами Кокшулом, Урлюком и Байбагишем; он потребовал для калмыцких тайш, люди которых находились при нем, ясак с барабинцев и прочих отпавших татар; Аблайгирим предполагал обратиться за помощью к тем же тайшам, а также к теленгутскому князю Абаку и к курчакскому тайше Кексешу, кочевавшему вместе с теленгутами в качестве самостоятельного калмыцкого князца. В это время его отряд, усиленный присоединившимися татарскими изменниками и барабинцами, насчитывал до 300 человек, с которыми он, в ожидании дальнейшего увеличения сил, перешел к теленгутам и расположился станом на речке Юлусе.

* § 33. С другой стороны, около реки Тобола калмыки не переставали приближаться к русским пределам, в то же время не желая, чтобы их за это считали врагами. Когда они на охоте чинили разные обиды ясачным татарам, то не считали, что городовые воеводы имеют основание их за то наказывать. Татары Тюменского уезда жаловались в 1628 г.,[4] что калмыки их крайне притесняют. Они подошли к Тюмени ближе, чем на три дня пути, захватили все места в лесах, степях и на

---

[1] Приложение № 251.
[2] Приложения №№ 261, 282, 293, 371.
[3] Приложения №№ 268 и 269.
[4] Приложение № 243.

реках, где татары прежде охотились и где они ловили бобров, и благодаря этому татарам было очень трудно платить ясак; добычу, которую все же удавалось промыслить, калмыки отнимали, причем многие татары были при этом перебиты. Царским указом 18 июля 7136 (1628) г. было предложено тюменскому воеводе сначала действовать лаской, уговаривая калмыков покинуть русские пределы и не причинять вреда русским людям, но в случае, если бы уговоры не помогли, применить силу и стараться прогнать их, высылая против них служилых людей, а ясачных татар оберегать и оборонять.

§ 34. Несогласия, возникшие между лучшими калмыцкими тайшами — Чокуром, Талаем и Урлюком,[1] повидимому, успокоили русских воевод, и они стали меньше бояться калмыков и применять против них менее строгие меры. Брак Тайчина, сына тайши Урлюка, с дочерью Чокура не мог спасти последнего от преследования его врагов. Тайчин, кочевавший до этого времени вместе со своим тестем, принужден был покинуть, а тайша Чокур должен был бежать со своих старых кочевий между Иртышом и Ишимом и искать спасения на реке Тоболе. Об этом узнали в Тобольске 21 сентября 1628 г.

§ 35. В октябре 1628 г. некоторые тюменские татары повстречали тайшу Чокура на западном берегу Тобола, ниже Черной речки, в пяти днях пути от Тюмени;[2] при нем были его сыновья и до 400 человек простых калмыков. Здесь он был в сравнительной безопасности от своих врагов, так как ничего не было слышно, чтобы они его далее преследовали. Он подошел при этом очень близко к русским пределам, что не позволяло совсем его забывать. Предпринятый в декабре с Тюмени поход[3] имел задачей отогнать калмыков от русских границ. Имеющиеся благоприятные известия об этом походе говорят о том, что калмыки отошли на прежние свои кочевья. Однако прошло немного времени, и калмыки возвратились обратно с большими силами. 30 июня 1629 г. они напали на Катайскую волость Уфимского уезда,[4] лежащую по Исети, и разорили ее, а в июле дошли до Пышмы[5] и опустошили все на пути.

* § 36. Когда это происходило в Тюменском уезде, среди тюменских татар, насколько известно, еще не было шатости, которая помогла бы врагам в их действиях; зато из Барабинской степи поступали все более тревожные известия. Царевичу Аблайгириму и его калмыцким союзникам удалось привлечь на свою сторону чатскому мурзу Тарлава, что сделать было нетрудно, так как женою Тарлава была дочь теленгутского князя Обака, а про него было хорошо известно, что он держит русскую сторону только при выгодных для него условиях, иначе же охотно примыкает к врагам русских.

§ 37. Сначала распространился только слух об измене Тарлава, слух, вполне правдоподобный, так как к началу августа 1629 г. к нему в Чатский городок прибыл Аблайгирим с 130 калмыками и татарами-изменниками, которые пробыли там около 10 дней.[6] Об этом сообщили в Томск два других чатских мурзы Кислан и Бурлак, жившие отдельно от Тарлава в собственном укрепленном городке, в нескольких верстах ниже по Оби; они советовали быть настороже, чтобы возможное нападение не могло застать врасплох. По признанию Тарлава, Аблайгирим уговаривал его напасть вместе с ним на Томск, от чего Тарлав, по его уверениям, отказался, но впоследствии стало известно, что в этот раз они только сговаривались о совместных действиях в будущем.

---

[1] Приложение № 246.
[2] Приложение № 247.
[3] Приложение № 248.
[4] Приложение № 265.
[5] Приложение № 267.
[6] Приложение № 270.

§ 38. Тарлав, понимая, что он не может далее спокойно оставаться в Чатском городке, покинул его со всеми своими людьми и скотом 3 сентября 7138 (1629) г. и отправился к своему тестю Обаку. В своем поступке он не хотел, однако, видеть измену или проявление недобрых намерений.[1] Перед служилыми людьми, отправленными к нему и к его тестю из Томска для проведывания о случившемся и уговоров их к сохранению верности, он оправдывался необходимостью вследствие недостатка кормов переменить кочевье до наступления зимы. Тарлав отправил обратно в Томск присланных к нему служилых людей, обещая возвратиться к весне в Чатский городок. Однако он возвратился раньше, нежели обещал, и очень скоро проявил свои истинные намерения.

§ 39. Между тем Аблайгирим увеличил в Барабинской степи число своих людей и считал себя в силах предпринять решительные действия против Томского уезда, так как мог рассчитывать на помощь Тарлава и подвластных ему чатских татар. Два других чатских мурзы — Кислан и Бурлак, сохранившие верность русским, должны были выдержать в начале ноября его первое нападение.[2] Так как городок их был укреплен, то в ожидании помощи из Томска они могли сопротивляться. В этом походе царевича Аблайгирима сопровождал двоюродный брат тайши Каракулы — Кулада. Вначале все силы Аблайгирима состояли из 200 человек, но скоро они увеличились до 2000, которые, по некоторым известиям,[3] приняли участие в следующем походе царевича Аблайгирима к устью р. Томи. Если принять во внимание, сколько бед он натворил, а также учесть то обстоятельство, что подобные походы, в случае успеха, увлекают всех встречающихся в пути, то в этой цифре нет ничего невероятного.

§ 40. Немедленно по получении известия о нападении на Чатский городок из Томска были отправлены 8 ноября служилые люди и татары на помощь осажденным. В городке было 20 человек русских, которые успели показать врагу во время вылазки, что они ему ни в чем не уступят. При появлении людей, посланных на выручку городку, Аблайгирим решил снять осаду. Отписки из Томска, вообще, довольно скупо сообщающие о неудачах, не содержат более никаких известий о неприятельских действиях против этого городка. Их дополняют известия, полученные из Нарыма: в них сообщается, что Аблайгирим произвел еще вторичное нападение на Чатский городок, взял его, сжег дворы и перебил всех жителей вместе с русскими служилыми людьми в количестве 20 человек. В нарымских отписках этот городок, в котором жили два мурзы, называется Мурзин городок, в отличие от другого чатского городка, в котором сидел Тарлав и который преимущественно называется Чатским городком.

§ 41. По сведениям, полученным от пленных о намерениях неприятелей, Томск должен был готовиться к нападению или к осаде. Но дело ограничилось набегами в открытом поле и опустошением татарских и остяцких юрт, находившихся от Чатского городка вниз по Оби до устья Чулыма. Здесь опять отличились томские служилые люди, посланные в декабре против врага. Стоявший в то время на реке Шагаре Аблайгирим подвергся такому сильному нападению, что немалое число его людей пало на месте, а многие во время бегства умерли от ран. Были освобождены все пленники, и захваченная неприятелем добыча отнята назад. Остяки рассказывали потом, что на 20 верст от места боя по дороге, по которой побежденные бежали в Барабинскую степь, можно было повсюду видеть явные свидетельства русской храбрости, а, именно, большое число убитых людей в панцырях и мертвых лошадей, и почти все имущество, которое неприятели везли с собою, было разбросано в беспорядке.

[1] Приложения №№ 278 и 285.
[2] Приложение № 271.
[3] Приложения №№ 274 и 275.

§ 42. Следующею весною вновь начались ссоры. 25 апреля 1630 г. в Томск опять пришло известие,[1] что князь Абак и мурза Тарлав находятся в пути, чтобы напасть на город и на окрестные места, в особенности на Тоянов город. Тогда в этот татарский городок были посланы на помощь служилые люди, и один только слух об их приближении заставил врага отступить. Однако Мурзин городок, в котором в то время чатские татары из числа людей мурз Кислапа и Бурлака молотили хлеб, подвергся новому нападению. Татары были перебиты, хлеб сожжен. Отсюда Абак и Тарлав отправились вниз по Оби и разорили Шагарскую волость. 20 мая из Томска был отправлен водою в чатские острожки сын боярский Гаврила Черницын с служилыми людьми и татарами, чтобы пробыть там несколько времени, дать при случае отпор врагу и подробно проведать об его намерениях. Сразу по прибытии, 29 мая, ему удалось побить и отбросить в воду врагов, пытавшихся на судах переправиться через Обь. Оставшихся в живых преследовали до самой степи и совсем неожиданно напали на их стан, причем многим, в том числе чатскому мурзе Казгуле, пришлось поплатиться жизнью за свою вину. Доставленные в Томск 9 пленных в расспросе сказали, что Абак и Тарлав продолжают поддерживать связь с царевичами Кучумова рода и с калмыками и что они намерены следующей осенью, во время жатвы, итти против Томска, но до того хотят испробовать свои силы у Кузнецка. Последнее показание подтвердилось также в отписках тамошнего воеводы.

* § 43. В то время положение с татарскими волостями на реках Кондоме и Мразе в Кузнецком уезде было очень трудным: эти волости, рассчитывая на помощь теленгутов, кочевавших всего в двух днях пути от Кузнецка, и находя немалую поддержку у киргизов, отказывались платить ясак. Все же Кузнецк и Томск на этот раз не подверглись новым нападениям врагов. В 1630 г. под начальством московского дворянина Якова Тухачевского был предпринят поход против теленгутов и чатского мурзы Тарлава. Вскоре после этого Тарлав умер. Хотя Абак продолжал медлить с признанием своей зависимости, в 1632 г. он все же отпустил своих внуков Итегмена и Коимаса в Томск,[2] где они приняли наследство своего отца и были признаны мурзами чатских татар.

* § 44. С этого времени царевичи Кучумова рода со своими союзниками-калмыками, кажется, стали направлять свои силы главным образом в сторону рек Иртыша и Тобола. Так, в ноябре 7140 (1631) г. они произвели нападение на Тарский уезд, чем снова причинили здесь немалый вред. Незадолго до этого с Тары был отправлен к калмыцкому тайше Ирки Ильдену, кочевавшему вверху Иртыша, атаман Влас Калачников,[3] чтобы побудить его отвести своих людей от русских границ, не причинять обид ясачным татарам и не принимать к себе нескольких изменников, которые в прежние годы отпали от Тары. Ирки Ильдеп клятвенно обещал не делать всего этого и, с своей стороны, отправил на Тару послов, которые должны были подтвердить его добрые намерения. Они рассказывали, что их тайша вместе со своим братом Талаем пошел воевать Казахскую орду. Но никто не считался с обещаниями, данными другими, ни один тайша не зависел от другого, и даже простой народ не исполнял распоряжений своих тайш.

* § 45. Кроме царевича Аблайгирима, который, будучи внуком хана Кучума, повидимому, являлся тогда главой рода, в это же время выступает еще один царевич, Девлеткирей, сын царевича Чувака[4] и, следовательно, также внук хана Кучума. Девлеткирей действовал заодно со своим двоюродным братом и участвовал

[1] Приложения №№ 278 и 285.
[2] Приложение № 314.
[3] Приложение № 290.
[4] См. гл. 6, § 75.

г нападении, о котором далее идет речь. С ними было не более 150 калмыков из людей тайши Талая, носивших особое родовое наименование чурасцов, вожами у них были тарские изменники.[1]

С верховьев Ишима они очень скоро достигли Вагая и даже Иртыша, откуда, после дерзкого набега, они поспешили уйти. Не следует удивляться малочисленности врагов; их было достаточно, потому что нападение произошло неожиданно и в такое время, когда все здоровое и сильное мужское население было занято охотой в лесах, а дома оставались только старые и немощные с женщинами с детьми. Больше всего пострадали Тебендинская и Каурдацкая волости на Иртыше, в которых было перебито все попавшееся калмыкам взрослое мужское население, женщины же и дети были уведены в плен; скот, который не мог быть уведен или съеден, перебит и оставлен в добычу диким зверям. Кречетникову и Капканинскую волости на Вагае постигла такая же участь. На Таре ужасная весть о происшедшем была получена из Ишимского острога в отписках тамошнего приказного человека, из Каурдацкого же острога привез ее татарский князец Бибахта.

* § 46. Нужно было немедленно помочь волостям, подвергнувшимся нападению и, по возможности, отбить у калмыков пленных и добычу. Из Тобольска и с Тары были высланы служилые люди,[2] которые должны были соединиться и, в случае, если калмыки не стоят на одном месте, преследовать их до самой степи. Для проведывания из Тобольска был отправлен вперед сын боярский Томила Петров с 12 людьми. За ним следовало довольное большое число служилых людей и татар во главе с письменным головой Федором Шараповым, татарским головой Иваном Внуковым и сыном боярским Богданом Аршинским. Во главе тарских людей были: сын боярский Ерофей Заболоцкий, татарский голова Воин Дементьев, атаман Влас Калачников и сын боярский Григорий Байкачев. Соединившись и выяснив, что калмыки отправились в обратный путь к лесу у реки Ишима, именуемому Кош Карагай, и двигаются весьма медленно, посылая своих людей в стороны, где предполагалось встретить находившихся на охоте татар, и оставляя свой обоз без достаточного прикрытия, служилые люди смело погнались за ними, и им удалось совершенно разбить калмыков и захватить много пленных, которые были доставлены на Тару для продажи. Тою же зимою на обратном пути с Ямышева озера на Таре замерзли соляные суда. Находившиеся на судах служилые люди разных сибирских городов покупали этих рабов, вследствие чего они рассеялись по разным местам, точно так же, как и русские пленные у калмыков, которых последние успели еще до боя отвести в безопасное место и их там распродать. Когда тайша Талай узнал о поражении своих чурасцов, он стал говорить, что набег был произведен без его ведома. Посланные от него в Тобольск предложили произвести размен пленных. Хотя на это сразу же было дано согласие и во все сибирские города, в которых предполагалось найти пленных калмыков, были посланы указы, все же мы не имеем сведений о том, состоялся ли самый размен. С одной стороны, размену могло помешать рассеяние пленных как у русских, так и у калмыков; с другой же стороны, многие калмыки могли тем временем принять христианскую веру и в таком случае не подлежали размену.

§ 47. В то же время опять поступило много жалоб на калмыков, притеснявших на охоте ясачных татар.[3] Они отнимали у татар одежду и охотничьи припасы, а также убитых и пойманных татарами зверей, задерживали татар у себя и вообще не хотели допускать их к охоте в обычных местах. Указывалось при этом, что татары вследствие этого не будут в состоянии уплатить ясак, не говоря уже о по-

[1] Приложения №№ 291—294, 371.
[2] Приложения №№ 302 и 303.
[3] Приложения №№ 295 и 299.

стоянной опасности, угрожавшей русским пределам, и что поэтому совершенно необходимо отогнать вооруженной силой калмыков и восстановить татар во владении и правах пользования их охотничьими угодьями. Но так как в то же время с Тюмени пришло в Москву известие, что все неудовольствия и враждебные отношения калмыков происходят от того, что за последние годы перестали отправлять к ним и принимать от них послов, благодаря чему прекратились всякие посольские сношения и торговля, то было решено сначала испробовать мягкие средства и путем посольских сношений и восстановления прежней торговли расположить калмыков в свою пользу и уговорить их отойти от русских пределов; силу же применить только в случае невозможности добиться этого лаской. Таково содержание царского указа, полученного на Тюмени 25 апреля 7140 (1632) г.[1]

§ 48. Незадолго до этого с указанною целью был послан из Тобольска сын боярский Томила Петров, в наказе которому[2] от 15 января 7140 г. было написано, что ему следует сначала ехать к отпавшим татарам Тарского уезда, объяснить им совершенные вины и уговорить их возвратиться под русскую власть, и тогда будут забыты все их преступления и прощены все вины. После этого он должен был указать тем калмыцким тайшам, которых ему удалось бы встретить, на несправедливость их поступков, так как, дав шерть его царскому величеству на верность и подданство, они обещали не переходить без разрешения русских границ и не причинять вреда русским подданным, которых они могут встретить на охоте или рыбной ловле.[3] Об этом обещании они совершенно забыли и не только жили в русских пределах, но и были всячески в тягость русским людям и даже открыто становились во враждебные к ним отношения. Они приняли под свою защиту тарских изменников, оказывали поддержку Кучумовым царевичам, произвели нападение на город Тару и его уезд, сопровождавшееся грабежами и убийствами, и не переставали до последнего времени самым бесчеловечным образом убивать, грабить и уводить в плен русских людей, попадавшихся им на охоте. Петров должен был уговаривать тайш добровольно отойти от русских границ, выдать находящихся у них изменников, а также всех русских пленников и впредь своим враждебным отношением не подавать повода к неудовольствиям. Если бы эти справедливые требования не были приняты калмыками, Томила Петров должен был угрожать им местью и преследованием.

§ 49. Мы не имеем сведений о том, чем окончилось это посольство, зато мы имеем подробное описание посольства, отправленного в силу упомянутого выше указа с Тюмени.[4] Тюменский воевода Семен Иванов сын Жеребцов послал в том же 1632 г. тюменского сына боярского Семена Поскочина в ближайшие калмыцкие кочевья с подобным же поручением. Вышло так, что Поскочин попал к тайше Урлюку, который до этого времени не принимал никакого участия в нападениях, а, наоборот, давно уже желал удостоиться чести принять русское посольство. Урлюк справедливо отнес всю вину за прошедшие враждебные действия на тайшу Талая и рассказал, что Талай, Кушей (иначе Куйша) и Тайгуш все еще намереваются продолжать свои набеги на русские пределы.[5]

* § 50. Как ни хорошо по отношению к Сибири казался настроенным Урлюк, все же его намерения вообще не были вполне честными. Уже несколько лет вел он сношения с ногайскими татарами, только силою вынужденными признавать зависимость от России. Их князя звали Канабей-мурза. Он велел сообщить Урлюку,

---

[1] Приложение № 299.
[2] Приложение № 298.
[3] В наказе сказано, что обещание было дано ими у соляных озер (вероятно, Ямышево); по недостатку известий, об этом ничего не могло быть сообщено выше.
[4] Приложение № 308.
[5] См. гл. 9, § 13.

что его взяли в Астрахань аманатом, но что, с наступлением зимы, он опять будет выпущен на свободу и что тогда наступит время Урлюку выслать ему подмогу для нападения на Астрахань. Считали, что Урлюк исполнит желание Капабея. Он был родоначальником торгоутских калмыков, которые в недавнее время во главе со своим ханом Аюкой стали известны в Астраханском уезде. Отца Аюки звали Пунчук, отец которого Тайчин тайша был сыном Урлюк тайши.

§ 51. Имеется еще известие о трех братьях Урлюка тайши: тайшах Белее Ерденее, Елдее и Юрукае.[1] Сын Урлюка Тайчин тайша жил в то время в открытой вражде со своим отцом, и следовало опасаться, что он перейдет на сторону прочих враждебно настроенных тайш и будет помогать им воевать русские уезды. Поэтому, когда Урлюк и его братья отправили на Тюмень своих послов сыном боярским Семеном Поскочиным, чтобы восстановить там прежний порядок ведения торговли и дать шерть на Тюмени за своих тайш и их людей, что они будут жить с русскими в мире и согласии, имя Тайчина было исключено, так как послы не хотели поручиться за него. Для продажи калмыки привели на Тюмень только лошадей, которые нашли там хороший сбыт. Таким образом добрые отношения с тайшей Урлюком были установлены и при отпуске послов в обратный путь ними были отправлены с Тюмени русские послы с русскими товарами. Про набег Кучумовых царевичей и калмыков, произведенный в 7140 (1632) г. на тобольскую передовую заставу у озера Белого, в 6 днях пути от города,[2] при котором они увели лошадей и убили одного татарина, не стоит упоминать, так как подобные случаи были обычны и данный набег не имел никаких последствий.

§ 52. Уже в 7138 (1630) г. были замечены некоторые признаки, предвещавшие восстание татар Тюменского и Туринского уездов. Один татарин,[3] живший неподалеку от Чубаровой слободы, в разговоре с местным крестьянином о завоевании Сибири Ермаком, обмолвился, что все должно скоро перемениться и о русских в Сибири скоро ничего не будет слышно; калмыки произведут нападение во время сильного бурана, когда русское огнестрельное оружие не будет действовать, благодаря чему калмыки и татары победят. Видели также татарина, проскакавшего верхом с широкой стрелой в руке и без лука, что было замечено также раньше; это возбудило подозрения, так как в то же время ездивший на Тюмень человек из Туринска подвергся на пути в Тюменском уезде нападению нескольких татар, которые преследовали его сильной бранью и угрозами, что скоро ни один русский не останется в Сибири. Если вспомним о стреле,[4] которая передавалась в свое время в Березовском уезде, чтобы поднять к восстанию вогулов и остяков, то следует думать, что подозрения не были лишены основания.

§ 53. Летом следующего 1631 г. несколько татар Кинырского городка Тюменского уезда бежали через Исеть к калмыкам. Посланные по их следам в погоню нашли перед рекою Исетью сделанную из бересты крепость, в которой стояли человеческие фигуры также из бересты с деревянными стрелами и луками; одна из них будто бы проколола другую копьем, причём обе наполовину упали, склонясь головами в сторону Исети. Это означало, что всякий татарин, увидевший этот знак, должен итти по следу[5] за беглецами, чтобы присоединиться к ним.

---

[1] Приложение № 308.
[2] Приложение № 371.
[3] Приложение № 276.
[4] См. гл. 6, § 80.
[5] Может показаться сомнительным, чтобы в летнее время в поле были заметны следы человека. Но следует помнить, что насколько необычны, даже невозможны, подобные следы на дорогах в населенных местностях, настолько обычно и необходимо в Сибири, где в лесах и в степях не существует настоящих дорог, обращать внимание на подобные признаки, чтобы узнать, в какую сторону направились, например, беглые или

§ 54. Один из набегов царевича Аблая или Аблайгирима, сына царевича Ишима, был произведен им в ноябре 1632 г. на лежащую на реке Исети, недалеко от впадения ее в Тобол, татарскую деревню, носившую, по имени лучшего человека в ней, Алибая, название Алибаевы юрты.[1] Деревня была опустошена, большинство населения, главным образом женщины и дети, попали в плен. Видя, что у Аблая было не более 30 человек, находившиеся в это время у Алибая чужие татары решили сопротивляться. Но царевич сумел удержать их от этого, поклявшись, что не причинит им никакого вреда. По калмыцкому обычаю, он облизал стрелу и прикладывал ее острием к своему лбу — в этом заключалась его клятва, и он сдержал ее. Ему нужно было только захватить имущество жителей, состоявшее из скота, небольшого количества домашней утвари, одежды и мягкой рухляди, предназначавшейся для уплаты ясака, а также добыть некоторое количество рабов. Но так как для этого он выбирал, главным образом, мальчиков и девочек, то на обратном пути, дойдя до верховий Тобола, он отпустил на свободу Алибая с женой и еще несколько старших в семье.

§ 55. Вскоре после этого с Тюмени был предпринят поход против калмыков под начальством головы служилых татар Ильи Бакшеева и казачьего атамана Ивана Воинова.[2] На реке Тоболе, выше леса, называвшегося Кам Карагай, в одном дне пути ниже устья реки Уй, произошло столкновение, в котором победили русские. В награду за это все участники похода получили из Москвы обычные послужные деньги.

§ 56. В мае 1633 г. Катайская волость на Исети подверглась нападению калмыков.[3] Она была вся опустошена, женщины и дети уведены в неволю. Эта волость находилась там, где теперь Катайский острог. В прошлые годы она не причислялась к башкирским волостям, к которым она присоединена в настоящее время, и жители ее были известны под общим названием катайских татар. Впрочем, ею оканчивался Уфимский уезд, простиравшийся тогда до реки Исети. Возможно, что уфимские воеводы еще дальше расширили бы свои волости, если бы не встретили препятствий в этом со стороны Сибири, которая все больше стесняла Уфимский уезд и присоединила к себе не только всю Исеть, но и все впадающие в нее с юга и с севера ее притоки.

* § 57. Вследствие этого соседства в Уфимском уезде, как и в сибирских городах, происходили непрестанные войны с калмыками и с Кучумовыми царевичами. С Уфы часто посылались служилые люди для отражения врагов и для защиты башкирских и татарских волостей. С обеих сторон отправлялись посольства, чтобы мирным путем разрешать, по мере возможности, споры, и, наконец, в мирное время велась с калмыками торговля, приносившая уфимским жителям немалую прибыль. Летом 1633 г. с Уфы был послан голова Иван Чернинов с 1380 русских и татар,[4] чтобы нанести удар царевичу Аблаю или его родным и двоюродным братьям. Но никого из этих царевичей поблизости не оказалось. Переправясь через Яик, Чернинов наехал двух калмыцких тайш — Тепшегена Шукдеева и Иркитета Тейшеева с их людьми, которые и вступили с ними в бой. Чернинов одержал над ними полную победу, большая часть калмыков была побита, их жены и дети были взяты в полон, а бывший с ними скот достался в добычу победителям. Тепшеген был убит в бою, а Иркитет спасся бегством.

с какой стороны нужно ожидать нападения. Эти следы называют в Сибири **сакмами** или **аргышницами**; первое слово взято из татарского, второе происходит от тунгузского слова **аргыш**, означающего обоз северных оленей.

[1] Приложения №№ 307, 309 и 371.

[2] Приложение № 310.

[3] Приложение № 311.

[4] Приложение № 312.

§ 58. Переговоры тайши Урлюка с ногайскими татарами относительно Астрахани[1] не были, очевидно, искренними, так как мы видим их затем в открытой войне.[2] Урлюк со своим сыном Тайчином и с сыном последнего Лоузаном, при поддержке отпавшего от Астрахани мурзы Салтаная, отправились в 1633 г. в поход против ногайских татар и причинили им такой урон, что последние, во главе со своим князем Канаем, били челом в Астрахани о помощи против своих сильных и опасных врагов. Царским указом 30 ноября 7142 (1633) г. было велено служилым людям из Тобольска, с Тюмени и Тары силою смирить тайшу Урлюка и его союзников. Но приведенное распоряжение не могло быть выполнено, потому что к этому времени Урлюк ушел далеко от сибирских пределов.

§ 59. В упомянутом указе Канай назван по отчеству Тинбаевым, а его сыновья, братья и племянники, равно как и сыновья двух других ногайских князей, Уруса и Типмамета, упоминаются среди просивших о помощи. Салтанай назван алтаульским мурзой, который после своей измены уже много лет беспокоил набегами Астраханский уезд. Хотя Тайчин не назван сыном Урлюка, а Лоузан — его внуком, однако первое уже нам известно из приведенных выше данных, а второе — выяснится в дальнейшем.

§ 60. В октябре 7142 (1633) г. на реку Иссеть пришел Девлеткирей, имея с собою около 60 воинских людей, и разорил принадлежавшую к Уфимскому уезду Катайскую волость и татарскую деревню Бапшевы юрты Тюменского уезда,[3] вожем у него был беглый татарин Тарского уезда Кочашка Танатаров. На обратном пути Девлеткирей объявил, что уходит только на короткое время, чтобы по ту сторону Тобола соединиться с царевичем Аблаем и оттуда с большей силой вновь напасть на Тюменский уезд. Так и произошло на самом деле, только царевичи и их союзники калмыки сначала обратились против Тары, предполагая, вероятно, встретить там меньше сопротивления.

§ 61. Предвестием нападения было то, что, когда летом 7142 (1634) г. дети боярские Михаил Ушаков и Иван Астраханцов прибыли по обыкновению из Тобольска водным путем за солью к соляному Ямышеву озеру, они встретили со стороны калмыков необычное сопротивление.[4] Со дня их приезда, с 1 до 31 августа, никто из них не смел двинуться с места. В строившемся ежегодно на берегу Иртыша остроге нужно было думать прежде всего о собственной безопасности. Неподалеку стояли многие калмыцкие тайши, на первом месте тайша Куйша с 2000 панцырников; они выжидали ухода русских в степь, чтобы там на них напасть. Видя, что их хитрость не удается, калмыки стали понемногу уходить, с намерением ускорить нападение на сибирские пограничные города. На это их подговаривал упомянутый перебежчик Кочашка, говоря, что теперь, когда русские заняты на полях уборкой урожая, самое подходящее время для нападения на них.

§ 62. Точно неизвестно, было ли верным или же было вымышлено известие, принесенное 12 сентября на Тюмень[5] одним тюменским татарином, который был в степи у царевичей Аблая и Девлеткирея. По его словам, на калмыков и Кучумовых царевичей неожиданно напала Казахская Орда и помешала им выполнить их враждебные замыслы. Этот перебежчик находился 12 дней в пути и, следовательно, покинул стан царевичей 6 сентября, а 12-го калмыки по наущению царевичей стояли уже под Тарой. Есть основания предполагать, что царевичи нарочно распускали слухи, подобные приведенному выше, чтобы русские их не опасались и думали, что им не так скоро нужно ожидать нападения. Тот же татарин указал еще, что царс-

[1] См. гл. 9, § 50.
[2] Приложение № 318.
[3] Приложения №№ 316 и 317.
[4] Приложение № 324.
[5] Приложение № 326.

вичи находятся у речки Колоты, между Ишимом и Иртышом. В расстоянии полутора дней пути от них кочевал тайша Талай со своим сыном тайшой Аблаем, а в пяти днях пути дальше тайша Куйша, обещавший царевичам помощь.

* § 63. Нападение калмыков на Тару произошло 12 сентября 1634 г.[1] и поставило город в очень трудное положение, так как находившиеся в нем служилые люди не были в состоянии помешать врагам опустошать окрестности. Почти все русские и татарские деревни, лежавшие близ города, были сожжены до тла, а жители, не спасшиеся в город, попали в полон или были побиты. Добыча, состоявшая из скота и пожитков сельского населения, была значительна. Служилые люди были заняты исключительно защитой города. Несколько удачных вылазок охладили пыл врага и заставили его, наконец, отправиться в обратный путь.

* § 64. Между тем в Тобольск была послана просьба о присылке помощи, которая подоспела к 13 октября, когда калмыки опять вернулись и всеми своими силами пытались овладеть городом. Но теперь уже можно было оказать им более серьезное сопротивление. Они вскоре были отогнаны и настигнуты на обратном пути в 10 верстах от города, где над ними была одержана блестящая победа. Русские и татарские пленники были освобождены, а также было отбито 300 лошадей, что до некоторой степени возместило понесенные убытки.

* § 65. Говорили, что во главе калмыков были сыновья тайши Куйши — Онбо и Ялзы. Весьма вероятно, а в одном месте даже определенно указывается, что в этом нападении принимали также участие Кучумовы царевичи. Кроме заслуг тарских воевод князя Федора Самойлова сына Бельского и Неупокоя Андреева сына Кокошкина, в этом деле следует отметить отличную храбрость татарского головы Воина Дементьева, головы конных казаков Назара Жадобского и литовского ротмистра Андрея Кропотова, проявленную ими при защите города и при последовавшем затем преследовании врагов. Это дело не осталось без награды, так как, на основании указа 13 января 7145 (1637) г., для всех участвовавших в защите города и преследовании калмыков были высланы из Москвы послужные деньги.

* § 66. После этого калмыки решили напасть на Тюмень и Тюменский уезд. 11 ноября 1634 г. перед городом появились Кучумовы царевичи и калмыки,[2] обложившие его со стороны степи и угрожавшие ему приступом. Впрочем, зная, что это будет им дорого стоить, они ограничились разорением окрестных деревень. Этот набег стоил жизни очень многим людям, а иные были уведены врагом в плен. Нет надобности говорить о громадных убытках, понесенных от всеобщего разорения и опустошения, когда не осталось почти ни одного двора в деревнях и ни одной головы скота в хлевах и на пастбищах. Через несколько дней калмыки ушли на Ишим. В погоню за ними были отправлены 300 служилых людей, но они не имели успеха, так как, не причинив значительного урона врагу, сами потеряли 50 человек убитыми в бою. Позднее стало известно, что на реке Суери, впадающей в Тобол, стоят калмыки и наблюдают за передвижениями русских, угрожая, в случае получения подкреплений, новыми нападениями. Это были люди тайши Талая. Боясь возмездия, они не хотели, однако, признавать, что набег был произведен по его приказанию. Он отправил поэтому в Тобольск своих послов, старавшихся переложить всю вину на тархана Баатыря, который, впрочем, принадлежал также к людям тайши Талая.

§ 67. В начале весны 1635 г. царевич Аблай опять приходил на Исеть, откуда увел 24 татарских семьи, плативших ясак в Уфу, и еще несколько семейств, приписанных к Тюменскому уезду.[3] Большего ущерба причинить он не мог, так как

---

[1] Приложения №№ 323, 325, 327 и 371.
[2] Приложения №№ 331, 332, 334, 336, 337, 340, 341, 382.
[3] Приложения №№ 322, 344 и 345.

река вышла из берегов. В то же время были получены вести, что вместе с калмыками он намерен позже, когда на лугах будет корм для лошадей, напасть на слободы. То же подтверждали перебежчики, проведшие зиму на Ишиме у царевича Девлеткирея. Кроме того, они рассказывали, что Девлеткирей и Аблай кочуют вместе у озера Чабтатлы, по ту сторону Ишима, около горы Итик, и что тархан Баатырь своими посылками и уговорами более всего виноват в том, что царевичи не желают жить в мире; тайша Талай, тайша Куйша и многие другие калмыцкие князья кочуют выше по Иртышу.

* § 68. Угрозы не остались напрасными и были очень точно выполнены. 17 июня 1635 г. две слободы — Верхне-Ницынская и Чубарова — одновременно подверглись нападению царевичей и калмыков.[1] Хотя в обеих слободах сохранились остроги, однако, все дворы, находившиеся вне их, были сожжены. Большая часть жителей были побиты, их жены и дети захвачены в плен, а весь скот угнан. После этого на следующий же день царевичи и калмыки ушли обратно.

§ 69. В июле и августе того же года против царевичей и калмыков был предпринят из Тобольска, с Тюмени и Тары поход,[2] во главе которого стояли: от Тобольска Борис Толбузин, от Тюмени Илья Бакшеев и от Тары Григорий Байкачев. Им было приказано, соединив своих людей на Ишиме, искать Кучумовых царевичей и калмыков в их кочевьях и промышлять над ними воинским и всяким делом. Хотя служилым людям удалось благополучно соединиться, но цель похода все же не была достигнута. Царевичи вместе с разными калмыцкими тайшами, среди которых называли Шухтея и Мемритая, откочевали слишком далеко и, по имевшимся сведениям, имели с собою очень много людей, почему русские не могли что-либо предпринять против них. Ограничились тем, что разбили несколько передовых отрядов калмыков, стоявших около Конкарагая на Ишиме, и забрали в плен оставшихся в живых. Служилые люди возвратились к себе домой.

* § 70. В архивном документе,[3] в котором приводится известие об этих событиях, указано, что разбитые калмыки оказались теми самыми, которые ранее произвели нападение на Тюмень, а именно людьми тайши Талая, носившими особое родовое наименование чурасцов. В другом документе поражение чурасцов приписывается тобольскому сыну боярскому Ивану Шульгину и говорится, что оно произошло около озера Иргенталя. Если последнее верно, то, значит, был еще другой поход, о котором, однако, мы не находим никаких данных. В результате похода был произведен размен пленных, и многие русские, попавшие в рабство, вновь получили свободу.

* § 71. Успешнее был поход из Уфы в 1636 г. по почину воеводы Никиты Вельяминова с уфимским дворянином Федором Коловским во главе. С 35 детьми боярскими, со 100 конными стрельцами и 350 башкирами Коловский направился вверх по реке Уфе и у истоков ее, в 10 днях пути от города, наехал калмыцкий стан, в котором находился также царевич Аблай со своим родным братом царевичем Тевкой. После небольшого сопротивления почти все калмыки оказались побитыми. Оба царевича и с ними 54 калмыка попали в плен к русским и были доставлены в Уфу.

* § 72. Описанные выше столкновения, происходившие с обеих сторон, не препятствовали, однако, тому, чтобы сибирские города и калмыцкие тайши все же от времени до времени вели между собою посольские сношения. Тарский атаман Степан Скуратов и тобольские служилые люди Денис Рачковский и Антон Добрицкий были отправлены в посланниках к тайше Куйше.[4] Первый из них возвратился на Тару

[1] Приложения №№ 347, 351, 354, 371 и 388.
[2] Приложения №№ 328, 352, 353, 355, 356 и 360.
[3] Приложение № 360.
[4] Приложения №№ 361—364.

в июле, а прочие — 26 августа 1635 г. в Тобольск. В конце сентября того же года прибыло в Тобольск посольство от тайши Урлюка в составе 20 человек, которые сообщили, что их господин имеет свою ставку в Кошкарагас на Ишиме, в расстоянии 9 дней пути от Тобольска. Из степи между тем все время поступали угрожающие вести. Военные приготовления калмыков описывались, как очень большие. Перебежчики рассказывали на Тюмени, что царевич Девлеткирей, тайша Тайчин, сын тайши Талая, и тайша Шухтей уже приближаются к сибирским пределам с 2000 людей. Последующее показало, однако, неосновательность этих известий.

§ 73. В то время калмыки были снова втянуты в войну с монголами,[1] которая хотя касалась преимущественно тайшей главного поколения калмыков, правивших по ту сторону Алтайских гор, но все же имела влияние и на Сибирь. Как ни разъединены были калмыцкие князцы, все же в случаях крайней нужды они держались все вместе и оказывали друг другу помощь. Может быть, в этом мы найдем причину, почему в некоторые годы калмыцкие набеги не распространялись на сибирские пределы. Летом 1637 г. тарский казачий голова Назар Жадобский был отправлен в посольство к тайше Куйше, но не застал его на месте, потому что Куйша со своим сыном Онбо находился в походе против монголов. Свое дело он изложил жене Куйши Конже. На обратном пути по Иртышу, до реки Железенки, он видел много калмыцких людей и их улусов, мимо которых ехал 3 дня. Это были люди тайши Талая, пришедшие туда с Ишима. Они переходили вниз по Иртышу и направлялись на реку Камышлов, находившуюся в 5 днях пути от Тары.

§ 74. По другим известиям,[2] полученным в то же самое время из тех же мест, стан царевича Девлеткирея находился на Ишиме под утесом Мунчаком, около озера Акушлы, богатого рыбой, которою он и его люди, вследствие отсутствия мяса, главным образом питались. К концу августа Девлеткирей отправился на охоту, оставив на стану без защиты свою жену и жену царевича Аблая вместе с детьми. Десять человек татар во главе с одним уфимским перебежчиком были отправлены Девлеткиреем в Бухару для торговли. Чурасцы, постоянные союзники Девлеткирея, всегда сопровождавшие его в набегах, во главе с Башканом, сыном тархана Баатыря, кочевали на расстоянии 1 дня пути от него в сторону Иртыша; тайша Тайчин, сын Урлюка, воевал с тайшей Куйшей, которого победил и взял в плен. В постоянных ссорах между собой жили также все остальные калмыцкие князцы. Из этого заключили, что опасаться калмыков больше нечего, что следует овладеть станом Девлеткирея и, захватив в плен его жену, стараться добиться от него более благоприятного отношения к русским. Рассказавшие об этом люди провели в дороге от кочевья Девлеткирея до Тюмени 20 дней. Они шли через ясачные волости Уфимского уезда, а люди, знавшие те места, уверяли, что путь от Тюмени до озера Акушлы можно пройти, не спеша, в 14 дней.

§ 75. 3 октября того же года на Тюмени было получено известие,[3] что жена Девлеткирея выехала навстречу своему мужу за полдня пути по ту сторону утеса Мунчак, но, по возвращении Девлеткирея, собирается снова направиться к озеру Акушлы. Поездка упомянутых выше татар в Бухару имела будто бы целью отвезти туда к мужу сестру Девлеткирея. Передавали также, что в улусе с Девлеткиреевою женою — только 40 семейств, а на охоте при царевиче всего 70 человек, количество весьма небольшое для царевича, претендовавшего на все Сибирское царство; к тому же и эти немногие люди состояли по большей части из татарских перебежчиков с Тюмени, Тары и из Уфы, которые, вследствие тяжелых вин, покинули свои юрты и были ненавистны даже своим.

[1] Приложение № 367.
[2] Приложение № 368.
[3] Приложение № 369.

§ 76. Прибывший на Тару 29 октября 7146 (1637) г. с 22 бухарскими купцами посол Девлеткирея Боян Бугапаков обещал полную покорность царевича его царскому величеству и сообщил, что по этому же делу 4 других посла отправились в Москву через Уфу.[1] Он просил, чтобы ему было разрешено остаться на зиму на Таре, потому что его лошади истощены и не в состоянии доставить его в зимнее время до улусов царевича. Однако этого ему не разрешили, так как считали его лазутчиком, и подозревали, что он хочет разведать в городе и уезде и подговорить к измене окрестных татар. По указу из Тобольска послу было объявлено, что если царевич, действительно, желает признать над собою русскую власть, то он должен сам, вместе с находящимися у него перебежчиками, приехать в Тобольск, на Тару или куда ему будет удобнее, чтобы удостоиться высокой царской милости. Ввиду представления посла, что он вместе со всеми людьми неизбежно погибнет во время пути и что это отвлечет царевича от его доброго намерения, послу разрешили отсрочить его отъезд еще на один месяц, считая с 25 декабря. Между тем посол и его свита строго охранялись с тем, чтобы они не могли ни с кем разговаривать, а при отъезде им были даны в провожатые люди, которым было приказано везти их через пустые, бездорожные, лесные места до самой степи и только там отпустить их ехать одних. Было решено не принимать впредь никаких посольств от Девлеткирея, если он не приедет сам. По сообщению посла, Девлеткирей кочевал у Нор-Ишима вместе с тарханом Баатырем. Последний усиленно уговаривал Девлеткирея произвести новый набег на русские пределы, но царевич не соглашался на это. Дальностью расстояния до Нор-Ишима посол хотел обезопасить своего господина от нападения русских и, вместе с тем, уверить, что он уже начал будто бы доказывать свою верность России.

§ 77. В 1638 г. улус тархана Баатыря находился за Ишимом в урочище Суюл Макабан, откуда до Тюмени считалось 20 дней пути.[2] Девлеткирей кочевал на 8 дней пути ближе к Тюмени, но также по ту сторону реки Ишима, около речки Ратсидет, где с ним не было совсем калмыков, которые все ушли на войну с монголами. В самом улусе тархана оставались только немощные старики и малолетние дети. В прошлом (1637) году умер тайша Талай. Его два сына спорили об отцовском наследстве и оба рассчитывали на помощь тархана, считавшегося подвластным их отцу, хотя он и пользовался исключительными преимуществами. Тархан отправился к ним, чтобы примирить их. Их улус находился в верховьях Иртыша.

§ 78. Несколько известий о состоянии калмыков в тамошних местах было получено летом 7146 (1638) г., когда, как почти ежегодно, была произведена из Тобольска посылка за солью к озеру Ямышу.[3] Описание этой посылки знакомит нас одновременно и с тем, каким образом устраивались эти поездки.

На этот раз во главе был поставлен казачий голова Богдан Аршинский. Придя к месту на Иртыше, где начинались кочевья калмыков, он выслал людей для разведыванья улусов калмыцких тайшей и велел передать им, что государевы ратные люди, по царскому указу, идут добывать из озера Ямыша соль, и чтобы тайши шли туда же для переговоров с русскими начальными людьми об общих делах. Несколько тайш явилось еще по дороге, другие же прибыли к соляному пристанищу, лежавшему около соляного озера. Имена этих тайш следующие: Котан, сын Когоная, Абаша, брат Талая, Дебел, Илден и Чото, сын Котая и внук Талая, посланный братьями своего отца Тайчином и Умбой или Гумбой, сыновьями Талая, в качестве уполномоченного. Все они дали шерть, а последний не только за себя, но и за своих дядей в том, что они будут верно служить его царскому величеству и желать

[1] Приложение № 370.
[2] Приложение № 372.
[3] Приложение № 378.

добра его людям, для чего они поклялись никогда не беспокоить своими набегами русские поселения и ясачные волости, не убивать и не грабить на охоте или на рыбной ловле русских людей и не мешать возить соль из озера Ямыша. Поскольку было в данном случае возможно, они выполнили свое обещание: они не только мирно и дружественно обращались с русскими, пока те там стояли, но и привезли к судам на своих верблюдах и лошадях достаточное количество соли. После этого Аршинский одарил тайшей сукнами, которые ему для этого были даны из Тобольска. Затем он стал говорить Чото, племяннику Талаевых сыновей, и его людям, чтобы они выслали в Тобольск захваченных в плен русских людей, уведенных в прошлых годах из Тарского и Тюменского уездов и находящихся еще у них. Ответ был такой: сыновья Талая Тайчин и Гумба живут со своим старшим братом Доенбой в несогласии и угрожают друг другу войной. Как только между ними будет восстановлен мир, они немедленно пришлют в Тобольск русских пленников. Под конец все тайши просили отпустить с ними к их кочевьям нескольких русских и татар, чтобы потом они могли в их сопровождении отправить в Тобольск послов. Аршинский согласился на это и отпустил с тайшами нескольких тобольских татар и одного бухарца, знавших дорогу, послав с ними в подарок сыновьям Талая Тайчину и Гумбе несколько аршин красного и темносинего английского сукна.

§ 79. Несмотря на эти мирные сношения, все же в августе того же года приходилось вновь опасаться вражеского нападения, так как распространился слух,[1] что калмыки уже разорили одну татарскую деревню на Исети и тем показали, чего от них следовало ожидать в дальнейшем. Говорили также, что видели калмыков, переправившихся через реку Исеть у Исетского озера и направлявшихся в сторону русских слобод. Согласно третьему известию,[2] калмыки были так близко, что уже разоряли татарские деревни на Пышме, недалеко от Тюмени, откуда они собирались непременно напасть на этот город. Что из этих слухов было верным, неизвестно, но из разных бесспорных источников мы знаем, что уфимским татарам и башкирам, жившим по ту сторону Исети, приходилось в то время много терпеть от калмыцких набегов.[3] Несколько уфимских татар ходили на калмыков во время их обратного пути и нашли их на реке Уе, но, не считая себя достаточно сильными по сравнению с калмыками, ограничили свою месть тем, что угнали неприятельских лошадей. Часть калмыков бросилась в погоню за татарами, но не имела успеха. Большинство из них было побито татарами, оказавшимися вследствие разделения сил калмыков сильнее.

§ 80. 28 октября 7148 (1639) г. от калмыцкого тайши Ильденея,[4] брата умершего Талая, прибыло на Тару посольство сообщить об его готовности признать над собою царскую власть и с челобитьем о разрешении свободной торговли, чтобы Ильденей мог посылать торговые караваны в сибирские города и чтобы с русской стороны также отпускались к нему послы и купцы с товарами. Для начала с этим же посольством он прислал на продажу табун лошадей. Посольству разрешили перезимовать на Таре, причем старший посол Богдамыш должен был в подтверждение его обещаний дать шерть от имени своего тайши и всех его улусных людей. С наступлением весны следующего (1640) года послы были отпущены домой, а вместе с ними были отправлены к тайше Ильденею несколько служилых людей, чтобы принять шерть от него самого. Они должны были также напомнить Ильденею, что, если у него находятся татарские перебежчики или пленные, он должен их выдать, за что ему будут высланы подарки и разрешена свободная торговля между сибир-

---

[1] Приложение № 373.
[2] Приложение № 374.
[3] Приложения №№ 375 и 376.
[4] Приложение № 379.

скими городами и его кочевьями. Вскоре после этого, вследствие нападения царевича Девлеткирея и калмыков на Тарханский острожек,[1] снова началась война, которая заставляла думать о более решительных мероприятиях, чем посылка послов.

§ 81. Предупреждение об этом нападении было получено от татар, вернувшихся в конце мая 1640 г. в Тобольск с охоты на Ишиме, которые рассказали,[2] что они были там задержаны людьми царевича и перебежчиком Кочашкой Танатаровым и допрошены о положении в Тарханском острожке и в окрестных местах; по их словам, из данных ими ответов неприятель не мог извлечь какую-либо пользу для себя. В конце июня в Тарханский острожек пришла весть о приближении калмыков.[3] Самое нападение было произведено не ранее 10 октября того же года,[4] когда Девлеткирей появился перед острогом, имея при себе около ста человек в то время, как остальные его люди разоряли окрестные деревни. В Тарханском острожке было не более 40 тюменских годовальщиков. Несмотря на беспрестанные приступы Девлеткирея к острожку, они храбро защищались. В самое горячее время боя стоявшему во главе служилых людей Чеглокову удалось отправить нарочного на Тюмень. Вскоре после этого калмыки, испугавшись, что к русским придет помощь, отступили.

§ 82. Поход, предпринятый с Тюмени в следующем (1641) году против царевича Девлеткирея[5] для наказания за произведенное им нападение, был довольно успешен, несмотря на то, что в нем участвовало не более 272 русских и татар. Во главе их был Илья Бакшеев, который так удачно наехал на царевича с его калмыками, что уже в начале боя победа склонилась на сторону русских. Очень много калмыков было побито, а другие были захвачены в плен. В числе последних находились племянник и племянница тайши Урлюка, которые были доставлены на Тюмень.

§ 83. Другой поход, предпринятый против калмыков из Тобольска и с Тюмени в августе того же года, окончился неудачно. Тюменские служилые люди не нашли в указанной им местности калмыков и, ничего не сделав, возвратились назад. Вследствие этого тобольским служилым людям пришлось одним выдержать всю силу нападения калмыков, которая была тем значительнее, что нападение произошло совершенно неожиданно. Калмыков — улусных людей Урлюка и его сыновей Тайчина и Ильденея — было до 700 человек.[6] Девлеткирей тоже принимал участие в этом деле.[7] Во главе тобольских людей стоял Данила Аршинский, который с 13 человеками прибежал в Тарханский острожек,[8] остальные рассеялись в разные стороны. Другой тайша Илденей, тот, с которым в свое время велись на Таре переговоры, хотел доказать свое доброе отношение к русским и послал на Тару весть о враждебных замыслах царевича и тайши Ирлюка и его сыновей.[9]

§ 84. В это время при сыне Талая Тайчине находился тангутский лама, который одновременно с Тайчином отправил послов на Тюмень. Там его послам оказали одинаковый почет с калмыками и послали тем и другим в подарок несколько кусков червчатого и лазоревого сукна,[10] которое калмыки очень ценили. Тюменским посланцам ламы не удалось, однако, выполнить до конца возложенное на них поручение. На Ишиме, у горы Итик, ехавшие с ними к себе домой калмыцкие послы

---

[1] Приложение № 385.
[2] Приложения №№ 385, 387 и 388.
[3] Приложение № 391.
[4] Приложение № 393.
[5] Приложение № 422.
[6] Приложения №№ 397, 398, 401 и 404.
[7] Приложения №№ 399, 402 и 403.
[8] Приложение № 395.
[9] Приложение № 394.
[10] Приложение № 427.

и их люди ограбили послов тангутского ламы, отняли у них подарки и товары, которые они имели при себе для продажи. Им пришлось воротиться обратно на Тюмень. Это было в 1642 г.

§ 85. Я оставляю в стороне многие грозные вести, которые получались почти каждую осень о предстоящем нападении калмыков из степи, и беру из них только то, что может служить дополнением истории Кучумовых царевичей и калмыков. В 1642 г. Урлюк тайша со своими сыновьями и Кулделен тайша кочевали в верховьях Тобола.[1] К последнему съехалось еще пять тайш со многими воинскими людьми, собравшимися в поход.[2]

Один тобольский татарин, отправленный к нему посланником, тайно ушел от него, чтобы доставить в Уфу весть и предупредить о военных приготовлениях. У Кулделена был брат Кущи, который перед тем ходил в поход против монголов,[3] а теперь ожидался вместе со своими калмыками обратно. В 1643 г. на Таре был посланник от Ишкена-тайши, сына Тайчина-тайши и внука Талая-тайши, с которым были отправлены в посольство к тайше Ишкену тарские казаки.[4] Они возвратились 11 ноября с новыми посланниками от того же тайши и рассказали, что незадолго до них к Ишкену приезжал Девлеткирей, который требовал помощи людьми против русских, в чем ему, однако, было отказано. Девлеткирей говорил, что прошлым летом он был под Тюменью и заметил, что тамошние люди живут совершенно беззаботно и что их очень легко воевать. Они добавляли, что стан царевича находится на старых кочевьях, между горами Итик и Мунчак у Ишиа. Другое посольство, отправленное с Тары в том же году к тайше Илденею и к его сыну Мергену тайше,[5] привезло почти такие же вести. Благодаря отправленным к ним с Тары посольствам в 1644 г. стали известны еще два калмыцких тайши — Урукун и Кутайкуша.[6] В том же известии упоминается, что Ирденей тайша со своими людьми вместе с царевичем Девлеткиреем собирается итти воевать государевы города.

* § 86. Наконец, стало известно, какую цель имели упоминавшиеся уже военные приготовления Урлюка тайши. Со своими сыновьями и внуками он подошел к Астрахани и старался там склонить ногайских мурз отпасть от России.[7] Чтобы наказать его за это, в 1644 г. были высланы против него русские войска, которые одержали большую победу. Сам Урлюк и некоторые из его сыновей вместе со многими калмыками погибли при этом, их кочевья были разорены и разграблены, а только некоторые его сыновья, не принимавшие участия в бое, бегством спасли свою жизнь.

§ 87. В 1645 г. на Тюмени было калмыцкое посольство, присланное Гумбой-тайшей, сыном Талая-тайши, и его матерью Ахайей, Ишкеном или, как он здесь назван, Ешкеном-тайшей и его матерью Дарыкой или, вернее, Дары-икой.[8] Их отпустили 20 июля домой, отправив вместе с ними нескольких служилых людей, которые должны были разузнать о похищенных у тунгутских послов товарах[9] и потребовать их обратно. Но им ответили пустыми отговорками, что будто бы тех, кто участвовал в грабеже, сейчас здесь нет, и что, как только они возвратятся, будет произведено расследование. После того Ишкен и его мать снова отправили послов на Тюмень, но они не имели других целей, кроме торговых сношений.

---

[1] Приложение № 406.
[2] Приложения №№ 408, 411 и 417.
[3] Приложение № 407.
[4] Приложение № 412.
[5] Приложение № 413.
[6] Приложение № 417.
[7] Приложение № 420.
[8] Приложение № 427.
[9] См. гл. 9, § 84.

* § 88. Несколько тобольских служилых людей были в это время в посольстве у Куйделен-тайши и у одного ламы Ирдени абаши,[1] откуда привезли в Тобольск вести о том, что на урочище Казлык собрались многие калмыцкие тайши со своими людьми, в количестве до 100 000 человек;[2] однако они не могли разузнать, что намеревались делать калмыки, так как последние не позволили им говорить с русскими или иными пленными. Девлеткирей, напротив того, показал свое миролюбие тем, что не только хорошо обошелся с находившимися на охоте тюменскими татарами, встреченными им на реке Нижней Алабуге,[3] но и торжественно заверил их в том, что он и впредь воздержится от всяких враждебных действий и подчинится царской власти, избежать чего он все равно не может. К этому он добавил, что отправил в Тобольск посла с таким же заявлением. Но первой вести верили больше, чем словам Девлеткирея. В Тобольске, на Таре, на Тюмени, в Туринске и слободах всюду начались приготовления. Жителям деревень было предложено укрыться в городах и острогах. Но калмыки не приходили, и, в конце концов, стало ясно, что тревога была напрасной. Конечно, невероятно, чтобы малые тайши могли собрать войско в 100 000 человек.

* § 89. В известии о мирных намерениях царевича Девлеткирея говорится еще о двух царевичах Бугае и Кучуке, бывших вместе с ним и названных его племянниками. Но Бугай или, как его еще называли, Абугай был сыном Ишима, братом Аблая, внуком Кучума.[4] Значит, он принадлежал к одной и той же степени родства с Девлеткиреем и поэтому не мог называться его племянником, а должен быть назван двоюродным братом. Кучук же был сыном Аблая, внуком Ишима и правнуком Кучума. Бугай выступает здесь впервые как противник русских. Когда в 1646 г. голова конных казаков Гаврило Грозин вернулся в Тобольск из посольства к Девлеткирею, то стало известно, что царевич Бугай с калмыками и тарскими и тюменскими татарами, изменившими русским, хочет напасть на русские пограничные города и слободы.[5]

§ 90. В ноябре 1646 г. на Тюмень пришли послы от тайши Ешкепа и от его матери Дары-ики, вдовы Тайчина,[6] которые вследствие нового распоряжения не были впущены в город, а должны были выполнить свое поручение на реке Пышме. Причиной этому было ходатайство тобольского воеводы, вызвавшее указ из Москвы, чтобы приходящих на Тюмень послов там не выслушивать, а посылать в Тобольск. Но так как калмыцкие посольства имели главною целью торговлю, то калмыки были недовольны, что им не позволяют продавать свои товары там, где это им казалось удобнее. Их недовольство перешло даже в угрозы войною, когда в июле 1647 г. еще одно пришедшее на Тюмень посольство тайши Ешкепа, его матери Дары-ики и Ирдени контайши, вместе с бухарским торговым караваном, опять не было принято.[7]

§ 91. На Таре, напротив, придерживались прежнего обыкновения и продолжали непосредственно вести посольские сношения с калмыками. Летом 1647 г. оттуда было отправлено посольство к калмыцкому тайше Учурту,[8] вероятно, и от Учурту были присланы на Тару посланники. Таким путем была получена весть, что Тайчин-тайша, сын Урлюка, грозит отомстить за смерть своего отца. Возможно, что вскоре после этого, в августе, Тайчин с 200 человеками был виден на Исети. С Тюмени дважды высылали служилых людей против калмыков,[9] но, как только они появлялись,

[1] Приложение № 433.
[2] Приложения №№ 432 и 433.
[3] Приложения №№ 430 и 431.
[4] Приложение № 485.
[5] Приложение № 443.
[6] Приложение № 444.
[7] Приложения №№ 448—451, 453 и 454.
[8] Приложение № 451.
[9] Приложения №№ 453 и 454.

калмыки бесследно исчезали. Тюменскому воеводе было поставлено в вину, что он это делал без приказа из Тобольска, так как уже давно было сделано распоряжение, подтверждавшееся при каждом случае, чтобы воеводы на Тюмени и на Таре своею властью не посылали служилых людей против калмыков и Кучумовых царевичей, но отписывали в Тобольск и ожидали оттуда людей для более решительных действий против врагов. Тобольских воевод обвиняли, напротив, в том, что они недостаточно быстро снаряжали походы. В Тобольске действовали спокойно, с осмотрительностью и осторожностью, в то время как на Тюмени и на Таре поступали под влиянием первого впечатления и чувства мести за нанесенные обиды; иногда побудительной причиной для похода было желание захватить добычу и тем возместить понесенные убытки.

§ 92. Осенью 1647 г. большое число калмыков опять находилось в Тарском уезде, в расстоянии 5—6 дней пути от города, на реке Камышлове, даже еще ближе, в так называемой Черной луке на Иртыше.[1] Было получено также известие, что Тайчин-тайша, сын Урлюка, уговаривает тайшу Ишкепа и его брата Чечена действовать с ним заодно против русских. Про Кулделен-тайшу рассказывали, что бывшее у него собрание калмыцких тайшей, на котором присутствовали также Кучумовы царевичи, являлось общим военным советом. Утверждали также, что уже собрано много воинских людей, но неизвестно, куда намечается поход. Но кроме небольших вражеских набегов по рекам Исети и Пышме, которые были отражены, больше ничего не произошло.

§ 93. Весною 1648 г. на пасхе царевичи Бугай и Кучук повоевали пограничные с Сибирью уфимские волости.[2] По поводу этого Девлеткирей жаловался, говоря, что его двоюродные братья не слушают его, что они имеют еще более враждебные замыслы против русских и что он ничем не может им противодействовать, если они вздумают их выполнить. Как только сошел снег, Тайчин-тайша, сын Урлюка, ушел со своими людьми на Волгу, чтобы, как говорили, воевать горских черкасов.

§ 94. В мае прибыли на Тюмень или, вернее, на реку Пышму калмыцкое посольство и караван от матери Ишкепа-тайши и привезли с собой от тайши Берги русского пленного, за которого требовали выкуп.[3] Это был захваченный калмыками и ногайскими татарами в 1644 г. саратовский стрелец, отправленный тамошним воеводой Яковом Писемским с отписками в Москву. Один казанский татарин, проживший в плену у калмыков 11 лет, принес на Тюмень весть,[4] что у калмыков вспыхнула новая междуусобная война, которая не позволит им думать о внешних столкновениях. Этого татарина взял в плен Улденей-тайша, сын Урлюка. Год тому назад он убежал от Улденея и жил у калмыка Бакшана, сына тархана, люди которого поймали его во время побега. Судя по его расспросным речам, Ирдени-контайша хотел заставить царевича Девлеткирея выступить в поход против русских, но пришла весть, что Батур контайша, сын Каракулы, угрожает войною всем прочим калмыцким князьям, вследствие чего Кулден Абаша-тайша, Ирдени-контайша, Коан-тайша, Девлеткирей и Бакшан собрали своих людей у реки Тобола и приготовили их к бою.

§ 95. Здесь мы остановимся на рассмотрении столкновений с малыми калмыцкими тайшами и Кучумовыми царевичами. Батур-контайша привел в послушание себе большинство тайшей, до того независимых, и положил основание единовластию, сохранившемуся наследственно в его роде до наших дней. Нам необходимо поэтому рассмотреть особо историю этого калмыцкого владетельного рода, поскольку она связана с историей Сибири.

---

[1] Приложения №№ 452 и 462.
[2] Приложения №№ 459 и 460.
[3] Приложения №№ 457 и 458.
[4] Приложение № 461.

ПРИЛОЖЕНИЯ

ПЕРЕЧЕНЬ ПРИЛОЖЕНИЙ №№ 1—485

шилки Власьева с товарищами для разработки соляных ключей на речке Негле (Негре) и устройства там варницы, амбара, дворов и пр. — (Стр. 160.)

17. 1600 г. ранее октября 24. Отписка тобольского воеводы Семена Сабурова пелымскому воеводе Тихону Траханиотову о посылке разных варничных припасов и об отправке на речку Неглу (Нагру) пушкаря Ворошилки Власьева с товарищами для устройства там варницы и о наблюдении за варкой соли сыну боярскому Василию Албычеву. — (Стр. 161.)

18. 1600 г. ранее декабря 10. — Отписка тобольского воеводы Семена Сабурова пелымскому воеводе Тихону Траханиотову о наказании вогулов, препятствующих устройству соляного промысла на речке Негле (Нагре), и о мерах к дальнейшему развитию этого промысла. — (Стр. 162.)

19. 1600 г. декабря 20. — Грамота на Верхотурье голове Гаврилу Салманову о посылке на соляной промысел на р. Неглу стрельцов и казаков или наемных людей, но не пашенных людей и вогулов. — (Стр. 162.)

20. 1600—1601 гг. — Отписка тобольского воеводы Семена Сабурова туринскому голове Федору Янову о принятии мер к дальнейшей отправке до Верхотурья царевича Берди-Мурата и его провожатых. — (Стр. 163.)

21. 1601 г. января 28. — Грамота на Тюмень воеводе князю Луке Щербатову об устройстве ямской гоньбы по Тюмени. — (Стр. 164.)

22. 1601 г. января 29. — Грамота на Тюмень воеводе князю Луке Щербатову о построении на Тюмени храма во имя Бориса и Глеба. — (Стр. 164.)

23. 1601 г. не ранее марта 9. — Отписка уфимского воеводы Михаила Нагово тюменскому воеводе Луке Щербатову о сношениях с царевичами Алеем, Азимом, Кубеем и Канаем. — (Стр. 165.)

24. 1601 г. не ранее апреля 9. — Отписка тобольского воеводы Федора Шереметева туринскому голове Федору Фофанову о запрещении сибирским служилым людям торговать мягкой рухлядью. — (Стр. 168.)

25. 1601 г. Не ранее июня 16. — Отписка тюменского воеводы князя Александра Приимкова-Ростовского туринскому голове Федору Фофанову о вестях про татар, ногайцев, казахов и других. — (Стр. 168.)

26. 1601 г. августа 30. — Грамота в Туринск голове Федору Фофанову о необходимости соблюдения интересов местного населения при собирании ясака и местных служилых людей при выдаче им хлебного жалованья. — (Стр. 169.)

27. 1601 г. сентября 17. — Грамота на Верхотурье князю Матвею Львову о продолжении работ на соляном промысле на речке Негле, о поисках лучшего места на той же речке и, в случае отсутствия его, о переносе промысла на р. Покчинку и об устройстве варниц там. — (Стр. 171.)

28. 1602 г. ноября 11. — Грамота в Березов воеводе князю Ивану Барятинскому о производстве суда по делу остяка Колока Порутиева с остяком Обдорского городка Чегеем. — (Стр. 171.)

29. 1602 г. ноября 29. — Грамота на Верхотурье князю Матвею Львову о принятии мер для поддержки соляного промысла на речке Негле и надзоре за этим промыслом. — (Стр. 172.)

30. 1602 г. ноября ... — Грамота в Березов воеводе князю Ивану Барятинскому о разрешении князю Григорию Алачеву ехать в Москву „прямой дорогой через Камень на Вымь". — (Стр. 173.)

31. 1602 г. января 25. — Наказ мангазейскому воеводе Федору Булгакову и голове Никифору Ельчанинову. — (Стр. 173.)

32. 1603 г. февраля 27. — Грамота в Туринск голове Ивану Лихареву о переводе крестьян с Пелыми и Тары для устройства их на пашню в Туринском остроге. — (Стр. 177.)

33. 1603 г. не ранее марта 16. — Отписка тюменского воеводы князя Александра Приимкова-Ростовского туринскому голове Федору Фофанову о полученных вестях про Кучумовых детей. — (Стр. 178.)

34. 1603 г. не ранее июня 10. — Отписка тюменского головы Алексея Безобразова туринскому голове Ивану Лихареву о полученных вестях про ногайцов. — (Стр. 179.)

35. 1603 г. не ранее июля 1. — Отписка тюменского головы Алексея Безобразова туринскому голове Ивану Лихареву о намерении царевича Алея итти на Тюмень. — (Стр. 179.)

36. 1603 г. не ранее сентября 10. — Отписка туринского головы Ивана Лихарева тюменскому голове Алексею Безобразову о полученных от последнего вестях про царевича Алея и о его намерении воевать Тюменский и Туринский уезды и пр. — (Стр. 180.)

37. 1603 г. не ранее октября 11. — Отписка тюменского воеводы князя Александра Приимкова-Ростовского и головы Федора Пушкина туринскому голове Федору Фофанову о вестях про царевичей Алея, Кедяя и других. — (Стр. 180).

38. 1603 г. октября 15. — Грамота на Тюмень голове Алексею Безобразову о принятии мер на случай нападения на Тюмень царевича Алея. — (Стр. 181.)

39. 1604 г. февраля 26. — Грамота на Верхотурье Неудаче Плещееву и голове Матвею Хлопову о выдаче черному попу Ионе леса и теса для окончания постройки Никольского верхотурского монастыря. — (Стр. 181.)

40. 1604 г. марта 18. — Грамота на Верхотурье Неудаче Плещееву и голове Матвею Хлопову о посылке „церковного строения" для Никольского монастыря, о назначении руги попу и дьячку и о даче взамен ее пашни и угодий. — (Стр. 182.)

41. 1604 г. мая 11. — Грамота в Туринск голове Ивану Лихареву о беспошлинной торговле в Туринске животиною, доставляемой татарами, черемисами и чувашами. — (Стр. 183.)

42. 1604 г. не ранее октября 11. — Отписка в Москву верхотурского воеводы Неудачи Плещеева о намерении сосвинских вогулов разорить соляной промысел на Негле, о вестях, полученных от захваченного вогула Алпаутки, о недостатке служилых людей на Верхотурье и об общей „шатости" вогулов Верхотурского уезда. — (Стр. 183.)

43. 1604 г. ноября 11. — Отписка в Москву верхотурских воевод Неудачи Плещеева и Матвея Хлопова об отсутствии в Верхотурье поличного железа, необходимого для посылки на соляной промысел на р. Негле, и затинных и малых пищалей, требуемых Ворошилкой Власьевым для защиты того же промысла от нападения вогулов. — (Стр. 185.)

44. 1604 г. декабря 5. — Грамота на Тюмень голове Алексею Безобразову о покупке в Казани, в виду падежа скота, 300 быков, о разрешении беспошлинной торговли лошадьми и другим скотом на Тюмени и о бесплатной раздаче быков бедным крестьянам. — (Стр. 186.)

45. 1604 г. не ранее декабря 21. — Отписка в Москву верхотурского воеводы Неудачи Плещеева о полученных им вестях о намерении сосвинских вогулов сжечь соляной промысел на Негле. — (Стр. 187.)

46. 1605 г. января 29. — Грамота на Тюмень голове Алексею Безобразову о даче земли под дворы ямских охотников за рекою Тюменкою и об отводе сенных покосов татарам отдельно от ямщиков. — (Стр. 187.)

47. 1605 г. марта 3. — Грамота на Верхотурье Неудаче Плещееву о вогулах, заподозренных в измене и воровстве. — (Стр. 187.)

48. 1605 г. апреля 16. — Отписка туринского головы Ивана Лихарева тобольскому воеводе князю Андрею Голицыну о высылке служилых людей в виду ожидаемого нападения на город „Алеевых татар". — (Стр. 189.)

49. 1605 г. мая 8. — Грамота на Верхотурье воеводе Неудаче Плещееву об увеличении острога. — (Стр. 189.)

50. 1605 г. не ранее мая 28. — Отписка тюменского головы Алексея Безобразова туринскому голове Ивану Лихареву о местонахождении царевичей Алея и Азима с их кочевьями и их намерении итти на Тюмень. — (Стр. 190.)

51. 1606 г. января 5. — Грамота на Верхотурье воеводе Степану Годунову о сборе и доставке сылвинскими и иренскими остяками ясака лично, о разрешении им торговать на Верхотурье на гостином дворе и о бережении ясачных людей от насильств и продаж стрельцов и всяких людей. — (Стр. 191.)

52. 1606 г. февраля 2. — Грамота на Верхотурье воеводе Степану Годунову о производстве сыска об убытках казаков при перевозке соли и цренной снасти с Неглы на Верхотурье. — (Стр. 192.)

53. 1606 г. мая 3. — Грамота на Верхотурье воеводе Степану Годунову о выдаче жителям города бревен для построения церкви Воскресения. — (Стр. 192.)

54. 1606 г. не ранее мая 28. — Отписка тюменского воеводы боярина Матвея Годунова туринскому воеводе Ивану Годунову о вестях по поводу намерений царевича Алея напасть на уфимские волости. — (Стр. 192.)

55. 1606 г. не ранее июня 21. — Отписка тобольского воеводы князя Романа Троекурова туринскому воеводе Ивану Годунову о „шатости“ в Кондинской и Назымской волостях и о мерах к подавлению движения среди остяков. — (Стр. 193).

56. 1606 г. не ранее сентября 20. — Отписка тюменского воеводы боярина Матвея Годунова туринскому воеводе Ивану Годунову о приходе в тарские волости калмыков и принятии мер предосторожности в Туринске и его уезде. — (Стр. 194.).

57. 1607 г. ранее марта 21. — Отписка тюменского воеводы боярина Матвея Годунова туринскому воеводе Ивану Годунову о приглашении охочих русских людей и татар в поход против калмыков. — (Стр. 195.)

58. 1607 г. марта 30. — Грамота на Верхотурье воеводам Степану Годунову и Алексею Загряскому о построении теплого храма. — (Стр. 195.)

59. 1607 г. марта 31. — Грамота на Верхотурье воеводам Степану Годунову и Алексею Загряскому о посылаемой печати города Верхотурья и о порядке пользования и хранения ее. — (Стр. 195.)

60. 1607 г. марта 31. — Грамота в Березов воеводе Петру Черкаскому о посылаемой печати города Березова и о порядке пользования и хранения ее. — (Стр. 196.)

61. 1607 г. апреля 1. — Грамота в Березов воеводе Петру Черкаскому о заготовке леса и исправлении острога. — (Стр. 196.)

62. 1607 г. не ранее мая 12. — Отписка тюменского воеводы боярина Матвея Годунова туринскому воеводе Ивану Годунову о намерении царевича Алея воевать тобольские, уфимские и тюменские ясачные волости. — (Стр. 197.)

63. 1607 г. не ранее мая 24. — Отписка тюменского воеводы боярина Матвея Годунова туринскому воеводе Ивану Годунову о приходе в Тюменский уезд Кучумовых детей с калмыками и о возможном нападении их на Туринский острог. — (Стр. 197.)

64. 1607 г. мая 25. — Отписка верхотурского воеводы Степана Годунова туринскому воеводе Ивану Годунову о посылке служилых людей в Туринск в виду ожидаемого нападения царевича Алея. — (Стр. 197.)

65. 1607 г. не ранее июня 17. — Отписка верхотурского воеводы Алексея Загряского тобольскому воеводе князю Роману Троекурову о людях, грамотах, печатях и разных запасах, посланных в Тобольск. — (Стр. 198.)

66. 1607 г. июня 25. — Грамота на Верхотурье воеводам Степану Годунову и Алексею Загряскому об уплате вишерскими вогулами ясака, в Пермь Великую. — (Стр. 198.)

67. 1607 г. не ранее июля 6. — Отписка тюменского воеводы боярина Матвея Годунова туринскому воеводе Ивану Годунову о переходе через реку Туру царевича Алея и об отправлении в поход против него головы Назария Изъединова. — (Стр. 199.)

68. 1607 г. августа 22—31. — Отписка тюменского воеводы боярина Матвея Годунова туринскому воеводе Ивану Годунову о походе головы Назария Изъединова против царевича Алея и о погроме его кочевья. — (Стр. 199.)

69. 1607 г. октября 21. — Грамота в Березов воеводе Петру Черкаскому о торговле русских с самоедами в Березовском уезде. — (Стр. 200.)

70. 1607 г. октября 28. — Грамота в Березов воеводе Петру Черкаскому о восстании березовских остяков, вогулов и самоедов. — (Стр. 202.)

71. 1607 г. не ранее ноября 20. — Отписка тюменского воеводы боярина Матвея Годунова туринскому воеводе Ивану Годунову о приходе в Тюмень тестя царевича Чувака Евлубая Бекотина с татарами и о неправильности известий о нападении калмыков на тюменских татар. — (Стр. 204.)

72. 1608 г. января 10. — Грамота в Березов воеводе Петру Черкаскому о выдаче березовским служилым людям жалованья за годовую службу во время восстания березовских остяков, вогулов и самоедов. — (Стр. 205.)

73. 1608 г. апреля 3. — Грамота в Пелым воеводам Ивану Годунову и Петру Исленьеву об ясаке с пелымских ясачных людей. — (Стр. 205.)

74. 1608 г. апреля 10. — Грамота в Пелым воеводам Ивану Годунову и Петру Исленьеву о пашне табаринских татар. — (Стр. 206.)

75. 1608 г. не ранее июля 20. — Отписка тюменского воеводы боярина Матвея Годунова туринскому воеводе Ивану Годунову о незадержке в Туринске служилых людей, посланных с царевичем Алтынаем. — (Стр. 207.)

76. 1608 г. не ранее августа 6. — Отписка тюменского воеводы боярина Матвея Году-

нова туринскому воеводе Ивану Годунову о походе Уруса мурзы под Тюмень. — (Стр. 207.)

77. 1608 г. не ранее сентября 4. — Отписка тюменского воеводы боярина Матвея Годунова туринскому воеводе Ивану Годунову о походе атамана Дружины Юрьева на Уруса мурзу и нагайцев. — (Стр. 207.)

78. 1608 г. не ранее декабря 13. — Отписка тюменского воеводы боярина Матвея Годунова туринскому воеводе Ивану Годунову об отправке в Москву сибирских цариц и о корме им. — (Стр. 208.)

79. 1608 г. не ранее декабря 25. — Отписка кетского воеводы Григория Елизарова томским воеводам Василию Волынскому и Михаилу Новосильцеву о нападении тунгусов на Кузнецкую волость и о сообщении вестей про киргизов. — (Стр. 208.)

80. 1609 г. не ранее марта 18. — Отписка тюменского воеводы боярина Матвея Годунова туринскому воеводе Ивану Годунову о высылке татар, подозреваемых в измене. — (Стр. 209.)

81. 1609 г. не ранее марта 29. — Отписка тюменского воеводы боярина Матвея Годунова туринскому воеводе Ивану Годунову о допросе татар, высланных из Туринска по подозрению в измене, и о невозможности послать служилых людей. — (Стр. 209.)

82. 1609 г. не ранее апреля 1. — Отписка верхотурских воевод Степана Годунова и Ивана Плещеева пелымскому воеводе Ивану Годунову о сыске по делу о приходе на Неглу и на Туру сосвинских вогулов Андрюшки и Семейки Кумычевых. — (Стр. 210.)

83. 1609 г. не ранее июля 6. — Отписка кетского воеводы Григория Елизарова тобольскому воеводе князю Ивану Катыреву-Ростовскому с товарищами о действиях служилых людей против тунгусов, нападавших на ясачных людей, и о недостатке хлебных запасов в Кетском остроге. — (Стр. 211.)

84. 1609 г. не ранее июля 21. — Отписка тобольского воеводы князя Ивана Катырева-Ростовского пелымскому воеводе Ивану Годунову о вестях, полученных из Березова, о движении среди остяков и о высылке в Тобольск кондинского князца Четыря. — (Стр. 212.)

85. 1609 г. августа 6. — Грамота в Пелым воеводам Ивану Годунову и Петру Исленьеву о приборе охочих людей на пашню в Табаринскую волость. — (Стр. 213.)

86. 1609 г. августа 6. — Грамота в Пелым воеводам Ивану Годунову и Петру Исленьеву об ясаке с пелымских ясачных людей. — (Стр. 214.)

87. 1609 г. не ранее декабря 12. — Отписка кетского воеводы Григория Елизарова тобольскому воеводе князю Ивану Катыреву-Ростовскому о намерении тунгусов воевать государевых служилых людей и ясачных остяков. — (Стр. 215.)

88. 1609 г. не ранее декабря 17. — Отписка кетского воеводы Григория Елизарова в Москву о нежелании тунгусов давать ясак, о посылке за ясаком в Макуцкую волостку и Ямыцкую землицы и о приходе к князцу Исеку киргизов. — (Стр. 215.)

89. 1609—1610 гг. — Отписка тюменских воевод Матвея Годунова и Семена Волынского верхотурским воеводам Степану Годунову и Ивану Плещееву о присылке дьякона в Тюмень. — (Стр. 216.)

90. 1609—1610 гг. — Отписка в Москву кетского воеводы Григория Елизарова о неправильном сборе мангазейскими служилыми людьми ясака с сымских, касовских и енисейских остяков. — (Стр. 216.)

91. 1609—1610 гг. — Отписка кетского воеводы Григория Елизарова тобольскому воеводе Ивану Катыреву-Ростовскому о неправильном сборе мангазейскими служилыми людьми ясака с сымских, касовских и енисейских остяков. — (Стр. 217.)

92. 1610 г. марта 12. — Отписка устюжского воеводы Ивана Стрешнева верхотурскому воеводе Степану Годунову о посылке железа в Сибирь. — (Стр. 217.)

93. 1610 г. июня 16. — Грамота в Березов воеводам Степану Волынскому и Юрию Стромилову о построении в Березове, вместо города, острога. — (Стр. 218.)

94. 1610 г. не ранее сентября 18. — Отписка тюменского воеводы Семена Волынского туринскому воеводе Федору Акинфову о приходе нагайцев в Уфимский уезд и о движении их к Тюмени. — (Стр. 218.)

95. 1610 г. не ранее декабря 29. — Отписка кетского воеводы Григория Елизарова тобольскому воеводе князю Ивану Катыреву-Ростовскому о нападении тунгусов на остяков Кузнецкой волости. — (Стр. 219.)

96. 1611 г. января 27. — Грамота в Кетский острог воеводе Григорию Елизарову о платеже ясака сымскими и касовскими остяками. — (Стр. 219.)

97. 1611 г. марта 10. — Наказная память томских воевод Василия Волынского и Михаила Новосильцева казачьему атаману Ивану Павлову с товарищами, отправленным в Тоянов и Евагин городки для приведения к шерти татар. — (Стр. 220.)

98. 1611 г. не ранее мая 24. — Отписка тюменского воеводы Семена Волынского туринскому воеводе Федору Акинфову о призыве охочих людей для похода против калмыков в Тарском уезде. — (Стр. 220.)

99. 1611 г. не ранее сентября 1. — Отписка кетского воеводы Григория Елизарова тобольскому воеводе князю Ивану Катыреву-Ростовскому о нападении тунгусов на енисейских ясачных остяков. (Стр. 221.)

100. 1611 г. сентября — декабря. — Отписка тобольского воеводы князя Ивана Катырева-Ростовского тюменскому воеводе Матвею Годунову о походе тюменских служилых людей и татар к соляным озерам Тарского уезда. — (Стр. 221.)

101. 1611 г. не ранее декабря 4. — Отписка в Москву кетского воеводы Григория Елизарова о ложных известиях, послуживших основанием для грамот 1611 г. о платеже ясака сымскими и касовскими остяками. — (Стр. 222.)

102. 1612 г. не ранее июля 10. — Отписка пелымского воеводы Петра Исленьева туринскому воеводе Федору Акинфову о намерениях вишерских и лозвинских вогулов, совместно с березовскими остяками и пелымскими вогулами и татарами, итти на город Пелым и пелымские волости. — (Стр. 223.)

103. 1612 г. не ранее июля 12. — Отписка сургутского воеводы Ивана Благово нарымскому воеводе Мирону Хлопову о движении вогулов, остяков и татар к Пелымскому городу и о мерах, принятых для защиты последнего. — (Стр. 224.)

104. 1612 г. не ранее декабря 10. — Отписка пелымского воеводы Петра Исленьева туринскому воеводе Федору Акинфову о полученных новых вестях о намерении вогулов напасть на Пелымский город. — (Стр. 225.)

105. 1612 г. декабря 31. — Грамота Московского государства боярина и воеводы князя Дмитрия Трубецкого с товарищами на Верхотурье воеводе Степану Годунову о даче земли верхотурским ямщикам, пашенным и торговым людям для пашни по рекам Тагилу и Мулгаю. — (Стр. 226.)

106. 1613 г. не ранее марта 14. — Отписка кетских служилых людей Молчана Лаврова и Ивана Ясыря сургутскому воеводе Ивану Благово о посылке ясатчиков „в Тунгусы" и в Тюлькину землицу. — (Стр. 226.)

107. 1613 г. апреля 30. — Грамота в Пелым воеводе Федору Годунову о „приборе" новых стрельцов и о жалованьи им. — (Стр. 226.)

108. 1613 г. не ранее июня... — Отписка кетского служилого человека Молчана Лаврова сургутскому воеводе Ивану Благово об ясаке с Тюлькиной землицы и с тунгусов. — (Стр. 227.)

109. 1613 г. сентября 24. — Грамота в Пелым воеводе Федору Годунову о „шатости" и „измене" пелымских вогулов. — (Стр. 228.)

110. 1613 г. октября... — Грамота на Верхотурье боярину и воеводе Степану Годунову о платеже сыльвинскими и иренскими татарами и остяками ясака и десятой пошлины попрежнему на Верхотурье. — (Стр. 228.)

111. 1614 г. апреля 5. — Грамота на Верхотурье воеводам Степану Годунову и Белянице Зюзину о посылке денег на Тару для раздачи служилым людям „за колматскую службу". — (Стр. 229.)

112. 1614 г. ноября 30. — Грамота на Верхотурье воеводе Белянице Зюзину о выдаче верхотурским служилым людям хлебного жалованья на 123-й год из привозного хлеба. — (Стр. 229.)

113. 1614 г. декабря 10. — Грамота в Туринск воеводе Петру Желябужскому о посылке в Туринск пелымских стрельцов и о запрещении пашенным крестьянам нести караульную и станичную службу. — (Стр. 230.)

114. 1614 г. декабря 14. — Память тобольского воеводы князя Ивана Буйносова-Ростовского в Кетский острог атаману Тугарину Федорову о даче запасов, толмача и подвод посланным „на Енисею" для сыску литвину Фоме Софронову с товарищами и о присылке в Тобольск списка с грамоты 1611 г. о платеже ясака сымскими и касовскими остяками. — (Стр. 231.)

115. 1615 г. не ранее июля 12. — Отписка тюменских воевод боярина Матвея Годунова

и Федора Бобарыкина туринскому воеводе Петру Желябужскому о движении калмыков в сибирские уезды. — (Стр. 231.)

116. 1616 г. марта 20. — Грамота в Мангазею воеводе Ивану Биркину о посылке в устье Енисея служилых и промышленных людей для разведывания тамошних мест, о переписи живущих там людей, о собирании сведений о приходе „на Енисею" немецких людей и о запрещении торговли с немцами в „Енисее и Мангазее". — (Стр. 232.)

117. 1616 г. не ранее сентября 7. — Отписка нарымского воеводы Ивана Хомякова Языкова кетскому воеводе Чеботаю Челищеву о насилиях сургутских остяков Кинемы с товарищами над русскими людьми. — (Стр. 234.)

118. 1616 г. октября 15. — Грамота на Тюмень воеводе князю Федору Коркодинову о принятии мер предосторожности в виду ожидаемого нашествия калмыков. — (Стр. 234.)

119. 1616 г. октября 15. — Грамота на Тюмень воеводе князю Федору Коркодинову о запрещении посылки служилых людей против калмыков без предварительных сношений о том с Тобольском. — (Стр. 235.)

120. 1616 г. октября 30. — Грамота на Тюмень воеводе князю Федору Коркодинову о немедленном сообщении известий о прибывших в Тюмень калмыцких послах. — (Стр. 236.)

121. 1616 г. ноября 16 — Грамота на Тюмень воеводе князю Федору Коркодинову о запрещении давать на выкуп калмыцкого абыза Бакшу и об отпуске его в Тобольск. — (Стр. 237).

122. 1616 г. ноября 17. — Грамота на Тюмень воеводе князю Федору Коркодинову о немедленной присылке известий о калмыцких послах. — (Стр. 238.)

123. 1616—1617 гг. — Челобитная томских казаков Ивана Хлопина с товарищами о жалованьи за службу в Чатском городке. — (Стр. 238.)

124. 1617 г. марта... — Грамота на Тюмень воеводе Ивану Секерину о даче места под пашню на устье реки Ницы тюменскому ямскому охотнику Игнатию Порозову с товарищами. — (Стр. 239.)

125. 1617 г. ранее апреля. — Отписка тобольского воеводы князя Ивана Куракина кетскому воеводе Чеботаю Челищеву о посылке сургутских служилых и промышленных людей и кетских остяков на тунгусов. — (Стр. 239.)

126. 1617 г. не ранее июня 19. — Отписка тобольского воеводы князя Ивана Куракина кетскому воеводе Чеботаю Челищеву об оказании содействия посланным из Тобольска для проведывания дороги на Енисей. — (Стр. 239.)

127. 1617 г. ранее июля 3. — Отписка тобольского воеводы князя Ивана Куракина кетскому воеводе Чеботаю Челищеву о собирании сведений о путях на Енисей и Верхнюю Тунгуску. — (Стр. 240.)

128. 1617 г. не ранее июля 3. — Отписка кетского воеводы Чеботая Челищева тобольскому воеводе князю Ивану Куракину о пути из Кетского острога на Енисей и Верхнюю Тунгуску, о посланных в Тобольск котлах и меди и о взыскании денег с кетского годовальщика Давыда Городчикова. — (Стр. 240.)

129. 1617 г. не ранее августа 18. — Отписка тобольского воеводы князя Ивана Куракина кетскому воеводе Чеботаю Челищеву о взимании ясака с сымских и с касовских остяков мангазейскими служилыми людьми. — (Стр. 241.)

130. 1618 г. января 20. — Отписка в Москву туринского воеводы Данилы Вельяминова о нежелании туринских крестьян Марка Фадеева и Клима Большой Бороды переходить на новое место в устье реки Ницы, согласно грамоте 1617 г. марта... (№ 124). — (Стр. 242.)

131. 1618 г. января... — Грамота на Тюмень воеводе князю Федору Коркодинову о жалованье головы тюменских юртовских служилых татар Маитмаса Ачекматова. — (Стр. 242.)

132. 1618 г. марта — апреля. — Отписка тобольского воеводы князя Ивана Куракина кетскому воеводе Чеботаю Челищеву о выдаче Петру Албычеву и Черкасу Рукину списков с ясачных окладных книг тех волостей, которые отойдут к новому Енисейскому острогу. — (Стр. 243.)

133. 1618 г. апреля — августа. — Отписка тобольского воеводы князя Ивана Куракина кетскому воеводе Чеботаю Челищеву о сборе ясака с волостей, отписанных к новому Тунгускому (Енисейскому) острогу. — (Стр. 244.)

134. 1618 г. мая 25. — Наказная память пелымских воевод Ивана Вельяминова и Гри-

гория Орлова князю Федору Кондинскому с товарищами об устройстве десятинной пашни в Табаринской волости. — (Стр. 244.)

135. 1618 г. июня 1. — Досмотр князя Федора Кондинского с товарищами устроенной ими государевой пашни в Верхних Табарах. — (Стр. 245.)

136. 1618 г. июня... — Челобитная пашенных вогулов Табаринской волости об освобождении от работ на пашне и о замене их ясаком. — (Стр. 245.)

137. 1618 г. не ранее сентября 1. — Отписка в Москву пелымских воевод Ивана Вельяминова и Григория Орлова о посылке в Тобольск двух сыновей боярских и 10 стрельцов „для государевой службы в Тунгусах" и о выдаче им жалованья. — (Стр. 246.)

138. 1618 г. ранее декабря 2. — Отписка тобольского воеводы князя Ивана Куракина пелымским воеводам Ивану Вельяминову и Григорию Орлову об „измене" сургутских остяков. — (Стр. 247.)

139. 1618—1619 гг. — Отписка в Москву пелымского воеводы Ивана Вельяминова о состоянии укреплений Пелымского города и о невозможности произвести починку их местными служилыми людьми. — (Стр. 248.)

140. 1619 г. не ранее февраля 11 — июня 6. — Отписка из Маковского острога Петра Албычева и Черкаса Рукина кетскому воеводе Чеботаю Челищеву об оказании содействия отправленным ими в Тобольск служилым людям и о намерении тунгусов итти под Маковский острог. — (Стр. 248.)

141. 1619 г. марта — апреля. — Отписка тобольского воеводы князя Ивана Куракина кетскому воеводе Чеботаю Челищеву о сборе мелких судов и о предоставлении их Максиму Трубчанинову, посылаемому „в Тунгусы" на перемену Петру Албычеву и Черкасу Рукину. — (Стр. 248.)

142. 1619 г. апреля 13. — Грамота в Туринск воеводе Даниилу Милославскому о присылке сведений о корме верблюдам, отбитым у калмыков и направляемым в Москву. — (Стр. 249.)

143. 1619 г. не ранее июня 6. — Отписка из Маковского острога Петра Албычева и Черкаса Рукина кетскому воеводе Чеботаю Челищеву об оказании содействия посланному в Тобольск Таганашке Анфилофьеву, о намерении тунгусов итти на Маковский и Кетский остроги, о полученных вестях про киргизов и о наказании Петрушки Парабельца, укравшего у одного кетского остяка его вещи. — (Стр. 249.)

144. 1619 г. декабря 16. — Память тобольского воеводы князя Ивана Куракина енисейскому приказному человеку Максиму Трубчанинову о посылке людей на Верхнюю Тунгуску для проведывания тех мест и находящейся там „великой реки". — (Стр. 250.)

145. 1620 г. не ранее февраля 23. — Отписка енисейского приказного человека Максима Трубчанинова томскому воеводе Федору Боборыкину о Киргизском волоке и об остроге „в Кызылах". — (Стр. 251.)

146. 1620 г. не позднее февраля 28. — Отписка в Москву туринского воеводы Данилы Милославского о челобитье туринских ясачных татар Ишмамета Тентюкова с товарищами на Артемия Бабинова, отнявшего у них их вотчину по р. Нице на устье реки Режи. — (Стр. 251.)

147. 1620 г. июня 3. — Грамота в Тобольск воеводе боярину Матвею Годунову о жалованье литвина Яна Кучи. — (Стр. 252.)

148. 1620 г. июня 22. — Наказная память, выданная Посольским приказом жильцам Томского города Луке Васильеву и казачьему атаману Ивану Белоголову, назначенным „в приставах" к калмыцким послам, возвращавшимся из Москвы. — (Стр. 253.)

149. 1620 г. июля 4. — Грамота в Туринск воеводе Данилу Милославскому о сыске и решении по спорному делу о владении Артемием Бабиновым землей и угодьями по реке Реже. — (Стр. 253.)

150. 1620 г. июля 14. — Наказная память тобольского воеводы боярина Матвея Годунова с товарищами тобольскому сыну боярскому Василию Тыркову, отправленному в Кетский острог для расследования злоупотреблений кетского воеводы Чеботая Челищева и об отстранении его от должности воеводы. — (Стр. 254.)

151. 1620 г. не ранее августа 5. — Отписка тобольского воеводы боярина Матвея Годунова туринскому воеводе Данилу Милославскому о выяснении того, к какому уезду принадлежат земля и угодья в устье Режи реки, пожалованные Артемию Бабинову. — (Стр. 255.)

152. 1620 г. не ранее сентября 1 — 1621 г. января — февраля. — Отписка тобольского воеводы боярина Матвея Годунова томским воеводам князю Ивану Шеховскому, и Максиму Радилову о посылке томских служилых людей в Енисейский (Тунгуский) острог в виду возможных нападений на него тунгусов весной 1621 г. — (Стр. 255.)
153. 1620 г. не ранее октября 13. — Отписка тарских воевод Силы Вельяминова и Федора Скрябина томским воеводам князю Ивану Шеховскому и Максиму Радилову о бережении лошадей и борошня, оставленного в Томске послами Каракулы тайши. — (Стр. 256.)
154. 1620 г. не ранее октября 15. — Отписка тобольского воеводы боярина Матвея Годунова томским воеводам князю Ивану Шеховскому и Максиму Радилову об остроге на Чулыме. — (Стр. 256.)
155. 1620 г. не ранее октября 23. — Отписка тюменских воевод Федора Бобрищева-Пушкина и Михаила Елизарова туринскому воеводе Данилу Милославскому о вестях про Ишима царевича и калмыков. — (Стр. 257.)
156. 1620 г. не ранее декабря 7. — Отписка в Москву томских воевод князя Ивана Шеховского и Максима Радилова об отправке за рубеж послов Тархана Лобы с товарищами, о полученных вестях о готовящемся нападении на Томск и Кузнецк порубежных народов и о недостатке служилых людей и запасов в Томске. — (Стр. 257.)
157. 1620—1621 гг. — Отписка Ивана Пущина томским воеводам князю Ивану Шеховскому и Максиму Радилову о посылке кузнецкими воеводами за ясаком в Сагаи и о предоставлении ему службы. — (Стр. 258.)
158. 1620—1621 гг. — „Книга приходная ясашной мягкой рухляди" Енисейского острога за 7129-й год". — (Стр. 259.)
159. 1621 г. не ранее января 21. — Отписка томских воевод князя Ивана Шеховского и Максима Радилова тобольскому воеводе боярину Матвею Годунову о невозможности поставить Чулымский острог и о недостатке присланных денег для уплаты жалованья всем томским служилым людям. — (Стр. 260.)
160. 1621 г. марта 3. — Грамота в Мангазею воеводе Димитрию Погожему о подтверждении грамоты 1619 г. о запрещении торговым и промышленным людям ходить в Мангазею морским путем. — (Стр. 261.)
161. 1621 г. не ранее марта 4. — Отписка тобольского воеводы боярина Матвея Годунова томским воеводам князю Ивану Шеховскому и Максиму Радилову по поводу вестей о намерении киргизов, багасаров, кизылов, кучегутов, братов, матов, саянов, аринцев и черных калмыков итти против Томска и Кузнецка и о недостатке служилых людей. — (Стр. 261.)
162. 1621 г. не ранее мая 3. — Отписка томских воевод князя Ивана Шеховского и Максима Радилова в Москву о верности белых калмыков и о походе князя их Абака на тубинцов, маторцов и качинцев. — (Стр. 263.)
163. 1621 г. не ранее мая 26. — Отписка томских воевод князя Ивана Шеховского и Максима Радилова в Москву об отправке ими служилых людей на Чулым для устройства там острога. — (Стр. 263.)
164. 1621 г. мая 30—1623 г. января 13. — Отписка архиепископа сибирского Киприана мангазейским воеводам Димитрию Погожему и Ивану Тонееву о посылке в Преображенский туруханский монастырь игумена Тимофея. — (Стр. 264.)
165. 1621 г. мая 30—1623 г. января 13. — Отписка архиепископа сибирского Киприана мангазейским воеводам Димитрию Погожему и Ивану Тонееву о посылке в Преображенский туруханский монастырь игумена Тимофея и о поручении ему и десятиннику Василию Стогову ведать духовные дела, с просьбой оказать содействие в перевозке монастырских запасов и отвести на Турухане для монастырских властей и людей „хоромцы". — (Стр. 264.)
166. 1621 г. не ранее июня 2. — Отписка пелымского воеводы Петра Вельяминова тобольскому архиепископу Киприану о присылке в новую Табаринскую слободу попа, дьякона и церковных принадлежностей для освящения вновь построенной там церкви. — (Стр. 265.)
167. 1621 г. не ранее июня 8. — Отписка пелымского воеводы Петра Вельяминова тобольскому воеводе Матвею Годунову о пожаре Пелыма 8 июня 1621 г. — (Стр. 266.)
168. 1621 г. июня 29. — Грамота на Тюмень воеводам Федору Пушкину и Михаилу Елизарову о посылке церковной утвари, книг и принадлежностей для церкви Николы и Федора Стратилата. — (Стр. 266.)

169. 1621 г. не ранее июля 4. — Грамота на Тюмень воеводам Федору Пушкину и Михаилу Елизарову о жалованье и землях Преображенского тюменского монастыря. — (Стр. 267.)

170. 1621 г. не ранее июля 20. — Отписка томских воевод князя Ивана Шеховского и Максима Радилова тобольскому воеводе боярину Матвею Годунову о проведывании соленого озера в верховьях Оби, о посольстве к тайше черных калмыков Мангуту, о недостатке соли в Томске и невозможности послать за ней к соленому озеру в виду враждебных действий Алтына царя против черных калмыков. — (Стр. 268.)

171. 1621 г. июля 27. — Грамота в Туринск воеводе Данилу Милославскому о даче на один год денежного и хлебного жалованья игумену и братии Покровского туринского монастыря, о переписи земель и крестьян монастырей Туринского уезда и об „устройстве" их пашнею и угодьями. — (Стр. 269.)

172. 1621 г. июля 28. — Грамота на Верхотурье воеводам Ивану Пушкину и Дмитрию Зубову о руге монастырям Верхотурского уезда и об их переписи. — (Стр. 270.)

173. 1621 г. не ранее сентября 1. — Отписка томских воевод князя Ивана Шеховского и Максима Радилова тобольскому воеводе боярину Матвею Годунову об ожидаемом приходе к Томску Казахской орды и Алтына царя и о необходимости присылки служилых людей. — (Стр. 272.)

174. 1621 г. декабря 11. — Грамота на Верхотурье воеводам Ивану Пушкину и Дмитрию Зубову об обсрегании новоприборных пашенных крестьян по рекам Невье и Сереже. — (Стр. 273.)

175. 1621—1622 г. „Книга приходная ясашной мягкой рухляди" Енисейского острога за 7130-й год". — (Стр. 273.)

176. 1622 г. января 20. — Грамота на Тюмень воеводам Федору Пушкину и Михаилу Елизарову об отводе архиепископу сибирскому Киприану пашенной земли на реке Нице. — (Стр. 274.)

177. 1622 г. января 25. — Грамота на Тюмень воеводам Федору Пушкину и Михаилу Елизарову о руге Преображенскому тюменскому монастырю и даче ему рыбных ловель на реке Туре. — (Стр. 275.)

178. 1622 г. не ранее января 29. — Отписка тобольского воеводы Матвея Годунова тюменским воеводам Федору Пушкину и Михаилу Елизарову о разрешении сажать в государеву тюрьму лиц, обвиненных в духовном суде. — (Стр. 276.)

179. 1622 г. февраля 11. — Грамота патриарха Филарета архиепископу сибирскому Киприану о религиозном состоянии его паствы и о мерах к установлению благочестия. — (Стр. 276.)

180. 1622 г. февраля 13. — Грамота в Тобольск воеводе боярину Матвею Годунову с товарищами о даче Успенскому тобольскому монастырю 20 рублей на церковное и монастырское строение. — (Стр. 282.)

181. 1622 г. ранее марта 29. — Отписка тобольского воеводы Матвея Годунова пелымскому воеводе Петру Волконскому о построении весной 1622 г. нового Пелымского города и острога. — (Стр. 283.)

182. 1622 г. февраля 9. — Грамота в Туринск воеводе Семену Апухтину о даче на один год денежного и хлебного жалованья игумену и братии Покровского туринского монастыря и об устройстве монастырской пашни. — (Стр. 283.)

183. 1622 г. не ранее июня 3. — Отписка в Москву пелымского воеводы Петра Вельяминова о построении нового Пелымского города и острога вместо сгоревших в июне 1621 г. — (Стр. 284.)

184. 1622 г. не ранее июня 4. — Отписка тобольского воеводы Матвея Годунова пелымскому воеводе Петру Вельяминову об отсрочке постройки нового Пелымского города и острога до весны 1623-го года. — (Стр. 285.)

185. 1622 г. после июля 23 — августа... — Отписка тобольского воеводы Матвея Годунова томским воеводам князю Ивану Шеховскому и Максиму Радилову о невозможности выслать из Тобольска в Томск служилых людей и о соблюдении предосторожностей против возможных нападений на Томский, Кузнецкий и Мелесский остроги киргизов и иных людей. — (Стр. 285.)

186. 1622 г. не ранее июля 31 — августа... — Отписка тобольского воеводы боярина Матвея Годунова томским воеводам князю Ивану Шеховскому и Максиму Радилову о нападении киргизов на Абинскую волость и о намерении их итти войною на Кузнецкий острог и Томск. — (Стр. 286.)

187. 1622 г. сентября 15. — Наказная память пелымским служилым людям подьячему Путилу Степанову с товарищами, посланным для осмотра гарей по реке Елышу. — (Стр. 287.)

188. 1622 г. октября 26. — Отписка тюменских воевод Федора Бобрищева-Пушкина и Михаила Елизарова тобольскому воеводе боярину Матвею Годунову об отправке в Тобольск бухарского посла Чабака Балыкова с товарищами. — (Стр. 287.)

189. 1622 г. ноября 2. — Грамота на Верхотурье воеводе Ивану Пушкину о разрешении земельных вкладов в Никольский верхотурский монастырь и о сборе выдельного хлеба со всяких людей, кроме служилых. — (Стр. 288.)

190. 1622 г. не ранее ноября 5. — Отписка Евстафия (Остафия) Харламова томским воеводам князю Ивану Шеховскому и Максиму Радилову о получении им вестей про киргизов. — (Стр. 289.)

191. 1622 г. не ранее ноября 17. — Отписка тюменских воевод Федора Бобрищева-Пушкина и Михаила Елизарова тобольскому воеводе боярину Матвею Годунову о бухарцах, которых будто бы задерживают на Тюмени. — (Стр. 289.)

192. 1622 г. ноября 20. — Грамота на Тюмень воеводам Федору Пушкину и Михаилу Елизарову о дополнительном отводе архиепископу тобольскому Киприану пашенной земли на реке Нице. — (Стр. 290.)

193. 1622 г. декабря 2. — Грамота на Верхотурье воеводе Ивану Пушкину о даче на один год денежной руги Покровскому верхотурскому монастырю и наделении монастыря пашней и угодьями. — (Стр. 290.)

194. 1622—1623 гг. — Отписка тобольского воеводы боярина Матвея Годунова тюменским воеводам Федору Бобрищеву-Пушкину и Михаилу Елизарову об отправке посольства к калмыцкому тайше Талаю. — (Стр. 291.)

195. 1622—1623 гг. — „Книга сборная ясашная мягкой рухляди" Енисейского острога за 7131-й год. — (Стр. 291.)

196. 1623 г. не ранее января 14. — Отписка тюменских воевод Федора Бобрищева-Пушкина и Михаила Елизарова тобольскому воеводе боярину Матвею Годунову о калмыцком тайше Урусламе и его требовании ясака с татар Уфимского уезда и сырянцов Верхотурского уезда. — (Стр. 292.)

197. 1623 г. не ранее января 31. — Отписка тобольского воеводы боярина Матвея Годунова туринскому воеводе Семену Апухтину об устранении „беззаконий" в церковной и общественной жизни в сибирских городах. — (Стр. 293.)

198. 1623 г. февраля 1. — Отписка архиепископа тобольского Киприана мангазейским воеводам Ивану Пушкину и Федору Уварову о поручении софийскому сыну боярскому Василию Стогову ведать духовные дела в Мангазее и в Мангазейском уезде. — (Стр. 297.)

199. 1623 г. февраля 7. — Грамота на Тюмень воеводам князю Михаилу Долгорукому и Юрию Редрикову о принятии мер на случай нападения калмыков и царевича Ишима. — (Стр. 298.)

200. 1623 г. не ранее марта 3. — Отписка тюменских воевод Федора Бобрищева-Пушкина и Михаила Елизарова тобольскому воеводе боярину Матвею Годунову о нападении калмыков на башкирские деревни Уфимского уезда, об отношениях между ними и царевичем Ишимом и намерении последнего итти войною на Уфимский уезд. — (Стр. 299.)

201. 1623 г. апреля 6. — Отписка тюменских воевод Федора Бобрищева-Пушкина и Михаила Елизарова уфимскому воеводе Григорию Измайлову о посольстве сына боярского Дмитрия Черкасова с товарищами к калмыцким тайшам и о шерти тайши Зенгулы. — (Стр. 300.)

202. 1623 г. не ранее апреля 8 — не позднее мая 8. — Отписка тобольского воеводы Матвея Годунова пелымскому воеводе Ивану Вельяминову о посылке им на Тюмень, Епанчин и Верхотурье распоряжений о высылке служилых людей для построения пришедшего в ветхость Пелымского острога. — (Стр. 302.)

203. 1623 г. апреля 20. — Наказная память тюменских воевод Федора Пушкина и Михаила Елизарова голове татарскому Неудаче Молчанову и площадному подьячему Ивану Прокофьеву, посланным отводить в Тобольский архиерейский дом пашенные земли и сенные покосы на реке Нице. — (Стр. 303.)

204. 1623 г. не ранее мая 6. — Отписка тюменских воевод Федора Бобрищева-Пушкина и Михаила Елизарова тобольскому воеводе князю Юрию Сулешову о послах калмыцкого тайши Зенгула. — (Стр. 303.)

205. 1623 г. не ранее июня 22. — Отписка тюменских воевод князя Михаила Долгорукова и Юрия Редрикова уфимскому воеводе Григорию Измайлову о войне калмыцкого тайши Каракулы с Алтыном царем и о намерении тайши Зенгулы напасть на Уфимский уезд. — (Стр. 304.)

206. 1623 г. не ранее июня 28. — Отписка тюменских воевод князя Михаила Долгорукова и Юрия Редрикова тобольскому воеводе князю Юрию Сулешову о намерении калмыцких тайшей воевать Тюмень и о недостатке служилых людей в городе. — (Стр. 304.)

207. 1623 г. не ранее июля ... — Отписка в Москву пелымского воеводы Ивана Вельяминова о построении нового Пелымского города и острога и о недостатке в Пелыме служилых людей, „наряда", зелья и свинца. — (Стр. 305.)

208. 1623 г. октября 30. — Грамота на Тюмень воеводам князю Михаилу Долгорукову и Юрию Редрикову о запрещении пропускать в Москву послов калмыцких тайшей и Алтына царя и о сношениях с ними. — (Стр. 306.)

209. 1623 г. ноября 10. — Грамота на Тюмень воеводам князю Михаилу Долгорукому и Юрию Редрикову о поверстании на выбылые места тюменских служилых людей, внучат, детей и племянников. — (Стр. 307.)

210. 1623 г. декабря 11. — Наказная память енисейского воеводы Якова Хрипунова служилым людям Ждану Козлову с товарищами, отправленным в Братскую землю. — (Стр. 307.)

211. 1623—1624 гг. — Отписка тобольского воеводы князя Юрия Сулешова туринскому воеводе Семену Апухтину о „приборе" 50 человек гулящих в пашенные деловые люди на Чубарово городище на р. Нице. — (Стр. 308.)

212. 1623—1624 гг. — Отписка кузнецкого воеводы Евдокима Баскакова томским воеводам князю Афанасию Гагарину и Семену Дивову о присылке в Кузнецкий острог служилых людей для похода против кузнецких людей и калмыков. — (Стр. 308.)

213. 1624 г. не ранее января 2. — Отписка тобольского воеводы князя Юрия Сулешова туринскому воеводе Семену Апухтину о невмешательстве в духовные дела и об исполнении постановлений духовных властей по этим делам. — (Стр. 309.)

214. 1624 г. января 22. — Грамота на Тюмень воеводам князю Михаилу Долгорукому и Юрию Редрикову о дополнительном отводе архиепископу Киприану пашенной земли по реке Нице. — (Стр. 309.)

215. 1624 г. не ранее февраля 21. — Отписка Семена Щепеткина из Чатского городка томским воеводам князю Афанасию Гагарину и Семену Дивову о состоянии городка и ожидании прихода черных калмыков. — (Стр. 310.)

216. 1624 г. не ранее марта 21. — Отписка тобольского воеводы князя Юрия Сулешова туринскому воеводе Семену Апухтину о посылке денег для раздачи подмоги новоприборным пашенным крестьянам и об устройстве слободы на Чубаровом городище. — (Стр. 310.)

217. 1624 г. не ранее марта 23. — Отписка тобольского воеводы князя Юрия Сулешова туринскому воеводе Семену Апухтину о посылке сына боярского Степана Молчанова и крестьян для устройства слободы на реке Нице в Тюменском уезде и об отправке из Туринска семян для ницынской государевой пашни и крестьянам „на семена и емена". — (Стр. 311.)

218. 1624 г. апреля — мая. — Отписка тобольского воеводы князя Юрия Сулешова туринскому воеводе Семену Апухтину о разрешении крестьянам Ницынской и Чубаровой слобод, в виду постройки ими дворов, не пахать государеву пашню к 133-му году. — (Стр. 312.)

219. 1624 г. не ранее июня 24. — Отписка тобольского воеводы князя Юрия Сулешова тюменским воеводам князю Михаилу Долгорукову и Юрию Редрикову об отпуске калмыцких послов, о разрешении им менять трухменский ясырь и о предложении калмыкам присылать послов с товарами в Тобольск. — (Стр. 313.)

220. 1624 г. июня 30. — Грамота в Тобольск боярину и воеводе князю Юрию Сулешову с товарищами о разрешении торговым людям ездить с Руси в Мангазею и обратно по тем дорогам, где прибыльнее будет казне, и о запрещении попрежнему ездить морским путем. — (Стр. 314.)

221. 1624 г. августа 29. — Грамота на Верхотурье воеводе князю Никите Барятинскому с товарищами о строении нового острога. — (Стр. 315.)

222. 1624 г. не ранее ноября 7. — Отписка томских воевод князя Афанасия Гагарина и Семена Дивова в Москву о вестях про киргизов. — (Стр. 316.)

223. 1624 г. не ранее ноября 24. — Отписка пелымского воеводы Ивана Вельяминова верхотурским воеводам князю Никите Барятинскому с товарищами об оказании содействия посланным для прибора крестьян в новое усадище на Гари в Пелымском уезде. — (Стр. 317.)

224. 1625 г. не ранее марта 6. — Отписка енисейского воеводы Якова Хрипунова тобольскому воеводе князю Юрию Сулешову о посылке атамана Василия Алексеева в Тюлькину и Тубинскую землицы. — (Стр. 318.)

225. 1625 г. не ранее марта 8. — Отписка тобольского воеводы князя Юрия Сулешова туринскому воеводе Семену Апухтину о намерении калмыцких тайш воевать весной сибирские уезды и о принятии мер против них. — (Стр. 319.)

226. 1625 г. не ранее мая 10. — Отписка прикащика Ницынской слободы Бориса Толбузина тюменским воеводам князю Михаилу Долгорукову и Юрию Редрикову о принятии мер к выполнению государева указа о приборе на Тюмени и в Тюменском уезде крестьян в новую Ницынскую слободу. — (Стр. 319.)

227. 1625 г. не ранее мая 19. — Отписка в Москву томских воевод князя Афанасия Гагарина и Семена Дивова об их сношениях с князем белых калмыков Абаком. — (Стр. 320.)

228. 1625 г. не ранее июля 7. — Отписка туринского воеводы Ивана Баклановского тюменским воеводам Ивану Плещееву и Ивану Ярлыкову о сборе верхотурских и туринских татар и вогулов на Ояти озере. — (Стр. 321.)

229. 1625 г. июля 10. — Отписка архиепископа сибирского Макария томским воеводам Осипу Хлопову и Ивану Нарматскому о переписи Успенского томского монастыря и о передаче его новому игумену Феодосию. — (Стр. 322.)

230. 1625 г. не ранее июля 20. — Отписка прикащика Ницынской слободы Бориса Толбузина тобольским воеводам Мирону Вельяминову с товарищами о вестях про калмыков и о присылке пороху и свинцу. — (Стр. 323.)

231. 1625 г. августа 24. — Грамота на Верхотурье воеводе князю Дмитрию Пожарскому с товарищами о высылке по зимнему пути наряда, зелья и свинца и о заготовке леса для острога и об устройстве последнего. — (Стр. 323.)

232. 1625 г. октября 3. — Грамота в Тобольск воеводе князю Андрею Хованскому с товарищами о посылке в Томск письменного головы для сыска про железо, добываемое в трех верстах от Томска. — (Стр. 324.)

233. 1625—1626 гг. — Грамота на Верхотурье воеводам князю Дмитрию Пожарскому и Игнатию Уварову об устройстве острогов на реках Невье и Тагиле. — (Стр. 326.)

234. 1626 г. марта 4—8. — Отписка туринского воеводы Ивана Баклановского тобольскому воеводе князю Андрею Хованскому о приборе людей для государевой службы в Качинской землице. — (Стр. 327.)

235. 1626 г. июня 17. — Память тобольскому сыну боярскому Борису Толбузину о производстве переписи земель и имущества крестьян Ницынской слободы, об угрозах крестьян убить его, Толбузина, и о призыве новых крестьян на место „убойц" бывшего прикащика Степана Молчанова. — (Стр. 327.)

236. 1626 г. июля 29. — Грамота на Верхотурье воеводе князю Дмитрию Пожарскому с товарищами о платеже ясака сылвинскими и иренскими татарами и остяками в Пермь Великую. — (Стр. 329.)

237. 1627 г. июня 1. — Наказ тобольских воевод князя Андрея Хованского с товарищами Андрею Дубенскому, отправленному для строения острога на Красном яру. — (Стр. 330.)

238. 1627 г. не ранее июня 3. — Отписка тобольского воеводы князя Андрея Хованского туринскому воеводе Воину Корсакову о проезжих людях, не желающих платить пошлину в Туринском остроге, и о запрещении им ездить новою дорогою через Ницынскую и Чубарову слободы. — (Стр. 333.)

239. 1627 г. октября 25. — Грамота с прочетом на Верхотурье воеводе князю Семену Гагарину о хлебном жалованье Никольскому верхотурскому монастырю, о монастырских половниках и о порядке взимания с монастырских людей выдельного хлеба. — (Стр. 335.)

240. 1627—1628 г. — Наказная память туринского воеводы Воина Корсакова чубаровским таможенным целовальникам о таможенных пошлинах. — (Стр. 336.)

241. 1628 г. марта 23. — Отписка туринского воеводы Воина Корсакова тобольскому

воеводе князю Алексею Трубецкому по вопросу об укреплении Чубарова городища. — (Стр. 338.)

242. 1628 г. июня 22. — Отписка туринского воеводы Воина Корсакова тобольскому воеводе князю Алексею Трубецкому о находке железной руды на р. Нице. — (Стр. 338.)

243. 1628 г. июля 18. — Грамота на Тюмень воеводе Петру Пушкину о принятии мер против калмыков, в случае, если они прикочуют ближе к ясачным волостям Тюменского уезда. — (Стр. 338.)

244. 1628 г. июля 24. — Отписка туринского воеводы Воина Корсакова тобольскому воеводе князю Трубецкому о железной руде по р. Невье (Нейве). — (Стр. 339.)

245. 1628 г. не ранее сентября 1. — Отписка красноярского воеводы Андрея Дубенского тобольским воеводам князю Алексею Трубецкому и Ивану Волынскому о походе Ивана Кольцова на качинцев и на аринцев и о сношениях с киргизами. — (Стр. 340.)

246. 1628 г. не ранее сентября 21. — Отписка тобольского воеводы Алексея Трубецкого туринскому воеводе Воину Корсакову о намерениях калмыцких тайш и о мерах предосторожности против них. — (Стр. 341.)

247. 1628 г. октября 13. — Отписка туринского воеводы Воина Корсакова прикащику Чубаровской слободы Петру Остафьеву о кочевьях калмыцкого тайши Чокура. —(Стр. 341.)

248. 1628 г. декабря 18. — Отписка туринского воеводы Воина Корсакова прикащику Чубаровской слободы Петру Остафьеву о походе тюменских служилых людей против калмыков, об уходе последних и о возвращении туринских стрельцов. — (Стр. 341.)

249. 1628—1629 гг. — Отписка красноярского воеводы Андрея Дубенского тобольским воеводам князю Алексею Трубецкому с товарищами об аринском князце Татуше и о покорности качинцев. — (Стр. 342.)

250. 1628—1629 гг. — Отписка красноярского воеводы Андрея Дубенского тобольским воеводам князю Алексею Трубецкому с товарищами об уплате ясака аринцами.— (Стр. 342.)

251. 1629 г. не ранее января 10. — Отписка тобольского воеводы князя Алексея Трубецкого томским воеводам князю Петру Козловскому и Грязному Бартеневу о сообщении сведений про измену чатских татар и томских новокрещенов и о запрещении отправлять посыльщиков через тарские волости. — (Стр. 342.)

252. 1629 г. не ранее января 10. — Отписка тобольского воеводы князя Алексея Трубецкого нарымскому письменному голове Павлу Салмавову о собирании вестей про сношения нарымских ясачных людей с тарскими татарами и о временном прекращении посылки людей из Нарыма в Тобольск и на Тару. — (Стр. 344.)

253. 1629 г. после января 10. — Челобитная строителя Канского зимовья атамана Ермака Остафьева об его сношениях с канскими людьми, с просьбой о „послуге" за его службу. — (Стр. 344.)

254. 1629 г. после января 10. — Отписка красноярского воеводы Андрея Дубенского тобольскому воеводе князю Алексею Трубецкому с товарищами о построении зимовья на р. Кане и о сборе ясака с тамошних людей. — (Стр. 346).

255. 1629 г. после января 10. — Отписка красноярского воеводы Андрея Дубенского тобольскому воеводе князю Алексею Трубецкому с товарищами о построении на р. Кане острога и о невозможности собрать ясак с тамошних людей на 1630—1631 гг. — (Стр. 347.)

256. 1629 г. не ранее января 20. — Отписка красноярского воеводы Андрея Дубенского томским воеводам князю Петру Козловскому и Грязному Бартеневу о доставке в Красноярск ясака с киргизов. — (Стр. 347.)

257. 1629 г. января 31. — Наказ красноярскому воеводе Архипу Акинфову. — (Стр. 347.)

258. 1629 г. ранее февраля 13. — Отписка красноярского воеводы Андрея Дубенского тобольскому воеводе князю Алексею Трубецкому с товарищами о том, что по приказу енисейского воеводы Василья Аргамакова сотник Петр Бекетов собрал ясак с Братской земли, назвавшись служилым человеком Качинского острога. — (Стр. 351.)

259. 1629 г. марта 1. — Доезд красноярских казаков Никиты Хохрякова с товарищами об их поездке в Киргизскую землю, о сношениях с князцами Ишеем, Табуном и Ишенеком и о вестях про Дючей хана. — (Стр. 351.)

260. 1629 г. не ранее марта. — Отписка красноярского воеводы Андрея Дубенского тобольскому воеводе князю Алексею Трубецкому с товарищами о неудачном посольстве красноярских служилых людей в Братскую землю. — (Стр. 353.)

261. 1629 г. апреля 28. — Память из Тобольска Нижней Ницынской слободы прикащику Остафью Михалевскому о принятии мер на случай нападения на слободу изменников татар верхних тарских волостей. — (Стр. 353.)

262. 1629 г. апреля... — Грамота красноярскому воеводе Архипу Акинфову о дополнительном жалованье казакам, принимавшим участие в строении Красноярска, и об освобождении их от судных пошлин на пять лет. — (Стр. 354.)

263. 1629 г. не ранее мая 22. — Отписка красноярского воеводы Андрея Дубенского тобольскому воеводе князю Алексею Трубецкому с товарищами о сборе ясака с Тубинской и Маторской земель. — (Стр. 355.)

264. 1629 г. не ранее июня 19. — Отписка красноярского воеводы Андрея Дубенского тобольскому воеводе князю Алексею Трубецкому с товарищами о собранном ясаке с новой землицы на р. Кане и о вторичном сборе ясака с аринцов посланными енисейским воеводой. — (Стр. 355.)

265. 1629 г. не ранее июля 7. — Отписка прикащика Чубаровской слободы Михаила Харламова туринскому воеводе Афанасию Зубову о присылке в слободу служилых людей в виду полученных вестей о движении калмыков и татар. — (Стр. 356.)

266. 1629 г. не ранее июля 24. — Отписка прикащика Красной слободы Остафия Михалевского тюменскому воеводе Прокопию Измайлову о „всполохе", произведенном татарами в виду полученных вестей о походе калмыков на Тюменский и Туринский уезды. — (Стр. 356.)

267. 1629 г. не ранее июля 26. — Отписка прикащика Чубаровской слободы Михаила Харламова туринскому воеводе Афанасию Зубову о вестях про калмыков на Пышме и об отправке части служилых людей обратно в Туринск. — (Стр. 357.)

268. 1629 г. июля 27. — Память из Тобольска Нижней Ницынской слободы прикащику Остафью Михалевскому об удачном походе тобольских голов Федора Елагина и Богдана Аршинского против тарских изменников, о намерениях царевича Аблегерима и о принятии мер предосторожности. — (Стр. 358.)

269. 1629 г. не ранее июля 29. — Отписка тобольского воеводы князя Андрея Трубецкого туринскому воеводе Афанасию Зубову об удачном походе тобольских голов Федора Елагина и Богдана Аршинского против тарских изменников, о намерениях царевича Аблагирима и о принятии мер предосторожности против него. — (Стр. 358.)

270. 1629 г. августа 21—22. — Отписка томских воевод князя Петра Козловского и Грязного Бартенева находящимся в пути новым томским воеводам князю Петру Пронскому, Алексею Собакину и дьяку Бажену Степанову о вестях про барабинцов и черных калмыков. — (Стр. 359.)

271. 1629 г. не ранее декабря 15. — Отписка томского воеводы князя Петра Пронского нарымскому воеводе Андрею Урусову о походе томских служилых людей против черных калмыков, бывших в Чатском остроге и на Оби, ниже устья Томи, и о намерении калмыков вместе с царевичем Аблагиримом воевать Томский и Тарский уезды. — (Стр. 360).

272. 1629—1630 гг. — Отписка томского воеводы князя Петра Пронского красноярскому воеводе Архипу Акинфову о сборе ясака с киргизов. (Стр. 361.)

273. 1629—1630 гг. — Челобитная служилых людей Енисейского острога Ивана Галкина с товарищами о службе их в походе против князцов Сота и Каяна. — (Стр. 362.)

274. 1630 г. января 17. — Память из Тобольска Нижней Ницынской слободы прикащику Остафью Михалевскому о полученных вестях про чатского князца Тарлава, чатских, тарских и барабинских татар, а также царевича Девлеткирея и калмыков и о принятии мер на случай их нашествия. — (Стр. 363.)

275. 1630 г. не ранее января 28. — Отписка прикащика Чубаровской слободы Михаила Харламова туринскому воеводе Афанасию Зубову о присылке в слободу служилых людей в виду полученных вестей о движении чатских, тарских и барабинских татар совместно с царевичем Аблагиримом и калмыками. — (Стр. 365).

276. 1630 г. не ранее февраля 6. — Отписка Чубаровской слободы прикащика Михаила Харламова туринскому воеводе Афанасию Зубову о „шатости" татар Тюменского и Туринского уездов и о присылке на Чубарово служилых людей. — (Стр. 366.)

277. 1630 г. не ранее марта... — Отписка красноярского воеводы Архипа Акинфова томскому воеводе князю Петру Пронскому о сношениях с канскими князцами Тымаком и Тесеником и с тубинским князцом Каяном. — (Стр. 366.)

278. 1630 г. не ранее мая 29. — Отписка в Москву томских воевод князя Петра Пронского с товарищами о враждебных действиях чатского мурзы Тарлава и князя белых калмыков Абака, о походе служилых людей на чатские городки и об измене ясачных людей Кузнецкого уезда. — (Стр. 368.)

279. 1630 г. не ранее июня 13. — Отписка томского воеводы Петра Пронского нарымскому воеводе Андрею Урусову об отыскании нового места на Оби для Нарымского острога. — (Стр. 370.)

280. 1630 г. не ранее июля 15. — Отписка томского воеводы Петра Пронского нарымскому воеводе Андрею Урусову о построении Нарымского острога на новом месте. — (Стр. 371.)

281. 1630 г. не позднее июля 27. — Отписка в Москву томских воевод князя Петра Пронского с товарищами об устройстве нового острога „около подгорного посада" и о необходимости высылки для острога „благовестного" колокола. — (Стр. 372.)

282. 1630 г. августа 29—31. — Отписка тобольского воеводы князя Алексея Трубецкого туринскому воеводе Афанасию Зубову о непропуске на Русь людей бывшего тарского воеводы князя Юрия Шеховского, отпущенных последним тайно, и о запрещении пропускать кого-либо мимо Туринского острога без тобольских проезжих грамот. — (Стр. 372.)

283. 1630 г. не ранее сентября 8. — Отписка томских воевод князя Петра Пронского с товарищами в Москву об их сношениях с киргизами. — (Стр. 373.)

284. 1630 г. сентября 21. — Грамота на Верхотурье воеводе Никифору Плещееву о даче подвод до Тобольска под новоприборных казаков для службы в Сибири и под женщин и девиц, направляемых в Енисейск „служилым людям и пашенным крестьянам на женитьбу". — (Стр. 374.)

285. 1630—1631 гг. — Выписка из наказа томскому воеводе князю Ивану Татеву с товарищами о действиях против чатского мурзы Тарлава и князя белых калмыков Абака, о возвращении отпавших кузнецких волостей и о построении нового Нарымского острога. — (Стр. 375.)

286. 1630—1631 гг. — Выписка из наказа томским воеводам князю Ивану Татеву с товарищами с изложением содержания отписки красноярского воеводы Архипа Акинфова о сношениях с канскими князьцами и о насилиях над ними енисейских служилых людей. — (Стр. 377.)

287. 1631 г. января ... — 1632 г. — Отписка тобольского воеводы князя Федора Телятевского туринскому воеводе Юрию Волынцову о посылке пяти прожиточных крестьян на житье в Тобольский уезд в новое усадище на Красную елань. — (Стр. 378.)

288. 1631 г. не ранее июня 5. — Роспись землям, в которые посланы из Енисейского острога служилые люди, с указанием их количества. — (Стр. 379.)

289. 1631 г. не ранее октября 7. — Отписка приказного человека Туруханского зимовья Ивана Патриксева мангазейским воеводам Василию Давыдову и Дмитрию Клокачеву о смерти от оспы свыше 20 самоедов, живших на Тунгусском песку и по реке Турухану. — (Стр. 380.)

290. 1631 г. не ранее октября 16. — Отписка тарских воевод князя Никиты Барятинского и Константина Сытина тобольскому воеводе князю Федору Телятевскому об их переговорах с калмыцкими посланниками, присланными тайшею Иркилдеем. — (Стр. 380.)

291. 1631 г. не ранее ноября 18. — Отписка атамана Юрия Воеводского с Ишимской заставы тобольскому воеводе князю Федору Телятевскому с товарищами о людях, взятых на Камышлове калмыками и тарскими татарами, и о вестях, полученных от них. — (Стр. 381.)

292. 1631 г. не ранее ноября 20. — Отписка в Москву тобольских воевод князя Федора Телятевского с товарищами о посылке в Каурдацкую волость в станицу сына боярского Томилу Петрова и в поход письменного голову Федора Шарапова с товарищами. — (Стр. 382.)

293. 1631 г. не ранее ноября 23. — Отписка тобольского письменного головы Федора Шарапова с товарищами тобольскому воеводе стольнику Федору Телятевскому

311. 1633 г. не ранее мая 12. — Отписка Чубаровской слободы прикащика Ивана Карвацкого туринскому воеводе Гурию Волынцову о погроме калмыками Катайской волости Уфимского уезда и о присылке служилых людей в Чубарово. — (Стр. 401.)

312. 1633 г. не ранее августа 10. — Отписка тюменского воеводы Ивана Милюкова туринскому воеводе Лукьяну Полтеву о приходе калмыков под Козюбайковы юрты и о походе уфимских служилых людей на царевича Аблая и на калмыков, кочевавших за Яиком. — (Стр. 402.)

313. 1633 г. не ранее августа 15. — Отписка тобольского воеводы князя Андрея Голицына мангазейскому воеводе Григорию Орлову о производстве сыска о причинах большого недобора ясака в Мангазейском уезде в 140-м году. — (Стр. 403.)

314. 1633 г. сентября 28. — Наказная память томского воеводы князя Никиты Егупова-Черкаского томским служилым людям десятнику Василию Седельникову с товарищами, отправленным в Белые Калмыки к князцу Абаку. — (Стр. 405.)

315. 1633 г. не ранее октября 19. — Отписка томского воеводы князя Никиты Егупова-Черкаского кузнецкому воеводе Федору Хоненеву об освобождении от уплаты таможенных пошлин в 142-м году кузнецких служилых людей, покупающих лошадей. — (Стр. 406.)

316. 1633 г. не ранее октября 21. — Отписка тобольского воеводы князя Андрея Голицына туринскому воеводе Лукьяну Полтеву о нападении Кирея Чувакова сына на Тюменский уезд и о принятии мер предосторожности на случай прихода его в Туринский уезд. — (Стр. 407.)

317. 1633 г. октября 22. — Память из Тобольска в Тобольский уезд в Нижнюю Ницынскую слободу прикащику Панкратию Перхурову о нападении Кирей Чувакова сына на Тюменский уезд и о принятии мер предосторожности на случай прихода его в слободу. — (Стр. 408.)

318. 1633 г. ноября 30. — Грамота на Тюмень воеводе Ивану Милюкову о посылке ратных людей из Тюмени на калмыцких тайш: Урлюка, Тайчина, Лоузана и алтаулского мурзу Салтаная. — (Стр. 408.)

319. 1634 г. не ранее января 16. — Отписка тобольского воеводы князя Андрея Голицына туринскому воеводе Лукьяну Полтеву о даче подвод для крестьян, прибранных в Туринском уезде, в новую Киргинскую слободу. (Стр. 409.)

320. 1634 г. февраля 25. — Допросные речи кузнецких служилых людей о нападениях киргизов на Кузнецк и мрасские и кавдомские волости. (Стр. 410.)

321. 1634 г. не ранее февраля 25. — Отписка кузнецкого воеводы Федора Хоненева томскому воеводе князю Никите Егупову-Черкаскому о нападении на Кузнецк киргизов в сентябре 1633 г. — (Стр. 410.)

322. 1634 г. июня 11. — Память тюменского воеводы князя Ивана Львова Нижней Ницынской слободы прикащику Ивану Венгерскому о намерении калмыков и Кучумовых внуков итти войною на Тюмень и слободы. — (Стр. 411.)

323. 1634 г. не ранее сентября 12. — Расспросные речи о калмыках и татарах, приходивших в Тарский уезд и под другие города и слободы. — (Стр. 411.)

324. 1634 г. сентября 15. — Память из Тюмени в Нижнюю Ницынскую слободу прикащику Ивану Венгерскому о том, что у озера Ямыша поставлен острог и что погрузка соли началась там с 13 августа, после отхода калмыков и тарского изменника Кочашки Танатарова с товарищами. — (Стр. 412.)

325. 1634 г. не ранее сентября 16. — Отписка тобольского воеводы князя Андрея Голицына туринскому воеводе Лукьяну Полтеву о нападении калмыков на Тару и о мерах предосторожности против них. — (Стр. 412.)

326. 1634 г. сентября 19. — Память тюменского воеводы Ивана Милюкова в Нижнюю Ницынскую слободу прикащику Ивану Венгерскому о полученных вестях про калмыцких тайш и места их кочевий. — (Стр. 413.)

327. 1634 г. сентября 22. — Память тюменского воеводы Ивана Милюкова в Нижнюю Ницынскую слободу прикащику Ивану Венгерскому о нападении на Тару калмыков. — (Стр. 413.)

328. 1634 г. сентября — октября. — Отписка тобольского воеводы князя Андрея Голицына туринскому воеводе Лукьяну Полтеву о предстоящем зимнем походе служилых людей городов Тобольского разряда против калмыков. — (Стр. 414.)

329. 1634 г. не ранее октября 25 — 1635. — Отписка красноярского воеводы Никиты

Карамышева томскому воеводе князю Никите Егупову Черкаскому о нападении кизильцов на Красноярск и о походе против них атамана Дементия Злобина. — (Стр. 414.)

330. 1634 г. не ранее октября... — Челобитная царю Михаилу Федоровичу красноярских служилых людей о выдаче им жалованья на 144-й год в виду их разорения киргизами и о приборе новых служилых людей на „упалые“ места. — (Стр. 415.)

331. 1634 г. не ранее ноября 16. — Отписка Чубаровской слободы прикащика Спиридона Шелехова туринскому воеводе Лукьяну Полтеву о нападении „агарян“ и калмыков на Тюмень и Тюменский уезд. — (Стр. 416.)

332. 1634 г. не ранее ноября 16. — Отписка тобольского воеводы князя Андрея Голицына туринскому воеводе Лукьяну Полтеву о нападении Кучумовых внучат и калмыков на Тюменский уезд и о посылке служилых людей в Чубарово. — (Стр. 416.)

333. 1634 г. не ранее ноября 19 — не позднее декабря 17. — Отписка томского воеводы князя Егупова Черкаского красноярскому воеводе Никите Карамышеву о наказании служилого человека Федора Жукова за его угрозы татарам и о мерах предосторожности против нападения киргизов. — (Стр. 417.)

334. 1634 г. не ранее ноября 20. — Отписка прикащика Нижней Ницынской слободы Ивана Венгерского тюменскому воеводе Ивану Милюкову о получении известий о нападении калмыков на Тюмень и Тюменский уезд и о посылке к нему за вестями двух служилых людей. — (Стр. 418.)

335. 1634 г. не ранее ноября 22. — Отписка Ивана Рыцкого из Мелеского острога томскому воеводе князю Никите Егупову Черкаскому с товарищами о нападении киргизов на верхние мелеские волости и о служилых людях в остроге. — (Стр. 418.)

336. 1634 г. не ранее ноября 23. — Отписка пелымского воеводы Евдокима Баскакова туринскому воеводе Лукьяну Полтеву о нападении калмыков на Тюмень и Тюменский уезд. — (Стр. 419.)

337. 1634 г. ноября 23. — Память тюменского воеводы Ивана Милюкова Нижней Ницынской слободы прикащику Ивану Венгерскому о местонахождении калмыков, воевавших Тюменский уезд. — (Стр. 419.)

338. 1634 г. не ранее ноября 26. — Отписка прикащика Нижней Ницынской слободы Ивана Венгерского прикащику Верхней Ницынской слободы Михаилу Байкашину о нападении калмыков на Тюмень и Тюменский уезд, о неудачном походе тюменских служилых людей против калмыков и о присылке самопалов. — (Стр. 420.)

339. 1634 г. ноября 28. — Память тобольского воеводы князя Андрея Голицына с товарищами прикащику Нижней Ницынской слободы Ивану Венгерскому о посылке в слободу 10 человек новоприборных казаков. — (Стр. 420.)

340. 1634 г. ноября 28. — Память тюменского воеводы Ивана Милюкова Нижней Ницынской слободы прикащику Ивану Венгерскому о лошадях калмыков на р. Суери и о намерении калмыков вновь воевать сибирские уезды. — (Стр. 421.)

341. 1634—1635 гг. — Челобитная кузнецких служилых людей о суде по разным их делам не в Томском, а в Кузнецком остроге. — (Стр. 421.)

342. 1634—1635 гг. — Отписка красноярского воеводы Никиты Карамышева томскому воеводе князю Никите Егупову Черкаскому об убийстве девяти служилых людей, посланных из Канского зимовья за ясаком. — (Стр. 422.)

343. 1635 г. не ранее марта 18. — Отписка Ивана Рыцкого из Мелеского острога томскому воеводе князю Никите Егупову Черкаскому с товарищами о посылке служилых людей в Кизылскую и Ачинскую волости и о жалобах кизылцов и ачинцов на киргизов. — (Стр. 423.)

344. 1635 г. апреля 30. — Память тюменского воеводы Ивана Милюкова прикащику Нижней Ницынской слободы Ивану Венгерскому о нападении Аблая, Кучумова внука, на тюменских татар за рекою Исетью и о намерении его воевать сибирские уезды. — (Стр. 423.)

345. 1635 г. не ранее мая 15. — Отписка Чубаровской слободы прикащика Спиридона Шелехова туринскому воеводе Семену Объедову о татарине Бекенейке, которого считают вожем в предстоящем походе калмыков на Туринский уезд. — (Стр. 424.)

346. 1635 г. не ранее мая 25. — Отписка Ивана Рыцкого из Мелеского острога томскому воеводе князю Никите Егунову Черкаскому с товарищами о грабежах красноярских служилых людей в Кизылской волости и о нападении на те же волости киргизов. — (Стр. 424.)

347. 1635 г. июня 3. — Память тобольского воеводы стольника князя Михаила Темкина-Ростовского с товарищами прикащику Нижней Ницынской слободы Ивану Венгерскому о приходе калмыков под Верхнюю Ницынскую слободу, о посылке для проведывания их казаков и об устройстве тройных надолб вокруг слободы и острога. — (Стр. 425.)

348. 1635 г. не ранее июня 3. — Отписка красноярского воеводы Никиты Карамышева томскому воеводе князю Никите Егунову Черкаскому об его переговорах с послами тангутского ламы Даин-Мерген-Ланзы и Алтына царя, прибывшими в Красноярск с продажными лошадьми. — (Стр. 425.)

349. 1635 г. не ранее июня 3. — Отписка красноярского воеводы Никиты Карамышева томскому воеводе князю Никите Егунову-Черкаскому о приезде в Красноярск людей тангутского ламы Даин-Мерген-Ланзы и Алтына царя и о пригнанных ими на продажу лошадях. — (Стр. 426.)

350. 1635 г. не ранее июня 9. — Выписка из дела томской воеводской избы о посылке томского атамана Дмитрия Копылова к тангутскому ламе Даин-Мерген-Ланзе. — (Стр. 427.)

351. 1635 г. не ранее июня 17. — Отписка туринского воеводы Семена Объедова пелымскому воеводе Андрею Усову о нападении калмыков на Чубарову слободу. — (Стр. 428.)

352. 1635 г. не ранее августа 22. — Отписка тюменского воеводы князя Ивана Львова туринскому воеводе Семену Объедову о намерении Тархана и его калмыков, а также Кучумовых внучат воевать сибирские города и слободы. — (Стр. 428.)

353. 1635 г. августа 23. — Память тюменского воеводы князя Ивана Львова прикащику Нижней Ницынской слободы Ивану Венгерскому о намерении Тархана и его калмыков, а также Кучумовых внучат воевать сибирские города и слободы. — (Стр. 428.)

354. 1635 г. не ранее сентября 1. — Отписка в Москву туринского воеводы Семена Объедова о нападении калмыков и царевичей, Ишимовых детей, на Чубарову слободу, о калмыцких послах в Тобольск, о намерении Тархана, калмыков и Кучумовых внучат воевать сибирские города и слободы и о недостатке служилых людей в Туринском остроге. — (Стр. 428.)

355. 1635 г. не ранее сентября 2 — не позднее сентября 13. — Отписка тобольского воеводы князя Михаила Темкина-Ростовского тюменскому воеводе князю Ивану Львову о походе против калмыков и Кучумовых внучат тобольских, тюменских и тарских служилых людей во главе с Борисом Толбузиным. — (Стр. 429.)

356. 1635 г. сентября 13. — Память тюменского воеводы князя Ивана Львова прикащику Нижней Ницынской слободы Ивану Венгерскому о походе против калмыков и Кучумовых внучат тобольских, тюменских и тарских служилых людей во главе с Борисом Толбузиным. — (Стр. 430.)

357. Не ранее 1635 г. — Челобитная Туринского уезда ницынских и ирбитских ясачных татар об обидах и притеснениях, чинимых им русскими слобод по рекам Нице и Ирбею. — (Стр. 430.)

358. 1636 г. не ранее января 9. — Отписка красноярского воеводы Федора Мякинина енисейскому воеводе Прокопию Соковнину о возвращении некрещеных котовцов, взятых бывшим красноярским воеводой Никитой Карамышевым с собою на Русь. — (Стр. 432.)

359. 1636 г. мая 3. — Грамота в Томск воеводе князю Ивану Ромадановскому с товарищами, по челобитью красноярских служилых людей, о прибавке служилых людей и о мерах к покорению и замирению „немирных" землиц Красноярского уезда. — (Стр. 433).

360. 1636 г. мая 12. — Грамота на Тюмень воеводе князю Ивану Львову о выдаче тюменским служилым людям полного оклада жалованья на 144-й год, об отсылке полона, взятого в поход Ильи Бакшеева, в Тобольск и о принятии мер на случай нападения калмыков и татар. — (Стр. 435.)

361. 1636 г. не ранее июля 10. — Отписка тобольского воеводы князя Михаила Темкина-Ростовского туринскому воеводе Семену Объедову о намерении кал-

мыков воевать Тюмень и Тару и о посылке в Туринск 20-ти казаков. — (Стр. 436.)

362. 1636 г. не ранее августа 27. — Отписка тобольского воеводы князя Михаила Темкина-Ростовского туринскому воеводе Семену Объедову о намерении калмыцких тайшей воевать сибирские города и уезды и о принятии мер на случай их нападения. — (Стр. 437.)

363. 1636 г. не ранее сентября 22. — Отписка тобольского воеводы князя Михаила Темкина-Ростовского туринскому воеводе Семену Объедову о приходе к Атбашскому острожку калмыцких послов Урлюкова улуса и о кочевье Урлюка тайши на Кош-Карагс. — (Стр. 437.)

364. 1636 г. не ранее октября 25. — Отписка тюменского воеводы князя Ивана Львова туринскому воеводе Семену Объедову о походе на сибирские города калмыков и Девлеткирея. — (Стр. 438.)

365. 1636 г. ноября 7. — Грамота в Томск стольнику и воеводе князю Ивану Ромадановскому с товарищами о посылке служилых людей в Красноярск в виду предположений строить остроги в Канской и Тубинской землицах. — (Стр. 439.)

366. 1636 г. ноября 25. — Грамота в Томск воеводе князю Ивану Ромадановскому с товарищами о посылке прибавочных служилых людей в Кузнецкий острог при получении вестей о приходе черных калмыков и киргизов. — (Стр. 441.)

367. 1637 г. не ранее августа 27. — Отписка тарских воевод князя Федора Барятинского и Григория Кафтырева тобольскому воеводе князю Михаилу Темкину Ростовскому о посольстве к калмыцкому тайше Куйше Назара Жадовского с товарищами и, в виду близости калмыков, о возможном нападении их на Тару. — (Стр. 442.)

368. 1637 г. не ранее сентября 6. — Отписка тюменского воеводы князя Ивана Львова тобольскому воеводе князю Михаилу Темкину-Ростовскому о полученных вестях про Девлеткирея и калмыцких тайшей и местах их кочевий и о своевременности похода служилых людей на калмыков. — (Стр. 443.)

369. 1637 г. не ранее октября 3. — Отписка тюменского воеводы князя Ивана Львова тобольскому воеводе князю Михаилу Темкину-Ростовскому о новых сведениях про Девлеткирея, полученных от бежавших из его улуса у Акушлы озера. — (Стр. 444.)

370. 1637 г. не ранее декабря 12. — Отписка в Москву тобольских воевод князя Михаила Темкина-Ростовского о после Кучумова внука Девлеткирея Баянке Бугонакове, прибывшем на Тару в октябре 1637 г. — (Стр. 444.)

371. 1637 г. не ранее декабря 12. — Отписка тобольского воеводы князя Михаила Темкина-Ростовского тарским воеводам князю Федору Барятинскому и Григорию Кафтыреву об изменивших тарских татарах и о сношениях с Девлеткиреем. — (Стр. 447.)

372. 1638 г. не ранее июля 12. — Отписка тюменского воеводы князя Ивана Львова тобольскому воеводе князю Михаилу Темкину-Ростовскому о татарах, прибывших из Калмыцкой земли, и о разрешении поселить их в Тюменском уезде. — (Стр. 448.)

373. 1638 г. не ранее августа 19. — Отписка Чубаровской слободы прикащика Якова Шульгина туринскому воеводе Семену Объедову о дополнительной присылке, в виду ожидаемого прихода калмыков, служилых людей вместе с порохом и свинцом. — (Стр. 449.)

374. 1638 г. августа 20. — Память из Тобольска в Нижнюю Ницынскую слободу прикащику Борису Толбузину о полученных вестях про воинских людей, идущих с Пышмы на Тюмень. — (Стр. 450.)

375. 1638 г. сентября 3. — Память из Тобольска в Нижнюю Ницынскую слободу прикащику Борису Толбузину о вестях про калмыков. — (Стр. 451).

376. 1638 г. сентября 12. — Память тюменского воеводы князя Ивана Львова прикащику Нижней Ницынской слободы Борису Толбузину о походе уфимских татар на калмыков. — (Стр. 452.)

377. 1638 г. не ранее сентября 30. — Отписка нарымского воеводы Владимира Племянникова томскому воеводе князю Ивану Ромадановскому о пожаре Нарыма. — (Стр. 453.)

378. 1638—1639 г. — Выписка из статейного списка казачьего головы Богдана Аршин-

ского, ездившего за солью к Ямышу озеру, об его сношениях с калмыцкими тайшами, бывшими у озера. — (Стр. 453.)

379. 1639 г. не ранее октября 28. — Отписка тарских воевод Василия Чеглокова и Якова Тухачевского тобольскому воеводе князю Петрю Пронскому о посольстве от Илдени тайши. — (Стр. 454.)

380. 1640 г. не ранее января 3. — Отписка в Москву верхотурского воеводы Воина Корсакова по вопросу о том, можно ли в новые слободы перезывать на льготу „старых крестьян с старых их жеребьев". — (Стр. 454.)

381. 1640 г. февраля 4. — Грамота в Туринск воеводе Никите Кафтыреву о подчинении крестьян, поселившихся в Ермолаевой волости на реке Нице, туринскому воеводе и об устройстве там новой слободы. — (Стр. 455.)

382. 1640 г. не ранее февраля 26. — Отписка в Москву тобольских воевод князя Петра Пронского с товарищами о посольстве к калмыцкому контайше конного казака Кузьмы Абрамова и юртовского татарина Хожемамета Итеева, с приложением выписки из „Записной книги о калмыцких посылках" о посольстве к контайше в 144-м г. тобольского сына боярского Томила Петрова с товарищами, и о сношениях с калмыками в 142-м и 143-м гг., а также об отправке контайшиных послов Уруская и Конды в Москву. — (Стр. 456.)

383. 1640 г. мая 18. — Грамота в Тобольск воеводе князю Петру Пронскому с товарищами о переводе демьянских и самаровских ямских охотников в Томск на пашню и об ямской гоньбе ясачных людей. — (Стр. 465.)

384. 1640 г. мая 23. — Грамота в Туринск воеводе Никите Кафтыреву о строении слободы на речке Сусадке. — (Стр. 466.)

385. 1640 г. не ранее мая 26. — Отписка тобольского воеводы князя Петра Пронского тюменскому воеводе князю Григорию Барятинскому о намерении Кочашки Танатарова и его татар итти на Белое городище. — (Стр. 467.)

386. 1640 г. июня 5. — Грамота на Верхотурье воеводе Воину Лукьянову о запрещении выпускать старых крестьян на новые места и об увеличении пашни семейных и прожиточных крестьян. — (Стр. 468.)

387. 1640 г. июня 8. — Память тюменского воеводы князя Григория Барятинского приказчику Нижней Ницынской слободы Евсевию Поливанову о намерении Кочашки Танатарова и его людей итти на Белое городище. — (Стр. 469.)

388. 1640 г. не ранее июня 10. — Отписка приказчика Чубаровой слободы Якова Шульгина туринскому воеводе Никите Кафтыреву о намерении Девлеткирея и Кочашки Танатарова с товарищами итти воевать Белое городище, о прекращении посылки в слободу туринских стрельцов и о нападении на слободу тарских татар и калмыков в 1634 г. — (Стр. 470.)

389. 1640 г. не ранее июня 14. — Отписка верхотурского воеводы Воина Корсакова туринскому воеводе Никите Кафтыреву о неправильных действиях его и отношении крестьян новой слободы в Ермолаевой волости. — (Стр. 471.)

390. 1640 г. не ранее июня 30. — Отписка в Москву туринского воеводы Никиты Кафтырева о произведенном им дозоре земель в Ермолаевой волости, о сношениях с верхотурским воеводой об отписке крестьян этой волости к Туринскому уезду, об отказе крестьян подчиниться распоряжениям воеводы, о строении Ирбейской слободы и о необходимости приписки ее и Ницынской Ощепковой слободы к Туринскому уезду, о притеснениях татар крестьянами этих слобод. — (Стр. 472.)

391. 1640 г. не ранее июля 2. — Отписка Чубаровской слободы приказчика Якова Шульгина туринскому воеводе Никите Кафтыреву о полученных вестях про поход калмыков на Тюмень и слободы и о присылке дополнительно служилых людей. — (Стр. 475.)

392. 1640 г. не ранее августа 30. — Отписка в Москву туринского воеводы Никиты Кафтырева о высылке книг, образов, церковного имущества и о назначении попа в церковь, выстроенную в слободе на реке Сусадке. (Стр. 476.)

393. 1640 г. октября 12. — Память тюменского воеводы князя Григория Барятинского приказчику Нижней Ницынской слободы Евсевию Поливанову об осаде калмыками Тарханского острожка. — (Стр. 476.)

394. 1641 г. августа 26. — Память тюменского воеводы князя Григория Барятинского приказчику Нижней Ницынской слободы Евсевию Поливанову о походе царевича Девлеткирея и Урлюковых детей. — (Стр. 477.)

395. 1641 г. сентября 1. — Память тюменского воеводы князя Григория Барятинского прикащику Нижней Ницынской слободы Евсевию Поливанову о столкновении тюменских и тобольских ратных людей с калмыками. — (Стр. 477.)

396. 1641 г. сентября 5. — Наказная память туринского воеводы Никиты Кафтырева сыну боярскому Семену Шарыгину Меньшому с товарищами, посланным для осмотра Ощепковой и Ирбитской слобод и выяснения места, где строить острожки. — (Стр. 478.)

397. 1641 г. не ранее сентября 11. — Отписка в Москву туринского воеводы Никиты Кафтырева об отправке им служилых людей для осмотра слобод, приписанных к Туринскому уезду — Ницынской (Ощепковой) и Ирбитской, с приложением „доезда" служилых людей. — (Стр. 479.)

398. 1641 г. не ранее сентября 14. — Отписка тобольского воеводы князя Петра Пронского туринскому воеводе Никите Кафтыреву о полученных вестях про поход царевича Девлеткирея и тайши Илдена на Туринский острог и уфимские волости. — (Стр. 480.)

399. 1641 г. сентября 15. — Отписка прикащика Ирбитской слободы Василия Муравьева верхотурскому воеводе князю Никифору Мещерскому о намерении царевича Девлеткирея вместе с калмыками итти воевать сибирские города и слободы. — (Стр. 481.)

400. 1641 г. сентября . . — Отписка в Москву туринского воеводы Никиты Кафтырева о произведенном туринскими служилыми людьми осмотре мест около Ощепковой и Ирбитской слобод, пригодных для построения острожков, и о количестве служилых людей, нужных для них. — (Стр. 481.)

401. 1641 г. не ранее октября 2. — Отписка туринского воеводы Никиты Кафтырева тобольскому воеводе князю Петру Пронскому о получении его вестовой отписки (№ 398) и о присылке в Туринский острог конных служилых людей. — (Стр. 483.)

402. 1641 г. не ранее ноября 2. Отписка тюменского воеводы князя Григория Барятинского туринскому воеводе Никите Кафтыреву о походе царевича Девлеткирея. — (Стр. 483.)

403. 1641 г. не ранее ноября 6. — Отписка прикащика Ощепковой слободы Панкрата Перхурова верхотурскому воеводе князю Никифору Мещерскому о походе царевича Девлеткирея. — (Стр. 484.)

404. 1641 г. не ранее декабря 2. — Отписка прикащика Ощепковой слободы Панкрата Перхурова верхотурскому воеводе князю Никифору Мещерскому о намерении тайши Меркана итти войною на Чубаровскую слободу и на Уфу. — (Стр. 484.)

405. 1641—1642 гг. — Отписка в Москву верхотурского воеводы Никифора Мещерского о состоянии Верхотурского острога. — (Стр. 484.)

406. 1642 г. августа 29. — Память тюменского воеводы князя Григория Барятинского прикащику Нижней Ницынской слободы Меньшому Ремезову о кочевьях калмыков в верховьях Тобола и о сборах их в поход на Тюмень. — (Стр. 485.)

407. 1642 г. октября 12. — Память тюменского воеводы князя Григория Барятинского прикащику Нижней Ницынской слободы Меньшому Ремезову о намерении тайши Кущия „из Мугал" воевать сибирские города. — (Стр. 485.)

408. 1642 г. ноября 4. — Память тюменского воеводы князя Григория Барятинского прикащику Нижней Ницынской слободы Меньшому Ремезову о калмыках, которых видели „по сю сторону Емуртлы". — (Стр. 486.)

409. 1643 г. не ранее апреля 2. — Отписка кузнецкого воеводы Дементия Кафтырева томскому воеводе стольнику князю Семену Клубкову-Масальскому об обложении ясаком людей Керсагальской, Усленской, Салунской, Мундусской, Тотошской и Кезегелицкой волостей. — (Стр. 486.)

410. 1643 г. не ранее апреля 21. — Отписка приказных Туруханского зимовья Дементия Шишкова и Ивана Васильева мангазейскому воеводе князю Петру Ухтомскому о затруднениях в выполнении его приказа не пропускать торговых и промышленных людей, возвращающихся с промыслов дорогой через Елогуй. — (Стр. 489.)

411. 1643 г. августа 13. — Память тюменского воеводы Якова Колтовского прикащику Нижней Ницынской слободы Меньшому Ремезову о съезде пяти тайшей в Урлюковом улусе и о намерении их воевать сибирские города и волости. — (Стр. 490.)

412. 1643 г. не ранее ноября 28. — Отписка из Тюмени тобольского письменного головы

Григория Семичова туринскому воеводе князю Петру Барятинскому о приезде к Ишкепу тайше царевича Девлеткирея, чтобы просить людей для похода на сибирские города. — (Стр. 490.)

413. 1643 г. не ранее декабря 19. — Отписка из Тюмени тобольского письменного головы Григория Семичова туринскому воеводе князю Петру Барятинскому о просьбе Девлеткирея к Мергеню тайше о людях для похода на сибирские города и об отправлении Девлеткирея в поход на Тарский уезд. — (Стр. 491.)

414. 1644 г. марта 17. — Грамота в Березов воеводе Мелентию Квашнину о дополнительных работах по устройству острога в Березове. — (Стр. 491.)

415. 1644 г. не ранее июня 5. — Отписка в Москву верхотурских воеводы Максима Стрешнева и подьячего Максима Лихачева о намерении туринских служилых людей строить новую слободу на большой елани Ощепковой слободы. — (Стр. 492.)

416. 1644 г. августа 25. — Грамота в Тюмень воеводе Ивану Бобрищеву-Пушкину о походе Якова Тухачевского в Киргизскую землю, о построении Ачинского острога, о походе вверх по р. Белому Июсу и о даче жалованья тюменским служилым людям, принимавшим участие в этих походах. — (Стр. 492.)

417. 1644 г. сентября 3. — Память тюменского воеводы Ивана Бобрищева-Пушкина прикащику Нижней Ницынской слободы Евсевию Поливанову о сборе калмыцких тайшей и о намерении их и царевича Девлеткирея и Ирденея контайши воевать сибирские города и слободы. — (Стр. 494.)

418. 1644 г. октября 16. — Грамота в Туринск воеводе князю Петру Барятинскому о запрещении строить слободы на землях, не принадлежащих к Туринскому уезду. — (Стр. 494.)

419. 1644—1645 гг. — Отписка слободчика новой Усть-Ирбитской слободы Пятого (Пятки) Ощепкова верхотурскому воеводе Максиму Стрешневу о призыве в оброчные крестьяне двух гулящих людей. — (Стр. 495.)

420. 1645 г. января 7. — Грамота в Тобольск воеводам князю Григорию Куракину с товарищами о намерении ирденея контайши и Девлеткирея воевать сибирские города и о мерах предосторожности против них. — (Стр. 495.)

421. 1645 г. апреля 11. — Память верхотурского воеводы Максима Стрешнева Верхотурского уезда Невьянской слободы прикащику Андрею Буженинову о получении остатка денег и крепостей на новоприборных крестьян Краснопольской слободы. — (Стр. 496.)

422. 1645 г. апреля 23. — Грамота на Тюмень воеводе Ивану Бобрищеву-Пушкину о раздаче послужных денег тюменским служилым людям, принимавшим участие в походе 149 г. головы Ильи Бакшеева в степь против царевича Девлеткирея и тарских и тюменских татар. — (Стр. 497.)

423. 1645 г. не ранее апреля 30. — Отписка прикащика Василия Муравьева верхотурскому воеводе Максиму Стрешневу об израсходовании денег, выданных для раздачи ссуд и подмоги новоприборным крестьянам Ирбитской и Белослудской слобод. — (Стр. 498.)

424. 1645 г. июня 12. — Грамота в Тобольск воеводе князю Григорию Куракину с товарищами об ямской гоньбе ямских охотников Демьянского и Самаровского ямов и сургутских ясачных. — (Стр. 498.)

425. 1645 г. не ранее июня 28. — Отписка верхотурского воеводы Максима Стрешнева тобольскому воеводе князю Григорию Куракину о невозможности выслать в Туринск новоприборных крестьян, уже посаженных на пашню в Белослудскую слободу. — (Стр. 503.)

426. Не ранее 1645 г. июля 13. — Челобитная томского конного казака Афанасия Алексеева о жалованье за службу в Калмыцкой и Киргизской землях и в Якутском уезде. — (Стр. 504.)

427. 1645 г. не ранее сентября . . — Отписка тюменского воеводы Ивана Бобрищева-Пушкина тобольскому воеводе князю Григорию Куракину об отправке посланниками в калмыцкие улусы к тайшам Гумбе и Ешкепу служилых людей Тимофея Никитина и Ивана Васильева с товарищами, о задержке их в калмыцких улусах до весны и о прибытии на Тюмень калмыцких послов, желающих зимовать на Тюмени. — (Стр. 504.)

428. 1645 г. октября 12. — Грамота на Верхотурье воеводе Максиму Стрешневу по вопросу о туринских новоприборных крестьянах, посаженных верхотурским вое-

водой на пашню в Белослудскую слободу, и о порядке „прибора" крестьян. — (Стр. 505.)

429. 1645 г. октября 12. — Грамота в Туринск воеводе князю Петру Барятинскому по делу о туринских крестьянах, прибранных в поморских уездах и посаженных на пашню в Белослудской слободе Верхотурского уезда, и о запрещении дальнейшего прибора крестьян в поморских городах. — (Стр. 507.)

430. 1645 г. ноября 10. — Расспросные речи тюменского служилого татарина Исенмамета Ишмаметева об его встрече с царевичем Девлеткиреем и его людьми. — (Стр. 508.)

431. 1645 г. ноября 12. — Наказная память тюменскому сыну боярскому Карпу Чеглокову, посланному из Тюмени на речку Алабугу для встречи с царевичем Девлеткиреем. — (Стр. 508.)

432. 1645 г. ноября 19. — Память тюменским конным казакам Федору Семенову и Елистрату Васильеву, посланным по реке Туре для высылки русских в город Тюмень, а татар — в подгородные юрты, в виду предстоящей войны с калмыками. — (Стр. 509.)

433. 1645 г. ноября 19. — Память тюменского воеводы Ивана Бобрищева-Пушкина в Нижнюю Ницынскую слободу прикащику Борису Деткову о сборе калмыков „тысяч со сто" в урочище Казлык и о намерении их воевать. — (Стр. 509.)

434. 1645 г. не ранее декабря 2. — Отписка прикащика Чубаровской слободы Степана Тутолмина туринскому воеводе князю Петру Барятинскому о нападении калмыков на Мурзинскую слободу и о присылке в слободу служилых людей. (Стр. 509.)

435. 1645 г. не ранее декабря 5. — Отписка прикащика Киргинской слободы Михаила Харламова тюменскому воеводе Ивану Бобрищеву-Пушкину о том, что в Мурзинской слободе была драка гулящих людей, а не нападение калмыков. (Стр. 510.)

436. 1645 г. не ранее декабря 6. — Отписка в Москву верхотурского воеводы Максима Стрешнева о нападении калмыков на Благовещенскую слободу Туринского уезда, об отсутствии оружия, военных припасов и вестового колокола на Верхотурье, и о посылке служилых людей в Невьянскую и Тагильскую слободы. — (Стр. 510.)

437. 1645—1646 гг. — Отписка слободчика новой Туринской слободы Давыда Андреева тюменскому воеводе Ивану Бобрищеву-Пушкину о препятствиях к устройству слободы со стороны окрестных татар. — (Стр. 511.)

438. 1646 г. не ранее марта 31. — Отписка туринского воеводы князя Петра Барятинского тобольскому воеводе князю Григорию Куракину о получении от него вестей о нападении калмыков на Благовещенскую слободу и об отсутствии сведений об этом в Туринске. — (Стр. 512.)

439. 1646 г. мая 1. — Грамота на Верхотурье воеводе Борису Дворянинову о производстве следствия по делу о насилиях прежнего воеводы Максима Стрешнева над сыном боярским Василием Муравьевым и о причинах отставки его от должности прикащика. — (Стр. 512.)

440. 1646 г. июля 5. — Грамота на Верхотурье воеводе Борису Дворянинову о назначении Андрея Буженинова прикащиком и таможенным головой Невьянской слободы — (Стр. 514.)

441. 1646 г. августа 5. — Память с прочетом верхотурского воеводы Максима Стрешнева прикащику Ницынской слободы Тихону Текутьеву и Ирбитской слободы сыну боярскому Ивану Тыркову о предоставлении ими дьячков для письма в Усть-Ирбитской слободе и о взимании за письмо не дороже платы, установленной в Ницынской и Ирбитской слободах. — (Стр. 515.)

442. 1646 г. не ранее сентября 2. — Отписка тобольского воеводы боярина Ивана Салтыкова туринскому воеводе князю Петру Барятинскому о посылке в Туринск тобольского письменного головы Андрея Секерина для переписи туринских ямских охотников, бобылей и захребетников и устройстве их в пашенные крестьяне в новой слободе на реке Пышме. — (Стр. 516.)

443. 1646 г. не ранее ноября 14. — Память тюменского воеводы Ивана Бобрищева-Пушкина прикащику Нижней Ницынской слободы Федору Воронову о намерении царевича Бугая, вместе с калмыками и татарами, воевать Тюмень, Туринск и слободы и о мерах предосторожности. — (Стр. 516.)

444. 1646 г. не ранее ноября 16. — Память тюменского воеводы Ивана Бобрищева-Пушкина прикащику Нижней Ницынской слободы Федору Воронову о походе царевича Бугая. — (Стр. 517.)

445. 1646 г. декабря 9. — Грамота в Енисейск воеводе Федору Уварову о посылке на Турухан хлебных запасов для аманатов. — (Стр. 517.)

446. 1646 г. не ранее декабря 23. — Отписка тобольского воеводы боярина Ивана Салтыкова туринскому воеводе князю Петру Барятинскому о запрещении туринским ямским охотникам Ефиму Твердукову с товарищами пахать земли, отведенные для Туринской слободы. — (Стр. 518).

447. 1647 г. февраля 20. — Грамота в Мангазею воеводе Якову Тухачевскому о посылке из Енисейска на Турухан хлебных запасов для аманатов. — (Стр. 518.)

448. 1647 г. не ранее июля 10. — Отписка тюменского воеводы Ивана Тургенева туринскому воеводе Федору Шишкину о прибытии торговых бухарцев и калмыцких послов с торгом от тайшихи Дарыки и сына ее Ешкепа и от контайши Ирденея и о недовольстве их распоряжением отправить их в Тобольск и не разрешать торговать и „пословать" на Тюмени. — (Стр. 519.)

449. 1647 г. не ранее июля 10. — Память тюменского воеводы Ивана Тургенева приказчику Нижней Ницынской слободы Федору Воронову о прибытии торговых бухарцев и калмыцких послов с торгом от тайшихи Дарыки, сына ее Ешкепа и от контайши Ирденея и о недовольстве их распоряжением отправить их в Тобольск и не разрешать торговать и „пословать" на Тюмени. — (Стр. 519.)

450. 1647 г. августа 7. — Память тюменского воеводы Ивана Тургенева приказчику Нижней Ницынской слободы Федору Воронову о получении от него вестей про Тайчина тайшу. — (Стр. 520.)

451. 1647 г. не ранее августа 21. — Отписка верхотурского воеводы Бориса Дворянинова туринскому воеводе Федору Шишкину о полученных от него вестях про тайшу Тайчина, об угрозах калмыков, которых не пускают „пословать" на Тюмени, и о движении калмыков в пределах Верхотурского и соседних уездов. — (Стр. 520.)

452. 1647 г. не ранее ноября 5. — Отписка слободчика Новой Туринской слободы Давыда Андреева туринскому воеводе Федору Шишкину о полученных вестях о калмыках, идущих под Тюмень и слободы. — (Стр. 522.)

453. 1647 г. декабря 30. — Грамота на Тюмень воеводе Ивану Тургеневу о полученных от него вестях про калмыков в уезде и в степи, о посланных им с Тюмени против калмыков служилых людях и о запрещении делать последнее „без тобольской отписки". — (Стр. 523.)

454. 1648 г. января 18. — Грамота на Тюмень воеводе Ивану Тургеневу о полученных от него вестях про послов тайши Тайчина и о запрещении впредь посылать служилых людей против калмыков без разрешения тобольского воеводы. — (Стр. 524.)

455. 1648 г. не ранее марта 10. — Отписка енисейского воеводы Федора Полибина томскому воеводе князю Осипу Щербатову о приобретении железа для построения нового Томского города. — (Стр. 524.)

456. 1648 г. апреля 28. — Грамота в Березов воеводе Михаилу Ладыженскому об исправлении Березовского острога. (Стр. 525.)

457. 1648 г. не ранее мая 3. — Отписка тюменского воеводы Ивана Тургенева туринскому воеводе Федору Шишкину о послах тайшихи Дарыки, о русском пленнике саратовце Степане Карташе и о полученных от него вестях про сбор калмыков в поход. (Стр. 526.)

458. 1648 г. не ранее мая 3. — Память тюменского воеводы Ивана Тургенева приказчику Нижней Ницынской слободы Федору Воронову о послах от тайшихи Дарыки, о русском пленнике саратовце Степане Карташе и о вестях, полученных от него, про сбор калмыков в поход. — (Стр. 526).

459. 1648 г. не ранее мая 11. — Память тюменского воеводы Ивана Тургенева приказчику Нижней Ницынской слободы Федору Воронову о полученных вестях о намерении царевичей Бугая и Кучука воевать государевы города. — (Стр. 526.)

460. 1648 г. мая 28. — Отписка туринского воеводы Федора Шишкина верхотурскому воеводе Борису Дворянинову о полученных вестях о намерении царевичей Бугая и Кучука воевать государевы города. — (Стр. 527.)

461. 1648 г. не ранее сентября 18. — Отписка тюменского воеводы Ивана Тургенева тобольскому воеводе боярину Ивану Салтыкову о полученных вестях про калмыцких тайшей, кочующих в верховьях Тобола и ожидающих нападения контайши Батыря (Батры), и о сношениях контайши Ирденея с царевичем Девлеткиреем. — (Стр. 527.)

462. 1648 г. не ранее октября 15. — Отписка тюменского воеводы Ивана Тургенева туринскому воеводе Федору Шишкину о полученных вестях про сбор калмыцких тайшей в поход. — (Стр. 528.)

463. 1648 г. ноября 11. — Грамота на Тюмень воеводе Селиверсту Чоглокову о строении на реке Пышме Беляковской слободы и обереганни строителя ее Максима Васильева и крестьян. — (Стр. 528.)

464. 1649 г. марта 5. — Грамота в Мангазею воеводе Федору Байкову о починке города и построении амбаров, воеводского двора и тюрьмы. (Стр. 529).

465. 1649 г. апреля 18. — Грамота на Тюмень воеводе Селиверсту Чоглокову о назначении в виду заслуг Бесчасного Малышева сотником стрельцов его сына Бориса. — (Стр. 530.)

466. 1649 г. ранее ноября 15. — Челобитная верхотурских служилых, посадских, ямских охотников и подгородных крестьян о даче руги и церковного строенья церкви Одигитрии в Верхотурье. — (Стр. 531.)

467. 1649 г. ноября 15. — Грамота верхотурскому воеводе Рафу Всеволожскому об ямской слободе в Верхотурье и охране государсвой пашни от ямского скота. — (Стр. 532.)

468. 1649—1650 гг. не позднее января... — Отписка тобольского воеводы стольника Василия Шереметева верхотурскому воеводе Рафу Всеволожскому о количестве четей, прибавленных на крестьян Ирбитской слободы вместо всяких изделий, и об острожном деле в слободах Арамашевской и Ирбитской. — (Стр. 532.)

469. 1649—1650 гг. — Отписка тобольского воеводы стольника Василия Шереметева тюменскому воеводе Селиверсту Чоглокову о даче слободчикам Беляковской слободы Максиму Васильеву и Силе Гаврилову бирюча и для письма дьячка и о разрешении прибирать на Тюмени и в Тюменском уезде в крестьяне в новую слободу. — (Стр. 533.)

470. 1649—1650 гг. — Отписка тобольского воеводы стольника Василия Шереметева туринскому воеводе Василию Кокореву о даче бирюча слободчикам Пышминской слободы Максиму Васильеву и Силе Гаврилову, о разрешении призывать в новую слободу гулящих и вольных людей и о даче подвод. — (Стр. 534.)

471. 1649—1652 гг. — Отписка в Москву томских воевод Михаила Волынского с товарищами о поставлении нового Томского города и о необходимости перенести в него соборную церковь. — (Стр. 534.)

472. 1651 г. не ранее июля 5. — Отписка в Москву томских воевод Михаила Волынского с товарищами о новых волостях за рекою Бнею вверх по Катуни: Саянах, Мугатах иТочи, и о построении острога на устье Бии и Катуни. — (Стр. 534.)

473. 1651 г. августа 30. — Грамота в Енисейск воеводе Афанасию Пашкову о запрещении енисейским людям строить деревни в Красноярском уезде и красноярским в Енисейском уезде. — (Стр. 535.)

474. 1652—1653 гг. — Отписка краснопольского приказщика Томилы Нефедьева верхотурскому воеводе Льву Измайлову об устройстве мурзинским приказщиком Борисом Черкасовым новых слобод на землях Краснопольской слободы с приложением „росписи" их. — (Стр. 535.)

475. 1653 г. не ранее июля 18. — Отписка красноярского воеводы Михаила Скрябина енисейскому воеводе Афанасию Пашкову о спешной присылке недосланного денежного жалованья в виду необходимости отправки служилых людей в Тубинскую землю для устройства там острога. — (Стр. 536.)

476. 1653 г. августа 23. — Отписка верхотурского воеводы Льва Измайлова тобольскому воеводе князю Василию Хилкову о размежевании земель Мурзинской и Краснопольской слобод и о запрещении мурзинскому прикащику Борису Черкасову переманивать крестьян верхотурских слобод. — (Стр. 537.)

477. 1653 г. ноября... — Наказная память верхотурского воеводы Льва Измайлова верхотурскому стрелецкому десятнику Томиле Серебрянникову, посланному в поморские города для „прибора" крестьян в Краснопольскую слободу. — (Стр. 537.)

478. 1653—1654 гг. — Отписка тобольского воеводы князя Василия Хилкова верхотурскому воеводе Льву Измайлову о посылке сына боярского Макария Галасьина для размежевания земель Мурзинской и Краснопольской слобод, о поручении ему допросить прикащика Бориса Черкасова, по какому указу он селит крестьян, и о беглых тагильских крестьянах, живущих в Мурзинской слободе. — (Стр. 538.)

Список сокращений

ААН — Архив Академии Наук СССР.
АИ — Акты исторические, собранные и изданные Археографическою комиссиею.
ГАФКЭ — Государственный архив феодально-крепостнической эпохи.
Доп. к АИ — Дополнения к актам историческим, собранные и изданные Археографическою комиссиею.
ДРВ — Древняя Российская Вивлиофика, изд. 2-е.
ИИ — Институт истории Академии Наук СССР.
РИБ — Русская историческая библиотека, издаваемая Археографическою комиссиею.
СГГД — Собрание государственных грамот и договоров, хранящихся в Государственной коллегии иностранных дел.
ЧтенОИДР — Чтения в Обществе истории и древностей российских.

1. *1596 г. марта 1.—Грамота на Тюмень воеводе князю Григорию Долгорукому с товарищами о послужных деньгах тюменским служилым людям за городовое дело и за тарскую службу.*

От царя и великого князя Федора Ивановича всеа Русии в Сибирь, в Тюменской город воеводе нашему князю Григорью Ивановичю Долгорукому с товарыщи. Пожаловали есмя тюменских служивых людей: литву, и атаманов, и казаков, и стрельцов, и пашенных людей, велели им дати нашего жалованья за службу за городовое дело, 157 человекам по полтине человеку, итого 78 рублев с полтиною, опричь новых казаков, которые посланы в 103-м году и города не делали; и ис тех послушных денег дано на Москве тюменскому челобитчику Михаилу Павлову на конных казаков на 50 человек по полтине на человека, итого 25 рублев, да на тюменских на пешенных людей на 24 человека дано на Москве тюменскому пашенному жильцу Ондрюшке Паренцыну по полтине на человека, итого 12 рублев; да тюменскому стрелецкому десятнику Титку Васильеву дано полтина, и всего ис тех тюменских послужных денег дано на Москве челобитчикам на покупку и их жалованье 37 рублев с полтиною, а достальные послушные денги за городовое дело 41 рубль да за тарскую послугу на 14 человек, которые ходили в поход под Тунус городок, послано послушных денег, денег по полтине на человека, итого 7 рублев, и обоего послано послушных денег за городовое дело и за тарскую службу 8 рублев, опричь того, что на покупку дано на Москве, а с покупочными деньгами 85 рублев с полтиною; и те все денги посланы с Москвы на Лозву с сыном боярским с Ываном Змеевым да с тюменскими челобитчики и покупочная рухлядь с челобитчики ж послана. А с Лозвы те деньги велено взяти и вести в Тюмень Лозвинскому голове Елизарью Даниловичю Бартеневу. И как к вам ся наша грамота придет и Елизарей Бартенев на Тюмень с хлебными запасы и с послушными денгами придет, и ты б тюменским все служилым людем и пашенным крестяням за городовое дело и за тарскую службу, что ходили под Тунус городок, сказал им наше жалованье по полтине человеку, и сказав им наше жалованье да тое покупочную рухлядь взяв у че-

лобитчика у Михалка у Павлова да у пашенного жильца у Андрюшки у Паренищына, и те послушные денги за городовое дело и за тарскую послугу, которые 14 человек ходили с Тары под Тунус городок, велел роздати наше жалованье всем налицо. И впредь бы они нам служили больши прежнево, а мы их пожалуем своим великим жалованьем. Писан на Москве лета 7104-го марта в 1 день.

На обороте: Подьячий Тимошка Осипов.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 8, лл. 7—8, № 5.

2. *1596 г. марта 16.— Грамота на Тюмень воеводе князю Григорию Долгорукому с товарищами о разных местных делах.*

От царя и великого князя Федора Ивановича всеа Русии в Сибирь, в Тюменской город, воеводе нашему князю Григорию Ивановичу Долгорукому с товарыщи. Писали есте к нам, что велено быть по нашей грамоте ис Тобольска на Тюмени атаману Дружине Юрьеву у конных казаков; а дали вы атаману Дружине нашего денежного жалованья к московской даче к трем рублем 10 рублев, а хлебново жалованья дали 10 чети муки, да четь круп, четь толокна да два пуда соли; а дали вы ему на все денежное жалованье по тобольской росписи, а у вас в тюменской росписи не написано, что ему нашего денежново и хлебново жалованья давать; и нам бы вам об нем велети указ свой учинити, почему ему нашего денежново и хлебново жалованья давать. Да на Тюмени подьячего не было, кому наши дела писать; и вы выбрали ис конных казаков казака Безсонка Иванова, и велели ему быть у наших дел писать; а нашево ему денежново жалованья дали 7 рублев да на полгода дали 4 чети муки, осьмину круп; и впредь бы вам об нем велети указ свой учинить. Да на Тюмени ж на городе и на остроге наряду мало: одна пищаль медяная сороковая, да 11 пищалей затинных: на городе 9 пищалей, а на остроге две пищали. Да был на Москве казачей челобитчик Иванко Онтонов, а дано ему на Москве на казачью покупку 70 рублев, и с Москвы послан с казачьею покупкою, и тот Иванко до Тюмени не доехал, збежал с Лозвы, а покупочная рухлядь на Тюмень привезена, и по росписи не с полна. Да в городе Тюмени три престолы: пречистые богородицы, да Николы чудотворца, да Федора Стратилата, а нашего указу нет, почему давать на просвиры хлеба, ржи и пшаницы, и что давать руги пономарю и просвирнице; и нам бы о том велети указ свой учинить. Да вы к нам писали, что велено вам по нашему указу промышлять пашнею, чтоб вперед пашни распахать больши прежнево, а пашенных людей на Тюмени 26-ть человек, а пашут наше пашни по две десятины под рожь, по две десятины под ярь, а сеют ржи по 2 чети, а овса по 4 чети, опричь своей пашни, а больши того им пашни пахать немочно. Да вы ж к нам писали, что побежали из города с Тюмени 50 человек татар, и вы за теми татары посылали Семейка Вязьмина да с ним служилых татар Какшару, да Майтмаса да Бахтураска, а велели им за теми беглыми татары ехати по сакме, а доведатца подлинно тово, куда те люди пойдут; и на Тюмень Семейка Вязьмин с товарыщи пришли пеши пеграблены июня в 25 день, а в распросе сказали, что сошли они по сакме на Исете на реке на острову Килдемана с товарыщи, со с Килдеманом их собралося кипырцов и башкирцов человек с 30, а стали де они у Килдемана лошадей просить, и те де татаровя их Семейку да Кокшару с товарыщи переимали и перевезали, и держали их у собя 4 дня и хотели их побить; и Семейка им говорил, про что они изменили и из города побежали, и от которые нужи и хотят их побить; и те де татарове сказали им, что им нужи никоторые не было, а побежали они из города для того, что слышали они от толмача от Мити от Токманаева, сказывал им что приедут в Сибирь ныне воеводы новые, а с ними де наш указ, что велено из них из кипырцев и и из башкирцев, выбрав лутчих людей 12 человек, побить, а иных сослать на Тару и с женами и с детьми, а которые худые останутца, и на тех велено положить пашня, по 5 чети ржи сеять; и Семейка им говорил: нехто сказывал вам во-

ровски, затеяв такое бездельное слово, и вы тому бездельному слову не верьте, тому и статци не мочно, и сами вы ведаете, как вас воеводы любили и берегли; и те де татарове отказали ему Семейке, чтобы де мы то слово слышали не от толмача, и мы бы де и веры тому не поняли; да башкирец же де татарин Елтура говорил: приказывал де к нему толмач грозами: пришли де конь мой, а не пришлешь коня, и я де у тебя отойму жену; а он де Елтура у того толмача коня не имывал. И вы того толмача велели дать за пристава до нашего указу; а достальных татар осталося на Тюмени 20 человек; а закладчиков тех волостей вы посадили в тюрьму до нашего ж указу. И как к вам ся наша грамота придет, и вы б казачью атаману Дружине Юрьеву и подъячему Безсонку наше денежное и хлебное жалованье давали по нашему указу по росписи, какова к вам роспись послана. А наряду к вам на Тюмень впредь пришлем. А о тюменском казаке о Иванке к вам писано преж сего, по тому б есте по прежнему нашему указу и сделали. А пономарю б есте и проскурнице давали руги по 4 чети муки, по осьмине круп, по осьмине толокна. А толмача Митю Токманаева за воровство, что он воровал, смуту и ссору сделал в волостях в ясашных и в служилых людех великую, велели ево бити кнутом по торгом передо всеми служилыми и ясашными татары и посадили его в тюрьму до нашего указу, чтоб неповадно было впредь иным вором так воровать, смуты и ссоры в волостях в ясашных людех и в служилых татарех делать. А татаром бы есте служилым и ясашным сказали наше жаловальное слово, что мы их пожаловали своим великим жалованьем, и они б нам служили и жили по своим юртом и по волостям попрежнему; а что толмач Митя своровал, смуту и ссору в служилых людех и в ясашных татарех учинил, и за то мы ево велели кнутом бить и посадить в тюрьму. А которые ясашные люди и служилые татарове от Митина воровства побежали и нам изменили, и вы б, про них проведав, к ним послали, чтоб они ехали на Тюмень и жили по своим юртом и по волостям попрежнему, и нашу службу служивые татарове служили, а ясашные люди ясак с себя платили по прежнему, и велим им дати вперед наше денежное жалованье; а которой толмач им такое бездельное слово затеяв сказал, того толмача велели бить кнутом за его воровство, и велели его посадити в тюрьму до нашего указу. А только они не пойдут на Тюмень и не учнут жити по своим юртом и по волостям попрежнему, и то они готово своровали, нам изменили, и на толмача такое слово вздели не по делу; и вы б велели им сказати, что мы пошлем на них рать свою, а велим их повоевать; а которые заклады их в городе сидят, и мы и тех велим побить для их измены; а только они придут жити на Тюмень, и мы их пожалуем лутче прежнево. А как у вас наше дело учнут [делати], и вы бы к нам к Москве писали в приказ печатника нашего и посольского дьяка Василия Яковлевича Щелкалова. Писан на Москве лета 7104-го марта в 16 день.

На обороте: Подьячий Тимошка Осипов.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 8, лл. 1—3 об., № 1.

Напеч. в РИБ, II, стб. 51—56, № 42.

3. *1596 г. июня 20.—Грамота в Пелым воеводе Богдану Полеву о количестве пашни, которую должны пахать табаринские татары и вогулы.*

От царя и великого князя Федора Ивановича всея Русии на Пелымь воеводе нашему Богдану Ивановичу Полеву. Били нам челом Пелымского города Тоборинские волости пашенные татарове Баюраско князь Ларнков и во всех тоборинских мурз и татар и вогулич место, а сказали: пашут де они на нас пашню в Тоборех, и положена де на них наша пашня не в силу; а в прошлом де в 103-м году упахали они пашни 37 копен ржи, а умолотили де они 50 четей с осьминою ржи, да овса ужато было 56 копен, а умолотили 80 четей овса да ячменю умолотили 8 четей,

и всего в 103-м году упахали в Таборех ржи и овса и ячменя 138 четей: а только де их в Тоборех пашенных людей 60 человек; и нам бы их пожаловати, велети им в пашне полехчить. И мы ныне Пелымского города Тоборинские волости пашенных татар пожаловали, велели им в нашей пашне полехчить, велети им вперед на нас пашни пахати по 40 четей ржи да по 80 четей яри на год. И как к тебе ся наша грамота придет, а тоборинские татаровя на Пелымь приедут, и ты б Тоборинские волости пашенным мурзам и татарам и вагуличам велел вперед на нас пашни пахати по 40 четей ржи да по 80 четей яри на год; и от обид и от насильства велел бы еси их беречи, чтоб им обиды и насильства ни от кого не было. Писан на Москве лета 7104-го июня в 20 день.

На обороте: Справил подьячей Тимошка Осипов.

ГАФКЭ, портфели Миллера, № 478, I, грам. № 3. Список в ААН, ф. 21, оп. 4, № 16, л. 300 и 300 об., № 7.

4. 1596 г. августа 31.—Грамота на Тюмень воеводе князю Григорию Долгорукому с товарищами о торговле бухарцев и ногайцев в Тюмени.

От царя и великого князя Федора Ивановича всея Русия в Сибирь, в Тюменской город, воеводе нашему князю Григорию Ивановичу Долгорукому с товарыщи. Как к вам ся наша грамота придет, а которые будет бухарцы с товары или нагаи с лошадьми торговые люди учнут к вам на Тюмень приезжать, и вы б тем бухарцом и нагайцом торговым людям велели с нашими с русскими людьми и с юртовскими и с ясашными татары на Тюмени торговать безпошлинно; а иных никаких таможенных пошлин с них имати не велели. И береженье к ним и ласку держали великую, и обиды б им и насильства никоторого не было, чтоб им вперед повадно было со всякими товары приезжати. А торговати бы есте им велели за городом в посаде или за посадом, где будет пригоже. А того б есте над ними смотрели и берегли накрепко, чтоб они заповедным товаром: доспехи, и пансыри, и саблями, и ножи и топоры с юртовскими и с ясашными татары не торговали. А как бухарские или нагайские торговые люди с торгй на Тюмень приедут, а похотят у нас в городе каким делом быти, и вы б им у себя быти велели; и в тое б пору у вас в городе и в остроге было людно, и служивые люди: литва и казаки и стрельцы стояли с ружьем, и приставов к тем послам приставливали из служилых людей, которые пригодятся по прежнему, чтоб у них без приставов не было. А как они на Тюмени изторгуются, и вы б отпускали их неиздержав, чтоб нужды никакие не было, и им приказывали, чтоб они вперед со всякими товары в сибирские города приходили и с нашими служивыми с русскими людьми торговали. А мы их пожаловали, велели их приходить во все сибирские городы поволно и торговати безпошлинно. А которые торговые люди бухарцы похотят на Тюмени годовать и товаров своих вскоре не испродадут, и вы б им велели на Тюмени быти до тех мест, как они товары свои испродадут. А как торговые люди бухарцы из Бухар приедут и из которого города, и кто имянем, и сколько с ними, каких товаров, или нагаи с лошадьми придут из которых улусов, и от которого мурзы, и сколько с ними лошадей, и о каких делех учнут вам говорить, и вы б о том и нам к Москве отписывали в четь к дияку нашему к Ывану Вахрамееву, чтоб нам про то было ведомо. И однолично б есте жили с великим береженьем в городе и в остроге, чтобы никакие порухи не чинили. А того б есте над бухарцы и над нагайцы велели смотреть и беретли накрепко, чтоб бухарцы и нагайцы в городе никаких крепостей и людей не рассматривали и не лазучили, и с русскими людьми и с татары, опричь торговли, никоторых разговорных речей не говорили, и нужи б они сибирские никоторые не ведали; а рассказывали б бухарцам и нагайцам, что сибирские города добре людны и ничем не нужны, для того что писали к нам из Сибири в вестовых грамотах, что Кучум царь с бухарцы и с на-

тайцы ссылается и умышляет вместе и хотят на наши на сибирские городы приходити. Писан на Москве лета 7104-го года августа в 31 день.

На обороте: Дьяк Иван Вахрамеев.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 8, лл. 6—7, № 4.

5. *1597—1598 гг. не позднее января 7.— Отписка в Москву пелымского воеводы Петра Шаховского о собранном им ясаке и об отсылке его в Москву.*

Государю царю и великому князю Федору Ивановичу всея Русии холоп твой Петрушка Шаховской челом бьет. По твоему государеву наказу велено мне холопу твоему да голове Дементию Юшкову сбирати твой государев ясак с пелымских ясашных людей и с Пелымского уезду, да с Конды Большие да с Конды Меньшие по ясашным книгам сбору Богдана Полева. И мы холопи твои, по твоему государеву наказу и по ясашным книгам, собрали па нынешной на 106-й год твоего государева ясаку с Пелымские земли с твоих государевых с ясашных людей и с новиков 29 сороков 19 соболей собольми и бобрами и лисицами и шапками хвостовыми, да с Большие Конды 22 сорока 20 соболей, да с новиков, которые вновь прибыли, 2 сорока всяким зверем, да с Меньшие Конды собольми и бобрами и лисицами и белками 5 сороков; да тебе государю челом ударили ясашные люди поминков и для твоего царского имени нам холопям твоим собольими принесли 8 сороков 34 соболя да бобрами и лисицами и шапками за 40 соболей; да из Тоборов Боча мурза тебе государю челом ударил 40 соболей за то, что его выбрали мурзы и сотники на княженье на княже Кильдеево место; да Боча же мурза тебе государю челом ударил 30 соболей за то, что он женился на Боярсовской жене княж Ларикова сына. Да мы же холопи твои по твоей государеве грамоте взяли на тебя на государя десятинные пошлины с пермичь с торговых людей на Гришке на Балине да на Меньшичке на Каурове 68 соболей, да лисицу черну, да две куницы, да 41 бобр, да 32 черевези, да выдру, да 47 горностаев; да толмача убитого Ивашка Елтагузова животишка 19 соболей да бобр; да что остался от Богдана Полева поминошной лук бухарской в кольце. И как мы холопи твои, собрав твою государеву ясашную и поминошную казну и десятинную пошлину, и книги ясашные учали отпущать к тебе государю с Дементием с Юшковым, и учал я холоп твой посылать к тебе государю с твоей государевой казной сына боярского Михаила Ртищова с твоей государевой казной и Дементий Юшков, мстя к нему свою недружбу, и велел мне отпущать с твоей государевой казной литвина Клима Грицкова да пашенного крестьянина углечапина Тимошку Скобяникова; и я холоп твой не смел с одним с литвином без сына боярского твоей государевой казны послать к тебе государю. И Дементий, государь, Юшков со мной в твоей государеве ясашной грамоте к тебе к государю не писался для того, что я холоп послал с твоею государевою с ясашною казною Михаила Ртищова. И я холоп твой послал к тебе государю твою государеву казну с сыном боярским с Михаилом со Ртищовым за своею и за Дементьевою печатью, и ясашные книги; да с Михаилом послал за казною целовальника Тихонка Быкова да для береженья за твоей государевой казною пелымских дву литвинов Богдашку Захарьева да Петрушку Михайлова, да стрельца Ондрюшку галеченина.

ГАФКЭ, портфели Миллера, № 478, I, грам. № 10. Черновик.— Список в ААН, ф. 21, оп. 4, № 16, л. 304 об.—306, № 12.

Напеч. по списку в РИБ, II, стб. 140—142, № 62.

6. *1598 г. не позднее января 7.— Челобитная табаринских пашенных татар и вогулов царю Федору Ивановичу о замене обязательной пашни ясаком, о возвращении в старые юрты беглых татар*

и вогулов, живших по дороге из Тобольска в Пелым, и о разрешении покупать у русских топоры, ножи и пр.

Царю государю и великому князю Федору Ивановичу всея Русии бьют челом сирота твоя государева табаринские татаровя и вагуличи, мурзы и сотники и все 50 человек, и во всех товарыщей своих место Багай Кочурентеев сын да Шелмезко Шевоев сын. Велено нам сиротам твоим государевым по твоему государеву наказу в Тобарех твоя государева пашня пахати за твой государев ясак, и мы сироты твои государевы твою государеву пашню пахали, во 102-м году и во 103-м году и во 104-м году и во 105-м году и во 106-м году и во 107-м году рожь сеяли, и мы, твою государеву пашню пашучи, лошади покупали, животишка свои и достальные истощили, а за твоей государевой пашнею ходячи, одеженко все придрали и женишка и детишка изпроели, и нынече, государь, помираем голодною смертью; а одеженка, государь, нам сиротам твоим государевым купити не на что и нечем; и мы, государь, сироты твои государевы погибаем нужною смертию, волочася с наготы и с босоты; а в осеннюю пору, государь, мы ж сироты твои государевы на гумна возим твой государев хлеб и в клади кладем и молотим. Да в летнюю пору, государь, и в зимнюю ездят в Сибирь и из Сибири твои государевы воеводы и дети боярские и казаки с твоими государевыми делы к Москве и с Москвы, и они, государь, емлют нас в подводы и с судами в летнюю пору, а в зимнюю пору с лошадьми и с нартами, из Тобольского едучи до Пелыми, а с Москвы едучи от Пелыма и до Кашуков до Тобольского уезда, и у нас, государь, у сирот твоих, в подводах ездячи и ходячи голодною смертью, и нужною с волокиты лошаденка помирают. А которые, государь, юртовские таторове и вагуличи жили по дорогам, и они, государь, от подвод разбегаяся, живут по лесам в незнаемых местах. И у нас, государь, у сирот твоих у 9 человек лучших людишек у тобаринских татар, у мурзишек и у сотничишков, в подводах людишка и лошаденка помирают. А иные, государь, нам товарищи тех конских убытков и людских, которые в подводах ходят и помирают, в те убытки не пособляют нам и бегают по лесам от твоих государевых посланников. Да нам же, государь, сиротам твоим государевым на Пелыме твоя государевы воеводы не дают покупати ни топоров ни ножей. И нам, государь, сиротам твоим государевым в том погибнуть напрасною смертью. А мастеров, государь, у нас в нашей бусурманской вере нет, ни дровишек, государь, усетчи нечем, и на зверя, государь, засеки сделать без топора не можно и нечим; а обуви, государь, зделати без ножа неможно ж. И нам, государь, сиротам твоим с студи и с босоты и голодною смертью погибнуть. И нам сиротам твоим жити стало невозможно и впредь, государь, погинуть. А иные, государь, у нас в Тоборех сироты твоя государевы стары и увечны. Милосердый царь государь, пощади сирот своих, покажи милость, не помори сирот своих напрасною смертью, вели нам сиротам своим полегчить в своей государеве пашне и милость свою покажи, государь, вели с нас имати за свою государеву пашню ясак собольми, чем ты, государь, нас сирот своих велишь пожаловати обложити. И мы сироты твои государевы сеяли ко 106-му году ржи 45 четвертей. И впредь, государь, нам сиротам твоим пахати твоей государевы пашни не возможно, потому что, государь, и достальные животишка истощили, и женишка и детишка проели, и помираем голодною смертью. Милостивый царь государь, вели нашим товарищам жить по старым юртам, по которым преж сего живали по дороге, чтоб нам сиротам твоим государевым 9 человекам ни одним провожати твоих государевых посланников, и воевод, и детей боярских, и гонцов и казаков с твоими государевы делы, и впред бы нам сиротам твоим прожити было можно и твой бы, государь, ясак платити было возможно. Милосердый царь государь, вели нам сиротам своим по прежнему торговати с русскими людьми топоры и ножи и котлы, чтоб мы сироты твои государевы в конец не погинули и с студи и с босоты не померли; впредь бы твоего государева ясаку не отстали. Милосердый царь государь, пощади

сирот своих, вели свою государеву пашню отставити, и не вели сиротам своим впредь своей государевы пашни пахати, и вели, государь, с нас свой государев ясак собольми имати, чем ты, государь, пожалуешь, велишь обложити, чтоб мы сироты твои, государь, голодною смертью не померли и в конец не погибли, и вели, государь, нам сиротам своим топоры и ножи продават. Царь государь, смилуйся.

ГАФКЭ, портфели Миллера, № 478, I, грам. № 15. Два ставa. Список в ААН, ф. 21, оп. 4, № 16, л. 302—304, № 10.

Напеч. в РИБ, т. II, стб. 146—148, № 64, II.

7. *1598 г. не позднее января 7.— Челобитная пелымских ясачных вогулов царю Федору Ивановичу об уменьшении ясака, об освобождении пелымского князя Таутея и внука его Учота и о разрешении покупать у русских топоры, ножи и пешни.*

Царю государю и великому князю Федору Ивановичу всея Русии бьют челом и плачутся из Сибири пелымские ясашные вагуличи Комло Чандин во всех своих вогулич место. Положили, государь, на нас твои государевы прежние воеводы Василей Толстой да Богдан Полев твой государев ясак велик не в меру. А нынешние, государь, воеводы по тем же книгам на нас емлют твой государев ясак. Милосердый государь царь, пощади нас сирот своих, вели на нас свой государев ясак положить по мере, как нам возможно тебе государю служить и твой государев ясак вперед платить. Да нам же, государь, не велят твои государевы воеводы торговым людям топоров, и ножей, и пешен продавать, а нам, государь, без топоров, и без ножей и без пешен прожить невозможно, нагим и босым и голодным быти, и твоего государева ясаку добывати печем. Да взяли, государь, у нас пелымского князя сына Таутея да внука его Учота, и тот Таутей и Учот сидят в твоей царской опале на Москве в тюрьме. Милосердый государь, пощади нас сирот своих, вели того Таутея и Учота из тюрьмы выпустить, нам на поруку дать, и вели им быти на своих на старых юртах, чтобы тот Таутей и Учот тебе государю служили и твой государев ясак с нами вместе платили тебе государю, а мы государь того Таутея и Учота ручаем всею Пелымской землею. И вели, государь, нам торговым людям топоры и ножи и пешни продавать. И пожалуй нас сирот своих, вели нас в своем государевом ясаку полегчати и вели на нас положити по мере, как бы нам можно было твой государев ясак вперед платить. Царь государь, смилуйся.

ГАФКЭ, портфели Миллера, № 478, I, грам. № 78. Два става Список в ААН, ф. 21, оп. 4, № 16, л. 304 — 304 об., № 11.

Напеч. в РИБ, II, стб. 144—145, № 64, I.

8. *1598 г. мая 17.— Грамота в Пелым голове Дементию Юшкову о том, чтобы не брать ясак с здоровых вогулов за больных и старых и о разрешении покупать у русских торговых людей топоры и ножи.*

От царя и великого князя Бориса Федоровича всея Русии в Сибирь, в Пелымский город, голове Дементию Григорьевичу Юшкову. Били нам челом сибирские Пелымского города ясашные вагуличи Ком Чандин да Туман Сандин и во всех товарищей своих место ясачных вагулич, а сказали: платят де они с себя на Пелыми наш ясак, и которые де у них вагуличи стары, лежат больны, соболей добывать не могут, и вы де за тех старых вагулич наш ясак правите на них на здоровых вагуличах, и им де и в том ставятся убытки великие; да им же де не велите у наших у русских людей покупать топоров и ножов для своей нужи, и им де и в том ставится нужа великая; и нам бы их пожаловать: за старых и за больных и за увечных вагулич нашего ясаку на них имати не велети, и про их нужу топоры и ножи у наших у русских людей купити им велети. И как к тебе ся наша грамота придет,

и ты б с тех с пелымских с ясашных татар велел наш ясак имать по ясашным книгам на здоровых; а которые татаровя больны или увечны или стары и нашего ясаку платить им немочно, и ты б про тех, сыскивая накрепко, нашего ясаку с них имати не велел, и па здоровых татарех за тех больных и за увечных и за старых татар нашего ясаку правити не велел; а которой будет татарин был болен, а выздоровеет, и ты б на том велел наш ясак имати по прежнему. А которые татаровя учнут к тебе приходить с ясаком, и ты б к ним береженье и ласку держал великую, и их поил и кормил и отпускал, не задержав. И топоры и ножи велел бы еси не от многа им у торговых людей про свою нужу купити. А сколько старых и увечных и больных татар и почему с них ясаку было, и ты б о том отписал к нам к Москве в четь дьяка нашего Ивана Вахрамеева, чтоб нам было ведомо. А сыскивал бы еси накрепко про больных и увечных, чтоб не отлагали. Писан на Москве лета 7106-го маия в 17 день.

На обороте: Дьяк Иван Вахрамеев.

ГАФКЭ, портфели Миллера, № 478, I, грам. № 12. Два сстава. Список в ААН, ф. 21, оп. 4, № 16, л. 309 об.—310, № 16.

9. *1599 г. сентября 10.—Грамота в Березов воеводе Ивану Волынскому о построении храма в вотчине князей Алачевых Коде.*

От царя и великого князя Бориса Федоровича всея Русии в Сибирь, в Березов город, воеводе нашему Ивану Григорьевичу Волынскому да голове Ивану Петровичу Биркину. Били нам челом новокрещены коцкая княгиня князь Игичеева мать Алачева Настасья да князь Игичеев сын князь Петр, чтоб нам их пожаловати, велети у них в Сибири, в их вотчине в Коде, устроити наше богомолье храм со всем церковным строеньем, и русских бы людей велети им давати с Березова для береженья с огненным боем человек по 10-ти и по 15-ти. И мы князь Игичея с матерью и с сыном пожаловали, велели в их вотчине в Коде устроити наше богомолье храм во имя Живоначальной троицы да предел чудотворца Николая, и церковное строение; образы и книги и колокола посланы в Тобольск, а из Тобольска велено то церковное строение послати к вам в Березов. И как к вам ся наша грамота придет, а из Тобольска окольничий и воеводы Семен Федорович Сабуров с товарищи церковное строение к вам в Березов пришлют, и вы б церковное строение, образы и книги и сосуды церковные и колокола и ризы поповские взяли. А князю Петру велели б есте в Березове для храму наимовать плотников, и попа велели приговорити; да как плотников наимет и попа приговорит, и вы б тех плотников и попа послали к Коду, и велели храм в городке в Коде во имя Живоначальные троицы да предел Николы чудотворца поставити. А как храм поставят, и вы б о том отписали к нам к Москве, и мы вам велим на освещение церкви послати антиминсы. Писан на Москве лета 7108-го сентября в 10 день.

На обороте: Дьяк Печай Федоров.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 16, лл. 126—127, № 9.

Напеч. в РИБ, II, стб. 152—153, № 68, I.

10. *1600 г. февраля 19.—Грамота в Березов воеводе Ивану Волынскому об отпуске на Вымь и оттуда в Москву князя Игичея Алачева.*

От царя и великого князя Бориса Федоровича всея Русии в Сибирь, в Березов город, воеводе нашему Ивану Григорьевичу Волынскому да голове Ивану Петровичу Биркину. Бил нам челом князь Игичей Алачев, чтоб нам его пожаловати, велети его отпустить к нам к Москве, и креститься бы ему и быть с матерью своею и с сыном в одной вере; а ехати б ему водяным путем на Вымь и в нашем жалованье, а в своем поместье, побывать. И как к вам ся наша грамота придет, и вы б князя

Игнчея Алачева отпустили на Вымь в его поместье, а из поместья велели б есте ему ехать к нам к Москве; а приехав к Москве, велели ему явитися в приказе Казанского и Мещерского дворца дьяку нашему Печаю Федорову. Писан на Москве лета 7108-го февраля в 19 день.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 16, л. 124, № 6.
Напеч. в РИБ, II, стб. 153, № 68, II.

11. *1600 г. февраля 29.— Грамота на Тюмень воеводе князю Луке Щербатову о построении на Тюмени нового храма Рождества богородицы, с приложением росписи посланного „церковного строения“.*

От царя и великого князя Бориса Федоровича всея Русии в Сибирь, в Тюменской город, воеводе нашему князю Луке Осиповичу Щербатого да голове Федору Осиповичу Янову. В нынешнем во 108-м году декабря в 12 день писали есте к нам и прислали тюменского попа Саввы челобитную, а в челобитной его написано, что в Тюмени в городе наше богомолье начальной храм Рожества пречистые богородицы, да теплый храм Николы чудотворца, да предел Федора Стратилата, и в тех де церквах никакого церковного строения нет; а которые де были иконы, и те обветшали; и храм Рожества пречистые богородицы мал, ставлен обыдень, и тут де служивым людем и крестьянам вместитися негде; а в остроге де храма нет; а он де на посаде поп один и маломощен, а другого де попа нет, и в том де ему и всем людям тягость великая; и нам бы велети устроити на Тюмени храм со всем церковным строением, и велети бы на Тюмень прислати другого попа. И мы ныне на Тюмени велели поставить храм новый во имя Рожества пречистой богородицы, а церковное строение в тот храм послано от нас с Москвы до Верхотурья с Дмитрием с Ростопчиным, да с сотником стрелецким с Богданом с Михайловым, а с Верхотурья голове Гаврилу Салманову велено то церковное строение отвезти на Тюмень с нашими хлебными запасы вместе; а что с ними послано церковного строения, и тому послана к вам роспись под сею нашей грамотой за приписью дьяка нашего Нечая Федорова. Да с ними же послан на Тюмень черный поп Никон да церковный дьячок Ефтифейко Фомин с женою, да с тем попом послано на Тюмень на освящение церкви антиминс да в Тоболеск на два престола два антиминсы. И как к вам ся наша грамота придет, а с Верхотурья голова Гаврило Салманов с тем церковным строением на Тюмень приедет, и вы б у него то церковное строение взяли по росписи все на лицо, а взяв у него церковное строение велели б есте на Тюмени на том же месте, где стоит ныне старый храм или где доведется поставити храм новый Рожество ж пречистые богородицы тюменскими служилыми людьми, детьми боярскими, и литвою, и атаманы, и казаки, и стрельцы и пашенными и всякими тюменскими жилецкими людьми, величиной, каков будет пригож, и церковное строение в нем поставили, и велели тот новый храм освящать, а освятя велели в нем петь. А в Тоболеск два антиминса послали б есте тотчас, с кем пригож. А попу Никону да дьячку Ефтифейку Фомину велели быть у которого храма пригоже; а нашего денежного жалованья руги попу Никону дано на Москве на нынешней 108-й год 10-ть рублев, а дьячку дано 4-ре рубля; а хлебного жалованья дали б есте на Тюмени попу Никону 7-мь четь муки ржаной, четверть круп, четверть толокна, а дьячку Ефтифейку Фомину дали б есте 5 четь муки, осьмину круп, осьмину толокна. А как храм со всем поставят и у которого храму черному попу Никону и дьячку велите быть, и вы б о том отписали к нам к Москве, а отписку велели отдати в Казанском и в Мещерском дворце дьяку нашему Нечаю Федорову. Писан на Москве лета 7108-го февраля в 29 день.

На обороте: Дьяк Нечай Федоров.

2. Роспись, что послано в Тюменской город церковного строения.

Образ местной Рожество пречистые богородицы на золоте. Двери царские

в столбцы и с сенью на празелени, а на них писаны святители. Пречистая запрестольная на празелени. Крест воздвизальный на золоте. Сосуды церковные: потир, и блюдца, и лжица деревянные, копейцо медяны, покровцы выбойчатые, на престол 9 аршин выбойки.

Да книг послано: евангелие напрестольное письменное, обложено выбойкою турскою, евангелисты выбиты медяны, псалтырь, апостол, служебник, треодь посная, треодь цветная, октаи на 8 гласов, часовник с полуюшпицами, все печатные, минея общая письменная. Ризы поповские: стихарь, поручи, патрахиль, под нитяной, кадило медяное, колокола 2 пуда с четью с языки.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 8, лл. 9—10 об., № 7.
Напеч. в РИБ, II, стб. 74—76, № 48.

12. *1600 г. не ранее июня 15.— Отписка тюменского воеводы князя Луки Щербатова туринскому голове Федору Янову о слухах и вестях по поводу Кучумовых детей.*

Господину Федору Осиповичу Лука Щербатой челом бьет. Нынешнего, господине, 108-го году июня в 15 день писал ко мне из Тобольска окольничей и воевода Семен Федорович Сабуров с казанским татарином с Кебяком с Шакеевым, что сказывал ему июня в 3-ем числе тобольской юртовской татарин Елбахта Битичеев: ходил де тот Елбахта с товарыщи с тотары ж сам четверт вверх по реке по Ишиме для бобровые ловли, и нашли де они на реке на Ишиме 4 лотки, делали наново, и приехали де на них 3 человека татар на конех, и они де с теми татары билися и убили де дву татаринов, а третьево взяли жива ранена, и его распрашивали, что оне за татарове и откуда пришли; и тотарин де им сказал, что оци тобынцы, а ходят деи вместе с сырянцы; а сырянцов деи тобинцов бойца человек с полтретьяста, а с женами и с детьми человек с 300; да у них же де Кучумовых детей 4 царевичи: Канай царевич, а иных де имян не сказывал. Да Елбахта ж деи с товарыщи того раненого татарина распрашивали: не приходить ли им на государевы волости сего лета войною; и он де им сказал, что у табынцов и у сырянцов ныне лошади худы, а как де у них лошади отъедятца, и он деи слышал у татар, что им приходить для добычи на тобольские да на тюменские волости; и тот де у них раненой человек татарин умер; а как деи они с того места, где тех татар побили, поехали в Тобольск, и ехали день, и за ними де приехали погонею татар 7 человек, люди нарядные, и лошади все и платье на них доброе, они де от тех татар бежали и переплыли Ишим реку; а те де татарове, гонив за ними, у Ишима стали за ними, за Ишим не поплыли. Да ездил, господине, с Тюмени в Тюменской уезд в Байкурскую волость ко племянн тюменской юртовской служивой татарин Устимир Канчурин; и июня, господине, в 12 день приехал Устимир на Тюмень, сказал мне: ездил де он из Бакурские волости в Уфинский уезд, в Чилчеуцкую волость, вестей проведывать, и слышал де он Устемир у терзяцкого татарина у Менглы бая у Бекбулатова, а Менглы бай де слышал у Ураксула, аисково татарина: видел де Ураксул на сей весне в Уфинском уезде на Белом озере Кучумовых детей, дву царевичей, а с ними деи людей их бойца человек со сто; а прежде ездили на то на Белое озеро к царевичам Уфинсково уезду государевы Тобанские волости ясачной татарин Утемыш, а отцу де его имяни не ведает, и мысль де тот Утемыш вся у царевичев ведает, а государевым русским людем не скажет, а ясак де тот Утемыш платит на Уфу, а государю ни в чем не прямит и ни доброхотает, и на Уфу де тот Ураскул был, и воеводе Михаилу Нагому про того Утемыша и про царевичи то все сказал и людей Ураксул у Михаила Нагово на царевичев прошал, а сам де хотел пато на Белое озеро на царевичев вожевать; и Михайло де людей ему не дал, отказал, у меня де о том государева указу нет, что посылать за царевичи войною. Да Устемир же, господине, мне сказал в распросе: слышал де он в Уфинском уезде

в Челчеуцкой деревни у башкирца у татарина у Кобдевлета у Конкозова: приезжало де к тому к Кобдевлету в Челчускую деревню 6 человек нагайских людей и взяли у него ястреба; а говорили деи те нагайские татарове Кобдевлету, чтоб они у себя в деревнях жили бережно и промышляли б деи собою из деревни, куда лутче, идут деи на ваши волости и на деревни нагайские люди многие войною, а будут де на сем месяце на исходе. И тебе б, господине, те вести были ведомы.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 5, лл. 8—9, № 8.

Напеч. в „Матер. по ист. Башкирской АССР", ч. I, стр. 150—151.

13. *1600 г. ранее июля 2.—Отписка тобольского воеводы Семена Сабурова пелымскому воеводе Тихону Траханиотову о посылке на реку Покчинку пушкаря Ворошилку Власьева с товарищами для разведывания там соляных источников и устройства варницы.*

Господину Тихану Ивановичу да Петру Григорьевичу Семен Сабуров челом бьет. Писали есте ко мне наперед сего, что нашел пелымской стрелец Васька Осетр росол соляной на речке на Покчинке, от города верст с 10, и к вам он тот росол приносил, а сказал, что он тот росол имал на речке на Покчинке на льду, и вы того росолу посылали сыскивать, и в те поры сыскивать было росолу допряма немочно, что де та росольная вода в те поры снялась с снежною водою, развесть было ее немочно, и вы хотели послать того росолу сыскивать, как вода сольет, а будет тот росол сыщется допряма, и вам было о том ко мне отписати, а вы, господине, ко мне о том соляном росоле не отписывали, посылали ли вы на ту речку росолу сыскивать или не посылали. И ныне, господине, послал я к вам из Тобольска для соляного промыслу пушкаря Ворошилка Власьева. И как, господине, к вам на Пелым пушкарь Ворошилко приедет, и вы б, господине, того Ворошилку да стрельца Ваську Осетра и иных стрельцов, да целовальника послали на ту речку, где стрелец Васька Осетр соляной росол нашел, а велели б есте им в той речке соляные воды и ключа соляного сыскивать; да будет воду соляную найдут и варница будет поставить мочно, и вы б им велели рассмотреть места, где варница поставить, и как к варнице дрова возить: реками ли, которыми дрова к варнице гонять, или возами возить, и сколь дале будет от варницы лес, и много ли к тому месту, где варнице быть, лесов; да то б они все написали в роспись; а солоные б есте воды велели им привести к себе, да тое воду велели варить, да что соли сварится, а вы б тое соль с Ворошилком же прислали ко мне в Тоболеск. Да о том бы есте ко мне отписали, в коликих водах соль сядет и из скольких ведр сколько соли выйдет, чтоб мне было ведомо.

На обороте (другим почерком): 7108-го июля 2.

ГАФКЭ, портф. Миллера, № 478, I, грам. № 20: Два сстава. Список XVIII в. в ААН, ф. 21, оп. 4, № 16, лл. 317 об.—318, № 24.

14. *1600 г. не ранее июля 17.—Отписка уфимского воеводы Михаила Нагово тюменскому воеводе князю Луке Щербатову об отпуске им на Тюмень башкира Якшаула Кобелякова для сыску „полона", взятого при „тюменской войне" 1596 г.*

Господину князю Луке Осиповичу Михайло Нагово челом бьет. Прошлого, господине, 106-го году марта в 24 день писал ко мне из Тюменского города князь Володимер Ростовской Бахтеяров, что привез на Тюмень атаман казачей Дружина Юрьев блаженные памяти государя царя и великого князя Федора Ивановича всея Русии грамоту, а писано к нему в государеве цареве и великого князя Федора Ивановича всея Руси грамоте, что писал с Уфы к государю царю и великому князю

Федору Ивановичу всея Русии яз в прошлом во 104-м году августа в 4-й день: пришел ко мне на Уфу ясашной башкирец Уфимского уезда Сарыжа волости деревни Телева Канай Кудаибердеев, а сказал: приезжал де он из своей Сарыжской волости в Карабатынскую волость Уфинского ж уезда с женой и с детьми кормиться для зверей; и в ту де, господине, волость в Каратабынь приходили из Тюменского города сын боярский да с ним де человек с 50-т стрельцов и татар и всяких людей и тое де волость Каратабыня деревню Игибахтину воевали и взяли де у них полону: женок и робят человек с 30-ть, а тот Канай жил в Тюмени; и блаженные памяти государь царь и великий князь Федор Иванович всея Русии велел его отпустить из Тюмени с женой и с детьми ко мне на Уфу, и тот полон велел государь сыскати; и сказывали ему князю Володимеру тюменские служивые люди и татаровя, что многие того полону женки и робята померли, а иные де многие распроданы по государевым же сибирским городам, а иные свершены; и он того башкирца Каная Кутабердеева из Тюмени с женой и с детьми ко мне на Уфу отпустил генваря в 14-й день; а о том полону блаженныя памяти ко государю царю и великому князю Федору Ивановичу всея Русии он князь Володимер Ростовский к Москве писал. А нынешнего, господине, 108-го году июля в 17 день бил челом государю царю и великому князю Борису Федоровичу всея Русии Каратабынской волости ясашные башкирцы Момготай да Утемыш Комбаровы да Якшауло Беляков и во всех товарищов своих место всей Каратабынские волости ясашных же башкирцев да Кипчаские волости деревни Телево ясашный же башкирец Канайко Кудабердеев, а сказали: деялось-де * в прошлом в 104-м году, приходили де к ним в Каратабынскую волость Тюменского города люди и их де воевали, жен и их детей в полон поймали, а иных де многих ясашных же людей побили до смерти, и они де те каратабынские и телевские башкирцы жены свои и дети из Тюмени и выкупили, а иные де многие башкирские дети и ныне живут в Тюмени, по сямест не выкуплены, и они де башкирцы от тое тюменских людей войны вконец погибли и обнищали и одолжали великими долги в том окупу; да и вперед де, господине, им грозят из Тюменского города войной, и они де башкирцы, боясь войны, живут ежегод в бегах хоронясь, и государева де им ясаку, живучи в бегах, от тюменские войны добыти нельзя;** государь царь и великий князь Борис Федорович всея Русии пожаловал бы их башкирцов того Момготая да Утемыша да Якшаула и телевских башкирцев Каная с товарищами, велел бы их отпустить в Тюменский город, дав им из Уфимского города толмача или новокрещена добра, с кем им ехать в Тюменский город бити челом о сыску, а без толмача де ехать не смеем, што им из Тюмени грозят всегда войной, и велел бы их государь по своему государеву указу достальной их полон и живот сыскав отдати из Тюмени, и вперед бы им войною из Тюмени не велети грозить, чтоб они жили в своих волостях без боязни. И яз, господине, тех башкирцев Каратабынской волости старосту Якшаула Кобелякова и в товарищев их в место всей Каратабынской волости и Телевской волости к тебе в Тюменской город для их достального полону бити челом о сыску отпустил, а с ними послал уфимского служилого новокрещена Ондрюшу, а прозвищем Рудака, Федорова; и тебе б, господине, по государеву указу сыскав их достальной полон и живот велел им отдать, а впредь им войною грозить не велел, чтоб они предь жили в своих волостях бесстрашно, и государев бы ясак в недоборе не был. А как отделаются в Тюмени, отпустить на Уфу не издержав.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 8, лл. 22—23 об., № 16.

15. *1600 г. августа 28.— Отписка тюменского воеводы князя Луки Щербатова уфимскому воеводе Михаилу Нагово о произведенном им сыске по поводу нападений тюменских татар на башкирские волости, с просьбой произвести сыск о том же*

среди башкир, и об отпуске на Тюмень бухарцев для сыску о погромных лошадях и рухляди.

Господину Михаилу Александровичу Лука Щербатой челом бьет. Нынешнего, господине, 108-го года августа в 17 числе писал еси мне с уфимским новокрещеном с Рудаком с Федоровым, что били челом государю царю и великому князю Борису Федоровичю всея Русии Уфинского уезду Каратабынской волости ясашные башкирцы Мангутай да Утемышь Канбаровы да Якшагул Кобеляков и в товарищов своих мест Каратабынские волости ясашных башкирцев да Кипчанские волости деревни Телевая ясашной же башкирец Капай Кудабердеев, что, — *Далее повторяется текст, поставленный в № 14 между знаками * и **; после того следует:* я для, господине, того прислал ты с Уфы на Тюмень государю бить челом о сыску башкирцев Якшагула Кобелякова да Бекбердея Утемышева брата, и мне, господине, по государеву указу, сыскав достальной им полон и живот велети им отдати и вперед бы им войною тюменским людям грозити не велети, чтоб им впредь в своих волостях жити безстрашно. А того еси, господине, ко мне именно не описал, кто имянем тюменские люди или Тюменского уезда которых волостей волостные татарове войной приходили и ныне войной грозят. И я, господине, противу твоего письма расспрашивал тюменских юртовских служивых и волостных татар про войну, и про полон и про нынешнюю угрозу, у кого имянем ныне есть башкирский полон, и кто ворует, грозит башкирцам войной, чтоб вперед меж башкирцы и тюменскими людьми и волостными татары воровства и смуты не было. И в роспросе, господине, тюменские юртовские служивые татарове, лучшие люди Девей Иртышов, Буйдак Емачтаев, Тутока Келементеев, Моюмас Азехматов, Казад Енгилбеев, Устемир Капчюрин с товарищи 50 человек да Тюменского уезда Верхотурские и Кипырские волости ясашные татарове лучшие люди есаул Сарагул Бегов, Катаргуль Девлетев, Кобельяш Казыев, Обух Бездергенев, Сальяан Келментаев, Беляк Аманлынов, Буланча Кипырев да Башкурские волости татаре Токмам Кенетманов с товарищи сказали по своей вере, по шерти, что они с уфинскими башкирцы нигде ни с кем не схаживались и никаких речей с ними не говорили, и войной никому николи не граживали, и полону у себя башкирского не сказали; а говорят тюменские юртовские служивые и волостные татарове: то деи на нас и на наших товарищей башкирцы взводят мнением, а нам де как сделать, что башкирцов воевать: все де мы люди государевы. Да били челом государю противо о сыску, чтоб государь их пожаловал, в том простил, кто меж ними смуту чинил. И я, господине, про полон и про угрозу при тюменских и при волостных татара спрашивал уфинских башкирцев Якшагула и Бекбердея, у кого имянем у тюменских людей или и у волостных татар им башкирской полон и кто и с кем войной грозил. И они, господине, именно ни на кого про угрозу и про полон не сказали, а били челом, чтобы мне их с Тюмени отпустить назад на Уфу. И я, господине, башкирцев Якшагула и Бекбердея и слободского татарина Кальфу и новокрещена Рудака с Тюмени отпустил к тебе на Уфу августа 28 числа. И тебе бы, господине, велети про то сыскать у себя во всех башкирцах подлинно, от кого такое воровское смутное слово пронеслось, да по сыску над вором учинить по государеву указу. А будет, господине, в сыску хто из башкирцев скажет про угрозу именно на тюменских людей или на волостных на ясашных татар, и тебе бы, господине, о том подлинно ко мне отписати, и того человека, хто на кого именно скажет, прислати на Тюмень для подлинного сыску, чтоб смуту и воровство вывести. И велети бы уфинским башкирцам в тех волостях жить без всякого сумнения и без боязни, и со всякими товары и с лошадьми на Тюмень торговати ездить безстрашно. А путь, господине, от Уфы на Тюмень ближний сухой. А я, господине, тюменским служивым и волостным татарам по государеву указу поволил ездить на Уфу и в Уфинский уезд в волости со всяким товаром. А которые, господине, здешние тюменские

люди учнут ездить для торгов на Уфу, и я, господине, тем людем для десятинные пошлины учну к тебе давать грамоты проезжие. Да били челом государю царю и великому князю Борису Федоровичу всея Русии бухарцы торговые и служивые люди служивой Енбай Кинташов да бухарцы Дакуплан да Еушов да Мурома Амалыковы и в товарищев своих место 13-ти человек Уфимского уезду на башкирских татар Минские волости на Мангутуя да Куденские волости на Толонгозю да на Токбая на Тулубаева с товарищи о погромных лошадей же об рухляди, чтобы их государь пожаловал, велел их отпустить бити челом к тебе б на Уфу о сыску; и подали челобитную. И я, господине, ту их челобитную под сею грамотой послал, и Енбая да Мурому отпустил к тебе на Уфу с новокрещеном с Рудаком вместе. И тебе б, господине, Енбаю и Муроме на башкирцев на Мангутая с товарищи по их челобитной велети дати суд и управу по государеву указу. А как, господине, те бухарцы на Уфе отделаются, и тебе бы их отпустить на Тюмень не задержав; а в котором числе их отпустишь, и тебе бы, господине, о том велети ко мне отписать.

Такова послана к Михаилу августа в 28 день с уфинским новокрещеном с Рудаком Федоровым.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 8, лл. 23—26 об., № 17.
Напеч. в „Матер. по ист. Башкирской АССР," I, стр. 151—153.

16. *1600 г. ранее октября 22.—Отписка тобольского воеводы Семена Сабурова пелымскому воеводе Тихону Траханиотову о посылке из Тобольска пушкаря Ворошилку Власьева с товарищами для разработки соляных ключей на речке Негле (Нагре) и устройства там варницы, амбара, дворов и пр.*

Господину Тихону Ивановичу да Петру Григорьевичу Семен Сабуров челом бьет. Писали есте, господине, ко мне, что тобольский пушкарь Ворошилко Власьев у сосвинского вагулятина у Кошая на речке на Нагре сыскал соляной росол, и тот он росол варил, и соль села в шестой воде, а к вам того росолу привозил, и вы тот росол велели варить, и соль села от полутретьи воды, и тое соль прислали ко мне с Ворошилком же Власьевым. А Ворошилко нам Власьев сказал, что в той речке ключи соляные и росол добр и соли наварить мочно, а где варницам быть, и к тому де месту лесу много и блиско, и дубровы де пашенные и луги есть, и людям де жить мочно. И я, господине, послал к вам на Пелым Ворошилка ж Власьева, да цренова мастера Ваську Петрова да солянова варца Павлика Аврамова. И как, господине, к вам Ворошилко Власьев да цренной мастер Васька Петров да соляной варец Павлик приедут, и вы б, господине, тотчас, не мешкая ни часу, послали на речку на Нагру, где соляные ключи, с Ворошилком Власьевым, да с цренным мастером с Ваською да с соляным варцом с Павликом сына боярского Василия Албычева, да стрельцов и пашенных крестьян, и плотников и вагулич; а велели бы есте тому сыну боярскому с стрельцы и пашенными крестьянами и вагуличи под варницу и под весь варничный обиход место расчистить, и варницу, да амбар на соль, да двор, да на дворе две избы да клеть поставить, и дров к соляному варенью приготовить, и уголья ужечь, чтоб ни за чем соляное варенье не стало. А велели б есте тому сыну боярскому быти у того дела безотступно, и цренова б есте мастера и варца велели ему беречь, чтоб они не сбежали. А нужи б им ни в чем не чинили. А одноличню б есте того себе в оплошку не поставили, стрельцов бы есте и пашеных людей, плотников и вагулич к соляному месту послали в тот час, и варницу, и амбар, и двор велели поставить, ди ров и уголья велели приготовить, и всеми б есте варничными запасы промышляли. А соляной црен пришлем к вам тотчас. А Ворошилку, указав место, где быти варнице и амбару и всем варничным обиходом и двору, велели ехать на Чусовую для трубного мастера и подварков и для трубные снасти. А тому бы есте сыну боярскому Василию без Ворошилка ве-

дели всем варничным делом промышлять, варницу, и амбар, и двор и избы и клеть поставить, и двор и уголья ужечь. Да дали б есте Ворошилку государева запасу 2 чети муки да 3 четверика малых круп, 3 четверика малых толокна, да цренному мастеру, да варцу по 2 чети муки да по полуосьмине круп, по полуосьмине толокна; а будет у вас муки и круп и толокна готового в государевых житницах нет, и вы б, господине, тотчас велели дать ржи и овса пашенным людям, а велели б есте рожь смолотить и крупы и толокно сделать, да тое муку и крупы и толокно Ворошилку и цренному мастеру и варцу дали. Да поехал Ворошилко из Тобольска на Пелым, а взял с собою детей, и вы б детем его велели дать пожить дворец, покаместа Ворошилко у варницы устроится. А как пошлете к варничному делу сына боярского Василия и Ворошилка и цренного мастера и варца и стрельцов и крестьян плотников и вагулич, и вы б о том ко мне отписали.

На обороте (другим почерком): 7109-го октября 22.

ГАФКЭ, портфели Миллера, № 478, I, грам. № 22, I. Четыре става.—Список XVIII в. в ААН, № 16, лл. 323 об.—324, № 30.

17. *1600 г. ранее октября 24.—Отписка тобольского воеводы Семена Сабурова пелымскому воеводе Тихону Траханиотову об отправке на речку Неглу (Нагру) пушкаря Ворошилку Власьева с товарищами для устройства там варницы и о наблюдении за варкой соли сыну боярскому Василию Албычеву.*

Господину Тихону Ивановичу да Петру Григорьевичу Семен Сабуров челом бьет. Послал, господине, я к вам на Пелым с тобольскими стрельцы и казаки с Гришею с Коряковцом да с Ваською с Матуриным с товарищи на соляной црен 800 полиц железных, да цренные снасти 10 порубней, да 2 каракули, да 4 сторожницы, да 12 бродов, да 46 дуг, да 5 обломков дужных, да 47 ножек, да конопатник, да гвоздей и нагвоздников 20 пуд и 28 гривенок, да 556 криц железа, а весу в порубнях и в каракулях и в сторожницах и в бродех и в дугах и в ногах и в конопатнике и в гвоздье и в нагвоздниках и в крицах, опричь полиц, 175 пуд, да укладу 7 пуд. И как к вам тобольские стрельцы и казаки Гриша Коряковец да Васька Матурин с товарищи на црен полицы и цренную снасть и кричное железо и уклад привезут, и вы б у них 800 полиц железных, да цренные снасти: 10 порубней, 2 каракули, 4 сторожницы, 12 бродов, 46 дуг, да 5 обломков дужных, да 47 ножек, да конопатник, да гвоздья и нагвоздников 20 пуд и 28 гривенок, да 556 криц железа, да 7 пуд укладу велели взяти в государеву казну в четь и в вес. А стрельцов бы есте и казаков тобольских в том же стругу, в котором к вам приедут, отпустили тотчас ко мне в Тоболеск и с ними ко мне о том отписали. А как Ворошилко Власьев на речку на Нагру к соляным ключам с Чусовые с трубным мастером и с трубною снастью приедет, и варницу поставит, и пришлет к вам по цренные полицы и по цренную снасть и на цренную поделку по железо, и вы б тотчас цренные полицы и цренную снасть: порубни и каракули и сторожницы и броды и дуги и ноги и гвозди и кричного железа, сколько пригоже, послали на речку на Нагру к Ворошилку Власьеву с сыном боярским. А подводы б есте велели под то под все взяти у крестьян и у вагулич, чтоб одноличпо почать соль варити ранее. Да и кузнеца б есте, с кем цренному мастеру црен сковать, к Ворошилку послали, чтоб за кузнецом соляное дело не стало. А сколько к варнице цренные снасти и гвоздей и железа и укладу пошлете, и вы б то велели записывати в книги. Да и вперед бы есте на цренную поделку Ворошилку железо давали, смотря по делу, чтоб за железом соляное варенье не ставилось. Да о том бы есте о всем ко мне отписывали. Да бил челом государю тобольской казак Федотко Иванов: взяти де ему по братне по Васькине кабале Онкудинова на пелымском стрельце на Федьке на Аксентьеве 40 алтын без гривны, и

вы б, господине, тому казаку Федотку на пелымского стрельца на Федьку Аксентьева по той кабале дали суд и управу. А того б есте, господине, железа ни на которые расходы, опричь цренного дела, не давали. А как станут соль варить, и вы б, господине, у соли велели стоять Василию Албычеву безотступно, чтоб соли никоторые истери не было. А будет, господине, река станет, а тобольских будет провожатых с Пелыми в Тоболеск отпустити в судне немочно, и вы б, господине, струг до весны велели устроити. А тобольских бы есте стрельцов и казаков отпустили в Тоболеск; а под борошень бы есте им дали подводы, как им мочно подняться. А будет, господине, цренное железо до Пелыми рекою не дойдет, река будет замерзнет, а тобольские казаки и стрельцы с сею грамотою к вам на Пелым пришлют, и вы б, господине, собрав подводы с крестян и с вагулич, по то железо послали и велели то железо привезти на Тюмень.

На обороте (другим почерком): 7109-го октября 24.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 16, лл. 324 об.—325 об., № 31.

18. *1600 г. ранее декабря 10.— Отписка тобольского воеводы Семена Сабурова пелымскому воеводе Тихону Траханиотову о наказании вогулов, препятствовавших устройству соляного промысла на речке Негле (Нагре), и о мерах к дальнейшему развитию этого промысла.*

Господину Тихону Ивановичу да Петру Григорьевичу Семен Сабуров челом бьет. Писали есте, господине, ко мне, что вы послали на речку на Нагру к соляному промыслу Василия Албычева, а с ним послали стрельцов и пашенных крестьян и вагулич, и к тем людем в прибавку велели собрать, сколько пригож, и варницу и амбар и двор велели ставить и всякий варничный обиход велели припасти и устроить все сполна; и вагуличи в Махтыевых юртах и в иных юртах сына боярского не послушали и его били, и стрельцов хотели перестрелять, а к соляному делу не пошли; а Ворошилко к вам писал, что варничново леса добыть не мочно, лес поудалел и мерзл, а он поехал на Чусовую, а велел делать без себя амбар, да варничный лес велел выропить и уголья ужечь; а как то изготовят, и людем без него делать нечего, потому что лес мерзл, а до великого до говенья дров сечь не мочно. И вы б, господине, тех вагулич, которые сына боярского били и стрельцов хотели перестрелять, велели сыскав к себе привести, да тех вагулич за их воровство, что они сына боярского били и стрельцов перестрелять хотели, велели бити батоги гораздо, да посадили их на неделю в тюрьму, что иным вагуличам неповадно было вперед так воровать. А варничным бы есте делом однолично промышляли, как будет пора, как лес откровест, чтоб однолично не за чем варничное дело не стало. А как Ворошилко с Чусовой придет, и вы б ему велели посылать для деловцов на Верхотурье к Гаврилу к Салманову, чтоб он к нему деловцов, к пелымским в прибавку, прислал тотчас, сколько человек пригож. А одноличпо б есте варничным делом промышляли без всякие оплошки, чтоб варничное дело не за чем не стало.

На обороте (другим почерком): 7109-го декабря 10.

ГАФКЭ, портфели Миллера, № 478, I, грам. № 22, II. Два ссстава.— Список XVIII в. в ААН, оп. 4, № 16, лл. 325 об.—326, № 32.

19. *1600 г. декабря 20.— Грамота на Верхотурье голове Гаврилу Салманову о посылке на соляной промысел на р. Неглу стрельцов и казаков или наемных людей, но не пашенных людей и вогулов.*

От царя и великого князя Бориса Федоровича всеа Русии в новой город на Верхотурье голове Гаврилу Самойловичу Салманову. Писал еси к нам о соляной воде

и опыт соляной сваря прислал, а в Тобольской к окольничему и к воеводе к Семену Федоровичу Сабурову о той соляной воде писал же; а к тебе из Тобольска окольничей и воевода наш Семен Федорович Сабуров писал, что послал он из Тобольска для соляного промысла пушкаря Ворошилка за пренного мастера и солевара, а с Пелыми велел послать к той соляной воде сына боярского и стрельцов и пашенных людей, а тебе б послать с Верхотурья к той соляной воде к пелымским в прибавку для варничного дела 10 человек стрельцов, да к ним в прибавку пашенных людей и вагулич; а на Верхотурье наших служилых людей стрельцов только 46 человек, и тех стрельцов по нашему указу послано в новой острог в Япанчин 10 человек, а иные стрельцы живут в посылках для наших дел безпрестанно, и в городе оставается стрельцов только 10 человек и те стрельцы стоят на стороже безпрестанно день и ночь, а пашенных людей на Верхотурье только 18 человек, да торговых 10 человек, и те торговые люди ныне били нам челом в ямские охотники, и те пашенные люди и ямские охотники и дворишков себе не поставили и нашего хлеба не устроили, и ты к той соляной воде послал стрельцов 4-х человек да пашенных людей дву человек, и стрельцы и пашенные люди давали меж себя на подмогу тем людям, которые посланы к той соляной воде на 4 недели, по 4-е рубли человеку; и только вперед верхотурским пашенным людям у той соляной воды и у иных у наших дел быти, и те пашенные люди с Верхотурья разбредутся, потому что место новое и люди нужные, и хлеба на себя не напахали; а служивых людей казаков и стрельцов на Верхотурье в городе и в остроге на стороже оставается от посылок малое, и нам бы тебе велети о том указ учинити. И как к тебе ся наша грамота придет, и ты б вперед для соляного промыслу к пелымским служивым людям в прибавку посылал с Верхотурья стрельцов и казаков попеременно, без сколька человек у соляного промысла быть нельзя, или б приговорить из найму из тутошних из гулящих людей помесячно или на год; а наймы им дать из нашей казны, смотря по тамошнему делу, как бы было нашей казне прибыльнее. А пашенных людей и вагулич к соляному промыслу не посылал, чтоб их тем не ожесточить. А одноличпо б у тебя соляной промысел затем не стал и на сей бы зиме соли наварити на расход на все сибирские городы. Писан на Москве лета 7109-го году декабря в 20 день.

На обороте: Дьяк Нечай Федюров.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 2, л. 35 и 35 об., № 22.

20. *1600—1601 гг.—Отписка тобольского воеводы Семена Сабурова туринскому голове Федору Янову о принятии мер к дальнейшей отправке до Верхотурья царевича Берди Мурата и его провожатых.*

Господину Федору Осиповичу Семен Сабуров челом бьет. Отпустили, господине, мы к царю и великому князю Борису Федоровичу всеа Русии к Москве сибирского царевича, Кучумова сына, Берди Мурата, а с ним послали сына боярского Василия Тыркова и татар и казаков. И как к тебе с царевичем Василей Тырков приедет, а в стругех будет рекою для мелей до Верхотурья не дойти, и ты б Василью Тыркову дал под царевича, и под татар, и под стрельцов и под казаков, которые посланы с ним из Тобольска, и под провожатых, которые стрельцы и казаки посланы с ним будут с Тюмени, обласы, чтоб им всем дойти до Верхотурья. А одноличню б еси, господине, тем промыслил, обласы велел собрати. И отпустил бы еси Василия Тыркова с царевичем и со всеми людьми тотчас в обласех, чтоб Василью с царевичем дойти до Верхотурья здорово. А будет обласов столько не будет, и ты б Василию Тыркову дал под царевича да под татар под 5 человек 6 лошадей да под рухлядь и под запас, как мочно поднять. Да Василию Тыркову дал бы еси две лошади, да татарам Кизылбаю Купландееву, да Тербердею Кулмаметову,

да Девлету Кункилдееву да литвину Яну Федьковскому, да казаком Грише Выходцу с товарищи, трем человекам, по подводе с проводники. И отпустил бы еси Василия Тыркова с царевичем и с татары и с казаки тотчас, не мешкав. А которые стрельцы и казаки будут с Тюмени за царевичем провожатые, и ты б тех провожатых послал на Верхотурье царевича провожати пеших, под запасы им дал 2 лошади. А струги бы еси, в чем царевич едет, прислал на Тюмень. И ко мне про царевича, как его на Верхотурье отпустишь, отписал, как будут в Тоболеск ездоки.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 5, л. 11 и 11 об., № 10.

21. *1601 г. января 28.— Грамота на Тюмень воеводе князю Луке Щербатову об устройстве ямской гоньбы на Тюмени.*

От царя и великого князя Бориса Федоровича всеа Русии в Сибирь, в Тюменской город, воеводе нашему князю Луке Осиповичу Щербатого. Били нам челом Тюменского города голова татарская Дивей Иртяшев, да Маатмас Азихматов, да Марама Якшигилдеев, да Дянек Яншиков, да япгуза Канчурин и во всех юртовских татар 50 человек место, а сказали: служат де они на Тюмени всякие наши сибирские службы зимние и летние, пешие и конные и отъезжие караулы и на Тару их посылают, и подводы де у них под нашу казну и под гонцов емлют, и те их подводы проводят до Тобольска и от Тобольска до Верхотурья и от Верхотурья до Соли до Камские, и с надсады де под нашею казною и под гонцами многие лошади падут, а проводят де их подводы потому, что у ясачных татар лошадей нет, все попадали; да они же де провожали казаков Гришу Ясыря да Ондрюшу Тонярыкова, и у них де пали три коня; и им де вперед в подводах наши службы служить немочно; а во всех де городех устроены ямы, а у них де на Тюмени яму нет; и нам бы их пожаловать, подвод с них под нашу казну и под гонцов имати не велети. И мы указали на Тюмени устроити ямщиков против Верхотурского и Епанчинского. И как к тебе ся наша грамота придет, и ты бы вперед на Тюмени ямщиков прибирал. А подмоги бы еси им давать из нашие казны с крепкою порукою против Епанчинского по 15-ть рублев человеку. А было бы у всякого ямщика гоньбы по три мерина. И хлеб бы еси им на семена из наших житниц, чем сперва земля осеменить, давал. А почему тем ямщиком вперед пашни на себя пахать и по скольку копен сена ставить, и о том наш указ будет к тебе вперед. А из каких людей учнут на Тюмени в ямщики прибиратися, и ты б о том отписал к нам к Москве с иными нашими делы. Писан на Москве лета 7109-го генваря в 28 день.

На обороте: Дьяк Нечай Федоров.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 8, л. 15 и 15 об., № 13.

22. *1601 г. января 29.— Грамота на Тюмень воеводе князю Луке Щербатову о построении на Тюмени храма во имя Бориса и Глеба.*

От царя и великого князя Бориса Федоровича всеа Русии в Сибирь, в Тюменской город, воеводе нашему князю Луке Осиповичу Щербатово. Били нам челом Тюменского города литва и казаки и стрельцы и всякие служивые и пашенные люди и сказали: обещание де их воздвигнути на Тюмени храм во имя святых великих христовых страстотерпец Бориса и Глеба да пределы святых мучеников Флора и Лавра да святого пророка Ильи, и лес де на тот храм возить почали; и ты де велишь им храм ставить в городе, а в городе три храма, и в одном де есть пенье, а два храма стоят без пения; и нам бы их пожаловати, велети им тот храм по их обещанию воздвигнути в остроге, а в городе воздвигнути храма немочно им, потому что приходите вы воеводы, и женам де их и детям тут же приходить зазорно. И будет так, как нам тюменские всякие служивые и пашенные люди били челом,

и как к тебе ся наша грамота придет, и ты б тюменским всяким служивым и пашенным людем тот храм по их обещанию святых великих христовых страстотерпец Бориса и Глеба да пределы святых мучеников Флора и Лавра и святого пророка Ильи в остроге поставити велел. Писан на Москве лета 7109-го генваря в 29 день.

На обороте: Дьяк Нечай Федоров.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 8, лл. 21 об.—22, № 15.

23. *1601 г. не ранее марта 9.— Отписка уфимского воеводы Михаила Нагово тюменскому воеводе князю Луке Щербатову о сношениях с царевичами Алеем, Азимом, Кубеем и Канаем.*

Господину князю Луке Осифовичу Михайло Нагово челом бьет. Нынешнего, господине, 109-го году марта 9 день писал еси, господине, ко мне, что в нынешнем же 109-м году декабря в 9-м числе, по государеву цареву и великого князя Бориса Федоровича всеа Русии указу, посылал ты из Тюмени в тобольские и в ишимские вершины к царевичам к Кучумовым детям к Алею с братьею татарина их Менглибая абыза Бигилдеева и с ним государевых русских людей, казаков Исака Луховца да в толмачах Филата Дмитриева, да юртовских служивых татар Ишмамета Сарычева да Бахтураза Каспирина, а велел еси им по государеву указу царевичом Алею да Канаю с братьею сказати государево царево и великого князя Бориса Федоровича всеа Русии самодержца жаловальное слово, что государь царь и великий князь Борис Федорович всеа Русии самодержец их пожалует своим царским великим жалованьем и хочет их держати под своею государевой царскою высокою рукою, и они бы ехали с ними вместе на государево царево и великого князя Бориса Федоровича всеа Русии имя в Тюменский город, и государю царю и великому князю Борису Федоровичу всеа Русии служили и прямили и добра хотели; а будет Алей царевич ко государю сам ехати не похочет, а абызу Менглибаю и Исаку Луховцу с товарищи велено у царевича у Алея просити ко государю брата его царевича Каная; а буде его не отпустит, и им велено просити Азима царевича. И генваря, господине, в 19-м числе пришли в Тюменский город Менглибай абыз Бигилдеев и Исак Луховец и юртовские татаровя Ишмамет Сарычев с товарищи, а в распросе тебе сказывали: шли де они от Тюменского города до тобольской вершины до Обаги реки 18-ть день, а царевичем де признаки не видали никакие в том месте лыжницы, куда они с того места пошли, и они де от того урочища от усть Обаги реки ходили вверх по Обаге реке степью до Камай бору день и нашли де лыжницу, хожено старо, шли де они тою лыжницею в тобольскую же вершину до Уи реки, до Тергеча бору, два дня и признаки никакие не нашли же: а от той реки шли они назад до Тюменского города 19 днищ. Да того ж, господине, числа сказывал тебе Верхотурского уезду Терсяцкие волости ясашной татарин Уракчей Буранчеев: нынешнего де, господине, 109-го года посылал де из Уфы в тобольские вершины к царевичам к Кучумовым детям к Алею да к Канаю с братьею уфинских татар Шугурдевлета да Кульзару князя да табынца Утумыша с товарищи, 10 человек, чтобы царевичи ехали на государево царское имя в Уфинский город, и Шугур де с товарыщи наехали Каная царевича в тобольской вершине, меж тобольские и ишимские вершины, 20 днищ от Уфы; а что де у Шугура и у Утумыша с товарищи про царевичей вести, и того Уракчей сказывает не ведает; да Уракчей же Буранчеев сказал: приходили де в Уфинский уезд нагайские люди Канай Мурзина улусу Тенбаева 40 человек, а имали де ясак в Уфинском уезде с ясашных волостей от устья Белы Воложки до уфинские и до аиские вершины и на Катайской волости. И что, господине, у меня про царевичей про Алея и про Каная с братьею и про их людей и про сырянцев и про табынцев и про нагайских людей вестей, и где ныне царевичи зимуют, и мне, господине, те

вести велети к тебе отписати подлинно часа того. И декабря, господине, в 15 день писал яз ко государю царю и великому князю Борису Федоровичу всеа Русии, что нынешнего же 109-го году сентября 17 день писал яз же ко государю царю и великому князю Борису Федоровичу всеа Русии по ево государеву цареву и великого князя Бориса Федоровича всеа Русии указу: посылал яз к царевичом к Кучумовым детям к Алею с братьею детей боярских, а с ними новокрещеново, служивых и толмачей и башкирцев Табынские волости Утемыша Канбарова да Досая Гуреева, а велел по государеву указу звать царевича Алея с братьею и с детьми на государево царское имя, чтобы царевич Алей с братьею и с детьми ехали на государево царское имя и были бы под его царскою высокою рукою в его царском жалованье; а будет за которыми мерами Алей царевич, Кучумов сын, сам по государеву жалованью не поедет, и он бы прислал ко государю братью свою и детей своих зз свои прежние вины государю бити челом; и Алей царевич сам за которыми будет мерами не поехал, а отпустил ко государю о себе и о братье своей бити челом государю брата своего Ишима царевича, Кучумова сына, с детьми боярскими и с новокрещены и с толмачами, которые к ним посыланы. И яз, господине, по государеву указу Ишима царевича на Уфе, поив и кормив и государево царское жалованье ему платье и ево людям дав, отпустил Ишима царевича Кучумова сына с Уфы ко государю царю и великому князю Борису Федоровичу всеа Русии. Да с царевичем же, господине, с Ишимом брат его Азим царевич, Кучумов сын, присылал до Уфы провожати царевича Ишима татарина своево Алмамета, и ярлыки с ним ко мне Алей да Азим царевичи Кучумовы прислали; и яз те их ярлыки послал ко государю царю и великому князю Борису Федоровичу всеа Русии да с царевичем же с Ишимом вместе с сыном боярским с Иваном с Каловским. И говорил царевич Ишим, Кучумов сын, и братья его царевичи Алей да Азим с тем человеком своим ко мне приказывали, чтоб яз тово человека их отпустил к ним назад с тем, как яз царевича Ишима отпущу при нем ко государю царю и великому князю Борису Федоровичу всея Русии, и он де Азим царевич хотел ехати на Уфу ко государеву жалованью, чтоб, побывав на Уфе и государево жалованье видя, да и опять бы ехать к себе в кочевье; а кочевать де им всем царевичам Кучумовым и наезжать себя велели на Тоболе реке, на Арал Карагае, от Каратабынские от башкирские волости езду пять днищ; и яз того человека Азима царевича отпустил к ним назад, приказывал, господине, к царевичу Азиму и ко всем царевичам, чтобы они ехали все ко государю на сей же осени. И Ишиму царевичу яз говорил, чтобы к братье к своей приказал с тем человеком, которого к ним, поехав ко государю, с Уфы отпустил назад, чтобы они царевичи ко государю ехали безо всякого сумнения, а государь царь и великий князь Борис Федорович всеа Русии их пожалует своим государевым царским великим жалованьем. И Ишим царевич при мне к братье своей с тем человеком своим, который его провожал до Уфы, приказывал и ерлык татарским письмом к ним за своим знаменем послал, чтобы они ехали все царевичи ко государю. А в Каратабынскую, господине, в башкирскую в дальнюю волость послал яз с Уфы для царевичевых приездов сына боярского уфинского жильца Гаврила Артемьева да новокрещена Рудака Федорова и татар; а велел ему в той волости стояти; а тех татар, которые к царевичам в кочевье с Уфы посланы, велел ему от себя отпустити к ним; и велел ему тем татаром про себя царевичам сказать, что он сын боярский Гаврило Артемьев прислан к ним к царевичам с Уфы на встречу со государевым жаловальным словом. И ноября, господине, в 18 день приехали на Уфу из башкирских волостей сын боярской Гаврило Ортемьев да служивый новокрещен Рудак Федоров с товарищи; и сказывали мне сын боярской Гаврило Ортемьев с товарищи: посыланы они для царевичев Кучумовых детей, звати их на государево имя; приехали де, господине, оне в Каратабынскую волость тое волости к башкирцу к старосте к Утумышу к Анба-

рову, а до них де, господине, прежних приехали Азимов царевичов аталык Козембердей да Алебай абыз, всех де их 4 человека, просят де ездя у башкирцев одежи и кормы; и Гаврило де и Рудак говорили им, чтоб они ехали с уфинскими татары к царевичом их, уговаривали, чтоб царевичи ехали на государево имя; и аталык Козембердей да Алебай абыз с товарищи поехали тотчас на том, чтобы им, уговоря царевичов, приехати с ними на Уфу; а он де Гаврило послал к царевичом вместе с ними слободского татарина Шугура Кокузова да Кипчасские волости Иселемана князя; а приехав велели им по наказу царевичом говорить, чтобы царевичи ехали на государево имя. И ехали де, господине, они уфинские татаровя от Карабатынские от башкирские волости до царевичевых Кучумовых кочевищ 8 днищ, а от Уфинского города ехали они до Каратабынские волости 10 днищ, и всего де они ехали от Уфинского города до царевичевых кочевищ 18 днищ. А кочуют де царевичи Канай да Азим меж Ишима и Обаги реки в дуброве, от устья Обаги реки 3 днища езду конного вверх по Абаге: а поставлены де у них избы рублены в степу кругом, по смете де изб с полчетвертадесять; да у них же де, господине, обдернуто около изб телегами кочевными большими для крепости от приходов; а людей де, господине, с ними з двема царевичи всяких человек с 150, а все табынцы; а лошади де, господине, у них ходят от их зимовья с полднища по Обаге реке. И оне де уфинские татарове Шугур да Иселиман говорили по наказу царевичом Кучумовым Канаю да Азиму, чтоб они царевичи ехали на государево имя на Уфу; и царевичи де Канай да Азим сказали уфинским татарам Шугуру да Иселеману, что им опроче государева жалованья деться негде, для де оне того подошли кочевати близко государевых городов, и Азим де царевич хотел ехати на Уфу с ними с уфинскими татары, и брат де его Канай царевич не пустил; а сказал де Канай царевич татаром, что ему на Уфу на сей осени не езживати и брата своего Азима не отпускивати до тех мест до государева указу, как государь к ним пришлет указ свой, как им быти в государеве жалованье, да и для де того, что послали оне ко государю из Чат человека своего Безелека абыза о себе бити челом, как государь их пожалует, и тот де человек их к ним назад не бывал. И после де, господине, того приезжали к ним из Уфинского города звати их на государево имя, и они де отпустили ко государю брата своего Ишима царевича. Да к ним же де, господине, присылали из Тобольского города государевы воеводы, и они де отпустили в Тоболеск брата своего меньшово Кубей Мурата царевича на том слове, что, побывав де было царевичю в Тобольском городе и договор учиня о полону, и отпустити было царевича Кубей Мурата к ним назад на срок; и из Тобольского брата их Кубей Мурата царевича назад не отпустили, и тем де их ожестили, и они де ехати боятся. А из Тюменского де, господине, города ты присылал к ним атамана казачья, а звали их на государево же имя, и они де в Тюменской город для того же не поехали, а послали де, господине, к тебе в Тюменской город лутчего человека своего Минлибая абыза ко государю о себе бити челом. И к ним де от братьи их и от людей их, которых отпустили ко государю, вести никакие нет. А будет де государь братью их и их людей пожалует и указ им свой государев пришлет, как им вперед в государеве жалованье быти, и они де ко государю на государево царское великое жалованье все поедут на весну головами своими, где государь велит им быти. А брат де их большой Алей царевич Кучумов сын, а они де называют его царем, кочует от них в 5 днищах близко Сибири, к Тобольскому городу, а с ним де кочуют братья их меньшие и сырянцы и мякотинцы, а сказывают де с ним человек до 300 и больше, а зимуют де они в разни для того, что им, живучи вместе, прокормить нечем. И уфинские де, господине, татаровя Шугурда да Иселиман хотели ехати в зимовье к Алею царевичу, которого оне меж себя называют царем, а хотели де его звать на государево имя, и Канай де да Азим царевичи их к большому к своему брату к Алею царевичу не отпустили; и вожей им не дали, и их де

отпустили назад на Уфу, и прислали с ними татарина своего Амаметя бити челом о том, что оне ныне не поехали на Уфу, а на весну де все оне поедут на государево имя. Да уфинские ж, господине, татаровя, которые посыланы к Кучумовым царевичам Шугур Кокузов да Иселеман Екбахтыев сказывали мне: приехали де при них к царевичом к Кучумовым из Бухар бухарские торговые люди из бухарского из Шаврана города 18 человек, Батрагазы с товарищи, а пригнали де к ним лошадей с полтора ста на продажу; и слышали де, господине, оне уфинские татаровя от бухарских торговых людей, что приехали де опи бухарские люди царевича Каная, Кучумова сына, звати в бухарской в Шавран город на княженье, а мати де его Каная царевича, Кучумова сына, живет в том городе в бухарском в Шавране, отпустил де ее давно Кучум царь за старость, и она де к нему, к сыну своему к Канаю царевичу, приказывала с теми бухарцы, чтобы он Канай царевич ехал в Шаврап, а оне де учинят ево в том городе князем, а сидит де у них и на Бухарской земле Бака царь, Абле царю бухарскому брат, а в том де у них городе в Шавране владеют тезики, торговые люди. И они де татаровя уфинские проведывали про то: хочет ли Канай царевич ехати в Бухары в Шавран город или не хочет; слышали де оне, сказывал им Кучумовых царевичей лутчей человек их аталык Козембердей абыз, что Канай царевич в Бухары в Шавран город ехати не хочет для того, что отца де их Кучума, заманив в Колмаки оманом, убили, да и для де того Канай царевич ехати не хочет в Бухары, что у них в Бухарех многих нагайских мурз, заманив оманом, побили. Да сын боярский же, господине, Гаврило Ортемьев с товарищи, которой посылан с Уфы царевичев Кучумовых звати на государево имя, сказывал мне: пришли де от Кучумовых детей в тое в Каратабынскую в башкирскую волость 20 семей башкирцев с женами и с детьми; а бывали де, господине, оне преже того тое же Каратабынские волости ясашные же башкирцы, были с Кучумом.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 8, лл. 16—21, № 14.
Напеч. в РИБ, II, стб. 274—283, № 99.

24. *1601 г. не ранее апреля 9.— Отписка тобольского воеводы Федора Шереметева туринскому голове Федору Фофанову о запрещении сибирским служилым людям торговать мягкой рухлядью.*

Господину Федору Костентиновичу Федор Шереметев челом бьет. В нынешнем, господине, во 109-м году апреля в 9 день писано в государеве цареве и великого князя Бориса Федоровича всея Русии грамоте к окольничему и воеводам к Семену Федоровичу Сабурову с товарищи, что сибирских городов служилые люди ездят по городам торгуют мяхкою рухлядью безпошлинно; и сибирским служилым людям мяхкою рухлядью торговати не велено; и о том велено заказ учинити крепкой, чтоб однолично вперед, опричь торговых людей, мяхкою рухлядью не торговал ни каков человек; а будет кто из служилых людей учнет мяхкою рухлядью торговати, и у тех людей товары их имати на государя; а за ослушанье велено их бити батоги и сажати в тюрьму. И вы б, господине, Туринского острогу служивым людям мяхкою рухлядью торговати не велели и о том бы есте учинили крепкой заказ, чтоб однолично вперед, опричь торговых людей, мяхкою рухлядью не торговал никаков человек. А будет кто из служивых людей учнет мяхкою рухлядью торговати, и вы б у тех людей товары их имали на государя, а за ослушание велели их бити батоги и сажали их в тюрьму.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 5, л. 13 об., № 13.

25. *1601 г. не ранее июня 16.— Отписка тюменского воеводы князя Александра Приимкова-Ростовского туринскому голове Федору Фофанову о вестях про татар, ногайцев, казахов и других.*

Господину Федору Костентиновичу Олександр Ростовской да Федор Пушкин челом бьют. Нынешнего, господине, 109-го году июня в 16 день приехали к нам в Тюменский город Тюменского уезда Балкурские волости ясачные татарове Ахкоза Янчатов, Абжитемир Тохташев, да Козыбай Янчеров, да Кизылбай Усенгильдеев, да Кошбархан Болтин, 5 человек, а в распросе нам сказали: приезжал де из Кинырские волости ясачный татарин Кудабердей сырянец, в Теренгульскую волость к татарину к Мангуту с сыном свататься на дочерь и сказывал де им татарин Кудабердей: хотят де быть в Тюменской уезд в Пускурскую волость на Исеть реку кочевать, как хлеб поспеет, нагайские люди Алта Ульшаим мурза да Ян Раслан мурза, Урусовы дети, а с ними де нагайских людей будет тысяч с семь, да с ними же будут кочевать тут же на Исеть реку Казакские орды люди, а сколько де казакских людей человек будет, и про то сказывали не ведают, и поставя де нагайским людем по Исети реке жены свое и дети и мелких кошевных людей, самим Казакские орды с людьми итти назад в Нагаи на бой, а биться де им с Казыевым улусом, с Урмаметевыми детьми; а быв де им в Нагаех и дрався с Казыевым улусом, быти им назад к женам и к детям в кочевье на Исеть реку; а кочевать де им меж Исети реки и Миеси речки; а пришед де им из Нагай на Исеть реку, и приходить с Исети реки, сождався с царевичи с Кучумовыми детьми, Алеем с братьею, и с табынцы и с сырянцы вместе на государевы волости Тюменского и Туринского уезда и на их Пускурскую и на Кинырскую волость и под городы войною. Да те ж татарове Ахкоза с товарищи нам в распросе сказали: слух де их доходит. а он де Ахкоза сам слыхал в верхотурских деревнях, которые по Нице реке, в Бессергеневе юрте у Бесергеня да у Девлетбая, да у Сарагупа у ясаула и в иных верхотурских деревнях у ясачных татар, что по Нице реке, Ленского городка у Небылсы у Юлаева, да у Базбиры у Каратаева, да Кинарского городка у татарина у Беляка Акчурина, что ждут де они к себе в волости царевичей Кучумовых детей, Алея с братьею, и табынцев и сырянцев войною; и как де к их волостям царевичи и табынцы и сырянцы придут, и они де хотят от государя отложиться к царевичам и приходить под город и на волости войною с царевичи вместе; а Кучумовы де дети, Алей с братьею, с своими людьми и с табынцы и с сырянцы хотят кочевать, подшодчи к их Пускурской волости, близко за полдницца до Исети реки; а того де они Ахкоза с товарищи подлинно не ведают, в которую пору царевичем с своими людьми и с табынцы и с сырянцы под город и на волости приходити войною, ныне ли вскоре, или на снон. И тебе бы, господине, те вести были ведомы. А что у тебя будет каких воинских вестей объявится, и тебе бы те вести тотчас к нам отписати, чтобы нам было ведомо.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 5, лл. 19—20, № 16.

26. *1601 г. августа 30.—Грамота в Туринск голове Федору Фофанову о необходимости соблюдения интересов местного населения при собирании ясака и местных служилых людей при выдаче им хлебного жалованья.*

От царя и великого князя Бориса Федоровича всеа Русии в Сибирь, в новой острог на Туру, голове Федору Констентиновичу Фофанову. По нашему указу во всех сибирских городех воеводам и головам велено беречи того накрепко, чтоб сибирские земли ясашным людям насильства и убытков и продажи ни от кого не было, и ясаков бы лишних с них не имати, и вновь за посмех не прибавливать, и во всем им велено льготить. А велено им на нас ясак имать рядовой, как кому мочно заплатить, смотря по вотчинам и по промыслом. А на кого будет ясак положен тяжел, не в силу, и вперед им того ясаку платить немочно, и того велено сыскивать, да будет ясак положен не по делу, и в том им тягость, и им в ясаке велено

льготить. А бедных людей, кому платить ясаков немочно, и с тех ясаку имать не велено, чтоб им сибирским всяким людям ни в чем нужи не было, и жили бы Сибирские земли всякие люди в нашем царском жалованье во всем в облегченье и в покое и в тишине безо всякого сумнения, и промыслы всякими промышляли, а детей своих и братью и дядь и племянников и друзей на наше царское милосердие отовсюду призывали, и в городех юрты и в уездех волости полнили. И ныне нам ведомо учинилось, что прежние воеводы, будучи в сибирских городах, воровали, Сибирские земли ясачным людям чинили насильство великое, имали с них своим воровским призволеньем ясаки лишние, да и свои воеводцкие поминки имали потому ж многие, а иные ясашные люди в ясаке и в поминках в их стояли у них на правеже, а гонялись, живучи, они все за тем, чтоб им друг перед другом ясаку и поминков собрати больше прежнего, а того не прочили, чтоб та прибыль вперед прочна была и стоятельна; и приехав к Москве, нам тем бьют челом, чтоб они, живучи в Сибири, в своих городех в ясакех прибыль учинили великую; а про поминочную рухледь нам бьют челом, что к ним тое поминочную рухлядь приносили ясачные люди собою, для нашего царского имени, как ясачные люди с ясаком в город приходили, а не в неволю, а оне будто за то их поили и кормили своими запасы; и веря их воровскому челобитью, давано им за то наше жалованье, а иным и поминочная рухледь отдавана; а ныне от их воровские прибыли и ложного челобитья в сибирских городех многие волости ставятся пусты. Да им же велено отдавать нашим служилым людем и ружником и оброчником наше хлебное жалованье так же, как те хлебные запасы посылают к ним из Казани, муки ржаные в два верха, а крупы и толокна вровно; и они воровали, давали нашим служилым людям и ружником и оброчником наше хлебное жалованье муку и крупу и толокно не против нашего указу, в трусок без верхов, а оставалось у них у десяти чети по две чети лишку; а служивых и всяких людей теснили; а многие служивые люди семьянисты, и того им нашего хлебного жалованья недостает. И как к тебе ся наша грамота придет, и ты б вперед на 110-й год с Туринского уезда, с городков и с волостей, с князьков, и с мурз, и с остяков и с вогулич, ясашных людей, имая наш ясак по нашему указу; а лишних бы еси ясаков с них не имал, и вновь за посмех прибавливати не велел, и поминков на себя не сбирал. А кто сверх ясаку принесет тебе челом ударить, и ты б у них то имал и клал в нашу казну; а будет кто не принесет, и у них того не просил. И во всем ясашных людей берег, чтоб им однолично насильства и убытков и продажи ни от кого не было. А которые ясашные люди будут бедны или больны и увечны и нашего ясаку им платить нечем, а учнут приносити в ясак шубенка пупчатые и бельи и бобришка худые и ярчишка, и ты б у них того не имал, и ясаку на них не правил, и в доимку на них в ясашных книгах того нашего ясаку не писал. А что на 110-й год с Туринского уезда, с городков и с волостей и с князьков и с мурз и с остяков и с вогулич, нашего ясаку и поминков сберешь, и что перед прежним нашего ясаку прибудет, и ты б тот наш ясак и что сверх ясаку возмешь, велел писать в ясашные книги подлинно порознь по статьям. А ружником и оброчником давал бы еси наше хлебное жалованье по прежнему нашему указу в нашу казенную осьмину, не труся, каков наш указ послан наперед сего, по тому ж, как наши хлебные запасы и сибирские городы из Казани посылают, чтоб им в том нужи не было. Писан на Москве лета 7109-го августа в 30 день.

На обороте: Дьяк Нечай Федоров.—А грамоту привез тюменской конной казак Богдашко Шиш во 110-м году декабря в 22 день. — А подлинная государева грамота по тобольской отписке воеводы князя Ондрея Ондреевича Хованского послана в Тоболеск в нынешнем во 135-м году ноября в 17 день.

ИИ АН СССР, по описи 1929 г., № 19. Три ставa. Список 1626 г. — Список XVIII в. в ААН, ф. 21, оп. 4, № 5, лл. 29—30 об., № 25.

27. *1601 г. сентября 17.— Грамота на Верхотурье князю Матвею Львову о продолжении работ на соляном промысле на речке Негле, о поисках лучшего места на той же речке и, в случае отсутствия его, о переносе промысла на р. Покчинку и об устройстве там варниц.*

От царя и великого князя Бориса Федоровича всеа Русии на Верхотурье князю Матвею Даниловичу Львову да голове Угриму Васильевичу Новосильцеву. В нынешнем в 110-м году сентября в 1 день писал к нам ты Угрим, что по нашему указу ездил ты на речку на Неглу смотреть у Ворошилка Власьева соляного промыслу, и Ворошилко на речке на Негле садил де трубы в землю и из того он росолу варил соль в малом цыренце, и село соли только 9 гривенок фунтовых, а варил 20 пуд, и тот росол тонок, и соль будет в нем варить убыточно, и варница и цырен большой не делал, и хочет он ехать на Пелымь, на речку на Покчинку, соляного росолу отыскивати. И как к вам ся наша грамота придет, и вы б велели Ворошилку Власьеву и трубному и цыреному мастеру соль варить на речке на Негле, где ныне сыскал соляной росол, а в иных бы есте местех велели им лутчего соляного росолу отыскивать, а проведывати накрепко, чтоб одноличпо соляной рошилку Власьеву и трубному и цыреному мастеру соль варить на речке на Негле, лутче того соляного росолу не сыщут, и вы б велели им ехать на Пелымь, на речку на Покчинку, и велели им по тому соляново росолу сыскивати, чтоб они соляной росол нашли а лутче прежнево, а как они соляной росол где отыщут, и вперед будет в том росоле на нас соль варити лутче прежнего, и нашей казне прибыль с нее, и вы б велели в том месте трубному мастеру трубу сделав садити и, цыреному мастеру цырен сделав, и соль велели варити. А что будет надобет Ворошилку и трубному и цыреному мастеру для соляного промыслу казаки и лошади, без чево соляному промыслу быти нельзя, и вы б к ним с Верхотурья козаков гулящих посылали, наняв помесячно или головых и лошади купив, к ним послали, чтоб у них за тем соляной промысел не стал. А в котором месте Ворошилко лутчей соляной росол найдет, и как учнет соль варити, и в скольких водах учнет соль садиться, и в сколько дней, и по сколько пудов учнет соль выходить, и вы б о том отписали к нам к Москве и велели отписку отдать в Казанском и в Мещерском дворце дьяком нашим Афанасью Власьеву да Нечаю Федорову. А одноличпо бы есте велели Ворошилку соляной росол по речкам сыскивати и проведывати и вогулич про соляную воду роспрашивать, чтоб росол найти лутче прежнего и соль завести варить, чтоб одноличпо вперед в сибирские города с Руси соль не посылати. Писан на Москве лета 7110-го года сентября в 17 день.

На обороте: Дьяк Нечай Федоров.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 2, л. 69 и 69 об., № 45.

28. *1602 г. ноября 11.— Грамота в Березов воеводе князю Ивану Борятинскому о производстве суда по делу остяка Колока Порутиева с остяком Обдорского городка Чегеем.*

От царя и великого князя Бориса Федоровича всеа Русии в Сибирь, в Березов город, воеводе нашему князю Ивану Михайловичу Борятинскому да голове Григорию Потапьевичу Векентьеву. Бил нам челом Березовского уезда остяк Колок Порутиев Березовского уезда Обдорского Носового городка на остяка на Чегея а сказал: в прошлом де во 110-м году взял тот остяк Чегей у снохи его две чепи да кольца да чарку серебряные, цена всему 8 рублев, да он же взял у снохи ж его служащую женку вагулку, и тех де чепей и колец и чарки тот остяк Чегей снохе его и по ся места не отдает; и нам бы его пожаловать, велети на того остяка Чегея дати управа. И будет так, как нам Колок бил челом, и как к вам ся наша грамота придет, и вы б того обдорского остяка Чегея велели поставити перед собою с Коло-

ком с очи на очи да в том бы есте их судили и всякими сыски сыскали накрепко, да по суду своему и по сыску меж их управу учинили по нашему указу безволокитно. Писан на Москве лета 7111-го ноября в 11 день.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 16, л. 131 об., № 17.

29. *1602 г. ноября 29.—Грамота на Верхотурье князю Матвею Львову о принятии мер для поддержки соляного промысла на речке Негле и о надзоре за этим промыслом.*

От царя и великого князя Бориса Федоровича всеа Русии на Верхотурье князю Матвею Даниловичу Львову да голове Угриму Васильевичу Новосильцову. Писал к нам соловар Ворошилко Власьев, что в прошлом в 109-м году велено ему по нашему указу на речке па Негле в Верхотурском уезде соляной росол сыскивать и соль варить, и он приехая на речку на Неглу в 109-м году марта в 28 день с трубным да с цреным мастером, и трубы гнел, и росолу сыскивал и садил четыре трубы; и в 110-м году велено ему соль варити, и он варницу поставил, и црен и ларь, в чем росол держать. и всякий варничной обиход зделал, и уварил он с маия с 27-го числа июля по 3 день 387 пуд, а вперед де ему, как дрова изойдут, варить нечем, потому что людей дровосеков нет, возить некому, всего у него один дрововоз, и тот возит беспрестанно, и одному дров возить не успеть и делать неком; а надобно вперед на плодбище на год 1200-тя сажен; и о том он к вам писал многижда и сам ездил, чтоб вы послали к соляному промыслу дрововозов, из лесу дрова возить на плодбище, и вы де только послали 191 лошадь, а росписи имянные не прислали, и те люди иные разбежались, лесу не секли и не возили, а высекли только и вывезли на плодбище дров 160 сажен, а только зимнею порою дрова были вывожены на плодбище, ино б летом быю полно и одного дровсвоза, а вы де дров пасти в лето не велели, и ныне де соляному промыслу за дрова стать. А по нашему указу велено соляного промысла досматривать тебе Угриму, и ты соляным промыслом не радеешь, досматривать не ездишь и нашего указу не слушаешь. Да сказывают ему Ворошилку, что на Пелыми на речке на Покчинке соляной росол, а выходит в великое говейно на лед добре солон, и он Ворошилко на Пелым в великое говейно не ездил и росолу не видел, а ездил он осенесь, и посадил одну трубу, да опаздал, потому что стал замороз вскоре, и он поспешил к соляному промыслу на речку на Неглу. А вы к нам писали, что в 110-м году уварил Ворошилко на речке на Негле апреля с 15 числа июля по 8-е число 313 пуд соли, а в расход для того соляного промысла из нашие казны в 109-м и 110-м году на всякое варничное дело и дровосекам и лошадем на корм и что давано подваркам и водоливам и дрововозам и на всякие расходы вышло денег 64 рубля 14-ть алтын 2 деньги, да хлебных запасов 102 чети с осминою муки, 12 чети с четвериком круп, 16-ть чети толокна. И ты Угрим делаешь не гораздо, что о нашем о соляном деле не радеешь и досматривати соляного промыслу не ездишь. И как к вам ся наша грамота придет, и вы б соловару Ворошилку Власьеву па речке на Негле велели соль варить и казаков, которым дрова сечь и к соляному делу возить, послали с Верхотурья, наняв человек дву или трех или сколько человек пригож, помесечно или на год урокам, и лошади две или три, купив, с Верхотурья послали ж, чтоб наше соляное дело не стало. А запасу послали б есте с Верхотурья из верхотурского хлеба, смотря по тамошнему делу и по людям. А в целовальники б есте послали к нашему к соляному делу, выбрав из верхотурских из жилецких людей, а велели ему быти у нашего соляного дела и у хлебных запасов у приходу и у расходу. А велели б есте наши запасы муки и крупы и толокна давать цренному мастеру Ларке Васильеву, да соловару Пашке Абрамову и казакам, дровосекам и дрововозам помесячно, как мочно сытым быть. и бережены к хлебным запасам велели держать великое. А как посошные люди с городов на

Верхотурье с хлебными запасы придут и к судовому делу лес вывезут, и вы б их послали с детьми боярскими с верхотурскими жильцы к соляному делу на речку на Неглу, а велели им для нашего соляного дела вывезти дров, сколько будет надобе, чтоб во весь год стало дров для соляного дела; а как дрова на плодбище вывезут, и вы б посошных людей велели отпустить к себе по городам, чтоб им не засесновать и поспеть к себе по зимнему пути. А однолично б есте нашим соляным [делом] промышляли неоплошно, чтоб соли наварить вперед на все сибирские города. И к нашему бы еси к соляному делу ты Угрим ездил и досматривал, чтоб в нашем соляном деле нашей казне и нашим хлебным запасам истери и убытка не было. И в иных местах велели б есте Ворошилку Власьеву соляных ключей и росолов сыскивать, чтоб соляные ключи сыскать лутче прежнего и соль варить, чтоб было где прибыльнее. А сколько пуд соли на речке на Негле или в иных в новых местах наварят, и с коих мест по которое число и по сколько пудов в день да в ночь соли учнут варить, и сколько наемных казаков и лошадей и наших хлебных запасов с Верхотурья на речку на Неглу к соляному делу пошлете, и вы б о том о всем отписали к нам к Москве и велели отписку отдати в Казанском и в Мещерском дворце дьякам нашим Афанасию Власьеву да Нечаю Федорову. Писан на Москве лета 7111-го ноября в 29 день.

На обороте: Диак Нечай Федоров. — На Верхотурье князю Матвею Даниловичю Львову да голове Угриму Васильевичу Новосильцову. — 111-го генваря в 5 день привез государеву грамоту Ворошилков сын Васька.

ИИ АН СССР, по описи 1929 г., № 61. Четыре сстава. — Список в ААН, ф. 21, оп. 4, № 2, лл. 71 об. — 73, № 48.

Напеч. в АИ, т. II, стр. 52—54, № 39.

30. *1602 г. ноября... — Грамота в Березов воеводе князю Ивану Борятинскому о разрешении князю Григорию Алачеву ехать в Москву „прямой дорогой через Камень на Вымь".*

От царя и великого князя Бориса Федоровича всеа Русии в Сибирь, в Березов город, воеводе нашему князю Ивану Михайловичу Борятинскому да голове Григорию Потапьевичу Векентьеву. Били челом князь Григорей княж Игичеев сын Алачеева а сказал: наперед сего ездили с Березова к Москве всякие люди прямой дорогой через Камень на Вымь, а ныне де прямою дорогой на Вымь пропущати не велено; а он де князь Григорей хочет ехать к нам к Москве креститься, а на Тобольской де ему ехать далече; и нам бы его князя Григория пожаловати, велети его отпустить для крещения к Москве через Камень на Вымь. И как к вам ся наша грамота придет, а князь Григорей будет поедет к нам к Москве, и вы б его отпустили с Березова прямою дорогою на Вымь; а как его отпустите, и вы б о том отписали к нам к Москве и велели отписку отдать в Казанском и в Мещерском дворце дьяком нашим Афанасию Власьеву да Нечаю Федорову. Писан на Москве лета 7111-го ноября в... день.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 16, л. 132 об., № 19.

31. *1603 г. января 25. — Наказ мангазейскому воеводе Федору Булгакову и голове Никифору Ельчанинову.*

1. Лета 7111-го году генваря в 25 день государь царь и великий князь Борис Федорович всеа Русии велел Федору Юрьевичу Булгакову да голове Никифору Григорьевичу Ельчанинову быти на своей государеве службе в Мангазее, а князю Василью Масальскому и Савлуку Пушкину велено ехать к Москве. А служивых людей велено послать в Мангазею прежним служивым людем на перемену, выбрав из тобольских литвы и казаков и стрельцов с атаманом 50-т человек да с Березова с атаманом казаков 50-т человек. А государево царево и великого князя Бориса

Федоровича всеа Русии денежное и хлебное жалованье велено им дать из 111-й год в Тобольском и на Березове оклад их сполна, да государевых хлебных запасов велено послать сверх служивых людей окладу на запас для тамошних мангазейских расходов против 110-го году 100 четвертей муки ржаной, 20 четвертей круп, 20 четвертей толокна, 30 пуд соли да зелья 10 пуд, а свинцу тож. Да с Москвы посланы в Мангазею церковное строение, образы и книги и колокола. А для мангазейского ходу из Ярославля да с Вологды послано на Верхотурье судовые снасти 15 шеем толстых пеньковых варовых, 15 веревок кубасных, 15 завозеп, 30 дрог, 150 веревок па ножки, 30 пайн, 30 поясов, 15 возжей, 30 скут, 15 веревок крут парусов обшивать, 3000 аршин холстов на парусы, 20 якорей двоерогих. Да для мангазейского ж ходу князю Матвею Львову да голове Угрюму Новосильцеву велено сделать па Верхотурье 15 судов морских, в которых судех итти в Мангазею. И Федору Юрьевичу и голове Никифору Григорьевичу ехати на Верхотурье однолично, не мешкая нигде ни часу. А приехав на Верхотурье, взять им у воевод у князя Андрея Васильевича Голицына да у Никиты Пушкина да у дьяка у Василья Панова мангазейские суды, в которых итти в Мангазею, со всею судовою снастью и с якори и церковное строенье: образы, книги и колокола по сему государеву цареву и великого князя Бориса Федоровича всеа Русии наказу. А как лед вскроетца, и Федору и Никифору вместе с тобольскими воеводами итти в Тобольской. А пришед, взяти у воеводы у князя Андрея ж Васильевича и у Никиты Пушкина и у дьяка Василья Панова в Мангазею, прежним служивым людем на перемену, тобольских служивых людей: литву и казаков и стрельцов с атаманом 50 человек. А государево им денежное и хлебное годовое жалованье на 111-й год велено дать для мангазейские службы оклады их сполна. Да хлебных запасов взяти сверх служивых людей окладу на запас для тамошних мангазейских расходов 100 четвертей муки ржаной, 20-ть четвертей круп, 20-ть четвертей толокна, 30-ть пуд соли, да зелья взяти 10-ть пуд, а свинцу тож. А взяв служивых людей по имянной росписи и хлебные запасы и соль и зелье и свинец и церковное строенье, образы и книги и колокола, и устроя в мангазейские суды, итти ис Тобольска на Березов не мешкая. А пришед па Березов, потому ж взяти у воевод у князя Федора у Татева да у головы Юрья Кобякова березовских служивых людей с атаманом лутчих 50-т человек казаков; а государево им жалованье велено дать для мангазейской службы оклады их сполна; да вожей взяти из приезжих и с торговых и с тутошних из березовских из жилецких людей человек 3-х или 4-х или сколько человек будет пригоже, смотря по тамошнему делу, добрых, которые б мангазейский ход знали. Да взяти на Березове ж в Мангазею на житье попа Якова с женою и с детьми, которой прислан па Березов с Москвы, а государево ему жалованье, руги, денги и хлеб, велено дать оклад ево сполна. А взяв служивых людей и вожеи и попа и росписав людей на суды и устроить со всем, итти с Березова в Мангазею бережно и усторожливо, и ставитись по станом в крепких и в тихих местех, чтоб судов волнами не разбило; и про остяков и про самоедь проведывать: нет ли в них какие шатости, измены и воровства, чтоб, собрався, пришед, над государевыми служивыми людьми и над хлебными запасы которые порухи не учинили. А пришед в Мангазею, взяти у князя Василья Мосальского да у Савлука Пушкина государев наказ и грамоты о всяких государевых делех и острожные ключи и острог и на остроге наряд и в казне зелье и свинец и всякие пушечные запасы и в житницах хлебной запас и книги подлинные приходу и расходу деньгами и государеве ясачной и поминочной казне, да по тем книгам в приходе в деньгах и в хлебных запасех и в ясачной во всякой государевой казне счести подлинно с тех мест, как им велено быти в Мангазее; да будет что на князя Василья и на Савлука государевых хлебных запасов и денег и иные государевы казны взочтут, и им тот хлеб и деньги и всякую государеву казну велеть на князе Василье и на

Савлуке доправити. И отпустить князя Василья и Савлука и служивых людей, которые годовали, тобольских и березовских из Мангазеи, дав им суды со всякою судовою снастью. А что у них собрано государевы ясачные и десятинные казны и всякие мяхкие рухляди, и тое государеву казну всее отпустити ко государю царю и великому князю Борису Федоровичу всеа Русии к Москве со князем Васильем и Савлуком вместе. А напред всего велети быти в съезжей избе служивым и жилецким людем и приезжим торговым всяким людем и сказати им государево царево и великого князя Бориса Федоровича всеа Русии жалованное слово, что царское величество их пожаловал, велел их беречь, и они б жилецкие и торговые люди царским осмотреньем и жалованьем по ево царскому милосердию жили безо всякие нужи и торговали; а будет им служивым и торговым людем князь Василей и Савлук в чем какую обиду или продажу и насильство какое учинили и посулы имали, и они б на них били челом, а они по царскому повеленью во всем им управу учинят; да хто на кого учнет бити челом в их насильстве и в продажах и в посулех или в каких обидах, и им в том велети приносити к себе челобитные и давать суд и управа чинить и по государеву цареву и великого князя Бориса Федоровича всеа Русии указу безволокитно. А после русских людей велети им быти у себя мангазейским и енисейским князьком и самоеди лутчим людем из волостей и из юртов, по скольку человек пригож, а самим в съезжей избе быти в цветном платье и сказати им по тому ж государево царево и великого князя Бориса Федоровича всеа Русии самодержца и его царского величества сына великого государя царевича князя Федора Борисовича всеа Русии жалованное слово, что царское величество их пожаловали, велели их во всем беречи, чтоб им насильства и убытка и продажи никоторые ни от кого не было, и ясаков лишних имать с них и вновь прибавливать не велел, и велел их во всем беречь и льготить, а велел ясаки имать рядовые, как кому мочно заплатити, смотря по вотчинам и по промыслам. А на ково будет ясак положен тяжел, не в силу, и впредь того ясаку платить немочно, и государь царь и великий княз Борис Федорович всеа Русии самодержец велели того сыскать; да будет ясак положен не по делу и в том им тягость, и царское величество, смотря по тамошнему делу, велел им в ясакех льготить; а с бедных людей, кому платить ясаков не мочно, по сыску имать ясаков не велел, чтоб им мангазейским и енисейским всяким людем ни в чем нужи не быю. И они б мангазейская и енисейская самоедь всякие люди жили в царском жалованье, в покое и в тишине, безо всякого сумненья, и промыслы всякими промышляли, и государю царю и великому князю Борису Федоровичу всеа Русии самодержцу и его царского величества сыну великому государю царевичу князю Федору Борисовичу всеа Русии служили и прямили во всем, по своей шерти дали, и над воры воровства и шатости и всякого лихово умышленья смотрели и берегли накрепко, и братью и дядью и племенников и друзей отовсюды призывали и юрты и волости полнили, а царское величество во всем их пожалует своим царским жалованьем и льготу им дать велит; а в которых будет самоеди и в остяках почают шатости и воровства, и они б воров не укрывали и не таили, и тем государю службу свою и правду объявили; и тех воров, в которых почают шатости и воровства, сказывали про них, и, имая, приводили к ним. А кто на ково скажет какое воровство или измену и сыщетца допряма, и государь тех людей велит пожаловать своим царским жалованьем и животы их и вотчины подает им, кто на кого какую измену и воровство доведет. А будет князь Васильевым и Савлуковым небереженьем кто из служивых людей ково нибудь из них в юртех и в волостях приезжая изобидели, и князь Василей и Савлук про то не сыскивали и обороны им не давали, или сами они князь Василей и Савлук насильство и продажу чинили, или ясак имали не по государеву наказу, и государь царь и великий князь Борис Федорович всеа Русии их мангазейскую самоедь пожаловал: хто их чем изобидел и насильство и продажу какую

чинили, и посулы и поминки имали, давать суд и расправу и оборонь учинить велел. Да будет мангазейская самоедь на князя Василья и на Савлука или на кого нибудь, на служивых и на торговых людей, в их насильствах и в продажах или в каких обидах учнут бити челом, и им в том во всем давати суд и расправа чинить по государеву цареву и великого князя Бориса Федоровича всеа Русии указу, чтоб нихто никаков человек и мангазейские самоедь ни в чем изобижен ни от ково не был. А сказав мангазейским князьком и самоеди государево жалованное слово, и во всем по их челобитью указ учинить, сказати им государево жалованье, что государь царь и великий князь Борис Федорович всеа Русии самодержец и его царского величества сын великий государь царевич князь Федор Борисович всеа Русии их пожаловали, велели их накормить и напоить; и сказав им, велеть их накормить и напоити довольно и отпустить их по домом. И, будучи в Мангазее, над служивыми людьми того смотрети и беречи накрепко, чтоб оне не воровали и не грабили и мангазейской самоеди и торговым людем насильства и продажи и убытков не чинили, и зернью не играли; а кто ково чем изобидит, и им в том расправа чинить, сыскав накрепко, чтоб никому ни в чем обиды и насильства не было. И во всем мангазейской и енисейской самоеди ласка и привет держать, и приводить их ко государеву жалованью ласкою, и ни в чем их не жесточить, чтоб их не отогнать. И шатости и воровства велеть проведывать накрепко, и говорить лутчим людем, чтоб они по ворех не покрывали: в ком узнают какую шатость и воровство, и они б, имая, приводили к ним, а царское величество за тое их службу пожалует. И во всем Федору и Никифору делати по государеву цареву и великого князя Бориса Федоровича всеа Русии наказу и смотря по тамошнему делу. И искати государю царю и великому князю Борису Федоровичу всеа Русии в мангазейских и в енисейских доходех прибыли, и новых мест розыскивать, чтоб прибыль учинить, а земле тягости не навести, и впредь бы та прибыль была стоятельна и прочна и налогов бы и продаж не было. И меж служивых и всяких людей расправа чинить безволокитно по государеву цареву и великого князя Бориса Федоровича всеа Русии наказу и береженье держать во всем, чтоб никому ни от ково насильства и продажи не было. И всякие дела делати и беречи государевых дел во всем по государевым по прежним и по нынешним наказом и по грамотам и смотря по тамошнему делу, как государеву делу прибыльнее. И прежних им государевых наказов и грамот высмотрить; да что в прежних наказех написано к укрепленью и к доброй прибыли и к береженью, и те дела делать по прежним государевым наказом и смотря по тамошнему делу. А которых государевых дел князь Василей и Савлук по государеву цареву и великого князя Бориса Федоровича всеа Русии указу по их приезд делать не успели, и им те государевы дела делать по государеву указу и по грамотам, каковы ко князю Василью и к Савлуку присыланы, смотря по тамошнему делу, как будет пригоже и государеву делу прибыльнее. А стоять им, приехав, в Мангазейском остроге на прежних дворех, на которых дворех стояли князь Василей и Савлук. И береженье в остроге держати великое, чтоб по сторожам и по караулом были сторожи крепкие; и на караулех и на сторожах велеть быть литве и казаком и стрельцом. И про мангазейскую и про енисейскую самоядь велеть проведывать накрепко, не чаят ли от них к Мангазейскому острогу приходу, чтоб пришед, над острогом собрався, какие порухи не учинили. И без закладов бы без лутчих людей в остроге не было. А которая будет самоедь мангазейская и енисейская государю непослушны и ясак с себя не дают и в острог не приезжают, и на тое самоедь посылать посылку атаманов и литву и казаков и стрельцов, сколько человек пригоже и смотря по тамошнему делу, а велеть их воевать, и жены и дети имать в полон, чтоб их повоевать и пострашать или б у них заклады крепкие поимать, чтоб их привести под государеву царскую высокую руку и ясаки с них имати сполна. А о всяких о тамошних о ман-

газейских делех и о людех и о хлебных запасех или о каких указех отписывати в Тобольской к воеводе ко князю Ондрею Васильевичу Голицыну, а у него государев указ подлинной. А что у князя Василья и у Савлука в государеве казне денег и в житницах хлебных запасов и на остроге наряду и в казне зелья и свинцу и государевых всяких дел возмут, и о том о всем отписати и роспись прислать в Тоболеск к воеводе ко князю Ондрею Васильевичу Голицыну, а он учнет против того писать и росписи присылать ко государю царю и великому князю Борису Федоровичу всеа Русии к Москве.

На обороте: Дьяк Нечай Федоров.

2. Да память Федору Юрьевичу и голове Никифору Григорьевичу. Преж сего приходили в Мангазею и в Енисею с Руси многие торговые люди: пермичи и вятчане и вымичи и пустоозерцы и устюжаня и усольцы и важеня и каргопольцы и двиняне и вологжане и всех московских городов торговые люди со всякими товары и торговали во всей Мангазее и Енисее, ездя по городком и по волостям и по юртом и по зимовьям и по лесом, с мангазейскою и с енисейскою самоедью; а меняли свои товары на соболи и на бобры и на лисицы и на всякую мяхкую рухлядь на лутчую; а исторговався ездили на Русь, а государевы десятинные пошлины с своих товаров не платили. И ныне государь царь и великий князь Борис Федоровичь всеа Русии указал в Мангазее для торговых людей поставить гостиной двор и велел всяким торговым людем, приезжая, торговати в Мангазее с самоедью и десятинную пошлину платить на гостином дворе. А по городком и по волостем и по юртом и по лесом и по зимовьям торговать не велел. И Федору и Микифору, приехав в Мангазею, велети служивыми и торговыми приезжими всякими людьми поставити гостин двор и заказ учинить крепкой, чтоб вперед всякие торговые люди ставились и торговали на гостине дворе. Да которые торговые люди учнут приезжати с Руси со всякими товары в Мангазею, и у тех торговых людей те их товары велеть переписывать, а, переписывая те их товары, велеть им торговати с мангазейскою самоедью на гостином дворе; а как они товары свои испродадут или на соболи и на лисицы и на бобры и на всякую мяхкую рухлядь променяют, и им с тех торговых людей велети государеву десятинную пошлину збирати по государеву указу, а тесноты и продажи в том не чинить. А что с ково десятинные пошлины возьмут, и им тое десятинную пошлину велети писати в книги подлинно порознь, по статьям, и тое десятинную пошлину держати в государеве казне за своими печатми. А которые торговые люди исторговався из Мангазеи поедут на Русь или в сибирские городы, а в Мангазее десятинная пошлина с них взята, и им у них тое всякую мяхкую рухлядь переписывая, отпускати их к себе и давати им пропускные грамоты, чтоб с них другие десятинные пошлины по городам не имали и насильства им никакого не чинили; и велети о том в проезжих грамотах писати имянно: сколько с какова товару в Мангазее десятинные пошлины возьмут. А однолично Федору и Никифору в Мангазее и в Енисее о том заповедь учинити крепкую, чтоб торговые люди мимо гостина двора по городком и по волостем не торговали. А которые торговые люди учнут торговать мимо гостина двора, и им, те их товары описывая, велети имати на государя царя и великого князя Бориса Федоровича всеа Русии. А сколько у кого каких товаров в цене на государя отпишут, и о том отписывати ко государю царю и великому князю Борису Федоровичу всеа Русии к Москве.

На обороте: Дьяк Нечай Федоров.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 21, лл. 84—89 об. и 90—91 об., №№ 4 и 6. Напеч. в РИБ, II, стб. 833—845, № 188, II.

32. *1603 г. февраля 27.— Грамота в Туринск голове Ивану Лихареву о переводе крестьян с Пелыма и Тары для устройства их на пашню в Туринском остроге.*

От царя и великого князя Бориса Федоровича всеа Русии в Сибирь, в новой Туринской острог, голове Ивану Федоровичу Лихареву. По нашему указу устроено было на Пелыми для нашие пашни пашенных крестьян пермичь 20-ть человек, да углечан 30-ть человек да на Таре казанских лаишевских и тетюских ведснцов пашенных крестьян 25-ть человек да ссылочных людей 38 человек, и на Пелыми и на Таре пашня худа, и хлеб не родится, и пашут пашню на Пелыми в розных местех, а на Таре у пашенных крестьян лошади падут ежегод многие и пашни пахать не на чем. И мы ныне с Пелыми пермичь 20-ть человек и с Тары казанских и лаишевских и тетюских веденцов 25-ть человек с женами с детьми и со всеми их животы велели перевести для пашни в Туринской острог. А на подмогу им и на дворное строение послано на Пелым и на Тару по рублю человеку. И как к тебе ся наша грамота придет, а с Пелыми и с Тары тех пашенных крестьян в Туринской острог пришлют, и ты б велел поставити на время на дворех у туринских у пашенных крестьян и у ямских охотников, и под дворы им место дал по нашему указу, где пригож, и велел им дворы себе ставить и слободы устроити, и на пашню им земли и сенных покосов и всяких угодий дал по тому ж против туринских крестьян, и семена им ржаные и яровые и хлеба на ежу дал из наших житниц, смотря по пашне и по их нужам. А как тех пашенных крестьян с Пелыми и с Тары в Туринской острог пришлют, и как им под дворы места роздашь, и в которых местах и как их пашнею и сенными покосы и всякими угодьями устроишь, и ты б об них отписал к нам к Москве с иными нашими делы и велел отписку отдать в приказе Казанского и Мещерского дворца дьяком нашим Офонасию Власьеву да Нечаю Федорову. Писан на Москве лета 7111-го февраля в 27 день.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 5, л. 81 и 81 об., № 74.

33. *1603 г. не ранее марта 16.— Отписка тюменского воеводы князя Александра Приимкова-Ростовского туринскому голове Федору Фофанову о полученных вестях про Кучумовых детей.*

Господину Федору Костянтиновичу Александр Приимков Ростовской да Федор Пушкин челом бьют. Нынешнего, господине, 111-году декабря в 18 числе посылали мы с Тюмени на Уфу для государева царева и великого князя Бориса Федоровича всея Русии дела тюменского ясачного татарина Бачкурские волости Кашмаиданка Янсубина; и нынешнего ж, господине, 111-го году марта в 16 числе тюменской Бачкурские волости ясачной татарин Кошмаиданко Янсубин с Уфы на Тюмень пришел и сказал нам в распросе: как де он Кошмаиданко шел с Тюмени на Уфу и слышал де он Кошмаиданко в Уфинском уезде Катайские волости у Байгулата абыза да Уфинского же уезда в Айской волости у Ильчибая: царевичи де Алей с братьею живут порознь, а Алей де кочует от Тюмени за 7 дней на боровых на 5 озерах, а с ними де только сырянцы одне; а двор де Алеев, лутчие люди, с Канаем да с Азимом с царевичи; а Канай де живет на озере на Нарыме; а промеж де Канаем и Алеем езду конем 5 дней; а двор де Алеев, лутчие люди, Алея царем не хотят звать, потому что мати его роду невеликого, а хотят де назвать царем Каная. Да слышал де он Кошмаиданко в Уфинском же уезде в Челчеуцкой волости у ясачного татарина у Игидевлета: приходили де от Алея царевича... 10 человек сырянцев, Козя Дербашь, да Карагузя да Емангул с товарищи, проведывать вестей про царевичев и про цариц: едут ли они с Москвы. Да слышал де он Кошмаиданко от Байгулата же абыза: была де у них в Уфинском уезде та весть, что было Алею с братьею итти под государевы городы под Тюмень и под Тобольск войною в житиво в нынешнем 111-м году или на волости по первой пороше, а думали де до тех мест, докуды не слышали про цариц и про царевичев, что едут с Москвы. Да тот же, господине, Кошмаиданко Янсубин сказывал нам, что однонечно Алей с братьею будут под Тюмень и под Тобольск под городы в житиво войною; а будет под городы

не пойдет, и они де будут на волости на них на ясашных татар, а подлинно де будут войною. И мы, господине, того Кошмаиданка спрашивали: в тюменских и в тобольских в юртовских в ясачных татарех шатости какие нет ли; и Кошмаиданко Янсубин нам сказал: в тюменских де в юртовских и в ясачных татарех шатости не чают, а чают де шатости в тобольских в юртовских татарех в князе Янбулате да в Кызылбае большем, да в Байбахте. И тебе б, господине, те вести были ведомы.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 5, л. 26 и 26 об., № 21.

34. *1603 г. не ранее июня 10.— Отписка тюменского головы Алексея Безобразова туринскому голове Ивану Лихареву о полученных вестях про ногайцев.*

Господину Ивану Федоровичу Алексей Безобразов бьет челом. Нынешнего, господине, 111-го году июня в 10 день приехали на Тюмень ясачные татарове Кохдеман Устанышев да Кошмоидан Янсубин, Бачкурские волости, да Исенбахт Епусубин да Истемир Кеняулов, Ядринские волости, а сказывали вести: зимовал де нагайской мурза Урус Алтыулова улусу на Обуге реке близко Кучумова сына Алея с братьею, а с ним 300 человек нагайских людей; а перешел тот мурза на Ую реку сее весны, от Тобола реки в днищо вверх по Уе реке; а слышали де они про то Уфинского уезду Цельдсутские деревни от башкирца от зятя своего от Башутура Енерова; однолично де ему приходить тому мурзе войною ко государевым городом и на волости; а тово оне не ведают, к которым ему городом приходить, и на которые волости и о которую пору. Да сказывали, господине, июня в 10 день тюменские ямщики Васька Иванов, да Олешка Трофимов да Первушка Иванов с товарищи, которые провожали князя Александра Приимкова да Федора Пушкина: как де они поплыли с Епанчина на Тюмень, и плыли де с Епанчина день и доплыли до первого ельника, а горою де до тех мест с Епанчина днища нет, и пристали де они к берегу, и пошли лык драть и увидели, курится дым, а около де огню лежат человек с 20-ть да лошадей де ходит с 20-ть же и больше оседланы, а на седлах на всех саадаки, а того неведомо, какие то люди оно; и они де, пловучи после того, спрашивали у юртовских татар, какие это люди стоят; и татарове де им сказывали, не ведаем де мы про то, какие то люди; а татар де туго юртовских нет, кешто де будет идут бухарцы или казанские татарове. И тебе бы, господине, про то было ведомо. Да послал я, господине, к государю к Москве ямского старосту Бахлынка Афанасьева с отпискою; и тебе бы, господине, отпустить его неиздержа. Да што, господине, у тебя поновится вестей, и ты б, господине, о том на Тюмень писал. Да написано, господине, у меня в государеве цареве и великого князя Бориса Федоровича всеа Русии в наказе: велено тебе у меня взять 5-ть ведер вина горячего; и ты бы, господине, по вино прислал на Тюмень с бочкою; а я тебе не послал вина за бочкою.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 5, лл. 36—37, № 29.

35. *1603 г. не ранее июля 30.— Отписка тюменского головы Алексея Безобразова туринскому голове Ивану Лихареву о намерении царевича Алея итти на Тюмень.*

Господину Ивану Федоровичу Алексей Безобразов челом бьет. Нынешнего, господине, 111-го году июля в 18 день посылал я с Тюмени в проезжую станицу литвина Иванка Семенова с товарищи 10 человек, до Уи реки и за Ую реку вверх по речке по Тузаку, где побили Верхотурского уезда Терсятской волости да Тюменского уезда Келдемановых детей и племянников нагайские люди; и не доехали они до Уи реки версты с 3 или с 4 и приехали на речку на Чарлак июля в 30 день, ажно стоит сторожею Алея царевича 6 человек; и станичники Иванко Семенов с товарищи на них напустили и взяли туто языка татарина Бектемира

Уфинского уезда и татарина Сырянские волости, и татарин Бектемир в распросе и с пытки сказывал: стояло де нас на сторожи от Алея царевича 6 человек, а Алей де за ними в 3-х днищах, а с Алеем де 400 человек, да Урудей мурза пришел к нему к Алею, а с ним 3 человека нагайских людей, да из Уфинского уезда татар с ним 400 человек, и всево де воинских людей с Алеем 1100 человек, а Алей де будет на речку на Чарлаку августа в 1 день, от Тюмени четыре днища; а идет де Алей одноконно к Тюмени. И тебе б, господине, те вести были ведомы. А кош де Алей оставливает меж Ишима речки и Тобола.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 5, л. 37, № 30.

36. *1603 г. не ранее сентября 10. — Отписка туринского головы Ивана Лихарева тюменскому голове Алексею Безобразову о полученных от последнего вестях про царевича Алея и его намерении воевать Тюменский и Туринский уезды и пр.*

Господину Алексею Ивановичу Иван Лихарев челом бьет. В нынешнем, господине, во 112-м году сентября в 10 день писал ты, господине, ко мне с тюменским с ясашным татарином с Иванчою Турубаевым, что в нынешнем де во 112-м году сентября в 7 день прибежал де из полону на Тюмень от Алея царевича и с братьею тюменской отставленой ямщик Петрушка Полослат, и в распросе он, господине, тебе сказал, что однокопешно де Алей царевич будет с братьею и со всем войском войною на Тюмень, воевати Тюменские уезды, а воевав де Тюменские уезды, итти де ему к новому к Туринскому острогу; и мне бы те вести были ведомы. Да ты ж, господине, ко мне писал, что яз к тебе преж сего на Тюмень писал о людях, чтобы тебе прислать с Тюмени в Туринской острог для государева царева и великого князя Бориса Федоровича всеа Русии имени служилых людей на время 10 человек, чтобы государеву цареву и великого князя Бориса Федоровича всеа Русии имени над острогом от воинских людей приходу порухи не было, ни над хлебом; и ты, господине, ко мне отписал, что в Туринской острог из Тюмени послать некого; а велел ты, господине, отписати о людех в Тоболеск; а яз о том ко государю царю и великому князю Борису Федоровичу всеа Русии писал, что яз к тебе на Тюмень о 10-ти человеках писал; да послал яз, господине, в Тоболеск для государева дела грамоту ко князю Ондрею Васильевичу; и тебе бы, господине, те грамоты не задержать и послать в Тоболеск.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 5, лл. 83 об. — 84, № 79.

7. *1603 г. не ранее октября 11. — Отписка тюменского воеводы князя Александра Приимкова-Ростовского и головы Федора Пушкина туринскому голове Федору Фофанову о вестях про царевичей Алея, Кедяя и др.*

Господину Федору Костянтиновичу Олександр Приимков Ростовской да Федор Пушкин челом бьют. В прошлом, господине, 111-м году августа в четвертом надесять числе, по государеве цареве и великого князя Бориса Федоровича всеа Русии грамоте, отпустили мы к царевичу к Алею татарина его Чирючея назад, а с ним в провожатых послали мы и для вестей проведать конных казаков Степанка Дрогалева, да Игнаска новокрещена, да служивого татарина Ангула. И сто, господине, двенадцатого году октября в 11 день приехал к нам на Тюмень от царевича от Алея конной казак Степанко Дрогалев с товарищи и сказал нам в распросе: приехал де он к царевичу к Алею с Тюмени в семой день, а наехал де он Степанко царевича Алея за Тоболом рекою на Емесбалак озере, а царевич де Алей в то время был в екопе с братьею и с людьми, и до его де Степанкова приезду Алей царевич людей своих на промыслы не распущал; а как де Степанко Дрогалев к царевичу ко Алею с его с татарином с Чирючеем приехал, и царевич де Алей людей своих по

промыслам распустил; а как де царевич Алей был в скопе до его Степанкова приезду, и хотел де быть под Тюмень город Кедяй царевич, а с ним было де быть 100 человек, а проведать де было ему про посла своего Чирючея, и царевич де Алей Кедяя брата своего унимал, а говорил де брату своему Кедяю Алей царевич: хоти де послать проведать про посланника своего про Чирючея, ино де послать человека с 2 или с 3. Да Степанко ж нам Дюгалев в распросе сказал: сказывал де ему Степанку Апас аталык, что в царевичах шатость великая, а ждут де от государя царевича Кансувара да и цариц, а как де их государь пожалует, отошлет к ним царевича Кансувара да и цариц, и царевич де Алей с братьею хочет отъехать от царя дале, да и на государевы де ясашные волости и под городы под Тюмень и под Тоболеск хочет быть войною сеи осени по первой пороше или весною в сев в яровой или в снол. И тебе б, господине, те вести были ведомы. Да и на Верхотурье бы, господине, тебе те вести отписать. А буде, господине, у тебя какие вести будут, и тебе бы к нам отписать.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 5, лл. 26 об.—27 об., № 22.

38. *1603 г. октября 15.—Грамота на Тюмень голове Алексею Безобразову о принятии мер на случай нападения на Тюмень царевича Алея.*

От царя и великого князя Бориса Федоровича всеа Русии в Сибирь, в Тюменской город, голове Алексею Ивановичу Безобразову. Писал еси к нам, что в прошлом в 111-м году июля в 22 день приехал на Тюмень Верхотурского уезда Терсяцкие волости татарин Колодат, а в распросе сказывал: ходили де Верхотурского уезда Терсяцкие волости татаровя Менлыбай с товарищ да Тюменского уезда Башкурские волости Келдемановы дети и племянники за нагайскими людьми всего 20-ть человек и за Уей рекою, по речке по Тузаку вверх с днище, стояли они на станех, и тут де на них пришли нагайские люди, а с нагайскими людьми Уфинского уезда Аиские волости татаровя, и с ними бились, и тот де Колодат Дингузя от них побежал; и ты де посылал в проезжую станицу литвина Иванка Семенова с товарищи, 10-ть человек, и велел проведать про царевича Алея с братьею и про нагайского Уруса мурзу Алтыулова улуса, где они кочуют. Да татарин же де Колодат в распросе сказал: ездил де брат его Менгуза зверовать и съехался де с Алеевыми татары; а сказывали де ему те татаровя, что пришел к царевичу к Алею Урус мурза нагайской, а с ним 500-т человек, а хочет с Алеем приходить за один под наши под сибирские города и на ясашные волости войною; и нам бы тебе о том указ свой учинить. И как к тебе ся наша грамота придет, и ты б на Тюмени жил с великим береженьем, и на городе б и на остроге были сторожи крепкие днем и ночью безпрестанно, и в отъезжие станицы и на караулы посылал наших служивых людей часто, а велел им в станицах ездити и на караулах стояти бережно и осторожливо, чтоб Алей царевич, собрався, над городом и над острогом какого дурна не учинил и наших ясачных волостей не повоевал. Писан на Москве лета 7112-го октября в 15 день.

На обороте: Дьяк Нечай Федоров.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 8, лл. 26—27, № 18.

Напеч. в РИБ, II, стб. 77—78, № 79.

39. *1604 г. февраля 26.—Грамота на Верхотурье воеводе Неудаче Плещееву и голове Матвею Хлопову о выдаче черному попу Ионе леса и теса для окончания постройки Никольского верхотурского монастыря.*

От царя и великого князя Бориса Федоровича всеа Русии на Верхотурье Неудаче Остафьевичу Плещееву да голове Матвею Степановичу Хлопову. Бил нам челом чер-

пой поп Иона а сказал: обетен де он устроить на Верхотурье монастырь во имя святого чудотворца Николы и святых страстотерпец Бориса и Глеба; и он де по своему обещанию, заняв у вас нашего лесу, храмы воздвигнул, а на совершенье де ему лесу и тесу взяти негде; и вы де без нашего указу на совершение лесу бревеп и тесу не дадите и того на нем заемного лесу, который у вас имал он на храмы, правите; и нам бы его пожаловати, того заемного лесу имати на нем не велети и велети ему на совершенье храмов и на кельи и на ограды бревен и тесу дати. И будет так, как нам черный поп Иона бил челом, и как к вам ся наша грамота придет, и вы б на черном попе на Ионе того заемного [лесу и тесу] правити не велели, и лесу ему и тесу на церковное [совершенье и на монастырское строенье] велели дати. [Писано на Москве лета 7112-го февраля] в 26 день.

На обороте: На Верхотурье Неудаче Остафьевичу Плещееву да Матвею Степановичю Хлопову. — 112-го году июля в 19 день привез государеву грамоту... стрелец Степанко Карпов.

ИИ АН СССР, по описи 1929 г., № 175. Ветха. Недостающие места, поставленные в прямых скобках, восстановлены по списку XVIII в. в ААН, ф. 21, оп. 4, № 2, л. 74 и 74 об., № 50.

Напеч. в АИ, II, стр. 59, № 48.

40. *1604 г. марта 18.—Грамота на Верхотурье воеводе Неудаче Плещееву и голове Матвею Хлопову о посылке „церковного строения" для Никольского монастыря, о назначении руги попу и дьячку и о даче взамен ее пашни и угодий.*

От царя и великого князя Бориса Федоровича всеа Русии на Верхотурье Неудаче Остафьевичу Плещееву да голове Матвею Стефановичу Хлопову. Бил нам челом Верхотурского города черный поп Иона а сказал: в прошлом де во 112-м году по нашему указу воздвигнул он на Верхотурье храм во имя Николы чудотворца да предел страстотерпец христовых Бориса и Глеба, и образ де местной Николы чудотворца выменил он собою, и тот храм освящал, и на освященье де дали вы ему взаем до нашего указу 12-т гривенок с полугривенкою воску, да на храм на кровлю 400-та гвоздей прибойных, а иного де церковного строения у тех храмов, образов и книг и сосудов церковных и ладану и темьяну и воску и вина церковного и колоколов и дьячка и пономаря нет, да и прокормитись де ему у нашего богомолья нечем, а нашего де ему денежного и хлебного жалованья не дают ничего; и нам бы его пожаловати, велети к тем храмом церковное строение, образы и книги и колокола, дати, и велети его и дьячка и пономаря устроити нашим денежным и хлебным жалованьем, и того заемного воску и гвоздей, что ему дано в займы, имати на нем не велети. И как к вам ся наша грамота придет, и вы б на черном попе на Ионе воску и гвоздья, что ему дано, имати не велели. А церковного дьячка велели б есте прибрати. А нашего жалованья велели ему давати по 3 рубли на год. А черному попу Ионе дано нашего жалованья руги 6 рублев на Москве. А за хлебное жалованье попа и дьячка устроили б есте пашнею и сенными покосы и всякими угодьи, как мочно прокормится. А церковного строения послано с Москвы с черным попом с Ионою: образ местной Бориса и Глеба, да образ пречистыя богородицы Одигитрия, два образа пречистыя запрестольные, двои двери церковные, столпцы и с сенью, два деисуса, а в них по 7 икон, крест воздвизальный, да книг: евангелие с евангелисты, апостол, треодь цветная, псалтырь, часовник, служебник, печатные ахтаи на осмь гласов, минея общая письменная, 2 колокола, весу в них 2 пуда 22-ве гривенки, кадило, сосуды церковные: потырь и блюдца и лжица оловянные, звезда и копье медные, укропник медной, ризы, оплечье выбойка турская, стихарь, поручи, пояс, патрахиль, покровцы, да на два престола на индит и на срачицы 7 аршин выбойки, да 7 аршин крашенины тонкие, 14 аршин крашенины

толстые. И вы б то церковное строение велели поставить в церкви у Николы чудотворца да у Бориса и Глеба. А воску к тем храмом дали 15 гривенок, да ладану полторы гравенки, да вина церковного пол ведра, и того воску и ладану и вина, что велено вам оставить на Верхотурье. Да и впредь бы есте черному попу Ионе и церковному дьячку, кого приберете, нашего годового денежного жалованья велели давати по тому ж ежегодно безпереводно. А которого числа черной поп Иона с церковным строением на Верхотурье приедет, и кого имянем дьячка к тем храмом приберете, и что им дадите на прокормленье пашни и сенных покосов и всяких угодий, и в котором месте, и вы б о том подлинно отписали к нам к Москве и велели отписку отдати в приказе Казанского дворца дьяку нашему Нечаю Федорову. Писан на Москве лета 7113-го года марта в 18 день.

На обороте: Дьяк Нечай Федоров.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 2, лл. 76 об.—77 об., № 53.

41. *1604 г. мая 11.—Грамота в Туринск голове Ивану Лихареву о беспошлинной торговле в Туринске животиною, доставляемой татарами, черемисами и чувашами.*

От царя и великого князя Бориса Федоровича всеа Русии в Сибирь, в Туринской острог, голове Ивану Федоровичу Лихареву. Слух нас дошел, что ходят в Туринской острог казанские татаровя и черемиса и чуваша с животиною, с лошадьми и с коровами, и с них де емлют нашу десятую пошлину, и в том де им чинится продажа и убытки великие, и вперед в Туринской острог с животиною ходить не хотят. И мы казанских татар и черемису и чувашу, которые ходят в Туринской острог с животиной торговати, пожаловали, пошлины с животины имать не велели, а велели им торговать с животиной безпошлинно. И как к тебе ся наша грамота придет, а из Казани в Туринской острог казанские татаровя и черемиса и чуваша учнут приходить с животиной, с лошадьми и с коровами, торговати, и ты б с лошадей и с коров наши пошлины имать не велел, а велел им торговать безпошлинно. А сколько татаровя и черемиса и чуваша учнут лошадей и коров пригонять, и ты б о том отписывал к нам к Москве, а отписку велел отдавать в Казанском и в Мещерском дворце дьяку нашему Нечаю Федорову. Писан на Москве лета 7112-го маия в 11 день.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 5, л. 82 об., № 77.

42. *1604 г. не ранее октября 11.—Отписка в Москву верхотурского воеводы Неудачи Плещеева о намерении сосвинских вогулов разорить соляной промысел на Негле, о вестях, полученных от захваченного вогула Алпаутки, о недостатке служилых людей на Верхотурье и об общей „шатости“ вогулов Верхотурского уезда.*

Государю и царю и великому князю Борису Федоровичу всеа Русии холопи твои Неудачка Плещеев да Матюшка Хлопов челом бьют. В нынешнем, государь, во 113-м году октября в 11 день писал, государь, к нам холопем твоим с твоего государева соленого промысла с Неглы Ворошилко Власьев и присылал на Верхотурье кузнеца да пелымского новокрещена, что хотят прийти на Неглу с войною Верхотурского уезда сосвинские вагуличи Алпаутко да Тютрюм с товарищи и твой государев соляной промысел сжечь, а его Ворошилка с деловыми людьми побить; и нам бы холопем твоим послать для бережения к твоему государеву соляному промыслу людей; и мы холопи твои для бережения стрельцов 10-ть человек, десятника Матюшу Соловья с товарищи, с вогненным боем послали. Да Ворошилко ж после того писал к нам холопем твоим, что сосвинские вагуличи Алпаутко да Тютрюм

с товарищи с своею семьею 12-ть человек собрався, и пошли было с войною на твой государев соляной промысел и того Алпаутка с товарищи воротили разговоря с Усть-Ляли сосвинские ж вагуличи пелымского ясаку Бутум да Кумычь. И верхотурские, государь, стрельцы Матюша Соловей с товарищи с твоего государева соляного промысла на Верхотурье пришли, а привели поимав того вагулятина Алпаутка с собою. И мы холопи твои того Алпаутка распрашивали, и он в расспросе не сказал ничего. И мы холопи твои велели его пытать слегка, и тот Алпаутка сказал с пытки, что хотел твой государев соляной промысел сжечь, и Ворошилка с деловыми людьми побить, [а умышлял де] один он Алпаутко с детьми своими, а про иных вагуличь не сказал, кто с ним в воровстве был. Да он же Алпаутко сказал, что в 112-м году летом украли два сына его, пришед от себя из юрт, на Верхотурье с пашни две лошади, да сосвинской же вагулятин Чепка с детьми украл две ж лошади. Да тот же Алпаутко сказал с пытки, что в 112-м году весною присылали к ним на Сосву лялинские вагуличи вагулятина Ивашка Есанчина, чтоб они де сосвинские вагуличи пришли к нам на Лялю, а приходить было им с тагильскими вагуличи на усть-Ляли реки и громить твой государев пелымской хлеб, а русских людей побить, и к Верхотурью под город с войною приходить, и город сжечь, и по дорогам и на пашнях русских людей побивать было; и сосвинские де вагуличи в воровство к лялинским и к тагильским вагуличам не пошли. Да по твоему государеву указу послали мы холопи твои на Пелым на вагульской расход с верхотурским стрельцом Завьялком с Важениным вина 5 ведер, и тот Завьялко сказал нам холопем твоим, приехав с Пелыми, что взял он едучи Сосвою на Пелым в гребцы того ж Алпауткова сына, и едучи у него у Завьялка тот Алпаутков сын распрашивал, много ли на Верхотурье русских людей, и много ли у них доспехов и пансырей. И Алпаутко сказал, что велел сыну про русских людей и про доспехи проведать лялинской сотник Кушкина для того, что было им одноличнo тебе государю царю и великому князю Борису Федоровичу всеа Русии изменить и к Верхотурью с войною собрався приходить; а ныне, государь, тот лялинской сотник Кушкина в осень умер. И мы холопи твои вагулятина Алпаутка посадили в тюрьму до твоего государева указу. Да в прошлом, государь, в 112-м году после велика дня сбежал с Верхотурья новокрещен Офоня Камаев и жил у отца своего на Тагиле в юртах до осени и ел с вагуличи кобылятину, а крест в мошне на поясу держал, и женился на вагулке, и тот новокрещен Афоня ныне пойман и посажен в тюрьму до твоего государева указу. Да по твоему ж государеву указу велено нам холопем твоим призвать в город Верхотурского уезда сотников и лутчих вагуличь из волостей человека по 2 и по 3 или по сколько человек пригож, и как изо всех волостей и из юртов вагуличи в город придут, и нам бы холопем твоим сказати им, что многие вагуличи по волостям и по юртам и по дорогам русских людей побивают, и живот их емлют и лошади у города и с пашен де крадут, а они сотники и лутчие люди, приходя в город, твоим государевым воеводам не сказывали и по ворех покрывали; и они бы ныне сказали про воров имянно: сколь давно учали вагуличи воровать, русских людей побивать, и кого имянем убили, и сколько у кого животов взяли, и по чьему умышлению; да про которых воров скажут, и нам бы холопем твоим по тех воров послати с теми лутчими людьми детей боярских да с ними стрельцов, а велети бы, тех воров переимав, привести на Верхотурье, и как их на Верхотурье приведут, и нам бы холопем твоим распросить их подлинно: сколько они русских людей побили, и кого имянем и у кого сколько живота поимали, и по чьему умышлению воровали; а будет правды не скажут, и нам бы их велети пытать накрепко, чтоб прямых пущих воров сыскать, а сыскав про воровство подлинно, посажати б их в тюрьму да об них отписати нам холопем твоим и сыск прислать тебе государю царю и великому князю Борису Федоровичу всеа Русии к Москве и велети отдать в Казанском

и в Мещерском дворце твоему государеву дьяку Нечаю Федорову. А лутчим людям велено нам холопем твоим сказать твое государево царево и великого князя Бориса Федоровича всеа Русии жаловальное слово, чтоб они тебе государю служили и прямили, и по ворех не покрывали и, приходя в город, сказывали бы, и сказав им твое государево царево и великого князя Бориса Федоровича всеа Русии жалованье, накормя и напоя, отпустить бы их к себе по волостям и по юртам. А на Верхотурье, государь, твоих государевых служивых людей 2 сына боярских да атаман, Нинаем зовут, Стефанов, и он слеп и увечен, и твои государевы никоторые службы служить не может, да стрельцов 46 человек, и тех, государь, стрельцов оставается от посылок в городе и в остроге человек по 10 и по 15 и иногда оставается человеков с 5 или 6; и разослать с детьми боярскими стрельцов для такого твоего государева великого дела в Верхуторской уезд по волостям и по юртам по лутчих людей и воров сыскивать и приводить в город, ино, государь, в городе и в остроге людей не останется, и на городе и на остроге большего наряду нет, только на городе 8 пищалей затинных, и те, государь, не добры и стрелять из них нельзя. Да на городе ж, государь, нет вестового колокола. И о том о городовом и об острожном наряде и с вестовом колоколе наперед сего твои государевы воеводы и мы холопи твои писали к тебе ко государю царю и великому князю Борису Федоровичу всеа Русии к Москве многижда. И которых, государь, Верхотурского уезда ближних юртов и волостей сотников и лутчих людей на Верхотурье и призовем и мы холопи твои по твоему государеву указу о ворах у них распрашиваем накрепко, и кормим и поим их по твоему государеву указу довольно, и они, государь, нам холопем твоим про измену и на воров отнюдь не сказывают ничего, и воров и молодых людей, которые умышляют про измену, сходя межь собой во всяком воровстве, укрывают, потому что они сотники и лутчие люди сами воры и с ними воруют с одного, потому что им воровство по се пору пробывало. А сыскивать, государь, иным некем, что одноличено, государь, Верхотурского уезда в лялинских, и в сосвинских, и в тагильских и в туринских, в ближних и в дальних, в вагуличах шатость про измену есть, потому что про прежнее их воровство, как они по волостям и по юртам и по дорогам русских людей побивали и лошади крали, сыск ныне, а они многие вагуличи тем и промышляли и воровали. И о том, государь, нам холопем своим и о новокрещеном Офоньке и о вагуличах о Алпаутке и о Тютрюмке как укажешь.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 2, лл. 93 об.—96, № 67.

43. *1604 г. ноября 11.—Отписка в Москву верхотурских воевод Неудачи Плещеева и Матвея Хлопова об отсутствии на Верхотурье поличного железа, необходимого для посылки на соляной промысел на р. Негле, и затинных и малых пищалей, требуемых Ворошилкой Власьевым для защиты того же промысла от нападения вогулов.*

Государю царю и великому князю Борису Федоровичу всеа Русии холопи твои Неудачка Плещеев да Матюшка Хлопов челом бьют. В прошлом, государь, в 112-м году и в нынешнем в 113-м году писал, государь, к нам холопем твоим с Неглы от твоего государева соляного промысла соловар Ворошилко Власьев, что црен в варнице сгорел, и росол из него течет, и в том ставится твоему государеву соляному промыслу убыточно, и соли садится старого меньше. А поличного железа в твоей государевой казне на Верхотурье и на Негле нет, црена поделать нечем. И мы холопи твои о поличном железе и о наковальне писали к тебе к государю и великому князю Борису Федоровичу всеа Русии к Москве многижда, и твой государев указ о поличном железе и о наковальне на Верхотурье к нам холопем твоим 113-го году ноября 11 день не бывал. Да ноября ж в 11 день писал, государь, к нам холопем твоим из твоего государева соляного промысла Ворошилко Власьев, что

сказывают ему Ворошилку Пелымского уезда вагуличи, которые живут около твоего государева усолья, что Верхотурского, государь, уезда сосвинские вагуличи хотят прийти на твой государев соляной промысел с войною; а твоего государева соляного промысла на Негле людей мало, и наряду вогненного нет, и нам бы холопем твоим послать к твоему государеву промыслу для бережения их затинных пищалей с 2 или с 3 и малых пищалей, сколько пригож. И на Верхотурье, государь, в твоей государеве казне затинных и малых пищалей нет, и пушкарей и затинщиков, государь, на Верхотурье нет же; и только на городе 8 пищалей, и те недобры, и послать, государь, к твоему государеву соляному промыслу для бережелья вогненного боя нечего. И о том, государь, нам холопем своим как укажешь.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 2, л. 96 об., № 68.

44. *1604 г. декабря 5. — Грамота на Тюмень голове Алексею Безобразову о покупке в Казани, в виду падежа скота, 300 быков, о разрешении беспошлинной торговли лошадьми и другим скотом на Тюмени и о бесплатной раздаче быков бедным крестьянам.*

От царя и великого князя Бориса Федоровича всеа Русии в Сибирь, в Тюменской город, голове Алексею Ивановичу Безобразову. Писал еси к нам, что в прошлом в 112-м году по нашему указу не велено тюменским крестьяном пахати нашей пашни за беглых и за мертвых крестьян 10-ти десятин с полуосьминником, да ты сбавил по нашему ж указу 10-ть десятин, и убыло нашей десятинные пашни 20-ть десятин с полуосьминником; и у многих крестьян рожь не сеяна в прошлом в 111-м и в 112-м году и к нынешнему к 113-му году, иные есть крестьяне паренины не орали: пахати им не на чем; и у пашенных крестьян и у служилых людей и у ямщиков лошади выпали мало не все, и крестьянам нашей пашни и своей пахать не на чем; а у ясашных татар лошадей без нашего указу имати не смеешь; а крестьяне с Тюмени бегают, а жены свои и дети мечут на Тюмени, а животов после их не оставается ничего; и нам бы тебе о том велети указ свой учинити. И мы писали в Казань, а велели купить 300 быков и велели отослати в сибирские города для пашни. Да и с Казани ж и со всех поднизовных городов велели есмя татаром и черемисе итти в сибирские городы со всякой животиной; а в которой они город придут и учнут лошадей и всякую животину продавати, и мы с них пошлин никаких имать не велели. И как к тебе ся наша грамота придет, а из Казани боярин наш и воеводы князь Иван Голицын с товарищи быки пришлют, и ты б те быки роздал пашенным крестьянам и служилым людям, кому пригоже. А которые татаровя и всякие люди учнут в Тюмень пригонять на продажу лошади, и быки и всякую животину, и ты б у них лошади и всякую животину велел покупать; а пошлин с купцов и с продавцов имати никаких не велел, чтоб тем на Тюмени торговых людей с лошадьми и со всякой животиною приучити и лошадей бы и всякие животины для пашни накупити. А будет которым крестьяном быков купити нечем, и ты б покупал быки для нашей пашни на наши деньги и давал крестьяном. А сколько быков купишь и кому именно роздашь, и ты то велел записывать в книгу именно, да о том еси отписал к нам к Москве и велел отписку отдать в приказе Казанского и Мещерского дворца дьяку нашему Нечаю Федорову. А у пашни у сева и у жнитвы и у молотьбы для береженья велел быти и крестьян ведать и беретчи, и ото всякого их воровства унимати, и хлеб с житницы принимать и в расход давати Микифору Емельянову да с ним старостам и целовальником, сколькым человекам пригоже. И велел бы еси Микифору над крестьяны смотрети и беретчи накрепко, чтоб крестьяне нашу пашню упахивали намягко, и семяны не корыстовались и высевали сполна. Да и сам бы еси над Микифором и над старостами и над целовальниками смотрел и берег накрепко, чтоб они нашим хлебом не корыстовались, и приходные и расходные книги имал у них помесечно

я считал их накрепко, чтоб от них некоторыми делы нашему хлебу истери никоторые не было. А только Микифоровым небереженьем нашей пашне учинится какая поруха, а хлебу какая истеря, и ему за то от нас быти в великой опале. Писан па Москве лета 7113-го декабря в 5 день.

На обороте: Дьяк Нечай Федоров.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 8, лл. 28—29, № 20.

45. *1604 г. не ранее декабря 21.—Отписка в Москву верхотурского воеводы Неудачи Плещеева о полученных им вестях о намерении сосвинских вогулов сжечь соляной промысел на Негле.*

Государю царю и великому князю Борису Федоровичу всеа Русии холопи твои Неудачка Плещеев да Матюшка Хлопов челом бьют. В нынешнем, государь, во 113-му году декабря в 21 день сказал, государь, нам холопем твоим, приехав от твоего государева соляного промысла с Неглы, верхотурский троитской поп Левонтий Иванов, что сказывает, пришед па Неглу к Ворошилку Власьеву, пелымского уезда ясачный сосвинской вагулятин Кумычь, что сбираются Верхотурского уезда верхсосвинские вагуличи Алпаутковы дети да брат его Тютрюмко с товарищи и хотят прийти с воиною па Неглу, и твой государев соляной промысел сжечь, а деловых людей побить. А Ворошилко, государь, о том к нам холопем твоим не писал.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 2, л. 98 и 98 об., № 72.

46. *1605 г. января 29.—Грамота на Тюмень голове Алексею Безобразову о даче земли под дворы ямских охотников за рекою Тюменкою и об отводе сенных покосов татарам отдельно от ямщиков.*

От царя и великого князя Бориса Федоровича всеа Русии в Сибирь, в Тюменской город, голове Алексею Ивановичу Безобразову. Били нам челом Тюменского города ямские охотники Ортюшка Парфенов и в товарищей своих место 50-т человек а сказал: живут де они в Тюменском городе в остроге, а пашни де их и сенные покосы за речкою за Тюменкою, меж речкой Барымкою, и им де через речку Тюменку на пашни ездити и сено возити нужа великая; да у них де в их сенных покосех косят сено насильством тюменские татаровя Исенгул Комбахта, Морома Калгул Кривой с товарищи и с их де лугов сено крадут и безвестно свозят; и от тех де они татар в конец погибли; и нам бы их пожаловати, велети им дать под дворы места за речкой за Тюменкой у их пашен, где ныне стоят наши гумна, и татаром бы в их лугах сена косити не велети. И будет так, как нам тюменские ямские охотники били челом, и как к тебе ся наша грамота придет, а за Тюменкою будет рекою ямщикам жити мочно, и от города недалече и от воинских людей жити бесстрашно, и ты б тюменским ямским охотникам велел под дворы земли дать, смотря по тамошнему делу, где пригоже, а татаром Исенгулу с товарищи велел сено косить, приискав место, где пригоже; а ямщики вместе сено им косить не велел, чтоб ямщикам в том нужи и от татар и от русских людей обиды и насильствия не было. Писан па Москве лета 7113-го генваря в 29 день.

На обороте: Дьяк Нечай Федоров.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 8, лл. 29 об.—30, № 21.

47. *1605 г. марта 5.—Грамота на Верхотурье воеводе Неудаче Плещееву о вогулах, заподозренных в измене и воровстве.*

От царя и великого князя Бориса Федоровича всеа Русии на Верхотурье Неудаче Остафьевичу Плещееву да голове Матвею Степановичу Хлопову. Писали есте к нам, что в нынешнем в 113-м году октября 11 день писал к нам с Неглы соловар Ворошилко Власьев, что хотят де прийти на Неглу войною Верхотурского уезда

сосвинские вогуличи Алпаутко да Тютрюм с товарищи и соляной промысел сжечь, а его Ворошилка с деловыми людьми побить; и вы послали на Неглу для береженья стрельцов 10 человек, Матюшу Соловья с товарищи, с вогненным боем, и Матюшка Соловей с товарищами от соляного промысла на Верхотурье пришли, а с собою привели поймав того вагулятина; а в распросе им с пытки Алпаутко говорил, что он соляной промысел сжечь и Ворошилка с деловыми людьми побить хотел, а умышлял один с детьми своими, а на иного ни на кого в том не говорил; да в прошлом де в 112-м году украли его Алпаутковы дети па Верхотурье с пашни две лошади да сосвинской же вагулятин Чепка с детьми украл у города две ж лошади; да в прошлом же де в 112-м году весною присылали к ним па Сосву ляльинские вогуличи вагулятина Ивашка Есанчина, чтоб они сосвинские вагуличи пришли к ним на Лялю, а приходить де было им с тагильскими и с сосвинскими вагуличи па усть Ляли и отгромити наши пелымские хлебные запасы, а русских людей побити, и к Верхотурскому было городу однолично войною приходить, и город зажечь, и по дорогам и на пашнях русских людей побивать; и сосвинские де вагуличи в воровство к ляльинским и к тагильским вагуличам пе пошли. Да вам же сказывал верхотурский стрелец Завьялко Важенин, что послан был он на Пелым вином для вагульских расходов, и он, едучи, взял с собою в гребцы Алпауткова сына, и тот Алпаутков сын, едучи, его расспрашивал про верхотурских русских людей, и про доспехи и про пансыри; а Алпаутко сам в распросе сказал, что велел сыну его про русских людей и про доспехи проведати ляльинской сотник Кушкина для того, что однолично было им пам изменить и к Верхотурью под город, собрався войною, приходить, и ляльинской сотник Кушкипа умер. И ныне Алпаутко посажен на Верхотурье в тюрьму до нашего указу. Да в 112-м году, после велика дни, сбежал с Верхотурья новокрещен Офоня Камаев и жил у отца у Комая па Тагиле в юртах до осени, и женился на вагулке, и ел с вагуличи кобылятину, а крест на поясу в мошенке держал, и тот новокрещен Офонька пойман и посажен в тюрьму до нашего ж указу. А вагульские сотники и пятидесятники и лутчие люди вам в расспросе про измену на вагуличи и на воров отнюдь не сказывают ничего и молодых людей, которые, сходясь межь себя, умышляют про измену, и во всяком воровстве укрывают, потому что они сотники и лутчие люди сами воруют и изменяют и умышляют про измену с одново, а сыскать иными некем. А однолично Верхотурского уезда в ляльинских и в сосвинских и в тагильских и в туринских, с ближних и в дальних, в сотниках и в лутчих и в молодых людях в вагуличах про измену шатость есть, потому что прежнее их воровство, как они по волостям и по юртам и по дорогам русских людей побивали и лошади крали, ныне вы сыскиваете, а они многие сотники и лутчие вагуличи тем промышляли и воровали. И нам бы вам о том велети указ учинити. И как к вам ся наша грамота придет, и вы б сосвинского вагулятина Алпаутка велели повесити, чтоб иным вагуличам и остякам, на те смотря, пе повадно было воровати. А повокрещена Офоньку Комаева за воровство и за побег велели, водя около города, бити кнутом нещадно, а, бив кнутом, велели его дати на крепкую поруку с записью в том, что ему вперед так пе воровать, крестьянской православной вере пе поругаться, держать православную веру по своему обещанию крепко, и жити на Верхотурье по прежнему и с Верхотурья не бегать; а на которой вагулке Офонька женился, и вы б тое вагулку велели крестить и велели его с нею венчать. А Алпаутковых детей велели б есте сыскивать, а сыскав велели, поймав, привести на Верхотурье; а как Алпаутковых детей сыщут и на Верхотурье приведут, и вы б Алпаутковых детей потому ж в воровстве велели пытать пакрепко; да будет они учнут на себя или на кого на иных вагулич с пытки в воровстве говорити, и вы б и тех вагулич потому ж велели сыскивати и распрашивати; а кто дойдет до пытки, и вы б и пытать их велели; да кто с пытки учпет говорити на себя в измене и в воровстве, что они

русских людей побивали, и лошади крали, и к Верхотурскому городу, собрався, войной приходити хотели, и вы б, сыскав допрема пущих начальных воров, велели потому ж повесети, а иных сажали в тюрьму. Да о том к нам отписывали подлинно и велели отписку и распросные речи отдать в приказе Казанского и Мещерского дворца дьяку нашему Нечаю Федорову. Писан на Москве лета 7113-го марта в 5 день.

На обороте: Дьяк Нечай Федоров.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 2, лл. 74 об.—76, № 51.

48. *1605 г. апреля 16.—Отписка туринского головы Ивана Лихарева тобольскому воеводе князю Андрею Голицыну о высылке служилых людей в виду ожидаемого нападения на город „Алеевых татар".*

Господину князю Ондрею Васильевичу Иван Лихарев челом бьет. В нынешнем, господине, во 113-м году апреля в 15 день писал ты, господине, в Туринской острог, что в нынешнем же де во 113-м году апреля в 4 день писал в Тоболеск с Тары воевода князь Иван Солнцев да голова Захарей Безобразов, что в нынешнем же де во 113-м году марта в 20 день прислал де к ним на Тару Коурдацкой волости князь Кошуй да Тоболдай коурдацково татарина Урдубая, и тот де Урдубай в распросе сказал: приезжали де в Купкозниинскую волость, к Багилдею Торкану Алеевых татар 14-ть человек, а говорили де ему Багилдею, что у Алея де ныне есть люди в собранье, а говорили де царевичевы татаровя: нечто де не доспеем чего над городы, а волости де пойдем воевать по пластом, а не ведомо де которых, а того де не сказали же, Алей стоит на котором урочище, только де сказали, что стоят Алеевы люди на Языкондраке речке, лошади кормят; и мне бы по тем вестям в Туринском остроге жити бережно, и на остроге бы у меня караулы были крепки и не оплошны, и в ясачные бы волости с вестью разослати, чтоб ясачные люди в волостях жили бережно, чтоб над острогом воинские люди, пришед безвестно, дурна какого не учинили и волостей не повоевали. И ведаешь, господине, и сам, что в Туринском остроге служилых людей нет, одне пашенные крестьяне да ямщики. А как ныне пойдут с Верхотурья государевы сибирские запасы, и ямщики, господине, все 50 человек тот государев запас провожают до Тюмени. А пашенные, господине, крестьяне все живут одно на пашне, а в остроге никакого человека не останется. И тебе бы, господине, по государеву цареву и великого князя Бориса Федоровича всеа Русии указу о том указ учинити. И буде, господине, от воинских людей какая поруха станет над острогом, и мне бы, господине, в том от государя царя и великого князя Бориса Федоровича всеа Русии в опале и в казни не быть. А по государеву цареву и великого князя Бориса Федоровича всеа Русии наказу велено мне писать обо всяких государевых указех к тебе, в Тоболеск. А в ясачные, господине, волости с вестью разослал тотчас, чтобы ясачные люди в волостех жили бережно. Да ты ж, господине, в Туринской острог писал и послал из Тобольска на Верхотурье две грамоты, и мне бы те грамоты послать на Верхотурье тотчас с нарочным гонцом; и Алексей, господине, Безобразов с Тюмени того ж числа ко мне писал за час до вечера и прислал в Туринской острог с тюменским с конным казаком с Митькою Иватовым тобольских на Верхотурье три грамоты, и яз, господине, те грамоты послал на Верхотурье апреля в 16 день в полчаса дня с нарочным гонцом.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 5, л. 84 и 84 об., № 80.

49. *1605 г. мая 8.—Грамота на Верхотурье воеводе Неудаче Плещееву об увеличении острога.*

От царицы и великие княгини Марии Григорьевны всеа Русии и от царя и великого князя Федора Борисовича всеа Русии на Верхотурье Неудаче Остафьевичу

Плещееву да голове Матвею Стефановичу Хлопову. Писал есте к нам, что по нашему указу детям боярским и ружником и оброчником и стрельцом дворы даваны в остроге, а торговых и посадских людей и пашенных крестьян дворы за острогом, потому что острог поставлен невелик, и служивым людям в остроге теснота великая; а торговые и посадские люди и пашенные крестьяне бьют нам челом, чтоб нам их пожаловати, велети острогу прибавить. А вы без нашего указу старого острогу поотнести и вновь прибавити без нашего указу не смеете; а только стрельцом дати двем человекам третий двор и учинить новую улицу, и в остроге будет бережнее; а место порожжее, где стрелецкие дворы поотнести, и новая улица устроити и острогу прибавити, есть, и лес острожный на плодбище готов; и нам бы вам о том велети указ учинити. И как к вам ся наша грамота придет, а место будет порожжее есть и острогу прибавити мочно, и вы б острогу велели прибавити, смотря по тамошнему делу, чтоб в остроге всяким людям тесноты не было. А велели б есте острог делать всякими людьми, верхотурскими служивыми и жилетскими людьми, в те поры, как пашенное время минет, чтоб служивым и всяким людям в том нужи и тесноты не было. Писан на Москве лета 7113-го маия в 8 день.

На обороте: Дьяк Нечай Федоров.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 2, л. 81 и 81 об., № 56.

50. *1605 г. не ранее мая 28. — Отписка тюменского головы Алексея Безобразова туринскому голове Ивану Лихареву о местонахождении царевичей Алея и Азима с их кочевьями и их намерении итти на Тюмень.*

Господину Ивану Федоровичу Алексей Безобразов челом бьет. Нынешнего, господине, 113-го году мая в 27 день приезжали на Тюмень Тюменского уезда Терсяцкие волости ясачные татаровя Янгузя Барашев да Янтлеш Буранчеев; и я, господине, тех ясачных татар расспрашивая: ведомо есть ли, где Алей кочует; и они, господине, в расспросе мне сказали, что были оне на зверовье за Тоболом рекою, на Язык[он]драке речке, убили 17 лосей; а про Алея и про воинских людей они сказали мне, того не ведают они, где Алей кочует, и сакмы де мы нигде воинских людей не переезживали; и я, господине, расспрося тех татар, отпустил в юрты на Пышму реку. И маия, господине, в 28 прибежал на Тюмень с Пышмы реки Терсятские же волости ясачной татарин Бекбаклуйко Барашев, тому Янгузе Барашеву брат родной, а сказал, господине, мне в расспросе тот Бекбаклуйко, что брат его Янгуза Барашев да Янтлешь Буранчеев государю царю и великому князю Борису Федоровичу всеа Русии изменили, а приезжали де они на Тюмень от Алея ис кочевья проведывать вестей, крепки ли сторожи и караулы, и, едучи де с Тюмени, брат его Янгуза Барашев да Янтлешь Буранчеев взяли его Бекбаклуйка на Пышме реке с собою по лосиное мясо, где они зверовали, чтоб он пособил им лосиного мяса вести в юрты; и переехав де Пышму реку, тот брат его Янгуза да Янтлешь его Бекбаклуйка ограбя связали, и учали де ему сказывать, что они жили всю весну у Алея в улусех на Щучье озере, а посылал де нас на Тюмень Алей проведывать про сына своего Араслана да про Барака, пришлет ли де государь к нему на судех с рускими людьми сына его Араслана или нет; а стоит де Алей на Щучье озере, а брат его Алеев Азим, а с ним 300 человек, стоят на Тоболе реке, усть речки Суяри, от Тюмени за полтора днища, а будет Алей с братьею к Тюмени одноконечно вскоре маия с 28-го в 9-й день; и его де Бекбаклуйка они звали с собою к Алею, и он де Бекбаклуйко у них отпросился и брату своему Янгузе он шертовал на том, что ему Бекбаклуйку и с женою и с детьми своими к Алею в кочевье быть и татар Теросяцкие волости ему Бекбаклуйку с собою к Алею подговаривать; и тот, госпо-

дише, Бекбаклуйко с теми вестьми прибежал на Тюмень. И тебе б, господине, те вести были ведомы.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 5, лл. 41—42, № 38.

51. *1606 г. января 5. — Грамота на Верхотурье воеводе Степану Годунову о сборе и доставке сылвинскими и иренскими остяками ясака лично, о разрешении им торговать на Верхотурье на гостином дворе и о бережении ясачных людей от насильств и продаж стрельцов и всяких людей.*

От царя и великого князя Дмитрея Ивановича всеа Русии на Верхотурье воеводе нашему Степану Степановичу Годунову да голове Олексею Федоровичу Загряскому. Били нам челом Верхотурского уезда сылвинские и иренские остяки: Акилдейко Ондреев и во всех сылвинских и иренских остяков место а сказали: прежде сего блаженные памяти царю и великому князю Ивану Васильевичу всеа Русии и блаженные памяти царю и великому князю Федору Ивановичу всеа Русии деды и отцы их и они давали ясаку по 5 сороков куниц, а имали с них тот ясак, приходя из Перми, ясатчики и отвозили тот ясак к Москве, а насильства и убытков и обид от них некоторых не было ни в чем; и Борис Годунов велел у них имать ясак на Верхотурье тому лет с 7 и верхотурские воеводы посылают к ним с Верхотурья для ясаку верхотурских стрельцов человека по три и по 4-ре, да целовальника, да дьячка, и те де верхотурские жильцы емлют с них ясаку по 12 сороков куниц да воеводских поминков по 2 куницы с человека, да себе емлют с человека по кунице; да с них же де и с руских людей, которые с ними торгуют, емлют те ж верхотурские стрельцы десятинную пошлину и ту десятинную и ясачную казну паметывают на них проводить до Верхотурья; и живут де у них те ясатчики, не съезжая, от перемены до перемены, и живучи у них чинят им продажи и убытки великие, правят на них корм, а емлют за хлеб по гривне, а за колач по 2 алтына, и емлют от юрта до юрта подводы, и, ездя по юртом, велят на себя меды ставить; а что они у руских людей купят хлебца или иное что, или что сами продадут, или за долг кому что дадут, и в том деи на них правят протаможья по 2 рубли по 4 алтына по полторе деньги; а на всякой де год ставитца им от тех ясатчиков в кормех и в подводах и во всяком насильстве рублев по 30 и по 40 и по 50 и больши, и всего де им от верхотурских ясатчиков в сем лете учинилось убытка во всяких харчах, опричь нашего ясаку и опричь того, что с них емлют в поминках медом и воском, 347 рублев 25 алтын. Да в нынешнем деи в 114-м году приезжали к ним с Верхотурья верхотурские стрельцы приводити их к шерти на наше царское имя и для десятинные пошлины, и доправили на них за подводы и верхотурским воеводам и себе поминков 20-ть рублев. И нам бы их пожаловати, велети им наш ясак давати в Пермь Великую и велети к ним пермичам торговым людям со всякими товары ездити попрежнему. И как к вам ся наша грамота придет, и вы б Верхотурского уезда сылвинским и иренским остяком Акилдейку Ондрееву с товарищи велели вперед наш ясак привозити на Верхотурье самим; а стрельцов к ним с Верхотурья для нашего ясаку посылати вперед не велели; и велели им с пермичи и со всякими рускими людьми торговати на Верхотурье на нашем гостином дворе, и нашу десятинную пошлину велели с них имать по прежнему нашему указу. И того б есте смотрили и берегли накрепко, чтоб верхотурские стрельцы и всякие люди нашим ясачным людем татаром и остяком обид и насильства и продаж ни в чем не чинили и кормов своих не правили, чтоб им ни в чем нужи не было; а хто будет им какую обиду или насильство и продажу учинит, и учнут они на кого нам бити челом, и вы б им давали в том суд и сыскивая расправу и оборонь им чинили по нашему указу безволокитно. Писан на Москве лета 7114-го генваря в 5 день.

На обороте: Дьяк Нечай Федоров. — На Верхотурье воеводе нашему Степану Степановичу Годунову да голове Алексею Федоровичу Загряскому. 114-го году июня в 5 день привез государеву грамоту Иренской сотник Елгит Буюргапов.

ИИ АН СССР, по описи 1929 г., № 246. Четыре сстава. — Список XVIII в. в ААН, ф. 21, оп. 4, № 2, лл. 64—65 об., № 41.

Напеч. в АИ, т. II, стр. 77—78, № 62.

52. *1606 г. февраля 2. — Грамота на Верхотурье воеводе Степану Годунову о производстве сыска об убытках казаков при перевозке соли и цренной снасти с Неглы на Верхотурье.*

От царя и великого князя Дмитрия Ивановича всеа Русии на Верхотурье воеводе нашему Степану Степановичу Годунову да голове Олексею Федоровичю Загряскому. Били нам челом Верхотурского города служивые люди, казаки и стрельцы, десятник Матюшка Соловей да Степанко Карпов и в товарищов своих 46 человек место, а сказали: в нынешнем де в 114-м году Неудача Плещеев да Матвейко Хлопов с Кошая, с речки с Неглы, велели им перевозить соль и всякую цренную солянную снасть на Верхотурье, и они де великими нужами с Верхотурья на Неглу по соль и по всякую цренную снасть ездили по дважды, наимуючи, деньги займовали с великие росты, и устроили де тое соль в анбары на гостином дворе, и анбары крыли, и закромы поделали, и стало де им в том убытка по полтора рубли человеку. и в том де они одолжали великим долгом, а окупиться де нечем; и нам бы их пожаловати, велети им те их убытки заплатить из нашие казны. И будет так, как на Верхотурье служивые люди били челом, и как к вам ся наша грамота придет, и вы б про то про все велели сыскати накрепко; да будет они все с Кошая нашу соль и всякую цренную снасть перевезли на Верхотурье, и в анбары устроили, и анбары поделывали, и в том им стало убытка по полтора рубли человеку, и вы б по сыску своему указ учинили по нашему указу. Писан на Москве лета 7114-го февраля в 2 день.

На обороте: На Верхотурье воеводе нашему Степану Степановичу Годунову да голове Алексею Федоровичу Загряскому. — 114-го апреля в 9 день привез государеву грамоту Матюша Соловей.

Гос. Публ. библ. в Ленинграде, по описи А. И. Андреева, № 267. — Список в ААН, ф. 21, оп. 4, № 2, лл. 63 об. — 64, № 40.

53. *1606 г. мая 3. — Грамота на Верхотурье воеводе Степану Годунову о выдаче жителям города бревен для построения церкви Воскресения.*

От царя и великого князя Димитрия Ивановича всеа Русии на Верхотурье воеводе нашему Степану Степановичу Годунову да голове Алексею Федоровичу Загряскому. Били нам челом Верхотурского города служилые люди, дети боярские и стрельцы и казаки, и торговые люди и пашенные крестьяне и ямские охотники а сказали: обещание де их воздвигнути храм Воскресенья христова да Илью пророка да Леонтия ростовского чудотворца, а на Верхотурье де на площади лежат бревна, что [за]пасены были на городовое и на острожное дело, и тот де лес стал за расходом и гниет; и нам бы их пожаловать, велети им из тех бревен дати на церковное строение. И как к вам ся наша грамота придет, а бревна будет за городовым и за острожным делом в остатке есть и вперед будет ни на какое дело не пригодится, и вы б верхотурским служилым людям на церковное строение велели дати, сколько будет пригоже. Писан на Москве лета 7114-го году маия в 3 день.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 2, л. 65 об., № 42.

54. *1606 г. не ранее мая 28. — Отписка тюменского воеводы боярина Матвея Годунова туринскому воеводе Ивану Годунову о вестях*

по поводу намерений царевича Алея напасть на уфимские волости.

Господину Ивану Никитичу Матвей Годунов да Назарей Изъединов челом бьют. В нынешнем, господине, 114-м году маия в 27 день пришел к нам в съезжую взбу юртовской служивой татарин голова Матамас Ачекматов а сказывал нам: посылал де тюменской новокрещеной Олеша Алимов в Уфинский уезд в свою вотчину для бобровые ловли тюменского ясачного татарина Исенка Бетикова, и сказывал де тот Исенка ему Мотмасу: был де он Исенка в Уфинском уезде в волости в Челзеуте у ясачного татарина у Евдоски, и приехал де в Челзеутскую волость Уфинского уезда Аиские волости татарин от татарина от Телняка, а имени де тому татарину он не упомнит, а сказывал де тот Аиские волости татарин: приезжал де в Аискую волость к татарину к Телняку от Алея Кучумова из кочевья татарин, Бараков брат, князем зовут, а говорил де он с Телняком: поехал де Алеев сын Араслан царевич к государю к Москве, а того де неведомо, жив ли он или умер, а брат де мой Барак в Тобольске, а Карлам Апас Азя на Тюмени умерли оба, и покаместа де Барак в Тобольске жив был, и Алей де и царевичи и люди его князя слушали, а как де брат мой Барак в Тобольске, а Карлам на Тюмени умерли, и Алей де и царевичи и люди его ни в чем не слушают, и ныне де Алей и царевичи хотят итти под государевы городы с сее весны, а того де подлинно не ведает, под которой город хотят итти; и Уфинского де уезду ясачные татарове и башкирцы Айские и Челзеутские волости, слышачи те вести, побежали с женами и детьми в крепи, пометав животы; а в кочевье де у Алея и у царевичев людей его и тобынцев и сырянцев и нагайцев человек с 1000-у. И маия, господине, в 28 день того татарина Исенка перед собою мы ставили, и про то его расправшивали, те он вести Матамасу сказывал ли, что нам Матамас сказывал, и тот татарин сказал, что он те вести Матамасу сказывал. Да он же Исенка прибавил свои речи: то де и он Исенка слышал, что де Алеев человек, а Бараков брат, приезжал в Аискую волость, а проведывал вестей, не будет ли на Алея государевы люди войною из которого города, и они де ему сказали, что государевы люди войною на Алея не будут; и Аиские де волости татарове ставили па того татарина на Алеева человека мед, и его поили, и как де напился Алеев человек пьян, и им де то сказывал, что Алей хочет приходить на уфинские волости ныне в весну в деловую пору или как трава с полколена будет; и Аиские де волости татарове и уфинские, слыша те вести, побежали в крепи с женами и с детьми, пометав свои животы, и за собою де пустили в степь пожары для следу...

ААН, ф. 21, оп. 4, № 5, лл. 49—50, № 43.

Напеч. в „Матер. по истории Башкирской АССР", I, стр. 154—155, № 36.

55. *1606 г. не ранее июня 21.— Отписка тобольского воеводы князя Романа Троекурова пелымскому воеводе Ивану Годунову о „шатости" в Кондинской и Назымской волостях и о мерах к подавлению движения среди остяков.*

Господину Ивану Михайловичу да Петру Даниловичу Роман Троекуров челом бьет. В нынешнем, господине, в 114-м году июня в 21 день слух нас дошел, что остяцкой князец Оксент Бояров да с ним пелымские Кондинские волости ясашные люди да Назымские волости ясачной остяк Амалык Григорьев сбираются, а хотят итти воевати князь Ивана да князь Михаила Игичеевых детей Алачева; и собралось де их с триста человек. И мы, господине, в Тобольску остяцкого князца Оксента про то спрашивали накрепко, и он в распросе нам сказал, что он с кондинцы не мышливал, шатости в его волости нет никоторые, а Пелымского уезда Кондинские волости во всех ясачных людех шатость великая, а сбираются де они и хотят приходити скопом и воевать князь Ивана да князь Михаила Алачеевых, и хотят пришедши

к их Котскому городку, побити их до смерти за то что они емлют с них ясак; и ныне де князь Иван и князь Михаило сидят от тех пелымских ясачных людей у себя в городке в осаде. И будет, господине, Кондинские волости в ясачных людях шатость, а вам то ведомо, а к нам о том не пишете, и то делается негораздо, и вы б, господине, к нам о том о всем против сея грамоты в Тоболеск отписали тотчас подлинно с резвым гонцом. А будет вам по ся места про то неведомо, и вы б, господине, тотчас в тое в Кондинскую волость послали с Пелыми служивых людей, кого пригож, и велели тое Кондинские волости лутчим 5-ти или 6-ти человеком быти у себя на Пелыми и про то их распросити накрепко: дали они государю шерть, что им не изменити и не сбираться ратью, воевати ни на кого не приходити; а в ком почают шатость, и им было тех людей приводити к вам в Пелым, и от кого из них имепем и за что в Кондинской волости в ясачных людях шатость учинилась, и за что хотят воевати князя Ивана да князя Михаила Игичеевых, какая им от них теснота и обида, и они бы о том били челом государю, а воевать бы не сбирались ни на кого; а в ком почают шатость, и они б, тех людей имая, приводили к вам, и государь тех, кто изменников приведет, пожалует великим своим жалованьем; и они б ныне про ту шатость принесли свою вину ко государю сами, а государь их пожалует, ту вину отдаст. Да что, господине, они вам про то в распросе скажут, коим обычаем, и от кого именем, и за что у них в людех шатость учинилась, и вы б, господине, то велели записать перед собою да о том отписали к нам вскоре, не мешкая ни часу с кем будет пригоже и велели ему ехать в Тоболеск днем и ночью. А от кого в Кондинской волости пущая шатость учинилась, и вы б тех с Пелыми до государева указу не отпущали, и кормец велели давать им, чем мочно им сытым быть. А достальных ясачных людей человек дву или трех, которые б в той волости были знатни и ясачные б люди их слушали, послали бы естя в Кондинскую волость да с ними же послали пелымских служивых людей с толмачем человек трех или четырех и приказали им говорити Кондинские волости ясачным людем о том накрепко, чтобы они шли все по домам, по юртом своим, а воевати ни на кого самовольством не сбирались, и никто ни на кого не приходили, и шатости и смуты никакие в людях не чинили; а кого им учинится насильство в их вотчинных угодьях и в звериных добычах, или иная какая теснота и обиды, и они бы на тех людей били челом и шли бы к вам в город на Пелым, и государь царь и великий князь Димитрий Иванович всеа Русии велит им с теми людьми в насильствах и в обидах свой царский указ учинити. Да и иными бы есте всякими делы велели в Кондинской волости и в иных волостех, которые платят ясак на Пелым, шатости проведати. А что у вас после того объявится вестей от тех ясачных и от служивых людей, которых пошлете к ясачным людем, и вы б о том то тому же в Тоболеск отписали тотчас.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 16, лл. 336 об.—338, № 42.

56. *1606 г. не ранее сентября 20.— Отписка тюменского воеводы боярина Матвея Годунова туринскому воеводе Ивану Годунову о приходе в тарские волости калмыков и принятии мер предосторожности в Туринске и его уезде.*

Господину Ивану Никитичу Матвей Годунов да Назарей Изъединов челом бьют. Нынешнего 115-го году сентября в 20 день писано к нам из Тоболеска: писали де в Тоболеск воевода князь Сила Гагарин с товарищи, что пришли де Тарского города в государевы ясачные волости колмыцкие люди, а чает де от них войны. И тобе бы, господине, те вести были ведомы. И жить в Туринском остроге бережно и усторожливо, чтоб к Туринскому острогу и в волости колмацкие люди безвестно не

пришли и не повоевали. А что каких вестей у тобя объявится в Туринском остроге, и тобе бы, господине, велети писать па Тюмень, чтоб было ведомо.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 5, л. 59 об., № 46.

57. *1607 г. ранее марта 21.— Отписка тюменского воеводы боярина Матвея Годунова туринскому воеводе Ивану Годунову о приглашении охочих русских людей и татар в поход против калмыков.*

Господину Ивану Никитичу Матвей Годунов да Назарей Изъединов челом бьют. Писано, господине, к нам на Тюмень в государеве грамоте, чтоб послать с Тюмени на колмаков ратных людей, литву, и черкас, и конных казаков, и татар юртовских и ясачных и охочих людей; и мы, господине, на колмаков с Тюмени ратных людей посылаем. И будет, господине, похотят Туринсково острогу охочие русские люди и татаровя итти на колмаков с тюменскими людьми вместе, и тебе бы, господине, присылать их на Тюмень вскоре не мешкая.

Другим почерком: 115-го году марта 21 дня.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 5, лл. 59 об.—60, № 47.

58. *1607 г. марта 30.— Грамота на Верхотурье воеводам Степану Годунову и Алексею Загряскому о построении теплого храма.*

От царя и великого князя Василия Ивановича всеа Русии на Верхотурье воеводам нашим Степану Степановичу Годунову да Алексею Федоровичу Загряскому. Писали есте к нам, что на Верхотурье соборный храм Живоначальные троицы да предел Федора стратилата без трапезы, служат в нем летом, а зимою поют в съезжей избе, потому что другого храму с трапезою нет; а бревна на церковь и с трапезой на плодбище готовы, и вы без нашего указа другого храма с трапезой в городе воздвигнуть не смеете; и нам бы вам велети указ учинити. И как к вам ся наша грамота придет, и вы б теплый храм велели поставити служилыми и торговыми и всякими людми и ямскими охотниками. Да которой храм во имя воздвигнут, и вы б о том отписали к нам на Москве и велели отписку отдати в приказе Казанского дворца боярину нашему князю Димитрию Ивановичу Шуйскому. Писан на Москве лета 7115-го марта в 30-й день.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 2, л. 90 об., № 62.

59. *1607 г. марта 31.— Грамота на Верхотурье воеводам Степану Годунову и Алексею Загряскому о печати города Верхотурья и о порядке пользования и хранения ее.*

*Текст, поставленный между знаками * и **, повторяется в № 60. Варианты из № 60 приведены в сносках.*

От царя и великого князя Василия Ивановича всеа Русии на Верхотурье воеводам нашим Степану Степановичу Годунову да Алексею Федоровичу Загряскому. По нашему указу послана на Верхотурье наша печать Верхотурского города. * И как к вам ся наша грамота придет, и вы б тою нашею печатью печатали наши всякие дела и нашу казну, хлеб и деньги и пушечные запасы,[1] и всякую мягкую рухлядь. И у торговых и у проезжих[2] людей, которые приедут в Сибирь на Верхотурье или которые поедут из сибирских городов к Москве[3] и учнут торговать на Верхотурье на гостином дворе, и вы б у тех торговых людей с тех их товаров велели целовальником имати нашу десятую пошлину, и да-

[1] хлеб... запасы *пропущено.*
[2] и у проезжих *пропущено.*
[3] к Москве *пропущено.*

вали им проезжие грамоты за нашею печатью, сколких товаров у них нашие десятые пошлины возьмут. И ясачником давали б есте наказы и подорожные за нашею печатью и почему им наши ясаки по волостям сбирати.[1] И нашу ясачную казну присылали к нам к Москве за нашею ж печатью, соболя и куницы разобрав по сорокам, а лисицы и бобры по десяткам, опричь тобольские нашие печати царства Сибирского; а тобольские б есте печати ни у каких дел ни у рухляди не распечатывали.[2] И нашу б верхотурскую[3] печать служивые люди и волостные татарова и вагулича и остяки[4] у проезжих грамот и у подорожних знали. И держали б есте нашу печать в съезжей избе бережно за своими печатми в ящике и печатали наши всякие дела и нашу казну оба вместе.[5] И береженье б есте держали к нашей печати великое, чтоб никто печати такие иные для воровства не сделал и не подпечатал. А кто будет сворует, нашу печать подпечатает и сделает печать другую такову ж, и вы б, сыскав подлинно и поимав тех воров, посадили в тюрьму,[6] да о том отписали[7] к нам к Москве и велели отписку отдати в Казанском дворце боярину нашему князю Димитрию Ивановичу Шуйскому, к мы велим над теми воры указ свой учинить. Писан на Москве лета 7115-го марта в 31 день. **

ААН, ф. 21, оп. 4, № 2, л. 91 и 91 об., № 63.

60. *1607 г. марта 31.— Грамота в Березов воеводе Петру Черкаскому о печати города Березова и о порядке пользования и хранения ее.*

От царя и великого князя Василия Ивановича всеа Русии в Сибирь, в Березов город, воеводе нашему Петру Ахамашуковичу Черкаскому да голове Ивану Игнатьевичу Зубову. По нашему указу послана на Березов наша печать города Березова...
*Далее следует текст, поставленный в № 59 между знаками * и ***
ААН, ф. 21, оп. 4, № 16, л. 138, № 28.

61. *1607 г. апреля 1.— Грамота в Березов воеводе Петру Черкаскому о заготовке леса и исправлении острога.*

От царя и великого князя Василия Ивановича всеа Русии в Сибирь, в Березов город, воеводе нашему князю Петру Ахамашуковичу Черкаскому да голове Ивану Игнатьевичу Зубову. Писал к нам ты, князь Петр, что Березов город ветх: городовые стены и башни худы, и от речки Вагулки городовую стену подмыло водою; а пушечной всякой наряд и запасы пушечные на башнях и в городовых городнях, и служивые люди живут на наших службах все в розсылках, а в городе оставаются немногие люди, и починити города некем и немочно. Да в прошлом в 113-м году березовские служивые люди воздвигнули храм во имя Воскресенья христова за острогом; да они ж поставили у того нового храму за острогом, для острожной тесноты, 15 дворов. И бьют нам челом березовские служивые люди, чтоб нам их пожаловать, велети им для храму и для острожной тесноты острогу прибавить. И как к вам ся наша грамота придет, а храм Воскресенье христово будет поставлен от острогу недалече и прибавити острогу будет мочно, и вы б на городовое и на острожное дело велели лесу выронити березовским служивым людям, как с службы съедутся, да и торговым тутошним жилецким и приезжим людям всяким и ярыжным казакам; а выроня лес, велели пригнать водою; да как лес на Березов пригонят, и вы б у го-

[1] и почему... сбирати *пропущено.*
[2] опричь Тобольские... не распечатывали *пропущено.*
[3] верхотурскую *пропущено.*
[4] и самоеды *прибавлено.*
[5] и товары и отписки по городом, чтоб торговые и всякие люди товаров никаких и всякие мягкие рухляди никто без нашие печати не провозил *прибавлено.*
[6] до нашего указу *прибавлено.*
[7] и сыск прислали к нам *прибавлено.*

рода которые худые места велели поделати и острогу прибавити теми ж людьми. Писан на Москве лета 7115-го апреля в 10 день.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 16, л. 138 об., № 29.
Напеч. в РИБ, II, стб. 164, 165, № 76.

62. *1607 г. не ранее мая 12.— Отписка тюменского воеводы боярина Матвея Годунова туринскому воеводе Ивану Годунову о намерении царевича Алея воевать тобольские, уфимские и тюменские ясачные волости.*

Господину Ивану Никитичу Матвей Годунов да Назарей Изъединов челом бьют. Нынешнего, господине, 115-го году маия в 12 день выехали на государево царево и великого князя Василия Ивановича всеа Русии имя на Тюмень от Кучумовых детей от Алея царевича с братьею татарови Кырянды Карагозя Алшиев с товарищи, с женами и с детьми, а сказали они нам в распросе: отстали де они от Алея в те поры, как приходили на них государевы ратные люди сее весны, и после де того виделись они с Алеевыми татары, которые с ним с погрому ушли, ныне Алей царевич на Чигирлы озере, а хочет приходить воевати тобольские и уфинские и тюменские ясачные волости. И тебе бы, господине, те вести были ведомы.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 5, л. 60, № 48.

63. *1607 г. не ранее мая 24.— Отписка тюменского воеводы боярина Матвея Годунова туринскому воеводе Ивану Годунову о приходе в Тюменский уезд Кучумовых детей с калмыками и о возможном нападении их на Туринский острог.*

Господину Ивану Никитичу Матвей Годунов да Назарей Изъединов челом бьют. Нынешнего, господине, 115-го году маия в 24 день прибежал на Тюмень Тюменского уезда Кынырского городка ясачный татарин Екшидевлет Беляков, а сказал он нам в распросе, что пришли на их юрты Кучумовы дети Азим да Ишим да Консювар царевичи, а с ними колматские люди и юрты их погромили, жены и дети их поимали; и он де был у них взят же; а то де он в разговоре у них слышал, что Алей царевич стоит меж Кынырского городка и Кабычу, на речке на Липкине, а Капай де царевич да Пеп мурза нагайской, а с ним 200 человек, пошли на тобольские волости. И тебе бы, господине, те вести были ведомы. А с Тюмени послали мы за Азимом царевичем с братьею атамана Дружину Юрьева, а с ним литву, и конных казаков, и стрельцов, и пеших казаков и юртовских татар. И тебе бы, господине, жить бережно, а чаять их приходу к Туринскому острогу.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 5, л. 60 и 60 об., № 49.

64. *1607 г. мая 25.— Отписка верхотурского воеводы Степана Годунова туринскому воеводе Ивану Годунову о посылке служилых людей в Туринск в виду ожидаемого нападения царевича Алея.*

Господину Ивану Микитичу Степан Годунов да Алексей Загряской челом бьют. В нынешнем, господине, в 115-м году маия в 24 день писал, господине, ты к нам Туринского острогу с пушкарем с сыном боярским з Бориском Андреевым, что хочет де приходить царевич Алей с братьею воевати тобольские и уфинские и тюменские и Туринского острогу ясачные волости; и нам бы по государеву указу прислати с Верхотурья в Туринской острог для береженья служивых людей, сколько пригоже. И мы, господине, по государеву указу послали в Туринской острог стрельцов и казаков 10 человек маия в 25 день; а кто, господине, стрельцов имяны посланы в Туринской острог, и мы имяна их послали к тебе под сею грамотою. А будет, господине, вести поминуются, и тебе бы, господине, тех верхотурских стрельцов отпустить на Верхотурье не задержав, потому что на Верхотурье служивых людей мало.

Имяна стрельцов:

Степанко Устюжанин,
Олеша Микитин,
Дружинка Федоров,
Филя Ордин,
Баженко Соловьев,
Ларя Путников,
Нечайко Ордин,
Якупя Берсенев,
Бориско Елтышев,
Федоско Бархатов.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 5, л. 87, № 83.

65. *1607 г. не ранее июня 17.— Отписка верхотурского воеводы Алексея Загряского тобольскому воеводе князю Роману Троекурову о людях, грамотах, печатях и разных запасах, посланных в Тобольск.*

Господину князю Роману Федоровичу Алексей Загряской челом бьет. В нынешнем, господине, в 115-м году июня в 17 день, по государеву цареву и великого князя Василия Ивановича всеа Русии указу, присланы, господине, с Москвы на Верхотурье государевы печати в Сибирь в три города: на Верхотурье, в Тоболеск, на Березов с пелымским сыном боярским с Петром Албычевым; и я, господине, по государеву указу, тобольскую и березовскую обе почати послал в Тоболеск с сургутским атаманом с Тугарином Федоровым. Да писано, господине, к нам на Верхотурье в государеве цареве и великого князя Василия Ивановича всея Русии грамоте с пелымским сыном боярским с Петром Албычевым и прислан с ним с Москвы на Верхотурье колмацкой Тогопай мурза Купчеев; да с Петром же прислано полпостава да портище да остатки сукон настрафильных, а в мере всего 25 аршин, а недомерено сукон полуаршина, потому что на волоку замокли, да две однорядки, лундышь бруспичной цвет, да три однорядки настрафильных черлены; а по государеву указу велено, господине, с Верхотурья послати те сукна и однорядки в Томской город с государевою казною вместе; а Тогопая мурзу велено, господине, послать в Тоболеск; да в Тоболеск же по государеву указу и по росписи велено, господине, послати с Верхотурья и во все сибирские городы для татарских расходов 28 пуд и 28 гривенок меду да для пашенных крестьян 64 топора, да в Томской город на татарские расходы на продажу 2000 мунчаков. И по государеву цареву и великого князя Василия Ивановича всеа Русии указу 2000 мунчаков да 28 топоров, калмыцкого Тогопая мурзы, и 20 полпята аршин сукон, да две однорядки, лундышь бруспичный цвет, да три однорядки настрафильных черлены, и 28 пуд 28 гривенок меду и 2000 мунчаков да 28-мь топоров послано, господине, в Тоболеск с атаманом с Тугарином Федоровым с товарищи. А достальных, господине, 36-ть топоров в Тоболеск не дослано, потому что те топоры на Верхотурье в расходе до государева указу. И как, господине, Тугарин с товарищи государевых 2 печати и 10-ть грамот и Тогопая мурзу и сукна и однорядки и мед и мунчаки и топоры в Тоболеск привезут, и тебе бы, господине, о том на Верхотурье велети отписати. Да по государеве ж росписи велено, господине, послати с Верхотурья в Тоболеск 300 чети овса; и тот овес в Тоболеск не послан, потому что, господине, весною у Богдана Огибалова в государеве росписи тот хлеб не написан, а ныне послати, господине, не в чем, судов нет и река замелела.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 2, л. 93 и 93 об., № 66.

66. *1607 г. июня 25.— Грамота на Верхотурье воеводам Степану Годунову и Алексею Загряскому об уплате вишерскими вогулами ясака в Пермь Великую.*

От царя и великого князя Василия Ивановича всеа Русии на Верхотурье воеводам нашим Степану Степановичу Годунову да Алексею Федоровичу Загряскому.

Били нам челом Верхотурсково уезда вишерские ясачные вагуличи: десятник Бурундук Авип, да Щеткип Сымсын, да Савдыч Учкумов и во всех товарищов своих вишерских ясачных вагулич место а сказали: посылаете де вы с Верхотурья к ним вишерским вагуличам для пашего ясаку Верхотурского города служивых людей стрельцов и казаков человек по 5-ти и по 6-ти и больше и опи де емлют с них наш ясак с человека по 6-ти соболей, да с них же де емлют по соболю с человека педедомо кому; да те ж де верхотурские служивые люди, приезжая к ним в юрты, правят на них кормы и посулы великие и жоп их и детей емлют на постелю; да опи ж де емлют у пих от юрт до Верхотурья провожатых с лыжами и с парты, а иные де за подводы емлют у них депги и соболи; и им де от тех верхотурских ясатчиков чипятся в том убытки и насильство великое, и от того де вишерские ясачные вагуличи многие разбрелись розно, а ипые померли; а они де и достальные скитаются наги и босы и голодны и от того де они обпищали и одолжали великими долги; и нам бы их пожаловати, наш ясак велети им платити в Пермь Великую. И мы вишерских ясачных вагулич: десятника Бурундука Авина с товарищи пожаловали, наш ясак велели им платити в Пермь нашим приказным людям, а из Перми тот ясак велепо присылать к нам к Москве. И как к вам ся наша грамота придет, и вы б к вишерским вагуличам к десятнику Бурундуку Авипу с товарищи для пашего ясаку верхотурских ясатчиков не посылали и ясаку с пих па Верхотурье не имали. А про то сыскали накрепко, кто с них по соболю по лишпему с двора имал и кто им насильства делал, сослався в Пермь Великую со кпязем Семепом Вяземским, чтоб он, распрося и взяв у них подлинные челобитные и с ними исцев, прислал к вам па Верхотурье; а ко князю Семену про то писапо ж. Писан на Москве лета 7115-го июня в 25 день.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 2, л. 92 и 92 об., № 65.

67. *1607 г. не ранее июля 6.— Отписка тюменского воеводы боярина Матвея Годунова туринскому воеводе Ивану Годунову о переходе через реку Туру царевича Алея и об отправлении в поход против него головы Назария Изъединова.*

Господину Ивапу Никитичу Матвей Годупов да Назарей Изъединов челом бьют. Нынешпего, господипе, 115-го году июля в 5 депь писал ты, господине, к нам на Тюмень Туринского острогу с татарипом с Акбулатком Аликовым, что сказывал тобе Туринского острогу татарип, Енбайком зовут: слышал де оп Тюменского уезду Катаргулова юрта от татар, будто перевозилися Алеевы люди через Туру реку, ниже Тюмепи. И пам, господипе, те вести сказывал тюмепской татарин Кудабердейко Алкепев; и мы по тем вестем посылали на усть Тоболу проезжую станицу; и те вести проягалися, не бывало ничего. А которые будут у нас впредь воинские вести объявятся, и мы к тобе отпишем тотчас. А что, господине, у тобя воипских вестей объявится, и тебе б к нам отписать. Да июля же, господипе, в 5 депь пошел с Тюмепи па государеву службу на Алея с братьею Назарей Михайлович, а с ним тюмепские служивые люди. И мы, господине, Туринского острогу татарина Акбулатка отпустили с Тюмени в Туринский острог июля в 6 день.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 5, лл. 60 об.— 61, № 50.

68. *1607 г. августа 22—31.— Отписка тюменского воеводы боярина Матвея Годунова туринскому воеводе Ивану Годунову о походе головы Назария Изъединова против царевича Алея и о погроме его кочевья.*

Господину Ивану Никитичу Матвей Годунов да Назарей Изъединов челом бьют. Нынешнего, господине, 115-го году августа в 22 день писал, господине, ты к нам па Тюмень Туринского острогу с татарином с Енбаем Бетековым: не чаеть ли Алея

царевича с братьею приходу к Туринскому острогу, чтоб тобе жити без опасу. И то, господине, кому мочно ведать, чаять ли Алеева приходу или не чаять. Как, господине, без опасу жить, всегда надобе береженье. Сошел, господине, я Назарей Алея царевича и братей его, жен и детей у Ишима реки, на беру Шамши, в кочевье, июля в 24 число, и божиею милостью и государя царя и великого князя Василия Ивановича всеа Русии щастьем, Алея царевича кочевье погромил, взял Алееву жену саму третью с детьми, да Азима царевича две жены да две дочери, да Алееву сестру, и привел их на Тюмень августа в 6 день. А Алея царевича с братьею в те поры в кочевье не было: ходил под Тару воевать, и пришед из под Тары, сошел меня на дороге на Кибирлы озере, и бился со мною по два дни, во весь день с утра до вечера, и после того шел подо мною три дни и воротился назад. А того не ведомо, где пошел. И тобе бы, господине, те вести были ведомы.

ААН, ф. 21, оп. 4[1] № 5, л. 61, № 51.

69. *1607 г. октября 21.—Грамота в Березов воеводе Петру Черкаскому о торговле русских с самоедами в Березовском уезде.*

От царя и великого князя Василия Ивановича всеа Русии в Сибирь, в Березов город, воеводе нашему князю Петру Ахамашуковичу Черкаскому да голове Ивану Игнатьевичу Зубову. Писали есте к нам, что в прошлом в 115-м году писали к тебе ко князю Петру с Обдора из Носового городка березовские служивые люди Ивашко Нестулцев с товарищи, которые посланы для нашего ясаку и десятинной пошлины: пришли де на Обдор в Носовой городок торговые люди пустоозерцы Коренко Мазлыков, Савка Крутиков, Федосейко Иванов, Васька Антонов, Ивашко Корепонов, Митька Широкой с товарищи, 30-ть человек, а русских товаров у себя не объявили, а сказали, что они ходят к ясашной самояди для своих старых долгов; а проезжих у них грамот из Пустоозера от приказных людей нет; а Ивашко де Нестулцев с товарищи тех пустоозерцев Савку Крутикова с товарищи, 5 человек, приманя на Обдор, в Носовой городок, переимали и лутчих людей: Савку Крутикова, Коренка Мазлыкова, Ваську Антонова, Ивашка Корепонова, Федосейка Иванова прислали на Березов за приставом, с 20-ть человек, а Митьку Широкова с товарищи послали было на Березов же с березовскими казаки с Митькою Поменином да Степаном Кошірянином, и Митька де Широкой да Жданко Ушаков с товарищи, 25 человек, казаков Митьку и Степанка едучи ограбили да покинули их на тундре, а сами побежали; и тех де казаков нашли на тундре купная самоядь Ниля с товарищи нагих и голодных, и вывезли их в Носовой городок только еле живых. А на Березове пустоозерцы Савка Крутиков с товарищи в распросе сказали, что ездят они из Пустоозера х купной самояди для своих старых долгов; а грамот проезжих из Пустоозера и товаров у себя не сказали; а что де у себя сказали на тундре оленей и хлебного запасу и что с собою привезли мяхкого борошпю, и с того де у них взята наша десятинная пошлина; а взяв пошлины, отпустить их в Пустоозеро для того, что держать их на Березове до нашего указу долго. А приезжают пустозерцы в Березовской уезд по вся годы многие люди и ходят Печерою рекой в судех с великими товары, а с Печеры на Усу реку под Камень, в Роговой городок, и тут они осенюют; а как дорога станет, и к ним приезжают пустозерская каменная самоядь, их знакомцы и други, и та пустозерская самоядь у тех торговых людей нанимаются и товары их возят за Камень по тундрам к ясашной х купной самояди, которая приходит с нашим ясаком на Обдор и в Казым; а иные многие свои товары меняют за Каменем, на Усе реке, в Роговом городке; а сами торговые люди пустоозерцы ездят за товары своими с каменною самоядью на оленях и, не допущая купную самоядь к ясачником на Обдор, и в Казым и в Куноват, с ними торгуют воровством прежде нашего ясаку и сваживают их за Камень, на Усу реку, в Роговой острог; и многая де самоядь, с теми

пустозерцы исторговався и не платя нашего ясаку, отъезжают назад по тундрам, а иная самоядь отъезжают к пустозерцам за Камень и торгуют на Усе реке, в Роговом городке; и от тех де пустозерцев от торговых людей, от их воровства, по вся годы чинится в казне ясаку недобор, а десятинную пошлину многую торговые люди провозят; и нам бы о том велеть указ учинить. И как ся наша грамота придет, и вы б послали из Березова, выбрав из наших служилых людей, атамана, а с ним казаков человек 20-ть или сколько пригож, а велели им проведати, и досмотреть и расспросить русских торговых людей, остяков и самояди: в котором месте у пустозерцев поставлен Роговой городок для торговли и сколь далече от Березова и от Обдора до того Рогового городка ходу водяным и сухим путем, и сколько от Пустоозера рекою Печерою да рекою Усою до Рогового городка ходу; и для чего, без нашего ведома, пустозерцы мужики воровством городок поставили и с самоедью торгуют и нашу десятую пошлину крадут, а в Носовом городке заставу объезжают, и кто именем торговых людей и которых городов приезжая с самоядью торгуют; и расспрося подлинно рассмотрев того городка, велети писати на роспись. Да будет которых городов торговых людей с товары в том в Роговом городке или по рекам на Печере и на Усе заедут, и тех торговых людей, которые воруют, ходят из Пустаозера и с Пенеги и с Мезени и з Ваги Печорою рекой, а из Пустоозера от приказных людей проезжих грамот у них нет, и торгуют с куппою самоядью на Печере или на Усе реке в Роговом городке и десятинные пошлины не плотят; а на Обдоре Носовой городок заставу для нашей пошлины объезжают и на Березов торговать не ездят, переимав их и с их товары привести на Березов, и те их товары переписав, взяли в нашу казну, чтоб им неповадно было вперед воровати и без проезжих грамот торговати. И о том бы есте на Березове и во всем Березовском уезде, на Обдоре, и по рекам на Печере и на Усе, и в Роговом городке велели заповедь учинитс крепкую, чтоб пустозерцы и пенежане и мезенцы и важаня и всех московских городов торговые люди с самоядью и с остяки по лесом и по тундрам и по рекам преж нашего ясаку не торговали; а приезжали б они на Березов и в иные б сибирские городы и торговали с остяки и с вагуличи и с самоедью на наших гостиных дворех после ясашного сбору, и нашу десятинную пошлину с своих товаров платили по нашему указу; а как они исторгуются, и вы б им давали наши проезжие грамоты за нашею печатью, и товары их, с которых возьмете пошлины, в проезжих грамотах писали имянно. А одноличпо б есте повелели смотрети и беречи накрепко, чтоб торговые люди с самоядью, и с остяки и с вагуличи по тундрам и по лесом и по рекам не торговали, и купную самоядь под Камень, в Роговой городок, торговать не отзывали. А которые торговые люди учнут воровати мимо нашу заповедь и учнут торговати мимо наших гостиных дворов, и им быть от нас казненным смертью, а товары их и животы велим имать на нас. А самоедь бы есте и остяков и вагулич ото всяких торговых людей берегли, чтоб их не продавали, и старых своих долгов без наших грамот своим произволением не правили и насильства и убытков не чинили. А которые пустоозерцы Митька Широкой с товарищи, 25-ть человек, своровали, березовских казаков перетрабили и на Березов с ними к вам не поехали и побежали в Пустоозеро, и об них в Пустоозеро к приказным людем наш указ послать. А которых торговых людей в Роговом городке переимают, и тех торговых людей в нашей пене подавали на поруки с записями и отпустили их по городам к себе, а товары их держали в Березове в нашей казне до нашего указу. Да о том отписали б есте подлинно и роспись всяким их товарам прислать к нам к Москве, и велели отписку и роспись отдать в приказе Казанского дворца. Писан на Москве лета 7116-го октября в 21 день.

На обороте: Дьяк Алексей Шапилов.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 16, лл. 139—141, № 30.
Напеч. в РИБ, II, стб. 165—170, № 77.

70. *1607 г. октября 28.— Грамота в Березов воеводе князю Петру Черкаскому о восстании березовских остяков, вогулов и самоедов.*

От царя и великого князя Василия Ивановича всеа Русии в Сибирь, в Березов город, воеводе нашему князю Петру Ахамашуковичу Черкаскому да голове Ивану Игнатьевичу Зубову. В нынешнем во 116-м году сентября в 5 день писали есте к нам, что приезжала из березовских и подгородних юрт от остяка от Ваюска служащая жонка парымского полону Осдопя и, пришед к вам в съезжую избу, сказала на всех Березовского уезда остяков измену: в прошлом в 115-м году приходили к Ваюску в юрты новокрещен Петрушка Куланов с сыном своим с Антонком и говорили они с Ваюском и с Аткатком и с иными со многими остяками, что хотели нашу казну и хлебные запасы громить, и служивых и торговых людей побить, и за тем де у них измена не учинилась, что Онжа и Мамрук Обдорской были на Москве; а в 115-м году тот же Петрушка Куланов с сыном своим с Антонком и с Ваюском и с Аткатком и с иными со многими остяки говорили, что они нынеча знают, как им город сжечь, и казну и хлебные запасы громить, и служивых людей побить; и Петрушка де Куланов и сын его Антонко в распросе перед вами заперлись а подгородные остяки Аткатко и Учкутко да казымский остяк Елгоз в измене повинились, сами на себя и на товарищев своих на всех остяков Березовского уезда измену сказали, и били челом на Петрушку, да на сына его на Антонка, да на новокрещена на Левку, да на Шатрова на Лугуева, да на князя Василия Обдорского, да на тобольлинского шайтанщика да на котских остяков на Тугубаска да на Деруика: вся большая измена чинится от тех людей остяков и самоед, приводят на измену они лучшие люди, и все де березовские остяки и вагуличи им во всем верят; а Петрушка де Куланов и сын его Антонка у пытки в измене по тому ж повинились, что они изменили и остяков в измену призывали, и казну и хлебные запасы погромить и город сжечь хотели по ворожбе его Петрушкины жены, а в измене де были всее земли лучшие люди: князь Василий Обдорской, да сын его Мамрук, да ляпинские остяки Антонко да Лельманко, да ломинские остяки Шатров с братом с Вокчимком, да казымские остяки Богданко Цынгонов да Епочко, да сосвенские остяки табылдинской шайтанщик да Талынко, да котские остяки князь Онжа, да Чуменко, да Тугупаско, да Чауков сын Деруйко, да белогорские остяки Лаутко, да Таирко, да подгородные остяки Ваюско да Аткатко, да новокрещен Левка, и сургутские ясачные люди и пелымские вагуличи отложились, и изменная у них мысль и ссылка меж себя была одна, а всех де было у них людей в сборе остяков и самоеди 2000 человек, а съезду быть было у них всем людям за неделю до Петрова дня в обской протоке, в Изяпали, выше Березова города 15 верст, и казна было громить и к городу приступить. И поимал в той изменной думе подгородной остяк Ваюско, и в распросе в измене повинился, что остяки к нему приезжали и измену с ним думали. И ты, князь Петр, сыскав измену допряма, пущих изменников и воров Антонка Куланова, да Ваюска да новокрещена Левку за воровство и за измену, а Петрушкину жену Куланова за волшебство, велел повесить, чтоб, на то смотря, иным ворам неповадно было воровать. Да по челобитью березовских подгородних остяков Аткатка, да Учкутка да Перымка с товарищи пятидесяти человек сыскав и привели на Березов к вам сосвенских остяков Копжика Микитина, да Талыбку да дву шайтанщиков ляликарского да тоболдинского, да Зарнешка, да Корсомку, да Чевпежка, да казымских остеков Енока да Мопсинка, да Абыска, да Кохрома, да Гагачепка, да Туянка, да Монвидика, и те де все остяки в той измене повинилися ж, сами на себя и на всех остяков Березовского уезда

измену сказали. Да к вам же поимав привел изменников князь Опжа Юрьев куноватских остяков Шатрова Лугуева, да брата его Вокчимка, да Маленгинка, да казымских остяков Паршу да Хулчепка, и вы их про измену распрашивали, и в распросе они во всей своей измене повинилися ж, сами на себя и на товарищев своих измену сказали. Да июня ж в 2 день приехал на Березов князь Мамрук Обдорской, а с ним 8 человек остяков, а в распросе князь Мамрук с товарищи в измене повинились на себя и на отца своего на князя Василия и на всех остяков Березовского уезда, и измену сказал, и изменили они всею землею, и в том де он перед нами виноват, что на отца своего и на всех остяков измены посяместа не сказал, для того что блюлся отца своего и от остяков убивства; а отец де его князь Василий на Березов для своей измены по вашей посылке не поехал. И июня ж в 9 день, поимав князя Василия Обдорского да ляпинского остяка Алыка, привели к вам на Березов, и в распросе вам князь Василий Обдорской и Лечмапко в измене повинилися ж, что сами они изменяли, и остяков и самоед в измену призывали и казну громить и к городу приступать хотели, и в Сургут де он князь Василий к лучшим людям посылал на измену ссылатись, и у всех у березовских и у сургутских остяков изменная мысль одна была, что им было казну громить, и к городу и к острогу приступить и служивых людей побивать хотели. Да июня ж де в 12 день приехали на Березов белогорские остяки Таир Самиров, да Мочей, да Еранской с товарищи, 20-ть человек, и вину всю нам принесли, сами на себя и на товарищев своих измену сказали. Да князь Василей Обдорской сказал: как до преж сего самоеды нам изменили, казну и наряд погромили, мангазейских воевод князя Мирона Шаховского и служивых людей побили, и он де князь Василий в той же изменной думе был, да и тогда де он князь Василий самоеде говорил, чтоб сыну его Мамруку большего изменного дела не сказывали, для того, что сын его Мамрук нам прямит, а его князя Василия не слушает. И вы проведав в остяках шатость и сыскав измену допряма, пущих воров Шатрова Лугуева да тобольдинского шаитанщика да котских остяков Тугупаска да Верунка велели повесить для того, чтоб, на то смотря, иным ворам неповадно было воровать. А иных изменников били кнутьем. А пущих изменников во всей измене: князя Василия Обдорского да ляпинского остяка Лечмапка да Богдашка Цынгопова дали есте за приставов до нашего указу. А князь Мамрук Обдорской да князь Опжа даны на поруку. И ныне де многие остяки и вагуличи всего Березовского уезда вину свою принесли и нам добили челом, и ясак платят и самоед хотят призывать; и говорили де они вам: изменили де они нам для того, что положен на них ясак не в меру, платят де они ясак покупая, продав котлишко и топоры, и в долг емлючи у русских людей и у прожиточных остяков дорогою ценою, и оттого де обнищали и одолжили великими долги, и жены свои и дети на ясак продают, а иные многие голодною смертью померли. Да били нам челом всего Березовского уезда остяки и вагуличи Аткатко да Улкутко да Нерымко да Иаумко да Алымко да Кушкилко с товарищи на изменников на князя Василия Обдорского да на Лечмапка да на Богдашка Цынгопова: вся де большая измена преж сего была ныне от тех изменников, остяков и самоед водят на измену, уграживают остяков и самоед убивством, и им де остяком с теми изменники вперед быти не мочно, и только де вперед быть им живым, и в тех изменникех и вперед чаять измены, и нам бы вам велети об изменникех указ учинить. И вы то учинили гораздо, что пущих начальных воров, сыскав за их измену, казнили, а себя и город и нашу казну и хлебные запасы и служивых людей от изменников уберегли. И мы вас за вашу службу, аще даст бог увидите наши царские очи, пожалуем своим великим жалованьем. И как к вам ся наша грамота придет, и вы б велели собрать остяков и вагулич всего Березовского уезда, а собрав сказывали б есте им, что князь Василий Обдорский с товарищи нам изменяли и в измене сами на себя говорили, что большая измена и смута была

от них, и их всех остяков в измену они привели; а они остяки всего Березовского уезда нам били челом, что им со князь Васильем Обдорским с товарищи вперед жити не мочно, и вперед они от них измепы чают; и мы их остяков пожаловали, вину их им отдали, что опи делали по научепью пущих воров и изменников князя Василия Обдорского с товарищи. А сказав им, князя Василия с товарищи велели казнити, велели повесить, а живот бы его, чем он был пожалован, переписав подлинно, отдали сыну его князя Мамруку, чтоб вперед так не повадно было воровати и иным на то смотря. А которые изменники по вашему сыску и по распросным речам до казни не довелися, и вы б велели, приведчи к шерти, подавати на крепкие поруки с записьми, что им вперед не воровать и не изменять. А которые князьки и остяки и вагуличи сами свои вины принесли и нам добили челом и на товарищей своих измену сказали, и вы б им сказали наше жалованье, что мы их пожаловали, опалу свою им отдали, и они бы вперед так не делали, и нам не изменяли, воров не слушали и на воров на их вперед измену извещали, и того у себя изменного воровства не таили, и извещали на воров всех воеводе и головам, и жили б в нашем царском жалованье и в милости по прежнему безо всякого сумненья. А жонке, которая про остяцкое воровство и про измену вам извещала, и вы б ей велели жити в Березове на посаде, и двор ей велели отделить от всяких наших податей и от сделей, и промышлять ей и торговать безпошлинно до ее живота, да ей же б есте дали нашего жалованья из нашей казны 2 сукна добрых да 10-ть рублев денег, и велели ее беречи. И вперед бы есте жили с великим береженьем, и про остяцкое воровство и про измену сыскивали и проведывали накрепко, чтоб от них вперед которые измены и воровства не было. А которые будет ясачные люди охудали нашего ясаку, и платить им нечем, а похотят ехать к нам к Москве бити челом, что на них ясак положен не в меру, и жены свои и дети на ясак продают, а иных в ясаках закладывают, и вы б из тех ясашных людей человек двух или трех отпустили к нам к Москве, и роспись подлинную ясачным людям и волостям, сколько в которой волости ясачных людей и почему с человека ясаку платят, прислали, а до нашего указу с них ясаку не имали. Да о том отписали к нам к Москве и велели отписку и роспись отдати в Казанском и в Мещерском дворце. Писан на Москве лета 7116-го октября 28 день.

ГАФКЭ, портфели Миллера, № 481, III, № 40.

71. *1607 г. не ранее ноября 20.— Отписка тюменского воеводы боярина Матвея Годунова туринскому воеводе Ивану Годунову о приходе на Тюмень тестя царевича Чувака Евлубая Бекотина с татарами и о неправильности известий о нападении калмыков на тюменских татар.*

Господину Ивану Никитичу Матвей Годунов да Назарей Изъединов челом бьют. В нынешнем, господине, 116-м году ноября в 20 день писал еси к нам Туринского острогу с ямщиком с Пуминком: сказывали де тобе Якбаева юрта татарин Алача, а ему де Алаче сказывал Сарагул, будто колмацкие люди на звеговье побили тюменских татар семи человек, а один де у них ушел, Байгарою зовут. Да из Тобольска де, господине, к нам будто писали, что колматских послов нам не отпускати до их отпуску колматских послов. И из Тобольска, господине, к нам о том не писывали, чтоб нам колматских послов не отпускати. А на зверовье татар не побивывали, и во всем Тюменском уезде в татарех Байгары нет. И в нынешнем, господине, 116-м году ноября в 15 день пришел на государево имя от Азима царевича брата Азимова Чувака царевича тесть Евлубай Бекотин с женою и с детьми, а с ним татар 11 семей, и сказывал нам в распросе, что отошли они от Азима к Обаге реке, и нашли де на них Алтаная царевича дядька Боишан, а с ним колматских людей человек с 30 на Балак-Емес озере, и у него де Евлубая лошади

отогнали, и они пришли на Тюмень пеши. А в Тоболеск де пошел от Азима же сеит, а с ним татар 10 семей. И тебе бы, господине, те вести были ведомы.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 5, л. 62 об., № 53.

72. *1608 г. января 10. — Грамота в Березов воеводе Петру Черкаскому о выдаче березовским служилым людям жалованья за городовую службу во время восстания березовских остяков, вогулов и самоедов.*

От царя и великого князя Василия Ивановича всеа Русии на Березов воеводе нашему князю Петру Ахамашуковичу Черкаскому да голове Ивану Игнатьевичу Зубову. Били нам челом Березова города атаман казачей Истома Аргунов, да казак Васька Юрьев, да литвин Федька Волошенин и во всех товарыщов своих Березова города служилых людей литвы и казаков место, а сказали: в прошлом во 115-м году, как де изменили Березовского уезда все ясашные люди, и они де в те поры на Березове сидели в осаде два месяца, и около города ров копали, и во рву острог ставили, и город крепили, и божьею милостью многих изменников переимали; и нам бы за их службы и за городовое дело пожаловать нашим великим жалованьем, сверх годового. И мы Березова города всех служилых людей пожаловали, велели им дати нашего жалованья за городовое дело, сверх годового, по полтине человеку. А которые Березова города служилые люди были на Москве в челобитчиках: литвин Миколай Орехов, казаки Васька Роев, Андрюша Микифоров, Мещерин, Ивашко Лихачев, Ивашко Смолянин, Меншилко Иванов, Левка Семенов, Макар Федоров, Богдашка Егупов, всего 9 человек, и тем наше жалованье за городовое их дело по полтине человеку дано на Москве сверх годового. И как к вам ся наша грамота придет, и вы б Березова города нашим служилым людем атаману и литве и казакам Истоме Аргунову с товарищи 314-ти человеком за городовое известье и за службу нашего жалованья по полтине человеку дали всем па лицо, опричь беглых и мертвых, которые будет из того числа выбыли, и опричь новиков, которые прибраны па выбылые места и городового дела не ведали; и в расходные книги те деньги велели записать имянно; а кому именем нашего жалованья за городовое известье дадите, и вы б о том отписали, и роспись прислали к нам к Москве, и велели отписку и роспись отдать в приказе Казанского и Мещерского дворца, чтобы нам было ведомо. Писан на Москве лета 7116-го генваря в 10 день.

На обороте: Дьяк Алексей Шипилов.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 16, л. 141 и 141 об., № 31.

Напеч. в РИБ, II, стб. 170—172, № 78.

73. *1608 г. апреля 3. — Грамота в Пелым воеводам Ивану Годунову и Петру Исленьеву об ясаке с пелымских ясачных людей.*

От царя и великого князя Василия Ивановича всея Русии в Сибирь, в Пелымской город, воеводам нашим Ивану Михайловичу Годунову да Петру Даниловичу Исленьеву. Били нам челом Пелымского уезда ясачные вагуличи Коротайко Исаков, да Сармамет Манчиков да Конды Большие Курманак мурза Топаев и во всех товарыщей своих место Пелымского города и Конды Большие и Меньшие ясачных людей, а сказали: прежде сево положен на них наш ясак тяжело, а платили де они нашего ясаку со всех волостей и с Конды Большие и с Меньшие с 526 человек по 69 сороков и по одному соболю да поклонных по шти сороков и по 10 соболей, и всего платили де они нашего ясаку и с поклонными собольми по 75 сороков и по 11 соболей сполна, а нынеча де нашего ясаку по прежнему окладу платить вперед нечем, зверя стало мало, потому что место обрусело, и нынеча де им в нашем ясаке чинится нужа великая, и нам бы их пожаловати для их нужи велети в нашем ясаке полготить. И как к вам ся наша грамота придет, и вы б Пелым-

ского уезда и Конды Большие и Конды Меньшие со всех с ясачных людей, с татар и с вагулич, нашего ясаку велели имати вперед со всех по 7 соболей с человека; а в том нашем ясаке велели им верстатися самим, хто в которую статью пригодится, смотря по людям, и по животом и по промыслом, или с ними уговорилися, мочно ли им платити наш ясак против тобольских ясачных людей, против дву рублев с гривною всякому человеку мягкою рухлядью, и давати не ясак по 7 соболей со всякого человека, положа цену; да на чем с ними уговоритеся, и вы б о том подлинно отписали к нам к Москве и велели отписку отдать в приказе Казанского и Мещерского дворца. Писан на Москве лета 7116-го апреля в 3 день.

На обороте: Дьяк Алексей Шипилов. Справил подьячий Ивашко Васильев.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 16, л. 356 и 356 об., № 58.

74. *1608 г. апреля 10.—Грамота в Пелым воеводам Ивану Годунову и Петру Исленьеву о пашне табаринских татар.*

От царя и великого князя Василия Ивановича всеа Русии в Сибирь, в Пелымской город, воеводам нашим Ивану Михайловичу Годунову да Петру Даниловичу Исленьеву. Били нам челом Пелымского города тоборинские татаровя князь Боча Мостов да Емельтяш Еменев и во всех товарищей своих место тоборинских татар а сказали: пашут де они пашу пашню 16 лет, а русскими де сохами они пахати не умеют; и в нашей де им пашне ставится нужа великая, а лошадей де у них нет, пахати вперед нашие пашни не на чем; и нам бы их пожаловати, нашие пашни пахати им не велети, а велети им давати в нашу казну ясак собольми и всякою рухлядью с пелымскими и с кондинскими вагуличи вместе. А в списку, каков прислан с Пелымя в нынешнем в 116-м году, написано: Пелымского уезду Тоборинские волости пашенных татар князь Боча Мостов с товарищи 73 человека. А наперед того, до тех мест, как Пелымской город был не поставлен, те тоборинские татаровя платили наш ясак в Тоболеск. А в тобольских ясачных книгах 101-го года написано: волость Таборы, а в ней ясачных людей при Кучуме было 60 человек, а по сыску 50 человек, да к ним же приписана была для подвод волость Тырбынь, а в ней ясачных людей 5 человек, а ясак велено им давати с тоборинцы с одного; и с Тоборов нашего ясаку было по окладу против шти тысяч 200 белок, а с Тырбын против 700 белок, и всего с Тоборов и с Тырбынские волости с 55 человек ясаку было по окладу против шти тысяч 900 белок; и в то число взято с них 3 сорока 19 соболей, 5 куниц, 9 лисиц бурых и красных, 34 бобра и ярцов, 2 шубы собольи пупчаты, шуба белья облячпая, и всего взято всякие рухляди против шти тысеч 50 белок по цене на 51 рубль. И как к вам ся наша грамота придет, и вы в тоборинским пашенным татарам, князю Боче Мостову с товарищи, сказали наше царское жалованное слово, что мы их пожаловали, велели на их место на тоборинскую пашню прибирати пашенных людей; а как пашенные люди на тоборинскую пашню приберутся, и тогды с них велим и пашню сложить, а велим платить ясак с пелымскими вагуличи вместе. А сказав им наше жалованное слово, велели б есте в Тоборы на нашу пашню прибрати пашенных людей человек с 50 или до 100, от отца сына, от дядь племянников, от сусед соседов, а не с тягла, охочих людей; а прибрав, велели им давать на подмогу и на дворовое строение и на лошади для нашие пашни деньги из нашие казны с поруками против иных новоприборных пашенных людей, которым даваны подмоги в сибирских городех, в Тюмени и на Верхотурье, и смотря по тамошнему делу; и сажали их в Тоборах на пашню по уговору, на которой доле кто похочет сести, и пашню им на прокормление, и угодия всякие давали по тому же по долям против тюменских и верхотурских крестьян, и льготы им на год и на два велели дати; и в наших подможных деньгах и в нашей пашне имали б есте по них крепкие поруки с записьми, что им, взяв наше жалованье

на подмогу, жити в Тоборах и пашу пашню пахати и из Тоборов не сбежати; и послали б есте с ними в Тоборы с Пелыма для нашие пашни из детей боярских кого пригож. А тоборинских бы есте татар князя Бочу Мостова с товарищи распросили: наперед сего они в Тоболеск ясак платили против белок ли и, будет против белок, и по скольку соболей с человека ясаку платили, и за сколько белок соболь давали, и что белке в ту пору цена была, и мочно ль им ныне ясак платить против прежнего окладу против белок же, или будет захотят ясак платить потому ж против пелымских и кондинских ясачных людей по 7 соболей с человека, а пелымскою ценою против дву рублев с гривною всякому человеку; да что тоборинские вагулячи в распросе вам скажут и на чем уговоритеся с ними вперед нашего ясаку платить, и сколько пашенных людей на их место приберете, и что им нашего жалованья подмоги дадите, и что им вперед дати, и на чем кого именем на пашне посадите, и какими угодьи их устроите против иных сибирских городов, а вы б о том отписали к нам к Москве про все подлинно в приказ Казанского дворца, и мы по тому тоборинским татарам велим указ учинить. Писан на Москве лета 7116-го апреля в 10 день.

На обороте: Дьяк Алексей Шипилов. Справил подьячий Ивашко Васильев.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 16, лл. 356 об.—358, № 59.

75. *1608 г. не ранее июля 20.— Отписка тюменского воеводы боярина Матвея Годунова туринскому воеводе Ивану Годунову о незадержке в Туринске служилых людей, посланных с царевичем Алтынаем.*

Господам Ивану Никитичу да Роману Ондреевичу Матвей Годунов да Семен Волынской челом бьют. Нынешнего 116-го году июля в 20 день посланы с Тюмени провожать Алтыная царевича тюменские служивые люди Михалко Ивашкин с товарищи 10 человек до Туринского острогу. И вам бы, господа, велеть их из Туринского острогу отпустить на Тюмень, не задержав, тотчас.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 5, л. 63, № 56.

76. *1608 г. не ранее августа 6.— Отписка тюменского воеводы боярина Матвея Годунова туринскому воеводе Ивану Годунову о походе Уруса мурзы под Тюмень.*

Господам Ивану Никитичу да Роману Ондреевичу Матвей Годунов да Семен Волынской челом бьют. Нынешнего 116-го году августа в 6 день писал к нам на Тюмень уфинской сын боярский Иван Каловской: послал де его с Уфы воевода Никита Годунов да Афанасий Власьев в Каратабынскую волость со стрельцами оберегать от колматских и от нагайских людей; и он пришел в Каратабыньскую волость июня в 21 день, и того ж де числа пришли в Каратабыньскую волость нагайские торговые люди Каркель, Маметева улусу, 3 человека, а сказали ему в распросе: послал де Урус мурза резвых воинских людей 200 человек под Тюмень, которые кочевали преж сего с Алеем царевичем в улусах, а сам де Урус мурза идет под Тюмень после их, а с ним воинских людей 2000 человек. И вам бы, господа, те вести были ведомы.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 5, л. 63, № 55.

77. *1608 г. не ранее сентября 4.— Отписка тюменского воеводы боярина Матвея Годунова туринскому воеводе Ивану Годунову о походе атамана Дружины Юрьева на Уруса мурзу и нагайцев.*

Господам Ивану Никитичу да Роману Ондреевичу Матвей Годунов да Семен Волынской челом бьют. Нынешнего 117-го году сентября в 3 день писали есте к нам: сказывал вам тюменской татарин Иванча Тюрюбаев: пришли де под

Тюмень воинские многие люди и хлеб пожгли. И в прошлом, господа, в 116-м году августа в 26 день приходили на Пышму реку нагайские люди, Урус мурза с товарищи, были от Тюмени в 20 верстах, погромили тюменских служивых людей татар два юрта, а под Тюменью они не были, и погромя юрты, побежали того же числа назад; и мы посылали за ним с Тюмени в погоню атамана Дружину Юрьева, а с ним служивых людей: литву и конных казаков и татар, и Дружина сопел нагайских людей и Уруса мурзу с товарищи за Исетью рекой, и божьею милостью и государя царя и великого князя Василия Ивановича всея Русии счастьем, многих нагайских людей побили, и языки поимали и полон весь отгромили назад; и пришел Дружина со всеми тюменскими служилыми людьми и на Тюмень сентября в 4 день здорово.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 5, л. 63 об., № 57.

78. *1608 г. не ранее декабря 13.— Отписка тюменского воеводы боярина Матвея Годунова туринскому воеводе Ивану Годунову об отправке в Москву сибирских цариц и о корме им.*

Господам Ивану Никитичу до Роману Ондреевичу Матвей Годунов да Семен Волынской челом бьют. Нынешнего 117-го года декабря в 13 день отпущены с Тюмени к государю царю и великому князю Василию Ивановичу всея Русии к Москве с атаманом с Дружиною с Юрьевым сибирские царицы, и корм им даван с Тюмени до Туринского острогу. И вам бы, господа, потому же отпустить их на Верхотурье и корм им дать, чем сытым быть до Верхотурья, и вина.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 5, л. 64 об., № 59.

79. *1608 г. не ранее декабря 25.— Отписка кетского воеводы Григория Елизарова томским воеводам Василию Волынскому и Михаилу Новосильцеву о нападении тунгусов на Кузнецкую волость и о сообщении вестей про киргизов.*

Господам Василью Васильевичу, Михаилу Игнатьевичу Григорей Елизаров челом бьет. В нынешнем, господине, во 117-м году декабря в 25 день приходили в Кецкой острог с государевым ясаком кецкие ясашные люди князец Урнучко да лутчей человек Олка, а ходил тот Олка для государева ясаку в переводчиках в новыя землицы к князцу к Намаку; и сказывал тот Олка, что он слышал от князца от Намака ж и от их ясашных людей, что приходили воевать тунгусы, князец Данул с своими людьми, государевых ясашных людей Кузнецкие волости князца Тюметка в осень в судах по последнему пути и єво государевых ясашных людей воевали, дву человек у них ранили, Тюметкова сына да ясашново человека. Да тот же Олка сказывал, что слышал от князьца от Намака ж и от их ясашных людей, что тунгусы хотят государевых ясатчиков служивых людей, которые к ним придут по ясак, побить, а оставить казака одного да переводчика для вожеванья, да хотят итти воевать кецких государевых ясашных людей вниз по Кете к Кецкому острогу. Да в прошлом, господине, году из Кецкого острогу Володимир Молчанов посылал для государева ясаку служивых людей па Енисею к Тюлькину сыну и их людем, и они государева ясаку не дали, а дали поминки соболишка худые и Володимир их и к Москве к государю не смел отослать: а живет де тот Тюлькин сын и с своими остяками податно к киргисским людем, и ясак в прежних годех давал тот Тюлькин сын киргисским людем, а надеются на тех же киргисцов, что государю ясаку не платят. А как, господине, осенесь встретили мы томских людей с государевою казною, и они сказывали, что из Томского города государевы люди тех киргисских людей воевали; и вы бы, господине, велели ко мне про то отписать: киргисские люди государю добили челом и ясак платят ли. А послал есми, госпо-

дине, к вам с сею грамотою казака сургцково Мироху Павлова да толмача Ивашка Нарабельсково.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 16, лл. 42 об.—43, № 7.

Напеч. в „Актах врем. правл. царя Василия Шуйского", изд. А. Гневушевым, стр. 68—69.

80. *1609 г. не ранее марта 18.—Отписка тюменского воеводы боярина Матвея Годунова туринскому воеводе Ивану Годунову о высылке татар, подозреваемых в измене.*

Господину Ивану Никитичу Матвей Годунов да Семен Волынской челом бьют. Нынешнего 117-го году марта в 18 день писал еси, господине, на Тюмень к нам, что извещал государю царю и великому князю Василию Ивановичу всея Русии Туринского острогу ясачный татарин Баигара Кепзин да сын его Бигул на тюменского служилого татарина на Бекмаметка Казанкина да на товарищев своих Туринского острогу на ясачных татар на Янгурчу с товарищи, что тот татарин Бекмаметко Казанкин приезжал к ним Янгурче с товарищи, а говорил де им: у вас де лошади и сайдаки и сабли готовы ли, а у них де у тюменских все готово, а умышленье де их то: хотят государю изменить, выехать все вдруг в те поры, как снег станет с поль сходить, а изменя приходити им под государевы городы с колмаками вместе. И по твоей, господине, грамоте того Бекмаметка Казанкина мы распрашивали и пытали его накрепко, для чего он с Тюмени Туринского острогу к ясачным татарам к Янгурче с товарищи ездил, и какое изменное слово говорил, и кто его с Тюмени именем послал. И тот Бекмаметко в распросе и с пытки нам сказал, что он ездил к татарину к Агитку для долгового взятку, а с Янгурчею и с иным ни с кем ни которого изменного слова не говаривал. И тебе бы, господине, сыскать про то накрепко: тюменской служилой татарин Бекмаметко Казанкин от кого имянем от тюменских татар приезжал и то изменное слово говорил, и о том к нам отписать. И того Баигару и сына его Бигула, которые государю извещали, и Янгурчу с товарищи, к коим тот Бекмаметко приезжал, прислал на Тюмень с тюменским с конным казаком с Семейкою Бусыгою, кого с сею грамотою к тебе послал, чтоб их поставить с очей на очи. А мы их ничем не избесчестим, еще их за то государь пожалует. А служилые и ясачные тюменские татаровя бьют челом государю о праведном сыску, что они того Бекмаметка не посылывали и государю они не изменники.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 5, лл. 64 об.—65, № 60.

81. *1609 г. ранее марта 29.—Отписка тюменского воеводы боярина Матвея Годунова туринскому воеводе Ивану Годунову о допросе татар, высланных из Туринска по подозрению в изменном деле и о невозможности послать служилых людей.*

Господину Ивану Никитичу Матвей Годунов да Семен Волынской челом бьют. Нынешнего 117-го марта в 29 день писал ты к нам на Тюмень и прислал с тюменским конным казаком с Семейкою Бусыгою Туринского острогу ясачных татар Баигару Кензина да сына его Бигула, да Чавгильдейка Теребердеева с женою, да Колмаковскую жену Болташа с сыном Игильдеем для распросу и очные ставки с татарином с Бекмаметком в изменном деле. И тот Байгара и сын его Бигул в распросе нам сказали: сказывала де им Байгаре да Бигулу Кортутова юрта татарка Колмаковская жена Болташ да сын ее Игильдей, что приезжал к ней Болташи туринской ясачный татарин, Янгурчею зовут, о котором ты преж того к нам писал, свататься у нее за дочерь за племянника своего Кугунчу, а с ним де приезжал тюменский татарин Бекмаметко Казанкин, и говорил де тот Бекмаметко, что им тюменским татарам от воевод и от русских людей насильство великое, и у них де у тюменских лошади и сайдаки и сабли готовы, и как придут под Тюмень колмаки воевать, и

они хотят отъехать все; а как он Бекмаметко про то говорил, и тот Янгурча, с коим он присзжал, был в те поры в другой юрте, говорил он Бекмаметко без него Янгурчу; и то он Байгара с сыном на него Бекмаметку тобе извещали, и Колмаковская жена Балташ, да сын ее Игильдейко, да Чавгильдейко с женою сказали нам тож, что Байгара с сыном сказывали; а того де он Бекмаметко не говаривал, что у них Туринского острогу татар лошади и сайдаки и сабли готовы, и того де они тобе в извете не сказывали же. А тюменской служилой татарин Бекмаметко Казанкин в том во всем заперся того де он ничего не говаривал, что тюменским татаром от воевод и от русских людей насильство великое, и того не говаривал же, что у них лошади и сайдаки и сабли готовы, то де на меня они взвели напрасно. Да Байгара ж Кензин нам сказал: в прошлом де в 116-м году посылали Туринского острогу татаровя бити челом государю о ясачной сбавки татар его Байгарина сына Бигула да Янбая мурзу да Чавгилдейка, а с ними послали к Москве для поминку лисицу черну, шубу соболью, 50 соболей, 2 бобра, и они де Бигул с товарищи в том ясаке льготы им никоторые не учинили, и тех поминков с Москвы не привезли, и Туринского острогу ясачные татаровя Юзеим Окшеев с товарищи той поминочной рухляди просят у них назад, а им дать нечего, и тот де Юзеим говорил: только де не отдадите вы Бугул с товарищи нашего живота, и мы де сами у вас поемлем все да отъедем, где нам надобе. И мы, господине, тех татар Байгуру с сыном и Колмаковскую жену с сыном и Чавгилдейка с женою отпустили к тобе в Туринской острог с Матюшкою Пешком с товарищи, кои с ним на Тюмень приезжали. Да писал ты нам о служилых людех, чтоб прислать в Туринской острог; и на Тюмени служилых людей мало, писать тебе о служилых людех в Тоболеск.

ААН, ф, 21. оп. 4, лл. 65 об. — 66, № 61.

82. *1609 г. не ранее апреля 1. — Отписка верхотурских воевод Степана Годунова и Ивана Плещеева пелымскому воеводе Ивану Годунову о сыске по делу о приходе на Неглу и на Туру сосвинских вогулов Андрюшки и Семейки Кумычевых.*

Господам Ивану Михайловичу, Петру Даниловичу Степан Годунов, Иван Плещеев челом бьют. В нынешнем в 117-м году марта в 28 день писал на Верхотурье к нам из Туринского острогу Иван Годунов, что извещали государю царю и великому князю Василию Ивановичу всея Русии в Туринском остроге ясачные татаровя Байгара с сыном Туринского острогу уезду на татар на Янгурчу с товарищи, что они Янгурча с товарищи хотят государю изменить с тюменскими татары вместе и кони готовят, а приходить де им на русских людей и под сибирские города с войною, как ныне снег сойдет. И в распросе Верхотурского уезда татарове и вагуличи Нелук и Казаринко с товарищи сказали нам, что одноличию в туринских и в тюменских татаровех умышленье и шатость в них есть, хотят государю изменити и на русских людей приходить им, как ныне снег сойдет. Да к нам же писал на Верхотурье с Кошая Ворошилко Власьев апреля в 1 день: приходили де к нему Ворошилку на Неглу с верх Сосвы реки Верхотурского города уезду ясачной вагулятин Цыба Албаутов да Пелымского города уезду сосвинской же вагулятин сотников Кумысов сын Андрюшка, и распрашивали де у него Ворошилка те вагуличи про русские вести, и про запасы, и про однорядки, и сколько де у тебя наемных людей и много ли пищалей, а будем де мы к тебе торговати, как лед вскроется; а про русские де вести ты Ворошилко нам не сказываешь, и мы де про русские вести и сами ведаем, что на Москве русские люди меж собою секутся; а наперед де того к нему те вагуличи не прихаживали и ни о чем у него у Ворошилка не распрашивали. Да Кумычев же де сын Семейка, приходя с Сосвы на Туру реку, по юртам у ясачных татар и у вагулич про русские вести проведывает и живет в туринских юртах тот Семеика, не выходя всегда, неведомо для чего. И вам бы, господа, те вести были

ведомы. А про то б, господа, вам на Пелыми сыскати накрепко: для чего Кумычев сын Ондрюшка к Ворошилку на Негху приходил и для чего он у него про запас и про люди и про пищали и про русские вести расспрашивал, и нет ли в них которые воровские шатости и измены к государю, и другой Кумычев сын Семейка для чего, переходя на Туру реку, по юртам русских вестей проведывает. А как, господа, сыщете о том и что у вас на Пелыме вестей, и вам бы, господа, на Верхотурье к нам о том отписать тотчас о всем. А слух нас дошел, что в Туринском остроге в юртах татарове русских людей дву человек убили.

На обороте: Господам Ивану Михайловичу, Петру Даниловичу. — 117-го апреля в 11 день привез с Верхотурья грамоту верхотурской стрелец Еска Сумароков.

ГАФКЭ, портфели Миллера, № 478, I, грам. № 37. Два састава. — Спис. XVIII в. в ААН, ф. 21, оп. № 16, лл. 360—361, № 63.

Напеч. в „Актах врем. правл. царя Василия Шуйского", стр. 70—71, № 59.

83. *1609 г. не ранее июля 6.— Отписка кетского воеводы Григория Елизарова тобольскому воеводе князю Ивану Катыреву-Ростовскому с товарищами о действиях служилых людей против тунгусов, нападавших на ясачных людей, и о недостатке хлебных запасов в Кетском остроге.*

Господам князю Ивану Михайловичу, Борису Ивановичу да государя царя и великого князя дьяку Нечаю Федоровичу Григорей Елизаров челом бьет. В нынешнем, господине, в 117-м году декабря в 25 день приходили, господине, в Кецкой острог с государевым ясаком кетцкие ясашныя остяки верхней волости князец Урнучко да переводчик Олка, а ходил тот Олка для государева ясаку в переводчиках в новые землицы к князцу к Намаку, а сказал, что слышал в той волости, что воевали тунгусы, князец Данул с своими людьми, государевых ясашных людей Кузнецкие волости, князьца Туметка и их волость, в судех по последнему пути и у них дву человек ранили, а достальные ясашные люди разбежалися; а те тунгусы ясаку не плачивали. Да то же Олка сказывал, что он слышал в той же волости, что те же тунгусы хотят государевых ясатчиков, служивых людей, которые к ним придут по ясак, побить, а оставить казака одново да переводчика для вожеванья, да хотят итить воевать ясачных людей вниз по Кете к Кецкому острогу, чтобы оне государю ясаку не давали, а давали ясак им. И в нынешнем, господине, году маия в 6 день посылал я по тем вестям государевых служилых людей сургуцких стрельцов и казаков десятника Ивана Каидалова с товарыщи да зырян, которые были в остроге, и кецких ясашных остяков князьца Киргея, да князьца Урпука да князьца Номака с товарищи на тех тунгусов воевать; и божьею милостию и государевым счастием тунгусов воевали, а языки были раненые, и они от ран в руках померли. И в кою пору государевы люди ходили воевать в Тунгусы, а новыя ж землицы князец Кобытя, Тулкин сын, убояся войны государевых людей, прислал государю ясаку два сорока соболей к ясашным государевым людям в новую ж землицу в Вeслову волость; а прежь сево тот князец Кобыта Тулкин сын государю ясаку не давывал же. И как, господине, государевы служивые люди из Тунгусов из их земли вышли, и те тунгусские люди собрався воевали государевых ясашных людей Сымской волости князьца Калгетя с товарищи. И в прошлом, господине, в 116-м году отпущен государев запас в Кецкой острог с Верхотурья и с Тобольска по росписи не сполна, на остяцкие расходы недослано 10 четвертей муки, да 5 четвертей круп да 5 толокна, и для нынешние тунгусские службы давал государев запас князьцом и остяком, которые были на государевой службе, и зыряном муки и крупы и толокна, и осталось в житницах государева запасу июля по 6 день 20 четвертей муки с четвертью да круп и толокна 26 четвертей, и того государева запасу

на остяцкие расходы и на закладчиков; и как учнут приходить остяки с государевым ясаком, и на зиму будет мало.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 16, лл. 43—44, № 8.
Напеч. в РИБ, II, стб. 203—206, № 89.

84. *1609 г. не ранее июля 21.— Отписка тобольского воеводы князя Ивана Катырева-Ростовского пелымскому воеводе Ивану Годунову о вестях, полученных из Березова, о движении среди остяков и о высылке в Тобольск кондинского князька Четыря.*

Господам Ивану Михайловичу, Петру Даниловичу Иван Катырев Ростовский челом бьет. В нынешнем в 117-м году июля в 21 день писали к нам в Тоболеск с Березова воеводы Степан Волынский, Юрий Стромилов, что в нынешнем во 117-м году июня в 25 день посылали они на Сосву березовских казаков Тимошку Москвитянина, Левку Канкарова для недоборного ясаку; и принесли к ним те казаки стрелу, а на ней парезано 11 шайтанов с рубежи, а поперек шайтаны резаны, и железо стрельное терто; а сказали им те казаки, что они тое стрелу взяли у котского остяка у Кочегомка; и оне тое стрелу казали служилым и торговым людям, и служивые и торговые люди сказали, что наперед сего такие стрелы ходили промеж остяков для измены; а остяк Кочегомко с пытки перед ними про измену сказал на княгиню Анну Игичееву, да на деверя се Чюмейка да на брата ее на Гаврилка новокрещена: как они княгиня Анна и Чумейко ездили в Сургутский уезд, в Вах к своим остякам по ясак, и из Сургута приехав на усть Иртиша к белогорским остяком к Таиру Самарову с товарищи, а тут с ними был сургутский остяк Неулко с братьею, и о измене они вместе тут договорились допряма, и княгиня и Чумейко поехали к себе к Коду; и по их изменному договору Неулко с братьею и белогорские остяки Таир с товарищи послали к ним тое изменную стрелу к Коду, ко княгине и к Чумейку и к Гаврилку, а на стреле нарезано 11-ть шайтанов с рубежи, и стрельное железо терто; и он тое стрелу в Коду к ним привез, и они с ним тое изменную стрелу послали к сосвинским остяком, велели ему с ними о измене договоритись допряма. И тое стрелу березовские казаки у него взяли, привезли к ним на Березов. А Чумейко с пытки на себя и на княгиню Анну и на брата ее на Гаврилку и на Неулка с братьею и на Таира с товарищи в измене сказал же, что оне, едучи из Сургута, в юртах у Таира с товарищи о измене договорились; и с Коды княгиня и оне Чумейко и Гаврилко посылали зимусь на Обдор ко князьку Мамруку кодацкого остяка Тугуманка, чтоб он Мамрук с обдорскими остяки был с ними в одну измену готов; и князь Мамрук приехал к ним с тем же остяком и говорил им, что он со всеми обдорскими остяки и с самоедью с ними в думу готов; а преже де было им убить князька Онжу Юрьева, да на проезде побивать всяких русских людей и, собрався со всеми остяки, итти было им к Березову городу войною, как будут темны ночи. Да Чумейко ж с пытки говорил: как оне ехали из Сургута, и у Таира про измену договаривались, и в те поры ехал на Березов Зимуль, тобольской юртовской татарин, Бекбаулы абыз, да Деветкилдей, да Клеубердый с ними де тое изменную думу думали вместе; да абыз же сказывал им, что послал он с усть Конды кондинского князька Четыря в верх по Конде во всю Кондинскую землю к остяком для измены, и кондинские остяки все с ними войною под Тобольск готовы; а того оне с абызом не договорились, о кою пору и в который день под Тоболеск им приходить; а которые остяки на усть Иртыша живут близко, и те остяки с ними ж в одной изменной думе; а про сургутских остяков, которые живут вверх Сургута и про пелымских и про тюменских и про епанчинских татар про измену Чумейко не ведает. И тое изменную стрелу прислали к нам в Тоболеск. И вам бы, господа, те вести ведомы были. А по кондинского князька Четыря послали мы из Тобольска тобольского пешего казака Ивашка Барана а велели ему, того князька

Четыря взяв, отвести на Березов и отдати воеводам для подлинного сыску и очной ставки. И будет Иванко Баран того князька Четыря не изъедет, и вам бы того князька велети сыскати а сыскав послати на Березов к воеводам с Иванком же с Бараном, не замотчав, чтоб то их воровство скорее объявилось. А жили б есте с великим береженьем, и сторожи у вас были крепкие, и про шатость во всяких людей проведывая, писали к нам в Тоболеск.

На обороте: 117-го августа в 20 день привез из Тобольска грамоту на Пелым тобольской казак Ивашка Баран.

ГАФКЭ, портфели Миллера, № 478, I, грам. № 38. Два сстава. — Утерянный конец отписки (см. выше, со слов: „... и собрався со всеми остяки...") *восстановлен по списку в ААН, ф. 21, оп. 4, № 16, лл. 361—362 об., № 64.*

Напеч. в „Актах врем. правл. царя Василия Шуйского", стр 72—73, № 61.

85. *1609 г. августа 6. — Грамота в Пелым воеводам Ивану Годунову и Петру Исленьеву о приборе охочих людей на пашню в Табаринскую волость.*

От царя и великого князя Василия Ивановича всея Русии в Сибирь, в Пелымский город, воеводам нашим Ивану Михайловичу Годунову да Петру Даниловичу Исленьеву. В нынешнем во 117-м году октября в 8 день писали есте к нам, что по нашему указу велено вам прибрати в Пелымской уезд в Таборинскую волость пашенных охочих людей человек с 50-т и до 100 от отца сына, и от дядь племянников, и от братьи братью, и от сосед соседов, а не с тягла; а на подмогу на лошади, для нашие пашни и на дворовое строенис велено вам давати из нашие казны; и в Таборы охочих вольных людей на Пелыми на пашню прибрати не кого; а в Перми де и у Соли Камской охочих людей на тоборинскую пашню добыти мочно, а без нашего указу их не отпустят; да и на подмогу им и на дворовое строение давати нечего: денег в казне нет; и нам бы вам о том велети указ учинити. И как к вам ся наша грамота придет, и вы б послали в Пермь Великую и к Соли к Камской с Пелыми сына боярского добра, а с ним стрельцов, сколько человек пригож, а велели ему, приехав на Верхотурье, взяти у воевод у Степана Годунова да у Ивана Плещеева на подъем пашенным людям, которые приберутся в Перми и у Соли, 150-т рублев; а наш указ к ним о тех деньгах послан: а взяв те деньги, приехав в Пермь и к Соли к Камской, свестяся с приказными людями, велели прибрати в Тоборы на пашню охочих людей, а не с тягла, по прежнему нашему указу, человек с 50-т и до 100 от отца сына, и от братьи братью, и от дядь племянников и от сосед соседов, а не с тягла. А велели о том в Перми и у Соли и в уездах по торгам и по малым торжкам кликати, бирючем не по один день и сказывати им: кто похочет в Тоборы во крестьяне, и их по нашему указу велено сажати в Тоборах на пашню по уговору, на которой доле кто похочет сести; а пашню им и угодья всякие и на подмогу на лошади и на дворовое строение деньги велено давати из нашие казны, и наша пашня пахати по тому ж по долям, против тюменских крестьян, по уговору, на чем кто сядет; а льготы им велено давати на год и на два и больше, смотря по пустоте. Да только охочие люди в Тоборы на пашню прибирать учнут, и тех людей имена их кто сколько сядет велели писати на роспись и, уговорясь с ними льготою и подмогою и взяв по них в побеге и в нашей пашне и в подможных деньгах поруки с записьми, велели их и по них поручные записи привести на Пелым. А на подъем тем крестьянам, чем им подняться до Пелыми, велели давати в Перми и у Соли по рублю и по 2, смотря по человеку и по семьям, из тех денег, которые посланы будут с ним с Верхотурья; а достальные деньги, на чем уговорятся, велено им додати на Верхотурье. А наш указ на Верхотурье о деньгах и в Пермь и к Соли

к Камской о крестьянех к приказным людям послан. Да как пелымский сын боярский охочих пашенных людей на Пелым привезет, и вы б тех крестьян устроили в Тоборех на пашне и льготы им давали по прежней нашей грамоте. А сколько в Перми и у Соли пашенных людей приберут, и чем кого имепем пашнею и какими угодьи устроите, и на сколько лет кому имепем в пашне по уговору льготы дадите, и на которой доле кто сядет, и сколько десятин кому именем вперед нашие пашни пахати, и вы б о том отписали к нам к Москве с иными нашими делы и велели отписку отдать в приказе Казанского дворца. Писан на Москве лета 7117-го августа в 6 день.

На обороте: Дьяк Семен Еуфимьев.

В Сибирь, в Пелымской город, воеводам нашим Ивану Михайловичу Годунову, Петру Даниловичу Истлепьеву.—118-го ноября в 14 день привез сю государеву грамоту на Пелым верхотурской стрелец Ларка Путников.

ГАФКЭ, портфели Миллера, № 478, I, грам. № 40. Три става.— Список в ААН, ф. 21, оп. 4, № 16, лл. 365—366 об., № 66.

Напеч. в „Актах времени правления царя Василия Шуйского", стр. 71—72, № 60.

86. *1609 г. августа 6.—Грамота в Пелым воеводам Ивану Годунову и Петру Исленьеву об ясаке с пелымских ясачных людей.*

От царя и великого князя Василия Ивановича всея Русии на Пелым воеводам нашим Ивану Михайловичу Годунову да Петру Даниловичу Исленьеву. В нынешпем в 117-м году октября в 8 день писали есте к пам, что по нашей грамоте велено вам Пелымского уезда и Копды Большие и Меньшие с ясачных людей, с татар и с вагулич, сказав им наше жалованное слово, имати вперед нашего ясаку со всех по 7 соболей с человека, а в том ясаке велено им верстатись самим меж себя, кто в которую статью пригодится, смотря по людям, и по животом и по промыслам; и вы пелымским и кондинским татарам и вагуличам наше жалованное слово сказывали, и Пелымского уезда и Копды Большие и Меньшие ясачные татарове и вогуличи верстались меж себя сами и принесли к вам челобитные и верстальпую именпую роспись; а в росписи написано: в Пелымском уезде в ясачных волостях и в Конде в Большой и в Конде в Меньшей ясачных людей 555 человек, а ясаку на себя положили и с поклонпыми 66-ть сороков и 39-ть соболей. А наперед того было Пелымского уезда в ясачных волостях и в Копде в Большой и в Меньшой ясачных людей 535 человек, а ясаку с них по окладу было и с поклонными 75-ть сороков и 12-ть соболей. И по новому окладу убыло перед прежним окладом 8 сороков и 30 соболей, а людей прибыло 20 человек. И нам бы о всем о том велети указ свой учинити. А Пелымского уезда ясачных волостей и Конды Большой и Конды Меньшой татарове и вагуличи били нам челом, что они учинили себе оклад, как кому мочно вперед платить ясаку, с мурз и с сотников лутчих людей по 7 соболей, а с середних по шти и по 5 соболей, а с иных и по 4 и по 3 и по 2 и по одному соболю с человека; и нам бы их пожаловати, велети им наш ясак платить по тому их новому верстанью. И мы копдинских и Пелымского уезда ясачных людей пожаловали, велели с них наш ясак на нынешний на 117-й год для их нужи взяти по их новому верстанью и с поклонными 66 сороков 39 соболей; а вперед велели с них наш ясак имети по прежнему окладу по 75 сороков и по 20 соболей и с поклонными. И как к вам ся наша грамота придет, и вы б послали в Пелымской уезд и в Конду Большую и в Меньшую в ясачные волости пелымских стрельцов, кого пригож, а велели Пелымского уезда и кондинским князем и мурзам и сотникам лутчим людям с ясаком быти на Пелым из волости, по кольку человек пригож, да как они на Пелым приедут, и вы б им сказали наше царское жалованное слово, что мы великий государь их пелымских и кондинских ясачных людей

пожаловали, ясак с них для их нужи велели взять на нынешний на 117-й год по их новому верстанью 66 сороков и 39 соболей и с поклонными; а вперед бы они пелымские и кондинские ясачные люди платили наш ясак по прежнему окладу, по 75-и сороков и по 12-ти соболей и с поклонными; а в том ясаке новерстались меж себя сами изнова, смотря по людям, и по животам и по промыслам, кто в которую статью пригодится; а сказав им наше царское жалованное слово, взяли б есте с них на нынешний на 117-й год нашего ясаку 66-ть сороков и 39-ть соболей и с поклонными; а взяв ясак, велели их накормить и напоить довольно, и отпустили б есте их по домам, не издержав; а вперед бы есте с пелымских и с кондинских с ясачных людей с татар и с остяков и с вагулич с 555 человек и с прибылыми имали нашего ясаку по прежнему окладу, по 75-тя сороков и по 12-ти соболей на год и с поклонными; а как Пелымского уезда и кондинские татарови и остяки и вагуличи в ясаке новерстаются и сколько в которой волости и в юртах ясачных людей имены и по кольку соболей кто именем на себя ясаку платит вперед положат, и вы б Пелымского уезда и кондинским ясачным людям по волостям и по юртам, где живут, велели сделати окладные книги, да о том отписали и окладные книги прислали с нам к Москве с нашею с ясачною казною вместе и велели отдати в приказе Казанского дворца. Писан на Москве лета 7117-го августа в 6 день.

На обороте: Дьяк Семейка Еуфимьев. — На Пелым воеводам нашим Ивану Михайловичю Годунову, Петру Даниловичю Истленьеву. — 118-го году ноября в 14 день привез грамоту государеву на Пелым верхотурской стрелец Ларка Путников.

ГАФКЭ, портфели Миллера, № 478, I, грам. № 41. Два става.— Список в ААН, ф. 21, оп. 4, № 16, лл. 366 об.—368, № 67.

Напеч. в СГГД, II, стр. 369—371, № 185.

87. *1609 г. не ранее декабря 12.—Отписка кетского воеводы Григория Елизарова тобольскому воеводе князю Ивану Катыреву-Ростовскому о намерении тунгусов воевать государевых служилых людей и ясачных остяков.*

Господам князю Ивану Михайловичу, Борису Ивановичу да государя царя и великого князя дьяку Нечаю Федоровичу Григорей Елизаров челом бьет. В нынешнем, господине, во 118-м году декабря в 12 день приходил в Кецкой острог с государевым ясаком кетцкой ясашной остяк Кагет, а сказывал вести про тунгуских людей, что те тунгуские люди, князец Дапул с своими людьми, по прежнему своему воровству государева ясаку давать не хотят, и государевых ясачников хотят побивать и государевых ясашных остяков, которые к ним податно, воюют и хотят итти государевых ясашных остяков воевать, вниз по Кете реке приводят их, чтоб они государеву ясаку не давали ж. А сказывают, господине, что тех тунгуских людей от устья от тунгускова по Тунгуске реке живет человек до трехсот. А и преж сего про те про тунгуские вести яз к вам писал же, а к государю яз про тех тунгусов писал же.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 16, лл. 46 об.—47, № 12.

Напеч. в „Актах врем. правления царя Василия Шуйского", стр. 75—76, № 64.

88. *1609 г. не ранее декабря 17.—Отписка кетского воеводы Григория Елизарова в Москву о нежелании тунгусов давать ясак, о посылке за ясаком в Макуцкую волостку и Ямыцкую землицу и о приходе к князцу Исеку киргизов.*

Государю царю и великому князю Василью Ивановичу всеа Русии холоп твой Гришка Елизаров челом бьет. В нынешнем, государь, во 118-м году декабря в 17 день приходили, государь, с твоим государевым ясаком в Кецкой острог верх-

пих волостей князцы Урпучко да Намак; а сказывал тот Урнучко вести, что слышал он у ясашного человека своее ж волости у Союрова сына у Кокдета про тунгусов, что тунгусы твоево государева ясаку давать не хотят и твоих государевых людей, которые к ним придут по ясак, хотят побивать; а преж сево те тунгусы твоево государева ясаку не давывали ж. И Кецкого, государь, уезда дальние волости новые землицы: Макуцкая волостка да Кемские вершины да Ямыцкая землица, всех их 15-ть человек. А посыланы были к ним по твой государев ясак твои государевы служивые люди сургуцкие казаки Васька Чечуев, да литвин Янко Высоцкой да толмачь Карпик Амапатка; и они к ним в даль не ходили, а посылали к ним остяков, и те де остяки сказали, что тех ясашных остяков не сыскали и твоего государева ясаку не приношивали. И я холоп твой тех служивых людей по твой государев ясак послал опять. Да тово ж числа сказывал князец Намак, что будто киргисской князец приходил в Мелесцы к князьцу к Иску, а говорил де ему так, чтоб он твоево государева ясаку не давал и с ним заодно против твоих государевых людей стоял; а тот Исек твой государев ясак дает в Томской город.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 16, л. 44 и 44 об., № 9.

Напеч. в „Актах врем. правл. царя Василия Шуйского", стр. 76, № 65.

89. *1609—1610 г. — Отписка тюменских воевод Матвея Годунова и Семена Волынского верхотурским воеводам Степану Годунову и Ивану Плещееву о присылке дьякона в Тюмень.*

Господам Стефану Стефановичу, Ивану Михайловичу Матвей Годунов, Семен Волынский челом бьют. Поставлен, господине, на Тюмени храм во имя страстотерпца христова Федора Стратилата, а стоит не свещен за дьяконом. И вам бы, господа, прислать с Верхотурья на Тюмень для освещения храма дьякона вскоро, чтоб государево богомолье без пенья не стояло.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 2, л. 110, № 89.

90. *1609—1610 г. — Отписка в Москву кетского воеводы Григория Елизарова о неправильном сборе мангазейскими служилыми людьми ясака с сымских, касовских и енисейских остяков.*

Государю царю и великому князю Василию Ивановичу всеа Русии холоп твой Гришка Елизаров челом бьет. В нынешнем, государь, в 118-м году по твоему государеву указу посылал я холоп твой для твоего государева ясаку в верх по Кете в осень в судех и на Енисею к кетским ясашным людям твоих государевых служивых людей Менщичка Моксева, да Савку Иванова да толмача Семейку Тумача; и они, государь, с верховья с Кети с реки пришли волоком зимним путем на Сым реку и на Кас и на Енисею к кецким к ясашным остяком, а перед ними приходили березовские казаки, мангазейские годовальщики, к тем ясашным остякам на Сым и на Кас и на Енисею Ондрюшка Гаврилов, да Дружинка Невлев, да целовальник Ивашко Филиппов, колмогорец, да толмач Калгашка Гаврилов, кевролец, воровством и с тех с кетских ясашных остяков имали ясак скорым делом, воровски, и на приказных людей и на себя поминки правили, и остяков били, и всякие теснoты им чинили. А дали, государь, им ясак, поимав письмо, сколько соболей взяли; и в описи в их написано: взяли они ясак с кетских ясашных остяков с 23-ех человек 162 соболя. И я, холоп твой, список с тое с их отписи послал к тебе, к государю; а прямое их письмо пришлю на лето с твоею государевою казною. И те, государь, кетские ясашные остяки сымские и с Касу реки и енисейские прислали в Кетский острог тебе государю бить челом лутчего остяка Кайтетка на тех березовских казаков в их насильстве, а в своей обиде, и подал

челобитную. И я, холоп твой, ту челобитную послал к тебе государю, подклея под сею же грамотою. А те, государь, остяки давали в прежние годы твой государев ясак в Кетский острог, а не в Мангазею. А живут, государь, те остяки по Енисее, близко тунгусов. А те тунгусы тебе государю ясаку не дают. И чтобы те кетские ясашные остяки с Енисеи от того насильства от разных ясатчиков не разбежались и мне бы холопу твоему в том от тебя государя в опале не быть.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 16, лл. 44 об.—45 об., № 10.

91. *1609—1610 гг.— Отписка кетского воеводы Григория Елизарова тобольскому воеводе Ивану Катыреву-Ростовскому о неправильном сборе мангазейскими служилыми людьми ясака с сымских, касовских и енисейских остяков.*

Господам князю Ивану Михайловичу, Борису Ивановичу да государя царя и великого князя дьяку Нечаю Федоровичу Григорий Елизаров челом бьет. В нынешнем, господине, во 118-м году по государеву указу послал я для государева ясаку к кетским к ясашным остякам в верх по Кете в осень в судех на Кас реку и на Енисею и на Сым государевых служивых людей Меншичка Мокеева да Савку Иванова да толмача Семейку Тумача; а на тех трех реках живет государевых ясашных остяков 36 человек. И те, господине, служивые люди Меньшичко Мокеев с товарищи с верховья с Кети с реки пришли волоком зимним путем на Кас реку, и на Енисею и на Сым к кетским к ясашным остякам; а перед ними приходили березовские казаки, а мангазейские годовальщики, к тем же к ясашным остякам на Кас реку и на Енисею и на Сым не по государеву указу Ондрюшка Гаврилов, да Дружинка Невлев, да целовальник Ивашко Ефимов да толмач Калгашка Гаврилов и с тех с кетских ясашных остяков имали ясак скорым делом воровски, и на приказных людей и на себя поминки правили, и остяков били и всякие тесноты им чинили. А дали им ясак, поимав письмо, сколько соболей взяли; и в отписи в их написано: взяли они ясак с кетских ясашных остяков с 23-х человек 162 соболя. А с тех с кетских ясашных остяков с енисейских со всех лутчей остяк Кайгетко государевы поминки, поимал все сполна 23 соболя да три бобра черных наперед березовских казаков. А кетские, господине, ясатчики Меншичко Мокеев с товарищи в два поезда, в зимний и в вешний, собрали с тех же остяков государева ясаку 189 соболей. Да от их мангазейских годовальщиков воровского сбору стало в недоборе государева ясаку на тех кетских ясашных остяках 44 соболя, опричь тех 162 соболей, что взяли мангазейские годовальщики в Мангазею. А те, господине, остяки сказали, что с них и те 44 соболи взяли мангазейские годовальщики. И те, господине, кетские ясашные остяки с Касу реки, и с Енисеи и с Сыму прислали в Кетский острог бити челом государю лутчего остяка Кайгетка из тех березовских казаков в их насильстве, а в своей обиде. И я про то к государю писал. А те, господине, остяки в прежние годы давали государев ясак в Кетский острог, а не в Мангазею. А в Кетском, господине, остроге емлют на государя ясаку по 11 соболей с человека, опричь поминков; а в Мангазейском городе, сказывают, емлют на государя ясаку с остяков с человека соболей по 5, а с иных по шти.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 16, лл. 45 об.—46 об., № 11.

92. *1610 г. марта 12.— Отписка устюжского воеводы Ивана Стрешнева верхотурскому воеводе Степану Годунову о посылке железа в Сибирь.*

Господам Степану Степановичю, Ивану Михайловичю Иван Стрешнев, Богдан Ильин челом бьют. В нынешнем, господине, в 118-м году марта в 3 день прислана государева и великого князя Василья Ивановича веса Русии грамота к нам из

Устюг с березовским атаманом с Иваном Мокрипским, а велено по той государеве грамоте взяти железа в Устюжеском уезде на Чиво озере 20 пуд мелких криц и отпустити к вам в сибирские городы для ево государева дела; да по другой государеве грамоте велено взяти 25 криц больших и отпустить в сибирские ж городы, а деньги дати по цене из государевых из устюжских четвертных доходов. И мы, господине, по государевым грамотам для железа с Устюга тотчас на Чиво озере посылали целовальников из кузнецов, и по государеву указу целовальники с Чиво озера железо привезли мелких числом 76-ть криц, а весом 20 пуд, да больших 25 криц числом, а весом 19 пуд; да то железо отпустили к вам на Верхотурье и в сибирские городы с березовским атаманом с Иваном Мокрыпским на подводах марта в 12-й день.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 2, лл. 103 об. — 104, № 81.

93. *1610 г. июня 16. — Грамота в Березов воеводам Степану Волынскому и Юрию Стромилову о построении в Березове вместо города острога.*

От царя и великого князя Василия Ивановича всея Русии в Березов город воеводам нашим Степану Ивановичу Волынскому да Юрию Яковлевичу Стромилову. Писали есте к нам, что велено князю Петру Черкаскому да Ивану Зубову город Березов делать новой, а припасти лесу служивыми и торговыми и тутошними и приезжими людьми и ярыжными и гулящими казаки и остяки; и вы, взяв с собою служилых людей, города смотрели и городу с сех мест мочно стоять лет 10 и больше, а лесу припасти и город ставить новый служилыми и торговыми людьми и ярыжными неким, служивых людей за мангазейскими и за годовыми службами и за посылками остается на Березове меньше трети, и те с караулов не бывают; а торговых и всяких гулящих людей живет мало, потому что хлеб на Березове дорог; а только город делати ясашными людьми, и с них нашей соболиной казны собрати будет немочно. А служилые люди нам били челом, что им в остроге теснота, а у иных и дворов нет, чтоб им для тесноты прибавити велети острогу. И как к вам ся наша грамота придет, и вы б города нового не делали, а острог, и для тесноты велели служивым людям припасти лесу и велели острогу прибавить, сколько будет пригож, с которою сторону можно; а крепости и, смотря по тамошнему делу, по людям, и надолобы около острогу велели поделать, и ров выкопать, чтоб служилым людям тесноты, а городу и острогу в приход воинских людей какие порухи не было. Писан на Москве лета 7118-го году июня в 16 день.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 16, л. 144, № 36.
Напеч. в РИБ, II, стб. 202—203, № 88.

94. *1610 г. не ранее сентября 18. — Отписка тюменского воеводы Семена Волынского туринскому воеводе Федору Акинфову о приходе нагайцев в Уфимский уезд и о движении их к Тюмени.*

Господину Федору Петровичу Семен Волынский челом бьет. В нынешнем во 119-м году сентября в 18 день прибежали на Тюмень тюменские служилые люди конной казак Гриша Пушников с товарищи, а сказали мне в распросе, что ездили они в Уфинский уезд, в Катай, для своей нужи; и как они поехали из Катай назад на Тюмень и приехали в Челзеукую волость, в Тулубаевы юрты, на Бендяш озеро, и прибежал к ним тое ж Челзеуцкой волости татарин, Бесоргеном зовут, Ендосов брат, а сказал им Грише с товарищи, что пришли в Челзеуцкую волость воинские люди нагайцы, и брата его Ендоса со всем юртом повоевали и его Бесоргенову жену и детей поимали, а идут де воинские многие люди по

Миеси реке вниз к Исети реке прямо к Тюмени. И тобе бы, господине, те вести были ведомы.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 5, л. 72 и 72 об., № 68.

95. *1610 г. не ранее декабря 29.— Отписка кетского воеводы Григория Елизарова тобольскому воеводе князю Ивану Катыреву-Ростовскому о нападении тунгусов на остяков Кузнецкой волости.*

Господину князю Ивану Михайловичу Григорей Елизаров челом бьет. В нынешнем, господине, во 119-м году декабря в 29 день приходили, господине, в Кецкой острог с государевым ясаком кецкие ясачные остяки верховые кецкие и Кадыской волости остяк Енея Койбинцын сын; а сказали вести, что воевали тунгусы государевых ясачных кецких остяков Кузнецкие волости в осепь в судех; а жили те кузнецкие остяки по Енисеи реке; а сказал им, прибежав, про ту тунгускую войну их же Кадысские волости остяк Концыль Идюков зять; а приходило де тех тунгусов остяков воевать Кузнецкие волости человек со 100, а убили де государевых ясачных остяков же: Идюка, да ево дву сынов да иных ясачных остяков трех человек, а достальные де побежали в Тюлькину землю, а жен их и детей, которые не ушли, в полон поимали. И тобе бы, господине, те вести были ведомы. А с сею, господине, грамотою послан к вам в Тоболеск сургуцкой стрелец Савко Иванов.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 16, л. 47, № 13.

Напеч. в „Актах врем. правления царя Василия Шуйского", стр. 77, № 66.

96. *1611 г. января 27.— Грамота в Кетский острог воеводе Григорию Елизарову о платеже ясака сымскими и касовскими остяками.*

От царя и великого князя Владислава Жегимонтовича всеа Русии в Сибирь, в Кетский острог, воеводе нашему Григорию Федоровичу Елизарову. Били нам челом Мангазейского уезда из за Камепя ясашные сымские остяки Онеска да Дюка Новородов, Кемся да Кайгетко и в товарищев своих место а сказали: наперед де сего давали наш ясак к Кетский острог, и кетские де служивые люди имали и правили на них наш ясак тяжел, не в силу, и их имали в подводах до Кетского острогу; а ходу де до Кетского острогу от Сыму два месяца; и многие де ясачные люди от голоду и от мразу на дороге помирали напрасною смертью, и от того де они от Сыму збрели в Мангазею и наш ясак на 118-й год дали в Мангазейский город по тому ж окладу; и платя де они наш ясак, одолжали великими долги и обнищали; и нам бы их пожаловати, велети им наш ясак вперед платити в Мангазейский город, а в нашем ясаке велети им польготить. А ты к нам писал и прислал с сымских и касовских ясашных людей Кайгетка да Кемся да Кылгетка с товарищи челобитную, а в челобитной их написано: приходили де к ним из Мангазейского города служивые люди и взяли с них с 23 человек нашего ясаку 162 соболя; а после того приходили к ним ясатчики из Кетского острогу и прошали у них другого ясаку; а им де вдвое ясак платить немочно; и нам бы им велети о том указ учинить. И как к тебе ся наша грамота придет, и ты б обослался с Иваном Нелединским и с Степаном Забелиным, да которые будет сымские и касовские остяки живут ближе к Кетскому острогу и похотят платить ясак в Кетский острог, и ты бы, тех ясашных людей расписав, наш ясак имал с них в Кетский острог; а которые живут ближе к Мангазейскому городу и похотят наш ясак платить в Мангазейской город, и те бы платили в Мангазейской город. А имали б есте с них наш ясак один, а не вдвое, где которые похотят платить, чтоб им в том и в подводах нуж не было. А к Ивану к Нелединскому и к Степану Забелину о том от нас писано ж. Да которые ясачные люди похотят платить

в Кетской остроге, а которые в Мангазейской город, и ты б о том отписал к нам к Москве подлинно; а отписку велели отдати Казанского и Мещерского дворца Ивану Никитичу Салтыкову да дьяком нашим Алексею Шапилову да Семену Еуфимьеву. Писан на Москве лета 7119-го году генваря в 27 день.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 16, л. 52 об.—53 об., № 18.

97. *1611 г. марта 10.—Наказная память томских воевод Василия Волынского и Михаила Новосильцева казачьему атаману Ивану Павлову с товарищами, отправленным в Тоянов и Евагин городки для приведения к шерти татар.*

Лета 7119-го году марта в 10 день, по государя царя и великого князя Владислава Жигимантовича всеа Русии указу, воевода Василий Васильевичь Волынский, Михайло Игнатьевич Навасильцев велели итти Томсково города казачью атаману Ивану Павлову да конным казаком Фетьке Ходакину да в толмачех Гришке Михайлову литвину в князь Тоянов городок и пришетчи им в князь Тоянов городок, и велети князю Тояну собрать в своем городке всех томских татар, которые живут в его городке, в одно место. И как сойдутца в Тоянове городке в одно место все томские татарове, которые живут в ево городке, и Ивану Павлову с товарищи в Тоянове городке всех татар пересмотреть с лица па лицо и, пересмотря татар, и вычесть боярская грамота, что писана к татарам, и с той грамоты, дан Ивану Павлову с товарищи список, и шертованая запись, по чему их приводить к шерти. И вычетчи им грамота и шертовальная запись, и привесть в Тоянове городке к шерти всех томских татар, которые живут в ево городке, а самово князя Таяна с товарищи, которые с ним были в Тоянове городке татаровя, к шерти не приводити и шертовать им не велеть, потому что оне шертовали в Томском городе. И приветчи в Тоянове городке всех татар к шерти, и итти Ивану Павлову с товарищи в Евагин городок и, пришетчи в Евагин городок, и велети Еваге собрать в своем городке всех томских татар, которые живут в ево городке. Да Ивану ж Павлову с товарищи послать из Евагина городка тотарина на томское устье, в Ашкенеев городок, и на Обь к Кривой луке и велеть из Ашкенеева городка томским тотарам и с Оби от Кривой луки быть к шерти в Евагин же городок. И как сойдутца с томскова устья из Ашкенеева городка и с Оби от Кривой луки все томские тотаровя в Евагин городок, и Ивану Павлову с товарищи делать по тому ж, как в Тоянове городке, пересмотрить всех томских татар, Ашкенеевых и Обских и Евагиных, которые будут в Евагине городке, с лица на лицо и, пересмотря в Евагине городке всех томских татар, которые будут в ево городке, и вычесть боярская грамота, что писана к татаром, и шертованная запись, по чему их приводить к шерти и, вычетчи им грамота и шертованная запись, и привести к шерти всех томских татар, Ашкенеевых, Обских от Кривой луки, которые будут в Евагине городке, а самово Евагу и Ашкенея с товарищи, которые с ним были в том городе татаровя, к шерти не приводити и шертовати им не велеть, потому что они шертовали в Томском городе. И приветчи к шерти в Евагине городке всех татар, итти Ивану Павлову с товарищами в Томской город тотчас, не мешкая. К сей наказной памяти воеводы Василей Васильевич Волынской, Михайло Игнатьевич Навасильцев печати свои приложили.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 17, лл. 43—44 об., № 34.

98. *1611 г. не ранее мая 24.—Отписка тюменского воеводы Семена Волынского туринскому воеводе Федору Акинфову о призыве охочих людей для похода против калмыков в Тарском уезде*

Господину Федору Петровичу Семен Волынской челом бьет. Нынешнего 119-го году мая в 24 день писано ко мне на Тюмень в государеве грамоте: писал

к Москве с Тары воевода князь Иван Масальской, что в прошлом в 118-м году посылал де он к колматским тайшам служилых людей литвина Савву Михайлова да Игнашку Еманакова а велел им тайшам сказати царское жаловальное слово, чтоб они от царские милости не отбывали, изменников Илейку Качукова, да Ивашка Енгуватова, сыскав в своих улусех, прислали на Тару; и Савка де да Игнашка, приехав на Тару, им сказали, что калматские им тайши отказали, ясаку де им не давывати и в город самим им не бывати; а люди они кочевные, никому ясаку не давывали, а задору де от них от колматских людей государевым людям не будет, только б де государевы люди их не задирали, а изменщиков у себя не сказали; а те де изменники, а с ними колматских людей 200 человек, приходили под Тарской город войною, и лошади и коровы многие отогнали, и волости вывоевали, и убили 10 человек татар. И по государеву указу на колматских людей, будет они под царскою рукою быти не похотят, и ясаку давати не учнут, и прибыли от них государю никоторые не будет, почнут кочевать на государеве земле и всякими угодьи владети насильством, велено послать из Тобольска, с Тюмени, с Тары на калматских людей войною и охочих всяких людей и татар. И тобе бы, господине, сказати в Туринском остроге русским всяким людям, и татарам, и вагуличам и тарханцам, кто похочет на государеву службу на колмацких людей итти войну, и они б шли на Тюмень со всяким воинским оружием и кошным на срок на Петров день нынешнего 119-го году. А что, господине, в Туринском остроге охочих всяких людей сберется, и тебе бы, господине, тех людей именной список прислать на Тюмень с тюменским казаком с Путилком Афанасьевым. А колматские люди кочуют от Тюмени блиско в 8-ми днищах.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 5, лл. 72 об.—73, № 69.

99. *1611 г. не ранее сентября 1.— Отписка кетского воеводы Григория Елизарова тобольскому воеводе князю Ивану Катыреву-Ростовскому о нападении тунгусов на енисейских ясашных остяков.*

Господину князю Ивану Михайловичу Григорей Елисаров челом бьет. В прошлом, господине, во 119-м году июля в 9 день приезжал в Кецкой острог каволдынской мужик остяк Чичигита, а сказывал вести, что сказывал ему брат ево Коргетко, а был он на Касу и на Енисее, что приходили де тунгусские люди на Енисею июля от 9 числа недели с две и побили государевых ясашных людей: Кайгетова брата меньшова да дву Кайгетовых сынов, да на Енисее ж побили государевых же ясашных людей Кимзеных трех братов меньших; а подходило де тех тунгуских людей в судех 15-ть человек. А наперед сего тунгусские ж люди побили государевых ясашных людей Кузнецкие волости; и я к вам про то писал же. И вам бы, господине, нынешние вести были ведомы. И от тунгуских, господине, людей кетцким ясашным остяком теснота великая.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 16, л. 52 и 52 об., № 17.

100. *1611 г. сентября—декабря.— Отписка тобольского воеводы князя Ивана Катырева-Ростовского тюменскому воеводе Матвею Годунову о походе тюменских служилых людей и татар к соляным озерам Тарского уезда.*

Господину Матвею Михайловичу Иван Катырев Ростовский челом бьет. Писано из Тобольска на Тюмень к Семену Волынскому, что в прошлом 119-м году послано на Тюмень из Тобольска тюменским служивым людем на жалованье соль в полы их окладов, потому что в Тобольске соли нет, а с Тары соль по два года

не присылована для того, что калмыки озера отняли, и вперед будет соли из Тобольска в городы служилым людям на жалованье послати нечего, и на весну, как лед вскроется, послати б к соляным озерам по соль из сибирских городов служивых людей и татар в судех и полем на конех; и он бы сказал тюменским служивым людям с вогненным боем 20-ти человеком да татаром служивым 20-ти человеком, чтоб они готовы были на весну по соль итти, а на весне, как снег сойдет, и он бы их послал на Тару полем, не займуя Тобольска, велел с тобольскими и иных городов служивым людям сжидаться на Таре; а будет за чем полем конями итти будет не мочно, и он бы их отпустил в судах, как лед вскроется, в Тобольск тотчас; а наперед посылку о том отписать в Тобольск. И Семен о том в Тобольск не писывал. И тебе бы, господине, тюменским служивым людям и татарам сказати, чтобы оне на весну были готовы. А как лед вскроется, и ты б тюменских служивых людей отпустил в Тобольск, чтобы затем тобольским людем на Таре не измешкати. А сколько тюменских людей пойдет, о том отписать в Тобольск, чтоб про то было ведомо.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 8, л. 47 об., № 35.

101. *1611 г. не ранее декабря 4.—Отписка в Москву кетского воеводы Григория Елизарова о ложных известиях, послуживших основанием для грамот 1611 г. о платеже ясака сымскими и касовскими остяками.*

Великие Росии Московского государства боярам князю Дмитрию Тимофеевичу, Ивану Мартыновичу Григорий Елизаров челом бьет. В прошлом в 118-м году по государеву указу посылал я к кетским ясашным остяком на Кас реку и на Сым и на Енисею ясатчиков служивых людей по государевы поминки и ясак; и перед ними сбирали мангазейские годовальщики государев ясак с мангазейских ясашных остяков да и с тех с кетских ясашных остяков поимали ясак не по государеву указу, воровски, для своей воровской корысти вскоре с человека соболи по 2 и по 3, а с иных по 4 и по 5. А в Кетский острог емлют на государя ясаку по 11-ти соболей с человека, опричь поминков, а в Мангазею емлют на государя ясаку с человека соболей по 5 и по шти; и в том государеве казне убыток велик. А сымские остяки Кангетко с товарищи приходили ко мне в Кетский острог и подали челобитную на мангазейских годовальщиков на ясачников па Ондрюшку Гаврилова с товарищи в своих обидах, что они приходят к ним вскоре и их бьют и обидят, и поминки на себя правят. И я про то к Москве писывал на Ивана Нелединского и на Степана на Забелина, что они посылают не по государеву указу и в том государеве казне чинят убыток великой. И ко мне о том указ не бывал. Да в прошлом в 119-м году посылал я по государев ясак к тем же кетским к ясашным остякам на Кас реку и на Сым и на Енисею; а на тех трех реках жило ясашных людей 36 человек; а имали с них государева ясаку в Кетский острог по 11 соболей с человека, опричь поминков; а в прежних годех с них государев ясак имали в Кетский острог, и в книгах имена их в Кетском остроге. И наперед кетских ясачников пришедши, мангазейские годовальщики Якушко Щетинин с товарищи и поимали ясак с тех кетских ясашных остяков с человека по 5 соболей вскоре, воровски; и в том их воровском сборе государеве казне убытка со всякого человека по шти соболей. И в нынешнем в 120-м году декабря в 4 день привес к мне в Кетский острог московскую грамоту новокрещен Урнучко Онтонов, а писана от Владислава, а с Москвы пошла в 119-м году генваря в 27 день, а писано в ней, что будто били челом Мангазейского уезда из за Камени сымские ясашные остяки Онеска да Дюка Новародов, Кемса да Кайгетко и в товарищеви своих место, а сказали, что наперед сего они давали государев ясак в Кетский острог, и кетские будто служивые люди имали и правили на них государев ясак

тяжело, не в силу, а того не написано, по скольку с них с человека имали ясаку в Кетский острог, и их будто имали в подводы до Кетского острогу, а ходу будто до Кетского острога от Сыму два месяца, и многие будто ясашные люди на дороге помирали напрасною смертью, и оттого будто они с Сыму сбежали в Мангазею. И то Иван Нелединской да Степан Забелин писали ложно сами, не по остяцкому челобитью, и те касовские и сымские и енисейские остяки Кимса да Кайгетко да Кинчетко в Тазовской город не бывали и челобитные Ивану Нелединскому и Степану Забелину не давывали. А ход от Кетского острога зимним путем с нартою до Касу до Кайгетка две недели, а от Касу до Сыма до Кемсы с товарищи 5 день ходу. А кетские ясатчики сымских остяков в подводы не имывали, и на дороге они напрасною смертью не помирывали, и своих мест те остяки в Мангазейской уезд не выбегивали, а живут по старым местам, а государев ясак носили в Кетский острог ясатчики да кетские переводчики со Иволдина озера. И я про то их ложное письмо к ним в Мангазею писал, что они писали к Москве ложно для своего безделья, и от них ко мне отписка не бывала. А для государева ясаку надобет в Кетском остроге для дальних землиц для посылок два толмача жилецкие, и им бы из Тобольска и из Сургута прислали государево жалованье тем толмачам хлебное и денежное. И вам бы о том о всем велеть указ учинить.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 16, лл. 53 об.—55 об., № 19.

102. *1612 г. не ранее июля 10.— Отписка пелымского воеводы Петра Исленьева туринскому воеводе Федору Акинфову о намерениях вишерских и лозвинских вогулов, совместно с березовскими остяками и пелымскими вогулами и татарами, итти на город, Пелым и пелымские волости.*

Господину Федору Петровичу Петр Исленьев челом бьет. В нынешнем, господине, * в 120-м году июня в 27 день била челом извещала пелымского стрельца Титка Иванова жена Оленка Яковлева дочь на пелымского ясачного вагулятина на Янкилдейка Микирова а сказала, господине, в распросе, что пришел тот Янкилдейко к ней на двор с утра, и она ему Янкилдейку стала говорить, что де тебе дело ко мне ходити на двор; и тот, господине, Янкилдейко стал ей говорить: много де ты расшумелась, уже де будем мы вас стрелять; а в те поры была у нее на дворе пелымского пушкаря Данилка Юрьева девка, и та де девка его Янкилдейка бросила щепою и излаяла, что де ты так говоришь, и тот Янкилдейко стал девке говорить: а тебя де мы сожжем. И того же де числа, господине, пелымского того вогулятина Янкилдейка яз распрашивал. И тот, господине, Янкилдейко в распросе заперся: того де я не говаривал таких речей; и яз, господине, того вагулятина отдал за пристава; и того ж числа тот Янкилдейко прислал ко мне пристава своего, а велел бити челом: есть де за мною речи; и яз, господине, того пелымского мужика Янкилдейка распрашивал того же числа и в распросе, господине, тот Янкилдейко сказал, что приехали с верх Лозвы, с Вишеры, вагуличи в Пелымской уезд в Сынкину сотню к Сынке к сотнику с товарищи для воровского совета и умышления; а говорят де они пелымскому сотнику Сынке: с нас де сего году ясаку не хотели взять, а хотели де нас лозвинских и вишерских вагулич на Русь в войну везти, и ныне де с нас ясак взяли и повезли на Русь, и мы де ныне так живем, а в войну на Русь не идем. И яз, господине, по того пелымского сотника Сынку и по его товарищей пелымских вагулич и по лозвинских и вишерских посылал, которые вагуличи к нему Сынке приехали, пелымского вагульского толмача Герасимка Федорова да стрельца Ваську Андреева. И в распросе, господине, тот пелымской сотник Сынка сказал и те вишерские и лозвинские вогуличи: хотели де нас в войну взять к Москве, а иного никоторого умышления не сказали. И в нынешнем же, господине, в 120-м году июля в 10' день извещал пелымский

стрелец Ивашко Неверов: слышал де яз, пьючи у пелымского новокрещенаго у Семенки Назинова, что говорил де тот Семенка: яз де про пелымских вагулич вести подлинные ведаю и их воровское умышление. И в распросе тот пелымской новокрещеной Семенка Назинов сказал: слышал де яз у пелымского ясачного вагулятина у Темхоры Касышкины сотни, что хотят де вагуличи в сибирских городех воевать, чем де нам итти на Русь воевать в войну, и мы де и здеся воюем в сибирских городех, государя де ныне на Москве нет, ныне де одни в Сибири воеводы, а людей де мало русских во всех сибирских городех. И вишерский вагулятин Сарьятмы Воронкин в распросе сказал, что умышляли во всех вишерских волостех и в лозвинских волостех все вагуличи, и пелымской сотник Сынка с товарищи и березовские остяки с нами ж в умышление итить в Пермь воевать, а в Конду и в Тоборы и во весь Пелымской уезд ссылаться, и в иные городы ссылаться, а еще де мы не посылывали; а то де слухом во всех сибирских городах по уездом татаровя и остяки и вагуличи думу нашу ведают. И Верхотурского уезду лозвинской вагулитин Малах Глухов сказал в распросе и с пытки, что приехали де мы с Вишеры и с Лозвы и с Верхотурского уезда к пелымскому сотнику Сынке в Пелымской уезд, чтобы он Сынка с пелымскими вагуличи шел на Вишеру в сбор и собрався бы шел в пермские волости с нами вместе воевать; и прислали де к нам на Лозву и на Вишеру из Березовского уезда с реки с Сосвы с тем умышлением 5 человек, а имен их не ведаю, чтоб мы готовы с ними были иттить в Пермь воевать, потому что де нас многие русские люди побивают. И пелымской, господине, сотник Сынка и лучшие пелымские ясачные вагуличи в распросе и с пытки сказали, что было де у нас умышление подлинное с березовскими остяки и вишерскими и с лозвинскими и Верхотурского уезда, что де приходить нам преже воевать Пелымской город ныне о Ильине дни или после Ильина дни на первой недели, как сена зачнут косити и хлеб жати, и пришед преже де было зажигать, а будет немочно было нам зажечь, ино было одноконечно нам, как мочно, так было и промышлять над Пелымским городом, и над воеводою и над русскими людьми, и выпустоша де было Пелымской город, да итти было в Пермь воевать и в пермские волости. И тебе бы, господине, про те вести было ведомо.**

ААН, ф. 21, оп. 4, № 5, лл. 98 об.—100, № 92.

103. *1612 г. не ранее июля 12.— Отписка сургутского воеводы Ивана Благого нарымскому воеводе Мирону Хлопову о движении вогулов, остяков и татар к Пелымскому городу и о мерах, принятых для защиты последнего.*

Господину Мирону Тимофеевичу Иван Благой челом бьет. В нынешнем, господине, 120-м году июля в ... день писал ко мне из Тобольска князь Иван Катырев Ростовский, что писал с Пелыми в Тоболеск Петр Исленев, что в нынешнем... *Далее повторяется текст, поставленный в № 102 между знаками * и **, после чего следует:* Да июля в 12-й день писал в Тоболеск Петр Истленьев: по пыточным речам посылал он по волостям по иных ясашных людей; и которых привели ясачных людей, и они в распросе сказывают, что вишерские вагуличи и лозвинские Верхотурского уезда идут к Пелымскому городу, и Большая Конда и пелымских волостей вагуличи сбираются в скоп, чтобы им быти в скопе всем вместе па Пелымской город, и из Конды к ним прислали сотника и лутчих людей говорити о том воровском умышленье и о совете. Да июля ж в 6 день сказал в распросе с пытки тахтанской вагулетин Енбахта, что пришел в Тахтанскую волость лозвинской вагулетин Рубек от вишерцев с вестью, что вишерцы и лозвинцы собрався все больше двухсот человек дорогу прочищать к Пелымскому городу, а ходу де тою дорогою к Пелымскому городу три дня, и пришед де им на Пелымку реку, схо-

литься с кондинцы и со всею землею, и из пелымских изо всех волостей итти к ним же в скоп, а срок положен у них, как прийти к Пелымскому городу, от того числа три дня; а на том де у них у всех положено и утверженье и совет меж себя у всех земель, что из иных которая волость которые земли вагуличи и остяки не пойдут, и им де те волости самим меж себя воевать и побивать тех вагулич; и они де для того приговору меж себя идут все за один всеми землями Пелымской город воевать. И он де Петр на Пелыме на посаде половину посадских дворов велел сломати и острогу велел убавити, потому что острогу осадити не кем, всех на Пелыме служивых жилецких, пашенных и ярыжных человек со сто, а оружия не у кого, опроче служивых людей, нет. И мне бы про те вести ведомо было, и жил бы с великим береженьем и караулы были крепкие, и в остяках шатости велеть проведывать всякими мерами тайно всякими людьми. Да в Томской город и в острог про те вести велети бы отписати вскоре, чтоб вы жили так же с великим береженьем. И тебе бы, господине, с сей отписки велети списать отписку и послать в Кетской острог к Григорию Елизарову.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 16, лл. 17—19 об., № 8.

104. *1612 г. не ранее декабря 10.— Отписка пелымского воеводы Петра Исленьева туринскому воеводе Федору Акинфову о полученных новых вестях о намерении вогулов напасть на Пелымский город.*

Господину Федору Петровичу Петр Исленьев челом бьет. В нынешнем, господине, в 121-м году декабря в 9 день извещали пелымские служилые люди, что пьючи у пелымского литовского десятника у Богдана Волошенина, и говорил многим служивым людям и сказывал пелымский стрелец Иванко Неверов, что ездил де он в Воринскую волость к сотнику к Коротайку в юрты для своего долгу, и тот де ему Коротайко говорил, что они вагуличи думают измену над Пелымским городом; а они де такие речи от того Иванка слышали. И того ж числа тот Иванко Неверов в роспросе мне сказал, что был де яз в юртах у Коротайка, и позвал де он его Иванка тот Коротай в ночи в свои юрты и сказывал ему, что у них ясаку не будет; и учал того Ивашка Неверова тот Коротай спрашивать: как де у вас на Епанчин поедут по хлебные запасы, и у нас де сдумана дума у всех, да и по многим де волостям мои братья пошли с тою ж вестью. И того ж числа бил челом пелымской стрелец Пахомко Богданов на новокрещена на Семейку Назинова, что де того Пахомкова мать ходила к тому Семейки на двор, и стала де говорить того Семейкиной жене о своем деле, и тот де Семейка учал говорить: ужжо есмы станем с вагуличи промышлять и поругаться. И того ж числа тот Семейка Назинов новокрещен и с женою своею Оксиньицею в расспросе сказал, что слышал де он Семейка и жена его у вагулятина у Коротайки, что говорил де Коротай и все воринские вагуличи, что нынеча де у нас совет пошел, что быть на Пелымь всем волостям вместе, которых звали с ясаком и которых не звали, и собрався де итти в город, и пришед де в город, и промышлять, как де позовут в город с ясаком; и нам де в те поры убить меня Петра и всяких русских людей, а достальным де людям зажигать в остроге и достальных русских людей побить. И декабря в 10 день тот пелымский вагулетин Коротайка Воринские волости в расспросе сказал, что подлинно будет скоп в Воринской волости на озере у сотника у Коротая из всех пелымских волостей, и как скопятся все волости вместе, и вагуличам де приходить одноконечно с войною к Пелымскому городу, которые волости позовут с ясаком и которых и не позовут, а ясаку де хотят платить лучший вагулетин половину; а одноконечно де им приходить с изменою и пришед де им с ясаком, да в те поры и побивать и зажигать; а ясаку де одноконечно у них не будет, то де они скажут ложью, что будто с ясаком они при-

тли, а они де с изменою придут, а не с ясаком, а станут говорить, что будто де ясаку не добыли, и мы де для того пришли все бити челом своими головами, а они де придут с измєнною мыслью.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 5, лл. 109—110, № 99.

105. *1612 г. декабря 31.—Грамота Московского государства боярина и воеводы Дмитрия Трубецкого с товарищами на Верхотурье воеводе Степану Годунову о даче земли верхотурским ямщикам, пашенным и торговым людям для пашни по рекам Тагилу и Мулгаю.*

На Верхотурье воеводе господину Стефану Степановичу Годунову Московского государства боярин и воевода Дмитрей Трубецкой да стольник и воевода Дмитрей Пожарской с товарищи челом бьют. Бил нам челом Верхотурского города ямщик Сидорко Терентьев сын Чапурин и во всех ямщиков и пашенных и торговых людей место, чтоб их пожаловати на Верхотурье на Тагиле реке, на устье Мулгае, и вверх по Мулгае и вниз по Тагиле по обе стороны пашенным местом, где пригодится; а под городом де им пахать негде, а то де урочище от города верст с 50. И мы, по совету всеи земли, велели им те земли дати на пашню и в половники припущать. И как к тебе ся грамота придет, а те будет земли лежат в пусте и не отданы никому, и ты б им тое землю дал на пашню, где будет пригож. Писан на Москве лета 7121-го декабря в 31 день.

На обороте: Диак Офонасей Овдокимов.—На Верхотурье воеводе господину Степану Степановичу Годунову—121-го марта в 29 день принес грамоту ямской староста Семуха Путников, а послана грамота с ямщиком с Сидорком Чапуриным.

ИИ АН СССР, по описи 1929 г., № 583.—Список XVIII в. в ААН, ф. 21, оп. 4, № 2, л. 112 и 112 об., № 94.

Напеч. в АИ, т. II, стр. 407, № 341.

106. *1613 г. не ранее марта 14.—Отписка кетских служилых людей Молчана Лаврова и Ивана Ясыря сургутскому воеводе Ивану Благово о посылке ясатчиков „в Тунгусы" и в Тюлькину землицу.*

Государя царя и великого князя воеводе Ивану Володимировичу Молчанко Лавров да Иванко Ясырь челом бьют. Нынешнево, государь, 121-го году декабря 23 день приходил с государевым ясаком верхние волости князец Намак, а сказал нам, что тунгусы государю хотят добити челом и ясак хотят давать, и Тюлькины земли потому ж хотят ясак давать. И мы, государь, послали ясатчиков Ваську Пшеничникова, да Янка Шпаковского да толмача Карпика Амонатку; и ясатчики, государь, марта по 14 день не бывали и вести про них нет. А в зборе, государь, государевы ясачные и поминочные казны ясаку 40 сороков и 5 сороков 12 соболей с лисицами и с бобрами, да государевых поминков 3 сорока 31 соболь 3 бобра; а иной, гоусдарь, ясак в недоборе, потому что остяки больны.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 16, л. 58 об., № 23.

107. *1613 г. апреля 30.—Грамота в Пелым воеводе Федору Годунову о „приборе" новых стрельцов и о жалованье им.*

От царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии в Сибирь, в Пелымской город, воеводе нашему Федору Алексеевичу Годунову. Писал еси к нам, что в прошлом во 120-м году в пелымских вагуличах было умышленье, хотели к городу приступати и город сжечь, и служивых людей хотели побити; и пущие изменники персимапы и перевешапы: а вперед от вагулич чаяти шатости, а служивых людей в Пелымском городе только 65 человек и теми людьми города

и острогу осадити некем; и нам бы тебе велети указ учинить. И мы ныне велели на Пелым к пелымским служивым людям в прибавку, в Перми Великой и у Соли у Камской прибрати 50-т человек стрельцов, а, прибрав тех стрельцов и по них поручные записи, велено послать к тебе на Пелым с пелымским жильцом с Петром Албычевым, и наше денежное жалованье на нынешней на 121-й год велели им дати из пермских и из усольских доходов против пелымских стрельцов; а хлебного жалованья велели есмя на тех прибылых стрельцов послать с Верхотурья 200-и чети муки или ржи да 30-ть четь круп, 30-ть четь толокна или в круп и в толокна место овсом. Да с Тюмени велели есмя послати 200-и ж четь муки или ржи, да 30-ть четь круп, 30-ть четь толокна или в крупы и в толокна место овсом. А будет в Перми и у Соли стрельцов не приберут, и мы велели по вестям на Пелымь служивых послати из Тобольска. И как к тебе ся наша грамота придет, а в Перми и у Соли у Камской стрельцов будет на Пелым приберут, и ты б на Верхотурье и в Тюмень по те хлебные запасы, что велено послати на новоприборных стрельцов, послал сколько человек пригож и велел те хлебные запасы привести на Пелым. А как те хлебные запасы на Пелым привезут, и ты б тем новоприборным стрельцам наше хлебное жалованье велел роздати, и велел тот хлеб написати в расходные книги имянно. А будет в Перми и у Соли у Камской стрельцов не приберут, а вперед будет в пелымских вагуличах почаешь шатость, и ты б по вестям о людех писал в Тобольской; а в Тобольской о том писано ж, а велено по вестям посылати к тебе людей из Тобольска тотчас. И жил бы еси на Пелыме с великим береженьем, и шатости и измены в вагуличах и в остяках проведывал накрепко, и сторожи б и караулы на городе и на остроге были крепкие, чтоб остяки и вагуличи, пришед безвестно, городу и острогу дурна никакого не учинили. Писан на Москве лета 7121-го апреля в 30 день.

На обороте: Дьяк Семейка Еуфимьев.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 16, лл. 370—371, № 70.

108. *1613 г. не ранее июня...— Отписка кетского служилого человека Молчана Лаврова сургутскому воеводе Ивану Благово об ясаке с Тюлькиной землицы и с тунгусов.*

Государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии воеводе Ивану Володимеровичу Молчанко Лавров челом бьет. Нынешнево, государь, 121-го году посыланы были из Кецкого острогу по государев царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии по недоборной ясак служивые люди Васька Пшеничников, да Янко Шпаковский да толмачь Карпик Амонатка вверх по Кети в Кадысскую волость к князьцу к Номаку, и в Тунгусы и в Тюлькину землю. И ясачики, государь, Васька Пшеничников с товарыщи пришли в Кецкой острог июня в день, а сказали, что Намак итти в Тунгусы и в Тюлькину землю не повел, а ходил де в Тунгусы князец Намак сам да лучшей человек Путня да кузнецкой князец Туметко, а в Тюлькину землю ходили Намаков брат Атабай, лутчей человек Енбель; и из Тюлькины, государь, землицы Атабай принес государева ясаку 60 соболей да государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии поминков 13 соблей. А бил челом государю Тюлькины земли князец Затыгаш, что им государева ясаку больше тово дать невозможно, потому что де их воевали брацкие люди и что де было у них [государеву] ясаку в сборе, и тот де ясак у них отгромили брацкие люди. А князец Помак, пришет в Кецкой острог, сказал, что тунгусы их обманули, велели ему к собе быть и государев ясак хотели платить, а как де они пришли в Тунгускую землю, и тунгусы государева ясака не дали, а их перегрябили, и самих хотели побить, отпустили де душею и телом.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 16, лл. 57 об.—58, № 22.

109. *1613 г. сентября 24.— Грамота в Пелым воеводе Федору Годунову о „шатости“ и „измене“ пелымских вогулов.*

От царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии в Сибирь, в Пелымской город, воеводе нашему Федору Алексеевичу Годунову. В нынешнем в 122-м году сентября в 16 день писал еси к нам, что в прошлом во 120-м году была в пелымских вагуличах шатость великая, многие вагуличи в ызмене переиманы и перевешены и ныне от них шатости чаешь, потому что людей на Пелыме немного, город и острог худ, поделать и осадить некем; а преж сево из вагулич в город в заклад не имывали и укрепить их нечем; и ты послал из них взяти из волости по человеку побыти в городе в закладе до тех мест, как пашенное время минетца; да в прошлом де во 121-м году сказал в распросе Ворьинской волости вагулетин Кортка, у них ходил по юртам, что приходити было им оманом в город, и город и людей ножи резать; и ты де тех вагулич трех человек Сотаика Коротанку, да Мимитка да Толанга имал в город и на пытке пытал, и они де с пытки на себя ничево не говорили; и ты де их велел круг посада бить кнутом и привел к шерти и дал их той же волости на поруки с записью, чтобы вперед от них шатости никакие не было; да заехал де ты на Пелыми за приставом новокрещеного вагулетина Семеику Лобанка в том же ворьинском деле, и ты де его из стрельцов выкинул и сослал на Тюмень, потому што у него крут города в вагуличах братья и род и племя, и он де из Тюмени побежал, и в Тоборех его поймали и привели его к тебе на Пелымь, и на пытке де сказался, что он побежал в Конду жить в вагуличах таем. А какие ты от них чаешь шатости измены, о том к нам подлинно не пишешь, а людей в закладе держишь и тем татар жесточишь. И как к тебе ся наша грамота придет, и ты б про их шатость и измену писал к нам подлинно: какая их к нам шатость и измена, чтоб нам было ведомо; а тем бы ясачных татар не жесточил, в городе их без улики вперед не держал. Писан на Москве лета 7122-го сентября в 24 день.

ГАФКЭ, портфели Миллера, № 478, I, грам. № 64.— Список XVIII в. в ААН, ф. 21, оп. 4, № 16, л. 371 и 371 об., № 71.

110. *1613 г. октября...— Грамота на Верхотурье боярину и воеводе Степану Годунову о платеже сылвинскими и иренскими татарами и остяками ясака и десятой пошлины попрежнему на Верхотурье.*

От царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии в Сибирь, на Верхотурье, боярину и воеводе нашему Степану Степановичу Годунову. Били нам челом из Сибири Верхотурского города казаки: Ромашко Голенищев, Русинко Берсенев, Афонька Елтышов, Ивашко Сафонов в товарищев своих место 50-ть человек казаков и стрельцов: прежде сево сбирали они на нас с Сылвы и с Ирени наш ясак и с торговых людей десятую пошлину с хмеля и с меду и с воску со всяких товаров на Верхотурье, а ныне де научили пермичи бити челом нам татар и остяков, чтоб тем пермичам имать наш ясак и десятая пошлина па нас в Пермь Великую; и возят де те пермичи на Сылву и на Ирень заповедные товары: доспехи и сабли и топоры и ножи, и торгуют с татары и с остяки; а те де таторовя и остяки тем заповедным товаром торгуют с нагайскими людьми, а та де десятая пошлина: мед, хмель шел на наш кабак, а воск шел к божью милосердию, а ныне де меду и хмелю на нашем кабаке и у божья милосердия воску не стало, посылаешь купити меду и хмелю на кабатские расходы в Пермь Великую; да они ж де преж сего имали с пермич с их товаров пошлину денежную, и тое де пошлины денежные збиралось рублев по 10-ти и по 15-ти и по 20-ти на год, а ныне тое денежные пошлины пермичи не сбирают, наровят друг другу, потому что они сами торгуют,

а только сбирают мед и хмель и воск, и мед у них и по ся места стоит в нашей казне. И будет так, как нам Верхотурского города Романко Голенищев с товарищи бил челом, и как к тебе ся наша грамота придет, и ты б, выбрав из стрельцов и из казаков добрых людей, сколько человек пригож, и привел их к крестному целованью и велел наш ясак и десятую пошлину с Сылвы и с Ирени собирати на нас на Верхотурье; да что нашего ясаку, соболей и куниц и всякие мягкие рухляди, и десятинные пошлины с меду и хмеля соберут, и то все велети писати в книгу, да тое меховое рухлядь присылал бы еси к нам к Москве, а мед и хмель держал на кабацкий расход, а воск держал в нашей казне; да что мягкие рухляди, и меду, и хмелю и воску в сборе будет, и ты б о том отписал к нам к Москве и велел отписку отдати в Казанском дворце дьяком нашим: думному Алексею Шапилову да Петру Микулину да Афанасию Овдокимову. Писан на Москве лета 7122-го октября в ... день.

На обороте: Дьяк Афанасий Овдокимов.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 2, л. 113 и 113 об., № 96.

111. *1614 г. апреля 5.—Грамота на Верхотурье воеводам Степану Годунову и Белянице Зюзину о посылке денег на Тару для раздачи служилым людям „за колматскую службу“.*

От царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии в Сибирь, на Верхотурье, воеводам нашим Степану Степановичу Годунову да Белянице Лаврентьевичу Зюзину. По нашему указу велено послати с Верхотурья на Тару тарским служилым людям за колмацкую службу из кабацких и из таможенных доходов 416-ть рублев. И как к вам ся наша грамота придет, и вы б послали с Верхотурья на Тару тарским служилым людям за колмацкую службу из кабацких и из таможенных и из всяких доходов 416-ть рублев с тарскими служилыми людьми: головою татарскою с Богданом Петровым, да с литвою с Давытковым Микифором да с Миките кою Оксеновым, да с казаками с Панкою Григорьевым, да с Ивашком Куминым с товарищи. А как вы те деньги на Тару пошлете, и вы б о том отписали Тарского города к воеводе к Ивану Годунову, да к Петру Лутохину да к Федору Старово. А будет у нас на Верхотурье в сборе столько денег не будет, и вы б послали на Тару денег, сколько у вас в сборе будет, а о достальных деньгах, чего у вас не достанет в 416-ть рублев, отписали в Тобольской город к воеводам ко князю Ивану Буйносову Ростовскому да к Науму Плещееву да к дьяку к Ивану Булыгину, а от нас к ним о том писано ж будет: у вас чего недостанет денег тарским служилым людям за службу в 416-ть рублев, и мы то число велели им дослати на Тару из тобольских из таможенных и из всяких доходов. Да что вы на Тару тарским служилым людям за колмацкую службу денег пошлете или чего у вас в то число недостанет, и вы б о том отписали к нам к Москве, а отписку велели отдати в Казанском приказе дьяком нашим думному Алексею Шапилову, да Петру Микулину, да Афонасию Овдокимову, чтоб нам про то было ведомо. Писан на Москве лета 7122-го апреля в 5 день.

На обороте: Дьяк Афонасий Овдокимов.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 2, л. 114 и 114 об., № 97.

112. *1614 г. ноября 30.—Грамота на Верхотурье воеводе Белянице Зюзину о выдаче верхотурским служилым людям хлебного жалованья на 123-й год из привозного хлеба.*

От царя и великого князя Михаила Федоровича всея Русии на Верхотурье воеводе нашему Белянице Лаврентьевичу Зюзину. Били нам челом верхотурские казачьи и стрелецкие десятники: Ромашко Голенищев, Русинко Берсенев, Стефанко

Лисицин, Матюшко Соловей, Яшко Александров, Богдашка Бедняга и во всех товарищей своих казаков и стрельцов 60-ти человек место, а сказали: прежде сево давали им наше хлебное годовое жалованье из привозного хлеба, что привозили с городов с Пермы, с Вятки, с Устюга Великого и Соли Вычегодские, а после де того давали им наше хлебное жалованье из верхотурские пахоты; и на Верхотурье же по три годы был хлебный недород; а в прошлом де во 122-м году который яровой хлеб сеян на Верхотурье, и тот весь хлеб вызяб; да у них же де гневом божьим Верхотурский город молнией сожгло, и что де у них было всякого запасу, и тот у них хлеб весь погорел, остались де только душею да телом; и нам бы их пожаловать, велети им наше хлебное жалованье на нынешней на 123-й год дати из привозных хлебных запасов. И как к тебе ся наша грамота придет, и из городов с Перми Великой и с Устюга и с Вятки и из Соли Вычегодской сибирским служилым людям и ружником и оброчником на жалование хлебные запасы привезут, и ты б верхотурским служилым людям, казакам и стрельцам, велел дать наше хлебное жалованье на нынешний на 123-й год по окладу их из привозных хлебных запасов по нашей по указной росписи, какову к тебе вперед пришлем, да тот хлеб велел написати в расходные книги и в сметном списке имянно. Писан на Москве лета 7123-го ноября в 30 день.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 2, л. 115 и 115 об., № 99.

113. *1614 г. декабря 10.— Грамота царя Михаила Федоровича в Туринск воеводе Петру Желябужскому о посылке в Туринск пелымских стрельцов и о запрещении пашенным крестьянам нести караульную и станичную службу.*

От царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии в Сибирь, в Туринский острог, Петру Григорьевичу Желябужскому. Писал еси к нам: велено тебе быти на нашей службе в Туринском остроге; а служилых людей в Туринский острог прислано с Пелыми новоприборных только 20-ть человек пеших стрельцов; а к Туринскому острогу прикочевали близко колматские люди, и без конных и прибылых стрельцов в Туринском остроге для проезжих станиц и приходу воинских людей быти немочно; и нам бы о том велети тебе указ свой учинити. А туринские стрельцы Семен Иванов сын Соснин и в товарищей своих 20-ти человек место били нам челом, чтоб нам их пожаловать, велети достальных их товарыщев 30-ть человек стрельцов, которые прибраны с ними вместе в Перми Великой, перевести с Пельми к ним в прибавку в Туринский острог и наше им денежное и хлебное жалованье велети давати потому ж, что было в Пелымском городе. И мы ныне велели послать с Пелыми в Туринский острог новоприборных 30-ть человек стрельцов, которые прибраны в Перьми Великой, и наш указ на Пелым к воеводе к Федору Годунову да к Григорию Орлову о тех стрельцах послан. И как к тебе ся наша грамота придет, а с Пелыми Федор Годунов и Григорий Орлов в Туринской острог стрельцов пришлют, и ты б тем стрельцам велел в Туринском остроге нашу службу служить с товарищи их в ряд. А нашего денежного и хлебного жалованья тем стрельцам, которые присланы с Пелыми наперед сего и которых пришлют ныне, велел давати против пелымских стрельцов: десятником по 4-ре рубля с полтиною, рядовым по 4-ре рубля с четью, хлеба женатым по шти чети ржи, по чети круп, толокна тож, холостым по 5-ти чети ржи, по осьмине круп, толокна тож. И дворовые б еси места тем стрельцам велел отвести в остроге с товарищи их в ряд. А как их учнешь посылать в проезжие станицы и на отъезжие караулы, и ты б для тех посылок лошади велел имати у тех же людей, у кого иманы наперед того, смотря по тамошнему делу. А пашенным бы еси крестьянам вперед караулов караулить на остроге и в проезжие станицы и на отъезжие караулы посылати не велел, чтоб па-

шенным крестьянам в том нужи никоторые не было. Писан на Москве лета 7123-го декабря в 10 день.

На обороте: Дьяк Афанасий Овдокимов.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 5, л. 119 и 119 об., № 106.

114. *1614 г. декабря 14.—Память тобольского воеводы князя Ивана Буйносова-Ростовского в Кетский острог атаману Тугарину Федорову о даче запасов, толмача и подвод посланным „на Енисею" для сыску литвину Фоме Софронову с товарищами и о присылке в Тобольск списка с грамоты 1611 г. о платеже ясака сымскими и касовскими остяками.*

Лета 7123-го декабря в 14 день память атаману Тугарину Федорову да Грише Моржу. В нынешнем в 123-м году писал в Тоболеск из Мангазеи Степан Забелин, что в прошлом во 119-м году по государеве грамоте велено имати с енисейских с сымских остяков ясак в государеву казну в Монгазею, а в Кетск Григорию Елизарову такова ж грамота прислана в 119-м году, что ясаку с них имати не велено. И во 121-м году ходили из Кети на Енисею ясатчики сургутские служивые люди, ясак имали мимо государев указ воровством Митроха Елизаров с товарищи с ясачных людей. И ныне про то посланы в Кетский острог на Енисею сыскивати тобольской литвин Фома Софронов с товарыщи. И как они про то воровство в Кетском остроге обыщут, и кто в том воровстве в сыску объявится, велено им привести в Тоболеск с собою вместе. И как они на Енисею из Кети пойдут, и им дати в Кети запасу и круп и толокна, как им мочно сходити, и толмача, и вожеи и подводы; да о том отписати в Тоболеск, сколько им дадите запасов; и в те запасы к вам пришлют из Тоболеска в Кетской острог на весне. А как они с Енисея пойдут, и вам бы, сыскав государеву грамоту 119-го году, которая прислана к Григорию Елизарову, что с сымских остяков в Кетский острог ясаку имати не велено, списав список слово в слово за своими руками, прислати в Тоболеск с литвином с Фомою Софроновым с товарищи; да о том отписати в Тоболеск.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 16, л. 62 и 62 об., № 26.

115. *1615 г. не ранее июля 12.—Отписка тюменских воевод боярина Матвея Годунова и Федора Бобарыкина туринскому воеводе Петру Желябужскому о движении калмыков в сибирские уезды.*

Господину Петру Григорьевичу Матвей Годунов, Федор Бобарыкин челом бьют. В нынешнем во 123-м году июля в 12 день писал ты к нам с туринским стрельцом с Оксенком Ивановым: ехали де с Тюмени торговые люди верхокамцы Ивашко Максимов с товарищи и сказали тебе про колмацких людей, что пригнал де с Тары мимо Тоболеска на Тюмень тарской казак вестями про колмацких людей в десятой день, а идут де колмацкие люди в сибирские города войною под Тару, и под Тоболеск и под Тюмень одиннадцать тысяч. И июня, господине, в 30 день писали к нам с Тары воеводы Петр Лутохин, Федор Старого, что в нынешнем де во 123-м году маия в 3 день приходили де к ним на Тару калмыцкие послы от таиш от Батыря, да от Тургеня Алгачак, от Урлюка Буга, и они де тех калмыцких послов с Тары в Колмаки отпустили маия в 16 день да с ними ж отпустили в Калмаки толмача Олешку Масалитина. И июня в 15 день писал де к ним на Тару атаман Еремей Пружинкин, а послан он ныне с служивыми людьми к соляным озерам по соль, и прибежал де к ним Олеша Масалитин за день до Отмасу, а сказал, что послан он был в Колмаки с колмацкими послы, и те де послы хотели его на дороге убить, и он де то послышал и, поблюдясь их убойства, убежал от них душею и телом об один конь на Отмас к рыболовам, и видел де он на Отмасе, что шли степью люди великие вверх по Камышлову к Ишиму. И мы, господине, по тем вестям посылали слу-

живых людей в проезжую станицу к Ишиму и видели де они у Ишима колмацких людей 5 человек о дву конь, а сакма де пошла вверх по Ишиму. И тебе бы, господине, те вести были ведомы.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 5, лл. 120 об.—121, № 108.

116. *1616 г. марта 20.—Грамота в Мангазею воеводе Ивану Биркину о посылке в устье Енисея служилых и промышленных людей для разведывания тамошних мест, о переписи живущих там людей, о собирании сведений о приходе „на Енисею" немецких людей и о запрещении торговли с немцами в „Енисее и Мангазее".*

Текст этой грамоты заимствован в начале из упоминаемой в ней тобольской отписки 6 февраля 1616 г., полученной в Москве 17 марта 1616 г. (отписка, по списку XVII в. из портфеля Миллера № 542, напечатана в РИБ, II, № 254, стб. 1049—1054). Варианты из этой отписки приводятся в сносках.

От царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии в Сибирь, в Мангазейский город, воеводе нашему Ивану Ивановичу Биркину да Воину Афанасьевичу Новокрещенову. В нынешнем во 124-м году марта в 17 день писали к нам из Тобольска боярин наш и воевода князь Иван Семенович Куракин, да князь Григорий Гагарин да дьяк Иван Булыгин: сказывал де им двинянин торговой человек Кондрашко Курочкин: в прошлом де во 118-м году были они в Мангазеи, а из Мангазеи пришли на Енисею, к Николе на Турухан, и он Кондрашко, поговоря с двиняны с торговыми людьми с Осипком Шипуновым с товарищи, сделав кочи, пошли на промысел в реку в Песиду, и шли вниз по Енисею до Енисейского устья четыре недели, и пришли на Енисейское устье в Петрове заговенье, и устье де Енисейское занесло из моря льдом, а лед был в толщину сажень 30-ть и больше; а падет де Енисей в морскую губу Студеного моря, которым ходят немцы из своих земель кораблями ко Архангельскому устью;[1] и стояли они на Енисейском устье за льдом недель с пять, потому что из реки в губу проехать было немочно,[2] да как потянул полуденный ветер, и тем ветром лед из устья отнесло в море; и в те поры и большими кораблями из моря в Енисею пройти было мочно;[3] река угодна, боры и черный лес и пашенные места есть, и рыба в той реке всякая такова ж, что и в Волге, и наши ясашные и промышленные люди на реке живут многие.[4] Да им же де сказывал немчин Сава Фрянчуженин: тому де лет с семь ходили голандские немцы кораблями морем к Мангазее, а хотели пройти в Енисею, и пришли де того же лета к себе назад, а сказывали, что лето было сиверно, льдом их в Енисею не пропустило, а только де дождалися полуденного ветра, и им бы в Енисею пройти было мочно. Да им же сказывали про Енисейскую дорогу Кондрашка ж Курочкин да тобольский стрелец Кондрашка Корела, что от Архангельского города в Мангазею по вся годы ходят кочами многие торговые и промышленные люди со всякими немецкими товары и с хлебом, а поспевают морем в Карскую губу от города в две недели, а из Карские губы в Мутную реку вверх до волоку ходят пять день, а волоком итти и кочи таскать версты с полторы, а пере-

---

[1] и проезд с моря к Енисейскому устью есть.

[2] был без престани ветр с сиверу, и хотели было назад воротитца.

[3] а Енисея де глубока, кораблями ходить по ней мочно же.

[4] и отнесло де... лед от устья в море полуденным ветром одием днем. А как... река и море прочистилося, лед отнесло в море. И они де выслали из Енисея и поворотили вправо и шли подле берег губою два дни, да выехали в реку в Пясиду, а Пясида в море падет одним устьем. А как де... лед был в Енисее, и в те поры лед был и в Пясиде, а как из Енисеи лед в море унесло, и в те поры лед из Пясиды вынесло.

волокши с волоку, спустится кочами в Зеленую реку и итти вниз четыре днища, а из Зеленые реки в реку в Таз, а Тазом в Мангазею, а от Мутные реки всего до Мангазеи ходу две недели.[1] Да боярину ж князю Ивану Семеновичу сказывал Степан Забелин: сказывали де ему в Монгазеи промышленные люди, что у Архангельского города наимовали их немцы в вожи, чтоб их провести в Монгазею, и они де без нашего указу вести их в Мангазею не посмели.[2] И они по тем распросным речам послали в Монгазею тобольского стрельца Гришку Богданова, а велели ему итти на лыжах в Сургут, а из Сургута в Мангазею. А к тебе, Воину, они писали: как аж даст бог лед вскроется, и реки пройдут, и тебе б послать на Енисейское устье служилых и промышленных людей, сколько человек пригоже, а велети Енисейского устья рассмотреть, льдом его не занесло ли, и будет занесло, и тебе б велети подождать, полуденным ветром лед из Енисея вычистит-ли или нет; а промышленных бы и торговых и всяких людей, которые часто живут на Енисее, распросить накрепко: лед из Енисейского устья ветром разносит по вся ли годы или каким временем и о кою пору проходить в Енисею с моря кораблями и иными судами мочно ли; а про то б торговым и промышленным и всяким людям заказать накрепко, чтоб немцом в Мангазею дорог не указывали и их не провозили ни на которые места; а будет немцы с торги и придут на Енисею или в Мангазею, и им с ними торговать не велети; а будет мочно их которыми мерами взять в город, и вам бы их велети держать в городе в Мангазее до нашего указу.[3] И нам бы о том велети указ учинити. И как к вам ся наша грамота придет, и вы б тотчас послали на Енисейское устье наших служилых и промышленных людей, сколько человек пригож, а велели им досмотреть на Енисейском устье: мочно ли в котором месте близко устья острог поставить, чтоб к острогу жилетским людям пашнею и сенными покосы и лесы было угодно, и какие люди и сколь близко около Енисейского устья живут. Да и про то б есте велели распросить подлинно: которые наши сибирские городы к тому Енисейскому устью ближе подошли, и сколько до которого города днищ водяного ходу или сухим путем верст, и будет водою, и какими суды ход: большими или кочами; да где присмотрят острог поставити, и они б сметили накрепко, сколько к тому острогу под пашню будет земли, и лесу и сенных покосов, и много ли в тот острог людей надобить. Да им же бы есте велели около того места версты по 2, по 3-и и по 5-ти и по пяти и по 10-ти и по 15-ти и по 20-ти и по 30-ти и по 40-у и по 50-т и по сту и больше переписать всяких людей по имяном, и чей кто сын и с прозвищи, и чем промышляют, и к которому городу ясак дают, и почему ясак дают или

[1] Да стрелец же Кондрашка сказывал: видел де он в прошлых годех на Оби, сдучи в Мангазею, до завороту, карабельную доску, а чает, што разбило корабль, а устья де... Обсково никто не знает, разлилась на многие места, и островы частые и мелко добре, не токмо большим судиом, кораблем или кочами ходити, и мелкими судами ходить не мочно.

[2] И мы, холопи твои, по той их сказке, в Монгазею и в Енисею проходу чаем немецких торговых людей, потому что река Енисея угодна, рыбы в ней много, а живут по ней пашеные татаровья, и зверь по ней дорогой; а река Енисея от сибирских городов отдалела, а им ходить с немецкими товары податно; а поспеть де от Архангельского города в Монгазею недели в полпяты мочно.

[3] *Прибавлено*: А буде, государь, те оба ходы проведают немцы и учнут приходить к Монгазею многими кочами и корабли, и о том вели нам, холопем своим, свой государев указ учинить: велеть ли им торговать и от Архангельского города торговым и всяким промышленным людем на те дороги в Мангазею, а из Мангазеи к городу с товары и со всяким промыслом ходить ли. Да буде, государь, твой государев указ будет, что торговым людем ходити от Архангельского города с товары и з запасы в Монгазею, мне, государь, мочно и твои государевы запасы в Монгазею посылати от Соли Вычегоцкой и с Устюга реками Вычегдою и Двиною, а из Двины морем на Карскую губу и на Мутную реку потому: волоки, по сказке Кондрашки Курочкина да Кондрашки Корелы, всего полторы версты, а то все водяной ход и близок от Архангельского города: поспевают в Монгазею в полпяты недели.

без ясачно живут; да то все велели им написати в книги подлинно порознь. Да тех же людей велели б есте расспросить накрепко: немецкие люди из моря на Енисею кораблями или кочами наперед сего торговати приезживали ль, и будет приезживали, с какими товары, и много ль их людей приезжало; да хто что про то скажет, и вы б о том о всем подлинно отписали и переписные книги велели отдать в Казанском дворце дьяком нашим думному Петру Третьякову, Петру Викулину с товарыщи. А о том бы есте заказ учинили крепкой промышленным людям и ясашным татаром, чтоб они немецких людей на Енисею и в Мангазею отнюдь никак не пропускали, и с ними не торговали и дорог им ни на которые места не указывали. А будет кто с немецкими людьми учнет торговать или дорогу учнет указывать, и тем людям от нас быть в великой опале и в казни. Писан на Москве лета 7124-го году марта в 20 день.

На обороте: Дьяк Иван Шевырев.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 16, лл. 150 об.—152 об., № 45.

117. *1616 г. не ранее сентября 7.—Отписка нарымского воеводы Ивана Хомякова Языкова кетскому воеводе Чеботаю Челищеву о насилиях сургутских остяков Кинемы с товарищами над русскими людьми.*

Господину Чеботаю Федоровичю Иван Хомяков Языков челом бьет. В нынешнем во 125-м году сентября в 7 день писали ко мне из Сургута Гаврило Вельяминов да Иван Зубатого с сургутским казаком с Юшкою Буйдышем: прошлого 124-го года августа в 17 день Сургутского уезда Бардаковы волости Кинема с товарыщи 30 человек государю изменили и приходили па обских остяков тое ж Бардаковы волости на аганских и на аслыпских и на юганских ясашных остяков, хотели их воевати; и те остяки остереглись, и те воры Кинема с товарыщи от Сургуцкого города вверх по Оби за два днища на усть Турунганки речки и в Солоковых юртах в Ваху побили торговых людей дощаник Третьяка огородника с братьею и с товарыщи 9-ти человек да промышленных людей 6 каюков, да после того на третий день побили сургутских служивых людей Ивана Кайдалова, Василья Хохла да Ивана Зубатого дву человек, и всех побили 30-ть человек и, животы их пограбя, побежали; и из Сургута Гаврило Вельяминов да Иван Зубатого по первым вестям посылали за ними в посылку тотчас атамана Богдана Зубакина с товарыщи, а с ним служивых людей и остяков 50 человек и их не догнали, побежали безвестно; а которые остяки государю прямят и от них утекли, и они де в распросе сказали, что им украдом на Оби и к лесу руских людей побити и в волости с смутою посылати. И тебе бы, господине, те вести были ведомы.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 16, лл. 64 об.—65, № 31.

118. *1616 г. октября 15.—Грамота на Тюмень воеводе князю Федору Коркодинову о принятии мер в виду ожидаемого нашествия калмыков.*

От царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии в Сибирь, в Тюменской город, воеводе нашему князю Федору Семеновичю Коркодинову да Ивану Борисовичю Секерину. В нынешнем во 125-м году октября в 5 день писали к нам из Казани боярин наш и воеводы князь Володимер Тимофеевич Долгорукой, да князь Семен Гагарин, да дьяк Андрей Подлесов да Афонасий Истомин: в нынешнем во 125-м году сентября в 10 день в нашей грамоте писано к ним, что писал к нам с Уфы стольник наш и воевода князь Борис Хилков, что писал к нему с Тюмени ты князь Федор да Федор Бобарыкин про вести колмацких людей, что Ишым царь сего лета хочет итти войною под сибирские городы и под Уфинской город и на уфинские волости; да сентября ж в 6 день писал к ним с Уфы стольник же и воевода князь

Борис Хилков про сибирские ж вести, что писал к нему ты ж князь Федор: приезжал де на Тару из за соляного озера Ямыша с зверовья Хеланские волости ясачной татарин Махметко а в распросе де па Таре воеводам Кирилу Вельяминову да Петру Лутохину сказал: как де он ехал с зверовья назад, и не доехав до солянова озера за полтора днища на урочище на Каменных Мечетях взяли его Махметка самово друга калмыцкие Ишимовы люди, и был де у них в полону три недели и ушел у них рыбные ловли, а товарыщ де его остался у них; а кочуют де с Ишимом два тайши: Салбар да Кошур, а людей с ними воинских 500-т человек, да их же Махметка расправшивали про наших людей, которые были посланы по соль, сколько их приходило, и они де им сказали, что русских людей приходило 500-т человек да 200-и человек татар; и Ишим де хочет с колмыцкими людьми итти войною на сибирские городы и на Уфу вскоре. Да августа в 20 день приехали на Уфу Аиские волости башкирцы Бек мурза да Тлевлейка, а в распросе сказали: зверовали де по Улее речке Каратабынской волости башкирец Ишеика и переехал на Миясе речке, по сю сторону перевозу к Аралу, сакму, збежал камлыцких людей; и они де по тем вестям послали на Уфу прибыльных людей литвы и немцев 50-т человек. И как к вам ся наша грамота придет, и вы б велели в Тюменском городе и в уезде жить с великим береженьем, и в подъезд служилых людей и на отъезжие караулы посылали частые, и на городе и на остроге караулы были крепкие и наши бы есте есашные волости велели от калмыцких людей оберегать. А будет к которым сибирским городам и на волости калмыцкие люди пойдут войною близко городов, и вы б на тех колмыцких людей посылали тюменских литву и казаков и стрельцов конных и пеших с вогненным боем, сколько человек пригоже, и велели над ними промышлять, сколько милосердый бог помочи подаст. А одноличие б над колмацкими людьми поиск чинить, а наших служивых людей не потеряти, и ясашных волостей уберетчи. Да что у вас с колмацкими людьми учнетца делати, и вы б о том писали к нам к Москве, а отписки велели отдати в приказе Казанского дворца боярину нашему князю Алексею Юрьевичу Ситцкому, да дьяком нашим Федору Апраксину с товарыщи. Писан на Москве лета 7125-го октября в 15 день.

На обороте: Дьяк Федор Апраксин.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 8, лл. 54 об.—56, № 39.

119. *1616 г. октября 15.—Грамота на Тюмень воеводе князю Федору Коркодинову о запрещении посылать служилых людей против калмыков без предварительных сношений о том с Тобольском.*

От царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии в Сибирь, в Тюменской город, воеводе нашему князю Федору Семеновичу Коркодинову да Ивану Борисовичу Секерину. В нынешнем во 125-м году сентября в 20 день писали к нам из Сибири, из Тобольска, боярин наш и воевода князь Иван Семенович Куракин да дьяк Иван Булыгин: в прошлом де во 124-м году июня в 5 день писал к ним в Тоболеск из Тарского города воевода Кирило Вельяминов да Петр Лутохин и прислали к ним тарского конного казака Власка Колашникова, который был с Тары послан в Колмаки во 123-м году, и в распросе де им Власко сказал: как де его послали с Тары Петр Лутохин да Федор Старово на нашу службу в Колмаки к колмацким таишам в посольстве, и доехал де он до колмацких таишей, и по нашему наказу посольство правил, и калмацких таишей к шерти привел на том, что им быти под нашею царскою высокою рукою; и хотели таиши послать к нам послов своих лучших людей; а шертовали де колмацкие таиши: Тургень, да Бутай, да Малдышеря со всеми колмацкими людьми; и как де колмацкие таиши и колмаки его Власка на Тару отпустили и послов своих на Тару с ним послали, и стала де зима, пали снеги великие, итти было немочно; и колмацкие де послы воротились по своим таишам, а он де Власко зимовал у Малдышери таиши и жил до весны; а по весне его

колмаки отпустили, а с ним послали колмацкие таиши Бутай да Малдынсря послов своих Куная да Баатыря, и они де на Таре были и били нам челом, чтоб мы их пожаловали, велели к ним посылать послов своих и торговых людей а оне де своих послов и торговых людей во все наши сибирские городы посылать учнут же, и где наши люди с их калмыцкими людьми на зверовье или на перевозе сойдутся, и они бы де их колмыцких людей не побивали. А он де боярин наш и воевода князь Иван Семенович послал в Колмаки к таишам к Батырю, да к Кузеню, к Чигиру, к Урлюку и к иным таишам тобольских служивых людей Томилика Петрова да Ивашка Куницына с товарищи, а велел им говорить таишам, чтоб они были под нашей царской высокой рукой, и послов бы они своих к нам посылали, и торговым людям со всякими товары в наши сибирские городы ходить велели, и без нашего б указу в нашей отчине на Оме и на Камышлове реке не кочевали; и будет они на тех реках кочевати похотят, и они б о том прислали к нам бить челом послов своих. Да во 124-м же году июня в 5 день сказывал де им тюменской казак Лазарко Васильев, что ты князь Федор, да Федор Боборыкин хотели посылать на колмыцких таишей тюменских служилых людей и татар войною; и они де писали к вам, чтоб вы тюменских служилых людей на колмаков войною не посылали, что посланы в Колмаки тобольские и тарские служилые люди для нашего посольского дела; и вы де их отписок не слушаете, на колмыков тюменских служивых людей посылаете. И нам бы о том велети указ учинити. И ты то князь Федор делаешь не гораздо, что боярина нашего и воеводы князя Ивана Семеновича Куракина отписок не слушаете, колмаков от нас отгоняете, посылаете на них тюменских служивых людей войной, а в Колмаках наши тобольские служивые люди для посольского дела, и колмаки нам бьют челом, а хотят быти под нашею царскою высокою рукой, а вы на них посылаете воевать воровством. И как к вам ся наша грамота придет, и вы б вперед на колмаков наших тюменских служилых людей и татар войной не посылали, от нас их не отгоняли, а ссылались о всем в Тоболеск с боярином нашим и воеводою со князем Иваном Семеновичем Куракиным и отписок его слушали. А будет вы вперед учнете воровати и на колмаков без отписки из Тобольска посылать войною тюменских служилых людей и татар, и вам от нас быти в великой опале и в казни. Писан на Москве лета 7125-го октября в 15 день.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 8, лл. 56—58, № 40.
Напеч. в РИБ, II, стб. 338—341, № 110.

120. *1616 г. октября 30.—Грамота на Тюмень воеводе князю Федору Коркодинову о немедленном сообщении известий о прибывших в Тюмень калмыцких послах.*

От царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии в Сибирь, в Тюменской город, воеводе нашему князю Федору Семеновичу Каркодинову да Ивану Борисовичу Секерину. В нынешнем во 125-м году октября в 15 день послана к вам наша грамота с тобольским литвином с Матвеем Вишневским о колмацких вестях: будет Ишим царевич с колмацкими людьми пойдут под сибирские городы и на Уфу и на наши ясачные волости войною блиско городов, и вам велено на тех людей посылать наших ратных людей и над ними промышлять, сколько милосердый бог помочи подаст. И в нынешнем во 125-м году октября в 17 день писал к нам с Уфы стольник наш и воевода князь Борис Хилков: в прошлом де во 124-м году июля в 3 день писали к нему с Тюмени ты князь Федор, да Федор Боборыкин, что июня в 5 день писал из Тоболеска боярин наш и воевода князь Иван Семенович Куракин: сказывал ему в распросе, приехав из Колмаков, тарской казак Власко Калачник, а ему де сказывал в Колмаках колмацкой таиша Тургень, что хочет итти из Колмаков с колмацкими людьми под сибирские городы и на волости и под Уфинской город и на башкирские и на уфинские волости войною

Ишим царевич, Кучумов сын; и приказывал с ним со Власком тот таиша Тургень, чтоб во всех сибирских городех и в уездех и в уфинских и в башкирских волостях ясашным людем велели беречись; а идут де с Ишимом воевать калмацкие люди. Да сентября ж де в 5 день писал к нему князю Борису ты князь Федор: в прошлом де во 124-м году августа в 2 день побежал с Тюмени в Колмыки от новокрещена от Олешки Алимова с пашни купленой ево калмыцкой ясырь Алтикейко, и тово де ясыря Олешка изымал и привел его на Тюмень к тебе князю Федору, и в распросе и с пытки тот Алтикейко сказал: велели де ему в Колмаки бежать колмацкие люди, которые пришли на Тюмень в посланниках, а велели де ему в Колмаках сказать Юру таише, что хотят их на Тюмени побить, и они б де пришли под сибирские городы войною; и он бы князь Борис по тем вестям разослал в башкирские волости, а велел башкирцам оберегаться. И нам бы о том велети указ свой учинити. И ты князь Федор то делаешь негораздо: что от колмаков посланники на Тюмень пришли давно, а ты к нам о том, для чего они от колмацких людей в посланникех пришли, не пишешь; а пишут к нам с Уфы и из Казани мимо тебя князя Федора. И как к вам ся наша грамота придет, и вы б тотчас отписали к нам с народным гонцом: калмыцкие посланники пришли на Тюмень от колмацких людей о добром ли деле, и будет о добром деле, и вы б их велели беречи и кормец им велели давати, смотря по людям, и тесноты им никоторые чинити не велели. А будет в них часть которого дурна, или будет калмыцкие люди учнут под которые городы и на нашие ясачные волости войною приходить, и вы б в Тюменском городе жили и в уезде велели жить с великим береженьем, чтоб калмацкие люди волостей не повоевали и городом которого дурна не учинили, в над ними промышляли, сколько милосердый бог помощи подаст. Да что у вас с колмацкими людьми учнетца делать, и вы б о том о всем подлинно отписали к нам к Москве тотчас с нарочным гонцом, а отписки велели отдати в Казанском дворце боярину нашему князю Алексею Юрьевичю Ситцкому да дьяком нашим Федору Апраксину с товарыщи. А ясыря Алтикейко велели держать за крепкими приставы, чтобы он не ушел и дурна над собою которого не учинил. Писан на Москве лета 7125-го октября в 30 день.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 8, лл. 58—59 об., № 41.

121. *1616 г. ноября 16.—Грамота на Тюмень воеводе князю Федору Коркодинову о запрещении давать на выкуп калмыцкого абыза Бакшу и об отпуске его в Тобольск.*

От царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии в Сибирь, в Тюменской город, воеводе нашему князю Федору Семеновичу Коркодинову да Ивану Борисовичю Секерину. В нынешнем во 125-м году ноября в 3 день писал к нам из Тобольска боярин наш и воевода князь Иван Семенович Куракин да дьяк Иван Булыгин, а сказывал де им тюменской казак Гаврилко Мальцев, что де ты князь Федор калмацкого абыза Бакшу, которой взят на Тюмень в языцех, хощешь отдать калмыком на откуп, а дают де колмаки тебе за него 50-ят лошадей; и боярин де наш князь Иван Семенович писал на Тюмень к тебе ко князю Федору многижда, чтоб ты того колмыцкого абыза Бакшу прислал к нему в Тоболеск, а на откуп ево колмаком не давал. И июля де в 23 день пришли из Колмаков на Тюмень колмыцкие люди и дают де за тово ж колмацкого абыза Бакшу тебе князю Федору 30-ть лошадей; да 100 овец колмацких; да им же сказывал Тарского города конный казак Власко Колашников, которой был в Колмакех в посольстве, что де у них в Колмаках тот абыз Бакша был человек чесной и с колмацкими людьми тем абызом учинитца добро многое; и июля ж де в 29 день писал на Тюмень к тебе ко князю Федору боярин наш князь Иван Семенович, чтоб ты того колмацкого абыза Бакшу без нашего указу колмаком на откуп не давал и кормец ему велел давати

до нашего указу. И как к вам ся наша грамота придет, и вы б того калмацкого абыза Бакшу на откуп колмыком не отдавали, и послали его с Тюмени в Тобольской город, с кем будет пригоже, и дорогою велели его вести бережно, чтоб он с дороги не ушел и дурна над собой никакого не учинил, а в Тобольске велели его отдать боярину нашему и воеводе князю Ивану Семеновичю Куракину да дьяку нашему Ивану Булыгину. А которого числа вы того абыза Бакшу с Тюмени в Тоболеск пошлете и с кем именем, и вы о том отписали к нам к Москве, а отписку велели отдать в Казанском дворце боярину нашему князю Алексею Юрьевичу Сицкому да дьяком нашим Федору Апраксину да Богдану Губину да Ивану Шевыреву. Писан на Москве лета 7125-го ноября в 16 день.

На обороте: Дьяк Богдан Губин.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 8, лл. 59 об.—60 об., № 42.

122. *1616 г. ноября 17.—Грамота на Тюмень воеводе князю Федору Корходинову о немедленной присылке известий о калмыцких послах.*

От царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии в Сибирь, в Тюменской город, воеводе князю Федору Семеновичу Корходинову да Ивану Борисовичу Секерину. В нынешнем во 125-м году ноября в 7 день писал к нам с Уфы князь Борис Холков, что в прошлом во 124-м году посылал он на Тюмень уфинцев детей боярских Юрия Оничкова да Григория Солкова для колмацких вестей; и в нынешнем во 125-м году сентября в 10 день писал к нему на Уфу ты, князь Федор, что в прошлом во 124-м году августа в 28 день приехали из Колмаков тобольские служивые люди, которые посыланы были в послех в Колмаки, Томилка Петров да Ивашко Куницин от тайши Батыря с товарыщи, и сказывали, что хотят колмаки быть под нашею царскою высокою рукою, и им де Томилку и Ивашку у колмаков во всем была честь и береженье великое; а Ишим царевич прислал послов своих, что сей зимы однолично хочет выехать на наше царское имя. И от нас к вам на перед сего писано ни олиножды, чтоб вы отписали к нам к Москве подлинно, с чем от колмаков послы пришли, и вы к нам о том и по се места не писывали. И как к вам ся наша грамота придет, и вы б тотчас отписали к нам к Москве с нарочным гонцом подлинно, с чем к вам на Тюмень от калмыцких людей послы пришли и что с калмыцкими людьми делается, а отписку велеть отдать в Казанском дворце боярину нашему князю Алексею Юрьевичю Ситцкому да дьяком нашим Федору Апраксину с товарыщи. Писан на Москве лета 7125-го ноября в 17 день.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 8, лл. 60 об.—61, № 43.

123. *1616—1617 гг.—Челобитная томских казаков Ивана Хлопина с товарищами о жалованье за службу в Чатском городке.*

Царю государю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии бьют челом холопи твои государевы из твоей государевы дальные отчины из Сибири Томсково города пешие казаки Ивашко Дмитриев Хлопин, да Левка Лукьянов Новосильцов, да Юшка Григорьев, да Митька Григорьев Згибнев, Федька Семенов Чеусь, Васька Иванов Поламошной, Федька Шейтанщиков, Ондрюшка Гребенихин, Федька Тупылев. В нынешнем, государь, во 125-м году посылали, государь, нас холопей твоих из Томского города твои государевы воеводы Федор Василевичь Бабарыкин да Гаврило Юдич Хрипунов на твою царскую службу к чацким мурзам в городок на береженье. И мы, государь, холопи твои у чацких мурз в городке жили для береженья 15-ть недель. И к чацким, государь, мурзам под городок пришли войною твои государевы изменники и непослушники черные калмаки два тайши; Пегым тайша да Абак тайша, а с ними людей черных колмаков тысяча человек, и к городку, государь, тайши приступали с своими людьми накрепко, а под городком, государь,

стояли черные колмаки три недели. И мы, государь, холопи твои, из городка с твоими государевыми изменники дралися и городок отсидили. И в осаде, государь, мы, холопи твои, в городке голод и великую нужу терпели, и с голоду, государь, кобылятину ели. И нас, государь, переранили, и татар, государь, многих и мурз переранили и побили. А колмаки, государь, к городку приступали за щитами, а надевали, государь, на собя по два куяка. Милосердый царь государь и великий князь Михайло Федорович всея Русии, пожалуй нас холопей своих государевым своим царским жалованием за наше службишко и за кровь, как тобе государю милосердому бог известит. Царь государь, смилуйся, пожалуй.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 17, лл. 57 об.—58 об., № 44.

124. *1617 г. марта ...— Грамота на Тюмень воеводе Ивану Секерину о даче места под пашню на устье реки Ницы тюменскому ямскому охотнику Игнатию Порозову с товарищами.*

От царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии в Сибирь, в Тюменской город, Ивану Борисовичю Секерину. Бил нам челом Тюменского города ямской охотник Игнашко Порозов да служилые люди: Добрынка Филимонов да Замятенка Исаков да Туринского острогу пашенные крестьяне Марко Фадеев, кузнец, да Климко Большая Борода, чтоб нам их пожаловати, велети им дати под пашню место на усть Ницы реки, промеж Туринским острогом и Тюмени, по реке по Нице вверх до первые луки по верхней бор. И будет так, как нам Тюменского города ямской охотник Игнашко Порозов с товарищи бил челом, и как к тебе ся наша грамота придет, а то будет место на нашу пашню не пригодитца и лежит в пусте, напередсево никому не отдавано, и ты б в том месте велел им дати под пашню места; а поскольку чети человеку в том месте велишь дати пашни, и ты б то все велел написать в книгу подлинно порознь и о том отписать к нам к Москве, и велел отписку отдати в Казанском дворце боярину нашему князю Алексею Юрьевичю Ситцкому да дияком нашим Федору Опраксину с товарыщи. Писан на Москве лета 7125-го марта в ... день.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 8, лл. 63 об.—64, № 47.

125. *1617 г. ранее апреля.— Отписка тобольского воеводы князя Ивана Куракина кетскому воеводе Чеботаю Челищеву о посылке сургутских служилых и промышленных людей и кетских остяков на тунгусов.*

Господину Чеботаю Федоровичю Иван Куракин челом бьет. Сказывал в Тобольску сургутцкой казак Давыдко Попов, что побивают де государевых кетцких Намаковых и кузнецких и весловых и амытцких и кемских ясачных людей тунгуские люди. И ис Тобольска, господа, писано в Сургут к Гаврилу Вельяминову да к Ивану Зубатого, а велено им на весну, аже даст бог как лед вскроетца, послати ис Сургута в Кетцкой острог сургуцких служивых людей 30-ть человек да промышленных людей послать, сколько человек пригоже, чтоб было кем над тунгусскими людьми поиск и тесноту учинити, колько милосердый бог помочи подаст, и ясак бы с тунгусов на государя взяти. И как пришлют ис Сургута Гаврило Вельяминов да Иван Зубатова в Кеть служилых и промышленных людей и тебе б послати их на тунгусов, а с ними послать кетцких остяков, колько человек пригоже, смотря по тамошнему делу, чтоб, прося у бога милости, поиск и тесноту над тунгусы учинити и под государеву б их высокую руку привести и закладчиков и ясак с них государев взяти.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 16, лл. 62 об.—63, № 27.

126. *1617 г. не ранее июня 19.— Отписка тобольского воеводы князя Ивана Куракина кетскому воеводе Чеботаю Челищеву об ока-*

зании содействия посланным из Тобольска для проведывания дороги на Енисей.

Господину Чеботаю Федоровичю Иван Куракин челом бьет. В нынешнем во 125-м году июня в 19 день посланы из Тобольска тунгусские дороги проведывать тобольской конной казак Семейка Неустроев, да сургуцкой казак Давыдко Городчиков да промышленой человек Федька Тимофеев. И как, господине, Семейка и Давыдко в Кетцкой острог приедут, и тебе б велеть дать им из Кецкова острогу до волоку до князька Аманаковы земли и, дав им по тобольской по подорожной подводы, отпустить на волок, не задержав. Да им же велено взять для переводов и сыску верхние Урнуковы волости Олку да в Аманакове земли Карандашка, да Кузнецкие волости князьца Тюметка. И тебе б, господине, с тех ясачных людей имать ясак по прежнему, как и наперед сего для государева дела посылывал и ясак с них имывал. А как Давыдко и Семейка назад в Кетцкой острог придут, а с ними придут кетцкие ясачные люди, которые с ними в вожах и в толмачах на реку Енисей ходили, и тебе б тем ясачным людем велети дать в дорогу кормец до Сургута, как им мочно сытым быти.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 16, л. 63 и 63 об., № 28.

127. *1617 г. ранее июля 3.— Отписка тобольского воеводы князя Ивана Куракина кетскому воеводе Чеботаю Челищеву о собирании сведений о путях на Енисей и Верхнюю Тунгуску.*

Господину Чеботаю Федоровичю Иван Куракин челом бьет. По государеву указу велено на Верхней Тунгуске поставити острог. И тебе б, господине, распросити кетцких годовальщиков и остяков и всяких промышленных людей, которые бывали через волок на Енисею: много ль недель ходу от Кецкого острогу Кетью рекой до Аманака князька, а от Аманака князька много ли волоку сухим путем до реки Енисея; и иными реками из Кети реки, чтоб волок миновати, мочно ли на Енисею притти, чтоб поспети нынешним летом в Тунгуску; а распрося, про то отписать подлинно в Тоболеск.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 16, лл. 63 об.— 64, № 29.

128. *1617 г. не ранее июля 3.— Отписка кетского воеводы Чеботая Челищева тобольскому воеводе князю Ивану Куракину о пути из Кетского острога на Енисей и Верхнюю Тунгуску, о посланных в Тобольск котлах и меди и о взыскании денег с кетского годовальщика Давыда Городчикова.*

Государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии боярину и воеводе князю Ивану Семеновичю Чеботай Челищев челом бьет. Нынешнего, господине, 125-го году июля в 3 день писал ты ко мне из Тобольсково, што велено по государеву указу поставить в Верхней Тунгуске острог; и мне бы распрося служивых людей, кецких годовальщиков и остяков и промышленных людей, которые бывали через волок [отписати] в Тоболеск: сколько недель ходу до Кецково острогу до князьца Намака, и из Кети реки сколько ходу волоком до Енисея, и есть ли от Кети реки на Енисею водной путь. И я, господине, распрашивал кецких годовальщиков сургуцких служивых людей у Луки Донскова да Ортюшки Родюкова; а тот Лука Донской да Ортюшка Родюков были посыланы из Кецково острогу на тунгусы войною с Иванком Кайдаловым с товарыщи, как посылал войною из Кецкого острогу Григорей Елизаров в 118-м году, и оне, господине, шли из Кецково острогу до князьца Намака в зырянских каюках налегке пол третьи недели и противо Намака с Кети на волок, до реки Тыи,[1] пешему человеку нести на себе 2 пуда, итить 2 дни,

---

[1] *В рукописи здесь и далее ошибочно:* Томи.

а зимним путем на нартах итить два ж дни, и на речке Тые делати струги или зырянские каюки страдные, и от тово волоку от Тыи Тыею речкою на большую реку Кемь пол днища, [а рекою Кемью] плыти на Енисею день и, выплыв на Енисею, по Енисею в верх до Тунгуски до реки неоплошно итить день ходу. А на усть Тунгуски реки живут тунгусские люди 12 человек в юртах, а называются они кипанцы, по речке што речка Кипан, а выпала вверх едучи по Тунгуске с правые руки, а от Тунгусково устья вверх по Енисее 3 дни ходу дощаником до порогу. А порогу, господине, на Енисее 2 версты, а выше порогу итить 3 дни до тюлькиных людей. И нынешнего 125-го году в Тунгуску не изоспети и к волоку. Да послано, господине, сургуцким казаком с кецким годовальщиком с Ортюшкой Родюковым в Тоболеск 2 котла кецкие казенные да третей из меди ломаной; и тебе бы, господине, велети сделати в трех котлах, а из меди ломаной котел пивной; а денег с ним послано казенных 6-ть рублев, што дати от дела от котла; а што сойдется денег, и на те деньги купити котел, в чем на остяков ести варити, ведра в четыре; а будет чево недостанет денег, и тебе бы, господине, велети дати денег на прибавку; што, господине, велишь дати денег на прибавку, и тебе б велети отписать в Кецкой острог, и тотчас деньги пришлю в Тоболеск. А меди с ним послано 17 безменов, да 3 дуги котельные да 3 уши железные, а в дугах и в ушах велети зделать крюки, да к котлу уши. Да в прошлом, господине, 124-м году послана из Кецково острогу ко государю к Москве кецкая ясачная и поминочная казна с кецким годовальщиком с Давыдком Городчиковым, и куплено под казну судно в Сургуте, дано 5 рублев; а то судно, не доходя до Верхотурья, Давыдко продал верхотурскому пашенному крестьянину Меркуше, взял за судно 3 рубли с полтиною денег да за рубль епанчу, и тех денег в Кецкой острог не присылывал, и сам был в Кецком остроге, денег не отдал; и тебе бы, господине, велети в Сургут отписати к Гавриле Вельяминову да к Ивану Зубатого, штобы те деньги велели, на Давыдке доправя, прислать в Кецкой острог. Да у Ортюшки, господине, мяхкие рухледи у Артюшки 16 соболишек, да 7 бобришков, да лиска красная, 77 пупченков, да посылошных 14 соболишек.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 16, лл. 66—67, № 33.

129. *1617 г. не ранее августа 18.— Отписка тобольского воеводы князя Ивана Куракина кетскому воеводе Чеботаю Челищеву о взимании ясака с сымских и касовских остяков мангазейскими служилыми людьми.*

Господину Чеботаю Федоровичу Иван Куракин челом бьет. Августа, господине, в 18 день писал ты в Тоболеск с кетскими годовальщики с сургутскими казаки с Ортюшкой Григорьевым да с Первушкою Ивановым, что в нынешнем же во 125-м году маия в 31 день били челом государю царю и великому князю Михаилу Федоровичу всеа Русии енисейские и сымские и касовские ясашные князьки и остяки Елифатко да Килгот да Кинза и во всех место ясашных остяков а сказали, что платят они государев ясак и поминки в Кетской острог со 113-го году по 11-ти соболей с человека ясаку да по соболю по поминошному; и шестой де год приходят к ним из Мангазейского города ясатчики тобольские и березовские казаки, да с ними же де приходят в целовальниках и в толмачах торговые люди, и емлют де с них после государева кетского ясаку и поминков соболи по 3-и по 4-ре и по 5-ти и по пяти с человека; и на нынешней де на 125-й год взяли мангазейские ясатчики литвин Лева да Карп Сарт да торговой человек Овдейко на князьке на Кюмзине 24-ре соболи; да они де ставили усть Сыму у Гилтовых юрт зимовье и чинили де им ясашным людям теноты и обиды великие, рыбу и птицу у них имали сильно; и вперед де им от мангазейских годовальщиков прожить немочно; и нам бы, господине, по государеву указу о том учинити указ, чтоб, из Мангазеи приходя, на кетских

ясашных людех ясак не имали. И из Мангазей, господине, па Енисею по ясак посылают по государеве грамоте, а то нам ведомо; только бы имать ясак с енисейских ясашных людей в Кетской острог, и государеве бы казне было прибыльнее, и мы о том учнем писать к государю.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 16, л. 64 и 64 об., № 30.

130. *1618 г. января 20.—Отписка в Москву туринского воеводы Данилы Вельяминова о нежелании туринских крестьян Марка Фадеева и Клима Большой Бороды переходить на новое место в устье реки Ницы, согласно грамоте 1617 г. марта... (№ 124).*

Государю царю и великому князю Михаилу Федоровичу всеа Русии холоп твой Данилко Вельяминов челом бьет. В прошлом, государь, во 125-м году августа в 27 день писал ты государь царь и великий князь Михайло Федорович всеа Русии в своей в царской грамоте ко мне холопу своему с тюменским с ямским охотником с Игнашею Порозовым, что били челом тебе государю Тюменского города ямской охотник он Игнашка Порозов да служилые люди Добрынка Филимонов да Замятенка Исаков, да Туринсково острогу пашенные крестьяне Марко Фадеев сын, кузнец, да Климко Большая Борода, чтоб ты их государь пожаловал, велел им дати под пашню место на усть Ницы реки промеж Туринским острогом и Тюмени, по Нице реке вверх до первые луки по верхней бор; и будет так, как тебе государю Тюменсково города ямской охотник он Игнашка Порозов с товарищи били челом, и как ко мне холопу твоему твоя государева грамота придет, и то будет место на твою государеву пашню не пригодитца и лежит в пусте [и] наперед сего никому не отдано, и мне бы в том месте велети им дати под пашню места; а по скольку чети человеку в том месте велю дати пашни, и мне бы холопу твоему то все велети написати в книги подлинно порознь да о том отписати к тебе к государю к Москве и велети отписку отдати в Казанском дворце боярину твоему государеву князю Олексею Юрьевичу Сицкому да дьяком Федору Опраксину, да Богдану Губину да Ивану Шевыреву. И по твоей государеве грамоте я холоп твой Туринсково острогу пашенных крестьян Марка и Климка на то место для пашни посылал, на которое место он Игнаша Порозов тебе государю бил челом, а пашенные, государь, крестьяня Марко да Климко сказали, что де Игнаша об нас бил челом ложно воровски, не по нашему велению, мы де о том тебе государю бити челом не веливали, и ехати не похотели. А те, государь, крестьяня в Туринском на твоей государеве пашни на больших вытех, и вперед государева. то как ты, государь царь и великий князь Михайло Федорович всеа Русии, мне холопу своему велишь свой царской указ учинити.

Такова послана 126-го году генваря в 20 день с туринским сыном боярским с Ондреем Шарыгиным с товарищи.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 5, лл. 132 об.—133 об., № 123.

131. *1618 г. января ...—Грамота на Тюмень воеводе князю Федору Коркодинову о жалованье головы тюменских юртовских служилых татар Майтмаса Ачекматова.*

От царя и великого князя Михаила Федоровича всея Русии в Сибирь, в Тюменский город, воеводе нашему князю Федору Семеновичу Коркодинову да Ивану Борисовичу Секерину. В нынешнем во 126-м году декабря в 9 день писали есте к нам и прислали Тюменского города юртовских служилых татар головы Майтмаса Ачекматова челобитную, а в челобитной его написано: служит он нам в Сибири больше 30 лет, как и Тюменский город стал; и как де был на Тюмени воевода Василий Сукин, и посыланы были с Тюмени на царя Кучума служилые люди и юртовские тюменские татаровя, и он де на той службе убил 3-х мужиков да 2-х живых взял; к

после де того голова Алексей Безобразов посылал с Тюмени в проезжую станицу для воинских людей тюменских казаков и татар 20-ть человек, и он де у Алея царя взял из улуса языка; да при Алексее же де Безобразове ходили тобольские и тюменские казаки и татаровя зимою на колмацких людей, и в том походе в улусе убил он таншу, а его ранили в руку; да при боярине и воеводе при Матвее Михайловиче Годунове ходили тобольские и тюменские казаки и татаровя войною на Алея царя, и с Алеем де царем было у них дело, и на том де деле взял он Алееву матерь; да при боярине де и воеводе при Матвее Михайловиче приходили под Тюменской город войною нагайские люди и повоевали в Тюменском уезде наши ясачные волости, и боярин де Матвей Михайлович Годунов посылал с Тюмени за теми нагайскими людьми казаков и татар,и с теми нагайскими людьми было у них дело и на том де деле убил он нагайских людей 7-м человек да 2-х живых взял; да при боярине же де при Матвее Михайловиче Годунове, как ходили с Тюмени на царя Алея голова Назарей в Изъединов, и в том де походе взял он Алееву жену да двух царевичев Алеевых детей; да при боярине же де при Матвее Годунове в прошлом во 121-м году ходили с Тюмени зимою на колмацких людей, и с теми колмацкими людьми было у них дело, и на том де он деле с калмацкими людьми бился и взял улусного мужика; да в прошлом же де во 124-м году, как изменили нам тюменские Тересяцкие волости служилые ясачные татаровя, и за теми де татары посылан был с Тюмени атаман Степан Молчанов, а с ним были литва и конные казаки и татаровя, и с теми де с изменники была у них драка, и он де на той драке взял ясачного татарина; и никоторая де его служба и посылка не минует; а нашего де ему годового жалованья дают по осьми рублей; и нам бы его пожаловати, за его прежние службы велети его нашим денежным и хлебным жалованьем поверстати против тобольского служивого татарина Казылбая Капландыева. А в тобольских в окладных книгах 124-го году написано: Кызылбаю Капландыеву нашего денежного жалованья оклад 12-ть рублей, да хлеба 2 чети ржи, 2 чети овса. И будет так, как нам Тюменского города юртовских служилых татар голова Маитмас Ачекматов бил челом, и как к вам ся наша грамота придет, и вы б про то сыскали всякими служилыми людьми и юртовскими служилыми татары, да будет Маитмасовы таковы службы были, и вы б ему велели наше денежное и хлебное жалованье давати против Кызылбая Капландыева. Писан на Москве лета 7126-го генваря в... день.

На обороте: Дьяк Иван Шевирев. Справил подьячий Семейка Матюшкин.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 8, лл. 66 об.—67 об., № 52.

Напеч. в РИБ, II, стб. 351—353, № 115, II.

132. *1618 г. марта — апреля. — Отписка тобольского воеводы князя Ивана Куракина кетскому воеводе Чеботаю Челищеву о выдаче Петру Албычеву и Черкасу Рукину списков с ясачных окладных книг тех волостей, которые отойдут к новому Енисейскому острогу.*

Господину Чеботаю Федоровичю Иван Куракин челом бьет. По государеву указу посланы из Тобольска на Енисею нового острогу ставить Петр Албычев да Черкас Рукин, а с ними сибирских городов служилые люди. А как, аже даст бог, острог поставят, а которых волостей ясачные люди ясак платили наперед сего в Кецкой острог, а ныне к тому острогу, которой поставят, те волости будут Кецкого ближе и тех ясачных людей, буде они похотят сами мимо Кети, ясак велено имать в новой Енисейской острог. И которые волости по выспросу к Енисейскому острогу Кецкого ближе, и тебе б, господине, Петру и Черкасу тех волостей кецких ясачных с окладных книг дать выписку, почему ты с которые волости наперед сего ясаку имал, чтоб им кецкого имать ясаку не меньше. Да как им с ясачных книг вы-

писку дашь, и ты б в те волости вперед по ясак не посылал, чтоб ясачным людям в дальнем проезде за ясаком нужи не было.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 16, л. 67 и 67 об., № 34.

133. *1618 г. апреля — августа. — Отписка тобольского воеводы князя Ивана Куракина кетскому воеводе Чеботаю Челищеву о сборе ясака с волостей, отписанных к новому Тунгусскому (Енисейскому) острогу.*

Господину Чеботаю Федоровичю Иван Куракин челом бьет. Писал ты, господине, в Тоболеск, что ты по тобольской отписке Кетсково острогу к новому Тунгусскому острогу поворотил 10-ть волостей и, списав с ясачных книг перечни, сколько в которой волости ясачных людей и почему платили государева ясаку и поминок, отдал Петру Албачеву да Черкасу Рукину. А поворочено волостей к Тунгускому острогу: волость Паппукольская Урпукова, а в ней ясашных людей 37 человек, волость Кадисская Намакова, ясачных людей 8 человек, Бас волость, Сым волость, Енисея, ясачных людей 24 человека, волость Кемские вершины, ясачных людей 15 человек, волость Макутцкая, ясачных людей 3 человека, волость Ямышская, ясачных людей 2 человека, волость Тюлькина, от Кецкого острогу удалена, а по распросным речам казака Давыдка Городчикова ясачных людей в Тюлькиной волости 250 человек, а в прошлом во 125-м году взято с них государева ясаку в Кетцкой острог 2 сорока соболей, а во 126-м году взято с них государева ясаку в Кетцкой острог 50 соболей, да в Томской город взято с них на тот же год 50 соболей. И тебе бы, господине, в те во все волости послать проведать, кого притоже, Петр Албычев да Черкас Рукин в новой Енисейской острог с тех волостей ясак взяли ль или не взяли, да к Петру и к Черкасу о том отписати. Да буде Петр и Черкас тебе отпишут и от волостей вестно будет, и буде за которыми меры ясаку не взяли, и тебе б ясак с тех волостей взяти в Кецкой острог по прежнему; а буде Петр и Черкас с тех волостей ясак взяли, и тебе б, господине, в другой раз ясаку с них не имать.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 16, л. 68 и 68 об., № 37.

134. *1618 г. мая 25. — Наказная память пелымских воевод Ивана Вельяминова и Григория Орлова князю Федору Кондинскому с товарищами об устройстве десятинной пашни в Табаринской волости.*

Лета 7126-го маия в 25 день, по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии указу, память князю Федору Кондинскому. Воевода Иван Яковлевич Вельяминов, Григорий Никитич Орлов велели ему ехать в Тоборы. Да с ним посланы литовской десятник Богдапко Волошенин, да стрелецкий пятидесятник Михалко Вискунов да для письма послан с ним стрелец Демка Герасимов. И приехав ему князю Федору в Тоборы, и взяти с собою того Богданка Волошенина да Михалка Вискунова, да пелымских пашенных крестьян да тоборинских мурз Емелдеша Еменеева, да Кокудаша Корданукова, да Елская Кудашева да Багая Чориева и рассмотрети накрепко подлинно, где бы мочно устроити государева пашня, в Верхних или в Нижних Таборех, где бы государеву делу прибыльнее и впредь прочнее, потому что на Пелыме государевы пашни распахать внове негде, а на старых землях на Пелыме хлеб не родится и семена ржаные извелись. И того им рассмотрити накрепко подлинно, где бы устроити слобода пелымским пашенным крестьянам, где бы им впредь прочнее государева пашня пахать и на собя бы им впредь где мочно пашню пахать, чем им мочно сытым быть и всякими угодьи. А осмотря им в Верхних и в Нижних Тоборех, где земли лучше и угодей больше, в том месте велети пелымским пашенным крестьянам государева пашню пахать, и слобода строити, и на себя пашню распахать. И того им расмотрети накрепко, сколько деся-

тин с ряду мочно устроити государевы пашни в трех полях, и вервью велети смерить, сколько десятин впредь мочно государевы пашни устроить, чтоб было ведомо, где бы было мочно на государеву пашню пашенных крестьян призывать, чтоб в государеве пашне было прибыльнее, да и на себя им пашню где мочно пахати, и сколь далече от государевы пашни будет собинная пашня крестьянская, и сколько того места будет, что им пашенным крестьянам пашни пахать на себя, и каковы угодья и сенные покосы и под скот подскотины, где б мочно скоту ходить, чтоб государеву хлебу ржи и яри протравы не было. И расмотря им места под государевы пашни, где земли лучше, и отмерети под государеву пашню ныне ко 127-му году 10-ть десятин с ряду, как мочно, и указати те мерные десятины приставом Богдапу Волошенину да Михалку Вискунову, и межи указати меж десятинами. А десятина мерить в долготу по 80-лт сажен, а в широту по 40-у сажен. И отмеря земли и распахав подлинно, и ехати ему князю Федору на Пелымь и стрельцу Демке Герасимову а Богдану Волошенину да Михайлу Вискунову велети быть в Тоборех у государевой пашни. К сей наказной памяти воевода Иван Яковлевич Вельяминов, Григорий Никитич Орлов печати свои приложили.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 16, л. 380 и 380 об., № 79.

135. *1618 г. июня 1.— Досмотр князя Федора Кондинского с товарищами устроенной ими государевой пашни в Верхних Табарах.*

Лета 7126-го июня в 1-й день, по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии указу, воевода Иван Яковлевич Вельяминов, Григорий Никитич Орлов посылали с Пелыми служивых людей: князя Федора Кондинского да с ним литовского десятника Богданка Волошенина, да стрелецкого пятидесятника Михалка Вискунова да для письма стрельца Демку Герасимова в Таборы, в Верхние и в Нижние, земли досматривать, где бы мочно новую земля распахать на государеву пашню пашенным крестьянам и сколько десятин будет и, досмотря земли, и смерить вервью. И князь Федор, и Богданко Волошенин и Михалко Вискунов досмотрели дубравы, где лучше государю прибыльнее в Верхних Таборех от межи, выше вогульских зимних юрт, дубровы и до озерка смерили сряду вервью, где мочно государева пашня внове распахать, 236 десятин, да пелымским пашенным крестьянам отмерили новые земли под рожь ко 127-му году 10 десятин с низу, от вогульских пашен, и к верху побережье подле Тавды, мимо государевы житницы, до вогульских зимних юрт сряду; и межи тем десятинам уставлены до вагульские роспаши; мяхкие земли смерили в трех полях подле Тавды побережье и подле озера за дубровою; и с тем, что промеж пашен, перелоги 44 десятины. А меряны десятины в долготу по 80-т сажен, а в широту по 40-у сажен. И всего смерено дубровные земли и вогульские роспаши в трех полях и с перелогом, что промеж пашнями, и с тем, что пашенным крестьянам отмеряно под рожь, 290 десятин.

ГАФКЭ, портфели № 478, I, грам. № 69. Два става.— Список в ААН, ф. 21, оп. 4, № 16, л. 381 и 381 об., № 80.

136. *1618 г. июня ...— Челобитная пашенных вогулов Табаринской волости об освобождении их от работ на пашне и о замене их ясаком.*

Царю государю и великому князю Михаилу Федоровичу всеа Русии бьют челом и плачутся сироты твои государевы из Сибири Пелымского уезда Табаринские волости пашенные вагуличи мурзяшка Емелдешин и Кокудаши и во всех товарищей своих мест 70-т человек. В прошлом, государь, во 101-м году, как твой государев Пелымский город стал, и в те поры твой государев воевода князь Петр Горчаков заставил нас сирот твоих в Таборех на тебя государя твою государеву пашню пахать, и поимал у нас сирот твоих наши особенные пашнишки в твою государеву

пашню, которые пашнишка пахали мы сироты твои на собя до Пелымского города лет за 40 и за 50, и нас сирот твоих тех пашен заставил пахать па тобя на государя; и мы, государь, сироты твои пашем твою государеву пашню после Пелымского города 30-ть лет те одни полосы, а переменить негде и вново распахивать и расчищать негде ж, корень сырой лес, государь, в обоимо в полтора, и твоя государева пашня, которую мы сироты твои пашем на тобя государя, вся выпахалась, хлеб пе родится и семена не сходятся. А мы, государь, сироты твои, пашучи твою государеву пашню, в конец погибли, живем, государь, от твоей государевы пашни от Таборов в разных местах на озеры, езду от Таборов днища по полутора и по два днища, и кормимся с женишками и с детишками рыбенком, и к твоей государеве пашне в Таборы нас сирот твоих из наших юртишков высылают приставы; и в которую пору мы сироты твои пашем твою государеву вешнюю пашню, а женишка, государь, наши и детишка без нас помирают голодною смертью. А как, государь, поспеет твоя государева пашня пахать под пазм и сеять твоя государева рожь, и хлеб твой государев поспеет, жать рожь и овес, и нас сирот твоих из наших юртишков вышлют в Таборы до одного человека с женишками и с детишками, а юртишка, государь, наши остаются во все лето пусты без нас сирот твоих. А пашучи, государь, твой государев хлеб, рожь и овес, и в которую пору молотьбу твой государев хлеб молотим, и мы, государь, сироты твои кормимся с женишками и с детишками во все лето травою и помираем голодною смертью, а рыбенка, государь, добыть нам сиротам твоим, чем сытым, в те поры добыть не успеем, в которую пору твою государеву пашню пашем и твой государев хлеб жнем и молотим. И подводы, государь, мы сироты твои гоняем летом и зимою под твоею государсвою соболиною казною, а под гонцами, которые ездят к тебе государю к Москве с твоими государевыми делы из понизовных сибирских городов и под паруспою казною и под канатною, которые холсты возят из русских городов канаты в Тоболеск, и под колодниками, которых возят с Москвы в понизовные сибирские города в верх по Тавде реке от Таборов до Пелымского города, а вниз по Тавде реке до Тобольского уезду. И ныне, государь, по твоему государеву указу на твою государеву пашню в Таборех поселились русские люди пашенные крестьяне; и которые, государь, в Таборех были наши пашенные угодьишки и сенные покосы, и всякие угодьишка отошли от нас сирот твоих русским людям, табаринским пашенным крестьянам; и мы сироты твои помираем с женишками и с детишками голодною смертью, угодий пашенных у нас сирот твоих не стало, и лошаденка, государь, у нас сирот твоих, пашни твоей государевы вперед нам сиротам твоим пахать не на чем. Милосердый государь, царь и великий князь Михаил Федорович всея Русии, пощади сирот своих, не вели нам сиротам своим вперед свои государевы пашни пахать, вели, государь, с нас сирот своих имать свой государев ясак мягкою собольною рухлядью, как тебе государю царю и великому князю Михаилу Федоровичу всеа Русии бог известит, чтоб мы сироты твои с женишками и с детишками, пашучи твою государеву пашню, в досталь в конец не загибли. Государь царь и великий князь Михаил Федорович всея Русии, смилуйся.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 16, лл. 400—401 об., № 96.

137. *1618 г. не ранее сентября 1.—Отписка в Москву пелымских воевод Ивана Вельяминова и Григория Орлова о посылке в Тобольск детей боярских и стрельцов „для государевой службы в Тунгусах“ и о выдаче им жалованья.*

Государю царю и великому князю Михаилу Федоровичу всеа Русии холопи твои Ивашко Вельяминов, Гришка Орлов челом бьют. В прошлом, государь, в 126-м году марта в 18 день писал к нам из Тобольска на Пелымь твой государев боярин и воевода князь Иван Семенович Куракин, чтоб нам послать с Пелыми к нему в То-

болеск пелымских служивых людей 2 сынов боярских да 10 человек стрельцов для твоей государевы службы, а ему тех пелымских служивых людей послать на твою государеву службу в Тунгусы; и мы, государь, холопи твои послали в Тоболеск князя Василья Кондинского да сына боярского Петра Албычева да стрельцов 10 человек: Терешку Михайлова, Алешку Юрьева, Семейку Ерославцева, Дружинку Усольца, Ваську Андреева, Левку Федорова, Ондрюшку Иванова, Савку Денисова, Треньку Овдокимова, и твое государево денежное жалованье князю Василью Кондинскому дали 17 рублев оклад его сполна, да сыну боярскому Петру Албычеву дали на 126-й год 11 рублев оклад ево сполна, а стрельцам, государь, твое государево денежное жалованье дали на Пелыме половину их окладов; и что кому твоего государева денежного жалованья по окладу дано, и их дача писана в росходные книги 126-го году вместе с пелымскими служивыми людьми, с ружники и оброчники. И те расходные книги твоему государеву денежному жалованью посланы к тебе, государь, к Москве с сметным списком вместе. И из Тобольска, государь, твой государев боярин и воевода князь Иван Семенович Куракин князя Василья Кондинского из Тобольска отпустил на Пелым, а сына боярского Петра Албычева и пелымских стрельцов послал на твою государеву службу в Тунгусы.

ААН, ф. 22, оп. 4, № 16, л. 384 и 384 об., № 83.

138. *1618 г. ранее декабря 2.— Отписка тобольского воеводы князя Ивана Куракина пелымским воеводам Ивану Вельяминову и Григорию Орлову об „измене" сургутских остяков.*

Господам Ивану Яковлевичю, Григорью Никитичю Иван Куракин челом бьет. Писали вы в Тоболеск, что присылал к вам ис Конды ясачной мурза Артюка Агаев вагулотина Кулаха, что ходил де он Кулах в Березовский уезд и съехал де его на Иртыше березовской казак, а говорил ему: поедь де ты на Пелымь, скажи: заворовались де государевы сургутские остяки ясачные, казымцы и нарымской князек Дона со всеми своими людьми, а убили де на Обе выше Сургута воеводу, который ехал в Томской город, и многих де служивых людей побили; да того ж де числа были на Пелыми Малые Конды вагуличи Дылей Коромод и сказывал де вам те ж вести, что побили на Обе русских людей человек с 60, и стоят де ныне в собранье 1900 человек и хотят итти к Сургуту, а им де те вести ведомы с Оби; и нам бы о том к вам отписати, есть ли в Тобольску те вести ведомы. И в Тобольску, господа, про сургутских остяков про измену ведомо, что сее осень заворовали сургуцкие остяки Бардакова родня немногие люди, побили русских людей немногих, а Федор Боборыкин в Томск проехал, а никакого погрому над ним не было; а заворовали остяки за то, что от воевод была обида и насильство, да и за то, что посылали на них войною сургутских служивых людей до их же воровства, и служивые люди их не дошли, а жон их и детей от города в верстах в 20-ти и в 30-ти по юртам их в полон поимали и повезли в Сургут, и они для того и заворовали; а заворовали немногие люди на Оби выше Сургута, низовых волостей все большие люди по прежнему государю служат и прямят и, приходя в Тоболеск, бьют челом, что им и всем от воевод была обида и насильство великое, а воровать они не хотят; а тех де остяков, которые заворовали, они под государеву царскую высокую руку по прежнему приведут же или на них пойдут войною. И мы, господине, чаем того, что остяки, которые было заворовали, государю добьют челом вскоре. А что у нас вперед про те вести объявитца, и мы о том к вам отпишем. А вам бы, господа, покаместа те вести номинаются, жити на Пелыме с великим береженьем, по городу и по острогу наряды ставити крепкие, а к вагуличам держати привет и ласку и бережение и шатости в них проведывати всякими мерами, а жесточи им никакие не чинить.

На обороте (другим почерком): 7127-го декабря 2.

ГАФКЭ, портфели Миллера, № 478, I, грам. № 67. Три сстава.— Список XVIII в.. в ААН, ф. 21, оп. 4, № 16, лл. 377 об.—378 об. № 77.

139. *1618—1619 гг.—Отписка в Москву пелымского воеводы Ивана Вельяминова о состоянии укреплений Пелымского города и о невозможности произвести починку их местными служилыми людьми.*

Государю царю и великому князю Михаилу Федоровичу всеа Русии холоп твой Ивашко Вельяминов челом бьет. На Пелыме, государь, твой государев Пелымской город весь огнил и обвалился, и башни городовые погнили и завалилися. А Пелымского уезда Большие Конды и пелымских волостей и Меньшие Конды и Табаринские волости твои государевы ясачные люди и пашенные татарова и вагуличи приходят с твоим государевым ясаком многие и для расправных дел. А крепости, государь, у твоего государева Пелымского города нет, огнил и обвалился, а поделать вновь некем: пелымских служивых людей и ружников и оброчников тольке на Пелыме 90 человек, и из тех служивых людей послано на твою государеву службу в Тунгузы 13 человек, а иные твои государевы пелымские служивые люди стали в твою государеву пашню в Таборы, а пелымские жилецкие пашенные крестьяне по твоему государеву указу переведены с Пелыми в Таборы, а иные твои государевы служивые люди многие бывают в россылках для твоих государевых дел, а в городе, государь, оставаются люди немногие и поделать твоего государева Пелымского города некем. И о том, государь, мне холопу своему что велишь, свой царский указ учини.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 16, л. 385 об., № 85.

140. *1619 г. не ранее февраля 11—июня 6.—Отписка из Маковского острога Петра Албычева и Черкаса Рукина кетскому воеводе Чеботаю Челищеву об оказании содействия отправленным ими в Тобольск служилым людем и о намерении тунгусов итти под Маковский острог.*

Господину Чеботаю Федоровичю Петр Албычев, Черкас Рукин челом бьют. В нынешнем, господине, во 127-м году февраля в 11 день писал ты к нам в Макытцкой острог, что заворовали на Оби бардачники Кинема с товарыщи и хотят итти под Нарым. А мы до твоего письма послали в Тоболеск к боярину сургуцкого литвина Якова Сергунова, нарымского новокрещена Олешку Санбычеева с службою и с иными делами. И буде только им Обью в Тоболеск пройти немочно, и тебе бы, господине, велеть им итти, куды мочно, в Тоболеск наскоро, чтоб за тем государева служба не стала и служилые б люди голодною смертию не померли. А буде, господине, их отпустишь в Тоболеск, на кое место им мочно пройти с грамоты, и тебе б им я подорожная дать на те места, чтоб им ни на котором городе до Тобольска не завесновать. А их бы тобе у себя не задержать. А буде которые у тобя вести переновятца, и тобе б к нам писать, безвестно не держать. А к нам вести поновилися, что тунгусы, собрався, хотят быть к нам под острог. А послали к тебе с отпискою березовскаго казака Тагинашка Анфилофьева. И тобе б, господине, ево Тагинашка не задержать у себя, отпустить к нам и подвод давать. А куды Сергуна и Алешку отпустишь, и тобе бы к нам отписать.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 16, л. 67 об., № 35.

141. *1619 г. марта—апреля.—Отписка тобольского воеводы князя Ивана Куракина кетскому воеводе Чеботаю Челищеву о сборе мелких судов и о предоставлении их Максиму Трубчанинову, посылаемому „в Тунгусы" на перемену Петру Албычеву и Черкасу Рукину.*

Господину Чеботаю Федоровичю Иван Куракин челом бьет. В нынешнем во 127-м году послан из Тобольска в Тунгусы Максим Трупчанинов с служилыми людьми на перемену Петру Албычеву да Черкасу Рукину. И как Максим Трупчанинов с служилыми людьми в Кеть приедут, и тебе бы, господине, велеть собрать у остяков и у всяких торговых и у промышленных людей мелких судов да те суды отдать для мелей, в которых местах чаят большими суды не пройти, Максиму Трупчанинову. А которыя суды в прошлом во 126-м году и в нынешнем во 127-м году из Тобольска в Тунгусы отпущены, и тебе б, господине, для тех судов велеть собрать волостных ясачных остяков и послать их с Максимом Трупчаниновым до волоку. А как Максим до волоку доедет и из судов выгрузитца, и тебе б те суды, которые в Тунгусы из Тобольска в прошлом во 126-м году и в нынешнем во 127 году отпущены, велеть собрать и припроводить в Кеть, а с Кети, господине, велеть те суды русскими людьми и остяки, чем мочно, доправить до Нарыма, а из Нарыма пришлют их в Сургут, чтоб в тех судех вперед аже даст бог, во 128-м году в Тунгусы отпустить.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 16, л. 68, № 36.

142. *1619 г. апреля 13.—Грамота в Туринск воеводе Даниилу Милославскому о присылке сведений о корме верблюдам, отбитым у калмыков и направляемым в Москву.*

От царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии в Сибирь, в Туринской острог, воеводе нашему Данилу Ивановичу Милославскому. В нынешнем во 127-м году марта в 10 день писали к нам ис Тобольска боярин наш и воевода князь Иван Семенович Куракин да дьяк Иван Булыгин, что послали они к нам к Москве калматцкова погрому 17-ть верблюдов с тобольскими служилыми людьми с сыном боярским Дмитрием Черкасовым с товарыщи. Да апреля в 7 день к нам же писал из Тарского города воевода Кирила Вельяминов Воронцов, что послал он с Тары к нам к Москве колмацкого ж погрому 58-мь верблюдов с тарскими служилыми людьми с атаманом с Поспелом Голубиным с товарыщи, а ехали де они с теми верблюдами на Туринской острог. А что в Туринском остроге и по станам в Туринском уезде корму всякого на те на тобольские и на тарские верблюды вышло, и того в Казанском дворце не ведомо. И как к тебе ся наша грамота придет, и ты б о том отписал к нам к Москве: сколько в Туринском остроге и по станам в Туринском уезде тем верблюдам сена и овса и соли по цене вышло, и на сколько день кольким верблюдам по чему дано, а отписку велел отдать в Казанском дворце боярину нашему князю Олексею Юрьевичу Сицкому да дьяком нашим Федору Апраксину да Богдану Губину да Гаврилу Богданову. Писан на Москве лета 7127-го апреля в 13 день.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 5, л. 138 и 138 об., № 127.

143. *1619 г. не ранее июня 6.—Отписка из Маковского острога Петра Албычева и Черкаса Рукина кетскому воеводе Чеботаю Челищеву об оказании содействия посланному в Тобольск Таганашке Анфилофьеву, о намерении тунгусов итти на Маковский и Кетский остроги, о полученных вестях про киргизов и о наказании Петрушки Парабельца, укравшего у одного кетского остяка его вещи.*

Господину Чеботаю Федоровичю Петр Албычев, Черкас Рукин челом бьют. В нынешнем, господине, во 127-м году июня в 6 день послали мы из Макытцкого острогу в Парым березовского казака Таганашка Анфилофьева для подлинново изведывания вестей: смирно ли на Оби, для того что велено, разведав вести, выслать государева соболиная казна в Тоболеск. И тобе б, господине, того Таганашка, туды едучи

в Парым и назад к нам, в Кетцком остроге не задержать, отпустить тотчас и подводку дать. Да посылали мы из Макытцкого острогу служилых людей Давыдка Городчикова с товарыщи к тунгусам, а велели их под государскую высокую руку призывать и ясак с них имать. И служилые люди сказывают Давыдко Городчиков с товарыщи, что приходили к ним на коч князьцы Харычей да Тасина и говорили: мы де государю радеем и ясак дадим, да лихи де у нас молодые люди, нас ни в чем не слушают и, собрався, хотят итти на Кеть под остроги, и кецких и касовских ясашных остяков воевать. И тобе б, господине, от тунгусов и от иных людей береженье к собе держать, чтоб, пришед безвестно, дурна никотерово не учинили. Да сказывал нам енисейской остяк Тымка: зимовал де он в Тюлькине земле, и приходили де при нем киргизы в Тюлькину землю звати тюлькиных людей с собою итти под Томской город и под Кузнецкой острог, и тюлькины люди им отказали: мы не идем, и они де пошли иных землиц подзывать, асанов и Бохты землицы. И тобе бы, господине, велеть отписать в Томской город, чтоб киргизы и иные какие люди, пришед безвестно, дурна которова не учинили. Да писал ты к нам на Петрушку Парабельца, что он привез к нам Кецково острогу ясашново остяка; и к нам Петрушка остяка никакова не приважпвал, а сказывает взял де он у остяка котлишко да 3 соболишка, да лыжишка подволошные, и мы у него Петрушки то котлишко и соболишка и лыжишка взяли и послали к тобе с Таганашком за нашими печатьми, а ево Петрушку за то били батоги нещадно.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 16, л. 69 и 69 об., № 38.

144. *1619 г. декабря 16.— Память тобольского воеводы князя Ивана Куракина енисейскому приказному человеку Максиму Трубчанинову о посылке людей в область Верхней Тунгуски для проведывания тех мест и находящейся там „великой“ реки.*

Лета 7128-го декабря в 16 день, по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии указу, память Максиму Трубчанинову. Сказывали нам в Тобольску в распросе подьячей Федька Крылов и сибирских городов служилые люди и промышленные, которые на Енисее и по иным многим речкам бывали, про Тунгускую и про иные землицы: землица де Верхтунгуская, а за тою де землицею другая землица Аплинская, да в реку де в Тунгуску впала река Лимля, а живут де по ней люди сучкирен, и в тех де трех землицах соболь ведетца доброй. Да Тунгуской де рекою от нового Тунгусково острогу, которой де ныне поставили Петр и Черкас, ехать до волоку 2 недели да тем де волоком итти 2 дни до великие реки. А сказывал де в распросе Петру и Черкасу про тою большую реку Кипанские землицы князец Илтик, что де та река великая, а имени он той реке, как ее и по которому языку зовут, не знает; а ходят де тою рекою суды большие, и колокола де на них великие есть, и звон де они слышат часто, и из пушек де с тех больших судов стреляют; а какие люди, и которых вер, и из которых земель или государств в которые земли и в государства ходят, и с какими товары или воинские люди, тово де они не ведают, потому что де ему и иным его товарыщам на той великой реке и на берегах случей с ними не бывал; а вода в той великой реке солона, а что де в нее не кинешь, и из нее де мечет вон на берег; да на той же великой реке есть острог, а на берегу он у той большой реки стоит или на острову, и какие в нем люди живут и много ль их, и воинские ль люди или сидячие, не воинские люди, тово он не ведает; да островов де великих и всяких угодий по той великой реке много. И как к тебе ся память придет, а князец Илтик и иные ясачные люди Кипанские земли учнут в новой Тунгуской острог с ясаком приходить, и ты бы их государевым жалованьем, что с тобою послано из Тобольска, поил их и кормил довольно и государево им жалованье, сукна и однорядки и каменье мунчак, давал, смотря по тамошнему делу; а поя их и кормя и дав им государево жалованье, что кому

доведется, смотря по человеку, да о том князьцу Ильтику говорити, чтоб он тем государю послужил: вместе с русскими служилыми людьми пошел проведывать тое великие реки, про которую он Петру и Черкасу... [1] а великие места и лес угожий судовой есть, зделать кочь или шняки или в каких судах можно на тое великую реку поднятца, да в том коче или в судах велеть им тою великою рекою ехать, до коих мест пригоже, и смотреть того и проведывать подлинно: прямо ли река, или море или переуль морская; да буде река, и им велеть ездить по обе стороны реки и того смотреть, каковы у тое великие реки береги, и есть ли на них какие выметы, и есть ли какие угожие места и лес, которой бы к судовому и ко всякому делу пригодился, или горы, да буде горы, и какие горы, каменные ль и сколько высоки, и есть ли на них какой лес или степные места; и откуда та река выпала и куда устьем и в которую реку или в море впала, и рыбная ль река, и какова в ней вода, и мечет ли из себя вон на берег какой зверь, и есть ли... [2]

ААН, ф. 21, оп. 4, № 22, стр. 1—2, № 1.
Напеч. в РИБ, II, стб. 373—376, № 121.

145. *1620 г. не ранее февраля 23.— Отписка енисейского приказного человека Матвея Трубчанинова томскому воеводе Федору Боборыкину о Киргизском волоке и об остроге „в Кызылах".*

Господину Федору Васильевичю Матвей Трупченинов челом бьет. Нынешнего 128-го году февраля в 23 день писал ты ко мне в Енисейской острог с томскими казаки с Богдашкой Кызылом да с Олешкою Соломатовым: писал де тебе из Тоболеска боярин и воевода князь Иван Семенович Куракин, что будто сказывал яз ему боярину, что будто в 10 днищах в чулымских вершинах кочевья томских ясашных людей: кызыла, богасары, а к ним прилегли землицы, качи, милиси, ары, браты, маты, а браты да маты люди великие, ясаку государю не платят, а сами де они емлют ясак с государевых ясачных людей, которые блиско кочуют: с кызылов, с багазар; а только б де в Кызылах поставить острог, а как де будут в том остроге служивые люди для обереганья ясашных людей. И я, господине, про то не про што боярину не сказал, что мошно в Кызылах острог поставить; только меня боярин в распрашивал про Киргисской волок, что с Чулыма волок к киргиским пашням, сказывал я боярину про тот волок, что он невелик. Да отпущены из Енисейского острогу с отписками в Тоболеск тюменской казак Завьялко Семенов; и тебе бы, господине, велети его отпустить из Томсково города, не задержав.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 17, лл. 75 об. и 76, № 61.

146. *1620 г. не позднее февраля 28.— Отписка в Москву туринского воеводы Данилы Милославского о челобитье туринских ясачных татар Ишмамета Тентюкова с товарищами на Артемия Бабинова, отнявшего у них их вотчину по р. Нице, на устье реки Режи.*

Государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии холоп твой Данилко Милославский челом бьет. В нынешнем, государь, во 128-м году ноября в 2 день били челом тебе государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии Туринсково острогу ясашные тотаровя Тянтюковых юртов Ишмаметко Тентюков да Нагаевых юртов Байгул Байгугалов да Ермолаевых юрт Алиярко Ермолин и во всех своих товарищов 20-ти человек место на верхотурсково жильца на Ортюху Бабинова с товарищи, а товарищей де, государь, сво имян не ведают:

[1] *Пропуск в рукописи.*
[2] *Конца в рукописи нет.*

в прошлом де, государь, во 127-м году отняя де у них тот Артюха с товарищи своими вотчину их ясашную на реке на Нице на усть Реши речки, поставил деревню насильством; и в той де, государь, в вотчине их житьем живут и лесуют звери, лоси и соболи и лисицы бьют, а в речках бобры выбивают и рыбу ловят и хмель дерут, а они де ныне вотчины своей отстали и твоего-де государеву ясаку ныне и вперед добывати им стало негде, и в том де они в конец погибли. И принесли, государь, ко мне холопу твоему в съезжую избу челобитную, и я холоп твой против их челобитья писал о том на Верхотурье к воеводе к Федору Сомову, почему тот верхотурской жилец Артюха Бабинов с товарищи их туринских татар вотчиной владеет, и Верхотурского ль уезду та вотчина, и по твоему ли государеву указу владеют или купленая, и у ково куплена или владеет своим насильством. И в нынешнем, государь, во 128-м году ноября в 17 день писал в Туринской с Верхотурья ко мне холопу твоему воевода Федор Сомов, что де Ортюшка Бабинов принес к Ивану Головину да к нему челобитную, а в челобитной де его написано, что он бил челом тебе государю о пашенной земли и о сенных покосах на Невье реке вниз до устья Реши речки, и двор де ему поставити и пашня распахать, а назвал де то место бутто верхотурского ясаку, и по Ортюхину де челобитью Бабинова дано ему на Верхотурьи в тех урочищах деревня поставить и пашня распахать. И я холоп твой тех татар челобитную Ишмаметка с товарищи, подклея под сю отписку, послал к тебе ко государю к Москве. И о том мне холопу твоему, как укажешь.

Такова послана 128-го году февраля в 28 день с туринскими служивыми людьми с Максимком Дмитриевым да с Еремкою Лыжиным.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 5, лл. 142 об.—143, № 131.

147. *1620 г. июня 3.—Грамота в Тобольск воеводе боярину Матвею Годунову о жалованье литвина Яна Кучи.*

От царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии в Сибирь, в Тобольский город, боярину нашему и воеводе Матвею Михайловичу Годунову, да князю Ивану Федоровичу Волконскому да дьяку нашему Ивану Шевыреву. Бил нам челом сибирский Тобольского города литвин Ян Куча а сказал: в прошлом де во 121-м году посылан он был из Тобольска с ротмистром с Барташем Стануславовым, проведав соляного озера вверх по Иртышу, за Тарской город, и соляное де озеро проведав и соли в Тоболеск привезли; да в прошлом де в 122-м году посылан он из Тобольска ж на нашу годовую службу в Томской город, из Томского де города посылан был на багасарских и киргизских людей, и нам служил, с багасарскими и с киргисскими людьми бился; да в прошлом де во 126-м году посылан он был из Тобольска же с стряпчим с Алексеем Вельяминовым Воронцовым в степь и на Ишима царевича и на колмацких таишей, и божьею де милостью и нашим счастьем наши служилые люди в степи царевича Ишима и колмацких тайшей и их улусных людей громили, и многих побили, и живых в полон поимали, и он де Куча нам в деле служил, с колмацкими людьми дрался и убил мужика; да в прошлом де во 127-м году посылан он был из Тобольска ж в степь к Каракуле тайше, и ему говорил, чтоб он был под нашею царскою высокою рукой, и Каракула де таиша под нашею царскою рукою хотел быть, и Каракулины люди с ним Яном в Тоболеск приезжали, а ходил де он к Каракуле таише больше 24-х недель, голод и нужу всякую терпел, и душу свою осквернил, всякую нечистоту ел; и за те де он службы нашим жалованьем не пожалован ничем; а нашего де ему денежного и хлебного жалованья годового денег 9 рублев с четью, хлеба 6 четей с осьминою, ржи четверть, круп толокна на то ж; и нам бы его пожаловать, велеть его за те службы нашим денежным и хлебным жалованьем поверстать на выморочное тобольского же литвина на Семейкино место Слонского, а Семейки де не стало, а на то место никто в нашу службу не поверстан. И будет так, как нам тобольский

литвин Ян Куча бил челом, и как к вам ся наша грамота придет, и вы б литвину Ян Куче велели итти в Тобольск на выморочное на Семейкино место Слонского, а нашего де годового жалованья велели ему давать Семейкин оклад Слонского, денег по 12 рублев, хлеба по 7 четвертей с осьминою, ржи по чети с осьминою круп, толокна на тож, и в окладные книги велели ево справить. Писан на Москве лета 7128-го июня в 3 день.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 11, л. 1 и 1 об., № 1.

148. *1620 г. июня 22.—Наказная память, выданная Посольским приказом жильцам Томского города Луке Васильеву и казачьему атаману Ивану Белоголову, назначенным „в приставах“ к калмыцким послам, возвращавшимся из Москвы.*

Лета 7128-го июня в 22 день, по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии указу, память Томского города жильцом Луке Васильеву да отоману казачью Ивану Белоголову. Ехати им с Москвы в Казань в приставех с колматцкими послы... с товарыщи; а ехать им с Москвы с ним в судах на Коломну да в Переславль Резанской да на Касимов да на Муром да в Нижней Новгород да в Кузмодемьянской да в Казань. А ис Казани велено их Луку да Ивана с колмацкими послы отпустить в судех же Камою рекою на Соль на Камскую да в Тоболеск; а об отпуске об их в Казань к боярину и воеводам ко князю Борису Михайловичю Лыкову от государя писано. А корм и вино колмацким послом дано от Москвы до Нижнего на две недели, а пиво и мед велено давать по городам по государеве проезжей грамоте, а от Нижнего по городам до Казани и до Тобольска и до Томского города велено им по государеве проезжей грамоте давати поденного корму: послам трем человеком по 10 денег человеку на день да питья по 2 чарки вина, по полуведра пива, по кружке меду. И Луке и Ивану ехати с колматцкими послы в Казань, а ис Казани в Тоболеск; и едучи дорогою береженье к ним держать и корм им по указу давать сполна, чтоб им в кормех нужи не было. Да и самим им послом бесчестья никакого и обид не чинить. А того беречи накрепко, чтоб послы по городом и в дороге на станех ни с какими иноземцы не разговаривали, и вестей никаких ни о чем им нихто не росказывал, и обид бы руским людем никаких не чинили и даром насильством ничего ни у кого не имали, а им бы русским людем потому ж никакова безчестья и обид не чинити. А как они с теми колматцкими послы приедут в Казань, и им сказать про них в сказке боярину и воеводам князю Борису Михайловичю Лыкову с товарыщи. А как их боярин и воеводы князь Борис Михайлович Лыков ис Казани в Тоболеск отпустят, и им по тому ж с колматцкими послы ехати ис Казани в Тоболеск бережно и усторожливо. А приехав в Тоболеск, сказать про послов боярину и воеводам Матвею Михайловичю Годунову с товарыщи, а к боярину и к воеводам к Матвею Михайловичю Годунову с товарыщи от государя о посольском отпуске писано ж. А в Казани им к боярину и воеводам ко князю Борису Михайловичю Лыкову с товарыщи послати с вестью с судна, не доезжая Казани, чтоб про них боярину и воеводам князю Борису Михайловичю Лыкову с товарыщи ведать до их в Казань приезду и ждать от боярина и воевод от князя Бориса Михайловича Лыкова с товарыщи указу.

На обороте: Дияк Сава Романчюков.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 5, л. 146 и 146 об., № 134.

149. *1620 г. июля 4.—Грамота в Туринск воеводе Данилу Милославскому о сыске и решении по спорному делу о владении Артемием Бабиновым землей и угодьями по реке Реже.*

От царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии в Сибирь, в Туринской острог, воеводе нашему Данилу Ивановичю Милославскому. Писал еси к нам

и прислал Туринского острогу ясашных татар Тянтюковых юрт Ишмаметка Тянтюкова да Нагаевых юрт Байгулы Байгугалова да Ермоласвых юрт Алиярка Ермолина 20-ти человек челобитную на верхотурского жильца на Ортюху Бабинова с товарищи; а в челобитной их написано: отнял де у них тот Ортюха с товарищи своим насильством вотчину их ясачную на реке на Ницс, на усть Реши речки, и деревню поставил. и в той де вотчине их живут и лесуют звери: лоси, и соболи и лисицы, и в речках бобры выбивают, и рыбу ловят и хмель дерут, и они де от того обнищали, нашего ясаку им вперед добывать негде; и нам бы их пожаловати, тое их вотчинные земли отымати у них не велети. И будет так, как нам Туринского острогу ясачные татаровя Ишмаметко Тентюков с товарищи били челом, и как к тебе ся наша грамота придет, и ты б про то сыскал туточными ясачными людьми старожильцы: их ли ясачная вотчина, и почему владеет Ортюшка Бабинов; да будет та земля их старинная ясачная, а тот Ортюшка с товарищи будет деревню поставил насильством без нашего указу, и ты б ту землю отдал Туринского острогу ясачным татарам, а Ортюшке б еси отказал и вперед ему тою их землею владеть не велел. Писан на Москве лета 7128-го июля в 4 день.

На сбороте: Дияк Федор Опраксин. Справил Семейка Матюшкин.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 5, лл. 146 об.—147, № 135.

150. *1620 г. июля 14.—Наказная память тобольского воеводы боярина Матвея Годунова с товарищами тобольскому сыну боярскому Василию Тыркову, отправленному в Кетский острог для расследования злоупотреблений кетского воеводы Чеботая Челищева и об отстранении его от должности воеводы.*

Лета 7128-го июля в 14 день, по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии указу, память тобольскому сыну боярскому Василью Тыркову. Ехать ему в Кецкой острог для того: в нынешнем во 128-м году июля в 6 день били челом государю царю и великому князю Михаилу Федоровичу всеа Русии Кецкого уезда ясачные остяки Киргеевы волости Манческум, Айрака Сокотича и во всех ясачных людей место а сказали, что им от Чеботая Челищева насильство и теснота великая; и государь бы пожаловал, велея послать из Тобольска для их оберегапья сына боярсково, чтоб им от Чеботаева насильства в конец не погибнуть и розно не разбрестись. И Василью Тыркову, приехав в Кецкой острог.

Да память Василью ж Тыркову. В нынешнем во 128-м году июля в 7 день в государеве цареве и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии грамоте, за приписью дияка Офанасья Истомина, писано в Тоболеск к боярину и воеводам к Матвею Михайловичу Годунову, ко князю Ивану Федоровичу Волконскому и к дияку Ивану Шевыреву, что в нынешнем во 128-м году генваря в 5 день писал ко государю из Тобольска боярин и воевода князь Иван Семенович Куракин и дияк Иван Булыгин, что писал к ним из Енисеи Максим Трупчанинов, который послан из Тобольска с служилыми людьми для острожные ставки на Енисею на перемену прежним приказным людем Петру Албычеву да Черкасу Рукину: встретил он с кетцкою казною сургуцких служилых людей Ваську Прокофьева с товарыщи, и сургуцкие служилые люди в распросе ему сказали, что послан был к ним от Петра Албычева да от Черкаса Рукина с отпискою новокрещен Семейка Тумач наспех, что они Петр и Черкас седят в Памацком острожке от тунгуских людей в осаде; и Чебатай де Чилищев воровством и изменою, не хотя государю служити, того Семейку к ним в Тоболеск и к нему Максиму на встречу для людей из Кетского острожку не отпустил и подвод ему не дал; и по государеву указу велено про то в Кетцком острожке сыскати. И Василью, приехав в Кетцкой острог, сыскати: Петр Албычев да Черкас Рукин к Чеботаю Челищеву с сургутцким казаком с Семейкою Тумачем писали-ль о людех, что они от тунгуских людей во Паматцком острожке сидят в оса-

де, и Чеботай Чилищев, не хотя государю служить, государевых служилых людей к ним на выручку в Наматцкой острог для чего не послал и Семейке Тумачеву подвод не дал; да кто что про то про все в сыску скажет, и Васнлью речи их велети записывати; да тот сыску своего список за обыскных людей руками привести с собою в Тоболеск. И Чеботаю Челищеву велети ехать с собою ж вместе с Тоболеск, а приехав в Тоболеск, явится к боярину и воеводам Матвею Михайловичю Годунову, князю Ивану Федоровичю Волконскому, дьяку Ивану Шевыреву. К сей наказной памяти государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии печать царства Сибирского приложили боярин и воеводы Матвей Михайлович Годунов, князь Иван Федорович Волконский, дияк Иван Шевырев.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 16, лл. 69 об.—70 об., № 39.

151. *1620 г. не ранее августа 5.—Отписка тобольского воеводы боярина Матвея Годунова туринскому воеводе Данилу Милославскому о выяснении того, к какому уезду принадлежат земля и угодья в усте Режи реки, пожалованные Артемию Бабинову.*

Господину Данилу Ивановичю Матвей Годунов челом бьет. В нынешнем, господине, во 128-м году августа в 5 день бил челом государю царю и великому князю Михаилу Федоровичу всеа Русии Верхотурские дороги вож Артюшка Бабинов а сказал, что пожаловал де его Ортюшку государь на Нейве реке, вверх Пяцы реки, на усть Режу речки, вверх 10 верст через гору и по Нейве реке до Камени 10 верст через гору ж на 5 лет на льготу пашенными месты, и сенными покосы и рыбными ловлями, и крестьян де на то место на льготу велено ему призывати; и то де место стало в споре меж Верхотурья и Япанчина, а тово де неведомо, которого уезду то место: Верхотурского или Епанчинсково; и государь бы его пожаловал, велел про то сыскать для того: как отойдут льготные лета, и то б было ведомо, в которой город тем людем, которые с ним Ортюшкою поселятца, государев оброк давати. И тебе бы, господине, про то место, о котором Ортюшка Бабинов государю бил челом, велеть сыскати япанчинскими жильцы и ясачными людьми, коль далече от Япанчина и от Верхотурья, и которого города уезд, и не за ясачными ли людьми то место, и напередь того не в дани ли и не в оброке; а сыскав, велеть о том отписати в Тоболеск.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 5, л. 147 и 147 об., № 136.

152. *1620 г. не ранее сентября 1—1621 г. января—февраля.—Отписка тобольского воеводы боярина Матвея Годунова томским воеводам князю Ивану Шеховскому и Максиму Радилову о посылке томских служилых людей в Енисейский (Тунгуский) острог в виду возможных нападений на него тунгусов весной 1621 г.*

Господам князю Ивану Федоровичю, Максиму Ивановичю Матвей Годунов челом бьет. В нынешнем, господа, во 129-м году писал из Тунгуского острогу в Тоболеск Максим Трупчениное, что в прошлом во 128-м году августа в 21 день с низу Енисея Кузнецкой волости ясашной человек Тымко Переоров послал в Енисейской острог промышленново человека Самейку Вятку, а приказывал с ним, что тунгуские многие люди с рек с Пити, с Тысу, с Елеку, с Харчика и с иных речек пошли на сход на большую реку на Верхнюю Тунгуску; а что у них за дума, тово не ведает. Да к нему ж де в Енисейской острог приехал ясачной человек Кипильские волости князя Цалтика брат Татулка, а в распросе ему сказал, что говорят тунгуские люди, что они де били челом государю не в правду, потому что они презжали к острогу люди невеликие, и на весну де будут к острогу всеми людьми, толды де они прямо государю дабьют челом и ясак станут прямо давать. И вам бы, господа, выбрав томских служилых людей 40 человек, послать в великое говенье для обере-

тачья в Енисейской острог на время, покаместа государев ясак зберут, чтоб к Енисейскому острогу тунгуские люди не пришли и над острогом дурна какова не учинили. А которого числа и кого именем из Томского города томских служивых людей в Енисейской острог пошлете, и вам бы, господа, о том отписати в Тоболеск.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 17, л. 79 и 79 об., № 66.

153. *1620 г. не ранее октября 13.— Отписка тарских воевод Силы Вельяминова и Федора Скрябина томским воеводам князю Ивану Шеховскому и Максиму Радилову о бережении лошадей и борошня, оставленного в Томске послами Каракулы тайши.*

Господам князю Ивану Федоровичю да Максиму Ивановичу Сила Вельяминов, Федор Скрябин челом бьют. Нынешнего 129-го году октября в 13 день писал из Тару из Тобольска боярин и воевода Матвей Михайлович Годунов и прислал Каракулиных послов Азнучака с товарищи трех человек с томскими служилыми людьми с атаманом с Иваном с Белоголовом с товарищи, а на Таре велено у них тех послов взять, а их отпустить в Томской город. И мы, господа, томских служивых людей атамана Ивана Белоголова с товарищи с Тары отпустили к вам в Томской город, а Каракулиных послов Азнучака с товарищи отпустили с Тары к Каракули тайше. Да били челом государю царю и великому князю Михаилу Федоровичу всеа Русии на Таре Каракулины посол Азнучак с товарищи а сказали: как де оне поехали ко государю к Москве, и оставили де оне в Томском городе у томского толмача у Осипка Туполева 11 лошадей, 6 седел, шестера войлоков, тулуп калмацкой, 6 арканов, 9 узд, 11 треног, 11 обратей, и государь бы их пожаловал, велел те их лошади и борошень поберечь в Томском городе, покаместа приедут послы от Каракулы таиши в Томской город. И вам, господа, велеть те их лошади и борошень сыскать, а сыскав приказать беречь, чтоб без вести лошади и борошень [не пропали].

ААН, ф. 21, оп. 4, № 17, л. 78 и 78 об., № 65.

154. *1620 г. не ранее октября 15.— Отписка тобольского воеводы боярина Матвея Годунова томским воеводам князю Ивану Шеховскому и Максиму Радилову об остроге на Чулыме.*

Господам князю Ивану Федоровичю, Максиму Ивановичю Матвей Годунов челом бьет. * В прошлом, господине, во 128-м году писал из Томсково города в Тоболеск Федор Бабарыкин, что посылал он из Томсково города [племянника своего] Тимофея Бабарыкина да Осипа Оничкова в Кузнецкую землю, а с ними служивых людей, а велел им на том же месте, где преж сего был, острог поставити и всякими крепостьми укрепити; и божьею милостию и государя нашего царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии счастьем Тимофей Бабарыкин да Осип Оничков в Кузнецкой земле острог поставили на старом месте, где был преж сего, на усть Кондомы реке крепость укрепили, а на Чулым де посылает он острог ставить Ивана Пущина да служивых людей 30 человек; а которого числа на Чулым Ивана Пущина пришлет, и как, аже даст бог, на Чулыме острог поставят, и в котором месте, и он о том отпишет в Тоболеск. И 129-го году октября на 15 число Федор Бабарыкин в Тоболеск о том, поставил на Чулыме острог или нет, не отписывал. И вам бы, господа, отписати в Тоболеск: поставлен ли на Чулыме острог или нет, и буде поставили, и в коем месте и каково место угоже. А буде Федор Бабарыкин острогу ставить не посылал, и вам, господа, выбрав из голов или из детей боярских да с ним томских служивых людей, сколько человек пригоже, послати на Чулым и велеть место рассмотрети, где б были леса и рыбные ловли и сенные покосы, а, рассмотря места, велеть на угожем месте и у крепостей поставити острог и всякими крепостьми укрепити. А которого числа из Томского города и кого именем на

Чулым пошлете ставить и как, аже даст бог, острог поставят, и вам бы, господа, о том отписать в Тоболеск. **

ААН, ф. 21, оп. 4, № 17, лл. 79 об.—80, № 67.

155. *1620 г. не ранее октября 23.— Отписка тюменских воевод Федора Бобрищева-Пушкина и Михаила Елизарова туринскому воеводе Данилу Милославскому о вестях про Ишима царевича и калмыков.*

Господину Данилу Ивановичю Федор Пушкин, Михайло Елизаров челом бьют. В нынешнем во 129-м году октября в 23 день прибежали, господине, з зверовья тюменские служилые тотаровя Аткузял Бякшиев да Бекиметко Менков и в роспросе нам сказали: было де их на зверовье 4 человека на Щучье озере, от Тюмени за 4 днища, и пришел де к ним на утренней зоре Ишим царевич да колматцкой тайша Зайчак, а с ними де людей 50 человек, и держал де их у себя до вечера и, переграбя их, того ж вечера и отпустили, а отпустив их того же вечера, и назад пошел тою же сакмою. А про калматцких людей сказал: все де калматцкие люди кочюют по Камышлову, потому что де их теснят Алтына царя люди. И тебе бы, господине, те вести были ведомы.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 5, л. 148 об., № 138.

156. *1620 г. не ранее декабря 7.— Отписка в Москву томских воевод Ивана Шеховского и Максима Радилова об отправке за рубеж послов Тархана Лобы с товарищами, о полученных вестях о готовящемся нападении на Томск и Кузнецк порубежных народов и о недостатке служилых людей и запасов в Томске.*

Государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии холопи твои Ивашко Шеховской, Максимко Радилов челом бьют. В нынешнем, государь, во 129-м году писал к нам холопем твоим из Тобольска в Томской город твой государев боярин и воевода Матвей Михайловичь Годунов, что отпущены из Тобольска в Томской город Алтына царя и Мугальские земли и киргисские послы Тархань Лоба с товарыщи с тем же приставом, с которым они с Москвы в Тоболеск присланы, с томским копным казаком с Бурнашком Никоновым. И октября, государь, в 5 день Алтына царя и Мугальские земли и киргисские послы Тархан Лоба с товарыщи в Томской город приехали без пристава, а Бурнашка Никонова в Томской город с послами не было. И мы холопи твои по твоему государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии указу, каков, государь, к нам холопем твоим твой государев указ прислан из Посольского приказу за приписью твоего государева диака Савы Раманчукова, отпустили Алтына царя и Мугальские земли и киргисских послов из Томского города в их земли, дав им твой государев корм и подводы и служивых людей конных, десятника Ондрюшку Губу да с ним казаков 20-ть человек, в провожатых до киргисского рубежа, послали ноября[1] в 8 день. И Ондрюшка Губа с товарыщи, приехав, государь, в Томской город ноября[1] в 22 день нам холопем твоим сказали, что де они Алтына царя и Мугальские земли и киргисских послов Тархан Лобу с товарыщи до киргисского рубежа проводили здорово. Да нам же холопем твоим Ондрюшка Губа с товарыщи сказали, что де, государь, приказывал к нам холопем твоим киргисского рубежа князек Курчейко по своей шерти, как он Курчейко тебе государю шертовал, то де, государь, говорят, киргисские и басагарские и кизылские и кучюгутские и братцкие и матцкие и саянские и аринские и иных многих земель люди и черные колмаки и Каракула тайша збираютца войною, а однолично де хотят, на весну собрався, прихо-

---

[1] *В рукописи:* октября.

дить под Томской город и под Кузнецкой острог войною. Да декабря, государь, в 7 день из Белых Колмаков Абак к нам холопем твоим в Томской город присылал нарочно, прямячи тебе государю, что де, государь, однолично черных колмаков Каракула тайша збираетца на весну под Томской город и под Кузнецкой острог войною для того, что де с Москвы люди его, которых он Караула послал к тебе государю к Москве в посольстве, к нему Каракуле не бывали; а кочевать де ему около Томского города по Томи реке и до Оби. А в Томском, государь, городе служивых людей по имяным спискам, каковы нам холопем твоим списки дал твой государев воевода Федор Бабарыкин, и по нашему холопей твоих смотру налицо, голов, и детей боярских, и сотников, и атаманов, и литвы и казаков конных 139-ть человек да пеших 144-ре человека, ис того числа послано в Кузнецкой острог на твою государеву годовую службу пеших же казаков 50-т человек, и всего, государь, в Томском городе служивых людей, голов, и детей боярских, и атаманов, и литвы, и казаков конных и пеших и с теми, которые в Кузнецком остроге, 283 человека, и те, государь, служивые люди бедны, и одолжали великими долги, и посланы на твои государевы службы в разные посылки, и Томсково, государь, города и Кузнецково острогу теми служилыми людьми держати некем, потому что, государь, тех служивых людей в Томском городе мало. А к Томскому, государь, городу и Кузнецкому острогу прилегли орды многие, и кочуют, государь, белые и черные калмыки и киргисские люди и кучюгуты и браты и маты и саяны и аринцы и иных многих земель и орд люди от Томского города и от Кузнецкого острогу неподалеку, днищах в пяти и во шти, а летом, государь, в днище и в дву; а служивых, государь, людей нам холопем твоим против тех колмацких и иных земель и орд людей и в Кузнецкой острог на твою государеву службу годовую посылати, государь, некого и нечем, твоего государева жалованья денежного и хлебного на нынешней на 129-й год дать нечево, в Томском, государь, городе никаких твоих государевых доходов нет, а что, государь, было в Томском городе твоих государевых денежных доходов и хлебных запасов, и те твои государевы денежные доходы и, томская пахота, хлебные запасы розданы томским служивым людем, твоего государева жалованья к московской и к тобольской присылке на прошлой на 128-й год. А в Кузнецкой, государь, острог на твою государеву службу на годовую 50-ти человек послати мало и дати, государь, им твоего государева жалованья денежного и хлебного на нынешней на 129-й год нечево. А которые, государь, посланы томские служивые люди на твою государеву службу на годовую в Кузнецкой острог в прошлом во 128-м году, и тем, государь, служивым людем твое государево жалованье денежное и хлебное для твоей государевы службы Федор Бабарыкин дал своих денег 292 рубля да хлеба 225 чети муки, 98 четь овса, и те, государь, деньги Федору, что он давал служивым людям, в Томском городе не отданы для тово, что, государь, в Томском городе дати нечево, в твоей государеве казне денежных доходов нет и без твоего государева указу дати не смеем. А в прошлых, государь, годех збиралась твоя государева десятая пошлина с торговых с приезжих людей в Томском городе, и ныне, государь, с торговых людей, которые приехали в Томской город, твоя государева десятая пошлина взята вся в Тобольске. И о том, государь, нам холопем своим как укажешь.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 17, лл. 92 об.—95 об., № 78.

157. *1620—1621 гг.—Отписка Ивана Пущина томским воеводам князю Ивану Шеховскому и Максиму Радилову о посылке кузнецкими воеводами за ясаком в Сагаи и о предоставлении ему службы.*

Государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии воеводам князю Ивану Федоровичю, Максиму Ивановичю Ивашко Пущин челом бьет. В нынеш-

нем, государь, во 129-м году посылали из Кузнецково острогу воеводы томских казаков Митьку Бараксана с товарыщи по государев ясак в Саган, и Митька Бараксан с товарыщи дошли до Етсберские волости, до князя до Бежбеека, и князь Бежбеек с своими людьми ясатчиков Митьку Бараксана с товарыщи в Саган не повели для государева ясаку, потому что де их в Сагаях побиют, а у них де у сагаиских людей на том уложено: государева ясаку не давати и ясатчиков побивать. А здесь я живу ни в тех ни в сех; а будет куды служить, и меня на службу не хотят посылати: а нам де томских указов не слушать, князь Иван да Максим хотят в нашу службу втеретися. И вы, государь, мне учините указ.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 17, л. 87 и 87 об., № 73.

158. *1620—1621 гг. — „Книга приходная ясашной мягкой рухляди" Енисейского острога за 7129-й год.*

129-го году книга приходная ясашной мяхкой рухляди при Михаиле Ушакове.

Ноября в 16 день реки Енисея Кузнецкие волости с князца Туметки с ясачными людьми с 7 человек государевых поминков 5 соболей да ясашных 50 соболей взято. А донять на Туметке с ясачными людьми государевых поминок 2 соболя да ясашных 27 соболей. Маия в 6 день с Кузнецкие волости с князьца Туметки недобору государевых поминков 2 соболя да ясашных 21 соболь да 3 бобра за 6 соболей донято. А донять Кузнецкие волости на ясашном мужике на Онкаке на нынешний на 129-й год государевых поминков соболь да ясашных 11 соболей.

Декабря в 20 день с Нацкие волости с князька Епеи с ясашными людьми 21 человека государевых поминков 18 соболей да ясачных 4 сорока 23 соболя взято. А донять на Епее с ясашными людьми государевых поминков 3 соболя да ясашных 48 соболей. Апреля в день Нацкие волости с князька Епеи с ясачными людьми недобору государевых поминков 3 соболя да ясашных 40 соболей да 4 бобра за 8 соболей донято.

Декабря в 23 день Кипанские волости с князька Илтика со шти человек государевых поминков 2 соболя да ясашных 28 соболей взято. Июня в 17 день Кипанские волости с князька Илтика с ясашными людьми 15 соболей взято.

Декабря в 30 день с реки Касу с князька Окдона Кымзина с ясашными людьми с 5 человек государевых поминков 5 соболей да ясачных 35 соболей взято. А донять с князька Окдона с ясачными людьми 20 соболей ясашных. Тое ж волости с новика с Олки Оксенова государевых поминков соболь да ясачных 5 соболей взято. Маия в 18 день с реки Касу с князьца Окдона Кымзина с ясашными людьми недобору 10 бобров донято за 20 соболей.

Декабря в 30 день с реки Сыму с князька Албепета с ясашными людьми с 17 человек государевых поминков 10 соболей да ясашных два сорока 18 соболей взято. А донять на князьке Албепете с ясачными людьми государевых поминков 7 соболей да ясачных два сорока 9 соболей. Да тое ж волостки с новика с Каля Нагатебетова соболь поминошный да 5 соболей ясашных взято. Да с новика ж Зоени Теберова соболь поминошной да 5 соболей ясашных взято. Да с новика ж с Оппаска Нуркетова соболь поминошной да соболь ясашной да 2 бобра карих за 4 соболя взято. Да с новика ж с Микетьки Хальянова соболь поминошной да пять соболей ясашных взято. Маия в 18 день с реки Сыму с князька Албепета с ясашными людьми недобору государевых поминков 7 соболей да ясашных 40 соболей да 23 бобра за 46 соболей да 3 бобра за 3 соболя донято.

Генваря в 7 день с Пумпокольские волости с князька Урнука с ясачными людьми с 34 человек государевых поминков 31 соболь да ясашных семь сороков 4 соболя взято. А донято на князьке Урнуке с ясашными людьми государевых поминков 3 соболя да ясачных два сорока 10 соболей да бобр черный поминошной. Тое ж волости с новика с Ками Бобыльцова соболь поминошной да ясашных соболей

17*

5 взято. Да с новика ж Побыльчека соболь поминошной да ясашных 5 соболей взято. Маия в 30 день Пумпокольские волости с князька Урпука с ясачными людьми недобору государевых поминков 3 соболя да бобр черной да ясашных два сорока да 4 бобра за 8 соболей да 2 бобра за 2 соболя донято.

Мая в 9 день из Тюлкиной земли ясатчики Тобольского города казак Родион Григорьев, да Нарымского острогу Петр Жадная Брага, да Верхотурского города стрелец Ондрюшка Лисицин да Тюменского города новокрещен Ивашко Казанец принесли из Тюлкиной земли государева ясаку 80 соболей да 19 недособолишков, 63 соболя с хвосты, а 36 соболей и с недособоли без хвостов, с пупки 88 соболей и с недособольми, а без пупков 11 соболей. Да оне ж принесли государева ясаку с новые землицы с Оппальские князьца Баитерека 10 соболей, 5 соболей с пупки и с хвосты, а 4 соболя с хвосты, а без пупков, а один соболь без пупка и без хвоста. Да они ж принесли государева ясаку с волости Кемских вершин с Атанжа Чагаева с 7 человек 20 соболей с пупки и хвосты.

Мая в 15 день тунгуской князец Юлым приезжая в острог, государю ударил челом 30 соболей с пупки и с хвосты. Мая ж в 19 день тунгуские два мужика Ирканда да Илин приходили в острог, государю ударили челом 10 соболей с пупки и с хвосты.

Мая в 30 день с волости Макуцкие с Весла с товарыщи с 3 человек государевых поминков 2 соболя поминошные да ясашных 28 соболей да 2 бобра красных за 2 соболя взято. А донять на Весле с товарыщи на нынешней на 129-й год государевых поминков соболь да 3 соболя ясашных.

Июня в 6 день приезжал в острог тунгуской князец Иркин, государю ударил челом 10 соболей с пупки и с хвосты.

Июля в 23 день Нарымского острогу казак Петрушка Тимофеев с товарыщи, как он был посылан из Енисейсково острогу вверх по Тунгуске реке, привез государева ясаку с верхних с дальних тунгусов с князьца Ючани с товарыщи 73 соболя да 8 недособолишков с пупки и с хвосты.

Августа в 8 день тюлкинской князец Татыш послал государева ясаку в Енисейской острог с новые землицы с Васанские 3 соболишка да 7 недособолишек с пупки и с хвосты.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 27, лл. 272—274, № 86.

159. *1621 г. не ранее января 21.— Отписка томских воевод князя Ивана Шеховского и Максима Радилова тобольскому воеводе боярину Матвею Годунову о невозможности поставить Чулымский острог и о недостатке присланных денег для уплаты жалованья всем томским служилым людям.*

Господину Матвею Михайловичу Иван Шеховский, Максим Родилов челом бьют. В нынешнем, господине, во 129-м году генваря в 21 день писал ты к нам, что в прошлом... *Далее повторяется текст, поставленный в приложении № 154 между знаками * и **; затем следует:* И в Томском, господине, городе томских служивых людей немного, и те бедны, наги и босы и голодны, и государева им денежного и хлебного жалованья дати нечево. А послати на Чулым, без прибылых служивых людей, одних томских служивых людей острогу ставить некова, потому что, господине, около Томского города кочуют черные колмаки и иных многих орд люди и хотят быти под Томской город войною. Да томских же служивых людей велел ты послати на перемену в Кузнецкой острог по 50 человек. А только, господине, на Чулыме острог будет, и тот Чулымской острог государю будет Кузнецкого острогу прибыльнее, потому что пришли по Чулыму многие земли и к Енисее к реке будет ближе; а по Енисее же, господине, зверь бывает доброй; и которые пришли земли по Чулыму, и те земли все будут под царскою высокою рукой и ясак с них будет

полной. Да в нынешнем же, господине, во 129-м году генваря в 5 день били челом государю царю и великому князю Михаилу Федоровичу всеа Русии, а нам принесли челобитную в съезжей избе государевы ясачные Мелесские земли люди, чтоб государь их пожаловал, велел у них на Чулыме, где пригодитца, острог поставить для того, что по вся годы приходят к ним киргизы и черные колмаки по трижды и по четырежды годом, и с них емлют ясак, и жен их и детей за ясак емлют в полон, и иные де их многие земли приходя воюют; и для того что их воюют по вся годы и ясак с них многие люди емлют, ставитца всегды государеве ясаку недобор; и о том, господине, о Чулымском остроге, кем его ставити, велел к нам отписать. Да в нынешнем же, господине, во 129-м году прислал ты к нам с томским казаком с Еремкою Михайловым для кузнецкие службы служивых людей на жалованье 200 рублев; и только, господине, тех всего будет тех денег на 33 человека в полное жалованье, по 6 рублев человеку, а хлебного жалованья не прислано и дать нам нечево, в житницах государевых запасов никаких нет, и служивые люди без хлебного жалованья итить не хотят; а что взяли государева денежново жалованья, и тем, господине, оне старые долги заплатили, а на хлеб ничего не осталося.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 17, лл. 98—100 об., № 82.

160. *1621 г. марта 3.— Грамота в Мангазею воеводе Димитрию Погожему о подтверждении грамоты 1619 г. о запрещении торговым и промышленным людям ходить в Мангазею морским путем.*

От царя и великого князя Михаила Федоровича всея Русии в Сибирь, в Мангазейской город, воеводе нашему Дмитрию Семеновичу Погожему да Ивану Федоровичу Тонееву. В нынешнем во 129-м году февраля в 13 день писал к нам ты, Димитрий, что в прошлом в 128-м году прислана наша грамота в Мангазейский город к воеводе к Петру Волынскому: по нашему указу поморских городов торговым и промышленным людям морем в Мангазею ходить не велено, а велено им ходить через сибирские городы; и в том нашей десятинной мяхкой рухледи перед прежними годы будет недобор великой, для тово что поморские промышленные люди подымаются из своих домов до Мангазеи морем своими невеликими ужинами, а сибирская дорога от поморских городов удалела; и которые промышленные люди шли морем в Мангазею во 126-м году и во 127-м году, и те промышленные люди из Мангазеи вышли на Русь через Камень. И вперед нашей десятинной мяхкой рухляди в сборе будет мало. И нам бы тебе о том велети указ свой учинить. И как к вам ся наша грамота придет, а как по нашему указу и по боярскому приговору поморских городов торговым и промышленным людям велено в Сибирь в Мангазею на которые места ходити через сибирские городы и через Камень, и вы б и вперед поморских городов торговым и промышленым людям велели ходити теми ж дорогами в Мангазею через сибирские городы и через Камень, а мимо тех дорог из Мангазеи морем к Руси отнюдь ходити им не велели. А нашу десятинную мяхкую рухлядь велели б есте сбирать с торговых и с промышленных и со всяких людей неоплошно с великим раденнем, чтоб однокопечно нашу десятинную соболиную казну перед прошлыми годы собрати с прибылью. Писан на Москве лета 7129-го марта в 3 день.

На обороте: Дьяк Иван Болотников.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 21, л. 110 и 110 об., № 22.

161. *1621 г. не ранее марта 4.— Отписка тобольского воеводы боярина Матвея Годунова томским воеводам князю Ивану Шеховскому и Максиму Радилову по поводу вестей о намерении киргизов, багасаров, кизылов, кученгутов, братов, матов, саянов,*

принцев и черных калмыков итти против Томска и Кузнецка и о недостатке служилых людей.

Господам князю Ивану Федоровичю Максиму Ивановичю Матвей Годунов челом бьет. В нынешнем, господа, в 129-м году марта в 4 день писали вы в Тоболеск с томским казаком с Еремкою Степановым, что посылали вы провожать Алтына царя и мунгальских и киргиских послов до киргиского рубежа томских служивых людей десятника Ондрюшку Губу да с ним 20 человек служивых людей; и Ондрюшка де Губа, приехав в Томской город, сказывали вам, что приказывал с ним киргискова рубежа князец Курчейко, прямя государю по своей вере, по шерти, как он государю шертовал, что государю де киргиские и багасарские и кизылы и кученгуты и браты и маты и саяны и аринцы и иных земель люди и черные колмаки, Каракула тайша с братьею, збираются на весну итти войною под Томской город и под Кузнецкой острог; да к вам же де присылал нарочно в Томской город белых калмаков Абак, прямя государю, с теми ж вестьми, что одноличпо черные колмаки, Каракула тайша, збирается, а хочет итти на весну под Томской город и под Кузнецкой острог войной, для того что де с Москвы люди ево, которых он послал в посольстве к Москве ко государю, и они де к нему Каракуле не бывали, и кочевать де ему около Томсково города и до Оби; а в Томском городе у вас служивых людей по имянному списку голов и детей боярских и сотников и атаманов и литвы и казаков конных и пеших и с теми, которые в Кузнецком остроге, 280 человек, и те де государевы служилые люди бедны и одолжали великими долги и разосланы на государевы службы в разные посылки, и Томсково де города и Кузнецково острогу теми служилыми людьми держать некем, потому что тех служивых людей в Томском городе мало, а земли прилегли к Томскому городу и к Кузнецкому острогу многие, и кочуют от Томсково города и от Кузнецково острогу неподалеку; а служивых де, господа, людей вам против колмацких и иных орд и в Кузнецкой острог на годовую послать нсково, и государева де им жалованья денежнова и хлебново на нынешней на 129-й год дать нечево. И вам бы, господа, послать в Киргизы и к Абаку томских служивых людей и велети проведать подлинно про Каракулу таншу и иных земель людей, нет ли их в зборе и не будут ли войною под Томской город и под Кузнецкой острог; да буде чаят их приходу под город и под острог, и вам бы, господа, в Томском городе и в Кузнецком остроге жити с великим береженьем. И в Кузнецкой острог послать на приезд для оберeганья людей и толмача, колько человек пригоже. И государево денежное жалованье томским служивым людем, которым итти в Кузнецкой острог, на нынешней на 129-й год послано 200 рублев за ево щетом и за печатью. А хлебное, господа, жалованье велети бы вам дати из государевых житниц из томские пахоты; а буде, господа, в государевых житницах хлеба не будет, и вам бы занять хлеба у томских у всяких людей и дати служивым людем хлебное жалованье, которых пошлете в Кузнецкой острог; и то, господа, хлебное жалованье на весну пришлют из Тобольска с хлебными запасы. А к вам, господа, по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии указу, велено послати в Томской город на житье выбрав березовских служивых людей лутчих 30 человек по первой полой воде. А Каракулы тайши, господа, послы, которые были у государя на Москве, отпущены из Тобольска на Тару в прошлом во 128-м году, а велено их отпустить с Тары к Каракуле тайше; и из Тары писали в Тоболеск Сила Вельяминов да Федор Скрябин, что они тех Каракулы тайши послов к нему отпустили и государевых тарских служивых людей в послех с ними в Каракуле таише послали. И что, господа, у вас каких вестей про Каракулу тайшу и иных земель людей объявитца, и вам бы, господа, о том велети писати в Тоболеск, чтоб про то было ведомо.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 17, лл. 87 об.—89, № 74.

162. *1621 г. не ранее мая 3. — Отписка томских воевод князя Ивана Шеховского и Максима Радилова в Москву о верности белых калмыков и о походе князя их Абака на тубинцов, маторцов и качинцев.*

Государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии холопи твои Ивашко Шеховской, Максимко Радилов челом бьют. В нынешнем, государь, во 129-м году генваря в 17 день, по твоему государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии указу, посылали мы холопи твои в Белые Колмаки ко Абаку князю Томского города сына боярского Баженка Карташева да с ним служивых людей Микитку Росторгуя, да в толмачах Андрюшку Гаврилова, да чацкого мурзу Тарлава да Томского города татарина Исентуру; а велели, государь, мы холопи твои Бажену, приехав в Белые Колмаки, говорить князьку Абаку, чтоб он Абак был под твоею государевою высокою рукою безотступно и во всем бы тебе государю служил и прямил без всякие шатости со всеми своими улусными людьми неподвижно, и шел бы он Абак на твоих государевых изменников и непослушников на тубинских да на матарских людей войною, для того чтоб, государь, те тубинские и матарские люди под твоею государскою царскою высокою рукою быти не хотят и твоего государева ясаку не дают, а живут, государь, не в послушаньи. А которых, государь, томских служивых людей по твой государев ясак в те волости посылали, и тех, государь, волостей люди служивых людей побивают, и ясаку с собя тобе государю не дают, и многие от них дурна и побои на служивых людей бывает по вся годы. И в нынешнем же, государь, во 129-м году маия в 3 день сын боярской Бажен Карташев с товарыщи из Белых Колмаков в Томской город приехал, а нам холопем твоим сказал, что, милостью божьею и твоим государевым счастьем, белые колмаки Абак князь тобе государю [ясак] принес и при Бажене шертовал со всем своим улусом, что ему Абаку быть под твоей царскою высокою рукою безотступно, и где ты, государь, велишь быти на своей государеве службе, и ему Абаку на службу ходити и людей своих посылати, где ты, государь, велишь. И Абак, государь, князь с Баженом Карташевым с товарыщи присылал к нам холопем твоим в Томской город вотчима своего Юрликея, и он в Томском городе при нас холопех твоих шертовал, что ему Абаку со всем своим улусом быти под твоею царскою рукою безотступно. И на твою государеву службу с твоими государевыми служилыми людьми на твоих государевых ослушников на тубинцов, и на матарцов и на качинцов Абак князь пошел сам, а с ним 200 человек.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 17, л. 96 и 96 об., № 80.

163. *1621 г. не ранее мая 26. — Отписка томских воевод князя Ивана Шеховского и Максима Радилова в Москву об отправке ими служилых людей на Чулым для устройства там острога.*

Государю царю и великому князю Михаилу Федоровичу всеа Русии холопи твои Ивашко Шеховской, Максимко Радилов челом бьют. В нынешнем, государь, во 129-м году генваря в 21 день писал к нам холопем твоим из Тобольска твой государев боярин и воевода Матвей Михайлович Годунов, что, государь, нам холопем твоим из Томсково города послати из голов или из детей боярских, а с ним служивых людей, вверх по Чулыму и велети б, государь, нам холопем твоим в Мелеской земле острог [поставити] И марта, государь, в 27 день прислал нарочно в Томской город из Киргис киргиской князек Кара киргискова ж князьца с Кин Урлейка, чтоб ты государь его Кару и мелеских и чулымских людей пожаловал, велел у них впереди Киргиской и Мелеской земли поставити на Чулыме острог, чтоб киргиские и иных земель люди были в послушанье под твоею царскою

рукою безотступно и ясак тебе государю ежегод давали и для, государь, того, что во все годы приходят к ним войною многижды киргиские ж люди и тубинцы и матарцы и из иных из многих земель и их, государь, всегды воюют, жон и детей в полон емлют, а киргизцы, государь, ясак себе с них емлют по трожды на год, и лутчей, государь, зверь у них отнимают, а твоему государеву ясаку по вся годы ставитца недобор великой. А в Томском городе из Мелец да с Чулыму ясак бывает нарочитой. И те, государь, от войны разорены. А та, государь, Мелецкая земля пришла к киргизам, а к тубинцам и к кутанам и к матарцам и ко многим землям близко, а от Томского города удалела, оборонить, государь, их некем, твоих государевых ратных людей в Томском городе мало. А из Томского города и из Тобольска воденой путь есть Чулымом рекою вверх и до Енисеи реки. Да в нынешнем, государь, во 129-м году маия в 26 день били челом тебе государю царю и великому князю Михаилу Федоровичу всеа Русии чулымские и мелесские волости, а твои государевы ясачные князьцы Арзабайко да Курдымечко и во всех товарыщев своих мелеских и чулымских волостей князьцов и ясачных людей место, а в съезжей избе подали нам холопем твоим челобитную; и мы холопи твои ту их челобитную, подклея под сю отписку, послали к тебе государю к Москве. А на Чулым, государь, послали мы холопи твои ставити острогу голову казачью Молчана Лаврова да с ним служивых людей, для тово чтоб, государь, твоему государеву ясаку от киргиских и иных земель людей порухи не было и твоим государевым ясачным людем обид и насильств не чинили. А как, государь, на Чулыме острог поставят, а мы холопи твои про тот Чулымской острог к тебе государю отпишем тотчас.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 17, лл. 91—92 об., № 77.

164. *1621 г. мая 30—1623 г. января 13.—Отписка архиепископа сибирского Киприана мангазейским воеводам Димитрию Погожему и Ивану Тонееву о посылке в Преображенский туруханский монастырь игумена Тимофея.*

Благословение великого господина преосвещенного Киприяна, архиепископа сибирского и тобольского, в город Тазской, в Мангазею, сыновом нашего смирения воеводам великим господам Димитрию Семеновичю да Ивану Федоровичю. По государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии указу и по благословению великого господина светейшего Филарета, патриарха московского и всея Росии, послан к вам в Мангазею, в Туруханской острожек, строитель и игумен Тимофей во общий монастырь Преображенья христова и великого чюдотворца Николы. И как к вам строитель и игумен Тимофей приедет, и вы б ему Тимофею на Турухане у великого чюдотворца Николы велели церковь Преображения христова и монастырь строить. А церковными всякими доходы с попами делитись по третям. А что в церкви и церковного строения деисусов и месных образов и прикладов и свеч и риз и книг, и вам бы, господа, все велети то церковное строенье ему строителю и игумену Тимофею переписати в книги имянно церковному или земскому дьяку да те книги за строительскою и за поповскими руками велели б есте положити в государеву казну, а другие бы книги велели положить в церковную казну для спорных статей, а третьевы книги к нам прислали в город Тоболеск. И милость пресвятые и живоначальные троицы и нашего смирения благословение есть и будет с вами.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 21, л. 111 об., № 25.

165. *1621 г. мая 30—1623 г. января 13.—Отписка архиепископа сибирского Киприана мангазейским воеводам Димитрию Пого-*

жему и Ивану Тонееву о посылке в Преображенский туруханский монастырь игумена Тимофея и о поручении ему и десятиннику Василию Стогову ведать духовные дела, с просьбой оказать содействие в перевозке монастырских запасов и отвести на Турухане для монастырских властей и людей „хоромцы".

Благословение великого господина преосвященного Киприяна архиепископа сибирского и тобольского, в город Тазовской, в Мангазею, сыновем нашего смирения воеводам великим господам Дмитрию Семеновичю да Ивану Федоровичю. По государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии указу послан в Мангазею, в Туруханской острожек, строитель игумен Тимофей к Николе чюдотворцу, а велено ему на Турухане храм воздвигнуть Преображенье спасово и монастырь устроить, и братию призывать, и мирских людей, хто побьет челом, постригати и старой храм починивать; а на освещение церквам послано с ним три антиминсы, и миро, и масло, и ризы, и книги, и церковные сосуды, и на свечи месные и всякое строенье церковное, да монастырские поваренные суды и погребные и трапезные столовые и келарские и келейные и всяких монастырских служеб обиходных медные и оловянные и железные и деревянные и на панахиды государские пшеницы и гороху и меду и вина служебного, муки пшеничной на просвиры и братцких всяких обиходов столовых муки ржаной и солоду и овса и заспы... про его игуменской и брацкой и поповской и дия [конской] и про крылошен и про дьячков и про плотников и про всяких черных служебников 120 чети; да с ним послан белой поп да дьякон [да] дьячек для всяких мирских доходных дея разрешения, детей крестить и роженицам молитвы четыредесятные говорить, свадьбы венчати и вдовцом и вдовицам молитвы говорить, сыскивая по правилом святых апостол [и] святых отец. Да по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии указу и по благословенью великого господина светейшего Филарета, патриарха Московского и всея Росии, велено строителю игумену да десетнику Василию Стогову ведать им всякие наши духовные дела, сыскивать и расправа чинить и по сыску, хто какова смирения доведетца, смирять, смотря по вине, по нашему указу. А кто будет нам силен в наших духовных делах, и на тех на всех сильных людей давать вам государевых приставов и тех сильных людей велеть сводить к игумену и десятиннику на двор. А сам[им] бы вам в наши духовные и во всякие дела не вступатца по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Росии наказу, каков мне дан наказ ис Казанского дворца за приписью государева дьяка Ивана Болотникова; а с того, господа, наказу списки разосланы во все сибирские городы и в уезды к ыгуменом к черным, попом белым и ко всяким чином людем. А что, великии господа, с ним послано церковного всякого строения манастырские и всяких монастырских обиходов, и вам бы, господа, то церковное всякое строение и монастырское велеть перевести в Турухан и поставить в монастыре кем будет пригоже. И ему бы игумену и попу и диакону и дьячку и понємарю и слушкам и детенышкам манастырским дать хоромцы, где им жить и запасы всякие положить и казна церковная, чтоб той казне порухи не было, и запасом и хором бы стояния и тесноты им никакой ни от кого не было. А впредь что будет игумену довє [де]тца послать к нам в Тоболеск для манастырского и братцкого строения, и вам бы, господа, потому ж велеть тое игумнову посылку на кочь класти. И милость божия пречистые его богоматери и великих чудотворцов и всех святых молитвами нашего смирения благословение есть и да будет с вами.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 21, лл. 112—113, № 26.

166. *1621 г. не ранее июня 2.— Отписка пелымского воеводы Петра Вельяминова тобольскому архиепископу Киприану о присылке*

в новую Табаринскую слободу попа, дьякона и церковных принадлежностей для освящения вновь построенной там церкви.

Великому господину преосвещенному Киприяну, архиепископу сибирскому и тобольскому, Петр Вельяминов челом бьет. В нынешнем 129-м году июня во 2 день прислана к нам государева царева и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии грамота, за приписью дьяка Федора Апраксина, по челобитью Пелымского уезда нового усаду Тоборинской слободы пашенных крестьян Богданка Волошенина с товарищи, что по обету в Таборах воздвигнули храм благолепное Преображение господа нашего Исуса христа и преподобного отца нашего Михаила Малеина... им храму нечем, божья милосердия образов и книг и колоколов и никакого церковного строения нету; и государь пожаловал на то новое усадище в Таборы к тем новым храмам, к благолепному Преображенью и преподобному отцу Михаилу Малеину, божье милосердие: образы местные, и книги, и двери царские, и ризы, поручи, покровцы, колокола и кадило, копье и всякие церковные деревянные сосуды присланы на Пелымь с сыном боярским... Албычевым да с стрельцом пятидесятником с Пахомком Богдановым с товарищи; а на освящение церкви антимисы, и вино церковное, и миро, и масло, и воск, и ладан и дьякона велено на Пелым тебе из Тобольска послати, а тебе об том писано же. И тебе б, великий господине, по государеву указу попа... и на освящение церкви антимис, вино церковное, и миро, и масло, и воск, ... дьякона велети послати с пелымскими служивыми людьми со князем Федором Кондинским стрельцом с Логинком Матвеевым...

ААН, ф. 21, оп. 4, № 16, л. 403 и 403 об., № 100.

167. *1621 г. не ранее июня 8.— Отписка пелымского воеводы Петра Вельяминова тобольскому воеводе Матвею Годунову о пожаре Пелыма 8 июня 1621 г.*

Господину Матвею Михайловичю Петр Вельяминов челом бьет. В нынешнем во 129-м году июня в 8 день, на память святого великомученика Федора Стратилата, божье розгневанье стало: за умноженье грех ради наших Пелымской город и острог и посад и божье милосердье, храм и образы, и казенные анбары и государевы хлебные и всякие запасы и весь мир погорели, и у служивых и у всяких людей скот и хлебные запасы, и оружье все погорело: на городе наряд и пищаль девятипядная медная стояла на башне и розшиблась на двое, и одна половина испортилась, а другая ростопелась, а свинцу две свиньи ростопилось же, а сняти наряду не успели: день был жаркой, и ветр тянул на город великой и обнял посад и город все вдруг, и служивые и всякие люди мало сами не погорели, а жены и дети на воду металась; а служивых людей хлебных запасов не осталось ни по одной четверти. А загорелось после обедни поранне полдень; а затравилось в литовской слободе, у стрелецкой жены у Семейкиной ярославца, у Пелагейки во дворе. А в распросе та Пелагейка сказала, что де от оводу клала куреву дым во дворе, и затравилось де от того. И ныне, господине, на Пелыме служивые люди помирают голодом, и дворишка погорели все и с животишками; а поселитца стало нечем, остались наги и босы. И тебе б, господине, по государеву указу велети о остроге и о служивых людех указ учинити и отписати с пелымским стрельцом с Петрушкою Вахрушевым.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 16, лл. 402 об.— 403, № 99.

168. *1621 г. июня 29.— Грамота на Тюмень воеводам Федору Пушкину и Михаилу Елизарову о посылке церковной утвари, книг и принадлежностей для церкви Николы и Федора Стратилата.*

От царя и великого князя Михаила Федоровича всея Русии в Сибирь, в Тюменский город, воеводам нашим Федору Федоровичу Пушкину да Михаилу Григорьевичу Елизарову. В нынешнем во 129-м году писали есте к нам, что в прошлом во 128-м году сгорел на Тюмени в городе храм теплый во имя Николы чудотворца да Федора Стратилата, а что было в том храму божия милосердия: образов местных, и книг, и свечь поставных, и то все пригорело. И в нынешнем во 129-м году по нашему указу послано от нас с Москвы на Тюмень с тюменским с черным попом с Ионою к нашему богомолью к новому храму к Николе чудотворцу да к Федору Стратилату церковное строение божие милосердие образы местные: образ Николы чудотворца, да образ святого мученика Федора Стратилата на празелени, деисус девять икон, двои двери царские, столбцы и с сеньми, два образа пречистые богородицы запрестольные на празелени, венцы на золоте, крест воздвигальный, сосуды церковные оловянные, лжица оловянная ж, копье медное, звезда, кадило, паникадило медные, да книг: евангелие напрестольное с евангелисты, треодь цветная, служебник, часовник, все печати московские, ризы миткалинные, оплечье бархательное. стихарь полотняный, оплечье выбойчатое, поручи выбойчатые ж, патрахиль бархательная, пояс питяной; а на освящение церкви антимисы, и миро, и масло и вино церковное велено послати из Тобольска архиепископу Киприяну сибирскому и тобольскому. И как к вам ся наша грамота придет, а черный поп Иона на Тюмень то церковное строение, божие милосердие, образы и книги, и сосуды церковные и ризы, и кадилы, и паникадило и из Тобольска архиепископ Киприян на освящение церкви антимисы, и масло и вино церковное пришлет, и вы б то все церковное строение велели у черного попа Ионы взяти, и отдали то церковное строение к новой церкви к Николе чудотворцу да к Федору Стратилату. А которого числа то церковное строение черный поп Иона на Тюмень привезет, и вы б о том отписали к нам к Москве; а отписку велели отдати в Казанский дворец боярину нашему князю Ивану Михайловичу Воротынскому да дьяком нашим Ивану Болотникову да Федору Апраксину. Писан на Москве лета 7129-го июня в 29 день.

На обороте: Дьяк Федор Апраксин.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 8, лл. 70—71 об., № 56.

Напеч. в РИБ, II, ст. 381—383, № 124.

169. *1621 г. не ранее июля 4.— Грамота на Тюмень воеводам Федору Пушкину и Михаилу Елизарову о жалованье и землях Преображенского тюменского монастыря.*

От царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии в Сибирь, в Тюменской город, воеводам нашим Федору Федоровичю Пушкину да Михаилу Григорьевичю Елизарову. В нынешнем во 129-м году июля в 4 день писал к отцу нашему к великому государю светлейшему патриярху Филарету Никитичю Московскому и всеа Русии из Сибири с Верхотурья богомолец наш архиепископ Киприян сибирский и тобольский: поставил де он и послал на Тюмень в Преображенский монастырь вновь игумена Аврамия, постриженника ростовского митрополита прежнево Варлаама Рогова, да с ним послал строителя старца Иону Лихарева, постриженика Кирилова Белозерсково монастыря, де келаря старца Онофрея, постриженника Великово Новагорода Антоньева монастыря, и монастырь им велел отписати з братьею вместе. А в тюменских в окладных книгах Преображенского манастыря руги не написано. А в Казанском дворце боярину нашему князю Ивану Михайловичю Воротынскому да дьяком нашим Ивану Болотникову да Федору Опраксину тюменской черной поп Иона сказал: поставил де в Тюмени за ямскою слободою Преображенской монастырь старец Нифонт Казанской во 124-м году мирскою дачею, и питается пашнею, пашет пашню собою, свою роспашь, и

морскою, дачею, что давали всякие люди по душам своим, а нашего данья пашни и угодей к тому манастырю нет, и братьи де в том манастыре 3 человека да дьякон да пономарь. И по нашему указу велено в Преображенском монастыре...[1]

ААН, ф. 21, оп. 4, № 8, лл. 71—72, № 57.

170. *1621 г. не ранее июля 20.— Отписка томских воевод князя Ивана Шеховского и Максима Радилова тобольскому воеводе боярину Матвею Годунову о проведывании соленого озера в верховьях Оби, о посольстве к тайше черных калмыков Мангуту, о недостатке соли в Томске и невозможности послать за ней к соленому озеру в виду враждебных действий Алтына царя против черных калмыков.*

Господину Матвею Михайловичю Иван Шеховской, Максим Радилов челом бьют. В нынешнем во 129-м году писали мы к тебе с томским казаком с Митькою Копыловым с товарищи, что посылан ис Томсково города сын боярской Остафей Харламов вверх по Оби реке для проведывания соляного озера; и Остафей соляное озеро проведая. И в нынешнем во 129-м году присылал в Томской город черных колмаков Мангут тайша послов своих для того, что он Мангут тайша хочет быть под государскою царскою высокою рукою безотступно и государю служить и прямить во всем. И марта, господине, в 17 день посылали мы Мангут тайши с послы к Мангут тайше посольством для подлинново укрепленья пана Мартына Борժевицково да казака Ивашка Широкова да в толмачах Дружинку Ермолина, чтоб им Мангут тайша государю шертовал и был под государевою царскою высокою рукою безотступно, и государю служил и во всем прямил безо всякие шатости неподвижно. И июля, господине, в 20 день присылал в Томской город из Черных Колмаков... И нам, господине, для тое соли из Томского города послать некого, в Томском городе служивых мало, и те разосланы на государевы службы в остроги и в иные посылки... от Талай тайши пан Мартын Боржевицкой с товарищи нам сказали, что приказал де с ними Мангут тайша, прямя государю по своей вере и по шерти, как он государю шертовал, что проведали де государевы люди, господине, соляное озеро меж Оби реки и Иртыша,[2] и около де того озера кочуют черные колмаки: Талай тайша, да Бабаган тайша, да Мерген тайша, да Шукур тайша да Саул тайша и иные многие тайши со всеми своими улусы, потому что де задрали черные колмаки Каракул тайша, да Мерген тайша да Теменя тайша Алтына царя, и Алтын де царь их побил и идет де на черных калмыков войною, и те де тайши потому кочуют меж Оби и Иртыша, около того соленого озера,[3] и чтоб де ис Томсково города государевы люди по соль не ходили, потому что де около того соляного озера кочуют черные колмаки тайши и их улусные люди многие, чтоб над государевы служивыми людьми дурна которого не учинилось. А в Томском, господине, городе в государеве казне соли нет, и служивым людем государева жалованья для государевых служеб и в годовой их оклад дати в Томском городе и на татарские и на всякие расходы давати и в остроги посылати на всякие тамошние расходы нечево. И тебе б, господине, велети в Томской город соль прислати, чтоб служивые люди, будучи в Томском городе и в острогах и на государевых посылочных службах, з безсолья не оцынжали.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 17, лл. 96 об.—98, № 81.

---

[1] *Конца в рукописи нет.*
[2] *Далее в рукописи:* соляного.
[3] *Далее в рукописи:* Алтын царь войною.

171. *1621 г. июля 27. — Грамота в Туринск воеводе Данилу Милославскому о даче на один год денежного и хлебного жалованья игумену и братии Покровского туринского монастыря, о переписи земель и крестьян монастырей Туринского уезда и об „устройстве" их пашнею и угодьями.*

От царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии в Сибирь, в Туринской острог, воеводе нашему Данилу Ивановичю Милославскому. В нынешнем во 129-м году июля в 4 день писал к отцу нашему к великому государю святейшему патриарху Филарету Никитичу московскому и всея Русии из Сибири с Верхотурья богомолец наш архиепископ Киприян сибирский и тобольский: поставил де он в Туринском остроге в старои в Покровской манастырь черново священника Макария в игумены и отпустил єво, да с ним послал дву старцов, а велел ему в том монастыре быти в игумнах, а старцам в службах, в которых пригодятца. А в туринских в окладных книгах написано: у Покрова святей богородицы и у Николы чюдотворца белой поп, руги ему 6 рублев, хлеба 6 чети, муки четверть, круп толокна тож. А чье сооруженья и к той церкви к Покрову святей богородицы и к Николе чюдотворцу сколько нашие пашни и всяких угодей и рыбных ловель и мирские дачи, сел и деревень и пашни и всяких угодей, и о том ты к нам не писывал. И по нашему указу велено покровскому игумену Макарию нашего жалованья руги дати 8 рублев, хлеба 8 чети ржи и овса на один на 130-й год, а старцом перед игумном велено дати нашего денежного и хлебного жалованья в полы. А белому покровскому попу велено быти у той церкви и наше денежное и хлебное жалованье велено давати по прежнему, потому что без белого попа мирским людем быти не мошно. И как к тебе ся наша грамота придет, и ты б велел покровскому игумену Макарию на первой на 130-й год дати нашего годового денежново жалованья 8 рублев, хлеба 8 чети ржи и овса, а старцом дву человеком велел дати нашево денежново и хлебново жалованья против игумена в полы; а белому попу велел давати наше денежное и хлебное жалованье по прежнему; да тое дачю велел написати в росходные книги и в сметной список своею статьею. А тово манастыря велел бы еси переписати, что к той церкви к Покрову святей богородице и к Николе чудотворцу сел и деревень и починков и пустошей и в них дворов и во дворех людей по имяном и с прозвищи, и сколько чети хто пашни пашет и сенных покосов косит или какие угодья владеет, и сколь давно поселились, и данные ль пашни у церкви или купленые, и у каких людей куплены или по каким иным крепостям владеет или самовольством, и много ль пашенные и непашенные земли под которым селом и деревнею, и рек и озер и прудов и мельниц и перевесей и рыбных ловель и бобровых гонов и всяких угодей, и какова где земля, добра ли или средняя или худая. А как в Туринском остроге на посаде и села и деревни и в них дворы и во дворех людей и пашенные и непашенные земли и всякие угодья опишут, и ты б то все велел написати в книги подлинно порознь по статьям. Да будет пашнею и сенными покосы и рыбными ловлями нашими владеют, и ты б ис тое пашни устроил игумена з братьею пашнею, чем мочно быти сытим. А будет нашие пашни и мирские дачи за ними нет, и ты б потому ж их устроил из нашие пашни, где пригоже, и сенными покосы и всякими угодьи и против нашие руги и хлебново жалованья, чем им мошно сытим быти. А в котором месте и на сколько чети к тому монастырю пашни и лугов или каких угодей и ис каких земель против нашие денежные и хлебные руги, и ты б о том подлинно отписал к нам к Москве, а отписку велел отдати в Казанском дворце боярину нашему князю Ивану Михайловичю Воротынскому да дьяком нашим Ивану Болотникову да Федору Опраксину. Да и иные церкви и монастыри, которые в Туринском остроге на посаде и в Туринском уезде, велел бы еси переписати в церквах, образы и книги и ризы и всякое церковное

строенье и колокола, и то... *Далее повторяется текст, поставленный в № 172 между знаками * и **, после чего следует:* Писан на Москве лета 7129-го июля в 27 день.

На обороте: Дьяк Федор Опраксин.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 5, лл. 154—156, № 141.

172. *1621 г. июля 28.—Грамота царя Михаила Федоровича в Верхотурье воеводам Ивану Пушкину и Дмитрию Зубову о руге монастырям Верхотурского уезда и об их переписи.*

*Текст, поставленный между знаками * и ** повторяется в № 171. Вариант из № 171 показан сноской.*

От царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии в Сибирь, на Верхотурье, воеводам нашим Ивану Ивановичу Пушкину да Дмитрию Ивановичу Зубову. В нынешнем во 129-м году июля в 4 день писал ко отцу нашему к великому государю к святейшему патриарху Филарету Никитичу Московскому и всея Русии из Сибири с Верхотурья Киприян, архиепископ сибирский и тобольский, что на Верхотурье в старый монастырь к Николе чудотворцу поставил он игумена Германа, постриженика Иосифова монастыря, да он же постриг и в попы поставил старца Феодосия и монастырь им с братьею вместе отписал и приказал ведати и строити заодин с братьею. А в верхотурских окладных книгах 128-го году написано: монастырь Николы чудотворца, а в нем игумен, нашего ему жалованья руги: денег 6 рублев, хлеба 7 чети, муки четверть, круп толокна тож. А в Казанском дворце боярину нашему князю Ивану Михайловичу Воротынскому да дьякам нашим Ивану Болотникову да Федору Апраксину Тюменского города черный поп Иона в распросе сказал: строил де тот Никольской монастырь игумен Иона, пашехонец, мирскою дачею, а братьи в том монастыре 6 человек, а пашня к тому монастырю и угодья наше жалованье, а пашут пашню собою, а колько пашни и угодья, того де он не помнит, да к тому же де Никольскому монастырю мирского данья 6 деревень. Да архиепископ же Киприян писал, что на Верхотурье многие старицы в мире жили, постригшися от мужей своих; и он, поговоря с вами и с верхотурскими с посадскими людьми, за острогом поставил храм во имя пречистые богородицы Покрова, и устроил девичь монастырь вновь, и попа и дьячка и пономаря поставил; а сколько стариц устроили в том монастыре, и того в отписке не написано. Да архиепискуп же Киприян писал, что в Верхотурском уезде на Невье, на Ницу реке, живут наши крестьяне, за 100 верст от Верхотурья, а церкви в том месте не было, и он, посоветовав с вами, послал в то место вновь соловецкого старца Серапиона в строители да с ним послал Никольского монастыря, что на Верхотурье, черного попа Христофора да с ним старчика служебника Семиона, а велел строителю храм воздвигнути Преображение господне да соловецких чудотворцов Зосимы и Саватея, и из нашего жалованья из годового, что ему архиепископу дано, 30 чети всякого хлеба им дал, а лесу на храм и на кельи велел вывести тутошним жильцам. Да он же отпустил в Верхотурской уезд на Тагил к Рождеству христову в монастырь старово игумена Аврамия да с ним послал старца строителя Варлаама, а велел тот монастырь отписати со всем игумену Аврамию и строителю з братьею. Да он же поставил, не доезжая до Верхотурья дву днищ, на реке на Нейве в старой же монастырь к Введению пречистые богородицы строителя старца Стахея, постриженника из Новагорода Юрьева монастыря, да с ним черного попа Феопента, постриженника Переславля Залеского Горитцкого монастыря, да тутошнево старчика постриженика Исидора; а чье соружение на Верхотурье монастырь Рождество христово да монастырь Николы чюдотворца, да не доезжая до Верхотурья дву днищ, монастырь

Введение пречистые богородицы и сколько к тем монастырем нашие пашни и всяких угодей и рыбных ловель и мирские дачи, сел и деревень и пашни и всяких угодей, и о том вы к нам не писывали. И по нашему указу в Никольском монастыре велено быти игумену Герману з братиею и наше годовое денежное и хлебное жалованье давати по прежнему; а что к тому монастырю нашего жалованья и мирского данья пашни было, велено быти у того монастыря по прежнему ж. А Покровского девича монастыря попу и дьячку и пономарю велено дать нашего жалованья против Тобольского Никольского монастыря: попу денег 8 рублев, хлеба 5 четь муки, четверть круп, четверть толокна; дьячку денег 4 рубля, хлеба 4 четверти муки, осьмина круп, толокна тож; пономарю денег 3 рубля, хлеба 4 четверти муки, осьмина круп, толокна тож; а вперед попа и дьячка и пономаря и старцев велено устроить землею и рыбными ловлями. А в Верхотурском уезде на Невье на Ницу реке Преображенского черного попа Христофора да старчика Семиона велено устроити землею и угодьи. А на Тагиле в Рождественском монастыре игумена Авраамия да строителя Варлаама велено устроить землею же. А не доезжая Верхотурья дву дней на реке на Невье про Введенский монастырь велено сыскать: какая то земля: сибирская ли или усольская, и по тому указ будет, у ково в архиепископье тому монастырю быть. И как к вам ся наша грамота придет, и вы б на Верхотурье в старом в Никольском монастыре велели быти игумену Герману с братией по прежнему, а нашего годового жалованья велели давати игумену денег по шти рублев, хлеба по 7 четь муки, по четь круп, толокна по тому ж на год, а пашнею и всякими угодьями велели им владети попрежнему, чем они владели наперед сего. А нового девича монастырь Покрова пречистыя богородицы попу *велели дати нашего жалованья руги денег 8 рублев, хлеба 5 четь муки, четверть круп, толокна тож; дьячку 4 рубля, 4 четь муки, осьмина круп, толокна тож; пономарю 3 рубля, хлеба 4 четверти муки, осьмина круп, толокна тож; да тое дачу велено написати в расходные книги и в сметной список своею статьею; а вперед того девичья монастыря попа и дьячка пономаря и старцев устроили землею и рыбными ловлями из наших из порозжих земель, чем им мочно сытым быти. А Преображенского монастыря, что на Невье на Ницу реки, строителя и черного попа и старца велели устроити землею ж и всякими угодьями из наших из порозжих земель, чем им мочно сытым быти. А на Тагиле в Рождественском монастыре игумена Авраамия да строителя Варлаама устроили землею ж из наших из порозжих земель, чем им мочно сытым быти. А не доезжая до Верхотурья дву днищ на реку на Нейву в монастырь к Введению пречистые богородицы послали б есте с Верхотурья сына боярского да с ним подьячего, а велели про тот монастырь сыскать всякими людьми и всякими сыски накрепко: на реке на Нейве монастырь Введение пречистые богородицы поставлен сколь давно и чье сооружение, и на которой земле стоит: на сибирской или усолья Камского; да хто что про то сыску скажет, и вы б тот сыск велели привести к себе на Верхотурье. Да что вы Покровского девичья монастыря попу и дьячку и пономарю и старицам, и Преображенского монастыря попу и старчику, и Рождественского монастыря игумену пашенные земли на колько четвертей и иных каких угодий велите отказать, и что про Введенский монастырь, на которой он земле стоит, в сыску скажут, и вы б о том о всем отписали и сыск прислали к нам к Москве и велели отписку и сыск отдати в приказе Казанского дворца боярину нашему князю Ивану Михайловичу Воротынскому да дьяком нашим Ивану Болотникову да Федору Апраксину. А что на Верхотурье в городе и в остроге и на посаде и в Верхотурском уезде монастырей и церквей, и вы б те монастыри и церкви и в церквах образы и книги и ризы и всякое церковное строение и колокола велели переписати подлинно порознь, * чье то церковное строение, наше ли данье или мирское, и сколь давно те монастыри и

церкви поставлены, и сколько у тех церквей и в монастырях игуменов и черных попов и дьяконов и братьи и белых попов и дьяконов и дьячков и пономарей и просвирниц, и что им нашего денежного и хлебного жалованья руги, и что к тем церквам и к монастырям сел и деревень и починков и пустошей и в них дворов и во дворах людей поименно и с прозвищами, и сколько есть кто пашни пашет и сенных покосов косят или какими угодьи владеет, и сколь давно поселилися, и данные ль пашни у тех монастырей и у церквей или купленные и у каких людей куплены или по каким иным крепостям владеют или самовольством, и много ль пашенные и непашенные земли десятин под которым селом или деревнею и рек и озер и прудов и мельниц и перевесей и рыбных ловель и бобровых гонов и всяких угодий, и какова где земля, добра ли или середняя или худая. А как на Верхотурье на посаде и в Верхотурском[1] уезде монастыри и церкви и церковное строение и игуменов и попов и дьяконов и черниц и села, и деревни и в них дворы, и во дворах людей и пашенные и непашенные земли и всякие угодьи опишут, и вы б то все велели бы есте написати в книги подлинно порозць по статьям, да те книги прислали к нам к Москве и велели отдати в Казанском дворце боярину нашему князю Ивану Михайловичю Воротынскому да дьяком нашим Ивану Болотникову да Федору Апраксину. ** Писан на Москве лета 7129-го году июля в 28 день.

На обороте: Дьяк Федор Апраксин. Справил подьячий Ефимка Пукалев.

ИИ АН СССР, Верхотурские акты, кор. 1. Отрывок грамоты (четыре сстава). — Список 1680 г. в ГАФКЭ, грамоты колл. экон., по Верхотурскому уезду. — Список XVIII в. в ААН, ф. 21, оп. 4, № 2, лл. 119—121 об., № 103.

Напеч. в АИ, III, стр. 140—143, № 103, по списку 1681 г., в конце которого написано: «позади подлинные грамоты на сставах закрепа дияка Федора Апраксина, а подлинная грамота на Верхотурье, в приказной избе, в Денежном столе, у подьячего Якова Портняшка в столпе; а список писал покровской поп Дмитрей Петров лета 7189-го июня в 18 день».

173. *1621 г. не ранее сентября 1. — Отписка томских воевод князя Ивана Шеховского и Максима Радилова тобольскому воеводе боярину Матвею Годунову об ожидаемом приходе к Томску Казахской орды и Алтына царя и о необходимости присылки служилых людей.*

Господину Матвею Михайловичу Иван Шеховской, Максим Родилов челом бьют. В прошлом, господине, во 129-м году по государеву указу послали мы томского юртовского татарина князь Тояна в Белые Колмыки к Абаку для вестей проведывати про черных колмаков. И князь Тоян, господине, не Калмаков приехал к нам в Томской город в прошлом же во 129-м году августа в 21 день. И в распросе князь Таян нам сказал, что тайши все, Тойла и Курагала и Мергет тайша и иные все тайши, и черные колмаки пришли все на Обь реку... на устье реки Чюмыша, зделали городок,.. им в городке зимовати и кочевати де им меж Оби и Томи реки, меж Томского города и Кузнецкого острога, а сошлися де они на Обь и городок сделали, что их побил Алтын царь, и у Каракулы жен и детей поимал, а сложился де Алтын царь с Казацкою землею, а казацкие люди с нагаи, и где де оне в степех кочевали, и с тех со их с кочевья збили. И одноконечно, господине, всем черным колмакам кочевати меж Оби реки, а ждут де на собя вскоре Казачьей орды [и] нагай, а з другой стороны Алтына царя. И тобе бы, господине, те вести были ведомы. А служивых бы, господине, по

[1] А как в Туринском остроге на посаде и в Туринском уезде...

государеву указу прислать вскоре, чтобы над Томским городом и над остроги дурна не учинилося.

ААН ф. 21, оп. 4, № 17, лл. 95 об.—96, № 79.

174. *1621 г. декабря 11.—Грамота на Верхотурье воеводам Ивану Пушкину и Дмитрию Зубову об обереганин новоприборных пашенных крестьян по рекам Невье и Сереже.*

От царя и великого князя Михаила Федоровича всея Русии в Сибирь, на Верхотурье, воеводам нашим Ивану Ивановичю Пушкину да Дмитрею Ивановичю Зубову. Били нам челом сибирские Верхотурсково уезду новоприборные наши пашенные крестьяне с Невьи и з Сережа реки, Гарасимко Никитин, Петрушка Тверитин, Семейка Резвой, Микитка Сизиков, Пашко Орловец и во всех товарыщев своих 47 человек место а сказали: в прошлом де во 129-м году по нашему указу призвал их Федор Тараканов в Верхотурской уезд на нашу пашню на Невью и на Сереж реки в пашенные крестьяне на льготные на два года, а иных на 4 годы; и они де на то новое место на Невью и на Сережи реки в наши пашенные крестьяне сели без нашего жалованья и пашнишка на том новом месте на себя роспахали, и дворишка себе ставят; и нам бы их верхотурских новоприборных пашенных крестьян пожаловать, велети их от наших сибирских Верхотурсково города и иных городов служилых и от проезжих всяких людей от обид и от насильства оберегати. И как к вам ся наша грамота придет, и вы б наших сибирских Верхотурсково города с Невьи и з Сережа рек новоприборных пашенных крестьян Гарасимка Никитина с товарищи, которые в сей нашей грамоте имяны писаны, велели от верхотурских наших и иных сибирских служилых и ото всяких проезжих людей от обид и от насильства оберегати, чтоб их наших пашенных крестьян и жон их и детей нихто не бил и не грабил, и насильства и продажи никакова им не чинили. И вновь бы вы к ним всяких охочих вольных людей на нашу пашню вперед велели призывать на льготные ж годы. Писан на Москве лета 7130-го декабря в 11 день.

На обороте: В Сибирь, на Верхотурье, воеводам нашим Ивану Ивановичю Пушкину да Дмитрею Ивановичю Зубову. — 130-го году февраля в 16 день привез государеву грамоту березовской казак Семейка Губка.

ИИ АН СССР, Верхотурские акты, кор. 1. Один сстав.—Список в ААН, ф. 21, оп. 4, № 2, л. 131 и 131 об., № 115.

175. *1621—1622 гг.—„Книга приходная ясашной мягкой рухляди" Енисейского острога за 7130 год.*

130-го году книга Енисейского острогу: збор ясачной мяхкой рухляди при Михаиле Байкашине.

Октября в 21 день реки Енисеи Кузнецкие волости с князьца Тюметка и с ясашных людей с 7 человек государевых поминков 7 соболей да ясашных 77 соболей взято. Да тое ж волости с новика с Богдашки Тюметкова сына государевых поминков соболь да ясашных 5 соболей взято.

Ноября в 6 день с Натцкие волости с князьца Епеи с ясашных людей с 21 человека государевых поминков 21 соболь да ясашных 5 сороков 31 соболь взято. Да тое ж волости с новика с Микитки Аныбаева государевых поминков соболь да ясашных 5 соболей взято. Да с новика ж с Барата Катасова соболь поминошной да 11 соболей ясашных взято. Декабря в 26 день с Пумпокольские волости с князьца Урнука и с ясашных с 34 человек государевых поминков 34 соболя да ясашных 9 сороков 14 соболей взято да бобр черной поминочной взят. Да тое ж волости с новика Супиндейта Кейпетова соболь поминошной да ясашных 4 соболя взято.

С Сыму реки с князьца Албепета и с ясашных людей с 21 человека государевых поминков 11 соболей да ясачных 4 сорока 11 соболей взято. А донять на

князе Албепете с ясашными людьми 10 соболей поминошных да 60 соболей ясашных. А донято 53 соболя ясашных да 2 бобра красных, да бобришко карей за 5 соболей ясашных да 10 соболей поминошных, а два соболя ясашных и не донято, потому что человек умер. Да тое ж волости с новика Хатыка соболь поминочный да ясашных 5 соболей взято. Да с 3 новиков тое ж волости с Томгича Албепетова, да с Емскига Келгитова да с Тангулета Келготова государевых поминков 3 соболя да ясачных 15 соболей взято.

С Касу реки с князьца Акдона Кымцына государевых поминков с 6 человек 6 соболей да ясашных 60 соболей взято.

Апреля в 1 день Макуцкие волости с Весла с товарыщи с 3 человек государевых поминков 2 соболя да бобр карей за поминошный соболь да ясашных 33 соболя взято. Да тое ж волости с новика Урбека Уркачакова соболь поминошной за 5 соболей ясашных взято. Да тое ж волости прошлого 129-го году недобраного ясаку 3 соболя взято; а доняти соболь поминошной.

С Кипанские волости с князьца Иятика и с ясашных людей с 9 человек государевых поминков 6 соболей да ясашных 2 сорока 8 соболей взято.

С Кемских вершин с Атынжа Чагаева с 7 человек 31 соболь с пупки взято, и из тех соболей 3 соболя без хвостов.

Ноября в 19 день ясатчики Тобольского города казак Иван Вычегда с товарыщи принесли из Тюлькиной земли государева ясаку с кочевных и с пашенных с князьца Татуша, Набытая и Базрака с товарыщи 100 соболей с пупки, и из тех соболей 22 соболя без хвоста. Да с князьца Бактерека 5 соболей с пупки и с хвосты. С тюлькинского мужика с Тумея соболь поминошной да ясашных 5 соболей взято. С тюлкинсково ж мужика Капчика да с племянника ево Тарти 12 соболей с пупки и с хвосты взято. Да с тюлькинского ж мужика с Тапа 6 соболей ясашных взято. Маия в 24 день с тунгуского князьца Тасея 45 соболей с пупки и с хвосты взято. Да с брата ево с князьца Иркипея 9 соболей с пупки и с хвосты взято. Да с князьца Ялыми 10 соболей с пупки и с хвосты взято. Да с 5 человек тунгуских с Лундуги, да с Актума, с Дербицы, с Ыпвиги, с Чемлеги 21 соболь с пупки и с хвосты взято. Июня в 7 день с тунгуского князьца Иркипея государева ясаку 10 соболей с пупки и с хвосты взято. Да с тунгуских с 3 человек: Ибидута, да с Болдока да з Багдака 30 соболей с пупки и с хвосты взято. Июля в 15 день с Кутанские землицы с князьца Каракуши государева ясаку 24 соболя с пупки и с хвосты взято. Да с князьца Батерековых людей 15 соболей с пупки и с хвосты взято. Сентября в 19 день тунгуских дальних людей князец Терей с товарыщи и с ним 4 человека государю принесли ясаку 30 соболей с пупки и с хвосты, да шубу собольюда подволоку лыжную соболью.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 27, лл. 274—275 об., № 87.

176. *1622 г. января 20.—Грамота на Тюмень воеводам Федору Пушкину и Михаилу Елизарову об отводе архиепископу сибирскому Киприану пашенной земли на реке Нице.*

От царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии в Сибирь, в Тюменской город, воеводам нашим Федору Федоровичю Пушкину да Михаилу Григорьевичю Елизарову. Бил нам челом сибирской архиепископ Киприян а сказал: по нашему де указу велено ему дати в Тобольску за рекою Иртышем сенных покосов на 400 копен да за рекою Курдюмкою ис пустовые пашни 50 десятин; и за рекою де Иртишем те сенные покосы косят тобольские дети боярские и всякие служилые и жилецкие люди, а в пусте сенных покосов нет, и ему де тут сенных покосов косить негде, а за рекою де за Курдюмкой та пашня близко под городом, в треть версты, на выпуске животинном; и нам бы ево пожаловати, велети ему дати на усть Ницы реки, меж Епанчина и Тюмени, пашню под сенные покосы, а та де

пашня лежит из века в пусте, и с сенными покосы. А в тюменских в дозорных книгах 129-го году написано: от займища тюменского казака Замятенки Исакова, от ручья, что выпал из болота, в степную сторону до Ницынского устья версты с три пашенное место, по смете десятин с 200. И меж Ницынского устья и ручья у Туры реки во 129-м году сибирской архиепископ Киприян занял на себя и посадил своих крестьян 8 семей, и пашню пахать зачали, и сенных покосов под тем займищем копен на 500 и больши. И мы сибирсково архиепископа Киприяна пожаловали, велели ему дать пашни на Нице реке 100 десятин да сенных покосов на 400 копен. И как к вам ся наша грамота придет, и вы б сибирскому архиепископу Киприяну велели отвести меж Епанчина и Тюмени на Нице реке пашни 100 десетин да сенных покосов на 400 копен. Писан на Москве лета 7130-го генваря в 20 день.

На обороте: Дьяк Федор Апраксин.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 8, л. 75 и 75 об., № 60.

Напеч. в РИБ, II, стб. 387—388, № 127, I.

177. *1622 г. января 25.—Грамота на Тюмень воеводам Федору Пушкину и Михаилу Елизарову о руге Преображенскому тюменскому монастырю и даче ему рыбных ловель на реке Туре.*

От царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии в Сибирь, в Тюменской город, воеводам нашим Федору Федоровичю Пушкину да Михаилу Григорьевичю Елизарову. Били нам челом из Сибири Тюменского города Преображенского монастыря игумен Сергей да строитель Иона с братьею, а сказали: по нашему де указу и по благословению отца нашего великого государя святейшего патриарха Филарета Никитича Московского и всеа Русии послал их архиепископ Киприян сибирский и тобольский на Тюмень в манастырь, а велел монастырь строити и велел с ними, чтобы пити и ести братье в трапезе собрати; и они де, живучи в монастыре, питаютца христовым именем и пашни не водят, а вотчины и руги, нашего жалованья, денежные и хлебные, и рыбных ловель и никаких угодей нет, питатца и одеватца братьи и монастырь строити нечем, а братьи их собралось ныне в монастыре...[1] человек; и нам бы их пожаловати, велети устроити нашим денежным и хлебным жалованьем, ругою, как дают в Тобольску игуменом, да им же бы дати в монастырь в вотчину рыбные ловли от Тюмени вниз по Туре реке, от города 12 верст, Кривую луку, прорву, под Мутовки деревнею, да по Туре ж реке на низ 25 верст Баньшикову прорву, да плесо против монастыря, от татарской мечети да до креста; а те де рыбные ловли лежат в пусте, на оброк никому не отданы. А в тюменских в дозорных книгах 129-го году написано: от города вниз по Туре реке Баньшикова прорва на оброке за тюменскими стрельцы, а оброку платят с тое прорвы по полтине на год; да вниз же по Туре реке прорва в Кривой луке, на оброке за посацким человеком...[1], а оброку с тое прорвы платит... [1] на год. И мы Тюменсково Преображенскова манастыря игумена Сергея и строителя Иону Лихорева пожаловали, велели нашего денежного жалованья, руги, учинити оклад: игумену Сергею по 10 рублев, а келарю и строителю Ионе по шти рублев человеку на год, да им же велели дати на манастырь безоброчно рыбные ловли вниз по туре реке Баншикову прорву, что была на оброке за тюменскими [стрельцы], да по реке ж по Туре прорву в Кривой луке, [что] была на оброке за посацким человеком. И как к вам ся наша грамота придет, и вы б Тюменского Преображенского монастыря игумену Сергею велели дати денежного жалованья руги [10] рублев, а келарю и строителю [по шти рублев] на год человеку, и на нынешней 130-й год велели им то наше денежное жалованье... [1] Да им же велели есте дати в Преображенской монастырь безоброчно рыбные ловли от города вниз по

[1] *Пропуск в рукописи.*

реке по Туре Баншикову прорву, что была на оброке за конными стрельцы, да по речке ж по Туре [прорву] в Кривой Луке, [что] была на оброке [за посацким] человеком; а оброку с тех рыбных ловель...[1] имаю в нашу казну, велели сложити и велели те рыбные ловли написати в окладные книги за Преображенским монастырем. Писан на Москве лета 7130-го генваря в 25 день.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 8, лл. 75 об.—77, № 61.

178. *1622 г. не ранее января 29.—Отписка тобольского воеводы Матвея Годунова тюменским воеводам Федору Пушкину и Михаилу Елизарову о разрешении сажать в государеву тюрьму лиц, обвиненных в духовном суде.*

Господам Федору Федоровичю, Михаилу Григорьевичю Матвей Годунов челом бьет. В нынешнем, господа, во 131-м году генваря в 29 день писал с Тюмени в Тоболеск к архиепископу Киприяну сибирскому и тобольскому ево архиепископов десятильник Ларион Ефремов, что били челом архиепископу Ильинского манастыря на старицу на игуменью Каптелину в духовном деле, что та игуменья живет не по иноческому обещанью, да в том же духовном деле сказали они на ярыжку на Куземку Лошкомою; и он де того ярышку в том духовном деле распрашивал, и ярышка де в распросе ему про то духовное дело не сказал ничево, а просится в Тоболеск к архиепископу; и он де Ларион бил челом, чтоб вы того ярышку до архиепископля указу велели посадити в тюрьму, и вы де того ярышку в тюрьму посадити не велели, а сказали ему: то де дело духовное, и велели ему сажати в свою тюрьму, а государева де тюрьма поставлена не на владычния дела. И нам архиепископ Киприян сибирской и тобольской говорил, чтоб нам отписати из Тобольска к вам на Тюмень: которые люди будут в духовном деле виноваты и доведется их по ево архиепископлю указу посадити в тюрьму, и вам бы тех людей в тюрьму велеть сажати. А. Ильинской...

ААН, ф. 21, оп. 4, № 8, л. 72 и 72 об., № 58. Без конца.

179. *1622 г. февраля 11.—Грамота патриарха Филарета архиепископу сибирскому Киприану о религиозном состоянии его паствы и о мерах к установлению благочестия.*

Благословение великого господина святейшего патриарха Филарета Московского и всеа Русии о святем дусе сыну и сослужебнику нашего смирения Киприяну архиепископу сибирскому и тобольскому. Ведомо нам учинилось от воевод и от приказных людей, которые преж сего бывали в Сибири, что в сибирских городех многие служилые и жилецкие люди живут некрестьянскими обычаи и не по преданиям святых апостол и святых отец, но по своим скверным похотем; многие ж руские люди и иноземцы литва и немцы, которые в нашу истинную православную християнскую веру крещены, крестов на себе не носят и святых постных дней, среды и пятницы, не хронят, и в постные дни едят мясо и всякие скверны з бусорманы, с татары, и с остяки и с вогуличи вместе; и которые люди ходят х колмакам и в иные землицы для государевых дел, и те пьют и едят и всякие скаредные дела делают с поганскими за один, и с татарскими и с остяцкими и вагулецкими поганскими женами смешаютца и скверная деют, а иные живут с татарскими с некрещеными как есть с своими женами, и дети с ними прижилвают, а иные и горше тово творят: поимают за себя в жены в сродстве, сестры свои родные и двоюродные и названные и кумы крестные, а иные де и на матери свои и на дщери блудом посягают и женятца на дщерях и на сестрах, еже ни в поганых и незнающих бога не обретаетца, о них же неточию писати, и слышати

[1] *Пропуск в рукописи.*

гнусно; и в таком пребеззаконном деле многие и дети с ними приживают. А иные де многие служилые люди, которых воеводы и приказные люди посылают к Москве и в ыные городы для дел, жены свои в деньгах закладывают у своей братьи у служилых же и у всяких людей на сроки, и отдают тех своих жен в заклад мужи их сами, и те люди, у которых они бывают в закладе, с ними до сроку, покаместа которые жены муж не выкупит, блуд творят беззазорно; а как тех жен на сроки не выкупят, и оне их продают на воровство ж и в работу всяким людем, не бояся праведного суда божия; и те люди, покупая тех жен, также с ними воруют и замуж выдавают, а иных бедных и убогих вдов и девиц беспомощных для воровства к себе емлют сильно, и у мужей убогих работных людей жен отнимают и держат у себя для воровства, и крепости на них емлют воровские за очи; а те люди бедные, у которых жены поотымают, скитаются меж двор, и от насильства покиня жену свою, даютца в тех же и в иных городех в неволю, в холопи, всяким людем, и женят их на иных женах; а те их отнятые жены после того выдают за иных мужей, и продают и в заклад и в холопи отдают всяким людем. А попы сибирских городов тем вором не запрещают, а иные де попы черные и белые тем всяких чинов людем и молитвы говорят, а иных и венчают без знамен, не по крестьянскому закону. А иные многие люди мужи и жены в болезнех постригаютца во иноческий образ и потом, оздравев, живут в домех своих по прежнему, и многие из них постригшись жены с мужи своими и с наложники блуд творят и детей приживают, а иные многие и ростригаютца и платье черноческое с себя сметывают. А в которых де городех монастыри мужеские и девичьи устроены, и в тех де монастырех старцы и старицы живут с мирскими людьми с одново, в однех домех, и ничем от мирских людей не рознятца. А которые де сибирские служилые люди приезжают к Москве з государевою денежною и соболиною казною, и те де служилые люди на Москве и в ыных руских городех подговаривают многих жонок и девок и привозят их в сибирские городы и держат их за жен места, а иных порабощают и крепости на них емлют сильно, а иных продают литве и немцом и татаром и всяким людем в работу, и иные всякие беззаконные дела делают, чего не токмо писати, и слышати жалостно и богу мерзко. А воеводы, которые в сибирских городех ныне и преж сего были, того не брегут и тех людей от такова воровства и беззаконных и скверных дел не унимают и наказанья им не чинят, покрывая их для своей корысти; а иные де воеводы и сами таким ворам потакают и попом приказывают говорити им молитвы и венчати их сильно. И всякое де насильство и продажи воеводы тутошним торговым и всяким людем и улусным иноверцом, вагуличам и татаром и остяком, чинят великое. И о том де к тебе сыну и богомольцу нашему бедные люди в насильствах, у которых жены у живых мужей поотыманы и подаваны за иных мужей и сами порабощены, тебе сказывают, и вдовы и девицы в насилии и во осквернении и в подговорех, что они осквернены и порабощены насильством, и про многих людей безчинства и пребеззаконное житие извещают и бьют челом, и в духовных де делех тяшкие вины доходят до многих людей, а ты о том не брежешь и дерзающих таковая прескверная дела и насилия творити не востязуеши и наказания им духовного и телесного никоторого от тебя нет. А бедные люди от таких законопреступных людей бедне насилуеми и оскверняемы и порабощаемы бывают, и ниоткуда ж избавленья приемлют. И к нам о том ни о чем не пишешь. И мы, слыша о таком пребеззаконном деле, слезне скорбим, что по грехом под паствою нашею такие богомерзкие и человеком гнусные дела совершаютца. И аще убо сия тако суть, якоже слышание обносится, кая убо польза таковая творящим и нарицатися християны, дела ж горша поганых и непознавших истины имущим, таковыми бо имя божие, нареченное на нас, во языцех хулитца. Како ж и ты и протчии под твоею паствою священницы, иже от господа бога учи-

нсни стражие и пастыри словесного стада христова, о паствах своих не брежете, кий ответ имате воздати в день страшнаго и неумытнаго судища христова, и что речете пред нелицемерным судиею вместо сего еже бы рещи; се аз и дети их же дал ми еси, господи, их же упаствити не возмогосте или в небрежении нолагающе и о спасении их не пекущесь, и жестосердое их и скопское житие ведяще и божественных законы[1] да никогда ж послушающих, востязати им не хотяще. Подобает убо тебе, сыну нашего смерения, о порученном ти от бога стаде велико и твердо попечение имети, неослабно же и тщательно о них прилежати и вседушно о людском спасении промышляти и заблуждающих человек и всякими сквернодействы удаленных от господа божественными законы утвержати. Веси убо, что глаголет бог к пастырем пророком Иезикиилем: сыне человечь, стража дается дому Израилеву, слыши от мене слово и запретиши им, и аще засвидетельствуеши им и неотвратятца от беззаконий своих, и во гресех своих умрут, ты ж чист еси; аще ли же не засвидетельствуеши им, кровь их от руки твоея взыщу, истиннаго бо пастыря дело есть, еже положити душу свою о людех, да егда приидет господь, возрадуетца о нем и о овцах возвеселитца; аще ли же обрящутца нецыи от овец отпадше, горе пастырем о нем, яко приимшим паства и о стаде нерадящим и с сего ради подобает пастырем всяко тщание и попечение и подвиг имети о стаде овец христовых: поручено бо им от владыки христа твердо блюсти я да ничто от них преступаемо и забвением преминаемо и невзысканием оставляемо, во он день в муках изыскуемо будет. Божественным бо правилом несохраняемым различная преступления бывают, и сего ради божий гнев и многия казни бывают, овогда глад и плодов умаление, ово ж брани и нестроение. Веси бо, яко по благодати святаго и животворящаго духа стража тя и пастыря и учителя стране онои рукоположих, и ничто же от тебе изыскую, токмо паствы и спасения сих, их же ради Христос кровь свою пролия. Воспомяни убо спасом реченное слово яко ему ж дано будет много, много и взыскано от него будет. И сего ради должны есмы человек, по своих похотех ходящих, а не по преданиям святых и божественных апостол и законоположением святых отец и противящихся здравому учению, наипаче ж вслед похоти плотских скверностей ходящих и о господних повелениях нерадящих, правым учением исправляти, непокоряющих же ся и злосливных и страхом и прещением мук востязати по божественному писанию, яко же и верховныи апостол Петр в соборных посланиих своих пишет тако: яко тако есть воля божия, благотворящим обуздовати безумных человек невежество. И Павел божественный к Тимофею пишет о преступающих закон, тако глаголя: умоли, обличи, запрети таковая творящих. Виждь убо, яко первое умолити повелевает, потом же обличити, яко непослушавших, непокоривших ся истинне запретити, еже есть отринути или отсещи, яко гнил уд, повелевает. А иже дерзающих в сродстве блудству примешатись, слыши, что о сем той же избраный сосуд учитель Павел в послании своем еже к римляном пиша глаголет: откуду ли, рече, слышатца в вас блужение, и таково блужение, яково же ни во языцех именуетца, яко некоему имети жену отчюю, сиречь мачеху, и вы разгоресте и непаче плакасте да изметца, рече, от среды вашея, соделавыи дело сие, аз убо, рече, аки не у вас сыи телом туж живыи духом, уже судих яко ту сыи содеявшего таковое о имене господа нашего Иисуса христа предати таковаго сатане во измождение плоти, сиречь в нестерпимые муки плотские вложити того и никакож пощадети содеявшего таковое зло, да дух его спасетца в день господа нашего Иисуса христа. И паки той же глаголя, писах, рече, к вам в послании не примешатись блудником, и не точию блудником мира сего и лихоимцем или хищником или идолослужителем. и аще, рече, некий брат имянуем будет блудник или лихоимец или идолослужитель или досадитель или хищник, с таковыми ниже ясти. Зри же вселенского учителя тако повелевающа:

[1] *В рукописи:* законников.

законопреступных не пощадевати, но се убо суд неумолим о некоем соблудившем с отчею женою, еже есть с мачехою; что убо хотим рещи о иже дерзающих на матери и нестыдящихся своего ложа, откуду изыдоша, или на дщери немилующих своея крови, или на сестры на родные и ближняя своя, не в теле ли суть огню геенскому предани. Воистину таковые, ничтоже от нечистивых псов разликуют, и неточию христианы, но и человеки чюже им нарицатися, а душа убо их яко во гробе затворена и увы страшно слышание таковая деющих. Мню бо, яко суд божий остави таковых в телесех страдати да и в будущем безответно мучими будут; но горе воистинну слышащим таковая, паче ж зрящим и неистязающим таковех сквернения яко последователие хотят сим быти в геену огненную, их же огнь не угасает и червь не умирает. А то же и о других речем, иже великий образ ангельский обругающим; первое убо усвоившимся и яко некое возложение честное себе богови принесшим, потом же напрасно скочившим и возвратившимся, яко псом на своя блевотины, и всех владыку, яко непотребна оставльшим, паки к бесовским хотениям пририщющим, мню, яко невежеством сия творят, понеже не имут воспоминающего их от таковаго начинания. Что священницы мнящесь тех отцы и пастыри возглаголют, иже видяще таковая творящих, и не востязают; по истине не суть отцы и пастырие, но волцы и бесом способницы наричются; иже бо согрешая в неведении, аще и суд подемлет, но с милостию наказание, понеже в невежествии и в неучении сия сотвори. А иже разумея и не востязуя тех, сей убо не пастырь, но вождь сатанину творению обрящетца и горшая мука постражет. О таковех бо спас во евангелии рече: горе вам, книжницы и фарисеи и лицемерии, яко взясте ключь разумения, сами не входите и входящим возбраняете. Но убо, сыну, подобающе ти о таковех соболезновати и попечение имети непрестанно и плакати и слезити о таковех, и всяческим зельным прилежанием и по бозе тщательным учением утвержати, и на познание истинны возвращати, и многое попечение о спасении душ их всегда имети, воспоминая реченный глагол господем нашим Иисусом христом к божественным его учеником: блюдитеся, рече, да не погибнет един от малых сих, понеже от рук ваших изыщу сия; и паки глаголет: изводяй бо, рече, честное от недостойного, яко уста моя суть. Зри ж убо человеколюбие божее, каковех творит обращающих согрешивших от заблуждения и какову свойству сподобляет, яко уста, рече, моя суть, иже бо нашего ради спасения в нашу нищету облечеся и наша худшая и нищая восприим, в небесных богатствовати нас устрои. Сие убо видящи владыки нашего бога х кающимся со усердием милостивное преклонение, подобает нам согрешающих человек и отступших от истиннаго пути всячески исправляти и во истинное покаяние приводити, яко же апостол глаголет: должны есмя мы сильнии немощи немощных носити и не себе угождати, но кождо нас ближнему угождает к созданию, изнемогающего же о вере утверждати. И сего ради повелеваем и заповедаем священному ти епископству таковех убо первое молити да престанут от таковых начинаний и к тому к таковым злым не примешаютца да не в горшее впадут тяжести ж ради греха опитемьям подлатаеми да будут, яко да явитца истинное тех покаяние; призывати же сих начасте и с сими собеседовати, и слово истины тем предлагати и сладостию словес, яко медом, услаждающим, устне тех помазати; в аще убо благопослушливы обрящутца, благодать создавшему нас, яко обретохом погибшее по глаголющему: яко велия радость бывает на небеси о едином грешнице кающемся. Таковех бо покаяние и в мале времени исправить и во общение прияти сильни есмя; зрит убо владыка не на долготу лет, но на мал час кающагося со истиною, якоже и разбойник много беззакония сотвори, пришед же к мучению, аще и невольне, при кресте мал глас испусти, велию благодать обрете, предшественник рая обретесь. Ведый же буди, яко три убо сосудове владыки нашего бога: первый убо щедр, други же милостив, третий же долготерпелив и многомилостив, сего бо ради

о всех человецех милостивно возглагола и низу падших ко спасению воздвиже, яко не хощу, рече, смерти грешнику, но еже обратитися и живу быти ему. И убо известно вемы, яко несть грех побеждающ божие человеколюбие. Нехотящих же последовати словесе вашего учении повелеваем убо таковым запрещати и от божественных тайн отлучати и ниже церкви тех приимати, ниже попом в таковых домы входити, яко да познавше в какове доме согрешении лежаще, ото обычных тем преступлении воспрянут и слезне к божественной церкви притекут и согрешенная тми покаянием исправят. Аще ли же нецыи сего не послушают и всячески сопротивни будут вашему учению, паиначе же христове вере и апостольскому преданию, таковых убо не точию запрещати и обличать, но и градским казнем подлагати закон повелевает, точию по различию греха и с велицем рассмотрением, пощадевати же никако же, понеже сопротивни не точию нашему учению, но и самому богу, и лучше есть согнивший уд от тела отняти, да не все тело погибнет. Смотрительно же повелеваем о таковех рассуждати и казнем подлагати таковех, иже отнюдь не хотяще истины слово учения прияти, пребеззаконная творящим, с ними прежде к тому во едином граде уж не пребудут да не паки обещницы страстем сих явятся, и ово убо по рассуждению лет и возраста и жития и нрава во мнишеский образ облечени да будут, друзии же законным браком да причтутца. Аще возможно вся сия да бывают со многим рассуждением по известным отеческим правилам. Мужие же, иже прежде сподобльшеся образу мнишескому, со женами своими также и жены, постригшие власы, к тому да никако же во едином дому пребудут: беззаконно бо дело есть и сено огню никако же согласовати может, но в монастырех или во иные грады да пошлютца и во едином граде к тому да не прибудут, да не от воззрения о тех душевную тщету подоимут и паки умом пленятца и дерзостью погибнут. Аще ли же и еще нецыи и правого пути совратившесь и в горшая успевающе, божественных закон паки небрещи дерзнут и учения послушати не восхотят, таковых убо непослушных и жесткосердых невежеству подобает и страхом мук и прещенми истязати и воли их злой быти не попущати, по апостолу, глаголящему, яко благия творящи обуздовают злых человек нечестия начало, злобных же и градским судиям предаяти во изстление телеси да дух его спасетя. Якож слышим многия божественныя отца в писаниях повелевающа: таковых градским кажнением подлагати, о них же и книги правильнае изложиша яко да непременно будет таковое предание; непокаряющих же ся сим анафеме предают, сиречь проклятию. Аще ли же нецыи малоумни хотят рещи, яко не подобает согрешающих человек и непокоряющихся истине мирским казням подлагати, и таковое повеление немилостиво наречет кто, да слышат убо таковыи, что о сих великий Афонасей Александрийский глаголет: аще кто речет, яко не подобает судити творящим смертные грехи, сие еретическии отроцы глаголют; аще ли же тако бы было, не бы праведный Ной судил Хама ругателя раба быти братиям своим, и Моисей же поклонившихся тельцу во един день 3000 повеле мечем изсещи, собравшего же дрова в субботу повеле каменнем побити; и Иисус Навин Ахара крадьбы ради со всем домом потреби; Финеей же блуда ради Замврия погуби и от бога вечною правдою свидетельствован; и Самоил Агага царя пред господем убив и не осквернися; Илия же ложныя пророки, яко свинья в потоце искла и два пятидесятника и с прочими огнем с небесе сожже; Елисей же Гиезию приятия ради имения осуди и прокаженна показа, и Даниил муж желании блудныя старца закопом Моисеовым осудив погуби; и святый верховный апостол Петр ключа небесного царства приемый Ананию со женою его от своего их стяжания утаивших цену осудив, абие издохнути сотвори и Симона волхва смерти молитвою предаде; избранный же сосуд Павел Александра ковача и Менея ж и Филита предасть сатане, да накажутца не хулити. И Елиму волхва словом ослепи; великий же Иван богослов Кунопа волхва молитвою в мори потопи; тако ж и святый апостол Филипп архиерея, глаголавшего хулу

на господа нашего Иисуса христа, земли поглотити повеле; блаженный же Лев епископ Катанский, внегда убо служащу ему святую литоргию, виде некоего волхва, именем Луидора, стужающа ему и божественней вере ругающаясь, на многие же сему бывшу, не стерпе, но с яростию от церкви искочи и огню возгнещелу бывшу повелением того амфором своим волхва связав и сам во огнь вшед нечистаго сожже, сам же не опалился; и мнози от святых ревностию по бозе разжигаеми злочестивых погубиша и истинны не отпадоша. И святый апостол Июда в послании глаголет: овах убо милуите разсуждающе, овых же страхом спасайте; и паки божественный Афонасей и великий Иван Златоустый в своих писаниях глаголют: царскими ж суды и градскими законы обуздоватца безумных человек воля, иже смертныи грехи творящих и душа с телом губящих. Аще ли же нецыи не хотяще послушати пастырского словесе, таковых под грацким правилом муками истязаемы да бывают и смертию осуждаются; градские бо судия сего ради учинени, яко да повелением царским благая творящим царской милости усвояют, противящих же ся мукам и казнем подлагают, яко мстителе неправдам по реченному еже ко царем и властем повелеваемое правильное слово: слышите, рече, царие и князи и разумеите, яко от бога дана бысть держава вам, яко слуги божие есте, и сего ради поставил есть вас пастыря и стража людем своим, да соблюдете стадо его от волков невредимо; вас бо бог в себе место избрал на земли и на свой престол вознес посади, милость и живот положи у вас и мечь божия вышняя десница вручи вам. Да никто же речет, яко не достоит сопротивящегося богови и закону мукам и казнем подлагати; едино бо есть и немни первое другого, еже нища и убога помиловати и богу противящаяся обличити и мукам предаяти, яко ж священный Златоуст уча сице глаголя: еже убо по воли божии бываемо, аще и озлобити мнитца всех есть доидиши, и аще убьет кто по воле божией человеколюбия всякого есть лутши убийство оно; аще же пощадить человеколюбствуя чрез угодное оному убийства всякого непреподобнейши будет сие пощадение, яко же и бытейская книга являет: пощаде убо некогда чрез божию волю Саул царь Израилев Агага, царю Аммаликова, и за се пощадение прията от бога осуждение и неточию сам, но и все семя его; тако ж Адера царя ассирийска Ахав паче угодного богови снабдев отпусти, и речено бысть к нему яко мужа губителя отпустил еси, душа твоя вместо души его и люди твои вместо людей его в погибель будут; яко же некий пророк к некоему рече словом господним; бий мя и не восхоте человек он бити его, и порази его лев, и рече пророк другому: бий мя и би его человек той и сокруши ему лице; что убо будет сего преславнейши: бивый пророка спасеся, а пощадевый мучен бываше. Да навыкнем, яко аще богу повелевающе недостоит испытывати естество бываемых, но повиноватися точию, и сего ради засвидетельствую ти пред богом и господем нашим Иисусом христом хотящим судити живым и мертвым, проповедуй слово истины, со дерзновением пастой, понуди благовремение и безвременне, обличи, запрети, умоли со всяким долготерпением и учением, на сие убо и поставлен еси. Веси бо, колики сокровища благочестивый христолюбивый сын наш великий государь царь и великий князь Михайло Федоровичь всеа Русиа и аз истощихом красоты ради церкви божия и человеческого спасения егда рукоположихом тя епископа быти и всех пребывающих с тобою в далечайшей оной стране, никто же прибытка желая от вас, точию сего ради, да проповедь спасения словеси божия в стране оной растет и множитца, и страна отчюждена и закона божия весьма не ведуща, спасенные проповеди слово приимет, с любовию сие содержит. И аз, слышав таковая о здравем ти учении и о протчих человек спасении, возрадуюся, и труд нашего учения со успехом возврастати будет, и паки вси еже обычно есть мне, егда убо вижу чада моя паствы во спасенных повелениях ходяща, радостию яко на небеса восходит дух мой. Аще же вижу нецыи неразумием и неучением ходяще и самочинием боляща, болезнует душа моя, ведый бо ярко сия истязати

имать от мене владыка в день века. И сего ради заповедаю ти, да никако ж облевившися попечение имети о преданнем ти стаде, аще и огорчат тя противлением, но никакож ослабеоши в таковых, ревнуя апостольским преданиям, яко и сии человецы быша, и егда убо послани на божественную проповедь, исперва убо поношаема бесчествуеми, ругаеми, уничтожаеми бываху, но никако ж сумнящесь истинны слово утверждати, радующесь рече апостолы идуще аще от лица собору яко сподобишась за имя господа Иисуса христа безчестие прияти. Последи же тии же от преже поругавшихся им прославляеми бываху и не точию прославляеми, но и покланяеми. Всяка убо скорбь по бозе не может быти, но мир и радость духовная, якоже и Стефан великии пермский, иже бывый преже во оной стране, виде человеки заматеревши и состаревшись в делех злых и в служенних дьяволих и весьма чужди апостольские проповеди, не усумнеся ниже убояся тех сверепства, по дерзну о бозе; аще исперва и поругаем сими, но последи, яко ко отцу притигающе того учению, яко ангела божия, того стыдящеся и почитающе, паче же и бояхуся, яко самого бога, да не прежнего ради тех, иже ко оному казнь на ся от бога привлекут, но и по смерти блаженного онего учителя прославляют и храм во имя того поставляют и равноапостолом того наричют, и неточию недра, приимшая того мощи, и персть, в ней же положися, святу наричют. О протчих же, мнящихся правящих власти, неисправлении и поползновении, паче ж бывающего ради от них лакомства, да не обленишись их востязати и здравым учением и с сими начасте беседовати, и слово спасения тем предлагати и поползновения тех тем востязати ово убо словом разсуждения, ово же и страхом царского прещения. Аще ли всяко сопротивни обрящутца и людий божиих и наших со истинною управляти не восхотят, но, сребролюбия недугом боляще, восхотят похищати, мы убо государскую отческую милость тем предложихом и слово учения простроxом, но не восхотеша послушати, и сего ради царским судом судими и наказаеми будут по разнству согрешении, ни единого же благославна на се имуща. А сее бы нашу грамоту велел чести вслух в соборной церкви, и для того велел в церковь быть боярину и воеводам и дьяку и детем боярским и всяким служилым и жилецким людем. И которые будет речи будут им неразумны, и ты б им то рассуждал и росказывал на простую молву, чтоб ся наша грамота во всех сибирских городех была ведома, и самовольных бы, не по закону ходящих людей вперед не было и прежнее их беззаконное дело нигде не именовалось. Да ведомо нам учинилось, что есть в Сибири старая грамота за дьячьею за Ондреевою приписью Щелкалова, что сибирским людем поволено с Москвы и из иных городов свозить жен и девиц и с ними жить по своей воле и отымати у них тех жен и девиц не велено; и ты б богомолец наш велел тое грамоту принести к себе, а взяв ее прислал к нам к Москве; а ко государеву боярину и воеводам и к дьяку от государя о том о всем писано. Милость же всещедрого и человеколюбивого бога нашего и пречистые богородицы и всех святых молитвы и нашего смирения благословение и молитвы да есть и будет на освященном ти верси и на всех послушающих нашего повеления и здравого учения, аминь. Не покорящихся же самоизволен суд да постигнет. Писан на Москве лета 7130-го февраля в 11 день.

На подлинном з грамоты списке: Дияк архиепископа сибирского и тобольского Иван Максимов.

ГАФКЭ, портфели Миллера, № 478, II, грам. № 7. Спис. XVII в. 18 ставов.— Список XVIII в. в ААН, ф. 21, оп. 4, № 5, лл. 158—166 об., № 145; № 16, лл. 405—415, № 103.

Напеч. в СГГД, III, стр. 245—253, № 60.

180. *1622 г. февраля 13.— Грамота в Тобольск воеводе боярину Матвею Годунову с товарищами о даче Успенскому тобольскому монастырю 20 рублей на церковное и монастырское строение.*

От царя и великого князя Михаила Федоровича всея Русии в Сибирь, в Тобольской город, боярину нашему и воеводе Матвею Михайловичу Годунову да князю Ивану Федоровичю Волконскому да дьяку нашему Ивану Шевыреву. Били нам челом из Сибири Тобольского города Успенсково монастыря архимандрит Мефодей з братьею, чтоб нам их пожаловать, велеть им дать на церковное и на монастырское строение. И по нашему указу дано Успенского монастыря архимандриту Мефодию нашего жалованья на церковное и на монастырское строение на Москве 20 рублев денег. И как к вам ся наша грамота придет, и вы б на те деньги велели архимандриту Мефодею в Успенском монастыре церковного строения прибавить и монастырь огородити, чтоб он тех денег не истерял. Писан на Москве лета 7130-то февраля в 13 день.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 11, л. 2 об., № 4.

181. *1622 г. ранее марта 29.— Отписка тобольского воеводы Матвея Годунова пелымскому воеводе Петру Волконскому о построении весной 1622 г. нового Пелымского города и острога.*

Господину Петру Микитичю Матвей Годунов челом бьет. В нынешнем во 130-м году в государеве цареве и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии грамоте писано в Тоболеск, велено послати ис Тобольска и из ыных сибирских городов, где в котором городе людей больше в остатке за государевыми службами, и которые городы подлегли к Пелыми ближе, для городового и острожного ставленья в прибавку к пелымским служилым людем 100 человек стрельцов и казаков или сколько человек пригоже; да и полоняиников велено послати со всею пленишною снастью, сколько человек пригоже, и велети б им на Пелыми город и острог поставити [и] розвытити на всякие люди на старом месте или где будет пригоже, чтоб было у крепостей, и храм в городе во имя Рожества христова и Николы чюдотворца велено воздвигнуть, и на государевы хлебные запасы житницы и зелейной погреб и съезжую избу и воеводцкой двор велено поставить теми ж людьми. И из Тобольска, господине, аж даст бог, на весну на Пелым служилых людей для городовово и острожного дела пришлем. Да из Тобольска ж писано на Тюмень, на Япанчин, на Верхотурье к воеводам, чтоб они на весну послали к тебе на Пелым для городовово и острожного дела: с Тюмени 15 человек, с Япанчина 15 человек, с Верхотурья 20 человек. А тебе б, господине, городовым и острожным и всяким лесом велеть промышлять, чтоб всякой лес по первой полой воде припроводить под Пелымское старое городище по первой полой воде, чтоб за тем сибирских городов служилым людем на Пелыми мотчанья не было. Да как городовой и острожной и всякой лес изготовят, и тебе б, господине, о том в Тоболеск и на Верхотурье и на Япанчин и на Тюмень о служивых людех отписать, на которой их срок на Пелым для городовово и острожново и всяково дела прислать, а из Тобольска на Тюмень, на Япанчин, на Верхотурье к воеводам о том писано; и как ты к ним о служивых людех отпишешь, и им велено служилых людей к тебе для городовово и острожного дела послати тотчас.

На обороте (другим почерком): 130-го марта 29.

ГАФКЭ, портфели Миллера, № 478, II, грам. № 2. Два сстава.— Список XVIII в. в ААН, ф. 21, оп. 4, № 16, лл. 414 об. — 415, № 104.

182. *1622 г. февраля 9.—Грамота в Туринск воеводе Семену Апухтину о даче на один год денежного и хлебного жалованья игумену и братии Покровского туринского монастыря и об устройстве монастырской пашни.*

От царя и великого князя Михаила Федоровича всея Русии в Сибирь, в Туринской острог, воеводе нашему Семену Дмитриевичю Опухтину. Бил нам челом си-

бирской Туринского острогу Покровского монастыря игумен Макарей, а сказал: в прошлом де в 129-м году по нашему указу архиепископ Кипреян велел ему быти в Покровском манастыре, а наше денежное и хлебное жалованье и соли не указано; и нам бы его пожаловати, велети его нашим денежным и хлебным жалованьем поверстать. И в прошлом во 129-м году по нашему указу велено Покровского манастыря игумену Макарью нашего денежного и хлебного жалованья годовые руги дати на один год: 8 рублев, хлеба 8 чети ржи и овса; а вперед тот манастырь велено устроить пашнею. И как к тебе ся наша грамота придет, и ты б Покровского монастыря игумену Макарью на нынешней на 130-й год велел дати нашего денежного и хлебного жалованья, годовые руги денег 8 рублев, хлеба 8 чети ржи и овса; да тое дачю велел в росходные книги и в сметной список написати своею статьею. А вперед его игумена з братьею устроил пашнею в Туринском уезде, где пригоже, чем им мочно сытым быти. А вперед им нашее руги денежново и хлебново жалованья не будет. Писан на Москве лета 7130-го февраля в 9 день.

На обороте: Дьяк Иван Болотников. Справил Ефимко Пукалов.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 5, л. 157, № 143.

183. *1622 г. не ранее июня 3.— Отписка в Москву пелымского воеводы Петра Вельяминова о построении нового Пелымского города и острога вместо сгоревших в июне 1621 г.*

Государю царю и великому князю Михаилу Федоровичу всеа Русии холоп твой Петрушка Вельяминов челом бьет. В прошлом, государь, в 129-м году июня в 8 день на память святого великомученика Федора Стратилата, за умножение грех ради наших, Пелымской город и острог и служилых людей дворы згорели. И я, государь, холоп твой, по твоему государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии указу, твоим государевым пелымским служилым людям, детем боярским и литве и стрельцом и ружником и оброчником велел поставить по прежней городовой стене острог по старому месту, куде город стоял; и пелымские, государь, служивые люди, ружники и оброчники острог поставили, и лес острожной готовили сами собой; а острогу, государь, поставили мерою кругом по стене 115 сажен да в том же остроге по острожным стенам поставлено 3 отвода в башен место, где были городовые башни.[1] И били челом тебе государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии пелымские служилые люди, ружники и оброчники, что им башен поставить не успеть, потому что свои дворишка ставили. Да в острожной же, государь, стене приезжие торговые люди, вымичи и вычегжаня, из вагульсково лесу, поставили башню, и в той башне зделаны проезжие ворота. И в остроге, государь, на старом месте твое государево богомолье воздвигнули храм теплой попрежнему, 2 престола, во имя Рождества Христова и чюдотворец Никола, да съезжая изба на подклете, а подклет, государь, под съезжею избой зделан для вагульских обиходов, да казенная клеть, да хлебный анбар, да на гостине дворе и на вогульском поставлена изба. А лес, государь, на божье милосердие на храм и на съезжюю избу и на анбары и на вагульскую избу готовили твои государевы ясачные люди Пелымского уезда вагуличи, с человека по 10-ти бревен; а о том, государь, лесу, что ясачные люди готовили, писал я холоп твой преж сего к тебе государю с пелымским стрельцом з Заворошкою Вискуновым, что велел я холоп твой пелымским твоим государевым ясачным людем привезти лесу для острожного ставленья. А храм, государь, божье милосердие, по твоему государеву указу, и съезжую избу и казенную клеть и хлебной анбар велел я холоп твой рубить и нутрь делать

---

[1] *Далее в черновике отписки следовало:* башенном ставленье и о большом остроге, что надобно около дворов.

из вагульсково лесу приезжим торговым людем, которые приезжали на Пелым торговать, а иные ехали в то время мимо Пелым в Тоболеск: вычегженя, и вымичи, и пермичи и усольцы; и те, государь, торговые люди храм, и съезжую избу, и казенную клеть и хлебной анбар зделали наготово. А пелымские, государь, служивые люди, дети боярские и литва и стрельцы, дворишка свои на прежних своих местех поставили; а не доставили, государь, дворов своих пелымские служивые люди 10-ть человек против прежнего; и те, государь, служилые люди, ружники и оброчники, живут в своих дворех по прежним своим местом. А острогу, государь, около дворов нет, потому что поставить острогу около дворов было некем; а по мере, государь, надобно острогу около дворов служилых людей 260 сажен. И впредь, государь, мне холопу своему о том остроге что велишь, свой царский указ учини.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 16, лл. 388—389 об., № 89.

184. *1622 г. не ранее июня 4.— Отписка тобольского воеводы Матвея Годунова пелымскому воеводе Петру Вельяминову об отсрочке построения нового Пелымского города и острога до весны 1623 г.*

Господину Петру Микитичю Матвей Годунов челом бьет. В нынешнем во 130-м году июня в 4 день писал ты в Тоболеск: в государеве цареве и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии грамоте писано де к тебе на Пелымь а велено на Пелыме, на старом городище, город и острог поставити попрежнему, а лес на город и на острог велено изготовить и приплавить водою под старое городище Пелымского уезда вогуличам: а для городового ставленья велено прислать на Пелымь из Тобольска и иных сибирских городов 100 человек служилых людей; и ты де по государеву указу в Пелымской уезд к вогуличам посылал, чтоб на городовое дело лес припровадили; и Пелымского уезда ясачные вогуличи ближних волостей лес припровадили, и лес де на Пелыме готов; и ты де о служилых людех по городом, на Тюмень и в Туринской острог и на Верхотурье, к воеводам писал. И ты, господине, пишешь, не справяся, под отпискою прислал пелымских служилых людей челобитную, чтоб ныне города не ставить. А в другой, господине, отписке пишешь, что ты о людех в сибирские городы: на Тюмень, в Туринской острог, на Верхотурье писал, а лес де у тебя на городовую ставку готов. А в розпросе в Тобольску пелымской сын боярской Перфилей Албычев и служилые люди сказывали, что на Пелыми готового лесу нет ни одного бревна. И буде, господине, у тебя на Пелыми готового лесу нет, а из городов служилые [люди] на Пелымь для острожного ставленья не бывали, и тебе б, господине, по челобитью пелымских служилых людей для их бедности и разоренья сего лета города им ставить не велеть. И велел бы им лес на город изготовить. А в ту пору же велеть им ставити свои дворы. А в городы б тебе, господине, писати от себя, чтоб ныне людей для острожного ставленья на Пелымь не посылали, а прислали бы их, аже даст бог, на весну во 131-м году; да о том бы тебе отписать в Тоболеск вскоре.

На обороте (другим почерком): 7130-го июня 3.

ГАФКЭ, портфели Миллера, № 478, II, грам. № 3. Два сстава. Ветхая.—Список XVIII в. в ААН, ф. 21, оп. 4, № 16, лл. 403 об.— 404 об., № 101.

185. *1622 г. после июля 23—августа... — Отписка тобольского воеводы Матвея Годунова томским воеводам князю Ивану Шеховскому и Максиму Радилову о невозможности выслать из Тобольска в Томск служилых людей и о соблюдении предосторожностей против возможных нападений на Томский, Кузнецкий и Мелесский остроги киргизов и иных людей.*

Господам князю Ивану Федоровичу, Максиму Ивановичю Матвей Годунов челом бьет. В нынешнем, господа, во 130-м году писали вы в Тобольск с томским казаком с Гарасимком Онфимовым, что по государеву указу велено послать на государеву службу в Томской город из Тобольска к томским служивым людем в прибавку 200 человек; а как из Тобольска в Томский город на службу придут, и вам велено тобольскими и томскими всякими людьми в Томском сделати новый город, а старый весь развалился; и из Тобольска к вам тобольские служилые люди июля по 23 число не бывали. А в нынешнем во 130-м июля в 13 день писал к вам из Мелеского острошку Бурнаш Никонов, что одноличno киргисские люди, собрався со всеми киргискими и с тубинскими и с мотарскими и с обраевыми и с иных земель со многими людьми, хотят быть под Томской город на ржаной сноп войной, а иные те же люди хотят быть под Мелеской острог на ясачных людей; и из Тобольска к вам однолично служилых людей прислати тотчас, чтоб пришед киргиские и иных земель воинские люди над Томским городом и над острожки какова дурна не учинили, ясачных людей не повоевали. И в прошлом, государи, во 129-м году в государеве грамоте писано к нам в Тоболеск: велено послать ис Тобольска в Томской город служилых людей для обереганья и для приходу к Томскому городу и на волости колмацких и иных окольных земель людей покаместа против вести поминустца 200 человек; а того к нам в государеве грамоте не написано, что тобольским служилым людем велено в Томском городе с томскими служилыми людьми сделати новой город. И в прошлом, господа, во 129-м году под Томской город и под остроги и на ясачные волости воинские люди не бывали. И вам бы, господа, жити в Томском городе от воинских людей с великим береженьем, на городе и на остроге велети караулы караулити беспрестанно и в проезжие станицы томских служивых людей 2-х татар посылати, до коих мест пригож, и Томского уезду в ясачных волостях ясачным людем потому ж велети жити в крепких местех с великим береженьем, чтоб воинские люди, пришед на их волости, их не повоевали и над городом дурна какова не учинили. Да и в Кузнецкой и в Мелеской остроги велети бы вам, господа, от себя отписати, чтоб они потому ж жили с великим береженьем. А самим бы вам с калмацкими и иных орд с людьми задору никакова не чинити. А ис Тобольска, господа, нам служилых людей ныне в Томской город послать некове: все служилые люди по службам, а иные в розсылках, а в Тобольску немногие люди, да и те нужны и голодни. А в Томском, господа, городе служилых людей по вашим именным книгам 329 человек, да в Томском же, господа, городе по скаскам томских служилых людей служилых татар с 300 человек; и теми, господа, людьми Томского города и уезду оберегать и Кузнецкому и Мелескому острогу помогати мочно. А буде под Кузнецкой и под Мелеской остроги чаят приход воинских людей, и вам бы, господа, в Кузнецкой и в Мелеской остроги велеть прибавить людей из Томсково города по сколько человек пригоже.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 17, лл. 101—102 об., № 83.

186. *1622 г. не ранее июля 31 — августа... — Отписка тобольского воеводы боярина Матвея Годунова томским воеводам князю Ивану Шеховскому и Максиму Радилову о нападении киргизов на Абинскую волость и о намерении их итти войною на Кузнецкий острог и Томск.*

Господам князю Ивану Федоровичю, Максиму Ивановичю Матвей Годунов челом бьет. В нынешнем во 130-м году июля в 31 день писал из Кузнецково острогу в Тоболеск воевода Тимофей Бабарыкин, что в нынешнем же де во 130-м году июля в 8 день пришли де в Кузнецкую землю киргиские люди войной и повоевали Абинскую волость; а в те поры был посылан из Кузнецкого острогу для вестей

в Абинскую волость толмачь Васька новокрещен; и киргиские де люди того Ваську взяли и возили с собою 3 дни, и, пограбя его, отпустили и говорили ему Ваське, что оне хотят быть под Кузнецкой острог войною; да ему ж де Ваське сказывали киргиские люди: послал де их Каракула тайша в Томской город, а пришед, в Томской город велел де им говорить, что...ево из Томсково города отпустили к нему, а буде не отпустят, и ему де итти под Томской город войною. И вам бы, господа, жити в Томском городе с великим береженьем. И в томских волостях татаром велеть учинить заказ крепкой, чтоб они потому ж жили в великом береженье в крепостях, и на городе и на остроге ставили сторожи крепкие. И в проезжие б вам, господа, станицы томских служилых людей и татар посылать почасту, до которых мест пригоже, чтоб воинские люди под Томской город безвестно не пришли и дурна которого не учинили. Да что, господа, у вас в Томском городе про воинских людей вестей объявитца, и вам бы, господа, о том велети отписати в Тоболеск. А буде колмацкие люди придут под Кузнецкой острог войною, и вам бы, господа, Кузнецкому острогу помогати, томских служивых людей к ним на прибавку, смотря по вестям, послати, сколько человек пригоже, чтоб Кузнецкому острогу порухи какие не учинилось.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 17, лл. 102 об.—103 об., № 84.

187. *1622 г. сентября 15.—Наказная память пелымским служилым людям подьячему Путилу Степанову с товарищами, посланным для осмотра гарей по р. Елышу.*

Лета 7131-го году сентября в 15 день, по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии указу, память пелымским служивым людем подъячему Путилу Степанову да стрельцу Треньке Захарову да с ними ж ехать пашенному крестьянину Ивашку Неверову. Ехати им вверх по Тавде реке до Елышевых юрт; и приехав им к Елышу, и досметреть пашенново места гарей, сколько сухово места гарей, где мочно пахать, и какова земля и сколь чисто место, и на сколько десятин чистова места будет, и сколь далече от реки от Тавды, и есть ли под тою гарью какие угодья, и сколько крестьян на тое гарь для государевы пашни мочно посадить. И взяти им с собою из Елышевых и из Еболдиных юрт вагулич человек 5—6 или сколько будет пригоже, которые вогуличи тое гарь знают, и смотреть тое гарь с ними с вогуличами вместе, и говорить вогуличам накрепко, чтоб они указали гарь всю сполна, обойти та гарь вся кругом и, досмотря тое землю накрепко, какова земля, и сколь чисто место и много ли пашенного места будет, ехати им на Пелым не мешкая. К сей наказной памяти воевода Петр Никитич Вельяминов печать свою приложил.

ГАФКЭ, портфели Миллера, № 478, II, № 9. Черновик.—Список XVIII в. в ААН, ф. 21, оп. 4, № 16, л. 390, № 91.

188. *1622 г. октября 26.—Отписка тюменских воевод Федора Бобрищева-Пушкина и Михаила Елизарова тобольскому воеводе боярину Матвею Годунову об отправке в Тобольск бухарского посла Чабака Балыкова с товарищами.*

Господину Матвею Михайловичю Федор Пушкин, Михайло Елизаров челом бьют. В нынешнем, господине, во 131-м году октября в 23 день пришел на Тюмень полем из Бухарские земли от царя Имангула посол Чабак Балыков, да с ним кашевар, да с ними ж в короване пришли всяких бухарских торговых людей и с кашевары 19 человек. И мы, господине, велели Бухарские земли посла Чебака Балыкова роспрашивати тюменскому сыну боярскому Семену Поскочину да толмачю Мите Токманаеву, куда он от царя Имангула послан; и посол Чебак Балыков в распросе сказал, что он послан в Тоболеск. И мы, господине, Бухарские земли

посла Чебака Балыкова отпустили в Тоболеск октября в 26 день, а в провожатых с ним послали для береженья тобольского стрельца Федьку Милованова да тюменсково служилого человека Ивашка Семенова.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 8, лл. 80 об.—81, № 66.

189. *1622 г. ноября 2.—Грамота на Верхотурье воеводе Ивану Пушкину о разрешении земельных вкладов в Никольский верхотурский монастырь и о сборе выдельного хлеба со всяких людей кроме служилых.*

От царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии в Сибирь, на Верхотурье, воеводе, нашему Ивану Ивановичу Пушкину. Били нам челом сибирские Верхотурского города Никольского монастыря игумен Аврам да строитель старец Макарий з братьею а сказали: в прошлом де во 129-м году ехал в Сибирь Киприян, архиепископ сибирской и тобольской, и велел им быти у нашего богомолья в монастыре; а то де место скудное, питатися им без нашего жалованья нечем; а которые де наши пашенные крестьяне и служилые люди и ямские охотники хотят складу дать, и верхотурские воеводы тем служилым людем и пашенным крестьянам и ямским охотником тех земель в монастырь давати не велеть; а место де скудное, собою пахать невозможно; а которыми де они половники пашни пахали и у нашего богомолья питалися, и ныне де со всяких людей, и с монастырей и с попов, и с половников с монастырских велено на нас писати пятой сноп; и они де и досталь оскудели и у нашего де богомолья в церкви образов и книг и колоколов нет, а собою им выменить нечем; и нам бы их пожаловати, велети их устроити нашим денежным и хлебным жалованьем, и на монастырское строенье велети дати из нашей казны. И мы Верхотурсково Никольсково монастыря игумена Аврамия да строителя старца Макария з братью пожаловали: которые пахотные крестьяне и служилые люди и ямские охотники по себе и по своих родителей похотят дати на Верхотурье в Никольской монастырь пашенные свои земли, и тем людем запрещати не велели, а велели им те свои земли давати в монастырь повольно. И как к тебе ся грамота придет, а которые будет наши пашенные крестьяне и служилые люди и всякие охотники по себе и по своих родителех похотят дати в Никольской монастырь пашенные свои земли, и ты б тем людем ... давати не запрещал, велел им свои земли давати в монастырь повольно, потому что в Сибири пашни много, а монастыри скудны, а опричь того им строитца нечем. А в нашем жалованье, в руге, им велел отказати, потому что у них пашня есть и половники у них пашут. А с половников с их велел на нас имать выдельный хлеб по прежнему нашему указу, потому что выдельной сноп по нашему указу положен на всяких пахотников, опричь наших служилых людей, да и для того, что в Сибири пашни многие пашут без дачь, а оброку никакого с тех своих пашен не платят, а служилым людем наше хлебное жалованье посылают из русских городов. И впредь бы еси велел выдельной хлеб на нас збирати со всяких людей, опричь наших сибирских служилых людей; а что с кого имянем, с ружников, или с посадских людей, и с пашенных крестьян, и с всяких охотников, и с монастырских половников выдельного хлеба возмешь, и ты б тот выделной хлеб велел писати в книгу подлинно порознь, да о том отписал и выделному хлебу книгу прислал к нам к Москве и велел отдать в Казанском дворце боярину нашему князю Ивану Михайловичу Воротынскому да дьяком нашим Ивану Болотникову, да Федору Апраксину да Афанасью Истомину, чтоб нам про то было ведомо. Писан на Москве лета 7131-го ноября в 2 день.

На обороте: Дьяк Иван Болотников.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 2, лл. 132—133, № 117.

Напеч. в РИБ, II, стб. 397—399, № 129, I.

190. *1622 г. не ранее ноября 5.— Отписка Евстафия (Остафия) Харламова томским воеводам князю Ивану Шеховскому и Максиму Радилову о получении им вестей про киргизов.*

Государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии воеводам князю Ивану Федоровичю, Максиму Ивановичю Осташко Харламов челом бьет. В нынешнем, господа, во 131-м году октября в 15 день был внизу князец Асанбан у Тутала и слышал от промышленных людей от зырян, которые у Тутала лесуют: пошли де служилые люди из Томсково города и чацкие мурзы и томские татаровя и белые колмаки киргиз воевать; и явися, господа, от тех зырян слова по всей земле. Да октября, господа, в 25 день был ясаул Кусточик и Басагарах и слышал, что прислал аринской князец Татауш в Басагары и в Керекусы и в Верхние Мелесцы человека своего и знамя брацкое, по тому подлинно де идут де воевать брацкие люди аринцев и качинцев и басагар и керексусов и мелеских людей, а брацких людей 3000, кроме кыштымов. Да ноября ж, господа, в 5 день писал ко мне из талаевых юрт Дмитрей Приезжей с товарыщи: был де у них басагарской мужик Сусарко и сказывал им: были киргизы в Басагарах и сказывали Сусарку: были де наши киргизы у ечинских мужиков 5 человек и проведывали вестей, куда казаки идут войною и, проведав киргиские мужики у ечинцов подлинно, и што пошли из Томсково города служилые люди и чацкие мурзы и Томские татаровя и белые колмаки киргиз воевать, и у нас де у киргизов собраны тубинцы и маторцы и кыштымы все вместе, и караулы де у нас у киргизов крепкие на все четыре стороны, и подъезды у нас частые. А киргизы, господа, кочуют блиско Белово озера на Сересе. А мелеские, господа, люди киргизов ждут к себе войной с часу на час. А я, господа, служилых людей из острогу разослал к Талаю 10 человек, а вниз в четыре места 12 человек, а сам в остроге не великими людьми живу; а киргизы, господа, в Богасарах беспрестанно живут. Да писано, господа, в нашей росписи, што велено мне посылать в Киргизы и в Буклу по ясак; и вы, господа, о том, как укажете, велите мне в Киргизы посылать.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 17, лл. 104 об.— 105 об., № 86.

191. *1622 г. не ранее ноября 17.— Отписка тюменских воевод Федора Бобрищева-Пушкина и Михаила Елизарова тобольскому воеводе боярину Матвею Годунову о бухарцах, которых будто бы задерживают на Тюмени.*

Господину Матвею Михайловичю Федор Пушкин, Михалко Елизаров челом бьют. В нынешнем, господине, во 131-м году ноября в 17 день писано ис Тобольску на Тюмень, что бил челом государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии Бухарские земли Имангула царя посол Чабак Балыков а сказал: били де челом государю торговые люди бухарцы, которые пришли с ним с Чабаком на Тюмень, чтоб их государь пожаловал, велел отпустить с Тюмени в Тоболеск, и мы бутто торговых людей бухарцев, которые с ним приехали, в Тобольск не отпустили, а на Тюмени их задержали. И торговые, господине, бухарцы, которые пришли на Тюмень с послом с Чебаком Балыковым, в Тоболеск о отпуске государю не били челом, а били челом государю, чтоб их государь пожаловал, велел у них с товаров взяти пошлину и велел бы им торговати на Тюмени. И мы, господине, по их челобитью государеву двадцатую пошлину велели взяти и торговати им на Тюмени велели. А которые, господине, торговые люди бухарцы похотят ехати с достальными своими товары с Тюмени в Тоболеск, и мы их отпустим тотчас.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 8, л. 81 и 81 об. № 67.

192. *1622 г. ноября 20.—Грамота на Тюмень воеводам Федору Пушкину и Михаилу Елизарову о дополнительном отводе архиепископу тобольскому Киприану пашенной земли на реке Нице.*

От царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии в Сибирь, в Тюменской город, воеводам нашим Федору Федоровичю Пушкину да Михаилу Григорьевичю Елизарову. Бил нам челом сибирский архиепископ Киприян а сказывал: в прошлом де во 130-м году бил он нам челом о пашенной земле и о сенных покосах на Ницы реке, где он бобыльков посадил софейских, и мыево архиепискупа Кипреяна пожаловали, велели дати в дом Софеи премудрости божии пашенные земли и сенных покосов, которых он бобыльков посадил мало, и вперед ему иных поселить не к чему; и нам бы его пожаловати, велети в дом Софеи премудрости божии на Ницы реке пашенные земли и сенных покосов прибавить. И как к вам ся наша грамота придет, и вы б послали в Тюменской уезд на Ницу реку ково пригож и велели ему на Ницы реке отвести с порозжих земель в дом Софеи премудрости божии для домового обиходу и строения к прежним ко сту десятинам в прибавку другую 100 десятин пашни да на 400 копен сена; а в котором месте на Ницы реке тое пашню и сенные покосы велите отвести, и вы б о том отписали к нам к Москве, а отписку велели отдати в Казанском дворце бояриву нашему князю Ивану Михайловичю Воротынскому да дияком нашим Ивану Болотникову, да Федору Опраксину да Офонасью Истомину. Писан на Москве лета 7131-го ноября в 20 день.

На обороте: Дьяк Иван Болотников.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 8, л. 77 и 77 об., № 62.

Напеч. в РИБ, II, стб. 388—389, № 127, II.

193. *1622 г. декабря 2.—Грамота на Верхотурье воеводе Ивану Пушкину о даче на один год денежной руги Покровскому верхотурскому монастырю и наделении монастыря пашней и угодьями.*

От царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии в Сибирь, на Верхотурье, воеводе нашему Ивану Ивановичю Пушкину. Била нам челом Верхотурского города Покровского монастыря игуменья Анисья с сестрами: во 129-м году ехал богомолец наш Киприян архиепискуп, и их де собрал в мире, и устроил им церковь Покров пресвятей богородицы, и устроил им наше богомолье монастырь, а монастыря де девичья преж сего не бывало, келью им на том месте поставил, а живет де их в той кельишке 10 сестер, а ис тех де кельишок и ограды де около того места, и колоколов, и книг, и образов нет и купити нечем, для того что волочились они меж двор и жили в мире, а вотчинки и никаких угодей у того нашего богомолья нет; и нам бы их пожаловати, велети то наше богомолье Покровской монастырь устроити, церковь и кельи, и ограду около монастыря, чтоб им в мире не шататца и с мирскими людьми не жити, а пожаловати бы их милостины хлебным и денежным жалованьем и велети бы у Покрова пресвятей богородицы попа и дьячка и пономаря устроити нашим жалованьем, денежною и хлебною [ругою]. И мы Покровского монастыря стариц пожаловали, велели им на нынешней на 131-й год на один дати по 2 рубля старице, а вперед велели устроити им по прежнему нашему указу землею пашнею и рыбными ловлями. И как к тебе ся наша грамота придет, и ты б Покровского монастыря старицам, игуменье Анисье с сестрами, велели дати на нынешней на 131-й год нашего жалованья по 2 рубли старице из верхотурских изо всяких доходов, да тое дачю велели написати в расходные книги и в сметной список своею статьею. А вперед бы еси того Покровского монастыря игуменью Анисью с сестрами устроил

пашнею, рыбными ловлями и угодьями по прежнему нашему указу, чем бы сытым быти. А в котором месте в Верхотурском уезде пашенною землею и рыбными ловлями устроишь, и на сколько четвертей пашенные земли и сенных покосов и рыбных ловель и всяких угодей к Покровскому монастырю отведут, и ты б о том отписал к нам к Москве, а отписку велел отдати в Казанском дворце боярину нашему князю Алексею Михайловичю Воротынскому да диакам нашим Ивану Болотникову, да Федору Опраксину да Афанасью Истомину. Писан на Москве лета 7131-го декабря во 2 день.

На обороте: Дияк Афанасий Истомин.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 2, л. 133 и 133 об., № 118.

Напеч. в РИБ, II, стб. 399—400, № 129, II.

194. *1622—1623 гг.—Отписка тобольского воеводы боярина Матвея Годунова тюменским воеводам Федору Бобрищеву-Пушкину и Михаилу Елизарову об отправке посольства к калмыцкому тайше Талаю.*

Господам Федору Федоровичю, Михаилу Григорьевичю Матвей Годунов челом бьет. Писано, господа, к нам наперед сего против ваших же вестовых отписок с тюменским сыном боярским Семеном Поскочиным, что посылаем ис Тобольска на государеву службу в Колмаки, к Талаю таише, в посольстве тобольских служилых людей, а вам велено выбрать на Тюмени ис тюменских служилых людей 2 человек добрых, которые горазды были татарскому языку, и велено им сказати, чтоб готовы были на государеву службу итти в Колмаки с тобольскими служилыми людьми к Талаю таише, и государево им денежное жалованье на нынешней на 131-й год велено дать ис тюменских доходов полные их оклады. И ныне, господа, посланы ис Тобольска на Тюмень тобольской сын боярской Дмитрей Черкасов да юртовской служилой татарин Келмамет Якшигилдеев, а велено им итти с Тюмени на государеву службу в Колмаки к Талай таише в посольстве. И как Дмитрей Черкасов и Келмамет Якшигилдеев на Тюмень придут, и вам бы, господа, по прежней и по нынешней отписке, выбрав на Тюмени ис тюменских служилых людей 2 человек да ис татар вожа, которой бы знал те урочища, где ныне прикочевал Талай таиша, и дав им государево денежное жалованье на нынешней на 131-й год оклады их сполна, отпустить з Дмитрием Черкасовым да с Келмаметом Екшигилдеевым в Колмаки к Талай таише и к иным таишам тотчас, не мешкая; а што им Талай таише и иным таишам говорити, и тобольскому сыну боярскому Дмитрею Черкасову дана наказная память за государевою тобольскою печатью. Да з Дмитрием же, господа, Черкасовым да с Келмаметем Якшигилдеевым в кашеварех отпущены 2 человека служилых татар Енигейко Адяков да Урмаметко Урусов. А которого числа Дмитрея Черкасова и Келмаметка Якшигилдеева с Тюмени в Колмаки отпустите и кого имяны с ними тюменских служилых людей и вожа пошлете, и вам бы, господа, о том отписать в Тоболеск. А как Дмитрей Черкасов и Келмамет Якшигилдеев с товарыщи ис Колмаков на Тюмень приедут, и вам бы, господа, Дмитрею и Келмаметю дать подводку, отпустить в Тоболеск.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 8, лл. 72 об.—73 об., № 59.

195. *1622—1623 гг.—„Книга сборная ясашной мягкой рухляди" Енисейского острога за 7131-й год.*

7131-го году книга Енисейского острогу зборная ясашной мяхкой рухляди при воеводе при Якове Игнатьевиче Хрипунове.

Генваря в 25 день с Пумпокольские волости с ясашных людей с князьца Урнука с товарыщи с 35 человек государевых поминков 33 соболя да 2 бобра карих, да два соболя поминошных да бобр черной поминошной, да ясашных соболей

9 сороков 22 соболя, да бобр красной, да 2 соболя ясашных да бобрик ярец красной за соболя ясашной взято.

Февраля в 12 день Сымские волости с князьца Колкала Ялыкова с товарыщи с ясашных людей с 22 человек государевых поминков 14 соболей, да 6 бобров карих да 6 соболей поминошных, да 4 соболя ясашных да 2 соболя поминошных взято, да ясашных соболей 5 сороков 9 соболей, да 10 бобров красных за 20 соболей ясашных да 6 ярцов красных за 6 соболей ясашных взято. Да тое ж волости не донято на ясашном человеке на Онпаиске 7 соболей ясачных; 7 соболей ясачных донято. Тое ж волости ясашной человек Беня Теперов до ясаку умер.

С Касу реки с князьца Окдона Кымзина с товарыщи с ясашных с 6 человек государевых поминков 6 соболей да ясашных 6 соболей взято.

Февраля в 20 день с Нацкие волости с князьца Епеи Корбыщына с товарыщи с ясачных людей с 23 человек государевых поминков 21 соболь, да 2 соболя ясашных, да соболь поминошный да ясашных 6 сороков один соболь, да ярец красной за соболя ясашной взято. А донять тое ж волости на ясашном человеке на Атабаке Корбыщыне соболь поминошной да 1 соболей ясашных. Тое ж волости с новика с Ивашка Отвамдетова государевых поминков соболь да 5 соболей ясашных взято.

С Кузнецкие волости с ясашных людей с Белка Тюменкова с товарыщи с 6 человек государевых поминков 6 соболей да ясашных 64 соболя да бобр карой за 2 соболя ясашных взято.

С Макуцкие волости с Весла с товарыщи с 3 человек государевых поминков 3 соболя да ясашных тридцать три соболя взято. С тюлькинского мужика с Тапа 11 соболей ясашных взято.

С волости Кемских вершин с Атынжа Чагаева с 7 человек не с окладных 30 соболей с пупки и с хвосты взято.

С Кипанские волости с князьца Иятика с товарыщи с 9 человек государевых поминков 6 соболей да ясачных 49 соболей взято.

Мая в 10 день с Тюлькинские землицы с князьца Татуша да с Абытая да с пашенных татар с князьца Базрака да Иваги с товарыщи 100 соболей с пупки и с хвосты взято и из того числа 20 соболей без хвостов.

Да с новые землицы Васанские 20 соболей с пупки и с хвосты взято.

Мая в 28 день с князьца Батерека 15 соболей с пупки и с хвосты взято.

Того ж дни с тунгускова князьца Тасея да с Ялыма да с Ыркинея с товарыщи 92 соболя с пупки и с хвосты взято. С тунгуских новых пинцких тунгусов с князьца Таена да с Сыланчея с товарыщи с 13 человек 3 сорока с пупки и с хвосты взято.

Июня в 3 день с верх Тунгуски реки с апленских людей с князьца Улуса да с 2 человек апленских с Кулдула, с Шенеги государева ясаку 28 соболей с пупки и с хвосты взято. Да с тунгусково князьца Иркинея 10 соболей с пупки и с хвосты взято. Да с тунгуских дальних людей с князьца Мунти, да с Алдыги да с Ючины с товарыщи государева ясаку 78 соболей с пупки и с хвосты из 12 шубенок тунгуских собольих взято. Да вновь же с апленских князьцев с князьца Куюпка да с Ачагады с товарыщи государева ясаку 20 соболей с пупки и с хвосты да 2 шубейки собольи, да 11 лоскутов собольих, да 2 подволоки лыжных соболья да боброва взято. Да вновь же с Середние Тунгуские реки с князьца Конделя да с Яндеги с товарищи государева ясаку 21 соболь с пупки и с хвосты да 4 рассомахи взято.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 27, лл. 275 об.—277, № 88.

96. *1623 г. не ранее января 14.— Отписка тюменских воевод Федора Бобрищева-Пушкина и Михаила Елизарова тобольскому воеводе боярину Матвею Годунову о калмыцком тайше Уруслане и его*

требовании ясака с татар Уфимского уезда и сырянцов Верхотурского уезда.

Господину Матвею Михайловичю Федор Пушкин, Михайло Елизаров челом бьют. В нынешнем, господине, во 131-м году генваря в 14 день сказывал нам в роспросе в съезжей избе тюменской служилой татарин Бекмаметька Менков: был де он в Уфинском уезде в Катайской волосте в деревне Мышаке у татарина у Тохлубайка для своего долгу, да он же де был в Верхотурском уезде на Долгом озере у сырянцов у татарина у Каксентка; и Тохлубайко де ему сказывал, что был он на зверовье верх Тоболу реки, на Илет Карагае, и наехал де его калмацкой Уруслан тайша, а с ними калмацких людей 20 человек, и взял де его Тохлубайка Ураслан к себе на стан, а кочуем де мы все тайши здесе по Тоболу реке, и говорил ему Тохлубайку Уруслан тайша: наперед де вы сего давывали ясак нагайцом, а ныне де дадите ясак, а я де к вам пришлю для ясаку послов своих; и Тохлубайко Уруслану тайше говорил, что дают оне государю ясак по вся годы; и Уруслан тайша ему говорил: только де вы не учните мне ясаку давать, и вас де Ишим царевич учнет воевати, а ныне де Ишим кочует на Уфском устье и пошел в уфимские волости старых своих людей табынцов сыскивати; и Тохлубайко Уруслану говорил: я де человек молодой, скажу у себя в волости, хто меня старе; да спрашивал де Тохлубайко Уруслана тайши: для чего он близко Тюмени прикочевал, и Уруслан де ему сказывал: оттеснили их старых кочевьиш Алтыновы люди, и кочуют де Алтыновы люди на Иртыше у соляных озер; и говорили де оне с Урусланом с час времени; и взял у Тохлубайка Уруслан две стрелы да плеть, а Тохлубайку де Уруслан дал свою плеть и его отпустил. А как де, господине, Тохлубайко с зверовья приехал, и к нему съехались Уфинсково уезду Катайские волости татарове и Верхотурсково уезду сырянцы, и Тохлубайко им сказывал Катайские волости всем татаровем и сырянцом, что прошает у них Уруслан тайша ясаку. И мы, господине, Бекмаметка Менкова спрашивали: хотят ли Уфинсково уезду Катайские волости татарове и Верхотурсково уезду сырянцы Уруслану тайше ясак давати; и Бекмаметко нам сказал: Катайские волости татарове и сырянцы калмацкому тайше Уруслану ясак давать не хотят, и с теми де вестями послали оне на Уфу Катайские волости татарина, а сами де они откочевали к Камени.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 8, л. 82 об.—83 об., № 70.
Напеч. в РИБ, II, стб. 445—447, № 138, I.

197. *1623 г. не ранее января 31.— Отписка тобольского воеводы боярина Матвея Годунова туринскому воеводе Семену Апухтину об устранении „беззаконий“ в церковной и общественной жизни в сибирских городах.*

Господину Семену Дмитриевичю Матвей Годунов челом бьет. В нынешнем, господине, во 131-м году генваря в 31 день в государеве цареве и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии грамоте за приписью думного дьяка Ивана Грамотина писано к нам в Тоболеск, что в прошлом в 130-м году писал к великому государю святейшему патриарху Филарету Никитичу Московскому и всея Русии Киприян архиепископ сибирский и тобольский: как де он ехал в Сибирь, и едучи де видел он в сибирских городех на Верхотурье, и на Тюмени и в Тобольску монастыри, где живут старцы и старицы, и в тех де монастырех старцы и старицы живут не по манастырскому чину с женами в одних кельях; и кому де что по вине доведетца учинити и слехка наказанье по правилам святых отец, и за тех де безчинников стоят во всех городех всяких чинов люди, укрываючи свое воровство для того, что до них и до самих великие духовные вины доходили; и многие де служилые люди атаманы казачьи и пятидесятники и казаки, литва и немцы крещеные, и пашенные люди живут не по-крестьянски: крестов на себе не носят, и сред и пят-

ков не почитают, а едят всякую скверну с некрещеными тотары и с остяки и с вагуличи вместе; и которые де ходят в Колмаки в послех человек по 20-ти и по 30-ти русские люди, и те де пьют и едят с ними вместе, и с колмацкими и с тотарскими и с остяцкими и с вагулицкими женами живут беззаконно и детей с ними приживают с некрещеными; да и в городех де, будучи у себя, живут беззаконно с сестрами своими родными и двоюродными и с сватьями и с кумами и с сестрами названными и в самом ближнем сродстве, а иные и с матерьми родными живут беззаконно, и со многими дети прижиты, лет по 10-ти и больше, а иные де и с прямыми женами, прижив детей, на тех же своих детях, как матери их умрут, женятца и дети с ними приживают беззаконным нехристианским обычаем; а попы де черные и белые тем людем молитвы дают и венчают не по закону без знамен во всех городех по воеводским приказам в волю и в неволю; и до кого де какая вина духовная дойдет до служилого человека или до посацкого и до попа и до черница и до черницы и до вдовы и до девки, и за то в тех городех вступаютца воеводы и в наказанье их не дают; и всяких де чинов люди ево архиепископлих десятильников позорят и бьют, и ево архиепискупа укоряют и злословят и всяких злых людей на него научают; и которые на них бьют челом в их насильстве и в растленье, и свободные вольные вдовы и девицы к себе на двор емлют сильно для блудного дела, и крепости на них емлют заочно нарядные, и у мужей и у многих у работных жен отнимают себе на воровство; и мужи, видя над женами своими насильство, покиня жену, отойдет прочь в том же городе ж кому нибуди, и после ево тот, у ково жена его останетца, неделю спустя или две призовет к себе человека холостого и выдаст ее замуж за иного, а прежней ее муж х кому придет в том же городе, и он также возьмет девку или мужню жену или у кого на срок заложит, и хто ее окупит, тот в ней и волен: станет сам с нею живет и за кого хочет, за того и выдаст или продаст; и в тех де безчинных людех воли ему не дадут; и во всех де сибирских городех которые служилые люди поедут к Москве з государевою казною, жену свою венечную и молитвенную заложит рублех в 10-ти и в 20-ти и больше до сроку, и поедучи у ково денги займет, тому и отдаст жену свою своими руками при себе, и покаместа ее не выкупит, и он с нею потаместа живет как есть с своею, а как на срок не выкупит, и тот, у кого заложит, после сроку ее и продаст в том же городе или на иной город; и воеводы де таким безчинником во всех городех наказанья никакого не чинят; а о детях де меж тех людей вражда и шум и бои бывают великие; и челобитье де ему архиепископу бывает частое: бьют челом друг на друга мужи на жен, а жены на мужей, а указов ево никто не слушает; и которым де людем учинит он архиепискуп указ по делу, и виноватые де ему грозят; а которые де сибирские казаки на Москве и по городом едучи подговаривают жонок и девок и дорогой едучи с ними воруют, а подговариваючи им знаменаютца образы, что им понять их за себя и держати их, что протчих жон своих, и навезут их в Тоболеск до 50-ти и больше, и как де в Тобольску, учнут продавать литве и немцом и татаром и в воеводцкие дворы и пашенным крестьяном в работу; и они де, видя свою погибель, которые у них убежат к нему, архиепископу и бьют челом на тех служилых людей в насильстве и в подговоре, и он де архиепископ за их насильство и растленье и за продажу, по делу смотря, каторую жонку или девку велит у ково взять и отпустить на волю и свободу им учинити; и служилые де люди, наровя друг другу, приходят к нему архиепископу с великим шумом и сказывают, что бутто у них есть государева грамота, что им так указано делать, а мы будто сказывали ему архиепископу, что у нас в розряде государева грамота есть, что им так делать велено, и бутто он архиепископ тое грамоты просил у нас посмотрить, и мы де тое грамоты ему не показали; а в которые де городы он архиепископ посылает к государеву богомолью игуменов и попов для церковного строенья и чтоб в тех городех крестьяне без

покаянья и младенцы без крещенья не помирали, и тех де игуменов и попов ни в которых городех не принимают, и что кому жалованья идет хлебного и денег, и воеводы де им не дают, рыясь ему архиепископу; и только де ис Тобольска о том от себя не отпишем, и они де волочась и опять в Тоболеск приедут. Да в Сибири ж де ведомо ему архиепископу учинилось ото всяких людей: которые попы и мирские люди приезжают к Москве и бьют челом государю о церковном строенье и о книгах и о ризах и о колоколех и о фимиане и о ладане и о местных образех и о царских дверях и о всяких церковных строеньях, и те де попы и мирские люди все церковное строенье выманивают, а выманя то все пропивают, а про церкви и про церковное строенье говорят, что бутто все мирское, а государева ничего не сказывают, и затем де церквей описывати не дают, укрываючи свое воровство как к нам государева грамота придет, и нам бы в Тобольску и во всех сибирских городех велети учинити заказ всяким людем накрепко: которые казаки и казачьи жены и всяких чинов люди постригшись живут в своих домех, а иные многие чернцы и черницы и платья с себя посметали и живут на посадех с мирскими людьми попрежнему и всякое дурно делают, и они б так вперед не делали, святых отец заповеди не преступали и беззаконья никоторого не чинили, и черного платья чернцы и черницы платья с себя не сметывали и с мирскими людьми вместе не жили, а жили б в монастырех порозвь, а не вместе чернцы с черницами, и беззаконья никоторого не творили; а по государеву указу велено Киприяну архиепископу тех чернцов и черниц ис тех сибирских городов, в которых манастырей нет, перевести в те сибирские города, в которых манастыри есть, а на прокормленье и на платье тем старцом и старицам велено имати у тех людей, кому которой старец или старица со племяни, и они б служилые и всяких чинов люди тем чернцам и черницам во дворех у себя жити не давали и беззаконья с ними никоторого не делали, а отсылали б их в те сибирские города, в которых сибирских городех есть манастыри, а на прокормленье и на платье тем старцам и старицам давали б племя их по разсужденью или что кому укажет дати архиепискуп, чтоб тем чернцом и черницам в пище и в платье оскуденья никоторого не было и по миру б ходя не позорились; а что писал к государю архиепискуп Киприян: в которых де сибирских городех устроены монастыри, где живут старцы и старицы, и в тех де монастырех живут чернцы с женами в однех кельях, и он де архиепископ тем людем хотел за то наказанье учинити по правилам святых отец, и за тех де безчинников и безчинниц во всех городех стоят всяких чинов люди, и всякое дурно чинят; и нам бы в Тобольску и во всех сибирских городех служилых и всяких чинов людей от такого ото всякого дурна унимали и велети б во всех городех прокликать биричем и не по один день, чтоб служилые и всяких чинов люди с чернцами и с черницами в одних кельях не жили, и руские всякие люди без крестов не ходили, и с некрещеными татары и с остяки и с вагуличи вместе всякие скверности не ели, и с колмацкими и с татарскими и с остяцкими и с вагулицкими женами так же с сестрами своими родными и з двоюродными и с сватьями и кумами и сестрами названными и с матерьми и с сестрами родными и со всеми с теми, которые им во племенстве, не жили и беззаконья никоторого не чинили, и на детях своих не женились, и попы черные и белые таким людем молитв свадебных без архиепискуплих знамен не давали; а хто такое злое безчинье делает, и на тех бы людей извещали, и таких бы врагов и ругателей веры крестьянские не таили, чтоб за то на всех гнева божия не навести; а до кого дойдет какая вина духовная, до служивого человека или до посацкого или до попа и до чернца и до черницы или до вдовы и до девки, и нам бы в те духовные дела не вступатца, а отсылати такие дела и тех людей, хто в таких делех до вины дойдет, к архиепископу. А которые будет служилые и всяких чинов люди учнут ослушатца, в духовных делех к архиепископу ходить не учнут, и нам бы

тем людем за то чинити наказанье, смотря по их винам, хто чего доведетца. А будет которые люди по архиепискуплю духовному суду дойдут до большого наказанья, а пришлет тех людей для поученья к нам, и нам бы тем людем велети учинити наказанье, говоря с архиепископом, чтоб вперед, на то смотря, иным ворам неповадно было воровать и мимо заповеди святых отцы беззаконье чинити. А которые служилые люди, едучи по городам воруют, жонок и девок подговаривают и свозят с собою в сибирские городы, и нам бы о том велети заказати накрепко, чтоб служилые и всяких чинов люди на Москве и по городам жонок и девок и робят не подговаривали и дурна над ними никоторого не делали и в сибирские городы не свозили, и меж себя тех жонок и девок не продавали и не покупали, и насильств им никоторого не делали, а будет они впредь так учнут делати, жонок и девок и робят учнут подговаривать и в Сибирь свозить, и учнут их меж себя продавати и покупати, и им за то их воровство быти от государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии в великом наказанье и в смертной казни, и о том бы нам однолично во всех сибирских городех служилым и всяких чинов людем учинить заказ крепкой, чтоб у них вперед отнюдь такого воровства не было. А в которые в сибирские городы архиепископ Киприян учнет посылати для церковного строенья игуменов и попов, и нам бы тем игуменом и попам у церквей по архиепископлю благословенью быти велети, и десятильников бы архиепископлих во всех сибирских городех и духовных делех слушати велеть же; а сколько во всех сибирских городех в котором городе церквей, и сколько у которые церкви всяких церковных причетников, и что кому государева жалованья руги по окладу порознь, и нам бы то во всех сибирских городех велети переписати, а переписав переписную роспись отдать архиепископу Киприяну для ведома, чтоб ему вперед церкви и у них попы и всякие церковные причетники и церковные строенья были ведомы; а в которые в сибирские городы учнет архиепископ десятильников, и нам бы тем его архиепископлим десятильником в городех быти и слушати их в духовных делех велети, а они б по тому ж государевым людем напрасных продаж и насильства не чинили. И тебе б, господине, на Япанчине учинити заказ крепкой: которые казаки и казачьи жены и всяких чинов люди постригшись живут в своих домех и которые чернцы и черницы платье с себя посметали и живут на посаде с мирскими людьми попрежнему и всякое дурно делают, и они б так вперед не делали, святых отец заповеди не преступали и беззаконья никоторого не чинили, и черного платья чернцы и черницы с себя не сметывали и с мирскими людьми вместе не жили, а жили б в монастыре порознь, а не вместе чернцы с черницами, и беззаконья никоторого не творили, и служилые б и всяких чинов люди тем чернцам и черницам, которые их со племени, во дворех у себя жити не давали и беззаконья с ними никоторого не делали, а на прокормленье и на платье тем старцам и старицам давали б племя их по разсужденью или что кому укажет дати архиепискуп, чтоб тем чернцам и черницам в пище и в платье оскуденья не было никоторого и по миру б ходя не позорились. И буде на Япанчине в монастыре чернцы з женами живут в одних кельях, архиепискуп тем людям велит за то наказанье учинить по правилам святых отец, и тебе бы за тех безчинников и безчинниц япанчинским служилым и всяких чинов людям стояти и всякого дурна чинити не велети и от такого ото всякого дурна унимати. И велети б тебе на Япанчине прокликати биричюм и не по един день, чтоб служилые и всяких чинов люди с черницами и с чернцами в однех кельях не жили, и руские всякие люди без крестов не ходили, и с некрещеными татары и с остяки и с вогуличи вместе всякие скверности не ели, и с колмацкими и с татарскими и с остяцкими и с вагулицкими женами так же и с сестрами своими родными и з двоюродными и сватьями и с кумами и с сестрами названными и с матерьми и с сестрами родными и со всеми с теми, которые в племенстве, не жили и беззаконья никоторого

не чинили, и на детях своих не женились, и попам черным и белым таким людем молитв свадебных без десятильничьих знамен давать не велеть. Да и сам бы еси попом без знамен венчать не приказывал. А кто такое злое беззаконье зделает, и на тех бы извещали, и таких врагов и ругателей веры христианские не таили, чтоб за то на всех гнева божья не навесть. А до кого дойдет какая вина духовная, до служивого человека или до посацкого или до попа и до черница и до черницы или до вдовы и до девки, и тебе бы в те духовные дела не вступатца и на себя того не переимати, а отсылати такие дела и тех людей хто в таких делех до вины дойдет, в Тоболеск к архиепископу или на Япанчине к ево десятильнику. А которые будет служилые и всяких чинов люди учнут ослушатца, в духовных делех к архиепископлю десятильнику ходити не учнут, и тебе б тем людем чинити наказанье, смотря по их винам, хто чего доведетца. А будет которые люди в духовном деле дойдут до большово наказанья, а пришлет тех людей десятильник для поученья к тебе, и тебе б тем людем учинить наказанье, говоря с архиепископлим десятильником, чтоб вперед на то смотря иным ворам неповадно было воровати и мимо заповеди святых отец беззаконье чинити. А которые служилые люди, едучи по городом, воруют жонок и девок, подговаривают и свозят к себе, и ты б о том одноличпо заказати накрепко, чтоб япанчинские служилые и всяких чинов люди на Москве и по городом жонок и девок и робят не подговаривали и дурна над ними никоторого не делали, и в Сибирь не свозили и меж себя тех жонок и девок не продавали и не покупали, и насильства им никоторого не делали. А будет они вперед так учнут делати, жонок и девок и робят учнут подговаривати, и в Сибирь свозити, и учнут их меж себя продавати и покупати, и им за то их воровство быти от государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии в великом наказанье и в смертной казни. И о том тебе одноличпо на Япанчине служилым и всяких чинов людем учинити заказ крепкой, чтоб у них вперед отнюдь такого воровства не было. А как архиепискуп пошлет из Тобольска к тебе на Япанчин для церковного строенья игуменов и попов, и тебе б тем игуменом и попом у церквей по архиепископлю благословенью быти велел и десятильников бы архиепископлих в духовном деле слушать велел же. А сколько на Япанчине церквей, и сколько у которые церкви всяких церковных причетников, и что кому государева жалованья руги по окладу порознь, и тебе б то велети переписати, а переписав переписную роспись прислати в Тобольск к архиепископу для ведома, чтоб ему вперед церкви и у них попы и всякие церковные причетники и церковные строенья были ведомы. И как архиепископ пришлет на Япанчин десятильника своего, и тебе б тому архиепископлю десятильнику на Япанчине быти и слушати ево в духовных делах велети, а он бы по тому ж государевым людем напрасных продаж и насильев не чинил.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 5, лл. 167 об.—175, № 147; № 16, лл. 154—158, № 49, и лл. 390 об.—396 об., № 92.

198. *1623 г. февраля 1.—Отписка архиепископа тобольского Киприана мангазейским воеводам Ивану Пушкину и Федору Уварову о поручении софийскому сыну боярскому Василию Стогову ведать духовные дела в Мангазее и в Мангазейском уезде.*

Царя государя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии воеводам сыновом нашего смирения великим господам Ивану Никитичю, Федору Володимировичю преосвященый Киприян, архиепископ сибирский и тобольский, благословляя и бога моля, челом бьет. По государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии указу и по благословению великого государя святейшего Филарета Никитича, патриарха Московского и всеа Русии, и по нашему благословению послан в Мангазею, на Таз, и на Турухан и в Песиду софейской сын боярской Василей Стогов с наказом. А велено ему на Тазу и на Турухане и в Песиде по нашему указу

ведати и судити во всяких наших духовных делех. А которые наши духовные дела приказаны ему Василью ведати и судити против государевых царевых и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии указов и грамот и против указов же и грамот великого государя святейшего Филарета Никитича, патриарха Московского и всеа Русии, а которые в их государских указех и грамотах написаны судные духовные дела судить, и то написано в сей нашей грамоте имянно: дворян и детей боярских и всяких служилых и жилецких и торговых приезжих людей и игуменов и строителей черных попов и дьяконов и мирских белых попов и дьяконов и кто в клиросе стоит, черицов, черниц, девиц, пападей, поповичев, проскурниц, прощеника, баб, кума, куму, брата и сестр названных, вдовец, задушных человек, монастыреве больниц и хто порты черпеческие свержет, во всех крестьянских людех роспусты, смилное, умычки, пошибание, за статие промежу мужем и женою, о зводе их в племени или в сватовстве поимитца, ведовство, бледня, и зелье, и еретичество, зубояжа, отца и матерь бьет сып или дщи или уречет скверными словы, пралатает отца и матерь, или сестры или дети, или племя тяжутца о задницу, церковная татба, с мертвецы совлачат, гробная татба, кресты посекают или и с крестов трески емлют, в церковь скочит псы или плотски без великие нужи введет, или что неподобное ино церкви здеет, то все, господа, наши духовные дела. И вам бы, господа по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии указу и по грамотам и по указу ж и по грамотам великого государя светейшего Филарета Никитича, патриарха Московского и всеа Русии, в те наши духовныя дела ни в которые не вступатца и у приказного нашего тех наших духовных дел никаких не отнимати, и за воров не стояти, и воров не укрывати. А которые люди учнут приказному нашему в наших духовных делах ставитца сильны и по суд не учнут ходити, и вам бы, господа, на тех ослушников приказному нашему Василью давати государевых приставов и отсылати тех ослушников к приказному нашему. Да и дворец бы, господа, вам пожаловати, дати ему Василью, где стояти. А милость Софеи премудрости божии и великих чудотворцев и всех святых и нашего смирения благословение есть и будет с вами. Писан в Тобольску лета 7131-го февраля в 1 день.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 21, лл. 121—122 об., № 31.

199. *1623 г. февраля 7.—Грамота на Тюмень воеводам князю Михаилу Долгорукову и Юрию Редрикову о принятии мер на случай нападения калмыков и царевича Ишима.*

От царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии в Сибирь, в Тюменской город, воеводам нашим князю Михаилу Борисовичу Долгорукому да Юрью Анфиногеновичу Редрикову. В нынешнем 131-м году генваря в 26 день писали к нам из Сибири ис Тюменского города воеводы Федор Пушкин да Михайло Елизаров, что в нынешнем же во 131-м году декабри в 5 день сказывал им в распросе Тюменского города ясачной татарин Мегеделейко Радчеев: был он зверовье на Середнем Юртяке, о Тюмени в четырех днищах, а с ним тюменские татаровя 3 человека, и его наехали колмацкие люди Талан тайша, а с ним 20 человек, а 30 человек колмацкие люди стоят Талай тайши отдаль, и он де Мегеделейко в колмацких людей стрелял и подстрелил под колмаком лошадь, и его де калмацкие люди взяли и говорили ему, чтоб их нам колмацких людей пожаловати, велети с Тюмени в Колмаки, Урлюку тайше, послати послов. Да он же де Мегелелейко им в распросе сказал: слышал де он в Колмаках от нагайского толмача, что де с Талай тайшею ездят Ишима царевича люди 6 человек, а Ишим де кочюет на Тоболе реке, на Хамакарае, а Хамакарай де от Тюмени в 7 днищах; и держали де его Мегеделейка колмацкие люди у себя немногое время да того ж дни и отпустили, а взяли де у него у Мегеделейко лошадь да платье за то, что он подстрелил под колмаком лошадь,

а ему Мегделейку дали колмацкие люди вместо его лошади жеребенка. Да того же де дни приехали ис поля тюменские служилые люди и тотаровя, которые были посыланы в проезжую станицу к Цареву кочевью и на Уз Первуша серебреник с товарыщи и в распросе им сказывали: переехали де они за Чекулем и на Ике калмацкие сакмы многие, от Тюмени во 6 днищах, а колмацкие де люди они не видели, а после де те по сакмам ездили колмацких людей человек по 20 и по 30. Да декабря де в 9 день приехали из поля русские служилые люди и тотаровя, которые были посыланы в станицу на Ишим реку, Ивашко Савин с товарыщи и в распросе им сказывали: не доехали они Ишима реки за днище и переехали де колмацкие многие сакмы от Тюмени в 7 днищах за Медвежьим озером, а по смете де по сакмам ездили колмацкие люди человек по 30 и по 40. И они де те вести в Тоболеск к боярину нашему и воеводам к Матвею Михайловичю Годунову писали. И как к вам ся наша грамота придет, и вы б жили на Тюмени с великим береженьем, и станицы и подводы посылали частые, до коих мест пригож. А велели про колмацких людей и про Ишима царевича проведывати: и есть ли у Ишима царевича с Талай тайшею и с иными калмацкими тайши ссылки, и над сибирскими городы лихово каково умышленья, и не чаеть ли х которым к сибирским городам и на волости приходу воинских людей. А что каких вестей у вам на Тюмени про колмацких людей и про Ишима царевича вперед объявитца, и вы б о том писали в Тоболеск к боярину нашему и воеводе князю Юрью Яншевичу Сулешову и в иные в сибирские городы к воеводам писали о всяких вестях почасту, чтоб меж бояриша и воевод в сибирских городех всякие вести были ведомы, чтоб колмацкие люди или Ишим царевич, пришед х которым нашим сибирским городам и нашим ясачным волостям, дурна какова не учинили. И однолично б вам про то велеть проведывать подлинно и меж городов про всякие вести чинить ведомо. Писан на Москве лета 7131-го февраля в 7 день.

На обороте: Диак Афонасий Истомин.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 8, лл. 77 об.—79, № 63.

Напеч. в РИБ, II, стб. 458—460, № 138, VIII.

200. *1623 г. не ранее марта 3.—Отписка тюменских воевод Федора Бобрищева-Пушкина и Михаила Елизарова тобольскому воеводе боярину Матвею Годунову о нападении калмыков на башкирские деревни Уфимского уезда, об отношениях между ними и царевичем Ишимом и намерении последнего итти войною на Уфимский уезд.*

Господину Матвею Михайловичу Федор Пушкин, Михайло Елизаров челом бьют. В нынешнем, господине, во 131-м году марта в 3 день писал на Тюмень Григорий Измайлов: в нынешнем во 132-м году генваря... в допросе Уфинсково уезду Кипчацкие волости [деревни] Тамян ясачные башкырцы... Ранманов, Кузейкул Маметев, Кенчегул Бердеев сказали, что в нынешнем де [131-м] году в осень ездили зверовать в свои вотчины тое же Тамьянские волости башкирцы Казебердей, да Кулзегул Кузубайков, Кармышак да Чуюткул Меметев, Апгиппай Кудабердеев, и на тех де башкырцов в их вотчинах приходило колмацких людей человек со 100, к их башкырцов... человек побили насмерть, а Козембердейка Кузубаева взяв повели с собою и на их башкирские волости, и привели де их калмацких людей на их башкирские деревни, на Тамьян да на Кузубаеву, башкирец Козембердейко Кузубаев, и в тех деревнях побили колмацкие люди башкырцов з женами и з детьми человек да в полон взяли жен и детей 25, а он Кузейко Кулметев был у них колмацких людей в полону, и он де Кузейко у них колмацких людей откупился. А в разговоре де он Кузейко колмацким людем говорил, что приходят они колмацкие люди войною на государеву вотчину на Уфинской уезд, а послы их колмаки на

Уфе шертовали государю за таишей... на том, что было на Уфинской уезд и им таишам с колмацкими людьми войною не приходить, и били челом государю их колмацкие послы, чтоб им поволно приходить к Уфинскому городу с конскими базары. И колмацкие де люди говорили с ним Козейком, что послов от таиши их от Бабагиша ко государю не было; и Кузейко де им тех послов сказывал по имени, и колмацкие де люди говорили, что де послов они не знают, а есть де и теперь наших у Байбагиша два башкирца, ходили де к ним для выкупу полоняных, и их де башкирцов не отпустили тайша де ныне затем, что было им... на дороге, а хотят де их башкирцов отпустить на весну з болшими своими послы ко государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всея Русии, а приходил де на Уфинской уезд войною таиша Исенгул. Да генваря ж, господине, в 27 день на Уфе в распросе Каратабынские волости ясашной башкирец Кармыш Игилдик сказал, что слышал де он Кармыш в розговоре от челзоутских башкирцов: взяли де калмацкие люди на Кантармыше, пониже Хама-Карагая, башкирца, а кого именем, и про то он подлинно не ведает; да Тахчинской де волости башкирец Едегер наехал на Хама-Карагая таишу Куралая а с ним колмацких людей человек 40, и таиша де Куралай говорил с ним Едегерем толмачем Даиром: пошто де вы башкырцы в наши вотчины ездите, государи де наши таиши вас башкирцов побивать и грабить и в полон имать не велят, а башкирец де ваш Тахчинской же волости Акшагулов сын убил на зверовье колмацких людей малого, и тот де малой был не боец с ним, и их де колмацкие люди взяли у того башкирца за убитую голову две лошади, да 10 лисиц да две стрелы, которыми он того малого убил, и отвели те лошади, и лисицы и стрелы в колмацкие улусы к отцу того малого. Да Куралай же де таиша сказывал ему Едигерю в разговоре, что пошли де они колмацкие таиши войною на нагайские улусы, а на которые улусы пошли и сколько их, и того де ему подлинно не сказывал; да Куралай же де таиша сказывал ему Едегерю, что Ишим де царевич с ними таиши не в совете и кочует себе кочевьем, и Ишим де царевич с ними такшами говорит, что де мы таиши с Уфинским городом мирны и послов де наших к нам таишам с Уфы отпустили, а его де Ишимов посол с Уфы и по сю пору не отпущен, и хочет де Ишим царевич на Уфинской уезд приходить за того своего посла войною, а мы де таише ему Ишиму ни чем не подмогаем, нас де колмацких людей и самих потесняют войною чагары, а мелкие де таиши стоят от чегар с колмацкими людьми и топере заставою, а болшие де их таиши Байбагиш с товарыщи прикочевали со всеми своими улусы по Тоболу реке меж Тюмени, от Уфы за два днища от Уфинской волости от Ератабыни, где кочевал наперед сего сибирской Кучум царь, а Ишим де царевич кочюет ныне с тестем своим Урлюком таишею с товарыщи вместе.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 8, лл. 83 об.—85 об., № 71.

Напеч. в „Матер. по истории Башкирской АССР", ч. I, стр. 157—159.

201. *1623 г. апреля 6.— Отписка тюменских воевод Федора Бобрищева-Пушкина и Михаила Елизарова уфимскому воеводе Григорию Измайлову о посольстве сына боярского Дмитрия Черкасова с товарищами к калмыцким тайшам и о шерти тайши Зенгулы.*

Господину Григорию Васильевичю Федор Пушкин, Михайло Елизаров челом бьют. В нынешнем, господине, во 131-м году посыланы были к калмацким тайшам к Талай тайше и в Верхней Утек ис Тобольска сын боярской Дмитрей Черкасов да вож Килмаметко Бегишев, да с Тюмени служилые люди Лазарко Васильев, Офонько Табанак да вож Карабашко Ишимов. И апреля во 2 день, приехав они Дмитрей с товарыщи на Тюмень, в распросе нам сказали: на Верхнем де Утеке Талай тайши не наехали, едучи по Тоболу вверх наехали на усть Обыгни реки многие колмацкие

сакмы, и теми колмацкими сакмами ехали три недели, и он Дмитрей с товарыщи наехал колмаков на Обуге реке, на черном лесу, сунгаринцов Зенгулова улуса, Карабуку со товарыщи, 30 человек, и он Дмитрей с товарыщи у Карабуки роспрашивал: где де ныне кочует Талай тайша: и Карабука сказал про Талая тайшу: Талай тайша кочует на Пеньих горах в Казачьей земле, здесь де ево нет, а кочюют де здесь мелкие тайши: Бобуга, да Кузенек, да Каназар, да Кагул, а Кага де кочюет по Тоболу вверх; и он Дмитрей с товарыщи учал говорити, чтоб тебе Карабука государю послужити ж, а нас довести до тайши; и Карабук учал у них прошать найму: только де вы мне наем дадите, и я де вас доведу до тайшей; и он Дмитрей с товарыщи дали Карабуке 5 аршин сукна, и он де тотчас их повел; и он де Дмитрей с товарыщи ехал до колмацких тайшей 10 дней, и наехали тайшей Бобугу, да Кузеняка да и Каназара на Обуге реке вверх; и он Дмитрей с товарыщи учал по наказной памяти говорити тайшам: послали де ево ис Тобольска боярин и воеводы Матвей Михайлович Годунов с товарыщи вам тайшам говорити государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии великое величество и жалованное слово, чтоб вам тайшам быти под государевой царской высокою рукою, а на государеве бы вам земли тайшам не кочевати, и на государевы волости с войною не приходити, и на зверовье зверовщиков не побивати и не грабити, и вам бы тайшам на том государю шерть дати и утвержение по своей вере; и Бобуга, да Кузенек да Каназар тайши ему дали разговорити: мы тайши кочюем по своей земле, а не по государеве, а под государевою де рукою мы не хотим быти, хотим де мы з государевыми людьми воеватца. И Бобуга да Кузенек, да Каназар его Дмитрея с товарыщи, пограбя, хотели убити: вы де едите к нам обманом, хотите де нас воевать. И услышал про них Зенгул тайша, что пришли послы ис Тобольска от боярина и воеводы Матвея Михайловича Годунова с товарыщи, и он де Зенгул тайша приехал к ним, взял их к себе в улус, и оне де учали Зенгулу тайше говорити по боярской и воевоцкой памяти государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии великое величество и жалованное слово, чтоб тебе Зенгулу тайши быть под государевою царскою высокою рукою, и на государевы городы и на волости с войною не приходити, и на зверовьях зверовщиков не побивати и не грабити, и на государеве бы вам земле не кочевати, и на том бы тебе государю шерть дати и великое утвержение по своей вере. И Зенгул тайша те речи их выслушав, и говорил им Зенгул тайша: скажи де ты, Дмитрей с товарыщи, боярину и воеводе: кочевал де я меж Тарсково города и Тобольских уездов, и тюменских де зверовщиков всегда видал, и я де им дурна никоторого не учинил; да коли б де я похотел воевать государевы волости, и я бы де не боясь под город под который подшел, хлеб бы вытоптал, и сена выжег, и деревни б все вывоевал, только бы один город остался, и я де не хочю з государевыми воеватца людьми, под его царскою высокою рукою быти, хочю де, как наши большие тайши с вашими бояры и с воеводами ссылаютца, и я де тако ж хочу быти под государевою царскою высокою рукою, как и те тайши. И Зенгул тайша государю царю и великому князю Михаилу Федоровичу всеа Русии шерть дал, что ему Зенгулу тайше государевы городы с войною не приходити, и на зверовьях зверовшиков не побивати и не грабити, и на государеве земле не ставати. И прислал на Тюмень с ним Дмитрием да с тюменскими служилыми людьми с Лазарком да с Офонькой послов своих дву человек и тех бы де послов с Тюмени отпустили с русскими послами, не задержав. Да в распросе нам, господине, сказали тюменские служилые люди Лазарко Васильев, Офонька Табанак: слышали де они в разговоре у тайши у Зенгула в улусе у полонянки Тарского города Барабинские волости, а имяни ея не упомнит, приказывали де большие тайши Богатыр да Чюгур к мелким тайшам к Улгулу с товарыщи, чтоб с государевыми сибирскими городы не воевались, воюют де ныне с Алтыновыми людьми и с мугальцы и с бухарцы, и с нагайцы, и промеж де собою у тайшей

война есть, и им де от Алтыновых людей и от мугальцов, и от бухарцов и от нагайцов теснота великая, и того для под сибирские городы прикочевали, а русские де городы не уйдут. Да приказывал де с ними с Лазарком да с Офонькою Зенгул тайша, чтоб прислали к ним с Уфы послов. Да в распросе ж, господине, нам сказывал тюменской же служилой юртовской татарин Карабашко Ишимов, который был у тюменских служилых людей: имал де Карабашка Зенгул тайша с товарыщи на зверовье с собою и был де с ним на зверовье месец, а тайшей де на зверовье было семь: Зенгул, Киндян, Бобуга, Исеняк, Кусеняк, Чалым, Каназар с женами и з детьми, бойца с ними было полтретья ста человек, а зверовали де они колмацкие тайши от улусов своих за полтора дни и за два; а слышал де он Коробашко в розговоре у тайшей у Зенгула о товарыщи: откочевали де они тайши старых своих кочевьев под Тюмень потому: с тарскими они воеводами не в миру, воевали они тайши Зенгул с товарыщи на Таре волость Барабинскую и убили де у него Зенгула тарские брата его, и мы б де Зенгула ходя с тюменскими воеводы были мирны, а большие де их тайши Богатыр с товарыщи за то, что они Зенгул с товарыщи тарские волости воевал, теснят и с собою де их кочевать не велят; а Каган де тайша великой, и его де Богатыр тайша ограбил и брата у него убили за те ж тарские волости; а теснят де их всех тайшей Алтына царя люди чагары; а воевали де они Зенгул тайша с товарыщи ныне Уфинской волости, чаяли нагайские люди на яицких вершинах; а которые де у них есть полоненики уфинские, и их де на выкуп не дают, а ни в которые орды не продают; а нарежались де они Зенгул тайша опять на уфинские волости войною: застали их послы Дмитрей с товарыщи, и он тайша Зенгул войною на уфинские волости не пошел, да и вперед де он Зенгул тайша ходить войною не хочет. И тебе б, господине, те вести ведомы. А уфинской стрелец Ивашко отпущен на Уфу апреля в 6 день.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 8, лл. 88 об.—89 об., № 73.
Напеч. в РИБ, II, стб. 447—452, № 138, II.

202. *1623 г. не ранее апреля 8—не позднее мая 8.—Отписка тобольского воеводы Матвея Годунова пелымскому воеводе Ивану Вельяминову о посылке им в города Тюмень, Епанчин и Верхотурье распоряжений о высылке служилых людей для построения пришедшего в ветхость Пелымского острога.*

Господину Ивану Матвеевичю Матвей Годунов челом бьет. В нынешнем во 131-м году апреля в... день писал еси в Тоболеск с пелымским стрельцом с Смиркою Васильевым, что в прошлом во 129-м году в государеве цареве и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии грамоте писано на Пелым к воеводе к Петру Вельяминову, а велено ему поставить на Пелыме, на старом городище, город и острог; да по государеву ж указу велено нам для того городового и острожного строенья прислать на Пелымь из сибирских городов служилых людей 100 человек; и на Пелыме по нынешней по 131-й год город и острог не поставлены; а который острожишко по прежнему городовому месту поставлен, и тот острожишко худ и згнил и обвалялся, и ворот нет; а около города и без острогу на Пелыме быть не мочно. Да в нынешнем же во 131-м году писано из Тобольска на Пелымь к Петру Вельяминову с пелымским стрельцом с Дружинкою Микифоровым, что по государеву указу велено для того городового и острожного ставленья послати на Пелым из сибирских городов к пелымским служивым людем в прибавку 45 человек, и теми служилыми людьми на Пелыме города и острогу поставить некем, да и тех служилых людей из сибирских городов на Пелымь апреля по 8-е число не бывал ни один человек; и мне б о том отписать к тебе на Пелым, о которую пору тем сибирских городов служилым людем на Пелым для городового и острожного поставленья велено быти. И в нынешнем, господине, во 131-м году февраля в 14 день писал из

Тобольска для того городового и острожного ставленья об людех на Тюмень и в Япанчин и на Верхотурье, чтоб прислать с Тюмени 15 человек, с Япанчина 15 человек, с Верхотурья 20 человек, а велел тех людей послати для городового и острожного ставленья на Пелым ныне весною по первой полой воде; да к тем же людем в прибавку сказано в Тобольску тобольским служилым людем 10 человеком. И в Тобольску, господине, ныне в государеве казне денег и хлеба нет, пожаловать их государевым жалованьем нечем. А как приедет в Тоболеск боярин князь Юрье Яншеевич Сюлешов, и о тех людех указ будет обо всем от боярина князь Юрья Яншиевича Сулешева.

ГАФКЭ, портфели Миллера, № 478, II, № 10, Три ставл. — Список XVIII в. в ААН, ф. 21, оп. 4, № 16, лл. 396 об.—397 об., № 93.

203. *1623 г. апреля 20. — Наказная память тюменских воевод Федора Пушкина и Михаила Елизарова голове татарскому Неудаче Молчанову и площадному подъячему Ивану Прокофьеву, посланным отводить в Тобольский архиерейский дом пашенные земли и сенные покосы на реке Нице.*

По государеву царсву и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии указу воеводы Федор Федорович Пушкин, Михайло Григорьевич Елизаров велели голове татарской Неудаче Молчанову да площадному дьяку Ивашку Прокофьеву ехать в Тюменский уезд вверх на усть Ницу реку и взяти ему с собою на землю тутошных окольных попов, и дьяконов и всяких жилецких людей для того: в нынешнем во 131-м году апреля в 9 день писано в государеве цареве и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии грамоте на Тюмень к воеводам к Федору Федоровичю Пушкину, к Михаилу Григорьевичю Елизарову, за приписью дьяка Федора Опраксина, по челобитью государева богомольца Киприяна, архиепископа сибирского и тобольского, велено на усть Нице реке отвести ис порозжих земель межь Епанчина и Тюмени в дом Софеи премудрости божии для домового обиходу и строения на 200 десятин пашни да сенных покосов на 800 копен, и с тем, что государев богомолец Киприян, архиепископ сибирской и тобольский, во 129-м году сам занял от заимища коннова казака Замятенки Исакова, от ручья, что вышал из болота, в степную сторону до Ницынского устья и меж Ницынского устья, у ручья у Туры реки. И ему Неудаче, приехав с окольными людьми на усть Ницы реки, отвести из порозжих земель меж Япанчина и Тюмени в дом Софеи премудрости божии для домового обиходу и строения пашни на 200 десятин да сенных покосов на 800 копен и с тем, что государев богомолец Киприян, архиепископ сибирский и тобольский, во 129-м году сам занял от заимища коннова казака Замятенки Исакова, от ручья, что вышал из болота, в степную сторону до Ницынского устья и меж Ницынского устья, у ручья у Туры реки, и межи учинити и грани потесати, и по тому отдельные подлинные книги привести на Тюмень в съезжую избу за своею рукою. К сей наказной памяти воеводы Федор Федорович Пушкин, Михайло Григорьевичь Елизаров печати свои приложили. Лета 7131-го апреля в 20 день.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 8, лл. 85 об.—86 об., № 72.

204. *1623 г. не ранее мая 6. — Отписка тюменских воевод Федора Бобрищева-Пушкина и Михаила Елизарова тобольскому воеводе князю Юрию Сулешову о послах калмыцкого тайши Зенгула.*

Господину князю Юрью Еншиевичу Федор Пушкин, Михайло Елизаров челом бьют. В нынешнем, господине, во 131-м году маия в 6 день писал ис Тобольска государев боярин Матвей Михайлович Годунов к нам на Тюмень с тобольским конным казаком с Исачком Гавриловым, чтоб нам колмацких Зенгуловых послов к тайше их к Зенгулу велеть отпустити с Тюмени вскоре, не задержав, а русских бы

людей пословать к тайшам их с ними не посылывати, потому что те таиши людишка худые, и чтоб русских людей не переграбили, и велеть бы нам тех колмацких Зенгуловых послов до рубежа проводить до места с кем пригоже, а проводивь тем служилым людем велети воротитца назад на Тюмень. И о том, господине, указу как укажешь.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 8, л. 89, № 74.
Напеч. в РИБ, II, стб. 452, № 138, III.

205. *1623 г. не ранее июня 22.—Отписка тюменских воевод князя Михаила Долгорукова и Юрия Редрикова уфимскому воеводе Григорию Измайлову о войне калмыцкого тайши Каракулы с Алтыном царем и о намерении тайши Зенгулы напасть на Уфимский уезд.*

Господину Григорью Васильевичю Михайло Долгорукой, Юрий Редриков челом бьют. В нынешнем, господине, во 131-м году июня в 21 день прислан из Тобольска бухарской посол бухарского Иманкулия царя Чобак Баликов, а велено ево с Тюмени отпустить в Бухары к Иманкулию царю. И был к тому бухарскому послу на Тюмени приставлен в толмачех конный казак Куземка Толмачев; и июня в 22 день, пришед в съезжую избу, Куземка Толмачев сказывал нам: слышал де он Куземка у бухарсково посла у Чобака Балыкова в розговоре, сказывал де тому Чобаку в Тобольску бухаретин Мухтара, а был тот бухаретин Мухтар ис Тобольска послан в Колмаки, и слышал де тот Мухтар у колмацкого таиши у Чогура в разговоре: ходил де колмацкий таиша Каракул к Алтыну царю войною, а людей с ним ходило 4000, и улус де у Алтына царя повоевал, и полону взял много, и взяв де пошел назад, и Алтын царь послал на переем к тому Каракуле таише 4000 людей, а 3000 з заде, и у таиши де Каракулы людей всех побил, только де таиша Каракула ушел с сыном, и наши де колмаки все кочюют по Камышлову, от Тюмени в 10 днищах, а Зенгула де таиши не ведают, куды отшел, и хотел де он Зенгул итти войною на уфинские волости. И тебе б, господине, те вести были ведомы. А у тебя, господине, что объявитца, и тебе бы нас без вестей не держать.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 8, л. 90, № 75,
Напеч. в РИБ, II, стб. 452—453, № 138, IV.

206. *1623 г. не ранее июня 28.—Отписка тюменских воевод князя Михаила Долгорукова и Юрия Редрикова тобольскому воеводе князю Юрию Сулешову о намерении калмыцких тайшей воевать Тюмень и о недостатке служилых людей в городе.*

Господину князю Юрью Еншиевичу Михайло Долгорукой, Юрье Редриков челом бьют. В нынешнем, господине, во 131-м году июня в 28 день пришли на Тюмень ис Калмаков казанские торговые татарове Уразбохта Уразлиев, Емамлико Евушев и в распросе нам сказали: были де они в Колмаках для торгу у колмацкого таиши Зенгула и слышали де они от таишей колмацких в разговоре: только де в Тюменя воеводы послов русских не пришлют, и они де колмацкие люди хотят прити под Тюмень войною в сноп, Тюмень де от иных городов удалела, а люди де на Тюмени живут в уезде от города в одале, покаместа де русские люди збираютца, и мы де хлеб потопчем и деревни позжем; а ныне де таиши колмацкие: Богатырь, Козеняк, Зенгул, Бабуга, Байка, Ишим царевич кочюют на Ишиме, а тех таишей по Ишиму выше колмацкие ж таиши Урлык, Чокур, збираютца они все таиши к Комышлову, промеж Иртышем и Ишимом, тут де у них скот и живот; а наряжаютца оне все таиши войною на мугальских людей, а жон своих и детей и скот и живот оставливают на Камышлове. А на Тюмени, господине, служивых людей мало: во многих розсылках. А тебе бы, господине, о том было ведомо.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 8, л. 90 об., № 76.
Напеч. в РИБ, II, стб. 453—454, № 138, V.

207. *1623 г. не ранее июля...—Отписка в Москву пелымского воеводы Ивана Вельяминова о построении нового Пелымского города и острога и о недостатке в Пелыме служилых людей, „наряда", зелья и свинца.*

Государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии холоп твой Ивашко Вельяминов челом бьет. Нынешнего, государь, 131-го году по твоей государеве цареве и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии указной грамоте, какова прислана на Пелымь в прошлом во 129-м году к воеводе Петру Вельяминову в Пелымский город, я холоп твой около посаду острог поставил совсем наготово; и город, государь, Пелымский и острог поставлен больше прежнего, потому что стоял прежней город на мокром месте, и я, холоп твой, городовую стену воздвигнул на сухое место. А служилых, государь, людей на Пелыме мало, Пелымсково города и острога держати некем, только, государь, на Пелыме служилых людей, ружников и оброчников 90 человек, и те, государь, живут в рассылке: с твоею государевою ясачною соболиною казною к тебе государю к Москве, и по волостям для твоего государева ясаку, и за твоею государевою пашнею в приставстве и для твоих государевых дел по городам. А вогулич, государь, в Пелымском уезде в Большой и в Меньшой Конде и в Леушской волости и в пелымских окологородных волостех и в Табаринской волости по имяном, опричь захребетников, 590 человек. А преж того, государь, было на Пелыме твоих государевых служилых людей...[1] человек...[1] литвы сосланы на Тару во 106-м году...[1] человек казаков Тимиревы станицы сосланы в Сургут во 103-м году, 20 человек колмогорцев отпущены на Колмогоры в том же во 103-м году, 50 человек пелымских стрельцов, и те, государь, на Пелыми 50 человек ратных людей вятчан отпущены, государь, с Пелыми на Вятку во 102-м году, 40 человек з женами и з детми углечан отпущены, государь, с Пелыми на Углечь во 113-м году при Ростриге, 9 человек москвич з женами и з детьми, и те, государь, отпущены с Пелыми к Москве в том же во 113-м году да 20 человек пашенных крестьян, пермских веденцов, з женами и з детьми, и те, государь, пашенные крестьяне с Пелыми переведены на Епанчин. А которые, государь, пелымские, сведены с Пелыми в Табаринскую волость, от Пелыми за 4 днища езду; и всего, государь, было на Пелыме служилых людей и жилецких и пашенных крестьян 325 человек. А ратные люди, которые были присланы для городового и острожново дела ко мне холопу твоему на Пелымь с Тюмени и с Епанчина, и как, государь, я холоп твой Пелымский город и острог поставил совсем наготово, и тех ратных людей отпустил на Тюмень и на Епанчин июля в 1-й день. И наряду, государь, на городе и на остроге нет; и который, государь, прежний наряд был на Пелыме, и тот, государь, наряд погорел, и зелья, государь, и свинцу на Пелыме в твоей государеве казне мало. И как, государь, Пелымский город горел, и в те поры, государь, и то зелье залили вогуличи водою, и ныне тем зельем стрелять нельзя. И я холоп твой по твоему государеву наказу писал в Тоболеск июня в 6 день к боярину и из Тоболеска боярин князь Юрий Еншевич Сулешев наряду и зелья и свинцу на Пелым июля по [1] ден не присылывал.

ГАФКЭ, портфели Миллера, № 478, II, № 11. Черновик XVII в. Два сстава. Список XVIII в. в ААН, ф. 21, оп. 4, № 16, лл. 397 об.—398 об., № 94.

---

[1] *Пропуск в рукописи.*

208. *1623 г. октября 30.—Грамота на Тюмень воеводам князю Михаилу Долгорукову и Юрию Редрикову о запрещении пропускать к Москве послов калмыцких тайш и Алтына царя и о сношениях с ними.*

От царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии в Тюмень воеводам нашим князю Михаилу Борисовичю Долгорукому да Юрью Анфиногеновичу Редрикову. В нынешнем во 132-м году октября в 8 день писал к нам с Уфы воевода Семен Коробьин с уфинским жильцом с Васильем Волковым, что в прошлом во 131-м году августа в 1 день приехали к нему на Уфу ис колмацких улусов уфинцы Василей Волков да толмачь Федька Дербыш Алеев, а с ними колмацкого Мангита таиши послы Егултай Мезинбаев, да Каракай Кадеров, да Байбол Дабамбов, и он колмацких послов, роспрося, отпустил к нам к Москве. И ныне писано от нас к воеводе к Семену Коробьину, а велено ему с колмацкими таишами ссылатися, смотря по тамошней мере, будет с ними без сылки быть нельзя; а как колмацких таишей или Алтыновы послы придут к нему на Уфу, и ему велено о их приездах и о делех, о чем оне к нему приедут, роспрашивая отпускать назад, а к нам к Москве с Уфы и из сибирских городов колмацких и Алтына царя послов отпускать есмя не велели. И как к вам ся наша грамота придет, а к вам будет в Тюмень ис которых колмацких улусов или Алтыновы послы учнут приходити, и вы б им велели быти у себя за городом, где пригоже, в шатре или где на дворе за городом, а не в городе. А в те поры было б у вас людно и стройно и бережно во всем, а не оплошно ни в чем. И о делех бы есте с ними говорили и выпрашивали их пословю, а не жестоким обычаем. А только которые колмацкие или Алтыновы послы учнут проситися к нам к Москве, и вы б им говорили, что у вас об них нашего указу нет, чтоб к Москве отпускать, и вы об них к нашему царскому величеству отпишите, а они б схали к себе, а в Тюмени им нашего указу ждать долго, потому что до нашего государства, до Москвы, путь дальней и проезд нужной. А к Москве б есте колмацких и Алтыновых послов не отпускали, а отказывали б есте им об отпуску к нам к Москве для тово, что колмаки люди многие и воинские, и они б к Москве пути не узнали, чтоб не учали также приходить на наши украины излывом, что нагайские люди, а прибыли в них нет никоторый, и ссылке быть с ними не о чем, люди не ученые, безграмотные, к ним грамот посылать не для чего, прочитать не знают и сами писать не умеют. А будет учнут приежать к вам к Тюмени з базаром и вы б с ними торговать велели и лошади покупать, а им бы есте самопалов и сабель и рогатин и копей и топоров и ножей и сайдаков и стрел и иново никаково ружья и железа продавать не велели. А будет учнут к вам таиши присылать с послы своими поминки, и вы б у послов их поминки принимали, для того чтоб их тем от нашие милости не отогнать, а к таишам против того посылали б есте наше жалованье, сукна или однорядки, что пригож, смотря по их поминкам, чтоб их присылки стоило, для того чтоб их от нашего царского жалованья не отогнать. А будет которой таиша пришлет вам в подарках лошади или две, и вы б то у них имали, а к ним против того посылали от себя подарки столько ж, сколько от них привезут, чтоб им не скорбно было; а даром бы есте поминков у них не имали и насильства и в торгех неволи никакие не чинили. А к Москве б есте колмацких и Алтыновых послов однолично не пускали, а отговаривали, что у вас о том нашего указу нет, а без указу пропустить не смеете, а путь к Москве дальней и проезд нужной. И в Тюмени б есте жили с великим береженьем и в город колмацких людей и никаких иноземцов пускать не велели. А как приедут з базаром, и в те поры б у вас в городе однолично во всем было бережно, и крепостей им осматривати отнюдь не давали и долго их в Тюмени не держали. А от которых таишей в Тюмень и в котором году послы будут и о каком деле и хто имяны, и с чем их отпустите, и что от них каких вестей будет, и с кем у них

будет война, и вы б о том к нам писали, а отписки велели б есте отдавать в Казанском дворце боярину нашему князю Ивану Михайловичю Воротынскому, да дьякам нашим Ивану Болотникову да Федору Опраксину. А в Посольском приказе ведать есмя их не велели, потому что с ними ссылке посольской быть нельзе, грамоте не умеют и ссылатца с ними не о чем. Писан на Москве лета 7132-го октября 30 дня.

На обороте: Дьяк Сава Романчюков.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 8, лл. 91—93, № 78.

Напеч. в РИБ, II, стб. 460—463, № 138, IX.

209. *1623 г. ноября 10.—Грамота на Тюмень воеводам князю Михаилу Долгорукову и Юрию Редрикову о поверстании на выбылые места тюменских служилых людей, их внучат, детей и племянников.*

От царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии в Сибирь, в Тюменской город, воеводам нашим князю Михаилу Борисовичу Долгорукому да Юрью Анфиногеновичу Редрикову. В нынешнем во 132-м году октября в 19 день писали есте к нам, что били нам челом сибирские Тюменского города наших служилых людей казачьи и стрелецкие внучата, и дети, и племянники, чтоб мы их пожаловали, велели их в нашу службу поверстать на выбылые казачьи и стрелецкие и в убылых черкас место, которые черкасы нам изменили в прошлом во 129-м году в соляном походе, бежали в Болмаки. И мы их тюменских наших служилых людей, казачьих и стрелецких, внучат, и детей, и племянников пожаловали, велели их в нашу службу поверстать на выбылые казачьи и стрелецкие и в черкас место, которые нам изменили. И как к вам ся наша грамота придет, и вы б Тюменского города наших служилых людей, казачьих и стрелецких внучат, и детей, и племянников велели их в нашу службу в конные и в пешие казаки и стрельцы поверстать на выбылые места в мелкие статьи, которые в нашу службу пригодятца. Писан на Москве лета 7132-го ноября в 10 день.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 8, л. 93 и 93 об., № 79.

Напеч. в РИБ, II, стб. 480—481, № 140, I.

210. *1623 г. декабря 11.—Наказная память енисейского воеводы Якова Хрипунова служилым людям Ждану Козлову с товарищами, отправленным в Братскую землю.*

Лета 7132-го декабря 11 дня, по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии указу, память Енисейского острогу служилым людем Ждану Козлову, Васялью Лодыгину, Онаньке Иванову. Итить им из Енисейского острогу в Брацкую землю. И пришед им в Брацкую землю, и собрати из князцев и лутчих людей и, собрав, говорити им, чтоб оне князьцы и лутчие люди со всеми своими людьми великому государю царю и великому князю Михаилу Федоровичу всеа Русии служили и прямили, и ясак бы с себя великому государю платили, и были б под ево царскою высокою рукою, и в Енисейской б острог ко государевой милости ездили бесстрашно. А того у них Ждану с товарыщи накрепко смотрети и всякими мерами проведывати: какие они люди: сидячие или кочевые, и кто в тех землицах князьцев имяны или владетели, и какие у них крепости и бои, и буде сидячие и бои, и сколько у них воинских людей на конь садитца, или не воинские люди, и какими промыслы промышляют, и какими товары торгуют, соболи у них добрые или иной какой зверь есть ли, и чаеть ли от них великому государю прибыли. А буде братцкие люди пришли на Кан реку, и о том Ждану с товарыщи братцких князьцев и лутчих людей распрашивати и самим всякими мерами проведывати, для чего они пришли из своей земли жить на Кан реку, или из которых землиц людей пришли

войною, или хотят быти к Енисейскому острогу ко государской милости с ясаком или войною. А того Ждану с товарыщи смотреть в них накрепко, много ли их пришло на Кан реку и какие у них крепости и бои, и для чего пришли, и куды и откуды идут, и крепко ли оне стоят, остроги у них или иные какие крепости есть ли, и у какова места стоят, у крепкого ли или на степе, и что у них какого скота есть ли. И буде братцкие князьцы и лутчие люди в распросе скажут, что им итить к Енисейскому острогу с ясаком, и Ждану с товарыщи братцких князьцев и лутчих людей в Енисейской острог ко государской милости призывати всякими мерами, чтоб оне князьцы и лутчие люди ехали в Енисейской острог ко государевой милости бесстрашно, а в Енисейском остроге, по государеву указу их распрося, и сказав государское жалованное слово и дав им царское жалованье, отпустят их тотчас в свою землицу. А одноличио Ждану с товарыщи государю послужити, братцких людей в Енисейской острог ко государевой милости призывати и во всем государю прибыли искати. А буде Ждан с товарыщи, пришед в Братцкую землю, и не учнут у братцких князьцев и лутчих людей призывати под царскую высокую руку или не учнут про Братцкую землицу накрепко про всякия меры и про крепости проведывати, или государю не учнут прибыли ни в чем искати, и после про то сыщется, и Ждану, и Василью и Онанье от государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии быти в великой опале и в торговой казне. В сей памяти воевода Яков Игнатьевич Хрипунов печать свою приложил.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 22, стр. 18—19, № 15.
Напеч. в СГГД, III, стр. 268—269, № 66.

211. *1623—1624 гг. — Отписка тобольского воеводы князя Юрия Сулешова туринскому воеводе Семену Апухтину о „приборе“ 50 человек гулящих в пашенные деловые люди на Чубарово городище на р. Нице.*

Господину Семену Дмитриевичю Юрье Сулешов челом бьет. По государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии указу велено в сибирских пашенных городех называти гулящих людей в пашенные деловые люди. И тебе бы, господине, в Туринском остроге велети кликать бирючю не по один день и называть из гулящих людей на государеву пашню на Ницу, на Чюбарово городище, в делавые в пашенные люди; а сказывать им государева жалованья на платье и на всякой дворовой завод по 5 рублев денег человеку да по 2 лошади, по корове, по 2 овцы, по 10 куриц, по свинье да месячины на месяц по полу осьмине ржи, по полу осьмине овса человеку; да им же присевать на себя по чети ржи, по две чети овса готовыми государевыми семяны; да на государя им пахать пашни по 2 десятины ржи, по 2 десятины яри на человека; да на те ж на 2 лошади, на которых пахать государева пашня, и на свою животину, на коровы и на овцы, косить сена, как им в зиму до травы прокормитца мочно; да себе им поставити дворы, а на дворе всякому человеку поставить по избе да по клети; да двор огородить. Да сколько человек в Туринском остроге в делавые в пашенные люди из гулящих людей назовутца, и тебе бы, господине, тех людей велети писать на список и велети им жить в Туринском остроге до указу. Да о том бы тебе отписать в Тоболеск. И тем делавым людем государево жалованье, на платье и на всякой завод, на лошед и на животину денги пришлют. А одноличпо тебе тем государю послужить, делавых людей назвать 50 человек.

ААН, ф. 21, оп. 4 № 5, л. 175 и 175 об., № 150.

212. *1623—1624 гг. — Отписка кузнецкого воеводы Евдокима Баскакова томским воеводам князю Афанасию Гагарину и Семену Дивову*

о присылке в Кузнецкий острог служилых людей для похода против кузнецких людей и калмыков.

Господам князю Афанасью Федоровичю, Семену Васильевичю Авдоким Иванов Баскаков челом бьет. В прошлом, господа, в 131-му году... и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии указу велено мне орицких калмацких людей приводить под царскую высокую руку к шерти, а от калмацких ясачных государевых людей оберегать. Да в нынешнем же, господа, во 132-м году многие кузнецкие люди не в послушанье, а государю на нынешней 132-й год ясаку не дали, а збираютца в скоп, а хотят з государевыми людми битца; а которые государевы ясачные люди в послушанье и ясак государю дают, и тем ясачным людем от колмацких людей истеснение великое, и обиды их женам и детям, мучат и в полон емлют, а иных секут, а с достальных людей ясак...[1] и железом делалым и всякою мягкою [рухлядью]... И в нынешнем, господа, во 132-м году кузнецких ясачных людей от тех колмацких людей оборонять некем, служилых государевых людей в Кузнецком остроге мало. И вам бы, господа, по государеву указу и по боярской отписки, которым указано в Кузнецком остроге на государеве службе быть, прислать вам, господа, тех людей вскоре. Да вам же, господа, прислать в прибавку х тем же служивым людей, с кем мочно в Кузнецком остроге над колмыцкими людьми промышлять, чтоб государевым служилым людем от калмацких и от кузнецких людей порухи не учинилось. И яз, призывая бога в помощь, по государеву указу хочю промышлять над теми государевыми ослушниками [над кузнецкими] и над калмацкими [людьми, сколько] милосердый бог помощи подаст.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 17, лл. 107—108, № 89.

213. *1624 г. не ранее января 2.— Отписка тобольского воеводы князя Юрия Сулешова туринскому воеводе Семену Апухтину о невмешательстве в духовные дела и об исполнении постановлений духовных властей по этим делам.*

Господину Семену Дмитреевичю Юрье Сулешов челом бьет. В нынешнем во 132-м году генваря в 2 день в государсве цареве и великого князя Михаила Федоровича всея Русии грамота писано в Тоболеск: что писал к государю Киприян, архиепископ сибирской и тобольской; посылает де он в сибирские городы детей боярских и десятильников по тех людей, до которых в духовных делех дело дойдет, и в городех воеводы в те духовные дела вступаютца, и за многих людей стоят неправдою и к нему не присылают, и детем боярским и десятильником тех людей не отдают; и как к нам в Тоболеск государева грамота придет, и нам велено отписать от себя во все сибирские городы к воеводам: о которых духовных делех учнет к ним архиепискуп писати, и они б те дела делали по архиепископлим отпискам, о чем к ним архиепискуп учнет писать, а сами б они мимо архиепискупа ни в какие духовные дела не вступались, потому что дела духовные не мирской суд. И о которых духовных делех учнет к тебе в Туринской острог архиепискуп Киприян сибирский и тобольской писати, и тебе б, господине, те дела делати по архиепископлим отпискам, о чем к тебе архиепискуп учнет писати, а самому б тебе мимо архиепискупа ни в какие духовные дела не вступатца.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 5, лл. 175 об.—176, № 151.

214. *1624 г. января 22.— Грамота на Тюмень воеводам князю Михаилу Долгорукову и Юрию Редрикову о дополнительном отводе сибирскому архиепископу Киприану пашенной земли по реке Нице.*

От царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии в Сибирь, в Тюменской город, воеводам нашим князю Михаилу Борисовичю Долгорукову да Юрью

[1] *Пропуск в рукописи.*

Онфиногеновичю Редрикову. Бил нам челом сибирский архиепискуп Киприян, а сказал: в прошлом де во 130-м году и во 131-м году дано ему нашего жалованья в дом Софеи премудрости божии в Тюменском уезде на Ниице реке 200 десятин пашни в одном поле; и нам бы его пожаловати, велети ему к тем двусот десятинам пашни два поля отвести. И как к вам ся наша грамота придет, и вы б послали в Тюменской уезд на Ницу реку ково пригоже и велели ему отвести сибирскому архиепископу Кипреяну по Ниице реке в двух полях по двесте десятин пашни, к старой пашне в прибавку, что ему дано во 130-м году и во 131-м году 200 десятин пашни в одном поле. Да в котором месте сибирскому архиепискупу Кипреяну пашни отведете, и вы б о том отписали к нам к Москве, а отписку велели отдать в Казанском дворце боярину нашему князю Ивану Михайловичю Воротынскому да дьяку нашему Ивану Болотникову. Писан на Москве лета 7132-го генваря в 22 день.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 8, лл. 93 об. — 94, № 80.

215. *1624 г. не ранее февраля 21. — Отписка Семена Щепеткина из Чатского городка томским воеводам князю Афанасию Гагарину и Семену Дивову о состоянии городка и ожидании прихода черных калмыков.*

Государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии воеводам князю Афанасью Федоровичю, Семену Васильевичю Семейка Щепеткин челом бьет. В нынешнем, государь, во 132-м году февраля в 14 день послан я холоп твой с служилыми людьми в Чатцкой городок для береженья. И Чацкой, государь, городок зделан новой и крепок, и рвы выкопаны, и караулы у них крепкие и день и ночь. А про воинских людей вново вести не бывало. А чатцкие мурзы людей к себе ждут воинских с часу на час. Да февраля в 21 день отпущены из Чат в Белые Калмыки трех человек подлинных вестей проведывать, где кочюют Каракула или иные черные колмаки. И как, государь, из Калмыков мужики приидут, и я, государь, тех людей с прямыми вести пошлю к вам в Томской город.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 17, лл. 106 об. — 107, № 88.

216. *1624 г. не ранее марта 21. — Отписка тобольского воеводы князя Юрия Сулешова туринскому воеводе Семену Апухтину о посылке денег для раздачи подмоги новоприборным пашенным крестьянам и об устройстве слободы на Чубаровом городище.*

Господину Семену Дмитреевичю Юрье Сулешов челом бьет. В нынешнем во 132-м году марта в 21 день писал ты, господине, в Тоболеск, что в прошлом в 130-м году августа в 2 день писано из Тобольска в Туринской острог с туринским толмачем с Беляйком Ивановым и прислано с ним в Туринской острог новым пашенным крестьяном на завод денег 100 рублев, которые похотят вновь сесть на государеву пашню, а государева им денежного жалованья велено давати на десятину по 12 рублев, и та 100 рублев новым пашенным крестьяном вся в расход вышла; а иные приходя бьют челом государю царю и великому князю Михаилу Федоровичу всеа Русии гулящие охочие люди в Туринском вновь в пашенные крестьяне и прошают государева жалованья, подмоги, а дати им в Туринском нечево; и тебе б прислать пашенным новым крестьяном на подмогу денег из Тобольска. А того ты, господине, в своей отписке ко мне не писал: сколько в Туринском остроге вновь за государя в пашню крестьян назвал и по кольку рублев давал на десятину государева жалованья подмоги, и где тем новым крестьяном на государя пашня пахати. И ныне, господине, послано к тебе в Туринской острог новым пашенным крестьяном на подмогу 250 рублев денег Туринсково острогу с стрель-

цом с Ывашком Ивановым да и с вяцкими целовальники с Михаилком Бабинцовым да с Михалком же Жгравлевым, а за отчетом туринского стрельца Ивашка Иванова одново. И как, господине, туринской стрелец Ивашко Иванов и вяцкие целовальники Михалко Бабинцов да Михалко Жаравлев те государевы деньги в Туринской привезут, и тебе б у них те деньги велети взять в государеву казну на отчет у стрельца Ивашка Иванова; а целовальников бы тебе, господине, Михалка Бабинцова да Михалка Жаравлева велети отпустить ис Туринского на Верхотурье, не задержав ни часу. И велети те государевы деньги держати в Туринском в государеве казне новым пашенным крестьяном на подмогу. А по рассмотру письмянова головы Микиты Беглецова есть под пашню угожее место по реке Нице урочище Чюбарово да Балтус, земля де добра и место угоже, и хоромново лесу и сенных покосов и рыбных ловель много, а от Епанчина де то место верстах в пятидесят. И тебе б, господине, в Туринском велеть называти за государя пашенных крестьян на Чубарово городище охочих людей; а подмоги им давать на десятину по 12-ти рублев денег да на семена по 2 четверти ржи, по 2 четверти овса, по четверти яри. Да которые охочие люди за государя в пашенные крестьяне приберутца, и тебе б им дати из государевы казны подмоги денги и хлеб по сей отписке, а дав подмогу, взять по них круговую поруку з записью, что им быти за государем в пашенных крестьянех на Чюбарове городище, и дворы себе строить и пашни роспахать, и на государя пашня пахати, а никуды з государевы пашни не збежати. А взяв по них порука, послать туринсково сына боярсково, ково пригоже, на Ницу на Чюбарово городище да с ним новоприборных пашенных крестьян, и наказную ему память от себя дати. А велети ему с теми крестьяны, приехав на Ницу, на урочище на Чюбарово, рассмотреть усады, где пригоже устроити церковь, и около церкви кладбище и слободу, крестьяном под дворы и под огороды и под гуменники и животине на выпуск, чтоб вода и лес был блиско, где б устроити государевы пашни 50 десятин в поле, а в дву потому же. И велел бы тем крестьяном селитца, и роздал бы им под дворы и под огороды и под гуменники места, и велел бы лес ронити, и хоромы рубити и ставити всем крестьяном; а под пашню им земли дал против государевы пашни, хто на сколько государевы подмоги возьмет. И велел бы крестьяном пахати на государя паренину под рожь ко 133-му году, а ярового бы хлеба им в нынешнем во 132-м году на государя сеяти не велел. А сколько человек охочих людей за государя на пашню призовешь, и по чему им на десятину государева жалованья подмоги, денег и хлеба, дашь, и которого числа и с кем именем с сыном боярским отпустишь их на Чюбарово городище, и тебе б, господине, о том о всем отписать ко мне в Тоболеск. А одноличне б, господине, тебе ко государю свою службу и раденье показати, на новое место на Чюбарово городище крестьян назвати на те деньги, которые посланы к тебе из Тобольска, и слободу устроить, и пашню завесть. А тому сыну боярскому, кого пошлешь с теми крестьяны, велети там жить и их строить. А приказати ему накрепко, чтоб он крестьяном продажи не чинил, посулов и поминков у них не имал. А буде к тому еще денег надобеть, и тебе б, господине, отписати в Тоболеск, и к тебе на подмогу денег еще пришлем. А про прежние деньги отписал бы еси подлинно, кому именем те деньги розданы, и где те крестьяне посажены и в Микитиных Беглецова в дозорных книгах те крестьяне объявились ли.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 5, лл. 177—178, № 153.

217. *1624 г. не ранее марта 23.— Отписка тобольского воеводы князя Юрия Сулешова туринскому воеводе Семену Апухтину о посылке сына боярского Степана Молчанова и крестьян для устройства слободы на р. Нице в Тюменском уезде и об*

отправке из Туринска семян для ницынской государевой пашни и крестьянам „на семена и емена".

Господину Семену Дмитриевичю Юрье Сулешов челом бьет. В нынешнем во 132-м году марта в 23 день послан из Тобольска в Тюменской уезд на Ницу реку, на урочище меж дву речок Кандабы и Олука, тюменской сын боярский Степан Молчанов, а с ним посланы из Тобольска тобольских старых и новоприсыльных пашенных крестьян 26 человек; да ему ж Степану велено взять на Тюмени у воевод у князя Михаила Борисовича Долгорукова да у Юрья Редрикова тюменских пашенных крестьян, за которыми пашен своих нет, 4 человека да тюменских половников, которые по сыску письменова головы Григория Зловидова живут в половье за тюменскими за всякими людьми, взять 30-ть человек; а велено ему, приехав на Ницу, тех крестьян устроить на пашне на Нице реке. А надобе, господине, на тое на Ницынскую пашню на семена, что посеят в нынешной во 132-й год ко 133-му году, 60 чети ржи, 225 чети овса, 60 чети ячмени, и всего всякого хлеба надобе 615 чети. И тебе б, господине, как, аже даст бог, в нынешнем во 132-м году на весне, как лед вскроетца, по первой полой воде тотчас, не мотчав ни часу, велети, нагрузя в суды, отвести ис Туринсково на Ницу, где учнет Степан Молчанов государеву новую слободу строить, хлеба на государеву пашню на семена крестьяном в суду на семена и на емена 330 чети ржи, 225 чети овса, 60 чети ячменя. А послати с тем хлебом в провожатых сына боярсково, дав ему на суды гребцов служивых людей, сколько человек пригоже, смотря по тамошнему делу. И велети ему с тем хлебом итти на Ницу наспех, днем и ночью, чтоб с тем хлебом поспеть к яровому к раннему севу, чтоб крестьяном яровой сев неупоздал и голод бы их не изнял, чтоб розно не разбрелись, а государеву б делу порухи и казне убыль не учинилась. А привезчи тот хлеб на Ницу, велети отдати Степану Молчанову. А которого числа и с кем именем с сыном боярским тот государев хлеб отпустишь, и тебе о том отписати в Тоболеск нарочно. А однолично б, господине, того себе в оплошку не поставить, хлеб на Ницу отпустить, не замотчав. А как на Нице хлеб из судов выгрузят, и те порозжие суды велети тому ж сыну боярскому и служивым людем с Ницы согнати на низ, на Тюмень, а на Тюмени те суды велети отдати воеводам князю Михаилу Борисовичю Долгорукому да Юрью Редрикову, и от себя к ним о том отписать. А суды б, господине, на тот хлеб по прежней тобольской отписке велети делати наспех, не мешкая, чтоб хлеб на Ницу к раннему севу поспел. А на скольких судах на Ницу хлеб отпустишь, и тебе б о том отписати в Тоболеск.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 5, л. 176 и 176 об., № 152.

218. *1624 г. апреля — мая. — Отписка тобольского воеводы князя Юрия Сулешова туринскому воеводе Семену Апухтину о разрешении крестьянам Ницынской и Чубаровой слобод, в виду постройки ими дворов, не пахать государеву пашню к 133-му году.*

Господину Семену Дмитреевичю Юрье Сулешов челом бьет. В нынешнем, господине, во 132-м году писано к тебе из Тобольска наперед сего, а велено послати на новые места на государеву пашню на семена ко 133-му году на Ницу реку к Степану Молчанову 60 чети ржи да на Чюбарово городище к Максиму Ягонскому 20 чети ржи, и всего 80 чети ржи. И для, господине, крестьянсково дворового строенья в нынешнем во 132-году на Нице и на Чюбарове городище крестьяном на государя пашня не пахати и ржи ко 133-му году не сеять. И тебе б, господине, на Ницу реку к Степану Молчанову и на Чюбарово городище к Максиму Егонскому на государеву пашню на семена хлеба не посылати, а послати по прежним тобольским отпискам только один тот хлеб, что дать крестьяпам в ссуду

на семена и на емена и Максиму Лгонскому и кузнецу Микитке Баженову на жалованье.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 5, л. 179 и 179 об., № 155.

219. *1624 г. не ранее июня 24.— Отписка тобольского воеводы князя Юрия Сулешова тюменским воеводам князю Михаилу Долгорукову и Юрию Редрикову об отпуске калмыцких послов, о разрешении им менять трухменский ясырь и о предложении калмыкам присылать послов с товарами в Тобольск.*

Господам князю Михаилу Борисовичю, Юрью Анфиногеновичю Юрий Сулешев челом бьет. В нынешнем во 132-м году июня в 17-й день писали вы в Тоболеск с тюменским конным казаком с атаманом з Гаврилом Ивановым, что в нынешнем же во 132-м году июня в 5-й день пришли на Тюмень ис Колмаков с тюменскими служилыми людьми с Семейкою Кулаковым с товарыщи от колмацкого тайши от Бокбаторши посла два человека: Бука Тулубаев, Якшим Бакисов а сказали вам те колмацкие послы, что прислал их тайша их бить челом великому государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии, чтоб государь єво пожаловал, велел ему быти в своем царском милостивом призренье для утесненья к ним нагайских и Алтыновых людей. Да вы же писали в Тоболеск, что в нынешнем же во 132-м году июня в 21-й день пришли из Колмаков па Тюмень с тюменскими служилыми людьми с Ваською Трубачевым да с Ивашком Федоровым от Батыря тайши послы два ж человека: Кунай Будаев да Самой Мунаев а с ними кашевар да два колмака: Катачуй Чучкин, Атачим Кудуев с трухменским ясырем, менять на свой колмацкой ясырь, и для торгу с лошадьми, а государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии ударили оне челом от тайши своего конь огнеп карь, и били челом государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии колмацкие послы, чтоб государь тайшу их пожаловал, велел им менять ясырем и отпустити их с Тюмени назад в Колмаки с своими государевы русскими послы, не задержав. И тюменские служилые Васька Трубачов с товарыщи сказали вам, што сказывал де им в Колмаках руской полонянник, Филькою зовут: как де ходил Баатырь тайша и иные тайши и Ишим царевич на трухменцов, и он Филька в том походе слышал, похвалялся де Ишим царевич: сибирские де казаки отца єво Кучюма извели, а братью єво Алия и Азия тюменские служилые люди разорили, и єму де Ишиму приходить за то на государевы городы войною. Да и сами де оне Васька Трубачев с товарыщи слышали до поезду своего ис Колмаков у Баатыря тайши, что хвалитца ж на государевы городы войною. И вам бы, господа, калмыцким послом, которые пришли с Ваською Трубачевым, велеть ясырем менять и отпустить их и первых колмацких послов, которые пришли с Семейкою Кулаковым, с Тюмени назад в Колмаки, не задержав, дав им государево жалованье по портищу сукна лятчины. А к тайшам их послать государева жалованья подарки, по 4 аршина сукна аглицкова к тайше. И послать с ними до рубежа провожатых тюменских служилых людей, сколько человек пригоже, а русских людей с ними в посольстве в Колмаки не посылати. А на отпуске велети бы вам говорити колмацким послам, чтоб вперед тайши их присылали послов своих с лошадьми и с иными колмацкими товары торговати в Тоболеск, а государь царь и великий князь Михайло Федорович всеа Русии тайшей их пожалует, велит послом их в Тобольску лошадьми и иными колмацкими товары торговать поволно, как и иных тайш послом. А самим бы вам жити на Тюмени для приходу воинских людей с великим береженьем, на городе и на остроге днем и ночью велеть караулить беспрестани, и в проезжие станицы посылали, до коих мест пригоже, почасту, чтоб воинские люди под город и на волости безвестно не пришли и дурна какова над государевыми

людьми не учинили. А что па Тюмени про воинских людей каких вестей объявитца, и вам бы о том писати в Тоболеск вскоре с парочным гонцом.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 8, лл. 94 об.—96, № 82.
Напеч. в РИБ, II. стб. 455—457, № 138, VII.

220. *1624 г. июня 30.—Грамота в Тобольск боярину и воеводе князю Юрию Сулешову с товарищами о разрешении торговым людям ездить с Руси в Мангазею и обратно по тем дорогам, где прибыльнее будет казне, и о запрещении попрежнему ездить морским путем.*

От царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии Сибирь, в Тоболеск, боярину и воеводам нашим князю Юрью Янишеевичю Сулешову, да Федору Кириловичю Плещееву да дьяком нашим Гарасиму Мартемьянову да Миките Левонтьеву. В нынешнем во 132-м году писали есте к нам, что приезжают из руских городов в Тоболеск торговые и промышленные люди с русскими со всякими товарами и с хлебными запасы, а ис Тобольска ездят торговати и на промыслы промышляти в сибирские в понизовые городы: в Сургут, в Нерымской и в Кетцкой остроги, в Томской город, в Мангазею, а в тех городех, испродав свои товары и хлебные запасы, промышленые люди, быв на промыслех, ездят к Руси, не займуя Тобольска, Собью рекою, через Камень, мимо Ижемскую слободку; а из Мангазеи выезжают торговые и промышленые люди к Руси через Камень же, не займуя Тобольска и Березова, за нашею мангазейскою соболиною казною и лутчие товары: соболи, и лисицы, и бобры, провозят через Камень; а что с ними каких товаров и взята ль с тех товаров наша десятинная пошлина, и того в Тобольску неведомо; а без нашего указу торговым и промышленым людем заказу учинять вы, чтоб они через Камень к Руси не ездили, а ездили б к Руси мимо Тоболеск, не смеете; и нам бы вам о том велети указ свой учинити. А в прошлом во 128-м году сентября в 23 день писали к нам ис Тобольсково города боярин князь Иван Куракин да диак Иван Булыгин: в прошлом де во 126-м и во 127-м году от Архангильского города в Мангазею торговые и промышленые люди на кочах с товары и з запасы пошли большим морем многие люди; и он писал в Мангазею к воеводе Петру Волынскому, чтоб он из Монгазеи торговых и промышленых людей, как исторгуютца и с промыслов придут, назад большим морем не отпущал, а отпущал бы их на Березов, через Камень, и на Тоболеск для того, чтоб нашей казне в пошлинах истери не было: только поедут большим морем, и учнут торговать с немцы или с рускими людьми, утаясь, на Югорском шару, на Тресковой, за дву островех, что у Варендеевых мелей, на Колгуеве, на Моржевике, на Канине носу, и нашей казне в пошлинах истеря будет, а сыскать про то нечем, потому что городов и приказных людей в тех местех нет, а у Архангельского города и на Колмогорах, грамот мангазейских для тайного торгу не объявя, разъедутца по своим местам; а хотя де учнут торговать с немцы и объявясь, и нашей пошлине прибыль будет обышная же; а только поедут на сибирские и на руские городы, и нашей пошлине прибыль будет вдвое потому: ехати им дове[де]тца по городом, а товары их по проезжим грамотам будут явны; а иные многие люди, не доехав Архангельсково города, товары свои испродадут и розменяютца с рускими людьми, и в том нашей казне будет прибыль в перекупной пошлине. И в прошлом же во 128-м году ноября в 29 день тое отписки мы слушали и указали: вперед торговым и промышленым и всяким людем ездити в Мангазею ис Пустаозера и от Архангельского города и изо всех поморских городов на сибирские городы: на Березов город, через Камень, и на Тоболеск, а назад велети ездити из Мангазеи теми же дорогами; а опричь тех дорог иными местами от Архангельсково города большим морем на Карскую губу, и в Мутную реку, да на волок, и в Зеленую реку, и в Таз

реку, в Мангазею, а из Мангазеи назад теми же месты ходить не велено. И в прошлом же во 128-м году ноября в 29 день послана наша грамота в Сибирь, в Тобольской город, к боярину ко князю Ивану Куракину да к дияку к Ивану Булыгину, а велено боярину князю Ивану отписать в Мангазею к воеводе к Петру Волынскому, чтоб из Мангазеи торговым и промышленым людем велел ходити на Русь на сибирские городы на Березов через Камень и на Тоболеск, чтоб торговых и промышленых людей сь их товаров в нашей в десятой пошлине перед прежним было прибыльнее; а нашу пошлину с тех торговых и с промышленых людей со всяких товаров велел имати по прежнему нашему указу по прежним грамотам, а лишних пошлин сь их товаров по сибирским городом воеводы и приказные и служивые люди не имали и насильства и обид тем торговым и промышленым людем по городом не чинили и ни за чем их не задерживали, чтоб тем торговых и промышленых людей от сибирсково ходу не отогнать, а в десятой пошлине перед прежним убыли не было; а старою б дорогою из Мангазеи Тазом рекою на Зеленую реку, да на волок, да на Мутную реку, да на Карскую губу, и большим морем к Архангельскому городу и на Пустоозеро торговым и промышленым ходить не велели, чтоб на те места неметцкие люди от Пустоозера и от Архангельского города в Мангазею дороги не узнали и в Мангазею не ездили. И ныне мы и отец наш святейший патриарх Филарет Никитичь Московский и всеа Русии указали: ездити из руских городов в Мангазею и из Мангазеи на Русь торговым и промышленым людем на которые места вперед прочнее и нашей бы десятинной пошлине было прибыльнее, а торговым бы и промышленым людем было не в тягость. А положили есмя то на вас боярине нашем на князе Юрье Янщеевиче с товарыщи. И как к вам ся наша грамота придет, и вы б то зделали по своему высмотру: велено ездить с Руси в Мангазею и из Мангазеи на Русь торговым и промышленым людем на которые места вперед прочнее и нашей десятинной казне было прибыльнее, а торговым бы и промышленым людем было не в тягость, — то б есте учинили по своему расмотренью, смотря по тамошнему делу. А того б есте велели беречь накрепко, чтоб торговые и промышленые люди от Пустаозера и от Архангельского города большим морем на Карскую губу и в Мутную реку, да на волок, и в Зеленую реку и в Таз реку, в Мангазею, а из Мангазеи назад теми же месты отнюдь не ходили, чтоб на те места неметцкие люди от Пустаозера и от Архангельского города в Мангазею дороги не узнали и в Мангазею не ездили. А на которые места торговым и промышленым людем из Мангазеи на Русь велите ходить, и вы б о том отписали к нам к Москве, а отписку велели отдать в Казанском дворце боярину нашему князю Дмитрею Мамстрюковичю да диаком нашим Ивану Болотникову да Ивану Грязеву, чтоб нам про то было ведомо. Писан на Москве лета 7132-го июня в 30 день.

На обороте: Диак Иван Грязев. — Такову привез сын боярской Богдан Арпинской сентября в 18-й день.

ГАФКЭ, Сиб. прик., кн. 6, лл. 177 об. — 183.

221. *1624 г. августа 29. — Грамота на Верхотурье воеводе князю Никите Барятинскому с товарищами о строении нового острога.*

От царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии в Сибирь, на Верхотурье, воеводам нашим князю Никите Петровичю Борятинскому да Максиму Семеновичю Языкову да подьячему Ондрею Иевлеву. В нынешнем во 132-м году июля в 30 день писали есте к нам, что по нашей грамоте велено вам на Верхотурье острог поставити и башни зделати верхотурскими всякими людьми, будет мочно зделать бес прибавочных людей, а пашенными крестьяны и уездными людьми Верхотурсково острогу делати не указано; и будет на Верхотурской острог верхотурскими служилыми и посадскими людьми и ямщики и пашенными крестьяны и всякими уезд-

пыми людьми лес готовити и на острожное дело теми людьми лес приготовити мочно; а зделати того острогу теми людьми без прибавочных людей некем; а острогу по мере печатных 630 сажен да 8 башен, а лесу доведетца на Верхотурской острог и на башни 10000 бревен; а буде Верхотурской острог делати наймом, а деньги дати из нашей казны, опричь лесу, и плотники прошают у вас от дела по пти алтын по 4 деньги от сажени, а от башни прошают от дела по рублю по штинацати алтын по 4 деньги; и нам бы велети вам о том указ свой учинити. И мы указали Верхотурской острог делати, а лес готовити верхотурскими служилыми и посадскими людьми и ямщики и нашими пашенными крестьяны и всякими посадскими и уездными людьми; а плотников указали есьмя нанятн, а деньги велели дати из нашей казны из верхотурских доходов. И как к вам ся наша грамота придет, и вы б на Верхотурье велели на острог лес готовити тотчас верхотурским всяким служилым и посадским людем и ямщиком и нашим пашенным крестьяном и всяким посадским и уездным людем; а плотников бы есте на острожное дело наняли; а деньги б дали из нашей казны из верхотурских изо всяких доходов, как бы острожному делу было спешнее, а нашей бы казне было прибыльнее. А того бы есте берегли накрепко, чтоб одноличню посадским людем и пашенным крестьяном и всяким людем в лесной воске насильства и налогов никаких не было, и приставы б с них посулов и поминков себе не имали. Писан на Москве лета 7132-го августа в 29 день.

На обороте: Дьяк Иван Грязев. Справил Микитка Леонтьев.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 2, лл. 134 об.—135, № 120.

Напеч. в РИБ II, стб. 427—429, № 133.

222. *1624 г. не ранее ноября 7.— Отписка томских воевод князя Афанасия Гагарина и Семена Дивова в Москву о вестях про киргизов.*

Государю царю и великому князю Михаилу Федоровичу всеа Русии холопи твои Офонька Гагарин, Сенька Дивов челом бьют. В нынешнем, государь, во 133-м году октября в 21 день посылали мы холопи твои томского твоего государева ясачного татарина Ибалаковой волости Иссечка проведывати про твоих государевых изменников про киргиских людей, где оне с своими улусы кочуют: далеко ль от Томского города и много ль их в зборе, и все ли вместе кочуют, и сколь осторожливо живут, и чают ли на себя войною твоих государевых служилых людей, и мочно ль их соити изгоном, чтоб над ними промысл учинить. И ноября, государь, в 7 день из Киргиз ясачной татарин Иссечко в Томской город пришел, да с ним же с Иссечком прислали киргиских бухарцев Шаиглана да Азсика, а отпущены, государь, были те бухарцы из Томского города в Киргизы по их челобитью с товарищем их в прошлом во 132-м году сентября в 28 день после твоего государева ясаку, и из Киргиз тех бухарцев не отпустили; и как оне почали думать, что приходить им войною под Томской город и на твоих государевых ясачных людей, и держали их у себя в улусе по нынешней 133-й год ноября по 7 день. И пришед, государь, в Томской город, ясачной татарин Иссечко да бухарцы в распросе нам холопям твоим сказали, что киргиские де люди кочуют на Белом Июсе от Томского города день 10 конем ехать, а на лыжах недели три и больше, а киргиские люди кочуют все вместе и возле де, а живут усторожливо, а чают на себя войною твоих государевых служилых людей. А приказывали киргиские люди с Иссечком да с бухарцами: приходили де мы под Томской город и на государевых ясачных для дурна того, что прежние де воеводы князь Иван Шеховской да Максим Родилов посылали в Киргизы государевых томских служивых людей, чтоб князец наш киргиской Кора ехал в Томской город к государеву жалованному слову, и сам де Кора в Томской город не поехал, а послал в свое место послом брата своего Сельчу, и князь Иван

де Шеховской того Сельчу в Томском городе засадил, а на нас де на киргиз князь Иван де Шеховской да Максим Родилов послали служилых людей войною и нас повоевали, и жен де и детей наших поимали в полон многих, и мы де под те свои жены и дети посылали в Томской город с окупом, и князь Иван де Шеховской окуп у нас имал, а жен и детей наших на окуп не отдал, а свес их с собой к Руси; да после де того приезжал в Томской город Карин брат Тайтыкарко для окупу жен и детей своею волею, и князь Иван Шеховской того Тайтыкарка засадил в Томском городе, и нам де стала обида и теснота, и за то де мы приходили войною под Томской город. Да оне ж киргиские люди приказывали сыск им дать бухарцами и велели им говорить перед нами холопи твоими: будет де государь царь и великий князь Михайло Федорович всеа Русии милость свою государскую покажет и вину де нашу велит нам отдати, да наших бы де закладчиков, которые в Томском городе Татыкарка да Корина сына Бахтырка, велел бы де государь отпустить из Томского города в Киргизы, и мы де со всеми своими улусы, с которыми приходили войною под Томской город, все своими головами государю добьем челом и вину свою принесем и будем под царскою высокою рукою безотступно, и ясак де государю станем [давать] попрежнему, и государевых де ясачных де мелесских и басагарских и кызылских...

ААН, ф. 21, оп. 4, № 17, лл. 109—110, № 91.

223. *1624 г. не ранее ноября 24. — Отписка пелымского воеводы Ивана Вельяминова верхотурским воеводам князю Никите Барятинскому с товарищами об оказании содействия посланным для прибора крестьян в новое усадище на Гари в Пелымском уезде.*

Господам князю Миките Петровичю, Максиму Семеновичю да Андрею Ивановичю Иван Вельяминов челом бьет. В прошлом во 132-м году июня в 23 день писал ко мне ис Тоболеска на Пелымь боярин и воевода князь Юрий Еншеевич Сулешов, чтобы мне по государеву указу призвати в Пелымской уезд в новое усадище на Гари на государеву пашню во крестьяне к тем 10-ти человеком в прибавку 20 человек ис подмоги и на льготные годы; а велено по государеву указу прибирати на Верхотурье, хто похочет, изо всяких людей, и устроить бы на том новом месте крестьян 30 человек; а государевы подмоги велено им давать на десятину по 10 рублев денег, да на семяна и на емяна по 10 четвертей хлеба; а хто похочет па льготные годы, и им льготы велено давати годы на 3 и на 4. И в нынешнем во 133-м году ноября в 24 день по государеву указу и по боярской отписке князя Юрья Еншеевича Сулешова послал я с Пелыми на Верхотурье пелымских стрельцов Семейку Васильева да Грязку Деревенскова, а велел им прибирати на Верхотурье пашенных крестьян 20 человек. И вам бы, господа, по государеву указу велети им дати бирича и кликати по многие дни, чтоб всякие охочие люди шли и садились в Пелымской уезд в новое усадище на Гари на государеву пашню во крестьяне ис подмоги и на льготные годы. И на подмогу с ними послано на Верхотурье государевых денег 96 рублев. А хлеб на Пелыме готов в государевых житницах; а иной хлеб, рожь и ячмень и овес, по государеву указу и по тобольской отписке велено вам послати с Верхотурья на Кошай по зимнему пути, а ис Тобольска де к вам о том хлебе на Верхотурье писано ж. А будет охочих новоприборных пашенных крестьян ис тое подмоги не будет, на десятину по 10-ти рублев да по 10-ти четвертей хлеба не возмут, и по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии указу велено пелымским стрельцом Семейке да Грязке давати новоприборным пашенным крестьянам по 16 рублев на десятину, чтоб однолично пашенных крестьян назвать к прежним крестьянам в прибавку в новое усадище на Гари. Да как, господа, на Верхотурье учнут прибиратца

на новое усадище на Гари на государеву пашню во крестьяне, и по государеву указу новоприборных пашенных крестьян велети бы вам с Верхотурья в Пелымской уезд на новое место на Гари отпущати для государевы пашни, чтоб на том новом месте государева пашня завесть большая, а пашенные добрые земли и сенных покосов и всяких угодей на том новом месте много. А пелымским стрельцом Семейке Васильеву, Грязке Деревенскому велели на Верхотурье дати ведомое подворье, где им с государевыми деньгами стать. И по государеву указу велети бы вам пелымским стрельцом Семейке и Грязке дати площадново подъячево, кому записывати у них всякие расходы в книги и поновоприборных пашенных крестьянех поручные записи, чтоб им по государеву указу ис тех денег, которые с ними посланы на подмогу, ни в которые расходы не держать, а давать те деньги на подмогу новоприборным пашенным крестьянам. А мне по государеву указу велено о том о всем писати к вам на Верхотурье. А будет, господа, те пелымские стрельцы Семейка и Грязка учнут на Верхотурье каким воровством воровати, зернью играти или на кабаке учнут пити, а государевым делом не учнут радети, и новоприборных пашенных крестьян учнут призывати оплошно, и вам бы по государеву указу велети их посадити в тюрьму, и о том велети отписати ко мне на Пелымь. А как приберут новоприборных пашенных крестьян, и вам бы, господа, по государеву указу, дав подводы с Верхотурья, тех пелымских стрельцов Семейку и Грязку отпустити с пашенными крестьяны в новое усадище на Гари, чтобы мне о том отписати ко государю царю и великому князю Михаилу Федоровичу всеа Русии к Москве и в Тоболеск к боярину князю Юрью Еншеевичу Сулешову вскоре. А что по государеву указу велено вам послати с Верхотурья на Кошай 120-ть четвертей ржи, 90-то четвертей овса, 20-ть четвертей ячменя для крестьянские подмоги, и вам бы, господа, одноличпо тот хлеб прислати с Верхотурья на Кошай вскоре, чтоб новоприборные пашенные крестьяне на тот государев хлеб были надежны и врозь бы з голоду не разбрелися.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 2, лл. 124—125 об., № 107.

224. *1625 г. не ранее марта 6. — Отписка енисейского воеводы Якова Хрипунова тобольскому воеводе князю Юрию Сулешову о посылке атамана Василия Алексеева в Тюлькину и Тубинскую землицы.*

Государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии боярину и воеводе князю Юрью Еншеевичу Яков Хрипунов челом бьет. В нынешнем во 133-м году генваря в 1 день посылан был из Енисейского острогу в Тюлькину землицу по государев ясак Енисейского острогу атаман Васька Алексеев с товарыщи да в Тубинскую землицу по государев ясак Енисейского строгу десятник стрелецкой Мишка Шорин, Ивашка Казанец, а велено им Ваське с товарыщи в Тюлькиной землице и в Тубинской с тюлькинских и с тубинских людей государев ясак на нынешней на 133-й год збирати. И марта в 6 день Енисейского острогу атаман Васька Алексеев с товарыщи пришел в Енисейский острог и государев ясак с тюлькинских людей 99 соболей взял; а в Тубинскую де землицу тюлькинские люди Мишку Шорина, Ивашка Казанца не пропустили, а сказали тюлькинские люди, что де Тубинские землицы князьцы и лутчие люди со всеми своими людьми откочевали в Киргизы и ныне де живут все тубинцы в Киргизах; а тюлькинские люди о государевых лошадях атаману Ваське сказали, что де у нас продажных лошадей для государевы пашни не будет, да и служивых бы людей к нам для государевы лошадиные покупки из Енисейского острогу не посылали. А в Енисейском остроге для государевы пашни лошадей купить негде. Да Ваське ж с товарищи велено проведать с Тюлькиной землице...

ААН, ф. 21, оп. 4, № 22, стр. 13—14, № 11.

225. *1625 г. не ранее марта 8.— Отписка тобольского воеводы князя Юрия Сулешова туринскому воеводе Семену Апухтину о намерении калмыцких тайши воевать весной сибирские уезды и о принятии мер против них.*

Господину Семену Дмитриевичю Юрей Сулешов челом бьет. В нынешнем, господине, во 133-м году марта в 8 день писали в Тоболеск с Тюмени воеводы князь Михайло Долгорукой да Юрей Редриков с татарскою головою с Неудачею Малчановым, что в нынешнем же во 133-м году марта в 3 день пришел к ним в съезжую избу Тюменсково уезду Бачкурской волости ясачной татарин Бехтемир Кинчаулов а сказал, что был он в Уфинском уезде на Илей озере и слышал в розговоре у уфимских татар у Сюлмаметя да у Бехтемиря, что шли де ис Калмаков колмацкие послы на Уфу 2 человека, а с ними на продажу 200 лошадей, и они де до Уфы не дошли, что укинули их снега; а приказывали де колмацкие болшие тайши с теми своими послы на Уфу к воеводе, что де меншие таиши прикочевали блиско государевых городов, а их де болших таишей не слухают, и хотят де те меншие тайши на весну приходить на государевы городы войною; а того де он Бехтемирко уфинских татар не дослышал, х которым государевым городам колмацкие таиши блиско прикочевали и на которые городы хотят приходить войною. И тебе б, господине, жити в Туринском с великим береженьем, и на остроге б и отъезжие сторожи ставити крепкие, и в проезжие станицы туринских служилых людей и тотар посылати почасту, о коих мест пригоже, и велети проведывати про колматцких людей накрепко. И Туринского уезду волостным татаром потому ж велети жити неоплошно с великим береженьем в крепких местах, чтоб на них воинские колматцкие люди безвестно не пришли и не повоевали и над острогом дурна какова не учинили. Да что у тебя про колматцких людей объявитца, и о том бы тебе писати в Тоболеск почасту.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 5, лл. 187 об.—188, № 161.

226. *1625 г. не ранее мая 10.— Отписка прикащика Ницынской слободы Бориса Толбузина тюменским воеводам князю Михаилу Долгорукову и Юрию Редрикову о принятии мер к выполнению государева указа о приборе на Тюмени и в Тюменском уезде крестьян в новую Ницынскую слободу.*

Государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии воеводам князю Михаилу Борисовичю, Юрье Анфеногеновичю Борис Толбузин челом бьет. В нынешнем во 133-м году маия в 10 день, по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии указу, писано ис Тобольска ко мне на Ницу, чтобы на Тюмени и в Тюменском уезде по деревням называти за государя в новую в государеву в Ницынскую слободу из гулящих изо всяких людей в крестьяне в пашню из государева жалованья, а государева жалованья лыготы на 2 года да на пай по 10 рублев денег, да на семена по 5 четвертей ржи, 3 пуды соли да на семена ярового хлеба по четверти ячмени, по 4 четверти овса. И на Тюмени о том велено клик кликать не по один день по многие поимы. А велено государево жалованье имать денежное и хлебное в новой в Ницынской слободе из государевы казны у сына боярского у Бориса Толбузина. И вам бы по государеву указу о тех новоприборных крестьянах указ учинить, велеть на Тюмени на торгу клик кликати. А хто будет выищетца за государя внове в пашенные крестьяне, и вам бы для государева жалованья денежного и хлебного высылать в новую в государеву в Ницынскую слободу. Да прислана с Нейвы на Ницу с семянным хлебом государева лодья, а письма ко мне про ту лодью от нейвинского прикащика от Дмитрея Лабутина нет, где той лодье быть; и вам бы и об той государеве лодье указ учинить, велеть на Ницу отписать, где велите той лодье быть: на Нице ли стояти или к себе

велите с Ницы на Тюмень сослать. А прислать тое лодьи с Ницы на Тюмень не с кем: крестьяне стали пашни пахать по своим заимкам в отъезде.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 10, л. 1 и 1 об., № 1.

227. *1625 г. не ранее мая 19.— Отписка в Москву томских воевод князя Афанасия Гагарина и Семена Дивова об их сношениях с князем белых калмыков Абаком.*

Государю царю и великому князю Михаилу Федоровичу всеа Русии холопи твои Офоня Гагарин, Сенька Дивов челом бьют. В прошлом, государь, во 132-м году писали мы холопи твои к тебе к государю с томским литвином с Тимошкою. . . , что во 132-м году маия в 16 день приходили под Томской город на казачьи пашни Белых Колмаков Абакова улуса воровские люди без вести, и казачьих лошадей отогнали и людей иных переранили. И мы холопи твои во 132-м же году июля в 17 день посылали в Белые Колмаки к тайше Абаку и к улусным лутчим людем атамана Ивана Белоголова, да пешово казака Ларку Олексеева, да чацкого мурзу Кызлака да в толмачах Семена новокрещена да томского татарина. . . и велели мы холопи твои говорити им Абаку, чтоб он Абак со всем своим улусом был под царскою высокою рукою безотступно. И в том государю Абак[1] шерть дал, что де государю царю и великому князю Михаилу Федоровичу всеа Русии служити и прямити и ни в чем государю не изменити и з государевы людьми войною задору никакова не вчиняти; ныне ево Абакова улуса люди приходили, под городом на пашнях людей переранили и лошадей отогнали, и с ево ли Абакова ведома и лутчие улусные люди про то ведали ль, и будет без ево Абакова ведома те воры приходили, и он бы, помня к государю прежнюю свою шерть, и тех бы воров сыскал и прислал бы их в Томской город, чтобы втех воровских людех промеж твоими государевыми людьми смуты не было. . . улуса, государь, казака Ларку Олексеева убили, а убил ево калмак за то, что де из Кузнецкого острогу служилые люди убили отца. . . а Ивана Белоголова с товарищи ограбили, а Абака в те поры в улусе не было, и сам из улуса выбежал; а которые де воры приходили безвестно под Томской город на казачьи пашни, и те де своровали без ево Абакова ведома, и те колмаки с тех мест не почали в Томской город ездить ни с какою приговпою с животиною и от твоей царской высокой руки почали отбывать. И в нынешнем, государь, во 133-м году апреля в 20 день посылали мы холопи в Белые Колмаки к тайши Абаку толмача казанского татарина Янсарка и велели ему говорить, чтоб он Абак был под царскою высокою рукою попрежнему безотступно, а государь царь и великий князь Михайла Федорович всеа Русии милостив, велит ему тое вину отдать, и он бы Абак жил без всякие шатости бесстрашно, а сам бы он Абак и людей своих прислал в Томской город бити челом государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии о своих обидах. И маия, государь, в 19 день приехал из Белых Колмаков в Томской город Янсарка толмач да прислал Абак своих послов к тебе государю в Томской город Куранака да Урлейка и велел де Абак говорить им перед нами холопи твоими, чтоб де государь царь и великий князь Михаил Федорович всеа Русии пожаловал нас, вину де нашу велел нам отдать. . .[2] а Абак де с тем меня оприслал в Томской город, что хочет быть со всем своим улусом под царскою высокою рукою попрежнему безотступно, а ныне де Абак поехал к Каракуле тайше; а как де приедет Абак от Каракулы, и хочет де быть сам в Томской город и дать шерть крепкую в том, чтоб тебе государю царю и великому князю Михаилу Федоровичу всеа Русии служити и прямити во всем. И мы. . . мужика, пожаловав твоим государевым жалованьем сукном,

---

[1] *В рукописи:* Бакай.
[2] *Далее в рукописи:* и тот де мужик от Абака ему.

и отпустили ис Томского города и приказали мы холопи твои с тем мужиком, чтоб Абак однолично был по прежнему под твоею царскою высокою рукою безотступно без всякие шатости, и сам бы он Абак приехал в Томской город к твоему государеву жалованному слову, чтобы он был на твою государскую милость надежен во всем.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 17, лл. 110 об.—112, № 92.

228. *1625 г. не ранее июля 7.— Отписка туринского воеводы Ивана Баклановского тюменским воеводам Ивану Плещееву и Ивану Ярлыкову о сборе верхотурских и туринских татар и вогулов на Ояти озере.*

Господам Ивану Васильевичю, Ивану Ивановичю Иван Баклановской челом бьет. В нынешнем во 133-м году июля в 5 день писал с Чюбарова городища прикащик Дружинка Похомов: в нынешнем де во 133-м году июля в 4 день пришел с Невьи на Чюбарово городище старец Игнатей с образом збирать на церковное строенье з Двины с Шерны реки, и сказывал тот старец Игнатей на Чюбарове городище, что на Невье в поле збираютца вогуличи вместо со всем скопом и з женами и з детьми, а про то де на Невье руские люди думы в них не ведают, для чево они вместо копятца. Да июля ж в 6 день приехал с Невьи в Туринской острог кузнец Богдашко Ефимов по беглых людей, и я тово Богдашка кузнеца в съезжей избе роспрашивал: для чево вы бегаете из деревень на Нейву и нет ли каких у вас на Нейве вестей. И Богдашко сказал: в нынешнем де во 133-м году июля в 1 день посылали де меня с Нейвы по татарина по Малтака, а жил де он от Нейвы по реке по Режу верст с 15, и я де приехал в юрты, а тово Малтайка в юртах нет, и тот Богдашко от ево юрт погонял по реке по Режу верст с 30 и, догоня ево, учал роспрашивать, что нет ли у вас какова дурна, и тот Малтайка Богдашку сказал: у нас де нет никакова дурна, а на Ояти, у озера, есть собралось луков з 200 вогулич, а дожидаютца де к себе Тулубая, а Тулубай де стоит от Ояти за 2 дни, а тот де Тулубай бывал тюменсково ясаку, что изменил государю с Тюмени. Да после де другой татарин пришол к нам на зверовье верхотурсково ж ясаку проведывать про того татарина, которово тот Богдашко поимал Малтайка, а прислала де тово татарина Малтайкова жена, и другой де татарин сказывал то ж, что на Ояти озере есть скоп луков з 200, а про Тулубая сказал, что тот Тулубай стоит от Ояти во днище, а Тулубая де есть луков за 500. И я посылал ис Туринсково острогу толмача Беляка Иванова в Туринской уезд в юрты по тотаром проведати, что Туринского уезду все ли есть тотаровя по юртом. И июля в 6 день толмач Беляйко Иванов в Туринской уезд ездил и, приехав, в роспросе сказал, что туринские татаровю и вагуличи живут все по своим юртам, а в отъезде никово нет. Да июля ж в 7 день писали с Верхотурья воеводы князь Дмитрей Пожарской, Игнатей Уваров да подъячей Калина Страхов ко мне в Туринской острог: в нынешнем де во 133-м году июля во 2 день били челом государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии Верхотурского уезду Невьинской волости крестьяне староста Спирка Овдеев и во всех крестьян место, а в съезжей избе подали челобитную, а в челобитной их написано: в нынешнем де во 133-м году июня в 21 день верхотурского де ясаку и Туринского острогу ясашные тотаровя и вагуличи, которые живут по рекам по Нейве и по Нице и по Режу, из юртов выехали вон з женами и з детьми, и собираютца де те вагуличи и тотаровя на Аять озеро, а ездят де они на то озеро человек по 5 и по 6 и по 10, а где де они, едучи на то озеро, станут варить каши или ночевать, и на тех де станех те вагуличи и тотарове стружут стрелы и железца стрельные делают сами; и приезжают де те вагуличи и тотаровя с Ояти озера под Невьинскую слободу ночью и из утра рано подсматривают по 10 и по 15 человек, и те крестьяне видают их многих; и с Верхотурья

воеводы про то на Аять послали проведывать допряма. А как, господа, иные вести вперед объявятца, и я к вам отпишу тотчас. А какие вести объявятца у вас на Тюмени, и вам бы в Туринской писать потому ж. Да послал я, господа, ис Туринсково острогу на Тюмень верхотурских 3 отписки за государевою верхотурскою печатью с туринским стрельцом з Гришею Нежмиловым, и вам бы отписки послать с ездоками в Тоболеск, не задержав, вскоре; а с кем те отписки пошлете, и о том бы вам отписать в Туринской острог.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 5, лл. 189—190 об., № 165.

229. *1625 г. июля 10.— Отписка архиепископа сибирского Макария томским воеводам Осипу Хлопову и Ивану Нарматскому о переписи Успенского томского монастыря и о передаче его новому игумену Феодосию.*

Государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии воеводам сыном нашего смирения великим господам Осипу Тимофеевичю да Ивану Борисовичу преосвещенный Макарей, архиепископ сибирский и тобольский, бога моля, и благословляю и челом бью. В нынешнем во 133-м году по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии указу и по благословению великого государя святейшего Филарета Никитича, патриарха Московского и всеа Русии, и по нашему благословению послан от нас в Томь в Успенской монастырь игумен Феодосей на игуменово место Евстратьево, а велено ему игумену Феодосию в Томе, в Успенском монастыре, быти в игуменах и церкви божии попечение имети, а монастырь ведати и строити и братию и вкладчиков и слуг и детенышев собирати, и того монастыря, чем игумен Евстратей владел рыбными ловлями и сенными покосы и пашнею и государевыми дачи и вклатчитцкими землями и всякими угодьями, что к тому монастырю давано, владети ему игумену Феодосию. И как, господа, игумен Феодосей в Томь приедет, и вам бы послать от себя в тот Успенский монастырь сына боярского добра и велети б ему в том Успенском монастыре церковное строение и образы, книги и свечи и воск и ризы и колокола и всякое церковное и олтарное строение и манастырскую всякую казну и хлеб стоячей и молоченой, в житницах рожь и овес и всякой яровой хлеб, и что в земле сеяново ржи и что ярового хлеба в житницах, и монастырскую паханую и непаханую землю и сенные покосы и рыбные ловли и огороды, и что хто вкладу дал и кто именем, и что в монастыре лошедей и коров и всякого рогатого скота, и то все велети написати в книги именно по статьям порознь, что в церкви государева жалованья, образов и книг, и что мирсково данья, какова вкладу и хто то дал и хто именем, и что в монастыре лошадей и коров и всякого рогатого скота; а переписав в монастыре церковное и монастырское всякое строение и хлеб стоячей и молоченой, и чево в земле сеяно, и пашню и сенные покосы и всякие угодья, приказали б есте тот Успенской монастырь со всем ведати и беречи накрепко, строить и братью и вкладчиков и слуг и детенышов призывати игумену Феодосию. И которые черныцы живут в городе на посаде и в уезде, и тех чернцов сыскивая присылати в Успенской монастырь под начало к игумену Феодосию, и велети ево игумена тем черицом во всем слушати. Да те переписные монастырские книги за Евстратьевой рукой и за игумновою велети б есте взяти в государеву казну, а другие прислати к нам в Тоболеск, а третьим книгам в монастырской казне быти вперед для спору. А что игумен Феодосий у игумена Еустратья по книгам возмет церковного строения и монастырской казны и хлеба стоячево и молоченного и что в земле сеяно, и монастырского всякого посудья, и в том бы во всем игумен Феодосей игумену Еустратею дал отпись вперед для спору. А оклад бы есте игумену Феодосию денежной и хлебной учинили тот же, что был Еустратию. И велети б есте в том проклинкати бирючу: хто в тот Успенской монастырь вклад-

чиков, и тех вкладчиков велети б есте ставити с Еустратьем на лицо с очей на очи и их распросити, хто что в тот монастырь вкладу давал денег и платья и пашней и сенных покосов и рыбных ловель и лошадей и коров и всяких угодей, и есть ли у них вкладные, и те их вкладные в книги записать, и тому всему взяти у Еустратия книги, и что хто про какой вклад скажет, и в том во всем по книгам Еустратия велети сщесть, где он те вклады девал и на какой монастырский расход; и будет Еустратий по книгам монастырским вкладом отчету не даст, и то на нем по книгам доправить, а доправя отдати в монастырь. А будет Еустратий книг у себя не скажет, и вам бы, господа, тех вкладчиков велети про вклады распрашивать, и хто что скажут вам, то велети записывати и по их скаском велети тако Еустратия доправити, а доправя отдати игумену Феодосею с братьею в монастырскую казну, и тем велети монастырь строити и пашни заводити. И велети б игумену Феодосею завести в монастыре сенадик, вседневную литею, и вписати государские родители и вкладчитцкие. А что хто вклады давали, и тем вкладчиком велети игумену Феодосию вкладные подавати. А будет у которых вкладчиков нет вкладных за его игуменскою рукою и за печатью, и те вкладные велети б есте писати в монастырские книги для памяти. А милость Софеи премудрости божия и великих московских чудотворцев Петра и Алексея и Ионы и всех святых молитвы и нашего смирения благословения да есть и будет с вами. Писан в Тобольске лета 7133-го июля в 10 день.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 17, лл. 112—114 об., № 93.

230. *1625 г. не ранее июля 20.— Отписка прикащика Ницынской слободы Бориса Толбузина тобольским воеводам Мирону Вельяминову с товарищами о вестях про калмыков и о присылке пороху и свинцу.*

Государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии воеводе Мирону Ондреевичю, дьяком Ивану Федоровичю, Степану Артемьевичю Бориско Толбузин челом бьет. В нынешнем, государь, во 133-м году июля в 20 день приходил, государь, в новую государеву в Ницынскую слободу Обуховых юрт татарин Цербан Бесергенев, а говорил, припед: ставьте де вы острог, будет де у вас с калмыками драка великая, пам де и вам быть побитым, жены де наши и ваши и дети будут в полону, а острог где поставите, и мы де своих жен де и детей к вам в острог приведем, учнем стоять за одно, измены де в нас не будет. И о том, государь, как указ учинишь. Да оружья бы тебе, государь, ис Тобольска на Ницу и пороху и свинцу велеть прислать.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 10, л. 2 об., № 3.

231. *1625 г. августа 24.— Грамота на Верхотурье воеводе князю Дмитрию Пожарскому с товарищами о высылке по зимнему пути наряда, зелья и свинца, о заготовке леса для острога и об устройстве последнего.*

От царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии в Сибирь, на Верхотурье, воеводам нашим князю Дмитрею Петровичю Пожарскому да Игнатью Ондреевичю Уварову да подьячему Калине Страхову. В нынешнем во 133-м году июля в 4 день писали есте к нам, что по нашему указу велено вам быти на нашей службе на Верхотурье и у воевод у князя Микиты Борятинского с товарыщи взяти нашу печать Верхотурского города и острожные ключи и в съезжей избе всякие наши дела и городовых и острожных крепостей и наряду пересмотрети; и вы приехали в Сибирь на Верхотурье апреля в 1 день; и по вашему высмотру на Верхотурье на остроге и на башнях наряду никакова нет, а только в нашей казне на Верхотурье 9 пищалей затинных, да 3 пищали малых, да самопалишко, да ствол

пищальной малой, да 2 пуда пороху да 16 пуд и 18-ть гривенок свинцу; а острог весь згнил, во многих местех повалился, а нового острогу ныне зделать не к чем, лесу нет; а в прошлом во 132-м году по нашему указу велено было на то острожное дело изготовити лесу по зимнему пути верхотурскими служилыми всякими людьми и ямскими охотники и нашими пашенными крестьяны и посадцкими и уездными людьми, а плотников для того острожного дела велено нанять, а деньги дать из нашей казны из верхотурских доходов; и до вашего приезду апреля по 1-е число лесу на острог не изготовлено; а ныне вам на то острожное дело лесу готовити некем, пристала пашенная пора; и нам бы вам о том велети указ свой учинить. И по нашему указу велено послати с Москвы в Сибирь на Верхотурье по зимнему по первому пути, как, аже даст бог, уставитца зимней первой путь во 134-м году, наряду: пищаль полковую да две волконейки да к ним ядер да зелья 30 пуд б тот наряд и зелье и свинец и ядра велели взяти, и устроити тот наряд и зелье да свинцу 10 пуд. И как к вам ся наша грамота придет, а тот наряд и зелье и свинец и ядра по зимнему по первому пути к вам на Верхотурье привезут, и вы б тот наряд и зелье и свинец и ядра велели взяти, и устроити тот наряд и зелье и свинец и ядра в анбары до тех мест, покаместа на Верхотурье зделаете новой острог. А как, аже даст бог, на Верхотурье новой острог зделают, и вы б тот наряд велели поставити на городе и на новом остроге и на башнях. А с кем имянем тот наряд и зелье и свинец и ядра к вам на Верхотурье по зимнему по первому пути с Москвы пошлем, и в колько пуд которая пищаль весом, и что к ним по кружалу ядер, и мы о том к вам велим подлинно отписати. А на острог лесу велели б есте приготовити зимою во 134-м году верхотурскими служилыми и посадцкими людьми, и ямскими охотники и нашими пашенными крестьяны и всякими пасадцкими и уездными людьми. А как лес на острожное дело зимою припасут, и на весну б однолично велели на Верхотурье острог и башню делати. А плотников бы есте на то острожное дело велели нанять; а деньги дати плотником от дела из нашие казны из верхотурских изо всяких доходов, как бы острожному делу было спешнее, а нашей бы казне было прибыльнее. А того бы есте берегли накрепко, чтоб однолично посадцким людем и пашенным крестьяном и всяким людем в лесной воске насильства и налогов никаких не было, приставы б с них посулов и поминок себе не имали. Писан на Москве лета 7133-го августа в 24 день.

На обороте: Дпак Иван Грязев. — В Сибирь, на Верхотурье, воеводам нашим князю Дмитрею Петровичю Пожарскому да Игнатью Андреевичю Уварову да подьячему Калине Страхову. — 134-го году декабря в 5 день привез государеву грамоту тарской казак Трофимко Селуянов.

ИИ АН. СССР Верхотурские акты, кор. 1. Четыре сстава. — Список XVIII в. в ААН, ф. 21, оп. 4, № 2, лл. 135—136, № 121.

Напеч. в АИ, III, стр. 223—224, № 136.

232. *1625 г. октября 3. — Грамота в Тобольск воеводе князю Андрею Хованскому с товарищами о посылке в Томск письменного головы для сыска про железо, добываемое в трех верстах от Томска.*

От царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии в Сибирь, в Тобольской город, воеводам нашим князю Ондрею Ондреевичю Хованскому да Мирону Ондреевичю Вельяминову да дьяком нашим Ивану Федорову да Степану Угодцкому. В прошлом во 132-м году октября в 20 день писали к нам ис Томсково города воеводы князь Иван Шеховской да Максим Радилов: посылали де они кузнеца Фетку Еремеева проведывати и искати железные руды; и кузнец Фетка Еремеев пришед сказал им, что нашел он в горах каменья и руду, а чает он Фетка, что ис того каменья и из руды железо будет; и они посылали с тем кузнецом

с Феткою казака Пятуньку Кизыла для опыту по каменье и по железную руду; и они с ним тово каменья и железные руды Фетке кузнецу велели железо варить при себе; и родилося ис той руды и ис каменья железо добро, такое ж, что и в Кузнецкой земле; и то они железо прислали к нам к Москве с тем же кузнецом с Феткою Еремеевым. И на Москве то железо переплавливали, и то железо добро, будет из него сталь. И по нашему указу за то кузнецу Фетке Еремееву, который приезжал к нам к Москве с тем железом и тое железную руду приискал придано нашего денежного жалованья к 5 рублям с четью 5 рублев денег, хлеба к 5-ти четям муки да к чети круп и толокна 5 чети муки, четверть круп и толокна; да ему ж дано нашего жалованья сукно доброе. Да Томского города казаку Пятунке Кизылу, который посылан был с тем же кузнецом с Феткою для проведыванья тое железные руды, дано нашего жалованья сукно доброе. А на Москве в Казанском дворце тот кузнец Фетка Еремеев в распросе сказывал: будет де мы укажем в Томском городе делать железной наряд, и в Томском железо можно делать, пищали полуторные и полковые и скорострельные и к тем пищалем ядра железные, только де надобе такие кузнецы, кому б то дело было за обычей. И по нашему указу посланы в Сибирь в Томской на житье с Устюжны Железопольские кузнецы Ивашко Баршен с женою и з детьми да Вихорко Иванов со всею кузничною снастью с тобольским казаком с Тренькою Горностаем, а велено ему Треньке тех кузнецов отдать в Тобольску. А нашего жалованья дано им подмоги на Москве Ивашку з женою и з детьми 18 рублев, Вихорку Иванову 12 рублев; а годового жалованья учинен им оклад денег по 7 рублев, хлеба по 7 четей ржи, по 4 чети овса человеку. И тем кузнецом велено наше годовое денежное и хлебное жалованье на 132-й год дать в Тобольском городе по их окладом сполна. И послати их велено ис Тобольска в Томской город. А велено тем кузнецом делати ис томсково железа безпрестани пищали полуторные и полковые и скорострельные и к тем пищалем ядра, сколько х которой пищали надобе. Да сколько они каких пищалей и к ним ядер зделают, и ис тех пищалей велено в Томском для опыту выстрелить хоти по одинова перед воеводы, крепкие ли те пищали вперед будут и не разорвет ли их на стрельбе. И велено те пищали держать в Томском городе до нашего указу. И в прошлом во 133-м году августа в 29 день писали к нам из Сибири ис Томсково города воеводы князь Офонасей Гагарин да Семен Дивов, что они в Томском городе, выбрав пристава, велели Фетьке железо ковать; и тот Фетька с товарищи железо делают, ломают каменья от города 3 версты, да пережигают, и того де железа родитца мало, на неделю по пуду, а на иную неделю и не родитца пуда; а выковано де того железа октября от 3-го числа да февраля по 28-й день в крицах 11 пуд; и они то железо велели пушечных мастером ис криц выковати и велели делати пушку волконейку, и ис де криц того железа изо 11 пуд выковано 5 пуд; а для опыту посылали дрова сечь на уголье и на пожог, чем каменье жечь, гулящих людей, которые приезжают с торговыми людьми; а как де наимовать из нашие казны, и пуд будет ставитца железа по 5 рублев; а наймуют де в Томском гулящих людей па день по 4 и 5 алтын; а вперед де будет теми людьми добывать дрова на уголье и па пожог, и те де гулящие люди розбредутца розно; а к ним в Томском нашего указу о том нету, какими людьми на пожог и на уголье и руду добывати; и нам о том велети указ свой учинити. И как к вам ся наша грамота придет, и вы б для того послали из Тобольска в Томской город письмяново голову. А прислав в Томской город тому письмяному голове велели сыскати кузнеца Фетьку Еремеева да казака Кизыла. И велели бы есте тому письменому голове с тем кузнецом и с казаком с Пятунькою ехати ис Томсково в те места, ис которых мест они для опыту по каменье и по железную руду ездили при князе Иване Шеховском да при Максиме Радилове, и в те места, в которых местех тот Фетька ныне ломает каменья, и тово каменья и железные руды велети

привести в Томской и ис тово каменья и ис железные руды велели тому письменому голове при себе кузнецом варити, каково ис той руды и ис каменья железо учнет родитца, много ль или мало; и только будет ис той руды и ис каменья железа учнет родитца много и в том железе чаять нашей казне прибыли, и вы б по прежнему нашему указу и по сей нашей грамоте ис томсково железа кузнецом Фетьке Еремееву с товарищами велели делати пищали и к тем пищалем ядра, и нашим пашенным крестьяном в сибирские пашенные городы велели ковати сошники, и косы, и серпы, и топоры, чтоб вперед с Руси железново наряду к пашенным крестьяном железа не посылати, и кос и серпов и сошников и топоров не покупати, и крестьяном в подмогу на то денег из нашие казны не давати. А о дровах и о ярыжных, кому на пожег и на уголье и руду добывать, указали бы есте, смотря по тамошнему делу, как бы нашей казне было прибыльнее. А только будет в Томском городе ис той руды и ис каменья железо учнет родитца мало и в том деле чаять нашей казне убыли, и вы б про то железо велели в Томском сыскати, почему к нам наперед сего писали ис Томсково воеводы князь Иван Шеховский да Максим Радилов про то железо не так, как ныне писали к нам князь Афанасей Гагарин да Семен Дивов. Да и кузнеца Фетьку Еремеева про то велели распросити, почему он Фетька на Москве в распросе сказывал, что в том железе мочно делати пищали полуторные и полковые и скорострельные и к тем пищалем ядра, а ныне пишут к нам князь Офонасей Гагарин да Семен Дивов, что томсково железа родитца мало. Да о том бы есте о всем отписали к нам к Москве, а отписку велели отдать в приказе Казанского дворца боярину нашему князю Дмитрею Мамитрюковичу Черкаскому да диаком нашим Ивану Болотникову да Ивану Грязеву. А кузнеца Фетьку велели дати на крепкую поруку, что ему ис Томсково никуда не выехать до нашего указу. Писан на Москве лета 7134-го октября в 3 день.

На обороте: Дьяк Иван Грязев. — Список з государевы царевы и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии грамоты, какова прислана в нынешнем во 134-м году генваря в 19 день с томским казаком с Паякою Вахромеевым.—О железе.

ГАФКЭ, Сиб. прик., кн. 6, лл. 613—620 об.

233. *1625—1626 гг. — Грамота на Верхотурье воеводам князю Дмитрию Пожарскому и Игнатию Уварову об устройстве острогов на реках Невье и Тагиле.*

От царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии в Сибирь, на Верхотурье, воеводам нашим князю Дмитрею Петровичю Пожарскому, да Игнатью Андреевичю Уварову да подьячему Калине Страхову. Писали есте к нам: в нынешнем во 134-м году били нам челом Верхотурского уезду Невьинские слободы пашенные крестьяне, чтоб нам их пожаловати, велети на Невье поставить острог для приходу колмацких людей, чтоб изгоном порухи не учинили и не повоевали; а в прошлом во 133-м году на Верхотурье и в Верхотурском уезде, на Тагиле и на Невье, учинился всполох по вестям от колмацких людей, и в тот сполох на Тагиле поставили острог около наших житниц, а надолбы не поставлены и ров не выкопан, а на Невье около слободы поставлены надолбы, а острогу поставить и рву выкопать не успели, и вперед в Верхотурском уезде в слободе на Невье для приходу колмацких людей без острогу быть нельзя, а в один острог для сполошного времени крестьяном невьинским и тагильским быть не уметь, что от Невьи до Тагила отдалело; и нам бы вам о том велети указ учинить. И как к вам ся наша грамота придет, и вы б в Верхотурской уезд в наши дворцовые села на Невью и на Тагил послали ково пригож и велели ему в тех наших дворцовых селех рассмотрети: в тех селех для приходу воинских людей остроги доведутца ль поставить, и порухи в том Верхотурскому городу не чаеть ли; да будет по разсмотретью в тех селех для при-

ходу воинских людей и остроги поставить доведутца, и порухи в том Верхотурскому городу никакие не будет, и вы б в тех наших дворцовых селех велели остроги [поставити] тех наших дворцовых сел крестьяны, розвытя на тех крестьян повытно, и у крепостей и у воды и башни зделати, и надолбы велели поставити, и ров покопати и всякими крепостьми...[1]

ААН, ф. 21, оп. 4, № 2, лл. 136 об. — 137, № 122.

234. *1626 г. марта 4—8. — Отписка туринского воеводы Ивана Баклановского тобольскому воеводе князю Андрею Хованскому о приборе людей для государевой службы в Качинской землице.*

Господину князю Андрею Андреевичу Иван Баклановской челом бьет. В нынешнем во 134-м году марта в 4 день писал ты из Тобольска в Туринской острог, что по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии указу велено в Качинской землице на Красном Яру вновь поставити острог, а для того острожного ставленья в Тобольску и в иных сибирских городех велено прибрать казаков 500 человек, а прибрав велено их государевым денежным и хлебным жалованьем поверстать против тобольских казаков; и мне б в Туринском остроге велети кликать бирючю и не по один день, чтоб вольные всякие люди вновь в государеву службу в казаки в Качинскую землицу для острожного ставленья прибралися, а государева им жалованья на платье и на пищали велети из казны дати: атаману денег по 30 рублев, пятидесятникам по 5 рублев с четвертью, десятникам и рядовым казакам по 5 рублев, да хлеба атаману по 10 чети ржи, по 4 чети круп и толокна, пятидесятником и десятником и рядовым по 5 чети муки да круп и толокна женатым по 2 чети, а холостым по чети человеку. И я в Туринском остроге велел бирючю кликать кличь и не по один день. А которые люди учнут в службу прибиратца, и я, тех людей имена написав в список, сколько человек приберу и по сколько рублев денег и хлеба и по сколько чети учнут просити, договорясь с ними допряма, и отпущу к тебе в Тоболеск подлинно.

Такова послана с пашенным крестьянином с Игнашкою Лыжиным марта в 8 день.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 5, л. 193 об., № 169.

235. *1626 г. июня 17. — Память тобольскому сыну боярскому Борису Толбузину о производстве переписи земель и имущества крестьян Ницынской слободы, об угрозах крестьян убить его, Толбузина, и о призыве новых крестьян на место „убойц" бывшего прикащика Степана Молчанова.*

Лета 7134-го июня в 17 день, по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии указу, память тобольскому сыну боярскому Борису Толбузину. В нынешнем во 134-м году маия в 12 день взяты с Ницы в Тоболеск в государеве деле ницынские крестьяна, Степановы убойцы Молчанова, Бориско Лязгов, Левка да Тренька Воробьев, Ортюшка, Архипко Павлов, Тренка Юрьев, Демка Кондратьев, Якушко Фотеев, прозвище Кипиха, Пашко Филатов, Микитка Талала, всего 10 человек, а на Ницe у них осталось дворы, и животы и животина, лошади и коровы и овцы и иной всякой пашеной завод, и в земле сеян хлеб, а каковы дворы и что у кого у них осталось в клетех молоченого и в земле сеяново хлеба и животины и иново всякова пашенново заводу, и того неведомо, и в Тоболеск ты о том не писывал. Да и того в Тобольску, сколько на Нице пашеных крестьян и у них детей, и братьи, и племянников, и захребетников, и сколько те крестьяне пашут государевы пашни десятин в поле, и почему на человека, и на скольких десятинах на государеве пашне к нынешнему ко 134-му году сеяно было ржи на государя

[1] *Без конца.*

и в нынешнем во 134-м году ярового хлеба, и что в государевых житницах государева сухово хлеба и в государеве казне подможных денег, а на всяких людей денег же и хлеба в долгах неведомо ж. И тебе б ницынских крестьян Степановых убойцов Молчанова, которые взяты в Тоболеск, Бориска Лязгова с товарыщи дворы и животы и животину всякую, лошади, и коровы, и овцы, и всякую скотину, и всякой пашенной завод, и в житницах молоченой и в полях стоячей и в земле сеяной хлеб, и пашню, и жен их, и детей переписать на роспись подлинно, да тех их животов велел бы еси старостам и целовальником и лутчим людем до государева указу беречь накрепко, а женам их и детям ис хлеба велел бы еси дати на прокорм да о том отписати в Тоболеск подлинно. Да и всем бы еси ницинским крестьяном, сколько на Нице крестьян и у них детей, и братей, и племянников, и захребетников, и сколько те крестьяне пашут государевы пашни десятин в поле, по чему на человека и на колких десятинах к нынешнему ко 134 году сеяно ржи и в нынешнем во 134-м году ярового хлеба, и сколько в государевых житницах какова хлеба и в государеве казне по нынешнее число подможных денег и на всяких людех денег же и хлеба государева в долгах, и на ком имянем, а зделав роспись прислати в Тоболеск и подписати о том подлинно. Да писал ты в Тоболеск, что у ницинских крестьян, которые взяты в Тоболеск в государеве деле, у Бориска Лязгова с товарыщи у 10-ти человек, не допахано государевы пашни их доли трех десятин залогу, и ты говорил о той пашне тех крестьян, которые взяты в Тоболеск, женам, чтобы они государеву пашню доли мужей своих велели вспахать, и крестьянские жены тое государевы пашни не допахивают. Да тебе же извешал Ницынские слободы пашенной крестьянин Тимошка Тобуркин на ницынского ж крестьянина на Федьку Кипиху: как де он Тимошка велел по твоему приказу женам пашенных крестьян пашню пахать, и в ту пору говорил ему Тимошке Федька Кипиха, что им государевы пашни, доль пашенных крестьян, которые взяты в государеве деле в Тоболеск, не пахивать, а только де ты тое пашню велишь им сильно пахать, и им также тебе убить и в воду кинуть, что и Степана Молчанова; и говорил он Федька то при ницынских крестьянех при Онтипке Сидорове да при Серешке Максимове; и ты тех крестьян Онтипку и Серешку про то расспрашивал, и они тебе в распросе сказали, что Федька Кипиха, Тимошке Тобуркину таковое слово говорил; и о том бы тебе указ учинить. И ныне писано ис Тоболеска на Тюмень к воеводам к Ывану Плещееву да к Ывану Ярлыкову, а велено им послати с Тюмени на Ницу, ково пригоже, и велено крестьян, при которых Федька Кипиха говорил, что им тебя также убити и в воду посадить, что и Степана Молчанова, только учнешь заставливать допахивать государеву пашню, доли пашенных крестьян, которые взяты в Тоболеск в государеве деле; а роспрося, буде крестьяне Онтипка и Серешка про то скажут, и им велено ницынсково крестьянина Федьку Кипиху с женою и с детьми прислать в Тоболеск, а на ево место на Нице велено прибрать на государеву пашню иново крестьянина, а в подмоги в место велено тому новому крестьянину дати Федькин двор и животы и иной всякой пашенной завод, оценя ценою. И как с Тюмени воеводы Иван Плещеев да Иван Ярлыков на Ницу по сыску по Федьку по Кипиху служивых людей пришлют, и тебе б ево тюменским служилым людем з женою и з детьми отдати, а на ево на Федькино место во крестьяне назвати б тебе из вольных людей, а велети ему пахати государеву пашню Федькину ж долю; и в подмоги место дать тому новому крестьянину Федькин двор, и животы и животину, лошадь и коровы и иной всякой пашеной завод, оценя прямою ценою против 10 рублей; а что будет за десятью рубли лишка, и то написати на роспись и приказати беречи до государева указу. Да как на Тюмень к воеводом ницинсково крестьянина Федьку Кипиху пошлешь и с кем именем, и кого на ево место назовешь, и что тому новому крестьянину Федькиных животов и подмогу отдашь и против

сколька рублев ценою, и тебе б о том отписати в Тоболеск подлинно. А однолично бы тебе строити государева пашня по наказу, каков тебе велено взять после Степана Молчанова, и по своему, каков дан в Тоболеску, неотложно с великим раденьем, чтоб на Нице на государеве пашне хлеба напахати гораздо, и крестьян их и крестьянскою пашнею строить же, а воровства б меж крестьян никакова не было, государеву б пашню, доли пашеных крестьян, которые в Тоболеск взяты, заложную землю 3 десятины вспахати бы тебе всеми ницынскими крестяны згоном, чтоб недопашки не учинити. Да и Бориска Лязгова с товарыщи 10-ти человек на жеребьи называл бы еси во крестьяне охочих вольных людей, коим бы пашня была за обычей, и не воры б; а хто имяна учнет прибиратца, и о тех бы отписать в Тоболеск, и им о государеве цареве и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси жалованье о подмоге указ учинят тотчас.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 10, лл. 3—6, № 4.

236. *1626 г. июля 29.— Грамота на Верхотурье воеводе князю Дмитрию Пожарскому с товарищами о платеже ясака сылвинскими и иренскими татарами и остяками в Пермь Великую.*

От царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии в Сибирь, в Верхотурский город, воеводам нашим князю Дмитрею Петровичю Пожарскому, да Игнатью Ондреевичю Уварову да подьячему Калине Страхову. В нынешнем во 134-м году писали есте к нам и прислали под отпискою челобитную Верхотурсково уезду наших ясачных волостей сылвенских и иренских ясачных татар и остяков Елгитки Буюрганова, да Козенберка Каиманова с товарищи, а в челобитной их написано: в прошлых де годех до московского разорения платили наш ясак и десятую пошлину медовую и хмелевую и денежную на Верхотурье; и в смутное де время, стакався с пермичи, иренской татарин их холоп Акилдейко Ондреев да сыльвинской татарин Сепизак Козлыбаев и били де челом ложно, не по их совету, чтоб им платити наш ясак в Пермь Великую, а не на Верхотурье; а искони вечно де та Сылва и Ирень Верхотурсково уезда, а не Пермьского; а ходят де к ним по ясак целовальники одни лет по 5 и по пяти, и от них де им чинитца обида и продажа великая, и от тово де они одолжали великими долги, и юртишка свои пометали, и били де они челом в Перми Великой на тех целовальников, которые к ним ходят для нашего ясаку, и воеводы де им на тех целовальников суда не дали; и как де они приедут в Пермь с нашим ясаком, и их де воеводы сажают в тюрьму и, сидечи де они в тюрьме, помирают голодом; а Пермь де от них удалела, зимней и летней путь нужен, а к Верхотурью де им ближе, зимней и летней путь лучше; а в Пермь де они давали нашего ясаку по 11 сороков на год, а на Верхотурье де учнут они нашего ясаку давать по 12 сороков на год; и нам бы их пожаловати, велети им наш ясак платить по прежнему на Верхотурье, а в Пермь Великую платить не велеть. И как к вам ся наша грамота придет, и вы б тем сыльвенским и иренским ясачным татаром и остяком Елгитке Боюрганову да Козенберку Каиманову с товарищи в том, что им платить наш ясак на Верхотурье велели отказать, а велели им тот ясак платить в Пермь Великую, потому что тот их верхотурский ясак застарел в Перми многими леты. Писан на Москве лета 7134-го июля в 29 день.

На обороте: Дьяк Иван Болотников. — В Сибирь, на Верхотурье, воеводам нашим князю Дмитрею Петровичю Пожарскому да Игнатью Ондреевичу Уварову да подьячему Калине Страхову. — 135-го ноября в 13 день привез государеву грамоту Данило Низовцов.

ИИ АН СССР, Верхотурские акты, кор. 1. Два сстава. — Список в ААН, ф. 21, оп. 4, № 2, л. 137 и 137 об., № 123.

237. *1627 г. июня 1.—Наказ тобольских воевод князя Андрея Хованского с товарищами Андрею Дубенскому, отправленному для строения острога на Красном яру.*

Лета 7135-го июня в 1 день, по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии указу, воеводы князь Андрей Андреевич Хованской, Иван Васильевич Волынской да дьяки Иван Федоров, Степан Угодцкой велели Андрею Онуфреевичу Дубенскому ехати на государеву службу в Качинскую землицу, в верх по Енисее реке, на Красной яр для того: указал государь царь и великий князь Михайло Федорович всеа Русии в той Качинской землице, вверх по Енисею реке, на Красном яру, вновь поставить острог, а для того острожного ставленья велено послать ево Андрея Дубенского, а с ним с Андреем служилых людей указал государь прибрати вновь в Тобольску и в иных сибирских городех, атаманов и казаков, и свое государево денежное и хлебное жалованье велел им оклады учинить, и давати свое государево денежное и хлебное жалованье на 2 года, а дав денежное и хлебное жалованье, ему Андрею с теми служилыми людьми с нарядом велел итти в Енисейской острог, а из Енисейского острогу в Качинскую землицу, и на Красном яру на реке на Енисее острог поставить, и рвы покопать, и надолобы поделать и всякими крепостьми укрепить, и новых землиц людей под царскую высокую руку приводить ласкою и им говорить, чтоб они великому государю царю и великому князю Михаилу Федоровичу всеа Русии служили и прямили, и ясак с тех землиц имати велено, как будет пригоже, чтоб их не ожесточить, и пашня завести. А буде к тому Красному яру, на котором месте острог поставить, прилегли которых землиц люди, а под царскою высокою рукою тех землиц люди быть не похотят и ясаку с собя давать не станут, и теми будет новоприборными служилыми людьми тех новых землиц под государеву высокую руку привести немочно, и Андрею Дубенскому велено про те землицы расспросить, сколько тех землиц людей, которые будут непослушны и ясаку давать не учнут, и сколь далече которая земля стоит от тово Красного яру, на котором месте острог поставить, и сколько в которой землице каких людей и сколькими служилыми людьми те землицы под государскую высокую руку привести мочно и ясак с них имать. А будет к тому Красному яру подошли многих землиц люди, а под государеву высокую руку быть не похотят и на Красном яру острогу поставить не дадут, а Андрею Дубенскому с новоприборными служилыми людьми тех землиц под государеву высокую руку привести и острогу на том Красном яру без прибавошных служилых людей поставить не мочно, и ему Андрею велено о том о всем писать в Тоболеск, и к Андрею для тово из городов голов, а с ними служилых людей велено послать в прибавку. А одноличио б на том Красном яру острог поставить и тех землиц людей под государеву высокую руку привести в прямое холопство и ясак с них имать. И по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии указу для тово нового острожного строения прибрано в Тобольску и в иных сибирских городех 3 человека атаманов, 300 человек казаков, а денежного жалованья учинены им оклады: атаманом по 30 рублей, десятником по 5 рублей с полтиною, рядовым казаком по 5 рублей человеку, а хлебного жалованья: атаманом по 10 четвертей муки, по 4 четверти круп и толокна, пятидесятником и десятником и рядовым казаком по 5 четвертей муки да круп и толокна по четверти человеку; и то государево им денежное и хлебное жалованье давано на 2 годы: июня с 1-го числа нынешнего 135-го году до июня же по 1-е число 137-го году по окладом их сполна; а кому именем служилым людем с Андреем Дубенским на государеве службе на Красном яру велено быть, и ему дан имян их список за дьячьею приписью. А наряд чинить с Андреем для тое службы послан из Тобольска. И Андрею Онофреевичу Дубенскому с служилыми людьми итти на государеву службу в Качинскую землицу для нового острожново ставленья Обью и Кетью рекою на Енисейской острог с великим поспешеньем денно и нощно, не мешкая нигде ни

часу, чтоб однолишно нынешним летним путем с поль со всеми хлебными запасы и с нарядом в Маковской острог до заморозков. А пришед в Маковской острог, государев наряд и зелейную пороховую и всякую казну и хлебные запасы, которые отпущены с ним из Тоболеска, устроить в государевы анбары и в житницы до зимнего пути; а как, даст бог, зимний путь станет, и ему Андрею наряд зелейной, свинец и всякие пушечные и хлебные запасы велеть возить из Маковского острога в Енисейской острог. А как наряд и зелейную и всякую казну из Маковского острогу в Енисейской острог перевезут, и ему Андрею наряд и зелья и свинец и сукна и всякую казну, что с ним для тое посылки послано, устроити в анбары, а хлебные запасы устроити, где будет пригоже. А как со всем из Маковского острогу в Енисейской острог перевезетца и в Енисейском остроге, где будет пригож, устроетца, и ему Андрею под наряд и под пороховую и подо всякую казну, что к ним послано, и под себя и под служилых людей и под хлебные запасы велеть делать кочи теми ж служилыми людьми, которые с ним посланы, и для мастерства плотников, человек дву или 3, взять в Енисейском остроге у воеводы Василья Аргамакова, а к воеводе к Василью Аргамакову о том писано. А как кочи изготовят, а на Енисее реке лед скроетца, и Андрею по первой полой воде, устроя на суды наряд и зелье и свинец и всякую государеву казну, что с ним послано, и хлебные запасы, прося у бога милости, со всеми служилыми людьми итить вверх по Енисею реке в Качинскую землицу на Красной яр. А идучи ему Андрею Енисеею рекой, посылать от себя в легких судах покрылек и наперед собя в подъездех для всяких вестей и велеть проведывать про воинских людей подлинно. А самому Андрею со всеми служилыми людьми итти бережно и осторожливо, чтоб на них тамошних землиц воинские люди безвестно не пришли и дурна никакова не учинили. А как, даст бог, придут в Качинскую землицу на Красной яр здорово, а дурна им от тамошних людей нигде не будет, и ему Андрею с служилыми людьми на том месте, на Красном яру, острог поставить, и башни порубить, и около острогу рвы покопать, и надолбы поделать, и всякими крепости укрепить и пашню и всякие угодья отискать. А как острог поставят и всякими крепостьми укрепят, и ему Андрею о том отписать в Тоболеск тотчас. А будучи ему на государеве службе в новом остроге, потому ж жити с великим береженьем, чтоб на них Качинские землицы и иных орд люди безвестно не пришли и дурна никакова не учинили. А тамошних землиц людей, которые наперед сего государю были непослушны, под государскую высокую руку призывать ласкою; а велеть говорить новых землиц людем, чтоб они великому государю царю и великому князю Михаилу Федоровичу всеа Русии служили и прямили, ясак с себя давали, а великий государь царь и великий князь Михайло Федорович всеа Русии, царское величество, их своим царским жалованьем пожалует и велит их держать в своем царском милостивом призренье, и от иных землиц велит их во всем оберегать. Да будет которые землицы учинятца вновь под царскою высокою рукою и ясак с себя учнут платить, и Андрею тех людей к шерти приводить, и ясак с них имать, смотря по тамошнему делу и от обид их беречь, чтоб их вдруг не ожесточить, и давать им государева жалованья, сукна, смотря по людям, кому что доведетца, и напоить, и накормить, и ласка и привет держать, и от служивых людей от обид во всем оберегать. А будет на Енисее реке на походе или в Качинской землице на Красном яру его Андрея и служилых людей тамошних землиц люди встретят и пропустити его на то место не похотят, и острогу поставить не дадут и учинят с ними бои, и ему Андрею и служилым людем, прося у бога милости, с ними битися и над ними промышлять, сколько милосердный бог помочи подаст. А чтоб однолично на том месте на Красном яру острог поставить и новых землиц людей под государеву высокую руку привести. А сколь велик острог поставит, и что к тому острогу каких крепостей учинит и что пашни и всяких угодий обыщет, и сколько каких землиц под государеву высокую руку приведет и ясаку с них сберет, и мочно ль в том

новом остроге теми людьми, которые с ним посланы из Тобольска, вперед быти, и не будет ли от иных землиц государевым людем какова утесненья, и что вперед учнет в том новом остроге делати, и ему Андрею о том о всем описати в Тоболеск почасту, чтоб про то про все в Тобольску было ведомо. А будет к Красному яру, на котором месте острог поставить, прилегли которых землиц люди, а жити будет тех землиц люди под государскою высокою рукою не похотят и ясаку давать не учнут, и теми будет служилыми людьми, которые с ним ныне посланы, под государеву высокую руку привести немочно, и Андрею про те землицы распросить, сколько тех землиц людей, которые будут не послушны и ясаку давать не учнут, и сколь далече которая землица стоит от тово Красново яру, на котором месте острог поставить, и сколько в которой землице каких людей, и сколькими государевыми служилыми людьми те землицы под государеву высокую руку привести мочно и ясак с них имать; а распрося подлинно отписать для вспоможенья о людех в Енисейской острог к воеводе Василью Аргамакову да в Томской город к воеводам ко князю Петру Козловскому да к Грязному Бартеньеву, а по государеву указу к ним о тех людях писано ж; а велено им по Андреевым отпискам Дубенского для вспоможенья в Качинскую землицу послать голов с служилыми людьми. А будучи Андрею Дубенскому дорогою и на государеве службе в Качинской землице в новом остроге над служивыми людьми смотрети и беречь того накрепко, чтоб они меж себя не дрались, и грабежу никакого не чинили, и зернью и карты не играли, и государева денежного и хлебного жалованья не проигрывали, и никаким воровством не воровали, и насильства и продажи никому не чинили, да в посылках, как их для государева ясаку пошлют, ясашных людей не грабили и не побивали; а будет учнут каким воровством воровати, или зернью и карты играти, или грабить, и в чем каково государю будет челобитье, и Андрею от тово ото всего их унимати, и управа на них давати и наказанье чинити, смотря по винам, чтоб одноличнo в них никакова воровства и зерни и бляди и душегубства не было. А одноличнo Андрею тем государю царю и великому князю Михаилу Федоровичу всеа Русии послужити, в Качинской землице на Красном яру острог поставить, и всякие крепости учинить, и пашни и всякие угодья отыскать, и иные землицы под царскую высокую руку привесть, и ясак взять, а служилых людей напрасно не бить, и для своей корысти ни к кому ни чем не привстыватца, и посулов и поминков ни у кого ничево не имать никоторыми делы и никакова насильства никому не чинить, чтоб их служивых людей ничем не ожесточить, и расправа меж ими чинить во всем в правду по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии крестному целованью. Да и во всем ему Андрею, будучи на государеве цареве и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии службе, государево дело делать по сему государеву указу, смотря по тамошнему делу, как ево бог вразумит, как бы государеву делу было прибыльнее, чтоб острог поставить и землицы под государеву высокую руку привесть, а себя б и служилых людей на станех и на проходе от немирных землиц людей уберечь. А что с ним с Андреем послано каково наряду и зелья и свинцу и сукон и одекуев и олова и для иноземцев вина и меду и хлебных запасов и железа и замков и всяких снастей, и тому всему роспись дана ему Андрею за дьячей приписью особно. Да как, аж даст бог, в Качинской землице на Красном яру острог поставит, и всякие крепости укрепит и тутошних землиц людей под государевую высокую руку приведет, а приходу будет к острогу от иных землиц людей не почает, и ему Андрею выбрати из тутошних из старых ясашных людей, которым мочно верить, человека или дву, а выбрав послать их в Киргизы к киргиским князьцом и к лучим улусный людем и велети им киргиским людем говорить, что по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии указу в Качинскую землицу на Красной яр пришли государевы многие служилые люди с нарядом и со многим вогненным боем и на том месте жилой острог поставили, и всякими крепостьми укрепили, и тутошних землиц

людей под государеву высокую руку привели, и иных землиц многие люди, слыша про царского величества к ним к иноземцом многую милость и призренье и оборону и заступление, сами под ево государскую высокую руку приклонилися, и царское величество велел их держати в своем милостивом призренье и от иных землиц их оберегать, да их киргиских князьцов и лутчих улусных и ясашных людей потому ж царское величество велел своим государевым людем, которые ныне в Качинскую землицу и на Красной яр присланы, во всем оберегать и обид им никаких не чинить не велел, и оне б киргиские люди были во всем на государеву милость надежны, и жили б по своим юртам в благоденстве и в покое и в тишине, и немирных землиц от людей ни от ково не боялись, потому что стали их от тех немирных землиц государевы многия ратные люди [оберегать] да и ясак бы с собя в Томской город давали по прежнему. Да будет киргиские люди к государю обратилися и в винах своих добили челом, и в Томской город ясак учнут давать и под Томской город войною ходить не учнут, и Андрею Дубенскому их киргиских людей отнюдь ни в чем обидеть не велеть, и ласка и береженье к ним держать, и задору с ними никакова не чинить. А будет киргиские люди по ся места от воровства своего не отстали, и государю не добили челом и в Томской город ясаку не дают, а пойдут будет войною к ним под острог, и ему Андрею с ними битца так же, как и с иными неприятели, и над ними промышлять, сколько милосердый бог помочи подаст. А будет киргиские люди пойдут под Томской город, собрався, войною, а ему Андрею про то весть будет или сам про то подлинно проведает, что пошли войною под Томской город, и ему Андрею в остроге, укрепя осаду накрепко и оставя осадных людей, сколько пригоже, смотря по тамошнему делу, только будет к себе под острог от каких людей в ту пору приходу не почаят, итти с служилыми людьми на киргиские улусы их воевати, и самих киргисцов побивати и жон и детей их в полон имать, и во всем их разным обычаем смирять, чтоб одноличпо их тем под государеву высокую руку привести в прямое холопство по прежнему; да сколько киргиского полону поемлет в полон, и ему тех полоненников всех переписати на роспись и держати у себя в остроге, а крестить и продавать до государева указу не велеть; а писати о том в Тоболеск тотчас. Да будет Андрей своим нераденьем или оплошкою нынешним летом со всеми служилыми людьми и с нарядом и с запасом до Макоцкого острогу не дойдут или, дошед, зимою через волок с нарядом и с запасом в Енисейской острог не перевезутца, или кочевым делом и ходом опоздает и острогу в Качинской землице на Красном яру не поставит, и тутошних землиц людей под государеву высокую руку не приведет, или учнет служилых людей для своей бездельной корысти не по делу бить и посулы и поминки с них имать, и Андрею за то от царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии быти в великой опале.

На оборот Дьяк Иван Федоров, Дьяк Степан Угоцкой.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 20, лл. 1—7, № 1.

238. *1627 г. не ранее июня 3. — Отписка тобольского воеводы князя Андрея Хованского туринскому воеводе Воину Корсакову о проезжих людях, не желающих платить пошлину в Туринском остроге, и о запрещении им ездить новою дорогою через Ницынскую и Чубарову слободы.*

Господину Воину Лукьяновичю Андрей Хованской челом бьет. В нынешнем во 135-м году июня в 3 день писал ты в Тоболеск и прислал челобитную, что били челом государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии Туринского острогу таможенные целовальники Якунька Топорок да Климко Павлов, а в челобитной их написано: стала де вновь проезжая большая дорога Тюменским уездом на Ницу на Красную слободу да Туринским уездом на Чюбарово городище, и тою де

дорогою проходят всякие люди на Русь и с Руси в Сибирь, и рекою Ницею с Верхотурья вниз и Ницею вверх проплывают мимо Чубарова городища, а в Туринском не являютца, а наперед сего на те слободы теми местьи дороги не было, и торговые и гулящие и иные люди тою дорогою никто не езживал, и государева таможенная пошлина збиралась с прибылью, а ныне де торговые и промышленные люди на государевых запасных судех у приказных и у служилых людей и на воеводцких судах проплывают вниз с товары и без товаров, а влыгаютца в боярские люди, не хотячи государевы проезжие пошлины платить; а при прошлом де 134-м годом ныне торговых и промышленных людей ездит с Руси в Сибирь немного мимоездом, а в Туринском не торгуют; и в том в Туринском в государеве казне чинитца великой недобор; а иные де торговые и промышленные люди, едучи мимо Туринской острог на судех, многих промеж собою провезли торговых людей, называютчи их гулящими людьми, а с гулящих людей емлетца прохожие пошлины с человека по четыре деньги, и с тех де торговых людей, которых называют в проезде гулящими людьми, недоимаетца против торговых людей по шти денег; и государь бы их пожаловал, велел им в том свой государев указ учинить. И то, господине, в Туринском остроге у таможенных целовальников в государеве пошлинном зборе делаетца неведомо какими мерами, что не знают торгового человека з боярскими и служилыми или с гулящими людьми; а коли бы торговые и промышленные люди ехали мимо Туринской острог, а влыгалися в боярские или в служивые и в гулящие люди для тово, чтоб им не платити государевы пошлины, и по государеву указу никово б...[1] и на тех было людей в ту пору сказывать им тебе в Туринском остроге, а тебе б, господине, про то сыскать и рассмотреть допрема, и тех торговых людей, которые взлыгались в боярские и в служивые и в гулящие люди, мимо Туринской острог безпошлинно пропускать не велеть, а велеть с них, буде сколь довелось, имать государева пошлина и протаможье. А торговой и промышленной человек, хотя и без товару, перед боярским или перед служивым и гулящим человеком знать можно, а с товаром и поготову знать, что торговой человек. И то по их челобитью знатно, что делают они то в государеве пошлинном зборе своим нерадением или будет каким воровством, и потеряв с тех с торговых и промышленных людей государеву пошлину, ныне своим челобитьем очищаютца. А и тебе, господине, по государеву указу тово всего в Туринском остроге над целовальниками смотреть надобе б накрепко, чтоб государева пошлина не в чем не терялась. И тебе б, господине, одноличпо впредь велеть в Туринском остроге таможенным целовальником торговых и промышленных людей рассматривать з боярскими и служивыми людьми, и с тех торговых и промышленных людей с товаров их и з безтоварных с торговых же и с промышленных и з гулящих людей всякую государеву таможенную пошлину збирати по государеву указу прямую с великим раденпем неоплошно. Да и самому б тебе, господине, по государеву указу над ними смотреть и беречь того накрепко, чтоб нигде в проездах и в торговле никакими мерами государева таможенная всякая пошлина не терялась; и о том чинили б они таможенные целовальники в таможенном своем зборе государю прибыль. И про то их таможенных целовальников велеть расспросить имянно: хто имянем торговых и промышленных людей с какими товары или бес товаров и сколько их человек, влыгаяся в боярские и в служивые люди, ныне проехали мимо Туринской острог, а пошлины не платили, какие и сколько было им пошлин платить довелось, и на каких судех, и у ково у воевод или у приказных людей именем те люди проехали, и сколько человек, и кто именем, и у которых торговых людей на судне назывались гулящими людьми в проезде торговые люди, с которых довелось донять против торговых людей по шти денег с человека; а распрося их имянно, и о том отписать, и тому всему роспись прислать в Тоболеск

[1] *Не разобрано два слова.*

тотчас. А о новой дороге велеть бы тебе, государь, отписать ис Туринскова острогу на Чубарово городище ко прикащику и велеть о том проезжим торговым и промышленным и всяким людем учинить заказ крепкой, чтоб они торговые и промышленные и всякие люди тою новою дорогою на Ницу в Ницынскую слободу и на Чубарово городище не ездили, а ездили б вперед против прежнего на Туринской острог, чтоб от того в Туринском остроге государева таможенная пошлина не терялась. А на Ницу наперед сево писано.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 5, лл. 210—211 об., № 184.

239. *1627 г. октября 25.—Грамота с прочетом на Верхотурье воеводе князю Семену Гагарину о хлебном жалованье Никольскому верхотурскому монастырю, о монастырских половниках и о порядке взимания с монастырских людей выдельного хлеба.*

От царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии в Сибирь, на Верхотурье, воеводе нашему князю Семену Никитичю Гогарину да подьячему Петру Максимову. Били нам челом и отцу нашему великому государю святейшему патриарху Филарету Никитичю Московскому и всеа Русии из Сибири Верхотурского города Никольского монастыря игумен Веньямин з братьею. а сказали: живут де они у нашего богомолья в монастыре у Николы чюдотворца и у Дмитрея Селунскаго, а нашего де жалованья указано игумену на год оклад против меньшей статьи 6 рублев, а дьячку монастырскому 3 рубля, а строителю и черному попу и келарю и казначею и братьи и поно[ма]рю нашего денежного и хлебного жалованья не указано; а казны де монастырские нет же, и годовых ярыжек для пашни наймывати нечем, пашню пашут собою; а преж сего в Никольских деревнях жили половники, а рядили за монастырь из гулящих людей, и с тех де монастырских половников емлют выдельной хлеб, с хлеба пятой сноп, в нашу казну со 132-го году, и во 134-м году те Никольские половники взяты за нас во крестьяне в Верхотурской уезд в Нейвенскую волость; и они де для нашего выдельного хлеба впредь половников в монастырские деревни призвати не могут; и монастырские пашни запустели; и ныне де они питаютца в мире христовым пмянем; а с Верхотурья де воеводы для того выдельного хлеба к их половником посылают детей боярских, и те де дети боярские тот хлеб по угаду запишут, что де будет ис того хлеба умолоту столько, и того де выдельного хлеба столько не приходит, и на гумнах у тех их половников хлеба отходит больши половины; да воеводы же де на их монастырских служек, которые тружаютца у них в монастыре; окроме наемных ярыжек, и на тех их монастырских служек кладут денежной оброк, и от того де у них в монастыре служки не держатца; и нам бы и отцу нашему великому государю святейшему патриарху Филарету Никитичю Московскому и всеа Русии их пожаловати, велети игумену и строителю и келарю и казначею и черному попу и братьи. двунатцати человеком, учинити наша денежная и хлебная руга; и велети б им призвати в монастырские в Никольские деревни из гулящих прихожих людей в монастырские служки и во крестьяне и в половники, и не велети б вперед монастырских Никольских служек и крестьян и половников имати за нас во крестьяне, и велети б сь их половников наш выдельной хлеб пятой сноп имати на поле, считаючи по сотням, и на тех их монастырских служек, которые тружаются и работают в монастыре, нашего оброку имать не велеть. И мы и отец наш великий государь святейший патриарх Филарет Никитич Московский и всеа Русии Верхотурского Никольского монастыря игумена Веньямина з братьею, двунатцати человек, пожаловали, велели им учинить нашего жалованья годовые хлебные руги игумену и братьи всем по 4 четверти ржи, по 4 четверти овса человеку. И их Никольсково монастыря слуг и крестьян и половников за нас имати не велели для того, что половники у них живут по записям на урочные годы, и в те урочные годы половников имати у них

не велели; а как отживут урочные годы, и тогды они свободны и вольны, куды хотят. А выдельной хлеб с тех монастырских половников указали выделяти на нас на полех снопом, а не окладом, и не в гумнах. А тово монастыря на слугах, которые будут у них истари в слугах или в детенышах, а не гулящие и не наемные люди, и на них оброку имать не велели, будет с иных монастырских слуг и с детей пашево оброку не емлют. И как к вам ся наша грамота придет, и вы б Верхотурского Никольского монастыря игумену Веньямину з братьею, двунадцати человеком, вперед велели им давати нашево жалованья годовые хлебные руги игумену и братье всем по четыре чети ржи, по четыре чети овса человеку на Верхотурье из наших житниц, с верхотурскими с ружники и с оброчники вместе; да и в окладные книги тое ругу велели написать имянно. И их Никольского монастыря слуг и крестьян и половников за нас имати не велели до тех мест, покамест за тем монастырем урочные годы отживут. А которые будут в том Никольском монастыре истари в слугах или в детенышах, а не гулящие и не наемные люди, и вы б с тех Никольских слуг и с детенышев нашего оброку имать не велели, будет в сибирских городех с ыных монастырских слуг и з детенышев оброку не емлют. А которых детей боярских или каких иных людей для выдельново хлеба вперед учнете посылати, и вы им Никольскова монастыря и у всяких людей выдельной всякой хлеб велели выделяти, считая на полех снопами, а не окладом и не в гумнах, а наизусть окладывать и выдельного хлеба выделяти на гумнах, не считая снопами, не велели, чтоб в том всяким людем напрасные продажи и к нам вперед челобитья и докуки не было. А прочет сее нашу грамоту и списав с нее список слово в слово, и тот список оставили у себя на Верхотурье в нашей казне, а подлинную сее нашу грамоту отдали б есте Верхотурского Никольского монастыря игумену Веньямину с братьею и оне ее держат у себя вперед для иных наших воевод и приказных людей. Писан на Москве лета 7136-го октября в 25 день.

Позади грамоты по ставом приписал дьяк Иван Грязев. Справа подьячево Алексия Дурова.

На обороте: К сему списку з государевы грамоты Никольского монастыря черной ...·и в братью свою место руку приложил (руку приложил — *на лицевой стороне списка*).

ИИ АН СССР, Верхотурские акты, кор. 1. Четыре сстава. Список 1627 г. — Список XVIII в. в ААН, ф. 21, оп. 4, № 2, лл. 141—142 об., № 127.

Напеч. в АИ, III, стр. 239—241, № 148.

240. *1627—1628 гг. — Наказная память туринского воеводы Воина Корсакова чубаровским таможенным целовальникам о таможенных пошлинах.*

По государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии указу воевода Воин Лукьянович Карсаков велел в Туринском уезде на Чюбарове городище таможенному целовальнику Ивашку Чермному да служилым людем стрелецкому десятнику Степанке Каплину и которые будут на Чюбарове городище по переменам на заставе збирать государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии таможенную пошлину в государеву казну. Кто чюбаровских пашенных крестьян и всяких жилецких людей или верхотурские или тюменские или невьянские или краснослободские хто лошадь продаст, ино имати по цене с чюбаровских и с туринских с рубля по алтыну. А хто шерсть на шерсть поменяетца без придачи, ино с шерсти имать с обеих по два гроша; а буде хто придаст, ино с придачи имать десятая пошлина с тюменских и верхотурских, а с чюбаровских и с туринских со всякого товару с рухляди да и с мяса и с рыбы и с хмелю имать по 10-ти денег с рубля. А друг у друга купят товары свалом, ино имать с обеих с купца и про-

давца по 10-ти денег. А хто лошать продаст или корову, ино имати с рубля по алтыну. А служилых людей и с ямских охотников поперсново имати по алтыну. А с хлеба со ржи и с ярицы и с ячмени и с овса и с полбы померу имать с продавца с чети по шти денег, а с муки по десяти денег; а с пшеницы с чети померу по два алтына. А хто, зделав на Чюбарове городище судна, да продаст лодью или струг или дощаннку или однодеревой стружек, и с плотников имать 3 денег, что возьмут найму от судна, с рубля по алтыну, а с лодки и з ботника рублевую пошлину по расчету. А хто приедет с Верхотурья или с Тюмени или из которых слобод в судех торговых и промышленных людей с проезжими и без проезжих грамот, и с тех людей на Чюбарове городище головщины и полозовщины не имать по тобольской отписке воеводы князя Андрея Ондреевича Хованского, тех торговых и промышленных людей мимо Чюбарова городища не пропущать, ворочать их с проезжими грамотами мимо, в Туринской острог, и товары их писать на лицо, нет ли с ними лишних и заповедных товаров, и не торговали ли в Туринском в уезде по татарским волостем; да те росписи и тех торговых и промышленных людей присылать в Туринской острог с туринскими служилыми людьми, и велеть явитись и роспись товару поднесть в съезжей избе воеводе Воину Лукьяновичу Карсакову. Да и вперед им смотрить того и беречь накрепко, чтоб торговые и промышленные люди с товары своими и без товаров и гулящие ярыжные мимо Чюбарова городища дороги не прокладывали, а ходили бы мимо Туринской острог. А которые будут у них на судех их наемные или гулящие ярыжные без отписей, и на тех ярыжных имать на государя годового оброку по 10 алтын с человека, а потписи их прислать к воеводе в Туринской острог да с них же имать явчей пошлины по 4 денги с человека, и те им государевы пошлины записывать порозпь имянно и класть в ящик, а ярыжных годовой оброк писать своею статьею. Да того им смотреть накрепко, чтоб на Чюбарове городище по дворам чюбаровские крестьяне и всякие жилетцкие тутошные люди русскими товары не торговали, и с татары и с остяки и с вогуличи на мяхкую рухлядь не меняли и не покупали, покаместь государев ясак ясашные люди весь сполна заплатят, а торговали б и покупали по государеву указу на государеве на гостине дворе или в торгу. А хто учнет торговых людей какими товары торговати по дворам или до ясаку с туринскими ясашными людьми и в таможне не явит и не запишет, и на тех людех имать на той же заповеди по 2 рубли по 4 алтына по полуторе денге и тех людей имая присылать в Туринской острог с кем пригоже, и приводить в Туринской остроге в съезжей избе перед воеводу Воина Лукьяновича Карсакова. А хто продал жита в другой ряд или в третье, и у тех товары отписывать на государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии, а их имая присылать потому ж в Туринской острог. А хто продаст двор, и с продавца имать пошлина по 10 денег с рубля, а с купца по 4 деньги с рубля. А збирать им государева таможенная пошлина и с ярыжных оброк прямо в правду по государеву кресному целованию, другу не дружить, а недругу не мстить, и мимо Чюбарова городища торговых и промышленных людей и гулящих и ярыжных не пропускать, и от того посулов и поминков не имать. А буде целовальники с товарыщи государеву таможенную пошлину и годовой оброк непрямо станут збирать, и мимо Чубарова станут пропускать, другу станут дружить, а недругу станут мстить, или сами станут государевыми денгами корыстоватца, или учнут от того посулы и поминки имать, и им быть по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии указу в великом в наказаньи. А одноличио б всякие люди мимо Чюбарова дороги не накладывали, ездили б на Туринской острог.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 5, лл. 211 об.—212 об., № 185.

241. *1628 г. марта 23.— Отписка туринского воеводы Воина Корсакова тобольскому воеводе князю Алексею Трубецкому об укреплении Чубарова городища.*

Господину князю Олексею Никитичю Воин Карсаков челом бьет. По государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии указу в прошлом во 132-м году устроены ис Тоболеска в Туринском уезде на Чюбарове городище на государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии десятинную пашню крестьяне. И то Чюбарово городище стало на степном месте, а острогу и надолоб и никаких крепостей круг Чюбарова городища нет, а крестьянские дворы стоят врознь, а какой приход будет воинским людем к Чюбарову городищу, и чюбаровским пашенным крестьяном без крепости сидеть будет неуметь, а лесу и болот блиско Чюбарова городища не прилегло и укрепитца будет негде. И по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии указу велеть князю Олексею Никитичу в Туринском о крепосте указ учинить, острог ли ставить или надолобы, и будет острог и надолобы, и какими людьми ставить.

136-го году марта в 23 день такова послана с Пятрункой Серебреником.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 5, л. 217 об., № 189.

242. *1628 г. июня 22.— Отписка туринского воеводы Воина Корсакова тобольскому воеводе князю Алексею Трубецкому о находке железной руды на реке Нице.*

Господину князю Алексею Никитичю Воин Карсаков челом бьет. В нынешнем во 136-м году июня в 1-й день в Туринском остроге пришел в съезжую избу перед меня Туринского острогу ясашной татарин Тантелейко Тентюков а сказал: есть в Туринском уезде у наших юртишков вверх по Нице по реке болото кругом его с версту, а растет по нем камыш, и в том болоте чают де быть железной руде. И я того ж числа послал для той руды Туринского острогу пушкаря Кубаска Федорова да стрельца Митьку Лукьянова да толмача Беляйка Ивганова да целовальника Ромашку Некрасова, а с ними послал того ж татарина Тантелейка, чтоб ис того болота взять руды и привести в Туринской острог. И Кубаско на то болото ездил и в Туринской острог с того болота привез железной руды зженой и сырой. И я призвал Туринского острогу кузнецов и руду им казал и о том их спрашивал, что мочно ль ис той руды быти железу. И кузнецы мне сказали, что слыхали де мы от кузнецов, что секают сырую береску и в железной руде отведывают, где пайдут в болоте железную руду; и где де есть в коем болоте железная руда, и та де береска от соку оголитца; да того и не видали, как железо плавят, и то де нам дело не за обычай, потому что мы куем из готового железа. И по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии указу, вели, князь Алексей Никитич, о той руде в Туринском указ учинить.

136-го году июня в 22-й день такова ж послана с тобольским сыном боярским с Яковом [Нарыцким].

ААН, ф. 21, оп. 4, № 5, л. 218 и 218 об., № 190.

243. *1628 г. июля 18.— Грамота на Тюмень воеводе Петру Пушкину о принятии мер против калмыков, в случае если они прикочуют ближе к ясачным волостям Тюменского уезда.*

От царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии в Сибирь, на Тюмень, воеводе нашему Петру Тимофеевичу Пушкину. Писал еси к нам и прислал под отпискою Тюменсково уезду Кынырские и Бачкурские и Терсяцкие волости ясачных татар Ясаула Мурзагелдея Енабекова с товарыщи челобитную, а в челобитной их написано: платят де они нам наш ясак по вся годы бобрами и лисицами и белками, с женатых в цену против 3 рублев 10 алтын, а с холостых в полы;

и нынешней де на 136-й год нам ясак платили с великою нужою, что прикочевали под Тюмень многие колмацкие люди и их ясашных людей вотчинные речки, и угодья у них у ясачных людей отняли, и многих ясачных татар на промыслех всех побивают, и мяхкую рухлядь у них отнимают, а кочуют от города от Тюмени за три днища и ближе; и вперед де им нашего ясаку нам платить будет не мочно, потому что они ясачные люди от колмацких людей в обиде живут по вся годы; и нам бы их пожаловати, велети их от колмацких людей оборонить тюменскими служилыми людьми, чтобы им от колмацких людей утесненья и войны не было и нашего б ясаку вперед им не отбыть. И мы указали: как прикочюют колмаки блиско их волостей, и к ним посылать говорить, чтоб они откочевали в дальные места, а тюменским ясачным татаром насильства и налоги никакие не чинили; а будет колмацкие люди не послушают, прочь не пойдут и тюменским ясачным людем тесноту и налогу учнут чинити, вотчинные их угодья пустошити и их учнут грабить и побивать, и на них посылать тюменских служилых людей, а татар и ясачных людей оберегати и повоевати не давати и от колмаков их оборонятп, а самим наперед задору с колмаки отнюдь не чинити. И как к вам ся наша грамота придет, а как колмацкие будут люди прикочюют блиско ясачных волостей, и вы б х колмацким людем посылали говорить, кого буде пригоже чтоб они колмацкие люди блиско тюменских ясачных волостей на реках и на угодьях ясачных людей не побивали и тюменским ясачным татаром насильства и налоги никакие не чинили, и откочевали бы от тюменских волостей в дальние места. А будет колмацкие люди не послушают, прочь не пойдут, и тюменским ясачным людем тесноту и налоги чинить и вотчинные угодья пустошить и ясачных людей учнут грабить и побивати, и ты б на них посылал тюменских служилых людей и тотар, сколько человек пригоже, смотря по тамошнему делу, и велел бы еси ясачных людей оберегати и воевати б ясачных людей и на угодьях их стояти калмыцким людем не дати и велел ясачных людей от колмаков обороняти. А самим наперед задору с калмаками отнюдь чинити не велел. Писан на Москве лета 7136-го июля в 18 день.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 8, лл. 96—97, № 83.
Напеч. в РИБ, II, стб. 463—465, № 138, X.

244. *1628 г. июля 24.— Отписка туринского воеводы Воина Корсакова тобольскому воеводе князю Алексею Трубецкому о железной руде по р. Невье (Нейве).*

Господину князю Алексею Никитичю Воин Карсаков челом бьет. В нынешнем во 136-м году июля в 3 день писал ты ис Тоболеска в Туринской острог, что ведомо учинилось в Тоболеску, что посылал я ис Туринского острогу служилых людей санопальника Кубаска Федорова с товарыщи в татарскую в ясачную волость по реке по Невье, от Невьинского погоста верст в 15 в то же место, где по тоболескому наказу сыскал железную руду сын боярской Иван Шульгин; и те де служилые и посадские люди приехав взяли в том месте железные руды пудов с 5 и отвезли ко мне в Туринской острог и в Туринском остроге ис той руды железо плавили; а для того де послан ис Тоболеска на Нейву реку для сыску той железной руды сын боярской Иван Шульгин, да тое он руду в том месте сыскал, и железо ис той руды плавлено, и к государю царю и великому князю Михаилу Федоровичу всеа Русии о том из Тоболеска писано; и мне бы велети о том отписать в Тоболеск подлинно: ково я именем посылал ис Туринсково острогу служилых и посадских людей на Нейву реку на то место, где Иван Шульгин сыскал железную руду, и сколько пудов из того места руды взяли и в Туринской острог привезли, и в Туринском остроге ис той руды сколько пудов вы-

плавили в крицах или чистово железа и где ныне то железо, или железная руда и ныне в Туринском остроге не пережжена и железо из ней не плавлено. И в нынешнем во 136-м году июня в 1 день в Туринском остроге, пришед в съезжую избу, перед меня Туринского острогу ясашной татарин Тантелейко Тентюков, а сказал: есть де в Туринском уезде у наших юртишек болото, а чает де в нем быть железной руде. А того мне Туринского острогу Тантелейко не сказал, что по тобольскому наказу проведал тое руду тоболеской сын боярской Иван Шульгин. И послал для той руды Туринского острогу пушкаря Кубаска Федорова, да стрельца Митьку Лукьянова, да толмача Беляка Иванова да целовальника Ромашку Некрасова, а с ними послал того ж татарина Тантелейка, чтоб ис того болота взять руды и привести в Туринской острог. И послал я на то болото нечайным обычаем по татарскому извету. А того он мне не сказал, что тобольской сын боярский Иван Шульгин тое руду сыскал. И Кубаско с товарищи на то болото ездили и в Туринской острог с того болота привезли железной руды зженой и сырой, весу в руде 2 пуда 30 фунтов, и кузнецам тое я руду казал, и кузнецы мне сказали, что де мы руды из железа не плавливали да того и не видали, как железо плавят, и то де нам дело не за обычай. И та железная руда и ныне в Туринском остроге не плавлена. И в нынешнем во 136-м году июня в 22 день к тебе ко князю Алексею Никитичу о указе о той руде писано с тобольским сыном боярским с Яковом Нарыцким. И ис Тобольска в Туринской острог указу не бывало. А того в Туринском было неведомо, что Иван Шульгин сыскал тое руду, и татарин не сказал. И по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии указу вели о той руде в Туринском указ учинить, где та руда деть.

136-го году июля в 24 день такова ж послана с тобольским стрельцом с Ондрюшкою Семеновым.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 5, лл. 220—221, № 193.

245. *1628 г. не ранее сентября 1.—Отписка красноярского воеводы Андрея Дубенского тобольским воеводам князю Алексею Трубецкому и Ивану Волынскому о походе Ивана Кольцова на качинцев и на аринцев и о сношениях с киргизами.*

Государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии воеводам князю Алексею Никитичю, Ивану Васильевичю Андрей Дубенской челом бьет. В прошлом во 136-м году июля в 26 день изменили качинские и аринские татары, князьцы и лутчие люди, отъехали в Кыргызы, и у острогу служивых людей побивали и ко острогу приступали; и в прошлом де во 136-м году августа в 16 день посылал я на качинцев и на аринцев войною атамана Ивана Кольцова и с ним служивых людей 140 человек, и, божьей милостью и государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии счастьем, атаман Иван Кольцов кыргызских и качинских и аринских татар повоевали, многих побили и жены их и дети в полон поимали, а взяли их кыргыскую княгиню Кулера, стара гораздо. И яз посылал в Кыргызы, штоб оне ехали к государеву жалованью в Красной острог. И они кыргызы говорят: ехать де мы не смеем к вам для того: каких де людей в острог возьмете, тех и уморите. Да сказывают на Томской город, что де многих наших людей поморили в Томском городе, и для де того в острог к вам нашим людем нельзя ехать, Кору де у нас взяли в Томской город да и уморили, и за то де у нас война стала. А поить ее и кормить теперь государевым нечем, потому што нет ни жиру ни масла. И о том как укажите.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 17, л. 123, № 99.

246. *1628 г. не ранее сентября 21.—Отписка тобольского воеводы князя Алексея Трубецкого туринскому воеводе Воину Корсакову*

о намерениях калмыцких тайши и о мерах предосторожности против них.

Господину Воину Лукьяновичю Алексей Трубецкой челом бьет. В нынешнем, господине, во 137-м году сентября в 21 день прибежали ис Калмыков в Тоболеск тобольской литовского списку казак Бурнашко Муромцов да юртовской служилой татарин Келмамет княж Бетяшов, а в роспросе сказали, что были они в Калмаках у Чокура тайши да у зятя ево Урлюкова сына Тайчина, а кочевали де Чокур и зять ево Таичин вместе, для того что Талай, Урлюк и иные тайши Чокуру тайши хотят убить, и Тайчин де тайша, потому ж боясь убойства, от Чокура тайши со всеми людьми отъехал к отцу своему к Урлюку, и Талай де тайша и иные тайши со многими калмыцкими людьми пошли на Чокура тайшу, чтоб ево однолично, где ни есть, да убить, и Чокур де тайша побежал за Ишим реку, а хочет итти зимовать на Тобол выше Тюмени, а Талай де тайша и иные тайши однолично хотят Чокура тайшу, где ему не кочевать, сходить. И тебе, бы, господине, те вести были ведомы. И жити бы тебе, господине, в Туринском остроге с великим береженьем, по острогу и отъезжие сторожи ставити крепкие, и в проезжие станицы туринских служилых людей посылати почасту, до коих мест пригоже, и руским людем в деревнях, а ясачным людем в волостях потомуже велеть жити с великим береженьем, чтоб колматцкие люди безвестно не пришли и не повоевали и над острогом дурна никакова не учинили. А будет колмацкие люди пойдут на Чюбарово, и тебе б, господине, послати ис Туринского острогу служилых людей и велеть Чюбаровскую слободу оберегати, чтоб потому ж колмацкие люди над Чюбаровою слободою дурна какова не учинили. Да что в Туринском про колматцких людей вестей объявитца, и о том бы тебе, господине, писати в Тоболеск.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 5, лл. 226 об. — 227, № 197.

247. *1628 г. октября 13. — Отписка туринского воеводы Воина Корсакова прикащику Чубаровской слободы Петру Остафьеву о кочевьях калмыцкого тайши Чокура.*

Лета 7137-го году октября в 13 день по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии указу тобольскому сыну боярскому Петру Остафьевичю Воин Карсаков челом бьет. В нынешнем во 137-м году октября в 12 день писал ко мне с Тюмени воевода Петр Пушкин: прибежали де ис поля тюменской служилой татарин Бекмаметка Изюгилдеев да захребетные гонебные тотаровя Мурчак Гендинов. Таалмыш Елмаметев, а в роспросе сказали: были де они на зверовье на Тоболе, и тайши Чокуръ колмаки их поимали, и держали их у себя тайша Чокур и дети ево день да ночь, и ограбили у них бобры и лисицы и выдры и перье орловое и луки и стрелы и котлы и платье с них поснимали и, пограбя их, трех человек тайша Чокур отпустил, а четвертово товарыща их, захребетново татарина Капюгилдея Бекмаметова, Чокур тайша не отпустил, а для чего не отпустил, того они не ведают; а были де они у Чокура тайши разведены порознь; а кочуют де таиша Чокур з детьми вверх по Тоболу, по сю сторону Черные речки, от Тюмени в пяти днищах; а людей с Чокуром таишею и з детьми ево кочюет по смете человек с 400; а спрашивал де у них тайша Чокур, где им зимовать в государеве вотчине. И тебе б те вести были ведомы. А буде у тебя какие вести объявятца про колматцких людей, и тебе б отписать в Туринской острог тотчас, чтоб мне по вестям послать к тебе служилых людей.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 5, лл. 229—230, № 200.

248. *1628 г. декабря 18. — Отписка туринского воеводы Воина Корсакова прикащику Чубаровской слободы Петру Остафьеву о походе*

тюменских служилых людей против калмыков, об уходе последних и о возвращении туринских стрельцов.

Лета 7137-го году декабря в 18 день; по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии указу тобольскому сыну боярскому Петру Остафьевичю Воин Карсаков челом бьет. В нынешнем во 137-м году декабря того ж числа писал ко мне с Тюмени воевода Петр Пушкин, что посыланы были с Тюмени на колматцких людей тюменские служилые люди и тотаровя, и те тюменские служилые люди и тотаровя ис походу на Тюмень пришли и сказали, что колматцкие люди з государевы вотчины отошли со всеми своими улусы в прежнее свое колматцкое кочевье. И я наперет сего послал ис Туринского в станицу на Чюбарово городище туринских стрельцов Петрушку Иванова да Матюшку Иванова ж для вестей колматцких людей; и тебе б ныне отпустить с Чюбарова городища туринских стрельцов.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 5, л. 230 и 230 об., № 201.

249. *1628—1629 гг.— Отписка красноярского воеводы Андрея Дубенского тобольским воеводам князю Алексею Трубецкому с товарищами об аринском князце Татуше и о покорности качинцев*

Государя царя и великаго князя Михаила Федоровича всеа Русии воеводам князю Алексею Никитичю, Ивану Васильевичю, Семену Васильевичю, Емельяну Евсеевичю Андрей Дубенской челом бьет. В прошлом во 136-м году изменили аринские и качинские тотаровя и отъехали в Кыргызы. И в прошлом во 136-м году аринской князец Татуш государю добил челом и вину свою покрыл, и в оманаты сына своего дал и лутчева мужика Кубеянова сына же своего в оманаты дал; и на нынешней па 137-й год тобе государю ясак тот Татуш с своими людьми дали, и качинцы под твою государеву высокую руку приклонились же и ясак дали, и иные под город прикочевали. А и достальные качинские люди сроку прошали до травы, как будет корм конем, оне будут все под острог кочевать. И впредь качинские и аринские люди хотят государю ясак давать по вся годы полна и без недобору, а сего де году мы были в побегах.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 17, л. 126 и 126 об., № 102.

250. *1628—1629 гг.— Отписка красноярского воеводы Андрея Дубенского тобольским воеводам князю Алексею Трубецкому с товарищами об уплате ясака аринцами.*

Государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии воеводам князю Алексею Никитичю, Ивану Васильевичю, Семену Васильевичю, Емельяну Евсеевичю Андрей Дубенской челом бьет. В прошлом во 136-м году по государеву указу поставили острог к Качинской землице, на Красном Яру, и божьею милостию и государевым счастьем аринские и качинские люди под государеву высокую руку приклонились и ясак с себя дали в новой Красноярской острог; и преже сего те аринские и качинские татаровя давали ясак Алтыну царю. И в съезжей избе аринской князец Татуш сказал: и ныне де нам Алтыну ясак дать же. И я Татушу государскою грозою угрожал и говорил, штоб он Татуш с своими людьми впредь Алтыну царю ясаку не давал отнюдь, а давал бы ясак великому государю в Красной острог. И те аринские люди Алтыну царю ясаку не давали, и Алтыновы люди к ним для ясаку не бывали, как стал новой Качинской Красной острог.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 17, л. 127 об., № 106.

251. *1629 г. не ранее января 10.— Отписка тобольского воеводы князя Алексея Трубецкого томским воеводам князю Петру Козловскому и Грязному Бартеневу о сообщении сведений про измену*

чатских татар и томских новокрещенов и о запрещении отправлять посыльщиков через тарские волости.

Господам князю Петру Ондреевичю, Грязному Ивановичю Алексей Трубецкой челом бьет. В нынешнем во 137-м году декабря в 30 день писали в Тобольск с Тары воеводы князь Юрьи Шеховской да Михайло Кайсаров, что в нынешнем во 137-м году ноября в 5, день посылали они Тарского уезду в верхние волости к барабинцом и иных волостей к татаром, которые во 136-м году своровали, государю изменили и тарских служивых людей, которые у них были в Барабе, побили, ко князьцу Когутайку с товарищи тарских служилых людей сына боярского Богдана Байкача с товарищи. И Богдан Байкач с товарищи, приехав на Тару, в роспросе им сказали, что наехали они государевых изменников чойских да барабинских татар 12 человек и хотели ехати к барабинскому князьцу Когутайку, и те чоинские и барабинские тотаровя Тата с товарищи к Когутайку им ехати не велели для тово, что князец де Когутайко з барабинскими, и с чоинскими и терениинскими татары, которые с ними в измене, кочюют меж колмацких людей князька Абака и коурчаков. Да и чацкие же князьцы и мурзы и тотаровя, государь, изменили. Да ис Томсково де города, государь, изменили томские новокрещоны, отъехали в Чаты ж. И о тех де вестех послали вы в Тоболеск с вестью в судех томских служилых, и тех де томских служилых людей побивали на дороге остяки. А прямо ль чацкие князьцы и мурзы и тотаровя государю изменили и ис Томсково города томские новокрещоны отъехали в Чаты, про то в Тобольску подлинно неведомо, о том вы в Тоболеск не писывали, и томские служивые люди с тою вестью нихто в Тоболеск нынешнего 137 году генваря по 10-е число не бывали. И вам бы, господа, отписати в Тоболеск: в чатцких мурзах и в тотарех и в томских новокрещенных измена была ль, и будет измена была, и о которую пору, и ныне чатские князи и мурзы и тотаровя и томские новокрещоны от измены своей отстали ль, и в винах своих государю добили челом, и для чево изменили; или будет чатцкие князи и мурзы и тотаровя и томские новокрещоны ныне в ызмене, и хто имяны чатцких князей и мурз и тотар и томских новокрещенов в ызмене и в Чатцком ли городе ныне те чатцкие князи и мурзы и татаровя или где откочевали, и томские новокрещены с ними ль или откочевали в которые в колмацкие улусы; и не бывало ль от чатцких князей и мурз и от татар и от томских новокрещенов под Томской город или на волости приходу и по дорогам государевым людей шкоты. А будет чацкие князи и мурзы и татаровя и томские новокрещоны в измене не бывали, и вам бы, господа, проведывать себе тайным обычаем, нет ли в чатцких князех и в мурзах и татарех и в томских новокрещоных какие шатости и измены и с государевыми изменниками Тарсково уезду с татары ссылки. И держати бы вам, господа, к чатцким князем и к мурзам и к татарам привет и ласку и честь и береженье. А в которых будет в томских новокрещоных пачеате какие шатости и измены, и вам бы, господа, тех новокрещонов велети беречи накрепко, да о том о всем отписати в Тоболеск подлинно. А через тарские б вам, господа, волости посыльщиков не посылати, потому что в прошлом во 136-м году Тарсково уезду барабинские и иных волостей татаровя государю изменили, тарских служивых людей Еремея Пружинина с товарищи побили и откочевали было к белым колмаком. И в нынешнем во 137-м году те государевы изменники князец Когутайко с товарищи присылали в Тоболеск челобитчиков бити челом государю о винах своих, и с теми изменничьими челобитчики посланы в Барабу и в иные волости тобольской сын боярской Дмитрей Черкасов да юртовской служивой татарин Аиткул Кизылбаев, приводити тех татар к шерти, что им быть под государевою царскою высокою рукою попрежнему. И Дмитрей Черкасов и Аитикул Кизылбаев генваря по 10 число в Тоболеск не бывали; и что они с барабинскими

и иных волостей с татары учинят, тово ещо подлинно неведомо. И чтоб томским посыльщиком от тарских татар дурна какова не учинилось.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 17, лл. 139—140 об., № 118.

252. *1629 г. не ранее января 10.— Отписка тобольского воеводы князя Алексея Трубецкого нарымскому письменному голове Павлу Салманову о собирании вестей про сношения нарымских ясачных людей с тарскими татарами и о временном прекращении посылки людей из Нарыма в Тобольск и на Тару.*

Господину Павлу Ивановичу Алексей Трубецкой челом бьет. В прошлом, господине, во 136-м году Тарсково уезду верхних барабинских и иных волостей татаровя князь Когутайко с товарыщи своровали, государю изменили, тарских служивых людей Еремея Пружинина с товарыщи в Барабе побили и откочевали было блиско к белым колмакам. И в нынешнем во 137-м году по тобольской посылке те государевы изменники барабинцы и иных волостей татаровя князец Когутайко с товарыщи присылали в Тоболеск челобитчиков бити челом государю о винах своих, и с теми изменничьими челобитчики посланы ис Тоболеска в верхние волости сын боярской Дмитрей Черкасов да юртовской служивой татарин Аикул Кизылбаев приводити тех изменников татар к шерти, что им быти под государевою царскою высокою рукою по прежнему. И Дмитрей Черкасов и Аикул Кизылбаев из верхних волостей в Тоболеск генваря по 10 число не бывали, и что верхних волостей с татары учинили, тово еще подлинно в Тоболеску не ведомо. И тебе б, господине, Нарымсково уезду в ясачных людех росматривати себе тайным обычаем: нет ли в них какие шатости и измены и Тарсково уезду с ясачными людьми ссылки. А посыльщиков бы тебе, господине, через тарские верхние волости на Тару и в Тоболеск не посылать, покаместа верхних волостей татаровя укрепятца под государевою царскою высокою рукою по прежнему, чтоб нарымским посылщиком от тарских татар дурна какова не учинилось.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 16, лл. 28 об.— 29, № 16.

253. *1629 г. после января 10.— Челобитная строителя Канского зимовья атамана Ермака Остафьева об его сношениях с канскими людьми, с просьбой о „послуге“ за его службу.*

Царю государю и великому князю Михаилу Федоровичу всеа Русии бьет челом холоп твой Ново-Качинской земли Красново острогу атаманишко Ермак Остафьев. В прошлом, государь, во 136-м году августа в 28 день по твоему государеву указу послал меня холопа твоего Андрей Анофрневич Дубенской па твою государсву службу вверх по Кану реке к канским людем для твоего государева ясаку, а со мною, государь, холопем твоим послал служивых людей 50 человек. А велено мне, холопу твоему, пришед середи канских людей зимовье поставить. И я холоп твой, идучи по Кану реке с служилыми людьми, подымался двемя дощеники семь порог больших немерных. И шел я холоп твой с служилыми людьми по Кану реке досередь канских людей 5 недель бережно и осторожливо, на всяком наслеге и на обедех ставил городки дощанные и засеки крепкие засекал, чтоб на меня холопа твоего канские люди безвестно не нашли и никоторого дурна не учинили. И подымаючи я холоп твой на пороги, с служилыми людьми всякую нужду и бедность терпели, и помирали голодною смертью, и достальное платьишко свое пригноили. И пришед я холоп твой середи канских людей под большой порог, божиеи милостью и твоим государским счастьем, зимовье с служилыми людьми поставил. И сентября, государь, в 18 день поимал я холоп твой под большим порогом 2 языков канских мужиков Пыркея Хунгуракова да Печенека Интокова и их распрашивал про канских князьцов, где они кочуют и сколь далече от зимовья; и те языки мне холопу тво-

ему в распросе сказали: кочуют де канские князьцы все от зимовья за 2 днища и за 3 около большего озера. И велел я холоп твой тех мужиков твоим государевым жалованьем поить и кормить довольно. И Пичипега я холоп твой отпустил с вестью к канским князьцом и велел им князьцом говорить, чтоб они князьцы были под твоею государской высокою рукой и пришли б они князьцы с твоим государевым ясаком в зимовье. А Пыркея, государь, я холоп свой для вожа оставил в зимовье. И послал я холоп твой из зимовья служилого человека Гришку Иванова, да с ним толмача Самка Иванова да переводчика аринского татарина Шему на большое озеро к канским князьцом и велел им князьцом говорити, чтоб оне князьцы были с людьми своими под твоею государевой высокою рукою и пришли б опе князьцы с твоим государевым ясаком в зимовье без всякой боязни. И октября, государь, в 5 день пришли служилые люди Гришка Иванов с товарыщи от большова озера и в распросе сказали: пашли де мы на большом озере канского князьца, Тесеником зовут, и сказали де ему Тесенику про государское величество и твоего де государева ясаку у нево Тесеника прошали; и Тесеник де ему Гришке сказал: ясаку де дать государю топерь нечево, соболей де у нас пет, и Тесеник де хотел прийти с государевым ясаком в зимовье зимою на лыжах. И ноября, государь, в 22 день пришли в зимовье канские князьцы Тымак да Тесеник с большева озера, а твоего государева ясаку принесли они князьцы в зимовье 54 соболя. И я холоп твой тех князьцев велел твоим государским жалованьем напоить и накормить довольно и князьца Тымака и Пыркея отпустил в юрты для твоего государева ясаку да с ними отпустил служилых людей: толмача Аничку Андреева, да подъячего Ротку Фомина, Ефимка Григорьева да с ними переводчика аринского татарина Акшитарка и велел у них князьцев людей переписать и, переписав людей, велел князьцом с государевым ясаком быти в зимовье. А Тесеника я холоп твой князьца оставил в зимовье, покаместа князец Тымак придет с твоим государевым ясаком и с служилыми людьми в зимовье. И как, государь, Оничка с товарыщи пришел на большое озеро, и иные князьцы людей своих писать не велели, и имян своих не сказывали, и служилым людем князьцы говорили: на что де вы Тесеника в зимовье оставили, а к нам не отпустили, и за то твоего государева ясаку оне князьцы Тымак с товарыщи в зимовье не принесли и Онике с товарыщи не дали; а ево Онику с товарыщи отпустили в зимовье, а велели прислать ево Тесеника, и без нево де нам государева ясаку дать нечево; а как де Тесеника к нам из зимовья отпустят, и мы де государю ясак дадим, собрав с людей своих по соболю тотчас. Да к ним же к князьцом посылал я холоп твой служилых людей Артюшку Григорьева, Гришку Секерина с товарыщи для твоего государева ясаку и велел их князьцев с твоим государевым ясаком призывать в зимовье. И канские, государь, князьцы только прислали твоего государева ясаку в зимовье с Артюшкою Григорьевым с товарыщи 10 соболей, а сами они князьцы в зимовье не пошли, а велели послать к себе князьца Тесеника. И я холоп твой послал к ним князьцом служилых людей, толмача Аничку Андреева, Ротьку Фомина да толмача Сомылка Иванова с товарыщи, 8 человек, для твоего государева ясаку новозбору порознь. И как, государь, служилые люди пришли к ним князьцом и учали прошать твоего государева ясаку, и оне князьцы твоего государева ясаку служилым людем Оничке с товарыщи не дали: зачем де вы к нам Тесеника не привели, и мы де вам без него Тесеника государева ясаку не дадим, и вас де служилых людей в зимовье не отпустим; и оставили у себя канские князьцы служилых людей Оничку Андреева, Родьку Фомина, да толмача Сомылка Иванова, Левку Данилова, а 4 человек служилых людей Гришку Иванова с товарыщи отпустили оне князьцы в зимовье, а велели, государь, прислать князьца Тесеника. И я холоп твой послал к ним князьцом служилово человека Екимка Григорьева да с ним переводчика Шаму, а велел им князьцом говорить: за что оне князьцы твоего государева ясаку не платят, и государевых людей засадили

.и чинятца тебе государю сильны. И как, государь, Екимка к ним князьцом пришел, и они сво Екимка оставили у себя в юртах, а Оничку Андреева князьцы прислали в зимовье, а велели прислать к себе князьца Тесеника, а как де князьца Тесеника к нам в юрты отпустят, и мы де государю ясак и достальной сберем с людей своих и тотчас по соболю с человека, и служилых де людей тотчас с государевым ясаком в зимовье отпустим. И я холоп твой с Оничкою Андреевым князьца Тесеника из зимовья для твоего государева ясаку отпустил. И как, государь, Оничка Андреев пришел в юрты к канским князьцом с князьцом Тесеником, и они князьцы, тотчас собрав с людей своих твоего государева ясаку 30 соболей, и дали Оничке Андрееву с товарыщи и отпустили сво Оничку с государевым ясаком тотчас в зимовье, и рекли оне князьцы все с людьми своими быть впредь под твоей государской высокой рукой неотступно, и твой государев ясак хотели впредь платить тебе государю по вся годы без недобору, по чему де нас государь впредь велит обложить. И впредь тебе государю будет от тех канских князьцев и от их людей в твоем государеве ясаке прибыль великая. И на брацких людей оне князьцы итти служилыми людьми войною радеют. Да оне же, государь, канские князьцы сказали мне холопу твоему Тымак и Тесеник про Брацкую землю: от Канского зимовья до Брацкого перевозу большими судами ходу 5 дней, а от Брацкого де перевозу до Бирь реки конем полтора дни, а от Бирь реки до речки до Уды ходу тоже конем полтора ж дни; а по реке де по Уде живут брацкие первые кыштымы; а до больших де брацких людей ходу от Канского зимовья конем 6 дней. И всего, государь, я холоп твой, будучи в Канском зимовье, взял с канских князьцев и с их улусных людей твоего государева ясаку 94 соболя. И генваря, государь, в 10 день писал ко мне холопу твоему Андрей Анофриевич Дубенской, а велел мне холопу твоему в зимовье оставить служилых людей для бережения твоих государевых дощенников и парусов и варовых запасов, сколько человек пригоже, а самому мне холопу твоему велел итти с твоею государевою соболиною казною и с достальными служилыми людьми в новой Качинской острог. И оставил я холоп твой в Канском зимовье служилых людей для судов и для береженья и твоих государевых варовых запасов 17 человек, а с достальными, государь, служилыми людьми и с твоею государевою казною пошел в новой Качинской Красной острог на лыжах. И шел я холоп твой дорогою бережно и острожливо. И, будучи я холоп твоей на твоей государеве службе в Канском зимовье, и идучи в острог и тянучи нарту, всякую нужду и бедность терпел, и дерево липу ел и помирал голодною смертью. Милосердый государь царь и великий князь Михаил Федорович всеа Русии, пожалуй меня холопа своего за мою к тебе ко государю службишку и голодное терпение послугою, как тебе милосердому государю бог известит. Царь государь, смилуйся.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 17, лл. 134—138, № 115.

254. *1629 г. после января 10.*[1] *— Отписка Андрея Дубенского тобольскому воеводе князю Алексею Трубецкому с товарищами о построении зимовья на р. Кане и о сборе ясака с тамошних людей.*

Государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии воеводам князю Алексею Никитичю, Ивану Васильевичю, Семену Васильевичю, Емельяну Евсеевичю Андрей Дубенской челом бьет. В прошлом во 136-м году августа в 28 день послал я атамана Ермака Астафьева в Кан реку да с ним служилых людей 50 человек, а велел середи людей канских для государева ясаку зимовье поставить и збирать с канских людей государев ясак. И атаман Ермак Остафьев с служилыми людьми, пришед в Кан реку, середи людей зимовье поставил и ясак с канских

---

[1] *Дата установлена на основании № 253.*

людей взял 94 соболя. И атаман Ермак Астафьев о той своей службе принес челобитную и тое челобитную, подклея под отписку, послал я к вам в Тоболеск.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 17, л. 129 об. и 130, № 109.

255. *1629 г. после января 10.— Отписка красноярского воеводы Андрея Дубенского тобольскому воеводе князю Алексею Трубецкому с товарищами о построении на р. Кане острога и о невозможности собрать ясак с тамошних людей на 1630—1631 гг.*

Государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии воеводам князю Алексею Никитичю, Ивану Васильевичю, Емельяну Евсеевичю Андрей Дубенской челом бьет. В прошлом во 136-м году августа в 28 день посылал я атамана Ермака Остафьева, а с ним служилых людей 50 человек вверх по Кан реке, середи Канские земли велел острог поставить. И тот атаман Ермак Остафьев с служилыми людьми вверх Кан реки острог поставил и с канских людей ясак собрал 94 соболя. А нынешнего 137-го году послать в Канской острог на государеву службу на 138-й год для ясаку не с чем, запасов у служилых людей нет, и тот острожек Канской запустел Василья Аргамакова нераденьем, и государю в том убыль великая учинилася: на 138-й год ясаку с канских мужиков не будет.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 17, л. 134, № 114.

256. *1629 г. не ранее января 20.— Отписка красноярского воеводы Андрея Дубенского томским воеводам князю Петру Козловскому и Грязному Бартеневу Чулкову о доставке в Красноярск ясака с киргизов.*

Господам князю Петру Андреевичю, Грязному Ивановичю Андрей Дубенской челом бьет. В нынешнем, господа, во 137-м году декабря в 20 день посылал я в Киргизы качинсково служилово человека Ивашка Бабушкина да татар князьца Татуша да Кубека; и генваря в 20 день пришли ис Киргиз служивой человек Ивашко Бабушкин и Татуш и Кубека, а государева ясаку взяли с киргизов 100 соболей.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 17, л. 139, № 117.

257. *1629 г. января 31.— Наказ красноярскому воеводе Архипу Акинфову.*

Лета 7137-го генваря в 31 день государь царь и великий князь Михайло Федорович всеа Русии велел воеводе Архипу Федоровичу Окинфову быти на своей государеве цареве и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии службе в Сибири в новом остроге на Красном яру. В прошлом во 131-м году послан на государеву службу в Сибирь в Енисейской острог воевода Яков Хрипунов да с ним Яковом отпущен был с Москвы Андрей Дубенской. И в прошлом во 133-м году писал ко государю царю и великому князю Михаилу Федоровичу всеа Русии из Сибири из Енисейского острога воевода Яков Хрипунов и прислал с государевою соболиною казною Андрея Дубенского да служилых людей; да Яков же Хрипунов писал ко государю царю и великому князю Михаилу Федоровичу всеа Русии, что он посылал из Енисейского острога Андрея Дубенского с служилыми людьми вверх по Енисею реке в новые землицы приводити под государеву царскую высокую руку и для ясашнова збору, и Андрей Дубенской с служилыми людьми ходил вверх по Енисее реке для ясашново збору в новые землицы, и ясак на государя вновь взяли, и присмотрели Андрей Дубенской с служилыми людьми в новой Качинской землице на реке на Енисее на яру место угоже, высоко и красно, и лес блиско всякой есть, и пашенных мест и сенных покосов много, и государев де острог на том месте поставити мочно; и прислал ко государю к Москве с Андреем Дубенским

тому месту Красново яру чертеж. а другой чертеж Яков Хрипунов из Енисейсково острогу послал в Тоболеск; и только де государь царь и великий князь Михаил Федорович всеа Русии велит в Тюлькину землицу послать своих государевых ратных людей и велит поставить на том месте острог, и которые де немирные землицы приведут под государеву цареву высокую руку, и ясак с них учнет збиратца и государю будет прибыль немалая; а другой чертеж из Енисейского острогу воевода Яков Хрипунов послал в Тоболеск. И государь царь и великий князь Михайло Федорович всеа Русии, из Енисейсково острогу воеводы Якова Хрипунова отписки слушав и чертеж смотрев, указал государь царь и великий князь Михаил Федорович всеа Русии на том месте в Качинской землице вверх по Енисее на Красном яру поставити острог, а для тово острожново поставленья указал государь послати Андрея Дубенсково, а с Андреем Дубенским для того острожного поставленья служилых людей указал государь послать из Сибири, из Тоболеска и изо всех сибирских городов, сколько человек будет пригоже, и свое государево денежное и хлебное жалованье им по их окладу дати. И в прошлом во 134-м году послана государева царева и великаго князя Михаила Федоровича всеа Русии грамота в Сибирь, в Тобольской город, к боярину и воеводам ко князю Дмитрию Тимофеевичу Трубецкому с товарыщи, а велено им сыскать роспись и чертеж, что прислал в Тоболеск из Енисейсково острога воевода Яков Хрипунов, где приискал в Тюлькиной земле под острог место Андрей Дубенской, и про то место по росписи по чертежу велено спросить тобольских и иных сибирских городов служилых людей, которые в Енисейском остроге бывали: можно ль в Тюлькинской земле на том месте, где Андрей Дубенской приискал, острог поставити, и пашня завести, и прибыли государю каковы чаят ли, и много ли служилых людей в тот острог надобно, и не чаят ли государевым служивым людем от иных землиц какова утесненья и государеву делу какие порухи; да будет по их высмотру и сибирских городов служивых людей по скаске в Тюлкинской земле на реке на Енисее на Красном яру острогу быти и пашня завести мошно, и чаят в том остроге государю какие прибыли, а государевым служивым людем истери никакие не чают, и в Енисейской острог Андрея Дубенского велено послати, а с ним послати служилых людей, сколько будет человек пригоже, кем бы тот острог мочно было поставить, и наряд, какой в тот новой острог надобно, велено ему дати в Тобольску, и из Тобольска Андрею с служилыми людьми и с нарядом велено итить в Тюлькину землю, и в Тюлькиной земле на Красном яру на реке Енисее велено поставити острог. И в прошлом во 134-м году писали ко государю царю и великому князю Михаилу Федоровичу всеа Русии из Сибири из Тоболеска воевода Мирон Вельяминов да дьяки Иван Федоров да Степан Угодской, что они чертеж, каков прислал Яков Хрипунов, в государеве казне в Тобольску сыскали, и тобольских детей боярских и всяких служилых людей, которые в Енисейском остроге и вверх по Енисее реке бывали, про Красный яр и про пашенные места и про всякие угодья, где приискал под острог место Андрей Дубенской, распрашивали; и в распросе, им тобольские дети боярские Павел Хмелевский, Михайло Байкашин, Максим Трубченинов, Михайло Ушаков да служилые люди Дмитрий Ядровской с товарыщи сказали, что они вверх по Енисее тово места, где присмотрел Ондрей Дубенской под острог, Красного яру именно прозвищем, не знают, ни от ково от служилых людей, которых они из Енисейского острогу посылывали вверх по Енисею для государева ясачного збору, про тот Красный яр не слыхали; а того они Павел Хмелевской, Михайло Байкашин, Максим Трубчанинов, Михайло Ушаков, будучи в Енисейском остроге, слыхали от служилых людей, которые хаживали из Енисейского острогу для государева ясаку в Тюлькинскую землю, Качинскую землицу, и в той де в Качинской землице люди кочевные, летом пашню пашут, сеют ячмень да курлак, а зимою кочуют в крепких местах, и сберегаючись от колмацких людей и от братцких и от иных землиц, потому что де те качинские люди в Енисейском остроге

государю ясак дают, а белые колмаки и киргизы и братцкие люди с тех качинцев на себя ясак емлют же, приезжаючи к ним в землицу сильно; и в той де Качинской землице места угожи есть, острог поставити и пашня пахати немалая мочно, а для де тово острожново поставленья в тое Качинскую землицу послати в тое землицу государевых служилых людей надобно 500 человек, а запасы бы тем служилым людям изготовити в Енисейском остроге года на два или на три наперед той посылки; а только де в Качинской землице острог поставят, и братцких и киргизких и иных землиц людей под государеву царскую высокую руку приведут, и государю будет прибыль немалая. И Андрей Дубенской про ту Качинскую землицу им сказал, что и Качинская землица что Красной яр, а прозвал то место Красным яром Андрей Дубенской с ратными людьми, потому что то место красно же. И во 134-м году Андрея Дубенского для острожново ставленья в Тюлькину землю из Тоболеска не отпустили, потому что в государевых в сибирских городах за службами ратных людей оставляется много, и государева денежнаго жалованья вперед дати нечево. И в прошлом во 135-м году государь царь и великий князь Михайло Федорович всеа Русии указал в Сибири в Тобольском и в иных сибирских городех для тое посылки в Качинскую землицу на Красной яр прибрати 4 человека атаманов да 400 человек казаков, а своего государева денежного годового жалованья оклад им велел учинити: атаманом четырем человеком против тобольских атаманов по 13 рублев человеку, пятидесятником по 6 рублев человеку, десятником 32-м человеком по 5 рублев с полтиною человеку, рядовым казаком четырем стам четырем человеком по 5 рублев человеку, итого атаманом и пятидесятником и десятником и рядовым казаком четырем стам четырем человеком государева денежнова годового жалованья оклад 2076 руб., а на 2 годы 4152 рубли; и тем новоприборным атаманом и казаком своего государева денежного жалованья указал государь послать в Тоболеск из Казани изо всяких доходов. Да Андрею Дубенскому для тое посылки указал государь дати своего государева денежного и хлебного жалованья на два ж года по окладу сполна. А хлебнова жалованья Андрею Дубенскому на два года по 12-ти четвертей ржи и по 12-ти четвертей овса; и новоприборным атаманом хлебное жалованье учинить против тобольских пеших атаманов, а казаком против тобольских холостых казаков по пищали, четырем атаманом новоприборным четыре пищали и казаком указал государь 404 человеком послати в Сибирь в Тоболеск с Москвы, из своей государевы казны из Стрелецкого приказу, а зелье и свинец дати в Тоболеску. А дав им государево денежное и хлебное жалованье и пищали и зелье и свинец, с теми новоприборными казаки указал государь послати, по прежнему своему государеву указу, в Енисейской острог Андрея Дубенского. И наряд, какой в новой острог надобно, указал государь ему Андрею дать в Тоболеску. А пришед в Енисейской острог, указал государь с теми людьми Андрею с служилыми и с нарядом из Енисейскова острогу итти в Качинскую землицу, и в Качинской землице, на Красном яру, на реке на Енисее, Андрею Дубенскому указал государь поставить острог. А как тот острог поставит, и хлебные запасы, которые для тех новоприборных казаков привезены будут из Тоболеска в Енисейской острог, из Енисейского острогу послать на Красной яр в тот новой острог. А как из Тоболеска Андрея Дубенского с теми новоприборными казаки в Качинскую землицу на Красной яр для острожново поставленья пошлют, и как Андрей с теми служилыми людьми на том месте острог поставит, и запасы всякие в тот новой острог из Енисейского острогу препроводят, и Андрею Дубенскому с теми служивыми людьми в том остроге быти и новые землицы приводить под государеву царскую высокую руку. И о том о всем Андрею Дубенскому и что в том остроге учнет делатца, писати в Тоболеск к воеводам, а из Тоболеска писать о том воеводам ко государю к Москве. И по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии указу Андрею Дубенскому и новоприборным атаманом и казакам государево

денежное жалованье на два года послано в Сибирь в Тоболеск из Казани, а ружье послано с Москвы; и о том о всем послана государева грамота в Тоболеск к воеводам ко князю Андрею Хованскому с товарыщи. А велено Андрею Дубенскому и новоприборным атаманом и казакам государево денежное и хлебное жалованье на два года против их окладу дати, а дав деньги и хлеб и пищали и зелья и свинец, послать Андрея и тех новоприборных служилых людей, и наряд, какой в тот новой острог надобно. И наказ Андрею Дубенскому велено дати в Тоболеску. И из Тоболеска Андрею Дубенскому с служилыми людьми и с нарядом велено итти в Енисейской острог. А как в Енисейской острог придет, и из Енисейского острогу Андрею Дубенскому с служилыми людьми и с нарядом итти в Качинскую землицу, и на Красном яру, на реке на Енисее, Андрею Дубенскому с теми служилыми людьми и поставити острог и всякими крепостьми укрепить. А как Ондрей Дубенской с служилыми людьми в Качинской землице, на Красном яру, острог поставят и всякими крепостьми укрепят, велено Андрею Дубенскому с служилыми людьми, будучи в том новом остроге, всякие делы промышлять и жить с великим береженьем, чтоб на них Качинские землицы и иных орд люди безвестно не пришли и дурна никакого не учинили. И велено Андрею Дубенскому и служилым людем призывать иных землиц людей по государеву царскую высокую руку ласкою и ясак с тех со всех землиц велено имати, как будет пригоже, чтоб их не ожесточить; и о том Андрею Дубенскому велено писати в Тоболеск, а из Тоболеска князю Андрею Хованскому с товарыщи о том о всем и о людях, сколько служилых людей в Тоболеск приберут, и с Андреем Дубенским на Красной яр для острожнова ставленья пошлют, и что им государева денежнова и хлебного жалованья по окладу, велено отписати по государю царю и великому князю Михаилу Федоровичу всеа Русии к Москве. И из Сибири из Тоболеска воеводы князь Андрей Хованской с товарыщи [писали], что они по государеву указу в Качинскую землицу на Красной яр для острожново поставленья в Тоболеску, и на Тюмени и на Верхотурье прибрали 3 человека атаманов да пятидесятников и десятников и редовых казаков 300 человек, и новоприборным людем государево жалованье по государеву указу учинили им оклад, государево денежное и хлебное жалованье дали им на 2 годы 135-го году июня с 20 числа да июня по 20 число 137-го году по окладам их сполна, и ружье, которое прислано с Москвы, тем служилым людем роздали; а дав государево денежное и хлебное жалованье и наряд и зелье и свинец, Андрея Дубенсково с теми служилыми людьми из Тобольска на государеву службу в Качинскую землицу на Красной яр отпустили, и велено ему на Красном яру острог поставить и крепостьми всякими укрепить; а как Андрей Дубенской с служилыми людьми на Красном яру острог поставит и крепостьми всякими укрепит, и о том велено ему отписать в Тоболеск. И в нынешнем во 137-м году писали ко государю царю и великому князю Михаилу Федоровичу всеа Русии из Сибири из Тоболеска воеводы князь Алексей Трубецкой с товарыщи: в нынешнем во 137-м году октября в 15 день писал к ним в Тоболеск из Качинские землицы с Красново яру Андрей Дубенской с атаманом с Иваном Астраханцем, что в прошлом во 136-м году, пришед Андрей Дубенский с служилыми людьми, в Качинской землице, на верхней изголови Красного яру, на реке на Каче, острог поставили, и крепости всякие поделали, и в остроге съезжую избу, и для государевы казны анбар и дворы себе поставили; и около де Красноярского острогу пашенные земли, а в Качинской землице пашут и родитца ячмень и курлук, и сенных покосов много. . . И Архипу ехать в Сибирь, в Красноярский острог, не мешкая нигде ни часу; и не доезжая Архипу до нового Красноярсково острогу, в Енисейском остроге у воеводы у князь Семена Шаховского взять служилых людей, сколько человек пригоже, смотря по тамошнему делу, чтоб ему до нового Красноярсково острогу от немирных землиц доехати здорово и бесстрашно. А приехав в Красноярский острог, взяти у Андрей Дубенского острожные ключи, и острог пересмотрети, и на остроге

наряду и острожных крепостей. Да ему ж взяти в государеве казне зелье, и свинец и всякие пашенные запасы и что послано с Андреем из Тоболеска тамошних землиц людем, которые учинятца вновь под государевою царскою высокою рукою, на жалованье: сукна, и меди, и олова, и одекую и хлебные запасы, и что послано из Тоболеска...

ААН, ф. 21, оп. 4, № 17, лл. 117—122, № 96.
Напеч. в СГГД, III, стр. 299—304, № 78.

258. *1629 г. ранее февраля 13.*[1] *— Отписка Андрея Дубенского тобольскому воеводе князю Алексею Трубецкому с товарищами о том, что по приказу енисейского воеводы Василья Аргамакова сотник Петр Бекетов собрал ясак с Братской земли, назвавшись служилым человеком Качинского острога.*

Государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии воеводам князю Алексею Никитичю, Ивану Васильевичю, Семену Васильевичю, Емельяну Евсеевичю Андрей Дубенской челом бьет. В нынешнем во 137-м году писано ко мне от вас, а велено мне посылать послов в Брацкую землю служилых людей; и про то послышал, Василей Аргамаков послал в Брацкую землю сотника стрелецково Петра Бекетова с служилыми людьми. И тот сотник стрелецкой Петр Бекетов с служилыми людьми, пришед в Брацкую землю, назвалися нового Качинского острогу служилыми людьми, и ясак с них взяли; а скольких людей он Петр в Брацкой земле ясак взял, и про то неведомо; и я для того посылаю в Брацкую землю послов служилых людей для государева ясаку.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 17, лл. 125 об.—126, № 101.

259. *1629 г. марта 1.—Доезд красноярских казаков Никиты Хохрякова с товарищами об их поездке в Киргизскую землю, о сношениях с князцами Ишеем, Табуном и Ишенеком и о вестях про Дючен-хана.*

137-го году марта в 1 день, по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии указу и по наказной памяти, Качинской земли Красново острогу казаки Никитка Хохряков да Оничка Андреев да Милославка Иванов да атаман Ивашко Бабушкин, пришед в Киргискую землю, киргиским князцом к Ышею и в Табуну и к Ышенеку и кь их улусом людем и им киргиским князьцом и лутчим людем говорили, чтоб они кыргиские князьцы и все улусные люди слушали государева указу и наказной памяти, ясак бы 42 соболя переме[ни]ли и за прошлой же за 136-й год дали, и ясырь бы выкупали, и сами бы они князьцы и лутчие люди в Красной острог за ясаком ехали, и государю бы шертовали, что им быть под государевою высокою рукою, и государю служить и прямить во всем, и ясак давать по вся годы. Да он же князец Ишей ездил за ясаком сам к Алтыну, а от государской милости отбегает, сам за ясаком в Красной острог не едет и государю не шертует, и качинцов держит у себя, а их не отпускает, и в Бану живет мужик Соит, а пазывается тубинским князьцом, а ворует неведомо по вашему ученью или своим умышлением, государевых людей четырех человек у себя засадил и ясаку своим людем давать не велит. Да вы же кыргызы говорили, чтобы вверх Енисея па Кемчюке реке государевым людям поставяти острог для обороны Алтыновых людей, и вы бы кыргызы государю били челом, чтобы государь пожаловал, велел поставить острог. Да вы же кыргызы держите у себя государевых изменников алтырцов, и они государю изменили и государевых людей кузнецких казаков побили, и ясаку с себе не платят, а бегают к вам кыргызам. Да варовал Курчейко, побил государевых енисейских служилых людей, которые шли ис Томского города

---

[1] *Дата установлена на основании № 260.*

с государевыми лошадьми, и вы тех изменников у себя укрываете, и они бы алтырцы и Курчейко ныне и впредь с себя ясак государю давали и государю шертовали на том, что им впредь государевых людей не побивать и государев бы ясак давали по вся годы. И кыргызские князьцы Ишей и Табун и Ишенек и их улусные люди, слушав наказные памяти, государю ясак 42 соболя переменили, а за прошлой за 136-й год в государеве ясаку отказали, а говорят: дать де нам нонече нечего, в прошлом де году к нам по ясак не прислали, а ныне де нам прошлого ясаку взять негде, сами де соболей не ловим, а емлем де за долг соболи у кыштымов, одва де собрали ясак и на нынешней на 137-й год, а впредь де нам государева ясака платить будет нечем, потому что мы сами соболей не ловим, а будем де мы бить челом великому государю, чтобы де государь нас пожаловал и ясаку с нас имать не велел, а велел бы нам служить, как служат татаровя в Тобольском и в Томском городе и по иным городом, а только де нас государь пожалует и ясаку с нас имать не велит, а велит нам служить, как полным городом татаровя служат, и мы де государю прибыль учиним великую, тубинских и моторских и иные землицы подведем многие под государеву высокую руку, с казаками подведем; а ясырь де мы не выкупаем, а кому надобеть, и они выкупают; а сами де мы к вам в Красной острог не едем для того, что де вы засадите в тюрьму без государева указу, а до государя де далеко, воеводы де нас не допустят, уморят в тюрьме. А попрекают Томским городом: приходили де к нам из Томского города Иван Павлов да Иван Бобр и к шерти де нас привели, и посла де у нас взяли и засадили в тюрьму, а на нас де пришли войною, и нас повоевали, жен и детей в полон поимали, и князька де у нас Кору взяли и уморили, и мы де для того к вам в город ехать не смеем, а с вами де мы не шертуем, потому что де вы люди невольные: куда вас воевода пошлет, туда и едетя, а увидим де мы к себе государскую милость и воеводскую правду, и я де Ишей или Тобун и сами будем в город, а от государской де мы милости не отбегаем, куда де нас государь пошлет на службу, и мы готовы хотя сейчас, и в заклады де посадим лучших людей, и казаков де коньми ссудим; а к Алтыну де я Ишей ежжу сам, потому что де Алтын блиско; а качинцев де мы к себе не звали, сами к нам приходили, а отпустить де мы не смеем, потому что де вы нас с качинцами повоюете, а как де мы вашу правду увидим, мы де их отпустим. А Соид де князец живет в Кану с своими людьми, а людей де у нево ста с три, и нам де ему указывать не уметь. А на Кемчике де реке острог хотя ставити хотя и нет. А нам де от Алтына пособи нет, потому что Алтыновы люди придут и по захребетью и нас повоюют. А к алтырцам де приходили кузнецкие казаки 4 человека и ясак с них взяли. А которые мужики побили служилых людей, и тех отослали в Кузнецкой острог. А Курчей де живет у кыштымов, а всево де у нево 2 человека; а как придет, и мы с нево ясак возьмем и к вам пришлем. А в Тубу нас для государева ясаку повели и подводы и корм [дали]. Да он же Ишей сказывал, что ездили они к Алтыну с ясаком, и слышал де я у Алтыновых людей: пришел де из за Китайсково царства стороны царь и воюет де китайсково царя, и городы емлет и называетца де неверным царям всем царь, а называют ево Дучюн кан, а его де имени не знаем, и Лабинское царство взял, а желтых мугалов взял, и иные де городы и улусы поимал, а будет де на Ишима царя воевать, а царства емлет и воюет, а в них не живет, а говорит де он так: государь царь русской велик и славен, да я де велик под ним, а больше де нас нет; а бой де у нево огнянной и лучной и копейной и всякой, и люди де у него всякие; а городы, которые не может взять приступом, и он топит водою; а царства, которые емлет, и он де царей и князей казнит, и их детей, а черных людей оставляет в царствах, а служилых людей с собою емлет. А к Алтыну царю пришли выходцы от нево, а сказывают: от нево де мы шли 20 дней.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 17, лл. 132—134, № 113.

260. *1629 г. не ранее марта...—Отписка Андрея Дубенского тобольскому воеводе князю Алексею Трубецкому с товарищами о неудачном посольстве красноярских служилых людей в Братскую землю.*

Государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии воеводам князю Алексею Никитичю, Ивану Васильевичю, Семену Васильевичю, Емельяну Евсеевичю Андрей Дубенской челом бьет. В нынешнем во 137-м году писано ко мне из Тобольска, а велено послать в Братцкую землицу послов для государева ясаку, штобы оне братцкие люди были под государевою высокою рукою и ясак бы с себя давали в новопостроенный острог. И в нынешнем же во 137-м году февраля в 13 день посылал я в Братцкую землицу пятидесятника Офоньку Обеднина да толмача Максима Иванова. И он Офонька с товарыщи пришли в Кан к канским князьцом к Соту и к Тымаку и учали им говорить, чтоб вожей дали и вели б в Братцкую землицу; и канские князьцы Сот и Тымак им Офоньке с товарыщи вожей не дали в Брацкую землицу не повели: вожей де дати в Братцкую землицу не смеем, для того што де вас какие люди побиют, а нам де будет худо, станут де говорить казаки, будто казаков мы побили, а мы де государю не хотим изменить, и ваших де казаков потеряти и своих людей потерять не хотим; а братцких де людей только не воевати, и они де не будут под государевою высокою рукою и ясаку с себя не дадут; а в Братцкой де землице теперво нет ни большево ни меньшево, потому што де мы у них убили большево князьца, и у них де ныне война промеж собою третий год; а на братцких де людей мы итти войною с казаками вместе готовы, и государю де служить со всеми своими людьми, и ныне де мы под казаков дадим, как на службу итти в Браты.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 17, л. 127 и 127 об., № 105.

261. *1629 г. апреля 28.—Память из Тобольска Нижней Ницынской слободы прикащику Остафью Михалевскому о принятии мер на случай нападения на слободу изменников татар верхних тарских волостей.*

Лета 7137-го апреля в 28 день, по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии указу, память Ницынские слободы прикащику Остафью Михалевскому. В нынешнем в 137-м году апреля в 27 день писали в Тоболеск с Тары воеводы князь Юрьи Шеховской да Михайло Бонсаров, что в нынешнем де во 137-м году апреля во 12 день Тарсково уезду верхних волостей ясачные тотаровя, сослався с подгородными с юртовскими тотары, государю изменили и хотят под Тарской город приходить войною; а от Тарсково города есть дорога степью, не заимуя Тобольска, на Тюмень; а Ницынская слобода к степи блиско ж. И ныне писано ис Тоболеска на Тюмень к воеводе к Прокофью Измайлову а велено к тебе в слободу на Ницу посылати для береженья тюменских служивых людей по переменам по 10-ти человек. И как к тебе ся память придет, и ты б в Ницынской слободе жил с великим береженьем, по острогу б и около государевых житниц сторожи были беспрестанно крепкие. Да и пашенным крестьяном по пашне по тому ж велел жити б бережно; и лошади и коровы велети им держати в крепких местах, чтоб тарских верхних волостей и юртовские татаровя или иные какие воинские люди безвестно не пришли, и пашенных крестьян на пашнях не побили, и над слободою дурна какова не учинили. А буде почаешь на Ницынскую слободу приходу воинских людей, и ты б по вестям на прибавку о служивых людех писал на Тюмень к воеводе к Прокофью Измайлову, а ис Тоболеска о том к нему писано ж. А которые тотаровя живут около Ницынские слободы, и ты б в них розсматривал себе тайным обычаем: нет ли в них какие шатости и измены

и з государевыми изменники с тарскими татары ссылки. Да что у тебя в слободе вестей будет, и ты б о том писал в Тоболеск. Дьяк Семен Собакин.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 10, лл. 6—7, № 5.

262. *1629 г. апреля...— Грамота красноярскому воеводе Архипу Акинфову о дополнительном жалованье казакам, принимавшим участие в строении Красноярска, и об освобождении их от судных пошлин на пять лет.*

От царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии в Сибирь, в новой острог на Красной яр, воеводе нашему Архипу Федоровичю Акинфову. В нынешнем во 137-м году генваря во 10 день писали к нам из Тоболеска воеводы князь Олексей Трубецкой с товарыщи: в нынешнем де во 137-м году октября в 15 день писал к ним в Тоболеск из Качинские землицы, из нового Красноярского острогу, Андрей Дубенской и прислал под отпискою своею нового Красноярского острогу за руками челобитную, а в челобитной написано: били нам челом Качинской землицы Красноярского острогу атаман Иван Астраханцев, Иван Кольцов, Ермолай Остафьев, пятидесятники и десятники и редовые казаки 300 человек: по нашему указу посланы они на нашу службу в прошлом во 135-м году в новую Качинскую землицу на Красной яр с Андреем Дубенским и велено им на Красном яру острог поставить; а нашего де денежного жалованья дано им на 2 годы: пятидесятником по 6 рублев, десятником по 5 рублев с полтиною, а рядовым казаком по 5 рублев на год, а хлеба дано им по 5 четвертей с осьминою муки, да по четверти круп и толокна, да по пуду соли человеку на год, а всякая четверть весом в 4 пуда, а не додано им нашего хлебного жалованья 33 чети муки; и шли они по Иртышу и по Оби реке наспех днем и ночью безпеременно, чтобы мороз не взял; и, пришед они на Красной яр, нашим счастьем острог поставили и всякими крепостьми укрепили, да в остроге поставили анбар четырех сажен для наших хлебных запасов, да съезжую избу поставили трех сажен и тюрьму и воеводской двор поставили, и себе на десяток по избе сделали ж; и идучи они из Тоболеска до Макоцкого острогу, и волоча запасы на себе за волок, и наимуючи под наши хлебные запасы, и воровые снасти и якори и шеймы и парусы, делаючи дощенники, идучи из Енисейсково острога до Красново яру, и лес острожной и хоромной добывая, острог и дворы ставя в конец погибли, обнищали и обдолжали промеж собою великими долги, и всякую нужу и бедность терпели; и зимою де им па наши ни на которые службы без платьишка итти будет невозможно и не в чем; и нам бы их пожаловать за их службу и за кровь и за острожную ставку послугою, и велеть бы им прибавити денежново и хлебного жалованья, велети им из нашие казны деньги дати, которые они дали от возки за волок от наших хлебных запасов и за дощеник, которой они купили под наши хлебные запасы, и за ертаульные[1] струги дали свои деньги, для их бедности и за их службу и за острожное ставленье. И мы нового Красноярсково острогу служилых атаманов Ивана Астраханца с товарыщи 3 человек да пятидесятников и десятников и редовых казаков 300 человек пожаловали, за те их службы и за терпение и за острожное ставление велели им дати в приказе, сверх нашего годового жалованья, половину их денежных окладов, то им и за сукна, атаманом 3 человеком по 6 рублев с полтиною, пятидесятником 6 человекам по 3 рубля, десятником 24 человекам по 2 рубля по 25 алтын, редовым казаком 270 человекам по 2 рубля с полтиною человеку, итого 788 рублев с полтиною; да за суды и за струги, которые суда они покупали своими деньгами, и от хлебные воски найму дали, опричь тех судов, которые они сами делали, деньги

[1] *В рукописи:* есаульные.

49 рублев. И наших пошлин судных со всякие их купли и продажи пожаловали есмя для их службы имати с них не велели 5 лет, потому что место новое и дальное, ото всех от иных сибирских городов отошло далеко. А хлебные запасы указали есмя посылати из Тобольска в Красной яр во время с весны рано, смотря по тамошнему делу, чтоб им служилым людем в таком далеком месте в хлебе нужды не было; и как те хлебные запасы проводить до Красново яру, о том наш указ послан в Тоболеск к воеводам ко князю Алексею Трубецкому с товарыщи и в Томской город к воеводам ко князю Петру Пронскому с товарыщи от нас писано же. Да по челобитью красноярских челобитчиков Васьки Яковлева да Петрушки Андреева велено им дати из тех денег на покупку, по приказу товарыщев их всех красноярских казаков, 35 рублев. И как к тебе ся наша грамота придет, а челобитчики пятидесятник Васька Яковлев да десятник Петрушка Андреев привезут наше жалованье атаманом и казаком 728 рубли с полтиною, и тебе бы те у них деньги велеть взяти на отчет и велеть наше жалованье за их службу и за терпение в полы их окладов, то им и за сукна, роздати перед собою всем налицо по списку: атаманом 3 человеком по 6 рублев с полтиною, пятидесятником 6 человеком по 3 рубли, десятником 24 человеком по 2 руб. по 25-ти алтын, рядовым казаком 277 человекам по 2 рубля с полтиною человеку. Да что им велено дати за суды и за струги, что они покупали на свои деньги, и что от хлебные воски найму дали и достальные деньги, что осталося за покупкою, 14 рублев, велел отдати служилым людем. И со всякие их купли и с продажи наших пошлин имать с них не велели для их службы 5 лет. Писан на Москве лета 7137-го году апреля в... день.

ГАФКЭ, Сиб. прик., стб. 160, лл. 37—42. Черновик. — Список XVIII в. в ААН, ф. 21, оп. 4, № 17, лл. 141—143 об., № 119.

263. *1629 г. не ранее мая 22. — Отписка Андрея Дубенского тобольскому воеводе князю Алексею Трубецкому с товарищами о сборе ясака с Тубинской и Маторской земель.*

Государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии воеводам князю Алексею Никитичю, Ивану Васильевичю, Семену Васильевичю, Емельяну Евсеевичю Андрей Дубенской челом бьет. В нынешнем во 137-м году посылал я служивых людей для государева ясаку десятника Никиту Хохрякова, толмача Ивашка Бабушкина в Тубенскую и в Маторскую земли; и те служилые люди Никитка да Ивашка в Тубе у тубинских князьцов ясак взяли 37 соболей. Да тот же Никитка с товарыщем пришли в Маторскую землицу ко князьцу Шижлеку и прошали ясаку, и тот де матарской князец под государеву высокую руку приклонился, ясак с себя дал 1 соболя, а сроку прошал до осени: ныне де я живу от государя в побегах и с людьми своими, а ныне люди на зверовьях, а на осень де дадим ясак со всех с маторских людей. И тот Никитка Хохряков да Ивашко Бабушкин пришли в Красной острог маия в 22 день. И я ту государеву соболиную казну послал с служивым человеком с Гришкою Секериным к вам в Тоболеск.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 17, л. 125 об., № 100.

264. *1629 г. не ранее июня 19. — Отписка Андрея Дубенского тобольскому воеводе князю Алексею Трубецкому с товарищами о собранном ясаке с новой землицы на р. Кане и о вторичном сборе ясака с аринцов посланным енисейским воеводой.*

Государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии воеводам князю Алексею Никитичю, Ивану Васильевичю, Семену Васильевичю, Емельяну Евсеевичю Андрей Дубенской челом бьет. В нынешнем во 137-м году маия в

25 день посылал я из Красного острогу служивых людей в верх по Кану реке для государева ясаку Стеньку Федорова, Федьку Иванова, Редку Фомина, Самоилка Иванова; и Стенька с товарыщи взял государева ясака с новой Камасинской землицы с князька Баичи и с ево улусных людей на 137-й год вново 40 соболей. Да в нынешнем же во 137-м году июня в 19 день прислал из Енисейского острогу Василей Аргамаков толмача Богдашку Туметкова к аринским мужиком, а велел с аринских людей ясак брать сверх нашево ясаку, што с них ясак взят в Красной острог, и тот Богдашка Туметков взял с них 5 соболей. И я посылал служивых людей в улус для ево Богдашки и велел ево поимать и привести в Красной острог; и он Богдашка от служивых побежал, а те соболи покинул в юртах, и служилые люди те соболи принесли в съезжую избу, и я те соболи положил в государеву казну до вашего указу; и вы об тех соболях что укажете. А што взято 40 соболей с Камасинские земли 40 соболей, и я те соболи послал к вам в Тоболеск с десятником с Фомкою с Кочергиным да с Федотком Исаевым.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 17, л. 166 и 166 об., № 128.

265. *1629 г. не ранее июля 7.— Отписка прикащика Чубаровской слободы Михаила Харламова туринскому воеводе Афанасию Зубову о присылке в слободу служилых людей в виду полученных вестей о движении калмыков и татар.*

Государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии воеводе Афанасью Ивановичю Михайло Харламов челом бьет. В нынешнем во 137-м году июля в 7 день приехал с Тюмени на Чюбарово тюменской ясашной татарин Иванча Турбаев, а сказал, что июля ж в 4 день прибежали на Тюмень тюменские юртовские и тарханцы, служилые люди и ясашные татаровя с Ишима реки с промыслу з бобров.., а ясака дали де на Тюмени воеводе Прокофью Измайлову, а видели они сакму воинских людей, перевезлись из за Ишиму на сю сторону, а тово неведомо, какие люди, а гораздо де их много по каменю шли, а дорогу в пол колена выбили, а видели ту сакму июня в 23 день. Да он же Иванча сказал: сздил де с Тюмени в Уфинской уезд в Катайские волости тюменской служилой человек Якунка новокрещен и прибежал на Тюмень июля в 5 день, а сказал, что в нынешнем во 137-м году июня в 30 день в Катайской в первой в Тоганаеве волосте, пришед воинские люди калмаки и тотаровя, тое Таганакову волость погромили и жен их и детей в полон поимали при нем, а то де он Якунка сам видел. А Чюбаровская слобода стала от степи со все стороны. И тебе бы Офанасей Иванович, по государеву указу и по тобольской отписке воеводы князя Олексея Никитича, прислать в Чюбаровскую слободу для береженья туринских служилых людей для приходу воинских людей и наряду, какова мочно, и оружья: затинных и пищалей и пороху и свинцу прислать. А на сенокос или на свои однонечно чаять приходу воинских людей. А в Чюбаровской слободе у крестьян оружья никакова: пищалей и луков ни у ково нет.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 5, лл. 235 об.— 236, № 207.

266. *1629 г. не ранее июля 24.— Отписка прикащика Красной слободы Остафия Михалевского тюменскому воеводе Прокопию Измайлову о „всполохе“, произведенном татарами в виду полученных вестей о походе калмыков на Тюменский и Туринский уезды.*

Государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии воеводе Прокофью Хрисанфовичу Остафей Михалевский челом бьет. В нынешнем во 137-м году июля в 24 день зделали всполох есашные спанчинской татарин Тиугелдейко Мучнев да Иленского города татарин Чекмаметко Турубаев, даючи вести ночию по юртам иным

татарам и на Чюбарово и в Ницынскую слободу, а сказали, что погромили идучи ис Ката колмацкие люди Букшурских волостей татар на Утеше озере Якшибая да Бектемира, и, языков побрав идут в Тюменской да в Епанчинской уезды под государевы слободы. И я по тем вестям их велел крестьяном собратца в острог да и, слыша от них татар, к тебе я на Тюмень о служивых людех писал для береженья государевы казны, а сам хотел допряма проведать, взяв с собою Обуховых юрт татар Щербака Бесергенева с товарыщи осми человек, в подъезды ездил полтора днища, откуды и чаят приходу, и на Чюбарово заезжал, про те вести допрашивал, откуды им те вести были; и приказной Чюбаровской Михайло Харламов призывал ис татар епанчинских лутчево татарина мурзу Гилдея Билдибаева, и он сказал: те де татаровя ложно всполох сделали и ревели... пожаловать, о том велеть сыскать, для чево они такой всполох зделали, не было бы у них каково заводу, не слыхали в степе...[1] а ныне страдная пора по полям и на сенокосех...[2] велеть прибавить с Тюмени в Ницынскую слободу для береженья государевы казны на караулы служилых людей побольши старова, а присылать бы в ту страдную пору, чтоб над государевою слободою и казною не зделали какова пожару.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 10, л. 7 и 7 об., № 6.

267. *1629 г. не ранее июля 26.— Отписка прикащика Чубаровской слободы Михаила Харламова туринскому воеводе Афанасию Зубову о вестях про калмыков на Пышме и об отправке части служилых людей обратно в Туринск.*

Государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии воеводе Афанасью Ивановичю Михайло Харламов челом бьет. В нынешнем во 137-м году июля в 26 день писал я к тебе в Туринской острог, что сказывал на Чюбарове тюменсково ясаку тотарин Турмышко Инбаев, что прибежал с Пышмы туринской ясашной татарин Тявгилдейко, а сказал, что видел де он на Пышме воинских колмацких людей: взяли де они на Пышме Туринсково острогу ясашных татар Талмаметка с товарыщи, а иных побили; и я по тово Тавгилдейка послал Туринского острогу служилого человека Ермолку Митрофанова, штобы мне ево росспросить подлинно, и Ермолка ево не сыскал: уехал он за озера. Да в нынешнем же во 137-м году июля в 25 день тюменсково ясаку татарин Интемярко прибежал к чюбаровскому крестьянину в ноче к Мишке Немчинову и, розбудя ево, сказывал те же вести. Да в нынешнем же во 137-м году июля в 26 день ехал из Ницынские слободы на Чюбарово Остафей Михалевской и встретил ево Тюменсково уезду татарин Бехмаметко Гурбаев; ехал с вестью к братьям своим к Иванче и к Табанку, а сказал, что приехал с Пышмы Туринсково уезду тотарин Таугилдейко, а сказал де, што видел он на Пышме воинских калматцких людей, погромили бушкурцев на Устюше озере Бехтемирковы юрты да на Пышме Ямшибаевы юрты. Да был на Исети Тюменского уезду татарин Ишмаметко Собакин брат и за Исетью ездил 4 дни, и он не сказывает ничего, не видал де ничево нигде и не слыхал опричь тово, што погромили в Катайской волости Тагапайка Лутгилдеевы юрты. И тот Иштемярко с товарыщи на Чюбарове ставлены и допрашиваны, и оне не сказывают ничего, окроме тех же прежних вестей. И я тех туринских служилых людей 10 человек, которые присланы на Чюбарово в прибавку к прежним служилым людем, до прямых вестей отпустил в Туринской острог. А будет вперед объявятца какие вести, и я учну писать к тебе в Туринской острог.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 5, лл. 236—237, № 208.

---

[1] *Пропуск в рукописи.*
[2] *Здесь одно слово не разобрано.*

268. *1629 г. июля 27.— Память из Тобольска Нижней Ницынской слободы прикащику Остафью Михалевскому об удачном походе тобольских голов Федора Елагина и Богдана Аршинского против тарских изменников, о намерениях царевича Аблагерима и о принятии мер предосторожности против него.*

Лета 7137-го июля в 27 день, по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии указу, память Нижненицынские слободы прикащику Остафью Михалевскому, — *Далее повторяется текст, поставленный в № 269 между знаками * и **, после чего следует:* И как к тебе ся память придет, и ты б жил в Ницынской слободе с великим береженьем. Да и пашенным крестьяном на полях и по пашням и тюменским татаром, которые около Ницынские слободы, по тому же велети жити с великим бережепьем, и лошади и коровы велети держати в крепких местах, чтоб ис тарских волостей царевич Аблагирим з государевыми изменники с колмацкими людьми безвестно не пришли и не повоевали и над Ницынской слободою дурна какова не учинили. Да на тюменских татарех, которые около слободы, проведывати тебе тайным обычаем и примечати накрепко, нет ли и в них какие шатости и измены и с царевичем Аблагиримом и с ызменники ссылки; да будет в которых татарех есть какая шатость и измена или с царевичем с Аблагиримом и с ызменники ссылки и без прибылых людей будет на Нице быти не уметь, и Остафью о той татарской шатости и о измене и о людех на прибавку по вестям писати на Тюмень к воеводе к Прокофью Измайлову, а ис Тобольска о том на Тюмень к воеводе к Прокофью Измайлову писано ж.

На обороте: Дьяк Емельян Евстафьев.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 10, лл. 8—9 об. № 7.

269. *1629 г. не ранее июля 29.— Отписка тобольского воеводы князя Алексея Трубецкого туринскому воеводе Афанасию Зубову об удачном походе тобольских голов Федора Елагина и Богдана Аршинского против тарских изменников, о намерениях царевича Аблагерима и о принятии мер предосторожности против него.*

Господину Афонасью Ивановичю Алексей Трубецкой челом бьет. * В нынешнем, господине, во 137-м году посыланы с Тары в поход на государевых изменников на юртовских и на волостных татар, которые в нынешнем во 137-м году государю изменили, тобольские головы Федор Елагин да Богдан Аршинской, а с ними тобольские и тарские служивые люди и юртовские служивые татаровя; и тех государевых изменников сошли на Чане озере, и божиею милостью, а государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии счастьем, многих побили и в языцех живых и в полон многих поимали, и руской полон, что было они поимали в Тарском уезде в деревнях, отбили и лошади и коровы отогнали, а достальных изменников человек с полтораста, и те многие переранены ушли к барабинскому князьцу к Богутайку, а головы Федор Елагин да Богдан Аршинской с ратными людьми с боя отошли здорово. И в нынешнем, господине, во 137-м году июля в 26 день писали в Тоболеск с Тары воеводы князь Федор Волконской да Исаак Байков, что вышли к ним на Тару от государевых изменников выходцы тарские аялынские татаровя Кудайшугурко да Катачинко Сениткуловы и прислали тово выходца Кудайшугурка Сениткулова для роспросу в Тоболеск, и Кудайшугурко в Тоболеску в роспросе сказал, что после того, как государевы люди побили государевых изменников, государев же изменник юртовской татарин Невруско Евгаштин привел с собою на Чану озеро ис Колмаков царевича Ишимова племянника Аблагирима, а с ним колматцких людей Кокшул да Урлюка тайшей да Байбигишевых людей 60 человек, а хочет де царевич Аблагерим с тех государевых изменников

с юртовских и с волостных татар и с барабинцов па тех тайшей, которых тайшей пришли с ним люди, ясак збирати, а у тех тайшей на которых хочет ясак збирать и у белых колмаков у князьца Абака да у коурчацково князьца у Кексеша хочет на помощь людей просить, и хочет приходити под Тарской город и на волости войною; а ныне де с царевичем с Аблагеримом в скопе барабинцев и государевых изменников с колмацкими людьми всяково человека с 300 человек, а покочевали де ныне к белым колмакам в Коурчаки к Кексешу с товарыщи, на урочище на Пялю реку. ** И тебе б, господине, потому ж жити в Туринском остроге с великим береженьем, по острогу и отъезжие сторожи ставити крепкие, и в проезжие станицы туринских служилых людей и татар посылати почасту, до коих мест пригоже, и руским людем в деревнях и ясачным татаром в волостях потому ж велети жити с великим береженьем, и конские и коровьи стада держати в крепких местах, чтоб ис тарских волостей царевич Аблагерим з государевыми изменники и с колмацкими людьми безвестно не пришли и не повоевали и над острогом дурна какова не учинили. Да и в туринских татаревях, проведывати тебе тайным обычаем: нет ли в них какие шатости и измены и с царевичем с Аблагеримом и с изменники ссылки; да будет в которых татарех почаят какую шатость и измену, с царевичем с Аблагеримом и с изменники ссылку, и без закладов будет верить им немочно, и тебе б, господине, у тех татар имати заклады лутчих людей, поскольку человек пригоже, смотря по тамошнему делу, и держати их в остроге. А будет по вестям об людях учнет к тебе писати в Туринской острог с Чюбарова городища прикащик Михайло Харламов, и тебе б, господине, послати в Чюбаровскую слободу туринских служилых людей, поскольку человек пригоже, смотря по тамошнему делу и по вестям. Да что вперет про царевича Аблагирима и про государевых изменников или про колмацких людей вестей объявитца, и тебе б, господине, о том писати в Тоболеск почасту.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 5, лл. 237—239 об., № 209.

270. *1629 г. августа 21—22.— Отписка томских воевод князя Петра Козловского и Грязного Бартенева находящимся в пути новым томским воеводам князю Петру Пронскому, Алексею Собакину и дьяку Бажену Степанову о вестях про барабинцов и черных калмыков.*

Господам князю Петру Ивановичю, Алексею Степановичю, Божену Степановичю Петр Козловской, Грязной Бартенев челом бьют. В нынешнем, господа, во 137-м году августа в 21 день писали вы, господа, к нам: слух вас дошел в Нарымском остроге от наших людей, что в Томском городе вести есть немирные, хотят де приходить к Томскому городу многие люди войною, и для вестей послан от вас в Томской город Ивашко Астраханцов, и нам бы, господа, к вам навстречю отписати про всякие вести подлинно с тем же Ивашком. И в нынешнем, господа, во 137-м году были вести: августа в 6 день прибежал в Томской город ис Чат из Кизланова улусу от Кизлана мурзы чатской же мурза Тазан и сказывал нам в роспросе в съезжей избе, что пришли де в верхние в чацкие юрты к Тарладу мурзе барабинцы и иные многие воинские люди, и ево Тазана с теми вестьми послал к нам Кызлан мурза, чтоб де жили в Томском городе с великим береженьем, а чает де тех воинских людей под Томской город войною вскоре. Да того ж, господа, числа вскоре после того Тазана прибежал ис Чат же от того ж Кызлана мурзы чацкой же мурза Бахтоул и сказывал, господа, нам в роспросе в съезжей избе, что де пришли воинские люди барабинцы и черные калмыки Кексешевы люди и белые колмаки на Тарлада, и Тарлада до со всем улусом взяли, а Кызлан де и Бурлак мурзы от них к своим улусом своево кочевья отбежали вниз по Об до Шегарские волости; а те де воинские люди одноличио ис Чат к Томскому го

роду будут войною после ево спустя день или на другой день, и чтоб де жили в Томском городе с великим береженьем. И августа в 8 день посылали, господа, мы в Чаты к чацким мурзам к Казлапу да к Бурлаку Томского города сына боярского Луку новокрещена и велели роспросить чацких мурз Кызлана да Бурлака с товарищи и проведать подлинно, какие люди пришли в Чаты к Тарладу, и где оне ныне, и куда их чают походу. И августа, господа, в 10 день Лука новокрещен ис Чат в Томской город приехал и сказал нам в роспросе: сказывали де ему чацкие мурзы Кызлан с товарищи, что де воинские люди барабинцы и черные колмаки Бексеневы люди и белые колмаки и Ишима салтана сын да внук с теми ж людьми у Тарлада есть, а пришед де побрали у Тарлада лошедий, и Тарлад де с ними хочет миритца, а хочет де им дати з дву человек по лошеди, а только де Тарлад с ними не помиритца, и те де люди, взяв Тарлада с ево людьми, будут под Томской город войною тотчас. И мы по тем вестям в Томском городе берегли томских служилых и всяких людей, по сенокосам и по пашням не отпущали, и табунов конских и коровьих из острогу не выпускали дни по 3 и по 4, и в проезды служивых людей по всем дорогам, откуду было чаять приходу, посылали. И августа ж, господа, в 12 день приехали ис Чат от Тарлада мурзы Еголак мурза да от Кызлана мурзы Сарткулу мурза и сказывали нам в роспросе в съезжей избе, что де были у Тарлада мурзы воинские люди барабинцы и теренинцы и Ишимов сын да внук, хотели де итти под Томской город войною; а было де их у Тарлада 180 человек, а Тарлада де мурзу с собою под Томской город звали, а чацкой де мурза Тарлад с своими товарищи им отказал: мы де с вами под Томской город не идем, для того что не хотят забыть к себе царской милости и хлеба и соли и изменить ему государю не хочю. И те де воинские люди от Тарлада пошли прочь назад туда ж, откуда приходили. Да августа ж, господа, в 16 день посылали мы ис Томского города в Чаты для подлинных вестей к Тарладу мурзе конных казаков десятника Ваську Свияженина и велели проведать подлинно, что у него у Тарлада в улусе какие люди были воинские, и сколько их приходило и куда от него пошли. И августа, господа, в 18 день Васька Свияженин в Томской город приехал и сказал нам в распросе: сказывал им Тарлад мурза, что приходили к нему воинские люди барабинцы да теренинцы да Ишимов сын да внук, а всех де их было 130 человек, и звали де ево Тарлада с собою под Томской город войною, и он де Тарлад им отказал, не сметь де мне к себе забыть царское жалованье и изменить де ему государю не хочю; и те де воинские люди от него от Тарлада пошли прочь назад по Барабинской дороге, а белые де калмыки у него у Тарлада с теми воинскими людьми не были. А сю, господа, отписку послали мы к вам с тем же казаком с Ивашком Астраханцем в нынешнем же во 137-м году августа в 22 день.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 17, лл. 128—129 об., № 108.

271. *1629 г. не ранее декабря 15.— Отписка томского воеводы князя Петра Пронского нарымскому воеводе Андрею Урусову о походе томских служилых людей против черных калмыков, бывших в Чатском остроге и на Оби, ниже устья Томи, и о намерении калмыков вместе с царевичем Аблагеримом воевать Томский и Тарский уезды.*

Господину Ондрею Васильевичу... челом бьет. В нынешнем, господине, во 138-м году ноября в 3 день прибежал в Томской город ис Чат от мурз от Кызлана да от Бурлака татарин Казанак, а сказал нам: пришел де х Кызланову да к Бурлакову острошку Кучюмов внук Ишимов сын Аблагирим салтан да с ним черных колмаков тайша, Каракулин двоюродной брат, Кулада, государев изменник тарской татарин Кужашь, а с ними воинских людей черных колмаков и тарских изменников татар человек в 200 и к острогу приступают; и на вылоске де томские

служивые люди, которые в острошке были для оберегапья, взяли под острошком изменничья бухарстина Шагалатова сына Ермамбетка. И мы, господине, того ж дни послали в Чаты голов с служилыми людьми и с томскими с юртовскими татары, и головы, господине, с служивыми людьми и с татары, пришетчи под острожок, Ишимова сына с людьми ево от острошку отбили и за ними гонялись день, а на побеге взяли государева изменника чацкого татарина, которой отъежал было к Ишимову сыну, Сагалачкова сына Ному. И те, господине, языки в распросе и с пытки нам сказали, что у Ишимова сына Аблагирина ссылка с черными колмаки и з государевыми изменники с тарскими татары о том, что им на весне быть под Тарской город войною. Да декабря, господине, в 15 день прибежали в Томской город с Томского устья татарове, а сказали нам, что прошло на низ по Обе реке черных калмаков войною человек с 150 и государевых ясачных волостей людей побивают и в полон емлют. И мы, господине, в те ясачные волости потому ж посылали голову с служилыми людьми и с юртовскими татары, и голова с служивыми людьми и с татара черных колмаков сошлись па речке на Шагарке, и с колмаки был бой, и божьею милостию, а государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии счастьем калмаков многих побили и полон и лошади, которые поимали было в ясашных волостех, отбили, а достальные колмаки побежали в степь. И после того сказывали нам ясачных волостей люди, что они после побою ходили шляхом их и от побойного места верстех в 10 и в 20-ти и больши находят многих людей мертвых в куяках и в пансырех, померли от ран, и лошадей раненых пашли больши 100 и рухлядь всякая по дороге метана. А которые, господине, преж бою ясачные люди от калмаков ис полону уходили, и они нам сказывали, что подлинно чорные колмаки с царевичем Ишимовым будут под Томской и под Тарской город и Томсково уезду на волости войною. И тебе б, господине, те вести были ведомы.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 16, лл. 27 об.—28 об., № 15.

272. *1629—1630 гг. — Отписка томского воеводы князя Петра Пронского красноярскому воеводе Архипу Акинфову о сборе ясака с киргизов.*

Господину Архипу Федоровичю Петр Пронской челом бьет. В нынешнем во 138-м году писал ты в Томской город: посыланы де были из Красноярского острогу в Киргизы служилые люди пятидесятник Гришка Семенов, да Тренька Емельянов, да Савостька Самсонов да толмач Федька Федоров, а по государеву де указу велено им имать государев ясак с киргиских князьцов и с улусных людей против прежнего 137-го году, как кыргызские князьцы и улусные люди в Красноярской острог Ондрею Дубенскому давали; и как де служилые люди Гришка Семенов с товарыщи пришли в Киргизы и киргизские князьцы государю ясаку посулили с себя по 2 соболя с человека; и в нынешнем же де во 138-м году посланы в Киргизы ис Томскова города Дмитрей Копылов да Васек Борисов, и они де ясак с киргиз взяли, а пятидесятнику де Гришке Семенову с товарыщи в ясаку отказали; и они де Гришка с товарыщи пошли из Киргиз по землицам и учали с татар ясаку прошать, с которых преж сего иман в Красноярской острог, и улусные де люди иных землиц, которые блиско к Красноярскому острогу, а ясак с себя давали преж сего на Красной яр, ясаку с себя не дали служилым людем, а сказывают де что в них собрали ясаку киргизские князьцы, а собрав ясак отдали Томского города служивым людем Дмитрею Копылову с товарыщи, а ему де Гришке с товарыщи, которые и близко Красноярсково острогу татаровя, в ясаку и в корму и в подводах во всем отказали; и многие ясачные татарове тем киргизским ясаком отъимаютца, которые ясачные люди преж сего на Красной яр платили; а которые де качинские люди в Кыргызах есть, и киргизы де на Красной яр не отпущают, а ясак емлют себе, а па Красном де яру учи-

пился государеву ясаку недобор; да он же де Гришка Семенов с товарыщи кыргыским князьцом и улусным людем по государеву указу говорили, чтоб им на государскую милость быть надежным и ехать на Красной яр в острог; и киргиские де князьцы и улусные люди ко государской милости ехать хотели; а как де Томского города служилые люди Дмитрей Копылов с товарыщи к Киргизы пришли, и кыргыские де люди ко государской милости не пошли. И тебе б, господине, впредь, в Киргизы из Красноярсково острогу для ясаку не посылать и ко государской милости на Красной Яр киргиских людей не призывать потому государев указ о киргизах есть в Томском городе и государев ясак наперед сего с них киргиз имали и ныне они дали в Томской город. А опричь киргиз со всех волостей, которые к Красному яру, с ясачных людей и ясак велели по прежнему [имать] сполна, чтоб недобору в государеве ясаке не было никоторыми делы.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 17, лл. 143 об.—145, № 120.

273. *1629—1630 гг.—Челобитная служилых людей Енисейского острога атамана Ивана Галкина с товарищами о службе их в походе против князьцов Сота и Каяна.*

Царю государю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии бьют челом холопи твои Енисейского острогу служивые людишки: отаманишка Ивашка Галкин, десятник Илейка Ермолин, Марко Любовской, Буторка Онтонов, Стенька Патылипин, стрельцы Ивашка Понкратов, Мишка Шорин, Федька Гарлан, Епишка Соловьев, Дружинка Васильев, Елфимко Михайлов, Семейка Серкин, Левко Яковлев, Пронька Трофимов, Кондрашка Ладыгин, Богдашко Нестеров, Левка Кобылин, Гришка Ярославцев, Онтонка Беляев, Ивашка Кирилов, Володька Федоров, Елисейко Юрьев, Ивашко Чурка, Дружинка Чистяков, Ярка Спиридонов, Илейка Перфильев, Офонька Брусенкин, Васька Шелковник, Мишка Кожевников, Данилка Михайлов, Богдашка Кола, Петрушка Корова, Старко Захаров, Завьялко Андреев, Констентинко Данилов, Калинка Федоров, Еремка Митрофанов, Констентинко Петров, Микитка Моденов, Поспелко Семенов, 40 человек. В нынешнем, государь, во 138-м году посыланы были мы холопи твои на твою государеву службу из Енисейского острога на твоего государева изменника и непослушника на князьца Сота и с его улусными людьми. И шли, государь, мы холопи твои до тово Сотова кочевья из Енисейского острогу зимою на нартах и на лыжах 5 недель. И как, государь, пришли мы холопи твои в те его Сотовы юрты, где он преже сего живал, и тот князец Сот с того места скочевал. И мы, государь, холопи твои пошли с тех мест ево Сотовым шляхом доходить ево Сота; и шли, государь, тем шляхом 10 дней, и сошли, государь, мы холопи твои того твоего государева изменника и непослушника князьца Сота и со всеми его улусными людьми. А тот твой государев изменник князец Сот со всеми своими улусными людьми кочует вместе с твоим же государевым изменником и непослушником со князьцом с Каяном и со всеми его с Кояновыми улусными людьми все вместе. И мы, государь, холопи твои, недошед до тех твоих государевых изменников князьца Сота да князьца Каяна за полднища, и поимали 2-х человек языков, их Сотовых и Кояновых улусных людей, и почали у них распрашивать, что много ли с Сотом и с Кояном людей; и у тех языков с толмачем язык не сшелся, а про людей те языки по перстам разводят, а хватают за волосы, сказывают людей великих. И мы, государь, холопи твои, покиня кош и оставя на коше служивых людей 5 человек для хлебных запасов, а 35 человек пошли на тех твоих государевых изменников и непослушников на князьца Сота и князьца Каяна и на их улусных людей в их улусы и почали им говорити, чтобы государевы изменники князец Сот да князец Каян со всеми своими улусными людьми принесли тобе великому государю вину свою и были бы под твоею государскою высокою рукою на веки неотступно и давали бы с собя и

со всех своих улусных людей тобе великому государю ясак противу иных своих братьев иноземцев, твоих государевых ясачных людей. И те твои государевы изменники непослушники князец Сот и князец Каян со всеми своими улусными людьми учинилися твоему царскому величеству сильны, почали нас холопей твоих из луков стрелять. И мы, государь, холопи твои, прося у спаса милости, почали с теми твоими государевы изменники со князцом Сотом да со князьцом Каяном и с их улусными людьми битца, сколько милосердый бог помочи подаст. И твоим государским счастьем бог подаровал, тех твоих государевых изменников с улусов збили, и многих у них улусных людей побили, жен и детей у них в полон поимали. А нас холопей твоих на твоей государеве службе на том бою переранили смертными ранами 10 человек: стрелецково десятника Илейку Ермолина, стрельца Ивашка Понкратова, стрельца Мишку Кожевникова, стрельца Завьялка Андреева, стрельца Костянтина Петрова, стрельца Стеньку Потылицына, стрельца Ерофейка Спиридонова, стрельца Еремку Митрофанова, стрельца Ивашка Архипова, стрельца Володьку Федорова. И бився, государь, мы холопи твои с теми с твоими государевы изменники, и с того боя и с ясырем пошли к кошу своему. И пришед на кош и подняв кош, и пошли в Енисейской острог. И те твои государевы изменники князец Сот да князец Каян, собрав из иных многих сторонных улусов иных многих людей, и на дороге нас холопей твоих настигли и почали с нами биться. И нам, государь, холопем твоим учинилися люди не в силу, потому что с теми твоими государевы изменники скопилися люди многие. И мы, государь, холопи твои, оверпясь лыжи и партами, сели в осад. И те твои государевы изменники князец Сот и князец Каяп со всеми своими улусными людьми и со иными многими сторонними людьми почали к нам приступать, а мы холопи твои из осады с ними билися 5 дней безпрестанно, и твоих государевых изменников у князьца Сота да у князьца Кояна на приступах многих людей побили, и те твои государевы изменники князец Сот да князец Каяп со всеми своими людьми от нас холопей твоих отступили и зашли наперед на нашу дорогу, куда нам итти, и залегли на лесах в крепких местах и почали нас дожидаться. И мы, государь, холопи твои поделали на партах шесты и, изложа по нартам раненых людей и взем ясырь, и пошли в Енисейской острог стороною и парты раненых людей поволокли на собе, и до Енисейского острогу дошли и с ранеными со всеми людьми и ясырем, дал бог, здорова, никакого человека раненого не покинули. И будучи на твоей государеве службе голод и нужду всякую терпели, и такими малыми людишками в таких великих людех твоему царскому имени порухи не учинили. И, пришед в Енисейской острог, по обету своему тот ясырь и всякую погромную рухлядишка отдали в дом Ведения святей богородицы, к новому храму, твоему государеву ангелу на сооружение. Милосердый государь царь и великий князь Михаил Федорович всеа Русии, пожалуй нас холопей твоих, вели, государь, тое нашу службишка нужу и бедность к тебе великому государю к Москве отписать, и в Томском и в Енисейском, государь, остроге вели службишка наше записать, чтобы нам холопем твоим, будучи на твоей государеве службе, и впредь за тебя великаго государя помирать и головы свои складывать и бога молить. Государь царь, смилуйся, пожалуй.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 17, лл. 169—172, № 130.

274. *1630 г. января 17.—Память из Тобольска Нижней Ницынской слободы прикащику Остафью Михалевскому о полученных вестях про чатского князьца Тарлава, чатских, тарских и барабинских татар, а также царевича Девлеткирея и калмыков, и о принятии мер на случай их нашествия.*

Лета 7138-го генваря в 17 день, по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии указу, память Ницынские слободы прикащику Остафью Михалевскому. В нынешнем во 138-м году декабря в 31 день писал в Тоболеск ис Сургута воевода Борис Кокорев с сургуцким казаком с Ортюшкою Игнатьевым сыном Алелейкою, что в нынешнем же во 138-м году декабря в 9 день писал к нему в Сургут из Нарымсково острогу воевода Ондрей Усов, что писал к нему Ондрею ис Томсково города воевода князь Петр Пронской, что до ево до князь Петрова в Томской город приезду за 2 дни чатцких татар князец Тарлав своровал, с своими людьми государю изменил, и из юрт своих вышли; и ноября де в 1 день послал он Ондрей в Томской город к воеводе ко князю Петру Пронскому с товарыщи с именными списки подъячего Герасима Тимофеева, и тот де подъячей Герасим Тимофеев писал к нему ис Томсково уезду ис Корельской волости от ясаула от Нандры, что чацкой князец Тарлав и Кучюмов внук, а Ишимов сын, и окраинские татарова сошлись в одном месте и стоят на Томском устье и в Томском уезде к остяцким городком и к острошком приступают; и он Андрей де Усов по тем вестем посылал в Томской уезд к Нандре ясаулу проведывать подлинных вестей новокрещонов Олешку Алатайка да Гришку Елизарова: тут ли те люди на Томском устье или куды пошли и куды их чаят, и что они под Томском городом учинили; и ноября в 22 день те новокрещены Олешка Алатайка да Гришка Елизаров приехали назад в Нарымской острог а в роспросе ему Ондрею сказали, что были они в Нарымском уезде в Тогурской волости у ясаула у Игуника и встретили де нарымсково новокрещена князца Ивана Безрякова и томских и сургуцких казаков, которые посланы были по томской отписке с сургуцкими остяками в Томской город, и князь Иван де им Безряков и томские и сургуцкие служивые люди сказали, что прислал им навстречю... с остяком приказывал ясаул Нандра, что Ишимов сын и чатцкие татаровя и барабинцы большие люди стоят на Томском устье, а от них де иные люди приходили и в Томском уезде Мурзин городок взяли и людей всех побили, а к Нандрину де городку приступали, и людей в Нандрине городке побили же; да он же де Нандра приказывал князю Ивану Безрякову с товарыщи, что быть де тем всем большим людем под Нарымской острог, а сказывает их больши 2000, и рубашки де ясаул Нандра верные прислал; а нарымского де подьячево Горасима Тимофеева те люди на Томском устье убили, а с томских служивых людей, кои были в частях на карауле 20 человек, и тех побили ж, и он де Ондрей по тем вестям ждет их к себе под Нарымской острог вскоре; а что де они под Томским городом учинили, и про то де ищо и не от ково не ведомо. А в нынешнем же во 138-м году генваря в 4 день приехали в Тоболеск из Енисейского острогу Енисейсково ж острогу стрельцы Микитка Ондреев да Тараско Мелентьев да пашенной крестьянин Демка Григорьев и сказывали в роспросе, что не доехали Нарымсково острогу за 5 ден, наехали в Нарымском уезде в Тогурской волости нарымсково новокрещона князя Ивана Безрякова да с ним сургуцких да нарымских казаков 4-х человек, и князь Иван им Безряков сказал, что посланы де они в Тобольской город для государева дела и ныне де в Томской город итти не смеют, потому что приказывал де в Тогурскую волость Томсково уезду Нандрины волости ясаул, что чатцкие де мурзы и татаровя все х государю изменили, томских служивых людей в Чатах, которые посланы были на береженье, 20 человек, побили и пришли на усть Томи реки, а с ними Кучюмов внук Ишимов сын с колмацкими людьми и з государевыми изменники с тарскими татары и з барабинцы, к Томсково уезду Мурзин городок и Нандрину волость повоевали; и они де, послыша те вести, поехали ис Тортульской волости в Нарымский острог и жили в Нарымском остроге ден з 10, и после тово прислал в Нарымской острог ис Тортульские волости нарымской новокрещон князя Иван Безряков нарымсково ж новокрещена, а имяни де тому

новокрещону не упомнят, с вестью, что государевы изменники чатцкие и тарские татаровя и барабинцы и Кучюмов внук Ишимов сын с колмацкими людьми, повоевав в Томском уезде Мурзин городок, пошли на Парабельскую вершину к Таре; а что над Томском городом учинили, тово де еще не ведомо; и воевода де Ондрей Усов из Нарымково острогу отпустил их в Тоболеск, и они де шли из Нарымсково острогу до Тобольска 5 недель. И как к тебе ся память придет, и ты б жил в Ницынской слободе с великим береженьем и по острогу ставить сторожи крепкие и по дорогам, откуды чаят воинских людей приходу, посылал проезжие станицы почасту, до которых мест пригоже, смотря по тамошнему делу и по вестям. И велел про государевых изменников про тарских и про чатцких татар и про барабинцов и про Кучюмова внука, а про Ишимова сына, и про колмацких людей проведывати, где они ныне, чтоб государевы изменники тарские и чатцкие татаровя и барабинцы и Кучюмов внук Ишимов сын безвестно не пришли и над Ницынскою слободою дурна какова не учинили. А по вестям в Ницынскую слободу об людях на прибавку писал бы еси на Тюмень к воеводе к Прокофью Измайлову, а ис Тобольска к нему о том во многих вестовых отписках писано ж. А которые в Ницынскую слободу вестовые памяти присылают из Тобольска, и ты б те памяти держал у себя крепко, чтоб никакие вести никому были не явны, да и подьячему, которой у тебя в Ницынской слободе, приказати накрепко ж, чтоб он по тому ж ни с кем про то не разговаривал.

На обороте: Дьяк Семен Собакин.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 10, лл. 10—12 об., № 8.

275. *1630 г. не ранее января 28.— Отписка прикащика Чубаровской слободы Михаила Харламова туринскому воеводе Афанасию Зубову о присылке в слободу служилых людей в виду полученных вестей о движении чатских, тарских и барабинских татар совместно с царевичем Аблагеримом и калмыками.*

Государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии воеводе Офонасью Ивановичю Михайло Харламов челом бьет. В нынешнем во 138-м году генваря в 28 день прислали от тебя ис Туринсково острогу тобольскую память с Степаном Каплановым, а ис Тобольска писано на Чюбарово, что в нынешнем во 138-м году декабря 31 писал в Тоболеск ис Сургута воевода Борис Кокорев, что в Томском уезде чатцкие мурзы и татарове государю изменили и томских служивых людей, которые в Чатах были на карауле, 20 человек, побили, и те государевы изменники чатские и тарские татаровя и барабинцы да с ними и Кучюмов внук Ишимов сын с колмацкими людьми все сошлись в одном месте, и в Томском уезде к остяцким городком и к острожком приступали, а в зборе их больше 2000; и по скаске в Тобольску Енисейского острогу стрельцов Микитки Андреева да Тараска Мелентьева да пашенного крестьянина Демки Григорьева те государевы изменники со всеми воинскими людьми, повоевав в Томском уезде Мурзин городок да Напдрину волость, пошли па Парабельскую вершину к Таре; и велено в Чюбаровской слободе жить с великим береженьем, по острогу держать сторожи крепкие и по дорогам, откуды чаять воинских людей приходу, посылать проезжие станицы почасту, про государевых изменников и про воинских людей проведывать, где они ныне, чтоб воинские люди безвестно не пришли и над Чюбаровскою слободою дурна какова не учинили, а по вестям об людех на прибавку велено писать к тебе в Туринской острог. И па Чюбарове ныне служилых людей нет не одново человека, для вестей послать про воинских людей никуды некова, проведать некем. И тебе б, государеву воеводе, по государеву указу и по тобольским отпискам велеть прислать ис Туринсково острогу для вестей и береженья на Чюбарово служилых людей, сколько человек пригоже. А для осадного времени в за-

пас о наряде и об оружье писал ко князю Алексею Никитичю в Тоболеск. А отписку послал к тебе в Туринской острог с Степаном Каплиным, что бы тебе государеву воеводе велеть сослать в Тоболеск ис Туринского острогу, с кем пригоже.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 5, лл. 246 об.—247 об., № 216.

276. *1630 г. не ранее февраля 6.— Отписка Чубаровской слободы прикащика Михаила Харламова туринскому воеводе Афанасию Зубову о „шатости" татар Тюменского и Туринского уездов и о присылке на Чубарово служилых людей.*

Государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии воеводе Афанасью Ивановичю Михайла Харламов челом бьет. В нынешнем во 138-м году февраля в 6 день сказывал на Чюбарове чюбаровской крестьянин Ондрюшка Федоров, что вхош де к нему Ондрюшке Туринского острогу уезду из юрт татарин Аккана; и в нынешнем де во 138-м году генваря в 29 день приходил тот татарин Аккана к нему Ондрюшке и, розговорясь про Ермака, про сибирское взятье, говорил, что уже де тушман будет, русские де люди все пропадут; а в тое де пору были у него Ондрюшки в избе брат ево Фетка да зять ево Трифанко Оникиев, и они де ево Аккана спросили: какой тушман откуды будет; и он де им сказал на отбой, что колмаки будут; а на Чюбарове все чюбаровские крестьяне говорят, что наперет сево у Аккана такова слова не слыхали. И я тех крестьян Ондрюшкина брата Фетку да Трифанка Оникеева ставил и допрашивал, и они те ж речи сказали, что Ондрюшка сказывал: говорил де Аккана, что уже тушман будет, русские люди все пропадут, а самопалы замокнут, стрелять не учнут в снежное время. Да того ж дни сказывали чюбаровские крестьяне Якунко Меншиков з братьею, что в нынешнем же де во 138-м году генваря в 19 день видели де они ездит мимо Чубаровскую слободу Туринского острогу уезду татарин Максимко Лязга с одною стрелою без лука, а стрела широкая; и они де ево спросили: на што возит одну стрелу; и он де им сказал: гуляю де по юртам; да и наперед де тово летом видали татар, ездят с одною стрелою без лука. Да того ж дни приехал с Тюмени Туринского острогу жилец плотник Тренка Оксенов, а сказал: как де он ехал на Тюмень в санех, и встретил на дороге дву татаринов на санях Тюменсково уезду Акетабанкова сына Ишкилдейка, а другово де он Тренка не знает, и как де розезжалися, и ево излаяли по руски матерным, и учали говорить: уже де головы посечом всех руских мужиков, а плетью по сапям стегают по Тренькиным. А на Чюбарове для всякой меры наряду и оружья ни пушешных запасов ни зелья ни свинцу нет. И тебе бы по государеву указу, по тобольским отпискам, велеть ис Туринсково острогу прислать на Чюбарово для бережения служилых людей с оружьем и велеть пересмотреть в Туринском остроге, чтоб у них был стрельчей запас, зелье и свинец, чтоб Чюбаровской слободы из государевы казны хлебных запасов и людей как было уберечь. А в татарех Тюменсково и Туринсково уезду шатость есть однолишно. И в Тоболеск о том с Чюбарова писал же. И тебе б для государева дела велеть чюбаровскую отписку сослать в Тоболеск ис Туринскова острогу, с кем пригоже, а на Чюбарово велеть прислать служилых людей больши своими головами, а не наемным.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 5, лл. 247 об.—248 об., № 217.

277. *1630 г. не ранее марта.— Отписка красноярского воеводы Архипа Акинфова томскому воеводе князю Петру Пронскому о сношениях с канскими князьцами Тымаком и Тесеником и с тубинским князьцом Каяном.*

Господину князю Петру Ивановичу Архип Акинфов челом бьет. В нынешнем во 138-м году посланы были, господине, из Красноярсково острогу служилые люди десятник Никитка Хохряков с товарыщи для ради государева ясачнова собольново

збору в Кан реку; а велено, господине, ему Никитке с товарыщи по государеву указу ясак збирать полной с канских князьцов с Тымака и Тесенка и со всех улусных их людей на нынешный 138-й год. И которые учинились канские князьцы и улусные люди под государевою высокою рукою послушны, и они били челом государю царю и великому князю Михаилу Федоровичу всеа Русии, а сказали: пришел де к ним на Кан реку из Тубы князец Каян да Шажеляк с своими улусными людьми да с собою он Коян привел Алтыновых ясатчиков да колмацких ясатчиков, и с них, с канских князьцов и улусных людей, он Коян собрал на себя и на Алтыновых и на калмацких ясатчиков ясак полной; и они канские князьцы и улусные люди, которые учинились под государевою высокою рукою послушны, и от его Кояна и от Алтыновых и от колмацких ясатчиков оскудели, и государева полнова ясаку с собя давать стало нечево; а у которых у государевых у ясачных людей, которые с собя ясак преж сего государю давали, а соболей у них нет, и он Коян с них брал керками, чем кореня копают, и луки и стрелы и лешебные всякие у них снасти побрал и тех государевых ясачных людей пограбил и их до основанья разорил. Да ему ж Митьке Хохрякову о том велено говорить, штобы ему с государевых ясачных людей ясаку не имать и не грабить. Да ему ж Митьке с товарыщи велено говорить, штобы ему Кояну и Соту и Шижняку и улусным их людем на государскую милость быти надежным, итти ко государской милости и к жалованью в Красноярский острог. И он Коян с своими улусными людьми ко государской милости не пошел и ясаку с собя не дал. Да в нынешнем же, господине, во 138-м году, как яз проведав тех Алтыновых и колмацких ясатчиков, што они с ним Кояном кочуют вместе и ясак с государевых ясачных людей забирают, и посылал яз Красноярсково острогу служивых людей десятника Ивашка Обеднина да с ним служивых людей; а велено им взять Алтыновых и колмацких ясатчиков и взяв привесть на Красной яр в острог. И он Коян тех Алтыновых и колмацких ясатчиков не дал служивым людем ему Ивашку Обеднину с товарыщи, и учинился он Коян и с своими улусными людьми силен. И от его Кояна и от тех Алтыновых людей и от колматцких ясатчиков государеву ясаку учинили поруху великую. Да и впредь он Коян тем государевым ясачным людем заказывает, ясаку с себя давать не велит. И в нынешнем же, господине, во 138-м году февраля в 10 день посылал яз, господине, из Красноярского острогу атамана Дементья Злобина и с ним служилых людей по Кану реке и велено ему по государеву указу его Каяна и лутчих его улусных людей призывать ко государской милости. А как он Дементий и служивые люди, будучи на Кану реке, и взяли кансково князьца Тымака повыше казачья зимовья за два днища, и ево Тымака распрошали про князьца Кояна, и где он с своими улусными людьми кочюет; и Тымак в распросе сказал: стоит де Коян с своими улусными людьми по Кану реке вверх, от казачья зимовья за 5 днищ. И атаман Дементей Злобин послал от войска служивого человека Лаврушку Селивестрова да с ним татарина Тымака аонсково, а велел им говорить ему Кояну и улусным ево людям, чтоб им быть ко государской милости, со атоманом и служилыми людьми сойтися и государскии хлеб и соль есть. И князец Коян в первой поем не поехал ко государской милости и хлеба есть, со атаманом Дементием съехался и служивыми людьми с великим береженьем, а с ним приехали 60 человек в куяках и с лучным боем, а в станы к служилым людем Коян не поехал и велел государеву хлеб и соль от станов отнесть сажен за 50. И атаман Дементей ево Кояна государским хлебом и солью кормить почал было и ко государской милости призывал и ему Кояну говорил, штобы ему впредь на государскую милость быти надежным, и итти ему Кояну и с своими с улусными людьми ко государской милости и к жалованью на Красной яр в острог. И увиде его татары, што ево Кояна служивые люди хотят поимать, которые у него были в обороне, и те почели по атамане и по служивым людем стрелять из луков, а он Коян, скоча с теми людьми, которые с ним при-

шли человек с 20, почали ножами резать, а служивым людем большим с ним со атоманом тут быти было не уметь, што они не верят. И он Дементий с служивыми людьми взяли тут мунгатцкого князьца Менделея, да моторского князьца Шижелякова брата Кускеша да сына Шижелякова Орле, тут же взяли лутчева мужика Иликова Сапчей, да тубинскова мужика Иликова Ялкаса; и тех они людей Дементий с служивыми людьми привели в новой Качинской Красноярской острог. И яз, господине, того мунгатцкова князьца Менделея, поставя перед себя, и его распрашивал; и он в распросе сказал: с Каяном де в улусе кочуют он да брат ево да сын ево Менделеев, а в улусе сказал у себя 50 человек улусных. А Шижелеков брат Кускеш сказал: приедет де в город брат мой Шижеляк, и закладчиков даст и ясак государев почнет збирать. А лутчей мужик Иликов Сопчей в распросе сказал у себя да у Шижеляка 40 юрт. И тут, господине, на поиске ранили служивых людей: пятидесятника Гришку Семенова: из лука пробили руку левую, у него ж груди пробиты с левую сторону; ранили служивого человека Семейку Кузнеца: рука пробита левая, он же по грудям ранен; служивой человек Стенька Плехан по брюху из лука. А как, господине, из Кану приедут князцы и с ними договор будет, и о том к тебе, князь Петр Иванович, отпишу.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 17, лл. 145—147 об., № 121.

278. *1630 г. не ранее мая 29.— Отписка в Москву томских воевод князя Петра Пронского с товарищами о враждебных действиях чатского мурзы Тарлава и князя белых калмыков Абака, о походе служилых людей на чатские городки и об измене ясачных людей Кузнецкого уезда.*

Государю царю и великому князю Михаилу Федоровичу всеа Русии холопи твои Петрушка Пронской, Олешка Сабакин, Боженко Степанов челом бьют. В нынешнем, государь, * во 138-м году сентября в 3 день, до нашего холопей твоих в Томской город приезду, чацкой мурза Тарлавко тебе государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии изменил, со всеми своими людьми ис Чат вышел в Белые колмаки к тестю своему к князьцу Абаку. И ис Томского, государь, города в Белые колмаки к князьцу Абаку и к нему Тарлавку посыланы служивые люди многожды, чтоб он Тарлавко, помня правду свою и шерть, был под твоею государевою царскою высокою рукою в прежнем холопстве. И Абак, государь, и Тарлавко со служивыми людьми приказывали и татар своих в Томской город присылали же многажда ж, что он Тарлавка от твоей государской милости неотступен, в прежнем холопстве тебе государю со всеми своими людьми быть рад, а зимою де ему Тарлавку к твоей государской милости на старые свои кочевья быть немочно, ячмени и сена нет, самим померети и животина поморить с голоду, а кочуя де к твоей государской милости на старые свои кочевья будет на весне; и о том к тебе государю мы холопи твои писали. А что, государь, белых колмаков князец Абак и он Тарлавко томским служивым людем, и Абаковы и Тарлавковы татаровя в Томском городе говорили, и тому, государь, статейную роспись послали мы холопи твои к тебе государю. И в нынешнем же, государь, во 138-м году марта в 6 день присылал Абак колмаков своих Урлекея с товарищи, а с ними приказывал, что зять ево чацкой мурза Тарлавко и ныне у него Абака и ни к какому. воровству не пристал, и к твоей государской милости и на старые свои кочевья итить. . ,[1] чтоб прислать к нему Абаку посланников, а как посланников пришлют, и тот Абак однолично и с Тарлавком к твоей государской милости в Томской город будет. И мы холопи твои по той Абакове присылке посылали к нему Абаку и к чацкому мурзе к Тарлавку служивых людей пятидесятника Петрушку Афанасьева, да конного

---

[1] *Пропуск в рукописи.*

казака Гришку Кольцева, да в толмачах Климка ясыря из юртовского татарина Бектулу Бегичева, чтоб он Тарлавко был под твоею государскою царскою высокою рукою и шол в Томской город и на старые свои кочевья. И Петрушка, государь, с товарыщи в Колмаках проведали подлинно, что Тарлавко прямо тебе государю изменил и к твоей государской милости в Томской город и на старые свои кочевья не будет, и их Петрушку с товарищи хотят побить и хотят с царевичем [с Ишимовым] сыном с Аблагиримом и с черными колмаками и с твоими государевыми изменники и с барабинцы итить войною под Томской город и на пашни и на ясачные волости. И Петрушка, государь, с товарищи из Колмаков ушли, а юртовского татарина Бектулу Бегичева и татар, которые были в подводах, калмаки у себя засадили. И в нынешнем же, государь, во 138-м году апреля в 25 день приезжали в Томской город чацкого мурзы Бурлаков татарин, которой ходил в Чаты для ечмени, что Абак и Тарлавко с воинскими людьми идут под Томской город и на юртовских татар под Таянов городок. И мы холопи твои по тем вестям къ юртовским татаром в Таянов городок посылали голов с служивыми людьми. И сведав, государь, Абак и Тарлавко, что твои государевы люди в городок пришли, и они, не доходя до городка, воротились, а чацкой Кызланов и Бурлаков городок выжигли, и хлеб пожгли, и Кызлановых и Бурлаковых татар, которые в том городке были у хлеба, побили, а иных поимали, и твою государеву ясачную Шагарскую волость повоевали. И мы холопи твои для языков посылали за ними чацкого ж мурзу Бурлака с чатцкими татары. И маия, государь, в 17 день Бурлак с товарищи привели в Томской город в языках Тарлавкова татарина Атышка, а иных побили. И Атышка, государь, в распросе и с пытки сказал, что Тарлавко да с ним Абак же с воинскими людьми, шли под Томской город и на юртовских татар под Таянов городок, а татарина Бектулу и подводных татар имали с собою в вожах, а поворотились, не доходя Таянова городка, сведав, что присланы в городок служивые люди, и чатцкой Кызланов да Бурлаков острожек выжгли, и хлеб пожгли, и юртовского татарина Бектулу и подводных татар побили, и над ним над Бектулу ругались, нос и уши резали, [и груди] взрезали, для [того] что он Бектула тебе государю служил. Да наперед де Абак и Тарлавко ссылаютца с царевичем Ишимовым сыном Аблагиримом, и с горными колмаками, и с барабинцы и хотят итить войною под Томской город и на томские на пашенные места и на ясачные волости, а наперед де хотят итить под Кузнецкой острог. И маия ж, государь, во 20 день посылали мы холопи твои вверх по Оби до чацких городков в стругах сына боярского Гаврила Черницина с служилыми людьми да чацкого мурзу Бурлака с татары, а велели им быть в чацких городках, и посылать служивых людей и татар в те места, откуды чаят калмацкого и Тарланкова с воинскими людьми под Томской город приходу; да где объявятца воинские люди, и им, прося у бога милости и смотря по тамошнему делу, на Оби на перелазе над теми воинскими людьми промышлять, сколько бог помощи подаст, и чтоб для подлинных вестей добыти языков. А будет объявятца большие люди, боем и иными мерами промыслить над ними не уметь, и Гаврилу и татаром велено от них отходить в Томской город, чтоб воинские люди к Томскому городу безвестно не пришли. И маия ж, государь, в 29 день пришли твои государевы изменники чацкой мурза Казгула да тулуманской лутчей человек Мурат с воинскими людьми и учели перелазить Обь реку, и божиею, государь, помощью, а твоим царя государя великого князя Михаила Федоровича всеа Русии счастьем Гаврило Черницын с служивыми людьми и мурза Бурлак с татары на перелазе на Оби, выше чацких городков, тех твоих государевых изменников в стругах многих побили, а иных потопили. А которые, государь, от перелазу воротились и побежали в степь, и Гаврило, государь, с служивыми людьми и мурза Бурлак с татары ходили за ними степью день да ночь и сошли их выше чацких городков за Обью на станех, и с ними был бой, и божьею, государь, милостью, а твоим государским счастьем

на том бою чатцкого мурзу Казгулу да тулумапского лутчего человека Мурата убили и с ними Тарлавковых татар многих побили, и языки поимали и повели в Томской город 9 человек. И те, государь, языки в распросе и с пытки говорили, что подлинно Абак и Тарлавко ссылаютца с царевичем Ишимовым сыном и с черными колмаками и с арчеки и с барабинцы и будут под Томской город войною в сенокосное время и в жнитво, а наперед де хотят итти под Кузнецкой острог. Да в нынешнем ж, государь, во 138-м году писал к нам холопем твоим из Кузнецкого острогу воевода князь Иван Волконской: в нынешнем де во 138-м году посылал он служивых людей Гришку Яковлева с товарищи для твоего государева недобропово ясаку прошлого 137-го года и нынешнего ж, государь, 138-го года Кузнецкого уезду в твои государевы ясачные волости в Еленскую, в Итиберскую, да Сарачерскую, в Каргинскую, в Кумандинскую, в Кузенскую, в Комляшскую, в Щелкальскую, в Тиргышскую и в иные волости, и служивые де, государь, люди Гришка Яковлев с товарищи, пришотчи в Кузнецкой острог, сказали ему: сказывали де им Гришке с товарищи твоей государеве ясачные Кондоиские волости лутчий ясачный человек Алтыпка: слышал де он Алтыпка Итиберские волости от лутчего человека от Кугодейка с товарыщи, что тех волостей ясачные люди от тебя государя отложились и ясаку с себя па нынешней па 138-й год против прошлого 137-го году сполна дать не хотят и хотят твоих государевых служивых людей...[1] **

ААН, ф. 21, оп. 4, № 17, лл. 172 об.—176, № 132.

279. *1630 г. не ранее июня 13.— Отписка томского воеводы Петра Пронского нарымскому воеводе Андрею Урусову об отыскании нового места на Оби для Нарымского острога.*

Господину Андрею Васильевичю Петр Пронской челом бьет. В нынешнем во 138-м году июня в 13 день писал ты в Томской город: в нынешнем де во 138-м году в мае пришла снеговая вода, и Нарымской острог весь потопило, и та де вода не слила, и пришла де земпая вода и во многих местех острог и башни сломала и рознесла, и в остроге дворы потопило, и было воды в груди человеку, и избы подмыло, и за острогом многие хоромы сносило, и берег отметало мало не по самой острог. А служивых людей половина послана в Тоболеск против государевых хлебных запасов, а иные разосланы в волости для государева недоборного ясаку. А пропосных мест, что вынесло водою, закрепити неуметь: все вода отняла, да и некем. А ты де з достальными людьми для береженья живешь в судах на пропосных местех и у государевы соболиные казны, а опасаешься от остяков, что и преж сего во многих волостях от тягости государева ясаку и поминков была шатость; и только де ныне достальной острог и хоромы от воды [не] устоять, а на другой де год жить будет в нем не уметь: крепости от воды не учинить и будет и многими людьми. И тебе б, господине, по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии указу взять с собою Нарымского острогу голов и из служивых и из жилецких и ис пашенных и изо всяких людей лутчих, которые б знали, а взяв розъездить с ними самому от Нарымского острогу вверх и вниз по Оби верстах в дву и в 3-х и в 5-ти и больши и обыскать место, где б поставить острог, чтоб у Оби на берегу или по самой пуже в полуверсте к речкам или с конским протоком для судовой пристани и к селидьбе б было угоже и в крепком месте, чтоб было вперед постоятельно; да в котором месте вверх или вниз по Оби место, где острог поставить и посад устроить, отыщешь, и тебе б тому месту велети чертеж начертить подлинно, как будет острог и посад, и какие крепости и по которую сторону Оби реки. А разъездя и обыскав место и начертя чертеж, взять у нарымских и у служивых и у посадских и у всяких людей челобитную за их руками, что то место под острог

[1] *В рукописи отписка не окончена; см. № 285.*

и ко всякой селидьбе угоже, и о том отписать и чертеж и челобитную прислать в Томской город.

ААН, ф. 21. оп. 4, № 16, лл 30 об.—31, № 18.

280. *1630 г. не ранее июля 15.— Отписка томского воеводы Петра Пронского нарымскому воеводе Андрею Урусову о построении Нарымского острога на новом месте.*

Господину Андрею Васильевичю Петр Пронской челом бьет. В нынешнем во 138-м году июня в 13 день писал ты в Томской город: в нынешнем де во 138-м году в мае пришла в Нарымском остроге снеговая вода, и острог весь потопило, и та вода не слила, и пришла земленая вода, и во многих местах острог и башни сломало и разнесло, и дворы в остроге потопило, и было де воды в груди человеку, и избы подмыло, и за острогом многие хоромы поспосило, и берег отметало мало не по самой острог; и только де ныне достальной острог и хоромы от воды [не] устоять, а на другой де год жить будет в остроге не уметь. И по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии указу писано к тобе а велено от Нарымского острогу верстах в дву и в 3-х и в 5-ти и во шти розъездить и отыскать вверх и вниз по Оби место, где б поставить острог у Оби на берегу ж; а будет у Оби на берегу во близи места отъискать немочно, и тебе б по государеву указу, по самой нуже; велено отъискать от Оби хоть и в полуверсте, только б для судовой пристани, па Обской же пристане, и чтоб к угодным местам; да где место обыщешь, и тебе б тому месту и всяким угодьям и признакам велено учинити чертеж, и о том отписать и чертеж прислать в Томской город. И июля в 15 день писал ты в Томской город, что ты место под острог отъискивать с нарымскими служилыми и з жилецкими людьми ездил и отъискал под острог место вверх по Оби, по истоку от Оби с версту, а по нуже де того места под острог и под огороды будет; а опричь де того места отъискать негде; и прислал тому месту в Томской город чертеж и служивых и всяких жилецких людей челобитную за руками, а в челобитной их написано, что им на прежнем месте жить невозможно: на новую весну вода снесет совсем, и чтоб их государь пожаловал, велел на том новом месте острог поставить и дворы свои перенесть. И тебе б, господине, по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии указу велеть Нарымского острогу служивым и жилецким и всяким людем и пашенным крестьяном и новокрещеном и приезжим торговым и всяким людем и Нарымского острогу всеми ясачными волостьми острог поставить на том на новом месте, где ты отъискал, розверстав всем повытно, и велел острог поставити пространной, и башни устроить добрые, чтоб впредь стоять был прочен. А церковь и воевоцкой двор и казенные анбары и зелейной и питейной погребы велеть устроить в остроге, чтоб от всего было бережно. Да и служивых людей дворы, только в остроге вместятца, велеть потому ж в остроге ставить; а под дворы места велеть служивым людем отводить, смотря по простору, чтоб нихто в обиде не был. А будет в остроге всеми жилецкими дворами за теснотою устроитца немочно, и тебе б, господине, велеть служивым и всяким жилецким людем дворы себе ставить за острогом, где кому пригож, слободами, к крепким местам и к угодью, смотря потому ж по простору. А около заострожных дворов велел учинить надолобы крепкие, чтоб однолично во всем устроить лутчи прежнего, каков на прежнем месте острог был. А на Оби велети б тебе учинити заставу крепкую, чтоб однолично ис Томского города и из иных городов и острогов никакие люди, не явясь в Нарымском остроге и не казав проезжих грамот, украдом не проезжали и сверх проезжих грамот лишних людей с собою не провозили. Да и в волостях велеть учинить заказ крепкой, чтоб потому ж остерегались того накрепко, чтоб однолично нихто украдом не проехал. А приезжим торговым и промышленным и всяким людем и волост-

24*

ным ясачным людем, опричь острогу и казенных анбаров и погребов, жилецких никаких дворов ставити не велеть; а велеть служилым и жилецким всяким людем дворы строить всякому самому себе, чтоб от того приезжим и торговым и всяким и ясачным людем лишние тягости не было.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 16, лл. 31 об.—32 об., № 19.

281. *1630 г. не позднее июля 27.—Отписка в Москву томских воевод князя Петра Пронского с товарищами об устройстве нового острога „около подгорного посада" и о необходимости высылки для острога „благовестного" колокола.*

Государю царю и великому князю Михаилу Федоровичу всеа Русии холопи твои Петрушка Пронской, Олешка Сабакин, Баженко Степанов челом бьют. В нынешнем, государь, во 138-м году по вестям для приходу черных и белых колмаков и царевича Ишимова сына Аблаигирима и твоих государевых изменников чацкого мурзы Тарлавка и томских подгородных татар и теренич и барабинцев поставили мы холопи твои около подгорного всего посаду по обе стороны реки Ушайки новой острог дворяны и детьми боярскими и служивыми и жилецкими и приезжими торговыми и всякими людьми. А у того, государь, подгорного острогу проезжих четверы ворота больших, да четыре башни глухих. А для, государь, приходу воинских людей на воротах надобе по пищали полковой да по две затинных, да над ворота де надобеть для всполохов по колоколу вестовому. Да преж, государь, сего писали мы холопи твои к тебе, государь, что на городовой на большой башне был колокол благовестный и вестовой пудов в 30 и больше, и тот колокол перед нашим холопей твоих приездом во 137-м году в сполошное время разбили, и ныне, государь, в Томском городе колокола благовестного и вестового никакова нет. И о том как ты государь царь и великий князь Михайло Федорович всеа Русии укажешь.

С Ивашком Владимерцовым с товарыщи июля в 27 день.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 17, л. 172, № 131.

282. *1630 г. августа 29—31.—Отписка тобольского воеводы князя Алексея Трубецкого туринскому воеводе Афанасию Зубову о непропуске на Русь людей бывшего тарского воеводы князя Юрия Шеховского, отпущенных последним тайно, и о запрещении пропускать кого-либо мимо Туринского острога без тобольских проезжих грамот.*

Господину Афанасью Ивановичю Алексей Трубетцкой челом бьет. В нынешнем, господине, во 138-м году по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии указу роспрашиваны и пытаны в Тобольску тарские юртовские и волостные татаровя, которые в татарскую измену и в приход под Тарской город захвачены в Тарском городе и которые взяты на бою в языцех; а в роспросе и с пыток в насильствах и в посулах говорили на прежних тарских воевод князя Юрья Шеховского да на Михаила Кайсарова и на людей их. И ныне князь Юрьи Шеховской отпустил ис Тобольска к Руси тайно людей своих. А наперет сево, господине, писано к тебе ис Тобольска в Туринской острог и не одиножды: которые люди придут в Туринской острог без проезжих грамот, и тебе, тех людей имая, велено сажать в тюрьму до тобольские отписки, да о том велено тебе писать в Тоболеск. И ты о том нынешнего 138-го году августа по 29 число в Тоболеск не писывал. А как князь Юрьевы люди Шеховского мимо Туринского острогу поедут, и тебе б, господине, тех князь Юрьевых людей Шеховского велеть поимать, а поимав, прислать в Тоболеск с приставы, с кем пригоже. Да и вперет, господине,

которые будут люди придут в Туринской без тобольских проезжих грамот бес подорожных, и тебе бы, господине, тех прихожих людей по прежним и по сей тобольским отпискам велеть имать и, роспрашивая, сажать в тюрьму, да о том писать в Тоболеск не мешкав. А будет, господине, тех князь Юрьевых людей Шеховского, которых князь Юрьи отпустил от себя к Руси, наровя князю Юрью Шеховскому, пропустишь мимо Туринской острог к Руси, и мне о том писать будет ис Тобольска к государю царю и великому князю Михаилу Федоровичу всеа Русии к Москве.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 5, лл. 248—249 об., № 218.

283. *1630 г. не ранее сентября 8.—Отписка томских воевод князя Петра Пронского с товарищами в Москву об их сношениях с киргизами.*

Государю царю и великому князю Михаилу Федоровичу всеа Русии холопи твои Петрушка Пронской, Олешка Сабакин, Баженко Сте[панов] челом бьют. В прошлом, государь, во 138-м году по твоему государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии указу посыланы из Томсково города в Киргизы к князьцом и к улусным людем томские служилые люди пятидесятник Митька Копылов с товарыщи; а велено им киргиским князьцом и улусным людем говорить, чтоб они, помня правду свою и шерть, были под твоею государевою царскою высокою рукою и ясак бы с себя тебе государю давали по прежнему, и Томского б уезда волости твоего государева ясачного князьца ..., с которого они к себе принели, отдали со всею ево волостью. И генваря, государь, в 18 день томские служивые люди пятидесятник Митька Копылов с товарыщи, приехав в Томской город, подали нам холопем твоим киргиских князцов и улусных людей речам письмо, а в письме их написано, что они киргиские князьцы все улусные люди под твоею государевою царскою рукою быть и ясак с себя тебе государю давать рады по прежнему; а о прежних своих винах хотели в Томской город послать с ними с Митькою с товарыщи в челобитчиках лутчего князьца Кочебая да улусных лутчих же 2 человек и не послали де их с ними, потому что пора зимняя, а лыжной де нам ход не за обычай, да и потому де не послали, что угражживали им красноярские казаки, которые приходили к ним с Красново яру для твоего государева ясаку, и говорили де им: будет они киргизы твой государев ясак дадут в Томской город, а не на Красной яр, и они их киргиз учнут воевать, и они де киргизы, красноярских служивых людей боясь войны, послали; а только де над ними в Красново Яру до весны войны не будет, и они де однолично на весне пошлют в Томской город челобитчиков и о крепком утверждёнье и о шертованье тово ж князьца Кочебая с товарыщи. И о том к тебе к государю мы холопи твои писали с пятидесятником с Ондрюшкою с Губою с товарыщи в прошлом во 138-м году февраля в день. Да мы ж холопи твои посылали на Красной яр по служивых людей, которые в Киргизах были и киргизом грозили; а велено их взять в Томской город. И в Томском, государь, городе по распросу и по сыску тем красноярским служивым людем за вину их учинено наказанье: биты кнутом. И в прошлом же, государь, во 138-м году марта в 7 день посылал в Томской город Кийские волости князец Курчейко Корюковские волости татарина толмача: приказывали де к нему Курчейку киргиские князьцы и улусные люди, а велели в Томском городе учинить весть, чтоб мы холопи твои прислали к ним в Киргизы прежних томских служивых людей Митьку Копылова с товарыщи, и оне де киргизы итить с ними с Митькою с товарыщи в Томской город и бить челом тебе государю о прежних своих винах готовы. И мы холопи твои, по прежнему их киргискому договору и по присылке Кийские волости князьца Курчейка, посылали в Киргизы прежних томских служивых людей пятидесятника Митьку Копылова

с товарыщи, а велели им киргиским князьцом и всем улусным людем говорить, чтоб они по прежнему своему договору и по присылке в прежних своих винах челобитчиков и для подлинного договору лутчих людей, кому мочно верить, прислали в Томской город с ними с Митькою Копыловым с товарыщи. И августа, государь, в 15 день служилые люди Митька Копылов с товарыщи, приехав в Томской город, подали нам холопем твоим киргиских князьцов и улусных людей речей письмо, а в письме их написано: киргиские князьцы и все улусные люди Митьке Копылову с товарыщи говорили, что де было им киргиским князьцом и всем улусным людем однолично челобитчиков своих в Томской город с ними прислать, да не послали де, потому что Краснова яру служилые люди повоевали у них тубинских да маторских людей, а тубинские де и маторские люди с ними одни люди и род и племя, а на себя де от красноярских служивых людей тако ж войны чают, и только де красноярские служилые люди тубинских и маторских людей воезать не учнут, и они киргиские люди однолично челобитчиков в винах своих и на шертование в Томской город пришлют. И августа, государь, в 19 день, по твоему государеву указу, посылали мы холопи твои в твою государеву в ясачную в Корюковскую волость, которая на рубеже с киргизами, служивого человека Ивашка Верхотурцева, а велели ему на Корюковской волости ясачных людей послать в Киргизы и в Киргизах проведать накрепко: нет ли войны и в киргиских людех какова совету и не чаеть ли их под Томской город и под иные остроги и на твоих государевых ясачные волости приходу. И августа ж, государь, в 30 день служивой человек Ивашко Верхотурцев, приехав к нам холопем твоим в Томской город, сказал: посылал де он Ивашка в Киргизы Корюковские волости князьца Иштеняка, и Иштеняк де приехал из Киргиз и сказал ему: как де он пришел в Киргизы, и киргиские де люди в то время в скопе были все, и князьца де Качебаев сын Табун да Нелеков сын Иченей водили людей в войну под Красной яр, а с ними ж воинских людей ходило 360 человек, а его де Иштеняка киргизы в ту войну имали с собою ж; и пришед де под Красной яр, твоих государевых подгородных ясачных людей аринцов да качинцов поимали да у служивых людей отогнали лошадей с 30-ть да 5-ть коров; а пришедчи де из под Красново яру, отпустили его Иштеняка от себя, а велели де ему холопем твоим сказать, что они ходили под Красной яр для того: были де на Красном яру в закладе тубинского князьца Каянов сын да Алтыновых людей Менделин сын, и те закладчики с Красново яру ушли было, и их де переимали подгорные ясачные люди, качинцы да аринцы, и привели на Красной яр, и тех де закладчиков на Красном яру [за их] побег воевода Архип Акинфов повесил; и только де они киргизы качинцов да аринцов к себе не поимали, и пошли б де тубинцы с иными с воинскими людьми, и качинцев да аринцев за то, что они закладчиков переимали, привели на Красной яр, побили всех; и они будто, государь, качинцов и аринцов у себе, доброхотая тебе государю. И в нынешнем, государь, во 139-м году сентября в 8 день писал в Томской город с Красново яру воевода Архип Акинфов: в прошлом де во 138-м году декабря в 16 день посланы в Тубу и в Саяны и в иные землицы для твоего государева ясаку красноярские служилые люди Потапко Иванов, да Якунька Ругодивцев, да толмачь Ивашко Бабушкин; и июня де, государь, в 30 день приезжал на Красной яр из Буклинской землицы мужик Излек, а сказал ему Архипу, что тех служивых людей Потапка Иванова с товарыщи тубинские люди, князец Каян с товарыщи, побили; да тех же, государь, тубинских людей...

ААН, ф. 21, оп. 4, № 17, лл. 148 об.—151 об., № 123.

84. *1630 г. сентября 21.—Грамота на Верхотурье воеводе Никифору Плещееву о даче подвод до Тобольска под новоприборных для службы в Сибири казаков и под женщин и девиц, направ-*

ляемых в Енисейск „служилым людем и пашенным крестьяном на женитьбу“.

От царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии в Сибирь, на Верхотурье, воеводе нашему Микифору Юрьевичю Плещееву да подьячему Микифору Матюшкину. По нашему указу велено Григорью Шестакову на Вологде, на Тотьме, на Устюге Великом, у Соли Вычегодской прибрати из вольных гулящих людей в Сибирь, в Тоболеск, 500 человек казаков да в тех же городех в Сибирь же, в Енисейский острог, велено прибрать служилым людем и пашенным крестьянам на женитьбу 150 человек жонок и девок. И в нынешнем во 139-м году сентября в 9 день писал к нам с Тотьмы Григорей Шестаков: прибрал де он на Вологде из вольных гулящих людей в Сибирь в Тоболеск в казаки 150 человек да 5 жонок и тем по нашему указу роздал наше жалованье и с Тотьмы отпустил в Сибирь в Тоболеск с сыном боярским с Евсевьем Поливановым; и под тех новоприборных казаков подводы и подорожные велено имати до Тобольска, и на Вологде воевода князь Борис Хилков да дьяк Потап Внуков подорожную о подводах под новоприборных казаков и под жонок дали до Верхотурья, а сказали, что в наших грамотах писано к ним подводы и подорожные велено дати до Верхотурья, а до Тобольска де не указано, и для того многие охочие люди и жонки не пишутца, потому что де до Тобольска им бес подвод итти не мочно; и о том бы ему Григорею велети нам указ свой учинити. И мы указали тем новоприборным казаком, которых Григорей Шестаков на Тотьме, на Устюге Великом, у Соли Вычегодской приберет и на Верхотурье наперед себя пришлет и с достальными сам на Верхотурье приедет, под тех новоприборных казаков и под женок подводы и подорожные давати вам с Верхотурья до Тобольска тотчас, не задержав ни часу. И как к вам ся наша грамота придет, а Григорей Шестаков сколько человек из которого города новоприборных казаков и жонок и девок в Сибирь на Верхотурье пришлет и с достальными сам на Верхотурье приедет, и вы б тотчас под тех новоприборных казаков и под жонок и под девок велели дати по подводе человеку, и подорожные им велели давати до Тоболеска и отпускали их тотчас, не задерживая. Писан на Москве лета 7139-го сентября в 21 день.

На обороте: Справил подьячий Микитка Левонтьев.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 2, л. 154 и 154 об., № 137.

285. *1630—1631 гг. — Выписка из наказа томскому воеводе князю Ивану Татеву с товарищами о действиях против чатского мурзы Тарлава и князя белых калмыков Абака, о возвращении отпавших кузнецких волостей и о построении нового Нарымского острога.*

Да в нынешнем во 139-м году ноября в 10 день писали ко государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии из Сибири из Томского города воеводы князь Петр Пронской с товарищи, что в прошлом де... — *Далее следует текст № 278 (между знаками * и **) с тем отличием, что изложение ведется в прошедшем времени; затем следует:* побивать и под Кузнецкой острог приходить войною и советуют з белыми колмаки, и он де Алтынко их служилых людей не своего улуса в те волости для того ныне повел. А Еленские де волости ясашные люди с ним с Алтынком приказывали, что они государев ясак с волости своей дали прежнему воеводе Саве Языкову на два года; да во всех де в мраских и в кондомских в ясашных людей шатость великая; а белые колмаки от Кузнецкого острогу кочюют за два днища, да с ними же кочюет государев изменник чатцкой мурза Тарлавко, а киргисские де люди кочюют от Кузнецкого острогу за 5 днищ; а в Кузнецком де остроге с служилыми скудно, для приходу воинских людей без прибылных служилых людей быти нельзя. И воеводы князь

Петр Пронской с товарищи, по государеву указу, писали в Кузнецкой острог к воеводе ко князю Ивану Волхонскому, а велели ему из Кузнецкого послать в Кузнецкой уезд в государевы в ясачные волости служилых людей добрых, а велели тех волостей князьцом и лутчим людем говорить, чтоб они были под государскою высокою рукою неотступны, и ясак государю давали по прежнему. А для оберeганья воинских людей в Кузнецкой острог к кузнецким служивым людем в прибавку послали ис Томского города служивых людей 25 человек; а больши того послать было неково, потому что и в Томском городе служилых людей мало, ис томские службы не ставаетца; а которых де служилых людей по государеву указу велено прибрать в Тобольске, и те новоприборные служилые люди июня по 27 число не присылованы. Да в прошлом же де во 138-м году июня в 23 день писал в Томской город из Кузнецкого острогу воевода князь Иван Волконской: в прошлом де во 138-м году марта в 4 день ходил кузнецкой подгородной колмак Тенибек в Белые колмаки в Обаков улус к зятю своему; и июня в 20 день прибежал подгородной колмак Тенибек в Кузнецкой острог, а сказал ему князю Ивану в съезжей избе, что царевич, Ишимов сын, с черными колмаки и с барабинцы пошел войною под Томской город, а белые де колмаки, Ишурины дети, с телезскими и с тубинцы под Кузнецкой острог. И июля по 22-е число царевичь Ишимов сын с черными колмаки и з барабинцы под Томской город, а белые колмаки, Ишурины дети, и с телезскими и с тубинцы под Кузнецкой острог не бывали; а по вестям де вперед под Томской город и под Кузнецкой острог приходу их чают. И воеводам князю Ивану Федоровичю с товарищи к тому изменнику к Тарлавку посылать ис Томсково города детей боярских и всяких служивых людей добрых, и велети белых колмаков князьца Абака и ево улусных людей уговаривать всякими мерами накрепко, что он Абак и зять ево Тарлавко от измены своей обратилися и были бы под государевою царскою высокою рукою по прежнему, и были б в прямом холопстве на веки неотступны. И Кузнецкой острог и ясашные волости Кузнецкого уезду от колмаков посылати оберегать. А которые будет волости заступили калмацкие люди, и те б волости поворотить опять назад к Кузнецкому острогу. Да что у них про то учнет делатца, и князю Ивану Федоровичю с товарищи о том писать ко государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии к Москве. Да в нынешнем во 139-м году писал ко государю царю и великому князю Михаилу Федоровичу всеа Русии из Сибири из Нерымского острогу воевода Ондрей Усов и прислал под отпискою своею нерымских служилых людей и пушкарей и оброчников челобитную, а в челобитной написано: били челом государю царю и великому князю Михаилу Федоровичу всеа Русии Нерымского острогу служилые люди и пушкари и оброчные новокрещенные и всякие жилецкие люди, а сказали: в прошлом де во 127-м году Нерымской острог згорел, и дворы и животишка все погорели ж, и Иван Хомяков Языков поставил острог не на угожем месте, на водопоймине, и не у крепости, от Оби реки было сажен с 70, и тот берег и до острогу сметало, и острожное место вешнею большою водою снимает, и стоит вода многое время, и быстредью де в острог и подле острога рывины великие изрыло, и острог сломало и башни искосило. и оне ежелет острог поделывают и башни ставят не изможеньем, люди де не великие, и те бывают по службам и по посылкам, а домы де их до основания разоряютца и хоромы водою ломает и сносит, и животину топит, и с голоду помирают, а иных держат на поветех и на избах до Петрова дни и дале, и которые отвозят на сухие места, и та вся безпризору пропадает же и зверь съедает, дозрить некому, сами в день без престани на острожной поделке, а ночь на карауле, и от того де они в конец погибли и великими долги одолжали; а в прошлом де во 138-м году пришла вода великая, больши прежних вод, и острог во многих местех выломало и разносило, и башни сметало, а их де мочи не стало, а житьишка де их до конца разорилась и животишка.

без остатку потопило, а сами де по башням и по острогу по польым местам в лотках без престани караулят, и домишков своих отбыли; да в то же де время была па них болезнь воспа, а от тое де болезни жены их и дети многие помирают, и мертвых в остроге схоронить нельзя, и они де отвозят в пустынные места, и там их звери выкопают и поедают; и только де туто вперед быть острогу, и им де и досталь в конец погинут; и государь бы их пожаловал, велел им о том свой государев указ учинить, и чтоб им в конец не погинуть, государевы службы не отбыть. И по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии указу воеводе князю Ивану Федоровичу Татеву о том в Нерымском остроге к воеводе к Ивану Бестужеву от себя отписати или для того послати ис Томского города письменово голову, кого пригож, а велети про тот Нерымской нынешней острог расмотреть гораздо с большим вымыслом и тамошних всяких людей роспросить всякими мерами накрепко: прямо ль писал Ондрей Усов и нерымские люди били челом государю, что тот острог стал не у места, и под острог велеть места присмотреть, и тутошних же людей про то распросити, где бы было к месту тот острог перенесть, и про то велеть сыскать и росмотрети гораздо, какими людьми тот острог ставить, да потому велеть острог поставить на оном месте и всякими крепостями укрепить. А как тот Нерымской острог учнут ставить, и князю Ивану Федоровичю велеть в Нерымском остроге воеводе Ивану Бестужеву жити с великим береженьем, чтоб государевы изменники или какие воинские люди, пришед Нерымскому острогу, и государевым ясашным людем никакова дурна не учинить, чтобы, одноличио приискать под острог места, где б было пригоже, и вперед бы того острогу большою водою не потопило...[1]

ААН, ф. 21, оп. 4, № 17, лл. 190 об.—197, № 135.

286. *1630—1631 гг.—Выписка из наказа томским воеводам князю Ивану Татеву с товарищами с изложением содержания отписки красноярского воеводы Архипа Акинфова о сношениях с канскими князцами и о насилиях над ними енисейских служилых людей.*

... Да в нынешнем же в 139-м году писал к государю царю и великому князю Михаилу Федоровичу всеа Русии Красново яру воевода Архип Акинфов, что били челом государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии канские князьцы, которые учинились под государевою высокою рукою послушны, князец Темсяник, да князец Магай да князец Тымак и с своими улусными людьми, а сказали: в прошлом де во 137 году учинилися де под государевою высокою рукою; и в прошлом де во 137-м году по государеву указу посылан ис Красноярского острогу атаман Ермак Остафьев с служивыми людьми от Андрея Дубенского в Канскую землицу, а велено ему по государеву указу на их землице в Кану острог поставить для государева ясачного соболиного сбору, и атаман Ермак в прошлом во 137-м году в Кану на их землице острог поставил, и их канских князьцов Темсяника и Магая и Тымака и улусных людей к государской милости призвал, а канские князьцы Темсяник и Магай и Тымак ко государской милости пришли и учинились под государскою высокою рукою послушны и с своими улусными людьми, и ясак с себя и с улусных людей собрав, в прошлом во 137 году 94 соболи в Канской острог атаману Ермаку Остафьеву дали, и в приходной де книге на Красном яру в прошлом во 137-м году ясачной их сбор объявился, и тот ясак к государю в прошлом в 137-м году из Красного острогу прислан. И в нынешнем де в 139-м году посылал он Архип ис Красноярского острогу служилых людей Нестерка Наумова да толмача Ивашка Тюменкова для государева ясашного соболиново збору в Канскую землицу ко князьцу Темсеньку, и ко князьцу Магаю и ко

[1] *Конца нет.*

князьцу Тымаку и к улусным их людям, и велено ему Нестерку и толмачю Ивашку по государеву указу взяти с них ясак полной. И князьцы Темсенек и Магай и Тымак и с своими улусными людьми собрали с себя ясаку два сорока соболей и отдали служивым людем, ему Нестерку Наумову с товарищи, а достальной недоборной они ясак канские князьцы Темсеник с товарыщи и с своих улусных людей собрав пять сорок и хотели с тем недоборным ясаком сами быти в Красноярский острог. И в прошлом же в 138-м году приходил к ним в Канскую землицу из Енисейского острогу служивой человек Мишка Шорин для торгу к нему ко князьцу Темсенеку, и он князец Темсенек и улусные люди с ним служивым человеком с Мишкою Шориным не торговали, потому что у них соболей нет; и после того спустя месяца два пришли из Енисейского острогу служилые люди в ночи безвестно и тех государевых ясачных людей побили 20 человек до смерти и многих переранили, а ево Темсеникову жену и детей в полон взяли, и многих улусных людей повоевали, и жон и детей в полон поимали, и животы их пограбили и их до основания разорили. А на Красном де яру тех людей в Красноярском остроге аманатчики взяты князьца Тымака сын ево, а ево Темсеников племянник. А те канские князьцы и улусные люди живут по Кану реке и около Канского озера, а от Канского острожку кочюют те ясашные люди блиско, в полуднище и ближе, и ясак с себя дают государю, и дурна де от них никакова не объявилось. А они де служивые люди Енисейского острогу тех государевых ясачных людей погромя, и тот государев недоборной ясак пять сороков взяли. И в том их разоренье, что государевых ясачных людей побили и пограбили, и жен и детей их в полон поимали, от тое их войны и от разоренья учинилась в государеве в ясачном зборе поруха великая и недобор, и иные многие государевы ясачные люди, поблюдясь тех служилых людей, з государевым ясаком на Красной яр не бывали. А войною де ходили из Енисейского острогу атаман Иван Галкин да Мишка Шорин с товарищи. И он де Архип в Енисейской острог к воеводе ко князю Семену Шеховскому о тех ясачных людех писал. И он тех погромных ясачных людей на Красной яр не присылывал. И которая де вперед поруха учинитца в государеве ясаке от тех погромных людей, и ему бы Архипу в том от государя в опале не быть...[1]

ААН, ф. 21, оп. 4, № 17, лл. 189—190 об., № 134.

287. *1631 г. января...—1632 г.— Отписка тобольского воеводы князя Федора Телятевского туринскому воеводе Юрию Волынцову о посылке пяти прожиточных крестьян на житье в Тобольский уезд в новое усадище на Красную елань.*

Господину Юрью Ивановичю Фодор Телятевской челом бьет. По дозорным книгам тобольсково сына боярского Филиппа Обольянинова да тюменсково подъячево Безсона Федорова в Туринском остроге туринские пашенные крестьяне объявились многие прожиточные и семьянистые, а государевы они пашни пашут мало. И ныне по государеву указу велено ис туринских пашенных крестьян от прожиточных и от семьянистых отделити от пяти семей с их животы 5 человек крестьян в Тобольской уезд на усадище на Красную елань на Иванчинские займище. И тебе б, господине, велети отделити от туринских от пашенных от семьянистых крестьян на государеву пашню на новое на Иванчинское усадище от Онофрепка Кондратьева з братьею брата Ларку Кондратьева, от Игнашка Устинова з братьею ж брата Степанка Лыжина, от Офоньки Леонтьева з братьею брата Исачка Леонтьева, от Офоньки Тучнолобова сына ево Михалка, от Ондрюшки Рыбина сына ево Федотка. А отделити их сь их животы без подмоги, потому что на тех

[1] *Конца нет.*

крестьян, сверх старых пашенных крестьян их товарыщев пашенных крестьян, государевы пашни не прибавлено, а в то место велено у них отделить братью и детей их. А отделя тех крестьян, послати б тебе, господине, их в Чюбаровскую слободу с туринскими служилыми людьми по нынешнему по зимнему пути вскоре и велети б их отдати приказщику Якубу Нарватцкому, а Якубу велено тех крестьян, как придет для крестьянские селитьбы на новое на Иванчинское займище на Красную елань тобольской сын боярской Михайло Байкашин, отдати ему Михаилу. А как новых крестьян ис Туринсково острогу в Чюбаровскую слободу пошлеш и с кем именем с туринскими служилыми людьми и которова числа, и тебе б, господине, о том для ведома отписати ко мне в Тоболеск. А однолично б тебе, господине, отделить тех крестьян и послать в Чюбарову слободу тотчас, чтоб тем пашенные поры не испустить.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 5, л. 254 и 254 об., № 224.

288. *1631 г. не ранее июня 5. — Роспись землям, в которые посланы из Енисейского острога служилые люди, с указанием их количества.*

Роспись землям, в которые земли посланы из Енисейского острогу служивые люди и по скольку человек в которую землицу послано. В прошлом во 138-м году послано в Брацкую землицу приводить и умирить брацких людей под государскую высокую руку и для укрепленья и шатости острогу ставить с атаманом с Максимом Перфирьевым да з десятником с Семенкою Родюковым енисейских старых служилых людей 30 человек. На Лену реку к брацким же людям и к тунгусом и к палягом и к шилягом приводить под государскую высокую руку и острогу ставить с атаманом же с Иваном с Галкиным 30 же человек да прежние посылки 137-го году на Лене же реке служивых людей 6 человек. И те служивые люди, которые в прошлом во 138-м году посланы в Брацкую землю и на Лену реку, в нынешнем во 139-м году июня по 5 число в Енисейской острог не бывали. И в нынешнем же во 139-м году посланы в те землицы для промыслу, на прибавку к прежним служивым людем и на перемену атаманом Максиму Перфильеву да Ивану Галкину с товарыщи, красноярские новоприбылые служивые люди: в Брацкую землю на перемену Максиму Перфирьеву пятидесятник Васька Москвитин с товарыщи 8 человек; на Лену реку, на перемену атаману Ивану Галкину с товарыщи, Енисейсково острогу сотник стрелецкой Петр Бекетов, а с ним новоприбылых служивых людей 30 человек. В Тасееву реку и по Чюне реке вверх к брацким людем ко князьцом: к Кохопю, да к Куря Хилкову [да] к князьцу к Адыну приводить их под государскую высокую руку послано новоприбыльных и старых енисейских служилых людей 20 человек. В Тасееву же реку и по Оне реке вверх к брацким же людем послано новоприбыльных и старых енисейских служивых людей с пятидесятником с Терехом Савиным 20 человек. На заставу послано вниз по Енисею на усть Сыму реку з десятником с Фирсом Микифоровым новоприбылых служилых людей 30 человек для торговых и промышленных людей, которые обходят Сымом рекою и не платят государевы пошлины и оброков в Енисейском остроге и ходят на свои промыслы в Пясину и в Подкаменную Тунгуску и по иным рекам и с промыслов своих тою же обводною левою дорогою меж городов, не платя государевы десятые пошлины с промыслов своих, приходят на Русь и в сибирские городы, не заимая Енисейского острогу, и для беглых всяких людей. В Маковском острожке для государевых всяких дел и отпусков и для обереганья государевы казны 6 человек. В Тунгуске реке и на Рыбном в острожке для береженья, чтоб иноземцы над острожком дурна никакова не учинили, 5 человек. И всего енисейских старых и новоприбыльных служилых людей на государевых службах, которые посланы в прошлом в 138-м и в нынешнем во 139-м году

июня по 5 число, 227 человек. А достальные служивые люди в остроге по караулам и на мелких на разных посылках и по волостям розосланы для государева недоборного ясаку человека по два и по три. А которые служивые люди посылки прошлого 138-го года в Брацкой земле и на Лене реке, и тех служивых людей, как переменят служивые ж люди, которые посланы в нынешнем во 139-м году маия 8 день к ним на перемену, и те служилые люди, только милостью божьею и государским счастием в тех землях поставят остроги и приведут под государскую высокую руку, и придут с тех служеб в сентябре или октябре месяце во 140-м году, и на весну пошлютца те служивые люди в том же во 140-м году в те же земли в остроги годовую на перемену тем служилым людем, которые их служилых людей переменили.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 22, лл. 42 об.—44, № 37.

289. *1631 г. не ранее октября 7.—Отписка приказного человека Туруханского зимовья Ивана Патрикеева мангазейским воеводам Василию Давыдову и Дмитрию Клокачеву о смерти от оспы свыше 20 самоедов, живших на Тунгусском песку и по реке Турухану.*

Государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии воеводам Василью Алексеевичю, Дмитрею Федоровичю Ивашко Патрикеев челом бьет. В нынешнем во 140-м году октября в 7 день пришел в Туруханское зимовье с Тунгуского песку промышленной человек Васька Аргунов и сказывал мне в съезжей избе, будто на Тунгусском песку и по Турухану реке розных родов туруханской ясачной самояди померли больше 20-ти человек оспою. А которые живут на Есее вверху и внизу ясачные люди, про тех вести нет и государева ясаку по книгам взять не на ком против прошлых годов.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 21, л. 150, № 57.

290. *1631 г. не ранее октября 16.—Отписка тарских воевод князя Никиты Барятинского и Константина Сытина тобольскому воеводе князю Федору Телятевскому об их переговорах с калмыцкими посланниками, присланными тайшею Иркилдеем.*

Господам князю Федору Андреевичю Никита Борятинской, Констянтин Сытин челом бьет. В нынешнем, господине, во 140-м году октября в 12 день приехал в Тарской город ис Колмаков от тайши от Иркилдея Тарского города юртовской служивой татарин Елмаметко Чоулдаков да конной казак Харка Онтипин, что посыланы были вверх по Иртышу с атаманом со Власом Колачниковым, по челобитью верхних волостей ясашных татар; а велено им говорить колматцким татаром, чтоб они улусных своих людей Тарсково города от ясашных волостей отвели и государевых ясашных людей в зверовых добычах и в рыбных ловлях и во всяких их угодьях теснить не велели, и государевых бы изменников тарских юртовских и волостных татар к себе не примали. А с ним с Елмаметком с товарыщи приехал от колматцкова тайши от Иркилдея посланник улусной ево человек Елменко да в кашоварех у нево колмак Болганышко; и мы, господине, велели их поставить под острогом, в крестьянской слободе, к тому ж колмацкому посланику, которой приехал напередь... на дощаник со Власом Колачниковым. И октября в 16 день съехав мы в крестьянскую слободу и велели тех колматцких посланников на съезжем дворе поставить перед собою и их допрашивали, что их приход в Тарской город. И прежней, господине, посланник Кочилметко с товарыщи говорил нам от тайши, что на съезде де со Власом Колачниковым договор был, что им колмацким людем не приходить к государевым ясашным волостям, и ясашным людем утесненья ни в чем не чинить и государевых изменников к себе не принимать,

а о всяком добром деле ссылатца посланники, и торговым людем велеть с ними торговать по прежнему, и тайша де Иркилдей на то на все договор перед атаманом Власом Колачниковым шертовал, и в Тарской город с тарским с юртовским татарином с Елмаметком Чоулдаковым да с конным казаком с Харкою Онтипиным их прислал о том де договоре, а велел де им в Тарском городе зимовать, для тово что пошел он Иркилдей тайша з братом своим с Талай тайшей на Казацкую орду войною, и им бы де на веспу быть к нему ис Тарсково города вместе з государевыми посланники, а для де тово ныне с ними в Тарской город Иркилдей тайша лошадей и всяких товаров не послал, што пошел в войну. А юртовской служилой татарин Елмаметко Чоулдаков с товарыщи в роспросе нам сказал то же. А о тех, господине, колматцких посланниках велел к нам отписать: зимовать ли им в Тарском городе или нет, отпущать ли зимним путем, и против их присылки отпущать ли к ним ис Тарсково города с ними посланников.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 11, лл. 9 об. и 10, № 11.

291. *1631 г. не ранее ноября 18.—Отписка атамана Юрия Воеводского с Ишимской заставы тобольскому воеводе князю Фёдору Телятевскому с товарищами о людях, взятых на Камышлове калмыками и тарскими татарами, и о вестях, полученных от них.*

Государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии стольнику и воеводам князю Федору Андреевичю, Федору Ивановичю, Дмитрею Прокопьевичю, Науму Петровичю Тобольского города пеших казаков атаманишко Юшко Воевоцкой челом бьет. В нынешнем во 140-м году ноября в 18 день прибежал с вестью на Ишимскую заставу верхвагайской Капкайской волости ясашной татарин от колмаков и от тарских изменников от татар Кочашка с товарищи с Тебендинской волости ис полону, а сказал, что поимали колмыки и тарские татары изменники на Камышлове реке Ишимсково острожку па звериных промыслах ясашных людей 4-х человек, и те де ишимские ясашные люди навели колмаков и тарских татар на верхвагайских на капкайских на ясашных людей на промыслу на дву человек; и учали де колмаки и тарские татара говорить тем Капкайской волости ясашным людем, которых поимали на промыслу дву человек: поведите их на свои юрты в Капкайскую волость; и те де мужики, Капкайские волости ясашные люди, им сказали колмаком и тарским татаром, што де мы и сами не можем поимать в свой юрт, а блудимся, и колмаки и тарские татара тех капкайских ясашных людей двух человек тут же на смерть побили; а навели на ту Капкайскую волость Ишимсково острожку ясашные люди, которых колмаки и тарские татары взяли на промыслу на Камышлове. И в Капкайской волости колмаки и тарские татара изменники поимали в полон жон и детей, а больших мужиков побили на смерть. И ис Капкайской волости те ж ясашные Ишимсково острожку татара повели колмаков и тарских татар изменников на Тебендинскую волость и в Коурдацкой острог; и в Тебендинской волости и в Коурдацком острошке поимали в полон жон и детей, а больших мужиков на смерть побили, да Тебендинской же волости убили на дороге 3-х ясашных людей, которые были в подводах под игумном Тарского города да под черным дьяконом да под архиепискупским сыном боярским под Богданом Назимовым. А Ишимсково острогу ясашных людей, которых поимали на промыслу на Камышлове реке 4-х человек, пришедши с полоном ис Коурдацкого острошку с Тебендинской волости, отпустили на Ишимскую заставу всех 4-х человек в том же платье, в чем их взяли, только у них кони поимали. И те ишимские ясачные люди пришли на Ишимскую заставу 4 человека ноября в 19 день. А колмаки пошли ис Тебендинской волости тем же шляхом, которым вели их ишимские татара на тех ясашных людей, которые пришли от колмаков

и от тарских татар на Ишимскую заставу. И те четыре человека роспрашивал: не хотят ли колмаки и тарские татара изменники итти под Тарской город или под Ишимскую заставу, или в которую-нибудь волость ясашную. А оне сказали, што де отпюдь не хотят и вперед ходити на государевы ясашные де волости войною. И я двух человек лутчих людей, которые пришли от колмаков и от тарских татар от изменников, взял за приставы к себе в острожек до вашего воеводского указу. А на Тару с вестью послал с Ышиму ноября в 18 день.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 11, лл. 7 об.—8, № 9.

292. *1631 г. не ранее ноября 20.—Отписка в Москву тобольских воевод князя Федора Телятевского с товарищами о посылке в Коурдацкую волость в станицу сына боярского Томилу Петрова и в поход письменного голову Федора Шарапова с товарищами.*

Государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии холопи твои Федка Телятевской, Федка Погожей, Митка Прокопьев, Наумко Петров челом бьют. В нынешнем, государь, во 140-м году ноября в 20-й день прибежал к нам холопем твоим в Тоболеск ис Тарского уезда ис Коурдацкие волости ясашной князец Бибахша Кавчюков, а в роспросе нам холопем твоим сказал: в нынешнем, государь, во 140-м году осенью Тарского уезда Коурдацкие и иных волостей твои государевы ясашные люди пошли для твоего государева ясаку па зверовье; а в волостях, государь, остались только жены их и дети; и в нынешнем же де, государь, во 140-м году ноября в 19-й день па утренней зоре поехал де было он Бибахша из зимних юрт к летним юртам на зверей и, отъехав де от юрт недалеко, увидел воинских людей человек с пятнадцать, идут х Коурдацкой волости, и он де Бибахша, увидя тех людей, побежал назад; и те де воинские люди учали за ним гонять и кликали ево, что б он не бегал, а говорили: пришел де Ишима царевича сын Абалин; и он де Бибахша, видя то, что пришли воинские люди, пробежал мимо Коурдацкую волость, чтоб ему подати в Тоболеск весть, а те де, государь, воинские люди вошли в Коурдацкую волость и учали воевать; а видел де их человек с пятнадцать, а чает де их от больших людей. И мы холопи твои того ж числа послали ис Тобольска в Коурдацкую волость тобольскова сына боярсково Томила Петрова, а с ним послали станицу казаков и литвы и юртовских служилых татар двенадцать человек. А после, государь, станицы того ж числа послали мы холопи твои в поход письмяного голову Федора Шарапова, да татарсково голову Ивана Внукова да тобольсково сына боярсково Богдана Аршинсково, а с ними послали тобольских детей боярских и литву и казаков конных и юртовских служивых татар. А велели мы холопи твои тобольскому сына боярскому Томилу Петрову, доехав до Коурдацкие волости, распросить тое волости ясашных людей: в тое Коурдацкую волость воинские люди приходили и Коурдацскую волость воевали ль, и сколько человек воинских людей приходило, и ково именем с той волости взяли или ково убили, и куда опи ис той волости пошли: назад ли в степи или па иные на которые твои государевы ясашные волости, и па которые их волости чаят; и будет скажут, что пошли на которые па иные волости, и мы холопи твои Томилу Петрову велели по сакме итти за ними, а от себя а будет, государь, тех воинских людей почает он Томило перед собою блиско.., и мы холопи твои Томилу Петрову на той сакме велели дожидатца письмяпова головы Федора Шарапова с товарыщи и ратных людей и с вестью потому ж велели от себя послать, чтоб де писмяному, государь, голове Федору Шарапову с товарыщи и ратным людем про то было ведомо; а писмяному голове Федору Шарапову людей будет весть, итти наспех днем и ночью, пемешкав пигде пи часу, чтоб однолично тех воинских людей сойтги, и сшед, прося у бога милости, велели над ними промышлять, сколько милосердный бог помощи подаст. А будет где те воин-

ские люди, погромя тарских ясашных людей, пошли в степь, и мы холопи твои писмяному голове Федору Шарапову с товарыщи с ратными людьми, смотря по тамошнему делу, тех воинских людей велели ходить и над ними по тому ж промышлять, прося у бога милости, чтоб однолично полон отгромить и над воинскими людьми поиск учинить, а себя и ратных людей уберечь. И не проезжие, государь, станицы сын боярской Томило Петров и не походу писмяной голова Федор Шарапов с товарыщи о том к нам холопем твоим ноября по 20-е же число не писывали. А что, государь, вперед от станишников и от писмянов головы от Федора Шарапова с товарыщи про тех воинских людей вестей будет, и мы холопи твои о том о всем к тебе ко государю отпишем подлинно.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 11, лл. 8—9 об., № 10.

293. *1631 г. не ранее ноября 23.— Отписка тобольского письменного головы Федора Шарапова с товарищами тобольскому воеводе стольнику князю Федору Телятевскому с товарищами о нападении царевича Аблая с братом и калмыками на Коурдацкую и Тебендинскую волости.*

Господам князю Федору Андреевичю, Федору Ивановичю, Дмитрею Прокопьевичю, Науму Петровичю Федор Шарапов, Иван Внуков, Богдан Аршинской челом бьют. Ноября в 23 день на солношном всходе прибежал станишник литовскова списку Меркурей Крушинской да захребетной татарин деревни Салзу Гучюк Какбашев, а в роспросе сказал: был де в Каурдаке он в понедельник вси день и вечер, а ему де сказывал утеклец захребетной же татарин Алабердейко: приходили де в воскресенье на свету царевичи Аблай з братом да тайша, а имени ему не ведает, а воинских людей с ними человек с 70 и на Каурдаке погромили, ясырь поимали 65 человек, да 11 человек побито, да волостку Тебендинскую погромили да взяли, да опе Капканиных детей взяли. А служивых же людей, господа, с нами нет, только человек с шесть; а татаровя нынече съезжаютца, и мы, господа, с теми людьми, которые с нами пошли. А сю, господа, отписку послали в Тоболеск с тем же станишником с Меркурьем да с ним же татарина послали тово ж Угучека, которой с вестьми прибежал. А деревни Салол захребетной татарин Аучек Какбашов в распросе сказал: как де пробежал в Тоболеск с вестью Коурдацкие волости князец Бибахша Навчуков, и тово ж де дня прибежал к ним в юрты Коурдацкие деревни Талбурена татарин Курмаметко Мелимов пеш и сказывал им, что пришли Коурдацкие волости на их деревню воинские люди и учали де громить, и он де от них в лес побежал, и он де Аучек по тем вестям ездил на весть в Коурдацкую волость, чтоб проведать подлинно, какие воинские люди и много ль их человек приходило; и заехал де в Коурдацкой волости Коурдацкие волости ясашнова человека Икисеита Игулукова, ограблен до нага, да Алабердея Бекенина да жонок с пять или с шесть, пришли перед ево приходом из лесу, а были в бегах. И те де татаровя Икисейтко Игилеков да Алабердейко Бекейнин сказывали: ноября де в 19 день на утряной заре пришли в Коурдацкую волость от Тебендинские волости Ишимов сын царевич Аблай да с ним брат ево Ишима царевича племянник Девлет Кирей Чувак Салтанов сын, да с ними де таншопок молод, а как ево зовут, тово де не ведомо, да с ними де были изменники тарские татаровя Кочашко Танатаров, Кутлумергейка Ясаулов с товарыщи и колмацкие люди, а всех де их было человек с 70, и учали Коурдацкую волость воевать, сечь и полон имать, и посекли де четырех мужиков да убили двое робят, да недосчитаютца де ясырю штидесят пяти человек; а побили де опи тех мужиков за то, что они с ними бились; а два де мужика Коурдацкой волости Койбагишко з женою и з детьми да тобольской ясашной человек Димамешко Байгунин з женою и з детми отошли от них в лес, и те де воинские люди побили в Коурдаке четырех человек,

которые с ним бились, и послали от себя в коурдацкую деревню в Тапбурень 15 человек а велели ту деревню потому ж восвать; и те де люди, повоевав ту деревню, пришли пазад в Коурдацкую волость тотчас, потому что та де деревня от Коурдацкие волости верстах в дву; а стояли де воинские люди в Коурдацкой волости мало не весь день, збирали, лошади и всякой скот, и навивши де живот на возы и полон, пошли пазад в Тебендинскую волость перед вечером; а скота де, которово с собою поднять не могли, весь в Коурдацкой волости пересекли и перестреляли; а они де Икисейтко и Алабердейко были у них связаны; да как де те воинские люди учали ис Коурдацкие волости подыматца, розвязав их и платье с них сняли, и хотели де их побить, и они де у них ушли...[1] в тех же в Коурдацких юртах, тем де от тех воинских людей они и уцелели. А как де те воинские из Коурдацкие волости пошли в Тебендинскую волость, и того же дни в вечеру, пришед с лесу, коурдацкие татаровя Алмаметко Байгулин да Икисейтко Мязитов и, переночевав ночь в Коурдацкой волости, пошли за теми воинскими людьми следом, куды их чаят; а хотели де те татаровя подати весть и в Ишимские острожки и заставщиком и в ыные волости, и хотели де, собрався иных волостей с татары, итти за теми воинскими людьми по их сакме и их сходити. И тово ж дни приехал с Коурдацкую волость при нем Учекенке ис тех татар один человек Икусейтко Мясутов и сказывал де ему Ичейку, что те воинские люди, пришед ис Коурдацкие волости, тое ж ночи ноября на 21 число стояли де тот день в Тебенде до половины дни, збираясь с погромным животом, и ясырь и лошади и коровы поимали, а иные де пересекли, и пошли де они пазад тою ж сакмою. А пришли де те воинские люди и громили первое тобольскую ясашную волостку кречетников Янгула Кошкилдеева с товарыщи и, оставя де полон в той же волости за сторожи, перевязали, пришед громили Тебендинскую волость, и из Тебендинские де волости того тобольской ясашной волости погрому ушол у тех воинских людей малой па Ишимское устье; а те де воинские люди после тово громили Коурдацкую волость, и он де Икисейко Мяситов для тех вестей, что пошли те воинские люди назад тою ж сакмою, приехал пазад в Коурдацкую волость, а товарыщ де ево Алмаметко Байгулин с тою ж вестью поехал па Ишим и в иные волости, чтоб собрався с людьми итти за теми воинскими людьми.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 11, лл. 6—7, № 8.

294. *1631 г. не ранее ноября 28.— Отписка тарских воевод князя Никиты Барятинского и Константина Сытина тобольскому воеводе стольнику князю Федору Телятевскому о нападении калмыков и царевича Ишима на тарские волости и о походе Ерофея Заболоцкого в степь.*

Господину князю Федору Андреевичю Микита Борятинской, Константин Сытин челом бьют. В нынешнем, господине, во 140-м году ноября в 21 день писал к нам в Тарской город из Ышимского острогу тобольской пеших казаков атаман Юрий Воевоцкой: в нынешнем де во 140-м году сентября в 18 день приезжал де к нему на Ишимскую заставу в острожки с вестью ясашной тебендинской татарин, а сказал: пришол де изгоном па Тебендинскую волость Ишимов сын с колмацкими людьми да тарскими изменники с Кочашком да с Кутлумергенком с товарищи и поимал де на промыслу ишимских татар, и, пришед в Тебендинскую волость, поимал в полон жон и детей, и пошол де из Тебенди под Коурдакской острожек. И мы, господине, по тем вестем послали ис Тарсково города голов сына боярсково Ярофея Заболоцкого, да татарсково голову Воина Дементьева, да атамана Власа Колачникова да сына боярского Григорья Бакачова, а с ними тарских служивых людей, литву и

[1] *Два слова не разобраны.*

конных казаков и юртовских служилых татар, а велели им итти к Ишимской заставе и в Коурдацкую волость и в степь, где по вестям сведают про Ишимова сына и про государевых изменников. А в Ишимской, господине, острожек посылали мы к атаману к Юрью Воевопкому стрелецково пятидесятника Григория Колачникова, чтоб он проведал с Ышимские заставы про тех воинских людей допряма, куда они ис Коурдацкой волости пойдут и много ли их. И ноября ж, господине, в 28 день писал к нам из Ишимсково острогу с пятидесятником с Григорьем Колачниковым атаман Юрей Воеводцкий: ноября де в 19 день вышли от колмаков в Ишимской острог ишимские татары, которых поймали колмаки на зверовье, 4 человека, а сказали: было де колмацких людей в Тебенди и в Коурдаке и Тобольсково уезду с Верх-Вагайской волости 150 человек куяшников и в пансырех, окромя кошевых людей, а повоевав де те волости пошли тем же шляхом назад вверх по Ишиму на Кош Карагай. И он де Юрей, не поверя им, посылал с Ишимской заставы служилых людей и татар в подъезд; и служивые де, господине, люди и татаровя, приехав ис подъезду, сказали ему то же. Да к нему же де пришли с верх Ишима в острожек татаровя грабленые, а сказали: грабили де их колмаки, назад идучи ис Коурдаку, наехали их на зверовье; а идут де те колмацкие люди сплошно, за собою погони не начаютца. и ездят де по сторонам человек по пяти и по десяти, ищут промышленных людей на промыслах, а с кошом де идут человек с 50 да кошевые люди. Да ноября, господине, в 28 день писали к нам з дороги головы сын боярской Ярофей Заболоцкой с товарыщи, что ноября де в 27 день приехал к ним на стречу в Верхней Аев тарской стрелецкой пятидесятник Григорий Колачников, которой посылан для вестей в Ишимской острог, а сказал, что де Ишимов сын был с колмацкими людьми и с тарскими изменники с Кочашком да с Кутлумергейком с товарищи, повоевав государевы ясашные волости, пошли назад тем же шляхом, и оне де Ярофей с товарищи с ратными людьми с тово урочища из Верхнева Аева, прося у бога милости, за теми изменники за Ишимовым сыном и за колмацкими людьми пошли в степь на Кошкарагай и где их сойдут. А всех, господине, ратных людей литвы и конных казаков и юртовских татар и з головами, отпущено из Тарсково города 130 человек и с теми, у которых лошади померли, и мы под них, оценя лошади, поимали у торговых бухарцов.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 11, л. 5 и 5 об., № 7.

295. *1631 г. не ранее декабря 14.— Отписка тюменского воеводы Семена Жеребцова тобольскому воеводе князю Федору Телятевскому по поводу жалоб тюменских ясачных татар на калмыков, занявших их земли и угодья.*

Господину князю Федору Андреевичю Семен Жеребцов челом бьет. В нынешнем, господине, во 140-м году ноября в 27 день привезли из поля з зверовья тюменсково ограблена ясашнова татарина Терсяцкие волости Кутлуша Колованова тюменские служилые татаровя Кучюк Бокопеев да Улодимер Аккузин, и Кутлуш Колованов в роспросе сказал: был де он на зверовье с тобольскими татары Тарханские волости с Алгилдеем Кангулиным, да с Кутумом Банчановым меж Медвежьим озером и Кудруганом, от Тюмени в 8 днищах в одну сторону, и наехав де колмацкие люди, человек с 30, ограбили их... один сказываетца тайши Гушнев брат, а другой сказываетца царевича Ишима сын Аблай; да они же де им колмацкие люди сказывали: пошел де на усть Ишима воевать с колматцкими людьми царевича Ишима племянник Чюваков сын да с ним пошел тайша, а которой имянем тайша, того им не сказали, а пограбили де у них у Кутлуша с товарыщи платье и обувь поснимали донага, и кони и мяхкую рухлядь их добычю и котлы и топоры и запас поотнимали, а платьишко де им дали ветчаное; и только бы тю-

менские зверовшики их не паехали, и они б с стужи и з голоду померли; а калматцкие де многие люди идут на сю сторону Ишима и Тоболу: ищут тюменских зверовщиков и государева ясаку добывать де дадут; и то де им колматцкие люди говорили, что де им колматцким многим людем кочевать, перешед Ишим, на Тоболе на Кама Карагае, от Тюмени в 10 днищах зимним путем, а летом до того места 6 дней езду, а в вожах де у них татарин Алабердейко Енмаметов: в прошлом году при боярине и воеводе при Матвее Михайловиче Годунове выехал он Алабердейко, от Алия царевича, и поверстан на Тюмени был с служивые татаровя, и оклад ему учинен был государева жалованья по 3 рубля на год, и в прошлом де году при воеводе при князь Михайле Долгоруком да при Юрье Редрикове послан он был с тюменскими служилыми людьми и с татары за Тару, на Ямышь озеро по соль, и на Таре де он Алабердейко от тюменских служилых людей остался, и на Таре ево в службу поверстали, и он де Алабердейко государю изменил, с тарскими татары отъехал; и он де Кутлуш с товарыщи того изменника Алабердейка и колмаков видел и прельщал де их Кутлушу с товарыщи тот Алабердейко от государские милости, с собою звал, и они де ему вору отказали, что де от государские милости изменить не хотят. Да тот же Кутлуш мне сказывал: были де на зверовье тюменские ж служилые татаровя по сю сторону Кудругана, меж Кушкулем, Алията Отмышев Баубеков, Манак Баубеков, Антяк Кошенаев, Кочем Ярдифиев, Ерманчак Кураев да ясашной Исенмаметко Гаев и тех бутто татар без вести не стало: неведомо побиты или в полон взяты, а срок де им миновал, как было з зверовья приехать мочно. И декабря, господине, в 9 день те татаровя Адията Отмышев с товарыщи з зверовья на Тюмень приехали и в роспросе мне сказали: как де тюменсково ясашново татарина Терсяцкие волости Кутлуша Колованова да тобольских татар Тарханские волости Алгилдейка Кангулина да Кутум Байчанова колматцкие люди грабили, и они де Адията Отмышев с товарыщи то видели, стояли утоясь... подле реки, и изживали, чтоб колматцкие люди с того места съехали; и колмацкие люди по сю сторону Тоболу ездят человек по 20 и по 30, и оне Отдията Атмышев с товарыщи зверовать ездить не смели и от колмаков ушли, отбывая лесом. Да декабря, господине, в 13 день приехал з зверовья Терсяцкие волости ясашной татарин Янгозя Бокаев и бил челом государю, а сказал: был де он Янгозя на зверовье на Тоболе, от Тюмени в осьми днищах, и по обе де стороны Тобола реки кочуют колматцкие люди, и они де ясашные люди от колматцких людей в конец погибли: в государеве де жалованье, а в их отчинах по речкам и по озерам и на степи зверовать не дадут. Да декабря же, господине, в 14 день приехали ис поля з зверовья Терсяцкие волости ясашной татарин Янгит Бангучатов да захребетный татарин Якшураз Бахтуразов и били челом государю, а сказали, что де им от колматцких людей теснота и обида великая, и отняли де от них колматцкие люди их оброчные речки Кадамыш да Ердамыш да Лабугу и иные их вотчинные речки и озера, на которых оне речках бобры добывали, и боры, на которых борах белку и лисиц и куницы, государев ясак, добывали; да поехали де на зверовье ясашные татаровя Азимамет Азиев с товарыщи, и которые татаровя были ближе на зверовье, те у колмаков ушли, а Азеи де Азиев с товарыщи по ся места не бывал: неведомо колматцкие их побили или в полон взяли: ездят де многие колматцкие люди по обе стороны Тоболу и около Медвежья озера и около Круккушлы тут де преже сево около Тоболу и около тех озер государев ясак: лисицы и куницы и белку добывали, и колмацкие люди на тех местах преже сево не бывали, а ныне у них все угодья и их вотчины поотнимали и зверовать не дадут. И приходят, господине, в съезжую избу татаровя, бьют челом государю по вся беспрестанно, чтоб государь пожаловал, велел на колмаков послать посылку ратных людей, чтоб их з государевы земли, а с их вотчин и угодей отогнать колмаков; а будет ратных людей на колмаков

посылки не будет и колматцких людей з государевы земли, а с их угодей и вотчин, не собьют, и им ясашным людем государева ясаку добыть будет негде. И о том, как укажешь.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 11, лл. 10—11 об., № 12.

296. *1631 г. не ранее декабря 20.— Отписка приказного человека Туруханского зимовья Ивана Патрикеева мангазейским воеводам Василию Давыдову и Дмитрию Клокачеву о том, что в Инбацком зимовье осталось не больше 20 остяков.*

Государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии воеводам Василью Алексеевичю, Дмитрию Федоровичу Ивашка Патрикеев челом бьет. В нынешнем во 140-м году декабря в 20 день писал ко мне из Ынбацкого ясашного зимовья служивый человек березовской казак Якунка Зубов, что ясачных людей остяков в Инбацком больши 20-ти человек живых не осталось, а иные все примерли оспою; а которые невеликие люди на промыслех, и про тех вести нет, и в том государеву ясаку будет недобор великой.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 21, л. 148, № 53.

297. *1631 г. не ранее декабря 30.— Отписка приказного человека Туруханского зимовья Ивана Патрикеева мангазейским воеводам Василию Давыдову и Дмитрию Клокачеву о том, что от оспы „пропало" 46 человек хантайских самоедов.*

Государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии воеводам Василью Алексеевичю, Дмитрию Федоровичу Ивашко Патрикеев челом бьет. В нынешнем во 140-м году декабря в 30 день писали ко мне ис Хантайсково зимовья служилые люди Устинко Степанов с товарыщи, что хантайские самоеди пропало 46 человек, а про тундраную самоядь и вести нет, и в том чают государеву ясаку великую поруху.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 21, л. 148, № 54.

298. *1632 г. января 15.— Наказная память тобольскому сыну боярскому Томилу Петрову с товарищами, посланным в Тарский уезд приводить к шерти изменивших подгородных и волостных татар.*

Лета 7140-го генваря в 15 день, по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии указу память тобольскому сыну боярскому Томилу Петрову, да новокрещеному Якову Бугалакову да юртовскому служивому татарину Едигерю Тамаймурзину. Ехати им па Тару для того: в прошлом во 136-м и 137-м годех изменили государю тарские юртовские волости татаровя и * в Барабинской волости тарсково сына боярского Еремея Пружинина и служилых людей 18 человек всех побили, и сослався меж себя, под Тарской город приходили войною и хотели Тарской город взяти и государевых людей побить и церкви божии разорить; и божьею милостью и великого государя нашего царя и великого князя Михаила Федоровича всея Русии счастьем та их воровская дума не сталась, и они отошли в степь и пристали к прежнему государеву изменнику к Ишимову сыну к царевичю Абле и с ним потому ж приходили на многие государевы волости войною, и государевых ясашных людей на зверовьях и в волостях побивали и грабили и в полон к себе имали ** и ныне оне кочюют в степи и в колматцких улусех; и для того послана с ними ис Тобольска на Тару от стольника и воеводы от князя Федора Андреевича Телятевскова к воеводам ко князю Никите Борятинскому да х Констянтину Сытину отписка. И Томилу Петрову с товарыщи, приехав на Тару, отдати

воеводам князю Миките и Константину тобольская отписка, а отдав роспросить на Таре воевод князя Микиту и Констянтина и самим разведать от иных людей, от ково будет пригоже, где те государевы изменники тарские подгородные юртовские и барабинцы и иных волостей татаровя, которые государю изменили, где их чаять и на которых местех есть ли про них ведомо, на которых урочищах стоят, и в кольких днищах от Тарсково города кочюют или порознь и по кольку человек, и коих волостей где хто кочюет или с колматцкими людьми и у которых таиш в улусех; да где ему воеводы про юртовских и про барабинцов и иных волостей про изменников скажут и сами проведают, и тобольскому сыну боярскому Томилу Петрову и Якову Бугалакову да Едигерю Тамаймурзину взять на Таре у воевод у князя Микиты Борятинсково да у Констянтина Сытина вожей и подводы и ехати им к тарским юртовским и к волосным татаром на государевых изменников, где они ныне кочюют. А приехав говорить им, что они наперед сево великому государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии на Таре служили и прямили и были в прямом холопстве под его царскою высокою рукою, а волосные ясашные люди ясак с себя давали, и государская милость к ним к юртовским и к волостным ясашным татаром была: имали юртовские татаровя государево денежное жалованье ежегод безпрестани, а волосные ясашные люди. как приезжают с ясаком и без ясаку в город, и по государеву указу воеводы их поили и кормили и всем покоили государевым жалованьем, и от колматцких людей и ото всех немирных землиц их оберегали, и были государскою милостью во всем в покое и в защищенье, ни от ково им никакой налоги и обид не было; и они, забыв к себе государскую милость и на чем великому государю нашему царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии каку ране шерть дали, в прошлом в 136-м году и во 137-м году изменили, которые были у них Тарсково города служилые люди для оберeганья от воинских людей, и они... — *Далее повторяется текст, поставленный выше между знаками * и **; затем следует:* и они б ныне попомнили к себе государскую прежнюю милость и свою шерть, на чем великому государю нашему царю и великому князю Михаилу Федоровичю всея Русии каку ране шерть дали, от измены своей отстали и ко государю вину свою принесли; и которые их род [1] и племя были с ними в одной измене, и они многие от измены своея отстали и к великому государю нашему царю и великому князю Михаилу Федоровичу всеа Русии вину свою принесли, и государь наш и великий князь Михаил Федорович всеа Русии, по своему милосердному рассмотрению, вину их им отдал, ныне они живут в старых своих юртах, и государев ясак дают в Тарской город и угодьями своими владеют по прежнему. А род их и племя, которые были переиманы в Тарской город в их измене и которые были взяты в языцех, как жен их и детей и братья и племянники сидели в Тоболеске и на Таре в тюрьмах, а иные по приставом, и как они от измены своей отстали и вину свою ко государю принесли и учинились государю нашему царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии по прежнему в холопстве, и великий государь наш царь и великий князь Михайло Федорович всеа Русии велел жон их и детей им отдать, и дядью их и братью и племянников велел ис тюрем и из за приставов свободить, не воспомянув их вин, и ныне они государскою милостью з женами своими и з детьми и з дядями и з братьями и племянники своими живут на старых своих юртах и угодьями своими владеют и ясак в Тарской город дают по прежнему, и нет им ни от ково никаких обид и насильства, и во всем живут в покое. И они б тарские служивые люди, юртовские подгородные татаровя и барабинцы и иных волостей ясашные люди, видя такую государскую милость, вину свою к государю принесли,

---

[1] *В рукоп.:* раби.

а ему б великому государю царю били челом и шли б жить на прежние свои юрты безо всякого сумленья, не опасаясь ничево, и были б на государскую милость во всем надежны, и великий государь наш царь и великий князь Михайло Федорович всеа Русии их пожалует так же, как и тех их товарыщев, которые от измены своей отстали и ему великому государю нашему царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии добили челом, и государь царь и великий князь Михайло Федорович всея Русии вины их воспомянуть не велит. А от каких людей им были обиды и налоги, и они бы о том на них били челом государю нашему царю и великому князю Михаилу Федоровичу всеа Русии, и великий государь наш царь и великий князь Михаил Федорович всеа Русии по их челобитью велит про то сыскать, а по сыску велит государь тем людем наказанье учинить, смотря по их винам. И они б одноличио на государскую милость были надежны безо всякого сумненья и шли на прежние свои юрты и жили бы в своих юртах, не опасаясь ничево. А будет они учнут опасатца тово, что они наперед сево приходом своим под Тарским и под иными городы государевых людей побивали и всякое дурно делали, и про то им говорить: будут они от измены своей отстанут и вину свою ему великому государю нашему царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии принесут и добьют челом и будут под его царскою высокою рукою по прежнему в холопстве, и они бы одноличио на государскую милость были надежны, а государь их пожалует, прежних их вин вспомянуть не велит, те их вины и измены велит им отдать, только б они вперед были под государскою высокою рукою в своей правде крепко и стоятельно безо всякие шатости. А одноличио бы Томилу и Якову и Едигерю государю послужить и служба своя и радение показать, тех государевых изменников Тарсково города юртовских волостных татар привести на то, чтоб они от измены своей отстали, и государю добили челом, и вины свои принесли, и были б в холопстве под его царскою высокою рукою и шли б на прежние свои юрты, где хто наперед сего кочевали, и договор бы с ними учинить, и в ясаке ясашных людей во всем обнадежить, и ни чем их не ожесточить и во всем делать по сей наказной памяти и смотря по тамошнему делу, как бы их бог вразумил и государеву делу было прибыльнее. А будет Томила Петрова с товарыщи ко государю прямою службою и раденьем тарские юртовские подгородные и барабинцы и иных волостей татаровя от измены своей отстанут и государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии в винах своих добьют челом и учнут жить на старых своих юртах, и великий государь царь и великий князь Михаил Федорович всеа Русии за то их Томила и Якова и Едигеря пожалует своим государевым жалованьем, смотря по их службе. А одноличио Томилу и Якову и Едигерю тем государю послужить и изменников тарских юртовских и волостных татар во всем государской милостью обнадежить и на том их привести, чтоб они от измены своей отстали и ко государю вины свои принесли и поворотились на старые свои юрты по прежнему. А будет тарские юртовские и волостные татаровя государевы изменники у которых тайш в улусех кочюют с колмацкими людьми в одном месте, и Томилу и Якову и Едигерю итти к тайшам в колмацкие улусы посольством. И как будут у тайш в улусех, и Томилу и Якову и Едигерю говорить тайшам, что наперед сего они колматцкие тайши и улусные люди у соляных озер великому государю нашему царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии шертовали на том, что им во всем великому государю нашему царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии служить и прямить и, пе бив челом ему великому государю нашему царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии, на ево государеве земле не кочевать, и ево государевым людем в рыбных ловлях и на зверовьях государевых ясашных людей не побивать и не грабить и в полон не имать и утесненья никакова не чинить; и они колматцкие тайши и улусные их люди, забыв свою правду, на чом великому государю нашему царю и

великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии шерть дали, пришед па ево государеве земле кочюют и ясашным людем в рыбных ловлях и во всяких угодьях утесненье чипят, на зверовьях грабят и побивают и в полоп к себе емлют, и на волости войною приходят, и изменников государевых тарских татар: царевича Ишимова сына Аблу, Кочашка Топатарова да Купилерчеика Ясаулова с товарыщи в улусех у себя держат, и в нынешнем во 140-м году осенью царевича Ишимов племянник Девлеткирей Чювахов приходил на государевы ясашные волости Тобольсково уезду на Капкайскую волость да Тарсково уезду на Тебендинскую да на Коурдацкую волости войною, а с ними приходили их колматцких тайш улусные люди, и государевых ясашных людей, которые были в тех волостях, побили, а жон их и детей ясашных людей в полон поимали, и животы их все без остатка пограбили, и те волости разорили, и отошли в степь к ним в колмацкие улусы; а они колмацкие тайши тех государевых изменников держат и в улусах у себя укрывают; и они б тайши тех государевых изменников у себя в улусах не держали да и вперед их не укрывали и, не бив челом великому государю нашему царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии, на его государеве земле блиско государевых городов и ясашных волостей не кочевали и угодьи не владели, и его государевым ясашным людем в зверовьях и в рыбных ловлях утесненья никакова не чинили и не грабили и не побивали, и на те б государевы волости войною не приходили, и государевых изменников царевича Ишимова сына Абла, тарских татар Кочашка Тонатарова с товарыщи и тех воров колматцких людей, которые с ними на государевы ясашные волости приходили, и полон ясашных людей жон и детей и животы, что они в государевых ясашных волостях поимали, велели сыскать и прислать в Тоболеск. А будет они колмацкие тайши и их улусные люди вперед на ево государеве земле, не бив челом ему великому государю, учнут кочевать и угодьи владеть и государевым ясашным людем в зверовьях и в рыбных ловлях учнут утесненье чинить, грабить и побивать и в полон имать, и на государевы волости войною приходить, и государевых изменников царевича Ишимова сына и тарских татар Кочашка Топатарова с товарыщи и тех воров колматцких людей, которые с ними на государевы ясашные волости приходили и государевы ясашные волости воевали, учнут укрывать и полону государевых людей и жон их живых сыскать в Тоболеск не пришлют, и то знатно, что те государевы изменники улусные люди по их совету и веленью на государевы ясашные волости войною приходили, и ясашные волости разорили, ясашных людей побили, а иных в полон поимали и животы их без остатку пограбили, и государь царь и великий князь Михайло Федорович всеа Русии велел на них послать своих государевых многих ратных людей с вогненным боем, а велел их улусы воевать, и их улусных людей и жон их и детей в полон имать, и юрты их велит государь разорить без остатку, и та им кровь и разоренье самим от себя. И они б колматцкие тайши, не дожидаяся такого себе разоренья, великому государю нашему ...служили и прямили по своей шерти по прежнему, и государевых изменников у себя в улусах не укрывали и сами и улусные их люди, и били б челом ему великому государю нашему царю блиско государевых городов ясашных волостей на его государевых землях не кочевать и улусным своим людем потому ж кочевать не велели, и государевых ясашных людей на звериных их и рыбных ловлях и во всяких угодьях утесненья чинить не велели, и ясашных людей, которых жены и дети и животы их, которые поимали, прислати в Тоболеск. А пословать у них по тому ж, государевых изменников тарских юртовских и волостных татар уговаривати тайным обычаем и на то б их привести, чтоб они от измен своих отстали и вину свою к государю принесли.

На обороте: Дияк Дмитрей Прокопьев. Дияк Наум Петров.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 11, лл. 11 об.—15, № 13.

299. *1632 г. марта 2.— Грамота на Тюмень воеводе Семену Жеребцову о посылке служилых людей к калмыкам, о принятии мер против занятия ими земель и угодий ясачных людей, о приеме калмыцких послов на Тюмени и непропуске их в Москву, о подарках калмыков и о повольной торговле их на Тюмени.*

От царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии в Сибирь воеводе нашему Семену Ивановичю Жеребцову. Писал еси к нам, что в прошлом во 139-м году сказывали тебе в роспросе тюменские ясашные татаровя Батрыгилдейко Бекбаев с товарыщи: как де опи были па зверовье на реке Ишиме, и на их де наехали колмацкие люди и, взяв, держали их у себя 5 дней п, ограбя их до нага, колмацкие люди тюменских отпустили; а говорили им колмацкие люди: тюменских де зверовщиков грабили они за то: наперед де сего наши посланники с Тюмени к ним приходили и их колмацких послов с торгом на Тюмень пущали, а ныне де наши посланники к ним приходить не стали, тому ныне шестой год. Да тюменские же ясашные татаровя мурза Гилдейко Алибаев с товарыщи были на зверовье и, приехав з зверовья, в роспросе тебе сказали, что их колмацкие люди на зверовье пограбили. Да с зверовья ж приехали тюменские ясашные татаровя Кучюк Бакаев да Волотька Ахкозин, а с собою привезли тюменсково же ясашного татарина Терсяцкие волости Кутлушка Коловапова, а в роспросе тебе Кутлушка сказал: был де он на зверовье с тобольскими тотары Тарханские волости с Агилдейском Кангулиным да с Кутумком Баучалювым меж Медвежьим озером и Пудругапом, от Тюмени в 8 днищах, а наехав де колмацкие люди человек с 30 их переграбили; а говорили де колмацкие люди, что им, перешод Ишим на Тоболе, на Кама-Карагае, от Тюмени зимним путем в 10 днях, а летним во пяти днищах, кочевать многим людем, а вож де у них наш изменник тарской татарин Алабердейко Енмаметев. Да бил нам челом тюменской ясашной татарин Терсяцкие волости Янгозка Абакаев, а сказал: был де он Янгозка с товарыщи на зверовье на Тоболе, от Тюмени в 8 днищах, и по обе де стороны реки Тоболы кочуют колмацкие люди, и в вотчинах по речкам и по озерам и на степи зверовать им не дадут, и они де от тех колмацких людей в конец погибли. Да Терсяцкие ж волости ясачной татарин Тармаметко Колватов с товарыщи били нам челом: обида де им и теснота от колмацких людей великая, оброчные и вотчинные речки и озера от Тюмени во пяти днищах, на которых они речках и озерах бобры добывали, и боры, на которых куницы и белку и лисиц били, все отняли и зверовать не дадут. Да они ж тебе сказывали: тому де месяца с три поехали тюменские ясашные татаровя Пышминские волости Акочкар Атманаев с товарыщи за Тобол, на Середней Утек, зверовать, и те де татарове з зверовья генваря по 3 число не бывали; и ты посылал с Тюмени в проезжую станицу конных казаков Гришку Вязмина с товарыщи, 4-х человек, да юртовских служилых татар вожа Япураза Будалина с товарыщи, 3-х человек, и те станичники, приехав, в распросе тебе сказали, что они ездили до Сасыкуля и переехали меж Медвежьим озером и Сасыкулем колмацкую свежу сакму, от Тюмени в 7 днищах, а дале де они тое калмацкие сакмы ехать не смели. А в прежние де годы ясачные татаровя с нашим ясаком па Тюмень прихаживали на Богоявленьев день, а в нынешнем во 140-м году ясачные татаровя с нашим ясаком генваря по 9 число ни один человек не бывал. А ясашных татар Кыпырсково городка есаул мурза Гилдей Янабеков с товарыщи бьют нам челом, чтоб нам их пожаловать, велети на колмацких людей послати в посылки наших ратных людей, чтоб из их угодей и из вотчин тех колмаков отогнать; а только де будет па колмаков ратных людей посылки не будет и колмацких людей из их угодей и из вотчин не отогнати, и им де ясашным людем нашего ясаку добыть негде. И ты наших посланников х колмаком и в посылки на них ратных людей послати без нашего указу не смеешь, и нам бы тебе о том велети указ наш учинити. И мы указали: в колмацкие улусы с Тюмени

посылати наших посланников тюменских служилых людей, кому бы такие посылки были за обычай и которые в таких посылках наперед сево бывали, и колмацких послов на Тюмень принимати по прежнему нашему указу; а которые колмацкие тайши учнут к тебе присылати с послы своими поминки и в подарках лошади, и то у них указали есьмя принимати; а против того посылати к ним наше жалованье подарки: сукна или однорядки по цене на столько же, сколько от них прислано будет, и каковы сукна или однорядки наперед сего х колмацким таишам наше жалованье посылываны. А колмацким людем, которые с лошадьми для торгу приедут, давати волный торг, как и наперед сево им торги даваны. А которые колмаки блиско наших ясачных татарских вотчин кочуют и нашим ясачным людем тесноты и обиды чинят, и на тех колмаков указали есмя с Тюмени для поиску наших ратных людей. И как к тебе ся наша грамота придет, и ты б по прежнему нашему указу и по сей нашей грамоте посылал с Тюмени х колмацким тайшам наших тюменских служилых людей лутчих людей, кому б такие ссылочные дела были за обычай и которые в таких посылках наперед сево бывали. А велел им колмацким тайшам говорити, чтоб они тайши и их улусные люди блиско наших тюменских ясачных татарских вотчин, в которых вотчинах тюменские ясачные люди ныне ясак добывают, не кочевали и улусным своим людем кочевати и никакова насильства и обиды ясачным людем чинить не велели. А будет из которых колмацких улусов учнут на Тюмень тайши послов своих для торгу присылати, и ты б их велел, принимая, ставити на Тюмени за городом, в остроге, где пригоже, по прежнему нашему указу, как они бывали и ставились на Тюмени наперед сего. А будут они колмацкие послы учнут проситца к нам к Москве, и тех колмацких послов к нам к Москве не отпускать, для того чтоб они дороги к Москве не узнали. А которые будет колмацкие тайши или иные какие колмацкие люди учнут присылать с послы своими к тебе поминки и в подарках лошади, и ты б у них повелел принимать, а против того к тем тайшам посылал наше жалованье подарки: сукна или однорядки по цене на столько же, сколько от них прислано будет, и каковы сукна или однорядки наперед сего х колмацким тайшам нашего жалованья посыланы. А колмацким людем, которые с лошадьми для торгу приедут, велел давати новольной торг, как и наперед сево им торги даваны, и держать к тем колмацким людем во всем береженье, чтоб их вперед тем приучити; а как они исторгуютца, и их отпущати назад в Колмацкую землю не издержав. А которые будет колмацкие люди станут ослушатца и учнут блиско ясачных тюменских татарских вотчин кочевать и нашим ясачным людем в их вотчинах насильство и обиды чинить, и ты б на тех колмаков, смотря по вестям, для поиску посылал с Тюмени наших ратных людей, смотря по тамошнему делу, по скольку человек пригоже, и и велел им на тех воинских людей приходить и над ними промышлять всякими мерами, сколько милосердый бог помочи подаст, чтоб однолично тех колмаков от тюменских ясачных татарских вотчин и от всяких угодей отогнать и поиск над ними учинить, а ратных людей уберечь и ясачных людей в уезде повоевать не дать. Да что у тебя вперед про колмацких людей будет вестей или от наших ратных людей, которых учнешь на колмаков посылать, какова поиску учинитца, и ты б о том писал к нам к Москве почасту, а отписки велел отдавати в приказе Казанского дворца боярину нашему князю Дмитрею Мамстрюковичю Черкаскому да дьякам нашим Федору Панову да Ивану Переносову. Писан на Москве во 140-м году марта в 2 день.

На обороте: Дьяк Федор Панов. Справил подьячий Третьяк Васильев. — А привез государеву грамоту на Тюмень во 140-м году апреля 25 тарской сын боярской Павел Костелецкой. А подлинную государеву грамоту взял воевода Семен Жеребцов.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 8, лл. 98 об. — 102, № 35.

Напеч. в РИБ, II, стб. 465—470, № 138, XI.

300. *1632 г. июня 1.*[1] *— Челобитная Нарымского острога головы казачьего Юрия Данилова и всех служилых людей о выдаче жалованья на 140-й год.*

Царю государю и великому князю Михаилу Федоровичу всеа Русии бьют челом холопи твои Нарымского острогу голова казачий Юшко Данилов и всяких чинов служилые люди, ружники и оброчники. Не дано нам холопем твоего государева денежново жалованья на нынешней на 140-й год никому ни по одной денге. А мы холопи твои в острожной переноске в конец погибли. И теперь, государь, у многих дворишек своих нет, а перевести нечем, наги и босы, и одолжали великими долги. Милосердый царь государь и великий князь Михайло Федорович всеа Русии, пожалуй нас холопей своих государевым денежным жалованьем на нынешней на 140-й год в наши оклады. Царь государь, смилуйся, пожалуй.

ААН, ф. 21, оп. № 17, л. 238 об., № 147.

301. *1632 г. не ранее июня 1. — Отписка томского воеводы Ивана Татева нарымскому воеводе Ивану Бестужеву о выдаче жалованья служилым людям на 140-й год.*

Господину Ивану Микифоровичу Иван Татев челом бьет. В нынешнем, господине, во 140-м году июня в 1 день били челом государю царю и великому князю Михаилу Федоровичу всеа Русии Нарымского острогу казачей голова Юрий Данилов и все Нарымского острогу служилые люди, ружники и оброчники а сказали: государева де нам годового денежного жалованья на нынешней на 140-й год не дано не по одной денге; а они де острог и дворишки свои перенесли на новое место, и от той острожной и подворной переноске в конец погибли, а иные де за бедностью дворишков своих на новое место не перевезли; и государь бы их пожаловал, на нынешней 140-й год своим государевым денежным жалованьем...

ААН, ф. 21, оп. 4, № 17, л. 238 об., № 148.

302. *1632 г. сентября 1 — ранее октября 29.*[2] *— Отписка архиепископа сибирского и тобольского Макария туринскому воеводе Гурию Волынцову по поводу сыска калмыцкого полона 140-го года, возвращаемого по договору калмыцкому тайше Талаю.*

Государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии воеводе господину Гуру Ивановичю преосвещенный Макарий, архиепископ сибирский и тобольский, благословляет, бога молит и челом бьет... — *Далее повторяется текст, поставленный в № 303 между знаками * и **, с заменой в нем слова „ясырь" „полоном"; после того следует:* а тех бы, господине, ясырей велети держати у себя тем же людем, у ково они были, а крестить и продавать не велеть; а которые ясыри оглашены, имяна наречены и крещены, и тех ясырей и впреть велети держать тем у себя в нашей православной христианской вере; а которые ясыри оглашены и имяна наречены, и тех велети крестить, а в Калмаки тех не отдавати. А милость Софеи премудрости слова божия и великих московских чюдотворцев Петра, Алексея, Ионы и всех святых молитвы и нашего смирения и благословения да будет с тобою ныне.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 5, лл. 256 об. — 258, № 226.

---

[1] *О дате челобитной см. № 301.*
[2] *Дата установлена на основании № 303.*

303. *1632 г. сентября 1 — ранее октября 29. — Отписка тобольского воеводы князя Федора Телятевского верхотурскому воеводе Федору Баяшеву о сыске калмыцкого полона 140-го года и о возврате его калмыкам.*

Господам Федору Михайловичю, Второму Ивановичю Федор Телятевской челом бьет. * В прошлом, господа, в 140-м году повоевали Тобольского уезду Капкатинскую волость да Тарсково уезду Тебендинскую да Коурдацкую волости Девлет Кирей, Чюваков сын, Кучюмов внук, да государевы изменники тарские татаровя Кочашко Танатаров с товарыщи да колмацкие люди Талай тайшина улуса чорные мужики чюрасцы, и многих ясачных людей побили, и жон их и детей в полон поимали. И в прошлом же во 140-м году по тому колмыцкому задору посыланы ис Тарсково города в поход на тех колмацких людей тобольские и тарские служилые люди и татарове и, божиею милостию, а государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии счастьем, колмацких людей чюрасцов побили и ясырь поимали и привезли в Тарской город, а на Тарском городе тобольские и тарские служилые люди и татарове продавали тот ясырь сибирским служилым людем, которые шли от соляных озер. И в нынешнем, господа, во 141-м году прислал в Тоболеск колмацкой Талай тайша улуса людей своих Амикея с товарыщи бити челом государю, что улуса люди ево чюрасцы своровали, на государевы волости приходили без ево Талай тайшина ведома, и он де за то на тех своих людех за то взял на себя пеню, а ясырь государевых волостей в своих улусех сыскивает; и государь бы ево Талай тайшу пожаловал, велел улуса ево ясырь, что поимали тобольские и тарские служилые люди на погроме, сыскав, отдать ему, а он де Талай тайша отдаст ясарь государевых ясачных волостей, что поимали ево улуса черные мужики чюрасцы. И ныне, господа, писано ис Тобольска на Тару и в иные сибирские городы Тобольсково розряду, а велено тот [ясырь] [1] для розмены сыскивать. И вам бы, господа, на Верхотурье учинити заказ крепкой: у ково есть тово погрому ясырь [2] колмацкой, и те б люди тот ясырь являли, приводя к тебе в съезжую избу, а у себя б того ясырю не таили и не крестили и не продавали; а будет хто тех ясырей учнет у себя таити, и тем людем быти от государя в великой опале. Да которые, господа, люди учнут к тебе в съезжую избу тот ясырь приводити, и вам бы, господа, тех людей расспрашивати, у ково они тот ясырь покупали, и что за которово ясыря или за ясырку денег дали; а которые будет люди учнут приводити ясырь, а скажут, что тот ясырь крещен или которым ясырем молитва дана, и вам бы, господа, тех людей допрашивати и сыскивать подлинно, которой поп тем ясырем молитву давал или крестил и хто кум и кумы были, да к тому сыску попом и тем людем, которые что в сыску и в роспросе скажут, велети руки приложити, да тот сыск и ясырь и тому ясырю роспись прислати в Тоболеск ** тотчас немешкая; а у которых, господа, людей будет есть того колмацково погрому ясыри, а те люди тех ясырей к записке приводить не учнут, и вам бы, господа, тех людей и у них ясырь сыскивать, а сыскав потому ж прислати в Тоболеск не мешкая; а тем людем, хто ково утаит, чинити наказанье.

На обороте: Господам Федору Михайловичю, Второму Ивановичю. — 141-го году октября в 29 день подал стрелец Мосейко Божин.

ИИ АН СССР, Верхотурские акты, кор. 2. Два сстава; утерянный сстав третий восстановлен по списку ААН, ф. 21, оп 4, № 2 лл. 157 об. — 158 об., № 140.

---

[1] *В черновой:* господа.
[2] *В черновой, как и ранее, вместо* „ясырь" „полон".

304. *1632 г. не ранее сентября 9.—Отписка посланного на реку Бию томского сына боярского Федора Пущина томским воеводам стольнику Никите Егупову Черкасскому с товарищами о бое на р. Чумыше с людьми Абака и его союзниками и о возвращении своем назад.*

Государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии воеводам князю Никите Ивановичю, Федору Григорьевичю, дьяку Ондрею Овдокимовичу Томскове города сын боярской Фетька Пущин челом бьет. По государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии указу воевода князь Иван Федорович Татев с товарыщи указал мне ити вверх по Обе реке на Бию реку острогу ставить, а со мною послано служилых людей 60 человек. И послыша, государь, Абак, что идут государевы люди вверх по Обе реке и умысля своим воровством, не хотя государевых людей пропустить, собрався с великими людьми с черными колмаками и с царевичем с Кереем, с орчаками и с барабинцы, и сентября в 3 день выше Чумыша реки пришел сын ево Абаков Кока и лучей ево улусной мужик Изскбей войною, не хотя нас пропустить, и с нами бился, и служилых людей переранили. И я, государь, стоял на месте 5 дней, и с ними бился по вся дни, и мне, государь, стоять невозможно, твоих служилых людей мало, а люди стоят по обе стороны великие, не дадут и берегу. И послал, государь, со мною мундуской мужик Тайталко, и тот Тайталко, увиде Абаковых людей, что с нами бьются, и ночною порою бросился воду, и служилые люди за ним гонялись и ево сыскать не могли, пора пошлая, и я, государь, воротился в Томской город, потому что людем не в силу, прилегли орды многие. А служивых людей со мною послано мало, и мне теми людьми пройти невозможно; а посланы, государь, служилые люди в Томской город десятник Ондрюшка Дорохов, Ивашко Гальцев, Ромашко Белоголов, Оска Глухой.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 17, л. 375 и 375 об., № 189.

305. *1632 г. сентября 11.—Отписка в Москву туринского воеводы Гурия Волынцова о притеснениях туринских ясачных татар русскими людьми слобод, не подчиненных туринскому воеводе, но построенных в Туринском уезде, и о тяжести ясачного обложения туринских татар.*

Государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии холоп твой Гурка Волынцев челом бьет. В нынешнем, государь, во 141-м году сентября в 11 день в твоей государсво цареве и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии грамоте за приписью твоего государева дьяка Ивана Переносова писано ко мне холопу твоему, велено, государь, мне холопу твоему на прошлые годы и на 140-й год недоборной ясак на ясачных людех собирать ласкою, а не жесточию, чтоб их ничем не ожесточить и от своей государской милости не отогнать; а которые волости построились в Туринском уезде, и из тех волостей руские люди у туринских у ясачных людей зверь побивают тайно, и ловли всякие ставят, и весною огни пускают, и мне б, государь, холопу твоему от тех руских людей туринских ясачных людей беречь и зверя побивать и огня под зверь класть и утесненья никакова ясачным людем чинить не велеть. И около, государь, Туринского острогу ясашных волостей построились твои государевы слободы: Красная слобода и Чюбарово городище, и в те слободы по твоему государеву указу указывают из Тобольска, и на Невье и на Режу и в Новой слободе указывают с Верхотурья, а в Пелымском уезде в Тобаринской волости указывают с Пелыми, и мне, государь, холопу твоему в тех слободах русским людем о звериных ловлях и огнях заказать не уметь, что они не под туринским присудом, и заказу моево, холопа твоего, не слушают и в Туринской к суду не едут. А к Верхотурью, государь, ездить туринским твоим государевым ясачным людем дальше, день в шесть и в семь и больше. А к Туринскому, госу-

дарь, и дальная слобода в полтора дни. И те, государь, слободы построились все в Туринском уезде, да и вново, государь, ныне с Верхотурья ж строят в Туринском же уезде в ясашных волостех новую слободу к Ырбе реке. И туринским ясачным людем стало утесненье великое. И пс тех слобод приходя русские люди в их отчинах зверь побивают тайным обычаем и хмели дерут, и рыбу ловят и во всем их изобижают. И туринским ясашным людем никакими мерами твоего государева ясаку в полной оклад добыть немочно, не в силу большую. И Туринского уезду твои государевы ясашные татаровя приходят в съезжую избу, бьют челом тебе великому государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии безотступно со слезами, а мне холопу твоему сказывают: положил на них твои государев ясак по твоему государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии указу и по тобольской отписке в прошлом во 134-м году воевода Иван Баклановский против цены не в силу, не сыскав, не против их вотчин и промыслов, на человека рублев по 5 и по 4 и по 3, а меньше дву рублей на ясашных людей на подрозля не положено, которые лет в 13 и в 14, и от того де окладу твои государевы ясашные татаровя обнищали и одолжали великими долги, и ни в которых де, государь, сибирских городех такова окладу на ясашных людех нет да и вперед де, государь, платить большим окладом твоего, государь, ясаку заплатить невозможно. А в Верхотурской и в Пелымской и в Тюменской уезд[1] туринских ясашных татар для звериного промыслу лесовать не пущают. А в твой государев ясак туринские ясашные татаровя покупают в Верхотурском и в Пелымском и в Тюменском уездах у ясашных же татар и у русских людей всякой зверь большою ценою, а в твою государеву казну примают меньшею ценою. И на прошлые, государь, годы твой государев ясак будет в недоборе, что многие ясашные татаровя обнищали, а иные престарели, и ис слобод ходят в их вотчинах русские люди, зверь побивают и огни пущают, и тем зверь отогнали. И о том государь царь и великий князь Михайло Федорович всеа Русии мне, холопу своему, как укажешь.

141-го году сентября в 11 день такова ж послана ис Туринского острогу.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 5, лл. 255—256 об., № 225.

306. *1632 г. сентября 18.—Допросные речи Айдара о плавании по р. Оби к устью Бии и о встречах с калмыками и иными народами.*

..141-го сентября в 18 день Айдарко сказал, что те служивые люди воротились для тово: Абаковы де люди 3 человека их служивых людей подкараулили ниже Чумышу, за 10 ден до Чумышу, и говорили де те Абаковы люди сыну боярскому и служивым людем: приказывал де Абак, что живут де по Оби его Абакова улуса небогатые людишка для рыбные ловли, и они б де тех людей ничем не замали. Да Абак же де велел говорить: для чево воеводы посылают в мою землю остроги ставить, я де никакова задору з государевыми людьми не чинил и никакие де перед государем измены моей не бывало. А после де тово никаких людей не видали. И как де пришли выше Чумышу два дни па сухое озеро, и шол де сын боярский своим судном наперед, а мы де шли позади, стрельбищах в двух лучных, а третей дощеник шел за Обью по другой стороне Оби; и какие де люди приходили, и много ли их было, и тех служивых людей стреляли на переднем судне, и я де тово не ведаю и никово не видал, потому что спал; и как де с тово с переднево судна выстрелили ис пищали, и я де проснулся и поглядел, и никово не видал, что те люди от судов побежали прочь, да после де тово, как они побежали, выстрелили из дву пищалей, и как де мы пришли своим судном к тому переднему судну, и я не видел стрел с 20 в дощенике торчат; и как де сошлись все три дощеника вместе, и служивые де люди с половину их выходили на берег с оружьем и никово де не видали никаких людей; и служивые люди шли от тово места вверх по Оби, плесо

[1] *В рукописи:* ясак.

большое, и увидели на берегу людей человек с 20 и больши в соснеге на конях, и те де служивые люди стали на якоре все три дощеника, и учал де им кликать Тайтан мой товарищ и звать их человек двух или трех к судам, чтоб с ними переговорить, для чево они служивых людей стреляли, и от них де отошли пеши 3 человека и перекликались с Тайтаном да с толмачем и говорили чорных колмаков языком: у нас де лодок нет, и звали де к тебе служивых людей, потому что у вас лотки есть, и мы де переговорим; Тайтан де им говорил нарочно, чтоб они промолвылись белых колмаков языком, что де вы таите свой язык, я де вас знаю, вы де белые колмаки Куранак, да Изелбей да Ялчидей, а их де в роже не знать, для чево забыли государеву хлеб да соль и шерть, или де хоти вы и черные колмаки, и вы де для чево служивых людей стреляли. И те де 3 человека говорили черных колмаков языкем: для чево де воюют наших людей телетцев и белых колмаков людей, да и пошли де к товарищом своим и сели на лошади и поехали прочь. И после де тово те служивые люди стояли на одном месте полтретья дни, а никаких де людей не видали, да с тово де места и поворотились назад. А мы де с Тайтаном тем служивым людем говорили и города ставить звали, потому что де колмаки ружья боятца, и служивые люди сказали: мы де итти не смеем, потому что люди невеликие.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 17, лл. 376—377, № 190.

307. *1632 г. не ранее ноября 3.— Отписка тюменского воеводы Семена Жеребцова туринскому воеводе Гурию Волынцову о нападении калмыков на Алибаевы юрты.*

Господину Гурью Ивановичю Семен Жеребцов челом бьет. В нынешнем, господине, во 141-м году ноября в 20 день прибежали на Тюмень юртовской служивой татарин Иванча Ахкузин да захребетной ясашной татарин Кошкилдей Баубеков: на усть Исетцково устья прибежал де к ним тюменской же юртовской татарин Янгозя Олякшеев и послал де их в город на Тюмень с вестью наскоре: воинские де люди пришли в Тюменской уезд на Алыбаевы юрты и Алыбаевы юрты погромили, и Алыбая на юртах взяли с женою и з детьми и скотом, а видели де их человек с 30, и пошли вверх по Тоболу, а больши де тово росмотреть не умел, побежал от них, а подлинно де воинские люди, а сам де он Янгозя остался: лошадь де у него пристала. Да того ж, господине, дни прибежал на Тюмень ис поля Кинырского городка ясашной татарин Кунбердей Идигирев, а в роспросе мне сказал: был де он на зверовье на Кизыке, от Тюмени в 4-х днищах, а он де оттоле бежал 3 днища, а с ним де были ясашные татаровя: Мамелгозя Якшигилдеев, Кочехшегул Алышов и Тердей Ишеев, Бахтыбай Бахтерев, Сюярмамет Изяшеров и Кенай Бахтерев, наехали де они на зверовье грабленых тюменских же ясашного татарина Исенгула Тлешева да служилого татарина Адия Бердишева детей Кузюгилдеева Ивашку и сказали де им те грабленые татаровя Исенгул с товарыщи: поезжайте де вы в город вскоре, вы де на конях, а мы де пеши, были де они в полону у колматцких людей, взяли де их покрыльные колматцкие люди, и уберегли их табынцы, убить не дали, и ограбя упустили их; а приказали им табинцы: идут де колматцкие люди в Тюменской уезд войною больши 1000 человек; товарищи де ево и грабленые татаровя на зверовье остались, потому што лошади у них пристали; а которой тайша или которого тайши люди воинские или Кучюмовы внучата идут, того де не знают. Да того ж дни, господине, прибежал в город захребетной ясашной татарин Менлыш Супин и в роспросе сказал: был де он на рыбной ловле на Тоболе да с ним был Бекмамет Сеиткулов и видели де они колматцких людей человек с 30 и больши, идут от Алибаевых юрт, взяли Алибая з женою и з детьми и скотом, и он Бекмамет убежал сам друг, покинув свои запасы и добычу и котлы и топоры, а товарыщи их служивые татаровя Уден Енбаев,

Куртка Исенгилдеев да ясашные Чура Акбердеев, Евгаштыка Чугалов, Козяш Бекбаев, Бабаш Ентильдеев, Урустахта Тохтамышев побежали своею дорогою. И те, господине, тотаровя Уден Енбаев с товарыщи на Тюмень того ж дни прибежали и в роспросе мне сказали: были де они на рыбной ловле на Тоболе, и ввечеру поздно пришли к ним на станы колматцкие люди, и они де, пометав запасы и добычю свою и котлы и топоры, пошною порою ушли у них душою да телом; а пришли де к ним на стан колматцкие люди от Алибаевых юрт человек их с 30 и больши, а товарыщ де их Урузбахта Тохтамышев остался на Исете: лошадь под ним пристала. Да того ж, господине, дни прибежали служилые татаровя Алгучак Култаев да Девлеткилдей Тохтаулов и в роспросе мне сказали: были де они на зверовье и на Тоболе рыбу ловили, да с ними ж были для рыбной ловли казанской новокрещен татарин Ивашко да казанские ж татаровя Инка да Бехтемирев, и жили де они в юртах у тюменсково татарина у ясашново у Алибая, и приехали де к юртам колматцкие люди человек с 30 и больши и учали по юртам стрелять, и они де Агучак с товарыщи хотели с ними из юрт дратца, и в тех де колматцких людех один называетца Ишимовым сыном Аблаю, да с ними же тюменские татаровя государевы изменники Алибердей да Ятяк, изменили с тарскими татары с Тары, да тарской татарин государев изменник Коплан да Тосмаметев бухаретина сын, а дядя ево родной Кучагач живет на Таре, и Абла де им по калматцкой вере шертовал: стрелу лизал и на темя железцом ставил, что их Агучака с товарыщи не убить, и прислали де к ним одново колмака здайте де с себя платье и сайдаки, и они де Агучак и Девлеткилдей платье с себя здали, а на себя оставили по зипуну по холодному, а сайдаков не отдали, и отошли де от них Тоболом рекою подле яр стреляючись; а тюменских де ясашных татар Алибая да Кангилдея Енмаметева да казанских татар новокрещена Ивашка да Инку да Бехтемирева колмацкие и Аблыны люди взяли, и без них де Алибая и Кангилдея и казанских татар и новокрещена колматцкие люди неведомо убили или их с собою повели; а сказывалися де им колматцкие люди: мы де люди передовные, за нами де люди большие идут; а они де Айгучак и Девлеткилдей больши того никаких воинских людей не видели. И ясашной татарин Кангилдей Енмаметев, которого с Айгучаком Абла взял, прибежал после их на Тюмень того ж числа и в роспросе мне сказал: как де ушли Айгучак и Девлеткилдей, и колматцкие люди Алибая и жену его ограбя покинули и взяли у Алибая 3 дочери девки да сына, да в тех же юртах тюменсково ясашново татарина Кусебердея жену ограбили, а сына да дочерь взяли, да у Чагирбая Тюлькина взяли жену да 2 сына да дочерь и животы их все и добычю их мяхкую рухлядь, что добывали на ясак, поимали, а Кусюбердея и Чигирбая в те поры в юртах не было, были на зверовье, и ево де Кангилдея взяли с собою и везли до полуночи, а наехали они Аблина стану зверовщиков, и на тех де они зверовщиков напустили, и он де Кангилдей в те поры ушел у них, а оттоле до Тюмени 4 днища; а Абла де ево допрашивал: далече ли до Тюмени и не будут ли на них с Тюмени государевы ратные люди, а хотя де и будет посылка за мною, и в три де ночи далече от Тюмени отъеду. И тебе б, господине, те вести были ведомы и отписать бы тебе от себя на Верхотурье и на Пелым к воеводам и в слободы п прикащиком.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 5, лл. 258 об.—261, № 228.

308. *1632 г. ноября 5.—Грамота на Тюмень воеводе Семену Жеребцову о присылке в Москву лучших лошадей и барса, полученных от калмыцкого тайши Урлюка, и о сообщении известий про посольство к калмыцкому тайше Талаю.*

От царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии на Тюмень воеводе нашему Семену Ивановичю Жеребцову. В нынешнем во 141-м году сентября 23 дня

писал еси к нам: по нашему указу посылал ты с Тюмени тюменсково сына боярсково Семена Поскочина да копных казаков Федьку Терентьева да Неудачку Иванова да юртовских служилых татар Менглыбайка Кождевлетова да Иванчю Алыкаева, Атуганка Акушева х колмацким тайшам говорити, что они колмацкие тайши и их улусные люди делают негораздо: своими улусными людьми кочюют блиско от Тюменсково уезду, и у наших у ясачных людей зверовые промыслы и рыбные ловли и бобровые гоны отнимают, и нашим ясачным людем в зверовых промыслех чинят утеснения, грабят и побивают и в полон к себе емлют; и они б колмацкие тайши своими улусными людьми от Тюменсково уезду шли прочь на старые свои кочевья, и нашим ясачным людем зверовые и всякие промыслы очистили, а ясачных людей, которые у них в полону, и их грабежные животы и всякую мяхкую рухлядь, что они грабежом взяли у ясачных людей, сыскав, отдали; и впредь бы, не бив нам челом и не учинясь под нашею царскою высокою рукою в прямом холопстве, близко наших городов и волостей [не кочевали и угодьи] не владели, и нашим ясачным людем в зверовых и во всяких промыслах утесненья никакова не чинили; и велели им, будучи в колмацких улусех, проведывать у полонеников тайным обычаем, для чево колмацкие люди блиско Тюмени прикочевали: не от войны ль избегают или сами для войны нарочно пришли и не чаять ли от них под которой город или на ясачные волости приходу войною. И июля в 25 день тюменской сын боярской Семен Поскочин с товарыщи ис Колмаков на Тюмень приехали, а в распросе тебе сказали: были де они в улусе у Урлюка тайши и по нашему указу о задоре их говорили, и Урлюк де тайша им сказал, что он своих улусных людей па наши ясачные волости войною не посылывал, и блиско Тюмени ево улусные люди не кочевывали, и ясачным людем в зверовых добычах никакие обиды не чинивали и их не побивали и не грабивали и в полон не имывали; а были де блиско Тюмени по Тоболу Талая тайши улусные люди, и нешто де они наших ясачных людей грабили и побивали и в полон к себе имали, и в Тобольской де уезд в Коурданскую волость войною с Ишимовым сыном с Аблою Талай тайша улусных своих людей посылал, да и ныне де Талай тайши и Кушеи и Тазгуш тайши хотят улусных своих людей войною послать, а под которой город, тово им Семену с товарыщи Урлюк тайша не сказал; а он де Урлюк улусным своим людем с нашими людьми задору чинить не велит. Да Семен же Поскочин сказал тебе, что он слышал в колмацких улусех от руссково полоняника от Микитки: присылал де к Урлюку тайше из Астрахани астраханской Канабей мурза человека своего, а говорил Урлюку тайше, что Канабей мурза ныне в Астрахани в аманатех, а как ево из аманат выпустят и реки и озера станут, и он бы Урлюк тайша своими улусными людьми шол под Астрахань войною, а он Канабей мурза с своими улусными людьми под Астрахань войною будет же; и Урлюк де тайша хотел послать под Астрахань войною с людьми внука своего Батмута. Да слышал он Семен в колмацких же улусех от татарина, которой при нем при Семене приехал к Урлюку тайше от сына ево от Ачил тайши, что Тайчи тайша хочет приходити войною под наши городы, а под которой город хочет приходить, того ему не сказал. А как ево Семена с товарыщи Урлюк тайша назад на Тюмень отпустил, и с ним прислал он Урлюк да брат ево Беле Ерденей да Елдей да Юрюкай тайши своих послов Билюкту с товарыщи с продажными лошадьми; а как тем колмацким послом велел быти перед собою, и те послы нам челом ударили барсом да четырми лошадьми, и ты тот барс и лошадей у них велел взять, а им говорил, что их колмацкие тайши делают негораздо: кочуют блиско наших ясачных волостей и нашим ясачным людем в зверовых промыслах чинят обиду, а иных ясачных людей грабят и побивают и в полон к себе емлют; и те колмацкие послы говорили, что их тайшей колмацкие улусные люди к Тюмени не прихаживали и ясачным людем в зверовых промыслех утесненья не чинивали и не побивали и не грабивали и в полон

к себе не имывали, и ныне в их улусех наших ясачных людей в полону нет; а были де блиско Тюмени по Тоболу Талая тайши улусные люди, и нешто де те Талая тайши улусные люди наших ясачных людей грабили и побивали и в полон имали; и задору де Урлюк тайша детем своим и внучатам и улусным своим людем и иным тайшам, которые с ним вместе кочюют, с нашими людьми чинить не велит. И били нам челом те колмацкие тайши. чтоб нам их пожаловать, велети в Тюмени к их колмацким таишам посылати в послех наших служилых людей, а их колмацких послов, которые учнут с торгом приходить на Тюмень, примати и торг повольной давати. И за Урлюка тайшу и за дети ево и за внучат и за иных таишей, которые с Урлюком вместе кочюют, и за их улусных людей, опричь Урлякова сына Тайчи тайши, и шерть нам дали, что впредь тем их тайшам и их улусным людем с нашими людьми задору не чинити; а за Тайчю таишу потому не шертовали, что он Тайча кочюет о себе и отца своего ни в чем не слушает. И послал ты с Тюмени к Талаю таише в послех конново казака Неудачку Иванова да юртовского служилого татарина Меглыбака Кождевлетева. И Неудачка Иванов и Меглыбайко Кождевлетев от Талая таиши августа по 8 число на Тюмень не бывали. И как к тебе ся наша грамота придет, а те будет колмацкие лошади, которых Урлюковы послы в подарках привезли или вперед учнут колмацкие люди в подарках же лошади приводити, а те будет лошади добры и к нам к Москве послать пригодятца, и ты б те колмацкие лошади и барс прислал к нам к Москве; и велел те колмацкие лошади дорогою вести бережно, чтоб их до Москвы довести здорово. А которые будет колмацкие лошади худы и к нам к Москве послать не пригодитца, и ты б те лошади велел продавати, оценивая премою ценою и как бы нашей казне было прибыльнее. А как тюменской конной казак Неудачка Иванов и татарин Меглабайко ис Колмаков на Тюмень придут и что тебе колмацких вестей скажут, и ты б том отписал к нам к Москве. И вперед бы еси, будучи на Тюмени, колмацких всяких вестей велел проведывать всякими мерами накрепко; да будет по вестям почаешь от колмацких людей под Тюменской город или Тюменсково уезду наши ясачные волости войною приходу, и ты б однолично на Тюмени жил с великим береженьем, чтоб колмацкие воинские люди под Тюмень и Тюменсково уезду на ясачные волости безвестно не пришли и над городом и над волостьми и ясашным людем какова дурна не учинили. Да что будет каких вестей про колмацких людей впредь объявитца, и ты б потому ж отписал к нам к Москве, а отписку велел подати в приказе Казанского дворца бояриму нашему князю Дмитрею Манструковичю Черкаскому да дьякам нашим Федору Панову да Ивану Переносову. Писан на Москве лета 7141-го ноября в 5 день.

На обороте: Дияк Федор Панов. Справил Тренка Васильев.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 8, лл. 102—105 об., № 86.

Напеч. в РИБ, II, стб. 470—475, № 138, XII.

309. *1632 г. не ранее ноября 14.— Отписка Чубаровской слободы прикащика Якова Карвацкого туринскому воеводе Гурию Волынцову о присылке в слободу служилых людей.*

Государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии воеводе Гурью Ивановичю Якупка Карвацкий челом бьет. В нынешнем во 141-м году ноября в 14 день приехал на Чюбарово тюменской казак Первушка Микитин и привез отписку с Тюмени, что де колматцкие воинские люди блиско от Тюмени дни за полтора ездят по юртам, воюют ясашных людей, а думают де и на волости на руские конским изгоном напушаться, о чом с той отписки тюменской тех роспросных речей писать стало вскоре немочно. И тебе б государеву воеводе и правителю, по государеву указу, велеть для его государской казны и для слободы береженья прислать

10 человек служилых людей, а свинец и порох тем служилым людем на Чюбарове готов. А как дурные вести перемипуются, и яз тех служилых людей, не задержав, тотчас пришлю в Туринской острог.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 5, л. 261, № 229.

310. *1633 г. апреля 10.— Грамота на Тюмень воеводе Ивану Милюкову о пожаловании государевым жалованьем тюменских служилых людей за поход 141-го года в верховья Тобола против калмыков.*

От царя и великого князя Михаила Федоровича веса Русии в Сибирь, на Тюмень, воеводе нашему Ивану Ивановичу Милюкову. Пожаловали есмя сибирских Тюменского города служилых людей голову татарского и детей боярских да литвы и конных казаков атамана и юртовских служилых татар за колмацкую службу нынешнего 141-го года, как они, сшод колмацких воинских воровских людей в тобольских вершинах, выше Камы Карагая, недошедч и усть реки Уя за днище, на урочище на Тогузке, от Тюмени в 12 днищах, побили, велели придати нашего жалованья голове татарскому Илье Бакшееву к прежнему ево к годовому окладу к 10 рублем рубль, атаману Ивану Воинову к 12-ти рублем рубль ж, да Илье Бакшееву указали есмя дати в приказ 3 рубли, а достальным тюменским служилым людем: детем боярским и литве и конным казаком и юртовским служилым татаром в приказ же денгами 119 рублев; и по нашему указу то им наше жалованье и голове татарскому послано от нас с Москвы в Сибирь на Тюмень с тюменским атаманом казачьим с Иваном Воиновым да с десятником казачьим с Романком Федоровым; а сколько кому имянем того нашего жалованья порозпь дати, и тому послана к тебе под сею нашею грамотою роспись. И как к тебе ся наша грамота придет, а тюменской атаман казачей Иван Воинов и десятник Ромашко Федоров с нашим жалованьем на Тюмень придут, и вы б тюменских служилых людей, голову татарсково и детей боярских и литву и конных казаков и юртовских служилых татар, призвав к себе в съезжую избу, и сказал им наше жаловальное слово, что мы их за службу пожаловали нашим жалованьем, и они б были на наше жалованье и вперед надежны, и служили б нам и нашим делом промышляли, где они на наши службы будут посланы, потому ж с великим раденьем; а сказав им наше жаловальное слово тюменскому голове татарскому Илье Бакшееву наше жалованье денги велел дати, и денежную придачу ему и атаману Ивану Воинову велел в тюменских окладных книгах справити; а детем боярским и литве и конным казаком и юртовским служилым татаром наше жалованье, что им послано в приказ по росписи, велел роздать всем налицо, чтоб нихто подставою друг за друга тово нашего жалованья не взял. А как тюменскому голове татарскому Илье Бакшееву и атаману Ивану Воинову наше жалованье денежную придачу к старым их окладом велишь справить, да Илье ж Бакшееву и литве и конным казаком и юртовским служилым тотаром наше денежное жалованье по росписи роздашь, и ты б о том отписал к нам к Москве с иными нашими делы вместе, а отписку велел подати в приказе Казанского дворца боярину нашему князю Дмитрию Манстрюковичу Черкаскому да дияком нашим Федору Панову да Ивану Переносову. А атаману Ивану Воинову и десятнику Романку Федорову за тое службу в приказ наше жалованье дано на Москве. Писан на Москве лета 7141-го апреля в 10 день.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 8, лл. 105 об.—107, № 87.
Напеч. в РИБ, II, стб. 531—533, № 154.

311. *1633 г. не ранее мая 12.— Отписка Чубаровской слободы прикащика Ивана Карвацкого туринскому воеводе Гурию Волынцову*

о погроме калмыками Катайской волости Уфимского уезда и о присылке служилых людей в Чубарово.

Государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии воеводе Гурью Ивановичю Ивашко Карвацкий челом бьет. В нынешнем во 141-м году маия в 12 день приехал на Чюбарово тюменской ясашной татарин Русмаметко Анбаев а в роспросе сказал, что де колматцкие люди погромили Уфинского уезду Катайскую волость и жен и детей татарских в полон взял; а та де волость от Чюбарова городища 2 дни; а на Чюбарово преж сево бывали служивые люди для оберегатья государевы казны и слободы ис Туринсково острогу, и о том ис Тобольска преж сево в Туринской писано, что указано быти на Чюбарове по 10 человек служилых людей; и о том я преже сего писал к Михаилу Тюфину, и Михайло Тюфин для береженья государевы казны служивых людей не присылывал. А колматцкие де люди думают ся ударить на русские волости. А ныне торговые люди послин против прежнево государева ясаку платити не хотят, а чинятся сильны, крестьян побивают, а оберегати их некому. И тебе б государеву воеводе по прежнему государеву указу, каков ис Тобольска прислан, велеть пожаловать, прислать служилых людей для оберeганья государевой казны и слободы. А грехом учинитца от колматцких людей какова поруха над государевою казною, и чтоб мне в том в конец не погинуть и от государя в опале не быть. А отнюдь невозможно быти на Чюбарове государской казне без служилых людей. И о том, как указ учинишь.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 5, лл. 261—262, № 230.

312. *1633 г. не ранее августа 10.— Отписка тюменского воеводы Ивана Милюкова туринскому воеводе Лукьяну Полтеву о приходе калмыков под Козюбайковы юрты и о походе уфимских служилых людей на царевича Аблая и на калмыков, кочевавших за Яиком.*

Господину Лукьяну Ондреевичу Иван Милюков челом бьет. В нынешнем, господине, во 141-м году августа в 4 день приехал на Тюмень ис Тюменсково уезду с верх Исети тюменской ясашной татарин Инбердей Тогонаев, а в распросе мне сказал: приехал де к нему в юрты тюменской же ясашной татарин Илчмаметко Турунтаев, а сказывал де ему Инбердейку тот Илчмаметко: поехал де было он Илчмаметко из юрт своих к Баймаметку Бачкурцу в юрты и паехал де он на дороге тюменсково ясашново татарина Кинырские волости Бекмаметка, и тот де Бекмаметко сказывал ему Илчмаметку: был де он Бекмаметко у тюменсково ясашново татарина у Тимошки Иткулова и сказывал ему Илчмаметку: видел де он Бекмаметко у Тимошки Иткулова в юртах епанчинсково татарина Кузюбайка, и тот де Кузюбайко сказывал ему Бекмаметку: жил де он Козюбайка на пашне з женою и з детьми вверх по Исете речки повыше Теньчи речки, и августа в 10 день в вечеру блиско юрт ево Казюбаевых объявился человек, неведомо какой, видела дочь ево Кузюбаева, и он де Козюбайко начаялся к себе приходу воинских людей, и бояся того, побежал из юрт своих з женою и з детьми в Тюменской уезд, и отъехал от юрт своих, жену и детей отпустил наперет себя, а сам де он Козюбайко стал, утаяся в крепком месте, ждал за собою воинских людей во вся ночь и до полу утра и, не дождався де за собою никаких людей, поворотясь, поехал к юртам своим; и к его де Козюбайковым юртам приезжали воинские люди по смете человек с 9, ратовища копейные пометали, а какие люди, того де он Козюбайко не ведает, а приезжали де те воинские люди к нему Козюбайку к юртам от Билягиля да пошли назат к Билягилю ж в Катайские волости, а от Тюмени де до Кузюбайковых юрт езду три днища; а как де те воинские люди были у Кузюбайка в юртах, тому де четвертой день. Да он же Инбердейко сказывал мне: приезжали де к нему Инбердейку в юрты Уфинской ясашной татарин Девлимаметко Чеулберев и сказывал де ему Инбердейку:

был де он Девлимаметко посылан с Уфы з головою с Иваном Черпиповым на Аблу Ишимова и на колмацких воровских воинских людей, а посылано де было с Уфы ратных русских людей и татар 1380 человек, и Аблы де Ишимова з братьями не нашли; а ходил де за Еик, и нашли за Еиком колмацких людей таишу Тепшегеня Шукдеева да таишу Иркидетя Тейшеева, и они де тех таиш пограбили, животы и жен и детей их в полон поимали, и таишу Тепшегеня убил, а Иркедет таиша ушел душею да телом. И тебе бы, господине, те вести были ведомы. А что, господине, у тебя в Туринском остроге каких вестей объявитца про колмацких воинских людей, и тебе б по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии указу о вестех писать ко мне на Тюмень.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 6, лл. 1—2, № 232.

313. *1633 г. не ранее августа 15. — Отписка тобольского воеводы князя Андрея Голицына мангазейскому воеводе Григорию Орлову о производстве сыска о причинах недобора ясака в Мангазейском уезде.*

Господам Григорью Микитичю, Василью Елизаровичю Андрей Голицын челом бьет. В нынешнем, господа, во 141-м году августа в 15 день в государеве цареве и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии грамоте за приписью дьяка Ивана Переносова к нам в Тоболеск написано: писали ко государю прежние стольник и воевода князь Федор Телятевский с товарищи: в нынешнем же де во 141-м году сентября в 21 день писали к нам князю Федору Телятевскому из Мангазеи воеводы Василей Давыдов да Дмитрий Клокачев: не добрано де государева ясаку Мангазейского уезду с ясачных людей и на прошлой на 140-й год против прошлого 139-го года; в Ынбацком зимовье с ынбацких остяков десяти сороков штинатцати соболей да государевых поминочных десять соболей; верх Нижней Тунгуски на усть Непы реки с шамагирев двух сороков 38 соболей, двух шуб собольих тунгусских, шубенка бобрового да пяти бобров; в верхней Подкаменной Тунгуске на усть Чюпки реки сорока дватцати двух соболей; на усть Тетерьи реки 13-ти сороков 11-ти соболей; на Енисее в Хантайском зимовье трех сороков 24 соболя, бобра, черевеси бобровые; а с ыных мангазейских розных ясачных волостей в государеве ясак прибыль ли или убыль, про то де им Василью Давыдову и Дмитрею Клокачеву неведомо, потому что книг и росписей ясачным волостям и государеву ясачному соболиному збору против прошлого 139-го году в Мангазейском городе в съезжей избе нет, послал де ясачную соболинную казну в прошлом во 139-м году ко государю к Москве Андрей Палицын с Енисейского волоку, а в Мангазейской город книг и росписей той ясачной казне не присылывал. А в распросе де им Василью и Дмитрию мангазейские ясачные зборщики Инбацкого да Хантайсково двух зимовей Якунка Зубов, да Первушка Сычов, да толмач Ивашко Волынкин, Устинко Степанов, Пятунка Савастьянов и целовальники сказывали, что не добран де государев ясак с тех двух зимовьев на прошлой на 140-й год потому: многие де иноземцы, которые платили государев ясак наперед сего в тех в двух зимовьях, в прошлом во 140-м году померли, а иные, которые остались живы, боясь смерти ж, сошли кочевать неведомо куды, а к ясачным де зимовьям з государевым ясаком к ним не бывали и взять было государева ясаку не на ком. И усть де Ненского и усть Тетерсково двух же зимовей ясачные сборщики Ивашко Горохов, Семейка Немнюга, Якушко Семенов, Тихонко Фролов, Данилко Мокеев им сказывали: в которых де зимовьях велено им для ясачново сбору быти, и они де до тех зимовей не дошли, а зимовали де и государев ясак збирали, не дошед тех зимовей, потому что отпуск им ясачным зборщиком был от воеводы от Ондрея Палицына с Енисейсково волоку в Тунгусы поздо и дойти де было им до тех мест, где збирают государев ясак, немочно. Да он же де Ивашко с товарыщи им сказали, что они ж де не добрали государева ясаку с шамагирей, потому что живут те шамагири далеко, а

ближней де их переход в Верхней Тунгуске, и платят де государев ясак с себя в Енисейской острог. Да Тихонко ж де Фролов с товарищи сказывали: которые де тунгусы и иные иноземцы к ним [с] государевым ясаком приходили, и они де им Тихонку с товарыщи сказывали, что многие иноземцы померли, платить государева ясаку некому. А имянных де книг ясачным людям он Тихонко не привез для того, что в прошлом де во 139-м году имяпных ему книг ясачным людем не дано, а допряма де распросить было про то тех ясачных людей дальних трех зимовей, почему государева ясаку не убрано, неково, потому что сотник Иван Патракеев толмачей и целовальников для распросу в Мангазейской город не прислал. Да им же де Василью и Дмитрею сказывали Верх Тазского зимовья ясачные зборщики Васька Москвитин, Ивашко Попов с товарыщи, что верхотаская и тупдряпая ясачная самоядь: Леденкина шару, роду тынгиных, пабарыдкы и казарыдкы и иные роды померли, а брат де их родной Савка сидит в оманатех, а будет ли де с того Леденкина шару ясачных людей под того аманата Савку государев ясак платить или нет, про то де им Василью и Дмитрею неведомо. А в иные де разные ясачные волости послали они служилых людей для государева ясачново збору и велели им про ясачных людей сыскивать. И мне, господа, велено отписати из Тоболеска к вам в Мангазею, чтоб вы про то сыскали в Мангазее ясачными зборщиками и ясачными людьми накрепко: для чево в Мангазее при воеводах при Василье Давыдове да при Дмитрие Клокачове в государеве ясаке недобор учинился: для того что многие ясачные люди померли, и что в ыные ясачные зимовья посыланы ясачные зборщики поздо и до ясачных зимовей, где ясак збирают, не доходили, и сколько в котором зимовье порознь и во всем Мангазейском уезде ясачных людей в котором году и при котором воеводе померло, и что на них государева ясаку по окладу было, и хто имянем ясачные зборщики, и в котором году и при котором воеводе для збору государева ясаку из Мангазеи в ясачные зимовья отпусканы поздо, и для чево отпусканы поздо, и за тем ли государева ясаку не добрали, что отпущены поздо и до ясачных зимовей не доходили, или было тем ясачным зборщиком до тех зимовей, где ясак збирают, доити мочно да запоздали они своим нерадением и оплошкою; а сыскав про то про все подлинно, и с тех обысков велено писати па перечень да о том отписати, и обыски про ясачной недобор за своими и за обыскных людей руками и ясачных людей за знамяны и перечневую выписку велено прислать в Тоболеск, не замотчав. А как про то в Мангазее сыщете и в Тоболеск о том отпишете, и сыск про ясачный недобор и ис того сыску перечневую выписку пришлете, и из Тобольска велено о том отписати и перечневую выписку прислати ко государю к Москве тотчас. И вам бы, господа, велети про то сыскати накрепко в Мангазее ясачными зборщики по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии крестному целованью, а ясачными людьми по их вере по шерти: для чево в Мангазее при воеводах при Василье Давыдове да при Дмитрее Клокачеве в государеве ясаке недобор учинился: для того что многие ясачные люди померли, и что в ыные ясачные зимовья посыланы ясачные зборщики поздо и до ясачных зимовей, где ясак збирают, не доходили, и сколько в котором зимовье и во всем в Мангазейском уезде ясачных людей в котором году и при котором воеводе померло, и что на них государева ясаку по окладу было, и хто имянем ясачные зборщики и в котором году и при котором воеводе для збору государева ясаку из зимовей в ясачные зимовья отпусканы поздо, и для чево отпусканы поздо, и за тем ли государева ясаку не добрали, что отпусканы поздо, или было тем ясачным зборщиком до тех зимовей, где ясак збирали, доити было мочно да запоздали они своим нерадением и оплошкою. А сыскав бы, господа, вам про то все подлинно, велети отписать и обыскные речи, за обыскных людей руками, и перечневую выписку, тебе Василью за своею приписью, прислати в Тоболеск, не замотчав.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 21, лл. 170—173, № 64.

314. *1633 г. сентября 28. — Наказная память томского воеводы князя Никиты Егупова Черкаского томским служилым людям десятнику Василию Седельникову с товарищами, отправленным в Белые Калмыки к князцу Абаку.*

Лета 7142-го году сентября в 28 день, по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии указу, стольник и воеводы князь Никита Иванович Егупов Черкаской, да Федор Григорьевич Шипкин да диак Ондрей Строев велели томским служивым людем десятнику Ваське Гаврилову сыну Седельникову, да Ивашку Левонтьеву сыну Алпакову да для толмачества чатцкому татарину Аидаулу Киташеву ехати в Белые Колмаки х князьцу Абаку для тово: в прошлом во 140-м году и во 141-м году посыланы были к нему х князцу к Абаку Томского города служилые люди многижда, а велено им князцу Абаку говорить, чтоб он Абак, помня к государю прежнюю свою правду, на чом прея сево государю шерть дал, от измены своей отстал, ко государской милости обратился и был бы под государевою царскою высокою рукою в прежнем холопстве навеки неотступен, и шол бы ко государской милости в Томской город и дал великому государю царю и великому князю Михаилу Федоровичу всеа Русии шерть бы на том, что ему быть под ево государевою царскою высокою рукою в прежнем холопстве навеки неотступну, и внучат своих Тарлавковых детей и Аидека мурзу привел в Томской город с собою вместе. И томским служивым людем он Абак говорил, что де он Абак под государевою царскою высокою рукою быть и служить государю рад по прежнему. И в то де время с томскими людьми ехать ему Абаку в Томской город было нельзя, и в том он Абак солгал: сам он ко государской милости в Томской город по ся места не бывал и сына своего и лутчих людей не прислал, а прислал с ними внучат своих Тарлавковых детей Итегменя да Коймаса, а чацково мурзу Аидека со всеми ево животы оставил он Абак у себя. Да Абак же наперед сево улусных своих людей присылал в Томской город с торгом, человек по 30 и по 40 и по 50 и больши, а ныне он Абак улусных своих людей в Томской город с торгом присылал человека по 2 и по 3. Да в прошлом во 141-м году июля в 20 день, по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси указу, прежние томские воеводы князь Иван Татев с товарыщи послали по Оби реке вверх на Бию реку государевых немногих ратных людей ставити острогу для оберсганья государевых ясачных волостей Кузнецкого уезду. И Абак князец, сведав, по что государевы люди пошли па Бию реку, и собрал многих своих улусных и иных землиц людей и на дороге на государевых людей велел войною приходить; и те воровские люди, па дороге по Абакову веленью, на государевых людей выше Чюмышу приходили и по государевым людям стреляли и угрaживали всякими воровскими статьями, приходить государевым людем, куды они посланы, те воровские люди не дали, потому, что государевы люди посланы были немногие, такова Абакова умышленья не ведая, и битца им с Абаковыми людьми не велено, потому что Абак был под государевою царскою высокою рукою. Да в нынешнем во 142-м году сентября в 18-й день Абаковы ж люди приходили в Кузнецкой острог на реку на Ускату и государевых кузнецких людей грабили, татарина Изембека да Баидарака молодово, да те ж Абаковы люди взяли с собою ускатцких калмаков Кошпака с товарыщи 5 человек з женами и з детьми, а тот Кошпак с товарыщи давали государю погодной ясак и государеву службу служили в Кузнецком остроге. И приехав х князцу Абаку, и говорить им князцу Абаку, что он Абак, забыв государскую милость и свою к государю правду, на чом он государю шертовал, учинил изменою, велел своим улусным и иных землиц воровским людем на государевых людей на Оби приходить войною, и своих же людей присылал в Кузнецкой уезд и государевых кузнецких людей грабили и Кошпака с товарыщи взяли. И впредь бы он

Абак улусным своим людем приказал накрепко, чтоб они з государевыми ни с какими людьми задоров никоторыми мерами не чинили. А что ево Абаковы люди взяли ускатцких 5 человек Кашпака с товарыщи з женами и з детьми и что ограбили государевых кузнецких людей, и он бы Абак того Кашпака с товарыщи отпустил на Ускат по прежнему в их юрты со всеми их животы и грабеж кузнецких людей прислал в Кузнецкий острог, чтоб ему Абаку для того государской милости впредь не отбыть, и чтоб он Абак, помня прежнюю свою к государю правду и шерть, на чем он преж сего великому государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии шерть дал, от измены своей отстал и ко государской милости обратился и был бы под государевою царскою высокою рукою в прежнем холопстве навеки неотступен, и чатцкого б мурзу Аидка з женою и з детьми и со всеми ево животы в Томской город прислал с ними с Ваською да с Ивашком да с Айдаулом безо всякого опасенья. Да и сам бы он Абак для шерти и крепково утверженья ко государской милости шол в Томской город, а государь царь и великий князь Михайло Федорович всеа Русии пожалует, вины их велит им отдать и велит ево Абака припять под свою государеву царскую высокую руку и держать в своем царском милостивом призренье по прежнему. А в Томском городе царского величества стольник и воеводы князь Никита Иванович Егупов Черкаской, да Федор Григорьевич Шишкин да диак Ондрей Строев задержанья ему Абаку никоторого не учинят, отпустят ево в улус в ево кочевье тотчас. А будет он Абак учнет говорить, что самому ему Абаку за коими мерами в Томской город итти немочно, и он бы Абак в свое место прислал в Томской город сына своего да с ним лутчих своих улусных людей, кому в его место за нево и за его улусных людей государю шерть дать. И улусных бы своих людей с торгом прислал попрежнему, а в Томском городе торговать им повольно. А однолично Ваське да Ивашку да Аидаулку государю служба своя и раденье показать, Абаку говорить против сего наказу про все статьи накрепко. Да Ваське ж и Ивашку да Аидаулку проведать подлинно: где ныне черных колмаков князец Коксеж кочюет и в коих местех, и царевич Аблагирим где ныне кочюет и в коих местех. Да будет Абак к государской милости в Томской город сам поедет или пошлет с ними сына своего или лутчих людей, и Ваське да Ивашку да Аидаулку, не доходя до Томсково города за днище и больши, прислать перед собою с вестью; а безвесно в Томской город с Абаком или с Абаковым сыном или с лутчими людьми не приходить. А товаров им с собою ис Томского города в Колмаки не возить и с колмаками теми своими товары не торговать. А будет Васька да Ивашко какие товары в Колмаки повезут и с колмаками учнут торговать, а после про то сыщетца, и те товары или что на те товары в Колмаках какой мяхкой рухляди выменит, и то все отпишут на государя, да им за то от государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии быти в великой опале. •

На обороте: Дьяк Андрей Строев.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 17, лл. 212—216, № 137.

315. *1633 г. не ранее октября 19.— Отписка томского воеводы князя Никиты Егупова Черкаского кузнецкому воеводе Федору Хоневу об освобождении от уплаты таможенных пошлин в 142-м году кузнецких служилых людей, покупающих лошадей.*

Господину Федору Кузмичю Никита Егупов Черкаской челом бьет. В нынешнем во 142-м году октября в 19 день писал ты ко мне в Томской город, что в нынешнем во 142-м году били челом государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии кузнецкие служивые люди десятники и редовые Гришка Ту-

зовской и во всех товарыщев своих и служивых людей 100 человек место, а тобе, господине, в съезжую избу принесли челобитную, а в челобитной их написано: в нынешнем же де, господине, во 142-м году сентября в 14 день приходили де под Кузнецкой острог войною киргизские люди алтысарцы Бектен Ноянов сын со многими людьми и отогнали де у них лошади все и не оставили ни одной лошади, и по гумнам де у них хлеб весь пожгли; и от той войны от киргиских людей розорены они до основанья; и для де государевы службы и для киргиских и колмацких воинских людей у кузнецких и юртовских татар покупают они лошади дорогою ценою, а кузнецкие де таможенные целовальники емлют с них государевы пошлины со всякой лошади с рубля по гривне; и государь бы их пожаловал, для их бедности и разоренья киргиских людей, своей государевы таможенные пошлины имать с них не велел. И тобе бы, господине, по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии указу с кузнецких служилых людей для их бедности и разоренья государевы таможенные пошлины с лошединой покупки таможенным целовальником в нынешнем во 142-м году имать не велеть.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 17, л. 216 и 216 об., № 138.

316. *1633 г. не ранее октября 21.—Отписка тобольского воеводы князя Андрея Голицына туринскому воеводе Лукьяну Полтеву о нападении Кирея Чувакова сына на Тюменский уезд и о принятии мер предосторожности на случай прихода его в Туринский уезд.*

Господину Лукьяну Ондреевичу Ондрей Голицын челом бьет.* В нынешнем во 142-м году октября в 21 день писал в Тоболеск с Тюмени воевода Иван Милюков: прибежал де на Тюмень ис Тюменсково уезда с верх Исети реки тюменской ясачной татарин Козямшугурко Алибяков, а в роспросе ему сказал: пришед де в Тюменской уезд, Кирей Чюваков сын с воинскими людьми повоевал вверх Исети реки Баншевы юрты Бачкурца, а в тех де юртах татар было 10 семей, и он де Козямшугурко в тое пору у них ушел, а тово де он Козямшугурко не ведает, побивали Кирей татар или в полон имал, а с Киреем де воинских людей человек с 60, а воевал де Кирей Уфинской уезд Катайские волости, и пришли на Баншевы юрты ис Катайских волостей; и он де по тем вестям посылал в поле по Кирея проведывать станицу служилых русских людей и татар 10 человек, и станишники де Пятунка Угрюмов с товарыщи ис поля приехали на Тюмень октября в 14 день, а в роспросе ему сказали: доезжали де до озера до Аксаргула, до Баншевых юрт и видели у того озера розгромленные 22 юрты, и как де ехали к тем юртам, и наехали меж Исетью и Пышмою тобольсково ясачново человека Тарханские волости Кутлумергеика Маймасова, и Кутлумергейко де сказывал им: был де он на зверовье и ездил для запасу к тюменским татаром к Баншу на юрты, и на те де Баншовы юрты при нем Кутлумергейке пришел войною Кирей Чювакова сын с воинскими людьми, а с ним де воинских людей человек с 30, да кошеваров и робят человек с 30 же, и те де Баншевы юрты Кирей разгромил и татар всех ис тех юрт тюменских и уфинских з женами и з детьми в полон взял и животы их все пограбил, лошадей и коровы отогнал, а тюменских де татар было 10 семей, а ево де Кутлумергейка взял тут же и, заехав за озеро Аскаргул, держал ево Кирей двои сутки, для того что в тое пору вьючился, а навьючась и ограбя ево, отпустил и пошел к Тоболу; да слышал де он Кутлумергейко у Кирея, что сходитца ему с Аблою Ишимовым сыном за Тоболом, а на котором урочище, тово ему не сказал; и хочет де с Аблою вместе приходить войною па тюменские ясашные волости ныне ж осенью, а вожем де к ним с Киреем государев изменник тарской

татарин Качашко Тонатаров. ** И тебе б, господине, те вести были ведомы. И жити б тебе в Туринском остроге с великим береженьем, по острогу сторожи велети ставити крепкие, и по вестям русским людем в деревнях, а ясачным людем в волостях потому ж велети жить с великим береженьем, и стада велеть держать в крепких местах. А по вестям русским людем из деревень велеть быть в Туринской острог, а ясачным людем жить в крепи, чтоб какие воинские люди безвестно не пришли, и уезда не повоевали, и над Туринским острогом дурна никакова не учинили. Да что в Туринском остроге вестей будет, и тебе б, господине, о том писать в Тоболеск и на Тюмень к воеводе Ивану Милюкову и в слободы к прикащикам к детям боярским, чтоб в Тобольску и на Тюмени и в слободах те вести были ведомы.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 6, лл. 6—7, № 237.

317. *1633 г. октября 22.—Память из Тобольска в Тобольский уезд в Нижнюю Ницынскую слободу прикащику верхотурскому сыну боярскому Панкратию Перхурову о нападении Кирея Чувакова сына на Тюменский уезд и о принятии мер предосторожности на случай прихода его в слободу.*

Лета 7142-го октября в 22 день, по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии указу, память в Тобольской уезд в Нижную Ницынскую слободу приказщику верхотурскому сыну боярскому Панкратью Перхурову... — *Далее повторяется текст поставленный в № 316 между * и **, после чего следует:* И как к тебе ся память придет, и ты б жил в Ницынской слободе с великим береженьем, по острогу в день и в ночь ставил сторожи крепкие, чтоб пришед воинские люди на Ницынскую слободу дурна какова не учинили. А в татарех, которые живут около Ницынские слободы, проведывати накрепко тайным обычаем: нет ли в тех шатости и измены и с Кучюмовыми внучаты и государевыми изменники с тарскими татары и с колмацкими людьми ссылки. Да что в Ницынской слободе про воинских людей вестей будет, и ты б о том писал в Тоболеск к воеводам князю Ондрею Ондреевичю Голицыну, к Данилу Ондреевичю Замыцкому, к дьяком к Семену Копылову, к Левонтью Полуехтову, и на Тюмень и в Туринской острог к воеводам и в Верхнюю Ницынскую слободу и на Чюбарово городище к прикащиком, чтоб в Тоболеску и на Тюмени и в Туринском остроге и в слободах те вести были ведомы.

На обороте: Дьяк Левонтий Полуехтов.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 10, лл. 18—19 об., № 12.

318. *1633 г. ноября 30.—Грамота на Тюмень воеводе Ивану Милюкову о посылке ратных людей из Тюмени на калмыцких тайш Урлюка, Тайчина, Лоузана и алтаулского мурзу Салтаная.*

От царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии в Сибирь, на Тюмень, воеводе нашему Ивану Ивановичю Милюкову. Писали к нам ис Астрахани воеводы наши Иван Салтыков с товарыщи, что били нам челом нагайской Канай князь Тинбаев з братьею и з детьми и с племянники и с Урусовыми и с Тинмаметьевыми детьми: приходят де под нашу отчину под Астрахань на их нагайские улусы колмацкие люди Урлюк тайша, да Таичин тайша, да Лоузан таиша да алтаулской Салтанай мурза з братьею, которые нам изменили, ис под Астрахани отъехали, и по многие де годы их улусных людей воюют и жон их и детей в полон емлют, и они де от войны и от разоренья тех колмацких людей в конец погибли, и животиною оскудели, и нашие де службы служити им стало нечем, и против колмацких людей стояти некем: стали безлюдны и безоружны; а как де в прошлом во 141-м году приходили на́ их улусы колмацкие люди войною, и они

де похвалялись пришед и достальные их нагайские и едисанские улусы разорить; и нам бы их пожаловать, велети их от тех колмацких тайшей от Урлюка, и от Тайчина и от Лоузана з бретьею и з детьми и с племянники оборонить. И мы Каная князя з братьею и з детьми и с племянники пожаловали: указали из сибирских городов, ис Тобольска, с Тюмени, с Тары да с Уфы на колмацких людей на улусных да на Таичина да на Лоузана таишей и на алтаулского Салтаная мурзу з братьею, которые нам изменили, с под Астрахани отъехали и нагайские улусы воюют, а ныне кочюют они блиско сибирских городов, посылати наших ратных людей войною. И как к тебе ся наша грамота придет, и ты б, выбрав на Тюмени голов добрых, а з головами ратных людей: детей боярских и новокрещенов и литву и казаков и стрельцов и юртовских татар, сколько человек пригоже, смотря по тамошнему делу, с вогненным и со всяким боем, и послал бы еси тех ратных людей ис Тюмени на колмацких тайшей: на Урлюка, да на Таичина, да на Лоузана да на алтаулского Салтаная мурзу и велел бы еси тем тюменским служилым людем, свестясь меж себя с тобольскими и с тарскими служилыми людьми, над колмацкими таиши: над Урлюком, да над Тайчином, да над Лоузаном да над алтаулком Салтанаем мурзою з братьею и над их улусными людьми промышляти, сколько милосердый бог помочи подаст, чтоб над теми колмацкими людьми и над алтаулским Салтанаем мурзою з братьею поиск учинить и тою б их войною смирити, чтоб они вперед блиско наших сибирских городов и Уфы не кочевали, и наших ясачных и всяких людей в зверовьях и во всяких промыслех не теснили и обид им никаких не чинили, и под Астрахань на нагайские и на едисанские улусы войною не приходили и разорения тем нагайским и едисанским улусом не чинили. А одноличию б еси на тех колмацких людей и на алтаулского Салтаная мурзу с братьею наших ратных людей послати приказал напрасно, чтоб над колмацким таиши и над алтаулским Салтанаем мурзою з братьею и над их улусными людьми поиск учинити, а себя бы от них уберечь. А сам бы еси на Тюмени от тех колмацких и от иных воинских людей жил с великим береженьем и Тюменсково уезду в ясачных волостях ясачных людей велел оберегати накрепко, а в Тоболеск к воеводам ко князю Андрею Голицыну с товарыщи о нас о том писано ж. А как с Тюмени на колмацких тайшей: на Урлюка и на Таичина и на Лоузана и на алтаульского Салтаная мурзу з братьею наши ратные люди с кем имяны з головами войною будут посланы, и где они колмацких тайшей и Салтаная мурзу з братьею и их улусных людей сойдут, и что какова поиску над ними учинят, и ты б о том отписал к нам к Москве, а отписку велел подати в приказе Казансково дворца боярину нашему князю Дмитрею Манстрюковичю Черкаскому да дьякам нашим Федору Панову да Ивану Переносову. Писан на Москве лета 7142-го ноября 30 дня.

На обороте: Диак Иван Переносов. Справил подьячий Тренька Васильев.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 8, лл. 107—108 об., № 82.

Напеч. в РИБ, II, стб. 475—478, № 138, XIII.

319. *1634 г. не ранее января 16. — Отписка тобольского воеводы князя Андрея Голицына туринскому воеводе Лукьяну Полтеву о даче подвод для крестьян, „прибранных" в Туринском уезде в новую Киргинскую слободу.*

Господину Лукьяну Ондреевичю Ондрей Голицын челом бьет. В нынешнем, господине, во 142-м году генваря в 16 день послан ис Тоболеска на Тюмень, и в Туринской острог и на Верхотурье и в слободы верхотурской сын боярской Ондрей Перхуров, а велено ему в тех городех и в слободах называти на государеву пашню в новую слободу на Кыргу крестьян вольных людей, которые не с тягли ни с оброку ни с вытей ни з жеребьев ни ис каких государевых податей ни кабаль-

пых ни крепостных людей. И как он Ондрей в Туринской острог присдет, а что будет па тое государеву пашню каких людей назовет во крестьяпе, и тебе б, господине, дать ему Ондрею и под крестьян подводы, как пригоже, и отпустити ево тотчас, не задержав. И будет которые туринские крестьяне з десятин похотят в тое слободу во крестьяне итти, а в свое место в Туринском крестьян поставят в те свои жеребьи в пашню и в тягли, и те люди, которые па те места станут, учнут их жеребей, государеву пашню пахать и подати всякие платить, и тебе б тех туринских старых крестьян потому же отпустить в новую слободу на Киргу, дав под них подводы так же, как и по новоназванных крестьян, чтоб тем государю в новых слободах прибыль учинить, а старые б жеребьи в пусте не были ж.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 6, л. 9 и 9 об., № 239.

320. *1634 г. февраля 25. — Допросные речи кузнецких служилых людей о нападениях киргизов на Кузнецк и мрасские и кондомские волости.*

142-м году февраля в 25 день в съезжей избе воеводе Федору Кузмичю Хоненову кузнецкие служилые люди: десятники Володька Аверкиев, Гришка Тузовской, Максимка Остафьев, Якушка Филиппов, рядовые: Сидорко Федоров, Ивашко Иванов, Савка Панфилов и все Кузнецково острогу служилые люди сказали: киргиской де князец Талай с товарыщи дают де ясак государю аманом; а оне ж де ясачные люди Талаева улусу приходили войною под Кузнецкой острог с алтысарцы з Бектенем с товарыщи вместе в нынешнем во 142-м году. А хто имяны киргиских людей Талаева улусу приходили войною с алтысарцы и колько человек, и толмач Савинко Микитин принес в съезжую избу имена: Кулунча Кривой, Азбей Чюна, Курагай Буксук, и всех де было ясачных людей 12 человек. А сказывали де про то, что ясачные люди приходили под Кузнецкой острог войною мраские ясашные люди и подгородные татаровя им служилым людем. А сказывали про то в съезжей избе кузнецкие же служилые люди десятники и редовые. Да у тех же ясачных людей зимовала киргиская жонка па Мрасе в Ковинской и в Кувинской волости... и у ясашных людей емлет всякой живот сильпо. Да кузнецкой же служилой человек Савка Панфилов сказал: как де он Савка был у Талая, ходил по государев ясак на нынешней на 142-й год, и тот де князец Талай говорил им Петрушке Дорофееву, Куземке Володимерову да ему Савке, чтоб де мне воевода прислал казачей зипун; а будет ко мне зипуна не пришлют, и я де своим кыштымам, мрасским и кондомским ясачным людям, не велю государю ясак дать. Да оне же де киргиские люди Талай с товарыщи в государевых ясачных волостях на Мрасе живут безпрестани и у ясачных де мраских людей емлют всякой живот сильно, а у иного ясачного человека жену и дочь отимет и отдаст за иного мужика сильно, и им де ясачным людем от них ясачных киргиских людей от Талая с товарыщи налога великая, а они де мраские ясачные люди с ними с киргискими людьми говорить не смеют.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 17, л. 396 об., № 209[a].

321. *1634 г. не ранее февраля 25. — Отписка кузнецкого воеводы Федора Хоненева томскому воеводе князю Никите Егупову Черкаскому о нападении на Кузнецк киргизов в сентябре 1633 г.*

Господину князю Миките Ивановичю Федор Хоненев челом бьет. В нынешнем, господине, во 142-м году февраля в 25 день сказывали, господине, мне в съезжей избе кузнецкие служилые люди десятники и редовые: Володька Аверкиев, Гришка Тузовской, Максимко Остафьев, Якушко Филипов, Сидорко Федоров и все кузнецкие служилые люди: киргисково князца ясачного человека Талаева улуса приходили под Кузнецкой острог войною с Алтыном да з Бектенем с товарыщи в нынешнем во 142-м году сентября в 16 день при воеводе при Федоре Нащокине 12 человек.

И те, господине, их речи, подклея под сею отпискою, послал к тебе в Томской город.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 17, л. 396, № 209.

322. *1634 г. июня 11.—Память тюменского воеводы князя Ивана Львова Нижней Ницынской слободы прикащику Ивану Венгерскому о намерении калмыков и Кучумовых внуков итти войною на Тюмень и слободы.*

Лета 7143-го июня в 11 день, по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии указу, в Нижную в государеву Ницынскую слободу Ивану Венгерскому. В нынешнем во 143-м году июня в 11 день пришел на Тюмень ис калмытцких улусов от Кучюмова внука от Кирея Чувакова сына Тюменского уезду Кинырсково городка Бачкурские волости отставленой ясашной татарин Бехтемирко Килчаулов и в допросе мне сказал: был де он в улусе у Кучюмова внука у Кирея у Чювакова сына, и был де на рыбной ловле, и оттуды с рыбной ловли ушел он Бехтемирко, зимовал де Кирей за Ишимом рекою по сю сторону Итыковых гор на озере Чабалы, а Абла де Ишимов сын тут же зимовал, и присылал де Талаев человек Тархан к Кирею, звал де Кирея итти под Тюмень войною; и у Кирея де в тое пору лошади нужны, как де лошади отъедятца, и мы де тоже пойдем под Тюмень войною большими людьми, а иные под слободы; а Талай де и Гушни и иные многие тайши кочюют верх по Иртышю, а на которых урочищах кочюют, того не ведает; а начаетца Кучюмовых внучат и колматцких людей войною вскоре под Тюмень и под слободы. И тебе б те вести были ведомы. И жити б тебе в Ницынской слободе с великим береженьем, чтоб в Ницынские слободы колматцкие воинские люди безвестно не пришли и дурна какова не учинили. И отписать бы тебе те вести в слободу к приказщиком и Верхную Ницынскую слободу и на Чюбарово, чтоб в тех слободах по тому же те вести были ведомы и жили б с великим береженьем. А Бехтемирко сказывает, что колматцкие воинские люди под Тюмень и на слободы одноконечно будут вскоре. К сей памяти государеву цареву и великого Михаила Федоровича всеа Русии земли Сибирские Тюменсково города воевода князь Иван Ондреевичь Львов.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 10, л. 37 и 37 об., № 31.

323. *1634 г. не ранее сентября 12.—Распросные речи о калмыках и татарах, приходивших в Тарский уезд и под другие города и слободы.*

. . . а Изюгилдейко Инбахтеев сказался родом татарин, тарской уроженец, а был де на Таре в холопстве у тарсково бухаретина у Салея Овкева, а взяли де ево колмацкие воинские люди на сенокосе в Тарском уезде во 143-м году, как приходили под Тарской город войною; и был он Изюгилдейко в Колмаках у Кучюмовых внучат, у Девлеткирея з братьею, и приходили де под государевы городы Кучюмовы внучата Девлеткирей з братьею да Талая тайшина человека Тарахана батыря сын Багиш, а с ними государевы изменники тарские и тюменские татаровя Кочашко Танатаров с товарыщи, всех их было с 400 человек, а бойцов было со 100 человек, а вожи были на слободы государевы изменники тюменские татаровя Тамаш Иткулов да Сарагулко и иные татаровя, а имян их не упомнит, и под Чюбаровою де слободою убили государева изменника тарского татарина Кутлумаметка, Кутлумергейкова брата, Ясаулова, да уфимсково татарина ранили ис пищали; а кочевье де Кучюмовых внучат Девлеткирея з братьею на урочище на Игибардс камени, от Тюмени ходу 3 недели, а в кочевье де у Девлеткирея. . . 30, а у Аблы с братьею и з 20, а Талаев де человек Тархан батырь кочевал с 400 человек, и весною де

покочевал на речку на Чететь, а речка де Чететь от кочевья Кучюмовых внучат 5 дней, а как де Кучюмовы внучата...

ААН, ф. 21, оп. 4, № 11, лл. 31 об.—32, № 46 с. Отрывок.

324. *1634 г. сентября 15.—Память из Тюмени в Нижнюю Ницынскую слободу прикащику тобольскому сыну боярскому Ивану Венгерскому о том, что у озера Ямыша поставлен острог и что погрузка соли началась там с 13 августа, после отхода многих калмыков и тарского изменника Кочашки Танатарова с товарищами.*

Лета 7143-го году сентября в 15 день, по государеву цареву великого князя Михаила Федоровича всеа Русии указу, в Нижную в государеву Ницынскую слободу тобольскому сыну боярскому Ивану Венгерскому. Писал ис Тобольска на Тюмень воевода князь Ондрей Ондреевич Голицын, что в нынешнем де во 143-м году сентября в 3 день писали в Тоболеск от солянова Ямышева озера тобольские дети боярские Михайло Ушаков да Иван Астроханец, что пришли де они к Ямышеву озеру августа в 1 день, и острог и надолобы поставили августа с 1 числа августа ж по 12 число и жили в остроге, соли грузить не смели, потому что к соляному де озеру прикочевали Куйша тайша со многими тайши и улусными своими колмацкими людьми; да у него же де Куйши тайши объявились в улусе государевы изменники тарские юртовские татаровя Кочашко Танатаров с товарыщи; а у солянова де Ямышева озера стояло колмацких людей куяшников ж 2000 человек; да им же де сказывали многижды руские и нагайские полоняники, что выжыдают де их колмацкие люди на степь, а хотят на степи побить, а соль дать не хотят, и велели де им полоняники жить бережно и к соли ходить не велят, потому что колмацких людей у соляных озер много; и оне де, укрепяся в остроге, по соль ходить не могли. Да те ж де русские и нагайские полоняники сказывали им, что государев изменик тарской татарин Кочашко Танатаров прошает у Куйши тайши воинских людей куяшников, а хочет де проитти по сибирские городы и на ясашные волости, а дорогу де он ведает, проидет де промеж озер и болот, а ныне де в городах людей мало, розъехались все по службам; и августа по 12 число многих тайш и государевых изменников Кочашка Танатарова с товарыщи у солянова Ямышева озера не стало; а русской де и нагайской полон сказывает, что перевезлися де они за Ортиш реку, на татарскую сторону; да тот же де Кочашка говорил: то де он ведает, что Кула де тайша Барабу всю взял и ныне де у Ямышева озера стоит Куйша тайша с своими улусными людьми и с иными тайши, и оне де Куйшу тайшу и иных тайш к государской милости призывают. Да почали соль грузить августа с 13 числа, а опасаютца заводных людей. И тебе б те вести были ведомы. Да отписать бы тебе от себя в слободы к Михаилу Байкашину и на Чюбарово к Спиридону Шелехову, чтоб те вести по тому ж были ведомы.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 10, л. 24 и 24 об., № 16.

325. *1634 г. не ранее сентября 16.—Отписка тобольского воеводы князя Андрея Голицына туринскому воеводе Лукьяну Полтеву о нападении калмыков на Тару и о мерах предосторожности против них.*

Господину Лукьяну Ондреевичу Ондрей Голицын челом бьет. В нынешнем во 143-м году сентября в 16 день писали в Тоболеск ис Тарского города воеводы князь Федор Бельской да Неупокой Кокошкин, что в нынешнем во 143-м году сентября в 12 день пришли под Тарской город колматцкие многие воинские люди з государевыми изменники с Кочашком Танатаровым с товарыщи, и лошадей и всякой скот отогнали, и станичников гоняли и с лошадей их збили, иные прибе-

жали в город, а иные пометались в лес, а хлебы и сена у служилых людей жгут, а сами стоят около острогу; а которые служилые люди были по пашням, и про тех людей неведомо: живы ли они или побиты. И тебе б, господине, те вести были ведомы. И жить бы тебе, господине, в Туринском остроге одноличпо с великим береженьем, и по острогу для приходу воинских людей осаду крепити накрепко, и по острогу караулы и отъезжие сторожи ставить крепкие, и в проезжие станицы туринских служилых людей посылать по часту, до которых мест пригоже, смотря по тамошнему делу и по вестям, и русским людям в деревнях и ясачпым татарам в волостях потому ж велети жити с великим береженьем, чтоб воинские люди безвестно не пришли и уезду и волостей не повоевали и над Туринским острогом дурна какова не учинили. Да что в Туринском остроге про воинских людей вестей вперет объявитца, и тебе б, господине, о том писати ко мне в Тоболеск и на Тюмень к воеводе к Ивану Милюкову и в слободы к прикащиком, чтоб те вести в Тобольску и на Тюмени и в слободах были ведомы.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 6, л. 12 и 12 об., № 243.

326. *1634 г. сентября 19.—Память тюменского воеводы Ивана Милюкова в Нижнюю Ницынскую слободу прикащику тобольскому сыну боярскому Ивану Венгерскому о полученных известиях про калмыцких тайш и места их кочевий.*

Лета 7143-го сентября 19 день, по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии указу, в Нижную Ницынскую слободу прикащику тобольскому сыну боярскому Ивану Венгерскому. В нынешнем во 143-м году сентября с 18 числа вышел на Тюмень ис Калмаков тюменской ясашной татарин Баймаметко Булаичин а в роспросе мне сказал: нынс де летом бегали они Баймаметко да Юзелпко Кудабянов с товарыщи в Калмаки и были у тайши Аблая Талаева сына, и Талаев сын Аблай отдал их к Абле к Ишимову сыну 10 человек; и слышал де он Баймаметко у Аблы: хотели де они Абла и Кирей итти под государевы городы и на ясашные волости войною еще в страдную пору, и тогды де они не пошли, потому что их воюют Казачьи орды люди, и к себе де он Баймаметко чает их приходу под государевы городы и на ясашные волости войною вскоре, потому что де Абла похваляетца войною на государевых людей, покаместа он и жив будет; а людей де в войну им Кирею и Абле дает Гушей тайша; а кочюют де они Кирей и Абла и калмацкие тайши Талай и сын его Аблай и Гущии за Ишимом, блиско речки Колоты, друг от друга неподалеку, днища по полутора, а Гущей от них днищах в 5-ти; а как де он Баймаметко с товарыщи побежали от Аблы Талаева сына и от Аблы Ишимова, тому 12 дней. И те бы вести тебе были ведомы. И жить бы те в Ницынской слободе с великим бережением, чтоб воинские люди безвестно не пришли и не повоевали. А в слободы к прикащиком те вести отписать бы тебе от себя, чтоб им те вести по тому ж были ведомы. Воевода Иван Ивановичь Милюков печать свою приложил.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 10, л. 25 и 25 об., № 17.

327. *1634 г. сентября 22.—Память тюменского воеводы Ивана Милюкова в Нижнюю Ницынскую слободу прикащику Ивану Венгерскому о нападении на Тару калмыков.*

Лета 7143-го сентября в 22 день, по государеву цареву великого князя Михаила Федоровича всеа Русии указу, в Нижную государеву Ницынскую слободу Ивану Венгерскому. В нынешнем во 143-м году сеньтября в 20 день писал ис Тобольска на Тюмень воевода князь Андрей Андреевичь Голицын, что писали в Тоболеск ис Тарского города воеводы князь Федор Бельской да Неупокойко Кокошкин, что в нынешнем во 143-м году сеньтября в 12 день пришли под Тарской город колматцкие

многие воинские люди з государевым изменником с Кочашком Танаторовым с товарищи, и лошади и всякой скот отогнали, и станишников гоняли и с лошеди их збили, и иные де приезжали в город, а иные помстались в лес, а хлеб и сена у служивых людей жгут, а сами стоят около острогу. А которые служилые люди были по пашням, и про тех де людей неведомо: живы ли они или побиты. И тебе б те вести были ведомы. Да писати бы тебе от себя в слободы к Михаилу Баикашину и на Чюбарово к прикащику Спиридону Шеляхову, чтоб у них в слободах те вести по тому ж были ведомы. К сей памяти воевода Иван Иванович Милюков печать свою приложил.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 10, л. 25 об., № 18.

328. *1634 г. сентября-октября. — Отписка тобольского воеводы князя Андрея Голицына туринскому воеводе Лукьяну Полтеву о предстоящем зимнем походе Тобольского разряда городов служилых людей против калмыков.*

Господину Лукьяну Ондреевичю Ондрей Голицын челом бьет. В прошлом во 142-м году и в нынешнем во 143-м году писали в Тоболеск с Тары воеводы князь Федор Бельской да Неупокой Кокошкин да с Тюмени воевода Иван Милюков, что прикочевали к тарским и к тюменским ясачных людей угодьям многие колмацкие тайши со многими людьми, и у государевых ясачных людей зверовья отняли, и приходили под Тарской город весною и под Тарским городом воевали, а зимовать де им блиско тех же государевых ясачных людей зверовьев. И на те, господине, колмацкие люди ис Тобольска и Тобольсково розряду из городов посылка будет зимою, чтоб тех колмацких людей от государевых ясачных людей зверовьев отогнать. И тебе, господине, велеть в Туринском остроге туринским стрельцом для тое посылки быти готовыми на лыжах с нартами; а сколько человек ис Туринсково туринских стрельцов в посылку послать довседетца, и о том, господине, к тебе отпишу вскоре.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 6, л. 11 об., № 241.

329. *1634 г. не ранее октября 25 — 1635 г. — Отписка красноярского воеводы Никиты Карамышева томскому воеводе князю Никите Егупову Черкаскому о нападениях кизыльцов на Красноярск и о походе против них атамана Дементия Злобина.*

Господину князю Миките Ивановичю Микита Карамышев челом бьет. В прошлом, господине, во 142-м году послал я в Томской город пятидесятника Ивашка Чечюлина и десятника Фетку Астраханца, по челобитью служилых людей ружников и оброчников, для государева денежново жалованья; и переняв, господине, их кизылские мужики Илтыбайко с своими людьми побили и государевы пищали и их платье и рухлядь поимали. Да в прошлом же, господине, во 142-м году августа в 11 день те же кизылские мужики приходили под Красноярской острог в вожех с киргискими людьми и иных землиц со многими людьми, и под Красноярским острогом на пашнях и на сенокосах и на рыбных ловлях служилых людей и пашенных крестьян и ясачных подгородных татар многих побили и живых поимали. Да в нынешнем, господине, во 143-м году октября в 16 день приходили под Красноярской острог те же государевы изменники кизыльские мужики с киргискими людьми вместе и пришед государевых служилых людей и пашенных крестьян в дровосеках и на рыбных ловлях побили, и стада конные и коровьи у служилых людей и у пашенных крестьян и у ясачных людей отогнали. Да в нынешнем же, господине, во 143-м году октября в 25 день приходили изгоном те ж государевы изменники кизылские мужики вниз по Енисею реке, и у государевых ясачных аринских людей стада конские отогнали и ясачных людей побили, а иных поимали живых з женами и з детьми. И в нынешнем, господине, во 143-м году вышел от тех кы-

зылцев государев подгородный ясачной татарин Кошта и в роспросс он передо мною сказал: как де ево взяли те кизыльцы, и он де жил у них в Кизылах, и многие де казачьи пищали и сабли и лошади казачьи и пашенных крестьян и ясачных людей у них кизылских мужиков... имяной государев подгородной татарин Менбеско з женою и з детьми... у них кизылцов. И в нынешнем, господине, во 143-м году прислана ко мне государева царева и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии грамота, за приписью государева диака Ивана Переносова, а в той государеве грамоте писано: указал государь царь и великий князь Михайло Федорович всеа Русии на своих государевых, изменников и непослушников, которые учнут приходить под Красноярской острог войною, посылать служилых людей и подгородных татар и их воевать. И я, господине, по государеву указу на тех государевых изменников на кизылских мужиков посылал атамана Дементья Злобина с служилыми людьми. И атаман, господине, Дементий Злобин тех государевых изменников кизылских мужиков Алтыбаков улус повоевали и взяли у них своих казачьих и пашенных крестьян и ясачных татар 40 лошадей, которые оне отогнали под Красным острогом... казаков пищали и сабли... у них поимали и тово... татарина Менбеска у них взяли и привели с собою в Красноярской острог. А посылал, господине, я войну на тех кизылских мужиков, не ведая тово, что пришол в Киргызы тангуцкой лаба Таин Мерген Ланза приводить киргиз под государеву высокую руку.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 17, лл. 392—393 об., № 203.

330. *1634 г. не ранее октября... — Челобитная царю Михаилу Федоровичу красноярских служилых людей о выдаче им жалованья на 144-й год в виду их разорения киргизами и о приборе новых служилых людей на „упалые" места.*

Царю государю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии бьют челом холопи твои, твоей государевы заочные дальные вотчины Качинсково Красноярсково острогу пешие служилые люди: атаманы Милославко Кольцов, Емелка Тюменцев, пятидесятники и десятники и все редовые служилые люди. В прошлом, государь во 142-м году августа 10 дня приходили под твои государев Красноярской острог твои государевы изменники и непослушники киргисские люди, собрався, государь, со многими немирными землицами: с мугалы, и с тубинцы, и маторцами и с точигасами и с иными многим землицами. И пришед, государь, под Красноярский острог в великом собрании, и к острогу, государь, и к слободам приступали накрепко, и табуны хотели отогнати. И мы, холопи твои, с теми с киргискими людьми бились по многое время, и многих, государь, киргисских людей побили. И те киргизы на том же бою многих служилых людей из нас побили, а иных многих переранили, и по пашням многих, государь, твоих пашенных крестьян побили, а иных многих в полон поимали, и многих, государь, твоих ясашных людей подгородных побили ж, а жен их и детей в полон поимали. И што, государь, у нас у холопей у твоих было посеяно на пашнях невеликой хлеб для ради своей скудости, и тот, государь, хлеб те киргизы выжгли и коньми вытоптали без остатку. И мы, государь, холопи твои, от тово кыргысково приходу и от их розоренья, обнищали и задолжали великими долги. И после, государь, тово кыргысково приходу в нынешнем в 143-м году в октябре приходили, государь, те ж киргизкие люди, собрався с теми ж немирными землицами, под Красной острог, и многих, государь, служилых людей побили, и пашенных крестьян и табуны, государь, конской и коровей, отогнали без остатку, и розорили до основанья. И от тех, государь, киргиских приходов стали наги и босы и в конец погибли. А которые, государь, твои государевы ясашные подгородные и канские татары, слыша от иных землиц людей, что те кыргызы и тубинцы собираютца со всеми немирными землицами к весне в великой скоп, и хотят быть под Красноярской острог и похваляютца Красноярской острог взять и твоих государевых ясаш-

ных людей всех порубить, и тепере, государь, те твои ясашные подгородные и канские татара, от киргиские похвалы убоялся и слыша их киргиское великое собрание, и многие в Кыргизы и в Тубу отъехали. А которые из нас холопей твоих посыланы по ясак по твоему государеву указу в Кану по разным землицам, и тех, государь, служивых людей канские мужики побили. А видят, государь, те иноземцы на нас кыргыское разоренье и што, государь, их от кыргыз оберегчи некем, служивых людей в городе мало. А указано, государь, по твоему государеву указу на Красном яру быть 300 человекам служивым людем. А тепере, государь, по твоей государеве грамоте велено брать из 300 из пеших 100 человек в конные, а 200, государь, велено быть в пеших, и теперь, государь, по твоему государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии указу твои государев воевода Никита Ивановичь Карамышев выбрал из нас 100 человек в конные. А нас, государь, холопей твоих всево осталось в пеших на Красном яру в городе и на твоих государевых службах и в россылках 148 человек, а упалых, государь, служилых людей, которые побиты и своею смертью померли, 52 человека, а тепере, государь, в те в упалые места не прибрано. А нам, государь, холопем твоим 148 человекам в дальней твоей государеве вотчине твоей государевы службы служить невозможно, потому что Красноярскому острогу прилегли орды немирные многие, а землицы, которые, государь, были под твоею государевою высокою рукою и ясак давали, и те все отложились. А нам, государь, холопем твоим на твои государевы службы подниматца нечем, потому что, государь, обнищали и задолжали великими долги, от тово от кыргыского великого разоренья стали наги и босы. Милосердый государь царь и великий князь Михайло Федорович всеа Русии, пожалуй нас, холопей своих, для ради нашея бедности и для нашего великого розоренья, своим государевым денежным жалованьем на 144-й год, чтоб нам холопем твоим твоей государевы службы не отбыть, и в конец не погинуть и врознь не розбрестись, и вели, государь, в те в упалые места добрать. Царь государь, смилуйся, пожалуй.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 17, лл. 381 об.—383, № 196.

331. *1634 г. не ранее ноября 16.— Отписка Чубаровской слободы приказщика Спиридона Шелехова туринскому воеводе Лукьяну Полтеву о нападении „агарян" и калмыков на Тюмень и Тюменский уезд.*

Царя государя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии воеводе Лукьяну Ондреевичю Спиридон Шелехов челом бьет. В нынешнем во 143-м году ноября в 16 день пришла ко мне весть и писал ко мне Михайло Байкашин, а к нему писал ис Красные слободы Иван Венгерской, а к нему де прибегла в Красную слободу ис тюменских деревень: ис Липси, ис Каменки и ис архиепископлевы слободы, а на Тюмень оне не угодили, отрезаны от Тюменсково города, агаряны и колматцкие люди Тюменской город и деревни около Тюменсково города выжгли и людей порубили. И тебе б пожаловать, прислать служилых людей паскоро, чтобы государеве казне поруха не учинилась и православным крестьянам напрасно не помереть.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 6, лл. 12 об.—13, № 243.

332. *1634 г. не ранее ноября 16.— Отписка тобольского воеводы князя Андрея Голицына туринскому воеводе Лукьяну Полтеву о нападении Кучумовых внучат и калмыков на Тюменский уезд и о посылке служилых людей в Чубарово.*

Господину Лукъяну Андреевичю Ондрей Голицын челом бьет. В нынешнем во 143-м году ноября в 16 день писал в Тоболеск с Тюмени воевода Иван Милюков, что ноября в 11 день приходили под Тюмень Кучюмовы внучата Девлеткирей и

7

Абла с многими с воинскими с колматцкими людми, и многие деревни и хлеб пожгли, и многих людей побили и в полон поимали, и пошет от города, похвалялись приходить на слободы войною. И тебе б, господине, послати ис Туринсково острогу на Чюбарово туринских стрельцов к тобольским и к тюменским служилым людем в прибавку 20 человек тотчас, не мешкая ни часу, чтоб над Чюбаровою слободою от воинских людей дурно какое не учинилось; а которово числа и кого имяны на Чюбарово служилых людей пошлешь, и тебе б, господине, о тем отписати ко мне в Тоболеск.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 6, л. 13, № 244.

333. *1634 г. не ранее ноября 19 — не позднее декабря 17. — Отписка томского воеводы князя Егупова Черкаского красноярскому воеводе Никите Карамышеву о наказании служилого человека Федора Жукова за его угрозы татарам и о мерах предосторожности против нападения киргизов.*

Господину Миките Ивановичю Никита Егупов Черкаской челом бьет. В нынешнем, господине, во 143-м году ноября в 19 день писал ты ко мне в Томской город с красноярскими служивыми людьми з Бориском Прокофьевым да с Ондрюшкой Степановым, что в нынешнем же во 143-м году сентября в 12 день приехал в Красноярской острог аринсково лутчево мужика Кузнев сын Силунко и в роспросе де тебе в съезжей избе сказал: бежал де из аринских улусов в Киргизы аринской мужик Абытайко с своими улусными людьми; и ты де послал Красноярсково острогу пятидесятника Захарка Игнатьева с служилыми людьми и с татары за тем мужиком Абытайком в погоню, чтоб ево догнать и привести в Красноярской острог. И тот де пятидесятник Захарко и служилые люди и татары ездили в погоню за тем Абытайком и, приехав де в Красноярской острог, сказали тебе в съезжей избе, что доехали де они до сакмы, куда бежал государев изменник Абытайко в Киргизы, а по сакме де сметили, что де он перед ними проехал за 3 дни и о такову де пору доехал до Киргиз; и как де они поехали назад, и ему де Захарку сказал качинской татарин Атык, что де качинские татаровя Мунгатко с товарыщи, которые ездили с ним пятидесятником Захарком в погоню, умыслили служилых людей всех на дороге побить, а самим отъехать в Киргизы. И служилые де люди по той ево скаске учали беретчись и доехали де до Красново яру здорово. Да тово ж де Абытайкова улусу татарин Татюга в те поры был в остроге, и ты де по его Татюгу послал служивого человека Фетку Жукова и велел отвести на оманатцкой двор; и он де Фетка, взяв тово татарина, и учал ему грозить и говорил ему, что им быть перевешеным. И услушав то слово тот качинской татарин Мунгатко и видя на себя такую вину, что хотели служилых людей побить на дороге, и побежал де через острог ночью, и служилые люди учали за ним гонети. И услушив де то, качинские татара Таибирдеевы дети: Бексек, да Бехтен, да Илчик да Изерек з братом побежали, и в достальных де тотарех великая шатость, и ты де их держишь на оманатцком дворе. Да в прошлом де во 142-м году, как приходили под Красноярской острог киргиские люди, и побили под Красноярским острогом служилых людей и пашенных крестьян, и пошли де в государевы ясачные волости: в Канскую землицу, и в Камасинскую и в Каншинскую, и тех де землиц людей те кыргызы и тубинцы поимали к себе. И в нынешнем де во 143-м году государева ясачново збору на Красном яру не зберетца; ясашными людьми кыргызы извладили; и о том бы тебе указ учинить. И тебе б, господине, по государеву указу тово красноярсково служилово человека Фетку Жукова за то воровство велеть бить кнутьем по торгам нещадно, что он иноземцов устрашивает, чтоб ему впредь и иным так воровать было неповадно, а пад киргискими б людьми промыслы и, высмотря по тамошнему делу, чтоб их укротить и под государеву царскую высокую руку под-

весть, а Красноярской бы острог и служилых и всяких государевых ясачных людей от их оберечь.

143-го году декабря 17 дня такова послана с томским атаманом Зеновьем Амосовым.

ААН, ф. 21. оп. 4, № 17, лл. 380 об.—381 об., № 195.

334. *1634 г. не ранее ноября 20.—Отписка прикащика Нижней Ницынской слободы Ивана Венгерского тюменскому воеводе Ивану Милюкову о получении известий о нападении калмыков на Тюмень и Тюменский уезд и о посылке к нему за вестями двух служилых людей.*

Господину Ивану Ивановичю Иван Венгерской челом бьет. В нынешнем во 143-м году ноября в 20 день писал ты ко мне с Тюмени на Ницу с тюменским ямским охотником с Ывашком с Ватсевым, что в нынешнем же, господине, во 143-м году ноября в 13 день приходили к вам де под Тюмень многие колматцкие воинские люди, шиблися о надолобы, и в Тюменском де в уезде деревни пожгли, и многих людей побили, а иных де людей в полон поимали; а куды их ис под Тюмени итти, и тово де ты не ведаешь... И по твоей по тюменской отписке ницынские крестьяне из уезду... слободы и Абуховых юрт, и набольшие татаровя живут в слободе на Нице и з женами и з детьми душею да телом и животы свои подъяли, и по юртам пометаючи преже твое тюменские отписки за день. И нынече, господине, те крестьяне и таторовя у меня ис слободы отпрашиваютца по деревням и по юртам; и я, господине, бес твоей бес тюменской отписки с Ницы по деревням тех крестьян и татар по юртам роспустить не смею. И я для того послал к тебе с Ницы на Тюмень проведать дву человек ницынских служилых людей Ваську Григорьева да Нестерка Матвеева: те колматцкие люди ис под Тюмени отошли ли прочь и в кое число, и куды они пошли. И тебе б, господине, государеву указу про тех колматцких людей с теми с ницынскими служилыми людьми велеть ко мне на Ницу отписати, чтоб мне про то было ведомо.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 10, лл. 29 об.—30, № 22.

335. *1634 г. не ранее ноября 22. — Отписка Ивана Рыцкого из Мелеского острога томскому воеводе князю Никите Егупову Черкаскому с товарищами о нападении киргизов на верхние мелеские волости и о служилых людях в остроге.*

Государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии стольнику и воеводам князю Микито Ивановичю, да Федору Григорьевичю да дьяку Ондрею Авдокимовичю Иван Рыцкой челом бьет. В нынешнем во 143-м году ноября в 22 день приезжал в Мелеской острог верхпей мелеской Кошенбаковы волости ясашной татарин Багелдей, а сказал, што де слышал в верхних мелеских волостях от ясачных людей: приходили де в Верхнюю Мелескую волость киргиские князцы Дыал да Табун, а с ними человек с 40 киргиских людей куячных, и многих государевых ясашных людей грабили и побивали те же киргиские люди, а сказывали ясашным людем, што де Бехтен да Ямокан, киргиские князьцы, со многими киргискими людьми под Красной яр войною пошли, а красноярские де подгородние татара, аринцы да качинцы, государю изменили и к киргизам переехали; а иные киргиские люди хотели на низ итти по Кети реке, чюлымских ясашных людей воевать. А у меня в Мелеском остроге служилых людей мало, посылать было за теми киргискими людьми некево, а служилых людей по вашему указу разослали на обереганье мелеских ясашных волостей, а иные служилые люди посланы для государева недоборново ясаку прошлово 142-го году в Кызылскую да в Ачинскую волости; и как

те служилые люди в Мелеской острог придут и что про государев недоборной ясак скажут, и я к вам о том в Томской город, будет за чем не мошно государева ясаку недоборнова взять, не мешкая, отпишу и што собрано будет государева недоборново ясаку в Томской городе пришлю. А и служилым людям велел говорить в мелеских волостях ясашным людем, штобы они жили под его государской высокою рукою и были бы надежны на ево государскую милость, смуте киргиским людем не верили; а отписка послана з юрт до юрт для тово, что служилые люди невеликие в Мелеском остроге, а надобны на ту пору, как учнут ясачные люди приходить в Мелеской острог с государевым ясаком.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 17, лл. 393 об.—394, № 204.

336. *1634 г. не ранее ноября 23.— Отписка пелымского воеводы Евдокима Баскакова туринскому воеводе Лукьяну Политеву о нападении калмыков на Тюмень и Тюменский уезд.*

Господину Лукьяну Ондреевичу Евдоким Баскаков челом бьет. В нынешнем, господине, во 143-м году ноября в 23 день писал ко мне на Пелым из Пелымсково уезду ис Табаринские волости сын боярской Исак Албычев, что в нынешнем во 143-м году ноября в 19 день прислал де к нему в Табары ис Тобольсково уезду ис Кашуцские волости нарочного князец Салтанкулко мужика Бехмаметка; а сказывал де ему тот мужик, что калматцкие люди пришли под Тюмень, и тюменские де многие деревни взяли, и русских людей и татар многих побили и живых взяли, и на Тюмени де были, и посад де весь выжгли, и которые кашуцские мужики ездили под Тюмень для лисиц, и тех де людей нет: неведомо де их колмаки взяли, неведомо де убиты; а сказывал де те вести тюменской татарин Искилдей кашуцскому мужику, а тот де татарин бился с ними калмаками и у них ушел, а товарыща де его убили Карапаша, а тот де татарин был на Тюмени славной; а караул де они калмацкие люди скрали, пришли... под Тюмень, и ныне где стоят в деревнях калмацкие люди. И тебе бы, господине, те вести были ведомы. И хто к тебе сю отписку принесет, и тебе бы велети ко мне на Пелым отписати против сей отписки с тем же, не издержав. И впреть, господине, что у тебя в Туринском каких вестей объявитца, и тебе бы по государеву указу велети ко мне на Пелым для ведомости писать, с кем будет пригоже.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 6, л. 13 и 13 об., № 245.

337. *1634 г. ноября 23.—Память тюменского воеводы Ивана Милюкова Нижней Ницынской слободы прикащику Ивану Венгерскому о местонахождении калмыков, воевавших Тюменский уезд.*

Лета 7143-го ноября в 23 день, по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии указу, Ивану Венгерскому. Писал ты на Тюмень к воеводе к Ивану Ивановичю Милюкову, что в нынешнем во 143-м году ноября в 11 день приходили под Тюмень колматцкие воинские многие люди, и тебе на Нице неведомо, где ныне те воинские люди или куды пошли. И повоевав колматцкие воинские люди Тюменсково уезду нижные деревни, пошли ис Тюменсково уезду. И посылана ис Тюмени проезжая станица служилых людей и юртовских служивых татар 10 человек, и та станица пришла на Тюмень и в роспросе мне сказали: ходили де опи до Исети реки, и воинские де колматцкие люди пошли за Таел реку на верх...; а выходцы от воинских людей сказывают, что похваляютца колматцкие люди прити под Тюмень войною на слободы. И тебе б жить в Ницынской слободе с великим береженьем. Воевода Иван Иванович Милюков печать свою приложил.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 10, л. 35 и 35 об., № 28,

338. *1634 г. не ранее ноября 26. — Отписка прикащика Нижней Ницынской слободы Ивана Венгерского прикащику Верхней Ницынской слободы Михаилу Байкашину о нападении калмыков на Тюмень и Тюменский уезд, о неудачном походе тюменских служилых людей против калмыков и о присылке самопалов.*

Господину Михаилу Осиповичю Иван Венгерский челом бьет. В нынешнем, господине, во 143-м году ноября в 13 день приходили де под Тюмень с войною многие колматцкие воинские люди, шибли де ся о самой город о надолобы, и в Тюменском де уезде деревни пожгли, и многих де крестьян побили, а иных крестьян з женами и з детьми в полон поимали. И я тому не веречи с Ницы на Тюмень к воеводе к Ивану Ивановичю к Милюкову писал, чтоб допряма про тех про калматцких воинских людей проведать, и на Тюмень ницынских служилых людей дву человек конных казаков Ваську Григорьева да Нестерко Матвеева послал. И в нынешнем же, господине, во 143-м году ноября в 26 день с Тюмени воевода Иван Иванович Милюков с теми ж с ницынскими людьми с конными казаками с Васкою Григорьевым да с Нестерком с Матвеевым писал ко мне на Ницу, а в отписке его писано, что колматцкие воинские люди, пришед под Тюмень, деревни пожгли, и скот всякой отгонили, и крестьян многих побили, а иных де крестьян з женами и з детьми в полон поимали; а ис пот Тюмени де они с тем полоном и скотом прочь пошли до Ишиму реки; и за теми де за колматцкими людьми тюменской воевода Иван Иванович Милюков в Тюмени для того руского полону [послал] тюменских служивых людей 300 человек, и у тех де у тюменских служивых людей с колматцкими людьми была драка, побили де па той драке тюменских служилых людей 50 человек; да и ныне де те колматцкие люди стоят за Пышмою в крепких местех, человек их с 600; а ис того де они места прочь не хаживали, и куды де им ити, того де он не ведает; и впредь де про них, проведав, куды они с того места пойдут, и я де к тебе о том на Ницу отпишу. И тебе б, господине, те вести были ведомы. Да послал я, господине, к тебе с Ницы нарошного, надеючись на твою отписку, ницынского пашенного крестьянина Ивашка Мошкина, чтоб тебе, господине, пожаловати, прислать с ним на Ницу государева оружья самопалов, сколько пригоже, чтоб от калмацких воинских людей чем было государева слобода и казна оберечь, чтоб, пришед, колматцкие воинские люди над государевою казною и над слободою которова дурна не учинили.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 10, лл. 30 об. — 32, № 24.

339. *1634 г. ноября 28. — Память тобольского воеводы князя Андрея Голицына с товарищами прикащику Нижней Ницынской слободы Ивану Венгерскому о посылке в слободу 10 человек новоприборных казаков.*

Лета 7143-го ноября в 28 день, по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Росии указу, память в Нижную Ницынскую слободу к прикащику к тобольскому сыну боярскому Ивану Венгерскому. В нынешнем во 143-м году ноября в 27 день писал ты в Тоболеск к воеводам ко князю Андрею Андреевичу Голицыну да к дьяком к Семену Копылову да к Леонтью Полуехтову, что в нынешнем де 143-м году ноября к 13 день писал к тебе с Тюмени на Ницу воевода Иван Милюков, что приходили под Тюмень многие колматцкие люди и ударились об надолобы, и ныне на Нице по тем вестям всякие люди и пашенные крестьяне хлеб и скот по деревням пометали, живут в остроге, а из острогу в деревню для хлеба и скота выезжати нихто не смеет, и оберечь государевы казны и слободы и пашеных крестьян некем, служилых людей только 17 человек, и зелья и свинцу и оружья запасново нет: принято было на Ницу у прежнево прикащика у Панкратья Перхурова пуд зелья да пуд свинцу, ис тово числа выдано для береженья

вицынским служилым людем 10-ти человекам 5 фун. зелья 5 фун. свинцу, а в государеве казне осталось за дачею 35 фун. зелья, 35 фун. свинцу. А у которых крестьян архиепископли слободы есть пистоли и приезжают к тебе в слободу. и ты для осаду зелья и свинцу дал же. И послано ис Тоболеска в Ницынскую слободу тобольских служилых людей и стрельцов и пеших казаков к тюменским и ницынским в прибавку 10 человек с тобольским сыном боярским з Дружиною Полозовым; а кто людей посланы к тебе, и тому имяна под сею памятью. А пушечных запасов в прошлом во 142-м году послано в тое Ницынскую слободу в запас к прежнему прикащику к Панкратью Перхурову пуд зелья, пуд свинцу, да новоприборным казаком 10-ти человеком дано в Тобольску 10 фун. зелья, 10 фун. свинцу, по фунту на человека. А приходу воинских людей под Ницынскую слободу не бывало, и тово было зелья и свинцу издержати негде. И как к тебе ся память придет и Дружина Полозов с служилыми людьми в Ницынскую слободу приедет, ты б тем тобольским людем велел быти в Ницынской слободе для приходу воинских людей. И жил бы в Ницынской слободе однолично с великим бережением, чтоб колмацкие воинские люди безвестно не пришли и над Ницынскою слободою дурна какова не учинили. А которово числа Дружина Полозов с служилыми людьми в Ницынскую слободу приедет и служилых людей примешь, и которого числа Дружину Полозова назад в Тоболеск отпустишь, и что в Ницынской слободе про воинских людей вестей будет, и ты б о том писал в Тоболеск к воеводам ко князю Ондрею Ондреевичю Голицыну да к Данилу Ондреевичю Замытцкому, к дьяком к Семену Копылову да к Леонтью Полуехтову.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 10, лл. 32—33 об., № 25.

340. *1634 г. ноядря 28.— Память тюменского воеводы Ивана Милюкова Нижней Ницынской слободы прикащику Ивану Венгерскому о лошадях калмыков на р. Суери и о намерении калмыков вновь воевать сибирские уезды.*

Лета 7143-го ноября 28 день, по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси указу, Ивану Венгерскому. В нынешнем во 143-м году ноября того ж числа прибежали ис поля с зверовья тюменские ясашные татаровя захребетной Кунюк Бекбаев и с Килские волости Мутык Кожделевтев и в роспросе воеводе Ивану Ивановичю Милюкову сказали: были де они на зверовье на Суере реке, и вверх де Суери видали калматцких воинских людей, лошади спутаны ходят, а иные де лошади ходят в лесу, а людей де не видели, потому что подайти блиско не смели, на левую сторону от Тюмени чистое место, лесу нет. А тюменские юртовские служилые татаровя сказывают: остались де те воинские люди от тех воинских людей, которые были под Тюменью, дожидаютца из улусов колматцких больших воинских людей, будут де опять под Тюмень и в уезды войною. И тебе б те вести были ведомы. И отписати б тебе те вести в Туринской острог к воеводе и в слободы к прикащиком. И жить бы тебе в Ницынской слободе от воинских людей с великим береженьем. К сей памяти воевода Иван Ивановичь Милюков печать свою приложил.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 10, лл. 34 об. и 35, № 27.

341. *1634—1635 гг.— Челобитная кузнецких служилых людей о суде по разным их делам не в Томском, а в Кузнецком остроге.*

Государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии бьют челом холопи твои государевы Кузнецково острогу служилые люди конные и пешие казаки десятники и редовые: Гришка Онтонов, Володка Оверинев, Мишка Гаврилов, Максимко Остафьев, Гришка Яковлев, Парфенко Борисов, Бориско Кузьмин, Якупко Филипов и во всех места 100 человек. С прошлого, государь, со 138-го году бьют

челом тобе государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии в Томском городе томским воеводам томские служилые люди: емлют на нас на холопей твоих ис Томсково города зазывные грамоты в исковых делах, рублев в 10-ти и больши, и то зазывные грамоты посылают в Кузнецкой острог, а из Кузнецково острогу по тем зазывным грамотам волочат нас холопей твоих в Томской город, продают нас, холопей твоих, напрасно. А емлют нас холопей твоих из Кузнецково острогу в Томской город по вся годы по 20-ти и по 30-ти человек и больше, а держат нас холопей твоих в Томском городе в тех поклепных и во всяких продажных статьях по полу году, и по году и больши. И в прошлом, государь, во 142-м году было нас холопей твоих в Томском городе по зазывным грамотам и во всяких россылках с 60 человек. И в те поры, государь, под твой государев под Кузнецкой острог приходили киргиские люди Бекчепка Ноянов сын с товарыщи со многими воинскими людьми и над твоим государевым острогом поруху учинили, твоих государевых у пашенных крестьян и у нас холопей твоих лошади все отогнали и хлеб выжгли, а твоих государевых кузнецких служилых людей, нас холопей твоих, в Кузнецком остроге было в те поры мало и оборонить от тех киргиских воинских людей Кузнецкой острог некем. И мы холопи твои от тое волокиды по тем зазывным грамотам ис Томсково города в тех напрасных и во всяких продажах многие людишка стали без дворишков и без животишков, ходят те людишка по миру и кормятца христовым именем, разорены до основания, помирают голодною смертью. Милосердый государь царь и великий князь Михайло Федорович всеа Русии, пожалуй нас холопей своих и не вели, государь, в напрасли́нах из Кузнецково острогу по зазывным грамотам волочити нас в Томской город, и вели, государь, нас холопей своих в исковых и во всяких делах судити и свой государев указ и расправу чинити в Кузнецком остроге кузнецкому воеводе, чтоб нам холопем твоим без продажи и безволокитно и чтоб нам холопем твоим от томские волокиты в конец не погинуть, и твоей царской службы не отстать и врознь не разбрестись. Царь государь, смилуйся, пожалуй.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 17, лл. 395 об.—396, № 208.

342. *1634—1635 гг. — Отписка красноярского воеводы Никиты Карамышева томскому воеводе князю Никите Егупову Черкаскому об убийстве девяти служилых людей, посланных из Канского зимовья за ясаком.*

Господину князю Миките Ивановичю Мишка Карамышев челом бьет. В нынешнем, господине, во 143-м году посылан был с Красново острогу в Канское зимовье для государева ясачново збору красноярской пятидесятник Захарко Игнатьев с служивыми людьми. И пришед он в Канское зимовье, по ясачным волостям розослал служивых людей 9 человек для государева ясачново збору. И после тово пришел в Канское зимовье Араскеева улусу улусной мужик Шабанко и учал оманом пятидесятнику Захару говорити, чтоб он послал с ним 3 человек служивых людей для государева ясаку. И пятидесятник Захарко служилых людей с ним не послал и оставил тово мужика в Канском зимовье, покаместа будут служивые люди з государевым ясаком. И как учинилась весть, что служивых людей 9 человек побили, и тово мужика пятидесятник Захарко в улусы не отпустил, а привел с собою в Красноярской острог. И я, господине, тово мужика Шабанка пытал, и с пытки он повинился, что приходил де в Канской острожек по служивых людей оманом, чтоб было, выманя, служивых людей побить. И я, господине, тово мужика велел повесить.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 17, л. 379 и 379 об., № 193.

343. *1635 г. не ранее марта 18.— Отписка Ивана Рыцкого из Мелеского острога томскому воеводе князю Никите Егупову Черкаскому с товарищами о посылке служилых людей в Кизылскую и Ачинскую волости и о жалобах кизылцов и ачинцов на киргизов.*

Государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии стольнику и воеводам князю Никите Ивановичю, да Федору Григорьевичю да дьяку Ондрею Авдокимовичю Иван Рыцкой челом бьет. В нынешнем 143-м году марта в 18 день писали вы ко мне ис Томсково города в Мелеской острог, што мне велено из Мелесково острогу по зимнему пути посылать томских служилых людей в Кизылскую волость по ясашново татарина по Илика. И я из Мелесково острогу посылал служилых людей мелеских годовальшиков в Кизылскую и Ачинскую волость Лаврушку Иванова, да Исачка Ананьева да в толмачах Екимка Григорьева для государева недоборново ясака на нынешней па 143-й год и на прошлой на 142-й год. Да ему же Лаврушке Иванову с товарыщи велел проведать про кизылсково татарина про Илика, чтоб его мочно взять в Мелеской острог. И те служилые люди Лаврушка Иванов с товарыщи, пришед в Мелеской острог, сказали, што де мы кизылских и ачинских волостей ясашных людей на их житьях немногих сыскали, потому что они от киргиских людей в побегах живут; а которые поимапы в Киргизы, те и теперя в Киргизах. А про государев недоборной ясак кизылские и ачинские ясашные люди сказали, что нам государева ясаку дать нечево, потому что у нас киргизские люди беспрестанно живут, што не добудем государева ясаку, и то нас ограбят и отымут. Да те же служилые люди Лаврушка Иванов с товарыщи в Мелеском остроге сказали, што де мы слышали в верхних волостях, что де многие киргиские люди хотят приходить па мелеских ясашных людей Кошенбакову волость войной. И я о том к вам в Томской город с служилым человеком с Ивашком Матвеевым отписал. А у него Ивашка Матвеева мяхкой рухляди: 13 соболей, 3 фунта бобрик черной вешней, 13 хвостов собольих, да 5 пупков собольих; и с той у него мяхкой рухляди по оценки 6 рублей, пошлина взята, с рубля по 2 деньги.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 17, л. 394 и 394 об., № 205.

344. *1635 г. апреля 30.— Память тюменского воеводы Ивана Милюкова прикащику Нижней Ницынской слободы Ивану Венгерскому о нападении Аблая, Кучумова внука, на тюменских татар за рекою Исетью и о намерении его воевать сибирские уезды.*

Лета 7143-го апреля в 30 день, по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии указу, память Ивану Венгерскому. В нынешнем во 143-м году апреля в 30 день пришли ис поля на Тюмень Тюменсково уезду Бачкурской волости ясашной татарин Алемсеко Сюунгуков, да Уфинсково уезду ясашные татаровя зырянцы Кобахтайко Аисетов, Корукайко Пышболдуев и в роспросе воеводе Ивану Ивановичю Милюкову сказывали: жили де они за Исетью рекою, от Тюмени в 5-ти днищах, и пришед де Кучюмов внук Абла и с воинскими людьми жен и детей у них в полон взял, да тюменских де ясашных татар тут же взяли в полон: Емаметя, Менглыбаева да Бердыбая Бекбулатова з женами и з детьми, да уфинских татар тут же взяли в полон 24 семей и взяв пошли назат, а его Алемсека с товарыщи 3-х человек ограбя покинули; а слышали де они от катайсково татарина Лугабина, а он де Лугабин у Аблы в полону, взял ево осеней, и он де Лугабин им росказывал Алексейку: слышал де он Лугабин уфинских же татар, которые у Аблы в полону, сказывали ему в разговоре: похваляетца де Абла, перешед за Тобол и отпустя полон, что он взял в свои улусы за Ишим реку, и лошади де откормя, опять итти воевать под государевы городы и волости; а в котором де месте Аблин улус, того де им не сказал; а тут де с Аблою только 40 человек. И тебе жити в слободе с великим береженьем, чтоб воинские люди безвестно не при-

шли и дурна какова над слободою не учинили. И отписать бы тебе те вести в ыные слободы к прикащиком. К сей памяти государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Росии печать земли Сибирские Тюменсково города воевода Иван Ивановичь Милюков приложил.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 10, лл. 36—37, № 30.

345. *1635 г. не ранее мая 15.— Отписка Чубаровской слободы прикащика Спиридона Шелехова туринскому воеводе Семену Объедову о татарине Бекенейке, которого считают вожем в предстоящем походе калмыков на Туринский уезд.*

Государя царя и великого князя Михайла Федоровича всеа Русии воеводе Семену Федоровичу Спирка Шелехов челом бьет. В нынешнем во 143-м году маия в 15 день приехал ко мне на Чюбарово тюменской бухаретин Летапко Бакиев, а сказывал: был де он на Исете, и в те поры приезжал на Исеть царевич Абла с воинскими людьми и взял на Исете уфинского ясаку с татар 24 семьи да тюменского ясаку татар 3 семьи, да с ним же приходил татарин тюменсково ясаку, Тимошкою зовут, а приходил по зятя своего по Бекенейка, а тот Бекенейко туринсково ясаку, а живет на Исете, и тот ево тесть Тимошка того зятя своего Бекенейка за водою добыть не мог, а говорит так: ныне де вода велика будет по него, как вода выпадет, толды де я ево возму, он де нас наведет на государевы слободы на русских людей и на ясачные волости. А царевич Абла поехал с Исети, погромя тех ясачных татар, а говорил так: как де будет трава, и я де, откормя коней, пойду на государевы слободы воевать. Да того ж числа приходили чюбаровские татаровя, а бьют челом о том Бекенейке, велеть ево взяти на Чюбарово, а говорят: как де тово Бекенейка не возмете на Чюбарово, а возмут его колмацкие люди, и на нас и на государевы слободы он будет вож. И тебе, господине, ис Туринсково острогу послать по тово Бекенейка и велеть ево взять суды совсем, чтоб ево колмацкие люди пришед не взяли и над государевыми слободами и над ясачными людьми пришед дурна никакова не учинили. А буде, господине, ты по него не пошлешь, и похотят по него ехать чюбаровские тотара собою и взять его на Чюбарово совсем.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 6, лл. 27 об.—28, № 254.

346. *1635 г. не ранее мая 25.— Отписка Ивана Рыцкого из Мелеского острога томскому воеводе князю Никите Егупову Черкаскому с товарищами о грабежах красноярских служилых людей в Кизылской волости и о нападении на те же волости киргизов*

Государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии стольнику и воеводам князю Никите Ивановичю, да Федору Григорьевичю да дьяку Ондрею Овдокимовичу Иван Рыцкой челом бьет. В нынешнем во 143-м году маия 25 день посыланы были из Мелесково острогу вверх по Чюлыму томские служилые люди для государева недоборнова ясаку в Кизылскую и в Ачинскую волость к ясашным людям Юркановым Васька Потапов да в толмачах Амелка Казанец. И те служилые люди Юрканов с товарыщи, пришед в Мелеской острог, сказали, што де Кизылские волости ясашные люди повоеваны и разорены, а нам было взять государева недоборново ясаку немошно, потому что приходили на тех кизылских ясашных людей красноярские казаки и аринцы войною, и тех кизылских ясашных людей пошкодили и 6-ти человек у них убили, а иных в полон к себе на Красной яр поимали, а достальные в Киргизы убежали. Да Ачинские волости ясашные люди неведома куда побежали. А в Мелескую Кошенбакову волость приходили киргиские князцы Тайкаца да Изермейко, а с ними киргиских людей 20 человек, и многих государевых ясашных людей грабили и побивали. А мне за теми киргискими людьми из Мелесково острогу посылать было некова, потому служилых людей мало. И я о том к вам

в Томской город с служилым человеком с Паливайком Леонтьевым отписал, а у тово Паливайка мяхкой рухляди: 6 соболей, 16 пупков собольих, 12 хвостов собольих, да кошлок красной да подчеревесь бобровая, а по оценке на 2 рубли с полтиною, и с той мяхкой рухляди у нево мелеские пошлины взято с рубля по две денги.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 17, лл, 394 об.—395, № 206.

347. *1635 г. июня 3.—Память тобольского воеводы стольника князя Михаила Темкина-Ростовского с товарищами прикащику Нижней Ницынской слободы Ивану Венгерскому о приходе калмыков под Верхнюю Ницынскую слободу, о посылке для проведывания их казаков и об устройстве тройных надолоб вокруг слободы и острога.*

Лета 7143-го июля в 3 день, по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии указу, память Нижные Ницынские слободы прикащику Ивану Венгерскому. В нынешнем в 143-м году июня в 27 день писал в Тоболеск к стольнику и воеводам ко князю Михаилу Михайловичю Темкину Ростовскому да к Андрею Васильевичю Волынскому да к дьяком к Дорофею Пустынникову да к Григорию Протопопову из Верхние Ницынской слободы приказщик Дмитрей Черкасов: июня ж в 17 день под Верхнюю Ницынскую слободу приходили изгопом воинские колматцкие люди и государевы изменники тарские и тюменские татаровя Кочашко Танатаров с товарищи, и слободы пожгли, и скот отгнали, и полон поимали. И как к тебе сия память придет, и ты б на сторожи для проведыванья про воинских людей посылал из Нижней Ницынской слободы ницынских казаков по переменам по 2 человека и велел им быть на стороже на том месте, откуды чают на Нижную Ницынскую слободу воинских людей приходу. А ково учнешь конных казаков на отъезжие сторожи посылать, и тебе им приказывать накрепко, чтоб они на сторожах не спали. А самому б тебе в Нижней Ницынской слободе жить с великим береженьем, острогу в день и ночь сторожи держать крепкие и про воинских людей проведывать, чтоб они под Нижную Ницынскую слободу безвестно изгопом не пришли и дурна какова не учинили. А будет круг Нижные Ницынские слободы и круг острошку надолб нет, и ты б круг Нижные Ницынские слободы и круг острогу велел тотчас зделать надолобы тройные, чтоб в приход воинских людей в той слободе сидеть было бережно и крепче. И вперед бы тебе про воинских людей в Тоболеск к стольнику и воеводам ко князю Михайлу Михайловичю Темкину Ростовскому, да к Ондрею Васильевичю Волынскому, да к дьяком к Дорофею Пустынникову да Григорью Протопопову и на Тюмень к воеводе ко князю Ивану Львову и в слободы к прикащиком писать тотчас наскоре, чтоб те вести в Тобольску и на Тюмени и в слободах были ведомы.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 10, лл. 38—39, № 32.

348. *1635 г. не ранее июня 3.—Отписка красноярского воеводы Никиты Карамышева томскому воеводе князю Никите Егупову Черкаскому об его переговорах с послами тангутского ламы Даин-Мергена-Ланзы и Алтына царя, прибывшими в Красноярск с продажными лошадьми.*

Господину князю Миките Ивановичу Микита Карамышев челом бьет. В нынешнем во 143-м году писал ты ко мне из Томского города в Красноярской острог с красноярским служилым человеком с Ваською Пеуновым, что послан тот служивой человек Васька Пеунов из Томсково в Киргизы с томским атаманом с Дмитрием Копыловым с товарыщи к тангуцкому лабе Даин Мерген Ланзе для тово, что тот лаба ныне в Киргизах пришел от Алтына царя приводить киргиских людей под государеву царскую высокую руку; а с ним де лабою пригнаны многие лошади и коровы на продажу, и в Томском де городе тунгуцково лабы Даин Мергеня Ланзы

послы, которые от него посланы к великому государю царю и великому князю Михаилу Федоровичу всеа Русии к Москве с данью... челом государю и великому князю Михаилу Федоровичу всеа Русии... пожаловал, велел торгом... людем ево итти под Красноярской острог. И в нынешнем, господине, во 143-м году июня в 3 день красноярской служивый человек Васька Пеунов из Киргиз пришел, а с ним Ваською пришли в Красной острог тангуцкого лабы Даин-Мергеня Ланзы и Алтына царя люди 17 человек, а с собою они пригнали на продажу 100 лошадей. И я, господине, по государеву указу тех Лабиных и Алтына царя послов в съезжую избу перед себя ставил, и оне, господине, передо мной сказали, чтобы де их государь пожаловал, впредь не велел посылать с Красново острогу разных служивых людей войною на киргиских и на тубинских и на кызылских людей; и который ясырь ныне поиман в Кизылах, и тот бы их ясырь отдати назад в Кизылы. И я, господине, по государеву указу тем Лабиным... что тех киргисских... многие измена... государевым ясашными... и многие землицы заступили, ясак на собя збирают. И в прошлом, господине, во 138-м году приходили под Красноярской острог те государевы изменники киргизы и на пашнях государев хлеб и казачеи пожгли, и государевых подгородных ясачных людей качинцов 65 человек с женами и с детьми и со всем их кочевьем поимали к себе и держат их у себя и по ся места. Да в прошлом же во 140-м году те ж государевы изменники и киргизы приходили с тубинцы по Енисею реке и побили государевых ясачных подгородних людей князьца Ондеор, а с ним 30 человек ясачных людей. Да в прошлом же во 142-м году августа в 11 день те ж государевы изменники киргизы собрав... приходили на Красной яр... служилых людей... пашнях и ясачных людей... [Да] во 143-м году октября в 16 день приходили под Красноярской острог изгоном государевы изменники кизылские мужики с киргискими людьми и, пришед, государевых служивых людей и пашенных крестьян и ясачных людей многих побили и стада конные да коровы отогнали. Да в нынешнем же во 143-м году те ж государевы изменники кизылские мужики приходили они вниз по Енисею реке и у государевых ясачных аринских людей стада конные отогнали, и многая поруха от киргиских и кизылских людей государю учинились. А будет впредь от них киргиз задоров и дурна никакова не будет и учинятца под государскою царскою рукою послушны в прямом холопстве, и ясак с собя и своих улусных людей учнут государю давати полной, и государевых ... ясачных людей качинцов 65 человек с женами и с детьми ... их кочевья под Красной... и русской ясырь ясачных людей и служивых людей и пашенных крестьян лошади и коровы, которые поимали в прошлом во 142-м году, отдадут, и государь тех киргиских людей пожалует, не велит на них посылать своих государевых служилых людей войною и тот кызылской ясырь велит отдать. И Лабины, господине, люди против тово сказали: о качинских де ясачных людех посылати послов к Алтыну царю, и Алтын царь тех качинских ясачных людей на старые кочевья под Красной острог велит выслать тотчас. А о русском, господине, ясыре, который в Киргизах, и о лошадях и о коровах, те Лабины люди мне не сказывали ничево.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 17, лл. 389 об.—391, № 202.

349. *1635 г. не ранее июня 3.— Отписка красноярского воеводы Никиты Карамышева томскому воеводе князю Никите Егупову Черкаскому о приезде в Красноярск людей тангутского ламы Даин-Мергеня-Ланзы и Алтына царя и о пригнанных ими на продажу лошадях.*

Господину князю Миките Ивановичю Микита Карамышев челом бьет. В нынешнем ...[1] году послан, господине, от тебя ис Томска с томским атаманом з Дмитрием

---

[1] *Пропуск в рукописи; вероятно, следует читать:* 143-м *(ср. № 350).*

Копыловым с товарыщи красноярской казачей десятник Васька Пеунов в Киргизы к тангуцкому лабе Даин Мергеню Ланзе. И тот, господине, служивой человек Васька Пеунов июня в 3 день из Киргиз приехал, а с ним Васькой приехали в Красной острог тангутцкого лабы Таин Мергеня Ланзы и Алтына царя люди 17 человек, а с собою они пригнали на продажу 100 лошадей и те, господине, лошади у них служивые люди покупали. А в роспросе, господине, в съезжей избе сказал Васька Пеунов: слышал он Васька в Киргизах от киргисково князца Иженея и от сына его Атаяка: видем де мы ныне и сами, что нам промеж государевыми городы и промеж Алтына царя не прожить, учнем мы приходить войною и здела... великую и зделав... к колмаком.

ААН. ф. 21, оп. 4, № 17, л. 389, № 200.

350. *1635 г. не ранее июня 9. — Выписка из дела томской воеводской избы о посылке томского атамана Дмитрия Копылова к тангутскому ламе Даин-Мергену-Ланзе.*

...В нынешнем во 143-м году маия в 10 день, по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии указу, посылан был ис Томского, по наказной памяти стольника и воеводы князя Никиты Исаповича Егупова Черкаского с товарыщи, томской атаман Дмитрей Копылов в Киргизы х тангуцкому лабе к Даин Мерген Ланзе. И в нынешнем же во 143-м году июня в 9 день Дмитрей Копылов пришол в Томской город, а с ним пришли Алтына царя люди: одербы, калачи, да тюлькины, да матери Алтына царя Чечен Катун человек Чинка, да лабин человек Адам да с ними ж товарыщей их 6 человек. И того ж числа были на посольстве и подали от лабы отписку, руское письмо, а сказали: писал де у лабы тое отписку красноярской казак Васька Тулов, которой послан был из Томского з Дмитрием Копыловым, а в отписке пишет:

Государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии воеводам князю Микитe Ивановичю, Федору Григорьевичю, Андрею Евдокимовичю Тонгуские земли лаба Даин Мерген Ланза челом бьет. Прислан, государь, ко мне в Киргискую землю ис Томсково города атаман Дмитрей Копылов для государева дела, чтоб мне Алтына царя приказ исполнить, кыргызских князцов и улусных людей привести под царскую высокую руку к шерти, и со мною им лутчим людем 4-м человеком ехать бы в Томской город: Ишею и Табуну и Бехтенею и Угачею. И по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии указу и по наказной памяти и по приказу государевых воевод князя Никиты Ивановича, Федора Григорьевича, Андрея Овдокимовича, яз лаба с атаманом Дмитрием Копыловым кыргызким людем об государеве деле говорили, чтобы оне киргизские князцы ехали со мною и с атаманом Дмитрием Копыловым в Томской город ко государской милости. И нынеча, государь, приходили с Красново яру войною на твоих государевых ясашных людей на Кызылскую волость и многих твоих государевых ясашных людей побили, и киргиских людей тут побили же, и жены их и дети в полон поимали; и для той войны киргиские князцы в Томской город ехать не смели. И яз, государь, Мергень Ланза бью челом о том великому государю и вам государевым воеводам, чтоб, государь, своих государевых ясачных людей ясырь, который взят на Красной яр, отпустил по своим местам. А яз дожидаючи от Алтына царя указу, которых людей яз послал от себя к Алтыну царю, что кыргыские князцы Алтына царя не послушали и об том ко мне указ послал. На подлинной отписке пишет: Диак Ондрей Строев.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 17, лл. 235—236, №№ 149 и 150. — Отписка лабы в списке XVII в. в ИИ АН СССР, томские акты, один ставь (без конца).

351. *1635 г. не ранее июня 17.— Отписка туринского воеводы Семена Объедова пелымскому воеводе Андрею Усову о нападении калмыков на Чубарову слободу.*

Господину Андрею Васильевичу Семен Объедов челом бьет. В нынешнем во 143-м году июня в 10 день писал ты с Пелыми ко мне в Туринской острог с пелымским стрельцом с Ондрюшкою Конюховым, что писал к тебе ис Табаров пелымской сын боярской Исак Албычев: приехал де ис Туринского острогу Пелымского уезду Табаринской волости вагулятин, а с ним Туринского уезду ясашной татарин для женитьбы, и сказывали де ему Исаку, что колматцкие люди были в Туринском уезде под Чюбаровым городищем и на Иванчинском мысу. И в нынешнем во 143-м году июня в 17 день приходили колмацкие воинские люди под Чюбарово городище и на Иванчинской мыс и шкоты государевым людем учинили: дворы обожгли, и скот отогнали, и отошли де те колмацкие воинские люди в степь. И будет в Туринском вперет объявятца какие вести про колматцких воинских людей, и я, господине, к тебе отпишу.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 6, л. 31, № 258.

352. *1635 г. не ранее августа 22.— Отписка тюменского воеводы князя Ивана Львова туринскому воеводе Семену Объедову о намерении Тархана и его калмыков, а также Кучумовых внучат воевать сибирские города и слободы.*

Господину Семену Федоровичю Иван Львов челом бьет. В нынешнем, господине, во 143-м году августа в 22 день писали ко мне ис походу...— *Далее повторяется текст, поставленный в № 354 между знаками * и **, затем следует:* под государевы сибирские городы и под слободы. И тебе б те вести были ведомы.

ААН, ф, 21, оп. 4, № 6, л. 31 и 31 об., № 259.

353. *1635 г. августа 23.— Память тюменского воеводы князя Ивана Львова прикащику Нижней Ницынской слободы Ивану Венгерскому о намерении Тархана и его калмыков, а также Кучумовых внучат воевать сибирские города и слободы.*

Лета 7143-го августа 23 день, по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси указу, Ивану Венгерскому. В нынешнем во 143-м году августа в 22 день писали ис походу на Тюмень к воеводе ко князю Ивану Андреевичю Львову...— *Далее повторяется текст, поставленный в № 354 между знаками * и **, затем следует:* под Тюмень и под слободы. И тебе б жить в слободе с великим береженьем, чтоб пришед воинские люди над слободою которого дурна не учинили и не подвосвали. И в ыные слободы к прикашиком те вести отписать бы тебе от себя, чтоб они по тому ж в слободах жили бережно. К сей памяти государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси печать земли Сибирские Тюменсково города воевода князь Иван Ондреевичь Львов приложил.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 10, л. 39 об., № 33.

354. *1635 г. не ранее сентября 1.— Отписка в Москву туринского воеводы Семена Объедова о нападении калмыков и царевичей, Ишимовых детей, на Чубарову слободу, о калмыцких послах в Тобольск, о намерении Тархана, калмыков и Кучумовых внучат воевать сибирские города и слободы и о недостатке служилых людей в Туринском остроге.*

Государю царю и великому князю Михаилу Федоровичу всеа Русии холоп твой Сенка Объедов челом бьет. В прошлом, государь, во 143-м году июня 16 дня послал

я холоп твой ис Туринского острогу на Чюбарово городище для оберегапья от воинских людей десятника Ивашка Долгово с товарыщи; и июня, государь, в 17 день за два чеса до вечера прибежал ко мне холопу твоему туринской пашенной крестьянин Офонька Некрасов, а сказал: наймывался де он у ямщиков, провожал на Чюбарово туринских стрельцов десятника Ивана Долгова с товарыщи, и они де, государь, пришли под Чюбарово июня в 17 день меньши половины дни, ажно де Чюбарова слобода горит, а служилые люди бьют из оружья; и Иван де Долгой с товарыщи, покиня лошадей, пошли пеши на проход в Чюбаровской острожок, а чая де того, что пришли на Чюбарово воинские люди, а ево де послали в Туринской с тою вестью наскоро. И после, государь, того июня в 20 день пришли с Чюбарова туринские стрельцы десятник Лазорка Кузмин с товарыщи а в роспросе мне холопу твоему сказали: июня де в 17 день в полдень пришли х Чюбарове слободе ис степи воинские люди изгоном колмаки и твои государевы изменники тарские и тюменские татарове с царевича с Ишимовыми детьми, и лошади и скот отогнали, а слободу выжгли, и которых де служилых людей и пашенных крестьян и их жен и детей захватили в слободе, побили, а иные в полон поимали; и в другой де слободе, на Артабанове мысу выжгли 18 дворов, а к острожку приступали; и в то де приступное время пришли к ним в острожек на помочь туринские стрельцы Иван Долгой с товарыщи 10 человек, и они де с теми прибылными людьми от колмацких людей и от изменников в острошке отсиделись, и те де воинские люди пошли ис под Чюбарова острошку на другой день; а по смете де их приходило человек с 400. Да в прошлом, государь, во 143-м году августа в 31 день писал ко мне холопу твоему в Туринской с Тюмени воевода князь Иван Львов, что де августа в 22 день писали к нему ис походу * голова татарской Илья Бакшеев да сын боярской Третьяк Халяпин: встретили де они за Ишимом рекою на Кош Карагае колмацких Талаевых послов, идут в Тоболеск с тобольскими послы; и им де сказывали тобольские послы: Тарахан де Талаев человек с колматцкими людьми с чюрзацы и Кучумовы внучята хотят итти воевать ** под государевы сибирские городы и под слободы, и что б мне те вести были ведомы. А у меня, государь, холопа твоево в Туринском твоих государевых конных служилых людей нет, а пеших стрельцов только 50 человек, и те много в россылке по твоим государевым службам, и мне холопу и в посылки послать по вестям некого и острогу осадити некем. И о том мне холопу своему, что ты, государь, укажешь,

ААН, ф. 21, оп. 4, № 6, лл. 37—38, № 265.

355. *1635 г. не ранее сентября 2 — не позднее сентября 13.*[1] *— Отписка тобольского воеводы князя Михаила Темкина-Ростовского тюменскому воеводе князю Ивану Львову о походе против калмыков и Кучумовых внучат тобольских, тюменских и тарских служилых людей во главе с Борисом Толбузиным.*

...люди и татаровя, а велено им Кучюмовых внучат и изменников тарских и тюменских татар и тех колматцких воинских людей сходить и, прося у бога милости, над ними промышлять, сколько милосердый бог помочи подаст. И в нынешнем во 144-м году сентября в 2 день [писали] в Тоболеск ис походу [головы Борис] Толбузин [с товарищи], что они колмацких жон и детей поимали, и сами отошли здорово, и, перешед Ишим реку, тюменских голов и ратных людей отпустили на Тюмень, а тарских на Тару, а сами идут в Тоболеск, а царевичей де Кучумовых внучат не сошли, потому что они кочюют с таишами с Шухтеем да с Мепрытаем во многих людех, а хотят де итти в поход, а куды их походу чаять, того не ведомо. И тебе б, господине, по прежним и по сей тобольским отпискам однолично жити

[1] *Дата установлена на основании № 356.*

в Туринском остроге с великим береженьем, по острогу караулы и отъезжие сторожи держать беспрестано крепкие, и самому тех караулов досматривать, и в проезжие станицы служилых людей посылать добрых почасту, до которых мест пригоже, и велеть про воинских людей проведывать подлинно; да будет станишники про воинских людей проведают подлинно, что идут под Туринской или под слободы или на которые волости войною, и тебе б, господине, в Туринском крепить осаду служилыми и жилецкими людьми, и беречи того накрепко, чтоб воинские люди под Туринской безвестно не пришли и какова дурна не учинили. А про те вести писать в Тоболеск и на Тюмень к воеводе ко князю Ивану Львову и в слободы к прикащиком с нарочными гонцы. Да и в ясачные волости посылати тот же час с вестью, чтобы ясачные люди ехали в город с женами и з детьми; а которые в города не поедут, и им бы те вести были ведомы и жили б с великим береженьем.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 6, лл. 31 об.,—32, № 260. Без начала.

356. *1635 г. сентября 13.—Память тюменского воеводы князя Ивана Львова прикащику Нижней Ницынской слободы Ивану Венгерскому о походе против калмыков и Кучумовых внучат тобольских, тюменских и тарских служилых людей во главе с Борисом Толбузиным.*

Лета 7144-го сентября в 13 день, по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси указу, в Нижнюю Ницынскую слободу прикащику тобольскому сыну боярскому Ивану Венгерскому. В нынешнем во 144-м году сентября в 13 день писал ис Тобольска на Тюмень стольник и воевода князь Михайло Михайловичь Темкин Ростовской к воеводе ко князю Ивану Андреевичю Львову, что в прошлом во 143-м году посыланы ис Тобольска головы тобольские дети боярские Борис Толбузин да Михайло Байкашин, а с Тюмени Илья Бакшеев, с Тары Григорей Байкачев, а с ними тобольские и тюменские итарские служилые люди и татаровя, а велено им сходить Кучюмовых внучат царевичей и колматцких воровских воинских людей и, прося у бога милости, над ними промышлять, сколько милосердый бог помочи подаст. И писали ис походу в Тоболеск головы Борис Толбузин с товарищи, что божиею милостью а государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси счастьем колматцких многих людей побили и полон поимали, а Кучюмовых де внучат не сошли, потому что де кочюют с калматцкими тайшами с Шуктеем да с Менрытаем во многих людех и хотят итти в поход воиною, а куда хотят итти, под которой город или слободы, того де они не ведают. И тебе б жити в слободе с великим бережением, чтоб на нее воинские люди безвестно не пришли и дурна какова не учинили. И отписать бы тебе те вести от себя в слободы в Другую Ницынскую слободу и на Чюбарово к приказщиком, чтобы им те вести по тому ж были ведомы. К сей памяти государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии печать земли Сибирские Тюменского города воевода князь Иван Львов приложил.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 10, л. 40 и 40 об., № 34.

357. *Не ранее 1635 г.—Челобитная Туринского уезда ницынских и ирбитских ясачных татар об обидах и притеснениях, чинимых им русскими слобод по рекам Нице и Ирбею.*

Царю государю и великому князю Михаилу Федоровичу всея Русии бьют челом и плачютца сироты твои государевы Туринского уезду ницынские ясашные тотаровя Кичюбаевы волости Мурзогиндейко Келдебанов, Тюряшиевы волости Илтемирко Некташев, Зензяровы волости Кудамышка Батереков, Илчибаевы волости Девлятко Мульчин, Колмаковы волости Алыпкирдейко Идяков, Ермолаевы волости Илейка Алияров, Тентюковы волости Тайтелейка Тентюков и во всех товарищех своих место

Туринского уезду волостей с Ницы и с Ырбея. С прошлово, государь, со 108-го году, как стал Туринской острог, и мы сироты твои жили в твоем государеве жаловалье на Нице и на Ирбее в тишине и в покое, и обид ни от каких людей не бывало, и промеж себя у нас волость с волостью вотчины загранены и леса и бобровые гоны и рыбные ловли и хмелевые ухожья х кому х которой волости блиско где добывать сохатой зверь и для твоего государеву ясаку и соболи и лисицы и в бобровых речках бобры и для кормленья про себя, в рыбных реках и в речках и в запертых истоках и в озерах ловили бобры и рыбу, и в пашенных местах пахали пашню по 131-й год, а во 131-м году в твоем в государеве жалованье в наших вотчинах и Кичюбаеве и в Тюрютиеве волости устроена твоя государева слобода на Чюбарове городище, а во 143-м году устроена Киргинская слобода и ведают их к Тобольскому; а Ирбеская слобода строена в Колмакове и вь Ермолаеве и в Зензярове и в Илчибаеве волостях во 143-м году; а Ницынская Ощепкова слобода строена в Ермолаеве ж и в Тептюкове волостях; а строены, государь, те слободы в нашем в Туринском уезде в старинной вотчине, и ис тех слобод пашенные крестьяне поселились дворами своими на наших юртовищах, и с мольбищ и с кладбищ нас сирот твоих согнали, и пашенные места и сенные покосы отняли, и лешних собак выбили и в лесах зверь: лоси и соболи и лисицы и в бобровых речках бобры побивают, и в реках и в запертых истоках и в озерах рыбу ловят, и в хмелевых наших ухожьях хмель дерут, и в лесах слопцы ставят своим насильством. И нам, государь, сиротам твоим ис тех слобод от прикащиков и от пашенных крестьян насильства и обида великая, а в обидах и в насильстве в слободах прикащики на пашенных крестьян суда и управы не дают, а иные и сами крестьян научают, а отказывают бити челом тебе государю на пашенных крестьян в Тобольску и на Верхотурье, что де они чюбаровские и Киргинской слободы крестьяне Тобольского присуду, а Ирбейской и Ощепковы слободы Верхотурского присуду. И мы, государь, сироты твои в своих обидах и насильстве бьем челом тебе государю, а челобитные подаем в Туринском остроге в съезжей избе твоим государевым воеводам на чюбаровских и на киргинских и на ирбейских и Ощепковы слободы на крестьян в их обидах и в насильстве, что нам стала от них теснота и изгоня великая, и с тех наших старинных вотчин согнали, а ныне и досталь гонят прочь. И твои государевы воеводы в Туринском нам сиротам твоим в наших обидах и в насильстве отказывают, и суда и управы тех розных слобод на пашенных крестьян не дают, а сказывают, что де они не Туринского присуду и к суду в Туринской не поедут, что строят слободы ис Тобольска и с Верхотурья, и бейте де челом в своих обидах и в насильстве на пашенных крестьян государю на Москве и в Тобольску. И нам, государь, сиротам твоим в своих обидах и в насильстве на пашенных крестьян в Тоболеск ездить далече: езду до Тоболеска от наших волостей 8 ден, а к Верхотурью день 5 и 6. И в том нашем челобитье и в волоките, ездя в Тоболеск и на Верхотурье, нам сиротам твоим и досталь будет в конец погинуть и отбыть твоего государева ясаку. А к Москве, государь, нас бедных и нужных воеводы и тебе ко государю в наших обидах и в насильстве бити челом не отпускают. А в прошлом, государь, во 131-м году при твоем государеве боярине и воеводе при князь Юрье Яншеевиче Сулешеве велено было ведать воеводам Чюбаровская слобода ис Туринскова, потому что Туринской уезд, и расправа чинить в Туринском. И нам сиротам твоим от прикащаков и от пашенных крестьян обид и насильства было мало, потому что суд давали в Туринском. А во 135-м году при твоем государеве воеводе при князь Алексее Микитиче Трубетцком учали Чюбаровскую слободу ведать ис Тобольска, и нам сиротам твоим стала обида и теснота великая. А только, государь, не будет твоего государева милостивого призренья до нас сирот твоих, а учнут те слободы ведать вперед ис Тобольска и с Верхотурья, и нам сиротам твоим ис тех слобод от прикащиков и от пашенных крестьян отбыть будет твоего государева ясаку и своих

старинных вотчин, пометав свои волости, бресть будет з женами и з детьми всем врознь от многих обид и от насильства. А в прежних, государь, годех жили мы сироты твои государевы в твоем государеве жалованье и в царском величестве в тех своих в старинных вотчинах в покое и в тишине, и твой государев ясак платили с себя без недоплаты, как нам не было ни от кого обиды и тесноты. А ныне, государь, за многими обидами по вся годы не доплачиваем твоего государева ясаку, что зверь всякой в наших вотчинах в лесах и в бобровых реках бобры выбирают русские люди, и от того мы сироты твои обнищали и обдолжали великими долги, а доплачивать твоего государева ясаку нечем и купить не на что, бедны и нужны, в конец погибли. Милосердый государь царь и великий князь Михаила Федорович всеа Русии, пожалуй, государь, нас сирот твоих Туринского уезду ницынских и ирбейских ясашных татар своим царским милостивым призреньем, вели, государь, тех слобод на пашенных крестьян суд давати и росправу чинить в Туринском. А в Тоболеск, государь, и на Верхотурье волочитца за далеком и досталь отбыть твоего государева ясаку и в конец погибнуть, чтоб мы сироты твои от обиды и от насильства тех слобод от прикащиков и от пашенных крестьян вперед твоего государева ясаку и своих вотчин не отбыли и з женами и з детьми врознь не разбрелись. Царь государь, смилуйся, пожалуй.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 6, лл. 72—74, № 289.

358. *1636 г. не ранее января 9.— Отписка красноярского воеводы Федора Мякинина енисейскому воеводе Прокопию Соковнину о возвращении некрещеных котовцов, взятых бывшим красноярким воеводой Никитой Карамышевым с собою на Русь.*

Господину Прокопью Федоровичю Федор Мякинин челом бьет. В нынешнем, господине, во 144-м году генваря в 9 день били челом государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии, а в Красноярском остроге в съезжей избе подали мне челобитную Котовские земли канские татаровя Тагансково улусу князьцы Пеянко да Куганей и всех улусов Котовские землицы канские татаровя, а в челобитной их написано: издавна де они государю платят ясак, и в прошлом де во 143-м году приходили к ним в их Котовскую землю в Кан государевы изменники тубинские тотаровя войной и их де котовских татар разорили, многих побили, а жены их и дети в полон поимали и лутчево де у них котовского князца Тымака и лутчих людей з женами и з детьми взяли к себе из их земли в Тубинскую землю, и государевых красноярских служилых людей, которые присланы были к ним в Кан для государева ясаку, 9 человек тубинские люди побили; и в прошлом де во 143-м году посылал с Краснова яру воевода Никита Карамышев служилых людей к ним в Котовскую землю и их котовских татар воевати, не проведав про то, что государевых красноярских служилых людей 9 человек побили тубинские люди, а не они, котовские люди, и их котовских татар и достальных повоевали и разорили, и жен их и детей в полон поимали; и у красноярских де служилых людей взял воевода Микита Карамышев к себе во двор их котовского полону две жонки да малово и повез де с собою к Русе, одну де жонку на Красном яру крестил, а другая де их полонянка, котовского князца Улангеева брата Баганчеева жена Кипика да малой, не крещены, и ныне у Микиты Карамышева в Енисейском; а они де котовские тотаровя от государевой царской высокой руки николи отступны не бывали и на нынешней де на 144-й год государев ясак в Красноярской острог дали; и государь бы их пожаловал, по своему государеву указу, велел тот их некрещеной полон у воеводы у Микиты Карамышева в Енисейском: Баганчюеву жену Кипику и малова взять и прислати на Красной яр и отдати им котовским татаром, чтоб де им в том разореньи без жон и без детей в конец не погинуть. И тебе б, господине, по государеву указу, велеть в Енисейском у воеводы у Микиты Карамышева тот

котовской полон Багапчееву жену Кинику и малова взяти и прислати в Красноярской острог с красноярскими служилыми людьми с Фетькою Обушихиным, да с Макарком Ортемьевым, да с Ортюшкою Вороной, чтоб тем котовских татар не ожесточить и ис под государской царской высокой руки не отогнати. А в государевых, господине, наказех у нас написано таких полонепых людей указано отдавати опять в те землицы, которые учнут быти под государской царской высокою рукою, а к Русе вывозить таких людей не велено. А которого, господине, числа из Енисейсково и с кем имянем тех котовских полоняников пошлешь, и тебе б о том ко мне отписать.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 22, лл. 109—110, № 78.

359. *1635 г. мая 3.—Грамота в Томск воеводе князю Ивану Ромадановскому с товарищами, по челобитью красноярских служилых людей, о прибавке служилых людей и о мерах к покорению и замирению „немирных" землиц Красноярского уезда.*

От царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии в Сибирь, в Томской, воеводам нашим князю Ивану Ивановичю Ромадановскому, да Ондрею Андреевичю Бунакову да дьяку нашему Анисиму Трофимову. В нынешнем во 144-м году писал к нам с Красного яру воевода Микита Карамышев, а под отпискою своею прислал красноярских служилых людей атамана Демка Злобина и во всех товарыщей ево место челобитную, а в челобитной их написано: по нашему де указу велено им быти в Красноярском остроге 300-м человекам; и они де служили нам в Красноярском остроге по 143-й год только 200 человек, а ныне де их в Красноярском остроге 250 человек. И в прошлом же во 143-м году по нашему указу велено в Красноярском остроге устроить конных 100 человек казаков; и воевода де Микита Карамышев выбрал их ис тех служилых людей в конные казаки 100 человек, а нашего денежного жалованья учинил им оклады против тобольских и томских конных служилых людей; и с того де нашего жалованья им служить невозможно, потому что лошади покупают дорогою ценою, рублев по 20-ти и по 15-ти, и они де на то наше жалованье, а иные с себя достальные зипуны продавали и покупали лошадей. И в прошлом же де во 143-м году приходили под Красноярский острог изменники и непослушники киргиские люди, собрався со многими землицами и их де служилых людей и пашенных крестьян многих побили и лошади отогнали; и от того де они киргиского приходу должились великими долги и волочились в Томской город для конной покупки, и купили лошади в Томском городе дорогою ценою; и гонючи де до Красноярсково острогу, тех у них лошадей попадало половина. И в нынешнем де во 144-м году сентября в 14-й день те же киргиские люди, собрався с нашими изменники и непослушники с аринскими татары и с качинцы и с иными многими землицами, приходили под Красноярской острог, и у них у служилых людей и у пашенных крестьян лошади все отогнали без остатку, и на пашнях многих пашенных крестьян побили, и наш хлеб, который был на пашнях, пожгли безостатку. А которые де хлебные запасы посылают из Тобольска им служилым людем на жалованье их оклады полны, и в Енисейском де остроге те хлебные запасы воеводы выдают енисейским служилым людем, а в Красноярской де острог присылают только чети по 2 и по 3 на человека, и то де запасы худые и гнилые. А нашим де пашенным крестьяном на Красном яру киргиские люди нашие пашни пахать не дадут. И им служилым людем пашенных крестьян оберегать некем, трем стам в Красноярском остроге служить невозможно, и на наши изменники и непослушники ходить некем. А около де Красноярсково острогу прилегли многие немирные землицы. Да и вперед де им служилым людем лошадей купить нечем и негде. А которые де были татарове подгородные конные, и те все отъехали в Киргизы. И нам бы их пожаловати, велети б в Красноярской острог

служилых людей прибавить; а будет в Красноярской острог прибавки служилых людей не будет, и их бы служилых людей с Красного яру свести. И как к вам ся наша грамота придет, и вы б о том в Красноярском остроге велели высмотрити гораздо: вперед теми нашими служилыми людьми в Красноярском остроге пробыти и Красноярской острог и пашенных крестьян и ясашных людей от немирных людей и от наших изменников, уберечь, а тех немирных воинских людей и наших изменников войною смирить и под нашу царскую высокую руку привесть мошно ли, и которые немирные землицы х тому Красноярскому острогу прилегли и многие ль, в которых в немирных землицах каких воинских и иных людей. И будет теми красноярскими служилыми людьми по вашему высмотру вперед в Красноярском остроге пробыть и непослушных землиц и наших изменников войною смирить и под нашу царскую высокую руку привесть и поиску над ними каково учинить некем, и многими ль служилыми людьми в Красноярском остроге вперед мошно пробыть и Красноярской острог и пашенных крестьян и ясашных людей уберечь, а немирных землиц войною смирить и над ними какова поиску учинить. А будет некем, и вы б, по своему высмотру и смотря по тамошнему делу, послали ис Томсково в Красноярской острог наших служилых людей, сколько будет человек пригоже. А велели им с красноярскими служилыми людьми по прежнему и по сему нашему указу над немирными воинскими людьми, прося у бога милости, промышлять и поиск чинить, сколько милосердый бог помощи подаст, чтоб тех немирных землиц воинских людей и наших изменников войною смирить и от такова их дурна унять, а себя б и Красноярской острог и наших пашенных крестьян и ясашных людей от них уберечь, и никакие порухи и в нашем ясашном зборе перед прежним недобору не учинить, а сыскать бы во всем прибыли, аже, даст бог, которых немирных землиц под нашу царскую высокую руку приведут, и их бы укрепить и к шерти привести, чтоб им быть под нашею царскою высокою рукою безо всякого злого умыслу и измены, и ясак им с себя нам платить, как им в мочь и как их же братья преж сего наш ясак платили. И для укрепленья велели имати у них з оманаты самых лутчих людей или тех лутчих людей детей и братью и племянников и держать в Красноярском остроге в оманатех с великим береженьем. А тем ясашным людем приказывати и нашу милость их обнадеживати, чтоб они жили на своих кочевьях и нам с себя ясак платили, как им мочно безпереводно и как их же братья преж сего нам ясак платили, и всякими своими зверовными промыслы промышляли беспрестанно и безо всякие измены. А только учнутца под нашей царскою высокою рукою послушны, и ясак нам с себя учнут платить и аманаты дадут, и мы их пожалуем, войною на них наших служилых людей посылать и воеводам нашим и служилым же людем никакие налоги и тесноты чинить не велим. Да и в Красноярской острог к воеводе к Федору Мякинину ты, князь Иван, от себя о том отписал же, а велел ему, по прежнему и по сему нашему указу и смотря по тамошнему делу, немирных землиц над воинскими людьми и над нашими изменники, прося у бога милости, промышлять и поиск чинить, сколько милосердый бог помощи подаст, и в Красноярском остроге жить с великим береженьем. А как, аже даст бог, которых немирных землиц людей смирят и под нашу царскую высокую руку приведут и их на том утвердят и аманатов возьмут, что им быть под нашею царскою высокою рукою, и ясак с себя учнут платить, и к ним бы ему Федору и служилым людем велеть держать ласку и большой привет. И о том к нему Федору ты, князь Иван, отписал от себя с великим подкрепленьем, претя от нас нашею опалою, чтоб они прежним ясашным людем и которые под нашей царскою высокою рукою вновь учинятца никаких напрасных обид и налог не чинили и тем бы их от нашей милости не отгоняли, чтоб им, на нашу милость обнадежась и на те смотря, и иных свою братью, немирных же землиц ясашных людей, под нашу царскую высокую руку приводить и ясак с себя нам платить, как им мочно и как

преж сего их братья ясашные люди нам ясак же платили. Да что вы о том по своему высмотру в Красноярском остроге учините, только будет мочно теми служилыми людьми впредь в Красноярском остроге без томские присылки служилых людей пронятца, или по высмотру и смотря по вестям и по тамошнему делу, ис Томского наших же служилых людей и посылать учнете, и что какова поиску учинят или по вестям вперед учнет делатца, и вы б о том отписали у нам к Москве, с кем будет пригож, а отписку велели подать в приказе Казанского дворца боярину нашему князю Борису Михайловичю Лыкову да дьяком нашим Федору Панову да Микифору Шипулину. А в Красноярской острог к воеводе к Федору Мякинину о том от нас писано ж велено ему вперед о таких делах писати об указе в Томской, а тебе поево отпискам о том указ учинити, к нему писать по нашему указу без всякого мотчанья, по нашим указным грамотам и по наказу, каков вам наш наказ дан, и по своему высмотру, и смотря по тамошнему делу и по вестям, чтоб в том нашему делу порухи не учинить. Писан на Москве лета 7144-го года маия в 3 день.

На обороте: Справил подьячий Петрушка Стельшин.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 17, лл. 406 об.—411, № 214.

360. *1636 г. мая 12.—Грамота на Тюмень воеводе князю Ивану Львову о выдаче тюменским служилым людям полного оклада жалованья на 144-й год, об отсылке полона, взятого в поход Ильи Бакшеева, в Тобольск и о принятии мер на случай нападения калмыков и татар.*

От царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии в Сибирь, на Тюмень, воеводе князю Ивану Ондреевичу Львову. Писал, что ты по отписке ис Тоболеска стольника и воеводы князя Михаила Темкина Ростовского и колмацких выходцов тюменсково юртовсково служилово татарина Кутука Кудамышева, да Кынырсково городка ясашново татарина Енбудейка Девлеткилдеева, да Трухменда Девлеткилдеева, да Абут Мешкерова роспросным речем посылал с Тюмени с тобольскими служилыми людьми для поиску на Кучумовых внучат и на наших изменников из тарских и на тюменских татар и на колмацких воинских людей, которые приходили на наши слободы войною, в поход тюменсково татарсково голову Илью Бакшеева с тюменскими служилыми людьми; и те тюменские и тобольские служилые люди Кучумовых внучат не сошли, а нашли колмацких Талай тайшиных черных мужиков чюрасцов, которые приходили под Тюмень и на наши слободы войною, улус, и тот улус погромили, а жон их и детей в полон поимали, да в том же улусе взяли наших изменников, которые отъехали с Тюмени в Колмаки Карабашка Ишимова с товарыщи жон и детей, а сколько колмацких людей побили, и жон их и детей в полон поимали, и что взяли изменков их жон и детей, и что тебе изменичьи жены и дети про измену тюменских татар Карабашка Ишимова с товарыщи в роспросе и с пытки сказывали, и про то нам по твоей отписке ведомо. Да тебе ж сказывали на Тюмени колмацкие выхотцы тюменские татарове, что колмацкие люди и Кучумовы внучата и наши изменники тарские и уфинские татарове хотят приходить под Тюмень и под Тару и под слободы войною многими людьми; а на Тюмени де тюменских служилых людей литвы и казаков конных мало, только 100 человек; а ис колмогорских служилых людей, которые по нашему указу присланы на Тюмень, а в конную службу пригодилися, устроено 400 человек, и они бьют нам челом, что де им лошадей купить нечем, а тебе денег им дать нечево, потому что на Тюмени в нашей казне денег нет; и только придут под Тюмень и под слободы многие колмацкие воинские люди, и на Тюмени конных служилых людей, у которых лошади есть, мало; и для обереганья Тюменсково уезду и слобод иных конных служилых людей выслать не на чем; и о том бы тебе велети указ наш учинить. И по нашему указу велено тюменским служилым людем наше денежное жало-

ванье на нынешний на 144-й год послать ис Тобольска на Тюмень по окладу все сполна тотчас, чтоб в нашем жалованье тюменским служилым людем скудости не было и чтоб им на то наше жалованье для нашие службы лошади искупити и к нашей службе быти готовым. А изменничьих Карабашка Ишимова с товарыщи жон и детей, которые взяты в колмацких улусех и приведены на Тюмень, указали есмя послати с Тюмени в Тоболеск, и в Тоболеску им быти до нашего указа. И как к тебе ся наша грамота придет и с Тоболеска стольник и воевода князь Михайло Темкин Ростовский тюменским служилым людем наше жалованье на нынешней на 144-й год пришлет, и ты б тюменским служилым людем то наше денежное жалованье на нынешней на 144-й год роздавал по окладам всякому человеку налицо сполна без недочету тотчас и велел конным служилым людем на то наше жалованье для наших служб, у которых лошадей нет, покупати лошади и для приходу воинских колмацких людей быти готовым. А изменничьих тюменских татар жон и детей, которых тюменские служилые люди поимали в колмацких улусех и привели на Тюмень, отослал бы еси с Тюмени в Тоболеск к стольнику и воеводе ко князю Михаилу Темкину Ростовскому, с кем пригоже не замотчав. А от приходу колмацких и иных воинских людей жил бы еси на Тюмени с великим береженьем, по городу и по острогу учинил караулы крепкие, и проезжие станицы с Тюмени тюменских служилых людей, до которых мест пригоже, посылал почасту, и про Кучумовых внучат и про колмацких воинских людей, и про наших изменников про тарских и про уфинских татар велел вестей проведывать накрепко, чтоб Кучумовы внучата Девлеткирей з братьею и с колмацкими воинскими людьми и с нашими изменники с тарскими и с тюменскими и уфинскими татары под Тюмень и в Тюменский уезд на слободы и на наши ясачные волости безвестно не пришли и дурна над городом никакова не учинили и слобод и ясачных волостей не повоевали. А буде по вестям колмацких и иных воинских людей под Тюмень и Тюменской уезд или под иные под которые сибирские городы, под остроги и под слободы и под волости приходу почаять и ты б, свестясь с стольником и воеводою со князем Михайлом Темкиным Ростовским, посылал с Тюмени на тех воинских людей голов с нашими ратными людьми, по скольку человек пригоже, смотря по тамошнему делу, с тобольскими и иных городов служилыми людьми вместе, а велел им, сшодчись с тобольскими и иных городов головами и ратными людьми, промышлять и поиск чинити, сколько милосердый бог помочи подаст, чтоб над теми воинскими людьми поиск учинить, а себя б от них и Тюменсково уезду и иных городов и слобод и в уездах ясачных волостей уберечь и повоевать не дать. Да что впредь про колмацких и про иных воинских людей каких вестей объявитца или от наших ратных людей над колмацкими и над иными воинскими людьми какова поиску учинитца, и ты б о том писал к нам к Москве с иными нашими делы вместе подлинно, а отписки велел подавати в приказе Казансково дворца боярину нашему князю Борису Михайловичу Лыкову да дьяком нашим Федору Панову да Микифору Шипулину. А в Тоболеск ко стольнику нашему и воеводе ко князю Михаилу Темкину Ростовскому и на Тару к воеводам же к Федору Борятинскому да Григорью Кафтыреву о тех колмацких вестях от нас писано ж. Писан на Москве лета 7144-го маия в 12 день.

На обороте: Дияк Микифор Шипулин. Справил подьячий Тренка Васильев.
ААН, ф. 21, оп. 4, № 8, лл. 113 об. — 116 об., № 93.
Напеч. в РИБ, II, стб. 547—551, № 159. II.

161. *1636 г. не ранее июля 10. — Отписка тобольского воеводы князя Михаила Темкина-Ростовского туринскому воеводе Семену Объедову о намерении калмыков воевать Тюмень и Тару и о посылке в Туринск казаков.*

Господину Семену Федоровичю Михайло Темкин Ростовской челом бьет. В нынешнем во 144-м году июля в 10 день писали в Тоболеск с Тары воеводы князь Федор Борятинский да Григорей Кафтырев, что сказывал им в роспросе Тарсково города атаман Степан Скуратов, который посылан был в Колмаки х Куйше таише в посланникех, что хотят колмацкие люди под Тоболеск и под Тюмень и под Тару приходить войною. И тебе б те вести были ведомы. И жить бы тебе, господине, в Туринском остроге с великим береженьем, по острогу в день и ночь держати караулы крепкие, и на отъезжие сторожи и проезжие станицы туринских служилых людей посылати почасту, до которых мест пригоже, смотря по тамошнему делу и по вестям, и русским людем в деревнях и ясачным татаром в волостях потому ж велеть жить с великим береженьем, чтоб воинские люди безвестно не пришли и уезду и волостей не повоевали, и над Туринским острогом дурна какова не учинили. Да что в Туринском вперед про воинских людей вестей будет, и тебе б, господине, о том писать в Тоболеск наскоро с нарочными гонцы. А для станиц велено к тебе послать с Тюмени воеводе князю Ивану Львову тюменских конных казаков 20 человек тотчас не мешкая.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 6, л. 38 и 38 об., № 266.

362. *1636 г. не ранее августа 27.— Отписка тобольского воеводы князя Михаила Темкина-Ростовского туринскому воеводе Семену Объедову о намерении калмыцких тайшей воевать сибирские города и уезды и о принятии мер на случай их нападения.*

Господину Семену Федоровичю Михайло Темкин Ростовской челом бьет. В нынешнем во 144-м году августа в 27 день приехали ис Колмаков в Тоболеск тобольские служилые люди Дениско Рачковской да Онтонко Добритцкой с товарыщи, которые посыланы были ис Тоболеска х Куйше таише в посланниках, а в роспросе сказали: слышали де они, что колмацкие тайши хотят одноличио приходить под государевы городы и на уезды войною. И тебе б, господине, те вести были ведомы. И жити б тебе, господине, по прежним и по сей отписке в Туринском одноличио с великим береженьем, и осаду крепить накрепко, осадные люди росписати по местам, и сотенные списки роздать и места им указати, где кому в приход воинских людей быти, и по городу и по острогу караулы и отъезжие сторожи держати крепкие, и в проезжие станицы тюменских служилых людей посылати почасту, до которых мест пригоже, смотря по тамошнему делу, и русским людем и татаром в деревнях и в волостех потому же велети жити с великим береженьем, и велети русским людем хлеб молоченой и животы, у ково что есть, из деревень вести, а самим ехать в Туринской, а в деревнях у скота для береженья велети оставливати от семьи по человеку или по два; а у которых будет людей скот немного и с сеном завести в город мочно, и тебе б, господине, велеть тех людей и скот гнать к острогу ближе и сеном запасатца; а тотаром лошади и коровы и всякий скот велети держати в крепких местех, чтоб воинские люди безвестно не пришли, и уезду и волостей не повоевали, и над Туринским острогом дурна какова не учинили. Да что в Туринском остроге про колмацких людей вестей объявитца, и тебе б, господине, о том писать ко мне в Тоболеск и на Тюмень и на Верхотурье к воеводам и в Туринской и в Тюменской и в Верхотурской уезд в слободы к прикащиком тотчас, не мешкая, с нарочным гонцы, чтоб в Тобольску и на Тюмени и на Верхотурье и в слободах те вести были ведомы.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 6, лл. 40 об.— 41, № 269.

363. *1636 г. не ранее сентября 22.— Отписка тобольского воеводы князя Михаила Темкина-Ростовского туринскому воеводе Семену*

Объедову о приходе к Атбашскому острожку калмыцких послов Урлюкова улуса и о кочевье Урлюка тайши.

Господину Семену Федоровичю Михайло Темкин Ростовской челом бьет. В прошлом во 144-м году августа в 28-й день писано к тебе ис Тоболеска в Туринской острог с тобольским пешим казаком с Тренькою Трушниковым, что в прошлом же во 144-м году августа в 26-й день приехали ис Колмаков в Тоболеск тобольские служилые люди Дениско Ростовской да Онтонко Добринкой с товарыщи, а в роспросе сказали, что колматцкие тайши хотят приходить под государевы сибирские городы и на уезды войною, и тебе по тем вестям велено в Туринском жить с великим береженьем. И в нынешнем во 145-м году сентября в 22-й день писал в Тоболеск з заставы, из Абашского острожку сын боярской Ян Мишковской, что пришли к Абашскому острожку колмацкие послы Урлюкова улуса 20 их человек, а идут де те послы в Тоболеск, а Урлюк де тайша кочюет от Кош Карагая неподалеку, а Кош Карагам от Тоболеска езды 9 ден, а для чего колмацкие люди на Кош Карагаи прикочевали, и тово ему неведомо. И тебе б, господине, те вести были ведомы. И жити б тебе, господине, по прежним и по сей тобольския отпискам в Туринском одноличню с великим береженьем, и осаду крепить накрепко, и осадных людей росписать по местам, и сотенные списки роздать и места им указать, где кому в приход воинских людей быть, и по городу и по острогу караулы и отъезжие сторожи держати крепкие, и в проезжие станицы туринских и тюменских служилых людей послати почасту, до которых мест пригоже, смотря по тамошнему делу, и русским людям и тотаром и вагуличам в деревнях и в волостях потому ж велеть жити с великим береженьем. И велеть русским людем хлеб молоченой и животы, у ково что есть, из деревень вести и самим ехать в острог. А в деревнях у скота для береженья велеть оставливати от семьи по человеку или по два. А у которых будет людей скот немпогой и сеном завестися в острог мочно, и тебе б, господине, велеть тем людем и скот гнать к острогу ближе и сеном запасатца. А татаром и вагуличам лошадей и коровы и всякой скот велеть держать в крепких местах, чтоб воинские люди безвестно не пришли и уезду и волостей не повоевали и над Туринским острогом дурна какова не учинили. А будет пойдут воинские люди под которую слободу или на ясачные волости или в Туринской уезд на русские деревни, а с Туринского туринскими служилыми людьми в слободы и ясачные волости и уезды оберег и над воинскими людьми поиск учинить будет мочно, и тебе б, господине, посылати ис Туринсково на тех воинских людей в посылку голов и с ними туринских служилых людей, по скольку человек пригоже, смотря по тамошнему делу и по людем, и велети слободы и ясачные волости и руские деревни оберегати и над воинскими людьми промышлять всяким ратным обычаем, сколько милосердый бог помочи подаст и смотря по тамошнему делу, чтоб Туринсково уезду и ясачных волостей повоевать не дать и над воинскими людьми поиск учинить, а себя от них убречь. Да что в Туринском про колмацких людей вестей объявитца, и тебе, господине, о том писати в Тоболеск и на Тюмень и на Верхотурье к воеводам и в Тюменской и в Верхотурской и в Туринской уезды в слободы прикащиком тотчас, немешкая, с нарочными гонцы, чтоб в Тоболеску и на Тюмени и на Верхотурье и в слободах те вести были ведому.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 6, лл. 45 об.—46, № 272.

364. *1636 г. не ранее октября 25.—Отписка тюменского воеводы князя Ивана Львова туринскому воеводе Семену Объедову о походе на сибирские города калмыков и Девлеткирея.*

Господину Семену Федоровичу Иван Львов челом бьет. В нынешнем, господине, во 145-м году октября в 25 день пришли на Тюмень ис колматцких улусов тюменские ясашные тотарове, которые в прошлом во 142-м году ис Тюменсково уезду

отъехали в Колмаки, Юзеячко Аудабеков с товарыщи 5 человек з женами и з детьми, и в роспросе мне сказали: идут де под государевы сибирские городы колмацкие воинские люди с Кучюмовым внуком с Дивлеткиреем да с Таласвым сыном с Тайчином да с Шукшеем тайшею, тысячи з две, а чаять де их приходу вскоре. И тебе б, господине, те вести были ведомы.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 6, л. 46 об., № 273.

365. *1636 г. ноября 7.—Грамота в Томск стольнику и воеводе князю Ивану Ромадановскому с товарищами о посылке служилых людей в Красноярск в виду предположений строить остроги в Канской и Тубинской землицах.*

От царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии в Сибирь, в Томской город, стольнику нашему и воеводам князю Ивану Ивановичю Ромадановскому да Ондрею Ондреевичю Бупакову да дьяку нашему Онисиму Трофимову. В нынешнем во 145-м году писал к нам из Сибири ис Красноярсково острогу воевода Федор Мякинин, что в прошлом во 143-м году июля в 26 день, до ево Федорова приезду, изменили нам аринские подгородные юртовские татарове Кузейко да Тетюйко со всеми своими улусными людьми, отогнав ис под Красноярсково острогу у служилых людей и у пашенных крестьян и у подгородных у достальных юртовских татар лошади, отъехали в Киргизы; и во 143-м же и во 144-м году приходили под Красноярской острог и на ясачные волости войною киргизы да тубинской татарин Сеитко, и ис под Красноярского острогу у служилых людей, и у пашенных крестьян, и у подгородных ясачных татар лошадей отогнали и лутчих ясачных котовских людей с женами и з детьми поимали в Тубу, а достальных переграбили, и впредь тем ясачным людем котовским и осанским и камасинским и кашинским ясаку с себя нам давать не велели; а он де Федор посылал ис Красноярского острогу в Киргизы к киргисским князьцам к Ишею с товарыщи в Тубу и х тубинским князьцом красноярских служилых людей Савостьку Самсонова с товарыщи, и об их воровстве и неправдах говорити, чтоб они киргисские князьцы красноярских юртовских аринских и качинских татар, которые изменили и лошеди которые отогнали, а тубинские князьцы канских, котовских, кашинских, камасинских и осанских ясачных людей, которых поимали, отдать; и те де красноярские служилые люди, пришед в Красноярской острог, в допросе ему Федору сказали: говорили де им киргисские князьцы, что они едут о том па доклад к Олтыну царю: велит ли им тех изменников аринских и качинских татар и лошади в Красноярской острог прислать, и в Тубу к тубинским князцом их служилых людей не повели: и то де знатно, что киргизом изменников аринских и качинских татар и лошади не отдавать; и Кашинские и Камасинские землицы ясачные люди нашего ясаку не дают, потому что скочевали с тубинскими людьми вместе; и он де Федор посылал ис Красноярсково острогу в Котовскую землю, в Кан, атамана Милослава Кольцова с служилыми людьми приводит котовских, и осанских, и камасинских ясачных людей под нашу царскую высокую руку, и ясак с них имать по прежнему; и те служилые люди, которых сыскали ясачных немногих людей, под нашу царскую высокую руку привели, ясак с них взяли, а достальные де от тубинских татар разорить до конца; а которые де землицы Камашинская, и Кашинская, Буклынская, Алыдская, Берюская, Огунская ясак с себя давали, и теми всеми замлицами завладели киргизы да тубинцы, а иных землиц ясачных людей повоевали и розорили без остатку, и многие землицы заступили; и над теми нашими изменники над киргисскими и над тубинскими людьми из Красноярсково острогу промыслу учинить и пашенных крестьян и ясачных людей оберегать некем, служилых людей в Красноярском остроге мало, всего 300 человек, и те красноярские служилые люди и пашенные крестьяне и достальные ясачные татарове от войны киргисских людей до конца разорены; и о том он,

Федор, как бы над нашими изменники над киргискими и над тубинскими людьми промысл учинить, чтоб их, угрозя войною, привести под нашу царскую высокую руку, роспрашивал красноярских служивых людей, которые в Киргисской и в Тубинской и в ыных окольних землицах бывали; и красноярские служилые люди в роспросе ему Федору сказали: только де укажем мы для поиску над теми изменники поставить острог, а доведетца де острог поставить вверх по Енисею на усть реки Тубы, Упса то же, потому что тубинских людей кочевья по той реке Тубе, а киргизы кочюют по другую сторону Енисея, от Тубы реки вниз днища с три, и ис тово де острогу над тубинскими и над киргисскими людьми всякой промысел учинить будет мочно, и киргиским и тубинским людем от того острогу утесненье будет великое, и под Красноярской острог войною и на ясачных людей и в Кан ходить будет нельзе, и сходитца киргизом с тубинцы негде, потому что кочевья им свои под тем острогом метать от служилых людей будет страшно, а надобно де для того острожново строенья служилых людей человек с 300; а как де в Тубе острогу поставить, и тубинцы де и киргизы и маторцы и мугалы и точи и саяпы и кузнецкие и камасинские и кашинские и бирюские и огунские, касайские все тех землиц под нашею царскою высокою рукою в вечном в холопстве; да иные многие землицы, которые подошли за теми землицами, ис того Тубинского острогу чаять под нашю царскую высокую руку приведутца, и ис тех со всех землиц ясак будет многой; а не поставят де в Тубе острогу, над киргисскими и над тубинскими людьми промыслу учинить и под нашу царскую высокую руку привесть немочно. И по нашему указу о том Тубинском острожном ставленьи и о прибылых людей оной Федор в Томской к тебе ко князю Ивану писал же; а как в Красноярской острог наряд, которой по нашему указу послан с Москвы, из Ени[сей]ского острогу привезут, и красноярским служилым людем наше хлебное жалованье во 144-м году полные их оклады из Енисейсково припровадят, и он де Федор с тем нарядом пошлет ис Красноярского острога служилых людей в Тубинскую землю, острогу ставить, и без прибылых людей. А как в Тубинской земле на усть Тубы реки острог поставит, да и в том Тубинском остроге велит он Федор быть на годовой служилым людем человек по сту и по полтораста и над нашими изменники над киргисскими и над тубинскими людьми ис того Тубинского острогу всякие промыслы будут и ясак збирать вновь, под нашу царскую высокую руку приводить и иных землиц приискивать учнут. А по Кану де реке и по сторонним речкам землицы подошли многие, люди по них промышленые, и впредь де для тех землиц оберeганья и для прииску иных землиц в Кану без острогу и без годовых служилых людей быти нельзя. И как де в Тубинской земле острог поставитца, и он де Федор, оставя в Тубинском остроге на годовой служилых людей, пошлет в Кан служилых людей и велит в Котовской земле в Кану, на Братцком перевозе, острог поставить, и для оберeганья ясашных землиц и для прииску новых земель велит быть в Канском остроге на годовой служилым людем человек по 50 и больше. И для де тово впредь в Красноярском остроге без прибылых служилых людей быть не уметь, потому: только в Тубинской земле и в Кану остроги поставятца, и в тех де острогах будет на годовой человек по 200 и больши, а в Красноярском остроге за тем служилых людей всего будет человек со 100 и меньше, и те будут на годовых же службах и на сторожах служилыми людьми, и беречь Красноярского острогу и пашенных крестьян ясачных татар и послушных землиц некем, и на наших изменников на киргисских, и на тубинских, и на брацких людей, и на иные непослушные земли и для ясачного збору и для прииску новых земель посылать будет некого, потому что около Красноярского острогу подошли непослушные воинские многие люди, и надобет да в Красноярской острог служилых прибылых людей к прежним к 300-м в прибавку конных и пеших казаков человек с 200; и о том бы ему велеть наш указ учинить. И от нас к нему Федору писано, а велено ему, будучи на нашей

службе в Сибири, и Красноярском остроге, над нашими изменники пад киргискими и над тубинскими людьми и над иными непослушными землицами промышлять и для поиску и приводу под нашу царскую высокую руку на них ис Красноярского острогу наших красноярских служилых людей, по скольку будет человек пригоже, посылать, смотря по тамошнему делу и по своему высмотру, чтоб над нашими изменники непослушными землицами, которые нам непослушны, поиск учинить и их войною смирить, а себя уберечь. А о прибылых людех велено ему писать в Томской к тебе ко князю Ивану, а тебе по нашему указу в Красноярской острог ис Томсково томских служилых людей посылать, по скольку человек пригоже, смотря по тамошнему делу и по своему высмотру. И как к вам ся наша грамота придет и Красноярсково острогу воевода Федор Мякинин о прибылых служилых людех учнет в Томской к тебе ко князю Ивану писати, и ты б по нашему указу в Красноярской острог ис томских наших служилых людей послал, сколько человек пригоже, смотря по тамошнему делу и по своему высмотру, чтоб одноличио в Красноярском остроге за служилыми людьми в наших службах замотчанья и нашему делу порухи не было, и от наших изменников и от немирных землиц над котором острогом и над нашими служилыми и над ясашными людьми какова дурна не учинилось. А сколько в Красноярской острог по вестям томских служилых людей пошлешь, и что от них над нашими изменники над воинскими людьми какова промысла будет, и вы б о том писали к нам к Москве с иными нашими делами вместе, а отписку велели подавать в приказе Казанского дворца боярину нашему князю Борису Михайловичю Лыкову да дьяку нашему Федору Панову да Сергею Матвееву. Писан на Москве лета 7145-го года ноября в 7 день.

На обороте: Дьяк Сергей Матвеев. Справил подьячий Петрушка Стеншин.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 17, лл. 419 об.—424, № 218.

366. *1636 г. ноября 25.—Грамота в Томск воеводе князю Ивану Ромадановскому с товарищами о посылке прибавочных служилых людей в Кузнецкий острог при получении вестей о приходе черных калмыков и киргизов.*

От царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии в Сибирь, в Томской, стольнику нашему и воеводам князю Ивану Ивановичю Ромодановскому, да Ондрею Ондреевичю Бунакову да дьяку нашему Анисиму Трофимову. В нынешнем во 145-м году писал к нам из Сибири из Кузнецкого острогу воевода Григорий Кушелев: в прошлом де во 144-м году сентября в 17 день приходили под Кузнецкой острог войною наши изменники киргиские люди Ишейко с товарыщи со многими людьми, и у служилых людей конское и коровье стада отогнали и на дальных пашнях у служилых людей и у пашенных крестьян хлебы и гумна и на сенокосех сена пожгли, а у пашенных крестьян наши лошеди отогнали ж, да убили де те воинские люди на нашей пашни нашего пашенного крестьянина Архипку Павлова, да у пашенного крестьянина у Артемья Павлова сына Лаврушку да на рыбной ловли дву человек служилых людей: конново казака Кирилка Тимофеева, пешево казака Вешнячка Авдеева, да гулящего человека Ваську Двинянина; да те ж наши изменники киргиские люди повоевали нашу Тюлюберскую волость и побили наших ясачных людей 12 человек, а жен и детей в полон поимали, всего полону взято 20 человек; и в том же числе о том киргиском приходе писал он ис Кузнецкого острога в Томской к тебе князю Ивану; да ныне де, приходя в Кузнецкий острог, сказывают ему в съезжей избе наши ясачные люди, которые живут блиско к черным колмакам и к киргиским людем, что хотят де приходить черные колмаки и киргизы под Кузнецкой острог войною; и в Кузнецком де остроге наших служилых людей мало, конных и пеших казаков только 103 человека, да и тех де живет в посылках по все годы за нашей соболиною казною к нам к Москве и для хлебных запасов и соли

в Томской и в Тоболеск человек по 30 и больши, и нашего Кузнецкого острогу и нашей пашни пашенных крестьян оберегать некем. И как к вам ся наша грамота придет, а ис Кузнецкого острогу воевода Григорей Кушелев по вестем про приход наших изменников к тебе учнет писать, и ты бы князь Иван ис Томсково в Кузнецкой острог в прибавку наших томских служилых людей посылал, поскольку человек пригоже, смотря по тамошнему делу и по своему высмотру, чтоб за безлюдством, пришед под Кузнецкой острог, воинские калмацкие и киргиские люди дурна какого не учинили и наших пашенных крестьян и ясашных людей не повоевали и их бы уберечь. Писан на Москве лета 7145-го ноября в 25 день.

На обороте: Дьяк Сергей Матвеев. Справил подьячий Петрушка Стеньшина.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 17, лл. 418 об.—419 об., № 217.

367. *1637 г. не ранее августа 27.—Отписка тарских воевод князя Федора Барятинского и Григорья Кафтырёва тобольскому воеводе князю Михаилу Темкину-Ростовскому о посольстве к калмыцкому тайше Куйше Назара Жадовского с товарищами и, в виду близости калмыков, о возможном нападении их на Тару.*

Господину князю Михаилу Михайловичю Федор Борятинской, Григорий Кафтырев челом бьют. Нынешнего, господине, 145-го году апреля в 7 число послали мы в Колмаки х Куйше тайше Тарсково города конных казаков голову Назара Жадовского да с ним в толмачах гостина двора Ваську Семенова да юртовсково служилово татарина Аиткула Ангучакова, а велели Куише тайше говорить, чтоб он у себя в улусе и у детей своих и в иных улусех сыскал государю тарской и тюменской полон и прислал в Тарской город, и блиско бы государевых ясачных волостей сам не кочевал и улусным своим людем не велел, и ясачным татаром зверовых добычь и бобровых гонов и рыбных ловлей не отнимали и тем бы он от государя на себя войны и разоренья не наводил. И августа, господине, в 27 день приехали ис Колмаков в Тарской город Назар Жадовский с товарыщи и привез нам доезду своего память, а в памяти пишет: наехал де он Куйшин улус на урочище на Ямыш реке, а ехал де он от Тарсково города до тово урочища 6 недель, и Куйшина де таишина сына его Акбонеза наехал, а сказывают де, что пошли в войну, а от руских полонеников слышали, что пошли на мунгальских людей в прошлом во 144-м году в осень. И он де Назар Жадовский по паказной памяти, какову ему на Таре дали, говорил Куйшине жене Конже, чтоб она в Куишине и в иных улусех государев тарской и тюменской полон сыскала и прислала в Тарской город; и она де ему говорила: х кон де тайше посылает государь ежелет свое жалованье, а ко мне де ты што привез; и он де ей Назар Жадовский говорил: коп де тайша государю служит и прямит, и прислал ко государю барабинских и чойских и тересятских ясачных людей 100 человек, а з женами и з детьми с 500 душ, для того государь ево и жалует; а Куйша де бы тайша государю тако ж бы служил и прямил и тарской и тюменской полон, сыскав, прислал в Тарской город, а государь царь и великий князь Михайло Федорович всеа Русии ево Куйшу тайшу пожалует своим царским жалованьем. И держала де их у себя в улусе два месяца. И хотела де было кочевать она со всем своим улусом на встречу Куйше тайше. И пришла де к ней весть, что Куйшу тайшу и контайшу мунгальские люди побили, а иных осадили, и она де хочет кочевать к Иртышу и к Ямышу озеру, блюдяся мунгальских людей, а их де Назара с товарыщи отпустила от себя из улуса. А послов о том в Тарской город не послала и, догнав де их дорогою, половину у них лошадей отогнали. И как де они ехали от Ямыша озера, и наехали де по Иртышу кочюют многие колматцкие люди и до Железенки, и ехали де они теми улусы 3 дни, а сказывают, что кочюют Да-

лаевы улусные люди, а пришли де они с Ишима, а в тех де улусех воинских людей нет, только старые да малые да жонки, которые оставлены для животенковы пазьбы, а идут де вниз по Иртышу и хотят кочевать по Камышлову, а Далаевы де дети с колмацкими с воинскими людьми осталися на Ишиме, а хотят итить в войну, неведомо куда. А от Камышлова, господине, до Тарсково города езду 5 дней. И слышали ясашные волостные люди, что прикочевали блиско государевых волостей, и многие ясашные люди, покипя свои юрты, побежали в чернь. И мы, господине, слыша такие вести, что прикочевали многие колмацкие люди блиско х Тарскому городу, и служилых людей из города и з женами и з детьми не выпущаем, а чаем приходу к Тарскому городу и на волости воинских людей. А служилые, господине, люди бьют челом государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии, чтоб государь пожаловал, велел их отпустить на тех колматцких людей. И мы, господине, служилых немногих людей послать не смеем, потому что многие де колматцкие люди прикочевали.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 11, лл. 21—22, № 38.

368. *1637 г. не ранее сентября 6.— Отписка тюменского воеводы князя Ивана Львова тобольскому воеводе князю Михаилу Темкину-Ростовскому о полученных вестях про Девлеткирея и калмыцких тайшей, о местах их кочевий и о своевременности похода служилых людей на калмыков.*

Господину князю Михаилу Михайловичю Иван Львов челом бьет. В нынешнем, господине, во 146-м году септября в 6 день пришли на Тюмень ис колматцких улусов ис полону от Кучюмова внука от Девлеткирея Тюменсково уезду юртовского служилого татарина Кутуков сын Кудамышева Федька да Бачкурские волости ясашново татарина Нурмаметев сын Янкубин Бек мурза, а в роспросе мне сказали: жена де Девлеткиреева и брата ево Аблы жена з детьми кочюют под Мунчаком каменем, на озере на Акушле, а с ними де людей только 4 человека, а Девлеткирей де с Кочашком и с люльми и с малыми робяты человек со 100 поехали на зверовье на Камышлов; а Сарык де, уфимской татарин, а с ним 10 человек поехали в Бухары торговать: а чюрасцы де от Девлеткиреева улусу с Тархановым сыном з Башкапом кочюют во днище к Иртышу реке; а Тархан де умер, а у колмацких де людей ныне меж собою война: Урлюков де сын Тачин Куйшу тайшу повоевал и самого Куйшу в полон взял, а с тое де войны колматцких людей следы беглых вверх по Ишиму; а большие де колмацкие тайши и Тачин тайша от Девлеткиреева улуса кочюют далече, а на которых урочищах большие тайши кочюют, того де они не ведают; а под государевы городы у колматцких людей приходить войною ныне силы нет, потому что у тех колмацких людей ныне меж ими война. А тюменской, господине, юртовской служилой татарин тех выходцов Федкин дядя Токмаметь Кудамышев бил челом государю, а сказывал: ныне де время на Девлеткиреевы улусы государевы ратным людем итти войною, лошадем кормко, а он де Девлеткирей с улусом своим по зверовьям розъехались, а иные в Бухары отпустил для торгу, а жене де ево и детем, опричь того места, где ныне кочюют, кочевать негде, всегда де он тут под Мунчаком каменем на озерах, место де то им кормко рыбою; а сказывают де те выходцы про Девлеткиреево кочевье подлинно, где ныне жена ево и дети кочюют; а ехали де они выходцы от Девлеткиреева улусу до Тюмени 20 дней, потому что они шли на уфимские волости, а иное блудили. А тюменские, господине, вожи сказывают до Мунчака камени от Тюмени воловым ходом езду недели з 2.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 11, л. 22 и 22 об., № 39.

369. *1637 г. не ранее октября 3.— Отписка тюменского воеводы князя Ивана Львова тобольскому воеводе князю Михаилу Темкину-Ростовскому о новых сведениях про Девлеткирея, полученных от бежавших из его улуса у Акушлы озера.*

Господину князю Михаилу Михайловичю Иван Львов челом бьет. В нынешнем, господине, во 146-м году сентября в 24 день писано от тебя на Тюмень, что писал я к тебе по распросным речам выходцев тюменских татар Федку Кутукова да Бек мурзы Мураметева, где кочевье Девлеткирея, Кучюмова внука, и что послал в проезжую станицу в поле тюменской сын боярский Семен Поскочин с служилыми людьми и с татары; и мне б к тебе отписать: тюменской сын боярской Семен Поскочин с служилыми людьми и татары ис поля на Тюмень бывали и, будет приехали, и что мне в роспросе сказали, до которых они мест доезжали, и колматцких людей или сакму видали, да и выходцов тюменских татар Федку и Бек мурзу роспросить подлинно Девлеткирея Кучюмова внука зверовья, а Сарыка бухаретина с товарыщи из Бухар в кочевье скоро ли чаят, и где им чаять вперед кочевать на которых урочищах; да о том потому ж к тебе отписать подлинно. И Семен, господине, Поскочин с служилыми людьми и с татары ис поля приехали и в роспросе мне сказали: ездили де они до Медвежья озера, колмацких де или каких воинских людей не видали и сакмы не наезжали. И выходцов, господине, тюменских татар Федку и Бек мурзу роспрашивал Девлеткирея Кучумова внука зверовья, а Сарыка бухаретина с товарыщи из Бухар в кочевье скоро ли чаять, и где им чаять вперед кочевать, на которых урочищах; и Федка и Бек мурза в роспросе сказали Девлеткирея зверовья и Сарыка бухаретина с товарыщи из Бухар скоро ли чаят, того они подлинно не ведают, потому что они в Девлеткирееве улусе про то ни у ково не слыхали, а опричь де того места, где ныне жена Девлеткиреева с кочевьем под Мунчаком камнем, на озерах кочевати негде, то де место им кормко и по вся де зимы они кочюют на том месте под Мунчаком камень на озерах. Да октября, господине, в 3 день пришли на Тюмень из Девлеткиреева улусу две девки: тюменсково юртовского служилого татарина Токмаметя Кудамышева дочь Саратоз да ясашного татарина Акбердеева дочь Карачец и в распросе мне те девки сказали: ушли де они из улуса от Девлеткирея из за камени Мунчака, шли до Тюмени месяц, а как де из Девлеткиреева улуса, с Акушлы озера ис под камени Мунчака, ушли до них те Федка Котуков да Бек мурза Мурмаметев, и жена де Девлеткиреева улусом скочевала вверх по Ишиму, за камень Мунчак в полднище, а за Федкою де и за Бек мурзою из улуса от Девлеткирея гонялись 3 дни, а Девлеткирей де в улусы свои при них девках из зверовья не бывал, а хотел де он в улус свой быть в сентябре месяца на полне; а Сарык де бухаретин поехал в Бухары з Девлеткиреевою сестрою, повез ее в Бухары к мужу, а из Бухар де ево Сарыка ждут в октябре месяце на полне ж; а как де Девлеткирей з зверовья и Сарык из Бухар в улус свой приедут, и они де к зиме будут кочевать под Мунчак камень на Акушлы озеро; а как де они девки побежали из Девлеткиреева улусу, и в улусе з Девлеткиреевою женою только 4 мужика, а всяких людей семьями 40 семей; а з Девлеткиреем де и с Кочашком на зверовье колматцких и всяких людей 70 человек; а бежачи де они девки видели по-сю сторону Ишиму у перевозу Карабалтала Девлеткиреев след, как де они шли из улус на зверовье и перевозились за Ишим, а Тарханов де сын кочюет Тайчин от Девлеткиреева улуса в 5 днях; а больше де таиши, и иные колматцкие люди где кочюют и меж собою у колмацких людей есть ли война, того они не ведают.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 11, лл. 22 об.—23 об., № 40.

370. *1637 г. не ранее декабря 12.— Отписка в Москву тобольского воеводы князя Михаила Темкина-Ростовского о после Кучумова*

внука Девлеткирея Баянке Бугонакове, прибывшем на Тару в октябре 1637 г.

Государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всея Русии холопи твои Михайло Темкин Ростовской, Ондрюшка Волынской, Дорофейко Пустынников, Гришка Протопопов челом бьют. В нынешнем, государь, во 146-м году ноября в 20 день писали ко мне холопу твоему Михаилу в Тоболеск ис Тарсково города воеводы князь Федор Борятинской да Григорей Кафтырев: нынешнего же де, государь, 146-го году октября в 29 день прислал к ним в Тарской город Кучюмов внук Девлеткирей посланника своего Баянка Бугонакова, да с тем же де Баянком пришли на Тару из Бухар 22 человека бухарцов, и они де князь Федор и Григорей велели тому Девлеткирееву посланнику Баянку быть у себя на съезжем посольском дворе; и Баянко де Баганаков им на съезжем посольском дворе говорил: прислал де ево Баянка в Тарской город Девлеткирей, Кучюмов внук, а велел бити челом тебе государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всея Русии о том, что хочет де он Девлеткирей быть под твоею государевою царского величества высокою рукою и тебе государю служить и прямить, и бухарского царя торговых людей бухарцов с товары через колмацкие улусы пропускать в твои государевы сибирские городы, а войною де, государь, под твои государевы городы он Девлеткирей ходить и людей своих колматцким людем на помочь давать не хочет, через Уфу де, а к тебе к государю к Москве, послал Девлеткирей послов своих 4 человек бити челом тебе государю о том; а нынешней де, государь, осени звал ево Девлеткирея Талай улуса колмацкой Тархан батырь под твои государевы сибирские городы войною, а под которые городы, и того де он Баянко не ведает, и Делеткирей де ему отказал, что под твои государевы городы он Девлеткирей не идет и людей своих не даст и с твоими государевыми людьми войны вчинать не хочет; а кочюет де Девлеткирей с Тарханом баатарем на урочище на Тару Ишиме; а от того де, государь, урочища шли они ю Тарского города и со вьюки месяц. Да тот же де Девлеткиреев посланник Баянко Богонаков бил челом тебе государю, чтоб ты, государь, пожаловал, велел ему зимовать на Таре для того, что у него лошади худы, зимою де Девлеткиреевых улусов ему не доехать. И я холоп твой Михалко писал ис Тобольска на Тару к воеводам ко князю Федору Борятинскому да к Григорию Кафтыреву, а велел ему Девлеткирееву посланнику Баянку быти у себя на Таре на съезжем посольском дворе и ему сказати, что прислал ево Боянка Девлеткирей Кучюмов внук, а велел бити челом тебе государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всея Русии, что хочет он Девлеткирей быть под твоею государевою царского величества высокою рукою, тебе государю служить и прямить, и он бы Девлеткирей с улусом своим ехал на твое государево царского величества имя в Тоболеск или на Тару или в которые твои государевы городы будет ему податись, ничего не опасаясь, а ты государь велишь ево Девлеткирея приняти в свою государскую милость и пожалуешь своим государевым жалованьем и учнешь ево держать в своем государеве милостивом призренье; а сказав, государь, про то ему Девлеткирееву посланнику Баянку, велел ево Баянка с ево людьми и с приезжими бухарцы, которые с ним пришли на Тару, выслать в колматцкие улусы итти тотчас безо всякого задержанья зимним путем, чтоб в том их приходе никакой смуты не было, так же, как и наперед сево в бухарском после Казые. А твоих государевых посланников к Девлеткирею послать не велел. А на Таре, государь, не велел я холоп твой Михалко Девлеткиреева посланника держати и с Тары велел ево выслати зимним путем, потому что наперед сего ис калмацких улусов Девлеткирей, Кучюмов внук, ни о чем на Тару послов своих не присылывал и с прямою правдою тово посланника своего Баянка, и ныне он на Тару присылал и не смуты ли для тарских татар, тайно подлинно проведать было не уметь. И декабря, государь, в 12 день писали в Тоболеск ко мне холопу твоему Михаилу с Тары воеводы князь Федор же Борятинской да Григорей Кафтырев, что де

они Девлеткиреёву посланнику Баянку на съезжем же посольском дворе против тобольские отписки говорили, ис Тарсково города его Баянка и приезжих бухарцов в калмыцкие улусы назад высылали; и Девлеткиреев де посланник Баянко Баганаков на съезжем посольском дворе им князю Федору и Григорью говорил: послал де Девлеткирей Кучюмов внук послов своих к тебе к государю к Москве через Уфу, а ево Баянка в Тарской город с правдою, а не с ложью, а велел бити челом тебе государю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии о том, чтоб ему Девлеткирею, тебе государю служить в прямить и бухарсково б царя торговых бухарцов через колмыцкие улусы с товары пропущать в твои государевы сибирские городы. а они де воеводы и Девлеткирея от твоей государской милости отгоняют, что высылают ево Баянка и торговых бухарцов ис Тарсково города назад зимним путем; а ему де Баянку зимним путем назад итти не мочно: которые де лошади у него и есть, и те худы, до улусов доехать не на чом, померсть де будет с стужи на степи, и в том де з Девлеткиреем будет ссора; и бил де челом тебе государю тот Девлеткиреев посланник Баянко, чтоб ты государь, пожаловал, велел ему Баянку и торговым бухарцом в отпуску дати сроку на месяц. И я холоп твой Михалко писал ис Тобольска на Тару к воеводам ко князю Федору Борятинскому да к Григорею Кафтыреву, а велел тому Девлеткирееву посланнику Баянку и приезжим бухарцом по их челобитью дать сроку декабря з 25 числа на месяц; а покаместа, государь, до отпуску тот Девлеткиреев посланник на Таре побудет, велел я холоп твой Михалко быти у нево приставом и толмачем верным, кому мочно верить, и того велел беречь накрепко, чтоб к тому Девлеткирееву посланнику руские люди и татаровя и бухарцы не приходили и ничево не разговаривали; а тем, государь, тарским приставом и толмачем велел приказати накрепко, чтоб они, будучи у тово Девлеткиреева посланника у Баянка, выведывали всякими мерами ласкою: прямо ль Девлеткирей прислал тово Баянка на Тару с прямою правдою, что он Девлеткирей хочет быть под твоей государевою царского величества высокою рукою и тебе государю служить и под твои государевы городы войною приходить не хочет, а не для ли ссоры, и не рассматривать ли он чево и розведывать и не тарских ли татар прислал подзывать, чтоб у него Баянка проведать про то допряма; а как, государь, срок дойдет, велел я холоп твой Михалко выслать ево Баянка с Тары и приезжих торговых бухарцов, которые с ним на Тару приехали, тотчас безо всякого мотчанья, чтоб в их приходе никакие смуты не было. А твоих государевых посланников к Девлеткирею и в Бухары посылати и тарских торговых русских людей и татар и бухарцов для торгу отпускать с ними не велели на отпуск, государь. А велел я холоп твой Михалко воеводам князю Федору Борятинскому и Григорию Кафтыреву к Девлеткирею с тем ево посланником з Баянком приказати к нему говорить, чтоб он Девлеткирей шел на твое государево царского величества имя в Тоболеск или на Тару или в которые твои государевы городы будет ему податно безо всяково сумненья, а ты великий государь в свою государскую милость приняти ево велишь и пожалуешь своим государевым жалованьем и учнешь ево держать в своем государеве милостивом призренье. Да как, государь, они князь Федор и Григорей того Девлеткиреева посланника Баянка и с ево людьми и с торговыми бухарцы с Тары отпустят, и я холоп твой Михалко велел им тех Девлеткиреева посланника и бухарцов проводить ис Тарсково уезду, до которых мест пригоже; а в провожатых, государь, велели послать, выбрав из голов или из детей боярских, человека добра и с ним служилых людей добрых, сколько человек пригож. А велел Баянка и с торговыми бухарцы вести пустыми и крепкими месты и того беречи накрепко, чтобы те Девлеткиреев посланник и бухарцы ничево не росматривали и не розведывали. И провожаючи, государь, велел в них выведывать всякими мерами ласкою: прямо ль Девлеткирей Кучумов внук присылал того посланника своего Баянка с прямою правдою, что хочет он быть под твоею государевою царского величества высокою рукою

или он присылал чево высматривать и розведывать и не татар ли присылал подзывати. Да и в тарских, государь, татарех велел я холоп твой Михалко воеводе князю Федору Борятинскому и Григорью Кафтыреву розсматривать и разведывать себе тайным обычаем, нет ли в них шатости и з Девлеткиреем о чем ссылки и не по их ли ссылке Девлеткирей прислал того посланника своего Баянка на Тару. А впредь, государь, будет учнет Кучюмов внук Девлеткирей присылати в Тарской город посланников своих, и я холоп твой Михалко тарским воеводам князю Федору Борятинскому, Григорию Кафтыреву посланников ево Девлеткиреевых на Тару принимать не велел до твоего государева указу, потому что твои государевы изменники тарские и тюменские и уфимские татаровя все у него Девлеткирея в улусе, а велел им отказывать, не допускаючи их до Тарсково города; и будет Девлеткирей прямо хочет быть под твоею государевою царского величества высокою рукою, и он бы Девлеткирей к тебе государю вину принес, с тарскими и с тюменскими и с уфимскими татары ехал бы на твое государево имя в Тоболеск или в иные твои государевы городы. А буде твои государевы изменники тарские и тюменские и уфимские татаровя ево Девлеткирея не послушают, на твое государево имя с ним не поедут, и он бы Девлеткирей ехал на твое государево имя один, а ты, государь, пожалуешь ево Девлеткирея своим государевым жалованьем и велишь ево держать в своем государеве милостивом призренье. И будет, государь, вперед Кучумов внук Девлеткирей учнет посланников своих присылати в Тоболеск или на Тару или на Тюмень к тебе государю о чем бити челом и посланников ево в Тоболеску, государь, и на Тару и на Тюмень принимати и к нему к Девлеткирею ис Тоболеска и с Тары и с Тюмени твоих государевых служилых людей и посланников посылати ль, о том нам холопем твоим что укажешь.

На обороте: Дияк Григорей Протопопов.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 11, лл. 26—29, № 43.

371. *1637 г. не ранее декабря 12.*[1] — *Отписка тобольского воеводы князя Михаила Темкина-Ростовского тарским воеводам князю Федору Барятинскому и Григорию Кафтыреву об изменивших тарских татарах и о сношениях с Девлеткиреем.*

Господам князю Федору Петровичю, Григорью Агеевичю Михайло Темкин Ростовский челом бьет. В прошлом во 137-м году, как изменили государю тарские юртовские и волостные татаровя Невруко Егаштин да Кочашко Тапатаров с товарыщи, в Тарском уезде деревни и хлебы пожгли, многих людей побили и в полон поимали и от Тарсково города отошли в степь, посылали сыскивать Кучумовых внучат и, сыскав Кучумовых внучат, Девлеткирея Чуваа Салтанова сына да Аблу да Тевку Ишимовых детей к ним пристали и учали с ними воровать: первое приходили в Томской уезд, под Чатцкой городок, да в Томском же уезде были на усть Томи реки и воевали государевы волости, а после тово, собрався с колматцкими людьми, приходили в Тарской уезд и воевали верх-вагайскую Канкапинскую волость да Тарсково уезду Тебендинскую да Коурдацкую волости, государевых ясашных людей многих побили и в полон поимали и животы их до конца пограбили; да во 140-м году приходили на Белое озеро, и от Тобольска во 6 днищах громили тобольских станишников, лошади отогнали и тотарина застрелили и на зверовье зверовщиков грабили; а во 141-м году Кучюмовы ж внучата, а с ними государевы изменники тарские и уфимские татаровя приходили в Тюменской уезд и громили Алыбаевы юрты, ясашных людей и жон их и детей поимали, а иные, которые тотаровя в те поры на юртах не были, и те и по неволе к ним за женами своими и за детьми.

[1] *Дата установлена на основании № 370.*

а иные своим воровством и изменою отъезжали, а они их к своему воровству принимали и ходили воевать в Уфимской уезд не по одно время; да во 143-м году те ж Кучюмовы внучата и государевы изменники тарские и тюменские татаровя приходили под Тару дважды Куиши таиши улуса с колмацкими людьми да под Тюмень Талай таишина улуса с Тарханом батырем, и многих людей побили и в полон поимали; да во 143-м году летом Кучюмовы ж внучата, а с ними государевы изменники тюменские и тарские татаровя приходили в Тюменской уезд под Чюбарову да под Ницынскую слободу, и слободы жгли, и скот отогнали, и людей в полон поимали и многую шкоту учинили; да и ныне у Девлеткирея Кучюмова внука в улусе многие государевы изменники тюменские и тарские и уфимские татаровя. И ныне Девлеткирей Кучюмов внук прислал к вам в Тарской город посланника своего Баяшка Бугопакова бити челом государю о том, будто он Девлеткирей хочет быть под государевою высокою рукою, а о винах своих государю не бьет челом и государевых изменников в улусех у себя не объявляет. И то знатно, что прислал он посланника своего воровски, обманом, лазучить и розсматривать и проведывать, что ему за ево воровство вперед будет; а только б ево Девлеткиреева была прямая правда, мочно было ему вина своя принести к государю, ехати на государево имя самому и не обсылаясь, и государевых изменников привести с собою. Да и вам было Кучюмова посланника принимать в Тарской город ненадобно, мочно было ему отказать, не допускаючи Тарсково города, потому что у Кучюмова внука в улусе государевы изменники тюменские и тарские и уфимские татаровя. И вперед Кучюмова внука посланников в сибирских городех принимать ли, и о том писано ис Тоболеска к государю к Москве. И будет вперед учнет Кучюмов внук Девлеткирей присылати в Тарской город посланников своих, и вам бы, господа, посланников его до государева указу не принимать, отказывати им, не допускаючи Тарсково города; и будет Девлеткирей прямо хочет быть под государевою высокою рукою, и он бы вину свою принес, ехал с тарскими и с тюменскими и с уфимскими татары на государево имя сам. А будет государевы изменники ево не послушают, на государево имя с ним не поедут, и он бы Девлеткирей вину свою принес, к государю ехал на государево имя один, а государь ево Девлеткирея пожалует своею государскою милостью, принять велит в своем государевом милостивом призренье. Да что вперед на Таре про Кучюмова внука про Девлеткирея и про государевых изменников про тарских и про тюменских и про уфимских татар вестей будет, и вам бы о том писати в Тоболеск.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 11, лл. 25—26, № 42.

372. *1638 г. не ранее июля 18. — Отписка тюменского воеводы князя Ивана Львова тобольскому воеводе князю Михаилу Темкину-Ростовскому о татарах, прибывших из Калмыцкой земли, и о разрешении поселить их в Тюменском уезде.*

Господину князю Михаилу Михайловичю Иван Львов челом бьет. В нынешнем, господине, во 146-м году июля в 18 день пришли на Тюмень ис Колмаков от Талаева человека от Тархана Тюменсково уезду кинырсково ясашново татарина Енбайков сын Янтурина Итемгейко да человек Енбайков Кутучко, а отец ево Итемгейков Енбайко изменил государю, отъехал с Тюмени в Колмаки в прошлом во 142-м году з женами и детьми; и были де они в Колмаках в улусе у Тархана, и отец де ево Енбайко у Тархана в улусе умер в прошлом де 144-м году, а Тархан де в прошлом во 145-м году пошел к Талаевым детем для того: Талай де тайша умер, а осталось де у Талая тайши два сына, и они де меж собою хотят воевати об отцове улусе и при них де еще Тархан в Талаевых детей в улус свой не бывал; а улус де Тарханов за Ишимом на урочищи на Суюлмакабане; а ехали де они Итемгейко и Кутучко ис Тарханова улусу до Тюмени

20 дней, а Талаевы де дети кочюют вверх по Иртышу, а на котором урочище и далече ли по Иртышу Талаевы дети и иные которые колматцкие таиши кочюют, того они не ведают, а у Тархана, де в улусе воинских людей нет никово, все в улусе его старые да малые; а Девлеткирей де Кучюмов внук кочюет за Ишимом же на урочище на Чидетеи речке, от Тарханова улусу в 3 днищах, к Тюмени ближе; а колмацких людей у Девлеткирея в улусе нет, только де тарские да уфимские татаровя, и то немногие люди, а то де слышали они в Тарханове улусе, что калмыцкие люди все пошли в войну на мугалы; а с собою они Итемгейко вывели ис Колмаков Енбаикова брата Усенка да сестру девку Башлю; и били челом государю те выходцы Итемгеико и Кутучко, чтоб их отпустить в юрты в Тюменской уезд к ясашным татаром. И о том, господине, как укажешь: отпустить ли их к ясашным татаром.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 11, лл. 24 об.—25, № 41.

373. *1638 г. не ранее августа 19.— Отписка прикащика Чубаровской слободы Якова Шульгина туринскому воеводе Семену Объедову о дополнительной присылке, в виду ожидаемого прихода калмыков, служилых людей вместе с порохом и свинцом.*

Господину Семену Федоровичу Яков Шульгин челом бьет. В нынешнем во 146-м году августа в 15 день присланы были с Тюмени от воеводы от князя Ивана Львова на Чюбарово Тюменсково ж города служилые люди Герасимко Дмитриев Шубин с товарыщи, всего их 3 человека, а отписка с ними ко мне с Тюмени для поспешенья не прислана, а речью, по князь Иванову приказу, тот Герасимко мне говорил, что в нынешнем же во 146-м году августа в 14 день прибежал де на Тюмень тюменской же ясачной татарин с Исети реки, а сказал: пришли де на Исеть, на усть Чегира речки, колмацкие воинские люди и побили де в тех местах государевых тюменсково ясаку ясашных людей, а идут де под Тюмень и на слободы. Да в нынешнем же во 146-м году августа в 19 день писал ко мне ис Кыргинские слободы приказной Исак Обрядов, а в отписке своей пишет: прислан де к нему из Ирбицкие слободы от слободчика от Ивашка Шипицына пашенной крестьянин Ондрюшка Иванов, а велел ему сказать: прибежали де в Ирбицкую слободу с верх Ирби реки 2 татарина, а сказывают: видели де они калматцких людей, перевозятца Исеть реку блиско Исетцкого озера, а куды де они идут и под которые места, и тово они не ведают; а иные де татаровя товарыщи их присматривают тех воинских людей, под которые места пойдут войною, и они хотели подать весть в слободы, и тех воинских людей ждем по тем вестям с часу на час. А в осаде от тех воинских людей на Чюбарове седеть некем: служилых людей мало, только 20 человек тюменских да 4 человека япанчинских; а преж сево присыланы с Япанчина для берегапья по 5 человек, и против прежних месяцев присылки не дослано ныне с Епанчина одново человека. А которые служилые люди ныне присланы, и у тех ни у одново человека ни пороху ни свинцу нет ни одново зерпети; а сказывают те служилые люди Белянко Казанчиев с товарыщи: выслал де ты их без пороху и без свинца, надеючись на тот порох, что прислан для осады к затинным и к ручным пищалям ис Тобольска, и тово пороху немного, только будет сидеть в осаде, и с великою нужою будет ево на 3 дни. Да в прошлых годех, как был приход воинских людей, и присылано ис Туринского острогу для оберeганья на Чюбарово Туринсково острогу служилых людей к прежней присылке к 5 человеком на прибавку по 10-ти и по 20-ти человек. А в тобольских наказных памятях стольника и воеводы князя Михаила Михайловича Темкина Ростовского к прежним к приказным людем и ко мне писано: будет приход воинских людей, и нам велено о том писать к тебе в Туринской острог, чтоб присылать на прибавку ис Туринскова острогу служилых людей, и для тово нарочно послан с Чюбарова к тебе

Туринсково острогу стрелец Петрушко Сотрихин. И тебе б, господине, по государеву указу для обереганья воинских людей прислать на Чюбарово служилых людей, как преж сево присылывано, чтоб над государевою казною и над людьми от воинских людей порухи какой не было. А Петрушку б Сотрихина и десятника выслать не задержав. А будет, господине, по государеву указу пришлешь ис Туринсково острогу служилых людей, и тем бы служилым людем указать дать пороху и свинцу в Туринском остроге. А которых служилых людей присылают с Тюмени, и тем служилым людем для приходу воинских людей дают порох и свинец из государевы казны на Тюмени. А про прежних туринских служилых людей буду писать против твоей отписки иным временем.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 6, лл. 59 об.—60 об., № 279.

374. *1638 г. августа 20.—Память из Тобольска в Нижнюю Ницынскую слободу прикащику Борису Толбузину о полученных вестях про воинских людей, идущих с Пышмы на Тюмень.*

Лета 7146-го августа в 20 день, по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Росии указу, память в Нижне-Ницынскую слободу Борису Фатеевичю Толбузину. В нынешнем же во 146-м году августа ж в 19 день ввечеру стольнику и воеводам князю Михаилу Михайловичю Темкину Ростовскому, да Андрею Васильевичю Волынскому, да Дорофею Пустынникову да Григорью Протопопову сказывал в съезжей избе Тобольского уезду деревни Тобол-Туры юртовской служилой татарин Казычко Хозяшов: того ж де дни приехали к нему Казычку в деревню ево на Тобол Туру с Тюмени тобольской юртовской захребетной татарин Капланда Тоскейтов с товарыщи 5 человек, а ездили на Тюмень под татарскою ясачною казною в проводниках, и сказывали ему Казычку: поехали де они с Тюмени тому 5-й день, и отъехали от Тюмени верст 10, и было ночевать в юртах татарских в деревне в Шокчеи, и того ж де дни они пребежали в тое деревню и в иные деревни весть подают и русских людей и татар высылают в город тюменские юртовские татаровя Мугел Матмасов да Агучак Культаев а сказывают, что, пришед сверху Пышмы, воинские люди погромили пышминских татар юрты, а с Пышмы идут под Тюмень; и по тем вестем под государевы городы и на ясачные волости и под слободы и под острошки чают приходу воинсково. И как к тебе ся наметь придет, и ты б по прежним и по сей паметем одноличио жил в Ницынской слободе с великим бережением, в день и в ночь служилых людей посылал на те места, откуды чают на слободы воинских людей приходу, до которых мест пригоже, смотря по тамошнему делу, и пашенным крестьяном на полях для жатья и для сенных покосов велеть быть и окольных юрт татаром на юртах своих жити с великим бережением, и лошади и коровы и всякой скот велеть держать в крепких местах, и пашенным крестьяном государев хлеб и свой хлеб велети молотити и в житницы сыпать, и сенами пашенным крестьяном в Ницынской слободе велеть запасатца, не мешкая, чтоб воинские люди на Ницынскую слободу безвестно не пришли и хлеба и сен не пожгли, и лошадей и скота не отогнали, и пашенных крестьян на полях не поимали, да над Ницынскою слободою дурна никакова не учинили. Да что в Ницынской слободе вперед вестей про воинских колмыцких людей объявитца, и ты б о том отписал в Тоболеск к стольнику и воеводам ко князю Михаилу Михайловичю Темкину Ростовскому, да к Ондрею Васильевичю Волынскому, да к дьяком к Дорофею Пустынникову да Григорью Протопопову; и на Тюмень и в Туринской острог и на Верхотурье к воеводам и в слободу к прикащикам о том писал же, чтоб в Тоболеску и на Тюмени и в Туринском остроге и на Верхотурье и в слободах те вести были ведомы.

На обороте: Дьяк Григорий Протопопов.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 10, л. 47 и 47 об., № 39.

375. *1638 г. сентября 3. — Память из Тобольска в Нижнюю Ницынскую слободу прикащику Борису Толбузину о вестях про калмыков.*

Лета 7147-го сентября 3 день, по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии указу, память в Нижпую Ницынскую слободу Борису Фатсевичю Толбузину. Сентября ж в 3 день к стольнику и воеводе князю Михаилу Михайловичю Темкину Ростовскому писал в Тоболеск с Тюмени воевода князь Иван Львов: сказывали ему князю Ивану в роспросе, приехав ис проезжей станицы, тюменские служылые люди сын боярской Яков Резанов с товарищи сказываше де им Уфимсково уезду татаровя Усырмаметко возвратные, которые живут юртами на Маяне озере, были де за рекою Тоболом на зверовье Уфинсково ж уезду ясашные татаровя Уразмаметка Мышаков с товарищи 10 человек, и как ехали со зверовья, съехали их в уфимских же волостях па речьке па Тенчее па стану колматцкие люди почью и лошади у них отогнали и, что было они добыли на зверовье, то все отняли; да те ж де колматцкие люди приходили на Терегул озеро и убили ясашного татарина Укина жену, а детей ево в полон взяли, и пошли назад тою ж сакмою; а приходило де их человек с полтретьятцать; да ему ж де Якову с товарыщи сказывал тюменской ясашной татарин Кашайко: ездили де за Тобол реку Уфимсково ж уезду Катайские волости ясашные татаровя и видели за рекою Тоболом на речьке на Обуге, против Торчакова, колматцких людей, и они де, зведовши и покиня кош ево, прибежали в уфимские волости; да ему ж де Якову сказывал тюменской ясашной татарин Сыр Маметька: видел де он Сыр Маметька уфинских послов толмача Федьку Алабашева с товарыщи, идут ис Колмаков па Уфу, и те де послы сказывали ему Сыр Маметьку: видели де они за рекою Тоболом на речке на Тоюузаке калмацких кочевных людей, сказываютца Талаевы люди, а многие ль люди, того они не ведают. Да августа в 29 день писал ты Борис к нему ко князю Ивану на Тюмень, что писал к тебе с Елани прикащик Карп Павловский: писал де к нему Карпу с Чубарова Яков Шульгин, что стояли у него Якова на карауле тюменские служивые люди и видели з башни позади государева ярового поля людей человек с 8 и пс в одну пору, и те де люди, съехав с тово поля, прикрались в перелесок, и Яков де Шульгин чаел того, что опричь воинских людей быть некому. Да и тое де Борис писал, что в Ницынской слободе августа в 23 числе на заимке пашенного крестьянина Васьки Матюшкина племянница Татьянка, и в те де поры приезжали к пей 3 человека, один из них крив, говорит немного по руски, и спрашивал де у Татьянки: все ли крестьяне выехали из слободы; и она им сказала: иные де выехали, а иные в слободе; а платье де на тех людех черно по азямски, а шапки на них овчинные большие чорные; и ты де тое Татьянку роспрашивал, и она тебе в роспросе сказала те ж речи; и ты посылал на то место проведывать служилых людей и пашенных крестьян 10 человек, и те де служивые люди и пашенные крестьяне, приехав тебе в роспросе сказывали, что приезжали де те люди с верх Иленки речки, сакма тут небольшая, и как пошли назат, и они де след таят, а переехав де речку Вязовку, пошли отною дорогою, а знатно де по сакме, что человек их з 10, а какие люди, то все неведомо; и ты де посылал другую станицу, и те станишники ездили вверх по Иленке и наезжали сакму небольшую, а ехало человек с 5, а другим местом человека с 3, а пошли те сакмы па Акшебаеву дорогу. А по скаске в Тоболску туринсково подьячево Харитона Григорьева Якшибаева дорога пошла к реке к Пышме, а с реки с Пышмы наперед сево бывал воинских людей приход под Тюмень и в Тюменской уезд. А ныне по тем вестям чаять под Тюмень и под слободы приходу воинсково. И как к тебе ся память придет, и ты б по прежним и по сей памятям однолично жил в Ницынской слободе с великим береженьем, в день и в почь сторожи ставил крепкие и в проезжие станицы служилых людей посылал на те места, откуды чаять па слободы воинских людей приходу до которых мест пригоже, смотря по тамошнему делу.

и пашенным крестьяном на полях для жатья и для сенных покосов велеть быть; а окольных юрт татаром и вагуличам на юртах своих жити с великим береженьем, и лошади и коровы и всякий скот велеть держать в крепких местах, и пашенным крестьяном государев хлеб и свой хлеб велети молотить и в житницы сыпати, и сенами пашенными крестьяном в Ницынской слободе велеть запасатца, не мешкая, чтоб воинские люди на Ницынскую слободу без вести не пришли, и хлеба и сен не пожгли, и лошадей и скота не отогнали и пашеных крестьян на полях не поимали. И что в Ницынской слободе вперед вестей про воинских колматцких людей объявится, и ты б о том писал в Тоболеск к стольнику и воеводам князю Михаилу Михайловичю Темкину Ростовскому, да к Ондрею Васильевичю Волынскому да к дьяком к Дорофею Пустынникову да Григорью Протопопову, на Тюмень, в Туринской острог и на Верхотурье к воеводам и в слободу к приказщиком о том писал же, чтобы в Тобольску и на Тюмени и в Туринском остроге и на Верхотурье и в слободах те вести были ведомы. А что ты Борис о тех вестях писал на Тюмень к воеводе ко князю Ивану Львову, а в Тоболеск о том не писал, и то делаешь не гораздо: в слободе у тебя учинились вести, а ты о том в Тоболеск не писал, а пишешь только на Тюмень, а ведаешь, что послан ты в слободу ис Тобольска, а не с Тюмени. И вперед которые вести объявятца в Ницынской слободе, и ты б о тех вестех писал в Тоболеск наскоро с нарочными гонцы, да и на Тюмень к воеводе ко князю Ивану Львову о том писал же, чтоб в Тобольску и на Тюмени те вести вскоре были ведомы.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 10, лл. 44 об.—46 об., № 38.

376. *1638 г. сентября 12.— Память тюменского воеводы князя Ивана Львова прикащику Нижней Ницынской слободы Борису Толбузину о походе уфимских татар на калмыков.*

Лета 7147-го сентября в 12 день, по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии указу, память в Нижне-Ницынскую слободу приказщику Борису Толбузину. В нынешнем во 147-м году сентября в 12 день приехал на Тюмень тюменской ясашной татарин Кашайко Бекинин и сказывал на Тюмени воеводе князю Ивану Андреевичю Львову: приезжал де к нему на юрты тюменской же ясашной татарин Диаметко и сказывал ему Кошайку тот Диаметко: ходили де уфимские татаровя Айские да Катайские волостей 80 человек за колматцкими людьми в погоню, которые приходили на Перегул озеро и погромили уфинского ясашного татарина Акынятлея Бердеева, и они де уфинские татаровя сошли на Уе речке, по сю сторону Тоболу, от Тюмени в 8-ми днищах, многих колматцких людей, и они де на них напустить не смели, и взяли де у них у колматцких людей те уфинские татаровя лошадей тайным обычаем и назад поворотили, и за ними колмацкие люди гнались, и те уфинские татаровя колмацких людей, которые за ними гнались, побили, а иные от них убежали, а сколько человек побили, того он Кошайко не ведает. Да тот же де Диаметко ему Кошайку сказывал: слышал де от уфинских зверовщиком, что видели де они колмацких кочевых людей 7 избы на Тергече бору, по сю сторону Тоболу, от Тюмени в 7-ми днищах. И тебе бы те вести были ведомы. И жити бы тебе в слободе с великим бережением, и вестей про воинских людей проведывать всякими мерами, чтобы воинские люди безвестно на слободы не пришли и дурна какова не учинили. Да и в иные слободы: в Верхо Ницынскую и з Чюбаровскую и на Кыргу к прикащиком о тех вестях отписать, чтоб по тому ж жили в слободах с великим бережением. А что у вас в слободах про воинских людей вестей каких объявитца, и вам бы о том писать на Тюмень тотчас. К сей памяти государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии печать земли Сибирские Тюменсково города воевода князь Иван Ондреевичь Львов приложил.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 10, лл 47 об.—48, № 40.

377. *1638 г. не ранее сентября 30.— Отписка нарымского воеводы Владимира Племянникова томскому воеводе князю Ивану Ромадановскому о пожаре Нарыма.*

Господину князю Ивану Романовичю Володимер Племянников челом бьет. В нынешнем, господине, во 147-м году сентября против тридесятого числа в ноче загорелся двор в Нарыме казачьего головы Юрья Данилова, и от того загорелись казачьи дворы. И Нарымского, господине, острогу выгорело две стены да 19 дворов казачьих, и животы их и хлеб, государева жалованья, погорел, и у многих служилых людей погорели пищали. И в остроге, господине, отсады учинить нечем, в государеве казне ружья ручного нет. А государево богомолие храм, государева казна в съезжую избу з государевыми делами и воевоцкой двор... пожаловал...

ААН, ф. 21, оп. 4, № 17, л. 433 об., № 222.

378. *1638—1639 гг.— Выписка из статейного списка казачьего головы Богдана Аршинского, ездившего за солью к Ямышу озеру, об его сношениях с калмыцкими тайшами, бывшими у озера.*

В статейном списке, каков подал в Тобольску в съезжей избе, приехав в Тобольской от Ямыша озера, казачей голова Богдан Аршинской в нынешнем во 147-м году, написано: в прошлом во 146-м году, идучи де он Богдан к солепым озерам, посылал в степь проведывать про колматцких кочевных людей и призывати их к государской милости; и сказывали, что идут к Ямышу озеру по соль государевы ратные люди, и они б колмацкие люди шли к Ямышу озеру к головам о государеве деле поговорити, и колматцкие де тайши и кочевные их колмацкие люди иные к государской милости приезжали в дороге, а иные к соляному пристанищу; а было де колматцких тайш у соляных озер в съезде: Котан тайша Когонаев сын, да Талай тайшин брат Абаша тайша, да Дебель тайша, да Ильдень тайша, да Талай тайшиных детей Тайчина и Гумбы племянник Чотко, и те де колматцкие тайши за себя, а Талай тайшиных детей племянник Чотка за дядь своих за Тайчина и Гумбу у солянова пристанища шертовали на том, что им быть под государевою царского величества высокою рукою и ему государю служить и прямить и под ево государевы городы и на волости не приходить и государевых руских людей и татар на зверовых промыслех и на рыбных ловлях не грабить и не побивать и от солянова Ямыша озера к судам соль на верблюдех и на лошадях возить; а после де шерти те колматцкие тайши государю служили: соль от озера на верблюдах и на лошадях возили; и тем де тайшам за службу давал он Богдан государево жалованье сукна, что с ним послано ис Тобольска; и он же де Богдан говорил Талай тайшиных детей племяннику Чотку и улусным их людем, чтоб они тарской и тюменской полон, собрав в улусех своих, прислали в Тоболеск. И Талай тайшиных детей племянник Чотко и служилые их люди говорили: ныне де у Тайчина и Кумбы з братом их з большим з Доенбою меж собою стала рознь: хотят друг друга воевать, а как де меж ими война минитца, и Тайчин де и Кумба тарской и тюменской полон, которой у них есть в улусех, сыскав, в Тоболеск пришлют. Да колматцкие де тайши, которые у соляных озер государю служили, били челом государю, чтоб государь их пожаловал, велел послать в их улусы русских людей и ис татар человек с 5 или с 6, с кем им из улусов своих послать в Тоболеск послов. И он де Богдан послал в улусы тех тайш, которые были у соляных озер, и в Талай тайшины улусы тобольских новокрещена Якова Буголакова, юртовских служилых татар Тенейка Итеева да Едигерка Брыкова, да тюменсково татарина Саруоль Якшеева да в вожах тобольсково бухаретина Корумка Абыманова да в кашеварех, по их челобитью, Бугайка Атинова, а с ним с Яковом послал

к Талай тайшиным детям, к Таичипу и к Кунбе государева жалованья 4 аршина сукна аглинсково червчатого да 8 аршип сукна аглинсково ж темно синево.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 11, лл. 23 об.—24 об., № 40[в].

379. *1639 г. не ранее октября 28.— Отписка тарских воевод Василия Чеглокова и Якова Тухачевского тобольскому воеводе князю Петру Пронскому о посольстве от Илдени тайши.*

Господину князю Петру Ивановичю Василей Чеглоков, Яков Тухачевской челом бьют. В нынешнем, господине, в 148-м году октября в 28 день пришли в Тарской город колмацкие от Илденя тайши посланники Болгамышко Изепев с товарыщи и с копеварьі 8 человек, да с теми ж Илденевыми посланники пришли в Тарской город торговых колмацких людей 29 человек с лошедьми; а на съезжем посольском дворе Илденев посланник Болгамышко с товарыщи нам говорили: прислал де их Болгамышка с товарыщи Илдень тайша в Тарской город, а велел бити челом великому государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии, чтоб государь ево Илденя тайшу пожаловал, велел бы ему быть под своею государевою высокою рукою, а он де Илдень тайша хочет государю служить и прямить и добра хотеть, как и ево Илденев брат Далай тайша служил государю; да он же Илдень тайша велел бити челом государю, чтоб государь ево Илденя тайшу пожаловал, велел бы к нему Илденю в улусы ис Тарсково города своих государевых посланников отпустить для торгу; да ево же бы де Илденя тайшу государь пожаловал, велел бы ему в Тарском городе и в иных своих государевых сибирских городех торговать повольно; да он же Илдень тайша велел бити челом государю, чтоб государь ево Илденя тайшу пожаловал, велел бы ево посланником двум или трем человекам зимовать на Таре, для тово чтоб ево Илденевым посланником, дождався государевых посланников ис Тарсково города, прийти к нему Илденю в улусы на весну. И мы, господине, против ево Болгамышковых с товарыщи речей, говорили: будет он Илдень тайша прислал их к великому государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии самодержцу с прямою правдою, что он Илдень тайша хочет быть под ево государевою высокою рукою в прямом холопстве на веки неотступно и государю служить и во всем добра хотеть, и им бы на том государю шертовать по своей вере за ево Илденя тайшу и за себя и за ево Илденевы улусные люди. И Илденевы, господине, посланники Болгамышко Изепев с товарыщи на съезжем посольском дворе государю шертовали перед нами на том, что Илденю тайше со всеми своими улусными людьми быть под его государскою высокою рукою в прямом холопстве навеки неотступно и во всем государю служить и прямить и добра хотеть, как ево Илденев брат Далай тайша служил государю и прямил, и под государевы городы и на ясашные волости войною самому с своими людьми и с Кучюмовыми внучаты и с иными государевыми изменники и непослушники не приходить и не мыслить, и в тайне на помочь на войну Кучюмовым внучатам и иным тайшам и изменником своих людей не давать, и в степи на звериных и на иных промыслех государевых ясашных людей нигде не теснить и не изгонять, да и впредь войною под государевы сибирские городы и на ясашные волости не приходить и не мыслити, и с Кучюмовыми внучаты и с государевыми изменники ни о чом не ссылатца; а от которых тайш или от Кучюмовых внучат или от государевых изменников он Илдень тайша и его Илденевы люди услышат, а оне учнут умысля каким дурном над государевыми городы, и ему Илденю. . .

ААН, ф. 21, оп. 4, № 11, лл. 32—33, № 47. Конец утерян.

380. *1640 г. не ранее января 3.— Отписка в Москву верхотурского воеводы Воина Корсакова по вопросу о том, можно ли в новые*

слободы призывать на льготу „старых крестьян с старых их жеребьев".

Государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии холопи твои Воипко Карсаков, подъячей Петрушка Михайлов челом бьют..., — *Далее повторяется текст, поставленный в № 386 между знаками * и **, после чего следует:* и нам бы в том от тебя государя в опале не быть. И впредь, государь, старых крестьян с старых своих жеребьев на новые места на льготу, что прибирает сын боярской Андрей Бужепинов от князя Петра Пронского, выпущать ли или нет, и о том нам холопем своим как укажешь.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 2, л. 179 и 179 об., № 146.

381. *1640 г. февраля 4.—Грамота в Туринск воеводе Никите Кафтыреву о подчинении крестьян, поселившихся в Ермолаевой волости на реке Нице, туринскому воеводе и об устройстве там новой слободы.*

От царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии в Сибирь, в Туринской острог, воеводе нашему Миките Васильевичю Кафтыреву. Писал еси к нам в прошлом во 147-м году июня в 22 день: били нам челом, а тебе в съезжей избе подали челобитную Туринского острогу Ермолаевы волости ясачные татаровя Илейка Алияров, Япматка Меньалияров и в товарыщев своих ясачных татар 8 человек места Ницынские Ощепковы слободы на крестьян на Мишку Зыренина, на Офоньку Кондратьева, на Петрушки Фомина зятя на Микитку, что де те пашенные крестьяне поселись дворами своими на их же юртах и с юрт их согнали, и около их пашен землю оборали и их теснят, и из их ухожья, где они добывали наш ясак, в лесах и в бобровых реках зверь выбивают, соболи и лисицы и бобры, и на бобровых речках мельницы ставят, и в рыбных ловлях в реке и в озерах и в запорных истоках рыбу ловят, и в хмелевых ухожиях хмель дерут безпрестанно в их старой вотчине насильством; и им де вперед ясачным татаром от русских людей отбыть нашего ясаку. И по нашему указу посылал ты ис Туринского острогу на Ницу в Ермолаеву волость, по их татарскому челобитью, Туринского острогу десятника стрелецково Ивашку Колугу да толмача Фетьку Васильева и велел им досмотреть, где Мишка Зыряпин с товарыщи дворы ставили и пашню пашут, и по нашему указу из Верхотурского уезду русские люди в Туринском уезде в татарских вотчинах дворы ставят и пашню на себя пашут, и хто им ту землю под дворы и под пашню отводил, а в Туринском они нам не бив челом. И июня в 24 день подал тебе Ивашко Колуга да Фетька толмач доезду своего за своей рукою память, а в памяти их написано, что они по нашему указу и по наказной памяти и по татарскому челобитью осматривали диково поля. И по досмотру Ивашка Колуги и Фетьки толмача в Туринском уезде на Нице в Ермолаеве волости диким полем и сенными покосы пашенные крестьяне Мишка Зыренин с товарыщи владеют; а дворы де у тех крестьян поставлены и пашня роспахана на не татарской старинной вотчине, а отводил де тем пашенным крестьяном землю под дворы и под пашню верхотурской сын боярской Иван Чернышев при воеводе при Иване Еропкине; и им де туринским ясачным тотаром для крестьянских обид ездить на Верхотурье далече; а в их татарских обидах и в насильстве те пашенным крестьяне Мишка Зыряпин с товарыщи по татарскому челобитью к суду в Туринской не едут, что они Верхотурского уезду, строят де их в Туринском уезде с Верхотурья. Да тот же Ивашко Колуга да Фетька толмач тебе в съезжей избе сказали, что мочно в том в Туринском уезде в Ермолаеве волости из Туринскова устроить наша слобода, что езду всего днище, и конского де падежу в том месте не бывает, а з Туринском де падеш живет ежелет, а к Верхотурью езду от той Ермолаевой волости 5 дней.

И нам бы о том велеть тебе наш указ учинить. И как к тебе ся наша грамота придет, и ты б велел тех новоселибных крестьян, которые поселились в Верхотурском уезде в Ермолаеве волости, ведать к Туринскому. И вперед велел тут слободу строить. А дворы велел новым крестьяном и которые ныне живут ставить на диких полях, а не на татарских юртах, и велел крестьяном только владеть пашнею да сенными покосами, а татарских угодей, где они зверь всякой добывают и рыбу и бобры ловят, и в те ни в какие татарские зверовые ловли, и в бобровые гоны и в рыбные ловли отнюдь крестьяном вступатца не велел, чтоб татар с юрт их не гнать и ясак бы им было платить с чего по прежнему. А которые крестьяне ныне поселились, и ты б им на нас велел пахать нашу десятинную пашню; а положил на них пашни пахать против иных туринских таких же пашенных крестьян и смотря по тамошнему делу, как бы в нашей пашне было прибыльнее. А как тех крестьян устроишь и сколько им на нас пашни пахать велишь, и тебе б о том отписать к нам к Москве с иными делы, а отписку велел подати в Сибирском приказе боярину нашему князю Борису Михайловичю Лыкову да дьяку нашему Микифору Шипулину. Писан на Москве 7148-го февраля в 4 день.

На обороте: Дьяк Микифор Шипулин. Справил подьячей Петрушка Степанин.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 6, лл. 62—63 об., № 282.

382. *1640 г. не ранее февраля 26.— Отписка в Москву тобольских воевод князя Петра Пронского с товарищами о посольстве к калмыцкому контайше конного казака Кузьмы Абрамова и юртовского татарина Хожемамета Итеева, с приложением выписки из „Записной книги о калмыцких посылках" о посольстве к контайше в 144-м году тобольского сына боярского Томилы Петрова с товарищами, и о сношениях с калмыками в 142-м и 143-м гг., а также об отправке контайшиных послов Уруская и Конды в Москву.*

Государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии холопи твои Петрушка Пронской, Федка Ловчиков, Ивашко Трофимов, Андрюшка Галкин челом бьют. В прошлом, государь, во 147-м году августа в 17 день писали мы холопи твои к тебе государю с тобольским сыном боярским з Гаврилом Ильиным, что мы холопи твои контайшина посланника Уруская, которой был прислан от контайши в Тоболеск при прежнем при стольнике и воеводе при князе Михаиле Темкине Ростовском с товарыщи, отпустили через Тару назад х контайше июля в 18 день, а с ним послали из служилых людей конново казака Куземку Обрамова да юртовского татарина Хожемаметя Итеева, а о чем Ураскай от контайши к тебе ко государю прислан был, что мы холопи твои про то с ними с тобольскими с служилыми людьми с казаком с Куземкой и с татарином с Хожамаметком х контайше приказывали, а что твоего государева жалованья х контайше послали и о чем контайшин посланник Урускайко на отпуске тебе государю бил челом, и мы холопи твои о том о всем к тебе ко государю подлинно в той же отписке писали. И тобольские, государь, служилые люди конной козак Коземка Обрамов да юртовской служилой татарин Хожемамет Итеев, которых мы холопи твои посылали х контайше с его посланником с Урускайком, пришли в Тоболеск в нынешнем во 148-м году декабря в 6 день. А с ними, государь, прислал контайша посланников своих тово ж Урускайко да Ноеду, и те, государь, контайшины посланники тебе государю от контайши челом ударили двое лошадей, а цена, государь, тем лошадем 3 рубли 26 алтын 4 деньги; а на посольстве нам холопем твоим говорили: велел де контайша бити челом тебе государю, чтоб ты государь пожаловал его контайшу, велел к нему прислати пансырь доброй, да пищаль ручную, да свинцу, да для плоду

на завод 10 свиней, да 2 вепря, да петуха да курицу индейских, да 10 собачек постельных малых; а твоих контайша государевых изменников достальных барабинских и чойских татар Кулапчейка с товарыщи велел сыскать и из земли своей выслал на старые их юрты; и только де ты, государь, пожалуешь ево контайшу тем своим государевым жалованьем, о чем тебе государю бьет челом, и чтоб де то твое государево жалованье послал все де к соляным озерам, а с кем из них ис посланников отпустят одново человека, а другово из них отпустить х контайше с вестью сухим путем; да к соляным бы же де озерам послали ис Тобольска твоих государевых торговых людей с товары, а он де контайша велит итти к солепым озерам Куле тайше и твое государево жалованье велит принять у солепых озер и тебе государю от солянова Ямыша озера на верблюдех соль в суды возить; а опричь де тово ничево с ними контайша не приказывал. А тобольские, государь, посланники Куземка Обрамов и татарин Хожамамет Итеев в роспросе нам холопем твоим сказали: как де, государь, пошли опи с Тары х контайшиным кочевьям. и съехали первые контайшины улусы, в которых Кула тайша кочюет, от Барабы в 9 днищах, и как х Кул тайше приехали, и Кула де тайша первое тем их встретил: с чем опе х контайше идут, свиней, собак по контайшину челобитью везут ли; и они де Куземка и Хожеметько Куле тайше сказали, что свиней и собак х контайше послати было не уметь, потому что контайшино кочевье далеко, на телегах вести их не уметь; и Кула де тайша учал было с ними с Куземкою и с Хожемаметком говорить: в задор отдал де контайша тебе государю твоих государевых изменников барабинских татар 100 семей и за то ожидал к себе твоего государева большово жалованья, и посылал в Тоболеск посланников своих и неоднова, а х кон де тайше присланы были твои государевы посланники ис Тоболеска и с Тары и обнадеживали контайшу твоим государевым большим жалованьем, и твоего де государева большово жалованья х контайше пе присылывано, а ныне де контайша посылал в Тоболеск посланника своего Уруская бити челом тебе государю о свиньях да о малых собачках, и х кон де тайше, и тово ныне пе прислано, только де ездят они твои государевы посланники контайшу оманывать; да и то де, государь, ведомо, что посылает на контайшиных ясашных людей на киргисцов ис твоих государевых городов войну, и кон де тайша терпеть станет ли, пошлет в Киргизы для береженья людей тысячи 3 и 4 и велит оберегать, воевать не даст, а барабинских де татар всех велит поимать к себе в улусы. И они Куземка и Хожемаметько Куле тайше против тово сказали, что посланы они в посланникех х контайше, а не к нему х Куле, и приказу к нему никакова ни о чем нет, приказ им говорити контайше; а что он Кула тайша говорит, будто посылают войну на киргиз, и то затевает собою, и говорит угрозами, и тем меж твоими государевыми людьми и контайшею чинит ссору, а контайша тово не ведает. Да ему ж де Куле сказали, что ныне по твоему государеву указу присылают в сибирские городы из русских городов руских людей, человек по 500 и больше, на всякой год для тово, что в руских городех людей умножилось и не для войны; а которые будет орды будут немирны, учнут с твоими государевыми людьми чинить задоры, с ним терпеть не учнут. И Кула де тайша стал с ними говорити посновно и сказал, что пришла де им колмацким людем та весть от барабинских татар да от киргисцов, с которых на контайшу ясак емлют. И велел им Куземке и Хожемаметку корм давать и провожать Куземку и Хожемаметку до контайши сам. А наехали де контайшу на урочище на речке на Ясыти, шли от Кулина кочевья месяц. А корму де им в дороге в контайшиных улусех было довольно. А контайшина де, государь, посланника Уруская отпустил Кула тайша х контайше наперед себя. И как де контайша велел им Куземке и Хожамаметку быти у себя на посольстве, и они де Куземка и Хожамаметко отдали контайше твое государево жалованье сукна, что с ними послано ис Тобольска, а отдав говорили, чтоб он контайша,

видя к себе твою государскую милость и призренье, тебе государю служил и прямил свыше прежлего, и впредь бы он контайша на твою государеву милость был надежен и твоих государевых изменников достальных барабинских татар Куланчейка товарыщи отдал, и впредь к себе твоих государевых изменников не примал, отсылал бы их в твои государевы городы,. и твоих государевых посланников у себя не задерживал, отпущал в Тоболеск без задержанья; а что он контайша бил челом тебе государю о пансыре и о свиньях и о собаках, и такова пансыря, чтоб пищаль не пяла, в Тоболеску не сыскано, и о том писано к тебе к государю к Москве, и твой государев, указ еще не бывал, а как о том твой государев указ будет, и к нему х контайше о том прикажет; а свиней и собак к нему х контайше послати не уметь для тово, что он контайша кочюет далеко и на телегах вести их не уметь. Да кон де тайша твое государево жалованье сукна принял у них честно и на твоей государской милости бил челом. И выслушав речи их, им говорил: отец де ево контайшин Каракула тайша тебе государю служил и во всем прямил, и под твои государевы городы и на уезды и на ясашные волости сам не хаживал и людей своих не посылывал, и с твоими государевыми людьми во всем был мирен; а он де контайша потому ж тебе государю служит и с твоими государевыми людьми нигде задору ни чинит и твоих государевых изменников в улусы свои не примает, откочевали де было в ево во контайшины улусы твои государевы ясачные люди барабинцы князец Когутейко с товарыщи своею волею, а он де контайша их не подзывал и по них не посылал; к нему де х контайше присылали многижда Куиша тайша и Кучюмовы внучата, а просили их к себе, и он де контайша тех барабинских татар Куйше тайше и Кучюмовым внучатам не отдал, и служа тебе государю и хотя отвести в твоей государской милости, отпустил их на старые их вотчинные места 100 семей; да и достальных де, государь, твоих государевых изменников Куланчейка и Яголдуйчюрана с товарыщи з женами и з детьми 12 семей из земли своей велел выслать давно в Барабу ж, и Куланчейко де с товарыщи з женами и з детьми и бегаючи от нево живут по дальным речкам в хоронех; и ныне де он контайша велит учинить в улусех своих заказ крепкой и заповедь, где те твои государевы изменники барабинские татарове Куланчейко с товарыщи и объявятца, велит выслать в Барабу; и больших де людей он контайша тебе государю отдал, а за тем де что стояти. И до тово де, государь, дни, опричь тово, ничево им контайша не говорил, только и сказал, что приказ он контайша тебе государю отдал, а за тем де что что стояти. И до тово де, государь, твоих государевых изменников достальных барабинских татар для Куланчейка с товарыщи тово ж дни велел розослать улусных своих людей во все стороны, а велел их проведывать и в улусех своих учинити заповедь, чтоб нихто тех достальных барабинских татар меж себе не укрывали, выслали их в Барабу з женами и з детьми и со всеми животы тотчас. А мать де, государь, ево контайшина Абахай и жены ево стояли от нево контайши кочевьем верстах в 10. И на третей де день поехал контайша для их Куземкина и Хожамаметкова отпуску на думу к матери своей к Абахаю и их Куземку и Хожемаметка взял с собою. И приехав в кочевье, был у матери своей у Абахаи долгое время, сидел с нею наодине; да и их де, государь, Куземку и Хожемаметка велели взяти к себе. И как де они пришли х контайшиной матере к Абахаю в избу, и кон де тайшина мать Абахай только спросила их о здоровье, а больши де тово ничево не говорила. И велели де, государь, их у себя кормить. И в тое де пору говорили они меж себя неведомо что тихо долгое время, а им то было не слышно, потому что сидели от них далеко. И говоря де, государь, они меж собою, учал контайша говорить им Куземке и Хожамаметку розговором: служа́ де он контайша тебе, государь, отдал твоих государевых изменников барабинских татар 100 семей и за тое де службу ожидал твоего государева большого жалованья; и после де тово присыланы к нему х кон-

тайше ис Тоболеска твои государевы посланники Томило Петров с товарыщи с твоим государевым милостивым словом и сказывали, что шлют к нему х контайше с Москвы твоего государева жалованья на 500 рублев, и тово де твоего государева жалованья и по сю пору к нему х контайше не присылывано; сказывал де ему про то Томилю Петров с товарыщи неведомо правду или будет лгали. Да в прошлом де, государь, во 146-м году присылан к нему х контайше в посланникех ис Тоболеска Дружина Кулагин и сказывался, что он в Тобольску человек чесной, воеводе племянник, и он де контайша бил челом тебе государю, а ему Дружине говорил и к воеводам в Тоболеск с ним Дружинкою и с посланником своим с Ураскайком приказывал, чтоб ты, государь, ево контайшу пожаловал, велел посланика ево Урускайка ис Тоболеска отпустить к себе к государю к Москве бити челом о твоем государеве жалованье, да ево же де бы контайшу ты, государь, пожаловал, велел к нему прислати пансырь доброй да свиней да малых собачек постельных; и Дружинка де Кулагин, называючись воеводе племянником, дал ему контайше слово, что было ему посланика ево Урускайка провести к Москве и быть с ним опеть назад, и свиней и собак к нему х контайше привести; и посланика де ево Урускайка ис Тобольска к тебе государю к Москве не отпустили, и свиней и собак не прислали, и Дружинка де Кулагин к нему х контайше не приехал; и вперед де чему верить, неведомо де, воеводы ваши оманывают, неведомо де вы послы оманываете. И они де Куземка и Хожамаметко контайше говорили, что присылают в Тоболеск воевод от твоей государские высокие руки чесных людей пеpемеными; а Дружинка де Кулагин в Тобольску тобольской урожепец, редовой служивой человек, что и они Куземка и Хожамаметько, а татарскому и колмацкому языку не умеет; да и того в нем не станетца, что ему не свойски называтца воеводам во племянники и дать такое слово, что посла ево Уруская провести было к Москве, и быти с ним назад, и свиней и собак к нему х контайше провести; нешто де солгал тот толмач или переводчик, которые в те поры при нем контайше толмачили. И кон де тайша после тово учал им Куземке и Хожмаметку говорить, что ныне де отпускает он контайша их Куземку и Хожамаметку в Тоболеск, а с ними посылает в посланникех 2 человек Поеду да Ураская ж бити челом тебе государю, чтоб ты, государь, ево контайшу пожаловал, велел к нему прислати пансырь доброй, да пищаль да свиниц немного для тово, что де у него у контайши ездит за птицею сын, да для плоды на свод 10 свиней, да 2 вепрей некладеных, да петуха да курицу индейских, да 10 собачек постельных малых для тово, что поставил де он контайша на мунгальской границе, в урочище в Кубаксарах, городок каменой и заводить пашню и хочет в том городке жити. А о ином де, государь, ни о чем им контайша бити челом тебе государю и в Тобольску нам холопем твоим говорити не приказывал. А будет де сверх тово чем ево контайшу ты, государь, пожалуешь, и в том де твоя государская воля; только б де ево контайшу ты, государь, пожаловал тем, о чем ныне посылает тебе государю бити челом. И как де они Куземка и Хожамаметко будут в Тобольску, и чтоб нам холопем твоим, говорили, чтоб де посла ево однозо отпустили к тебе к государю к Москве; а будет де посла ево к тебе государю к Москве не отпустят, а учнут к нему то твое государево жалованье посылати ис Тобольску, и чтоб де с тою вестью послати к нему де одново посланника ево степью, а другово и твое государево жалованье: пансырь, пищаль и свиней и индейские куры и постельные собачки отпустить в судех к соленым озерам; и чтоб де ево контайшу ты, государь, пожаловал, велел к нему х контайше послати своих государевых торговых людей с русскими товары, а он де контайша прикажет Куле тайше итти на весну к соленым озерам и то твое государево жалованье велит ему принять у соляных озер и велит у соляных озер тебе государю служить, всюды соль возить; а для той воски и под торговых людей в подводы пошлет с ним с Кулою 100 верблюдов. И отпустил де их Куземку

и Хожамаметка контайша с тово ж урочища, где ево съехали, с речки с Ясыти, да с ними послал в Тоболеск 2 человек послов своих Ноеду да Уруская. А на отпуске де, государь, тем и свершил: только де ты, государь, не пожалуешь тово, о чем он ныне тебе, государь, бьет челом, прислати не велишь, и впоред де послаников посылать в Тоболеск нечево. А отпустя де, государь, их, послал с ними провожатых до Кулина улусу 2 человек лутчих людей Куденя да Магалдая, потому что Кула де тайша занемог, а сам де контайша покочевал в городок, что поставил он в урочище в Кубаксарах. А Кубаксары де, государь, урочише сказывали им колматцкие люди от речку от Ясыти, где они контайшу наехали, всего в трех днищах кочевных; а в том де городке живет у него у контайши лаба и заводит на контайшу пашню; а пашут де, государь, пашню бухарские люди, сеют пшеницу и просу, и семена де завезены из Бухары; а кон де тайша в том городке еще не живал, кочюет около кочевьем. А их де Куземку и Хожамаметка для чево контайша до тово городка не допустил, тово де они Куземка и Хожамаметка не ведают. А провожатым де своим на отпуске приказывал накрепко: будет твои государевы изменники достальные барабинские татарове Куланченко и Яголдаичюрап товарыщи на старые свои вотчинные места в Барабу еще не пошли и где про них весть будет, велел сыскивать и отдати им Куземке и Хожамаметку. И шли де, государь, они контайшиными улусы до Кулина кочевья и до Курчаков месяц, а нигде про тех твоих изменников про Куланчейка с товарыщи проведать не умели. И как пришли в Курчаки, слышали от белых колмаков, что те твои государевы изменники барабинские татарове Куланчейко с товарыщи прокочевали в Барабу до их Куземкина и Хожамаметева от контайши приходу. И идучи в Барабу, нашли шлях, знатно, что шли те барабинские татаровя в Барабу. И как де пришли на речку на Илесу, не доходя Барабы за 4 днища, закинуло тот шлях снегом, и куды де те люди пошли, тово неведомо. И они де Куземка и Хожамаметко, идучи к Таре, барабинские юрты, которые им по дороге, про тех татар про Куланчейка с товарыщи проведывали ж: вышли ль они на старые свои юрты. И слышали де, государь, что ис тех изменников Куланчейка с товарыщи Илчибайко з женою и з детьми из Колмаков на старые свои вотчинные места вышол и дожидался их Куземки и Хожамаметка, хотел с ними ехати на Тару, а с Тары в Тоболеск, да поехал де на зверовье за лисицами, чаял тово, что они Куземко и Хожамаметко в Колмаках у контайши зазимовали, а жена де ево Илчибайкова и дети живут в стороне на озере на Сарпане з барабинскими татары. А Куланчейкова де, государь, вотчина на Убе озере, а Яголдычюрапа в Теренцкой волости, от них далеко; и вышли ль де, государь, те татаровя на старые свои места, тово еще неведомо, проведать де, государь, и сыскать их не уметь, потому что укинули снеги. А всего де, государь, шли они от контайши до Кулина кочевья, а от Кулина кочевья до Барабы и до Тарсково города 9 недель. И, идучи контайшиными улусы, слыхали у контайшиных людей, говорили меж себя, что присылает де к контайше Девлеткирей Кучюмов внук послов, а просит дву тысяч человек людей, кем бы ему воевать твои государевы городы, и кон де тайша отказывает, а говорит, что он с твоими государевыми людьми не хочет воеватца. Да они же де, государь, Куземко и Хожамаметко слышали, идучи к контайше и назад от контайши в Барабе, что барабинские татаровя, которые были в измене, скучают, а говорят: для де чево к контайше по ево челобитью твоего государева жалованья свиней и собак не пошлют, только де контайшу, государь, тем, о чем бьет челом не пожалует, и они барабинцы тово опасаютца, чтоб контайша не велел их поимать к себе в улусы. А опричь де тово, государь, они Куземка и Хожаметько в Колмаках, идучи Барабою, ничево не слыхали. И мы холопи твои велели колмацким послом побыти в Тобольску до твоего государева указу и твое государево жалованье корм и питье велели им давать по прежнему. А ис прежних отпусков, как посылан в Колмаки

х контайше Томило Петров с товарыщи, велели выписать, о чем им контайше ведено говорити и на 500 рублев твоего государева жалованья сулить велепо, и после тово о том контайшин приказ в Тоболеск бывал ли. И в записной, государь, книге, что о колматцких посылках, за приписью дьяка Григорья Протопопова, написано: в прошлом во 144-м году, как посылап ис Тобольска в Колмаки х контайше в посланиках тобольской сын боярской Томило Петров с товарыщи, велено им контайше говорити, что в прошлом во 143-м году бил он челом тебе великому государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии самодержцу, чтоб ты, великий государь, пожаловал ево контайшу, на улусы ево своих государевых ратных людей войною посылати не велел, и послом бы ево и торговым людем поволил ходить в Тарской город, а он контайша, помня твою государскую милость к отцу своему х Каракуле и к себе, изменпиков твоих государевых тарских татар князьца Когутейка с товарыщи из улуса своего отдал и в Тарской уезд на прежние их юрты отпустил, и присылал оп контайша о том на Тару послов своих Япдыра с товарыщи, и за тое его тайшину службу, что он, служа тебе государю, отдал твоих государевых изменников тарских барабинских татар князьца Когутейка с товарыщи и в Тарской уезд из улусов своих па старые их юрты отпустил, послапо к нему х контайше з братьею и х Куле тайше ис Тобольска твоего государева жалованья сукна с тарскими посланники с Федькою Плотниковым с товарыщи. И от тех тарских послапников в Тобольску учинилось ведомо, что оп контайша, видя к себе твою государеву милость, тарских послапников честь воздавал и задержанья им никакова не учинил. И во 144-м же году присылал он контайша в Тоболеск послов своих Кумяна с товарыщи. А с твоими государевыми с тарскими посланники и с теми своими послы с Кумяном с товарыщи он контайша в Тоболеск приказывал, что хочет он тебе великому государю и впредь служити и прямити во всем, и достальных твоих государевых изменников барабинских татар Кулапчейка с товарыщи из улусов своих отдать и веспою итти к соляному Ямышу озеру, и у Ямыша озера своими людьми на верблюдах соль в суды грузить. Да он же де контайша с твоими государевыми посланники приказывал: будет пойдут на Тарской город или на Барабу какие воинские люди, и оп велел про то Куле тайше с вестью послати в Барабу, чтоб от барабинцов весть была в Тарском городе, а покаместа де твои государевы люди против тех воинских людей пойдут, и оп де контайша до тех мест велел самому Куле тайше на тех воинских людей итти в свою сторону, а к себе о том велел учинити весть, а по вести на тех воинских людей хотел ходити сам и тебе государю служить. И к нему х контайше прислано с ним с Томилом с товарыщи ис Тобольска твоего государева жалованья два сукна. И он бы контайша, видя к себе твою великого государя милость и жалованье, тебе великому государю и впредь служил и прямил во всем и в правде своей стоял, в чем он слово свое дал, и с тарскими посланники и своими послы в Тоболеск приказывал, достальных твоих государевых изменников барабинских татар Кулапчейка с товарыщи сыскав отдал и впредь к себе в улусы таких воров не принимал, а отсылал их в твой государевы городы назад; а которых будет улусов пойдут воинские люди на твои государевы городы или па волости безвестно, и он бы контайша велел Куле тайше о том в те городы и в волости посылати с вестью, а самому б итти тем воинским людем навстречю, и свестясь с твоими государевыми ратными людьми, над теми воинскими людьми промышляти и под твои государевы городы и на волости войною их не допустить; а будет ему контайше з братьею от кого будет какое утесненье, и он бы о том посылал послов своих в Тоболеск, и по твоему государеву указу учнут к нему твоих государевых ратных людей из городов на помочь посылати и от недругов ево так же оборонять; а близко твоих государевых ясашных волостей ему контайше с улусы своими кочевати нельзя, потому что меж твоими государевыми людьми и ево улусы во всем будет

многая ссора, и он бы контайша с улусы своими кочевал на прежних своих кочевьях, а блиско твоих государевых ясашных волостей с улусы своими не кочевал, чтоб меж твоими государевыми людьми и ево улусы ни в чем ссоры не было. Да во 144-м году будут ис Тоболеска и из иных сибирских городов твои государевы ратные люди к Ямышу озеру по соль, и он бы контайша шол на твою государеву службу к Ямышу озеру, и у Ямыша озера по прежнему тебе государю служил и соль всюды людем своим возить велел и верблюды твоим государевым людем давал; а которые и иные таиши будут у соляных озер, и тем бы тайшам задору чинить не велел. Да в прошлом во 142-м году пришел в Тарской город с торгом из Бухары бухарской посол Казы Казыев с товарыщи, а шол через Куйшин улус, и после тово Куйша таиша, забыв к себе прежнюю твою государскую милость и жалованье, присылал под Тарской город детей своих и зятя и людей, твоих государевых изменников Кучюмова внука Аблу и тарских татар Кочашка Танатарова с товарыщи, безвестным обычаем с войною двожды, и дети ево и зять и колматцкие люди изменники под Тарским городом твоих государевых многих людей побили и в полон поимали, и для ево Куйшины войны тот бухарской посол Казы Казыев был на Таре, и Куйша тайша присылал в Тоболеск и на Тару послов своих многижда, а велел бить челом тебе великому государю, чтоб ты великий государь ево пожаловал, велел ему Куише таише в воинском приходе вину ево отдать, и бухарсково посла Казыя к нему в улус отпустить, а он Куйша сыщет у себя в улусех весь тарской полон и на Тару пришлет; и по челобитью Куишину, не помня ево неправды, вперед хотя от нево к себе ко государю службы, бухарской посол Казы к нему х Куише в улусы отпущон, а Куиша таиша тое осени тарскова полону на Тару не прислал, а с послами приказывал, что отдаст он весь полон летом твоим государевым людем у соли. Да в прошлом же во 143-м году приходили под Тюмень Кучюмовы внучата и твои государевы изменники тарские и тюменские татаровя да с ними Талай таишина улуса колмацкие воинские люди Тархан батырь с товарыщи безвестным же обычаем и Тюменской уезд повоевали, многих твоих государевых людей побили и в полон поимали, и тот полон в Талай таишине улусе, и Талай таиша присылал в Тоболеск посла своего Баучю Моударова с товарыщи, а велел бить челом тебе великому государю, чтоб ты великий государь пожаловал своих государевых ратных людей войною па улусы ево посылать не велел, а человек де ево Тархан батырь ходил под Тюмень без ево ведома, и он де Галай таиша тюменской полон сыскав отдаст; да на том в Тобольску Бауча с товарыщи и шертовали. А Талай и Куйша таиши с ним с контайшею в свойстве и в дружбе, и он бы контайша к тебе великому государю прямую свою явственную службу и правду оказал, будучи у соляных озер или с кочевных своих улусов послал от себя х Куйше и Талаю тайшам нарочно и велел им говорить, чтоб они, помня к себе твое великого государя прежнее жалованье, тебе великому государю служили и прямили во всем, и блиско твоих государевых волостей не кочевали,

ясашных и всяких людей на зверовых промыслех не побивали и в полон не имали, и в слове своем стояли: тарской и тюменской полон по договору своему, сыскав у себя в улусех, весь отдали, и твоих государевых изменников тарских и тюменских татар Кочашка Танатарова да Янбайка Ялтурина прислали на Тару или в Тоболеск, в том бы на себя от тебя государя опалы, а на свои улусы разоренья не наводили, и вперед у себя Кучюмовых внучат и твоих государевых изменников тарских и тюменских татар не держали, и людьми своими Кучюмовых внучат не подмогали, и под твои государевы городы или уезды войною с ними не посылали, а ты великий государь одноличдо за тое ево контайшину службу пожалуешь ево контайшу своим государевым жалованьем, и послом ево и торговым людем велишь приходити в сибирские города и торги им давати повольные и отпускати, их велишь без задержанья. Да дати велено контайше твое

государево жалованье сукна, а отдав сукна велено говорити, что в том же во 144-м году ведомо в Тобольску учинилось: в прошлом 143-м году приезжал в Барабу... от Кулы тайши о Семене дни по ясак Кулы тайши брат Чюлюнга да племянник ево Кулип Тарлак да Когутей да Ужеты да Чолчи и взяли з барабинцов и с чоинцов и с князьца Когутейка с товарыщи, которых отдал контайша тебе государю, и старых твоих государевых ясачных людей с Татуя Калышова с товарыщи со всех ясак на пево па контаншу и на Кулу, а тое ж весны хотят быть опять в Барабу по ясак от Кулы тайши по его контайшину приказу. Да во 144-м же году своровали Чойские волости ясачные татаровя, отъехали к Куле тайше два человека Яголда да Чюрал з женами, которые приехали было с князьцом с Когутейком, и те изменики у Кулы тайши в улусех, и кои бы тайша, служа тебе государю, ясаку на себя с твоих государевых ясашных людей з барабинцов и с чоинцов вперед имати не велел. А которые будет колмацкие люди в прошлом во 143-м году приезжали в Барабу без ево контайшина ведома и с барабинцов и с чоинцов ясак имали собою, и он бы кои и Кула тайши тех ясатчиков сыскали и учинил им за то наказанье. А что они с твоих государевых ясачных людей з барабинцов и с чоинцов ясаку взяли, и то б все и чоинских ясашных татар двух человек з женами и з детьми, которые отъехали х Куле тайше в улус, сыскав, в Тарской город отдали. А Куле, государь, тайше велено говорить, чтоб он, служа тебе великому государю, тарских изменников Чойские волости ясашных татар Яголды и Чюрала з женами, которые приехали было ис Колмаков с князьцом с Когутейком и опять своровали, приехали к нему, отдал их твоим государевым посланником или прислал на Тару, а ты, государь, ево Кула тайшу за его службу пожалуешь. А тово в Тоболеск, что шлют с Москвы к контайше твоего государева жалованья на 500 рублев в записке не написано, и с Томилом, государь, Петровым с товарыщи о том контайше говорити не приказывано. И Томило де Петров с товарыщи назад в Тоболеск пришли в прошлом же во 144-м году, а с ними присылал контайша и мать ево Абахай да брат ево Чогур да зятья Ирки, Табуи да Тюшата посланников своих Абана Буганаева с товарыщи, а с ними прислал писмо. А с послами своими контайша приказывал, что, служа он тебе великому государю, отдал наперед тово твоих государевых изменников барабинских татар князьца Когутейка с товарыщи з женами и з детьми и выслал их на Тару, а что де было с тех барабинских татар довелось контайше на себя ясаку имать, и контайша тем ясаком тебе государю челом бьет и вперед с тех барабинских татар ясаку па себя имать не велит. Да в прошлом де во 143-м году, как приходили под Тару Куйшина улуса воинские люди и под Тарою руской и татарской полон поимали, и Куйша де таиша тарсково полоняника послал было в Бухары продавать твоего государева пашенново крестьянина Гришку Ондреева, и он де контайша, служа тебе государю, тово пашенново крестьянина Гришку Андреева у Куйшиных послов на дороге взял, и в Бухары ево продать не дал и прислал тово Гришку с ними с послы в Тоболеск. И за тое де службу контайша велел бити челом тебе великому государю о твоем государеве жалованье и посланникех, чтоб послали к нему твоих государевых посланников. А как к нему х контайше твои государевы посланники придут и твое государево жалованье он контайша за службу к себе увидит, и он де в те поры и достальных твоих государевых изменников Кулапчейка с товарыщи и з женами и з детьми отдаст. А в письме контайшине по переводу написано то ж, что послы ево Абан с товарыщи говорили. А тово, государь, что говорил Томило Петров с товарыщи, что шлют с Москвы контайше твоего государева жалованья на 500 рублев в контайшиной отписке не написано и послы контайшины на приезде в Тобольску про то не говаривали. Да и после, государь, тово которые твои государевы тобольские посланники посыланы х контайше о достальных твоих государевых изменников о Кулаченке с товарыщи говорити, и контайша тем твоим государевым

посланником о том не говорил и с послы своими в Тоболеск не приказывал. Да и тобольской, государь, сын боярской Томило Петров ныне в распросе нам холопем твоим сказал те ж речи, что и в записной книге написано, что де, государь, приказано им контайше говорити, то оне и говорили, а того ж, что шлют ему х контайше с Москвы твоего государева жалованья па 500 рублев, не говаривал. Да и про Дружинку, государь, Кулагина контайшин посланик Ураскайко, которой с ним пришол в Тоболеск, наперед сево на посольстве и на отпуске и ныне на посольстве таких речей, что он Дружинка назывался воеводе племянником и что хотел ево Урускайка провести к тебе к государю к Москве и с Москвы быти назад х контайше с свиней и собак привести, не говорил же. А твоего государева жалованья х контайше за ево службу, что он тебе государю служил, барабинских татар, твоих государевых изменников, отдал в твои государевы в сибирские городы 100 семей, наперед сево ничево не посылывано. А против ево присылки, чем он тебе государю челом ударил, посылываны к нему одне сукна добрые. И в нынешнем, государь, во 148-м году генваря в 20 день в твоих государевых царевых и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии грамотах: в одной из Посольского приказу, за приписью дьяка Григорья Карпова, а в другой из Сибирского приказу, за приписью дьяка Микифора Шипулина, к нам холопем твоим писано: будет от контайши в Тоболеск послы придут и учнут бити челом об отпуске ис Тобольска к тебе государю к Москве, и нам холопем твоим контайшиным послом твое государево жалованье сказать велено, что ты, государь, контайшу пожаловал, послов ево из Сибири, ис Тоболеска к тебе ко государю к Москве отпустить велел и твое государево жалованье контайше за ево службу будет; а сказав, государь, тем колмацким контайшиным послом твое государево жалованье, велено их отпустить из Сибири, ис Тобольска, к тебе к государю к Москве с приставом и с провожатыми, с кем пригоже, и корм им в дорогу велено дати против твоего государева указу; а хто, государь, имяны ис колмацких улусов от контайши послов присланы и которого числа тех послов и с кем имяны с приставом и с провожатыми ис Тобольска к тебе ко государю к Москве мы холопи твои отпустим, и нам холопем твоим о том их отпуске велено отписати к тебе ко государю наперед их отпуску с нарочным гонцом. И мы, холопи твои, тем колмацким контайшиным послом Урускаю и Ноеде велели у себя быти на съезжем посольском дворе и твое государево жалованье им сказали, что контайшу ты государь пожаловал, послов ево к себе ко государю к Москве отпустить велел и к тебе государю ныне контайша или велел итти или ково иных послов контайша пришлет, и всем ли им итти или из них кому одному. И контайшины послы Урускайко и Ноеда тебе государю били челом, чтоб ты, государь, их пожаловал, велел к себе государю ныне отпустить обоих, а розрознитца им не уметь, потому только де их двое да третей человек у них кашевар; а х контайше де, государь, им ныне посылать некого и нечево для, к тебе де государю от контайши о всем приказ с ними. И мы, холопи твои, сказали им твое государево жалованье, отпустили их на посольский двор, где они поставлены. И приказали приставу, которой у них приставлен, тобольскому атаману новокрещеных татар Офонасью Черкасову, чтоб он с ними поговорил в разговоре: прислали с ними контайша что чем им тебе государю на Москве челом ударить, чтоб нам холопем твоим было ведомо и к тебе ко государю отписать. И пристав, государь, их Афонасей Черкасов нам холопем твоим, пришед в съезжую избу, сказал: говорили (колмацкие контайшины послы: прислано де к тебе государю от контайши челом ударить наперед сего с прежними контайшиными послы в прошлом во 146-м году: наручи, да барс, да 2 елбарса, 7 бобров, 3 кошлока; и те, государь, наручи и барс да 2 елбарса и бобры и кошлоки посланы к тебе ко государю к Москве при прежнем при стольнике и воеводах при князе Михайле Темкине Ростовском с товарыщи во 146-м году же с тобольскими служилыми людьми с сыном боярским

Михаилом Ушаковым с товарыщи. И мы холопи твои тех контайшиных послов Урускана и Ноеду да с ними кашевара их Ашубура отпустили к тебе ко государю к Москве февраля в 26 день. А в приставех с ними послали тобольсково сына боярсково Саватея Мокринсково да в толмачех новокрещеных татар служилого человека Якушка Буголакова да в провожатых тобольских служилых людей конново казака Куземку Обрамова, да юртовского служилого татарина Кожамаметка Итеева, для тово что тех служилых людей мы, холопи твои, в прошлом во 146-м году посылали х контайше и от контайши пришли оне в Тоболеск с теми контайшиными посланники вместе.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 11, лл. 34—45 об., № 49.

383. *1640 г. мая 18.—Грамота в Тобольск воеводе князю Петру Пронскому с товарищами о переводе демьянских и самаровских ямских охотников в Томск на пашню и об ямской гоньбе ясачных людей.*

От царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии в Сибирь, в Тоболеск, воеводам нашим князю Петру Ивановичю Пронскому да Федору Ивановичю Ловчикову, дьяком нашим Ивану Трофимову да Андрею Галкину. В нынешнем во 148-м году декабря в 24-й день послана к вам наша грамота, а велено вам на Демьянской да на Самаровской ямы, которые были устроены по остяцкому челобитью на сибирской дороге меж Тобольска и Сургута, послати ис Тобольского, кого пригож, и тех ямских охотников и их детей и братью и племянников и захребетников, переписав на роспись всех налицо имянно, чей хто сын и с прозвищи и каков хто прожитков, а переписав тех ямских охотников з женами и з детьми и с племянники и захребетники и со всеми их животы з Демьянского да Самаровского ямов отвести в Томской и отдать стольнику и воеводам князю Семену Клубкову Мосальскому с товарыщи, а им, приняв тех ямских охотников з детьми и з племянники и з захребетники, велено устроить в Томском уезде на нашу пашню, где пригож; а ямскую гоньбу по тем дорогам, по которым те ямские охотники гоняли; велено гонять тобольским и березовским и сургуцким остяком по прежнему; и как те тобольские и березовские и сургуцкие ясачные люди ямскую гоньбу гоняти учнут и с тех ясачных людей з 25 волостей, которые нам били челом об ямском строение, нашего ясаку и поминков и воеводцких поминков против тобольского и березовского и сургуцкого пометных списков 146-го году и что те ж тобольские ясачные люди давливали на нас юровую рыбу и платили сухую рыбу и жир, а в продаже за тое рыбу и за жир денег выходило по 80 рублев, и всего ясаку и поминков и воеводцких поминков и за рыбу и за жир 2017 рублев 22 алтына 2 деньги велено вам с них сложить и из окладу выложить; а другую половину нашего ясаку и поминков и воеводцких поминков и рыбы и жиру с тех ясачных людей или которые будут в тех ясачных волостях подросли приисканы вновь, и с них по окладу нашего ясаку или на гулящих людей и прииских подрослях доведетца нашего ясаку и поминков по окладу прибавить велено, имати по прежнему нашему указу против окладу сполна; и в ясашные окладные книги и в пометные списки тое складку приправить и описать имянно, что с тех волостей сложено; и вперед против скольких рублев нашего ясаку и поминков и воеводцких поминков против окладу в полы имать доведетца. И в нынешнем же во 148-м году писали вы к нам, а с отпискою своею демьянских и самаровских прислали 4-х человек ямских охотников Степанка Тимофеева с товарыщи, по их же челобитью, о церковном строенье; а на Москве они нам били челом, чтоб нам их пожаловать, для томского подъему и новые дворовые селитьбы велети им в Томском дати льготы. И мы демьянских и самаровских ямских охотников пожаловали, велели, где они в Томском устроены будут на пашню, дати им льготы на год. И те ямские охотники Степанко

Тимофеев с товарыщи с Москвы от нас в Сибирь, в Тоболеск, к вам отпущены. А велено вам их по прежнему пашему указу з Демьянского и Самаровского ямов отослать в Томской в пашенные крестьяна. И как к вам ся наша грамота придет, а те ясачные охотники, которые ныне были на Москве в челобитчиках, в Сибирь, в Тоболеск, к вам приедут, и вы б по прежней и по сей нашей грамоте на Демьянской и на Самаровской ямы ис Тобольска послали, кого пригож, а велели тем ямским охотником наше жалованье сказать, что мы их для новой селитьбы пожаловали, велели им, как опи будут в Томском, учнут дворами своими селитца, и для той новой селидьбы велели им дать льготы на год; а сказав им то наше жалованье, да тех ямских охотников и их детей и братью и племянников и захребетников по прежнему нашему указу переписать на роспись всех налицо имянно, чей хто сын и прозвищи и каков хто прожитком, а переписав велели их и з женами и з детьми и с племянники и захребетники и со всеми животами з Демьянского да Самаровского ямов отвести в Томской и отдати стольнику и воеводам князю Семену Клубкову Масальскому с товарыщи; и о том к ним наши грамоты наперед сего и о церковном строенье и обо льготе с нашим указом посланы. А тобольским и березовским и сургуцким ясачным людем велели б есте ямскую гоньбу гоняти по прежнему, как они гоняли наперед сего до русских ямских охотников; а по скольку с них подвод и за подводы кормщиков и гребцов и нарт имати, и вы б им о том указ наш учинили, смотря по тамошнему делу и по своему высмотру. И велели б есте тех ясачных людей от воевод и ото всяких людей, которые сибирскою дорогою в Сибирь и из сибирских городов поедут, оберегать накрепко, и нашего ясаку и поминков и воеводцких поминков и рыбы и жиру с тех ясачных людей сложили половину, велели с них имати на пас и во всем их ото всяких людей оберегать по прежнему нашему указу, каков вам о ямском строение в прежней нашей грамоте написан. А которого числа з Демьянского и с Самаровского ямов ямщиков з женами и з детьми и з братьею и с племянники и захребетники в Томской свезут, и сколь хто семьянист, и каков хто прожитком, и все ли сполна в Томском стольнику и воеводам князю Семену Клубкову Масальскому с товарыщи отдадите, и с которого числа тобольские и березовские и сургуцкие ясачные люди ямскую гоньбу гонять учнут, и что тем ясачным людям за конную подводу в судовой и в нартной гоньбе по своему высмотру указ наш учините, и вы б о том отписали, и демьянским и самаровским охотником и их братьям и детем и племянникам и захребетникам и их животам роспись, вы дьяки Иван да Андрей за своими руками, прислали к нам к Москве и велели подати в Сибирском приказе боярину нашему князю Борису Михайловичю Лыкову да дьяком нашим Никифору Шипулину да Григорью Протопопову. Писан на Москве лета 7148-го маия в 18-й день.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 16, лл. 274—276, № 138.

384. *1640 г. мая 23.— Грамота в Туринск воеводе Никите Кафтыреву о строении слободы на речке Сусадке.*

От царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии в Сибирь, в Туринской острог, воеводе нашему Миките Васильевичю Кафтыреву. Писал еси к нам, что в Туринском уезде, вверх по реке Туре речка Сусадка, от Туринского острогу верст с 50 и больши, и по той речке Сусадке есть дикое поле, и ты на тое дикое поле ездил и досматривал, и на том диком поле наша десятинная пашня завесть и речкою Сусадкою весною в большую воду судами хлеб провадить до Туры реки мочно, и лес х той речке для судового дела и крестьянской селидьбы есть; и в прошлом во 147-м году на то дикое поле призвал ты в Туринском остроге вновь на льготные годы пашенных крестьян 14 человек, а льготы тем новым крестьяном дал на 6 лет да денег на ссуду дал рубли по 3 и по 4 человеку, для того чтоб и вперед охочие люди шли на льготные годы; а которые крестьяне прибраны ныне на льготные

годы, и они на себя пашню под рожь по 148-му год пахали, и хоромной лес рониди; а дозирати ты за теми крестьяны велел туринскому стрельцу Еремке Кондратьеву, чтоб они на себя пашню пахали и хоромной лес ронили неоплошно; и вперед ему Еремке в прикащиках быть мочно, потому что ему пашенное дело и новая селидьба за обычай; а как вперед на то место учнут прибиратца пашенные крестьяне, и без церкви на том месте быть нельзя, потому что от Туринского острогу и от уезду удалело. И ты то учинил добро, что новое место под пашню отыскал, и пашенных крестьян на то новое место призвал и на пашню их устроил. И как к тебе ся наша грамота придет, и ты б и вперет будучи в Туринском остроге во всем нам искал прибыль, которая б прибыль была вперет прочна и стоятельна, а людям не в тягость, и на то новое место пашенных крестьян, охочих людей, призывал и на пашню строил, и льготу и подмогу им давал по россмотренью, с поруками, что им вперед, как льготные годы отойдут, нашу пашню, что на них по твоему расмотрению положено будет, пахать и всякое изделье делать. А для строенья велел у них быть прикащиках туринскому стрельцу Еремке Кондратьеву. А как тот Еремка учнет тут крестьян строить и пашню распахивать, и ты б ему в то место стрелецкие службы служить не велел, а велел ему на том новом месте крестьян строить, и пашню распахивать и искать нам во всем прибыли. А о храму и о благословенной грамоте и об оптимисе тем новым пашенным крестьянам велел бити челом сибирскому архиепископу, который архиепископ в Тобольску будет; а которого светаго во имя храм устроить, и то б еси дал на волю тем крестьяном. Да сколько вперед на то новое место пашенных крестьян на пашню призовешь, и сколько кому подмогу, и на сколько лет льготы дашь, и что на ково нашей пашни пахати положишь, и которого светаго на том новом месте пашенные крестьяне храм устроят, и ты б о том отписал к нам к Москве, а отписку велел подати в Сибирском приказе боярину нашему князю Борису Михайловичю Лыкову да дьяком нашим Микифору Шипулину да Григорию Протопопову, и в те поры о образах и о книгах и о ризах и о всяком церковном строенье наш указ будет. Писан на Москве лета 7148-го маия в 23 день.

На обороте: Дьяк Григорей Протопопов. Справил подьячей Ивашко Сергеев.
ААН, ф. 21, оп. 4, № 6, лл. 64 об.—65 об., № 284.

385. *1640 г. не ранее мая 26.— Отписка тобольского воеводы князя Петра Пронского тюменскому воеводе князю Григорию Барятинскому о намерении Кочашки Танатарова и его татар итти на Белое городище.*

Господину князю Григорию Петровичю Петр Пронской челом бьет. В нынешнем во 148-м году маия в 26 день писал из Баакетя острошку пеших казаков атаман Степан Выходцов и прислал Тобольсково уезду Кердынские волости ясашного татарина Авеска Тлешева, и тот татарин в Тобольску роспрашиван, и в роспросе сказал: в нынешнем де во 148-м году поехали они на зверовье после ясашново платежу о масленице с товарыщем своим с Етыгерком Урусовым 2 человека вверх по Ишиму и весновали на Ишиме, и как вода располилась, и они де поехали бобровать в лотках вверх по Ишиму, и наехали де на них Девлеткиреевы люди, государев изменник Кочашко Танатаров с товарыщи 20 человек, выше Илтивского камени конные люди да 4 человека в лотках и их поимали тому как он . . . маия по 20 число 14 дней и у них Авека с товарыщем роспрашивали: есть ли де куды ис Тобольска служилым людем поход, и много ли в Тарханском острошке служилых людей, и наряд в том острошке есть ли; и они де Авеско с товарыщем своим сказывали, что они про поход ничево не слыхали, и в Тарханском де острошке ныне служилых людей 100 человек, и наряд есть; да и их де про ясашных людей они спрашивали ж, что они живут

в русском ли острошке, и пашни они пашут ли, и о которую пору они пахоту свою жнут, и караул у них живет ли; и они де им сказали, что они живут в своем острошке подле руской острожек и пашни на себя пашут, а как де они пахоту свою жнут, и у них до караулы живет безпрестани, а бес караулу де им хлеба своего жать не уметь; да они ж де Кочашко с товарыщи спрашивали у них: сколь далеко от Тархансково острошку кызыярские татаровя живут и сколько от Красною ру до Турбы и от Турбы до Тобол Туры, промеж де тех мест, как загоном итти, ко дню поспеть мочно ль; и они де им сказали, про то де им неведомо, потому что теми местами они не бывали. А Девлеткирей де пошел вверх по Тоболу для зверовщиков же, а с ним человек с 70, а сказывал им про то Кочашко ж, а сами де они ево Девлеткирея не видали. И ево де Авеска Кочашко, ограбя, отпустил, а товарыща де ево Етыгерка оставил у себя, а сказал ему Авеску он Кочашко, что после ево поидут они на Белое городище вскоре. И тебе б, господине, жить на Тюмени с великим береженьем, и по городу и по острогу ставить караулы крепкие, и в проезжие станицы служилых людей посылати почасту по скольку человек пригож, и в городы и в остроги о том отписать, да и впредь вестей про воинских людей проведывать всякими мерами накрепко, чтоб воинские люди безвестно не пришли и над Тюменским городом и над уездом дурна какова не учинили. Да что вперед про воинских людей вестей объявитца, и тебе б, господине, о том писать в Тоболеск и в Туринской острог и на Верхотурье к воеводам и в слободы к прикащиком о том писал же, чтоб в Тобольску и в Туринском остроге и на Верхотурье воеводам и в слободах прикащиком те вести были ведомы. Да послана к тебе память с верхотурским стрельцом с Ваською Костиным, а подписана: в Тарханской острожек пеших казаков атаману Ивану Некрасову; и тебе б, господине, взяв тое память у Васьки Костина, послать в Тарханской острожек к Ивану Некрасову, с кем пригож, тотчас.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 11, лл. 29 об.—30 об., № 45.

386. *1640 г. июня 5.—Грамота на Верхотурье воеводе Воину Лукьянову о запрещении выпускать старых крестьян на новые места и об увеличении пашни семьянистых и прожиточных крестьян.*

От царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии в Сибирь, на Верхотурье, воеводе нашему Воину Лукъяновичю Карсакову да подьячему Петру Михайловичу. Писали есте к нам, что * в прошлом 147-м году апреля в 11 день писали вы Верхотурсково уезду на Невью к прикащику к Панкратью Перхурову, а велели в Невьянскую и в Ницынскую и в Арамашевскую слободы призывати во крестьяне из прихожих изо всяких вольных людей на новые места; а нашего жалованья на подмогу и на ссуду велели давать деньги и хлеб по розсмотренью, чтоб было на ком впредь в нашу казну взяти и наша б пашня была прочна; и с Невьи прикащик Панкратей Перхуров писал к вам, что прислан на Невью от князь Петра Пронсково верхотурской сын боярской Ондрей Бужанинов, а велено ему на речке Алыпайке да на Мурзине елани и подле реки Невьи и вверх по Невье и на новые места призывать во крестьяне на льготу всяких охочих людей; а будет которые старые крестьяне с Невьи на новые места на льготу во крестьяне похотят итти, и тем старым крестъяном в свои дворы и в тягло призывать новых крестьян и сажать своими пожитки, безо льготы. И ныне на то новое место на Мурзину елань старые крестьяне многие подрежаютца, покиня свои старые пашни, на льготные годы на 6 лет. Да в нынешнем во 148-м году генваря в 3 день писал к нам ис Тобольска воевода князь Петр Пронской: писал де к нему из новой Мурзинской слободы, верхотурской сын боярской Ондрей Бужанинов: прибрал де он в Мурзинскую слободу и на речку Алыпайку в оброчные крестьяне охочих из старых из невьянских ис пашенных крестъян, от отцов детей, и от братьи братью и от дядь племян-

ников, 18 человек, изо льготы на 6 лет. И которые пашенные крестьяне Верхотурсково уезду из слобод от отцов дети, и от братей братья, и от дядь племянники похотят итти в новую Мурзинскую слободу на льготу, а в свое место учнут оставливать тяглецов, и вам бы тех крестьян велеть выпустить безе всяково задержанья. А в нашем наказе, каков вам дан, написано: велено на нашу десятинную пашню призывати во крестьяне из гулящих изо всяких охочих вольных людей ис подмоги на льготные годы, а старых крестьян, с старых их жеребьев выпущати не указано, а велено на старых крестьян на семьянистых и на прожиточных людей прибавливать нашей десятинной пашни. И вы по нашему указу прибрали вновь крестьян из гулящих изо всяких охочих вольных людей на нашу десятинную пашню в Невьянскую и в Ницынскую и в Арамашевскую слободы 38 семей изо льготы на три годы, а нашей десятинной пашни, как льгота минет, тем крестьянам пахать 11 десятин с полудесятиною; да в Ырбицкую слободу на оброк прибрали 33 семьи изо льготы ж на 6 лет, а как льгота минет, и им платить оброчнова хлеба после льготы по сту по осмидесяти четей ржи, по 225 четей овса на год. А в Невьянской и в Ницинской волостях и в Ырбицкой слободе пашенных порозжих мест много, крестьян поселить есть где многих. Да у тех же волостей и у слобод судовой ход, а к Мурзине ялани судового ходу нет. И вам сказывали в съезжей избе невьянской староста и крестьяне, что на те новые места Альшанку да на Мурзину ялань старых прожиточных крестьян, которые присланы ис Казани, подрядилось 30 семей; и от того, что велел князь Петр Пронской Ондрею Бужанинову прибирать на новые места, в Невьянской и в Ницынской и в Арамашевской слободах во всяких ваших доходех и в десятинной пашне будет убыль, потому что старые крестьяне старые свои жеребьи мечют, а оставливают в свое место новых крестьян, а тех новых крестьян впредь в тягло и в пашню и во всякие наши изделья не будет **. И по нашему указу послана наша грамота в Сибирь, в Тоболеск, к воеводам ко князю Петру Пронскому с товарыщи, а по той нашей грамоте Верхотурсково уезду из сел и из слобод с старых жеребьев на новые места старых пашенных крестьян имати и на новые места строить не велено, а велено прибирати на нашу пашню на новые места из вольных из гулящих людей, а на старых семьянистых и прожиточных пашенных крестьян, которые нашею пашнею обложены лехко, велено прибавливати нашей пашни, высматривая накрепко, как нам было прибыльнее. И как к вам ся наша грамота придет, и вы б Верхотурсково уезду из сел и из слобод с старых жеребьев на новые места старых пашенных крестьян отнюдь выпущати и на новые места строити не велели, чтоб в нашей в десятинной пашне и во всяких издельях убыли не было; а велели б есте прибирати на нашу пашню на новые места из подмоги и изо льготы из вольных из гулящих людей; а на старых семьянистых и прожиточных пашенных крестьян, которые нашею пашнею обложены лехко, велели б есте прибавити нашей пашни, высматривая накрепко, как бы нам было прибыльнее, а пашенным крестьянам большие тягости не было. Писан на Москве лета 7148-го июня в 5 день.

На обороте: Дьяк Григорей Протопопов. Справил подьячей Ивашко Сергеев. — В Сибирь, на Верхотурье, воеводе нашему Воину Лукьяновичю Корсакову да подьячему Петру Михайлову. — 148-го августа в 21 день подал тобольской казак Богдашко Булгаков. — О приборе пашенных крестьян.

Остатки черновосковой печати на обороте грамоты.

ИИ АН СССР, Верхотурские акты, кор. 2. Четыре сстава. — Список XVIII в. в ААН, ф. 21, оп. 4, № 2, лл. 196—198, № 160.

Напеч. в АИ, III, стр. 368—369, № 211, II.

387. *1640 г. июня 8. — Память тюменского воеводы князя Григория Барятинского прикащику Нижней Ницынской слободы Евсевию*

Поливанову о намерении Кочашки Танатарова и его людей итти на Белое городище.

Лета 7148-го июня в 8 день по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии указу память Нижно-Ницынской слободы прикащику Евсевью Поливанову. Писал ис Тобольска на Тюмень воевода князь Петр Ивановичь Пронской к воеводе ко князю Григорью Петровичю Борятинскому[1] по распросным речам Тобольскова уезду Кердынские волости ясашного татарина Авеска Тлешева: были де они Авеско с товарыщем своим с Етыгерком Урусовым вверх по Ишиму на зверовье и наехали де на них Девлеткиреевы люди, государев изменник Конашко Танатаров с товарыщи, 20 человек, выше Илтивского камени, и их Авеска с товарыщем поимали и роспрашивали про государевы сибирские городы и про острожки и про крепости и про служилых людей, и не будет ли де куды государевым служилым людем службы; а Девлет Кирей де пошел вверх по Тоболу, а с ним де 70 человек; и ево де Овеска Конашко, ограбя, отпустил, а товарыща де ево Етигерка оставил у себя, а сказал де ему Овеску он Кочашко, что после ево пойдут они на Белое городище вскоре. И те вести по тобольской отписке ис Тюмени велено писати в слободы к прикащиком, чтоб в слободах жили с великим бережением, чтоб воинские люди безвестно не пришли и над слободами дурна какова не учинили. И тебе б Евсевей те вести были ведомы. И жити бы в Нижно Ницынской слободе с великим бережением и в ыные слободы в Верхо Ницынскую и в Чюбаровскую и на Кыргу и прикащиком от себя отписати, чтоб они жили в слободах также с великим бережением. К сей памяти государеву цареву и великого князя Михайло Федоровича всеа Русии печать земли Сибирские Тюменскова города воевода князь Григорей Петровичь Барятинской приложил.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 10, лл. 48 об.—49, № 41.

388. *1640 г. не ранее июня 10.— Отписка прикащика Чубаровой слободы Якова Шульгина туринскому воеводе Никите Кафтыреву о полученных вестях про намерения Девлеткирея и Кочашки Танатарова с товарищами итти воевать Белое городище, о прекращении посылки в слободу туринских стрельцов и о нападении на слободу тарских татар и калмыков в 1634 г.*

Господину Миките Васильевичю Яков Шульгин челом бьет. В нынешнем, господине, во 148-м году июня в 10 день писал ко мне из Верхние Ницынские слободы приказной Борис Детков: писал де к нему с Тюмени воевода князь Григорей Борятинской: по тобольской отписке князя Петра Ивановича Пронского сказывал де в Тоболеску в роспросе в съезжей избе воеводам князю Петру Ивановичю Пронскому с товарыщи Тобольского уезду Кердянской волости ясашной татарин Овеска Тлешов: был де он Овеска с товарыщем своим Етигерком Урусовым вверх по Ишиму на зверовье, и наехали де на них Девлеткиреевы люди и государев изменник Кочашко Танатаров с товарыщи, 20 человек, выше Илтивсково камени, и тех де ясашных татар поимали и роспрашивали про государевы сибирские городы и про острошки и про крепости и про служилых людей: не будет ли де куды государевым служилым людем службы; а Девлеткирей де Ишимов сын пошел вверх по Тоболу со многими людьми, и того де Овеска Кочашко ограбил да ограбя отпустил, а товарыща ево Евтегирка оставил у себя, а сказал де ему Овеску изменник Кочашко, что после де ево пойдут на Белое городище вскоре, а Белое городище от Тюмени валовым ходом итти 10 день; и слыша вести, беречись нам от тех воинских людей велено накрепко, и только будет на Чюбарово городищо приход воинских людей, и мне острогу и государевы казны и людей оберечь некем, потому что в прошлых во всех годех, от тех мест, как Чюбарова слобода учала строитца, и посылано было ис Турин-

[1] *См. приложение № 385.*

сково острогу для оберегапья воинских людей и для всяких тутошних дел и для тобольских всяких посылок туринских стрельцов в год помесячно по 5 человек без переводно, а с нынешняго со 148-го году те люди оставлены и ис Туринского острогу не учели посылать ни по одному человеку, не ведомо для какие меры. А в прошлом во 143-м году был приход воинских колматцких людей и государевых изменников тарских тотар, и в то время многих чюбаровских пашенных крестьян побили, а жон и детей у многих в полон поимали, и слободу всю выжгли и скот всякой отогнали, а иной побили и раззорили до основанья, выжгли до кола. И по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии прежнему указу, а по своему расмотренью, велеть бы, господине, тех туринских стрельцов прислать для оберегапья воинских людей, чтоб безвестно не пришли и дурна какова над Чюбаровою слободою не учинили. А будет, господине, тех служилых людей не пришлешь, а от тех воинских людей какая поруха над Чюбаровою слободою учинитца, и то зделаетца не от меня, и мне бы в том в государеве опале не быть.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 6, л. 70 об.—71 об., № 287.

389. *1640 г. не ранее июня 14.— Отписка верхотурского воеводы Воина Корсакова туринскому воеводе Никите Кафтыреву о неправильных действиях его в отношении крестьян новой слободы в Ермолаевой волости.*

Господину Миките Васильевичю Воин Карсаков, Петр Михайлов челом бьют. Июня в 14 день писал ты к нам с туринским служилым с Харькою Брагиным: в государеве де цареве и великого князя Михаила Федоровича всея Русии грамоте за приписью дьяка Микифора Шипулина писано к тебе в Туринской острог, по челобитью туринских ясачных татар Ермолаевы волости Илейка Алиярова, Янмаметка Менлиярова с товарыщи, что поселились де в их старинной котчине Ощепковы слободы крестьяне дворами своими на их юртах и сь их юрт согнали, и около их пашен оборали и их теспят в их угодьях, где они добывали государев ясак, в лесах и в бобровых речках, зверь выбивают, соболи и лисицы и бобры и на бобровых речках мельницы ставят, и в рыбных ловлях, в реке и в озерах и в запорных истоках рыбу ловят, и в хмелевых ухожьях хмель дерут безпрестанно насильством; и туринским де ясачным татаром от них насильство и обида великая; а отводил де иным пашенным крестьяном под дворы и под пашни верхотурской сын боярской Иван Чернышев при воеводе при Иване Еропкине, нам де туринским ясачным тотаром для крестьянских обид ездить на Верхотурье далече; а в их татарских обидах и в насильстве те пашенные крестьяне по их татарскому челобитью и суду в Туринской не едут, что они Верхотурского уезду, строят де их в Туринском уезде с Верхотурья, а мочно де в Туринском уезде в Ермолаеве волости устроить государева слобода, что езду всего днище, а к Верхотурью езду от Ермолаевы волости 5 дней. И тебе б тех новоселитебных крестьян, которые поселились в Туринском уезде в Ермолаеве волости, ведать к Туринскому и впредь велети б новым крестьяном слободы строить и дворы ставить на диких полех, а не на татарских землях, и владеть им пашнею и сенными покосы, а в татарские угодья, где они зверь всякий добывают и рыбу и бобры ловят, не вступатца. А которые крестьяне поселились, и тебе б по государеву указу велеть им государева пашня пахать против иных туринских пашенных крестьян. И ты по государеву указу в Туринской уезд на Ницу, в Ермолаеву волость, ездил и пашенных крестьян дозирал, и имена их в книгу переписал, кому довелось быть к Туринскому, и им приказал для всяких государевых дел приезжать в Туринской и на государя, где довелось, пашня пахать то место им указал. И пашенные крестьяне били челом государю, что де им под рожь залог ко 149-му году орать поздо, потому что не перепреет и рожь не родитца, да и семян на государеву пашню ис Туринского на телегах вести нынешнего лета нельзя.

Да ты ж в отписке своей пишешь к нам: послана от тебя память в Ощепкову слободу к Осипу Несенцову, что было де тем крестьяном на государя пашню пахати в новой слободе в Ермолаеве волости. И Осип Несенцев писал к нам июня в 3 день: приезжал ты в Ницынскую волость в Ключевскую деревню, чтоб ему Осипу тех крестьян, которых ты приехав описал, впредь ни в чем не ведать да и впредь бы прикащиком в татарских вотчинах крестьян сажать и землями владеть не велеть. И ты писал наперед к прикащику к Осипу Несенцову не по государеву указу, не писав к нам, и тем ты нас обесчестил. А по государеву указу Верхотурского уезду прикащиком, которые посланы ведать с Верхотурья тех крестьян, которых ты описал к Туринскому, нам отдать не уметь; и хто тех пашенных отписных крестьян пахали на государя по кольку десятин пашни или хто из них на льготе и на сколько лет или что кому крестьяном государева жалованья дано на ссуду и на подмогу, и нам бы к тебе о том отписати; и что крестьян отдати к Туринскому и хто по скольку государевы десятинной пашни пашет и кому что дано из государевы казны на ссуду и на подмогу денег, и к тебе нам писать нельзе, потому что к нам с Москвы государева царева и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии указу не бывало и ис Тобольска о том к нам не писано. А железной руды пашенных крестьян на Верхотурье ни в чем не ведает.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 6, лл. 74—75, № 290.

390. *1640 г. не ранее июня 30. — Отписка в Москву туринского воеводы Никиты Кафтырева о произведенном им дозоре земель в Ермолаевой волости, о сношениях с верхотурским воеводой об отписке крестьян этой волости к Туринскому уезду, об отказе крестьян подчиниться распоряжениям воеводы, о строении Ирбейской слободы и необходимости приписки ее и Ницынской Ощепковой слободы к Туринскому уезду, о притеснениях татар крестьянами этих слобод.*

Государю царю и великому князю Михаилу Федоровичу всеа Русии холоп твой Микитка Кафтырев челом бьет. В нынешнем, государь, во 148-м году июня в 1 день в твоей государеве цареве и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии грамоте за приписью дьяка Микифора Шипулина ко мне холопу твоему в Туринской острог написано, что в прошлом во 147-м году писал я холоп твой к тебе государю царю и великому князю Михаилу Федоровичу всеа Русии к Москве, по челобитью Туринского острогу Ермолаевы волости ясачных татар Илека Алиярова да Янмаметка Менлиярова с товарищи Ницынской Ощепковой слободы па крестьян на Мишку Зырянина, на Фомку Кондратьева, на Петрушки Фомина зятя на Микитку, что те пашенные крестьяне поселились дворами своими на их юртах и с юрты их согнали, и около их пашен землю оборали и их теснят, и в их ухожеях, где они добывали твой государев ясак, в лесах и в бобровых реках зверь, выбивают, соболи и лисицы и бобры, и па бобровых речках мельницы ставят, и в рыбных ловлях, в реке и в озерах и в запорных истоках рыбу ловят, и в хмелевых ухожьях хмель дерут безпристанно в их старинной вотчине насильством, и им впредь ясачным татарам от русских людей отбыть твоего государева ясаку и им туринским ясачным татаром для крестьянских обид ездить на Верхотурье далече, и в татарских обидах и в насильстве те пашенные крестьяне Мишка Зырянин с товарыщи по татарскому челобитью к суду в Туринской не едут, что они Верхотурского уезду, строят их в Туринском уезде с Верхотурья. А мочно в том Туринском уезде в Ермолаеве волости из Туринского устроить твоя государева слобода, что езду всего днищю, и конского падежу в том месте не бывает, а в Туринском падеж живет ежелет. А к Верхотурью, государь, езду от той Ермолаевой волости 5 дней. И как ко мне холопу, твоему твоя государева грамота придет, и мне б

холопу твоему велеть новоселитебных бедных крестьян, которые поселились в Верхотурском уезде в Ермолаеве волосте, ведать к Туринскому и впредь велеть ту слободу строить ис Туринского. А дворы велеть новым крестьянам и которые ныне живут, ставить на диких полех, а не на татарских юртах. И велеть, государь, крестьянам только владеть пашнею да сенными покосы, а татарских угодей, где они зверь всякой добывают, и рыбу и бобры ловят, и в те ни в какие татарские зверовые ловли и в бобровые гоны и в рыбные ловли отнюдь крестьяном вступатца не велеть, чтоб татар с юрт их не сгонять, и твой государев ясак бы им было платить с чево попрежнему. А которые, государь, крестьяне ныне поселились, и мне б холопу твоему велеть им на тобя государя пахать десятинную пашню. А положить на них твоей государевой пашни пахать против иных туринских таких же пашенных крестьян, смотря по здешнему делу, как бы в твоей государеве пашне было прибыльней. А как государь, я холоп твой тех крестьян устрою и сколько им на тобя государя пашни пахать велю, и мне б холопу твоему отписать к тебе ко государю к Москве а отписку велеть подать в Сибирском приказе твоему государеву боярину князю Борису Михайловичю Лыкову да дьяку Микифору Шипулину. И в нынешнем же, государь, во 148-м году июня в 2 день по твоему государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии указу и по грамоте ездил я холоп твой в Туринской уезд на Ницу реку в Ермолаеву волость и смотрел, где поселить с Верхотурья в Туринском уезде в Ермолаеве волости Мишка Зырянина с товарыщи, туринских ясачных татар Илетка Алиярова с товарыщи и иных розных ницынских волостей татар, распрашивал покаместь Ермолаеве волости грань с иными Туринсково уезду ницынскими волостями вверх по Нице. И Туринсково, государь, уезду ницынские ясачные татаровя Тентюковы и Колмаковы и Акчубаевы и Зендяровы и Ильчибаевы волостей Таителя Тентюков, Альбкирдейко Итяков, Мурзошалдейко Келдебанов, Кудамышко Байтереков, Девлятко Мулгин с товарищи 30 человек в распросе сказали, что, государь, в Ермолаеве волости грань вверх по Нице реке над ключом, и их татарские мольбища и съезды по их вере тут были, и с той их земли от мольбища согнали и поселились Ощепковы слободы крестьяне дворами своими блиско, и пашню на себя пашут в Туринском уезде в Ермолаеве волости; а от Ницынской Ощепковы слободы тот ключ всего 5 верст. А Ницынская, государь, Ощепкова слобода поставлена в Туринском же уезде в Тентюкове волости на их старинной вотчине. И я холоп твой по твоему государеву указу и по грамоте отписал к Туринскому 16 человек пашенных крестьян, которые поселились в Ермолаеве волости дворами и пашню на себя пашут. А что, государь, стоит деревня над ключем с краю от грани в той же Ермолаеве волости, а в ней 12 человек, да в той же деревне на ключе живут и пашню на себя пашут тобольского присуду и слободы от железной руды 5 человек крестьян, и тем, государь, крестьяном деревни Ключа велел быть до твоево государева указу в Ощепкове слободе, как об них ты, государь, укажешь. А те железной руды крестьяне в той Ключевой деревне стали жить через Ощепкову слободу, и от слободы железной руды вдали. Да в той же Ермолаеве волости дозирал я холоп твой пашенново места, где б мочно пахать твоя государева десятинная пашня; и наехал, государь, я холоп твой в той Ермолаеве волости от Ницы реки версты с полторы поле пашенное хлебородное место, десятин с 300 и больши, Красное поле, и тут мочно пахать твоя государева десятинная пашня. А которые, государь, были пашенные места в той Ермолаеве волости возле Ницу реку, и в тех местах поселились дворами пашенные крестьяне, которые отписаны к Туринскому, и пашню на себя пашут и заняли возле реку ныне заимками. И по твоему государеву указу и по грамоте писал я холоп твой ис Туринсково острогу на Верхотурье к воеводе к Воину Карсакову да к подьячему к Петру Михайлову, чтоб тем крестьяном, которые поселились в Ермолаеве волости, велено им быть к Туринскому и ведать из Туринского и вперед им на тобя государя пашня пахать в новой слободе и в той Ермолаеве

волосте с Туринского; и оне б тем отписным пашенным крестьяном прислали ко мне в Туринской роспись, по чему те отписные крестьяне на тобя государя по скольку десятин пашни, или хто из них на льготе и на сколько лет кому дано льготы или что кому твоево государева жалованья дано на ссуду ис твоей государевы казны на подмог, денег и хлеба и кому именем, и им бы ко мне с Верхотурья отписать подлинно. И в нынешнем же, государь, во 148-м году июня в 24 день писал ко мне холопу твоему с Верхотурья воевода Воин Карсаков да подьячей Петр Михайлов, что тех крестьян отписал я к Туринскому, и им де их отдать не уметь без твоей государевы грамоты; и хто тех пашенных отписных крестьян пахали на тебя государя пашня, и кому что дано ис твоей государевы казны на ссуду и на подмогу денег и хлеба, и оне ко мне не отписали и тех отписных крестьян не отдали, которые к Туринскому были отписаны, и твоего государева указу не послушали. А которые, государь, те отписные крестьяне Вахрушко Леонтьев и Мишка Зырянин с товарыщи отняли себе ясашных татар Ермолаевы волости пашенные земли и кладбище, и юрту он Вахрушко в поле вгородил и из юрты он Янтугая Кантюкова Колмаковы волости выбил вон, и я холоп твой по твоей государеве грамоте велел им те пашенные земли и кладбища отдать ясачным татаром, и в лесовые ухожья и в бобровые гоны и в рыбные ловли и в хмелевые ухожья вступатца не велел; и они меня холопа твоего не послушали и земли татаром не отдали, а сказали, что де мы ис Туринского указ не слушаем, слушаем де верхотурского указу. А хто имяны пашенных крестьян в Ермолаеве волости отписаны были к Туринскому и которые крестьяне в Ермолаеве волости живут на грани, на ключе, и я холоп твой, написав имянные книги и запечатав в столбце твоею государевою туринскою печатью, послал к тебе ко государю к Москве с туринским стрельцом с Петрушкой Нечаевым июня в 30 день. Да в Туринском же, государь, уезде насхал я холоп твой на Нице реке, на Ирбее реке, в той же Ермолаеве да в Колмакове и в Зензярове и в Ычибаеве волостях поставлена на усть Ирбея реки слобода, а строят ее с Верхотурья же, и ис той слободы вниз по Нице и вверх по Ирбею поселились дворами пашенные крестьяне, и пашню на себя пашут, и туринских ясачных татар с старинных их вотчин отгоняют, пашенною землею и сенными покосы и звериными промыслы и птичьими и рыбными ловлями и хмелевыми ухожья изобижают, и в их вотчинах зверь: лоси, и соболи, и лисицы и иной всякой зверь выбивают, и бобры и рыбу и птицу ловят, и в хмелевых угожьях ходят, хмель выдирают и слобцы в лесах ставят, и их ясашных татар во всем изобижают, и им ясачным тотарам изгоня стала от прикасчиков и от крестьян великая, а суда на крестьян в обидах не дадут, и от того ясачным татарам обида и налога великая. А по их татарскому челобитью крестьяне к суду в Туринской не едут, что де оне Верхотурского уезду, строят де их с Верхотурья. И за теми крестьянскими обидами в твоем государеве ясаке у ясачных татар по вся годы недобор. Да и вперед, государь, туринским ясачным тотарам от слободы и от насильства пашенных крестьян, которые в Тентюкове и в Ермолаеве и в Колмакове волости поселись слободы и деревни, обида великая. А только, государь, те слободы на Нице в Ощепкове слободе и на Ирбее и уездных крестьян вперед учнут в Туринском уезде ведать с Верхотурья, и туринским, государь, ясачным татаром Тентюковы и Ермолаевы и Колмаковы волостей убыль будет твоего государева ясаку, что они под суд в Туринской не едут и управы иноземцом нет. А езду от Туринского до Ницынской Ощепковы слободы валовым ходом пешему человеку днище, а до Верхотурья 5 дней, а до Ирбицкой слободы езду пол днища, а к Верхотурью 6 день. А только, государь, от тех слобод и от пашенных крестьян обид и от насильства учинитца в туринских ясачных татарах шатость или иное какое дурно, и мне бы холопу твоему от тебя государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии в том в опале не быть. Да сыскана, государь, в Туринском остроге в съезжей избе твоя государева

грамота за приписью дьяка Федора Опраксина, а в той твоей государеве цареве и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии грамоте прошлого 128-го года написано к воеводе к Данилу Милославскому, что писал он Данило к тебе ко государю к Москве и прислал Туринского острогу ясачных тотар Тентюковы волости Ишмамятка Тентюкова да Нагаевы волости Байгулка Биктугалова да Ермолаевы волости Алнярка Ермолина, 20 человек, челобитную на верхотурского жильца на Ортюху Бабинова с товарыщи: отнял де у них тот Ортюха с товарыщи своим насильством вотчину их ясачную на реке на Нице, на Усть Реши речки, и деревню поставил, и в той де вотчине их живут и лесуют зверь, лося и соболи и лисицы, и в речках бобры выбивают, и рыбу ловят и хмель дерут, и они де от того обнищали и твоего государева ясаку впредь добывать негде; и по твоему государеву указу и по той прежней твоей государеве грамоте вотчинные земли отъимать у них ясачных татар не велено, и с Верхотурья слобод в Туринском уезде в ясачных волостях, кроме Туринского, строить не велено. А строят, государь, с Верхотурья слободы в Туринском уезде мимо твой государев указ мимо Верхотурского уезда в пашенных мест. И после того твоего государева указу поставлена Ницынская Ощепкова слобода на Ирбее реке, и поселились пашенные крестьяне дворами и пашню на себя роспахали в Тентюкове и в Ермолаеве волостях не в давных летех. А прежние, государь, воеводы ис Туринского острогу после Данила Милославского к тебе ко государю о татарских обидах, что селятца пашенные крестьяне в Тентюкове и в Ермолаеве и в Колмакове волостях на их старинной вотчине, подлинно не писывали, и сами досматривать и служилых людей никово в Туринской уезд в тотарские вотчины не посылывали, где строятца твои государевы слободы с Верхотурья и селятца пашенные крестьяне. А их де ясачных татар челобитье при прежних воеводах на крестьян безпрестанно было. А ныне, государь, Туринского уезду ницынским ясачным тотаром Тентюковы и Ермолаевы и Колмаковы и Зензяровы и Ильчибаевы волостей стали обиды и насильства великие в пашенной земле и в зверинных и в бобровых и в птичьих и в рыбных ловлях и в хмелевых ухожьях, а управы, государь, тем ясачным тотаром нету, и обнищали ясачные тотаровя и одолжали великими долги от слобод от русских людей. И о том государь, царь и великий князь Михайло Федорович всея Русии мне холопу своему как укажешь, чтоб мне в твоем государеве ясаке от недобору или какое дурно или шатость учинитца от татар, от себя государя в опале не быть.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 6, лл. 66 об.—70 об., № 286.

391. *1640 г. не ранее июля 2.—Отписка прикащика Чубаровской слободы прикащика Якова Шульгина туринскому воеводе Никите Кафтыреву о полученных вестях про поход калмыков на Тюмень и слободы и о присылке дополнительно служилых людей.*

Господину Миките Васильевичю Яков Шульгин челом бьет. В нынешнем, господине, во 148-м году июня в 10 день писал ко мне из Верхние Ницынские слободы приказной Борис Детков: писал де к нему из Нижные Ницынские слободы по тюменским отпискам воеводы князь Григорья Борятинского приказной же Евсевей Поливанов: в нынешнем же де во 148-м году июня в 27 день писал де к нему ко князю Григорью ис Тарханского острогу тюменской сотник стрелецкой Безчасной Малышев: по роспросным речам тархансково ясашново татарина Ничибайка Куяселева идут де к Тюмени и на слободы колмацкие воинские люди наспех войною и, те вести слыша, берегчися б мне в Чюбарове от воинских людей накрепко. И по тем вестям жду я под Чюбарову слободу воинских людей со дни на день. А преже сей отписки писал я к тебе, господине, по тюменским же прежним вестям Туринского острогу с стрельцом Наумком Максимовым, чтоб прислал на Чюбарово по прежнему государеву указу Туринского острогу служилых людей, по скольку преже

сево было посылано для приходу воинских людей, и июля по 2 день служилые люди на Чюбарово не бывали. И по прежнему государеву указу велеть бы тебе, господине, тех служилых людей ис Туринского острогу выслать, чтоб, пришед, воинские колмацкие люди безвестно не пришли и над Чюбаровою слободою какова дурна не учинили. А будет, господине, тех служилых людей на Чюбарово не будет, и мне Чюбаровы слободы оберечь некем, и против тех воинских людей стоять и битца некем. И для того нарошно послан к тебе с Чюбарова Тюменского города служилой татарин Ахмаметка Кошенаев. И о том бы, господине, велеть ко мне с ним Ахмаметком для ведома отписать: будут ли ис Туринсково острогу на Чюбарово служилые люди на обереганье или мне на их не надеетца.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 6, лл. 71 об.—72, № 288.

392. *1640 г. не ранее августа 30.—Отписка в Москву туринского воеводы Никиты Кафтырева о высылке книг, образов, церковного имущества и о назначении попа в церковь, выстроенную в слободе на реке Сусадке.*

Государю царю и великому князю Михаилу Федоровичу всеа Русии холоп твой Микитка Кафтырев челом бьет. В прошлом, государь, во 148-м году августа по 30 день в твоей государеве цареве и великого князя Михаила Федоровича всея Русии грамоте за приписью дьяка Микифора Шипулина ко мне холопу твоему написано, что прибрал я холоп твой в Туринском уезде на Высокое поле на Сусатку вновь пашенных крестьян, а без церкви, государь, на том месте быть нельзя, потому что от Туринского острогу и от уезду удалело, а о храму и о благословенной грамоте и онтимесе тем новым пашенным крестьяном велел ты, государь, бити челом сибирскому архиепископу, которой архиепископ в Тобольску будет, а которого святого во имя храм устроить, и то бы мне холопу твоему дать на волю тем крестьяном; и как, государь, пашенные крестьяне храм устроят и которого святого во имя, и о том бы мне холопу твоему о церковном строенье и образах, и об ризах, и о книгах и о колоколах отписать к тебе ко государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии к Москве. И по твоему государеву указу и по благословенью архиепископа Герасима Туринского уезду Высокова Поля с Сусатки пашенные крестьяне храм воздвигнули во имя Благовещение пресвятые богородицы, а в приделех Михаила архангела да страстотербца христова Георгия. А местных, государь, образов и деисусов и книг и колоколов и риз нет, и потому, государь, храм стоит неосвящен. И Туринского уезду Высокова поля с Сусатки пашенные крестьяне староста Парфенко Михайлов с товарыщи 62 человека бьют челом тебе государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии, а в съезжей избе мне холопу твоему подали челобитную о книгах и о местных образах и о деисусах и о церковных сосудех и о ризах и о колоколах и о попе и о церковной земле и об руге; и я холоп твой тое их челобитную, подклея под сее отписку, послал к тебе ко государю к Москве.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 6, л. 79 и 79 об., № 297.

393. *1640 г. октября 12.—Память тюменского воеводы князя Григория Барятинского прикащику Нижней Ницынской слободы Евсевию Поливанову об осаде калмыками Тарханского острожка.*

Лета 7149-го октября в 12 день, по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии указу, память в Нижную Ницынскую слободу прикащику Евсевью Поливанову. Сево ж числа писал ис Тархансково острошку тюменской сын боярской Карп Чоглоков на Тюмень к воеводе ко князю Григорью Петровичю Борятинскому: октября в 10 день пришли на Тарханской острожек колмацкие воинские люди и приступают к острошку накрепко, стреляют беспрестанно и

из острошку не выпустят, а он де Карп с служилыми людьми в острошке сидит в осаде и из осады с ними бьетца; а скот де татарской: лошади и коровы, которой был около Тархансково острошку, весь отогнали; а стоит де под Тарханским колмыцких людей человек со 100, а иные разъехались по татарским деревням. И тебе б те вести были ведомы. И жити б тебе в слободе с великим бережением. Да и во все слободы те вести к прикащиком отписать тотчас. А с Чюбарова б те вести писал в Туринск к воеводе к Миките Кафтыреву, чтоб по тому ж жили с великим бережением. К сей памети государеву и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии печать земли Сибирские Тюменсково города воевода князь Григорей Петровичь Борятинской приложил.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 10, л. 49, № 42.

394. *1641 г. августа 26.—Память тюменского воеводы князя Григория Барятинского прикащику Нижней Ницынской слободы Евсевию Поливанову о походе царевича Девлеткирея и Урлюковых детей.*

Лета 7149-го августа в 26 день, по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии указу, память в Нижно Ницынскую слободу прикащику тобольскому сыну боярскому Евсевью Поливанову. Сево числа писал ис Тобольска на Тюмень воевода князь Петр Ивановичь Пронской к воеводе ко князю Григорью Петровичю Борятинскому, что в нынешнем во 149-м году августа в 22 день писал в Тоболеск с Тары воевода Василей Чоглоков: августа в 16 день прибежал ис Калмаков от Ильденя тайши тарской конной казак Онтонко Ильин, которой посылан был к нему Ильденю тайше сь ево Ильденеевыми посланники, а в роспросе сказал: отпустил де ево Онтонка Ильден тайша в Тарской город от себя из улуса августа в 5-м числе и приказал, велел ему ехать в Тарской город наспех и велел сказать, что де Девлет Кирей царевичь и Урлюковы дети: Тайчин да Илденей подымаютца войною под государевы сибирские городы, а воинских людей с царевичем 600 человек, а чаять де их наперед приходу под Тюмень в нынешнем месяце, а ему де Ильденю тайше про тот царевичев подъем учинилось ведомо подлинно от ево Илденеевых улусных людей, которые были в ево Девлет Киреевых улусех. Да и Илденеевы де колмацкие послы на Таре на съезжем посольском дворе говорили, послал де их Ильдень тайша в Тарской город нарочной с вестью, а велел сказать что Девлет Кирей царевичь с Урлюковыми детьми подпимаютца войною итти под государевы городы, а чаять де их походу в нынешнем месяце, а итти де им под Тюмень и под Тару. И тебе б те вести были ведомы. И жити бы тебе в слободе с великим бережением. Да и во все слободы от себя те вести отписати тотчас, чтоб по тому ж жили с великим бережением. А для вестей присылати б тебе на Тюмень и слободы ницынских конных казаков по человеку, потому что на Тюмени ныне конных казаков нет, посланы на государеву службу в степь на колмацких людей, и для скорых вестей послать неково. К сей памяти государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Русия печать земли Сибирские Тюменсково города воевода князь Григорей Петровичь Борятинской приложил.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 10, лл. 49 об.—50, № 43.

395. *1641 г. сентября 1.—Память тюменского воеводы князя Григория Барятинского прикащику Нижней Ницынской слободы Евсевию Поливанову о столкновении тюменских и тобольских ратных людей с калмыками.*

Лета 7150-го сентября в 1 день, по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии указу, память в Нижне Ницынскую слободу прика-

щику тобольскому сыну боярскому Евсевью Поливанову. Сево числа приехали ис поля от тюменских ратных людей ис походу тюменские конные казаки Обросимко Осипов да Петрушка Марков, а сказали: посланы де они от войска на Тюмень, переветшися Тобол с Кош Карагая, а ходили де они ратные люди за Тобол на те урочища, на которые им указано итти, и колмацкие де кочевья наезжали, и колмацкие де люди тех мест скочевали вверх по Ишиму, и ратные де люди поворотились назад августа в 20 день и, недошед де до Тобола за днище, тюменские татаровя человек з 20 поехали было для корму зверовать, и объявились в поле колмацкие люди, и на тех зверовшиков напустили и 3-х человек убили, а иных розогнали, и пожары в поле пустили, а начаютца, что те воинские люди. Да сево ж числа прислал ис Тархансково острошку тюменской сын боярской Карп Чоглоков стрельца Семейку Опалева: прибежал де в Тарханской острожек ис поля тобольской сын боярской Данило Аршинской, а с ним 13 человек ратных людей, а послан он был ис Тобольска в поле с ратными людьми, и колмацкие же люди напали на их сот с 7, и их де ратных людей розгоняли и переранили, а начаятца де тех воинских людей, что они идут под государевы городы и на волости войною. И тебе б те вести были ведомы. И жити б тебе в слободе с великим бережением. Да и во все слободы от себя те вести отписать, чтоб по тому ж жили с великим бережением. К сей памяти государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии печать земли Сибирские Тюменсково города воевода князь Григорей Петровичь Борятинской приложил.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 10, л. 50 и 50 об., № 44.

396. *1641 г. сентября 5.—Наказная память туринского воеводы Никиты Кафтырева сыну боярскому Семену Шарыгину Меньшому с товарищами, посланным для осмотра Ощепковой и Ирбитской слобод и выяснения места, где строить острожки.*

Лета 7150-го сентября в 5 день, по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии указу, воевода Микита Васильевич Кафтырев велел ехать сыну боярскому Семену Шарыгину Меньшему, да съезжей избы подьячему Харитону Григорьеву, да пашенных крестьян прикащику Алексею Фролову, да стрелецкому пятидесятнику Тимофею Микитину, да стрелецкому ж десятнику Ивану Колуге да ясачных татар толмачу Фетьке Васильеву на Ницу на реку и на Ирбей реку в Ощепкову и в Ирбитцкую слободу для того: в нынешнем во 150-м году сентября во 2 день в государеве цареве и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии грамоте, за приписью дьяка Микифора Шипулина, в Туринской острог к воеводе к Миките Васильевичю Кафтыреву написано: велено которые слободы строены с Верхотурья в Туринском уезде, Ощепкова и Ирбитцкая слобода, ведать и росправа чинить во всем в Туринском воеводе Миките Васильевичю и государева десятинная пашня пахать тое ж слободы крестьяном попрежнему. Да в той же государеве грамоте написано, чтоб. . . , — *Далее следует текст, поставленный в № 397 между знаками * и* **: И ему Семену Шарыгину да подьячему Харитону Григорьеву да пашенных крестьян прикащику Алексею Фролову с товарыщи приехать в Ощепкову и в Ирбицкую слободы и сказать крестьяном, чтоб оне для всяких государевых дел и под суд и для всякие росправы ехали в Туринской острог, что велено их во всем ведать в Туринском остроге. Да им же Семену и Харитону и Алексею с товарыщи в тех слободах взять старых и лутчих крестьян и татар ницынских и рассмотреть: как учинить крепости от воинских людей и где поставить острожки: тут ли в Ощепкове слободе и в Ирбицкой, или где пригоже в иных местах, или вверх по Ирбею, чтоб от воинских людей руским людем было оберегательнее, и пришед воинские люди госуда-

ревых русских людей не повоевали и не разорили, и в полон не поимали; о том им о всем самим розъездить со крестьяны и с татары, и всяких людей о крепостях роспросить и, расмотря, подлино росписать па роспись, и досмотру своево тому всему привесть роспись и доезд в Туринской острог к воеводе к Миките Васильевичю Кафтыреву, чтоб ему о том о всем отписать вскоре ко государю к Москве. А лутчим крестьяном Ощенковы и Ирбитцкой слободы велеть ехать в Туринской острог с собою вместе из слободы человек по 10 или больши или сколько мочно, по расмотренью, и воевода Микита Васильевич велит им сказать государев указ и вычесть государеву грамоту, что их велено ведать во всем к Туринскому. К сей наказной памяти государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии печать земли Сибирские Туринского острогу воевода Микита Васильевич Кафтырев приложил.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 6, лл. 81 об.—82 об., № 299.

397. *1641 г. не ранее сентября 11.— Отписка в Москву туринского воеводы Никиты Кафтырева об отправке им служилых людей для осмотра слобод, приписанных к Туринскому уезду — Ницынской (Ощепковой) и Ирбитской, с приложением „доезда“ служилых людей.*

Государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии холоп твой Микитка Кафтырев челом бьет. В нынешнем, государь, во 150-м году сентября в 2 день в твоей государеве цареве и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии грамоте за приписью дьяка Микифора Шипулина ко мне холопу твоему писано: которые слободы строены с Верхотурья в Туринском уезде, и те слободы вперед во всем ведать по твоему государеву указу в Туринском остроге; а велеть им селитца вновь на порозжих на диких местех, высмотря где доведетца, а ясачных татар ни в чем не теснить, и земель и никаких угодей отнимать и ни в чем их изобижать отнюдь не велеть, чтоб ясашным татаром от русских людей обид и тесноты и твоему государеву ясаку недобору не было. Да мне же, государь, холопу твоему велено * разсмотрить накрепко: в приход воинских людей мочно ль те новоселитьбеные слободы оберегать ис Туринского, чтоб на них воинские люди безвестно не пришли и их не повоевали и не разорили, не так бы учинить, как преж сего па Тюмени при воеводе при Иване Милюкове колмацкие люди пришли безвестно и около Тюмени все деревни разорили без остатку, и людей пашенных всех побили и поимали. И в той же, государь, твоей государеве грамоте написано: буде тех слобод из Туринского острогу от воинских людей оберечь не мочно, и те слободы кем и копми мерами впредь от воинских людей оберегать: острожки ли тут ставить и в них посылать служилых людей, и будет в тех слободех ставить острожки, и в коих местех и сколько ставить острожков, и откуды в те острожки служилых людей взять; а в Тоболеску де, государь, за твоими государевыми службами служилых людей оставаетца немного, и в те новые острожки посылать будет ис Тоболеска служилых людей не мочно; и о тех государь слободах о всем о том, рассмотря накрепко, мне холопу твоему велено отписать к тебе ко государю к Москве подлинно вскоре, не замолчав, ** чтоб тех новых слобод воинские люди не повоевали и не разорили; а как я холоп твой рассмотрю, и к тебе ко государю к Москве отпишу, и о том мне холопу твоему твой государев указ в Туринском будет и новоселитбенным пашенным крестьяном, которые построены с Верхотурья в Туринском уезде, имянные книги ко мне холопу твоему в Туринской острог с Верхотурья пришлют. И в прошлом, государь, во 149-м году августа в 24 день писал ко мне холопу твоему с Тюмени воевода князь Григорей Борятинской, что в прошлом же де во 149-м году вышли па Тюмень из колмацких улусов Тюменского уезду ясачные татаровя Кусемметко Кулуткудаков да Бах-

тыбайко Енмамятев, а Кусемметко де вышол августа в 7 числе, а Бахтыбайко в 16 числе; и в роспросе де, государь, ему князю Григорию те выхотцы сказали: взяли де их в полон колматцкие воинские люди весною на Исете в прошлом же во 149-м году и были де у них в улусех у Урлюка тайши и у сына ево Тайчинка и у мелких тайш и слышали де они Кусемметко и Бахтыбайко от колмацких от самих тайш, что они колмацкие люди готовятца итти большими людьми под Тюмень и под Туринской острог и под слободы. И я холоп твой в те слободы, которые строены с Верхотурья в Туринском уезде в Тентюкове, и в Ермолаеве, и в Колмакове волостях, по тем тюменским вестям для того сам я холоп твой не издил, чтоб колматцкие воинские люди под Туринской острог и на уезд не пришли и не повоевали. И я холоп твой по твоему государеву указу в те слободы, которые строены с Верхотурья в Туринском уезде: Ощепкова и Ирбицкая слобода, а в книгах де опа на Верхотурье, и та Ощепкова слобода пишетца Верхняя Ницынская слобода, посылал туринского сына боярского Семена Шарыгина, да съезжие избы подьячего Харитона Григорьева, да пашенных крестьян прикашика Алексея Фролова, да стрелецкого пятидесятника Тимофея Микитина, да десятника стрелецково Ивана Келугу, да ясачных татар толмача Фетьку Васильева и наказную им память против твоего государева указу и грамоты, за твоею государевою туринскою печатью, дал; и велел я холоп твой им росмотрить и роспросить в тех слободах всех пашенных крестьян: где поставить острошки, и взять с собою для росмотру старых крестьян лутчих, которые б знали крепкие места, и от воинских людей те места были устороженливы, и расписать имянно на роспись, и им доезду своего и досмотру роспись велел привесть в Туринской острог. Да им ж велел взять в тех слободах пашенных крестьян из слободы человек по 5 и по 6 или сколько доведетца и велел бы тем пашенным крестьяном [ехать] в Туринской острог, чтоб им сказать твой государев указ и вычесть твоя государева грамота. И в нынешнем, государь, во 150-м году сентября в 11 день туринской сып боярской Семен Шарыгин, да подьячей Харитон Григорьев, да пашенных крестьян прикащик Олексей Фролов с товарыщи в Туринской уезд в Верхную Ницынскую в Ощепкову и в Ырбицкую слободы, которые с Верхотурья строены, ездили и доезду своего и досмотру подали мне холопу...

ААН, ф. 21, оп. 4, № 6, лл. 79 об.—81 об., № 298.

398. *1641 г. не ранее сентября 14.— Отписка тобольского воеводы князя Петра Пронского туринскому воеводе Никите Кафтыреву о полученных вестях про поход царевича Девлеткирея и тайши Илдена на Туринский острог и уфимские волости.*

Господину Миките Васильевичю Петр Пронской челом бьет. В нынешнем во 150-м году сентября в 14 день писал в Тоболеск ис Тархансково острошку тюменской сын боярской Карп Чоглоков: * в нынешнем де во 150-м году сентября в 7 день вышел ис Колмаков в Тарханской острожек тюменской ясачной татарин с верх Исети, из Бакшеевы волости, а в роспросе сказал: был де он в полону у Лабы, а взяли де ево в прошлом в 149-м году колматцкие люди весною Чеклу тайша и отдал Тайчину тайше, а Тайчин де отдал Лабе, и жил де он у Лабы с месец и от Лабы побежал, а бежал де до Тарханского острошку 50 дней с урочища с Нуру Ишима колматцкими людьми по улусам почью, а улусы де Урлюковы и Тайчиновы и Илденевы и царевичевы; а слышал де он у Лабиновых людей: хочет де Урлюк да Тайчин итти под Бухары с войною, а царевич де да Илден тайша хотят итти под Туринской острог и под слободы, а воинских де людей у царевича ста с три, а крепкова де боитца ста с полтора, а с полтора ста молодых людей, а у Илден де тайши сот семь, а всех людей человек с 1000, и хотят де итти с царевичем вместе под Туринской острог и под уфинские волости, а тово де он под-

линно не ведает, куды пойти. И тебе б те вести были ведомы. И жить бы тебе, господине, в Туринском остроге с великим береженьем, по городу и по острогу караулы ставить крепкие, и в проезжие станицы туринских служилых людей посылал почасту, по сколько человек пригоже, смотря по тамошнему делу и по вестям, чтоб воинские люди безвестно не пришли и пад Туринским острогом дурна какова не учинили, и уезду и волостей и слобод не повоевали. Да что в Туринском про колмацких воинских людей вестей каких объявитца, и тебе б, господине, о том писать в Тоболеск и на Тюмень к воеводам и в слободы к прикащиком, чтоб те вести в Тобольску и на Тюмени и в слободах были ведомы. **

ААН, ф. 21, оп. 4, № 6, лл. 87 об.—88, № 302.

399. *1641 г. не ранее сентября 15.— Отписка прикащика Ирбитской слободы Василия Муравьева верхотурскому воеводе князю Никифору Мещерскому о намерении царевича Девлеткирея вместе с калмыками итти воевать сибирские города и слободы.*

Государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии воеводе князю Никифору Федоровичю, Семену Лукьяновичю Василей Муравьев челом бьет. В нынешнем во 150-м году сентября в 15 день писал ко мне ис Киргинские слободы в Ирбицкую слободу прикащик Михайло Байкашин, а к нему де писал с Чюбарова прикащик Гаврило Костелецской, а к нему Гаврилу писал из Верхние Ницынские слободы Борис Детков, а к нему Борису писал Нижние Ницынские слободы прикащик Евсевей Поливанов по тюменской отписке воеводы князя Григорья Борятинсково: в нынешнем во 150-м году сентября в 11 день прибежал де ис полону ис колматцких улусов в Тараханской острожек тюменской захребетной татарин Безбе мурза Курмаметев, а в роспросе сказал, что де слышал он в разговоре у Девлеткирея царевича, что де он, собрався с колматцкими людьми, хочет итти под государевы городы и на слободы войною. И вам бы те вести были ведомы.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 2, л. 192 об., № 154.

400. *1641 г. сентября... — Отписка в Москву туринского воеводы Никиты Кафтырева о произведенном туринскими служилыми людьми осмотре мест около Ощепковой и Ирбитской слобод, пригодных для построения острожков, и о количестве служилых людей, нужных для них.*

для острожных им крестьяном в Туринской острог ехать не смеем: прикащик де ныне в Ырбицкой слободе. И ис той де, государь, оне Ощепковы слободы поехали и приехали к прикащику к Василью Муравьеву в Ырбицкую слободу, чтоб он для росмотру острожных мест дал пашенных крестьян... приехали в Ырбитцкую слободу, и прикащик Василей Муравьев им говорил: почему де вы ездите по государевым слободам и для чево и по какому указу. И они ему дали вычитать наказную память, какова им дана за твоею государевою туринскою печатью. И он де Василей наказную память вычитал и к твоему государеву величеству имени шапки он не снимал, и для росмотру острожных мест им пашенных крестьян не дал и в Туринской острог не отпустил, а сказал им, что де мне о том с Верхотурья для осмотру острожных мест и в Туринской с вами отпустить крестьян письма нет, ездите де без указу своим произволом. И сын боярской Семен Шарыгин, и подьячей Харитон Григорьев и прикащик Алексей Фролов с товарыщи, взяв с собою Туринского уезду ясачных людей, и острожных крепких мест в Ощепкове слободе и вниз по Нице реке и по Ирбею реке вверх и вниз розсматривали; и в Ощепкове де, государь, слободе поставлен острожек, и тот острожек от приходу воинских людей поставлен не в крепком месте, и к полю де не устороживо, и в том острошке ныне служилые люди с Верхотурья. А ниже де

той Ощепковы слободы с версту стоит деревня Еремки Фефилова с товарыщи в той же Тентюкове волости, и то де, государь, место Ощепковы слободы крепче; а только ты, государь, укажешь поставить тут острожек в той Еремкине деревне, и тово острошка, что в Ощепкове слободе, от воинских людей устороживее, твоему пашенному государеву полю будет крепчее и той Ощепковы слободы блиско ж. А другое де, государь, место крепкое в Ермолаеве волости, от Ощепковы слободы 15 верст, у ясачного татарина Илека Алиярова з братьею, где стоят юрты; а только де ты, государь, укажешь тут поставить острожек, и то место крепко ж, з дву сторон зашли озера, а с третью сторону Ница река, а с поля, которое, государь, поле дозирал я холоп твой в прошлом во 148-м году, версты с полторы, а от Ощепковы слободы 15 верст. А ясачные, государь, люди сказывают, что от приходу воинских людей в поле видеть далече и усторожливо. А крепость тому острожку будет в том месте, только ты, государь, укажешь быти, надобе крепость с одну сторону, ров и надолобы, а три стороны крепки. А третье де, государь, место в Колмакове волости, на Ирбее реке, до усть Ирбея с версту, а выше Ирбея слободы с пол версты яр высок, а под ним Ирбея река да озеро, а на Ирбее реке тут брод. И в Ирбицкой слободе ныне в острошка место поставлен забор, и тут служилые люди с Верхотурья. И тому острожку быть на том яру, у броду. А то де, государь, место, где ныне Ирбитцкая слобода стоит, вниз и вдаль не видеть и от броду далече. А только ты, государь, укажешь тут на высоком яру поставить острожек вместо Ирбитцкого острожку, что пол версты, и то место крепко и в поле видеть далече. А ясачные татаровя им сказывали, что стало то место с приходу от колмацких людей. А низе де, государь, броды на том же Ирбее реке выше далече. И того де места крепче нет, и в приход воинских людей о той реке Ирбие Ощепкове слободе и деревням будет бережно одежна, а воинским людям... А до Илеевых юрт вверх по Нице, где будет острожек поставить, от Ирбейской слободы 7 верст. А от Ощепковы, государь, слободы Ирбицкая слобода 22 версты. Да от Ирбицкой слободы вниз по Нице реке Киргинская слобода 7 верст, тут, государь, острожек, а строена ис Тобольска, и в той слободе служилые люди с Тюмени; а Киргинская, государь, слобода поставлена в Туринском же уезде в Кичюбаеве волости, и в приход де воинских людей русским людем бежать и до Киргинского острошку блиско. А от киргинской, государь, слободы слобода ж Чюбарово городище 7 верст, и в том острожке в Чюбарове городище живут помесечно тюменские и туринские служилые люди. А то Чюбарово городище стоит в Туринском же уезде в Тюрютаеве волости. А при боярине де при князь Юрьи Яншеевиче Сулешеве ведали Чюбарово городище ис Туринского, а при воеводе при князь Алексее Микитиче Трубетцком стали ведать к Тобольску. И только, государь, по твоему государеву указу поставятца острожки на Нице и на Ирбее, и по роспросу туринских всяких жилетцких людей и тюменских и иных городов проезжих людей в тех острожках в осад с пищалми служилых людей надобеть будет немного, что воинские царевичевы колмацкие люди к приступу итить не смеют, а приходят украдом. А для прибавки к служилым людям пожаловал бы ты, велел, государь, прислать ружья, пищалей и зелья для крестьян или хто излучитца в острожке. А как де в приход воинские люди изойдут русских людей на поле в крепи или в деревне или в какой в одинакой хоромине, где зажечь нельзя, а у них лучитца у русских людей пищали 3 и 4, и они де не приступают, а едут прочь; будет де, государь, обоеречь деревень и хлеба, чтоб не пожгли, и людей в острожке надобе больше, и на реках и на перелазех оберегать людей надобе больши ж. А в Туринском, государь, служилых людей 2 сына боярских, да стрельцов и пушкарей 50 человек, и из них посылаетца: в слободу в Чюбарово городище помесечно по 5 человек, а по вестям и по 10; да ис Туринского ж, государь, живут на заставех от Верхотурья и от Тюмени для беглых и всяких людей по 4 че-

ловека, да посылаютца служилые люди к Ямышу озеру по соль по 20 и по 30 человек только не по вся годы, коли ис Тобольска ходят; да за твоею государевою казною к Москве посылаютца по 4 человека; а в остатке, государь, служилых людей оставаетца в остроге немного; а веснию посылаютца служилые люди в Тоболеск в провожатых на судех за хлебными запасы все, оставя всякие службы, а в Туринском стоят на карауле посадцкие люди и пашенные крестьяне и ямские охотники. А на Верхотурье и на Тюмени, государь, служилых людей больши Туринского, а куда им службы, и в Туринском, государь, того неведомо. А доездную, государь, их память и роспись, запечатав в столбец твоею государевою туринскою печатью и что они привезли чертеж, послал к тебе ко государю к Москве с туринским стрелецким десятником с Иваном Колугою. И о том государь царь и великий князь Михайло Федорович всеа Русии мне холопу своему как укажешь.

ААН, ф. 21. оп. 4, № 6, лл. 82 об.—85, № 300. Без начала.

401. *1641 г. не ранее октября 2.— Отписка туринского воеводы Никиты Кафтырева тобольскому воеводе князю Петру Пронскому о получении его вестовой (№ 398) и о присылке в Туринский острог конных служилых людей.*

Господину князю Петру Ивановичю Микита Кафтырев челом бьет. . . , —*Далее повторяется с небольшими пропусками текст, поставленный в № 398 между знаками * и **, а затем следует:* И я, господине, тое твою вестовую отписку в съезжей избе вычитал всяким туринским жилецким людем, чтоб они жили по деревням с великим бережением, и служилым людем сказал, чтоб ониездили для вестей в проезжие станицы. И служилые люди мне в съезжей избе сказали, что де им в проезжие станицы для колматцких вестей ездить не на чем: лошадей у них нет, служим де государю пешую службу, а не конную, и буде где государь велит быть на своей государеве службе, и мы де пешие службы служить готовы. А опричь служилых людей в Туринском 2 сына боярских и у тех лошадей нет же. И мне, господине, ис Туринского в проезжие станицы для колмацких вестей и посылать некого и Туринсково острогу и уезду оберегать некем, что служилые люди все в розсылке на государевы службы и на заставы. А в государеве наказе у меня написано: как учинитца ведомо про приход про воинских людей, и о служилых людях велено писать в Тоболеск к тебе ко князю Петру Ивановичю. И тебе б, господине, по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии указу велеть прислать в Туринской острог служилых людей конных Туринского уезду ясачных людей оберегать и в проезжие станицы для вестей послать.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 6, лл. 88—89, № 303.

402. *1641 г. не ранее ноября 2.— Отписка тюменского воеводы князя Григория Барятинского туринскому воеводе Никите Кафтыреву о походе царевича Девлеткирея.*

Господину Миките Васильевичю Григорей Борятинской челом бьет. В нынешнем во 150-м году ноября в 2 день писал ко мне ис Тобольска на Тюмень воевода князь Петр Пронской: приехали де в Тоболеск ис Колмаков Талай тайшина сына от Тайчина тайши тобольские служилые люди конной казак Сидорко Кораблев да татарин Илмаметко Алибаев, а в роспросе сказали: слышали де они Сидорко и Алмаметко в Тайчинове улусе у тюменсково погромнова ясыря, что Девлеткирей царевичь, а с ним де воинских людей человек з 200, пошли в поход войною тому

другой месяц, а в которую сторону пошли, того де не ведают. И тебе бы, господине, те вести были ведомы.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 6, л. 89, № 304.

403. *1641 г. не ранее ноября 6.— Отписка прикащика Ощепковой слободы Панкрата Перхурова верхотурскому воеводе князю Никифору Мещерскому о походе царевича Девлеткирея.*

Государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии воеводе князю Микифору Федоровичю да Семену Лукьяновичю Панкрат Перхуров челом бьет. В нынешнем во 150-м году ноября в 6 день писал ко мне из Ницынской слободы приказщик Тихон Текутьев, а к нему писал с Ирбети Осип Несенцов, а к Осипу писал ис Киргинские слободы Михайло Байкашин, а к Михайлу писал с Чюбарова Гаврило Костылецкой, а к нему Гаврилу писал с Тюмени воевода князь Григорей Борятинской по тобольской отписке воеводы князя Петра Ивановича Пронсково: приезжали в Тоболеск ис Калмаков от Талай таишина сына Тайчина тайши тобольские служилые люди конной казак Сидорко Кораблев да юртовской татарин Илмаметко Алибаев, а в роспросе они сказали: слышал де он Сидорко и татарин Илмаметко в Тайчинове улусе от тюменсково погромново ясыря, что Девлеткирей царевич пошел в поход, а с ним де человек з 200 воинских людей, и тому де другой месяц, а в которую сторону пошли того не ведают. И вам бы те вести были ведомы.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 2, лл. 193 об.—194, № 156.

404. *1641 г. не ранее декабря 2.— Отписка прикащика Ощепковой слободы Панкрата Перкурова верхотурскому воеводе князю Никифору Мещерскому о намерении тайши Меркана итти войною на Чубаровскую слободу и на Уфу.*

Государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии воеводе князю Микифору Федоровичю да Семену Лукьяновичю Панкратей Перхуров челом бьет. В нынешнем во 150-м году декабря в 2 день писал из Ницынские слободы прикащик Тихон Текутьев, а к нему де ноября в 30 день писал ис Киргинского острогу прикащик Михайло Байкашин, а к нему де того ж числа писал с Чюбарова прикащик Гаврило Костиледцкой, что того ж де числа ноября в 30 день прибежал в Чюбаровскую слободу тюменской ясачной татарин Урманчюк Кнуменев, а в роспросе сказал: бежал де ис калмацких улусов в Туринской острог туринской ясачной татарин Бекженей Енчаров з женою и з детьми, а сказывал ему Урманчюку тот Бекженей: многих де калматцких улусов калматцкие воинские люди в скопе с 1000 человек, а которых тайш, того он Бекженей Урманчюку не сказал, потому что бежит наскоре, а хотят де колматцкие люди итти сее осени войною вскоре под государевы городы и под слободы. Да того ж де числа ноября в 30 день шел мимо Ирбит в Туринской острог того же Туринсково острогу татарин, которой выбежал ис Колмаков, Бекженей Енчаров, а ему де Осипу Несенцову в роспросе сказал: в прошлом во 140-м году полонили де ево калмаки з женою и з детьми со всем с Верх-Ирбицково озера весною, и жил де в полону у тайши у Меркана, и он де Бекженей от Меркана тайши ушол з женою и з детьми сам четвертой, а как де он ис Калмаков шел де пятая неделя, и тот де Меркан тайша копит сил 1000 человек, а хочет де итти войною пятьюстами на Чюбарово, а 500 человек хочет послать под Уфу. И вам бы те вести были ведомы.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 2, л. 194 и 194 об., № 157.

405. *Не ранее 1641—1642 гг.— Отписка в Москву верхотурского воеводы Никифора Мещерского о состоянии Верхотурского острога.*

Государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии холопи твои Микифорко Мещерской, подьячей Сенка Звягин челом бьют. По твоему государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии указу велено нам холопем твоим быть на твоей государеве службе на Верхотурье и приехав у воеводы у Воина Карсакова да у подьячево у Петра Михайлова приняти острог и осмотрить рвы и слуховые и подкопные места и всяких крепостей. И по твоему государеву указу мы холопи твои на Верхотурье у подьячего у Петра Михайлова острог приняли. И Верхотурской острог поставлен тыном, а тарасов и обламов и никаких крепостей нет; и тот острог весь погнил и во многих местех повалился, а которые прясла и стоят, и те с обеих сторон на подпорах. А в прошлом, государь, во 149-м году декабря в 31-й день прислана на Верхотурье твоя государева царева и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии грамота к воеводе к Воину Карсакову да к подьячему к Петру Михайлову, велено им Верхотурской острог поделать и всякими крепостьми укрепить самые худые места, которым без поделки быть нельзя, теми ж людьми, которыми тот острог наперед сего делан. И старова, государь, острогу поделать неуметь: весь подгнил. А около, государь, тово Верхотурского острогу меж башен пять прясел, мерою в пяти пряслах твоих государевых печатных 643 сажени, опричь того, что по каменю от Туры реки порозжево места 50 сажен. А острогу, государь, в том месте ставить ненадобно, потому что место крепкое, и без острогу тому мочно быть, только, государь, надобно поставить на том месте одна башня. А лесу, государь, на острог и на щеп да на 4 бои отводные надобно 8228 бревен, по полутретье сажени бревно, а в отрубе в пять вершков, да на угольную башню да в ней на два мосты и на лешницы на дело 240 бревен, по три сажени бревно, да на тое ж башни на обламы 10 бревен, по получетверты сажени печатные бревно; проезжие, государь, трои ворота да наугольная башня только надобно покрыть вновь драницами; а старая кровля погнила и разваляласъ, а на кровлю на трои ворота да на старую и на новую башни надобно 1500 драниц. И о том, государь, нам холопем своим что ты государь укажешь.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 2, лл. 192 об.—193 об., № 155.

406. *1642 г. августа 29.—Память тюменского воеводы князя Григория Барятинского прикащику Нижней Ницынской слободы Меньшому Ремезову о кочевьях калмыков в верховьях Тобола и о сборах их в поход на Тюмень.*

Лета 7150-го августа в 29 день, по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии указу, память в Нижно-Ницынскую слободу прикащику тобольскому сыну боярскому Меньшому Ремезову. Вышел на Тюмень ис колмацких улусов тюменской захребетной татарин Карагуш Кангулов и в роспросе сказал: был де он в полону у чюрасцов, у Талаева человека у Тархана, взял ево в полон на юртах Тархан, как приходил под Тюмень з Девлет Киреем царевичем в прошлом во 143-м году войною, а кочюют де многие колмацкие люди: Урлюк тайша з детьми и Кульделет тайша на тобольских вершинах, от Тюмени в 2 неделях, а отпущает тайша Акшай Урлыка тайши людей под Тюмень войною. И тебе бе те вести были ведомы. И в иные слободы к прикащиком те вести отписать. К сей памяти государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии печать земли Сибирские Тюменскова города воевода князь Григорей Петровичь Борятинской приложил.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 10, лл. 50 об.—51, № 45.

407. *1642 г. октября 12.—Память тюменского воеводы князя Григория Барятинского прикащику Нижней Ницынской слободы*

Меньшому Ремезову о намерении тайши Кущия „из Мугал“ воевать сибирские города.

Лета 7151-го октября в 12 день, по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии указу, память в Нижно-Ницынскую слободу тобольскому сыну боярскому Меньшому Ремезову. В нынешнем во 151-м году октября во 8-м числе вышел на Тюмень ис колмацких улусов тюменской юртовской бухаритин Янгулко... в улусе Тайчинове... что присылал де Кулдевлет тайша к Тайчину послов своих, что прислал де к нему Кулдевлету из Мугал брат ево Кущия послов своих, что он Кущии будет к нему подлинно из Мугал с воинскими людьми к осени, и он бы готовился с ним итти под государевы сибирские городы войною. И тебе б те вести были ведомы. И отписать бы тебе те вести в ыные слободы к прикащиком. К сей памяти государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии печать земли Сибирские Тюменского города воевода князь Григорей Петровичь Борятинской приложил.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 10, л. 51 и 51 об., № 46.

408. *1642 г. ноября 4.— Память тюменского воеводы князя Григория Барятинского прикащику Нижней Ницынской слободы Меньшому Ремезову о калмыках, которых видели „по сю сторону Емуртлы“*

Лета 7151-го ноября в 4 день, по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии указу, память в Нижно-Ницынскую слободу прикащику тобольскому сыну боярскому Меньшему Ремезову. Сево ж числа писал ис Тарханского острошку к воеводе ко князю Григорью Петровичю Борятинскому тобольской сын боярской Борис Черкасов: прибежали де к нему в Тарханской острожек зверовщики тобольские служилые таторовя Булак Тетеш с товарыщи и в роспросе ему сказали: видели де они многих колмацких воинских людей по сю сторону Емуртлы, а куды идут, тово не ведомо. И тебе б те вести были ведомы. И в ыные бы тебе слободы те вести к прикащиком отписать. К сей памяти государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Руси печать земли Сибирские Тюменсково города воевода князь Григорей Петровичь Барятинской приложил.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 10, л. 51 об., № 47.

409. *1643 г. не ранее апреля 2.— Отписка кузнецкого воеводы Дементия Кафтырева томскому воеводе стольнику князю Семену Клубкову-Масальскому об обложении ясаком людей Керсагальской, Усленской, Салунской, Мундусской, Тотошской и Кезегелицкой волостей.*

Господину князю Семену Васильевичу Дементий Кафтырев челом бьет. В нынешнем, господине, во 151-м году февраля в 20 день били челом государю царю и великому князю Михаилу Федоровичу всеа Русии кузнецкие служилые люди атаман Петрушка Дорофеев, да пятидесятник Куземко Володимерцов, да десятник Фетька Петров, Гришка Туземской, Мишко Петлик, Аксенко Семенов и во всех кузнецких служивых людей места, а мне, господине, в съезжей избе подали челобитную за своими руками: в прошлом де во 140-м и 141-м году керсагальские люди платили государев ясак, а во 151-м году те керсагальские люди государева ясаку не платят. Да те ж, господине, керсагальские люди в прошлом вь 141-м году приходили под Кузнецкой острог с Мачиком и тех де служилых людей и подгородных юртовских татар побили; да те ж де керсагальские люди ходят по все годы по государевым ясачным волостям и ясашных людей грабят и побивают и государева де ясаку платить не велят. И в нынешнем же, господине, во 151-м году февраля в 21 день посылал я, господине, из Кузнецкого острогу к тем керсагальским людем кузнецких служилых людей атамана Петрушку Дорофеева да пятидесятника Куземку Володи-

мерова с товарищи 93 человека да подгородных юртовских татар 15 человек и велел я, господине, кузнецким служилым людем атаману Петрушке Дорофееву, пятидесятнику Куземке Володимерову с товарищи тем керсагальским людем поговорить, чтоб они керсагальские люди жили под государевою царскою высокою рукою навеки неотступны, и государев бы ясак с себя и с своих улусных людей платили по вся годы сполна против иных ясашных людей по 10 соболей с человека; а будет керсагальские люди не похотят жить под государевою царскою высокою рукою и государева ясаку платить не учнут, и велено, господине, кузнецким служилым людем атаману Петрушке Дорофееву да пятидесятнику Куземке Володимерову с товарищи над теми керсагальскими людьми поиск чинить, сколько милосердый бог помощи подаст. И марта, господине, в 23 день кузнецкие служивые люди атаман Петрушка Дорофеев с товарищи пришли з государевы службы в Кузнецкой острог, а мне, господине, в съезжей избе в распросе сказали: как де оне служивые люди пришли к тем керсагальским людям, и тем керсагальским людем говорили, чтоб они керсагальские люди под государевою царскою высокою рукою были на веки неотступны, и на государскую милость были надежны во всем и государев ясак с себя и с своих улусных людей платили; и керсагальские де люди им служилым людем отказали, под государскою царскою высокою рукою жить не похотели, государева ясаку с себя и с своих улусных людей не дали и впредь в государеве ясаке отказали и платить не хотят, и с ними с служивыми людьми те керсагальские люди учали бой ставить, из луков стрелять, а их де керсагальских людей было человек со 100 и больши; и кузнецкие служивые люди атаман Петрушка Дорофеев да пятидесятник Куземко Володимеров с товарыщи над теми государевыми непослушники после их отказу учали промышлять и поиск чинить, и божиею милостию и государским сщастьем тех керсагальских людей на бою многих побили и переранили, и с бою ранены многие разбежались, а жон их и детей в полон поимали; а в языках привели в Кузнецкой острог керсагальского мужика Билачи да тут же в Керсагальской волости поимали Мачикова улуса мужика Саргучи. И тот, господине, кергальской мужик Билачи приведен в Кузнецком остроге к шерти и отпущен в Керсагальскую волость, и с тем Билачем приказано х керсагальским людем, чтоб керсагальски люди пришли в Кузнецкой острог з государевым ясаком и для шертования и впредь для прямого утвержденья, что им жить под государевою царскою высокою рукою и государев бы им ясак платить по вся годы сполна по 10 соболей с человека. И после, господине, приходу их служилых людей, спустя дней 10 те керсагальские люди прислали государева ясаку с кондомскими ясашными людьми Когодеева улуса з Батаем да с Мазанком 6 соболей, 4 лисицы красные за 8 соболей, бобр красной за 5 соболей, пол бобра краснова за 2 соболя, 7 куниц в соболей место и приказывали те керсагальские люди с тем Батаем да с Мазаном: как де в реках воды сольютца, и те де керсагальские люди лутчие хотят быть в Кузнецкой острог с государевым ясаком и для шертования и прямого утверждения, чтоб впредь жить под государевою царскою высокою рукою навеки неотступны, и государев ясак с себя и с своих улусных людей платить де хотят по вся годы. Да как де они кузнецкие служивые люди атаман Петрушка Дорофеев да пятидесятник Куземка Володимеров с товарищи шли на государеву службу, изошли они служивые люди в государеве ясашной Кондомской в Кумандинской волости Мачикова улусу мужиков человек с 10 и больше, збирали де ясак на него Мачика, и государевых людей те мужики грабят и побивают, и те де Мачиковы мужики с теми служивыми людьми учали дратца, из луков стрелять, и они служилые люди тех Мачиковых мужиков 6 человек убили, а иные де ранены убежали, и кондомских де ясашных людей от них Мачиковых мужиков оборонили. Да в нынешнем же, господине, во 151-м году посылал я, господине, для государева ясаку вверх по Кондоме реке во все улусы и в волости кузнецких служивых людей Шестачка Яковлева с

товарыщи, 20 человек, да татар 3 человека; и велено, господине, ему Шестачку Яковлеву с товарищи проведывать кондомскими ясачными людьми захребетных новых волостей накрепко, которые государева ясаку не платят, и велено ему Шестачку с товарищи тех волостей людей, которые государева ясаку не платят, призывать на государскую милость ласкою и приветом, и государева ясаку с них править; а будет тех волостей люди добром не похотят быть под государскою царскою высокою рукою и государева ясаку с себя не дадут, и ему Шестачку с товарищи велено над теми захребетных волостей людьми поиск чинить, сколько милосердый бог помощи подаст, чтоб тех захребетных волостей людей смирить и под государеву царскую высокую руку привесть. И в нынешнем, господине, во 151-м году февраля в 4 день пришли те кузнецкие служилые люди Шестачко Яковлев с товарыщи в Кузнецкой острог, а мне, господине, в съезжей избе сказали: пришли де они в государеву ясашную Кузенскую волость, и Кузенские же волости ясашные люди сказали ему Шестачку Яковлеву с товарищи: не платят де государева ясаку усленские да салунские люди, а от них де кузенских ясашных людей живут те захребетные волости в двух днищах; и они де Шестачко Яковлев с товарищи послали в Усленскую да в Салунскую волость Кузенские волости ясачнова человека Органха, чтоб те усленские да салунские люди пришли к государской милости и государев бы ясак с себя принесли: и те де Усленские да Салунские волостей люди к нему Шестачку с товарищи в Кузенскую волость пришли и государев ясак с себя принесли. Да он же Шестачко Яковлев с товарищи пришли в государеву ясашную Козляшскую волость, и козляшские де ясашные люди сказали ему Шестачку с товарищи: не платят де государева ясаку захребетных волостей мундусские да тотошские да кезегелицкие люди, а от них де от Козляшские волости те захребетные волости во шти днищах и больши; и они де Шестачко Яковлев с товарищи в те захребетные волости посылали двою трою козяшских же ясачных людей, чтоб тех захребетные волостей люди пришли к государской милости и государев бы ясак с себя и с своих улусных людей принесли и впреть бы платили по вся годы против иных ясашных людей; и тех захребетных волостей люди к государской милости не пришли и государева ясаку не прислали; и они де Шестачко Яковлев с товарищи, взяв с собою в вожи Козляшские волости ясашново человека Мельбеска, пошли в захребетные волости и, пришед в захребетные волости, захребетным людем говорили, чтоб те захребетные люди жили под государевою царскою высокою рукою навеки неотступны и на государскую милость были надежны во всем, и государев бы ясак с себя и с своих улусных людей платили по вся годы против иных ясашных людей по 10 соболей с человека; и тех де, господине, захребетных волостей люди ему Шестачку с товарищи отказали, к государской милости не пошли, и под государевою царскою высокою рукою жить не похотели, и в государеве де ясаке отказали и впреть платить не хотели; и с ними де с Шестачком Яковлевым с товарищи учали бой ставить, из луков стрелять, и они де служилые люди Шестачко Яковлев с товарыщи с теми мундускими и тотошскими и с кесегецкими людьми, прося у бога милости, учали битца и над ними промышлять; и божией милостью и государским счастьем тех государевых непослушников мундуских и тотошских и кесегецких людей на бою многих побили и иных переранили, и з бою многие раненые разбежались, а жен их и детей в полон поимали; а в языках, господине, привели Шестачко Яковлев с товарыщи дву человек мундускова мужика Ябута да Тотошские волости мужика Улуспая, и те языки, приветчи в Кузнецком остроге к шерте, отпущены на старые их кочевья; а их де, господине, непослушников было 35 человек. И после, господине, его Шестачкова приходу приходил в Кузнецкой острог Мундуские волости мужик Букулу и принес государева ясаку с тех волостей 25 соболей, 2 лисицы за 4 соболя, 15 хвостов собольих за 3 соболя, и тот Букулу в Кузнецком остроге в съезжей избе шертовал, что им тех волостей людем впредь жить под госу-

даревою царскою высокою рукою и государев ясак с себя и с своих улусных людей платить по вся годы сполна протиь иных ясашных людей, да как де в степных реках воды сольютца, и мундуские де и тотошские и кезегецкие люди придут в Кузнецкой лутчие люди з государевым ясаком и для шертования и прямого впредь утверждения, что им жить под государевою царскою рукою навеки неотступным и государев ясак с себя и с своих улусных людей платить по вся годы сполна против иных ясачных людей; и тот, господине, Букул отпущен в Мундускую волость, и приказано с ним Букулою к мундуским и тотошским и кесегецким людем, чтоб тех волостей улусные люди пришли в Кузнецкой острог з государевым ясаком и для шертования и прямого утверждения, чтоб тех волостей люди жили под государевою царскою высокою рукою и государев ясак с себя и с своих улусных людей платили по вся годы сполна по 10 соболей с человека против иных ясачных людей.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 17, лл. 496 об.—498 об., № 254.

410. *1643 г. не ранее апреля 21.— Отписка приказных Туруханского зимовья Дементия Шишкова и Ивана Васильева мангазейскому воеводе князю Петру Ухтомскому о затруднениях в выполнении его приказа не пропускать торговых и промышленных людей, возвращающихся с промыслов, дорогой через Елогуй.*

Государя царя и великого князя Михаила Федоровича веса Русии воеводе князю Петру Михайловичу Демка Шишков да Ивашко Васильев челом бьют. В нынешнем во 151-м году апреля в 21 день прислана из Мангазеи в Туруханское зимовье от тебя князя нам за государевою мангазейскою печатью память, а в памяти писано: как к нам та память придет, а торговые и промышленные люди с своих собоиных промыслов, и с Тунгусок, и с Енисея реки и из Енисейского острогу, а иные с великие реки Лены и с Вилюя приедут в Туруханское зимовье и похотят ехать ис Туруханского зимовья через Елогуй мимо Сургут и Березов к Русе через Камень, и нам бы тех торговых и промышленных людей ис Туруханского зимовья тою дорогою никаких людей никоторыми обычаи отнюдь не пропущать, а высылать бы их в Мангазейской город всех, а из Мангазейсково де города тех торговых и промышленных людей по государеву указу ты князь Петр Михайлович велишь отпустить к Русе или в сибирские городы, хто куда похочет, не задержав. А однолично б нам Демке и Ивашку делати по государеву указу, и по наказу, и по указным паметем и во всем искати государю прибыль, а за своими бездельными коротьми не ходить. И мы Демка да Ивашко преже сего и ныне служим праведному государю всегда правдою и прибыли ищем, а преж сее памяти делали, да и ныне делаем все по государеву указу и по указным памятям, а мимо указу ничего не делаем. А ис Туруханского зимовья по государеву указу приимая челобитные, а у торговых и у промышленных и у всяких людей на соболиные промыслы, и на рыбные ловли, и в Енисейской острог, и в Мангазею давая проезжие отпущаем, а через Елогуй не отпущаем и проезжих не даем. А в прошлые годы весною которые безтоварные люди походили многие здесь в Туруханском зимовье в судной избе в Енисейской острог, не являясь, без проезжих, ста по два и по три и больши, скопяся на судно человек по десятку и по дваццати, чиняся государеву указу непослушны, а иные которые невеликие люди, человека по 2 или по 3 и по 4 человека, и те походили таем, тож не являясь, бес проезжих. Да и ныне, князь Петр Михайлович, словесно слых нас доходит, что де будто наровятца итти через Елогуй торговые и промышленные многие люди здесь в Туруханском зимовье, в судной избе не являясь нам и без проезжих, да и в Енисейской де тож наровятца походить по прежнему бес проезжих же. А преж сего, князь Петр Михайлович, таксва заказу и указной памяти, что через Елогуй не отпущати, не бывало, и заставы на Енисее или усть Турухану для таковых людей что проходят без проезжих в Енисейский острог и через Елогуй, не бывали ж,

потому что у служилых людей о такову пору мало бывает, розъезжаютца о такова время все по службам. Да ныне нам, князь Петр Михайлович, для таковых людей, что без отпуску в Енисейской, и не через Елогуй отнюдь не ходили, заставы учинить некем, послать на заставу служилых людей некого, да бес твоего указу, собою умысля, послать на заставу никово не смеем, а в том государеве казне, что походит без проезжих, чинитца убыль немалая. И о том, князь Петр Михайлович, что ты укажешь.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 21, лл. 208 об.—209, № 87.

411. *1643 г. августа 13.—Память тюменского воеводы Якова Колтовского прикащику Нижней Ницынской слободы Меньшому Ремезову о съезде пяти тайшей в Урлюковом улусе и о намерении их воевать сибирские города и волости.*

Лета 7151-го августа 13 день, по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии указу, память в Нижную Ницынскую слободу прикащику Меньшему Ремезову. В нынешнем во 151-м году августа 11 день приехал с Уфы, по уфимской проезжей грамоте, тобольской юртовской служилой татарин Азбыкилдей и сказывал: послан де он ис Тобольска в Колмаки в посланниках в прошлом де во 150-м году, и он де Абылкилдей ис Колмыков от Юрлюка тайши из улуса ушол убегом на Уфу, для того что з Урлюка тайши съехались 5 тайшей со многими воинскими людьми, а только он подлинно ведает, что идут де они с войной под государевы городы и на волости. И тебе б жити с великим бережением. И в ыные слободы к прикащиком те вести отписати с нарочным гонцом, чтоб в тех слободах тако жили с великим бережением, чтоб воинские люди, безвестно пришед, не повоевали. К сей памяти государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Росии печать земли Сибирские Тюменские города воевода Яков Васильевич Колтовской приложил.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 10, л. 52 и 52 об., № 48.

412. *1643 г. не ранее ноября 28.—Отписка из Тюмени тобольского письменного головы Григория Семичова туринскому воеводе князю Петру Барятинскому о приезде к Ишкепу тайше царевича Девлеткирея, чтобы просить людей для похода на сибирские города.*

Господину князю Петру Романовичю Григорей Семичов, Посник Дементьев челом бьют. В нынешнем во 152-м году ноября в 28 день писали к нам ис Тобольска на Тюмень воеводы князь Григорей Семенович Куракин, князь Михайла Семенович Гогарин да дьяки Иван Переносов, Григорей Лукин: в нынешнем во 152-м году ноября в 22 день писали к ним в Тоболеск с Тары воеводы князь Петр Щетинин да Федор Головачев: в прошлом де во 151-м году посылан был в Колмаки в Таичинов улус Далаева сына х колмацкому тайше к Ишкепу тарской конной казак Игнашка Мезяка с его Ишкеповым посланником с Тухтубайком, и в нынешнем де во 152-м году ноября в 11 день тот тарской казак Игнашка казак приехал на Тару ис Колмаков да с ним прислал на Тару Ишкеп тайша посланников своих Неудалочика с товарыщи 5 человек. А приехав Игнашка в роспросе им сказывал: как де был он Игнашка в улусе у Ишкепа тайши, и ему де Игнашке в улусе Тюменсково города полонянка татарка Токсултан сказывала: приезжал де в улусы Кирей царевичь Кучюмов внук, прошал людей на войну под государевы городы под Тюмень и под Тару, а сказывал де царевичь в улусе, что он был под Тюменью летом и подсматривал, а говорил де в улусе, что под Тюменью живут люди оплошно, по прежнему воевати де их мочно, и Ишкеповы де улусные люди ему Кирею царевичю в людех будто отказали; а кочюет де он Кирей царевичь на старых своих

кочевьях в Истыковых горах и в Мунчаке, от Тары до тово урочища летом скорою ездою 10 ден; да и посланник Ишкенов на посольство то сказывал же, что царевич у ево тайши людей на войну прошал, и Ишкеп де царевич, собрався с людьми, поехал в степь на зверовье, а куды поехал, тово не ведает. И тебе бы, господине, те вести были ведомы.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 6, л. 92 и 92 об., № 308.

413. *1643 г. не ранее декабря 19.— Отписка из Тюмени тобольского письменного головы Григория Семичова туринскому воеводе князю Петру Барятинскому о просьбе Девлеткирея к Мергеню тайше о людях для похода на сибирские города и об отправлении Девлеткирея в поход на Тарский уезд.*

Господину князю Петру Романовичю Григорей Семичов, Посник Дементьев челом бьют. Писано ис Тобольска на Тюмень, что в нынешнем во 152-м году декабря в 19 день писали в Тоболеск с Тары воеводы князь Петр Щетинин да Федор Головачев: в прошлом де во 151-м году посыланы были в колмацкие улусы к Илденею да к сыну ево к Мергеню тайшам тарские конные казаки Онтошка Ильин да Олешка Купавин с их Ильденеевым и с Мергеневым посланники с Илбейком да с Куламком с товарыщи; и в нынешнем во 152-м году ноября в 21 день те тарские конные казаки Онтошка Ильин да Олешка Купавин приехали ис колмацких улусов от Илденя и от Мерченя тайш на Тару, а в роспросе сказали: как де они были в улусех у Ильденя и у Мергеня тайш, и им де Онтошку и Олешку в улусех сказывали тарской изменник Мангитачко в тайне, что прислал Девлеткирей царевич Кучюмов сын прошать у него Мергеня людей на войну итти под государевы сибирские городы и на волости войною, а Мергень де тайша и царевич в ближнем племянстве и посулил де Девлет Кирею царевичю людей дать в войну 3000 человек; а Девлет Кирей царевич, собрався с людьми, пошел в поход, а куды пошел, того не ведает, а хотел итти Тарского уезду на Тунусскую и на Ялынскую волости и по иным тарским волостям вниз по Иртышу реке до Тары и до Тобольска и до Тюмени войною. И тебе бы, господине, те вести были ведомы.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 6, лл. 92 об.— 93, № 309.

414. *1644 г. марта 17.— Грамота в Березов воеводе Мелентию Квашнину о дополнительных работах по устройству острога в Березове.*

От царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии в Сибирь, на Березов, воеводе нашему Мелентью Клементьевичю Квашнину. В нынешнем во 152-м году писал ты к нам, что по нашему указу велено тебе, приехав на Березов, измерить на прежнем городовом месте, па скольких саженях поставлен на Березове острог, и сколько башен, и досмотрить около острогу рвы и иные какие крепости великие есть ли. И в прошлом во 151-м году, как ты приехал на Березов и велел измерить на Березове острог, который поставлен после пожару, и на Березове ставлен острог из старых острожин, которые подсеканы и отволачиваны в пожарное время, а кругом тово острогу по мере только 160 сажен, да в острожной же стене поставлена одна башня с вороты, которая отнята в то ж пожарное время, да в остроге ж поставлена церковь во имя Ильи пророка, да съезжая изба и казенные анбары и воеводцкой двор и тюрьма; а около тово острогу и иных никаких крепостей не учинить, и острог поставлен мал и низок из ветчаного лесу, и в остроге теснота большая. И нам бы о том велеть указ учинить. И как к тебе ся наша грамота придет, и ты б на Березове около острогу велел учинить крепости, без чево быть не уметь, и в остроге самые худые места велел поделати березовскими служилыми и всякими жилетцкими людьми и ружники и оброчники, а в том в острож-

ном деле березовским всяким людем тягости и напрасных налогов и убытков не учинил никоторыми делы. Да какие крепости около острогу учинены и что в остроге к прежпему острогу вновь прибавлено будет, и ты б то все велел написать на роспись подлинно, да о том отписал и острожному строенью и крепостям роспись за своею рукою прислал к нам к Москве, а велел отписку и роспись подать в Сибирском приказе боярину нашему князю Никите Ивановичю Одоевскому да дьяку нашему Григорью Протопопову. Писан на Москве лета 7152-го марта в 17 день.

На об роте: Дьяк Григорий Протопопов. Справил подъячий Ивашка Селетцына.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 16, л. 167 и 167 об., № 58.

415. *1644 г. не ранее июня 5. — Отписка в Москву верхотурских воеводы Максима Стрешнева и подьячего Максима Лихачева о намерении туринских служилых людей строить новую слободу на большой елани Ощепковой слободы.*

Государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии холопи твои Максимко Стрешнев, подъячей Максимко Лихачов челом бьют. В нынешнем, государь, во 152-м году июня в 5 день писал к нам холопем твоим на Верхотурье Верхотурсково уезду Ницынские слободы прикащик Тихон Текутьев: в нынешнем де во 152-м году мая в 29 день сказывал ему в Ницынской слободе в судебной избе ницынской пашенной крестьянин Кирилко Бердюкин: приезжали де ис Туринсково острогу служилые люди туринского ясаку с татары к ним ницынским крестьянам в деревни на большую ялань досматривать пашенных земель, а хотят де на той ялане строить ис Туринского острогу твою государеву пашню, вновь крестьян садить, а острог хотят ставить меж ницынских пашенных крестьян деревни; а та де ялань прилегла с одну сторону с ницынскими пашенными крестьяны от Ивашка Кривово только с версту, а з другую сторону от Вахрушка Бердюкина версты с полторы; а на той же, государь, ялане по твоему государеву указу и по верхотурской памяти в прошлом во 151-м году велено слободчику Пятку Ощепкову прибирать вновь пашенных крестьян. И у того, государь, слободчика у Пятка Ощепкова призвано и посажено на той ялане твоих государевых пашенных 5 человек крестьян. А только, государь, на той ялапе станут ис Туринского острогу твою государеву пашню строить, и в Ницынской де слободе вновь пашенных крестьян в твою государеву пашню называть и садить нигде, потому что пашенных земель, опричь той ялани, около Ницынской слободы нет нигде, и ницынским пашенным крестьяном от тех туринских русских людей и от татар и по готову обида и изгоня будет великая. И в прошлом, государь, во 150-м году Ницынские слободы пашенных крестьян староста Баженко Кирилов и все ницынские пашенные крестьяне били челом тебе государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии в обидах от прежнего воеводы от Микиты Кафтырева и от служилых людей и от татаровей, которых присылают ис Туринсково острогу досматривать в Ницынскую слободу пашенных земель, и против того их крестьянсково челобитья писано с Верхотурья к тебе ко государю к Москве. И о том, государь, нам холопем своим как укажешь.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 2, л. 223 и 223 об., № 187.

416. *1644 г. августа 25. — Грамота в Тюмень воеводе Ивану Бобрищеву-Пушкину о походе Якова Тухачевского в Киргизскую землю, о построении Ачинского острога, о походе вверх по р. Белому Июсу и о даче жалованья тюменским служилым людям, принимавшим участие в этих походах.*

От царя и великого князя Михаила Федоровича всея Русии в Сибирь, на Тюмень, воеводе нашему Ивану Гавриловичю Бобрищеву-Пушкину. В прошлом во 147-м году

по нашему указу послан был на наших изменников и на непослушников на киргизских людей, и на тубинцов, и на моторцов с нашими сибирскими служилыми людьми воевода Яков Тухачевской, а велено ему Якову с служилыми людьми, прося у бога милости, над теми нашими изменники и над непослушники пад киргизы, и над тубинцы, и над моторцы и иных немирных землиц над людьми промышлять, сколько бог помощи подаст, чтоб их изменников и непослушников смирить и привесть под нашу царскую высокую руку в прямое холопство, и аманатов у них поимать лутчих людей; да ему ж Якову велено, розъездя и высмотря в Киргиской земле и отыскав крепкое и угожее место, теми ж нашими служилыми людьми, которые с ним на той службе будут, поставити острог и всякими крепостьми укрепить, чтоб тот острог Томскому городу, и Кузнецкому, и Красноярскому, и Мелесскому острогом и нашим ясачным волостям был к обереганью, а им киргизом, и тубинцом, и моторцом, и иных немирных землиц людем был к утесненью; да как Якову и служилым людем над киргизы, и над тубинцы, и над моторцы и иных немирных землиц над людьми бог помощь подаст, и аманатов поемлют и острог поставят, и в которых местех и х каким крепостям и к угодьям тот острог поставлен будет, и о том о всем подлинно велено ему Якову отписать к нам к Москве. И в прошлом же во 150-м году писал к нам из Сибири ис Киргиские земли воевода Яков Тухачевской: и божиею де милостию, а нашим счастием наши служилые люди киргизских князьцов Ишеев и Ченеев улусы повоевали, и в полон многих и жон их и детей поимали, лошади и верблюды отогнали; да и он же де Яков, отъискав в Киргиской земле угожее место, поставил разных сибирских городов с служилыми людьми с 38 человеками середи Киргизские земли в Ачинской волости на реке на Белом Июсе и на Сызыриме озере острог, и всякими крепостьми укрепил; а которого города и хто имены служилые люди с ним Яковом тот Ачинской острог ставили, и тем служилым людем прислал имянную роспись. Да в прошлом же во 151-м году писал к нам Яков же Тухачевской: посылая де он Яков ис того из Ачинского острогу служилых людей на наших изменников на Атаячка с товарыщи красноярского казака Фетьку Мещеряка да с ним разных городов служилых людей. 9 человек в стругах вверх рекою Белым Июсом, и те де служилые люди Фетька Мещеряк с товарыщи наших изменников киргисских людей и Атаячка побили, и жену его Атаячкову и братью взяв и привели к нему в Ачинской острог; а хто имяны разных городов служилых людей с красноярским казаком Федькою Мещеряком в посылке были, и тем служилым людем он Яков прислал к нам имена. А ныне били нам челом тюменские служилые люди, которые с Яковом Тухачевским в Киргисской земле острог ставили и на изменника на Атаячка посланы, чтоб нам пожаловать их за ту службу и за острожное ставленье нашим жалованьем против того, как прежде сего иным сибирским служилым людем за такие службы наше жалованье давано. И мы тюменских служилых людей, которые с Яковом Тухачевским в Киргиской земле острог ставили и на нашего изменника на Атаячка войною посыланы, пожаловали, велели им за те службы дати нашего жалованья за острожное ставленье в приказ по 2 рубли, а за Атаячков погром, за побитых и за взятых мужиков, по рублю, а за мужичьих и за лошадиные мужичьих же ран и за явственной бой по полтине человеку; а кому имянем тюменским служилым людем то наше жалованье за острожное ставленье и за Атаячков погром дать, и тому послана к тебе под сею нашею грамотою роспись за дьячьею приписью. И как к тебе ся наша грамота придет, и ты б тюменским служилым людем, которые были в киргисском походе с воеводою Яковом Тухачевским и острог поставили, велел им нашего жалованья за то острожное ставленье дати из наших ис тюменских доходов в приказ по два рубли да им же служилым людем велел дать нашего ж жалованья послушных денег за Атаячков погром за битье и за взятье мужики и за мужичьи и за лошадиные раны всем на лицо по росписи; и велел ту дачю написать в расход-

ные книги и в сметной список имянно себе статью; да о том отписал к нам к Москве с ыными нашими делами вместе, а отписку велел подать в Сибирском приказе боярину нашему князю Никите Ивановичю Одоевскому да дьяку нашему Григорию Протопопову. Писан на Москве лета 7152-го августа в 25 день.

На обороте: Дьяк Григорий Протопопов.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 8, лл. 116 об.—119, № 94.

417. *1644 г. сентября 8.—Память тюменского воеводы Ивана Бобрищева-Пушкина прикащику Нижней Ницынской слободы Евсевию Поливанову о сборе калмыцких тайшей и о намерении их и царевича Девлеткирея и Ирденея контайши воевать сибирские города и слободы.*

Лета 7153-го сентября в 8 день, по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии указу, память в Нижную Ницынскую слободу тобольскому сыну боярскому Евсевью Поливанову. В нынешнем 153-м году сентября сево же числа писано ис Тобольска на Тюмень, что в прошлом де во 152-м году августа в 25 день писали в Тоболеск с Тары воеводы князь Петр Щетинин да Федор Голочавчев: в прошлом де во 152-м году посыланы были с Тары в Колмыки конные казаки Ивашко Ясырь, Игнашка Мезяка, Тараско Тарасов, Кирюшка Архипов: Ивашко х Кулделеню, а Игнашка к Талаи тайше, а Тараско и Кирюшка к Урухану тайше да х Кутайкушу тайше; и Ивашко, и Игнашко и Тараско и Кирюшка ис Колмаков приехали и в роспросе сказали: слышали де они в колмыцких улусах у колмыцких людей и у русских полоненников и у бухарцов, что де колмыцкие тайши все в зборе, а хотят итти войною под государевы городы, а под которые городы хотят итти, того они не ведают; да Тараску де Тарасову приказывал Урухан тайша на Тару к воеводам: наряжаетца де царевичь Кучюмов внук итти войною под Тару и под иные государевы сибирские городы нынешнею осенью, а с ним де на помочь наряжаетца Ирденей контайша; да и посланники де ево Урухановы на посольстве сказали те ж речи, что приказывал с ними Урухан тайша, а велел де сказать на Таре, что царевичь и с ним Ирденей тайша наряжаютца итти войною под государевы городы, и для того ево Урухан тайша послал нарочно с теми вестьми на Тару. И тебе бы в слободе жити с великим береженьем, чтоб колмыцкие воинские люди под слободы и на деревни не пришли и дурна какова не учинили. Да с Тюмени ж посланы в Верхную Ницынскую и в Чюбарову и в Кыргинскую слободы к прикащиком три памяти о тех же вестях, запечатаны в столпцах государевою тюменскою печатью с тюменским служилым человеком с Семейкою с Ильником, а велено ему те памяти отдать тебе в Ницынской слободе, и тебе бы те памяти у того Семейки взять и послать их в слободы к прикащиком, чтоб те вести во всех слободах были ведомы. К сей памяти государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии печать земли Сибирские Тюменского города приложил воевода Иван Гаврилович Бобрищев Пушкин.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 10, л. 53 и 53 об., № 49.

418. *1644 г. октября 16.—Грамота в Туринск воеводе князю Петру Барятинскому о запрещении строить слободы на землях, не принадлежащих к Туринскому уезду.*

От царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии в Сибирь, в Туринской острог, воеводе нашему князю Петру Романовичю Борятинскому. Писали к нам из Сибири с Верхотурья воевода Максим Стрешнев да подьячей Максим Лихачев: в прошлом де во 152-м году приезжали ис Туринского острогу служилые люди с туринскими ясачными татары по Нице реке Верхотурского уезду Ницынские слободы в деревню на болыпую елань осматривать пашенных земель, где устроить сло-

бода и пашенных крестьян, а острог де хотят поставить меж нипынских пашенных крестьян Ивашка Кривого да Вахрушка Бирдюкина; а та де елань, где хотит ис Туринского острогу слободы строить, Верхотурского уезду; а по нашему де указу в прошлом во 151-м году велено слободчику Пятунке Ощепкову на ту елань прибирать пашенных крестьян вновь, и он де Пятунка призвал на ту елань пашенных крестьян 5 человек, и дворами де те новоприборные пашенные крестьяне построились; и нам бы о том велеть указ наш учинить. И как к тебе ся наша грамота придет, и ты б, будучи на нашей службе в Сибири в Туринском остроге, служил нам и прибыли искал вновь, и слободы и крестьян строил отъискивая пашни в Туринском уезде, где пригоже, а в Верхотурском уезде слобод не строил, и в земли и ни в какие угодья не вступался, чтоб в том меж сибирскими городами ссоры не было; во всех сибирских городех порожних земель и всяких угодей много, мочно и не на спорных местех слободы и пашенных крестьян строить, только бы было радение. Писан на Москве лета 7153-го октября в 16 день.

На обороте: Справил Ивашка Селитцына.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 6, л. 97 и 97 об., № 313.

419. *1644—1645 гг. — Отписка слободчика новой Усть-Ирбитской слободы Пятого (Пятки) Ощепкова верхотурскому воеводе Максиму Стрешневу о призыве в оброчные крестьяне двух гулящих людей.*

Государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии воеводе Максиму Федоровичю, Максиму Яковлевичю новой усть Ирбицкой слободы слоботчик Пятко Ощепков челом бьет. В нынешнем во 153-м году по государеву указу и по верхотурской памяти велено мне в новую усть Ирбицкую слободу вновь призывать в государевы в оброчные крестьяне и велено давать тем оброчным крестьяном государево денежное жалованье на ссуду и на подмоги. А по государеву указу и по верхотурской памяти гулящих людей двух человек Мишку Оверькиева Чащина да Селуяпка Никонова пеняжанина вновь в оброчные крестьяне призвал и по них взял поручные записи и в ссудных деньгах кабалу [и] с верхотурским стрельцом с Ваською Костаревым послал к вам на Верхотурье, а отписку и поручные записи и кабалу велел подать вам в съезжей избе.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 2, л. 200 и 200 об., № 165.

420. *1645 г. января 7. — Грамота в Тобольск воеводам князю Григорию Куракину с товарищами о вестях про намерения Иденея контайши и Девлеткирея воевать сибирские города и о мерах предосторожности против них.*

От царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии в Сибирь, в Тоболеск, воеводам нашим князю Григорию Семеновичю Куракину, да князю Михаилу Семеновичю Гагарину, да дьякам нашим Ивану Переносову да Григорью Лукину. Писали есте к нам: в прошлом де во 152-м году августа в 25 день писали к тебе ко князю Григорью с Тары воеводы князь Петр Щетинин да Федор Головачев: по твоей де князь Григорьевой отписке посылали они х контайшиным людем, которые кочевали блиско наших тарских ясашных волостей, тарского сына боярского Гарасима Костелецкого да конного казака Фетку Плотникова и велели контайшиным людем говорить, чтоб они с нашей земли сошли в свои улусы и нашим бы ясашным людем и стеспенья и обид никаких не чинили; и сын боярской де Гарасимко Костелецкий да конной казак Федка Плотников, приехав на Тару, в роспросе им сказали, что они контайшиных людей в тех местех, где кочевали блиско наших ясашных волостей, не съехали, а откочевали они в барабинские волости контайшина холопа Бугачка з женою и з детьми, а сказали де им Богачко, что он пришол в Барабинскую волость кормитца собою, а не по контайшину веленью; да им же де Герасимку и

Федьке сказывали барабинской князек Куготек в тайне, а ему де Куготеку в тайне ж сказывал контайшин человек Кутелко Подгужев: хочет де контайша на осени послать сына своего с воинскими людьми войною под Томской город да под Парымской да под Кузнецкой и под Красноярской остроги, риясь тому, что де наши кузнецкие и красноярские служилые люди повоевали его контайшиных ясашных людей керсакальцов; а будет де над нашими городами промыслу никакова не учинят, и им бы де воевать и поимать к себе в улусы наших ясашных людей; да ему ж де Куготеку тот же контайшин человек Кутелко сказывал, отпустит де контайша сына своего на войну, хочет к себе в улус забрать наших тарских и барабинских и чойских и теренинских и туражских и любайских и тупуских ясачных людей, и только де контайша пришлет людей в те волости хотя невеликих людей и велит их к себе забрать, и им де барабинских и иных волостей ясашным людем с теми с контайшиными людьми бою поставить не уметь, потому что де они ясашные люди от наших городов живут далеко, а у контайшиных улусов блиско. Да в прошлом же де во 152-м году посыланы с Тары в Колмаки тарские конные казаки Ивашко Ясырь да Игнашка Мезина, Тараско Тарасов, Кирюшка Архипов, и те де тарские казаки Ивашко Ясыр с товарыщи, приехав на Тару, в роспросе им князю Петру и Федору сказали: пришли де при нем при Ивашке х Куделеню тайше от Урлюковых жен и от улусных людей послы с Яика и сказали: Урлюк де и з детьми убит да с ним же убито 14 тайш и многие колмыцкие люди побиты, а достальные де Урлюковы улусные люди кочюют на Яике, а Кунделен де таиша и иные таиши все в зборе, а куды хотят итти войною, того он Ивашко не ведает; да ему же де Ивашку говорил бухаретин Курмашук, чтоб де на Таре жили с великим береженьем, а чаеть де Ишимова сына да Ирфенга тайши приходу с воинскими людьми под Тару и под иные сибирские городы; а Тараско де Тарасов в роспросе им сказал: приказывал де с ним Тараском на Тару Урухан тайша, велел сказать, что нарежаетца де Кучюмов внук итти войною под Тару и под иные сибирские городы осенью, а с ним де на помочь нарежаетца Ирденей контайша. И ты де князь Григорей писал на Тару и на Тюмень к воеводам, чтоб они жили с великим береженьем, чтоб воинские люди безвесно не пришли и дурна никакова не учинили. И в Томской к воеводам те вести вы писали ж. И как к вам ся наша грамота придет, и вы б в Тобольску жили с великим береженьем, по городу и по острогу велели караулы поставить крепкие, и проезжие станицы на вести служивых людей посылали почасту до которых мест пригоже, чтоб воинские люди безвестно не пришли и дурна какова не учинили, и уезду и волостей не повоевали. Да на Тару и на Тюмень и в Туринской острог и на Верхотурье к воеводам ты, князь Григорей, от себя и в слободы к прикащиком про те и про иные калмацкие вести писали же, чтоб они однолично потому ж жили с великим береженьем неоплошно. Да что вперед про колмацких и про иных воинских людей каких вестей будет, и вы б о том писали к нам к Москве, а отписки велели подавать в Сибирском приказе боярину нашему князю Никите Ивановичю Одоевскому да дьяку нашему Григорью Протопопову. Писан на Москве лета 7153-го году генваря в 7 день.

На обороте: Дьяк Григорей Протопопов. Справил Ивашка Селицкий.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 11, лл. 110—112, № 72.

421. *1645 г. апреля 11.—Память верхотурского воеводы Максима Стрешнева Верхотурского уезда Невьянской слободы прикащику Андрею Буженинову о получении остатка денег и крепостей на новоприборных крестьян Краснопольской слободы.*

Лета 7153-го апреля в 11 день, по государеву цареву и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии указу, память Верхотурсково уезду на Невью прикащику Ондрею Буженинову. В нынешнем во 153-м году апреля в 10 день писал ты с

Невьи и прислал на Верхотурье с невьинским с пашенным крестьянином с Ондрюшкою Молоковым государевых 30 рублев с полтиною денег, что оставил за прибором пашенных крестьян, да новой слободы Красново поля по новоприборных пашенных крестьянех в государевых судных делах четыре кабалы да две отписки, и те остаточные деньги 30 рублев с полтиною у невьянсково крестьянина у Ондрюшки Молокова на Верхотурье взяты.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 2. л. 199 об., № 163.

422. *1645 г. апреля 23.—Грамота на Тюмень воеводе Ивану Бобрищеву-Пушкину о раздаче послужных денег тюменским служилым людям, принимавшим участие в походе 149 г. головы Ильи Бакшеева в степь против царевича Девлеткирея и тарских и тюменских татар.*

От царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии в Сибирь, на Тюмень, воеводе нашему Ивану Гавриловичу Бобришеву Пушкину. В прошлом во 150-м году писал к нам из Сибири с Тюмени прежней воевода князь Григорей Борятинской: в прошлом же де во 149-м году по отписке ис Тобольска воеводы князя Петра Пронского посылал он с Тюмени в степь на Девлеткирея царевича и на наших изменников на тарских и на тюменских татар тюменсково татарсково голову Илью Бакшеева, а с ним тюменских детей боярских и конных и пеших стрельцов и казаков и юртовских служилых татар и охочих людей 272 человека, и те де служилые люди сошли его Девлеткирея в колмацких кочевьях, и с ним был бой, и божьею милостию, а нашим счастьем, голова татарской Илья Бакшеев с служилыми людьми многих колмацких людей побили и языки поимали, да тут же де взяли Урлюкова племяника да племянницу и привезли их на Тюмень; а хто имяны тюменских служилых людей на той службе з головою с Ильею Бакшеевым были, и тому прислал к нам к Москве послушной список. И ныне били нам челом тюменские служилые люди сын боярской Яков Резанов да конных стрельцов пятидесятник Якунка Трофимов и во всех товарыщей своих конных и пеших стрельцов и казаков и юртовских служилых татар и охотников место, которые па той службе были: в прошлом де во 149-м году посыланы они с Тюмени на колмацких людей и на наших изменников на тюменских и на тарских татар з головою с Ильею Бакшеевым и, будучи де они на той нашей службе, нам служили, с колмацкими людьми и с изменники с тарскими и тюменскими татары бились, а товарыщи де их тюменские ж служилые люди, которые на той службе были, нашим жалованьем пожалованы; и нам бы их пожаловати за эту службу нашим жалованьем против их товарыщев. И мы тюменских служилых людей сына боярсково Якова Рязанова да конных стрельцов пятидесятника Якунку Трофимова с товарыщи, которые на той нашей службе были, пожаловали, велели им дати нашего жалованья против послушново списка в приказ за убитых мужиков и за раны: которые на том бою сами ранены по рублю, а за явственный бой по полтине человеку. И довелось тех послужных денег тюменским служилым людем дать 91 рубль с полтиною, и те деньги посланы с Москвы на Тюмень с тюменскими челобитчики с пятидесятником с Якункою Трофимовым с товарыщи за их Якункиным с товарыщи счетом; а кому имяно тюменским служилым людем сколько нашего жалованья послужных денег дать, и тому послана к тебе под сею нашею грамотою роспись за дьячею приписью. И как к тебе ся наша грамота придет, а тюменские служилые люди пятидесятник Якушка Трофимов с товарыщи с нашими послужными денгами в Сибирь на Тюмень приедут, и ты б то наше жалованье послужные денги служилым людем велел роздати по росписи все налицо; а за очи подставою никому тех денег давать не велел; а как те денги служилым людем роздадут, и ты б о том отписал к нам к Москве с иными нашими делы вместе, а отписку велел подать в Сибирском

приказе боярину нашему князю Никите Ивановичу Одоевскому да дьяку нашему Григорию Протопопову. Писан на Москве лета 7153-м апреля в 23 день.

На обороте: Дияк Григорий Протопопов.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 8, лл. 119—120 об., № 95.

423. *1645 г. не ранее апреля 30.— Отписка прикащика Василия Муравьева верхотурскому воеводе Максиму Стрешневу об израсходовании денег, выданных для раздачи ссуд и подмоги новоприборным крестьянам Ирбитской и Белослудской слобод.*

Государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии воеводе Максиму Федоровичю, Максиму Яковлевичю Василей Муравьев челом бьет. В нынешнем во 153-м году дано было мне на Верхотурье из съезжей избы государевых денег 57 рублев 25 алтын давать на ссуду и на подмогу новоприборным пашенным ирбицким и на Белую Слуду крестьяном, и те государевы деньги у меня на ссуду и на подмогу на Ирбите и на Белую Слуду новоприборным крестьяном все изошли. А будет впредь вновь призовется кто в Ырбицкую слободу и на Белую Слуду во крестьяне, и мне тем крестьяном на ссуду и на подмогу давать будет нечево, и за тем прибор новопашенным крестьяном в Ирбицкой слободе и на Белой Слуде станет. А на Белой Слуде новоприборных крестьян апреля по 30 число всех 43 семьи, и порушные записи по них и в ссудных деньгах кабалы на них на всех взяты; а те порушные записи и в ссудных деньгах кабалы пришлю я все вдруг на Верхотурье в нынешнем во 153-м году к Семенову дню. И вам бы по государеву указу о том мне государев указ учинить.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 2, лл. 199 об.—200, № 164.

424. *1645 г. июня 12.— Грамота в Тобольск воеводе князю Григорию Куракину с товарищами об ямской гоньбе ямских охотников Демьянского и Самаровского ямов и сургутских ясачных.*

От царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии в Сибирь, в Тоболеск, воеводам нашим князю Григорью Семеновичю Куракину да князю Михаилу Семеновичю Гагарину, дьяком нашим Ивану Переносову да Григорью Лукину. В прошлом во 151-м году послана к вам наша грамота а велено Тобольского уезду Демьянского и Самаровского ямов ямским охотником нашу ямскую гоньбу гонять за одно за наше денежное жалованье, а за хлебное жалованье, по прежнему их челобитью, велено им на себя пахать пашню, которую им пашню отвел писмянной голова Станислав Баскаков да подъячей Ерема Кособоров; а будет те Самаровского яму ямские охотники ямские гоньбы за одно за наше денежное жалованье без нашего хлебного жалованья гоняти не похотят, и вам велено им сказать, что по нашему указу велено их Самаровского яму свесть в Томской в пашенные крестьяна, а в их место ямскую гоньбу гонять ясачным людем по прежнему; и будет самаровские ямские охотники за одно за наше денежное жалованье ямские гоньбы без хлебного жалованья гонять не похотят, и вам по прежнему нашему указу велено их с Самаровского яму з женами и з детьми и з животы свесть и отдать в Томском стольнику нашему и воеводам князю Семену Клубкову Масальскому с товарыщи. А будет сургуцкие ясашные люди, которым та самаровская ямская гоньба гоняти велено, учнут нам бити челом, что им ямские гоньбы гонять не мочно, и вам велено им о том выговаривати, что они нам били челом все тобольские и сургуцкие и березовские ясачные люди. Ромота Кармышаков с товарыщи и во всех ясачных людей место, а воеводам нашим князю Петру Пронскому с товарыщи подали челобитную за своими знамены, чтоб нам пожаловати их, велети им наш ясак и поминки платить полной оклад по прежнему, а ямскую гоньбу гонять тем же демьянским и самаровским ямским охотникам за наше за одно денеж-

ное жалованье, а в хлебново жалованья место велети им ямским охотником дати под пашню земли из их ясачных людей пашенных земель и из угодей, а те де земли и угодья укажут они ясачные люди; и ямские охотники на Демьянском и на Самаровском яму устроены; а они ясачные люди с тех мест по вся годы нашего ясаку сполна не плачивали и из ясачных своих земель ямским охотником за наше хлебное жалованье пашен против указу им сполна не указали, а указывали пашни немногие; и они б ясачные люди наш ясак платили сполна и на Самаровском яму ямскую гоньбу гоняли по прежнему. А Демьянского яму ямские охотники гоньбу гоняют, и тот Демьянской ям стал им ясачным людем в прибыль. А что воеводы князь Петр Пронской с товарыщи писали к нам, что они Сургуцкого уезду ясачным людем, которые нам били челом о облегчении нашего ясаку, Ваське Ловчакову с товарыщи, велели наш ясак и поминки платить полной оклад бес складку и ямскую гоньбу гонять по прежнему, а нашего ясаку и поминков половины окладу с тех ясачных людей, с Васьки Ловчакова с товарыщи, с их волостей не сложили для того, что де против нашей грамоты с теми сургуцкими ясашными людьми тобольские и сургуцкие и березовские ясашные люди учинили рознь, да и по тому, что писал в Тоболеск из Сургута воевода Андрей Вельяминов, что де он в Сургуте разсмотрил Сургуцкого уезду всех волостей ясачные люди нашего ясаку и поминков из давных лет и в нынешние годы по окладу сполна николи не платят от ямские гоньбы, потому что де им ямская гоньба перед тобольскими и перед березовскими ясашными людьми нелегче, и от той де ямские гоньбы сургуцкие ясашные люди летом рыбных запасов добывать не могут и в зиму бывают беззапасны, и затем многие на лешние свои промыслы для ясаку и поминков не ходят; а которые де ясачные люди с малыми запасы па лешние свои промыслы не в дальные места и ходят, и тот де ясак и поминки платят оклады свои неполные, в полы и в треть; а иные де ясашные люди, которые не стары, не увечны, а сказывают, что де они ясаку и поминков по многие годы не платят ничего за бедностью, и оттого де в Сургуцком уезде во всех волостях нашему ясаку и поминком по многие годы ставитца недобор большей; только де по нашему указу сургуцких ясашных, которые о облегченье нашего ясаку нам били челом, разобрать, добрым бы платить наш ясак и поминки, а бедным и худым ясачным людем гонять ямская гоньба, и Сургуцкого де уезду на ясачных людей нашего ясаку и поминков учнет в недоборе оставатца менши прежнего, потому что де лутчие люди ясачные ямские гоньбы гонять не учнут, а учнут промышлять рыбными запасы и ходить на лешние свои промыслы для нашего ясаку в дальные места, а бедные де и худые ясачные люди учнут в Сургуцком уезде гонять ямскую гоньбу по прежнему. И вам велено того розсмотрить накрепко, чтоб Самаровского яму ямских охотников не сводить, а гоняти б им ямская гоньба Демьянского яму с ямскими охотники по прежнему без хлебного жалованья за одно наше денежное жалованье с пашни, которую отвел им письмяной голова Станислав Баскаков да подьячей Ерема Кособоров, или тех Самаровского яму ямских охотников свесть в Томской и устроить в пашенные крестьяна, а в их бы место ямскую гоньбу гонять ясачным людем и наш ясак и поминки платить по прежнему сполна для того, что Тобольского и Березовского и Сургуцкого уездов ясачных людей много, да им же ясачным людем в подмочь устроен Демьяновской ям, а гоньба перед прежним учала быть легче, воеводам перемена бывает в четыре годы; а с сургутцких бы ясачных людей с Васьки Ловчакова с товарыщи, которые об ясачном зборе о облегченье нам били челом, и с них бы того ясаку не складывать, для того что их перед тобольскими и березовскими ясачными людьми много, ямская их гоньба по отписке воевод князя Петра Пронского с товарыщи тех тобольских и березовских ясачных людей легче, чтоб тем сургуцким ясачным людем ямскую гоньбу гонять и наш ясак по окладу платить

сполна ж попрежнему. Или будет так прочпее, как писал к нам из Сургута воевода Андрей Вельяминов, чтоб сургуцких ясачных людей розобрать: добрым бы платить наш ясак и поминку, а бедным и худым гонять ямская гоньба: и о том о всем ямском строенье велено вам разсмотрить и розыскать, как тому Самаровскому и Сургуцкому ямскому строенью впред быть прочно и стоятельно и нашему б ясаку и поминкам большие убыли, а ясачным людем большово оскорбленья не учинить, тем их не ожесточить, а росмотря того всего, велено вам о том отписать к нам к Москве. И вы писали к нам, что Демьянского и Самаровского ямов ямских охотников вы к себе призывали и наш указ им сказывали, чтоб они нашу ямскую гоньбу гоняли с нашего с одного денежного жалованья, без хлебного жалованья, с пашни; а будет они с нашего с одного денежного жалованья ямские гоньбы гонять не похотят, и они б по прежнему нашему указу ехали в Томской в пашенные крестьяня. И демьянские де ямские охотники сказали вам, до де они нашу ямскую гоньбу гонять за одно наше денежное жалованье, без хлебного жалованья, с пашни готовы. А самаровские де ямские охотники били нам челом, а вам в съезжей избе подали челобитную, а в челобитной их написано: в прошлом де во 148-м году по нашему указу поселились они дворами своими под Самаровскими горами, а строищик де тобольской сын боярский Карп Павлоцкой пашенных им земель не отъискал, только де отведены им сенные покосы, и те недобрые; а после де того присылан к нам под Самаровские горы ис Тобольска ж для прииску пашенных земель сын боярской Михайло Байкашин, да с ним пашенной крестьянин Спирка, да тобольской пасадцкой человек Киселко Рюков да толмач Тупылко Иванов, и тот де сын боярской Михайло Байкашин с товарыщи под Самаровскими горами, вверх по реке по Иртышу и по Обе реке по обе стороны, пашенных мест не сыскали ж; а после де Михаила Байкашина велено над Самаровскими ж горами самаровскому прикащику Федору Еголскому пашенных мест дозрить; и прикащик де Федор под Самаровскими горами пашенных мест не сыскал же; да ис Тобольска ж де прислан был к ним под Самаровские ж горы тобольской сын боярской Михайло Харламов, да пашенные крестьяня Шестачко Исаков, да Ларька Полуянов да толмач тот же Тубылку Иванов для прииску пашенных же земель, и они де под Самаровскими горами пашенных мест потому ж не сыскали ж; а во 151-м году присылан к ним ис Тобольска ж писменной голова Станислав Баскаков да подъячей Ерема Кособоров да пашенные крестьяня Васька Сидоров да Максимко Косинец да тот же толмач Тупылку Иванов для земляного дозору да с ними ж де велено быть их Самаровского яму старосте Степанку Ерпу да 2-м человекам ямским охотником Ваське Терентьеву да Кирилку Федорову. И письменной де голова Станислав Баскаков написал на них в своих дозорных книгах, бутто де под Самаровскими горами пашне быть мочно; приехал де он Станислав к ним о Дмитриеве дне, и в те де поры снег выпал в три пяди, а речки и болота замерзли, и ходил де он Станислав с товарыщи вверх по реке по Иртышу и по Обе реке пашенных земель и сенных покосов дозирать на лыжах, и в зимнюю де пору под снегом пашенных земель и сенных покосов узнать было ему Станиславу с товарыщи не мочно, и просил де с них Станислав от тово посулу, а им де от тово посулу дать было ему нечево, и рпясь де тому, Станислав Баскаков, что они ничем ево не почтили, написал на них пашню ложно и велел к тому своему дозору руки прикладывать старосте их ямскому Степанку Тимофееву да ямским охотником Ваське Терентьеву да Кирилку Федорову, не вычетчи письма своего и дозору; и тот де их ямской староста Степанко и ямские охотники Васька и Кирилко, ево Станислава Баскакова дозорнову списку не вычетчи, велели в свои места руки приложить по его Станиславову веленью в неволю; а со 145-го де году по 150-й год давано им нашего хлебного жалованья на пан по сороку четвертей ржи и овса да денежново жалованья по 20-ти рублев, а на 150-й да и на 151-й

и па 152-й годы нашего хлебного жалованья им не дано, и они де ямские охотники, будучи па Самаровском яму без нашего без хлебного жалованья, обнищали и одолжали великие долги; да им же де по нашему указу велено ямскую гоньбу гонять из одного нашего денежного жалованья, а хлебново жалованья давать им не указано, а вместо де нашего хлебного жалованья велено им на себя пахать пашню, и им де, будучи па Самаровском яму в безпашенном и в пустом месте без нашего без хлебного жалованья, из одново из денежново жалованья ямские гоньбы гонять невозможно; а ямские де они гоньбы гоняют перед демьянскими ямщики вчетверо вверх по реке по Иртышу до Демьянского яму, а вниз до князь Дмитриевы вотчины Алачева, вверх по Обе реке до Сургута, и ходят в подводах, летом в судах, а зимним путем нарты, недели по три и по четыре и больши, а подводы де наимуют рубли по 3 и по 4 и больши; да демьянские ж де ямские охотники завели пашни свои, а им де пашни па себя завесть никоими мерами невозможно, и без нашего де без хлебново жалованья прожить им нечем; и нам бы их самаровских ямских охотников пожаловати, Станислава Баскакова ложному дозору поверить не велеть и велети б тех пашенных земель, где Станислав Баскаков дозирал, дозрить летом в пашенную пору иному дозорщику. И вы де против тех самаровских ямских охотников челобитья распрашивали подьячево Ерему Кособорова, которой с Станиславом Баскаковым посылан был для земляного дозору, в кое они время под Самаровскими горами были и под ямские пашни земли дозирали; и подьячей де Ерема Кособоров сказал вам: ездили де они с Станиславом Баскаковым под Самаровы горы в октябре месяце, а земля де в ту пору была мерзла и снег был в колено, и ходили де они по пашенных мест, досматривали на лыжах, и на тех де местех Станислав Баскаков целовальником во многих местах велел снег розгребать, сказал, что де та земля под пашню годится. И вы де посылали под Самаровские горы писмянново голову Григорья Семечюдова да подьячево Якова Писарева да с ними де для веры посадцких людей и пашенных крестьян, приведчи к нашему крестному целованью, не ложно ль самаровские ямские охотники о том нам били челом; да ему ж Григорью велели вы с собою взять самаровского попа и самаровских ямских охотников и ясачных людей тех же, которые Станиславу землю указывали, и с ними тех пашенных земель и сенных покосов всех, которых дозирал Станислав Баскаков да подьячей Ерема Кособоров, дозрить и сметить и розсмотрить, сколько в котором месте пашенные земли чети и лесных каких угодей, которые Станислав Баскаков в своих дозорных книгах пашенные земли и лесново места под пашню написал, и те пашенные земли под пашню годятца ли, и лесные места росчистить мочно ль, и в сколько лет росчистити мочно, и на тех чищеных местах хлеб родитца учнет ли, и на сколько чети в котором месте тех росчищенных и чистых каких мест будет, или Стапислав в дозорных в своих книгах те пашенные земли и лесные места написал ложно. И письменной де голова Григорей Семичюдов да подьячей Яков Писарев, приехав в Тоболеск, подали вам дозору своево самаровским землям книгу за руками и за знамены; а в тех их книгах написано: на большем на высоком острову в розных местах и над Неулевою протокою на увале к северной стороне и над ямскою слободою па Самаровых горах по мысам и над Лавралдинскою протокою чистых и лесных пашенных мест по мере 36 десятин во всех в 3-х полях, а леса де на тех пашнях березник большой и осинник толстой, а меж большово и толстово лесу иной всякой частой мелкой лес; да на Репаловском мысу, что у Станислав Баскакова в книгах написано под пашню годитца, по смете ж десятин з 200, а та де земля немерена, для того что под пашню не годитца, потому что на той де земле мох и кочки и мокрые места и лес старинной всякой: березник и осинник и ельник в обоймо и в бревно и в жердь и в кол, и всякой частой мелкой лес, а чистых де мест на том Репаловском мысу нет ничево; а сенных де покосов во всех местах много, и те де сенные

покосы все потопило водою; а от Самарова де яму до большево высокова острову вверх по речке по Иртышу ходу шесть дней, а до Неулева протоку половина дни. А на Березов де и в Сургут князь Григорей воеводам от себя писал, а велел им з Березова и из Сургута ясачных людей, которые нам били челом о ямском строенье и облегченье нашего ясаку, выбрав самим меж себя из лутчих и из середних и из худых людей, для тово ямсково строенья прислать в Тоболеск, чтоб тот Самаровский ям устроить и березовских и сургуцких ясачных людей укрепить и наш бы им ясак и поминку платить по вся годы по окладу сполна. И в прошлом де во 152-м году писал к тебе ко князю Григорью из Сургута воевода Андрей Измайлов и прислал в Тоболеск сургутских ясачных людей Ваську Ловчакова с товарыщи 6 человек. И вы де тем сургуцким ясашным людем Ваське Ловчакову с товарыщи наш указ сказывали и против нашей грамоты им говорили, чтоб они сургуцкие ясачные люди лутчие наш ясак и поминки по окладу платили сполна, а худые б люди ямскую гонбу гоняли; и те де сургуцкие ясачные люди Васька Лавчаков с товарыщи сказали вам, челобитья де их о том, чтоб им лутчим людем наш ясак и поминки по окладу сполна платить, а худым ясашным людем ямскую гоньбу гонять, не бывало, а писал де к нам о том воевода Андрей Вельяминов ложно не по их ясашных людей челобитью, и впредь де им сургуцким ясашным лутчим людем наш ясак и поминки сполна платить, а худым ясачным людем ямскую гонбу гонять невозможно. Да и Тобольсково ж уезду Демьянские, Торканские, Цынгалинские, Карбинские, Надцынские, Туртацкие, Назымские, Нарымские, вверх Демьянки, Митькины, другие вверх Демьянки Григорьевы десяти волостей да Сургутцково уезду Салымские, Темлячиевы, Селиярской, Белогорской 4-х волостей наши ясачные люди Ромотам Кармышаков с товарыщи нам били челом: хотя де будет по нашему указу с них и весь ясак снять, и им демьянские гоньбы гонять невозможно, для того что де жен их и детей емлют в подводы и их позорят, и от той де им гоньбы з женами и з детьми розбрестись будет врознь по дальним местам и по рекам; и чтоб нам их ясачных людей пожаловать, велеть самаровским ямским охотником ямскую гоньбу гонять по прежнему, а их бы ясачных людей для тои ямской гоньбы разорить не велеть, а наш де ясак платить они готовы. И по вашему де высмотру только самаровским ямским охотником давать наше денежное жалованье по прежнему, а хлебное жалованье давать им в полы их окладов, и им де самаровским ямским охотником ямская гонба гонять будет мочно. А что де в нашей грамоте написано к вам, чтоб сургуцким ясачным лутчим людем платить наш ясак, а худым бы ясашным людем гонять ямская гоньба, и то де будет вперед непрочно, потому что худые ясачные люди от ямской гоньбы станут отъиматца ясаком, а переменяются в подводах по юртам, и от тое гоньбы розъедутца по дальным местам и по речкам и вскоре собрать их немочно будет для ямской гоньбы, и в том будет нашему делу мотчанье и поруха. А что де по нашему указу для ямкой гонбы сургуцких остяков с Васьки Ловчакова с товарыщи велено збавить половину ясаку, и, на то де смотря, учнут нам для ямские гоньбы о ясачной збавке бить челом и березовские и Томского города и острогов ясачные люди. И нам бы о той гоньбе велеть указ наш учинить. И мы указали: вперед Демьянсково яму ямским охотником для ямской гоньбы давать одно наше денежное жалованье прежние их оклады по 20 рублев на пан, а хлебного им жалованья не давать, потому что они вместо хлебного жалованья завели пашни. А Самаровского яму ямским охотником для ямские гоньбы указали есми давать наше денежное жалованье прежние их оклады по 20 рублев, а хлебного жалованья давати им половину окладов их по 10 чети ржи, по 10 чети овса на год на паи, потому что по вашему высмотру у тех самаровских ямских охотников пашенные земли нет; а впредь указали есмя тем самаровским ямским охотникам, около себя пашенных мест приискав, розчищати и пашнями строитца. А сургуцким ясачным людем всем

Ваське Ловчакову с товарыщи указали есмя ямскую гоньбу гонять и наш ясак платить по прежнему. И как к вам ся наша грамота придет, и вы б велели Демьянского яму ямским охотником нашу ямскую гоньбу гонять с нашего с одного з денежного жалованья и велели им то наше денежное жалованье оклады их по 20 рублев на паи давать по вся годы сполна, а нашего хлебного жалованья давать им не велели, потому что они устроились пашнями. А Самаровского яму ямским охотником потому ж велели б есте наше денежное жалованье давать оклады их по 20-ти рублев на выть по вся годы, да им же велели есте давать нашего хлебново жалованья половину окладов их по 10-ти чети ржи, по 10-ти чети овса на паи, потому что, по вашему высмотру и по сыску, у тех самаровских ямских охотников пашен нет; а впредь велели б есте тем самаровским ямским охотником около Самаровского яму пашенных мест приискивать и росчищать и пашнями строитца так же, как и Демьянского яму ямские охотники пашнями устроились. А сургуцким ясачным людем велели б есте ямскую гоньбу гонять и наш ясак платить сполна по прежнему. И что по челобитью самаровских ямских охотников велели вы для их бедности дать им в Тобольску из наших житниц в займы до нашего указу 150 чети ржи, 150 чети овса, и вы б тое дачю велели им зачесть в наше годовое в хлебное жалованье. Да как по нашему указу демьянским ямским охотником с нашего с одного денежного жалованья ямскую гоньбу гонять, а самаровским ямским охотником к нашему денежному жалованью половину окладов их хлебнова жалованья давать и впредь пашнями строитца, а сургуцким ясачным людем ямскую гоньбу гонять и наш ясак платить по прежнему велели, и вы б о том отписали к нам к Москве подлинно с иными нашими делы вместе, а отписку велели подать в Сибирском приказе боярину нашему князю Никите Ивановичю Одоевскому, дьяку нашему Григорью Протопопову. Писан на Москве лета 7153-го июня в 12-й день.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 16, лл. 276 об.—284, № 139.

425. *1645 г. не ранее июня 28.—Отписка верхотурского воеводы Максима Стрешнева тобольскому воеводе князю Григорию Куракину о невозможности выслать в Туринск новоприборных крестьян, уже посаженных на пашню в Белослудскую слободу.*

Господину князю Григорью Семеновичю Максим Стрешнев, Максим Лихачев челом бьют. В нынешнем, господине, во 153-м году июня в 28 день писал ты к нам на Верхотурье: в нынешнем во 153-м году июня в 6 день писали мы в Тоболеск против твоей тобольские отписки, что велено нам туринских новоприборных пашенных крестьян, которых посылал прибирать в русские городы ис Туринского острогу воевода князь Петр Борятинской туринских служилых людей Нехорошка Венедихтова да Еремку Лыжина, с Верхотурья отпустить в Туринской острог не замотчав, и которово числа отпустим, и нам велено о том отписать в Тоболеск, и мы де тех туринских новоприборных пашенных крестьян с Верхотурья послали в Верхотурской уезд в новую слободу на Белую Слуду в пашенные крестьяне и ко государю о тех крестьянех о указе мы писали; а в государеве де грамоте написано: сибирских служилых и ни на каких людей, которые поедут с Руси и повезут с собою русских городов всяких людей, и тех бес подлинново сыску с Верхотурья отпущать не велено. А нам бы, господине, однолично тех туринских новоприборных пашенных крестьян отослать в Туринской острог с тобольским сыном боярским с Сергеем Тырковым по росписи, какову он Сергей возьмет в Туринском остроге у воеводы князя Петра Борятинского; а которово числа тех крестьян и ково имянем с Сергеем Тырковым в Туринской острог пошлем, и нам бы о том отписать к тебе в Тобольск. И мы, господине, тех крестьян до государева указу тобольскому сыну боярскому Сергею Тыркову отдати не смели, потому что писали мы о тех крестьянех о указе

ко государю к Москве, и дворами те крестьяне в новой Белослуцкой слободе селитца и собенные свои пашни на себя пашут; а как государев указ о тех крестьянех к нам будет, что их отдать в Туринской острог, и мы их к тебе отпишем, отдадим тотчас. А ныне, господине, тех крестьян без государева указу, что мы писали о указе к государю к Москве и дожидаемся о том государеве указу с Москвы, отдать не смеем.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 2, лл. 198—199 об., № 162.

426. *Не ранее 1645 г. июля 13. — Челобитная томского конного казака Афанасия Немчина о жалованье за службу в Калмыцкой и Киргизской землях и в Якутском уезде.*

Царю государю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Русии бьет челом заочно холоп твой Томского города конной казак Афонка Алексеев сын Немчин. Служил, государь, я холоп твой блаженные памяти отцу твоему государеву государю царю и великому князю Михайлу Федоровичю всеа Русии и тебе государю царю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Русии многие, государь, службы по Томскому городу, а твое государево жалованье в Томском было мне холопу твоему указано денег по 7 рублев с четвертью на год да хлеба по 42 пуда. Во 138-м году послан был я холоп твой ис Томского на твою государеву службу с московским дворянином с Яковом Тухачевским в Колмаки на твоево государева изменника на чатцкого мурзу на Тарлаву, и на той твоей государевой службе в Калмажах на бою меня холопа твоего ранили. И во 143-м году послан, государь, был я Афонька на твою государеву службу ис Томского ж с московским же дворянином с Андреем Просовецким в Киргызы, и в Киргызах был я холоп твой на твою государеву службу, и в Кыргызах меня холопа твоего ранили. И во 145-м году ис Томского послан, государь, был я холоп твой на твою государеву службу с томским атаманом з Дмитрием Копыловым на великую реку Лену и на Алдан реку, а в Томском, государь, было дано мне холопу твоему твое государево жалованье денежное и хлебное на два годы на 145-й и на 146-й год, полной мой оклад; и пришод, государь, на Алдан реку, острог ставили, и будучи, государь, на Алдане, твоим государским счастьем подручил, государь, бог, под твою царскую высокую руку тунгуских аманатов поимали, и на той твоей государеве службе на аманатцкой имке меня холопа твоего ранили, и на Алдане, государь, я Офонька служил тебе государю два годы. И с Алдану, государь, во 147-м году по твоему государеву указу Дмитрей Копылов послал меня холопа твоево на твою государеву службу на Ламу реку для приискy новой земли с приказным человеком Иваном Юрьевым, а твоего государева жалованья на Алдане ничиво мне не дано, ни денежного, ни хлебного, и будучи, государь, на твоей государеве службе па Ламе реке твоим государевым счастьем подручил, государь, бог, под твою царскую высокую руку тунгусково лутчего князца Ковырю в аманаты поимали, и на той твоей государевой службе на той аманацкой имке меня холопа твоего ранили. А служил, государь, я Офонька тебе государю на Ламе три годы без твоего государева жалованья, голод и нужу многую терпел, и душу, государь, свою грешную сквернил: сосну дерева и всякую поганую гадину ел. И с Ламы, государь, во 150-м году пришел я холоп твой в Якуцкой острог к твоим государевым стольникам и воеводам к Петру Петровичю Головину с товарыщи, и твой государев воевода Петр Петрович Головин с товарыщи мне холопу твоему в Якуцком острого твоего государева жалованья, а моего заслуженного на те на прошлые годы на 147-й и на 148-й и на 149-й год не дали.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 30, л. 339 и 339 об., № 152.

427. *1645 г. не ранее сентября... — Отписка тюменского воеводы Ивана Бобрищева-Пушкина тобольскому воеводе князю Григорию Кура-*

кину об отправке посланниками в калмыцкие улусы к тайшам Гумбе и Ешкепу служилых людей Тимофея Никитина и Ивана Васильева с товарищами, о задержке их в калмыцких улусах до весны и о прибытии в Тюмень калмыцких послов, желающих зимовать на Тюмени.

Господину князю Григорию Семеновичу Иван Бобрищев Пушкин челом бьет. В прошлом, господине, во 153-м году июля в 20 день посланы с Тюмени в посланниках в калмацкие улусы х Талай тайшину сыну к Гунбе да к матери его Ахаю да х Таичинову сыну Ешкепу да к матери его Дарыки с их послы с Алдашком да с Улчюматком с товарыщи тюменские служилые люди Тимошка Микитин да Ивашко Васильев с товарыщи, а велено им говорить, что в прошлом во 150-м году посланы были с Тюмени государевы посланники х Талай тайшину сыну Таичину да к лабе с их Тайчиновы и с лабины послы с Сабанчеем с товарыщи, и оне Тимошка да Ивашка с товарыщи, вышед они в степь под Итыковы горы, их ограбили, а взяли у них государева жалованья, что послано к Тайчину тайше да к лабе 2 сукна добрые черчатые да 2 сукна воевоцких добрых лазоревых да их животов у него Тимошки и у Ивашки с товарыщи пограбили на 159 рублев, и оне б Гунба и Ешкеп и матери их Ахаи и Дарыка государевы сукна и воевоцкие и их животы сыскали, а сыскав им одали и отпустили бы их на Тюмень не задержав. И в нынешнем, господине, во 154-м году сентября в день пришли на Тюмень ис калмацких улусов колмацкие Тайчинова сына Ешкепова да матери его Дарыки послы Чечейга да Теренка, а на посольском на съезжем дворе перед мною говорили, что де тайша их Ешкеп и мати его Дарыка велели бити челом государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии, чтоб государь пожаловал, велел им послом дать торг повольной и на Тюмени зимовать для того, что государевых посланников Тимошку и Ивашку с товарыщи тайша их Гунба и Ешкеп и матери их Ахаи и Дарыка у себя в улусе задержали для того, что в прошлом во 150-м году у Тимошки с товарыщи Тайчины и лабины люди Сабанчей с товарыщи взяли у них государевы и воевоцкие сукна и у него Тимошки с товарыщи животы их, и они де те государевы сукна и воевоцкие и их Тимошкины животы у своих улусных людей и в иных улусах сыскивают, а Сабанчея де послали в послех в Тоболеск, и как де тот Сабанчей ис Тобольска в улус придет, государевы сукна и воевоцкие и их Тимошкины животы сыщутца, и оне де государевых посланников Тимошку с товарыщи отпустят их на Тюмень тотчас, а на весну по пиастом велеть бы их отпустить с Тюмени к тайше их Ешкепу да к матери его Дарыке с своими государевы послы и с торги, и тайша и мати его государевых послов отпустят на Тюмень с своими послы и с торги, да с ними же де пошлют тайша их Ешкеп и мать его Дарыка ко государю к Москве послов своих. И тебе б, господине, для ведома велеть отписать на Тюмень: Сабанчейко в Тобольску в послах был ли и не Тобольска отпущен ли, и на Тюмени послом их Чеченке и Теренке зимовать и корм им давать велели ль.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 8, лл. 120 об.—122, № 96.

428. *1645 г. октября 12.—Грамота на Верхотурье воеводе Максиму Стрешневу по вопросу о туринских новоприборных крестьянах, посаженных верхотурским воеводой на пашню в Белослудскую слободу, и о порядке прибора крестьян.*

От царя и великого князя Алексея Михайловича всеа Русии в Сибирь, на Верхотурье, воеводе нашему Максиму Федоровичю Стрешневу да подьячему Максиму Лихачову. В нынешнем во 154-м году сентября в 3 день писали вы блаженные памяти к отцу нашему к великому государю царю и великому князю Михаилу Федоровичю всеа Русии; * в прошлом де во 152-м году по нашему указу завели вы

в Верхотурском уезде на урочище на Белой Слюде нашу новую слободу, а пашенных де крестьян в ту слободу в прошлых во 152-м и во 153-м годех призвали из вольных из гулящих людей 30 человек; и в прошлом же де во 153-м году приехали на Верхотурье с Устюга Великого с нашею с туринскою покупкою Туринского острогу служивые люди Нехорошко Венедихтов да Еремка Лыжин и привезли с собою [с Руси] 13 человек крестьян с женами да у тех же крестьян братей и детей и племянников 27 человек; а в роспросе де вам те туринские служивые люди сказали: прибрали де они тех крестьян в руских городех в Туринской уезд в пашенные крестьяне, а поручные де записи, каковы по них имали па Руси, услали они в Туринской острог к воеводе ко князю Петру Борятинскому наперед себя; и вы де тех крестьян, взяв у туринских у служивых людей, послали их с Верхотурья в Верхотурской уезд в ту в новую в Белослуцкую слободу в пашенные крестьяне для того: которые де сибирских городов служивые или какие люди нибуди повезут с собою с Руси с сибирские городы пашенных или иных каких людей, и по нашему де указу тех людей с Верхотурья с сибирские городы без нашего указу и бес подлинного сыску отпускать вам не велено. И в прошлом же де во 153-м году писал к вам на Верхотурье ис Тобольска воевода князь Григорей Куракин: что де вы тех пашенных крестьян держите на Верхотурье, а в Туринской острог их не отпустите, тем де крестьяном дали туринские служивые люди Нехорошко да Еремка для подъему с Руси в Сибирь до Туринского туринских доходов, которые с ними посланы были для крестьянского прибору, 50 рублей, да они ж де Нехорошко да Еремка тем же новоприборным крестьяном дали, заняв, 10 рублев, и тех бы де туринских новоприборных крестьян с Верхотурья отослать в Туринской острог. И вы де тех новоприборных крестьян с Верхотурья в Туринской острог отослать без нашего указу не смели, потому что они в Верхотурском уезде в новой Белослуцкой слободе пашни на себя пахали и дворами и всяким заводом строятца, а в поморские де городы с Верхотурья для крестьянского прибору детей боярских и служивых людей и с ними на зсуду из нашей казны денег без нашего указу посылать вы не смеете; и о том бы велеть вам указ наш учинить. И вы то учинили негораздо, что туринских новоприборных крестьян у туринских у служивых людей у Нехорошка да у Еремки отняли, и в Верхотурской уезд в новую в Белослуцкую слободу послали не делом, мимо нашего указу: велено вам, будучи на нашей службе в Сибири на Верхотурье, в старые и в новые слободы вновь пашенных крестьян призывать самим ис тутошных верхотурских и ис прихожих из вольных людей. А тех было туринских новоприборных крестьян у туринских служилых людей самовольством своим вам отымать не довелось. ** И как к вам ся наша грамота придет, и вы б тем крестьяном, которых взяли у туринских у служивых людей, велели жить в Верхотурском уезде в новой в Белослуцкой слободе, а в Туринской острог посылать их не велели, для того что они в той в новой в Белослуцкой слободе пашни на себя пахали и дворами и всяким заводом строятца. А впредь бы есте, будучи на нашей службе на Верхотурье, так не делали: туринского и тюменского прибору пашенных крестьян у туринских и у тюменских и у иных сибирских городов у служивых людей насильством не отъимали и в Верхотурском уезде в пашенные крестьяне их не строили, а призывали б есте Верхотурского *** уезду в старые и в новые слободы в пашенные крестьяне ис тутошних из верхотурских и ис прихожих из вольных людей, а не тяглых и не беглых. И на ссуду и на подмогу велели им из нашей казны из верхотурских доходов деньги и хлеб давать против прежнего, почему верхотурским новоприборным пашенным крестьяном денег и хлеба давано наперед сего. И велели по них в житье и в нашей десятинной пашне и во всяком изделье и в податех и в побеге имать поручные записи против прежнего ж. А в поморские б есте городы с Верхотурья для крестьянского прибору без нашего указу никого не посылали, поморских городов в уездех и в волостех с пашен и с посадов

никаких тяглых и крепостных людей подговаривать и в Сибирь свозить не велели, чтоб от того наши поморские городы и уезды не пустели, и нашим бы денежным и всяким доходом от того в поморских городех впредь убыли и меж поморских и сибирских городов ссоры в том никакой не было. А что туринские служивые люди дали на Устюге новоприборным крестьяном, которых они прибрали, туринских доходов для сибирского подъему на ссуду денег, **** и от нас писано в Сибирь, в Туринской острог, к воеводе ко князю Петру Борятинскому, велено ему отписать к вам о том имянно; а как ис Туринского острогу воевода князь Петр Борятинской о тех деньгах к вам на Верхотурье отпишет, и вы б те деньги против отписки ево послали к нему с Верхотурья из наших из верхотурских доходов тотчас; да сколько тех денег послано будет, и вы б те деньги велели написать в росходную книгу и в сметной список имянно, себе статьею, да о том о всем велели отписать к нам к Москве с ыными нашими делами вместе, а отписку подать в Сибирском приказе боярину нашему князю Никите Ивановичю Одоевскому да дьяку нашему Григорию Протопопову. Писан на Москве лета 7154-го октября в 12 день.

На обороте: Диак Григорей Протопопов. Справил Ивашко Селетцын. В Сибирь, на Верхотурье, воеводе нашему Максиму Федоровичю Стрешневу да подьячему Максиму Лихачеву. — 154-го декабря в 21 день подал стрелец Максимка Пакоряков.

ИИ АН СССР, Верхотурские акты, кор. 3. Шесть сставов.— Список в ААН, ф. 21, оп. 4, № 2, лл. 237—239, № 193.

Напеч. в АИ, IV, стр. 19—20, № 3.

429. *1645 г. октября 12.—Грамота в Туринск воеводе князю Петру Барятинскому по делу о туринских крестьянах, прибранных в поморских уездах и посаженных на пашню в Белослудской слободе Верхотурского уезда, и о запрещении дальнейшего прибора крестьян в поморских городах.*

От царя и великого князя Алексея Михайловича всеа Русии в Сибирь, в Туринской острог, воеводе нашему князю Петру Романовичю Борятинскому. В нынешнем во 154-м году сентября в 3 день писал блаженные памяти ко отцу нашему к великому государю царю и великому князю Михаилу Федоровичу всеа Русии из Сибири, с Верхотурья, воевода Максим Стрешнев да подьячей Максим Лихачев. . — *Далее повторяется текст, поставленный в № 428 между знаками * и **, после чего следует:* И как к тебе ся наша грамота придет, и ты б вперед, будучи в нашей службе в Сибири в Туринском остроге, призывал Туринского, — *Далее повторяется текст, поставленный в № 428 между знаками *** и ****, после чего следует:* и ты б о том отписал па Верхотурье к воеводе к Максиму Стрешневу да к подьячему к Максиму Лихачеву имянно; а от нас на Верхотурье к воеводе к подьячему о том писано ж, велено им те денги против отписки твоей послать к тебе в Туринской острог тотчас. А тех новоприборных крестьян в Туринской посылать не велено, для того что они в пашню устроены в Верхотурском уезде, и только их переводить, и в том будет нашей казне убыль и крестьяном волокита. Да как с Верхотурья воевода Максим Стрешнев да подьячей Максим Лихачев деньги в Туринской острог пришлют, и ты б о том велел отписать к нам к Москве с ыными нашими делами вместе, а отписку подать в Сибирском приказе боярину нашему князю Никите Ивановичу Одоевскому да дьяку нашему Григорию Протопопову. Писан на Москве лета 7154-го октября в 12 день.

На обороте: Диак Григорей Протопопов. Справил Ивашко Селетцын.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 6, лл. 103—104 об., № 320.

430. *1645 г. ноября 10.—Расспросные речи тюменского служилого татарина Исенмамета Ишмаметева об его встрече с царевичем Девлеткиреем и его людьми.*

154-го года ноября в 10 день в съезжей избе воеводе Ивану Гавриловичу Бобрищеву Пушкину тюменской юртовской служилой татарин Исенмаметка Ишмаметев сказал в роспросе: * был де он на зверовье сам четверт вверх за Тоболом, и на нижней де па речке Алабуге наехали на них Девлеткирей царевич с племянники з Бугаем да с Кучюмом, а с ними де было всяких людей калмацких и татар изменников человек 40, и они де, покиня вьюки свои, от их побежали и стали в колок, и их же они догнали и стали говорить: для де чего вы от нас бегаите, мы де с государевыми людьми мирны, послы царевичевы в Тобольску, и нам де они шертовали на том, что им над нами дурна не учинят и вьюки их отдать и отпустить совсем здорово; и мы де с ними х царевичу приезжали и с ним на стану ночевали вместе, и он де Девлеткирей при них розговаривал, что де ему от государские милости детца нельзя негде, а войны де от него никоторые не будет; и на утрие де вьюки их отдали и их совсем отпустили, ** а приказывал с ними, чтоб сказать от них на Тюмени воеводе великое челобитье, ныне де у меня послы в Тобольску, а впредь де пошлю послов своих на Тюмень бити челом государю, и от них де поехал к себе в улус. А как де они с ним царевичем виделись, тому де ныне шестой день.

ЛАН, ф. 21, оп. 4, № 8, лл. 123 об.—124, № 98.

431. *1645 г. ноября 12.—Наказная память тюменскому сыну боярскому Карпу Чеглокову, посланному из Тюмени на речку Алабугу для встречи с царевичем Девлеткиреем.*

Лета 7154-го ноября в 12 день, по государеву цареву и великого князя Алексея Михайловича веса Русии указу, память тюменскому сыну боярскому Карпу Чеглокову. В нынешнем во 154-м году ноября в 10 день приехал на Тюмень тюменской служилой татарин Исенмаметко Ишмаметев, а в съезжей избе воеводе Ивану Гавриловичу Бобрищеву Пушкину в роспросе сказывал, — *Далее повторяется текст, поставленный в № 430 между знаками * и **, затем следует:* до того де места от Тюмени ехать конем тихо 6 дней, и ему Карпу с конными казаки и с стрельцы и с юртовскими татары ехати вверх по за Тобол реку до нижней речки Алабуги, смотря по тамошнему делу, с великим береженьем розсматриваючи и розъезжаючи, чтоб на Девлеткирея царевича и на колмацких людей неведомо не наехать и себя и служивых людей уберечь. А буде он Карп с товарыщи до нижней речки Алабуги царевича и калмацких и иных каких воинских людей не наедут, и Карпу с товарыщи, приехав за нижнюю за речку Алабугу, по сакме росмотрити: царевич Девлеткирей с племянники своими и калмацкими людьми и с татары назат к себе в улусы пошли ли и еще ли зверуют. Да будет он с царевичевыми людьми свидятца, и Карпу говорить ему, что он на Тюмень к воеводе к Ивану Гавриловичу Бобрищеву Пушкину с тюменскими татары зверовщики с Исенмаметком Ишмаметевым с товарыщи приказывал, что воеватца он з государевыми людьми не хочет и правду свою великому государю царю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Русии объявил, тех зверовщиков не побил и не пограбил и вьюки их отдал назад им; и он бы вперед великому государю служил и прямил; а будет колмацкие воинские люди похотят итти войною под Тюмень или под иные государевы городы и под слободы, и он бы подал весть в государевы городы своими послы тотчас, а великий государь за ту его службу пожалует своим государским великим жалованием. И ныне калмацкие тайши где кочюют с своими улусными людьми... Ехать назат на Тюмень с великим береженьем, укрываючи крепкими местами, чтоб царевичевы и калмацкие или иные какие воинские люди безвестно на них не напали и дурна какова не учинили. А будет он

Карп какие вести от зверовщиков услышит, и ему Карпу с теми зверовщиками послать человека с вестью на Тюмень. А будет он Карп где наедут сакмы большие воинских людей, а пошли они под государевы городы или под слободы, и ему Карпу с тех мест воротитца со всеми людьми на Тюмень и наперед от себя послати на Тюмень добрых двух человек о дву конь безо вьюков, чтоб про тех воинских людей на Тюмени было ведомо.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 8, лл. 124—126, № 99.

432. *1645 г. ноября 19.—Память тюменским конным казакам Федору Семенову и Елистрату Васильеву, посланным по реке Туре для высылки русских в город Тюмень, а татар—в подгородные юрты, в виду предстоящей войны с калмыками.*

Лета 7154-го ноября в 19 день, по государеву цареву и великого князя Алексея Михайловича всеа Русии указу, память конным казаком Фетьке Семенову, Елистратку Васильеву. Ехати им вверх по Туре реке до архиепископли слободы по всем русским и татарским деревням и высылати им русских людей и татар з женами и з детьми и со всеми животы, русских в город, а татар в подгородные юрты, тотчас для того: в нынешнем во 154-м году приехали ис Колмаков в Тоболеск служилые люди Минка Семенов с товарыщи, а в роспросе сказали: как де они были в колмацких улусех, и они де русских людей и полонеников не припущали, а видели де они в колмацких улусех многие калмацкие тайши со многими людьми собрались на урочище на Казлых со 100000 и хотят итти войною. И однолично им Фетке и Елистрату высылати в город всяких людей тотчас и самим...

ААН, ф. 21, оп. 4, № 8, л. 126 и 125 об., № 100. Конец утерян.

433. *1645 г. ноября 19.—Память тюменского воеводы Ивана Бобрищева-Пушкина в Нижнюю Ницынскую слободу прикащику Борису Деткову о сборе калмыков „тысяч со сто" в урочище Казлык и о намерении их воевать.*

Лета 7154-го ноября в 19 день, по государеву цареву и великого князя Алексея Михайловича всея Русии указу, память в Нижнюю Ницынскую слободу тобольскому сыну боярскому Борису Деткову. В нынешнем во 154-м году ноября сего ж числа писано из Тобольска на Тюмень к воеводе к Ивану Гавриловичу Бобрищеву Пушкину: приехали де в Тоболеск ис Калмыков служилые люди Минка Семенов с товарыщи, а в роспросе сказали: были де они в колмацких улусех у Кулдененя тайши и у лабы Ирдени у Абаши и видели в колмацких улусех, что многие колмацкие тайши с своими калмацкими многими людьми збираютца на урочище на Казлык, а собралось де колмацких людей тысяч со 100, а хотят де итти войною, а куды хотят итти войною, того де они не ведают, потому что проведать им было немочно: русских де и всяких полоняников к ним не припускали. И тебе бы те вести были ведомы. И жити б тебе в слободех с великим береженьем, чтоб калмацкие воинские люди безвестно не пришли и слободы и уезды не повоевали. И для того с Тюмени послан к тебе в Ницынскую слободу нарошной тюменской ямской охотник Дружинко Иванов, а с ним посланы в Верхнюю и в Чюбарову и в Киргинскую слободы памяти, запечатаны в листах тюменскою печатью. И как тюменской ямщик Дружинко Иванов к тебе в слободу приедет, и тебе б тое у нево память взять и послать с нарочным сзлоком в Верхнюю и в Чубаровскую и в Киргинскую слободы не замотчав тотчас.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 8, лл. 126 об.—127, № 101.

434. *1645 г. не ранее декабря 2.—Отписка прикащика Чубаровской слободы Степана Тутолмина туринскому воеводе князю Петру*

Барятинскому о нападении калмыков на Мурзинскую слободу и о присылке в слободу служилых людей.

Государя царя и великого князя Алексея Михайловича всеа Русии воеводе князю Петру Романовичю Степашко Тутолмин челом бьет. В нынешнем во 154-м году декабря против 2 числа почью писал ко мне на Чюбарово Киргинской слободы прикащик Михайло Харламов, а к нему Михайлу писал из Ницынской слободы прикащик Тихон Текутьев: послан де был от нево пашенной крестьянин Еремка Феофилов и стретил на дороге женишко да дьячка Гришку Смагина, и Гришка де ему Еремке сказал: декабря де в 1 день пришед многие колмацкие люди Мурзинскую слободу осадили и многих русских людей в полоп поимали. И по государеву цареву и великого князя Алексея Михайловича всеа Русии указу велети бы ис Туринского прислать служилых для обереганья от колматцких воинских людей колко человек пригоже. А преже сево по государеву указу ис Туринского на Чюбарово служилые люди для обереганья были присыланы.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 6, л. 105 и 105 об., № 322.

'35. *1645 г. не ранее декабря 5.— Отписка прикащика Киргинской слободы Михаила Харламова тюменскому воеводе Ивану Бобрищеву-Пушкину о том, что в Мурзинской слободе была драка гулящих людей, а не нападение калмыков.*

Государя царя и великого князя Алексея Михайловича всеа Русии воеводе Ивану Гавриловичу Михайло Харламов челом бьет. В нынешнем во 154-м году декабря в 5 день присланы от тебя с Тюмени в Киргинскую слободу для калмацких воинских вестей тюменские служилые люди Якунка Кокорин с товарыщи 4 человека и спрашивали у меня о колмацких воинских вестех про Мурзинскую слободу и про иные места. И в Киргинскую слободу писал ко мне Верхотурского уезду Ирбицкой слободы и емской староста Симонко Васильев дважды, что колмацкие воинские люди Мурзинскую слободу осадили, а их де в полон поимали, а декабря де 1 числа писал к нему Симонку про то для береженья из Верхне Ницинской слободы прикащик Тихон Текутьев. И декабря ж в 4 и в 5 день посылал я из Киргинской слободы для вестей в Ирбицкую слободу киргинских крестьян дважды, и они, приезжая в Киргинскую слободу, сказывали по Ирбицкой и Верхней Ницынской слободы вестям, что приехав к ним в Ирбицкую слободу верхотурской сын боярской Григорей Дирин сказал, что проведывано из Невьянского острогу: в Мурзинской слободе гулящие люди и крестьяне билися кулаки и подралнсь, и услышав ту драку, иные гулящие люди 2 человека, а не розведав подлинно, почаяли приходу колмацких людей и, прибежав в Невьянской острог, сказали прикащику Илье Бакшееву, что колмацкие люди Мурзинскую слободу повоевали; а под Мурзинскою де слободою воинские люди не бывали, и на Невье тех гулящих людей ныне сыскивают. А в Киргинской слободе те вести тихи, ни о каких воинских людех не слышно. А впредь в Киргинской слободе какие воинские люди объявятца, и я к тебе на Тюмень учну писать. И тюменские служилые люди Якунка Кокорин с товарыщи ис Киргинской слободы поехали на Тюмень.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 8, лл. 1 ? 1 02.

436. *1645 г. не ранее декабря 6.— Отписка в Москву верхотурского воеводы Максима Стрешнева о нападении калмыков на Благовещенскую слободу Туринского уезда, об отсутствии оружия, военных припасов и вестового колокола на Верхотурье и о посылке служилых людей в Невьянскую и Тагильскую слободы.*

Государю царю и великому князю Алексею Михайловичю всея Русии холопи твои Максимко Стрешнев, подьячей Максимко Лихачев челом бьют. В нынешнем,

государь, во 154-м году ноября в день писали мы холопи твои наперед сего про вести про колмацких воинских людей. В нынешнем же, государь, во 154-м году декабря в 6 день писал к нам холопям твоим на Верхотурье Верхотурского уезду с Тагила прикащик Андрей Перхуров, а в отписке ево написано: в нынешнем де во 154-м году декабря в 6 день прибежали к нему в ночи верхотурские ясачные вагуличи Дружинка да Сырьянко Хабарчины, а сказали ему: пришли де калматцкие люди многие Туринского острогу в Благовещенскую новую слободу; а с ним де вагуличами прибежали Туринского острогу татаровя Янгул да Турузбан Куртумовы и сказали: прибежали де Туринского уезду Благовещенской новой слободы два крестьянина раненые и сказали, что пришли в Благовещенскую слободу колматцкие воинские люди. А та, государь, Благовещенская слобода Верхотурского уезду от слобол только 40 верст. А на Верхотурье и Верхотурсково уезду в слободах твоего государева ружья нет, всего 4 пищали затинных да 17 мушкетов и у тех замки перепорчены и поделать некому, мастеров на Верхотурье нет, и пороху мало ж, и колокола вестового нет. А Верхотурсково уезду из слобод о пороху и ружье пишут, а послать нечего, пороху мало, а ружья нет. А на Невью и на Тагил верхотурских служилых людей мы холопя твои послали.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 2, лл. 213 об.—214, № 173.

437. *1645—1646 гг.—Отписка слободчика новой Туринской слободы Давыда Андреева тюменскому воеводе Ивану Бобрищеву-Пушкину о препятствиях к устройству слободы со стороны окрестных татар.*

Государя царя и великого князя Алексея Михайловича всеа Русии воеводе Ивану Гавриловичю новые государевы Туринские слободы слоботчик Давытко Андреев челом бьет. Прошлово 151-го году блаженные памяти при царе государе и великом князе Михаиле Федоровиче всеа Русии воеводы князь Петр Иванович Пронской, Федор Иванович Ловчиков да дьяк Иван Трофимов, Андрей Галкин присылали ис Тобольска на Ницу тобольских пеших казаков атамана Тугарина Пацютина, а велено ему по Туре реке присмотреть, где б годно вново государю под слободу место приискать; и по ево Тугаринову досмотру того ж 151-го году воевода князь Петр Ивановичь Пронской с товарыщи писали ис Тобольска на Тюмень и в Туринской острог к воеводе и в Нижную Ницынскую слободу к прикащику к Меньшему Ремезову, велено ему с тюменскими и с туринскими з детьми боярскими и с тюменскими с ясачными татары Обухова городка и которые живут по Туре реке, на Туре реке, выше Катаргуловых юрт, место осмотря и земли измерить и с тюменскою и с туринскою с обе стороны, где быть слободе, чертеж и межи учинить; и Меньшой Ремезов с туринским сыном боярским с Семеном Шорыгиным и с тюменскими с ясачными татары под государеву новую Туринскую слободу пашенные земли очертили, опричь дубровы и лугов, на 700 десятин, а верхняя межа от Туринсково острогу, покамест бывали вотчины тюменских ясачных татар, по Томилковы поскотины, а с нижную сторону от Тюмени учинена межа повыше Катаргулова городка по исток, что из нижново ис Кривого озера. И со 151-го году лежало то место пусто по 153-й год, потому что в приговорной памяти, какова мне дана, льготных годов было не указано. И во 153-м году воеводы князь Григорей Семенович Куракин, князь Михайло Семенович Гагарин да дьяки Иван Григорьев, Григорей Лукин дали мне указную память, а велено призывать на то на новое место на Туру реку в государеву пашню, а иных на оброк, всяких вольных людей; а государева указано четыре годы льготы. И Тюменского города ясачные татаровя услышали, что на том месте велено строить государева слобода, учели в той государеве слободе пашенные земли и сенные покосы продавать: Катаргулова городка татаровя Ишкул да Мамугайко продали архиепискуплевым кре-

стьяном Семейке Самосилову да Якупке Аламнулу с сенными покосы, да ясачные ж татаровя Ичсик, да Копланда да Кучкун да Бекбайко живут с нами в слобоцком чертежу, и тот Бекбайко продал в чертежу новые Туринские слободы туринскому ямскому охотнику Давылку Лукоянову пашенные земли десятин с 40, а взял за то слобоцкое место 10 рублев; да те ж татаровя Катаргулсково городка Ичсйка з детьми своими присзжают в туринской чертеж, которое место отведено под государеву слободу, у крестьян па реке и по озерам рыбные ловлишка, езишка ломают и крестьян бьют и увечат, и приезжают в пансырех с луками и со стрелами, а говорят: на тех де местах при царе Кучюме живали наши татаровя; и крестьяном от тех татар теснота и гонение великое. И ты о том о всем что укажешь.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 8, лл. 122—123 об., № 97.

438. *1646 г. не ранее марта 31.— Отписка туринского воеводы князя Петра Барятинского тобольскому воеводе князю Григорию Куракину о получении от него вестей о нападении калмыков на Благовещенскую слободу и об отсутствии сведений об этом в Туринске.*

Господину князю Григорью Семеновичю Петр Борятинской челом бьет. В нынешнем во 154-м году марта в 31 день писал ты ко мне в Туринской острог, что в нынешнем же во 154-м году февраля в 23 день в государеве цареве и великого князя Алексея Михайловича всеа Росии грамоте, за приписью диака Григорья Протопопова, к тебе в Тоболеск писано: в нынешнем же де во 154-м году писал ко государю с Верхотурья воевода Максим Стрешнев да подьячей Максим Лихачов: писал к ним на Верхотурье Верхотурского уезду с Тагила прикащик Андрей Перхуров: декабря де в 6 числе в ночи прибежали де к нему Ондрею верхотурские ясачные вагулича Дружника да Сырянко Хабарчины, а сказали ему: пришли де Туринского уезду в Благовещенскую слободу многие колмацкие люди, и после де того и с тоя ж Благовещенской слободы прибежали два крестьянина раненые и сказали те ж речи, что пришли де в Благовещенскую слободу многие колматцкие люди, а та де Благовещенская слобода Верхотурского уезду от слобод только 40 верст. И тебе в Тобольску по тем вестям велено жить с великим береженьем, да и в городы на Тюмень и на Тару к воеводам и ко мне в Туринской велено отписать, чтоб по тому ж в городех от воинских людей жили с великим береженьем. И про те де вести с Верхотурья воевода Максим Стрешнев да подьячей Максим Лихачов в Тоболеск не писывал, и те вести в Тобольску и Тобольского розряду в городех и в острогех и в слободах до государевы грамоты были неведомы. Да подьячей Максим Лихачов и верхотурской сын боярской Андрей Перхуров про те вести писали и буде писали, и я де о тех вестях для чево в Тоболеск не писал. И с Верхотурья, господине, ко мне в Туринской воевода Максим Стрешнев да подьячей Максим Лихачов и верхотурский сын боярской Ондрей Перхуров о колмацких вестях ничево не писывали. А в Туринском уезде в Благовещенской слободе колматцких людей и вестей отнюдь не бывало, и ложно о вестях писать ни в которые городы нечево. А только какие вести в Туринском про колматцких людей объявились, и я б о тех вестях тотчас писал к тебе в Тоболеск и на Тюмень и на Верхотурье и в слободы.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 6, л. 111, № 325.

439. *1646 г. мая 1.— Грамота на Верхотурье воеводе Борису Дворяничнову о производстве следствия по делу о насилиях прежнего воеводы Максима Стрешнева над сыном боярским Василием Муравьевым и о причинах увольнения его от должности прикащика.*

От царя и великого князя Алексея Михайловича всеа Русии в Сибирь, на Верхотурье, воеводе нашему Борису Семеновичю Дворянинову да подьячему Федору Посникову. Бил нам челом Верхотурского города сын боярской Василей Муравьев, а сказал: по нашему де указу был он Василей в Верхотурском уезде в Ырбицкой слободе у пашенных крестьян в приказщиках; и будучи де в Ырбицкой слободе, устроил храм во имя Богоявления господа нашего Иисуса христа да предел святых мучеиик Фрола и Лавра; да он же Василей около Ирбицкой слободы для крепости от приходу калмыцких людей поставил острог новой и надолобы, а в острожной стене две башни да трои ворота и всякими крепостьми укрепил; да в остроге ж де поставил наших 5 житниц больших; да он же на Ирбите реке устроил вновь мельницу, а от молотья збираетца на той мельнице на нас на год рублев по 100 и больши; да в ту ж де Ирбицкую слободу призвал из гулящих людей в беломестные служилые люди 16 человек; да он же де Василей от Ирбицкой слободы верст с 15 на урочище в новую слободу на Белую Слуду призвал из вольных из гулящих людей в оброчные крестьяне 43 семьи; и в нынешнем во 154-м году сентября в 16 день прислана к нему к Василью в Ырбицкую слободу с Верхотурья съезжей избы с подьячим с Федором Шиловым наказная память за нашею верхотурскою печатью и за рукою подьячего Максима Лихачова, а по той де наказной памяти велено ему с тем верхотурским с съезжей избы с подьячим Федором Шиловым, взяв с собою Верхотурского уезда слобод пашенных и оброчных крестьян самых добрых, сколько человек пригоже, и ехати с ними на Красное поле, на большую елань, и, съехався с туринским сыном боярским да с подьячим, которые присланы будут, и с пашенными крестьяны на том Красном поле, на большой елани, и в ыных местах, где сошолся Туринской уезд с Верхотурским уездом, сыскав тутошними и окольными русскими и ясачными людьми старожильцы допряма, и в Верхотурском уезде с Туринским уездом земли и всякие угодья розмежевать, а розмежевав написать в межевые книги имянно, чтоб вперед у верхотурских пашенных и у ясачных людей с туринскими с пашенными и с ясачными людьми в пашнях и в сенных покосех и в рыбных и в звериных ловлях и ни в каких угодьях ссоры не было; и он де Василей да подьячей Федор Шилов, съехався с туринским с сыном боярским с Семеном Шарыгиным да с подьячим с Харитоном Григорьевым и старожильцы, на том Красном поле, на большой елани, хотели Верхотурской уезд с Туринским уездом межевать; и туринской де сын боярской да подьячей, по скаске туринских татар, указали им старую межу в Верхотурском уезде меж тех мест, где устроены наши слободы и деревни и пашенные крестьяне, и по тому б де межеванью отошли из Верхотурского уезду в Туринской уезд слободы и деревни и всякие угодья многие; и они де Василей и подьячей по тем местам Верхотурского уезду с Туринским уездом без нашего указу межевать не смели; а писал де о том о указе и написав для ведома тем межам роспись, и старожильцовы скаски, за поповыми руками, послали на Верхотурье и прежним воеводам к Максиму Стрешневу да к подьячему к Максиму Лихачеву; и с Верхотурья де воевода Максим Стрешнев да подьячей Максим Лихачев никакого к ним о том нашего указу не присылывали, а велели ему Василью быть из Ырбицкой слободы на Верхотурье; и как де он Василей приехал на Верхотурье, и воевода де Максим Стрешнев да подьячей Максим Лихачев хотели его за то бить кнутом и посадили в тюрьму, и в тюрьме морили долгое время, и взял де с него воевода Максим Стрешнев 50 рублев и ис тюрмы выпустил, и велели по нем Василье взять крепкую поруку с записью, что ему с Верхотурья никуды не съехать. И ис приказу де ево из Ырбицкой и из новые Белослуцкие слободы без нашего указу и без вины отставили, а послали де на ево место в Ырбицкую слободу сына боярского Ивана Тыркова, а в новую де Белослуцкую слободу послали верхотурского стрелецкого десятника Мишку Шебунина, а к беломестным служивым людем

послали Сеньку Тыркова. И нам бы ево пожаловать, велеть про то воеводы Максима Стрешнева да подьячево Максима Лихачева насильство сыскати, а по сыску в том указ учинить, и велети б ему Василью быть в Ырбицкой и в новой Белослуцкой слободах у пашенных крестьян в прикащиках по прежнему. И как к вам ся наша грамота придет, и вы б велели сыскать на Верхотурье игумены и попы и дьяконы по священству, а старцы по иноческому обещанью, а детми боярскими и съезжей и таможенной избы подьячими и служивыми и посацкими и приезжими торговыми людьми и верхотурскими ж ямскими охотники и пашенными крестьяны по нашему крестному целованью: воевода Максим Стрешнев да подьячей Максим Лихачов верхотурского сына боярского Василья Муравьева в тюрьму сажали ль и кнутом бить хотели ль и с приказу ево из Ырбицкой и из новой Белослуцкой слободы отставили ль. И будет воевода Максим Стрешнев да подьячей Максим Лихачев сына боярского Василья Муравьева кнутом бить хотели, и в тюрьму сажали и с приказу отставили, и за какую ево Васильеву вину в тюрьму сажали и кнутом бить хотели и с приказу отставили. Да будет в сыску сыскные люди скажут, что воевода Максим Стрешнев да подьячей Максим Лихачов сына боярского Василья Муравьева в тюрьму сажали и кнутом хотели бить и с приказу отставили не за вину ево Васильеву, для своей бездельной корысти, и вы б ему Василью велели быть в Верхотурском уезде в Ырбицкой и в новой Белослуцкой слободе у пашенных крестьян в приказщиках по прежнему. А что воевода Максим Стрешнев взял у Василья Муравьева посулу 50 рублев, и вы б ево Максима с Васильем Муравьевым в том судили и сыски всякие сыскали, а по суду своему и по сыску меж ими наш указ учинили, до чево доведстца, да о том отписали б есте к нам к Москве с иными нашими делами вместе, а отписку велели подать в Сибирском приказе боярину нашему князю Никите Ивановичю Одоевскому да дьяку нашему Григорью Протопопову. Писан на Москве лета 7154-го маия в 1 день.

На обороте: Дьяк Григорий Протопопов. Справил Ивашка Селетцын.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 2, лл. 242—244 об., № 195.

440. *1646 г. июля 5.— Грамота на Верхотурье воеводе Борису Дворянинову о назначении Андрея Буженинова прикащиком и таможенным головой Невьянской слободы.*

От царя и великого князя Алексея Михайловича всеа Русии в Сибирь, на Верхотурье, воеводе нашему Борису Семеновичю Дворянинову да подьячему Федору Постникову. В прошлом в 153-м году декабря в 28 день по указу блаженные памяти отца нашего великого государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии и по челобитью Тюменского города сына боярского Ильи Бакшеева велено ему Илье Бакшееву быть в Верхотурском уезде в Невьинской слободе на приказе верхотурского сына боярского на Григорьево место Дирина. И ныне бил нам челом Верхотурского города сын боярской Ондрей Буженинов а сказал: служит де он в Сибири на Верхотурье всякие наши службы 24 годы, и во 132-м да во 134-м году прибрал он Верхотурского уезду в Невьянскую слободу на нашу десятинную пашню 115 человек крестьян, да в Верхотурском же уезде в Тагильской волости на реке на Мулгае устроил мельницу, и с той де мельницы збирается в нашу казну на всякой год по 150 рублей; да во 136-м году прибрал он в Верхнюю Ницынскую слободу 45 человек крестьян; да во 147-м году Тобольского уезду на пустое место, на Мурзину слань прибрал 40 крестьян, и устроил церковь во имя Стретению господа нашего Иисуса христа да в пределе архистратига Михаила да Николу чудотворцу; да во 152-м году он же Ондрей прибрал вновь на урочище на Красную слань в пашенные крестьяне 9 человек; и в том де крестьянам приборе и в нашей десятинной пашне и в мельничьих зборех учинил нам многую

прибыль; а в Верхотурском де уезде в Невьянской слободе у пашенных крестьян в приказщиках тюменской сын боярской Илья Бакшеев живет 2 года, а пашим де делом не радеет, и пашенное де дело ему Илье не за обычай; а в нынешнем де во 154-м году из Невьянской слободы наши хлебные запасы отпустил он Илья в Тоболеск, изпоздав после вознесеньева дни, а в прежний де год в Невьянские волости наши хлебные запасы на вознесеньев день припроваживали в Тоболеск; и нам бы его Андрея пожаловати, велети ему быть в Верхотурском уезде в Невьянской слободе у пашенных крестьян и у беломестных казаков в приказщиках того тюменского сына боярского на Ильино место Бакшеева, да ему ж велети б ведать в Невьянской слободе таможенной забор. И как к вам ся наша грамота придет, и вы б верхотурскому сыну боярскому Ондрею Буженинову велели быть в Верхотурском уезде в Невьянской слободе у пашенных крестьян и у беломестных казаков в прикащиках на Ильино место Бакшеева декабря с 28-го числа 7155-го году, и над таможенными целовальниками в таможенном зборе велели ему смотреть, и наказную память, по чему ему в Невьянской слободе быть и пашенных крестьян и беломестных казаков ведать, и наша десятинная пашня строить, и вновь пашенных крестьян призывать, и в таможенном во всяком зборе над целовальники всякого дурна смотреть и беречь, и всякие наши дела делать, дали ему Ондрею против прежнего, каковы наказные памяти даваны на Верхотурье прежним невьинским прикащиком, а Илью Бакшеева отпустили б есте на Тюмень, и к воеводе о том отписали от себя. Да как Ондрею Буженинову по нашему указу в Верхотурском уезде в Невьинской слободе у пашенных крестьян и у беломестных казаков в прикащиках быть велите и Илью Бакшеева на Тюмень отпустите, и вы б о том отписали к нам к Москве с иными нашими делами вместе, а отписку велели подать в Сибирском приказе боярину нашему князю Алексею Никитичу Трубецкому да диаку нашему Григорию Протопопову. Писан на Москве лета 7154-го июля в 5 день.

На обороте: Дьяк Григорий Протопопов. Справил Иван Селетцин.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 2, лл. 243—244 об., № 196.

441. *1646 г. августа 5.—Память с прочетом верхотурского воеводы Максима Стрешнева прикащику Верхней Ницынской слободы Тихону Текутьеву и Ирбитской слободы сыну боярскому Ивану Тыркову о предоставлении ими дьячков для письма в Усть-Ирбитской слободе и о взимании за письмо не дороже платы, установленной в Ницынской и Ирбитской слободах.*

Лета 7154-го году августа в 5 день, по государеву цареву и великого князя Алексея Михайловича всеа Русии указу, память Верхотурского уезду в Ницынскую слободу приказщику Тихону Текутьеву да в Ырбицкую слободу верхотурскому сыну боярскому Ивану Тыркову. В нынешнем во 154-м году августа в 4 день бил челом государю царю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Русии Верхотурского уезду Устьырбицкой слободы слоботчик Пятко Ощепков, а на Верхотурье в съезжей избе воеводе Максиму Федоровичу Стрешневу да Федору Посникову подал челобитную, а в челобитной ево написано: по государеву де указу прибирает он Пятко в новую Устьирбитскую слободу беломестных казаков и пашенных крестьян, а дьячка де у него в Устьирбитской слободе нет, а Ницынские де и Ирбитские слободы площадново письма откупные дьячки емлют от письма дорого, с записи по две гривны и по полу полтине, а с крепостных де дел емлют с рубля по 4 деньги; и чтоб государь его пожаловал, велел в том свой государев указ учинить. И как к вам ся [память] придет, а Устьирбитские слободы слободчик Пятко Ощепков в Ницынскую или в Ирбицкую слободу для дьячков приедет, и вы б Тихон и Иван слободчику Пятку Ощепкову для письма площадных дьячков давали; а от письма

33*

велели им имать против ницынских и ирбицких крестьян, с крепостных дел и с кабал с рубля по 2 деньги, а с челобитен и с явок с столпца по 2 деньги, а с поручных записей по 10 денег с записи; а лишнево б на устьирбитцких крестьянех перед ницынскими и ирбитцкими крестьяны от письма дьячки не имали. А сю память, прочитая у себя в судебных избах и списывая с нее списки, отдавали назад слободчику Пятку Ощепкову впред для спору, а у себя оставляли списки.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 2, л. 215 и 215 об., № 176.

442. *1646 г. не ранее сентября 2.— Отписка тобольского воеводы боярина Ивана Салтыкова туринскому воеводе князю Петру Барятинскому о посылке в Туринск тобольского письменного головы Андрея Секерина для переписи туринских ямских охотников, бобылей и захребетников и устройстве их в пашенные крестьяне в новой слободе на реке Пышме.*

Господину князю Петру Романовичю Иван Салтыков челом бьет. Посланы ис Тобольска в Туринской острог Ондрей Секерин да подьячей Посник Дементьев, а велено им туринских ямских охотников и за всякими людьми бобылей и захребетников переписать, а переписав велено иных устроить в пашню на новое место во крестьяне, которово досматривал на Пышме реке Ницынские слободы прикащик Федор Воронов, а иных оставить в Туринском остроге в ямской гоньбе. И как Ондрей Секерин и подьячей Посник Дементьев в Туринской острог приедут, и тебе б, господине, велеть им туринским ямским охотником и их детям и братьем и племянником дати имянную роспись за своею рукою. А будет за которыми туринскими детьми боярскими и за сотники и за атаманы и за подьячими и за литвою и за казаки и за всякими людьми есть половники и бобыли и захребетники, а в съезжей избе на Тюмени есть им переписные книги, и тем половником и бобылям и захребетником потому ж им Ондрею и Поснику дать роспись за своею рукою, не замотчав. Да им же велеть дать для россылки дву человек казаков или стрельцов добрых, и для государева дела бумаги и чернил и свеч, сколько надобно. А как росписи и служилых людей и бумагу и чернила дати велишь, и тебе б о том отписать в Тоболеск.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 6, л. 118 и 118 об., № 331.

443. *1646 г. не ранее ноября 14.— Память тюменского воеводы Ивана Бобрищева-Пушкина прикащику Нижней Ницынской слободы Федору Воронову о намерении царевича Бугая, вместе с калмыками и татарами, воевать Тюмень, Туринск и слободы и о мерах предосторожности.*

Господину Федору Алексеевичю Иван Бобрищев Пушкин челом бьет. В нынешнем во 155-м году ноября в 14 день писал ко мне ис Тобольска боярин и воевода Иван Ивановичь Салтыков на Тюмень, что в нынешнем во 155-м году октября в 30 день приехал ис калмыцких улусов в Тоболеск от Девлет Кирея царевича тобольской голова конных казаков Гаврило Грозин, а в роспросе сказал, что Бугай царевичь з государевыми изменники с тарскими и с тюменскими татары, которые живут в Калмыках, и с калмыцкими людьми хочет приходить под сибирские городы под Тюмень и под Туринской и под слободы и на ясашные волости войною; и мне б велеть отписать во все слободы к прикащиком про те вести наскоро с нарочными гонцы, чтоб жили от воинских людей с великим бережением. И тебе б жить в Нижной Ницынской слободе с великим бережением, по острогу караулы учинить крепкие и в проезжие станицы посылать почасту, до которых мест пригоже, чтоб царевичевы и калмацкие воинские люди по Нижную Ницынскую слободу и Ницынской слободы в уезды безвестно не пришли и не повоевали. Да и впред

что про воинских людей в Нижной Ницынской слободе каких вестей объявитца, и тебе б, господине, по государеву указу о том писать ко мне на Тюмень и в Туринской острог и в слободы во все прикащиком, чтоб те вести были ведомы. А для того послан нарошной тюменской конной стрелец Ивашко Голышев ноября того ж числа, а с ним посланы во все слободы к прикащиком о тех вестях памяти. И тебе б, господине, велеть те памяти у него Ивашка взять и послать в слободы к прикащиком паскоро с нарошными гонцы тотчас, чтоб им те вести были ведомы. А которого числа и с кем памяти пошлешь, о том велеть отписать ко мне на Тюмень.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 10, лл. 57 об.—58, № 51.

444. *1646 г. не ранее ноября 16.—Память тюменского воеводы Ивана Бобрищева-Пушкина прикащику Нижней Ницынской слободы Федору Воронову о походе царевича Бугая.*

Господину Федору Алексеевичю Иван Бобрищев Пушкин челом бьет. В нынешнем во 155-м году ноября в 16 день приехали от колмаков с Цынмы тюменской сын боярской Яков Резаков да конной стрелец Гараська Шубин, а мне в съезжей избе в роспросе сказали: посланы де они с Тюмени были в приставех х калмацким Тайчиновы жены Дарыки да сына ее Ешкепа к послов к Маранке с товарыщи, а в розговорех де им колмацкие послы Маранка с товарыщи сказали: пошол де Бугай царевичь а с ним 100 человек, а куды де он пошол, на войну ли или куды зверовать, того они не ведают. И тебе б, господине, по государеву указу велеть отписать про те вести во все ницынские слободы к прикащиком и послать для того с нарочным гонцы, чтоб им те вести были ведомы. А для того послан к тебе с Тюмени нарочной тюменской служилой человек Трепька Гогарин.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 10, л. 58 и 58 об., № 52.

445. *1646 г. декабря 9.—Грамота в Енисейск воеводе Федору Уварову о посылке на Турухан хлебных запасов для аманатов.*

От царя и великого князя Алексея Михайловича всеа Русии в Сибирь, в Енисейский острог, воеводе нашему Федору Федоровичу Уварову да подьячему Василью Шпилькину.* Писал к нам из Мангазеи воевода князь Петр Ухтемской, что по нашему указу выходит в расход наших мангазейских хлебных запасов мангазейским аманатом и посылают с Турухана по зимовьям с ясачными зборщики по 79 чети на год; и те де хлебные запасы в прошлых годех вожены были из Мангазеи на туруханские росохи зимою приезжими торговыми и промышленными людьми, наимывая из нашей казны, потому что в приезде было в Мангазее с Руси торговых и промышленных людей и с них нашей денежной казны в зборе много; а ныне де с Руси и из сибирских городов через море в Мангазею торговых и промышленных людей с хлебными запасы и со всякими товары в приезде нет никово, и нашей десятой пошлины денег и хлеба в нашей казне собрать не с ково; и ныне де в Мангазее денег в нашей казне нет и возить аманацких хлебных запасов из Мангазеи на туруханские росохи и наимывать нечем; и нам бы о том велеть ему указ наш учинить.** И как к вам ся наша грамота придет, и вы б на мангазейских аманатчиков посылали наших хлебных запасов из Енисейского острогу на Турухан по 70 чети муки ржаной сжегод безпереводно, с кем пригоже, по первой полой воде, не испоздав, чтоб те хлебные запасы поспевали из Енисейского острогу на Турухан к отпуску к нашему ясачному збору и за тем бы нашему ясачному збору порухи и недобору не было; и в расходные книги и сметные списки те хлебные запасы велели писать себе статьею. Писан на Москве лета 7155-го декабря в 9-й день.

На обороте: Дьяк Григорей Протопопов. Справил Ивашко Сергеев.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 22, лл. 315—316, № 106.

446. *1646 г. не ранее декабря 23.— Отписка тобольского воеводы боярина Ивана Салтыкова туринскому воеводе князю Петру Барятинскому о запрещении туринским ямским охотникам Ефиму Твердукову с товарищами пахать земли, отведенные для Туринской слободы.*

Господину князю Петру Романовичу Иван Салтыков челом бьет. В нынешнем во 155-м году декабря в 23 день писал в Тоболеск из новые Туринские слободы слободчик Давыдко Ондреев: в прошлом де во 151-м году по тобольской памяти воеводы князя Петра Пронсково и по дозору тобольского атамана Тугарина Панютина и по отводу детей боярских тобольского Меньшева Ремезова да туринского Семена Шарыгина отведено на Туре реке место под новую Туринскую слободу пашенные земли на 700 десятин. А межи и чертеж учинили вверх по Туре реке от Туринского острогу межа поскотина, где живут туринские ямские охотники Томилко с товарыщи, и покамест вотчины тюменских ясашных татар; и в том де в новом в Туринском чертежу, на которые земли велено ему называть охочих всяких вольных гулящих людей в государеву [пашню] и на оброк, пашут ныне те земли самовольством, отъехали от Туринсково острогу, ямские охотники Минка да Елфимко Твердуковы, Матюшка Поспелов, Ивашко Кангоров, Гришка Павлов, Давыдко Логинов, и он де к ним приезжал с подьячим и с толмачем и с крестьяны многожды и говорил, чтоб они с тех земель ехали пахать в Туринской уезд на прежние свои пашни, которые пашни даваны им против их ямских паев в Туринском острогe; и те де ямщики Ефимко с товарыщи чинятца сильны и пашут в чертежу в новой слободе с ними и сказывают, что пашут они преже Туринские слободы; и только де тех туринских ямских охотников с тех мест не выведут, и ему де государю прибыли учинить будет негде потому: как весною приспеет пашенное время, и ему де крестьян селить будет негде. И декабря де по 11 число прибрано де в тее новую слободу крестьян человек с 30, а вновь де много приходят, а все хотят государю подавать челобитные на те земли, которые земли пашут туринские ямские охотники насильством Елфимка Твердуков с товарыщи. А то де место отведено под новую государеву Туринскую слободу, что де земли хлебородные и всякими угодьи угодны, и на те де земли мочно крестьян назвать, а туринские де ямские охотники и те земли, что отведены под новую государеву пашню, пашут, а государю де с них прибыли нет; а против де их гоньбы даваны им пашни в Туринском уезде. И тебе б, господине, велети им туринским ямским охотником Елфимку Твердукову с товарыщи пахати пашню в Туринском уезде на прежних своих землях, а туринских новые слободы крестьян земли, которая приготовлена для строенья новым крестьяном, а иным крестьяном и отведена, отнимать не велеть, чтоб новые Туринские слободы крестьяном в строенье в том мешкоты и смуты не было.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 6, лл. 118 об.— 119, № 332.
Напеч. в Доп. к АИ, III, стр. 76—77, № 17.

447. *1647 г. февраля 20.— Грамота в Мангазею воеводе Якову Тухачевскому о посылке из Енисейска на Турухан хлебных запасов для аманатов.*

От царя и великого князя Алексея Михайловича веса Русии в Сибирь, в Мангазею, воеводе нашему Якову Остафьевичю Тухачевскому.., — *Далее повторяется текст, поставленный в № 445 между знаками * и **, после чего следует:* И от нас писано в Сибирь в Енисейской острог к воеводе к Федору Уварову да подьячему к Василью Шпилькину, велено на мангазейских аманачиков посылати наших хлебных запасов из Енисейского острогу на Турухан по 70 чети муки ржаной ежегод беспереводно, с кем пригоже, по первой полой воде, не испоздав, что те хлебные запасы поспевали из Енисей-

ского острогу на Турухан к отпуску для нашего ясачного збору. И как к тебе ся наша грамота придет, а из Енисейского острогу воевода Федор Уваров да подьячей Василей Шпилькин в Туруханское зимовье на мангазейских аманатчиков наши хлебные запасы присылать учнет, и ты б те хлебные запасы велел держать на мангазейские аманацкие расходы и в росходные книги и в сметные списки те хлебные запасы велел писать себе статьею. Писан на Москве лета 155-го году февраля в 20-й день.

На обороте: Дьяк Григорий Протопопов. Справил Ивашка Сергеев.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 21, лл. 224 об. и 225, № 101.

448. *1647 г. не ранее июля 10.— Отписка тюменского воеводы Ивана Тургенева туринскому воеводе Федору Шишкину о прибытии торговых бухарцев и калмыцких послов с торгом от тайшихи Дарыки и сына ее Ешкепа и от Ирденея контайши и о недовольстве их распоряжением отправить в Тобольск и не разрешать торговать и „пословать“ на Тюмени.*

Господину Федору Григорьевичю Иван Тургенев челом бьет. * В нынешнем во 155-м году июня в 8 день приехал с Пышмы с нижлего караулу тюменской конный казак Безсонко Трубачев, а передо мною в роспросе сказал: идут де на Тюмень торговые бухарцы и калмытские послы с торгом с лошадьми и с коровы и с овцами от Тайчиновы жены Дарыки да сына ее Ешкепа да от Ирденея контайши, послов и торговых людей и кашеваров 32 человека. И того ж числа послал с Тюмени навстречю на Пышму тюменских сына боярского Семена Поскочина да с ним служилых людей 20 и велел тех калмытцких послов остановить и за Пышму их пущать не велел. И июля в 9 день послал к ним х калмытцким послом за Пышму тюменского сына боярского Сергея Ушакова да съезжей избы подьячево Павла Кирилова да толмача Семейку Трофимова да с ними служивых людей 10 человек и велел им калматцких послов роспросить, отказать и отговорить, что по государеву цареву и великого князя Алексея Михайловича всеа Русии указу и по тобольской отписке калмыцких послов, на Тюмень принимать не велено; а которые колматцкие послы и станут приходить на Тюмень, и с Тюмени велено их посылать с провожатыми в Тоболеск, а на Тюмени им пословать отнюдь не велено. И июля в 10 день сын боярской Сергей Ушаков да съезжей избы подьячей Павел Кирилов от колматцких послов на Тюмень приехали и подали мне в съезжей избе доезд за своими руками, а в доезде их написано: тайшиха Дарыка да сын ее Ешкеп ныне их послов с торгом на Тюмень прислали и велели бити челом государю, что де в Тобольску и на Таре их послов принимают, а на Тюмени де послов принимать не почали, и они де их послали на Тюмень на той неделе говорить, что де они на Тюмень своих послов послали втретие, а с Тюмени де государевых посланников к ним посылать не почали, а преж де того государевых послов с Тюмени к ним посылывали, и они де с торгом приходили; а тайшиха де Дарыка да сын ее Ешкеп велели государю бити челом, а им говорить: тайши де их опасаютца, чают какова дурна; а только де ныне их послов на Тюмень не примут и торгу де им поволного не дадут, и то де знатно, что де без ссоры и без войны не будет. ** И тебе б, господине, жить в Туринском остроге с великим береженьем, по городу и по острогу караулы учинить крепкие, и в проезжие станицы посылать почасту, до которых мест пригоже, чтоб калмытцкие воинские люди под Туринской и Туринского уезду под слободы безвестно не пришли и не повоевали. Да и на Верхотурье бы тебе к воеводе и Верхотурского уезду в слободы велеть о том отписать, чтоб им те вести были ведомы.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 6, лл. 120—121, № 334.

449. *1647 г. не ранее июля 10.— Память тюменского воеводы Ивана Тургенева прикащику Нижней Ницынской слободы Федору Воро-*

нову о прибытии торговых бухарцев, калмыцких послов с торгом от тайшихи Дарыки и сына ее Ешкепа и от Ирденея контайши и о недовольстве их распоряжением отправить их в Тобольск и не разрешать торговать и „пословать“ на Тюмени.

Господину Федору Алексеевичю Иван Тургенев челом бьет. — *Далее повторяется текст, поставленный в № 448 между знаками * и **, кроме слов:* ныне их послов с торгом... и они де с торгом приходили... *после чего следует:* И тебе б жить в Нижней Ницинской слободе с великим береженнем, по острогу караулы крепкие и в проезжие станицы посылать почасту, до которых мест пригоже, чтоб калмыцкие воинские люди под слободы безвестно не пришли и не повоевали. Да по государеву указу велети бы тебе во все Тобольского уезду в слободы к прикащиком о том отписать с нарошными гонцы, с кем пригоже, и чтоб им те вести были ведомы; а с кем в слободы к прикащикам памяти пошлешь, и тебе б о том для ведома велеть отписать на Тюмень.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 10, лл. 58 об.—59 об., № 53.

450. *1647 г. августа 7.—Память тюменского воеводы Ивана Тургенева прикащику Нижней Ницынской слободы Федору Воронову о получении от него вестей про Тайчина тайшу.*

Господину Федору Алексеевичю Иван Тургенев челом бьет. В нынешнем во 155-м году августа в 6 день, — *Далее повторяется текст, поставленный в № 451 между знаками * и **, затем следует:* И тебе б жить в Ницынской слободе с великим бережением, по острогу караулы учинить крепкие и в проезжие станицы посылать почасту, до которых мест пригоже, чтоб калмыцкие воинские люди под ницынские и Верхотурского уезду в слободы безвестно не пришли и не повоевали. И во все б тебе Тобольского и Верхотурского уезду в слободы к прикащикам про те вести отписать с нарошными гонцы, чтоб они по тому ж жили от воинских людей с великим бережением, по острогам караулы учинили крепкие и в проезжие станицы посылали почасту, до которых мест пригоже. А Ницынские слободы пашенной крестьянин Минька Фокин отпущен с Тюмени в Ницынскую слободу августа в 7 день.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 10, лл. 59 об.—60 об., № 54.

451. *1647 г. не ранее августа 21.—Отписка верхотурского воеводы Бориса Дворянинова туринскому воеводе Федору Шишкину о полученных от него вестях про Тайчина тайшу, об угрозах калмыков, которых не пускают „пословать“ на Тюмени, и о движении калмыков в пределах Верхотурского и соседних уездов.*

Господину Федору Григорьевичю Борис Дворянинов, Игнатей Недовесков челом бьют. В нынешнем, господине, во 155-м году августа в 21 день писал ты на Верхотурье, а к тебе де писал с Тюмени воевода Иван Тургенев, а к нему де писал ис Тобольска боярин и воевода Иван Иванович Салтыков, а к боярину писал с Тары воевода Григорей Бутурлин *: приехали де к нему на Тару ис калматцких улусов тарской конной казак Ивашко Степанов сын Корелин да юртовской татарин Аджимаметка Бехметьев, а в роспросе ему сказали: были де они в калмытцких улусех у Кучюрчи тайши и слышали де они от колматцких людей в розговоре, что Юрлуков сын Тайчин говорил: не было де ево дома, как государевы люди отца его и улусных людей воевали, и он де отца своево и улусных своих людей кровь будет отомщать, и похвалятца итти войною под государевы городы и под слободы, а под которые городы итить войною похвалялся, того они не ведают; ** и нам бы де про те вести было ведомо; а что де будет у нас каких вестей про калмытцких воинских людей объявитца, и нам бы де к тебе потому ж отписать И в нынешнем, господине, во

155-м году июля в 28 день писал на Верхотурье Верхотурского уезду Невьянские волости прикащик Андрей Бужснинов: извещал де ему Андрею в Невьянском остроге в судебной избе верхотурской пасадцкой человек Дениско Гольцов: был де он Дениско в Тобольском уезде в слободе на Елане и слышал, что писано с Тюмени в Красную слободу и на Ялань о калмацких людех, что де те калматцкие люди пришли на Тюмень пословать скопом с лошадьми и с коровами и с овцами, а стоят де опи за Пышмою рекою, и тех де калматцких людей на Тюмень по государеву указу пословать не пустили, и калмытцкие де люди говорят: только де их не пустят пословать, и у них де с рускими людьми будет ссора великая. Да оп же Андрей писал на Верхотурье: в нынешнем де во 155-м году августа в 4 день писал де к нему из Ницынской слободы староста Завьялко Ортемьев с товарыщи, а к ним де в Ницынскую слободу писал с Ирбити прикащик Василей Муравьев, а к нему Васелью писал ис Киргинской слободы прикащик Степан Кобылинской, а к нему де Степану писал с Чюбарова прикащик Федор Яковлев: в нынешнем де во 155-м году августа в 10 день прибежали де ис поля в Чюбаровскую слободу тюменские ясачные татарова Кутай Гутал и Укозых с товарыщи, а в роспросе сказали прикащику Федору Яковлеву: прибежал к ним на юрты на Пышму реку киргинской крестьянин Ивашко Иванов, а сказал де им: был де у Исети реки на речке Суварыш и наехали де на него калматцкие воинские люди и по нем де стреляли, и повоевали юрты тюменского татарина Илигайка Атпулова, а сколько воинских людей, того де им не сказал, бежит наспех; да того ж де дни прибежал в Киргинскую слободу с пищалью туринской ясачной татарин Чемепко Бырзогилдеев, а в роспросе де прикащику Степану Кобылинскому сказал те же речи. Да невьянской же прикащик Андрей Бужснинов писал на Верхотурье, что в нынешнем де во 155-м году августа в 5 день писал де к ним на Невью из Ницынской слободы ницынских пашенных крестьян староста Завьялко Артемьев с товарыщи, а к ним де писал в Ницынскую слободу с Ирбити прикащик Василей Муравьев, а к нему Василью писал ис Киргинской слободы прикащик Степан Кобылинской: в нынешнем же во 155-м году августа против четвертого числа в ночи писал де к нему Степану Чюбаровской слободы прикащик Федор Яковлев, а к нему де Федору писал Верхние Ницынские слободы прикащик Данило Аршинской по отписке Нижней Ницынской слободы прикащика Федора Воронова: в нынешнем де во 155-м году августа в 3 день прибежал с Пышмы в Нижнюю Ницынскую слободу станичник и тюменские копные казаки Абрамко Станеев с товарыщи, а в роспросе ему сказали: ездили де они до Пышмы реки до Исперлеевых юрт, и Испердейко де ему Обрамку с товарыщи сказал: прибежал де к нему на Пышму ис поля тюменской ясачной тотарин Енбаев сын, а имени ему не упомнит, потому что поехал ис Пышмы наскоре, сказывал де ему Енбаеву сыну уфинской ясачной татарин Измеметко: идут де войною калмацкие люди под Тюмень и на слободы по смете человек с полторасто, а идут де они легким делом, а как он их видел, тому девятой день. Да августа в 4 день прибежал ис поля в Ирбипкую слободу ирбитцкой оброчной крестьянин Микитка Антипин, а в роспросе сказал в судебной избе прикащику Василью Муравьеву: был де он Микитка в товарыщи у Исети реки на усть Суварыша речки на рыбной ловле и июля в 30 день пашли на их станы калматцкие воинские люди и их с рыбной ловли разгоняли и всякие запасы у них пограбили и по них стреляли, а по смете тех воинских людей, которые на их станы приходили, ста с полтора, а иные де многие калматцкие люди шли по за Исете реке на низ, а от станов версты за две, и по сакме де тех калмытцких людей по смете шло человек с 300, а на калматцкой де сакме они Никитка с товарыщи были за Исетью рекою того ж дни из утра до колмацкого приходу на их станы, а те де калмытцкие люди, которые приходили на их станы, того ж дни после обеда иною сакмою сверх Исети, погромя их станы, перешли за Исеть реку на ту ж сакму, которою пришли прежние колматцкие люди, и пошли тою

ж сакмою на низ по Исете реке, и всех де калмыцких людей по смете будет ста с полпята, а куды они идут: под Тюмень или под слободы, про то им неведомо; а от Ирбитцкие слободы до тое речки до усть Суварыща коньми ехать дни два. Да он же Ондрей Буженинов писал на Верхотурье, а к нему де писал из Пицынские слободы ницынских пашенных крестьян староста Завьялко Ортемьев: августа в 7 день приехали из подъезду ницынские беломестные служилые люди Левка Шерстягин с товарыщи 5 человек, а сказали: ездили де они в поле до Ирбитцково озера и видели, бежал в Усть-Ирбитскую слободу устьирбитцкой беломестный служилый человек Степка Федотов, а сказал де им Левке с товарыщи: ловили де они рыбу на Пышме реке с киргискими с пашенными крестьяны, и прибежал де к ним в избушку пышминской татарин и сказал про калмыцких воинских людей, а они де выбежали в наволок и видели из наволоку колматцких людей, и в те поры калматцкие люди к избушке приехали, и у них 2 лошади отгонили и выхлебали у них ис кадцы..., а рыбы и хлеба не тропули, а есть варили котлов на 10, а у всяково котла человек по 10 и больши; а на другой стороне Пышмы реки видел он Степан калматцких людей много множество. Да он же Андрей писал в нынешнем во 155-м году августа в 7 день: писал к нему Арамашевской слободы пашенных крестьян староста Аника Исвлев: посыланы де были в проезжую станицу проведывати вестей про калматцких воинских людей на Пышму до татарских юрт арамашевские беломестные служилые люди Емелька Карпов, Матюшка Лушнов да с ними в толмачах вагулетин Батый Енбаев, и оне де ис станицы в Арамашевскую слободу приехали, а сказали: июля де в 30 день приехали они на Пышму в татарские юрты тюменсково ясаку к татаром к Нусубаю да к Цубаю Меньрасову да к Бекулу к Инбаеву да к Сырянку и спрашивали тех татар про воинских калматцких людей: есть ли где калматцкие люди в вестях и где про них какие вести, и те пышминские татаровя Нусубатко с товарыщи сказали: июля в 25 день ездили де они зверовать и видели де в степи уфинских татар 10 человек зверуют, а сказали те уфинские татаровя: видели де они в степи ис подолья западши и смотря калматцких людей по смете человек за 200, у всякого колмака по 2 конья, а у иных де и по 3, и те де уфинские татаровя весть подали башкирским татарам, и те де башкирские татаровя с уфинскими татары на тех калматцких людей собрались вместе на другой день июля в 26 день 150 человек, как бы тех колматцких людей для языку скрасть, и изъехали де они тех калматцких людей в степи, а едут де в степь в свою землю, и они де с ними дратца не смели, потому что тех калмыцких людей при них много, и лошади у них переменные, и языков де у них скрасть нельзя, и они де от них воротились по своим юртам; а для де чего те калматцкие люди в степи ездят, того де они не ведают.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 6, лл. 121 об.—123 об. № 336.

452. *1647 г. не ранее ноября 5.— Отписка слободчика Новой Туринской слободы Давыда Андреева туринскому воеводе Федору Шишкину о полученных вестях о калмыках, идущих под Тюмень и слободы.*

Государя царя и великого князя Алексея Михайловича всея Русии воеводе Федору Григорьевичю слободщик Давыдко Андреев челом бьет: В нынешнем во 156-м году ноября в 5 день писал ко мне в Новую Туринскую слободу из Нижней Ницынские слободы Федор Воронов: ноября сего же числа прибежал к нему в Нижнюю Ницынскую слободу Тюменского города служилой человек Трепька Голышев, а ему де Федору Алексеевичю Воронову в роспросе сказал: ноября де в 4 день ночью прибежал в Елкину деревню липкинской пашенной крестьянин Куземка Яковлев, а сказал: идут де под Тюмень и под слободы калматцкие воинские люди многие войною; а взяли де они на Пышме реке тюменского служивого татарина Тукмаметка и иных

татар повоевали, а тот де Тукмаметко был от Тюмени верстах в 30. И тебе б те вести были ведомы. И я к тебе с теми вестьми послал нарочного служилого человека Мишку Афонасьева.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 6, л. 127, № 341.

453. *1647 г. декабря 30. — Грамота на Тюмень воеводе Ивану Тургеневу о полученных от него вестях про калмыков в уезде и в степи, о посланных им из Тюмени против калмыков служилых людях и о запрещении делать последнее „без тобольской отписки“.*

От царя и великого князя Алексея Михайловича всеа Русии в Сибирь, на Тюмень, воеводе нашему Ивану Юрьевичю Тургеневу. Писал ты к нам, что в прошлом во 155-м году июля в 29 числе прибежали ис поля на Тюмень тюменские юртовские служилые татаровя Вохпурмаметко Лыватя с товарыщи 5 человек, а в роспросе тебе в съезжей избе сказали: были де они на зверовье за Тоболом рекою на суерских вершинах, и без них де паехали на стан их царевичевы люди уфинские изменники Тогопашко с товарыщи 6 человек и запасы и их лошади поимали; а как де приехав они з зверовья и с тем уфинским изменником Тогопашком съехались, и Тогопашко де говорил им, что есть с ними колмацкие люди; и ты де по тем вестям посылал в степь тюменского сына боярского Григорья Щипунова да с ним тюменских же служилых людей 20 человек; и сын боярской де Григорей Щипунов и служилые люди, приехав на Тюмень, в роспросе тебе сказали: паехали де опи сакму воинских людей, а пошли де те воинские люди под наши слободы, а сколько тех воинских людей, и того де опи сметить не умели, потому что степь выгорела; и после де того августа в 4 день писал к тебе на Тюмень Тобольского уезду ис Чюбаровы слободы прикащик Федор Яковлев: прибежали де в Чюбарову слободу тюменские ясашные татаровя Китупайко Кизылбаев с товарыщем, а в роспросе ему сказали: объявились де на Исете реке, усть речки Суварыш, воинских людей человек с 300, а идут от уфинских катайских волостей вниз по реке Исети на наши ясачные волости и Тобольского уезду на слободы, и ясачных татар Илигейковых юрт повоевали; а того ж де дни писали к тебе Тобольского ж уезду изо всех пицынских слобод прикащики те ж вести, что объявились в степи воинские люди, а идут под наши сибирские городы и под слободы; и ты де по тем вестям посылал в другую станицу сына боярского Якова Рязанова да с ним служилых людей, и сын боярской де Яков Рязапов и служилые люди, приехав на Тюмень, в роспросе тебе сказали, что в степи воинские люди есть, а по смете их с 200 человек; и ты де посылал на тех воинских людей с Тюмени голов, а с ними наших служилых людей и велел над ними промышлять, сколько бог помочи подаст; и те де наши тюменские служивые люди Тюменского и Тобольского уездов наших слобод и ясачных волостей тем воинским людем повоевать не дали, и пошли де те воинские люди прочь; и ты де послал за ними с Тюмени наших служилых людей 500 человек. И как к тебя ся наша грамота придет, и ты б от колмацких воинских людей жил на Тюмени с великим береженьем, по городу и по острогу и отъезжие караулы устроил крепкие, и по вестям в проезжие станицы, до коих мест пригож, посылал служилых людей, чтоб воинские люди под Тюменской город и на уезд и на ясачные волости безвестно не пришли и дурна никакова не учинили. Да и в Тоболеск и в иные сибирские городы и в остроги к воеводам и в слободы к прикащиком про те вести писал. А для поимки б еси вдаль в степь на калмацких людей бес тобольские отписки собою с Тюмени наших служилых не посылал, чтоб в том нашему делу порухи не было. А что вперед про колматцкие воинские люди каких вестей объявитца, и ты б о том писал к нам к Москве подлинно, а отписку велел подавать в Сибирском приказе

боярину нашему князю Алексею Никитичю Трубецкому да дьяку нашему Григорею Протопопову. Писан на Москве лета 7156-го декабря в 30 день.

На обороте: Дияк Григорий Протопопов.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 8, лл. 141 об.—143 об., № 106.

454. *1648 г. января 18.—Грамота на Тюмень воеводе Ивану Тургеневу о полученных от него вестях про послов Тайчина тайши и о запрещении впредь посылать служилых людей против калмыков без разрешения тобольского воеводы.*

От царя и великого князя Алексея Михайловича всеа Русии в Сибирь, на Тюмень, воеводе нашему Ивану Юрьевичю Тургеневу. Писал ты к нам: в прошлом де во 155-м году по вестям посылал ты с Тюмени в степь за колмацкими людьми и за царевичевыми Ишимовыми детьми, которые колмацкие люди с Ишимовыми детьми приходили на наши тюменские ясачные волости войною, наших тюменских служилых людей и велел им над теми колмацкими людьми и над Ишимовыми детьми промышлять, сколько бог помочи подаст, и тюменские де служилые люди тех колмацких людей не сошли а пришодши на Тюмень сказали тебе, что де те колмацкие люди и Ишимовы дети ушли к яицким вершинам; да в нынешнем де во 156-м году октября в 8 день приехали на Тюмень ис поля станишники тюменские конные казаки Куземка Шахов да Гришка Иванов и привели с собою тюменского юртовского служилого татарина Итемячка Енбаева, которой в прошлом во 153-м году послан был в Калмыцкую землю к Таншигану тайше с тюменскими служилыми людьми в посланниках, а в роспросе де тебе Итемячко сказал: как в прошлом во 155-м году посыланы с Тюмени в степь за колмацкими людьми и за царевичевыми Ишимовыми детьми наши служилые люди, и те де калмацкие люди ушли в улус к Урлюкову сыну к Тайчину, и Урлюков де сын Тайчин, узнав за теми колмацкими людьми посылку наших служилых людей, отпустил ево Итемячка на Тюмень, а с ним послал послов своих дву человек Байгозы с товарыщем и велел де бити нам челом, чтоб нам ево пожаловать, велеть ему быть под нашею царскою высокою рукою и кочевать на старых их кочевьях; и ты де по нашему указу и по тобольской отписке тех Тайчиных послов Байгозы с товарыщем на Тюмень пустить не велел, а велел их до тобольской отписки остановить в степи на Пышме реке и быти у них переменяясь в приставех тюменским сотником стрелецким и служивым людем. И как к тебе ся наша грамота придет, и ты б впредь, будучи на нашей службе в Сибири, на Тюмени, про калмацких людей писал в Тоболеск к боярину нашему и воеводе к Ивану Ивановичу Салтыкову, а без тобольской отписки наших тюменских служилых людей и юртовских и захребетных татар на колмацких людей не посылал, потому что колмацкие люди в зборе бывают многие, чтоб с колмацкими людьми в болшую ссору не входить, а нашему делу порухи не было. Писан на Москве лета 7156-го генваря в 18 день.

На обороте. Дьяк Григорий Протопопов.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 8, лл. 143 об.—145, № 107.

455. *1648 г. не ранее марта 10.—Отписка енисейского воеводы Федора Полибина томскому воеводе князю Осипу Щербатому о приобретении железа для построения нового Томского города.*

Господину князю Осипу Ивановичю Федор Полибин челом бьет. В нынешнем, господине, во 156-м году марта в 10-й день писал ты ко мне в Енисейской острог, что в нынешнем во 156-м году по государеве цареве и великого князя Алексея Михайловича всеа Русии грамоте, за приписью дьяка Григорья Протопопова, велено томским детем боярским и подъячим и конным и пешим казакам и всяких чинов людем делать новой Томской город; а что, господине, к тому новому

городу понадобитца каких железных крепостей в проезжие башни к воротам и в малые воротца замков и засовов и крюков и пробоев и в остроге к проезжим башням и к малым воротцам крюков и пробоев и засовов и замков и к башням на шатры и на ветреницы белово железа, и то, господине, велено покупать на государевы деньги; и что, господине, велел мне в Енисейском остроге купить 30 пуд железа доброво да 300 листов железа белово немецкого...

ААН, ф. 21, оп. 4, № 22, лл. 409—410, № 137. Конец утерян.

456. *1648 г. апреля 28.—Грамота в Березов воеводе Михаилу Лодыженскому о исправлении Березовского острога.*

От царя и великого князя Алексея Михайловича всеа Русии в Сибирь, на Березов, стольнику нашему и воеводе Михаилу Семеновичю Лодыженскому. В нынешнем во 156-м году ноября в 24 день писал еси к нам, что поставлен на Березове острог на прежнем городовом месте после березовского пожарного разоренья из старых острожин, и ныне — де тот острог весь валитца и поделать ево нельзя, осталося от пожару на остроге ж проезжая башня, а опричь де тое башни на Березове в остроге башен и роскатов и крепостей около острогу никаких и слухов [ых окопцов] нет, а поставлена де церковь во имя святого пророка Ильи да наша съезжая изба, да казенные анбары, да воеводцкой двор и тюрьма, и теснота де в том остроге большая; а в прошлом де во 152-м году, по грамоте блаженные памяти отца нашего великого государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Русии, велено на Березове воеводе Мелентию Квашнину в остроге худые места и всякие крепости поделать тутошними березовскими жилетцкими людьми, и того де Березовского острогу починивать и нового города тутошними березовскими служивыми людьми ставить некем, потому что в летнюю пору березовских служилых людей за нашими службами на Березове оставаетца мало, и те по караулам, а нашим де ясачным людем остяком бывает на Березове в летнее время съезд большой, и для тех де ясачных остяков без города и без острогу на Березове быть не уметь, и чтобы велеть указ наш учинить. И в нынешнем же во 156-м году февраля в 29 день послана к тебе наша грамота, а велено Березовской город и острог и башни, худые места и вновь, без чего быть не уметь, поделать березовскими всякими людьми не вдруг, ни одним летом как им мочно, чтоб в том городовом и острожном деле березовским служивым и всяким людем большого оскорбленья не было; да что того городового и острожного дела поделать или вновь зделать березовскими всякими людьми велишь, и тебе б о том о всем велено отписать к нам к Москве в Сибирской приказ. И апреля в 20 день писал ты к нам о том же Березовском городе и остроге в другой ряд, что на Березове около посаду острогу и никаких крепостей нет, и после пожару ничего не построено, а на прежнем городовом месте поставлен острог, и тот гнил и худ, во многих местах вывалился; а на Березов приезжают изо всех ясачных волостей многие ясачные остяки да многая ж самоядь кочуют от Березова в 3-х и в 4-х днищах, и воровство от той самояди бывает многое, и от той бы самояди без города и без острогу над березовскими казачьими слободами какое дурно не учинилось. И как к тебе ся наша грамота придет, и ты б по прежнему нашему указу и по сей нашей грамоте Березовской город и острог и башни и всякие крепости, худые места и вновь, без чево пробыть не уметь, велел поделывать березовскими всякими людьми не вдруг, не одним летом, как им мочно, чтоб в том городовом и острожном деле березовским служилым и всяким людем большого оскорбленья не было. Да что того городового и острожного дела поделать или вновь зделать теми березовскими всякими людьми велишь, и ты б о том о всем отписал к нам к Москве с ыными нашими делы, а отписку велел подать в Сибирском приказе боярину нашему князю Алексею Никитичю Трубецкому да дьяку нашему Григорью Протопопову. Писан на Москве лета 7156-го апреля в 28 день.

На обороте: Дьяк Григорий Протопопов. Справил подьячий Федька Иванов.
ААН, ф. 21, оп. 4, № 16, лл. 172 об.—174, № 60.
Напеч. в Доп. к АИ, III, стр. 146—147, № 41.

457. *1648 г. не ранее мая 3.—Отписка тюменского воеводы Ивана Тургенева туринскому воеводе Федору Шишкину о послах тайшихи Дарыки, о русском пленнике саратовце Степане Карташе и о вестях, полученных от него про сбор калмыков в поход.*

Господину Федору Григорьевичю Иван Тургенев челом бьет. * В нынешнем, господине, 156-м году маия в 3 день приехали на Тюмень ис поля с Тоболу казачей брат Васька Поздеев Черноус, а предо мною в роспросе сказал, что идут де ис Колматцкой земли послишка, а с ними де 90 лошадей; и я велел послать за Пышму реку атамана Ивана Воинова да подьячево Сергея Иванова да толмача да 10 человек служилых людей и велел им, где встретятца, остановить и распросить, от которого тайши пришли; и в распросе атаману и подьячему Талай тайшины жены посол Алдаико сказал: прислала де нас тайшиха на Тюмень с лошадьми, а лошадей с ними 90 кляч, да с собою ж они привезли продавать руского саратовского полоненника конного стрельца Стеньку Карташа. И я, господине, того Стеньку велел у них отпросить в город. И Стенька передо мною в роспросе сказал: в прошлом де во 152-м году послан был он Стенька з Саратова от воеводы от Якова Писемского к государю к Москве с отписками, а с ним де было провожатых служилых людей 20 человек, и их де встретили на дороге нагайские и колматцкие воинские люди и ево де Стеньку взяли в полон жива, а иных товарыщей ево побили, и он Стенька жил в полону у колматцкого тайши у Бергия 5 лет, и как де пошли колматцкие послы от Талай тайшины жены от Дарыки на Тюмень, и тот де Бергий тайша отдал ево Стеньку послу Алдаику вести на Тюмень продать; и как де он Стенька поехал ис колмытцких улусов, а колматцкие люди в зборе, готовятца: копья делают и стрелы стружут, запасы готовят, хотят итти на войну, а куды хотят итти, под государевы ли городы или на уезды на слободы или куды инуда, того он Стенька не ведает. И тебе б, господине, те вести были ведомы. И велеть жить с великим береженьем, чтоб колматцкие воинские люди безвестно ** не пришли и дурна какова не учинили.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 6, лл. 133 об.—134, № 344.

458. *1648 г. не ранее мая 3.—Память тюменского воеводы Ивана Тургенева прикащику Нижней Ницынской слободы Федору Воронову о послах от тайшихи Дарыки и о русском пленнике саратовце, Степане Карташе и о вестях, полученных от него, про сбор калмыков в поход.*

Господину Федору Алексеевичю Иван Тургенев челом бьет. — *Далее повторяется текст, поставленный в № 457 между знаками * и **, затем следует:* на слободы не пришли. И велеть отписать про те вести в иные слободы к прикащиком.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 10, лл. 60 об.—61, № 55.

459. *1648 г. не ранее мая 11.—Память тюменского воеводы Ивана Тургенева прикащику Нижней Ницынской слободы Федору Воронову о полученных вестях о намерении царевичей Бугая и Кучука воевать государевы города.*

Господину Федору Алексеевичю Иван Тургенев челом бьет. * В нынешнем во 156-м году маия в 11 день приехали ис Казани на Тюмень тюменские торговые

бухарцы Сеиптбаксико Мандисеитов с товарыщи, а мне в съезжей избе в роспросе сказали: как де они ехали ис Казани степью па Тюмень и как будут в Уфинском уезде в катайских волостях, сказывал де им ясашной татарин Деиметько Терсяк, а прежде сего оп ясак плачивал па Тюмени, а ныне де он платит ясак па Уфу: в нынешпем де во 156-м году па святой неделе повоевали уфинские волости царевичи Бугай да Кучюк, а взяли де в полон уфинских людей человек з 20 и больши, и Кирей де царевич, Бугаев да Кучюков дядя, ездия па зверовье и сказывал де уфинским ясашпым людем, что племянники де ево Бугай да Кучюк не слушают, как де трава поспеет хотят итти войною под государевы городы, а куды хотят итьти, и того де оп не сказал; да и громленые де уфимские татаровя, которые у них у царевичей утекли, сказывали те ж вести, что хотят приходить войною под государевы городы, а на которые городы хотят приходить, того они не ведают же; а Тайчин де тайша, Урлюков сын, пошел войпою по пластам на горских черкас. ** И тебе б господипе, те вести были ведомы. И жить с великим бережением и велеть отписать про те вести в ыные слободы к прикащиком чтоб жили б с великим бережением, чтоб колмацкие воинские люди и царевичи безвестно не пришли и дурна какова не учинили.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 10, лл. 61 об.—62, № 56.

460. *1648 г. мая 28.—Отписка туринского воеводы Федора Шишкина верхотурскому воеводе Борису Дворянинову о полученных вестях о намерении царевичей Бугая и Кучука воевать государевы города.*

Господам Борису Семеновичю, Игнатью Федоровичю Федор Шишков челом бьет, — *Далее повторяется текст, поставленный в № 459 между знаками * и ** затем следует:* И вам бы, господа, те вести были ведомы и в слободы б вам о сем от себя отписать.

Маия в 28 день такова ж послана с верхотурским стрельцом с Якопкою Павловым.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 6, лл. 135 об.—136, № 346.

461. *1648 г. не ранее сентября 18.—Отписка тюменского воеводы Ивана Тургенева тобольскому воеводе боярину Ивану Салтыкову о полученных вестях про калмыцких тайшей, кочующих в верховьях Тобола и ожидающих нападения Батыря (Батры) контайши, и о сношениях Ирденея контайши с царевичем Девлеткиреем.*

Господину Ивану Ивановичу Иван Тургенев челом бьет. В нынешпем, господине, во 157-м году сентября в 18 день прибежая па Тюмень ис калмацких улусов казанской полопяпик татарин Офонька Тулубаев, а в съезжей избе в допросе сказал: побежал де он Офонька ис калмацких улусов с верх Тоболу от Тарханова сына от Бакшана тому 10 день, а бежал де он о два конь, а взят де оп в полон па промыслу па зверовье тому 11 лет, а взял де ево Урлюков сын Улденей тайша, и жил де он Офонка у Улденей тайши в улусе 10 лет и побежал было в Русь и попал па Тарханской улус, и Тарханова де улуса калмыцкие люди ево поимали и привели к Тарханову сыну Бакшану, и он де Офонка у Бакшана жил в улусе год; и как де тайши прослышали на себя войну, прикочевали к Тоболу, и оп Офонька из улусов с верх Тоболу ушел; а калмыцкие де тайши Кулдек абаппа да Ирдень контайша да Кирей царевич и Тарханов сын Бакшан кочюют по Тоболу, от Тюмени в 10 днищах; а люди улусные и те все в сколе, а к Тоболу де прикочевали для того: ждут на себя войны от Батры контайши, Каракулина сына; а по ево де Офонькин побег войны у них меж себя еще не бывало; а в прошлом де во 156-м году по весне, как трава поспела, Ирдене контайша

прибежал де к Девлеткирею царевичю и звал его с собою под государевы городы и на уезды войною, а под которые городы войною хотел иттить, того он Офонька не сведал, и царевич де ему Девлеткирей сказал: меня де государь жалует и призывает к своей государской милости, я де под государевы городы войною не иду, и он де ему Ирденею контайше учал говорить: я де тебя, связав, силою с собою возьму; и как де послышали на себя войну от Батыры контайши, и они де под государевы городы не пошли и прикочевали к Тоболу.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 8, лл. 145 об.—146 об., № 109.

462. *1648 г. не ранее октября 15.—Отписка тюменского воеводы Ивана Тургенева туринскому воеводе Федору Шишкину о полученных вестях про сбор калмыцких тайшей в поход.*

Господину Федору Григорьевичю Иван Тургенев челом бьет. В нынешнем во 157-м году октября в 15 день писал ис Тобольска на Тюмень боярин Иван Ивановичь Салтыков, что писал де в Тоболеск с Тары воевода Григорей Бутурлин сентября в 26 день приехали на Тару с промыслу с рыбной ловли с верх Иртыша, с Оми реки, тарские служилые люди Ивашко Горбунов, Ивашко Неустроев с товарыщи 4 человека, а в роспросе ему Григорью сказали: как де они Ивашко с товарыщи с промыслу ехали в город, и они де видели на Камышлове реке, от города во шти днищах, колматцких кочевных людей, а которых тайш люди, того де они не знают; да они же де Ивашко с товарыщи ближе Камышлова, в Черной луке, видели калматцких же людей, от города в четырех днищах; да октября де в 3 день приехали на Тару ис Калмаков тарские ж служилые люди Петрушка Терехов да Петрушка Заблотцкой да татаровя Ешко Улешев да Курмашко Чтитерев, а в роспросе ему Григорью сказали: как де были оне у тех тайш в улусе, и они де Петрушка с товарыщем слышали от руских полоняников, а татарин Ешко слышал от бухаретина. . .: присылал де к Тайчиновым детям к Ишкепу да к Чеченю Орлюков сын Тайчин и прошал у них людей итти на войну под Тюмень и под Уфу, а повоевав де Тюмень, итти под Тоболеск, и о такове де они деле съезжаютца и советовали х Кунделеню тайше, а царевичи де Кучюмовы внучата с ним Кунделенем живут вместе, а у всех де у них тайшей и у царевичей воинских людей в зборе, а куды они на войну итти хотят, того они не ведают. И тебе б, господине, жить в Туринском остроге с великим береженьем, по городу и по острогу караулы учинить крепкие и в проезжие станицы посылать почасту, до коих мест пригоже, чтоб царевичевы и калматцкие воинские люди под Туринской и Туринсково уезду под слободы безвестно не пришли и не повоевали. Да и на Верхотурье бы тебе к воеводе Борису Дворянинову да подьячему Игнатью Недовескову и Тобольского и Верхотурского и Туринскаго уезду в слободы к прикащиком по тому ж про те вести велеть писать наскоро с нарошными гонцы, чтоб они потому ж жили от воинских людей с великим береженьем. А будет про воинских людей в Туринском впредь какие вести объявятца, и тебе б о том писать ис Туринсково на Тюмень и на Верхотурье к воеводе и в слободы к прикащиком почасту, чтоб те вести были ведомы.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 6 лл. 125 об.—126 об., № 339.

463. *1648 г. ноября 11.—Грамота на Тюмень воеводе Селиверсту Чеглокову о строении на реке Пышме Беляковской слободы и обереганин строителя ее Максима Васильева и крестьян.*

От царя и великого князя Алексея Михайловича всея Русии в Сибирь, на Тюмень, воеводе нашему Селиверсту Александровичю Чоглокову. Писал к нам из Сибири, с Тюмени, прежней воевода Иван Тургенев, а прислал Тюменсково уезду Новобеляковсой слободы слоботчика Максима Васильева с товарыщи челобитную, а

в челобитной ево написано: в прошлом во 154-м году бил он нам челом, а в Тобольску в съезжей избе боярину нашему и воеводам Ивану Ивановичю Салтыкову с товарыщи подавал челобитную, чтоб ему Максимку завесть в Тюменском уезде на Пышме реке, где впала речка Беляковка, новую слободу и призывать в ту слободу из вольных из гулящих людей на льготу, и как льгота отойдет, и им бы де пахать наша десятинная пашня; и по нашему де указу боярин наш и воеводы Иван Иванович Салтыков с товарыщи велели того места досмотрить Тобольского уезду Красные слободы прикащику Федору Воропову, и Федор де Воропов тово места досматривал, и досмотр свой в Тоболеск прислал; и с того де Федорова досмотру дана ему Максимку в Тобольску в съезжей избе память за дьячьею приписью, а велено ему на Пышму реку, па то новое место, призывать из вольных людей; и он де Максимко прибрал на то новое место на Пышму реку из вольных людей 15 человек, и дворами и пашнями новоприборные крестьяне строятца; и Тюменсково де города сын боярской Сергей Ушаков да посацкой человек Семейка Степанов да толмачи Степанко Трубачев, Тимошка Микитин, да юртовской служивый татарин Мурган Малтмасов да ясачной татарин Айдарко Сенисльбаев, не хотя нам прибыли, а их пашенных крестьян на том новом месте видеть, угрожают ему Максиму и крестьяном изгонями и смертным убойством и всяким разореньем, и хотят де их с тово нового места сослать; и нам бы пожаловать, велеть им на Пышме реке в той новой Беляковской слободе селитца и вновь из вольных из гулящих людей призывать по прежнему, и велеть бы им дать в Тюмень к воеводе нашему грамоту и от тюменского сына боярского от Сергея Ушакова и от посацких людей и от толмачей и от татар их оберегать. И от нас писано в Тоболеск к боярину нашему и воеводам к Ивану Ивановичю Салтыкову с товарыщи и положено то дело на их рассмотренье. И как к тебе ся наша грамота придет, а ис Тобольска боярин наш и воевода Иван Ивановичь Салтыков на Тюмень к тебе отпишет, что то место на Пышме реке, о котором бил нам челом слоботчик Максимко Васильев, к пашне и к сенным покосам угоже и земля де не ясачных людей и угодья, и от воинских людей на то место пашенных крестьян уберечь мочно и вперед то дело крепко и стоятельно до веку было, и ты б велел ему Максимку с товарыщи на том месте в Беляковской слободе дворами строитца и пашни распахивать и вновь из вольных и из гулящих людей на то место во крестьяне призывать. А хто ево Максимка или товарыщев ево крестьян учнут русские люди или татаровя в пашнях и в сенных покосех и в рыбных ловлях и в иных каких угодьях в чем изобижать и продажи и убытки им чинить, а они Максимка с товарыщи на тех людей учнут нам бить челом, а к тебе в съезжую избу приносить челобитные, и ты б ево Максимка с товарыщи от тех русских всяких людей и от татар оберегал, чтоб им ни от кого ни в чем никаких обид и продаж и изгони никакой не было. Писан на Москве лета 7157-го ноября 11 дня.

На обороте: Дьяк Григорий Протопопов.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 8, лл. 146 об.—147 об., № 110.

Напеч. в Доп. к АИ, III, стр. 152—153, № 46, I.

464. *1649 г. марта 5.—Грамота в Мангазею воеводе Федору Байкову о починке города и построении амбаров, воеводского двора и тюрьмы.*

От царя и великого князя Алексея Михайловича всеа Русии в Сибирь, в Мангазею, воеводе нашему Федору Исаковичю Байкову. В прошлом во 156-м году послана грамота в Мангазею к прежнему воеводе к Якову Тухачевскому, а велено у Мангазейского города порченые и разломанные места, в стенах городни и башни, покрыть и поделать; а которые городовые стены згорели, и по тому месту поста-

вить острог и укрепить острожными всякими крепостьми, и казенные анбары и воеводцкой двор и сторожню и тюрьму поставить тутошними мангазейскими людьми всякими и проезжими и торговыми и промышленными людьми, хотя не в один год и как мочно, смотря по тамошнему делу, чтоб в том мангазейском городовом и острожном деле мангазейским служилым людем большого оскорбления не было. И в нынешнем во 157-м году писали к нам из Сибири, ис Тобольска, боярин наш и воевода Иван Иванович Салтыков с товарыщи, а к ним в Тоболеск к боярину нашему и воеводе к Ивану Ивановичю Салтыкову писал из Мангазеи польячей Яков Иванов, которого послали они ис Тобольска в Мангазею с письменным головою с Ондреем Секериным до нашего указу, и прислали под отпискою своею мангазейских служилых и торговых и промышленных и всяких жилецких людей за руками челобитные, чтоб нам их пожаловати, велети им тот Мангазейской город строить самим по прежнему нашему указу. И как к тебе ся наша грамота придет, и ты б по прежнему нашему указу и по сей грамоте велел в Мангазее у города порченые худые розломаные и роскрытые места, в стенах городни и башни, покрыть и поделать. А которые городовые стены згорели, и по тому месту велел бы еси поставить острог и укрепить острожными всякими крепостьми. И казенные анбары и воеводцкой двор и сторожню и тюрьму поставить тутошными мангазейскими служилыми и проезжими людьми, хотя б не в один год, как чево в котором году мочно зделати, смотря по тамошнему делу, чтоб в том мангазейском городовом и острожном деле мангазейским служилым и жилецким и проезжим торговым и промышленным людем большово оскорбления не было. И в том бы еси городовом деле однолично никому никакой напрасной продажи и убытков не чинил и посулов и поминков от тово ни у ково ничево не имал никоторыми делы. Писан на Москве лета 7157-го марта в 5 день.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 21, л. 236 и 236 об., № 103.

465. *1649 г. апреля 18.—Грамота на Тюмень воеводе Селиверсту Чоглокову о назначении в виду заслуг Бесчастного Малышева сотником стрельцов его сына Бориса.*

От царя и великого князя Алексея Михайловича всея Русии в Сибирь, на Тюмень, воеводе нашему Селиверсту Александровичу Чоглокову. Бил нам челом Тюменского города сотник стрелецкой Бесчастной Малышев а сказал: служил де он в Сибири блаженные памяти отцу нашему великому государю царю и великому князю Михаилу Федоровичу всея Русии и прежним царем всякие наши службы 65 лет: с сибирскими служилыми людьми посылан на Кучумова сына царевича Алея, и его Алеевых цариц и царевичев поимали и привели на Тюмень, да в той же де посылке взял он на бою мужика живого, а самого его в той посылке на бою ранили; а в прошлом де во 117-году боярин наш и воевода Матвей Михайлович Годунов с теми Алеевыми царицами и с царевичи послал его Бесчастного с Тюмени к Москве, и с Вологды де ево Бесчастного с теми Алеевыми царицами к боярину нашему и воеводе ко князю Михаилу Васильевичу Шуйскому Скопину с товарищи, потому что в то время под Московою в Тушине стоял вор с литовскими людьми; и служил де он в Великом Новегороде при боярине нашем и воеводе при князе Михаиле Васильевиче Шуйском Скопине с товарищи полтора года, и на боях ранен в трех местах; а после де того во 119-м году воевода Семен Волынской послал его с Тюмени к Москве с сметными списки, и он де Бесчастной служил под Москвою в полках при боярине нашем и воеводе при князе Димитрии Тимофеевиче Трубецком с товарищи полтретья года, и на боях ранен в четырех местех, да его же де взяли литовские люди в полон в Кремль ранена и пытали накрепко, а из Кремля у литовских людей взят он на обмену, дали за него трех литвинов; и за ту де его службу и за полонное терпенье боярин наш и воевода князь Димитрий Тимо-

феевич Трубецкой с товарищи отпустили его из полков в Сибирь на Тюмень и велели быть у тюменских юртовских служивых татар в головах, и он де у тех тюменских служивых татар был в головах 5 лет, и от многих ран разболелся и лежал болен 5 лет; а во 130-м году прислан с Москвы на Тюмень на его Бесчастного место к татарам в головы Иван Шипилов, а ему де Бесчастному велено быть на Тюмени ж у пеших стрельцов в сотниках; и с тех де он мест и по 156-й год служил в Сибири на Тюмени в сотниках всякие наши службы беспрестанно, никакие его службы не миновали; а в прошлом де во 156-м году, по ложному челобитью Тюменского же города сына боярского Ивана Михайлова сына Волжина, велено ему Ивану быть на Тюмени у стрельцов в сотниках на его Бесчастного место, будто он наших служб за болезнью и за старостью не служит; а как де он Безчастный от многих ран учел быть болен, а в его де место всякие наши службы служит стрельцом сын его Борис, а его де Ивана Волжина и отца его служеб нигде не объявилось, и сам он Михайло Волжин при старости ж; и нам бы его Бесчастного пожаловать, за прежние его службы и за кровь велети на Тюмени у стрельцов на сво место быть в сотниках сыну его Борису. И как к тебе ся наша грамота придет, и ты б за прежние Бесчастного службы и за кровь велел на Тюмени у стрельцов быть в сотниках сыну его Борису Малышеву, и нашего годового денежного и хлебного жалованья и соли оклад учинил ему тот же, что был отцу его Бесчастному Малышеву. А Ивану Волжину у стрельцов в сотниках быть не велети, потому что он Иван в сотники на Бесчастного место Малышева бил нам челом ложно, и того Бесчастного сына Бориса в челобитье своем утаил, и велел ему бы Ивану дожидаться отцова места. Писан на Москве лета 7157-го апреля в 18 день.

На обороте: Дьяк Григорий Протопопов. Справил подьячий Ивашка Селетцин.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 8, лл. 150—151, № 112.

466. *1649 г. ранее ноября 15.— Челобитная верхотурских служилых, посадских, ямских охотников и подгородных крестьян о даче руги и церковного строения церкви Одигитрии в Верхотурье.*

Царю государю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Русии бьют челом холопи и сироты твои Верхотурского города служилые и посадские люди и ямские охотники и подгородные пашенные и оброчные крестьяне: стрелецкой сотник Васька Завьялов, Володька Пряничников с товарыщи, посадских людей староста Васька Бунков с товарыщи, ямских охотников староста Васко Литовской с товарыщи, пашенных крестьян староста Игнашко Щапов с товарыщи. По обещанию, государь, всево города на Верхотурье за рекою за Турою против города воздвигнули церковь во имя пречистые богородицы Одигитрии да предел Георгия страстотерпца, другой предел Дмитрия селунского. И ныне, государь, церковь совершилася, а церковного строенья на твое царское богомолье у тое церкви: сосудов церковных и колоколов, ни книг, ни риз нет. А место, государь, неприходное: попа и дьячка и пономаря призвать не к чему, людьми не поселилось. А нам сиротам твоим того твоего царского богомолья построить нечем: скудны и бедны и недостаточны. Милосердый государь царь и великий князь Алексей Михайлович всеа Русии, пожалуй нас, холопей и сирот твоих, для своего царского богомолья и многолетного своего государева здоровья: ружным жалованьем попа и дьячка и пономаря и церковным строеньем церковными сосуды и книгами и ризами и колоколами, как тебе милосердому государю бог известит. Царь государь, смилуйся.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 2, л. 258, № 207.

467. *1649 г. ноября 15. — Грамота на Верхотурье воеводе Рафу Всеволожскому об ямской слободе в Верхотурье и охране государевой пашни от ямского скота.*

От царя и великого князя Алексея Михайловича всеа Русии в Сибирь, на Верхотурье, воеводе нашему Рафу Родивоновичю Всеволоцкому да подьячему Алексею Маркову. Писали есте к нам, что в прежних годех устроено на Верхотурье под городом за речкою за Калачиком под ямскою слободою под нашу десятинную пашню третьее поле, и на том поле от ямского скота нашему хлебу по вся годы бывает протрава и толока, да и стала де та ямская слобода не к месту; а ныне де за рекою Турою против города устроена церковь, селятца верхотурские жилецкие и всякие люди; и чтоб тем верхотурским ямским охотникам перейти и дворы свои с того старого места перенести за Туру реку на то новое место; а как де ямские охотники дворы свои за Туру реку на то новое место перенесут, и нашему хлебу на десятинах вперед ни от чьей скотины толоки и истравы не будет. И вам бы о том справясь: ямская слобода под Верхотурьем устроена истари, как Верхотурской город стал, и поле третьее под ямскою слободою взято в нашу десятинную пашню у ямских охотников в давных же летех, и вперед на Верхотурье на том старом месте без ямской слободы для проезду сибирских воевод и всяких людей быть нельзя, и как к вам ся наша грамота придет, и вы б верхотурским ямским охотником велели в той слободе жить попрежнему. А около нашего поля, что под ямскою слободою, велели городьбу городить крепкую. А будет чей скот учнет на ту нашу пашню ходить и хлеб толочить, и вы б велели на пашне тот скот имать и имать на тех людях протраву, смотря по хлебу. Писан на Москве лета 7158-го ноября в 15-й день.

На обороте: Дьяк Григорий Протопопов.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 2, л. 257, № 205.

468. *1649—1650 гг. не позднее января... — Отписка тобольского воеводы стольника Василия Шереметева верхотурскому воеводе Рафу Всеволожскому о количестве четей, прибавленных на крестьян Ирбитской слободы вместо всяких изделий, и об острожном деле в слободах Арамашевской и Ирбитской.*

Господину Рафу Родионовичю Василей Шереметев челом бьет. В нынешнем во 158-м году били челом государю царю и великому князю Алексею Михайловичю всея Русии Верхотурсково уезду Ирбицкие слободы староста Мишка Лиханов и во всех ирбицких крестьян место, и мне с товарыщи подали челобитную, и в челобитной их написано: в прошлых де годех заведена в Верхотурском уезде Ирбицкая слобода и прибраны де в тое слободу крестьяне на оброк; а та де Ирбицкая слобода от Верхотурья удалела больши двусот верст, и для де того дальнего пути прибавили они на себя хлебново оброку на десятину по 5 чети овса, чтоб де им никаких изделей не делать; и на Верхотурье де и в Верхотурском уезде по иным слободам заставливают их всякие изделья делать; а в нынешнем де во 157-м году по верхотурской памяти в Белослудцкой слободе они острог ставят и башни делают с великою нужею; и после де Белослудцково острогу заставливают их в Арамашевской слободе острог же ставить и башни делать; а они де люди бедные и несемьянистые; и Арамашевская слобода от Ирбицкие слободы удалела верст с 60 и больши; а которые де Невьинские и Ницынские слободы крестьяне блиско Арамашевские слободы, и тех де слобод крестьян арамашевским острожным делом обходят неведомо почему; и в том де им чинятца убытки великие; а в Ырбицкой де слободе острог ставили и башни рубили они ирбицкие крестьяне собою одне, а из ыных де слобод острогу им ставить и башен рубить не помогали; да они ж де на Ирбите реке зделали государеву мельницу и поделывают тое мельницу

почасту; и в Арамашевской де слободе острогу им ставити и башен рубить невозможно; и государь бы их пожаловал, велел об том острожном деле Арамашевские слободы свой государев указ учинить, чтоб де им от другово острожново дела вконец не погинуть и в рознь не розбрестися, и государева хлебново оброку не отбыть. И тебе б по государеву цареву и великого князя Алексея Михайловича всея Русии указу отписати ко мне с Верхотурья в Тоболеск, не замотчав, сколько чети на ирбицких крестьян вместо городовых и слободцких изделей оброчново хлеба прибавлено, и в котором году прибавлено, и иных слобод на крестьян такие прибавки за изделья есть ли, и почему Невьинские и Ницынские слобод крестьяне в Арамашевской слободе острожново дела не делают, и собою ль ирбицкие крестьяне у себя в Ырбицкой слободе острог ставили, а иных слобод крестьяне им не помогали, и в ыных слободах острожки ставлены одними ли крестьяны тех слобод или иные помогали, чтоб про то в Тобольску было ведомо, по чему ирбицким крестьяном в острожном ставлене указ учинить.

На обороте: Господину Рафу Родионовичю. — 158-го февраля в 10 день подал ырбитцкой крестьянин Пашко Подерин. — По челобитью Ирбицких крестьян. *Помета на обороте:* Выписать прошлых лет ис челобитья и с книг: сколько чети на ирбицких крестьян вместо городовых и слободцких изделий оброчново хлеба прибавлено и в котором году, и иных слобод на крестьян такие прибавки за изделье есть ли.

ИИ АН СССР, Верхотурские акты, кор. 94. Три сстава. — Список XVIII в. в ААН, ф. 21, оп. 4, № 2, лл. 254 об. — 255 об., № 203.

469. *1649—1650 гг. — Отписка тобольского воеводы стольника Василия Шереметева тюменскому воеводе Селиверсту Чоглокову о даче слободчикам Беляковской слободы Максиму Васильеву и Силе Гаврилову бирюча и для письма дьячка и о разрешении прибирать в Тюмени и в Тюменском уезде в крестьяне.*

*Текст, поставленный между знаками * и **, повторяется в № 470. Варианты из № 470 показаны в сносках.*

Господину Селиверсту Олександровичю Василей Шереметев челом бьет. * В нынешнем во 158-м году по государеву цареву и великого князя Алексея Михайловича всеа Русии указу велено слоботчиком Максимку Васильеву да Силке Гаврилову в Тюменском уезде на Пышме, на речке на Беляковке, строить слободу и тобольсково разряду в нашенных городех, на Верхотурье, в Туринском, на Тюмени, и тех городов и Тобольсково уезду в слободах призывати в тое слободу во крестьяне гулящих и иных охочих вольных добрых людей на льготные годы на 6 лет. Да им же велено взяти у тебя для письма дьячка да[1] на время, покаместа они на Тюмени и в Тюменском уезде[2] для крестьянсково призыванья побудут, бирича. И как слоботчики Максимко и Силка на Тюмень[3] приедут, и тебе б по государеву цареву и великого князя Алексея Михайловича всея Русии указу дати им бирича и для письма дьячка.[1] А на Тюмени в городе и в Тюменском уезде[2] в новую слободу на Пышму, на речку Беляковку, гулящих и иных вольных добрых людей во крестьяне призывати велети. А как они Максимко и Силка с Тюмени в Туринской острог[3] или в слободы поедут, и тебе б под них и под дьячка, которово ты им дати велишь для письма,[4] велети дати подводы. А которово числа Максимко и Силка на Тюмень[5] приедут и с Тюмени[3] их отпустишь, и тебе б о том отписати ко мне в Тоболеск. **

[1] для письма дьячка да — *нет в № 470.*
[2] в Туринском
[3] из Туринского на Верхотурье.
[4] которой им дан будет на Тюмени.
[5] Туринской

ААН, ф. 21, оп. 4, № 8, л. 153 и 153 об., № 115.
Напеч. в Доп. к АИ, III, стр. 153, № 46, II.

470. *1649—1650 гг. — Отписка тобольского воеводы стольника Василия Шереметева туринскому воеводе Василию Кокореву о даче бирюча слободчикам Пышминской слободы Максиму Васильеву и Силе Гаврилову, о разрешении призывать в новую слободу гулящих и вольных людей и о даче подвод.*

Господину Василию Борисовичу Василей Шереметьев челом бьет. — *Далее следует текст, поставленный в № 469 между знаками * и **.*
ААН, ф. 21, оп. 4, № 6, л. 149 и 149 об., № 360.

471. *1649—1652 гг. — Отписка в Москву томских воевод Михаила Волынского с товарищами о поставлении нового Томского города и о необходимости перенести в него соборную церковь.*

Государю царю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Русии холопи твои Мишка Волынской, Богдашко Каковинской, Мишка Ключарев челом бьют. В прошлом, государь, во 155-м году указал [государь] царь и великий князь Алексей Михайлович всеа Русии поставить город Томской новой... прежним воеводам князю Осипу Щербатову с товарыщи; и тот, государь, новой город поставлен. А [соборная] церковь во имя Живоначальные Троица да [в преде] лех во имя Николы чюдотворца да великомученика [Димитрия] Селунского, и та соборная [церковь] перенесть в новой город... и ныне... соборная церковь Живоначальная Троица стоит за новым городом, на гостином дворе. А в новом городе церкви нет, а без церкви вперед...
ААН, ф. 21, оп. 4, № 17, л. 541, № 275.

472. *1651 г. не ранее июля 5. — Отписка в Москву томских воевод Михаила Волынского с товарищами о новых волостях за Биею рекою вверх по Катуни: Саянах, Мугатах и Точи, и о построении острога на устье Бии и Катуни.*

Государю царю и великому князю Алексею Михайловичю всея Русии холопи твои Мишка Волынской, Богдашко Коковинской, Мишка Ключерев челом бьют. В нынешнем, государь, во 159-м году писал к нам холопем твоим ис Кузнецкого острогу томской сын боярской Иван Петров: в нынешнем де во 159-м году декабря в 20 день бил челом тебе государю царю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Русии, а в съезжей изба прежнему воеводе Григорию Засецкому подал челобитную кузнецкой казак Офонька Попов, а в челобитной ево написано: в прошлом де во 153-м да во 156-м и во 158-м и в нынешнем во 159-м году сказывали ему Афоньке твои государевы ясашные люди керсагальцы, что есть за Биею рекою вверх по Катуне реке новые волости Саяны и Мугаты и Точи, от Керсагальской волости в трех днищах, и чтоб де ты, государь, ево Афоньку пожаловал, велел ево в те волости отпустить для твоево государева ясаку; и ево Афоньку по твоему государеву указу воевода Григорей Засецкой посылал в те новые волости в Саяны и в Мугаты и в Точи; и был де он Офонька в Черных Колмаках у Чокурова тархана у Самаргана Ирги, а в Саяны де и в Точи и в Мугаты ево Афоньки керсагальские люди не повели. И в нынешнем же де, государь, во 159-м году июля в 5 день пришол тот Афонька в Кузнецкой острог, а с ним пришел Чекура тайши тархана Самаргана Ирги улусной мужик и бил челом тебе государю, чтоб ты государь ево Чокурова Ирги тархапа Самаргана пожаловал, на усть Бии и Катуни реки велел острог поставить, и Чокуров де тархан Самарган Ирги велит давати тебе государю

ясак точам и мугатом и саяном против твоих государевых ясашных людей. А в нынешнем, государь, во 159-м году точи и мугаты и саяны тебе государю ясаку с своих улусов не дали; и о том что ты государь царь и великий князь Алексей Михайлович всея Руси укажешь.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 17, лл. 524—525 об., № 269.

Напеч. в Доп. к АИ, III, стр. 319—320, № 85.

473. *1651 г. августа 30.—Грамота в Енисейск воеводе Афанасию Пашкову о запрещении енисейским людям строить деревни в Красноярском уезде и красноярским — в Енисейском уезде.*

От царя и великого князя Алексея Михайловича всеа Русии в Сибирь, в Енисейской острог, воеводе нашему Афонасью Филиповичю Пашкову. В нынешнем во 159-м году писал к нам ис Красноярского острогу воевода Ондрей Бунаков: в прежних де годех, как Красноярской острог стал, наши красноярские ясачные аринские и есловские татаровя рыбными и бобровыми речками и всякими угодьи владели вниз по Енисею реке по нижней конец Сплошного лесу, по Укшатке речке, по обе стороны Енисея реки, а ныне де выше тое Укшатки речки по обе стороны Енисея реки в Красноярском уезде селятца из Енисейского острога служилые и посацкие люди и пашенные крестьяне, дворы строят, и пашни пашут и сена косят, и всякими угодьи владеют; и у красноярских де ясачных аринских и есловских татар рыбными и бобровыми речками и всякими угодьи завладели; и от тово де нашей соболиной ясачной казне чинитца недобор; да к нему де Андрею приходят в съезжую избу и бьют челом нам промышленные и гулящие вольные люди, чтоб нам их пожаловать, велеть им быть в пашне и дать под селитьбу и под пашню и под сенные покосы земли в Красноярском уезде вниз по Енисею реке, выше тое Укшатки речки, на льготные годы; и в прошлом де во 158-м году дал он Андрей промышленному человеку Самку Андрееву в Красноярском уезде пашни вниз по Енисею реке, ниже порога, от Караульные речки вверх по Енисею реке по обе стороны до Посольского лугу, да по той же Караульной речке вверх до Кеми, и велел ему Самку призывать на те урочища в Енисейском остроге и в уезде охочих вольных людей в пашню на льготные годы; и енисейские де служилые люди и посацкие люди и пашенные крестьяне, которые селились и пашню пашут на себя в Красноярском уезде выше порубежной речки, ему Самку селитца и пашни пахать и сена косить не дают; а та де земля исстари Красноярсково уезду; и о том бы велети ему наш указ учинить. И как к тебе ся наша грамота придет, и ты б вперед велел енисейским и всяким людем деревнями строитца в Енисейском уезде, а в Красноярском уезде енисейским всяким людем деревнями строитца и красноярскими всякими угодьи владеть не велел, чтоб меж обеих городов у ясачных и у пашенных и у всяких людей в том ссоры не было. А от нас в Красноярской острог к воеводе к Ондрею Бунакову о том писано ж, чтоб красноярские ясачные и пашенные крестьяне также в Енисейском уезде на енисейской земле не селились и никакими угодьи Енисейского уезду не владели. Писан на Москве лета 7159-го августа 30 дня.

На обороте: Дьяк Григорей Протопопов. Справил Ивашко Тимофеев.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 22, лл. 242 об.—243 об., № 163.

474. *1652—1653 гг.—Отписка краснопольского прикащика Томилы Нефедьева верхотурскому воеводе Льву Измайлову об устройстве мурзинским прикащиком Борисом Черкасовым новых слобод на землях Краснопольской слободы, с приложением „росписи" их.*

Государя царя и великого князя Алексея Михайловича всеа Русии воеводе Льву Тимофеевичю да Михайлу Анисимовичю Томилко Нефедьев челом бьет. В нынешнем

по 161-м году тобольского присуду мурзинской прикащик Борис Черкасов селит крестьян под тобольской присуд, а в верхотурском присуде в краснопольской заимке, на Бродовой речке; а та речка в краснопольской заимке; а от межи в краснопольскую заимку 5 верст. Да он же Борис хочет селить крестьян по речкам Сапам, а те Сапы падут в Реж реку, а от Краснопольской слободы по близку, с межи всего 5 верст, а от Мурзинской слободы то место 15 верст, а в их мурзинских межевых окладных книтах то место не написано, а я без государева указу и без вашего ведома па те речки Сапы селить крестьян в денежпой оброк к Краснопольской слободе не смею. И вы о том ко мне по государеву указу, как укажете, что Борис Черкасов селит крестьян в меже в краснопольской заимке, и па те речки Сапы крестьян под верхотурской присуд селить ли в денежной оброк х Краснопольской слободе; да покамест Краснопольской слободе заимка по старому списку. И что вновь прибавить х Краснопольской слободе в заимку пустое место пашен и сенных покосов, и тому всему роспись под сею отпискою к вам на Верхотурье послал для того, чтоб вам было про то ведомо.

Лета 7161-го роспись Верхотурсково уезду Краснопольской слободе заимке вновь.

Краснопольская слобода почата строить вверх по Невье реке от Мурзинской слободы с усть Беляковки речки, и вверх по Беляковке до Сапов, и вниз по нижнему Сапу до Режу реки и вверх по Режу реке до вогульских Аятских пашен, и от вогульских пашен до Шигирского озера, и от Шигирского озера прямо на Тагил реку, и вниз по Тагилу до Гаевых заимки до усть Салды реки, а та Салда пала в Тагил, вниз по Тагилу с правую сторону и вверх по Салде до речек до Ивы и до Нелбои, и по тем речкам х Красному полю впрям к Невье до усть Беляковки. И всего будет в длину от усть Беляковки речки до Шигирского озера 30 верст, а от Тагилу поперег до Сапов 25 верст. А в той в Краснопольской слободе на Красном поле и по Тагилу и по Сапам пашенных мест и сенных покосов по смете па 300 семей.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 2, лл. 263—264, № 213.

475. *1653 г. не ранее июля 18. — Отписка красноярского воеводы Михаила Скрябина енисейскому воеводе Афанасию Пашкову о спешной присылке недосланного денежного жалованья в виду необходимости отправки служилых людей в Тубинскую землю для устройства там острога.*

Господину Афонасью Филиповичю Михайло Скрябин челом бьет. В нынешнем, господине, во 161-м году июля в 18 день писал я к тебе с красноярским атаманом з Дементьем Злобиным про мунгальские вести, что идет в Красноярской уезд Мунгальской земли Алтын царь с воинскими людьми; и по тем вестям прислали ныне в Красноярской острог Тубинские земли князьцы и все государевы ясашные люди челобитчиков, и те челобитчики били челом государю царю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Русии, чтоб их государь пожаловал, Алтыну царю и воинским людем в войну выдать не велел, и чтоб их государь пожаловал, велел в Тубинской земле на мунгальских и па колмацких сакмах и на переходех поставить острог, и пожаловал бы государь, велел в том остроге для береганья устроить служилых людей с огненным боем, чтоб было кем их от приходов воинских людей оборонить. И я, господине, по государеву цареву и великого князя Алексея Михайловича всеа Русии указу, а по челобитью тубинских князьцов и всех государевых ясашных людей сказал в Красноярском остроге государеву службу атаману Елисею Тюменцову да с ним красноярским служилым людем; а по государеву указу посылаю их в Тубинскую землю рассмотреть мест, где острог поставить, в судах водяным путем. А государева денежного жалованья им для той новой службы дать нечево, что в Красноярском остроге в государеве казне денег ничего нет. А что до-

велось из Енисейского острогу дослать в Красноярской острог государева недосланного жалованья 770 рублев, и ты того государева жалованья в Красноярской острог но се время не прислал. А в Красноярском, господине, остроге за тем недосылным жалованьем государевым красноярским многим службам нынс стала поруха большая, и по нынешним мунгальским вестям от недосыльново жалованья красноярские службы все стали. И тебе б, господине, по государеву цареву и великого князя Алексея Михайловича всеа Русии указу, топ новые острожные ставки пе остановить и государеве службе ныне по мунгальским вестям порухи не учинить, то государево недосыльное жалованье 775 рублев с красноярским атаманом з Деменгьем Злобиным и с служилыми людьми, которые посланы нарочно, прислать незамедля. А только, господине, ты того государева жалованья в Красноярской острог не пришлешь, и красноярские все службы и острожную ставку остановишь, и за тем недосыльным жалованьем учинитца какая поруха, и мне, господине, того на себе не держать, писать о том к государю царю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Русии наскоро, чтоб мне в том от государя в опале не быть.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 22, лл. 261 об.—262, № 174.

476. *1653 г. августа 23. — Отписка верхотурского воеводы Льва Измайлова тобольскому воеводе князю Василию Хилкову о размежевании земель Мурзинской и Краснопольской слобод и о запрещении мурзинскому прикащику Борису Черкасову переманивать крестьян верхотурских слобод.*

*Текст, поставленный между знаками * и **, повторяется в 478. Вариант из № 478 показан в сноске.*

Господину князю Василью Ивановичю Лев Измайлов челом бьет. В нынешнем во 161-м году писал ко мне * на Верхотурье Верхотурского уезду из новой Краснопольской слободы верхотурской стрелец Томилко Серебреник: в Верхотурском де уезде в той новой в Краснопольской слободе в заимках селит крестьян Тобольского уезду мурзинской прикащик Борис Черкасов без государева указу своим самовольством под тобольской присуд на Бродовой речке; а та де Бродовая речка в Верхотурском уезде в краснопольской заимке, от тобольской межи 5 верст; да он же де Борис Черкасов подговаривает Верхотурского уезду из слобод пашенных крестьян со всеми с крестьянскими заводы селитца[1] в Верхотурском же уезде в краснопольских заимках по речкам Сапам, а те де Сапы падут в Реж реку, от краснопольской слободы поблиску, всего в 5 верстах, а от Мурзинской де слободы то место 15 верст, ** и в мурзинских межевых книгах то место не написано. И тебе б, господине, по государеву указу велеть Тобольского уезду Мурзинскую слободу Верхотурского уезду с Краснопольскою слободою розмежевать, пашенные земли и сенные покосы, мимо ево Бориса Черкасова, по старым межевым книгам, и на тех межах грани потесать и ямы покопать и всякие признаки учинить, чтобы, господине, впредь о тех межах в том ссоры не было. А мурзинскому прикащику Борису Черкасову впредь из верхотурских слобод принять подвода да и селить на те места не велеть. А кому, господине, Краснопольскую слободу с Мурзинскою слободою розмежевать велишь, и о том ко мне велети отписать.

Августа в 23 день посланы таковы ж две отписки с стрельцом с Мишкою Нахалуевым.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 2, лл. 264—265, № 214.

477. *1653 г. ноября . . . — Наказная память верхотурского воеводы Льва Измайлова верхотурскому стрелецкому десятнику Томилу*

---

[1] *вместо:* заводы селитца — з детьми и селит.

Серебрянникову, посланному в поморские города для прибора крестьян в Краснопольскую слободу.

Лета 7162-го ноября в... день, по государеву цареву и великого князя Алексея Михайловича всеа Русии указу, память верхотурскому стрелецкому десятнику Томилку Серебряникову. Ехать ему к Соли Камской, и в Чердынь, и в Кай городок и на Вятку для того: в нынешнем во 162-м году по государеву цареву и великого князя Алексея Михайловича всея Русии указу велено в Верхотурском уезде на Красном поле строить новую слободу. И Томилку приехать к Соли Камской, и в Чердынь, и в Кай городок и на Вятку и в тех городех и в уездех призывать в Сибирь, на Верхотурье, в Верхотурской уезд, в новую Краснопольскую слободу из гулящих и изо всяких из вольных людей во крестьяне в денежной оброк и на льготные годы. А как он Томилко в тех городех и в уездех во крестьяне ис каких людей приберет, и тем новоприборным крестьяном по государеву указу давать на Верхотурье из государевы казны ссудные и подможные денги. А льготных лет давать им годы по 3, и по 4 и по 5. И как льготные годы отойдут, и им крестьяном платить на Верхотурье в государеву казну с пашенных своих земель и сенных покосов, которые им по государеву указу отведены будут, з десятины по 40 алтын. Да ково имянем во крестьяне на Верхотурье ис тех городов от себя отпустит, писать и крестьяном имяшную роспись прислать на Верхотурье, а отписку и роспись велеть подать и крестьяном явитца в съезжей избе воеводе.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 2, л. 274 и 274 об., № 229.

478. *1653—1654 гг.— Отписка тобольского воеводы князя Василия Хилкова верхотурскому воеводе Льву Измайлову о посылке тобольского сына боярского Макария Галасьина для размежевания земель Мурзинской и Краснопольской слобод, о поручении ему допросить прикащика Бориса Черкасова, по какому указу он селит крестьян, и о беглых тагильских крестьянах, живущих в Мурзинской слободе.*

Господину Льву Тимофеевичю Василей Хилков челом бьет. В нынешнем во 162-м году писал ты ко мне в Тоболеск, что писал к тебе,— *Далее следует текст, поставленный в № 476 между знаками * и **, после чего следует:* и чтоб Тобольсково уезду Мурзинскую слободу Верхотурского уезду с Краснопольскою слободою розмежевать, пашенные земли и сенные покосы, мимо ево Бориса Черкасова, и на тех межах грани потесать, и ямы покопать и всякие признаки учинить, чтоб впредь о тех межах в том ссоры не было; а ково я, господине, Краснопольскую слободу с Мурзинскою слободою розмежевать пошлю, и о том бы мне к тебе отписать. И в нынешнем, господине, во 162-м году велено для того межеванья быти тобольским сыну боярскому Макарью Галасьину да подьячему Микифору Смольянинову, которые посланы в Туринской острог и в слободы для государева выделнова хлеба. И тебе, господине, по государеву указу послати в Мурзинскую слободу для межеванья верхотурсково сына боярсково Ондрея Буженинова да невьинских пашенных крестьян, которые были на дозоре в Мурзинской слободе с Ондреем Бужениновым в прошлом во 147-м году: Федьку Колугина, Савку Подкорытова, Ортюшку Яковлева, Тимошку Иванова, и велети им с тобольским сыном боярским с Макарьем Галасьиным и с подьячим с Микифором Мурзинскую слободу с Краснопольскою слободою розмежевать против чертежа, каков прислал в Тоболеск в прошлом во 147-м году Ондрей Буженинов, Мурзину елань от речки Невьи по речке Елбарке, а Мурзина то ж, Верхотурсково уезду с Краснопольскою слободою Мурзину слободу отмежевать на 2500 десятин. И по тем межам, которые укажут Ондрей Буженинов и невьинские пашенные крестьяне Федька Колугин с това-

рыщи, и па тех межах грани потесать, и ямы покопать, и угольем пасыпать, и всякие признаки учинить, чтоб впредь меж Краснопольскою слободою спору не было. А что, господине, Борис Черкасов селит крестьян без государева указу в Верхотурском уезде новой Краснопольской слободы в заимках самовольством под тобольской присуд на Бродовой речке, а та Бродовая речка в Верхотурском уезде в краснопольской заимке, и про то велел я, господине, тобольскому сыну боярскому Макарью Галасьину Бориса Черкасова допросить: по какому он указу в той в краснопольской заимке крестьян селит и не в мурзинской ли меже. И взяти у Бориса Черкасова велел я, господине, скаску за ево рукою; а что, господине, в скаске Бориса Черкасова написано будет, и о том я к тебе отпишу. Да ты ж, господине, писал ко мне, что в прошлом во 161-м году збежали Верхотурского уезду с Тагила пашенные крестьяне: Якимко Филипов с сыном с Филькою з женами и з детьми и со всеми крестьянскими заводы и скотом; Ондрюшка Иванов сын Усынин, Ивашко Большаков Гаев со скотом же; а государевы десятинные пашни пахали Якимко Филипов полторы десятины, Ондрюшка Иванов Усынин с отцом своим с Ивашком десятину; и ныне де те тагильские пашенные крестьяне живут Тобольского уезду в Мурзинской слободе; и чтоб тех тагильских пашенных крестьян з женами и з детьми и з животиною сыскать, а сыскав прислати б, господине, к тебе на Верхотурье. И ныне велено тобольскому сыну боярину Макарью Галасьину тех тагильских пашенных крестьян Якимка Филипова с товарыщи в Мурзинской слободе сыскати, а сыскав распросить тех беглых крестьян: тагильские ль они пашенные крестьяне и для чево збежали с Тагила в Мурзинскую слободу; да будет скажут те беглые крестьяне, что наперед того были на Тагиле в пашне, и Макарью велено тех беглых пашенных крестьян Якимка Филипова с товарыщи послати к тебе на Верхотурье с приставы, с кем пригоже; а что государевых на них денег и хлеба будет есть взять на них в Мурзинской слободе, и то на них велено доправить и взять в государеву казну; А будет, господине, те крестьяне на Тагиле в государеве пашне не бывали, а стали в государеву пашню в Мурзинской слободе давно или внове, и тем пашенным крестьяном Якимку Филипову с товарыщи велено быти в Мурзинской слободе попрежнему.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 2, лл. 266—267, № 217.

479. *1654 г. октября . . . — Сказка красноярского сына боярского Севастьяна Самсонова об его службе и жалованье.*

Лета 7163-го году октября в день, по указу великого государя царя и великого князя Алексея Михайловича всеа Великие и Малые и Белые Росии самодержца и государя благоверного царевича и великого князя Алексея Алексеевича всеа Великие и Малые и Белые Росии, в Красноярском остроге, в съезжей избе, воеводе Данилу Харитоновичу Мотовилову подал скаску красноярской сынчишко боярской Савастьянко Самсонов: дед мой Ондрей Прокопьев Кубенин из Великово Новагорода переведен Устьянских волостей в Пежемскую волость, а отец мой Самсон Ондреев Кубенин родился в Пежемской волости и жил в тягле; и судом божьим отца моего литовские люди убили, а я Савастьянко остался после отца своего 17-ти лет и сошел охотою своею в полк к боярину х князю Борису Михайловичю Лыкову к Вологде, и с Вологды боярин князь Борис Михайлович Лыков послал нас з детьми боярскими с костромичи и с арзамазцы на Белоозеро, а головою у нас был Иван Полозов, и мы за Белым озером на Хорголе побили черкас и языков взяли 6 человек; да мы ж з Белоозера в другой ряд ходили за Белоозеро в кемские села, и в кемских селех грабили казаков баловщину и взяли атамана Федора Ослоповского а с ним взяли 4-х человек казаков с языки и привели к Вологде к боярину х князь Борису Михайловичю Лыкову; да после тово боярин князь Борис Михайлович Лыков послал нас весною с Вологды в стругах под Каргополь, а Каргополь был в те поры в осаде,

и как мы пришли в Каргополь, и из Каргопола послал нас воевода князь Мирон Михайлович Шеховской за Каргополь на ледищу на казаков баловщипу, и казаков на речке на Свенге побили. И после того я Севастьянко сошел в сибирские городы во 125-м году гулящим делом и в... городе прибирал Ондрей Дубенской на Красной яр в службу в казаки изо всяких чинов людей, и я в те поры в казачью службу при Ондрее Дубенском и приверстан, и шел с Ондреем Дубенским на Красной яр, и пришед на Красной яр, острог ставили; и служил я всякие государевы службы: конные, и пешие, и струговые, посылал меня из Красноярского острогу Ондрей Дубенской в Киргискую землю на государевых изменников и непослушников с атаманом с Иваном Кольцовым, и кыргиских людей побили и языков поимали. Да при воеводе Архипе Акинфове посылан я с атаманом з Дементьем Злобиным войною на киргыскова князца Иженея, и киргизких людей побили, и княгиню Иженееву сыном с Атаяком и со всеми детми в полон взяли, и на том бою я бился явственно: убил мужика; да при воеводе Архипе Акинфове посылан я в Канскую землю на тубинсково князца Бояна с атаманом Дементьем Злобиным, и тубинских людей побили, и языков поимали, и на том бою я бился явственно; да при воеводе же Архипе Акинфове посылан я в Камасинскую землю для государева ясашново збору и государева ясаку собрал три сорока; да при воеводе Архипе Акинфове посылан я в новую Мунгальскую землю х князцу Таитулу Икычюю да к ошенскому князцу к Сатагачю для государева ясашново збору, взял с них государева ясаку 40 соболей; да при воеводе же Архипе Акинфове посылан я в Камасинскую землю для ясашново збору, и государев ясак собрал весь сполна, да прииекал вновь 9 человек, а взял я с них 50 соболей государева ясаку. Да при воеводе Миките Карамышеве посылан я в Братцкую землю с атаманом Дементьем Злобиным войною, и братцких людей побили; да при воеводе Миките Карамышеве посылан я в Кызылы с атаманом Дементьем Злобиным, и кызылских людей побили; да при воеводе ж Миките Карамышеве посылан я на Абакан реку с атаманом с Милославом Кольцовым войною на кашинцов и байкотовцов, и на той службе убил мужика. Да при воеводе Федоре Мякинине посылан я в Кыргызскую землю, как изменили качинцы и аринцы, отъехали в Кыргызы к киргизцом к Ышею да к Ыженею, и тех качинцов и аринцов призывать под государеву высокую руку, чтоб они пришли на государеву землю на старые свои кочевья, и я их призывал, и они при воеводе Олферье Баскакове на старые свои кочевья и великому государю добили челом. Да при воеводе Олферье Баскакове посылан я в Канскую землю для государева ясашново збору, как они канские люди изменили, и в те поры я с них канских людей государев ясак взял и вновь прииекал Инголонинцкую землицу, братцких киштимов 10 человек, Кочея и Шарапа, для государева ясаку, а взял с них 40 соболей; да посылан я в Камасенскую землю для государева ясашново збору, и ясак государев собрал, а вновь прииекал 20 человек, а государева ясаку взял с них два сорока соболей; да при воеводе Олферье Баскакове посылан я в стругах вверх по Енисею с товарыщем с Микитою Борцом, а с нами было посылано 150 человек служилых людей на всход с конными служилыми людьми, которые посланы изо всех сибирских городов и с Краснова яру в Кыргыскую землю войною, и мы пришли верх Копчины пашни, и ходил я Савастьянко в степь 2 дни, а со мною ходило 60 человек служилых людей, изошли вверх Комы реки татар 4 человек з женами и з детьми, и взяв их послал в Красноярской острог, и они с тех мест и по ся места государев ясак платят; а в те поры кыргизы и тубинцы с конными служилыми людьми дралися, и подсмотрели струговых нас служилых людей и, убоясь струговых людей, великому государю добили челом, и вину свою принесли и шерть шертовали; да при воеводе Олферье Баскакове посылан в Тубинскую землю х князцам х Кояну, и Кунгуру, и Кылину и к их улусным людем для аманатов, и я у них в аманаты взял Коянова сына Кирму, и они тубинцы князь-

цова роду седят попеременно в аманатах и по се пору. Да меня ж посылал воевода Петр Протасьев в Камасинскую землю для государева ясашново збору, и ясак я с них взял весь сполна да вновь приписал 6 человек, а государева ясаку взято с них 20 соболей; да я же посылан при воеводе Петре Протасьеве в Тубинскую землю приводить к шерте тубинских князцов и улусных людей, и тубинские князцы и улусные люди великому государю шерть свою шертовали на том, что быть им под государевою высокою рукою в вечном холопстве; да при воеводе же Петре Протасьеве посылан я Савастьянко па государеву службу в Браты с атаманом с Милославом Кольцовым да с Елисеем Тюменцовым на братцких людей, па князца на Иланка, и на той службе я был явствено и мужика убил; да воевода Петр Протасьев посылал меня в тое ж Братцкую землю призывать братцково князца Иланка к царской милости, и Савастьянко ходил, и князца Иланка призвал и привел в Красноярской острог; да в прошлом во 158-м году посылал из Удинсково острогу атаман Елисей Тюменцов для государева ясашново збору в Братцкую землю к князцам Кузунуку, и Чипачию, и Термичею, и к Абапаку девяти человек служилых людей, и они братцкие князцы служилых людей побили, и казну государеву соболиную и оружье взяли. Да в прошлом во 159-м посылал меня воевода Ондрей Бунаков в Братцкую землю в Удинской острог для государева ясашново збору, и я в Удинском остроге государев ясак собрал весь сполна без недобору, да вновь приискал Югденскую землицу, и взял с них 8 соболей, и по сю пору с той Югденской землицы ясак государев платят. да братцково князца Иланка призвал и ружье побитых служилых людей взял; да во 160-м году посылал Ондрей Бунаков с Кирилом Бунаковым па государеву службу па государевых непослушников и изменников па братцких людей, и на той службе был я у канских и котовских и у корчюнских и тубинских тотар головою; да меня ж Савастьянка посылал Кирило Бунаков наперед в тое Братцкую землю в Удинской острог, изъехал я в подгородных юртах и поимал братцково мужика, а тот мужик был у нас в вожах на братцких людей. Да я же Савастьянко при прежних воеводах учинил прибыль в ясашном государеве зборе в Камасинской и в Качынской землицах 14 сороков соболей, да в Ингалотцкой и Мунгальской я Савастьянко учинил прибыли 2 сорока соболей да в Югденской новой землице 8 соболей, и за те де мои службишка и за ясашный збор и за прибыль великий государь царь и великий князь Алексей Михайлович всеа Великие и Малые и Белые Росии самодержец и государь благоверный царевич и великий князь Алексей Алексеевич всеа Великие и Малые и Белые Росии пожаловали меня холопа своего, велели дать свою государеву грамоту за приписью дьяка Третьяка Васильева к воеводе к Михаилу Скрябину. а по той государеве грамоте велено мне в Красноярском остроге государеву службу служить в детех боярских, а оклад мне учинен на Москве государева жалованья 7 рублей денег да хлеба 7 четвертей ржи, овса 7 четвертей, соли указано против иных красноярских детей боярских. В том я и скаску дал за своею рукою. Скаску писал площадной подьячишко Бориско Ульянов.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 18, лл. 80—84, № 46.
Напеч. в Доп. к АИ, IV, № 67, I.

480. *1656—1657 гг.— Отписка в Москву томских воевод князя Ивана Приимкова-Ростовского и Алексея Коковинского об устройстве государевой десятинной пашни на реке Сосновке, о построении там острога и о выдаче служилым людям, имеющим там пашни, денежного жалованья.*

Государю царю и великому князю Алексею Михайловичю, всеа Великие и Малые и Белые Росии самодержцу, холопи твои Ивашко Приимков Ростовской, Олешка Коковинской челом бьет. По твоему государеву указу твои государевы па-

шенные крестьяне в Томском городе твои государевы десятинные пашни пахали под городом 43 десятины в поле, а в дву по тому ж, да в Спаском селе 80 десятин с четью в поле, а в дву по тому ж, и на той, государь, на твоей государеве десятинной пашне под городом и в Спаском селе земля выпохалась, и хлеб не родитца, на многих, государь, десятинах и семен не збирают, что сеяно, а и на лутчих десятинах родитца вдвое и мало больши, потому что пахано из давных лет, земля выпаш, а переменить, государь, тое выпаханной земли под городом и в Спаском селе нечем, заложные земли блиско нет. А Спаское, государь, село от Томского города верст с 15. И вперед, государь, на тех выпаханных землях твои государевы десятинные пашни пахать не прибыльно. И в прошлом, государь, во 164-м году, с приезду своего, как мы холопи твои приехали в Томской после стольника и воевод Микифора Нащокина да Оверкея Болтина, посылали мы холопи твои за Спаское село, за Сосновку речку, от Томсково города верст с 40, томских детей боярских Дмитрея Копылова да Юрья Едловского и с ними томских добрых служилых людей и велели досмотрить им и сметать земли, где под твои государевы десятинные пашни занять и построить вместо тех выпаханных земель. И дети боярские Дмитрей Копылов да Юрья Едловской приискали за Сосновкой рекою порозжие переложные добрые земли и сказывают по смете будет десятин с 1000; а сказали нам, что на тех землях твои государевы десятинные пашни построить мошно, земля добрая, хлеб на ней родитца. А ближе, государь, тое земли под твою государеву пашню занять негде. И около, государь, тех земель многие томские служилые и пасадцкие люди и пашенные крестьяне дворами построилися и пашни на себя пашут. И против, государь, досмотру детей боярских Дмитрея Копылова да Юрья Едловского тое землю велели мы занять под твои государевы десятинные пашни и от иных земель, которые пашут на себя служилые и пасадцкие люди и пашенные крестьяне, отмежевать, и грани и признаки поставить. И по их, государь, скаске тое отмежеваной земле с 1000 десятин и больши. И в прошлом, государь, во 164-м году с приезду своего на той отмежеванной земли велели мы холопи твои для опыту вспахать под рожь и посеять к нынешнему 165-му году. И прикащик Спаского села прислал к нам в Томской тому с новой земли ржи опытному хлебу роспись за своею рукою, а в росписи, государь, написано: посеено было на той новой земли ржи 12 десятин без четверти, а на всех на тех десятинах рожь была ровно, жато, государь, ржи с тех с 12 десятин без чети 5279 снопов, а с десятины, государь, имеетца по 440 снопов, а из сотницы, государь, снопов в умолоте по три четверти без четверика ржи. И вперед, государь, будет изволит бог, таковае пашня роспашитца, и перед старою пашнею прибыль чаять. И у той, государь, новой заимки, где ныне занята под твою государеву десятинную пашню, велели мы холопи твои от колмаков и от киргисцов и ото всяких воинских людей для обереганья от сполошново времени поставити острог и всякие крепости учинить, потому что в прошлом, государь, во 164-м году при стольнике и воеводах при Микифоре Нащокине да при Оверкее Болтине и при нас холопех твоих в нынешнем во 165-м году воровские колматцкие люди приходили многижды, белых колмаков улусные люди, и без острогу, государь, в том месте быть нельзя. И тот, государь, новой острог у той твоей государевы десятинной пашни в нынешнем во 165-м году поставили томские дети боярские и приказные люди и служилые конные и пешие казаки по развытке да две башни. А лес на тот острог и на башни возили зимним путем пашенные крестьяне и томские служилые и посадцкие люди, у которых, государь, у служилых и у посадцких людей блиско того острогу пашенные земли. И для, государь, обереганья того нового острогу и твоих государевых пашен и служилых и всяких людей и пашенных крестьян в тот острог посылаетца служилых людей по 50 человек по переменам. А многие, государь, служилые люди, конные и пешие казаки, служат тебе государю с пашен без хлебного жало-

вапья; а пашенные, государь, у них земли блюко того острогу; и те, государь, служилые люди бьют челом тебе, государю, чтоб ты, государь, их пожаловал, велел им давать свое государево денежное жалованье их оклад в Томском городе, а они де с пашен своих тебе, государю, станут служить в том новом остроге и жить без перемены, а чтоб их на иные твои государевы в отъезжие службы не посылать. И о том, как ты государь, царь и великий князь Алексей Михайлович, всеа Великие и Малые и Белые Росии самодержец, нам холопем своим укажешь.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 18, лл. 45 об. — 47 об., № 26.

481. *1657 г. не ранее октября 9. — Отписка в Москву верхотурского воеводы Ивана Хитрово о пожаре на Верхотурье.*

Государю царю и великому князю Алексею Михайловичю, всеа Великие и Малые и Белые Росии самодержцу, холопи твои Ивашко Хитров, подьячей Гешка Каменской челом бьют. В нынешнем, государь, во 166-м году октября против 9 числа, в ночь, судом божиим на Верхотурье на гостине дворе [згорело] твое, государь, богомолье, а церьков во имя нерукотворенного образа господа нашего Иисуса христа с пределом святого и праведного Алексея человека божия, да на том же гостине дворе згорело твоих государевых старых и новых 48 лавок и амбаров да мшевик, где ставили твое государево верхотурского куренья горячее вино, згорело. Да от того ж пожару на посаде згорел двор с всеми хоромы, на котором дворе по твоему государеву указу жили прежние воеводы и я холоп твой Ивашко. Да на пасадех, государь, выгорело верхотурских всяких жилецких людей больши 40 дворов. Да с того ж, государь, пожару выгорело острогу по мере и по смете на 80 сажен. А строены, государь, на гостине дворе твои государевы лавки и амбары старые иные наперед сего для приезду и торгов на Верхотурье торговых и промышленных людей и твоею государевою денежною казною из верхотурских избылых денежных доходов, и с тех лавок и амбаров с торговых и с промышленных людей збирали в твою государеву казну пошлину... не имали. А острог ставили и двор строили верхотурскими городовыми и Верхотурского уезду сел и слобод всяких чинов людьми. И ныне, государь, бес твоего государева указу на Верхотурье на гостине дворе на погорелом месте вновь лавок и амбаров твоею государевою казною и остроги ставить и воеводцково двора строить верхотурскими всяких чинов людьми мы холопи твои не смеем. И о том государь царь и великий князь Алексей Михайлович всеа Великие и Малые и Белые Росии самодержец что укажешь.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 2, лл. 296 об. - 297, № 244.

482. *1657—1658 гг. — Отписка в Москву тюменского воеводы Федора Веригина о состоянии города, поставленного в 1640—1642 гг., и о необходимости строить новый.*

Государю царю и великому князю Алексею Михайловичю всеа Великие и Малые и Белые Росии самодержцу холоп твой Фетка Веригин челом бьет. В нынешнем, государь, во 166-м году по твоему великого государя указу велено мне холопу твоему быть на твоей государеве службе в Сибири на Тюмени прежнего воеводы на Иваново место Шадрина. И заехал я холоп твой на Тюмени старой город, что ставлен был в прошлом во 148-м году и во 149-м году и во 150-м году при воеводе при князе Григорье Барятинском, и тот город Тюмень от Туры реки и от Тюменки речки башни и стены вешнею водою подмыло, и ис под башен и с под стен горы осыпались, и стены городовые и башни висят под гору к Туре реке и к Тюменке речке, а старые под те городовые башни и под стены никоторыми, государь, мерами подвести невозможно, потому что горы и от Туры реки и от Тюменки речки высоки и круты. А как, государь, Тюмень город переставливать и башни и городовые стены от Туры реки и от Тюменки речки от берегов здвинуть

дале, и город будет старово городу мерою менши. А есть ли тот Тюмень город изволишь, государь, переставить, что б тот город впредь тебе государю был прочен, а мерою б острог был не менши, и под тот Тюмень город места столько мерою будет, как подвинуть ево к посаду на площадь. А переставлю по твоему государеву указу тот город Тюмень и совсем ево зделаю я холоп твой наготово туточными тюменскими всяких чинов людьми без твоей государевы денежные казны. А без переставки городу Тюмени впредь никоими, государь, мерами быть нельзя. И о том великий государь царь и великий князь Алексей Михайлович всеа Великие и Малые и Белые Росии самодержец как мне холопу твоему укажешь.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 8, лл. 178—179, № 132.
Напеч. в Доп. к АИ, IV, стр. 96—97, № 42.

483. *1661 г. января 30. — Грамота на Тюмень воеводе Андрею Кафтыреву об исправлении городовых стен на Тюмени.*

От царя и великого князя Алексея Михайловича всеа Великие и Малые и Белые Росии самодержца в Сибирь, на Тюмень, воеводе нашему Андрею Васильевичю Кафтыреву. В нынешнем во 169-м году ноября в 14 день писал еси к нам великому государю: по нашему великого государя указу велено тебе на Тюмени городовых и острожных крепостей досмотрить; и ты де на Тюмени городовые и острожные крепости досматривал, и на Тюмени де город от Туры реки и от Тюменки речки водою подмыло и местами город отсыпало, и башни и город никоторые места водою подмыло, осели и полых мест много, а на городе и на башнях кровля огнила и ветрами сломало, и угловая де башня от Туры реки и от посаду осела ж и розвалилась, а у другие де проезжие башни с вороты верх отнял и обволился же; и ты де тое проезжую башню построил и покрыл; а ров де из города осыпался, а иные места засорены, да и заострожной де ров от степи местами засыпан повозом, и крепостей никаких нет, и за Турою де рекою около татарских юрт острог погнил и повалился, и около бухарских юрт острогу и крепостей никаких нет же; и ты де велел от Туры и от Тюменки речки всяких худых мест сметить голове стрелецкому и казачью Самоилу Блудову да съезжие избы подьячему Алексею Столбову; и Самойло де и Алексей подали тебе в съезжей избе смету, а в смете их написано: по которому месту от Туры реки вести тарасы и от Тюменки речки, которые места осыпались з берегу, от заплеску в гору до городовые стены по 17 сажен, а длиннику подле Туры реки по заплеску 100 сажен, а от Тюменки речки, где тарасом быть, длиннику 80 сажен, а лесу де по смете надобеть на тарасы 3264 слеги, длиною по 5 сажен, а в отробе по пяти и по пяти вершков, да коротких бревен саженп по две и по три 6528 бревен да кровельного де и мостового лесу надобеть десять тысяч дранитц, да на сцепы и на потколоки тысяча бревен; и Тюменского де города служилые и всяких чинов люди били челом нам великому государю, а тебе в съезжей избе сказали, что им лесу на тарасы и на городовое дело добывать и тарасов подводить невмочь; а будет де стены городовые и башни от Туры реки и от Тюменки речки отнесут, и город и башни укрыть, то де им сметить; и только де от Туры реки и от Тюменки речки под городовые стены и под башни тарасов не подвесть и городовые стены и башни от Туры реки от Тюменки речки и от яру подале отнесть, и город будет менши старово; и нам бы о том велеть наш указ учинить. И как к тебе ся наша великого государя грамота придет, и ты б велел от Туры реки башни и городни отнести от яру в гору, сколько пригож, и у города самые нужные места, бес чего вперед пробыть немочно, велел поделать. А для укрепленья в горе тарасы зарубить и, вымысля, всякие крепости поделати, чтоб вперед городовые стены водою не смывало. И за острогом ров велел вычистить и крепости поделать тюменскими всякими людьми, чтоб им было не в тягость и не в оскорбленье. А за Турою около татарских юрт у острогу самые ж нужные места

велел поделать, какими людьми около татарских юрт острог ставлен наперед сего. А делать бы городовые и острожные крепости летом не в деловую пору, чтоб пашенным крестьяном одноличню в том большие тягости и налоги не было. Писан на Москве лета 7169-го генваря в 30 день.

На обороте: Диак Григорий Протопопов. Справил подьячий Мишка Офросимов.

ААН, ф 21, оп. 4, № 8, лл. 199—200 об., № 143.

Напеч. в Доп. к АИ, IV, стр. 235—236, № 95.

484. *1661 г. марта 15.—Грамота в Тобольск боярину и воеводе князю Ивану Хилкову с товарищами о прибавке самаровским ямским охотникам денежного жалованья.*

От царя и великого князя Алексея Михайловича, всеа Великие и Малые и Белые Росии самодержца, в Сибирь, в Тоболеск, боярину нашему и воеводе князю Ивану Андреевичю Хилкову, дьяком нашим Гарасиму Головнину да Семену Румянцову. В нынешнем во 169-м году били челом нам великому государю Самаровского яму староста Ивашка Прялицын и во всех товарищей своих место, а сказали: в прошлом де во 145-м году по указу отца нашего блаженные памяти великого государя царя и великого князя Михаила Федоровича всеа Росии самодержца прибирал их Иван Погожей у Соли Вычегоцкой, в Чердыни и у Соли Камской з женами и з детьми в сибирские городы в ямские охотники на Демьянской ям, и на том яму поселили иных ямских охотников, а их посадили под Самаровскими горами на дальном пустом месте не на пашенном, и со 145-го году гоняют они нашу ямскую гонбу иных против сибирских ямов многую, против Демьянского яму в трое и в четверо больше; а те де ямские охотники гоняют все пути по низовью, вниз воды, дают против подводы на большие дощенки и на малые суды по одному человеку, а в иных де городех ямские охотники на ямех судовых поделок не знают, а к ним де самаровским ямским охотником всякие люди приезжают в подводных дощениках и в малых судах на Самаровской ям, и против низовых подвод по таким подорожным дают они против одного человека самаровских проводников по 2 человека; а гоняют де они нашего великого государя ямскую гонбу в три стороны: две дороги вверх реки по Оби до Сургута и по Иртышу реке до Демьянского яму, а третьею вниз реке по Оби до князь Дмитриевской вотчины Алачева, до Сухоруковских юрт, а подводы де наимуют рубли по 2 и по 3 и больши; а зимним де путем ходят до Сургута на нартах с собаками, а подводу наимуют рубли по 2 и по 3 и больши, и ходят де недели по три и больши, а вниз по Обе реке ходят на нартах с собаками ж, и против демьянской конной одной подводы дают по две нарты человеку; а судовая де им поделка становитца на всякой год по 50 рублей и больши; и нам бы великому государю пожаловати их самаровских ямских охотников для их нужи и бедности, велеть им нашего великого государя денежного жалованья к прежнему их окладу прибавить и сверстать их нашим великого государя денежным жалованьем, против верхотурских и тюменских ямских охотников, чтоб им самаровским ямским охотником от многих розгонов и от тяжелых подвод без прибавочного жалованья в конец не погинуть и розно б не розбрестись. И по нашему великого государя указу прибавлено им самаровскими ямским охотником 50-ти человеком нашего великого государя жалованья для их бедности и для больших розгонов к прежнему их окладу к 1000-е рублям 150 рублев, и учинити им всем годовой оклад с новою прибавкою против тюменских и туринских ясачных охотников 1150 рублев, по 23 рубли на выть; и наше великого государя жалованье и придаточные денги 150 рублев дано на Москве самаровскому ямскому охотнику Ивашку Хабарову. И как к вам ся наша великого государя грамота придет, и вы б тое придачю, нашего великого государя годовое денежное жалованье, в окладные книги самаровским ямским охотником велели справить и вперед давать наше вели-

кого государя годовое денежное жалованье по вся годы с новою придачею по 23 рубли на выть. Писан на Москве лета 7169-го марта в 15-й день.

На обороте: Дьяк Никита Юдин.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 16, лл. 284—285, № 140.

Напеч.: 1) в Доп. к АИ, IV, стр. 236—237, № 96, и 2) у Лопарева, Самарово, изд. 2, стр. 150—152.

185. *1661 г. не ранее сентября . . . — Отписка из Катайского острога Ильи Бакшеева верхотурскому воеводе стольнику Ивану Камынину о прибытии из плена семей татар и 214 семей башкирцев, об отсутствии толмача и бронника в остроге, о недостатке пороха и свинца и о некоем Андрее Липине, называющем себя атаманом казачьим.*

Государя царя и великого князя Алексея Михайловича всеа Великие и Малые и Белые Росии самодержца и государя благоверного царевича и великого князя Алексея Алексеевича всеа Великие и Малые и Белые Росии стольнику и воеводе Ивану Богдановичю, Ивану Степановичю Илья Бакшеев челом бьет. В нынешнем во 170-м году сентября в 9 день на великих государей бежали ис полону ис Калмаков в Катайской острог 8 семей татар з женами и з детьми и со скотом 38 человек, а сказали мне в судной избе: были де мы преж сего тюменские ясачные люди, а полонили де нас на Исете Кучюмовы внучата Аблай с товарыщи, а в полону де мы жили 27 лет; да с ними ж де бежали уфинских ясачных башкирцов 214 семей; а отошли де мы от Кучюмова внука от Девлеткирея Чювакова с Кучюмовыми ж внучаты з Бугайком Ишимовым и с племянником ево босм с Иртышу от Краснова яру; а у Девлеткирея де осталось воинских людей 200 человек; а Тобол де мы переехали выше Царева городища с теми ж с Кучюмовыми внучаты з Бугайком да с Чючюлеем да с Качюяром с Аблаевыми, и тут де мы от Кучюмовых внучат от Бугайка с товарыщи отбились, и он де Бугайко с товарыщи пошли вверх по Тоболу, а с ними де воинских людей 60; и мы де весть послали в Уфинской уезд в ясачные башкирцы, и уфинские де башкирцы за теми Кучюмовыми внучаты за Бугайкой с товарыщи пошли в погоню; а уфинские де ясачные башкирцы, кои де с нами выехали, поехали в Уфинской уезд к ясачным башкирцам. И я тех выходцов лутчих двух человек Тюмешка Аткулова да Кутуначка Купердина послал к вам на Верхотурье с катайскими з беломесными казаки с Ивашкой Елизаровым да с Трофимком Панкратьевым сентября в... день, а отписку велел подать им и явитца на Верхотурье в съезжей избе. А толмача в Катайском остроге нет, толмачить некому, а по-татарски говорить умеет катайской беломесной казак Тришко Панкратьев новокрещен, а без указу великих государей и без вашей верхотурской памяти не толмачит, потому что он служит рядовую службу с катайскими казаки; и вы о том как укажите. Да в Катайском остроге в государеве казне пороху и свинцу мало, для приходу калматцких воинских людей казаком давать нечево. Да в Катайском же остроге бронника нет, государева оружья и замков починивать некому; и преж сего о том к вам писано ж и ко мне от вас указу о том не бывало. Да в Катайском же остроге жывет Ондрей Липин, а сказываетца атаманом казачьим катайских беломесных казаков, а приходит ко мне в острог с большим невежеством и з шумом и на казаков мечется с ослопы, а называет себе их полчанами. а имени его у мене нет в наказе и в кликовом списке; и вы о том что укажите; а пашни заводит в Катайском, а Панкратьевской двор и хлеб называет своим, а роспаши земли; да у него ж Ондрея на Колмацком броду деревня и роспаши большие; да у него и Ондрея объявился конь сер, а явил мне в судной избе: взял де я того коня на степе; и вам бы про то было ведомо.

ААН, ф. 21, оп. 4, № 2, лл. 308 об. — 309 об., № 257.

ПРИМЕЧАНИЯ К ГЛАВАМ 6—9 „ИСТОРИИ СИБИРИ“

К главе шестой

§ 2. П. Н. Буцинский полагает (Заселение Сибири и быт первых ее насельников. Харьков, 1889, стр. 86), что в грамоте 1596 г. идет речь о построении стен острога; со ссылкой на документ из портфелей Миллера, № 45, тетрадь 5, — «Описание города Тюмени» — он сообщает, что город Тюмень вновь построен в 1622 г. *А*.

§ 4. О Кинырском городке в Тюменском уезде см. приложения №№ 339 и 352. Городок находился ниже Нижней Ницынской слободы, «против Елкиных юрт» (ААН, ф. 21, оп. 4, № 8, лл. 210 об. — 211 об., № 149). *А*.

§ 7. Бухарская колония в Сибири сложилась еще во времена Кучума; об этом говорит довольно достоверная легенда о прибытии при нем проповедников ислама из Бухары. Приток переселенцев из Бухары не прекращался и при московской власти (Сиб. прик., ст. № 134, л. 194; ibid., кн. № 1196, лл. 22—78; П. С. З., т. VI, № 1857). Бухарцы жили в Сибири в Тобольске, на Тюмени и Таре, упоминаются также в Томске и Кузнецке. В Тобольске в 1631—1632 г. их числилось 59 человек взрослых мужчин, а в 1636 г. — 44 чел.; в Тарском уезде в 1622—1623 гг. в трех юртах жили 21 бухарец; в 1672 г. на Таре насчитывалось 53 бухарских двора; довольно многочисленное бухарское население было и в Тюменском уезде, судя по отрывку переписи 1700 г. (Сиб. прик., ст. № 81, л. 60; ibid., кн. № 925, лл. 130—133; ibid., кн. № 1196, лл. 22—78). Главным занятием сибирских бухарцев была торговля. Они «в Тобольску и на Тюмени лавками и, отъезжая в сибирские города, русскими и бухарскими товары и мягкою рухлядью торгуют и в Колмаки для торгов же ездят». По официальной справке у тобольских бухарцев в торговле было товаров в 1632—1633 гг. на 3106 руб. 67½ коп., в 1633—1634 гг. — на 2738 руб. 75 коп. и в 1634—1635 гг. — на 1827 руб. 17½ коп.; в Тобольске им принадлежало 6 лавок (Сиб. прик., ст. № 81, лл. 35—49). Из калмыцких степей бухарцы вывозили преимущественно рабов («калмыцкой ясырь»), скот, лошадей; из Бухары бумажные материи. Довольно регулярно они ходили с караванами в Китай. С другой стороны, они ездили за Урал: в Казань, в Астрахань, в Поморские города и даже в Архангельск и вывозили оттуда в Сибирь «русские товары». Из Сибири на Русь и в Среднюю Азию бухарцы вывозили «сибирские товары»: пушнину, лосины и т. п. Бухарские купцы служили торговыми посредниками не только между Сибирью и рынками Московского государства и Средней Азии, но и между отдельными пунктами Сибири (о торговле сибирских бухарцев см. главным образом тарскую таможенную книгу 1657 — 1658 гг. — Сиб. прик., кн. № 313, ст. № 81, loc. cit.; Головачев. Томск в XVII в., стр. 143, 144; П. С. З., III, № 1474; Арсеньев. Статейный список посольства Спафария в Китай, стр. 106, 107, 109, 110; Дела китайского двора, кн. № 3, лл. 318, 372, 372 об., 414 об. и др.). Бухарцы, не имевшие собственной торговли, занимались земледелием в качестве захребетников у татар (Сиб. прик., ст. № 81, лл. 59, 60; ibid., ст. № 134, л. 194). В XVII в. возникает и сравнительно крупное бухарское землевладение, так как состоятельные бухарцы, на ряду с торговлей, заводят запашку

(Сиб. прик., ст. № 81, лл. 52, 54, 60; ibid., кн. № 1196, лл. 22—78, passim; ibid., кн. № 925, лл. 207 и сл.). Из среды сибирских бухарцев выходило магометанское духовенство Сибири; у Витзена есть известие, что бухарское духовенство в Тобольске содержало конфессиональную магометанскую («арабскую») школу (Witsen. Noord-en Oost Tartaryen, II, S. 754).

Русская администрация возлагала на бухарское купечество исполнение различных ответственных поручений финансового характера: таможенные службы в Тобольской таможне и на Обдорской и Киртасской заставах, участие в оценке казенной мягкой рухляди, прием «юровой рыбы» на «юровом плесе» (Сиб. прик., ст. № 60, л. 332; ibid., ст. № 81, л. 65; ibid., ст. № 134, лл. 194, 196; ibid., кн. № 11, л. 28; ibid., ст. № 94, л. 41, и др). Взамен сибирским бухарцам был предоставлен ряд льгот и привилегий. Они были освобождены от тягла и оброков; в 1644 г. особой грамотой им было обеспечено содействие властей и неподсудность при торговых поездках на Русь. С них была снята ямская повинность. Их права были закреплены жалованными грамотами 1644, 1669 и 1686 гг. Только при Петре I привилегии эти стали подвергаться сокращениям, хотя еще во времена Миллера бухарцы продолжают пользоваться некоторыми льготами. *Б.*

§ 9. Одновременно с Тюменью ямские слободы возникли в других сибирских городах. Так, Туринская ямская слобода была построена в 1600 г. (История Сибири, I, стр. 307, 308, 392; Буцинский, Заселение Сибири... , стр. 63, 65, 67, 68), на Верхотурье — вероятно, еще ранее того, в 1598 г. (см. грамоту на Верхотурье 29 января 1603 г. в ЛОИИ, не вошедшую в печатную опись грамот до 1613 г., хранящихся в ЛОИИ, весьма любопытную бытовыми подробностями о верхотурских ямских охотниках). В 1624 г. ямская гоньба в Тюмени была возложена на захребетных татар и детей служилых татар, которым стали выдавать жалованье ямских охотников; но уже в следующем 1625 г. татарский голова Неудача Молчанов говорил в тюменской съезжей избе, что «тюменские служилые и захребетные татаровя от ямской гоньбы скорбят», а вскоре затем сами служилые татары подали челобитную, прося отставить их братьев и племянников от ямской гоньбы и переложить ее на ясашных татар Ленской волости; тобольский воевода кн. Сулешов удовлетворил просьбу тюменских служилых татар и «поддал» в ямскую гоньбу Ленскую волость, сложив с той волости ясачный хлеб. По сообщению прикащика Нижней Ницынской слободы Бориса Толбузина, от тяжести ямской гоньбы татары Обуховых юрт и Ленской волости хотели в том же 1625 г. отъехать в степь и просили освободить их от ямской гоньбы; государева грамота 13 октября 1625 г. предписывала тобольским воеводам вызвать в Тобольск трех-четырех захребетных гонебных татар Ленской волости и уговаривать их, чтоб «они ямскую гоньбу гоняли по тому, как устроил у них тое гоньбу боярин... Сулешов» (ГАФКЭ, Сиб. прик, кн. 6, лл. 237—242, 275 об., 426, 429—432 об.). О дальнейшей истории ямской гоньбы в Тюменском уезде см. РИБ, VIII, стб. 588—596, 630—653; Буцинский, Заселение Сибири..., стр. 88—91; «Строельная книга Тюменского яма 138 г.» (Сиб. прик., кн. 21, напечатанная в сборнике «Тюмень в XVII в.», М., 1903, стр. 68—87). *А.*

§ 11. Дата приложения № 89 установлена на основании «Списков городовых воевод» А. Барсукова, стр. 41, 253. *А.*

§ 13. В государевой грамоте, полученной в Туринске 28 марта 1603 г., было указано, что «велено перевести в Туринской острог для... государевы пашни с Пелыми пермич 20 человек, а с Тары лаишовских и тетюшских веденцов 25 человек и с жены и с детьми и со всеми животы, посланных в Тару в 108-м году»; их приказано было «устроити и на пашню им земли и сенных покосов и всяких угодей дати... против туринских крестьян». 14 мая прибыли из Пелыма с сыном боярским Петром Албычевым 15 человек, «а приволоклись... голодны, а скотинишь-

ка... лошаденка и коровенка пометали на лесу» (ЛОИИ, по описи 1929 г. № 90). На Таре в это время было всего 63 человека пашенных крестьян; кроме отправляемых в Туринск, остальные 38 человек были ссыльные из Москвы, «и у тех... крестьян лошади на Таре падут ежелет и пашню пашут худо, а кормят тех крестьян из (государевых) житниц» (ГАФКЭ, Сиб. прик., кн. 11, лл. 79—80). О дальнейших мерах к заведению государевой пашни в Туринске см. Буцинский, Заселение Сибири..., стр. 64, 65. Государева пашня на Таре была заведена, вероятно, вскоре же по основании города; в 1600 г. число пашенных крестьян было увеличено несколькими ссыльными: среди них было трое «латышей» и семья беглого крестьянина (ГАФКЭ, Сиб. прик., кн. 11, л. 68). О государевой пашне на Таре и Пелыме, см. также Буцинский, Заселение Сибири..., стр. 151—157, 164, 165. — Кроме сообщения Миллера, о Качаловых в Сибири известий нет; не смешал ли Миллер Качаловых с Качановыми, из числа которых Иван Родионович Качанов — тобольский и московский дворянин в конце XVII в., а Федор Родионович Качанов — илимский воевода. *А.*

§ 15. О Покровском туринском монастыре см. В. Зверинский, Материал для историко-топографических исследований о православных монастырях, III, СПб., 1897, № 1898. *А.*

§ 16. О верхотурских монастырях см. Буцинский, Заселение Сибири..., стр. 21, 23, 35, 41 и 43; упоминаемые им грамоты начала XVII в. (из портфелей Миллера, № 184) о Никольском верхотурском монастыре следующие: 1) 21 февраля 1604 г. о выдаче леса черному попу Ионе на церковное и монастырское строение (напечатана с неверной датой в АИ, II, № 48); 2) не ранее 17 декабря 1604 г. отписка верхотурского воеводы И. С. Плещеева об отпуске в Москву черного попа Ионы для челобитья о монастырском и церковном строении и 3) грамота 18 марта 1605 г. о невзыскании с черного попа Ионы выданных ему воска и гвоздей и о выдаче ему и дьячку денежного жалованья. *А.*

§ 18. Соответствующие грамоты в Пермь от 27 февраля и 25 июня 1607 г. см. в АИ, II, стр. 101—103 и 111—113, №№ 76 и 82, с приложением «Росписи Верхотурского города с ясачных книг прошлого 114-го году как имали государев ясак с ясачных вогулич, по окладу, с человека по 5-ти соболей». См. также челобитные 1617 г. (пять) Чердынского уезда сылвенских и иренских татар на сылвенских и иренских целовальников и судное дело о них в ЛОИИ (Верхотурские акты, кор. 1, тетрадь 32). *А.*

§ 19. О заселении Тагила, Мулгая, Невьи (Нейвы) и Режи с притоками см. Буцинский, Заселение Сибири..., стр. 28, 29, 34—40. *А.*

§ 21. Тобольские отписки 1600 г., приложенные к этому параграфу, датированы Миллером на основании помет о получении их, сделанных в Пелыме; такие пометы имеются на всех подлинных отписках 1600 г., сохранившихся в портфеле № 478, I; в копийной книге эти пометы не приведены. *А.*

§ 22. О промысле на реке Пегле см. также грамоты: 1) 29 ноября 1602 г. о выдаче жалованья Ворошилке за службу на реке Пегле, 2) 3 марта 1604 г. о предписании Ворошилке наблюдать за работными людьми, чтобы они не играли в зернь, и о наказании виновных (ЛОИИ, опись 1929 г., №№ 63 и 156, а также приложения №№ 42, 43, 45, 47, 52) и 3) 22 октября 1605 г. (собрание б. ИКДП (Н. П. Лихачева) в том же ЛОИИ) о производстве сыска над соловаром Ворошилкой (два ставa); ср. также «Историю Сибири», I, стр. 94. *А.*

§ 24. Земледелие у вогулов на р. Тавде существовало еще до завоевания Пелымского княжества московским царизмом. Ермак, по известию Ремезовской летописи, собирал по Тавде «хлеб за ясак» (Сиб. летописи, стр. 326). Еще за 40—50 лет до основания Пелымского города (1593 г.) табаринские вогулы, по их словам, «пашнишки пахали... на себя» (ГАФКЭ, портфели Миллера, № 478, I,

№ 2). В XVII в. «пашенные табаринские вогуличи» должны были пахать пашню «на государя». В 20-х годах их числилось 70 — 75 человек; они высевали «на государя» 40 четвертей ржи и 80 четвертей овса (ГАФКЭ, Сиб. прик., кн. № 5, л. 310 и 310 об., ibid., ст. № 37, л. 216; портфели Миллера, № 478, I, №№ 2 и 3). Техника земледелия была невысокая, пахали «взгоном» — «полосами, а не десятинами», «не смежно». По данным, напечатанным в «Летописи Историко-родословного общества», 1913, вып. 3 (35), стр. 63 — 65 — в статье С. В. Любимова, «Князья Пелымские», сын Аблегирима, князь Учот (христианское имя Александр) умер на Верхотурье. Его сын Андрей Александрович жил на Пелыме и был поверстан государевым жалованьем; он умер в 1631 — 1632 гг., оставив вдову Афросинью Сергеевну и сына Семена. Последний с 1644 г. был пелымским сыном боярским, позже был верхотурским сыном боярским; в 1661 — 1662 гг. он упоминается, как приказчик на Нейве, умер в 1665 — 1666 гг. У него был сын Петр, верхотурский сын боярский, умер в 1694—1695 гг. В 1698—1699 гг. в числе детей боярских на Верхотурье были сыновья Петра, князья Степан и Яков Пелымские (они жили еще в 1709 г.); в 1737 г. сын князя Якова, Иван Яковлевич, был определен в сибирские дворяне, в 1752 г. он перешел на службу в Тобольск, в 1759 г. — красноярский воевода, в 1763 г. произведен в поручики и в 1764 г. — в титулярные советники; его брат, князь Василий Яковлевич, тоже сибирский дворянин, принят был на службу в 1764 г. С их смертью прекратился род князей Пелымских. *Б.*

§ 25. «Описание народов Сибири» — труд Миллера, часть которого сохранилась в рукописи ГАФКЭ, № 763. *А.*

§ 26. Упоминаемая здесь рукопись отмечена в «Каталоге» П. Соколова (1818 г.) на стр. 41, но в настоящее время в отделе рукописной книги Библиотеки Академии Наук считается утерянной. *А.*

§ 29. Основание Табаринской слободы относится не к 1621 г., а к 1608 — 1609 гг. (Акты врем. правл. царя Василия Шуйского, стр. 71, 72; Буцинский, Заселение Сибири..., стр. 166). В дополнение к известиям о Пелыме в первые годы XVII в. (ср. «Историю Сибири», т. I, стр. 372) см. отписку в Москву 1607—1608 гг. тюменских воевод Ивана Годунова и Петра Загряского о произведенной ими «городовой поделке» (Акты врем. правл. царя Василия Шуйского, стр. 60, 70, — по черновику из портфелей Миллера, № 478, I, № 36). *А.*

§ 30. Вероятно, первый пожар, во время которого сгорела в Тобольске приказная изба и хранившиеся в ней «всякие государевы дела и казенные и ясашные книги и десятинные и пошлинные книги», произошел в ночь на Рождество 1598 г. (ГАФКЭ, Сиб. прик., кн. 2, л. 190 и 190 об.). Этим объясняется, конечно, что наиболее ранним документом тобольского архива в 1626 г. оказался наказ 1599 г. преемнику воеводы Ефима Бутурлина, при котором произошел пожар, воеводе князю Семену Сабурову (ibid., кн. 2, лл. 76—203), а в копийной книге тобольских грамот 1613—1626 гг. (ныне это кн. 6 Сиб. прик.), составленной в Тобольске в 1626 г. по распоряжению Москвы и заменившей отчасти в приказе Казанского дворца погибшие в московский пожар 1626 г. сибирские дела, самые ранние грамоты относятся к 20-м годам XVII в. Года через два после отсылки в Москву этой копийной книги, именно 9 декабря 1628 г. (ГАФКЭ, Сиб. прик., ст. 16, л. 350), в Тобольске произошел новый пожар в съезжей избе, когда погибли подлинники всех тех дел, часть которых в заверенных копиях была послана до того в Москву (ср. «Роспись делам, сгоревшим в 136-м году в Тобольской съезжей избе» — ГАФКЭ, Сиб. прик., ст. 158, лл. 121—243). Так, уже к началу 30-х годов XVII в. на месте не оказалось никаких дел ранее этого времени, а сохранившиеся в копийных книгах

1626—1627 гг., известных ныне под названием книг №№ 2, 3, 6, 7 и 8 в фонде Сибирского приказа в ГАФКЭ, составляют только незначительную часть того тобольского архива, который в 1627—1628 гг. был на месте. Эти копийные книги были неизвестны Миллеру, когда он писал свою «Историю Сибири», а имеющаяся в одном из его портфелей (№ 542) аналогичного происхождения копийная книга (Переписка 1616—1624 гг. о путях сообщения из Мангазеи на Русь), поступила в распоряжение Миллера значительно позднее, в 1766 г., когда он получил доступ в архив Сибирского приказа, но материалы его уже не использовал для «Истории Сибири». В последующие годы XVII в. тобольский архив неоднократно подвергался пожарам (ср. в ДРВ, III, стр. 167, 169), и ко времени работы в нем Миллера (в 1734 и 1740 гг.) лишился очень многих дел и книг за время с 1629 г. Списки тобольских воевод (первых и вторых). дьяков и письменных голов см. в трудах Газенвинкеля и Барсукова. В упомянутой выше кн. 2 Сиб. прик. сохранились наказы следующим тобольским воеводам: 1) не ранее 11 февраля 1599 г. окольничему Семену Сабурову с товарищами (лл. 76—203, без начала), 2) 11 февраля 1601 г. Федору Шереметеву с товарищами (лл. 1—38 об.) и 3) 19 февраля 1608 г. окольничему Михаилу Салтыкову с товарищами (лл. 39—75 об.). Как все тобольские грамоты до 1629 г., эти наказы надлежало бы издать, так как в них много ценных данных для истории Сибири того периода, от которого сохранилось очень мало документальных известий. *А.*

О роли воевод Тобольского разряда, как возглавлявших всю администрацию в Западной и отчасти в Восточной Сибири, см. С. В. Бахрушин, «Воеводы Тобольского разряда» (Уч. зап. ИИ РАНИОНа, т. II, М., 1927). На тобольское воеводство, как общее правило, направлялись наиболее видные представители боярства из высших придворных чинов (с 1613 г. до конца XVII в. из 30 тобольских воевод было 16 бояр, 9 стольников, 1 кравчий), в частности, родственники царствующего государя, например, при Борисе Годунове — его «сродич» С. Ф. Сабуров, при Романовых — Салтыковы, кн. Ю. Я. Сулешев, женатый на одной из Салтыковых, Шереметев, кн. Ив. Б. Репнин, кн. Андрей и Алексей Андреевичи Голицыны, кн. М. Я. Черкаский, кн. П. С. Прозоровский, А. Ф. Нарышкин. Назначение на Тобольское воеводство служило также благовидным способом устранения из Москвы неудобных почему-либо при дворе вельмож, в первую очередь лиц, находившихся в родстве с династиями, устраненными от престола, или с кандидатами на него: при Годунове — Ф. И. Шереметев, при Шуйском — кн. Р. Ф. Троекуров, кн. Ив. М. Катырев-Ростовский (все трое родственники Романова); после падения Василия Шуйского — его свояк кравчий кн. И. П. Буйносов-Ростовский, при Романовых — М. И. и П. П. Годуновы и их родственник кн. Ф. А. Телятевский; вообще лица, казавшиеся неблагонадежными: после избрания царя Михаила — сторонники королевича Владислава: кн. И. С. Куракин (позже его брат кн. Г. С. Куракин), кн. Д. Т. Трубецкой и др. *Б.*

§ 31. О построении церквей в Тобольске см. ДРВ, III, стр. 107, 108, 116, 117; «Сибирский летописец», стр. 13; грамоту на Тюмень от 29 февраля 1600 г. воеводе Л. Щербатову о построении на Тюмени нового храма Рождества богородицы и о посылке туда церковного строения, черного попа, дьячка и антиминса, «да в Тоболеск на два престола два антиминса» (ГАФКЭ, портфели Миллера, № 184, I, № 1, и ААН, ф. 21, оп. 4, № 8, лл. 9—10 об., №№ 7 и 8). Туринской грамоты 1601—1602 гг. отыскать не удалось. *А.*

§ 33. Как видно из грамот 1634 г. (ААН, ф. 21, оп. 4, № 6, лл. 15 об. — 18, № 248; ibid., № 21, лл. 177—179 об., № 70; ibid., № 22, стр. 209—213, № 74), городовые печати в другие сибирские города (Туринск, Енисейск и др.) были посланы в этом году; до того воеводы печатали отписки, соболиную и иную мягкую рухлядь своими личными печатями. Вероятно,

к 1634 г. надо относить напечатанную в АИ, IV, стр. 246—247, № 104, роспись печатям сибирских городов с описанием изображений на них. *А.*

§ 34. Князю Игичею Алачеву в конце XVI в. была пожалована волость Лепа на Выми (РИБ, II, № 68; ibid., XXIII, стр. 214). После его смерти Лена перешла к его вдове княгине Анастасии и сыну князю Петру. После них Лена вышла из рода Алачевых и вновь была пожалована в 1646 г. князю Дмитрию Михайловичу Алачеву, внуку Игичея, когда он уже перестал быть владетельным князем Коды. Кроме церкви Троицы, в Коде была другая церковь в честь «соловецких угодников» (Сиб. прик., кн. № 6, лл. 415 об., 416; ibid., ст. № 27, л. 46). О внутреннем убранстве Троицкой церкви и о библиотеке богослужебных книг при ней см. Сиб. прик., ст. № 134, лл. 20—25. Она служила также местом склада оружия (Сиб. прик., ст. № 476). Историю возникшего в 1657 г. на ее месте Троицкого Кондинского монастыря см. Н. Головин, «Кондинский троицкий монастырь» (в Календаре Тобольской губернии за 1892 г.). *Б.*

§ 35. См. «Историю Сибири», I, стр. 67. О путях через Камень и о заставах Обдорской, Собской и Кыртасской см. С. В. Бахрушин, «Очерки по истории колонизации Сибири в XVI и XVII вв.», М., 1928, стр. 61 — 80. *А.*

Запрещение ездить в Сибирь и обратно «кроме Верхотурья иными дорогами» было установлено в 1704 г.; в связи с этим закрыт был путь «чрез Березов и Обскую заставу» (Памятники сибирской истории XVIII в., т. II, СПб., 1885, стр. 368). Вторично запрещение было подтверждено указом 27 мая 1722 г. (ibid., № 80; ср. № 86). *Б.*

§ 40. Березов был (в те годы, когда писал Миллер) местом ссылки Меньшикова, Долгоруких, Остермана. О месте заключения их в самом Березове современник Миллера, акад. Николай Делиль, посетивший Березов в 1740 г., сообщает, однако, иные данные (см. П. Пекарский, «Путешествие акад. Николая Иосифа Делиля в Березов в 1740 году. Со снимками видов Березова, рисованных в 1740 г.» Зап. Акад. Наук, прилож. к т. VI, СПб., 1865). *А.*

§ 41. О приписке всех остяцких волостей, от устья Иртыша и вниз по Оби почти до самого Березова, к Тобольскому уезду не находим сведений в современных документах; вероятно, сообщение Миллера основано на том, что в составе Тобольского уезда было несколько остяцких волостей: Назым, Нарым, Цынга, три волости на р. Демьянке, Малая Конда на нижнем течении Конды, половина Белогорской вол. (другая половина в Сургутском уезде) и др. Об остяцких волостях Березовского и Сургутского уездов см. у С. В. Бахрушина, «Остяцкие и вогульские княжества», стр. 6—8. *А.*

§ 42. О внешнем виде Мангазеи в 1625—1626 гг. см. росписной список этого года, напечатанный в РИБ, II, стб. 430—433, № 135. О подготовке к «мангазейскому ходу» 1603 г. см. также грамоту 15 ноября 1602 г. в АИ, II, стр. 411—412, № 345. *А.*

§ 43. Здесь впервые Миллер, помимо документов мангазейского архива, в котором он работал в июне—июле 1739 г., ссылается на «Экстракт из мангазейских ясачных книг», который, по его поручению, был составлен кем-то из сопровождавших его студентов. Из «Экстракта» видно, что в то время в мангазейском архиве хранились ясачные книги с 1607—1608 гг. Как известно, в архиве Сибирского приказа ясачные книги Мангазейского уезда имеются только с 1626 г. (Оглоблин, Обозрение столбцов и книг Сибирского приказа, I, стр. 325). Не являясь подлинным документом, а только обработкой тех данных, которые составитель «Экстракта» нашел в ясачных книгах, в виду исключительной ценности заключающихся в нем сведений о народах Мангазейского уезда за 1607—1625 гг., «Экстракт» будет напечатан в приложениях к одному из следующих томов. *А.*

§ 50. Как указано в приложении № 116, здесь говорится о «немчине Савве Франчуженине» (француженине).

В своих речах «немецким письмом», написанных в 1638 г., Савва сообщает следующие биографические сведения о себе. Он прибыл в Москву в качестве «посланника из Голландии от графа Мориса» (envoyé du païs de Hollande de la part du comte Morice).[1] «Грамоты, привезенные мною, — прибавляет он, — находятся в Посольском приказе (et lettres, que je portés sont á la chambre des Ambassadures) (Сиб. прик., ст. 571). В другой челобитной он пишет, что «прислан в посольстве из Боробаньские земли (Брабанта) от князя Макрика, а в другоряд от князя Фирмаркуне да от князя Руляка Французские земли» (там же). В первом случае дело идет о принце Морице Оранском (1567—1625), бывшем с 1585 г. штатгальтером Голландии и Зеландии. Труднее определить князей Фирмаркуне и Руляка. В Москве Савва был крещен по русскому обряду ростовским митрополитом и тогда получил то имя, которое носит в документе (Le métropole Rostosqui m'a baptisé et donné le nom de Sada). По причине, нам неизвестной, крещеный француз был в мае 1615 г. сослан в Сибирь (ГАФКЭ, портфели Миллера, № 541, л. 14). Установить время и повод приезда Саввы в Москву на основании этих данных не представляется возможным. Очевидно, он прибыл в Москву до сентября 1610 г., так как с отъездом Филарета с великим посольством к Сигизмунду и до возвращения его по Поляновскому перемирию, ростовского митрополита в Московском государстве не было. Между тем первое официальное посольство Голландских штатов в Россию относится к 1616 г.; однако по частным делам переписка между обеими странами происходила с 90-х годов XVI в. (см. «Сборник Русского исторического общества», CXVI, стр. CCCXI и CCCXV, грамоты Штатов от 5 ноября 1591 г. и от 21 сентября 1593 г.). Первое официальное посольство из Франции имело место в 1629 г., но есть сведения о дипломатических сношениях с Францией еще в царствование Федора Ивановича (там же, примеч. к стр. LXVII, LXVIII).

В Сибири Савва был записан в службу с званием тобольского сына боярского и с высоким окладом в 17 руб. в год (Сиб. прик., кн. № 14, л. 78 об.). Он исполнил ряд административных поручений: в 1617 — 1618 гг., в качестве приказщика Успенского монастыря, заведывал заселением пустопорожних монастырских земель, в 1622—1623 гг. дозирал Тобольский уезд, в 1628—1629 гг. собирал ясак с Кодских волостей, ходил во главе отряда на Ямыш-озеро «по соль», собирал в 1637 г. пятину и оброк в Тобольском уезде и т. д. (Сиб. прик., ст. №№ 27, 571; РИБ., VIII, стб. 339; Оглоблин, Обозрение столбцов и книг Сибирского приказа, т. I, стр. 301, 303).

Савва «француженин» и в Сибири сохранял черты француза; он не говорил по-русски («Je ne sé le language de Russie», говорит он про себя); его челобитные писались «propia manu» по-французски — «немецким письмом». Хотя он был и не особенно грамотен и по-французски, писал с орфографическими ошибками, но все-таки выделялся своими знаниями среди прочих служилых людей. Ему казалось поэтому, что его таланты не находят себе достаточного применения на его новой родине. Тобольскому воеводе князю М. М. Темкину-Ростовскому он заявил раз в съезжей избе: «где я родился, и ту руда серебрена и медная и оловеная, и то мне дело за обычай; пожалуй меня отпусти к железной руде в Верхотурский уезд, а я государю прибыль учиню, и государь тебя пожалует». Темкин-Ростовский ответил ему грубым отказом: «государь потерял казну под Смоленском, немцам... (он прибавил ругательство) роздал, а после того в медной руде потерял казну немцам же, а я так терять не хочу!» и прогнал его. Это столкно-

[1] Сохраняется орфография (здесь и дальше) подлинника со всеми ошибками.

венис привело к открытому конфликту между воеводой и ссыльным «француженином». 30 ноября 1637 г. Савва, привлеченный к суду по долговому иску, объявил за собой «государево слово» на князя Михаила. «Государево дело» было изложено им в челобитной «немецким письмом», от которой сохранился только перевод; он возводил на князя Темкина-Ростовского «государево дело», выразившееся в вышеприведенных неуважительных к личности государя словах, и в том, что он «вором норовит и управы не чинит». С своей стороны, воевода поднял против Саввы тобольских служилых людей, недоброжелательно относившихся к ссыльным иностранцам, и даже татар и бухарцев, велел их «забить» в город и потребовал, чтобы доносчик был подвергнут допросу «перед всема людьми». Служилые люди с шумом поддерживали своего начальника, раздавались голоса, что «они убьют его (Савву) каменьем», а иные говорили: «с яру в Иртыш!» Дело кончилось тем, что Темкин-Ростовский добился представления «составной» «смутной» челобитной «ото всего Тобольского города от всяких чинов» о том, что они не ведают за ним никакого государева дела. Сторону Саввы «француженина» приняли товарищи М. М. Темкина-Ростовского, враждовавшие с ним, младший воевода Волынский и дьяки, которые, повидимому, хотели использовать выступление «немца» в своих интересах. Темкин-Ростовский тогда демонстративно отказался ходить в съезжую избу впредь до своего полного оправдания. Посредником выступил архиепископ Нектарий. При его содействии в соборе «св. Софии» произошло публичное примирение между воеводой и ссыльным французом: после царского молебна Нектарий, призвав к кресту воевод и знаменского архимандрита, при всем «соборе» (т. е. духовенстве) князю Михаилу за Савву «француженина» бил челом и вслух говорил, чтоб он его простил и вперед ему не мстил, а Савва перед всем собором князю Михаилу кланялся, и князь Михаил против того слова архиепископу сказал, что он Савву простил и велел освободить его из-за пристава. Впоследствии Савва жаловался, что Нектарий добился от него отказа от извета угрозами и насилием: «il m'a prié, que je ne dois rien parler et a fait écrire une suplication et m'a fait mestre par force mon nom et ma propre main par force et m'a dit: «Si tu ne metras en ces lettres ton nom avec ta propre main, tu sera incontinuant tué"» («он просил меня ничего не говорить и велел написать челобитную и заставил меня насильно поставить на ней мое имя и насильно приложить мою руку и сказал мне: „если ты не приложишь собственноручно к этому письму своего имени, то ты непременно будешь убит!"). Савва затаил мщение и против князя Темкина-Ростовского и против Нектария. 9 июля 1638 г. он был снова арестован архиепископским сыном боярским, который повел его, чтобы отдать на поруки, но он вырвался и с криком, что «бьют и режут за твое государево дело», вбежав в съезжую избу, объявил за собой «государево дело» уже на архиепископа Нектария. В написанной на французском языке челобитной он просил вызвать его на Москву, «чтоб мне рассказать твоему царскому величеству злые неправды» (как гласил перевод, сделанный на русский язык) как кн. Темкина-Ростовского, так и Нектария. Испуганный Нектарий обратился в Москву за поддержкой. По указу из Москвы, последовавшему осенью 1638 г., Савва «француженин» был бит батогами, посажен на неделю в тюрьму и сослан из Тобольска на службу в Кузнецкий острог, где и занял попрежнему видное служебное положение (Сведения о Савве «француженине» см. Сиб. прик., ст. № 571). *Б.*

§ 51. Подробное описание морского пути из Архангельска в Мангазею см. у С. В. Бахрушина, «Очерки по истории колонизации Сибири», стр. 80—85. *Б.*

§ 53. О закрытии морского пути в Мангазею см. у С. В. Бахрушина, «Очерки по истории колонизации Сибири», стр. 85—87, 114—123. Переписку 1616—1624 гг. о запрещении ездить в Мангазею морским путем см. в РИБ. II,

стб. 1049—1095, № 254 (до июня 1624 г.), окончание переписки 1616—1624 гг. — грамоту 30 июня 1624 г. — см. в ГАФКЭ, Сиб. прик., кн. 6, лл. 177 об. — 183 (о разрешении торговым людям ездить с Руси в Мангазею и обратно по тем дорогам, «где будет прибыльнее казне», и о запрещении попрежнему ездить морским путем, см. приложение № 221; переписку о том же 1626—1627 гг. см. в РИБ, VIII, стб. 363—376 (отписки тобольских воевод). Излагаемая в отписке 13 августа 1626 г. (стб. 366—371) государева грамота 9 апреля 1626 г. сохранилась в кн. 6 Сиб. прик., лл. 464—472 об. Текст переписки, напечатанной в РИБ, II, № 254, взят из копийной книги, присланной в Казанский дворец из Тобольска (книга скреплена тобольским дьяком Степаном Угодским) после московского пожара 1626 г.; книга хранится ныне в ГАФКЭ (портфели Миллера, № 542); ее описание дано в легенде к № 254, под которым напечатана вся книга (РИБ, II). В РИБ, II, имеется два пропуска: один из них оговорен в примечании, другой не отмечен: в издании не напечатан список с грамоты тобольским воеводам М. М. Годунову с товарищами от 18 сентября 1622 (лл. 50—54), которая содержит в себе часть грамоты 24 апреля 1620 г. (о посылке заставы на реки Мутную и Зеленую) и, кроме того, выговор воеводе за неприсылку ответа на грамоту и приказание его прислать. *А.*

§ 55. Табынцы и сырьянцы — башкирские племена. В XVII—XVIII вв. были следующие табынские волости в Башкирии: в Ногайской «дороге» — Дуван-Табынская, Емуран-Табынская, Калчир-Табынская, Киси-Табынская, Кубеляк-Табынская, Кумрук-Табынская, Курпеч-Табынская (между Уфой и Катайским острогом); в Сибирской «дороге» — Кара-Табынская (по реке Миясу) и Барын-Табынская (там же); в Казанской дороге — Курпеч-Табынская; упоминается также Табынская волость по реке Ику. Сырьянские (транскрибируются разно: Сипрянская, Сингрянская и т. п.) волости в Башкирии были в дорогах Ногайской, Сибирской и Казанской (по реке Ику). См. указатель к «Материалам по истории Башкирской АССР», вып. 1, Лгр., 1936. *Б.*

§ 60. Бухарский город Шавран—Савран, упоминаемый в грамоте 1 января 1597 г. (Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР. Лгр., 1933, стр. 298). «Бака царь, Абле царю бухарскому брат», который «сидит» в Бухарской земле, это — хан Баки-Мухамед (1599—1605). Абла (Обла — в грамоте 1597 г.), повидимому, Абдаллах II (1583 — 1598). Но текст грамоты 1 января 1597 г. позволяет по-иному, чем у Миллера, толковать поведение Каная: Канай не поехал потому, что имел перед собой пример отца, которого, «заманив в Колмаки» (а не из Калмацкой земли), там убили. Канай не хочет ехать потому, что там многих нагайских мурз, заманив обманом, также убили. Ср. толкование этого известия в примеч. к § 86 гл. 4 «Истории Сибири», I, стр. 502. *А.*

§ 70. В эти годы лишь небольшая часть калмыков поддерживала Кучумовых царевичей. После поражения Кучума в 1598 г. и гибели его в «Колмаках» (История Сибири, I, стр. 502), Кучумовы дети — Алей царевич с братьями — стали ссылаться с калмыками, стараясь породниться с ними и заключить договор против русских. В январе 1607 г. к калмыцким тайшам было отправлено с Тары посольство призывать их к шерти; в июне того же года на Тару приехал тайша Кугонай с 20 калмыками в качестве посланников от тайш Баатыря и Ичинея, прося принять их под царскую руку и разрешить кочевать в верховьях Иртыша, у Соленого озера, и выражая готовность платить ясак конями, верблюдами или коровами. Кугонай шертовал за себя и за 49 тайш и их улусных людей, «да с ними же кочуют тайши, 45 человек, и теми де. . . тайшами владеют они ж тайша Баатырь с товарищи» (под последними он разумел Баатыря Яныщева, Ичинея Уртуева, себя — Кугоная Турбеева, Ужена Конаева и Юрикту Конаева). Число улусных людей, по его словам, достигало 120 тысяч человек («12 санов да в сану по 10-ти тысяч

человек»). Он не шертовал, однако, за тайш Урлюка и Курсугана, которые откочевали от прочих уже три года и находились в верховьях Иртыша. Посланные с Кугопаем литвин Богдан Байкачев с товарищами вернулись на Тару 21 сентября того же года в сопровождении нового посольства от тех же калмыцких тайш, которые на этот раз просили разрешить им кочевать «вверх по Иртышу, к соляным озерам, и по Камышлову, и от Алтына царя и от Казацкие орды... оберегати», выражая попрежнему готовность платить ясак верблюдами, лошадьми, коровами и овцами; с калмыцкими посланниками прибыло 90 калмыков, последние пригнали 550 лошадей, которых они продавали на Таре «на платье и на деньги и на бумагу пищую». Калмыцкие послы Арлай с товарищами были отправлены затем, по их просьбе, в Москву. До возвращения послов калмыцкие тайши и их люди воздержались от шертования, отпустив, однако, «без окупу и без омена» взятый ими в прежнее время полон. Между тем в том же 1607 г. царевичи понесли поражение от тюменских служилых людей (гл. VI, § 73), причем были взяты в полон жена и дети Алея; с того погрома сам Алей побежал в Ногаи, Азим — в Казахскую орду, а Ишим — в Калмыки, к тестю своему Урлюку, который вместе с тайшей Курсуганом и их улусами кочевали в 3 днях пути от Тары «по сю сторону Камышлова, к Колмаку озеру», отнимая у ясачных татар рыбные ловли и «звериную добычу». В виду такого положения тарские воеводы разрешили Ичинею и Батырю с их людьми кочевать на реке Оми, калмыки прикочевали туда и находились от Тары в 4 днях, «а в судех Иртышом 10 ден». Между тем Арлай с товарищами изложили в Москве просьбу своих тайш, приведенную выше, дополнив ее указанием на необходимость поставить на Оми город для оберегания их от Алтына царя и просьбой вернуть полон, взятый в 1606 г. и находящийся ныне в Тобольске и на Таре. Послы получили подарки для себя и для всех 44 тайш, от имени которых они приехали, и были отпущены обратно, а тарским воеводам было предписано отправить вместе с послами служилых и волостных людей, которым бы калмыки верили, для приглашения лучших тайш на Тару для жалованья и шерти, а остальным тайшам и всем улусным людям ехать для того же на Омь или на Камышлов. «К Соленому озеру или на Омь-реку» предварительно должны быть посланы головы Алексей Поленов и Богдан Байкач с татарами и ратными людьми для построения острожка; при шертовании следует записывать имена калмыцких тайш и улусных людей, раздавая им однорядки, шапки и сукна «и поить и кормить... их довольно», но вместе с тем «от них оберегатца, чтобы над ними (головами) и над нашими людьми какого дурна не учинили»; те же предосторожности следовало соблюдать и в отношении лучших калмыков, которые приедут на Тару: обнадеживая их государевым жалованьем, сообщить им о разрешении кочевать «в Сибирской земле по Иртышу и на Оми и по Камышлову и иных местех, где похотят», обещать им защиту от их недругов: «от Казацкие орды и от нагай и от Алтына царя» при условии, если они будут служить и «прямить во всем навеки неподвижно»; «а ясак с них взяти... лошедьми по их воли, сколько они дадут», и, наконец, звать лучших тайш ехать в Москву. В случае же, если калмыки «не поверят и к... великому государю ехать не похотят», предлагалось дать им для веры «закладных людей». Одновременно воеводы должны были отправить посольство также к тайшам Урлюку и Курсугану, предлагая им то же, что и прочим, лишь бы они согласились шертовать и дали бы «заклады» в город Тару. В случае их отказа посылать против них ратных людей было запрещено, «докуды большие калмыцкие тайши Ичиней да Баатырь с товарищи в (государевом) жалованье укрепятца». Разрешено было также калмыкам, принесшим шерть, приходить «з базаром, с лошадьми» на Тару и торговать беспошлинно за острогом с русскими служилыми людьми, «на сукна и на бумагу пищую... лошеди меняти»; собранных в ясак лошадей предписано отсылать в Москву (ГАФКЭ, Сиб. прик.,

кн. 11, лл. 94, 95 об., 101, 102, 114—121 об. Ср. «Историю Сибири», I. стр. 317, 420—427). В приложенном к параграфу документе, вопреки сказанному в тексте, не говорится о том, что русские взяли в плен самого Алея. *А.*

§ 76. См. также отписку не ранее 12 сентября 1608 г. в «Актах врем. правл. царя Василия Шуйского», стр. 68, № 56. О сношениях с ногайцами в 1606—1609 гг. см. ibid., стр. 156—235. *А.*

§ 77. В волости «городок Демьян» Тобольского уезда в числе лучших ясачных людей упоминаются в первой четверти XVII в. сыновья Бояра Оксеит и Кармышак, позже его внуки Семейка и Ромотам Кармышаковы (в 30-х и 40-х годах). На карте Березовского уезда Ремезова отмечены «Бояровы юрты» (ГАФКЭ, Сиб. прик. кн. № 2, л. 142 об.; ibid., кн. № 19, л. 37; ibid., ст. № 488, л. 417; В. И. Шунков, Ясачные люди Зап. Сибири XVII в. в журн. «Советская Азия», 1930, № 3—4, стр. 89, 191). *Б.*

§ 78. Об укреплении Березова в 1607 г. см. приложение № 61. О неудавшемся восстании 1607 г. см. также РИБ, II, стб. 199—200, № 86, и ГАФКЭ, Сиб. прик., кн. 6, л. 412 об. О князьях обдорских см. у С. В. Бахрушина, «Остяцкие и вогульские княжества в XVI—XVII вв.», стр. 62—67. *А.*

§ 79. О движениях среди березовских остяков, вогулов и самоедов в 1607—1609 гг. см. также грамоты 1607—1608 гг. в РИБ, II, стб. 172—173, № 79, и стб. 173—176, № 80, I—II, приложения №№ 72 и 84, а также «Акты врем. правл. царя Василия Шуйского», стр. 374—376, № 118. *А.*

§ 80. Важным дополнением к известиям о восстании 1609 г. является отписка тобольского воеводы кн. И. Катырева-Ростовского пелымскому воеводе Ив. Годунову, полученная им 20 сентября 1610 г. (см. в «Актах врем. правл. царя Василия Шуйского», стр. 376—378, и ibid., стр. 73—74). *А.*

Догадка Миллера, будто Анна Игичеева ездила на Вах за своими беглыми ясачными остяками, основана на недоразумении. Ваховская волость Сургутского уезда была пожалована князю Игичею, причем ясачное население было поделено между царем и князем Игичеем: 17 человек платили ясак в государеву казну, в Сургут, а 40 человек — одному князю Игичею (Сиб. прик., кн. № 1, лл. 115 об., 116, 215). После его смерти права на Ваховскую волость перешли к его сыну князю Михаилу и вдове Анне. Согласно росписи, представленной князем Михаилом в 1627—1628 гг., в Ваховской волости у него числилось 44 человека ясачных людей (Сиб. прик., ст. № 27, лл. 67—68). Таким образом, Анна Игичеева ездила на Вах для сбора ясака с ваховских остяков, принадлежавших ее сыну. Это было своего рода «полюдье».

В повести, которая вошла в состав «Описания новые земли Сибирского государства», составленной в конце XVII в., упоминается старинный татарский обряд оповещения о войне путем рассылки стрелы: «Царь же Кучюм... посла по всему Сибирскому царству ко всякого чина людем своим, дабы вскоре к нему без всякого ослушания собралися, и посла вместо царских своих грамот стрелы свои золоченые, чтоб другой посылки не дожидались, понеже де идет на нас неведомо какой лютый неприятель» (Сибирские летописи, стр. 371). Очевидно, мы имеем стилизованное описание («золоченые» стрелы вместо деревянных) обряда, упоминаемого в тексте. Этот обряд существовал, как указывает Миллер, и у остяков еще в начале XVII в. Волшебная стрела, употреблявшаяся для этой цели остяками, была железная и имела на себе магические знаки: «нарезаны одиннадцать шайтанов с рубежи, а поперед шайтаны резаны, и железо стрельное стерто» (Акты врем. правл. царя В. Шуйского, №№ 61 и 118. Подлинное дело об «изменной стреле» см. в ГАФКЭ, портфели Миллера, № 478, I, №№ 13, 40, 47). *Б.*

§ 84. Когда начались ежегодные посылки за солью к озеру Ямыш, точных сведений нет. Летопись (ДРВ, III, стр. 117) впервые упоминает такой поход «по

соль» к «Ямышеву озеру» в 1601 г. (ср. о том же в челобитной 1601 г. — Сиб. прик., кн. 11, л. 69 об.), кончившийся, впрочем, неудачно; в 1604 г. в числе служб аялынских татар отмечена обязанность «по соль ходить» (ibid.. л. 80 об.). К 1615 г. эти посылки производились, видимо, регулярно (Оглоблин. Обозрение, III, стр. 216, и приложение № 118). Среди служилых людей, которые ранее 1626 г. «бывали» у озера Ямыш, упомянут также «ротмистр литовский Бартош Станиславов» (РИБ, VIII, стб. 340). В «Описании о поставлении городов...» (ДРВ, III, стр. 139) читаем: «в том же (1621) году ходил по соль к Ямышу озеру литовского списку литовской ротмистр Бартош Станиславов с тобольскими и всех городов служилыми людьми караваном; и в те поры учинилась измена от литовских и от немецких людей: хотели русских служилых и всяких людей посечь и в поле убежати на Яик реку; того ж году и соли не взяли, прибежали в Тоболеск. Сыскивали про то дело сын боярской Максим Трубчанинов да подьячей Степан Полутов в 1625 году». О последнем происшествии см. также РИБ, II, № 140, I («...черкасы изменили в прошлом во 129-м году, в соляном походе бежали в Колмаки...»). О количестве судов, отправленных по соль в 1622—1624 гг. и о привезенной тогда с озера Ямыш в Тобольск соли, см. ГАФКЭ, Сиб. прик., кн. 6, л. 279 об.; о том же в 1625 и 1626 гг. см. РИБ, VIII, ст. 419—420. *А.*

§ 88. Перевод «De scriptis tanguticis», где дано описание Семи Палат, см. у В. В. Радлова, «Сибирские древности», т. I, вып. 2. *А.*

§ 90. «Измена» сургутских остяков — «Бардаковой родни» (Бардак — остяцкий князец, о котором см. «Историю Сибири», I, стр. 287) Кинемы и Суеты Бардаковых произошла не в 1616 г., а осенью 7127 г., т. е. в сентябре-октябре 1618 г., так как тобольская отписка об этом (приложение № 138) была получена в Пелыме 2 декабря 1618 г., а сведения о том, что «заворовали на Оби... Кинема с товарищи» и хотят итти под Парым, дошли до Маковского острова «в 127-м году февраля в 11-й день» (приложение № 140). В грамоте 7 марта 1624 г. (ГАФКЭ, Сиб. прик., кн. 1, л. 248 и 248 об.) дата похода против «изменивших» остяков указана также 7127 г. *А.*

К главе седьмой

§ 1. Труд Исаака Массы, имеющий заглавие «Описание страны самоедов в Татарии, недавно приобщенной к Московскому государству, переведенное с русского языка в 1609-м году...», напечатан в отрывках в русском переводе М. П. Алексеевым в т. I его «Сибири в известиях западноевропейских путешественников и писателей», Иркутск, 1932, стр. 249—261. Ibid., подробная библиография. *А.*

§ 2. Попытка Миллера отнести издание труда Массы по описанию дорог и открытия Сибири к более позднему времени (не к 1609 г., а к 1614 — 1615 гг.) не встречает поддержки М. П. Алексеева (ук. соч., стр. 245). Ошибка Миллера, не знавшего первого голландского издания труда Массы в 1612 г. (в сборнике географа Гесселя Герритса), очевидна; впрочем, в соответствии с русским текстом описания дорог на Енисей, переведенного для Массы в 1609 г., посылку на Енисей, о которой он говорит, следует относить к началу XVII в. Известия о ранних посылках на Енисей следовало искать не в кетском, а в сургутском архиве. Вся область по Оби и ее притокам — Кети, Томи и др., а также далее на восток до Енисея была первоначально в ведении основанного в 1594 г. Сургута и составляла Сургутский уезд. Миллер не нашел в Сургуте никаких архивных дел. Ему была неизвестна также та копийная книга сургутских грамот 1594—1625 гг., которая «сделана» после московского пожара 1626 г. на месте, в Сургуте, и оттуда доставлена в Казанский дворец, перейдя затем в архив Сибирского приказа. Это — кн. 1 Сибирского приказа (в ГАФКЭ, Сиб. прик., кн. 1), в которой, между прочим,

самой ранней грамотой, касающейся сбора ясака с «кузнецкой самояди» (позднее называвшейся «кузнецкими остяками»), живщей на Енисее, на территории будущего Енисейского уезда, является грамота 6 сентября 1602 г. (лл. 113—115); так как она касалась спорного дела о том, кому собирать там ясак — мангазейским или сургутским служилым людям, то, надо думать, путь на Енисей по Оби, Кети и волоку, которым позднее обычно ходили на Енисей, был уже известен. Другой путь на Енисей, которым ходили те же сургутские служилые люди (кн. 1, лл. 190—192) «Тымою рекою на Сым волок», т. е. правым притоком Оби Тымом до истоков последнего, затем «Сым-волоком» в реку Сым, левый приток Енисея, и Сымом в Енисей, на территорию будущей Сымской волости Енисейского уезда, был открыт, кажется, позднее, но в те же первые годы XVII в. (ср. примеч. к § 76 гл. 8). *А.*

§§ 5—6. Вопреки Миллеру большинство исследователей в известиях Массы о реке «Песиде» видят реку Пясину, отмеченную впервые на карте Г. Геррица, 1613 г., как Pesida Reca; известие об этой реке, а также о Хатанге, находим кроме того у англичанина Логана, писавшего в 1611 г. (Алексеев. Сибирь в известиях западноевропейских писателей, I, в. 1, стр. 221). По обе упомянутые реки были открыты, конечно, не «комговскими» (кетскими) служилыми и промышленными людьми, а мангазейскими. Возможно, что в сообщении Массы, упоминающего об этих «комговских» людях, спутаны два известия: не только об открытии мангазейскими людьми пути на восток (до Пясины и Хатанги), но и об открытии кетскими людьми другого пути на восток — на средний Енисей и к югу от него — на реку Верхнюю Тунгуску. Во всяком случае эти оба пути стали известны почти одновременно (см. предыдущее примечание). *А.*

§ 10. Приложение № 95, напечатанное А. Гневушевым по списку из портфелей Миллера, № 477, II, № 7, который должен соответствовать «Кецкому № 13» (ААН, ф. 21, оп. 4, № 16, л. 47), датировано им «1609 г. после 29 декабря», так как в его списке читаем: «в нынешнем... во 118-м году декабря в 29 день...». *А.*

§ 17. По вопросу о времени построения Енисейска существуют большие разноречия в специальной литературе. Прежде всего, по-разному указывается время его построения: называют 1618, 1619 и даже ранее — 1616 г., как можно думать на основании отписки, опубликованной Ф. И. Покровским в его статье «Путешествие в Монголию и Китай сибирского казака Ивана Петлина в 1618-м году», СПб., 1914, стр. 10—11 (то же в «Изв. Отдел. русс. яз. и слов.» за 1913 г., кн. 4, стр. 267). Первую из этих дат, неизвестно на чем основанную, приходится считать ошибочной, имея в виду те отписки Петра Албычева и Черкаса Рукина, которые напечатаны в приложении: если в июне 1619 г. они оба находятся в Маковском остроге и ожидают нападения тунгусов на этот острог, ясно, что они могли двинуться далее и, может быть, построить Енисейский острог только после 6 июня 1619 г. Состоялось ли нападение тунгусов на Маковский острог в июне 1619 г., Миллеру осталось неизвестно, но он решительно и в несколько полемическом тоне заявляет, что именно упомянутые два служилых построили Енисейск в том же 1619 г. еще до прихода туда следующего приказного человека — тобольского сына боярского Максима Трубчанинова, отправленного на Енисей из Тобольска весной 1619 г., до получения настоящих известий о том, что же было сделано Албычевым и Рукиным; в тобольских отписках, отправленных с Трубчаниновым и позже, до получения от него вестей, их продолжают считать строителями города. Но по всем известным данным они это поручение едва ли осуществили. В челобитной кодского князя Михаила Алачева 1626 г. (ГАФКЭ, Сиб. прик., кн. 6, лл. 411—418) среди своих служб он, между прочим, называет две, имеющие несомненное отношение к истории строения Маковского и Енисейского острогов. По его

словам, в 1618 г. тобольский воевода боярин кн. Иван Куракин велел ему послать 20 человек его людей «в Тунтусы», и «приехав де его люди на волок Макоцкой, острог поставили и всякие изделья делали, и из Макоцкого острогу головы Петр Албычев да Черкас Рукин посылали людей его с... служилыми людьми на... тынгуских людей, и... служилые люди с людьми ево» тунгусов привели «под... царскую высокую руку, и тынгусково князька Дапулку з братьею побили». В следующем (1619) году боярин и воевода князь Иван Куракин велел ему послать «в Тынгусы» 10 человек его людей, «и как... люди ево пришли в Макоцкой острог, и из Макоцкого острогу з головою с Максимом Трубчаниновым пошли за волок в Тынгусы, и Тынгуской... острог люди ево ставили и всякое изделье делали ж, и наш запас люди ево за волок на себе волочили, и для наших посылок люди ево кочи и мелкие суда делали; а как де наша собольиная казна пошла пс Тынгусково острогу к нам к Москве, и тое де нашу соболиную казну люди ево за волок на себе носили». Таким образом, по словам этого источника, не верить которому нет оснований, построение Енисейского острога последовало через год после Маковского, в 1619 г., и было произведено служилыми людьми и кодскими остяками под руководством тобольского сына боярского Максима Трубчанинова; именно он, а не Албычев и Рукин, был настоящим строителем Енисейского острога. Трубчанинов же завел около Енисейска государеву пашню, для работы на которой он просил в 1620 г. прислать пашенных крестьян из Томска. В ответ на эту его просьбу была отправлена из Тобольска та отписка, которую Ф. И. Покровский ошибочно отнес к 1616 г. Она относится на самом деле к концу 1619 — началу 1620 г., когда Енисейский острог, называемый в этой и других современных ей отписках (ААН, ф. 21, оп. 4, № 17, лл. 75 об., 76, 79) также Тунгуским и Кузнецким, был уже построен Максимом Трубчаниновым. *А*.

§ 18. М. Н. Миндаровский, автор большого труда, посвященного истории Енисейска (труд после смерти историка в июле 1937 г. передан в Красноярский облархив), рассказывал мне, что в детстве (середина XIX в.) он слышал от своей бабушки, что при выборе места для города внимание строителей привлекла гористая местность на том же левом берегу Енисея, где позднее возникла деревня Верхняя, в 10 км выше Енисейска. По своим природным условиям окрестности деревни Верхней имеют все преимущества по сравнению с лежащим на болоте Енисейском, к тому же, в период ледохода на Енисее и впадающей в него Ангары, очень часто заливаемым водою. *А*.

§ 19. От Кеми до Енисейска считалось не 7, а 12 верст. *А*.

§ 21. Сымские и тымские остяки принадлежат к племени кетов. Тым являются кетским названием реки Кети, отсюда название живущих на ней кетов — «тымдегет», т. е. человек с реки Тыма (т. е. Кети). Река Тым — по-кетски Кеанг. Самоназвание кетских, сымских, тымских и енисейских остяков — «кет» значит «человек» (Б. Долгих. Кеты М. — Иркутск, 1934, стр. 39). *Б*.

§ 22. Кузнецкая ясачная подгородная волость упоминается в документах не только в течение всего XVII в., но и в XVIII в. (см., например, Доп. к АИ, VI, № 116, стр. 356). *А*

§ 30. Построение Мелесского острога происходило в более сложной обстановке. По отписке из Тобольска томские воеводы кн. Шеховской и Максим Радилов отправили в 1621 г. в «Мелесскую землицу» атамана Бурнаша Никонова и с ним «в судех» 30 человек служилых, чтобы поставить там острог. Но ясачный князец Туталко и другие чулымские ясачные люди сообщили Бурнашу, что киргизы в союзе с басагарами, тубинцами, маторами собираются итти в Мелесскую землю и требуют от чулымцев не пропускать русских в Мелесскую землю и не давать ставить острог. Когда томские воеводы услышали от самого Туталки те же вести про киргизов, то для оберегания Бурнаша Никонова и его людей от киргизов они послали 120 служи-

ных конных казаков с головою казачьим Молчаном Лавровым и 100 томских татар с головою Осипом Кокоревым. Головы Молчан Лавров и Осип Кокорев «сошлись с киргискими людьми со князьком с Карою, и киргизы... наших людей хотели побить и в Мелескую землицу пропустить и острогу ставити дати не хотели; и наши... люди с теми киргизы в Басагарской земле на походе бились и их побили и самого князька Кару з женою и з детьми (сам шест) взяли в полон; да на том же бою имали у киргизцов в кочевье томские служилые люди кочевных людей и их жен и детей; и которые... старые мужики, а ясак с них мочно взяти, и они тех мужиков ясачных людей, приветчи к шерти, отпускали з женами и з детьми и... ясак с них имали; а которые киргиские были служилые люди, и они у тех служилых людей имали в полон жены и дети и в Томской город привезли». Побив киргизов, а остальных киргизов и басагарских людей приведя к шерти, чтобы они давали ясак по 10 соболей с человека, и собрав с них ясак в 12 сороков соболей, служилые пришли в Мелесскую землю и поставили в ней острог. «И с того бою князька Кару служилые люди прислали в Томской город з женою и з детьми, и в Томском городе Кара жил блиско году да умер, а жену... ево по (государеву) указу (томские воеводы) отпустили... к себе в юрты, а сын ево Карин оставлен в Томском городе в закладе...» (ГАФКЭ, Сиб. прик., кн. 6, лл. 73—76; ср. ibid., лл. 79 об.—81). Сохранились наказы 1621—1622 г. томских воевод кн. И. Шеховского и Максима Радилова казачьему голове Молчану Лаврову, посланному с 98 служилыми людьми «вверх Чюлыму реки в Мелесские волости и в Басагары и в Кизылы» для постройки острога, и татарскому голове Осипу Кокореву с товарищами, отправленному туда же (ГАФКЭ, Сиб. прик., ст. 1257 и 1669). *А.*

§ 31. Аринцы или аринские татары (ара) занимали в XVII в. территорию, начинавшуюся ниже Айкановой речки, впадающей в Енисей несколько выше Бузима, до границы Енисейского уезда; их угодья распространялись даже ниже пограничного с Енисейским уездом порога на «Кетскую вершину» и на речку Уксат. Вглубь страны от Енисея они жили «на речке Бузиме с усть речки Колы, по речке Бузиме по обе стороны до Лиственного броду, а в гору от той речки Бузима по нижнюю сторону до вершины Колы речки и на вершину аринского Нижнего Мымъюля, вверх по Мымъюлю до устья верхнего Исылюша, а с верхнего Исылюша до левые Тустинские вершины» (Сиб. прик., кн. № 1504, лл. 117, 119. Доп. к АИ, V, № 4). На Ремезовской карте аринцы обозначены под неверным названием «ярешцы» на реке Бузиме. В состав Аринской земли в XVII в. входило пять улусов, названных по их князьям: Татушев, Абатаев, Канбирев, Тетюгин и Щербаков. В 1638—1639 гг. в Аринской волости числилось 49 человек ясачных. Позже число взрослых мужчин достигает временами 70—80 человек. Ясачные книги присоединяют к аринцам и родственное им племя ястынцев (ястых), образовавших Ястынскую или Ястыльскую волость. — Ремезов определяет местожительство «красноярских асанов» между Енисеем и Оной (на чертеже Енисейского уезда), в окрестностях Падпорожной слободы (на чертеже Красноярского уезда). По данным ясачных книг «Васанская землях» была расположена на Кане. В Енисейском уезде асаны обитали в Чалобской волости на реках Усолке и Оне (Сиб. прик., ст. № 1214, л. 584). Васанская земля на Кане насчитывала в 1629—1630 гг. один улус в 21 человек, в 1638—1639 гг. — в 15 человек; в 1640—1641 гг. асаны в Красноярском уезде делились на Асанскую волость в составе 12 человек и на «тое ж Асанские волости Тупораков улус» из 13 человек — всего 25 человек. *Б.*

§ 32. Маторы жили на «Тубинских вершинах», т. е. на верховьях реки Тубы, в соседстве с тубинцами, вместе с которыми они постоянно упоминаются (их не следует, однако, отождествлять с тубинцами, как это сделано на карте, приложенной к т. I). Некоторые исследователи различают «каменных (горных) маторцев» от маторцев просто, однако достаточно точных данных для этого нет. В 90-х годах

36*

XVII в. упоминаются два улуса каменных маторов с населением в 44 взрослых мужчины. Миллер отождествляет с маторами матов. «Матская степь» была под самым Красноярском; следовательно, либо дело идет о различных народах, либо маты перешли из Матской степи на Упсу. О маторах см. Сиб. прик., ст. № 1052, лл. 357, 358, № 712, л. 8, «Памятники Сибирской истории XVIII в.», т. II, № 67. Ср. в «Истории Сибири», т. III, гл. X, § 31, упоминание народа «маткиргизы». *Б.*

Милисы, вероятно, то же, что упоминаемые в приложении № 190 мелесские люди (ср. мелесские татары в «Истории Сибири», I, стр. 420, 447). *А.*

§ 37. Две причины вызвали необходимость постройки города на верхнем течении Енисея: во-первых, стремление повысить ясачный сбор с Тюлькиной земли, который был до тех пор ничтожен, и, во-вторых, необходимость обезопасить Енисейск со стороны киргизов и других племен, кочевавших по Верхнему Енисею. В 1626 г. в связи с бегством в Тюлькину землю двух остяцких (кетских) князцов Енисейск пережил большую панику, так как по полученным известиям «киргизские и тюлькинские люди хотели-де быть к Енисейскому острогу войною»; отряд тюлькинских людей в 20 человек приходил на Кеть, в Надцкую волость, и взяли в Тюлькину землю местного князца Енею со всем его племенем, «а у них-де в Тюлкиной землице в ту пору были в скопе многие люди — киргизы, тубинцы, маторцы и саянцы и хотели быть к Енисейскому и Кетскому острогу войною». Енисейский воевода Ошанин спешно укрепил Енисейск «для приходу киргизских и тюлкинских людей», сделая «к острогу новый острог и ров круг острогу выкопал крепкий... и надолбы круг острогу поставил крепкие и башню новую и ворота проезжие сделал и старый острог укрепил» и сидел в осаде более трех месяцев в ожидании неприятеля. Из Тобольска в Енисейск был прислан сын боярский со служилыми людьми и артиллерией. Необходимость с стратегической точки зрения обеспечить фланг Енисейска постройкой на Каче острога была прекрасно мотивирована енисейским воеводою Яковом Хрипуновым в Москве: «А только-де тот острог поставится, и в Енисейском-де остроге можно быть и сту человеком для того, что тот Енисейский острог будет за хребтом. А только-де того нового острогу ставить не послать, и в Енисейском остроге без прибавочных людей быть не уметь для того, что Енисейской место дальнее, за всеми сибирскими городы, украинный город, и приходы к нему живут воинских людей частые, да и государевых ясачных людей, которые платят в Енисейской острог ясак, тем енисейским служилым людем 100 человекам уберечь от воинских людей неможно, что государевых ясачных людей воинские люди воюют ежегод» (Сиб. прик., ст. № 12, лл. 84, 85, 95, 118, 121). Вопрос о постройке острога на Каче стал поэтому тотчас по возникновении Енисейского острога. Уже тобольский воевода Матвей Годунов писал в Москву о Тюлькиной земле, после чего ему было предписано расспросить служилых людей, бывавших в Енисейском остроге, «можно ль в Тюлькинской земле острог поставить и пашню завести?» (Сиб. прик., ст. № 158, л. 137). Но настоящим инициатором постройки Красноярска был названный выше Яков Игнатьевич Хрипунов. В бытность его воеводою в Енисейске он отправил присланного к нему из Москвы Андрея Ануфриевича Дубенского, чтобы присмотреть в Качинской землице «место угожее» для постройки острога. Дубенский выбрал место на «Красном яру», и 25 сентября 1624 г. был послан в Москву «чертеж... урочищам и местам, где можно быть в Тюлькиной земле острогу». 12 октября 1625 г. из Москвы была отправлена в Тобольск грамота с распоряжением послать Андрея Дубенского для постройки острога на «Красном яру» (Сиб. прик., кн. № 6, лл. 333 об., 444; РИБ, VIII, № 11, XIII). Посылка, однако, тогда не состоялась за отсутствием в Тобольске достаточных средств, и Дубенский бесплодно «волочился» в Тобольске (Сиб. прик., ст. № 18, л. 10; РИБ, VIII, № 11, XIII). Дубенский обратился в Москву с просьбой о новом указе; его челобитная была получена 15 ноября, и 13 декабря 1626 г. состоялся «государев указ» набрать в То-

больске и других сибирских городах «вольных служилых людей» — 4 атаманов и 400 казаков — и послать их под начальством Дубенского «на том Красном яру поставить острог» (Сиб. прик., ст. № 160, л. 109; СГГД, III, № 78). Фактически набрать удалось только 300 казаков и 3 атаманов (подробности о снаряжении экспедиции см. Сиб. прик., ст. № 160). Экспедиция выехала из Тобольска в июне 1627 г. В виду трудности передвижения груженых судов по мелководной Кети, Маковского острога достигли только поздней осенью. В течение зимы переволокли запасы в Енисейский острог. В Енисейске участники острога построили 13 дощаников и 3 «струга больших ясаульных». Из Енисейска экспедиция выехала тотчас по вскрытии Енисея, вскоре после «Николина дня». До «большого порогу» шли 3 недели; на пороге «дощаники легчали, запасы из дощаников изо всех на берег носили». Всего на пороге «поднимались дощаниками две недели». От порога до Красного яра шли еще три недели «бережно и осторожливо»: «на ночлегах и на обеденных стоянках по лесным местам засеки крепкие засекали, а (на) чистых... местах, где лесу нету, на всяком ночлеге и на обеде ставили городки дощатые». Добравшись до намеченного места, «берег взяли» без особенного сопротивления со стороны туземцев. Тюлькинские князцы Татуш и Абатай даже давали Дубенскому лошадей «на острог лесу возить» (Сиб. прик., ст. № 12, л. 201). Для начала спешно поставили «городок дощаной» и «круг острожного места.. надолбы укрепили накрепко». Обезопасив себя от неожиданных нападений, служилые люди «учали березовый лес носить на себе к надолбам, учали острог ставить, а иные... пошли по сосновый лес вверх по Енисею реке с атаманом с Ив. Кольцовым, 160 человек, для башенного и хоромного лесу». Из березового и соснового леса поставили острог, около него «рвы накопали». Острог был поставлен 6 августа, и 15 августа его уже «весь отделали». По окончании «острожной ставки» были построены жилища для служилых людей «на десяток по избенку» (Сиб. прик., ст. № 160). Вновь основанный острог первоначально известен в документах под названием «Красного или «нового Качинского острога» и лишь постепенно ему присваивается имя «Красноярского острога». Постройка Красноярского острога вызвала протест со стороны енисейских служилых людей, которые считали Качинскую землю своим достоянием. Они подали 25 сентября 1629 г. челобитную, направленную против соперников: «а они, государь, красноярцы живут за нашими головами даром; не учинили тебе, государю, прибыли нисколько, повезли к тебе, государю, на прошлый 137-й год только 9 сороков соболей, и то взяли с енисейских ясачных людей, и не окупили, государь, они своими головами ни одного дощаника, во что тебе, государю, один дощаник стал в их подъем... А ближних, государь, волостей берут ясак к собе на Красный яр с тех же людей, которые, государь, люди нашею же работаю платят ясак в Енисейской острог, а они своим насильством и воровством те волости от Енисейского острогу отняли к себе на Красный яр и ясак на ясак емлют, а тебе, государю, пишут, будто те земли они привели под твою царскую руку внове». Под влиянием донесений из Енисейска 1 августа 1630 г. из Москвы была послана грамота в Тобольск с приказом «с Красного яру острог свести», потому что от нового острога «учинилось только расходы многие, а прибыли... в том остроге ни малые не учинилось, только Ондрей Дубенской прислал... к государю к Москве... 8 сороков 38 соболей», да и те он собрал с ясачных людей, которые и без того платили ясак в Енисейск. По этим соображениям государь указал вновь назначенному красноярскому воеводе Арх. Акинфову «быти в Москве», из служилых людей 202 человека перевести в Енисейск, а остальных (в числе 101 человека) — в Томск. Томскому воеводе кн. Петру Ивановичу Пронскому предложено было выяснить целесообразность посылки на Красный яр из Енисейска «годовальщиков», человек по 40 и по 50, а «острогу убавить, а сделать-бы по людем невеликой острожек». В случае же, если окажется, что «острожку на Красном яру и в нем и малым людем

быти непристойно», то предписывалось острог уничтожить. Указ об уничтожении острога подтверждался несколько раз (Сиб. прик., ст. № 12, л. 440 и сл.). Решение об уничтожении Красноярска стало постепенно проводиться в жизнь. Зимою 1630—1631 г. 150 человек из красноярского гарнизона было переведено в Енисейск. На смену воеводе Архипу Акинфову новый воевода уже не был назначен. Временно был командирован на Красный яр из Тобольска Вас. Кокорев. Однако непрактичность нового шага была настолько очевидна, что не могла не вызвать возражений. 21 апреля 1631 г. в Москву пришла отписка Архипа Акинфова, который оставался в Красноярске с 150 человеками служилых людей; он заявлял, что с такими силами нельзя оборонить пашенных крестьян и ясачных людей и сообщал, что в ясачных людях — «послыша Красному острогу свод» — «учинилась смута великая» и что надо ожидать нападения со стороны киргизов. Еще энергичнее протестовали служилые люди и администрация Томска. Для Томска Красноярский острог представлял большое стратегическое значение. «В прежних годех, как Красноярского острогу не было», заявляли томские служилые люди, «и киргизские люди с другими немирными землями прихаживали под Томской город и на ясачные волости не на одно время и... ясаку не давали долгое время, а как-де Красноярский острог поставили, и киргизских людей... войною от тех мест не бывало, и учали... ясак давать по прежнему, а кочуют де киргизские люди меж Томского уезда и меж Красноярского острогу, а Красноярский острог стал у них, у киргизских людей, за хребтом. А только с Красного яру острог свесть или, не сводя острогу, оставить в нем невеликих людей..., и киргизским людем будет свободно, [а] красноярским людем и пашенным крестьянам от них стеснение будет велико, и на ясачных волостях учнут киргизские люди ходить войной». Протест со стороны Томска возымел действие. С Москвы последовал новый указ: «на Красном яру острогу быть по прежнему и служилых людей, которые были переведены с Красноярского острогу в Енисейский острог, перевесть в Красноярский острог». Соответствующая грамота была послана 20 февраля 1632 г. в Томск. Уже 25 января 1632 г. получил наказ новый красноярский воевода Никита Ив. Карамышев, которому предписывалось принять острог от Кокорева (Сиб. прик., ст. № 30, л. 506 и сл.). *Б.*

§ 39. Вопреки примечанию к этому параграфу, в приложении № 277 сказано, что «колмацкие ясатчики» в 1630 г. были вместе с «Алтыновыми ясатчиками» на Кане. *А.*

§ 44. О князце Каре см. примечание к § 30. *А.*

§ 46. О волостях (землицах) Красноярского уезда в первые годы после построения острога см. «Книгу дозорную государевым ясачным людем нового Качинского Красного острогу, что остались после Ондрея Дубенского» (ГАФКЭ, Сиб. прик., кн. 22, лл. 701—703). *А.*

§ 50. Араксеев порог в Канской земле получил название от расположенного по близости от него Араксеева улуса, в котором в последней четверти XVII в. было только 4—5 ясачных людей. *Б.*

§ 58. О походе красноярских служилых людей в 1628—1630 гг. в Братскую землю во главе с казачьим пятидесятником Афанасием Путимцем и о препятствиях, которые чинили им енисейские служилые люди, см. ГАФКЭ, Сиб. прик., ст. 12, лл. 504—507. *А.*

§ 66. В связи с нападением киргизов на Томск летом 1624 г. (см. далее, § 70) в Казанском дворце было произведено расследование, отчего «вчалась» война с киргизами. По данным расследования, начало войны относится к воеводству в Томске Вас. Волынского и Мих. Новосильцева. По отписке Вас. Волынского, в 1610—1611 гг. киргизы воевали ясачных людей Чулымской волости, многих побили, жен и детей взяли в плен; против них были посланы сотник Иван Пущин и служилые люди, которые разбили их и «чулымских ясачных людей отполонили». Допрошенные по этому поводу

кн. Иван Шаховской и Макс. Радилов, которые позже были воеводами в Томске, сообщили, что «задор-де с киргизскими людьми учинился... при Василии Волынском да при Михаиле Новосильцеве, посылали-де они... ясаку збирать с киргизов атамана Ив. Павлова да 30 человек служилых людей, и те-де киргизские люди атамана Ивана Павлова с товарищи побили и под Томской город приходили и многих людей под городом побили и стада отогнали, а ясаку с себя не давали и ясатчиков побивали. И Василий-де Волынский да Михаил Новосильцев по их задору посылали на них... служилых людей, и киргизы-де тех... людей побили». После этого Волынский и Новосильцев «в другорядь посылали на киргиз служилых людей, а с ними белых калмаков», которые киргизских людей «повоевали». «И с тех мест киргизские люди почели быть в непослушанье и наш ясак с ясачных людей с мелесских и с чулымских волостей учели собе имать». 8 июля 1614 г. киргизы, мелессцы и «иные многие люди» приходили безвестно войною на Томск, и «под городом в огородех у служилых людей и у пашенных крестьян жен и детей побили». Служилые люди сделали вылазку и отбили киргиз от города, но сами потерпели сильный урон: «киргизские люди на том бою убили... служилых 12 человек, а иных изранили, да пашенных крестьян убили 5 человек и у пашенных крестьян ярыжных побили и хлеб весь вытоптали и животину всякую отогнали». В следующем году, 30 сентября, воеводы Гавр. Хрипунов и Ив. Секерин послали отряд в 220 человек стрельцов, казаков и татар под начальством казачьих десятников Ивана Тихонкова и Левки Олпатова на басагаров, кизылов и киргиз. Экспедиция увенчалась успехом, они взяли три «городка», захватили «языки» и отогнали лошадей и коров. При Шаховском и Радилове киргизы приходили на Чулымскую волость и отняли пушнину, приготовленную для царского ясака. Посланного к ним для ясака томского казака Вас. Верхотурца киргизы ограбили и чуть было не убили, если бы не заступились «лабины послы», возвращавшиеся из Москвы. Вместо ясака киргизы прислали в Томск, по словам воевод, «на задор» 30 недособолишков ни к чему негодных. В 1621 г. воеводы снарядили экспедицию в Мелесскую землю, завершившуюся постройкой Мелесского острога и захватом в аманаты киргизского князца Кары с семьей. Сын Кары был оставлен в Томске в качестве аманата.

После этого похода, по утверждению Шаховского и Радилова, «при них по все годы киргизские люди были... в послушаньи и ясак давали... И приезжали к ним киргизские люди в город всегда повольно». Наоборот, томские служилые люди уверяли, что именно с воеводства названных воевод и «вчалась война». В числе добычи были захвачены племянники «лучшего» киргизского князца Ишея, малый и девка; служилые люди отдали этих «ребят» князю Шаховскому; Ишей посылал ему за них выкуп, но он выкуп взял, а ребят не отдал, крестил и свез с собою в Москву. «Только-де были не вывезены», говорили в Тобольске томский казак Матюшка Белкин и посадский человек Бориско Тупышев, «и они б... были неотступны» от московского царя. 12 июля 1624 г. при воеводах Аф. Гагарине и Семене Дивове Томск снова подвергся нападению киргиз и «иных земель воинских многих людей»; они «под городом у надолб лошадиные и коровьи стада отогнали». Воеводы посылали «на вылазку» служилых людей, «чтоб у них стада отбить и над ними промысел учинить». Служилые люди сошлись с киргизами в трех верстах от города и сразились с ними, но киргизские люди стада угнали. В то же время русские люди, застигнутые на пашнях, «сидели по избам, и к избам киргизские люди приступали», но те «из изб с ними бились и в избах отсиделись». Юртовские татары, жившие против города за р. Томью, когда пришли киргизы «изгоном», «по присылке воеводской тотчас начали за реку возитца», но «покамест они за реку возились, а киргизские люди, отогнав стада, пошли тотчас», так что татары не поспели «на пособ». С киргизами приходило много томских ясачных людей. Уходя, киргизы на государевых пашнях и на казачьих и у многих людей хлеб «потолочили». Из Том-

ска сообщили в Тобольск, что «похваляютца де киргизы, хотят приходить опять под Томской город». Томские воеводы сели в осаду. Из Тобольска «по тем вестям» решено было послать в Томск 120 человек русских служилых людей и 80 юртовских татар с головами Павлом Хмелевским и Павлом Рыхлевским. Эти известия встревожили московское правительство. В Тобольск был отправлен в 1625 г. указ послать в Киргизскую землю с уговорами прекратить враждебные действия и платить ясак и с обещанием «казнь учинить безо всякого пощажения» воеводам и служилым людям, если от них «кому какие грабежи были». В случае неудачи переговоров предлагалось приступить к военным действиям. Ю. Я. Сулешев в ответ уведомил, что, по сообщению томских воевод, «в Киргизы... служилых людей послать нельзя, что киргизские люди... служилых и ясачных людей к себе емлют, и уговорить-де тех киргизских людей, призывать добром и ласкою под... царскую высокую руку нельзя». Поэтому Сулешев решил прибегнуть к военной силе. Поход был отложен в виду происшедшей смены тобольских воевод. Вновь назначенному в Тобольск кн. Дм. Т. Трубецкому был послан 17 апреля 1625 г. указ, чтоб он писал к новым воеводам в Томск о военном промысле над киргизами (Сиб. прик., кн. № 6, лл. 65—87 об., 163—165). *Б.*

§ 68. О покорении новых землиц в Кузнецком уезде и о сборе ясака с них сообщает отписка в Москву кузнецкого воеводы Федора Голенищева-Кутузова не позднее 18 мая 1627 г.; в ней упомянуты как вновь объясаченные: земли «Мутарская» и Тубинская (князьки Коян и Килин), числом до 400 человек, земля Киченская, Обраев улус в Киргизах, волости Асекшитинская и Тогульская, Запзыбаев улус, землицы Чигатцы, Ибери и Тогусы по р. Кондоме («а ходу до тех... землиц от Кузнецкого острогу лыжным ходом 4 недели»), Боланская землица (РИБ. VIII, стб. 472—477). *А.*

§ 70. О нападении «киргисцов и иных земель воинских людей» на Томск в июле 1624 г. см. прим. к § 66. Так как во время нападения киргизов был потоптан хлеб в поле, то в Томске очень скоро наступил голод, и хлеб покупали по дорогой цене: четь ржи по 2 р. и дороже. Воеводы, ожидая нового нападения киргизов, не отпускали служилых и иных людей на пашню и рыбный промысел, «потому что... чают киргиских и колмацких людей приходу». Грамотой 15 января 1625 г. Тобольску предписано было срочно помочь Томску хлебом и людьми (ГАФКЭ, Сиб. прик., кн. 6, л. 291 и 291 об.). *А.*

§ 72. Вместо князца Курчейки его брат Кашик, по его поручению, дал 1631 г. в Томске шерть за Кийскую волость. В 1632 г. Курчейка умер, и приехавший вторично Кашик подтвердил свою готовность давать ясак попрежнему (ААН, ф. 21, оп. 4, № 17, лл. 226 об. — 228, № 145). *А.*

§ 74. Томский разряд был учрежден в 1629—1630 гг. (ГАФКЭ, Сиб. прик., ст. 12, л. 229 об.); томскими воеводами после того были назначены кн. Петр Иванович Пронский с товарищами. *А.*

§ 78. Мунгатов улус в Качинской земле в 1649 г. состоял из самого Мунгата и двух ясачных людей; позже в нем насчитывалось 10—11 взрослых мужчин. *Б.*

§ 85. О походе Андрея Просовецкого на киргизов мы имеем довольно точные известия в челобитной одного из участников поляка Осипа Михалевского. Отряд Просовецкого был окружен киргизами и ему пришлось «в крепком месте таборитъся», а пешие люди «уже напуску киргизского сдержать не чаяли». Михалевский, взяв собою немногих людей, сделал из таборов вылазку на помощь теснимой врагами пехоте и, «впадши в киргизские полки», сбил палашом шелом с князца Изергея и князца Бехтенеч ранил; киргиз от табора «отперли». Однако на помощь киргизам подошло войско Алтын хана, состоявшее из 400 куячников, и осадило вместе с киргизами табор. На шестой день русские служилые люди стали пробиваться вон из Киргизской земли, но киргизы и мугалы «заступали» им дорогу. Просовецкий по-

ручил Михалевскому «передом в бой итти и служилых людей на полки мугальские и киргизские привести». «И как куяшники мугальские и киргизские люди первым напуском служилых людей копьем смешивать стали, — пишет Михалевский, — и я, холоп твой, то видя и хотя перед всех за тебя, государя, на твоей царской службе голову свою положить и чтоб в дальней твоей государевой отчине в восточных странах в азиатцких поганских народех славно и велико твое царское имя было (перед всем войском от мугальских и киргизских стрел латы мне пробивались, па голове шишак пробиваючи, стрелы утыкали, со криком всяким на меня, холопа твоего, напускали, голову ранили), приводя служилых людей к бою, не отступя, до тех мест, пока мугальских людей сперли, Турай-табуна убили и мугальских людей многих побили и поранили и в напусках киргизского лучшего князца сына Ишеева убили и многих киргиз побили и поранили» (Сиб. прик., ст. № 53, лл. 362—363). Несмотря на красноречие Михалевского, очевидно, что экспедиция потерпела поражение. *Б.*

К ГЛАВЕ ВОСЬМОЙ

§ 2. В летописных сводах XVII в. (ДРВ, изд. 2-е, III, стр. 146) действительно имеется известие, что при воеводе Данииле Полтеве Кетский острог сгорел; но из отписки 1627 г. того же воеводы (ГАФКЭ, портфели Миллера, № 478, I, № 15) видно, что пожар произошел 29 июня 1627 г., за три недели до прихода Полтева, при воеводе Иване Кологривове. Даниил Полтев был, таким образом, кетским воеводой с 1627-го, а не с 1625 г. Острог был поставлен им на старом месте, на левом берегу Кети (Буцинский. К истории Сибири. Сургут, Нарым и Кетск до 1645 г., Харьков, 1893, стр. 24—28). В 1660—1661 гг. Кетский острог был перенесен на новое место (Оглоблин. Обозрение, III, стр. 84). *А.*

§ 3. Вопреки сказанному в тексте надо думать, что в последующие годы Нарымский острог переносили с места на место, о чем свидетельствует, например, «Роспись чертежу, где быть Нарымскому новому острогу» 1643—1644 гг. (Оглоблин. Обозрение, I, 40; ср. Буцинский. К истории Сибири, стр. 16—20). *А.*

§ 5. Описание Томского города и острога в 1626 г. см. в «Росписи Томскому городу и острогу и что на городе и на остроге наряду и в казне пушечных запасов, зелья и свинцу, и в государевых житницах всяких хлебных запасов» (ГАФКЭ, Сиб. прик., кн. 11, лл. 430—434). Дело о починке Томского острога в 1631—1632 гг. (ibid., ст. 41, л. 359 и сл.). *А.*

§ 7. В дополнение к § 34, гл. 4, т. I «Истории Сибири» о строении Березова см. сыск 1636—1637 гг. (ГАФКЭ, Сиб. прик., ст. 178, л. 24 и сл.); на основании сыска и выписок из старых документов березовского архива оказалось, что острог в Березове был построен в 1593 г. воеводами Никифором Траханиотовым и кн. Михаилом Волконским и письменным головой Иваном Змеевым. Сыск находился в связи с вопросом о построении в Березове нового острога, сгоревшего в 1642 г. О состоянии укреплений Березова в 1625 г. находим сведения в одной из грамот этого года в Тобольск: новые березовские воеводы этого года кн. Лев Волконский и Илья Зубов нашли Березов в таком виде: «. . . городовые стены згнили и завалились, никоторыми мерами поделати их не мочно, а башни стоят, исподние бревна погнили, а две городовые стены от поля да от реки от Воголуки отгорожены стоячим тыном. . .»; грамота 31 декабря 1625 г. предписывала тобольским воеводам послать в Березов письменного голову, который на месте выяснит, производить ли ремонт или ставить новый город (ГАФКЭ, Сиб. прик., кн. 6, лл. 390 об.—395). — О пожаре Мангазеи в 1643 г. — Буцинский. Мангазея и Мангазейский уезд, Харьков, 1893, стр. 54. *А.*

§ 8. См. примеч. к § 30 гл. 6. О пожаре Тобольска в 1643 г. и построении «деревянного рубленного города» в 1645 и 1646 гг. см. в ДРВ, изд. 2-е, III,

стр. 167, 169. Построение каменного города в Тобольске относится к 1699—1706 гг.; строителем его был автор сибирской летописи и чертежной книги Сибири 1701 г. Семен Ульянович Ремезов (об этом см. в моей работе «Труды Семена Ремезова по географии и этнографии Сибири» в «Проблемах источниковедения», № 3). О построении в 1646—1648 гг. деревянной о 13 главах соборной церкви Софии премудрости божией см. в ДРВ, изд. 2-е, III, стр. 177. О создании в Тобольске каменной соборной церкви в 1681—1686 гг. см. ibid., III, стр. 239—240. Описание посада и острога в Тобольске в 1624 г. (дозорная книга 1624 г. — Спб. прик., кн. 1207, лл. 1—62) см. «Тобольск. Материалы для истории города XVII и XVIII стол.», М., 1885, стр. 1—10. Переписные книги тобольской соборной церкви 1625—1626 гг. (Сиб. прик., кн. 7) см. ibid., стр. 11—26. Название архиепископского двора Софийским относится ко времени до пожара 1649 г. О починке Тобольского острога в 1628—1629 гг. см. ГАФКЭ, Сиб. прик., ст. 16, л. 471; о постройках и поделках в Тобольске в 1637—1700 гг. см. ibid., ст. 1377. *А*.

§ 9. В рукописи гл. 8 к этому параграфу имеется ссылка на «Ведомости тарские» № 23, под которыми следует разуметь ответы тарской воеводской канцелярии на вопросы Миллера (хранятся в ГАФКЭ, портфели Миллера, № 481, III). Соборная Успенская церковь на Таре построена тарскими служилыми людьми, оброчниками и ружниками по их обещанию в 1624 г. В том же году из Тобольска было приказано послать на Тару иконников, вместе с книгами и ризами, присланными из Москвы (ГАФКЭ, Спб. прик., кн. 6, лл. 187 об. — 190). Описание Тары, по дозорной 1624 г. (Сиб. прик., кн. 5) см. у Буцинского, «Заселение Сибири. . .», стр. 149, 150. 12 мая 1629 г. на Таре произошел «от молнии» пожар, когда сгорел храм Бориса и Глеба, 20 дворов служилых людей и 100 сажен острогу; острог был выстроен вновь «да вновь. . . поставили тарскими служилыми людьми две башни, потому что прясла были велики, в приход воинских людей тех прясел оберегать было нельзе» (РИБ, VIII, стб. 585). *А*.

§ 10. Говоря в гл. 6 о Тюмени в 10-е годы XVII в., Миллер здесь сообщает данные о 40-х годах. О Тюмени в 1624 и 1628 гг. см. «Книги дозорные Тюменского городу и посаду письма и дозору письменного головы Никиты Наумова Беглецова да подьячего Третьяка Васильева 132-го году», по списку 1626 г. (Сиб. прик., кн. 5) в сборн. «Тюмень в XVII столетии», изд. А. И. Чукмалдиной, М., 1903, стр. 17-32, и «городовой список 136-го года» в ГАФКЭ, Сиб. прик., ст. 25, л. 76 и след. Об укреплениях Тюмени в 1629 г. см. отписку тюменского воеводы Прокопия Измайлова в Москву о починке им городовых и острожных мест (РИБ, VIII, стб: 625—626). *А*.

§ 13. Кроме грамот, приведенных в приложениях, сохранились еще следующие грамоты, относящиеся к тому же вопросу: 1) отписка в Москву пелымского воеводы Петра Вельяминова о том, что в пожар 8 июня 1621 г. сгорел Пелымский город и острог (черновик XVII в. в ГАФКЭ, портфели Миллера, 478, II, № 5, на 3 ставах); 2) отписка тобольского воеводы Матвея Годунова пелымскому воеводе Петру Вельяминову, полученная в Пелыме 29 марта 1622 г., о том, что по грамоте из Москвы велено отправить служилых людей сибирских городов, отставленных от служб, в Пелым для городового строения (подлинник в ГАФКЭ, портфели Миллера, № 478, II, № 2, на двух ставах), 3) отписка того же воеводы в Пелым, полученная 3 июня 1622 г., о возобновлении в Пелыме города и острога (подлинник в ГАФКЭ, портфели Миллера, № 478, II, № 3, на 2 ставах). *А*.

§ 15. Сохранилось дело 1621—1622 гг. (ГАФКЭ, Разр. прик., Денежный стол., кн. 173, лл. 1—273) об открытии Тобольской епархии и назначении первого архиепископа Киприана, в существенной части напечатанное и использованное П. Н. Буцинским в его работах «Открытие Тобольской епархии» (Харьков, 1891) и «Сибирские архиепископы Макарий, Нектарий, Герасим (1625—1650)» (Харьков, 1891). Опись книги, содержавшей списки с разных документов по делу об учреждении

тобольской епархии, составленную в 1648—1649 гг. см. в ГАФКЭ, Сиб. прик., кн. 265, лл. 120—122. О Киприане см. С. В. Бахрушин. Очерки по истории колонизации Сибири в XVI и XVII веках, М. 1928, стр. 2—5. *А.*

§ 17. Как и в предисловии к «Истории Сибири» (т. I, стр. 161), летопись ошибочно приписана Миллером Савве Ефимову, а не Савве Есипову, как следует, если правильно прочесть тайнопись, о которой здесь говорится. Мнение Миллера о том, что Савва участвовал в походах Ермака, основано также на ошибочно понятом им тексте приписки в Есиповской летописи (С. В. Бахрушин. Г. Ф. Миллер, как историк Сибири. История Сибири, I, стр. 37, примеч. 4). *А.*

В Есиповской летописи есть одно место, которое дало повод Миллеру, при недостаточном знании им старинного литературного языка, к неправильному выводу, будто автор ее, архиепископский дьяк Савва Есипов, был участником похода Ермака: «ино ж от достоверных муж испытах, иже очима своими видеша и быша в та лета» (Сиб. летописи, стр. 170). Эту ссылку Есипова на современников Миллер понял неверно. В XVII в., когда составлялось сибирское летописание, в Сибири были действительно в живых участники экспедиции Ермака. Сохранилась челобитная одного из них Гаврила Иванова от 1623 г. (РИБ., II, № 130). В кн. № 367 Сибирского приказа от 175—177 гг. (1666—1669) можно также найти: «нередко попадающиеся сведения о сотрудниках Ермака — о казаке Гр. Ясыреве (л. 110), об угренине Матьяше (л. 132 и др.) и проч.» (Оглоблин. Обозрение столбцов и книг Сибирского приказа, ч. I, М., 1895, стр. 285). В неразобранных делах Сибирского приказа, хранящихся в ГАФКЭ, имеется упоминание от начала XVII в. об атамане Ермака Иване Грозе. Возможно, что потомками ермаковских атаманов были фамилии сибирских служилых людей Грозиных и Кольцовых. *Б.*

§ 21. Упоминаемый в приложении № 193 государев указ о взимании «выдельного снопа... на всяких пахотниках, опричь... служилых людей» см. в АИ, III, стр. 159—160, № 109. *А.*

§ 22. О Покровском верхотурском монастыре см. также грамоту 1645 г. июня 6 в АИ, III, стр. 407—408, № 247. *А.*

§ 25. О времени основания Ильинского монастыря см. у Буцинского, «Заселение Сибири...», стр. 85—86. Об Ильинском тюменском монастыре см. также РИБ, II, стб. 481—482, № 140, II. *А.*

§ 26. Полученных в 7122 г. для построения теплого храма 20 рублей (прилож. № 180) архим. Мефодию не хватило, «потому что зимнею порою от воски на гору с 4-х саженного бревна найму дают по гривне и больши, а Успенский монастырь стоит на горе, за острогом, от воды с полверсты, а дровяная же воска далеко», в монастыре, между тем, постригаются служилые люди, увечные и раненые и «которые очми обнищали», среди братии «Ермаковских казаков постриженник лет во сто и больши», братья вся убогая, «а без воды и без дров всякую нужу терпят; летнею порою, когда не лучитца лошеди, скудости ради в монастыре, и все де навозную воду пьют из луж, а зимнею порою снег тают..., а дрова возят ис подгорья, от сажени сеченых дров дают найму алтын по 5-ти и больши». Власти и вкладчики подавали челобитную архиепископу Киприану об устроении монастыря на новом месте, что и было им разрешено сделать на берегу Иртыша, и храм во имя Знамения был освящен 5 февраля 1624 г. Из прежнего монастыря старцы перешли в новый, а в Успенском оставили для церковной службы попа и дьячка (ГАФКЭ, Сиб. прик., кн. 6, лл. 170 об. — 176 об.). В дополнение к § 54 гл. 3 (История Сибири, I, стр. 258) см. грамоту... июня 1624 г. в Тобольск о присылке выписи с писцовых книг 1614—1615 гг. землям Успенского монастыря, «что ныне новозиждущей Знамения... богородицы», деревне Вагаю и Бегишевым горам, об отводе их монастырю и освобождении от всяких податей (у монастыря была грамота на те же земли, данная под Москвою боярами в 1611—1612 гг.) (ГАФКЭ, Сиб. прик., кн. 6, лл. 166, 170 об.).

Известие о пожаре Знаменского монастыря см. в ДРВ, изд. 2-е, III, стр. 92 (под 1659 г.). О владениях Знаменского монастыря см. у Буцинского, «Заселение Сибири...», стр. 118—121. *А.*

§ 27. О Спасском тарском монастыре и основании его архиепископом Киприаном см. РИБ, VIII, стб. 461. О церквах на Таре в 1627 г. см. ibid., стб. 462, 463. — Присланный из Москвы в 1680 г. писец стольник Лев Миронович Поскочин должен был сначала описать Тобольск и уезды Тобольского разряда: Верхотурский, Пелымский, Туринский, Тюменский, Тобольский и Тарский; от его описания сохранились лишь дозорные книги Верхотурские 1680 г., Преображенского тюменского монастыря 1680 г. и Тюменского уезда 1685 г. (ГАФКЭ, Сиб. прик., кн. № 697, 698). Об описи им Тарского уезда см. сыскное дело 1683—1687 гг. (ibid., ст. 983). Одновременно с Поскочиным для описания Томского, Кузнецкого, Нарымского, Кетского, Енисейского, Красноярского и, кажется, Иркутского уездов был послан из Москвы дворянин Артемий Герасимов сын Дурной (Дурново), который «в Сибири умре». В 1684 г. Льву Поскочину было поручено закончить работу Дурново (ДРВ, изд. 2-е, III, стр. 238); из этих описаний сохранились дозорные книги по Енисейскому уезду 1680 и 1684—1687 гг. (ГАФКЭ, Сиб. прик., кн. 619, 942) и Иркутскому 1685—1686 г. ibid., кн. 941, лл. 80—242), отчасти напечатанные в издании Н. А. Н. [айденова] «Иркутск. Материалы для истории города», стр. 4—12.—Причина посылки нового игумена в Успенский томский монастырь была другая: в 1625 г. архиепископ Макарий, получив сведения о распущенности монахов этого монастыря, сменил игумена Евстратия и назначил на его место Феодосия, приказав последнему установить в монастыре строгий порядок и с разбором принимать в него монахов и вкладчиков; следствием этого указа было то, что вся братия и монастырские люди разбежались и монастырь запустел (Журнал Мин. нар. просв., ч. LXXXI, стр. 25; Буцинский. Сибирские архиепископы, стр. 17—18). Об основании монастыря в Томске в 1643 г. см. § 53 гл. 13 «Истории Сибири» Миллера (ГАФКЭ, портфели Миллера, № 505, I). *А.*

§ 28. П. Н. Буцинский приводит рассказ (Сибирские архиепископы, стр. 16—17, на основании ст. 655 Сиб. прик.) о чернеце Ефреме, которого прислали в 1634 г. из Березова «в Мангазею в Троицкий монастырь», но воевода тамошний, «блюдясь от него деловых речей», отправил его в «Туруханское зимовье». Но речь здесь должна итти не о монастыре, а о Троицкой церкви (кроме нее в Мангазее была Успенская церковь), поп которой обслуживал обе церкви (ср. у П. Н. Буцинского, «Мангазея и Мангазейский уезд», стр. 16). *А.*

§ 31. О «женском вопросе в Сибири в XVII в.» см. статью Н. Оглоблина в «Истор. вестн.», 1890, № 7. *А.*

§ 33. В последующие годы также рассылались по Сибири указные грамоты о воспрещении всяких «богомерзских дел»; см., например, память 1649 г. верхотурского воеводы Рафа Всеволожского в Ирбит, повторяющую государев указ 1648—1649 г. (АИ, IV, № 35, стр. 124—126), указную грамоту 1653 г. тобольскому архиепископу Симеону (ГАФКЭ, Сиб. прик., ст. 400) и др. См. Н. В. Рождественский. К истории борьбы с церковными беспорядками, отголосками язычества и пороками в русском быту XVII в. (ЧтенОИДР, 1902, кн. 2, смесь, стр. 1—31). *А.*

Реформы Киприана проходили далеко не так мирно, как стремится показать Миллер. Ему была известна циркулярная грамота, разосланная в декабре 1622 и в январе 1623 гг. от имени царя к воеводам сибирских городов, в которой говорилось: «Ведомо нам учинилось, что в сибирских городех служилые и всяких чинов люди в духовных делех архиепископа Киприана и его десятильников слушать и под суд к нему ходить не хотят и научают меж себя на архиепископа служилых и всяких чинов людей во всех сибирских городех шуметь, а ты-де — продолжала грамота, обращаясь непосредственно к каждому воеводе, — им потакаешь». Любопытно, что столкновения происходили не только из-за изъятия «духовных дел» из-под суда

воеводы. Архиепископ брал на себя функции контроля над деятельностью самого воеводы и подчиненных ему служилых людей. «А которых-де наших людей посылаешь к татаром и к вогуличем и к остяком, — писали из Москвы к воеводам, — и те-де люди татаром и остяком и вогуличем чинят всякое насильство и посулы с них емлют великие, а нашей казне прибыли ни в чем не ищут, и в пьянствах-де... многие люди бьются и режутца, а ты про то не сыскиваешь». Грамота заканчивалась строгим приказанием: «и ты б вперед богомольца нашего Киприана архиепископа в духовные ни в какие дела не вступался и служилых и всяких чинов людей от всякого дурна унимал» (ГАФКЭ, портфели Миллера, № 477, I, №№ 49, 58, ср. № 59). *Б.*

§ 35. См. переписную книгу Софийскому собору в Тобольске и тобольскому архиерейскому дому 1624—1625 гг. (Сиб. прик., кн. 7, лл. 2—100), часть ее напечатана в издании Н. Найденова «Тобольск. Материалы для истории города в XVII и XVIII столетиях», стр. 11—26, 30, 31. Дозорные книги софийских вотчин в Тобольском и Тюменском уездах 1624—1626 гг. в ГАФКЭ, Сиб. прик., кн. 7, лл. 101—149; ср. у Буцинского, «Заселение Сибири...», стр. 122—124. Для характеристики хозяйственной деятельности Киприана представляет интерес грамота 4 декабря 1625 г. в Тобольск о даче суда доверенному лицу Киприана (в это время уже митрополиту сарскому и подонскому) по одной из неоплаченных кабал ницынских крестьян; из грамоты видно, что в бытность в Сибири Киприан через своего келейника Андриана и сына боярского Меркурия Борзово давал свои келейные деньги в заем крестьянам, причем кабалы писались на упомянутых лиц (ГАФКЭ, Сиб. прик., кн. 6, лл. 605 об. — 609). *А.*

§ 42. Некоторые подробности об основании Гаринской слободы имеются в грамоте 18 октября 1624 г. в Тобольск (ГАФКЭ, Сиб. прик., кн. 6, лл. 264—267 об.; ср. ibid., л. 51 об.). В виду того, что тобольский воевода Ю. Я. Сулешов запретил верхотурским воеводам выдавать хлеб «прибранным» на Верхотурье крестьянам, поселяемым в Гаринской слободе, а также не позволил тратить на них хлеб, «который хлеб, рожь, овес и ядрица родитца на государевой пашне, на крестьянской и на вагульской пахоте», воевода пелымский Иван Вельяминов, по его просьбе, получает в 1623—1624 гг. разрешение для новоприборных крестьян взять хлеб из пелымских запасов. *А.*

§ 43. О составе населения новых слобод имеются сведения в грамоте 20 марта 1626 г. тобольским воеводам (ГАФКЭ, Сиб. прик., кн. 6, лл. 532 об.—536). Сообщая в марте 1626 г. об устройстве слобод на Нице в Тюменском уезде и Чубаровой в Туринском уезде, тюменские воеводы Иван Плещеев и Иван Ярлыков писали, что в «те слободы присланы ныне из Тобольска прикащики, украинные дети боярские, которые сосланы в Сибирь в [государевой] опале: на Нице Борис Толбузин, на Чюбарове Дружина Полозов»; в слободы бегут «с Тюмени посадские люди и отставленные ямские охотники, не хотя давать... выдельного хлеба, и пашенные крестьяне, не хотя пашни пахать... и садятца на льготные лета для... денежные и хлебные подмоги»; туда же идут гулящие люди, работавшие «из паймов» у посадских крестьян и «отставленных охотников», «наем взяв сполна и не хотя [государева] оброка платить»; за ними бегут также и «крепостные люди от детей боярских и ото всяких людей, или хто что своровав бегают» также в те слободы; несмотря на неоднократные указания тюменских воевод, прикащики принимают всех этих людей; между тем они, «прибежав к ним в те слободы, и живут в гулящих людях, для того, что у них в слободах многие пашенные крестьяне корчмы и зерни держат», «и тутошные пашенные крастьяне на продажном питье испропились, и бежали из тех слобод многие безвесно, неведомо куды». Тобольским воеводам приказано было отписать от себя прикащикам Нижней Ницынской и Чубаровой слобод, «чтоб они вперед таких спорных людей без указу на пашни не принимали и ссоры

тем не чинили и мимо слобод таких беглых людей к Руси без проезжих грамот не пропущали». Ср. у Буцинского, «Заселение Сибири. . .», стр. 71—74. *А*.

§ 46. Основателем Ницынской слободы, называвшейся также Красной, Нижней Ницынской и Краснослободским острогом, был действительно тюменский сын боярший место последнего. О событиях, происшедших в слободе в апреле 1626 г., и па следующий год смененный Борисом Толбузиным, а в 1626 г. вновь занявший место последнего. О событиях, происшедших в слободе в апреле 1626 г. и о последующей расправе с крестьянами подробно рассказано в отписке того же года тобольских воевод в Москву (РИБ, VIII, стб. 388—400, 420). На смену убитому Степану Молчанову был в мае 1626 г. вновь назначен Борис Толбузин, о котором говорит та же тобольская отписка и приложение № 235. Сведения о Степане Молчанове неправильно отнесены П. Буцинским «Заселение Сибири. . .», стр. 46, 73, к Ницынской слободе Верхотурского уезда. *А*.

Миллер имел в своем распоряжении очень любопытные данные об убийстве Молчанова, которых он, однако, по понятным соображениям, не решился опубликовать. Обстоятельства этого дела были следующие. 23 марта 1624 г. из Тобольска на Ницу был послан сын боярский Степан Молчанов и с ним 26 человек тобольских старых и новоприсланных пашенных крестьян; кроме того, он должен был взять на Тюмени 4 пашенных крестьян, «за которыми пашен своих нет», и 30 человек тюменских половников, живущих «в половье» за всякими людьми; всех их он должен был устроить на пашне на реке Нице. Молчанов, приехав на Ницу, вымерял под государеву пашню три поля, «в поле по сту десятин», и крестьянам отделил землю под их крестьянскую «собинную» пашню. Тюменским переведенцам из половников Бориску Лязгову и Якунке Кипихе с товарищи, 24 человекам, он «для поспешения и для новые селидбы» разрешил временно вспахать на себя часть земли, отведенной под государеву пашню, с тем, чтобы в следующем году они завели собственную пашню. Но когда через два года он велел слободским крестьянам вспахать все государево поле под ярь, то Бориско Лязгов, Якунка Кипиха и их товарищи, фактически владевшие этим полем, заявили, что «им. . . земли, которая дана была им под рожь. . . в. . . государеве поле под. . . государев яровой хлеб не отдавать». В происшедшей ссоре крестьянин Левка Воробьев стал «лаять» Молчанова; тот «замахнулся было на него батогом». Тогда Воробьев, Лязгов и другие, всего десять человек, принялись Молчанова «бить на смерть ослопы» и «поволокли в воду и у реки, добив до смерти, кинули с каменем в воду», остальные крестьяне подбадривали их криками, «чтобы Степана убили до смерти»; тех, кто заступался за Молчанова, толпа грозилась тоже «убить до смерти и кинуть в воду со Стапаном Молчановым вместе». Эта вспышка не была случайностью. По показанию одного из убийц, «о Степанове убийстве умысл у старосты и у целовальников был до убойства дни за три и за четыре». В Тобольске Борис Лязгов с товарищи заявил: «а убили Степана Молчанова все ницынские крестьяне, и не одне они». Находившиеся при Молчанове «для караулов» служилые тюменские люди Пятунка Угримов и Матюшка Черкашенин бежали на Тюмень. «Степановы убойцы» Бориско Лязгов, Левка да Тренька Воробьевы, Артюшка и Архипка Павловы, Тренька Юрьев, Демка Кондратьев, Якунка Фотеев Кипиха, Пашка Филатов и Микитка Талал, всего 10 человек, были взяты в Тобольск. Но движение среди крестьян Новой слободы улеглось не сразу. У арестованных крестьян на Нице остались «дворы и животы и животина, лошади и коровы и овцы, и иной всякой пашенний завод и в земле сеяной хлеб» и было недопахано государевы пашни «их долей трех десятин залогу». Назначенный на место убитого Молчанова Борис Толбузин приказал женам арестованных крестьян, «чтоб они государевы пашни, доли мужей своих, велели выпахать», но «крестьянские жены» пашню не стали допахивать. А когда крестьянин Тимошка Тобуркин стал им приказывать пашню пахать, то присутствовавший при этом Федька Яковлев Кипиха сказал, «что им государевы

пашни долю пашенных крестьян, которые взяты в государеве деле в Тобольск, не пахивать». «А только-де ты, — передал Тобуркин Толбузину слова Федьки, — тое пашню велишь им сильно пахать, им так же тебе убить, и в воду кинуть, что и Степана Молчанова». По царскому указу, состоявшемуся 15 января 1626 г., было велено, из «убойцев» Молчанова, одного «выбрав пущего вора. . ., казнити смертью», остальные были биты кнутом и сосланы в другие сибирские уезды и вновь посажены на пашню. Той же участи подвергся Федька Кипиха, говоривший про убийство Б. Толбузина (ГАФКЭ, портфели Миллера, № 477, I, №№ 71, 72, 85, 87; ibid., II, тетр. I, №№ 15 и 16; РИБ, VIII, стб. 388—400, 416, 420, 421). *Б.*

§ 50. Миллер не указывает, когда была основана Верхняя Ницынская слобода (ср. § 47), но в § 51 известие 1631—1632 гг. об основании слободы «на усадище Красной елани на Иванчинском займище» справедливо относит к слободе «на Красном яру», т. е. к Верхней Ницынской: значит, время основания ее — 1631 — 1632 гг.; основателем ее, как видно из того же документа (приложение № 319), был тобольский сын боярский Михаил Байкашин, а не тюменский сын боярский Илья Бакшеев, как предположительно отмечено в конце § 50. Указание в приложении № 440 (на него же ссылается также Б у ц и н с к и й. Заселение Сибири. . ., стр. 74), что уже в 1627—1628 гг. в Верхнюю Ницынскую слободу Андрей Буженинов «прибрал» 45 человек крестьян, является ошибочным: припоминая в 1646 г. отдельные моменты своего послужного списка А. Буженинов мог допустить ошибку в дате основания Верхней Ницынской слободы. Прочие архивные данные, приводимые Буцинским (ibid., стр. 75), подтверждают скорее, что слобода была основана в 1631—1632 гг. *А.*

§ 54. «Верхотурского уезда железного дела кузнецы и затворщики и деловые люди» упоминаются и в позднейших документах. По данным 1660—1661 гг. штат завода состоял из трех кузнецов с жалованьем в 7 руб., 4 руб. и 1 руб. в год, двух «затворщиков», получавших по 5 руб., и 12 человек деловых людей, получавших по 2 руб. 50 к. (Сиб. прик., кн. № 432, лл. 153 об.—154). Общий надзор принадлежал «железного дела прикащику», который стоял во главе «железного дела слободы» и «железного дела крестьян» (ст. № 663, л. 72). *Б.*

По вопросу о возникновении железоделательной промышленности на Урале было высказано мнение о том, что, вопреки Миллеру, первая разработка руд в районе будущего Невьянского завода начата была крестьянами, причем руда была не открыта, а экспроприирована московским правительством, вместе с необходимой рабочей силой (Материалы по истории крестьянской промышленности XVIII и первой половины XIX в., I, М.—Л., 1935, предисл., стр. XXVII—XXIX; тот же взгляд повторен затем М. Ф. Злотниковым в его вводной статье к «Описанию уральских и сибирских заводов 1735 г.» В. де Геннина, М., 1937, стр. 18, 19. История Невьянского завода в 1699—1734 гг. у де Геннина, ук. соч., стр. 611—613). О более ранней попытке начать разработку железной руды около Томска см. приложение № 237. *А.*

§ 55. В дату основания Арамашевской слободы, предложенную Миллером, П. Н. Буцинский внес поправку: ее возникновение он относит к 1639 г. («Заселение Сибири. . .», стр. 52). *А.*

§ 57. Время основания Ирбитской (Ирбеевской) слободы — 1632 г. (Б у ц и н с к и й. Заселение Сибири. . ., стр. 50, 51). *А.*

§ 58. Об Усть-Ирбитской слободе, построенной на реке Бобровке (приток Ирбита) в 1642—1646 гг. Пятым Ощепковым, Буцинский (ук. соч., стр. 51) сообщает другие сведения. *А.*

§ 59. См. отписку туринского воеводы Никиты Кафтырева, содержание которой приводится в прилож. № 384, — ГАФКЭ, Сиб. прик., ст. 94, л. 288; ср. у Буцинского, «Заселение Сибири. . .», стр. 76. — «Строельная книга новоприборных

крестьян Туринского уезда 147—148 гг., которых прибрал воевода Никита Кафтырев в новую слободу от Туринского острогу вверх по Туре реке над Сусадкою речкою на Высокое поле, где быть государеве десятинной пашне» находится в ГАФКЭ, Сиб. прик., кн. 75, л. 114 и сл. *А*.

§ 60. См. также АИ, III, стр. 367—368, № 211, I. *А*.

Производство названия Белослуцкой слободы от слова «слюда» вряд ли правильно. Слуда, слудка означает высокий берег. В этом смысле слово встречается, например, в житии Трифона Вятского и до сих пор сохраняется в названиях некоторых урочищ на севере (например, на реке Сухоне). *Б*.

Об установлении межи Верхотурского и Туринского уездов в 1645 г. см. отписку верхотурских воевод 1646 г. (АИ, IV, стр. 22—24, № 5). В ней имеется также ответ на запрос грамоты 1646 г. (приложение № 439) о «вине» верхотурского сына боярского Василия Муравьева, который ездил на межевание по поручению верхотурских воевод. *А*.

§ 68. В новую слободу на реке Пышме были устроены крестьяне, бобыли и захребетники, жившие в архиепископских и монастырских слободах и деревнях, а также у служилых людей, крестьян и у ямских охотников в Туринском уезде. Для переписи их был послан осенью 1646 г. тобольский письменный голова Андрей Секерин, о чем см. отписку тобольского воеводы Ивана Салтыкова туринскому воеводе кн. Петру Барятинскому (АИ, IV, стр. 65—68, № 14), на основании которой датировано приложение № 251. *А*.

§ 69. О заселении Пышмы, Исети и Тобола см. гл. 13 «Истории Сибири» Миллера (ГАФКЭ, портфели Миллера, № 505, I). *А*.

§ 70. В служебной переписке Миллера (ААН, ф. 21, оп. 2, № 26) имеется его запрос в тарскую канцелярию 1740 г., в котором, между прочим, Миллер писал: «в описи тарской архивы находится столбец 138-го году под № 5 о строении в низовых ясашных волостях на Ишиме реке острожка и о присылках служилых для оберегательств от воинских людей. . .». *А*.

§ 71. О Самаровском яме см. у Хрис. Лопарева, «Самарово — село Тобольской губернии и округа. Хроника, воспоминания и материалы о его прошлом». С картою, планом и 6 видами, Изд. 2-е, испр. и дополн., СПб. 1896. *А*.

§ 73. Бийская крепость основана в 1709 г. В известных мне трудах Миллера истории заселения этого округа не имеется. *А*.

§ 74. Поход Якова Тухачевского был задуман и подготовлен в Москве еще в 1638—1639 гг. В Сибирском приказе был допрошен Яков Тухачевский, ходивший через Киргизскую степь к Алтын хану. Тухачевский наметил план похода. В прибавку к томским служилым людям он предлагал послать из Тобольска 400 человек русских служилых людей и 500 татар. Поход следовало, по его мнению, совершить «по последнему зимнему пути, что им (киргизам) бежать будет нельзя». Объединенная тобольско-томская рать, выйдя из Томска, должна была сойтись с красноярскими и кузнецкими служилыми людьми на реке Урюпе, близ Божьего озера, в центре Киргизской земли. Эти соображения Тухачевского были поддержаны находившимися в Москве томскими и красноярскими служилыми людьми. На основании всех этих данных состоялся указ о посылке экспедиции под начальством самого Тухачевского. С ним отпущено было из Тобольска 200 человек русских служилых людей, с Тюмени 200 человек и с Тары 100 человек, всего 600 человек, вместо 900, о которых он просил. В Томске должны были присоединиться еще 200 человек; к этому числу надо прибавить 20 человек кузнецких служилых людей и 50 человек красноярских — всего очень значительное войско в 870 человек, хотя и меньшее, чем намечалось. Из Москвы оно было снабжено пищалями добрыми, латами, шишаками, «гротиками», прапорами и барабанами. Поход имел место в 1641 г. После трехнедельного похода Тухачевский вступил в Киргизскую землю и разорил улус князца Ижинея, но сам

был окружен киргизами и подошедшими к ним на помощь монголами и джунгарами. У служилых людей не хватило пороха и свинца; пришлось отступать «отходом обороннюю рукою, отоборясь верблюды», отбивая в течение четырех суток «день и нощь беспрестанно» «натиски жестокие» врагов. Среди войска началось брожение, ратные люди «забунтовали», покинули своего предводителя «на степи» и разбрелись врозь: с ним оставались всего 39 человек. Тухачевский послал в Красноярск с просьбой о помощи. Красноярский воевода Афанасий Баскаков отправил его «сыскивать» отряд в 200 человек, которые и нашли его на р. Июсе. С красноярскою подмогою Тухачевский поставил на Чулыме Ачинский острог и дождался в нем назначенного ему на смену Ивана Бобыльского. Бобыльский, приняв Ачинский острог, ходил из него походом в Киргизскую землю, перешел Июс и вступил в горы. Здесь на него напали киргизы, «не допустя до своих улусов». Бой был ожесточенный и продолжался «с 3-го часу дня и до вечера». Киргизы потерпели поражение, шертовали и выдали аманатов. Бобыльский, считая свою задачу выполненной, распустил войска и в августе 1643 г. послал рапорт в Москву о достигнутых успехах (Сиб. прик., ст. № 292).

§§ 76, 77. О путях на Енисей по Тыму-Сыму и Ваху-Елогую см. у С. В. Бахрушина, «Очерки по истории колонизации Сибири», стр. 112—114, 122. *А.*

§ 78. Морской путь из устья Оби в Мангазею описан подробно у С. В. Бахрушина, «Очерки по истории колонизации Сибири в XVI—XVII вв.», М., 1928, стр. 114—120. О размерах Туруханской ярмарки говорится в челобитной торговых и промышленных людей 1644 г.: «всяких, государь, людей съезжалось в прошлых годех для торгов человек тысячи по две и больше, а те, государь, и промыслы были большие: у многих, государь, у одного человека ужин (т. е. покрученников) по 50, а в торгу у одного ж человека тысячи по две и по три и по пяти и больши» (Сиб. прик., ст. № 139, лл. 165—166). В 1630 г. из Тунгусок прибыло в Туруханское с промыслов 887 человек, летовали и зимовали в Туруханском зимовье 127 человек, всего 1014 человек. С 6 июня по 16 июля 1634 г. собрано в Туруханском сорокового и поголовного с 674 человек; в июне же отпущено на Турухане на промыслы 169 человек; всего 843 человека. В 1636 г. в приезде из Тунгусок было 707 человек; в 1637 г. в Тунгуски пошло 243 человека, вышло из Тунгусок 586 человек, всего 829 человек (Сиб. прик., кн. 26). Эти цифры подтверждают указания на крупные размеры туруханской ярмарки в первые десятилетия XVII в. Открытие пути на Лену из Енисейска подорвало ее значение. *Б.*

§§ 78, 79. Содержание государевой грамоты 1670—1671 гг. о построении «Мангазеи вновь на Турухане или близко Турухана, где пристойно» в Доп. к АИ, VII, стр. 348, № 74, IV. Об открытых мангазейскими служилыми людьми реках и обложении ясаком живших там народов см. далее гл. 11, а также РИБ, II, № 213, и у Буцинского, «Мангазея и Мангазейский уезд», стр. 17, 18, 23, 24. *А.*

§ 80. Хотя Подкаменная Тунгуска давно уже была известна мангазейским служилым людям, которые обложили ясаком живших там остяков (кетов), но объясачение тамошних тунгусов относится к 20-м годам XVII в. и было начато, повидимому, сургутскими служилыми людьми. В 1621 г. сургутские казаки Чудин, Захар и Иван Федоровы, «когда ходили Тымою рекою на Сым волок для промысла», открыли на Подкаменной Тунгуске «новую землицу»: они нашли «тунгусов, человек с 60, а в тех... тунгусах никто не бывал и с тех... мужиков... ясак не идет, потому что их никто не знает» (ГАФКЭ, Сиб. прик., кн. 1, лл. 190 об.—192). В 1624 г. на Подкаменную Тунгуску был послан из Енисейского острога атаман Поздей Фирсов с служилыми людьми для сбора ясака; они убили пять тунгусов «и жен и детей и оленей и котлы и соболи и лисицы и бобры и животы их статки поимали»; побитые — «закаменные тунгусы»; жалобы на Поздея принес один из «закаменных остяков», по поручению князца Томалена Ватова с товарищами, которые платили ясак

в Мангазею. Атаман Поздей Фирсов не отрицая того, что он побил пять «тунгусов», но объяснял, что они «пришли на него войною и побити его хотели, а те... тунгусы были неясашные» (ААН, ф. 21, оп. 4, № 22, стр. 6—7, № 5). В 1626 г. на Подкаменной Тунгуске из-за того, кому собирать там ясак, произошло столкновение между енисейскими и нарымскими служилыми людьми; грамота 1626 г. не решает возникшего спора о принадлежности Подкаменной Тунгуски к определенному уезду, а предлагает «высмотреть» — «откуды ближе и прибыльнее посылать за ясаком в ту местность» (ГАФКЭ, Сиб. прик., ст. 12, лл. 154—159). По мангазейским ясачным книгам ясак с тунгусов на Средней Тунгуске впервые был взят в 1625 г. В ясачных енисейских книгах 1627—1629 гг. о Подкаменной Тунгуске сведений нет. В мангазейской ясачной книге 1629 г. (Сиб. прик., кн. 19, лл. 1—52) тунгусы Усть-Тейского (при впадении Тей) и Усть-Чуюнского зимовьев на Подкаменной Тунгуске платят ясак в Мангазею (Буцинский, Мангазея..., стр. 21). *А.*

Дубчесская слобода была основана Вороговым совместно с мезенцем Григорием Цыпаней. О деятельности Гр. Цыпани и о Дубчесской слободе см. у П. Н. Буцинского, «Мангазея и Мангазейский уезд», в «Изв. Харьк. унив.» 1893, и у С. В. Бахрушина, «Сибирские слободчики в XVII веке», в «Трудах Гос. Колониз. инст.», т. II. *Б.*

§ 81. Естественную границу между Енисейским и Красноярским уездами в XVII в. составлял порог на реке Енисее. Выше порога на реке Караульной, или Межевой, стояла Надпорожная Спасская слобода Красноярского уезда, а ниже порога — Подпорожная слобода Енисейского уезда. Граница между обеими слободами шла в первые годы XVIII в. «ниже порогу по речке Караульной, а Межевая то ж» (Сиб. прик., кн. №№ 566 и 1504). *Б.*

§ 84. О «женском вопросе» в Сибири см. статью Н. Оглоблина, указанную в примеч. к § 31. *А.*

§ 86. В эпидемию оспы в 1690—1691 гг. умерло в Якутске 115 казаков и 715 казачьих жен и детей и новокрещенных якутов; количество погибших от «воспы» ясачных людей по волостям и зимовьям Якутского уезда неизвестно (ГАФКЭ, Сиб. прик., ст. 855). Об оспе у тунгусов и якутов 1691—1692 гг. см. отписку прикащика Олекминского острожка Андрея Амосова (ЧтенОИДР, 1861, кн. I, смесь, стр. 21—22) *А.*

§ 88. Об учреждениях, ведавших Сибирью в XVI и в начале XVII вв., до образования в 1637 г. самостоятельного Сибирского приказа, см. у Н. П. Лихачева, «Разрядные дьяки XVI в.», СПб., 1888, прилож., стр. 96—98, и у Оглоблина, «Обозрение столбцов и книг Сибирского приказа», I, стр. 7. Перечень бояр и дьяков учреждений, управлявших Сибирью в XVI—XVII вв., будет дан в конце т. III «Истории Сибири». Для справок о них см. также статью Г. Ф. Миллера «Московские старинные приказы» (ДРВ, изд. 2-е, т. XX, стр. 317—318, 395—398). Имена вторых дьяков приказов, ведавших Сибирью, приведены также в рукописи первоначального текста гл. 8 «Истории Сибири» (ГАФКЭ, портфели Миллера, № 503, II), но в окончательной редакции опущены Миллером. *А.*

§ 89. Вопреки сказанному Миллером, «дворцами» в Московском государстве назывались не только здания, занимавшиеся царями, но и учреждения. В Казанском дворце дела по Сибири ведались особым отделом, носившим название «Сибирского приказа», и особые подьячие сидели «в Казанском дворце у сибирских дел» (Оглоблин. Обозрение столбцов и книг Сибирского приказа, ч. I. М., 1895, стр. 7). В 1637 г. Сибирский приказ был только выделен в особое учреждение. *Б.*

К главе девятой

§ 5. «Известия Унковского» были изданы позже в русском переводе с документами, предисловием и примечаниями Н. Н. Веселовского под заглавием «Посольство к зюнгарскому хун-тайчжи Цэван Рабтану капитана от артиллерии Ивана Унков-

ского и путевой журнал его за 1722—1724 годы», СПб., 1887, XLI + 277 + VI (калмыцкие грамоты) + карта калмыцкого кочевья контайшина владенья, составленная И. Унковским. 28 апреля 1620 г. в Золотой палате в Москве был отпуск послам Алтына царя, Биликты лабы, калмыцкого Каракулы тайши и киргизских князцов; с послами были отправлены подарки; главный посол Алтына царя назывался Тархан лаба, его товарищи — Кетя бакша и Анга, посол Биликты лабы — Зорукта Манга, посол Каракулы — Онуга, имена двух киргизских послов не указаны — все они также получили подарки (Вестн. археол. и ист., XX, стр. 41—44). Упоминаемый в наказной памяти 1620 г. Лука Васильев, вероятно, тот толмач, который ездил в Монголию с Василием Тюменцом в 1615—1616 гг., а Иван Белоголов стоял во главе неудачного посольства к Алтыну царю и в Китайское государство, отправленного из Томска в 1608 г.

О калмыцких делах в архиве Посольского, Сибирского и других приказов, хранящихся в ГАФКЭ, см. «Изв. РАН», 1919, № 16—18, стр. 1079—1092. *А.*

§ 10. Нападения калмыков на русских, приезжавших за солью к соляному пристанищу у озера Ямыша, повторялись и в следующие годы: так, тюменский атаман Ив. Воинов в своей челобитной 1628 г. вспоминает, что когда он в 1625 г. вместе с тюменскими служилыми людьми пришли туда, «и у соляного... озера кочуют многие колмацкие люди... и нас... те колмацкие люди у соляного пристанища в острожке осадили», служилые люди дважды отражали нападения калмыков и отогнали их прочь от соляного озера (РИБ, VIII, стб. 514—515). *А.*

§ 11. О бухарских посольствах в Тобольск и в Москву см. «Материалы по истории Узбекской, Таджикской и Туркменской ССР», ч. I, Лгр., 1933; о после Чобаке Балыкове см. ibid., стр. 137, 138, 406, 407; об «Имамкуле царе» см. также примеч. к § 19. *А.*

§ 12. О башкирах и их сношениях с калмыками и с Кучумовыми царевичами см. «Материалы по истории Башкирской АССР», ч. I, М.—Л., 1936, стр. 25—28. *А.*

§ 13. О ногайских татарах см. у Пекарского «Когда и для чего основаны города Уфа и Самара». Сборн. Отдел. русск. яз. и слов. Акад. Наук, т. X, № 5, СПб., 1873. *А.*

§§ 15—18. О посольстве Дм. Черкасова и Кельмамета Якшигильдеева донесение тобольского воеводы напечатано в РИБ, II, стб. 447 и сл., но Якшигильдеев назван Бегишевым. Содержание донесения передано Миллером не вполне точно: по словам Черкасова, тайша Сенгул заявил: «под его царскою высокою рукою быть хочу», тогда как Миллер говорит, что Сенгул «и слышать ничего не хотел о каком бы то ни было подданстве». Название гор «Пенья» там же в РИБ. О столкновении Богатыря с тайшей Кагаем нет в РИБ. *Б-й.*

§ 19. О смерти царевича Ишима в 1624 г., о войне калмыков с мунгалами в 1624 г., о победе последних и об откочевании вследствие этого калмыков к Яику «на Картал да на Каракум», о союзе мунгалов с Казахской ордой и «з большими киргизы», о посольстве бухарского Имамкула царя из Ташкента к мунгалам, о союзе против бухарского же Турсуна царя и его союзников калмыков и о призыве на службу детей царевича Ишима см. грамоту в Тобольск 18 января 1625 г. (ГАФКЭ, Сиб. прик., кн. 6, лл. 93 об.—98). *А.*

§ 22. О посольстве «в Калмаки, к Мангиту тайше» Мартына Боржевицкого, посланного в 1625 г. томскими воеводами кн. Иваном Шеховским и Максимом Радиловым, и о «непригожих речах» Боржевицкого см. грамоту 12 октября 1625 г. (ГАФКЭ, Сиб. прик., кн. 6, лл. 444 об.—454). Упоминаемый в тексте указ см. также в ГАФКЭ, калмыцкие дела, 1633 г., лл. 31, 35. *А.*

§ 23. Сохранился наказ кузнецкому воеводе Евдокиму Баскакову 131 г., напечатанный в «Сборнике Хилкова», стр. 188—194, № 68; в нем очень ценные све-

дения о «кузнецких людях» (шорцах). О нападении калмыков на Кузнецк в июне 1624 г. («отогнали 13 лошадей») и о неоднократном появлении в Кузнецком уезде белых и черных калмыков, о сборе ими с тамошних ясачных второго ясака железом и мягкой рухлядью, об их грабежах и о взятии в полон и притеснении жен и детей см. также грамоту... декабря 1624 г. (ГАФКЭ, Сиб. прик., кн. 6, лл. 54 об.—55). О железоделательной промышленности Кузнецкого края в XVII—XVIII вв. см. «Проблемы истории докапиталистических обществ», 1934, №№ 7—8 и 9—10. *А.*

§ 26. К 1625—1628 гг. относятся сношения тарских воевод с калмыками-курчаками, с стоявшим во главе их «черным мужиком» Кексешом, которые в количестве до 200 человек прикочевали к верхним тарским волостям Барабе и Тереньe, отняли зверовую добычу и бобровые речки, убили двух человек и вообще теснили тарских ясачных людей. На предложение посланного (летом 1626 г.) к Кексешу атамана Власа Колачникова уйти с государевой земли, Кексеш «учинился непослушен, с... государевы земли не сошел, и тех людей, которые побили... государевых ясашных людей, не сыскал, и его... Власка лаял... и говорил... чтоб к нему вперед не приезжали». В августе того же года были получены на Таре известия о том, что «Куян тайша перевезся выше Оми за Иртыш и покочевал в Тунуской волости, а иные... многие тайши кочуют по Камышлову». В виду таких вестей тарские воеводы посылали в Тунускую волость голов Ивана Кокошкина и Андрея Кропотова с тарскими служилыми людьми, литвой, казаками и юртовскими татарами, чтобы оберегать волости и, в случае необходимости, «промышлять» над калмыками. С своей стороны тобольские воеводы предлагали тарским еще раз попытаться уговорить калмыков уйти с государевой земли и вернуть полон и награбленные животы. В сентябре на Таре были получены от посланных голов известия, что калмыки еще до их прихода воевали Тунускую волость, побили ясачных татар, а некоторых из них с женами и детьми взяли в полон, направившись с ними в свои улусы вниз по Оми; калмыки намеревались итти затем на Тару, а три тайши пошли уже в Барабинскую волость. Головы направились затем в поход против калмыков. Прибежавший на Тару выходец из Калмыцкой земли русский полоняшник Каширского уезда сообщил, что Урылдай, Коян и Сенгул тайши, «перелезши Иртыш, шли вверх по Оми... полтора дни и, поставя улусы свои у крепостей меж рек и озер, шли воевать... государевых волостей и пришли назад в улусы и языки привели». Через день после того, 5 сентября, была получена отписка из Барабинского острогу от атамана Поспела Голубина; он сообщал, что посылал служилых людей под улусы тайши Табытая и Сенгула, меж Омью и Чапом озером, в полуднище, но калмыки их прогнали и появились сами под Барабинским острогом, где был у них бой с служилыми людьми, к которым на помощь пришли с Убы озера из летнего острожка служилые люди и убинские татары, в виду чего калмыкам пришлось отступить. В октябре Иван Кокошкин и Андрей Кропотов вернулись на Тару; в погоне за калмыками они «ходили... за урочище за Чапу озеру днище, и тех калмыцких людей не сошли; а дале... того места не пошли, потому что по сакме сошлись вместе многие калмыцкие люди...». После того тарские воеводы отправили к сыну тайши Тургени тайше Табытаю, вернувшемуся «с боя» с тайшами Талаем и Урлюком, юртовского служилого татарина Певруза Евгаштина просить его сыскать тех людей, которые воевали государевых ясачных людей (в числе их были люди его жены, ушедшей с Сенгулом и Кояном за Иртыш), и выслать полоненников на Тару, обещая ему вернуть зато находящийся на Таре полон (РИБ, § III, стб. 400—410, 438—441, 510, 511, 567). Вернувшийся в ноябре того же (1626) года Певруско Евгаштин сообщил, что Табытай обещал сыскать полон весной, прислав тех пленников, которые оказались у него в улусах; на отписке об этом помечено в приказе, что только «по самой нуже» следует над калмыками «промышляти воинским обычаем» (ibid., стб. 441—444). Но, несмотря на такое указание и противодействие тарских воевод, ясачные люди

Барабинской волости и других верхних волостей ходили походом против калмыков в марте 1627 г., причем «погромили Талай-тайшина племянника», взяв ясырь, который на следующий день пришлось вернуть, так как догнавшие их калмыки их «осадили» и заставили «помириться и меж собя шертовать» (ibid., стб. 458—459). В последующие месяцы продолжали поступать на Тару известия о том, что калмыки разных улусов появляются в верхних волостях, намереваясь «кочевать промеж Чаны озера и Оми реки». По распоряжению тобольского воеводы, с Тары были посланы туда служилые люди, которые должны были удерживать калмыков и не позволять им кочевать на земле ясачных верхних волостей. Тарский сын боярский Ерофей Заболоцкой вел переговоры об этом с прикочевавшей сюда женой тайши Мангыта, которая не только отказалась уйти, но еще заявила о своем намерении брать ясак с ясачных Барабинской волости, «и стакався с Айдаром тайшей, поставила в прикрытие людей своих человек с 200 и больши, а велела приходить на... государевых людей на проходе, как они пойдут с Чаны в острог на Баклы-туру». Заболоцкому пришлось отступить, а посланного к тайшихе Мишку Микитина с товарищами она велела «перед собою бить и... ограбить, и они... у нее утекли ограблены донага». Кроме названных тайш и другие многие тайши с своими улусы «хотели кочевать по Оми реке меж верхних волостей и Любы и Туры и Тураши и Тунуса». В виду отсутствия служилых людей из Тобольска продолжали советовать не доводить дело до открытого столкновения и действовать попрежнему уговорами (РИБ, VIII, стб. 499—504). Весной 1627 г. юртовский татарин Неврус Евгаштин был вторично отправлен к тайше Табытаю, который, отправляясь на «службу», приказал жене своей отдать погромный ясырь и лошадей; жена его сначала все это отдала, а потом вновь взяла обратно, требуя за ясырь и лошадей выкуп. Вернувшись 1 августа, Неврус сообщил, что и сам Табытай, кажется, хочет кочевать в «волостных местах». Отправить новое посольство к Табытаю было пока невозможно, так как он пошел в дальние кочевные места (РИБ, VIII, стб. 512—513). В том же (1627) году в октябре в Тобольск прибыли послы тайши Урлюка Тайчин и Мамыт, которые просили вернуть ясырь и животы, отнятые у людей Урлюка аялынскими татарами, бывшими в том году на соляном озере; произведенное расследование подтвердило этот факт; хотя тарские воеводы упорно не отвечали на запросы Тобольска и пробовали отрицать правильность требования Урлюковых послов, все же было установлено, что часть ясыря попала в их руки. Когда были получены эти сведения, одновременно пришли известия о новых осложнениях с калмыками. Посланный весною 1628 г. за ясаком в верхние волости Тарского уезда Богдан Байкач, уступая требованиям ясачных людей, «вотчины» которых на Оми грабили калмыки, отправился с ясачными людьми в поход против калмыков;. на бою они убили 5 калмыков и «5 изб у них сожгли» и взяли ясырю, женщин и детей 15 человек, а также 20 лошадей, 3 верблюдов, 2 куяка, тулупы и войлоки; взятые в полон ясырки сказались «Урлюкова сына улусные люди». Сыск по этому делу должен был произвести посланный в том же году тобольский сын боярский Богдан Аршинский, которому приказано было весь погромный ясырь и всякую рухлядь доставить в Тобольск, а лошадей и верблюдов оставить на месте под охраной татар, которые «колмацких людей громили»; Аршинский должен был также отобрать у тарских воевод и у аялынских татар имевшийся у них ясырь и рухлядь; некрещеный ясырь этого погрома он должен был взять с собой к соляному озеру и вести там переговоры с Урлюком или его детьми, признать правильность претензий Урлюка и передать ему ясырь. Вместе с тем Аршинский должен был «выговаривать» Урлюку по поводу грабежа людей его сына на Оми реке, что явилось причиной «задора», приведшего к тому, что Богдан Байкач «от себя с ними бился», взял ясырь и погромную рухлядь, которые после сыска будут возвращены ему, Урлюку. В ответ на это Урлюк, «видя к себе государскую милость, потому ж погромную рухлядь... велел, сыскав, отдать и во всем (государю) служил

и прямил и соль от соляных озер к судам на верблюдах и на лошадех велел возить, чтобы суды нагрузить», и запретил своим людям, без государева согласия, кочевать на государевой земле. При выполнении всех требований калмыкам обещано вернуть ясырь и рухлядь. По получении в июле 1628 г. от Богдана Аршинского известий о том, что им сделано на Таре, тобольские воеводы отпустили послов Урлюка обратно, сообщив обо всем в Москву, требуя указа о крещеном ясыре и о Богдане Байкаче с товарищами, которые громили калмыков. Резолюция на их отписке составлена в резких выражениях: тарским воеводам грозили опалой и расправой, когда они будут в Москве, их обвиняли в совместных «воровствах» с татарами, которые громили калмыков, так как участвовали в дележе добычи и насильственном крещении ясыря. В отношении Богдана Байкача предлагалось выяснить, ходил ли он в поход «собою», или по челобитью ясачных волостных людей (РИБ, VIII, стб. 541—559, 576). Между тем, в 1628 г. нападения калмыков на зверовые промыслы и рыбные ловли тарских ясачных людей продолжались; калмыки грабили их, забирали лошадей, котлы, платье, запасы и мягкую рухлядь и кочевали в тех местах, где тарские ясачные добывали ясачную казну и сами кормились. Уговоры воевод не действовали на калмыков. Тогда весной 1628 г. тарские воеводы кн. Юрий Шеховской и Мих. Кайсаров обратились в Москву с проектом поставить «вверх по Иртышу на Омском устье острог», приводя много доводов в пользу своего предложения. В Москве эта мысль была встречена сочувственно, и решение этого дела было передано на усмотрение тобольских воевод (РИБ, VIII, стб. 522—529, 547). *А.*

Кунгур основан в 1648—1649 гг. (А. Дмитриев. К истории зауральской торговли. Башкирия при начале русской колонизации. Пермская старина, вып. VIII, Пермь, 1900, стр. 124, 125). *Б.*

§ 28. О «воровстве» Тарского уезда верхних барабинских и иных волостей татар князца Когутейки с товарищами см. также отписку 1629 г. тобольского воеводы князя Алексея Трубецкого нарымскому письменному голове Павлу Салманову (ААН, ф. 21, оп. 4, № 16, лл. 28 об.—29). Подписавшие наказ 1632 г. дьяки Дмитрий Прокопьев и Паум Петров были дьяками в Тобольске с 31 мая 1631 г. по 11 октября 1632 г. (Барсуков. Списки городовых воевод, стр. 237). О гибели сына боярского Еремея Пружинина с товарищами от барабинских, чойских, теренинских и куяебинских татар в июне 1628 г. и сожжении построенного в 1625 г. Барабинского острога см. в отписке 1629 г. тарских воевод в Москву (РИБ, VIII, стб. 611—612). В челобитной 1629 г. тарские служилые люди рассказывают, что в числе изменников были ясачные татары всех верхних волостей (барабинцы, теренинцы, куяебинцы, чойцы и Любайской вол.); в ожидании прихода изменников к городу и в уезд было запрещено даже выходить из города; по словам челобитчиков, это была уже четвертая измена за 36 лет существования Тары (ibid., стб. 570, 571). *А.*

§ 29. Первый поход Богдана Байкача начался 27 августа 1628 г.; об этом походе, закончившемся 18 сентября, см. отписку тобольских воевод в Москву (РИБ, VIII, стб. 576—578) и отписку тарских воевод (ibid., стб. 612—617); в последней приводятся причины «измены» (ibid., стб. 615). 5 ноября 1628 г. Богдан Байкач отправился вторично в поход (ibid., стб. 617). Посольство из Тобольска к Когутайке тобольского татарина Кизылбая Копландеева, во главе с сыном боярским Дмитрием Черкасовым, было отправлено после первого похода Богдана Байкача; оно добилось от Когутайки с товарищами признания своих вин, «и на том [они] дали шерть на куране, что им от измены своей отстати», служить и прямить государю; им было обещано в присутствии их людей произвести крепкий сыск о насилиях над ними воевод и служилых людей, для чего Когутайка должен был прислать в Тобольск челобитчиков; за последними собирались в июле 1629 г. отправить с Тары людей. Когда же были получены известия, что «по присылке... государевых изменников верхних волостей и юртовских татар, пришел к ним и к барабинцом, к князцу Когутайку

с товарыщи, из Колмаков царевич Албайгирим, Ишимов племянник», посылка была отменена (ibid., VIII, стб. 606—609, 618, 619, 673; ср. далее § 32). *А*.

§ 31. Некоторые подробности о походе летом 1629 г. голов Федора Елагина и Богдана Аршинского к Чану озеру находим в грамоте 13 декабря 1630 г. в Тобольск (РИБ, VIII, стб. 681—683). *А*.

§ 32. В примечании к этому параграфу Миллер ссылается на «Ведомость Тобольской провинции южной части № 15» (ГАФКЭ, портфели Миллера, № 481, III и IV), которая не могла быть использована для настоящего издания. *А*.

§ 33. Упоминаемую в тексте челобитную Тюменского уезда ясачных татар есаула мурзы Гиндея Енабекова с товарищами, с резолюцией приказа, см. РИБ., VIII, стб. 517—519. *А*.

§ 36. О сношениях чатского мурзы Тарлава с царевичем Аблагиримом см. отписки 1629 г. томских воевод князя Петра Пронского с товарищи нарымскому воеводе Андрею Усову (ААН, ф. 21, оп. 4, № 16, лл. 26, 27 и 27 об., 28 об.). *А*.

§ 43. О положении в Кузнецком уезде в 1627—1629 гг. см. РИБ, VIII, стб. 533—541, 596—606. *А*.

Сведения о смерти Тарлава не совсем точны. Тарлав в 1629 г. со всеми своими людьми бежал «из Чат» и кочевал вверх по Оби, поставя городок на речке Чингизе. «Не хотя быти под государевою рукою», Тарлав и его люди приходили на томские ясачные волости и под Томск, в Томском уезде Чатский городок выжгли и в деревнях русских и татар и всяких ясачных людей побивали. В 1631 г. томские воеводы князь Петр Пронский с товарищи послали против него Якова Тухачевского с отрядом в 300 человек томских служилых людей и чатского мурзу Бурлака с сотней чатских и томских мурз и татар. Войско выступило ранней весной, «на третьей неделе великого поста», шли нартами и на лыжах на Чингиску реку под городок Тарлава. В городке Тарлава было чатских мурз и татар и тарских барабинцев и теренинцев и калмыков 192 человека. «На выручку» к Тарлаву подошли царевичи Кирей и Аблагирим с многими людьми, с черными и с белыми колмаками и с орчаками. Тухачевский бился с ними и не пропустил их к городку и взял «изменнической городок». «А твой государев изменник Торлавка с товарищи, — писали 11 июля 1631 г. чатские мурзы Кизлак и Бурлак и другие, — во взятье городка, видячи твоих государевых изменников царевичев приход со многими людьми, из городка вон побежал на утек». За ним послан был сын боярский Ост. Харламов и служилые люди. Они настигли Тарлава и убили его на побеге. Потом опять подходили те же царевичи с черными и белыми калмыками, но Тухачевский снова от них отбился (Сиб. прик., ст. № 31, лл. 592—595, 629—633). *Б*.

§ 44. О вестях про калмыков, полученных в Тобольске из Тары не позднее 12 мая 1630 г., см. отписку тобольских воевод 1630 г. (РИБ, VIII, стб. 671—680). *А*.

§ 45. Описание тех же событий в отписке тобольских воевод на Верхотурье ранее 29 октября 1632 г. см. в ЛОИИ, Верхотурские акты, кор. 2, тетр. 7. *А*.

Кречетникова или Кречатья и Капканинская волости Тобольского уезда были заселены татарами, занимавшимися ловлей охотничьих птиц; татары обязаны были, вместо ясака, представлять к царскому двору соколов, челигов, беркутов и орлов. В 1668 г. в этих волостях числилось всего 12 человек, а в 1674 г. из Капканинской волости 4 человека было переведено в ясак и оставалось, повидимому, вместе с Кречатьей волостью 9 человек. Другими кречатьими волостями были волости Тарханская и Аплыцкая (Сиб. прик., ст. № 866, лл. 81, 102, 133, 134, 156, 157; ibid., № 869, не нум.; ibid., № 678, л. 181; Доп. к АИ IV, № 164; ibid., VI, № 124 (III). *Б*.

§ 46. См. также послужной список похода тобольских татарского головы Ивана Внукова и сына боярского Богдана Аршинского «на Кучумовых внучат и на госуда-

ревых изменников на тарских татар и на колмацких воинских людей» 1632 г. (ГАФКЭ, Сиб. прик., ст. 525). *А.*

Служилые татары образовали в каждом городе особый корпус, во главе которого стоял назначенный русской администрацией «татарский голова» из русских служилых людей. Татарский голова командовал служилыми татарами во время походов и ведал ими в мирное время. Ему принадлежали суд и расправа над ними по всем делам, кроме «великих судных спорных дел»; он вел списки служилых и захребетных татар, следил за их благонадежностью и их поведением. Вместе с тем он являлся как бы их патроном и должен был «от русских и от всяких людей беречи их», не допуская и с их стороны каких-либо враждебных поступков в отношении русских. Татарский голова имел свой штат служащих: толмача, подьячего, даньщика татарского, приставов; он получал очень высокое жалованье (30 руб. и по 30 четей ржи и овса). Временами на эту должность назначали и заслуженных татар (в первой четверти XVII в. на Тюмени «головою» юртовских татар был Майтмас Ачекматов; в 1701 г. тобольским головою был Авазбакай Кульмаметев [Сиб. прик., ст. № 678, лл. 177, 179; ibid., кн. № 11, л. 209; кн. № 2, лл. 140, 141 об. — РИБ, II, №№ 42, 115, 159; ibid, VIII, № 11 (XXVIII). — Памятники Сибирской истории XVIII в., II, № 41 (I). — Сибирские летописи, стр. 353. — В. Я. Пигнатти. Из тобольской старины, в XXVIII вып. «Ежегодника Тобольской губ. музея»]. *Б.*

§ 50. Аюка (умер в 1724 г.) был сыном торгаутского тайши Пунцука (Бунчук, Мончак); с 1671 г. он стоял во главе приволжских калмыков; в 1673 г. вступил в союз с Россией. При Петре I он занимал положение среднее между положением союзника и вассала. *Б.*

§ 57. В переписке Уфимской съезжей избы, акты которой в XIX в. поступили в Археографическую комиссию (ныне Институт истории) и в Московский Архив Министерства юстиции (ныне ГАФКЭ), должны быть акты, относящиеся к борьбе с калмыками и Кучумовыми царевичами; впрочем, в обзоре тех из них, которые находятся ныне в ГАФКЭ (этот обзор напечатан в «Зап. Моск. археолог. инст.», т. IV, вып. 1, стр. 62—66), они не отмечены, а уфимские акты из собрания ЛОИИ, напечатанные в «Материалах по истории Башкирской АССР», ч. I, относятся ко 2-й половине XVII в. *А.*

§ 63. Осада Тары калмыками в 1634 г. послужила сюжетом для особой повести, опубликованной М. Н. Сперанским в т. I «Трудов Комиссии по древне-русской литературе Академии Наук СССР». Виновником нападения калмыков на Тару повесть называет «некоего от меньших татар» Кучаша Танатарова: «остави же род свой и отечество, бегун бывает и переселися в землю Калмацкую и прилепися калмацкому некоему тайше и сотворися ему верен и начат проситися, еже бо итти ему на град Тару» и т. д. Он и провел калмыков к Таре, «понеже он ведая ко граду пути, како прийти, и время и места, ту бо окаянной воспитан бысть». Калмыки доходили «даже до стены градной», многие из «гражан» и «падоша острием меча поганых, и мнози от них православнии християне пленени быша, и стада скотские отогнаша». Из контекста видно, что дело идет об осаде Тары в 1629 г. Успех набега побудил к выступлению «колмацкого тайшу» Куйшу (в 1634 г.), которого автор повести сравнивает с «древним Аммаликом». Самое нападение на Тару описано очень картинно: «Внезапу же погании приидоша даж до стен градных во оруженном одеянии светящеся. Гражане ж едва успеша затворити врата, инии же пленени быша и отведени во станы их. Погании ж таковая глаголаху гражаном: «раззорите град и очистите место: мы хощем кочевати зде, се земля наша есть» и т. д. «Солнцу же уклонившуся на запад, и покрыся земля нощною тмою, погании отидоша, и шед, сташа на речке, глаголемой Ибейке, от града точию за семь поприщ». Осажденные произвели ночью вылазку столь тихо, что «не бысть либо в толиких християнских воях оружное брецание и конский топот, но поганых стражи быша тогда яко глухи и слепи».

Русские, «яко соколы, ударишася на многие жаровлиные стада» и кололи врагов, «яко свиней», «овии же в воде утопаша». Среди убитых был и сын Куйши. Застрелен был «из огнедышущей пищали» также один калмыцкий богатырь «некто силеп», «бе бо честен в них и храбрость имея и силу». «Итако погании с срамом поидоша во свояси. . и плененнии вси возвратишася». Победа дает повод автору вспомнить и гибель «велехвального» Олоферна, и победу Гедеона над мадианитянами, и благополучный исход «сынов израилевых» из Египта.

В той же повести говорится о нападении калмыков на Тюмень в январе 1635 г. Перед тем «града Тюмени мнози татара отечество свое оставиша и в Калмаки отбегоша». Один из них — Езеяк — совместно с «сатаниным первенцом» Кочашкой были главными инициаторами этого похода. В ярких реторических красках описывается жестокое опустошение Тюменского уезда. Калмыки увели «мужеска полу и женска с тысящу человек». Жители Тюмени попытались отбить полон и пошли вслед неприятелю. Они настигли их на р. Пышме, «от града 15 поприщ», и «не пождавшися своих», напали на них «немногим людми» и потерпели сильное поражение. «И аще не бы господь прекратил той день, конечно бы вси гражане пали острием меча поганых. . . Бысть же в то время убиенных и в плен сведенных мало не 2000 человек». Повесть, таким образом, несмотря на реторические прикрасы и на шаблонную литературную обработку, дает ряд конкретных подробностей и дополнений. *Б.*

§ 65. По другим источникам сыновья Куйши носили имена Умба и Боба (РИБ, II, стб. 338). У Палласа указаны иные имена: Dajan Chan и Dalai Chuntaischi. *Б-й.*

§ 66. О нападении калмыков на Тюмень и Тюменский уезд см. также упомянутую в § 63 повесть о городах Таре и Тюмени. *А.*

§ 68. Здесь, как и в §§ 70—71, Миллер ссылается на архивную опись XVII в. «столпа, за приписью дьяка Григория Протопопова, отписок ко государю к Москве и в сибирские городы и остроги и из сибирских городов и острогов в Тоболеск и наказных и доездных памятей и росписей о калмацких делех и о Кучюмовых внучатах, о Девлеткирее з братьею, и о государевых изменниках о тарских юртовских и о тюменских волостных татарех сентября с 1 числа 144 году да сентября по 1 число 145 году»; в этом столпе находились грамоты, на которые ссылается Миллер в §§ 68, 70 и 71; та, которая относится к § 68, была описана в следующих словах: «Грамота, за приписью дьяка Микифора Шипулина, против тобольской отписки о приходе под слободы Чюбаровскую и под Верхнюю Ницынскую колмацких воинских людей, что они Чюбаровскую и Верхнюю Ницынскую слободы и государев посад пожгли да в полон взяли 5 жонок да дву человек убили да отогнали 30 лошадей да рогатово скота 100 животин; да в которые городы и остроги наперед сего посылованы тобольские служилые люди по вестям в прибавку, а ныне будет в тех городех и в острогех бес тобольских прибылых служилых людей быть мочно, и в те сибирские городы и остроги тобольских служилых людей в прибавку посылать не велено, для того что в иные сибирские городы: на Тару, на Тюмень в прошлом во 143-м году государевы служилые люди ис поморских городов к прежним сибирским служилым людем в прибавку посланы многие» (ААН, ф. 21, оп. 4, № 11, л. 17 об.—18, № 23). *А.*

§ 70. Здесь также ссылка на архивную опись XVII в. столпа 1636—1637 гг., в которой приведен заголовок следующей грамоты: «Грамота, за приписью дьяка Микифора Шипулина, о чюрасском ясыре, которой поимал Иван Шульгин с служилыми людьми у колмацких людей Талай тайшина улусу чорных мужиков у чюрасцов, у Иргентала озера, а имал тот ясырь назад у тобольских и у тарских и у тюменских служилых людей и у татар и у бухарцов и отдавая им колмацким людем назад на обмену на катайской и на тебендинской и на коурдацкой ясашной полон, и государь тобольских и тарских и тюменских служилых людей и юртовских служилых та-

тар пожаловал, велел их за тот колмацкой ясырь, которой они меж себя покупали, а у тех тот ясырь взят и отдан колмацким людем на розмену государевых ясашных волостей на полон, сыскав в Тобольску в съезжей избе записными книгами и купчими накрепко, велено давати денги из государевы казны по той цене, по которой они тот ясырь сами покупали; а будет которые служилые люди и юртовские татаровя колмацкой ясырь покупали, а в книгах не записывали, и про тот ясырь велено сыскивать всякими людьми всякими сыски накрепко: у ково имянем и в какую цену тот ясырь покупан был, а сыскав, потому ж за тот ясырь тем людем, у ково тот ясырь взят, велено давать денги из государевы казны по купленой цене; а будет которой ясырь сибирские русские люди и татаровя имали на бою собою, а не покупали, и тем людем за тот ясырь велено давати денги из государевы ж казны по два рубли за ясыря» (ААН, ф. 21, оп. 4, № 11, л. 17 и 17 об., № 21). *А.*

§ 71. Как и в предыдущем параграфе, Миллер ссылается на архивную опись XVII в., в которой упомянута следующая грамота: «Грамота, за приписью дьяка Федора Панова, против отписки с Уфы воеводы Микиты Вельяминова да подъячево Пахома Лучникова, что по государеву указу и по вестям посылали они с Уфы в Уфинской уезд на колмацких людей голову уфинца Федора Коловсково, а с ним ратных людей уфинцов, детей боярских 35 человек да конных стрельцов 100 человек да с ними было в зборе Уфинсково уезду башкирцов 350 человек, и божиею де милостию, а государевым счастьем, Федор Каловской с ратными людьми, сшед, колмацких людей в Уфинском уезде в вершине Уфы реки, от Уфинского города в 10-ти днищах, побили и взяли сибирских двух царевичей: Ишимовых детей Абяу да Тевку да с ними 54 человека колмаков и привели на Уфу, а достальных колмацких людей побили на голову; и в Сибири потому государевым ратным делом велено радеть и на колмацких воинских людей, проведав, велено на них ратных людей посылать» (ААН, ф. 21, оп. 4, № 11, л. 17 об., № 22). *А.*

§ 72. В передаче содержания отписки тобольских воевод Миллер допустил небольшие неточности: к урочищу Кош-Карагаю прикочевали семь тайш, не названных по именам, а Урлюк кочевал в это время на расстоянии 20 дней пути от Тобольска и 11 дней пути от семи тайш (ГАФКЭ, Калмацкие дела 1636 г., № 2, л. 94 и сл.). *Б-й.*

§ 86. Как видно из актов, Урлюк погиб не под Астраханью, а в Кабарде, где кабардинскими мурзами было разбито большое войско калмыков и подчиненных им татар, причем были убиты Урлюк и три его сына. Сожженые кости Урлюка были перевезены в Астрахань, откуда и были выданы калмыкам, что и послужило поводом для всех историков, которые упоминали о смерти Урлюка, утверждать, что вождь торгоутов погиб под Астраханью. Нападение калмыков на Астрахань произошло 18 февраля 1643 г. Урлюк в нем не принимал участия и находился далеко от Астрахани. Смерть Урлюка последовала почти ровно через год после набега на Астрахань. *Б-й.*

§ 88. В первоначальной редакции гл. 9, после этого параграфа был еще один параграф (§ 33 гл. XIV первоначальной редакции), при переработке текста Миллером опущенный; приложения к нему см. под. №№ 526—528, 532. *А.*

§ 89. О посольстве тобольского казачьего головы Гаврилы Грозина к царевичу Девлеткирею 1646—1647 гг. см. ГАФКЭ, Сиб. прик., ст. 455. *А.*

К. Н. СЕРБИНА

ЗАМЕЧАНИЯ К ИСТОРИКО-ГЕОГРАФИЧЕСКОЙ КАРТЕ СИБИРИ

При составлении карты Сибири, приложенной к настоящему изданию, была поставлена задача прежде всего нанести на нее географические названия, упоминаемые Г. Ф. Миллером в т. II «Истории Сибири». Описываемые в нем события относятся к Западной Сибири в первой половине XVII в. В виду этого при составлении карты опущены те географические названия, которые выходят за пределы данной территории и данного времени, например, все случаи упоминания рек бассейна реки Лены, а также рек восточнее Лены — Индигирки, Алазеи и т. д. и южнее ее — Амура со всей его системой, или же географические пункты, которые хотя и упоминаются в т. II, но появляются во второй половине XVII в. и позже, например, Верхнеудинск, Ялуторовск, Бийск и др.

В этом же томе Г. Ф. Миллер касается также территории, о которой шла речь в т. I «Истории Сибири»; поэтому на прилагаемой карте пришлось вторично отобразить ту же территорию, но в той лишь степени, в какой говорит о ней Г. Ф. Миллер в настоящем томе.

Так как настоящая карта основана на историко-географических материалах, приводимых Г. Ф. Миллером, и имеет своею целью служить пояснением прежде всего к тексту его «Истории Сибири», то на нее не нанесены многие географические пункты, упоминаемые в современных источниках, относящихся к той же территории и тому же времени, которое охватывает т. II «Истории Сибири», но неизвестные Г. Ф. Миллеру. Вместе с тем данные этих последних источников и литературы по географии и истории Сибири XVII в. использованы для приурочивания к соответствующему месту данных Г. Ф. Миллера.

Географические названия приведены в транскрипции, принятой в тексте т. II; в случаях же больших расхождений с современной транскрипцией даны два варианта наименования: приведенное у Г. Ф. Миллера и современное. Названия народов сохранены те, которые были в употреблении в первой половине XVII в.

Некоторые географические названия, упоминаемые в т. II, не отмечены на карте. Сюда относятся, например, названия нескольких мелких озер и речек, как Абаг, Сап, Вязовка, Языкондрак, оз. Иргентал, оз. Илей и др.; некоторые из них могут быть определены и нанесены на карту, но нанесение затрудняется их небольшими размерами; в отдельных случаях нанесение этих названий на карту затруднило бы пользование ею, так как они находятся как раз в наиболее густо заполненных районах.

Некоторые городки, как, например, Кабыча, Орлов и др., розыскать не удалось; следов их не мог уже обнаружить и сам Г. Ф. Миллер. Остались ненанесенными на карту также несколько деревень, преимущественно Тарского уезда.

Пути промышленников и служилых людей XVII в. в их движении за Урал описаны Г. Ф. Миллером отрывочно и случайно; поэтому при нанесении на карту главнейших из них была использована работа С. В. Бахрушина «Очерки по истории колонизации Сибири в XVI—XVII вв.».

Кроме путей, географические данные Г. Ф. Миллера пришлось пополнить также в отношении волостей некоторых уездов Западной Сибири, в первую очередь Сургутского и Нарымского, так как нанесение на карту только тех из них, которые упоминаются у Г. Ф. Миллера, создало бы неверное представление о количестве и расположении волостей и уездов Западной Сибири. Дополнительные материалы взяты преимущественно из работ П. Н. Буцинского.

Кроме текста Г. Ф. Миллера, при составлении настоящей карты использованы главным образом следующие карты и труды:

1) Карты: реки Иртыша, степи между Иртышом и Обью и реки Томи, составленные Г. Ф. Миллером в 1735 г. (ААН, ф. 21, оп. 5, № 39).

2) Карта Сибирской губернии, соч. И. Трускот (Библиотека ЛОИИ, М., 17).

3) Новая карта Российской империи, разделенная на наместничества, соч. 1786 г. (Библиотека АН СССР, картограф. отд., № 4015).

4) Ландкарты или чертежи географические, на которых представляется Оренбургская губерния с смежными к ней местами. 1752 г. (Архив ЛОИИ, № 967).

5) Чертежная книга Сибири 1701 г. Семена Ремезова. Изд. Археограф комиссии, 1882.

6) Атлас Российский. Изд. Акад. Наук, 1745.

7) Книга Большого Чертежа. Изд. Спасского, М., 1846.

8) Сибирские летописи. Изд. Археограф. комиссии, СПб., 1907.

9) Путешествие через Сибирь от Тобольска до Нерчинска и границ Китая русского посланника Николая Спафария. Изд. Арсеньева, СПб., 1882.

10) Сибирь в XVII в. Под ред. А. Титова, М., 1890.

11) Списки населенных мест по губерниям: Пермской, Уфимской, Оренбургской, Тобольской, Томской, Енисейской. Изд. Центр. статист. комит.

12) Бахрушин С. В. Очерки по истории колонизации Сибири в XVI—XVII вв. М., 1927.

13) Буцинский П. Н. Заселение Сибири. Харьков, 1889.

14) Буцинский П. Н. К истории Сибири. Харьков, 1893.

15) Буцинский П. Н. Мангазея и Мангазейский уезд (1601—1645 г.). Харьков, 1893.

16) Дмитриев А. А. Пермская старина, вып. I—VIII, Пермь, 1889—1900.

17) Зверинский В. В. Материал для историко-топографического исследования о православных монастырях, тт. I—III. СПб., 1890—1897.

18) Оглоблин Н. Н. Обозрение столбцов и книг Сибирского приказа (1592—1768 г.), тт. I—IV. М., 1895—1902.

19) Окладников А. П. Очерки из истории западных бурят-монголов. Лгр., 1937.

20) Потапов Л. П. Очерки по истории Шории. М.—Л., 1936.

21) Рычков П. И. Топография Оренбургской губернии. Оренбург, 1887.

22) Чулков М. Д. Историческое описание российской коммерции при всех портах и границах от древних времен до ныне настоящего, т. III, кн. I. М., 1795.

УКАЗАТЕЛИ

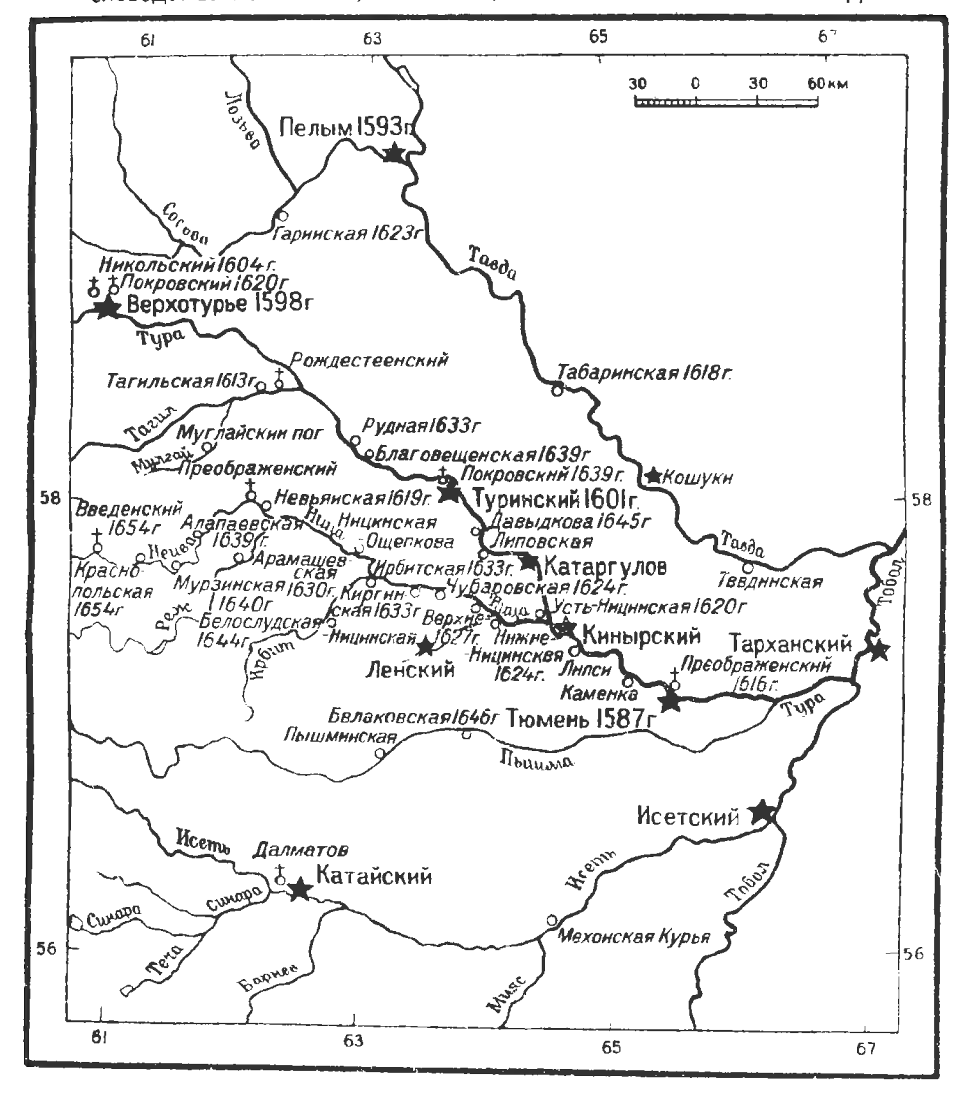
УКАЗАТЕЛЬ ЛИЧНЫХ ИМЕН [1]

[1] Принятые сокращения: воев. — воевода; вол. — волость; гор. — город; дер. — деревня; кн. — князец, князь; крест. — крестьянин; оз. — озеро; остр. — острог; р. — река; см. — смотри; у. — уезд.

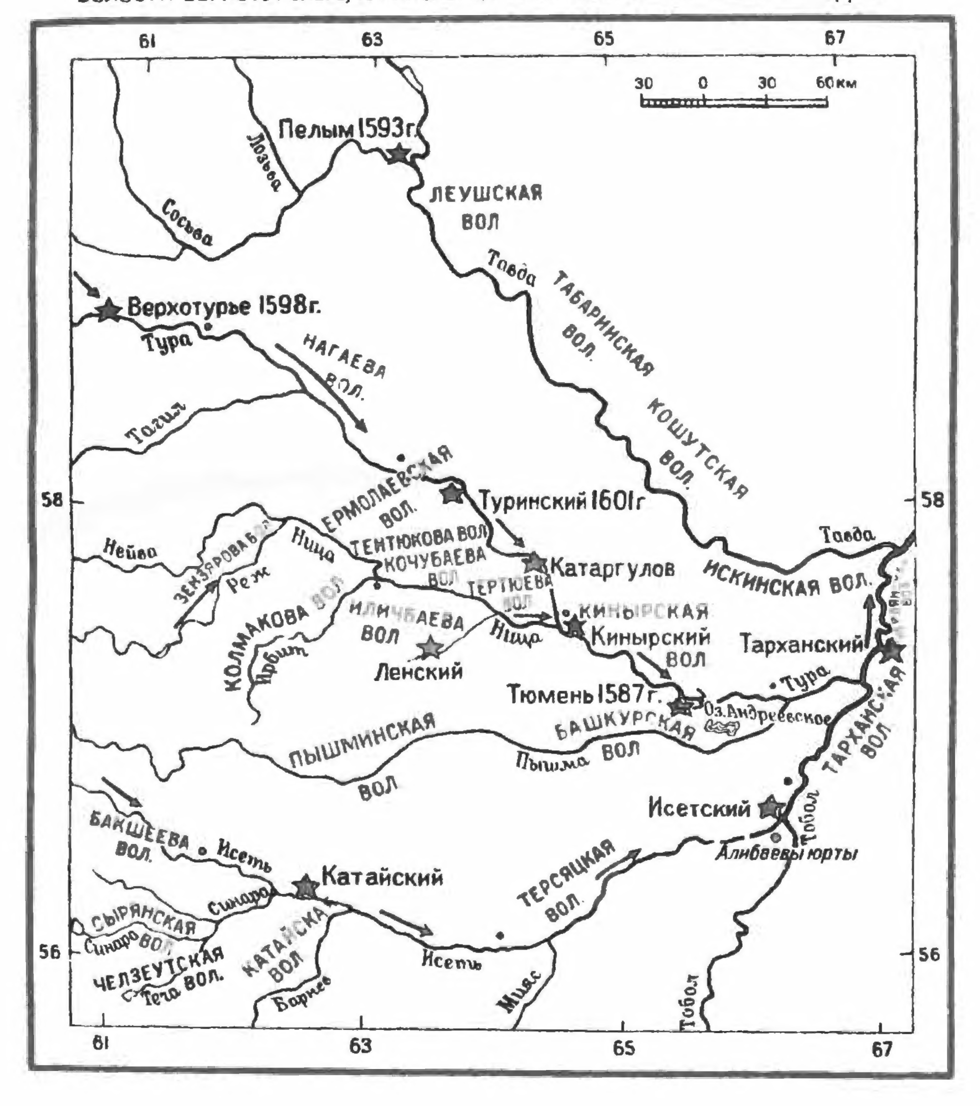
УКАЗАТЕЛЬ ГЕОГРАФИЧЕСКИХ НАЗВАНИЙ [1]

[1] Принятые сокращения: вол. — волость; гор. — город; дер. — деревня; о. — остров; оз. — озеро; остр. — острог; р. — река; с.— село; у. — уезд.

СЛОБОДЫ ВЕРХОТУРСКОГО, ТУРИНСКОГО, ПЕЛЫМСКОГО и ТЮМЕНСКОГО УЕЗДОВ.



ВОЛОСТИ ВЕРХОТУРСКОГО, ТУРИНСКОГО, ПЕЛЫМСКОГО и ТЮМЕНСКОГО УЕЗДОВ.



Библиотека "Руниверс"

Библиотека "Руниверс"